

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 01632952 0

У. 17

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ

А З І Ш

КАРЛА РИТТЕРА.

ЧАСТЬ I.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ И ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА АЗИИ.

ПЕРЕВЕЛЪ И ДОПОЛНИЛЪ

ДѢЙСТВ. ЧЛ. ИМПЕРАТОРСКАГО РУССК. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА

Н. СЕМЕНОВЪ.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА НА ВЪДВЕНІИ ЧЛЕНА-СОРЕВНОВАТЕЛЯ

Н. В. ГОЛУБКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1856.

AN

ИЗДАТЕЛЬСТВО

И И С А

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
216930
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
1901

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С. Петербургъ, 9 Мая 1856 года.

Ценсоръ А. Фрейгангъ.

ТОМЪ 1.

О Б Щ Е Е В В Е Д Е Н І Е

И

ВОСТОЧНАЯ ОКРАЙНА ВОСТОЧНОЙ НАГОРНОЙ АЗИИ,

Т. Е.

**Маньчжурія на югъ отъ южнаго изгиба Амура и монгольская
окрайна степи Гоби къ Китаю отъ Желтаго моря до меридіана
города Хами въ центральной Азій.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА ст. 1 — 16.

- § 1. Цѣль и исторія предстоящаго изданія ст. 1 — 6.
- § 2. Значеніе Риттера и его географіи Азіи въ наукѣ земледѣлія ст. 6 — 11.
- § 3. Русская географическая терминологія и географическое правописаніе ст. 11 — 16.

ВВЕДЕНІЕ (Риттера) ст. 17 — 105.

- § 1. Обзоръ ст. 17 — 19.
- § 2. Индѣйское воззрѣніе на землю ст. 19 — 29.
- § 3. Европейское воззрѣніе. Обзоръ. Положеніе относительно сосѣднихъ частей свѣта ст. 29 — 35.
- § 4. Горизонтальныя протяженія, горизонтальное расчлененіе ст. 35 — 45.
- § 5. Вертикальныя отношенія, вертикальное расчлененіе 46 — 76. Опредѣленія ст. 47. Наибольшая система нагорій съ преобладающими формами плоскогорій ст. 52. Характеристика ст. 56. Разграниченіе и соединеніе ст. 57. Положеніе ст. 58. Пограничныя столбы ст. 60. Раздѣленіе на восточную и западную части ст. 60. Паралелизмъ и конвергенція ст. 61. Главная ось поднятія ст. 67. Продолженіе главной оси къ Ю.-З.; поднятое снаружи кольцо континентальнаго полушарія ст. 69.
- § 6. Азіатскія низменности ст. 76. Страны уступовъ и рѣчныхъ системы ст. 76. Формы и положеніе отдѣльныхъ нагорьевъ Азіи ст. 81. Формы и положенія отдѣльныхъ азіатскихъ низменностей ст. 87 — 93.
- § 7. Результатъ ст. 93 — 95.
- § 8. Махімумъ контрастовъ въ срединѣ Азіи и прорывовъ на Западъ ст. 95 — 101.
- § 9. Распредѣленіе пространствъ и климатическое единство Азіи ст. 101 — 105.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ ВВЕДЕНІЮ ст. 106 — 179.

- 1) Къ § 3. *Положеніе Азии относительно Европы и границы между обѣими частями свѣта* ст. 106 — 120.
- 2) Къ § 4. *Горизонтальныя отношенія, горизонтальное расчлененіе* ст. 120 — 121.
- 3) Къ § 5. *Вертикальныя отношенія Азии, вертикальныя расчлененія* ст. 121 — 139.
- 4) Къ §§ 7, 8 и 9. *Пространственное устройство всей наружной поверхности земнаго шара и вліяніе ея на ходъ развитія исторіи человечества (изъ Риттера)* ст. 139 — 178.
- 5) *Численныя отношенія вертикальныхъ расчлененій Азии и ея рѣчныхъ областей* ст. 178 — 179.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (Риттеровой Азии).

ВОСТОЧНАЯ НАГОРНАЯ АЗИЯ ИЛИ ПЛОСКОГРІЕ
ДАЛЬНЕЙ АЗИИ.

§ 10. Обзоръ (Риттера) ст. 181 — 184.

ОТДѢЛЪ I. Восточная окраина Нагорной Азии ст. 185.

ГЛАВА I. Отдаленнѣйшая восточная окраина ст. 185 — 458.

§ 11. Изложениіе I. 1) Береговая полоса ст. 185. 2) Чань-бо-шань или Шаньань-алинь ст. 188. Примѣчаніе. Путешествіе Умуна къ бѣлой горѣ 1677 г. (ст. 121). (Текстъ Риттера). Весь § ст. 185 — 199.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 11 ст. 199 — 272.

- 1) *Отношеніе Маньчжуріи и рѣчной области Амура къ азіатскому нагорью* ст. 199 — 204.
- 2) *Общій обзоръ южной Маньчжуріи* ст. 204 — 212.
- 3) *Топографическій обзоръ провинціи Шэнь-кинь* ст. 212 — 217.
- 4) *Городъ Вингута и южная Маньчжурія, по описанію ссыльнаго китайца У-чэня, жившаго тамъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка (изъ рукописей В. П. Васильева)* ст. 217 — 232.
- 5) *Перевозъ У-чэня изъ Вингута черезъ Гиринь и Мукдэнъ до Китайской границы въ Шань-хай-гуань* ст. 232 — 235.
- 6) *Путешествіе новѣйшихъ миссіонеровъ въ южной Маньчжуріи и Шэнь-кинь* ст. 235 — 261.
- 7) *Вулканическая область Уюнь-холмовъ въ С.-З. Маньчжуріи, въ рѣчной области р. Нонь, къ Ю.-З. отъ города Мерганя и изверженіе ея въ 1721 г.* ст. 261 — 268.
- 8) *О Жень-шэнь* ст. 268 — 272.

§ 12. Изложениі II. Склонъ верхней террасы къ Востоку. Источники: а) Свѣдѣнія со стороны Китая. б) Свѣдѣнія со стороны Сибири: I. Открытіе. В. Пояркоу 1643 г. Ер. Хабаровъ 1649 — 1652 г. II. Мирный договоръ. III. Путешествіе каравановъ. IV. Естествоиспытатели. V. Туземные Китайскіе и Монгольскіе источники (текстъ Риттера) ст. 272 — 290.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 12 ст. 290 — 295.

I) *Новѣйшіе источники о Восточной и Юго-Восточной окраинѣ нагорной Азіи: 1) Плаванія по Амуру. 2) Русскія миссіи въ Китай. 3) Туземные источники. 4) Источники съ Южной стороны* ст. 280 — 292.

II) *Гора Печа къ С.-С.-З. отъ Чэнь-дэ-фу* ст. 292 — 295.

§ 13. Изложениі III. Восточная дорога черезъ Хинганскую горную цѣпь или Хиңъ-’ань-ола. Путь каравановъ изъ Нерчинска черезъ Аргунь, Цурухайту; Цицикаръ (Нонь-хотовъ) по Ю.-В. склону Хингана къ великой стѣнѣ и въ Пекинъ ст. 226 — 304.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 13 ст. 304 — 325.

1) *Застѣнная область Чэнь-дэ-фу; ея учрежденія и уѣзды, по Китайскимъ географическимъ источникамъ* ст. 304 — 306.

2) *Хэй-шуй, т. е. долина черныхъ водъ; Бей-ль-тоу, т. е. смежныя ущелья и аймакъ Онють, по описаніямъ повѣйшихъ миссіонеровъ* ст. 306 — 312.

3) *Перевѣзъ Хюка и Габэ изъ Бей-ль-тоу въ городъ Долонь-норъ черезъ княжества Онють, Кэшиктень и страну Чахаровъ* ст. 312 — 319.

4) *Городъ Долонь-норъ и тождество его съ Шанду, древнею столицею Хубилай-хана* ст. 319 — 323.

5) *Историческое значеніе развалинъ Дай-нинь-чена, описанныхъ Исбрандомъ подъ именемъ Taiting - Tchen* ст. 323 — 325.

§ 14. Изложениі IV. Южная окраина степнаго плоскогорія отъ высокаго Це-ча, при Луань-хэ (*), къ воротамъ Хи-фынь-к’эу и равнинѣ Пекина ст. 326 — 329.

§ 15. Изложениі V. Южная окраина нагорной Гоби отъ Кяхтинской дороги до равнины Пекина къ горному проходу Чжань-кя-к’эу ст. 329 — 336.

(*) Въ текстѣ опечатка. Вмѣсто Хуань-хэ должно читать Луань-хэ.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 15 ст. 336 — 350.

- 1) *Перевѣдъ О. Іакинѣа отъ Камана до Ангули-нора при возвращеніи миссіи въ іюнь 1821 года ст. 337 — 339.*
- 2) *Перевѣдъ Ковалевскаго отъ Гурбынь-тули до Камана въ сентябрь 1849 года ст. 339 — 342.*
- 3) *Перевѣдъ миссіонера Хюка отъ Долонь-нора до Кячтинской дороги къ Ю.-В. отъ Ангули-нора, въ октябрь 1844 года ст. 342 — 347.*
- 4) *Деревня Сивань къ С.-В. отъ воротъ Чжань-кя-к'эу, ея Христіанская миссія и показанія новѣйшихъ миссіонеровъ объ окрестной Моноліи ст. 347 — 350.*

§ 14. Изложеніе VI. Горная окраина Чжили, между крутымъ обрывомъ плоскогорія Гоби и равниною Пекина ст. 350 — 358.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 16 ст. 358 — 374.

- 1) *Перевѣдъ О. Іакинѣа отъ Пекина до Камана въ началѣ іюня 1821 года при возвращеніи миссіи ст. 358 — 361*
- 2) *Перевѣдъ Ковалевскаго отъ Камана до Пекина въ октябрь 1849 года ст. 361 — 365.*
- 3) *Замѣчанія турныхъ инженеровъ Кованько и Ковалевскаго о геометрическомъ строеніи окрестностей Пекина ст. 365 — 374.*

§ 17. Изложеніе VII. Императорскій лѣтній дворецъ въ Жэ-хэ, со внутренней стороны окраины, по описанію Британскаго посольства въ 1723 г. и Маньчжурской государственной географіи ст. 375 — 385. Примѣчаніе. Лѣтнія резиденціи Чаганъ-норъ и Шанду Монгольскаго императора Хубилай-хана по описанію Марко Поло въ XIII столѣтіи ст. 385 — 392.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ I-й ГЛАВѢ ВООБЩЕ и § 17. ст. 392 — 458.

- 1) *Историко-этнографическій обзоръ разсмотрѣнныхъ странъ, т. е. южной Маньчжуріи, рѣчной области Лло-хэ, юго-восточнаго угла и южной окраины Монгольскаго нагорья къ Чжилійской провинціи. Историческая роль этихъ странъ и историческое взаимодѣйствіе граничащихъ въ упомянутой окраинѣ — холоднаго нагорья и жаркой низменности въ годъ народныхъ развитій ст. 392 — 452.*
- 2) *Релліи Китайцевъ, путешествовавшихъ въ Киданьскомъ и Нюй-чженскомъ царствахъ въ X и XII вѣкахъ ст. 452 — 458.*

ГЛАВА II. Юго-восточный склонъ къ верховью Хуань-хэ ст. 458.

- § 18. Изложение I. Продолженіе Китайской граничной горной окраины къ Западу по области Шаньси къ Хуань-хэ и Нинь-шаню: 1) Источники ст. 460. 2) Дорога за стѣною черезъ Ху-ху-хотонь къ р. Тургэнь и Хуань-хэ ст. 464. Весь §. ст. 458 — 469.
ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 18.

Переводъ миссіонеровъ Хюка и Габе отъ переселенія изъ пути Калхилской дороною до города Ху-ху-хотонь. Города: Ху-ху-хотонь на притоки Тургэнь-юла и Чань-курэнь на Хуань-хэ ст. 469 — 477.

- § 19. Изложение II. Южная окраина Нинь-шаня до сѣвернаго изгиба Хуань-хэ въ Ордосѣ. 1) Нинь-хя 2) Ордосѣ, называвшійся нѣкогда Хэ-нань (т. е. земля къ Ю. отъ Хуань-хэ), а въ древнѣйшее время Хэ-дао сс. 477. Примѣчаніе. Китайскія наводненія: а) во времена Яо, б) во времена Кунь-куна ст. 481.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 19.

Переводъ миссіонеровъ Хюка и Габе черезъ Ордосѣ изъ Чань-курэня въ Нинь-хя осень 1844 года ст. 493 — 506.

- § 20 Изложение III. Положеніе Нинь-хя между сѣверными и южными входами Хэ-лань-шаня или Ала-шаня и Сюэ-шань — снѣговыхъ горъ. Высокія горы у Ху-хэ-нора. Сининь-фу — торговое мѣсто Тангута. Примѣчаніе. Ревень, отечество его, торговля, область распространенія въ нагорной Азій ст. 524. Весь § 506 — 534.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 20.

Переводъ миссіонера Хюка изъ Нинь-хя въ Симишъ и къ Ху-хэ-нору въ концѣ 1844 года. Окрестности Нинь-хя и страна Амдо ст. 534 — 548.

- § 21. Изложение IV. Западные входы большой впадины черезъ Гань-су изъ Шэньси къ Хами. Мировое положеніе. Историческая характеристика ст. 549 — 563.

- § 22. Изложение V. Страна великой стѣны въ Ганьсу, проходная страна западныхъ входовъ въ Си-юй или западныя страны. Проходы Юй-мынь и Янь-гуань; Ша-чжеу; ворота Юй; Су-чжеу; Гань-чжеу; Лянь-чжеу; повольская и караванная дорога. Пути М. Поло и Бен. Гоэса въ Шэньси ст. 563 — 598.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 22.

Путешествіе Буддѣйскихъ миссіонеровъ Фа-хяна и Хуань-цзана въ концѣ IV и половинѣ VII вѣка, вдоль дороги

ныишней провинціи Ганьсу въ Си-юй или Западныхъ земли ст. 598 — 606.

- § 23. Изложение VI. Отношеніе дорогъ: сѣверной—Монгольской черезъ Инь-шань, восточной—Маньчжурской, черезъ Хингань, западной—Туркестанской, вдоль Сюэ-шана. 1) Городъ Ху-ху-хотонь и древнія поселенія ст. 608. 2) Инь-шань, убѣжище Хунну-хой-ху ст. 616 — 630.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 23.

О происхожденіи и этнографическихъ отношеніяхъ Хунну ст. 630 — 638.

- § 24. Изложение VII. Тяндэ, Тендухъ, страна Кэраитовъ и пресвитера Іоанна по свидѣтельству М. Поло. Убѣжище Шато и Татань. Новѣйшее мѣстопробываніе Кутухту и Іерархія; значеніе сей послѣдней въ началѣ XVIII вѣка. Примѣчаніе I. Татань, Татары—названіе племени, Та-цзы (Бэй-ди) — восточное коллективное названіе у Китайцевъ Тартары, коллективное названіе у Восточныхъ. Двойное смѣшиваніе Турковъ съ Монголами у Восточныхъ и Татаровъ съ Турками у Западныхъ. Турко-Татарскіи нарѣчія ст. 666.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА къ § 24.

О происхожденіи Монголовъ и Тата ст. 714.

- § 25. Изложение VIII. Сѣверная дорога Монголовъ изъ страны Тендухъ или Эцине къ Кэрулэну, Толѣ и Кара-Коруму ст. 714—731. 1) Маршрутъ изъ Ху-ху-хотоня до станціи Наратъ ст. 715. 1) Тотъ же самый путь отъ Кэрулэна на Ю. къ Ху-ху-хотонѣ съ опредѣленіемъ широты Пат. Жербилюномъ ст. 718. 3) Западной Китайской арміи 1696 г. подъ главнымъ начальствомъ Фэй-янь-губо противъ Галдана Элютовъ ст. 720. 4) Маршруты Чингисъ-хана и М. Поло изъ Эцине въ Каракорумъ въ 40 дней пути черезъ Гоби ст. 724. 5) Древнѣйшіе маршруты временъ династій Танъ отъ Пи-лу-тая на Хуанъ-хэ до Каракорума ст. 727: а) дорожникъ отъ Пи-лу-тая къ Каракоруму ст. 728; в) дорожникъ отъ Ганьчеу къ Каракоруму.

Хронологическій списокъ сочиненій и статей, служившихъ матеріалами для дополненій переводчика къ I тому русскаго перевода Риттеровой Азіи ст. 732 — 737.

ГЛАВНЫЯ ОПЕЧАТКИ И НЕДОСМОТРЫ (*).

Стр.	69	строк.	3	свер.	(заглав.)	вмѣсто: <i>континентальное кольцо континентальнаго полушарія</i>	чит.: <i>поднятое съ наружной стороны своей кольцо континентальнаго полушарія.</i>
—	80	—	9	связу	вмѣсто:	<i>уравненная</i>	чит.: <i>сравненная.</i>
—	111	—	2	—	(выноска)	вмѣсто: 1830	чит.: 1838.
—	114	—	3	—	—	—	1847 — 1838.
—	118	—	1	—	—	—	XIII — XXII.
—	135	—	1	—	—	—	130 — 120.
—	189	—	8	свер.	вмѣсто: 50	Г. м.	чит.: 15 Г. м.
—	197	—	16	—	—	дальше къ Ю.-З.	чит.: къ Ю.-З. жс.
—	210	—	2	снизу	(выноска)	вмѣсто: 299	чит.: 295.
—	212	—	8	—	—	—	<i>Brugnière</i> чит.: <i>De la Brugnière</i> и вмѣсто 1847 чит.: 1850.
—	214	—	4	—	(выноска)	вмѣсто: р. 19	чит.: р. 23.
—	id.	—	2	—	—	—	960 — 269.
—	217	—	2	—	—	—	1831 чит.: 1834 и вм. 1840 чит.: 1850.
—	248	—	5	—	—	—	XVIII чит.: XX.
—	259	—	1	свер.	вмѣсто: 1828	чит.: 1848.	
—	275	—	4	снизу	—	<i>поднимать</i>	чит.: <i>подниматься.</i>
—	326	—	2	свер.	(заглав.)	вмѣсто: <i>Хуань-аэ</i>	чит.: <i>Луань-аэ.</i>
—	327	—	17	—	вмѣсто: <i>Па-юм</i>	чит.: <i>Па-Гоу.</i>	
—	353	—	7	—	(заглав.)	вмѣсто: къ § 15	чит.: къ § 16.
—	397	—	3	—	вмѣсто: С.-З.	чит.: С.-В.	
—	406	—	13	—	—	(21)	чит.: (22).
—	id.	—	22	—	—	(22)	— (23).
—	id.	—	1	снизу	(выноска)	(24)	id. Ч. II. ст. 20. совсѣмъ выпустить.
—	407	—	2	—	вмѣсто: (25)	чит.: (24).	
—	414	—	2	—	—	—	<i>авторъ ея</i> чит.: <i>авторъ исторіи съверныхъ дворовъ.</i>

(*). Здѣсь могли быть только приняты во вниманіе главныя опечатки, т. е. измѣненія смысла рѣчи или относящихся къ собственнымъ именамъ и числамъ.

- Стр. 417 строк. 15 свер. вмѣсто: *Гоалмесскаго* чтт.: *Гоалмесскаго*.
 — 446 — 15 — — *Кимь-чжэу* чтт.: *Кимь-чжэу*
 — 463 — 2 снизу (текстъ) вмѣсто: *Со-чжэу* чтт.: *Су-чжэу*.
 — 479 — 7 — (выноска) — *Joamang Jaetsen* чтт.: *Ssainang Ssetsen*.
 — 480 — 5 — вмѣсто: *Agri, Decimates* чтт.: *Agri Decimates*.
 — 531 — 8 — (текстъ) вмѣсто: *толъ* чтт.: *толъ* и вмѣсто *Русскимъ* чтт.:
Русскимъ.
 — 596 — 7 свер. вмѣсто: 45 *Георг. м.* чтт.: 37 *георг. м.*
 — 666 — 13 снизу (заглави.) вмѣсто *Та-цзюэ* чтт.: *Та-цзи*.
-

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Willst du ins Unendliche schreiten,
Geh' nur im Endlichen nach allen Seiten.

§ 1. Цѣль и исторія предстоящаго изданія.

Съ 1850 года Императорское Русское Географическое Общество, располагая суммами, пожертвованными его членомъ-соревнователемъ, Платономъ Васильевичемъ Голубковымъ, предприняло прекрасный трудъ перевода и дополненія Риттеровой Азіи. Какъ переводчикъ и комментаторъ Риттера, считаю первымъ долгомъ своимъ отвѣтить на часто повторяемый мнѣ вопросъ: съ какою цѣлю предпринято это трудное и обширное изданіе? и какую пользу можетъ оно принести русскому землевѣдѣнію?

О значеніи безсмертнаго корифея науки землевѣдѣнія въ исторіи ея развитія я буду еще имѣть случай говорить ниже; здѣсь скажу только, что его «Землевѣдѣніе Азіи» есть единственный полный сборникъ всѣхъ научныхъ географическихъ свѣдѣній объ этой столь важной для насъ части свѣта, написанный мастерскою рукою ученаго, которому землеописаніе обязано не только лучшими своими успѣхами въ современную намъ эпоху, но даже полнымъ пересозданіемъ до тѣхъ поръ мерт-

ваго сборника фактовъ въ стройный организмъ науки. Можно было бы сказать, что для небольшой массы образованной публики, для которой можетъ быть доступно классическое твореніе Риттера, не менѣе доступенъ и языкъ, на которомъ оно первоначально было написано. Но такое положеніе, сколько мнѣ кажется, даже не выдерживаетъ строгой критики, потому что хотя Нѣмецкій языкъ давно уже распространенъ публичнымъ преподаваніемъ въ Россіи, но едва ли классическія и вмѣстѣ съ тѣмъ спеціальныя произведенія германской науки, такъ доступны относительно языка своего, какъ это можетъ казаться съ поверхностнаго взгляда. Сколько отечественныхъ ученыхъ, сколько путешественниковъ, оказавшихъ несомнѣнныя и большія услуги Географіи Азіи, не пользовались и не могли пользоваться классическимъ твореніемъ Риттера. Я могу указать, какъ на самые выдающіеся примѣры: на О. Іакинѣа, даже на многихъ лицъ изъ нашихъ пекивскихъ миссій, на нѣкоторыхъ изъ нашихъ ориенталистовъ, на большую часть мѣстныхъ изслѣдователей въ Сибири и центральной Азіи, не принадлежавшихъ по происхожденію своему къ Германскому племени. Между тѣмъ доступность классическаго творенія Риттера, имѣвшаго организирующее вліяніе на науку землевѣдѣнія, для самыхъ двигателей этой науки, не есть ли необходимая, воцѣлющая потребность ея успѣха? Притомъ же если каждое новое изданіе классическаго творенія, съ самыми малыми прибавленіями или поправками, даже и на чуждомъ намъ языкѣ, есть истинный подарокъ для любителей науки, встрѣчаемый ими съ самымъ живымъ участіемъ, то не заслуживаетъ ли вышшаго интереса переводъ одного изъ нихъ на отечественный языкъ, съ дополненіями, обнимающими почти четверть столѣтія (*) успѣха землевѣдѣнія, при нынѣшнемъ быстромъ его ходѣ? Если новое изданіе всякаго классическаго творенія полезно новымъ напо-

(*) Подлинникъ подлежащаго тома Риттеровой Азіи былъ напечатанъ въ 1833 году.

инвалиднѣе и немѣ, то переводъ такого многообъемлющаго и богатаго содержаніемъ сочиненія, какова Риттерова Азіа, не долженъ ли онъ дать новый толчекъ мѣстнымъ изслѣдованіямъ съ русской стороны въ этой части свѣта, на которую нынѣ въ особенности устремлены все взоры современниковъ?

Наконецъ не взоветъ ли въ отечественную литературу, переводъ великаго классическаго творенія, цѣлый міръ новыхъ идей и понятій? не развиваетъ ли онъ отечественный языкъ, потребностью точнаго ихъ выраженія? До тѣхъ поръ пока мы будемъ довольствоваться ученою литературою чуждыхъ намъ языковъ, наука не можетъ войти въ жизнь народную, не можетъ оплодотворить ее ни познаніями силъ природы данныхъ человѣку, какъ орудіе его благосостоянія, ни пробужденіемъ въ ней стремленія къ высшему. До тѣхъ поръ пока отечественныя ученые не будутъ облекать содержанія науки въ формы роднаго языка, они останутся чуждою отечественному развитію кастою египетскихъ жрецовъ, можетъ быть съ познаніями и стремленіями къ высокому, но безъ благотворнаго вліянія на своихъ соотечественниковъ. И съ этой точки зрѣнія, переводъ поучительнаго классическаго творенія имѣетъ почти одинаковое значеніе съ оригинальнымъ трудомъ. *Космополитизмъ* науки состоитъ именно въ томъ, что она есть обще-человѣческое достояніе, что гдѣ бы ни возникли новыя идеи, онѣ равно принадлежатъ всему человѣчеству. *Національность* же науки заключается именно въ томъ, чтобы она проникала въ жизнь народную, дѣлалась для нее не мертвымъ символомъ, а пластическимъ началомъ. Это необходимо потому, что наука въ нашъ реальный вѣкъ уже не есть туманное отвлеченіе схоластическихъ умовъ; она есть *самопознаніе*, познаніе окружающихъ предметовъ и силъ природы, умѣнье подчинить ихъ своей власти, употребить ихъ для нуждъ своихъ и потребностей. Безъ нея невозможенъ не только умственный прогрессъ поколѣній, но даже и успѣхъ матеріальнаго ихъ благосостоянія. Потому стремленіемъ каждаго ученаго, если

онъ не желаетъ остаться холоднымъ космополитомъ, а хочетъ жить одною жизнью съ своими соотечественниками, должно быть, кромѣ старанія подвинуть абсолютно впередъ человѣческое знаніе, еще и желаніе ввести его сокровища въ жизнь народную. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи, почти все равно облакаетъ ли онъ свои или чужія истины въ формы роднаго языка, лишь бы сдѣлалъ ихъ доступными сколь возможно большей массѣ своихъ соотечественниковъ.

Я полагаю слѣдовательно достаточно поясненнымъ, почему Императорское Русское Географическое Общество предприняло изданіе на русскомъ языкѣ лучшаго географическаго сочиненія нашего вѣка. Три цѣли должны были руководить его въ этомъ случаѣ и изъ нихъ каждая, даже отдѣльно взятая, вполне вознаграждаетъ трудъ предпріятія. Цѣли эти были:

1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и подвинуть тѣмъ самымъ мѣстныя изслѣдованія Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ, лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую географическую терминологию, введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить правописаніе столь трудныхъ азіатскихъ географическихъ именъ.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію, всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда.

Императорское Русское Географическое Общество, при ограниченности средствъ имѣющихся у него на это изданіе, рѣшилъ

лось перевести только части Риттеровой Азии, относящіяся до Россіи и странъ сопредѣльныхъ съ нею, т. е. Китайской Имперіи; Турана и Ирана, оставляя безъ перевода болѣе отдаленныя отъ нея страны, какъ напр. Аравію, оба полуострова Индіи, и т. д. Первоначально весь трудъ былъ раздѣленъ между отдѣльными редакторами, на отдѣльныя части. На мою долю, сообща съ А. К. Гирсомъ, достались части, относящіяся къ Китайской Имперіи, Сибирская часть была поручена А. П. Болотову, Иранская — В. В. Григорьеву, Туранская — Я. В. Ханькову; потому все что относится до Кит. Имп. было переведено мною (*), до Сибири (кроме Забайкальскаго края переведеннаго также мною) — К. Н. Полевымъ, подъ руководствомъ А. П. Болотова, Турана — Я. В. Ханьковымъ съ помощію Ю. В. Толстаго, а первая треть Ирана — В. В. Дерикеромъ, подъ надзоромъ В. В. Григорьева. А. П. Болотовъ, незадолго до кончины своей, возложилъ на меня трудъ дополненія его части; все же остальные редакторы были отвлечены отъ возложенныхъ на нихъ трудовъ дополненія своими служебными назначеніями. Я одинъ имѣлъ достаточно времени для пригготовительныхъ работъ (Vorstudien), столь необходимыхъ при всякомъ ученomъ трудѣ и имѣлъ случай пользоваться, во время пребыванія своего за границею, лекціями и указаніями самаго Риттера и многочисленными пособіями, представляемыми публичными библіотеками европейскихъ столицъ. Потому я имѣлъ возможность мало по малу составить тѣ дополненія, которыя должны служить необходимымъ продолженіемъ Риттерова труда. Въ настоящее время наконецъ рѣшаюсь приступить къ изданію перваго тома русскаго перевода; онъ заключаетъ въ себѣ только третью часть I-го тома подлинника Риттеровой Азии, т. е. §§ 1 — 25, съ относящимися къ нимъ дополненіями. Текстъ переведенъ мною безъ малѣйшаго измѣненія, съ совершенною точностью, которой, при необыкновенной длинѣ періодовъ германской рѣчи, иногда даже я долженъ былъ жертвовать легкостью слога. Подстрочныя замѣчанія находятся

(*) Исключая §§ 18 — 22 переведенныхъ А. К. Гирсомъ.

вездѣ, гдѣ они вызваны ошибками текста, указанными въ послѣдствіи новѣйшими изслѣдованіями. Дополненія слѣдуютъ за параграфами текста, а во введеніи — за цѣлымъ введеніемъ, и содержать въ себѣ все что могли доставить землевѣдѣнію Азіи новѣйшіе успѣхи науки. Дополненія эти довольно обширны, потому что Географія Азіи обогатилась многими важными путешествіями и изслѣдованіями со стороны Россіи, также съ прибрежья Китая, сдѣлавагося гораздо болѣе доступнымъ для европейцевъ со времени Нанкинскаго мира, т. е. съ 1841 года, трудами нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ ориенталистовъ, знаменитымъ сочиненіемъ Гумбольдта «Центральная Азія» и т. д. Рамки, въ которыя должно было вставить всѣ обильныя матеріалы, доставленные этими изслѣдованіями, были уже начертаны заранѣе самою системою Риттера, и мнѣ оставалось только разработать эти матеріалы, сообразно съ его собственными методами и духомъ всего его творенія.

§ 2. Значеніе Риттера и его Географіи Азіи въ науку землевѣдѣнія.

Карлу Риттеру принадлежитъ честь основанія цѣлаго отдѣла науки землевѣдѣнія или лучше сказать новаго направленія въ ней, именно такъ называемой *сравнительной Географіи* (*vergleichende Geographie*).

Мнѣ часто случалось слышать сужденія людей, даже образованныхъ, не признававшихъ Географію за самостоятельную науку, а принимавшихъ ее за агрегатъ или мозаику очень разнородныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ разныхъ наукъ. Отсутствіе Географіи въ университетскомъ преподаваніи въ Россіи показываетъ, какъ кажется, что это мнѣніе укоренилось и у насъ. Оно происходитъ вѣроятно отъ того, что Географія — наука о землѣ, есть слово которому можно дать очень различныя

объемы и опредѣленія. Можно разумѣть Географію въ обширномъ и въ тѣсномъ смыслѣ. Въ обширномъ смыслѣ, предметъ ея есть полное изслѣдованіе земнаго шара, т. е. законовъ строенія его, съ его твердой, жидкою и воздушною оболочками, законовъ отношенія его къ другимъ планетамъ и къ облетающимъ на немъ организмамъ. Въ этомъ смыслѣ Географія есть дѣйствительно не наука, а цѣлая естественная группа наукъ, связанныхъ между собою тождествомъ предмета изслѣдованія, рассматриваемаго только въ различныхъ отношеніяхъ.

Раздѣленіе Географіи въ этомъ смыслѣ на отдѣльныя науки, прямо происходитъ изъ отношеній, въ которыхъ можно разсматривать землю. Она можетъ быть именно изслѣдуема: а) въ отношеніи къ другимъ тѣламъ вселенной преимущественно къ планетамъ нашей системы, б) сама по себѣ, въ отношеніи законовъ ея строенія и в) въ отношеніи къ человѣку.

Первое составляетъ предметъ *математической Географіи*, второе *физической Географіи* и третье двухъ наукъ: *этнографіи* и *статистики*. Въ этнографіи разсматриваются отношенія человѣка къ землѣ, часто обусловленныя сею послѣднею, но заключающіяся въ немъ самомъ, въ его физической организаціи и ея различіяхъ, и не переходящія на самую землю, какъ наприм. раздѣленіе его на расы, племена и народности, физическія свойства и бытъ каждой изъ нихъ. Въ статистику же разсматриваются отношенія земли къ человѣку, обусловленныя болѣе, имъ самимъ, его нравственною организаціею, переходящія на самую землю, измѣняющіяся еясообразно съ нуждами и цѣлями человечества. Всѣ эти четыре отдѣла составляютъ, сколько мнѣ кажется, четыре независимыя науки, представляющія приложеніе къ землѣзнанію, даже четырехъ различныхъ классовъ наукъ, именно *математико-астрономическимъ* въ математической Географіи, *физико-естественнымъ* въ физической, *филологическимъ* въ этнографіи и *политическимъ* въ статистику.

Но за тѣмъ еще остается обильная масса свидѣній для Географіи въ тѣсномъ смыслѣ. Въ этомъ смыслѣ Географія есть *физиографія земной поверхности*, т. е. описаніе какъ постоянныхъ, неизгладимыхъ вѣками чертъ ея, набросанныхъ самою природою, такъ и переменныхъ, изгладившихъ, произведенныхъ рукою человѣческою. У этой-то Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, оспаривали значеніе науки, утверждая что она имѣетъ только ея форму, а не сущность, заключая въ себѣ агрегатъ частныхъ описаній, безъ исследованийъ какихъ бы то ни было *законовъ природы*. Дѣйствительно, всякій предметъ изслѣдованія, для того чтобы быть наукой, долженъ быть ею не по одной *формѣ*, но и по сущности, т. е. заключать въ себѣ изслѣдованіе *законовъ природы*. И съ этой точки зрѣнія, Географія въ самомъ дѣлѣ не была наукою, а только *систематическимъ сборникомъ фактовъ* до Риттера, точно такъ же какъ исторія, до основанія философіи исторіи, могла почитаться только повѣтствованіемъ, а не наукою.

Но Риттеръ и его школа превратили мертвый, хотя систематическій сборникъ фактовъ, въ стройный организмъ науки, изслѣдовавшимъ *законовъ устройства земной поверхности, законовъ вліянія ея на развитіе рода человеческого*. Это составило предметъ новаго направленія землевѣдѣнія или новаго его отдѣла, которому Риттеръ далъ названіе *сравнительной Географіи* и который относится къ Географіи, какъ философія исторіи къ исторіи. Вотъ значеніе и заслуга Риттера въ исторіи землевѣдѣнія.

Географія въ тѣсномъ смыслѣ, раздѣляется обыкновенно на *математическую, физическую и политическую*. Не имѣя особенныхъ причинъ осуждать начало этого раздѣленія, я нахожу только номенклатуру его неумѣстною. Отдѣлъ Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, называемый физическою Географіею, очень различенъ отъ самостоятельной науки того же имени. Между тѣмъ, какъ послѣдняя разсматриваетъ явленія на землѣ, примѣчаемая какъ въ твердой, такъ въ жидкой и воздушной ея оболочкахъ и причины ихъ, первая разсматриваетъ пластическое строеніе

только *земной поверхности* и законы его. Математическая Географія, какъ отдѣлъ собственно Географіи, имѣетъ болѣе дѣло съ *видимыми* отношеніями земной поверхности къ тѣламъ небеснымъ, а самостоятельная наука того же имени съ *истинными* отношеніями земли, какъ планеты, къ своей планетной системѣ. Потому, для избѣжанія всякой сбивчивости, я предлагаю различить эти разностепенные отдѣлы географическихъ наукъ разными названіями, измѣняя имя самостоятельной науки математической Географіи въ *астрономическую*, а отдѣла Географіи въ тѣсномъ смыслѣ, называемаго физической Географією, въ *политическую* или *естественную* Географію.

Такимъ образомъ землѣдѣніе въ обширномъ смыслѣ представляетъ группу наукъ, имѣющихъ предметомъ землю, какъ относительно ея строенія, такъ и въ отношеніи ея съ высшимъ предметомъ ея физической области — солнцемъ, и съ высшимъ предметомъ ея нравственной области — человекомъ. Науки входящія въ составъ землѣдѣнія, можно соединить въ слѣдующей классификаціи:

А) Науки, рассматривающія *цѣлый шаръ земной*:

- а) въ отношеніи къ планетной системѣ и дѣйствительному ея строенію **I. Астрономическая Географія.**
- б) абсолютно, со всѣми явленіями примѣчаемыми въ ея твердой, жидкой и воздушной оболочкѣ **II. Физическая Географія.**
- с) въ соотношеніяхъ съ человекомъ:
 - α) въ отношеніяхъ произведенныхъ вліаніемъ земли въ человечествѣ и заключающихся въ физической его природѣ **III. Этнографія.**
 - β) въ отношеніяхъ произведенныхъ вліаніемъ человека на земномъ шарѣ, зависящихъ также и отъ его нравственной природы **IV. Статистика.**

- В) Наука, рассматривающая поверхность зем-
ного шара..... V. Географія въ
тѣсномъ смыслѣ.
- а) въ отношеніи къ тѣламъ небеснымъ
и преимущественно видимымъ ихъ
движеніямъ..... 1. Математиче-
ская Географія.
- б) въ отношеніи къ постояннымъ неиз-
гладимымъ чертамъ ея, устроеннымъ
самою природою..... 2. Пластическая
Географія.
- в) въ отношеніи къ переменнымъ чер-
тамъ ея, произведеннымъ человекомъ..... 3. Политическая
Географія.

По способу же рассмотрѣнія, Географію въ тѣсномъ смыслѣ можно назвать *описательною*, когда она рассматриваетъ землюю поверхность фактически и *сравнительною*, когда она рассматриваетъ земную поверхность *философически*, т. е. изслѣдуя законы ея устройства и вліяніе ея на развитіе рода человѣческаго.

Разумѣется не всегда можно строго провести подобную классификацію. Въ сочиненіяхъ, особливо если они имѣютъ какую нибудь частную педагогическую цѣль или представляютъ монографію не по предмету своему а по мѣстности, но я считаю эту попытку классификаціи географическихъ наукъ достаточною, для того чтобы доказать, что Географія есть наука въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова и объяснить какую роль играетъ въ наукѣ Землеузнанія — *Сравнительная Географія*, честь основанія которой принадлежитъ Карлу Риттеру. За тѣмъ мнѣ остается даже излишнимъ пояснять прекрасное заглавіе данное Риттеромъ его безсмертному творенію:

«Землеводѣніе въ отношеніи съ природою и человѣческою исторіею, или общая сравнительная Географія, какъ вѣрное основаніе изученія и преподаванія физическихъ и историческихъ наукъ».

§ 3. *Русская географическая терминологія и географическое правописаніе.*

При переводѣ столь отчетливыхъ и опредѣленныхъ германскихъ географическихъ терминовъ я старался замѣнить ихъ русскими словами, вездѣ гдѣ могъ найти въ русскомъ языкѣ понятія совершенно однозначущія. Очень желаю чтобы избранные мною термины были довольно удачны, для приведенія хотя части русской географической терминологіи къ столь необходимому въ наукѣ единству.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ замѣненій:

При разсмотрѣніи горизонтальныхъ отношеній частей свѣта Риттеръ употребляетъ слова Stamm и Kern — для означенія не разрѣзанной морскими заливами и углами, континентальной массы, Glieder — для частей вдающихся въ океаны между раздѣлительными морскими заливами. Я перевожу эти выраженія словами *туловище* и *расчлененія*, а слова Küstenumsäumung — *береговая периферія*, Küstenentwicklung — *береговое развитіе*. Береговая периферія есть абсолютная длина береговой линіи части свѣта, береговое развитіе — отношеніе ея къ пространству части свѣта, въ сравненіи съ такимъ же отношеніемъ въ другой части свѣта. При разсмотрѣніи вертикальныхъ отношеній встрѣчаются слѣдующіе термины:

1. Niederung —	} positive — <i>положительная</i>
negative — <i>отрицательная</i>
низменность	
2. Hochland —	} Gebirgs od. Alpenland — <i>юрная или альпійская страна</i>
Tafelland od. plateau — <i>плоскогорье</i>
нагорье	
3. Stufenland —	<i>страна уступовъ.</i>

* *

Низменность есть страна мало или вовсе не возвышенная надъ морскимъ уровнемъ, представляющая или совершенную равнину или волнующуюся поверхность. *Положительна* она тогда, когда возвышена надъ уровнемъ океана; *отрицательна*, когда она лежитъ ниже этого уровня. Въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ форму *котловины* — Kessel. *Нагорье* есть поверхность значительно возвышенная надъ морскимъ уровнемъ. Если оно представляетъ высокую равнину, непрорѣзанную глубокими трещинами или долинами, то называется *плоскогорьемъ*, если же оно изрѣзано трещинами или долинами, такъ что на малыхъ пространствахъ встрѣчаются контрасты очень значительныхъ высотъ и относительныхъ углубленій, то оно называется *горною* или *альпійскою* страной. *Страна уступовъ* есть переходъ между нагорьемъ и низменностью, *горнообидный* склонъ нагорья къ низменности, по которому стекають обыкновенно значительныя рѣчныя системы.

Положеніе горныхъ хребтовъ относительно плоскогорій выражается слѣдующими терминами: aufgesetzte Gebirge — *нагроможденные* (на плоскогоріяхъ) *хребты*, Rand-Gebirge — *хребты окраинъ*, freistehende Gebirge — *свободностоящіе хребты*, Vorgassen, Voralpen, Vorgebirgsländer — *предгорія*, Umwallungen — *гласисы*, по сравненію сосѣдняго плоскогорія съ крѣпостнымъ валомъ. Горы, по группировкѣ своей, могутъ быть Massen-Gebirge — *юрныя массы* и Ketten Gebirge — *горныя цѣпи*; въ первыхъ продольный діаметръ всей группировки мало превосходитъ поперечный (напр. какъ 3 : 1), во вторыхъ поперечникъ ничтоженъ въ сравненіи съ длиною. Долины, прорѣзывающія горныя группы, бываютъ: Längsthäler — *продольныя долины*, Querthäler — *поперечныя* (относительно оси хребта), Kesselthäler — *котловинная*. Въ гидрографіи могу замѣтить особенно терминъ Stromgebiet — *рѣчная область* и Bassin — *водоємъ*. Рѣчная область есть площадь страны орошаемой рѣчною системою, водоємъ есть объемъ самой системы.

Вообще говоря, я стараюсь замѣнить всадѣ иностранные слова русскими, когда нахожу въ родномъ языкѣ выраженія *своими* ихъ замѣняющія и понятія однозначущія. Только такъ какъ я считаю себя не вправе лишать науку новыхъ понятій и идей, только потому что они родились въ чужой странѣ и не могутъ быть выражены русскимъ словомъ, то *пуризмъ* мой имѣетъ границы. За то я имѣлъ уже случаи подвергаться нѣкоторымъ нападкамъ (*). Въ оправданіе свое я не могу привести лучшаго и болѣе логическаго авторитета, какъ слѣдующія слова известнаго Менцеля, заимствованныя изъ его исторіи Германской литературы:

«Пуризмъ только тогда достоинъ похвалы, когда онъ замѣняетъ иностранное слово въ *той же объемъ и ясности* отечественнымъ, но онъ неумѣстенъ когда иностранное слово имѣетъ обширѣйшее значеніе или выражаетъ понятіе совершенно чуждое отечественному языку: потому что *обществомъ понятій есть первая цель языка*, ясность слова — средство къ тому. Если же мы увеличиваемъ наши понятія иноземнымъ, то мы принуждены принять и иноземное слово. Должны ли мы объединять мышление только для того, чтобы языкъ нашъ могъ хвалиться чистотою?»

Знаменитый филологъ Гриммъ есть другой авторитетъ на который я могу указать. Онъ говоритъ именно что «основательная филологія признаетъ необходимость и естественность принять въ каждомъ языкѣ чуждыхъ ему составныхъ частей».

(*) Фельетонъ Сѣверной Пчелы съ особеннымъ погостомъ выписалъ изъ моей статьи «Гольцштромъ», напечатанной въ Отечественныхъ Запискахъ, между прочимъ слѣдующіе иностранные слова: *космосъ*, слово пріобрѣтшее гражданство во всѣхъ европейскихъ языкахъ со времени появленія знаменитаго сочиненія Гумбольдта, *Циклоиды*, принятое даже въ нашемъ оффиціальномъ языкѣ и совершенно незамѣнимое, *эксцентрицитетъ эллипсиса* встрѣчаемое во всякомъ учебникѣ математики, *инерція* — во всѣхъ учебникахъ физики и *интеллектъ* показавшаяся совершенно незнакомымъ малюткисту Сѣверной Пчелы.

Можетъ быть кто нибудь захочетъ указать мнѣ, на возможность замѣнить нѣкоторые изъ употребляемыхъ мною иностранныхъ словъ русскими. Такое указаніе я приму съ благодарностью, замѣчу только что если мнѣ удалось ввести немного словъ въ научную русскую терминологию, или упрочить ихъ употребленіе, или дать имъ болѣе опредѣленное и строгое научное значеніе, то я уже привнесъ ей свою лепту. Языкъ науки складается исторически, раздѣленіемъ труда и усиленіемъ многихъ лицъ. Онъ пишетъ свою исторію развитія, свои колебанія. Потому я съ радостью замѣню въ своихъ послѣдующихъ работахъ употребленные мною, какъ русскіе, такъ и иностранные термины, другими, если сіи послѣдніе окажутся болѣе рациональными и удачными. Только самъ я считаю выше силъ своихъ придумать для всѣхъ иностранныхъ словъ, принятыхъ наукою, русскія.

Правонаписаніе географическихъ именъ собственныхъ, въ особенности замѣтованныхъ изъ китайскаго языка, есть предметъ особенной важности. Европейскія правонаписанія уже довольно различны между собою, поразительно различны съ принятыми русскими синологами. Это отчасти зависитъ отъ того что миссіонеры, а за ними и другіе европейскіе авторы, слѣдовали южному китайскому нарѣчію, а русскіе сѣверному и нуцне имѣть большой навыкъ чтобы узнать всякое китайское слово въ его различныхъ транскрипціяхъ. Опредѣленное же правонаписаніе словъ особенно важно въ языкѣ, столь бѣдномъ звуками какъ китайскій, въ которомъ и безъ того весьма различныя понятія часто выражаются одними и тѣми же звуками. Желая составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ на какомъ правонаписаніи я долженъ остановиться при наданіи русскаго перевода Риттеровой Азіи, я, въ теченіи цѣлаго полугодія, слушалъ въ Берлинскомъ университетѣ лекціи китайскаго языка профессора Шотта. Наконецъ, по совѣщанію съ проф. Шоттомъ и нашимъ столь основательнымъ и образованнымъ синологомъ В. П. Васильевымъ, я рѣшился принять правонаписаніе введенное О. Іакин-

еомъ и принятое нашими сивологами, и только позволилъ себѣ въ немъ немногія измѣненія.

Именно О. Іакинѣвъ замѣтилъ легкое придыханіе, соотвѣтствующее латинскому *h*, русскимъ *х*, которое соотвѣтствуетъ нѣмецкому *sch*. По примѣру В. П. Васильева и другихъ новѣйшихъ русскихъ сивологовъ, я выпускаю это *х* правописанія Іакинѣва, но замѣняю его знакомъ ('). Напр. *Thai* въ подлежащемъ изданіи пишется Т'ай, а не Тхай, *Thian* — Т'янь, а не Тьянь, *Phing* — П'инъ, а не Пьхинъ и т. д.

К южнаго произношенія измѣняется въ сѣверномъ въ *Цз*, *Х* южнаго въ *С*, потому *Kiang* европейскаго правописанія есть *Цзянь* русскаго, *Nia* европейскаго — *Ся* русскаго. Но такъ какъ звуку *Цз* (*Tz*) южнаго произношенія соотвѣтствуетъ также *Цз* сѣвернаго, а звуку *С* (*S*) южнаго — также *С* сѣвернаго, то я считаю полезнымъ удержать въ своемъ правописаніи различіе, представляемое южнымъ произношеніемъ, преимущественно предъ сѣвернымъ, въ которомъ два совершенно различные звука сливаются въ одинъ. Это созвучіе могло бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ въ языкѣ, гдѣ и безъ того слова одинаковаго европейскаго правописанія могутъ имѣть очень различное значеніе. Потому въ принятомъ мною правописаніи Императоръ *Цзянь-Лунъ* пишется *Кянъ-Лунъ*, рѣка *Янь-Цзы-Цянь* пишется *Янь-Цзы-Кянъ*, городъ *Нинъ-Ся* — *Нинъ-Хя* и т. д. Съ другой же стороны я пользуюсь выгодными сторонами и сѣвернаго произношенія, тамъ гдѣ оно различаетъ звуки, сливающіеся въ одинъ въ южномъ. Такъ напр. *Бэй* — сѣверный и *Ео* — бѣлый въ южномъ произношеніи сливаются въ *Пе* (*Pe*).

Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, я присовокупляю въ самомъ текстѣ, при каждомъ китайскомъ собственномъ имени, въ скобкахъ, его употребительнѣйшее европейское правописаніе и дѣлаю тоже и въ алфавитномъ указателѣ.

* *

Въ заключеніе, мнѣ остается только желать чтобы читатели приняли переводъ Риттеровой Азіи столь же благосклонно, какъ весь ученый міръ принялъ его подлинникъ, и снисходительно извинили меня въ томъ, что дополненія мои не могли достигнуть до той степени совершенства, какую бы имѣли еслибы были написаны самимъ Риттеромъ.

П. СЕМЕНОВЪ

Магистръ С. П. Университета, Дѣйствит. Членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Членъ Германскаго Геологическаго Общества въ Берлинѣ, Société Géologique de France въ Парижѣ и т. п.

Примѣчаніе. Въ системѣ Риттера различныя страны Азіи имѣютъ слѣдующее расположеніе: сначала онъ рассматриваетъ восточную нагорную Азію, потомъ западную. Восточная нагорная Азія заключаетъ въ себѣ пространство отъ Алтая до Хималаевъ и отъ Болора до китайской прибрежной полосы. Здѣсь онъ начинаетъ съ восточной окраины т. е. Маньчжуро-монгольской, потомъ переходитъ къ сѣверной алтайско-байкальской, и въ связи съ ними рассматриваетъ и сосѣднія части нагорья, потомъ къ южной; за тѣмъ переходитъ къ переходнымъ формамъ восточной окраины т. е. рѣчнымъ системамъ восточныхъ рѣкъ, т. е. Амура и китайскихъ, за тѣмъ къ южнымъ, т. е. уступамъ надѣйскихъ рѣкъ и обонимъ надѣйскимъ полуостровамъ, за тѣмъ къ западной окраинѣ и соединительнымъ формамъ восточнаго и западнаго азіатскихъ нагорій, а потомъ уже къ западной Азіи.

Въ этой системѣ 1-й флигъ перевода заключаетъ въ себѣ восточную окраину нагорной Азіи, т. е. всю китайскую Маньчжурію на югъ отъ извилины Амура, и на В. отъ Хивганскаго хребта и всю Монгольскую окраину къ китайской низменности, широкою полосою отъ желтаго моря на В. черезъ извилину рѣки Хуанъ-хэ (Гоанго) вдоль провинціи Ганьсью до меридіана города Хами на западѣ.

А З І Я.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1.

Азія есть только часть стараго свѣта, но по пространству самая обширвая; она лежитъ на Востокъ, соединяетъ двѣ другія части свѣта въ одно цѣлое, и къ ея внутренности приводитъ насъ исторія природы и человѣка, также какъ и всѣ изысканія о нихъ, какъ къ общему древу, выросшему изъ времени неизслѣдованныхъ и пустыннымъ свои корни до невѣдомыхъ глубинъ.

Ея пространственное, горизонтальное очертаніе едва изслѣдовано усиліями послѣдняго столѣтія до точности градусовъ и минутъ, а строеніе изображено въ болѣе или менѣе вѣрныхъ очеркахъ, наглядно даже и для непосвященныхъ въ тайны науки, на географическихъ картахъ. Не смотря на то, далеко отъ истиннаго знанія, стоимъ мы здѣсь какъ и въ Африкѣ на одинаковой степени землеувѣдѣнія, гдѣ для насъ гораздо болѣе неизвѣстнаго чѣмъ извѣстнаго, если мы не захотимъ хвастливо называть наименованія предметовъ знаніемъ ихъ, а именъ и чиселъ — потіями и воззрѣніями.

Только съ высшимъ развитіемъ людей и народовъ наши свѣдѣнія объ Азій сдѣлались полнѣе. Откажемся же отъ предразсудка и перестанемъ думать, что мы знакомы съ тѣми частя-

ми свѣта, которыхъ хорошо начерченныя и наполненныя географическими именами ландкарты разостланы передъ нашими глазами. Для истиннаго знанія, необходимъ этотъ самый первый шагъ. Ландкарта даетъ намъ, совокупно съ тѣмъ что уже перешло изъ нея въ науку, только отрицательную картину, топическое и ариѳметическое отношеніе земной поверхности, рамку того что она изображаетъ. Только тогда, когда мы живо знакомы съ содержаніемъ этой картины, разсмотрѣніе ея, какъ разсмотрѣніе всякаго богатаго содержаніемъ очерка, можетъ дѣйствовать на насъ возбуждительно и быть богатымъ источникомъ мыслей и представленій; безъ этого же она остается безсловеснымъ и беззвучнымъ снимкомъ, вводящимъ насъ даже нерѣдко и въ заблужденія.

Совершенно пропивуположно съ нашимъ европейскимъ методомъ въ Географіи дѣйствовали браминны; тогда какъ мы погружались въ форму, матерію, передъ Индостанцемъ парили всегда только внутреннее содержаніе, законъ, организація. Передъ его восточнымъ оборотомъ ума изчезала за то форма, необходимое условіе пространственнаго явленія, и потому его науки недостаетъ человѣческой истины, безъ которой для насъ высшее не существуетъ. Мы же западные, при всей нашей критикѣ, теряемъ часто изъ виду духъ, высокое, возвыщающее насъ Божескую истину, черезъ посредство которой человѣческая можетъ возвыситься насъ до плодотворныхъ возвращеній.

У отдаленнѣйшихъ Азіатовъ, столь богатыхъ литературою Китайцевъ, напѣ абстрактный, описательный, географическій, богатый матеріалами методъ достигъ до высшей степени отсутствія идей, такъ что вообще онъ былъ бы даже совершенно безплоденъ, еслибъ Китайцы не умѣли гораздо лучше Европейцевъ сроднить историческій элементъ съ географическимъ, хронологіею съ топографіею.

Западные народы Азіи: Аравитяне, Персы и другіе, остались только подражателями своихъ греческихъ предшественниковъ, особливо Птоломея. Сѣверные же обитатели Азіи не воз-

выяснились ни до какого оригинальнаго общаго воззрѣнія на страны или обитаемыя.

Здѣсь, въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ нашемъ сочиненіи, слѣдуемъ мы уже начатымъ нами путемъ, а потому, предполагая въ нашихъ читателяхъ нѣкоторое знакомство съ картами и географіями Азіи и знаніе ея вообще по до сихъ поръ существовавшимъ описаніямъ, разсѣяннымъ въ другихъ, поучительныхъ сочиненіяхъ, мы рѣшаемся, прежде чѣмъ перейдемъ къ обзору цѣлаго и частностейъ, бросить взглядъ на положительное воззрѣніе индѣйскихъ гео-позтовъ объ ихъ части свѣта, потому что это воззрѣніе непосредственно переноситъ насъ на Востокъ, въ средину своего зарожденія. Понятія ихъ столь характерны, что ихъ представленія о сущности устройства природы ясны даже изъ односторонняго и во многихъ частностяхъ самому себѣ противурѣчащаго изложенія санскритскихъ, такъ называемыхъ священныхъ книгъ, котораго результатъ мы, благодаря успѣхамъ времени, можемъ сообщить здѣсь читателямъ, не такъ какъ прежде изъ сбивчивыхъ компиляцій, но изъ критически разработанныхъ источниковъ.

§ 2. Индѣйское воззрѣніе на землю.

По географическимъ системамъ древнихъ, написанныхъ на санскритскомъ языкѣ, Ведъ (ученія заключающія въ себѣ космогонію, называются въ нихъ Брамана) ⁽¹⁾ и изъясняющихъ ихъ догмы Пуранъ, изъ коихъ каждая, имѣющая притязаніе на это имя, должна начинаться исторіею творенія или географическою главою (Буванъ-дарса, т. е. всемірнымъ зеркаломъ), континентъ представляется въ видѣ цвѣтка Лотоса (*Nymphaea nelumbo*, *Nelumbium*, по санскр. Падма) плавающего

(1) P. v. Bohlen *das alte Indien* Königsb. 1830. Th. I. p. 128, 139, 146, 158, 209 J. Paterson *on the origin of the Hindu relig.* in *Asiat. Res.* VIII. p. 44; немногое съ осторожностью заимствовано изъ С. F. Wilford *летнихъ по поучительныхъ трудовъ on the Sacred Isles* p. 267 — 324, тамъ гдѣ она подтверждается оригинальными источниками или критикою Уильсона.

на поверхности океана. Оба, т. е. жидкая и твердая форма, какъ начало образующаго и образовавшагося, или творящаго и сотвореннаго, составляютъ вмѣстѣ одно цѣлое. Вишну (т. е. проникатель), творящее и сохраняющее божество индѣйскихъ умѣренныхъ ученій, признающихъ воду и воздухъ основными силами и идентифицирующихъ ихъ часто съ животворнымъ началомъ солнца въ образѣ Кришну, представляется покоящимся или дѣйствующимъ.

Въ первомъ видѣ, какъ символъ видимаго въ пространствѣ, почиваетъ онъ на днѣ океана или на змиѣ ⁽²⁾ вѣчности, плавающимъ въ морѣ. Изъ живота его, символа воспроизведенія, вырастаетъ стебель Лотоса, котораго цвѣтная почка означаетъ состояніе міра до сотворенія, а распустившійся цвѣтокъ, представляющій сотворенную землю и театръ рода человѣческаго, плаваетъ на водной поверхности. Потому цвѣтокъ этотъ и называется Брамъ (отъ Браманъ, творящій Деміургъ), т. е. существо или твореніе, въ противоположность съ несотвореннымъ, божествомъ (или Парабрама — т. е. Правеликимъ) которое какъ вѣчность никогда не входитъ въ предѣлы міра; потому вмѣсто цвѣтка Лотоса появляется чаще изъ стебля его образъ этого творящаго духа-Брамана, что, совершенно тождественно съ распустившимся цвѣткомъ, выражаетъ высокую идею этого возрѣнія на міръ и землю.

По срединѣ этого символическаго цвѣтка Лотоса—Падма—земнаго міра, возвышается завязь плода — Меру ⁽³⁾ или нагоріе; кругомъ расположены органы оплодотворенія. Направленные во всѣ стороны тычички и нектаріи представляютъ вершины высокыхъ горъ и горныхъ цѣпей, въ которыхъ берутъ начало главныя земныя рѣки. Четыре распущенныя лепестка (цвѣтныя листья) вѣпчика означаютъ четыре главныя страны континента

(2) Въ Рамаана см. происхожденіе богини Ганга въ A. W. v. Schlegel Ind. Bibl. Bonn 1823. Th. I. p. 54 v. 69 и not. 85.

(3) H. Wilson Dictionary Sanscr. and engl. 1813. 4. слово Meru.

простирающіяся на четыре стороны свѣта; они называются Двиша, полуострова съ двухъ сторонъ или большею частию окруженные моремъ (это и есть значеніе словъ: Двиша у Индѣйцевъ, Эцира у Аравитянъ). Южный лепестокъ называется Жамбу-Двиша, т. е. Индія; противъ него лежатъ сѣверные Куру (сѣверныя земли, вѣроятно Сибирь) и точно также поставлены другъ къ другу два лепестка восточный и западный (Бадразвасъ и Кетумаласъ) (4). Между ними расположены, по два въ каждомъ интервалѣ, внѣшніе болѣе узкіе лепестки, 8 подчиненныхъ двиша, прибрежій или полуострововъ, которыхъ названія соотвѣтствуютъ остальнымъ странамъ, лежащимъ между главными такъ напр. Пегу и Ава, Персія и Аравія.

Остальные, настоящіе листья Лотоса, плавающіе на водной поверхности отдѣльно отъ цвѣтка, представляютъ другіе континенты или острова океана. Какъ чувственный образъ всеобщаго воспроизведенія предметовъ въ мужеской и женской формѣ, сказанный цвѣтокъ этой Тео-Геогеніи, есть родительница, мать-земля (Йони Аргá или Ária т. е. достойная почитанія). Между тѣмъ Меру, какъ завязь или пестыкъ, есть лингамъ (Phallus), общепочитаемый символъ воспроизводительной силы природы. Когда цѣлое море играетъ роль Йони, то земля есть лингамъ, во время же бурь и морскихъ приливовъ, Лотось, по мнѣнію индѣйскихъ ученій, принимаетъ форму лодки съ мачтою, для спасенія человѣчества отъ гибели. Эти двѣ формы плодородящей и спасающей земли, обожаются въ разнообразныхъ видахъ въ индѣйскихъ храмахъ.

Развивая свои воззрѣнія далѣе и примѣняя ихъ къ дѣйствительной поверхности земли, многочисленныя Пураны и изло-

(4) Эти и слѣдующія точно передавныя имена, кромѣ упомянутыхъ имѣтъ изъ VI кн. Махабарата (Бшикмаанда) сообщены мнѣ обязательно изъ извлеченій изъ парижскихъ и лондонскихъ рукописей Фр. Боппа и переведены Проф. Розеномъ, которому я выражаю здѣсь публично мою признательность. Въ этой пѣсни влечена въ видѣ эпизодовъ богатая намяклатура индѣйской, вѣроятно древнѣйшей изъ географій, которой древность однако въ отношеніи къ тексту цѣлаго апоса опредѣлилъ весьма трудно.

женіе ихъ Пандитавъ учать насъ, что Меру (что значитъ лучезарное) есть срединна⁽⁵⁾ земли и даже буквально означаетъ центръ или ось. Эта священная⁽⁶⁾ гора, которая возвышается на столько же надъ поверхностью земли на сколько нисходитъ въ глубину, (Олимпъ Индѣйцевъ, Альбордшъ т. е. гора Землевесты у Персовъ, Меругири отъ гири, гуру, гора или гира славянскихъ нарѣчій до Лаузица, или Морегарь Аравитанъ), украшена множествомъ сказаній и символовъ. Посреди горъ, воспѣвается эпическая поэма Махабарата, стоитъ круглый Меру, залетая гора, свѣтящаяся какъ восходящее солнце, подобная бездымному пламени; по сторонамъ расположены чистыя прилѣжища обитаемая счастливыми людьми: скаты на которыхъ расположены различныя ступени рая (какъ напр. Кашмиръ). Она имѣетъ, по мнѣнію Тибетцевъ, 4-хъ-угольную форму, по мнѣнію буддистовъ выпуклую и надутую, или форму конуса въ честь чего и были построены и нынѣ существующія конусовидныя башни въ Бенаресѣ (одна основанная въ 1026 г. имѣетъ 60 фут. выс. и оканчивается осьми-угольнымъ храмомъ см. Wilford l. c. p. 291) и одна порфировая въ Аллахабадѣ, называемая Меру⁽⁷⁾. Она имѣетъ по разнымъ системамъ жителей Авы⁽⁸⁾, Цейлона⁽⁹⁾, Тибета и Индіи различныя свойства.

Вершина этой Меру или Су-Меру (т. е. прекраснаго Меру. Миенъ-Мо у Бирмановъ)⁽¹⁰⁾, по мнѣнію Индѣйцевъ, есть круглая поверхность неизмѣримой величины, окруженная горнымъ вѣнцомъ или гребнемъ Наврадамъ (т. е. кругъ Ила), множественнымъ

(5) Ch. Wilkins the Bhagy. Geeta or Dialogues of Kresna and Arjoon Lond. 1783. not p. 143. cf. Wilsons Dict s. v. Meru; Wait on Meru in Asiat Journ. New Ser. 1830 Vol. II. Philostr. vit. Apoll. 3, подразумеваетъ ее уже подъ именемъ пупа Индіи τὰ μέσα τῆς Ἰνδικῆς ὀμφαλός.

(6) Geoenius von dem Götterberge im Norden nach den Mythen des Asiat. Völker въ Commentar zu Jesais Th. II. p. 316—326. Paulus. a. S. Bartol. Systema Brahui. p. 130—133; Th. Maurice Ind. Antiq. Lond. T. I. p. 225.

(7) G. Forster Voy. du Bengale à Petersb. ed. p. Langlès Paris 1802. T. I. lett. 4.

(8) См. Fr. Buchanan Cosmogr. Barmans въ As. Res. T. VI. p. 167.

(9) Joinville on the relig. etc of Ceylon въ As. Res. T. VII. p. 402 etc.

(10) Asiat Res. T. VI. p. 173.

расмъ, который подъ именемъ Сваргабуми, т. е. небеснаго пребыванія на землѣ, и донынѣ ⁽¹¹⁾ обожается всѣми сосѣдними съ Индією народами: Тибетцами, Китайцами и Монголами.

Потому Меру имѣеть огромное значеніе для всѣхъ этихъ народовъ: солнце, луна и звѣзды вращаются около нея и на ней помѣщаются Индѣйцы весь дворъ боговъ Брами в служашихъ ему Ришиговъ, Гандарбасовъ и другихъ святыхъ, вмѣстѣ съ цѣлыми племенами Девовъ и счастливыхъ баснословныхъ людей, въ описаніе которыхъ подробно распускается фантазія сочинителей Махабараты.

Тибетскіе же и монгольскіе буддисты ⁽¹²⁾, по принадлежности къ политеизму, переносятъ туда мѣстопробываніе принадлежащихъ къ ихъ земной системѣ разнаго рода духовныхъ существъ, изъ которыхъ одинъ Тегри (тоже что Дева у Индѣйцевъ, т. е. Духъ) испалъ изъ высшихъ областей для того чтобы родиться въ человѣческомъ образѣ въ низшихъ. Для Бирмаговъ ⁽¹³⁾ дальней (*) Индіи эта Меру есть страна праведныхъ послѣ смерти и жилище геніевъ (Натъ). Только для буддистовъ фантазією Китайцевъ, Меру не имѣеть высшаго значенія, если развѣ только не принять Кушь-Лунь (Киеп-Лун) составляющей разувѣется также часть Меру, за нихъ, священную святымъ таинственнымъ деревьями, райскую страну, къ которой насъ также приводитъ сказанія ⁽¹⁴⁾ ихъ предковъ, по свидѣтельству Шу-Гина (**), потому что на этомъ Кушь-Лушѣ находится мѣстопробываніе ихъ древнѣйшихъ святыхъ и безсмертныхъ.

(11) Timkowsky Voy. à Pekin à travers la Mongol. en 1820—21. ed. p. Kyries et et J. Klaproth. Par. 1827. T. I. p.

(12) Ssanang Ssetsen Chung-Taidschi der Ordus; Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses aus dem mongol. v. J. J. Schmidt St. Petera. 1829. 8. p. 5 not. p. 303.

(13) Symes Relat. ed. Castera. Paris. T. II. ch. 8. p. 163; Franc. Buchanan l. c. p. 231.

(*) Vorder u. Hinter-indien u. перевозу нарменами ближнихъ и дальнихъ Индіи. — *Пр. Мер.*

(14) Ab. Remusat Mem. sur la vie de Lao-Tseu. Par. 1823. 4. p. 10; H. Kurz Mem. Sur le Chou King et Nouv-Jour. An. T. VI. p. 40d.

(**) Chu King, китайское историческое сочиненіе написанное Конфуціемъ. — *Пр. Мер.*

Съ четырехъ сторонъ свѣта баснословная гора поддержана разнаго рода металлическими стѣнами изъ золота, серебра, мѣди, желѣза и даже драгоценныхъ камней, какъ напр. рубина, лазули и т. д., въ чемъ разумѣются различныя сказанія разногласны; а потому и скаты ея отличаются различными цвѣтами, краснымъ, бѣлымъ, желтымъ и чернымъ, подобно морямъ четырехъ странъ свѣта, въ которыя изливаются ея рѣки. Такъ какъ всѣ восточные опредѣляютъ стороны не по полярной звѣздѣ, какъ мы, но по восходу солнечному, къ которому они обращаютъ свои взоры, то востокъ есть для нихъ ⁽¹⁵⁾: Парва, Пурва т. е. впереди; западъ — страна лежащая въ тѣни, сзади ихъ Апара, Апаръ или Апарика, какъ еще и нынѣ называютъ ее буддисты, отчего прежде хотѣли произвести имена Офиръ и Африка. Лежащій впереди востокъ называется впрочемъ еще Прачъ; Дакшина (Декканъ *Δακύναιος* въ *Aggian. Regiōl.*) лежащій направо югъ, а Пратіачъ — лежащій позади западъ. За Меру расположены сѣверныя страны земли — сѣверныя Куру (Уттара Куру въ Махабаратѣ отъ Уттара верхній, въ смыслѣ сѣверный; слѣдовательно верхній Куру т. е. отдаленнѣйшій сѣверъ по мнѣнію Уильсона). Это есть гиперборейская страна Индѣевъ, въ которой властвуетъ Кувера, богъ сѣвера и богатства и которая столь же недоступна человѣку какъ и лучу солнечному ⁽¹⁶⁾ (это напоминаетъ *gens hominum Attacogum* у *Plin. H. N. IV. 26, VI. 20*). Куру расположенъ на берегу моря Киншрода (млечнаго), нашего Ледовитаго океана, гдѣ находится также, за предѣлами всѣхъ горныхъ вершинъ, полоса земли Айравата, въ которой уже болѣе не свѣтитъ солнце, а постоянно сіяютъ мѣсяцъ и звѣзды, гдѣ люди не старѣются и гдѣ находятся прибѣжища непорочныхъ: страна сѣвернаго мнѣческаго

(15) *Wil. Jones Disc. anniv. въ Rech. As. 1786 ed. Langlés. 4. T. I. p. 495, 238. Wilford As. Res. VIII. p. 284. — Cf. Wilson Dict.; Capt. Mahony въ Asiat. Res. T. VI. p. 447.*

(16) По св. хроникѣ Кашмира въ *Radja Tarindjoni, Wils. As. Res. Calc. 4. T. XV. p. 31.*

міра для Индійцевъ. Птоломей дѣлеть этому *Ottogocogae* ⁽¹⁷⁾ опредѣленное мѣсто въ нагорной Азіи, а Аммианъ упоминаеть о высокой горѣ Оригосагга за Емодусомъ.

Съ обѣихъ сторонъ земля омывается, какъ на восточномъ, такъ и на западномъ Двипа, двумя океанами, восточнымъ и западнымъ. Къ югу же отъ Меру лежитъ страна лучшихъ плодовъ, по санскр. Жамбу (розовые яблоки вѣроятно *Eugenia Jambos*) ⁽¹⁸⁾.

Барата-Варша или Барата-Канда, т. е. страна Барата или часть Барата (отъ Канда часть), есть названія этой полосы 9 главныхъ областей (Варша) ⁽¹⁹⁾ земли простирающейся до Сара или океана Персовъ (вода у Индусовъ Сара); ее описываетъ мудрецъ Сандшаясь ⁽²⁰⁾ Царю своему, какъ страну любимую богами Индрасъ, Ману и другими.

Большія міровыя рѣки текущія съ Меру называются на югѣ Ганга и Синду (Гангъ и Индъ); изъ нихъ пьютъ воду, также какъ изъ всѣхъ другихъ рѣкъ, по свидѣтельству автора Махабараты, не одни чистые, но и нечистые народы Сии послѣдніе, т. е. нечистые, называются Млеча т. е. варварскія племена (*Verbera*) ⁽²¹⁾ не знающіе браманства. Къ востоку течеть съ Меру рѣка Сита (*) (женскаго рода, какая либуль китайская рѣка?), къ сѣверу Бадра (или Бадрозома, по предположенію Уильсона Иртышъ) ⁽²²⁾. Къ западу, Апара Гандика (западный Гандика) или Какшу (**) (*Oxus* древнихъ

(17) Ptolom. Geogr VI. c. 16. f. 163, 200: Amm. Marcell. XXIII. 6. 64.

(18) W. Jones Disc. ann. I. c.; у Бирмановъ страна назыв. Цабуджа т. е. островъ Цабу, потому что Цабу есть священное бабовое дерево, *Ficus religiosa*; см. Fr. Buchanan As. Res. T. VI. p. 177.

(19) См. Wils. Dict. слово Varsha.

(20) См. Bhisma Kanda I. c.

(21) Wils. Radja Taringini въ As. Res. Calc. T. XV. p. 47.

(*) Таримъ-Голь по свидѣтельству путешественника Хюанъ-Цана. — *Пр. Пер.*

(22) Wilson Dict. I. c. см. с. Megu.

(**) Каксу — въ Вишна-Пурана, Ванксу — въ Махабарата, Сукаксу — въ Рамаиѣ, Фатсу — у Хюанъ Цана. — *Пр. Пер.*

который и нынѣ въ верховьяхъ своихъ называется у туземцевъ Кокиша) ⁽²³⁾ (*).

Въ Рамаанѣ названы еще нѣкоторыя большія восточныя и западныя рѣки, текущія съ нагорья, что доказываетъ истинное знаніе природы его; онѣ описаны поучительно ⁽²⁴⁾. Также и буддистскіе Бирманцы знаютъ пять большихъ рѣкъ текущихъ съ того же нагорья и отличаютъ отъ нихъ 7 другихъ вытекающихъ, по ихъ мнѣнію, изъ 7 озеръ на югѣ отъ Меру, о которыхъ мы упоминаемъ ниже.

Нельзя не замѣтить, что въ основаніи изложенія строевія Азіи по индійскимъ религиознымъ книгамъ и апогеямъ, не смотря на частныя различія, встрѣчаемыя въ Пуранахъ и позднѣйшихъ изъясненіяхъ, лежитъ истинное и основное понятіе о центральномъ азіатскомъ нагорьѣ и его вліяніи на цѣлый континентъ и что его важность и непрерывность схвачена съ гораздо болѣе вѣрнымъ взглядомъ, чѣмъ во многихъ другихъ системахъ, принявшихъ за точку исхода частности и отдѣльность.

Арчумасъ, вопрошавшій божество о существѣ его и получившій отъ него свѣдѣнія о великомъ и возвышенномъ, слышалъ изъ устъ его, что между вершинами возвышенныхъ горъ земли оно само есть Меру ⁽²⁶⁾.

Меру не есть какая нибудь отдѣльная высокая цѣпь; она есть возвышенная, пространная, нагорная терраса части свѣта, цѣлое ⁽²⁷⁾ нагорье нагорной Татаріи и Тибета и съ этимъ согласуется все остальное въ дальнѣйшемъ изложеніи этой гео-

(23) M. Elphinstone *Ass. of Cabul Lond. 1815.* 4. p. 86, 628.

(*) Это перечисленіе съ небольшими измѣненіями находится въ Вишну-Пуранѣ (№ 12). Махабарата же перечисляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: Налини, Павани, Саравата, Гамбукади, Сита, Ганга и Синду. Въ Рамаанѣ же къ Э. текутъ Сукаксу, Сита и Синду, къ В: Налини, Павани и Хладани, къ Ю: Гамгу.— *Пр. Пер.*

(24) См. т. Schlegel *Ind. Bib.* т. 144. p. 73, 91.

(25) Fr. Buchanan *l. c.* p. 231.

(26) *Baghawad-Gita ed. A. W. de Schlegel Bonn. 1823.* 8. Lect. X. 23, 24: *Merus inter montium cacumina ego — inter montes Himalayas.*

(27) *Wilson's Dict.* см. сл. Meru.

графической системы, которая разумеется въ своемъ расположеніи, подобно всѣмъ системамъ, приписала симметріи слѣдующаго большаго вліяніе на образованіе земной поверхности.

На югѣ и сѣверѣ Меру или нагорья, простираются отъ В. къ З., на извѣстныхъ разстояніяхъ, три и три горныя цѣпи параллельно какъ кажется съ океаномъ и между собою. Онѣ разграничиваютъ семь зонъ, простирая сюда страны лежащія на С. и Ю. отъ этихъ цѣпей и Меру по срединѣ, и образуютъ подобное климатамъ древнихъ естественное горное раздѣленіе (Варша Парвата), отъ С. къ Ю. составляющее въ совокупности цѣлый древній континентъ Азии, которому Индѣйцы впрочемъ не даютъ никакого общаго названія. Въ древнѣйшей изъ намъ извѣстныхъ пѣсней Махабарата ⁽²⁸⁾ перечислены эти цѣпи въ слѣдующемъ порядкѣ: Химаватъ ⁽²⁹⁾, Хемакутасъ, Нивнадасъ — лучшая изъ горныхъ цѣпей, Ниласъ — лазуревосиняя, Светасъ — бѣлая и богатая вершинами — Срингаванъ (отъ Сринга — вершина). Послѣднія три — голубая, бѣлая и вершинная, суть сѣверныя; между тѣмъ какъ три первыя, ближайшія къ Индіи, какъ гораздо болѣе знаменитыя, узнать очень не трудно. Химаванъ въ Рамаянѣ и Махабаратѣ ⁽³⁰⁾ или что все равно Химаватъ (снѣжный, зимній) суть только двѣ различныя формы одного и того же ⁽³¹⁾ горнаго имени, извѣстнаго въ сокращеніи у поэтовъ подъ именемъ Химала ⁽³²⁾ или Химале (у новѣйшихъ Хима-култ. т. е. снѣжная вершина, по свидѣт. Колебруке), или еще общѣе Хималая т. е. пребываніе или жилище снѣга (отъ Хима, все равно что *χείμα*, hiems — снѣгъ и *ἀλαυα* — жилище). За этимъ гор-

(28) См. Bhishtakanda l. c. и Wilson Diet. s. v. Varshaparvatā.

(29) *Химаватъ* есть усилительное а *Химаватъ* принимается грамматиками за корень.

(30) A. W. v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 36. Fr. Bopp. Dituvium cum tribus aliis prestantissimis Mahā Bhārati episodis ed. Berol. 1828. 8. и въ Manava Dharma Sastra or the inst. of. Menu ed. Graeves Chamn. Houghton. Lond. 1828. 4. №. F. l. 2f.

(31) v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 82.

(32) Hamp. Megha Duta or Cloud messenger a Poem by Calidasa transl. by H. Wilson Calc. 1814. p. 706.

нымъ хребтомъ лежатъ два другія, Хемакута т. е. горы съ златоблестящими вершинами (Хема золото, произведено отъ Хима и Кута вершана) и лучшая изъ горъ — Нишадасъ; послѣдняя есть труднодостижимое, возвышенное жилище боговъ, тысячеокаго властителя Индра (отъ Индъ властвовать), могучаго, посылающаго потоки дождя (Iupiter pluvius) ⁽³³⁾, растрескивающаго горы, бога громовъ, который, разославъ свои мощныя молніеносныя стрѣлы, показываетъ смертнымъ свой лукъ въ видѣ радуги (Индраюда т. е. оружіе Индра), и награждаетъ всякую святую дѣятельность ⁽³⁴⁾. Это суть вообще высочайшія, еще и нынѣ почитаемыя святыми и съ трудомъ посѣщаемыя богомольцами, горы богатѣйшаго снѣгомъ гребня, извѣстныя вообще у горныхъ народовъ подъ именемъ Кайлаза (отъ киль быть холоднымъ, прежде такъ называлась всякая горная вершина), рая Сивы или собранія боговъ вообще ⁽³⁵⁾ и расположенныя кругомъ высшихъ альпійскихъ озеръ, за самыми недоступными источниками Ганга и Инда.

Вверхъ къ этимъ Кайлаза, гласить пѣснь Калилазы, тянутся по воздуху длинныя ряды священныхъ альпійскихъ лебедей ⁽³⁶⁾, потому что тамъ находятъ они прозрачныя рѣчки, въ которыхъ купаются боги и гдѣ обожаются священные слѣды ногъ Рамы. «Эти горы Кайлаза блещутъ болѣе всѣхъ другихъ, подобно зеркалу, свѣтлѣйшимъ мерпаніемъ, представляя видъ божественный, и далеко свѣтятся ихъ вершины подобныя цвѣтамъ Лотоса, черезъ обширныя земныя царства, какъ улыбка Сивы

(33) См. Vasishtae Hymnus in Deum Pluvium lib. V. 7, 2; въ Rig. Vedae Specimen ed. F. Rosen Lond. 1830. p. 23.

(34) v. Bohnen Alt-Indien I. 238, 207; v. Schlegel Ind. Bibl. Th. I. p. 89.

(35) Муркрофтъ видѣлъ одинъ Кайлазъ на оз. Мансорозаръ; см. Journ. to the lake Mansorovara въ As. Res. Calc. 1816. 4. v. XII. p. 415; другою Кайлазъ былъ найденъ Годгсономъ при источъ Ганга, см. Hodgson Journ. etc. As. Res. Calc. 1822. v. XIV. p. 92; Гербертъ видѣлъ третій Кайлазъ въ группѣ Ральдангъ на р. Сутлежъ подъ 31° 29' 22" с. ш. см. Course and level of the Setlej in As. Res. Seramp. 1823. T. XV. p. 362.

(36) Megha dâta or the cloud. messenger by Calidasa trans. by H. Wilson Calc. 1814. v. 2, 71 = 397.

или Махадева великаго бога». Вотъ высокая картина чуднаго мерцанія и блеска далеко освѣщенныхъ горныхъ цѣпей.

Мы опускаемъ здѣсь всѣ остальные объясненія Индѣйцевъ (*), названія, опредѣленія длины и высоты горъ, подробности ихъ симметрическаго положенія и т. д., предметы несомнѣримыя, потому что индѣйское число и индѣйское слово есть знакъ выражающій символъ а не понятіе, и послѣ этого общаго очерка, достаточно знакомящаго насъ съ древне-индѣйскими воззрѣніями, переходимъ къ тому, что составляетъ потребность европейской науки. Матерьяломъ для нашихъ изслѣдованій служить очень большой, хотя еще неполный пробѣлами зачасъ достовѣрныхъ наблюденій очевидцевъ, а часто только болѣе или менѣе поучительныя замѣчанія и извлеченія другихъ изъ источниковъ и трудовъ образованнѣйшихъ народовъ Европы и Азіи; результаты всего этого постараемся мы представить здѣсь, по мѣрѣ силъ своихъ.

При точномъ разсмотрѣніи исчезаетъ разумѣется упомянутое симметрическое расположеніе въ строеніи азіатскаго нагорья, и его пространство въ обширномъ его объемѣ заключаетъ въ себѣ большее разнообразіе поверхностей; но мы должны однакоже раздѣлять въ главныхъ чертахъ воззрѣнія индѣйскихъ Пуранъ, совершенно справедливыя во столько, сколь далеко могъ простираться взоръ ихъ.

§ 3. Европейское воззрѣніе на землю. — Обзоръ. — Положеніе относительно сосѣднихъ частей свѣта.

Если мы сдѣлаемъ обзоръ цѣлой части свѣта, которая не могла быть въ точности извѣстна Индѣйцамъ, потому что они

(* Со времени появленія 1-го тома Риттеровой Азіи, переведена (въ 1836) 6 я пѣсь Махабараты (Бшиш) на англійскій языкъ и напечатана въ Калькутѣ, также появлялись въ Германіи весьма основательныя изслѣдованія объ индѣйскихъ древностяхъ Хр. Лассена. Однакоже находя очеркъ Риттера вполне достаточнымъ, мы ничего не присовокупляемъ къ этой несущественной части его творенія. — *Пр. Шерв.*

столь же мало какъ и древніе Египтяне старались быть наблюдателями природы подобными западнымъ народамъ, то передъ нами раскроется обширнѣйшая картина природы, которую, какъ часть планеты въ развитіи ея пространственныхъ отношеній, мы только тогда будемъ въ состояніи схватить въ самой ея сущности, когда успѣемъ возвысить общее очертаніе ея до самой живой наглядности, потому что тогда только каждая часть ея получитъ свое настоящее значеніе. Самая обширная сѣверо-восточная континентальная половина соединенныхъ частей свѣта Европы и Азіи, представляетъ контрастъ съ южной и юго-западной половиною стараго свѣта — Африкою, которой пространственное очертаніе и характеристику мы наложимъ въ первой книгѣ нашего сочиненія (*). Обѣ первыя части свѣта составляютъ только одну непрерывную континентальную массу, имѣющую 1 милл. кв. м.; слѣдов. вдвое болѣе африканскаго юга, занимающаго только немного болѣе половины этого пространства. Эту, растянутую въ видѣ огромной дуги отъ В. къ З. почти на половину земнаго шара, часть земной коры раздѣляемъ мы на двѣ отдѣльныя части свѣта, западную и восточную, Европу и Азію, изъ которыхъ послѣдняя рѣшительно преобладаетъ, превосходя первую въ 5 разъ. Очень легко было бы съ перваго взгляда, не замѣчая между обѣими частями свѣта никакого естественнаго разграниченія, приписать ихъ раздѣленіе произволу народовъ и временъ, тѣмъ болѣе что прежняя Европа не всегда имѣла одинаковыя границы съ нынѣшней, потому что напр. Геродотъ въ свое время простираетъ предѣлы этой части свѣта съ З. на В. далеко за нынѣшнія границы Азіи (Herod. IV. 42). Дѣйствительно совершенно иначе и взгляните отдѣлена Азія, на Ю. З. отъ Африки, морями, и не стоитъ съ этою послѣднею почти ни въ какой континентальной связи; на-

(*). Рядъ томовъ составляющій Географію Азіи есть вторая часть недовѣреннаго Риттеромъ сочиненія: «Землѣдѣніе въ его отношеніяхъ къ природѣ и исторіи человѣка или всеобщая сравнительная Географія». 1-я часть на которую ссылается Риттеръ есть Африка. — *Пр. Пер.*

противъ же Европа имѣеть съ Азіею на С. З., вдоль меридіаннаго Уральскаго хребта до Каспійскаго моря, обширную общую границу, изъ которой она выступаетъ, подобно вѣтвистому дереву или отпрыску, далеко на С. З. въ атлантическій и сѣверный полярный океаны. Одинъ тонкій наблюдатель⁽³⁷⁾ великихъ явленій природы замѣчаетъ, что часто обычаи устанавливаетъ такіа означенія, гдѣ играютъ роль не абсолютныя, но релятивныя отношенія; что слѣдовательно, уже по одному отношенію величинъ, можно разсматривать Европу, какъ большой полуостровъ стараго свѣта, направленный къ С.-В., и что точно съ такимъ же основаніемъ можно было бы принимать оба индѣйскіе полуострова за направленные къ Ю.-В., самостоятельныя континенты, тѣмъ болѣе что они величиною своею не много уступаютъ Европѣ. Но названія, напечатленные земнымъ пространствамъ, ходомъ не политики, но исторіи людей и націй, непременно имѣли свое историческое основаніе, продолжившее ихъ существованіе черезъ всѣ времена, и не случай отдѣлилъ Азію отъ Европы какъ въ жизни природы, такъ и въ жизни народовъ. Индивидуальность каждой упрочена собственною, внутреннею системою связи пластическихъ формъ, имѣющихъ большее вліяніе на раздѣленіе чѣмъ раздѣлительныя моря.

Даже и морскія раздѣленія, оставившія еще и понынѣ очень замѣтныя слѣды своего прежняго существованія, могли въ прежнія тысячелѣтія отдѣлять Европу отъ Азіи (*), также опредѣленно какъ и Африку, оставляя только узкій соединительный Кавказскій перешеекъ и превращая нашу часть свѣта въ болѣе чѣмъ полуостровъ. Именно, въ то время когда уровень Каспійскаго и Аральскаго озеръ стоялъ нѣсколько выше чѣмъ нынѣ, они могли сообщаться съ полярнымъ моремъ къ С., вдоль и мимо восточной подошвы Урала, черезъ глубокія, теперь высохшія, но наполненныя многочисленными группами соляныхъ

(37) G. F. Link Handbuch d. physik. Erdbeschreibung Berl. 1826. Th. I. p. 107.

(*) См. дополнение къ § 3. — *Пр. Пер.*

озеръ котловины ⁽³⁸⁾, посредствомъ борозды, простирающейся черезъ степь Каракумъ, въ направленіи означенномъ множествомъ озеръ Киргизской и Барабинской степей ⁽³⁹⁾, по ложу Тоболя и Оби, прежде можетъ быть чѣмъ Уралъ поднялся до своего тынѣшняго значенія.

Неизгладимые слѣды этихъ исчезнувшихъ морскихъ раздѣленій остались и въ послѣдствіи, въ видѣ углубленныхъ степей, раздѣлами между обѣими частями свѣта и ихъ жителями, вдоль линіи, означенной нижними теченіями Урала, Волги и Дона, въ томъ мѣстѣ гдѣ эти рѣки поворачиваютъ вдругъ къ югу отъ Общаго Сырта и гдѣ находится maximum ихъ приближенія, характеризуемый тѣмъ, что на азиатской его сторонѣ обширныя степи понижаются ниже уровня океана, а на европейской вся страна напротивъ повышается. Давно уже, основываясь на наблюденіяхъ Палласа и замѣреніяхъ Енгельгардта и Паррота объ углубленіи Каспійскаго моря (300—350 ф. ниже уровня Чернаго)^(*), думали мы найти въ этихъ отрицательныхъ низменностяхъ, лежащихъ ниже уровня океана, и ихъ степной почвѣ контрастъ и истинную, природную и національную границу Азіи съ положительными низменностями европейской равнины, которая, въ видѣ низкохолмистой страны или незначительно высокаго плоскогорія (plateau), или даже совершенной равнины, все еще возвышается надъ морскимъ уровнемъ. Противуположность этихъ низменностей и возвышеній на обширныхъ поверхностяхъ равнинъ дѣлается важною характеристическою границею между частями свѣта и ихъ населеніемъ не по абсолютной высотѣ своей, не превосходящей немногихъ сотъ футовъ, но по сопровождающимъ эти вертикальныя раз-

(38) A. v. Humboldt über die Bergketten und Vulcae von Inner-Asien въ Poggend. Annal. Bd. 94. 1830. p. 330. Тоже съ дополнен.: Mémoire sur les chaines des montagnes et sur les volcans de l'Asie intér. Par. Nouv. Ann. T. IV. 1830. p. 247—316.

(39) Klaproth Mém. relat. à l'Asie T. I. p. 127. not. Ero же Tabl. hist de l'Asie Par. 4. p. 175. Ab. Remusat Rem. sur l'ext. de la Chine въ Mém. sur l'Asie cent. 4. Paris 1825. p. 104.

(*) Число это не вѣрно. См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

личія явленія природы. На азиатской сторонѣ, въ отрицательной низменности, разстилаются покрытыя морскимъ пескомъ, валунами, солончаками, соляными озерами, раковинами и морскими продуктами, горизонтальныя равнины, безъ холмовъ, безъ удобнаго для растительности землянаго слоя, а потому безъ водныхъ источниковъ сплошнаго дерна, безъ полей и лѣсовъ, а съ почти исключительно преобладающею, характеристически однообразною, солонцеватою, степною почвою. На европейской же сторонѣ, напротивъ, примѣчается, въ ея плоской восточной половинѣ, поднятіе уровня до положительныхъ высотъ надъ океаномъ, какъ равнинъ, такъ и возвышенностей, отъ 100 до 600 ф., въ слѣдствіе наслоенія разнообразно перемежающихся земляныхъ и наносныхъ покрововъ, въ видѣ холмовъ и разнаго рода плоскогорій. Эти послѣднія равнины начинаются вездѣ на С., отъ Общаго Сырта, и на З. отъ берега Волги, къ С. отъ Царицына черезъ прорывъ Волги ниже Саратова и Камышина, къ Дону, также какъ на З. отъ Сарпы, притока Волги, впадающаго въ нее близъ Царицына. Онѣ возвышаются, начиная отсюда, всю восточно-европейскую почву, несмотря на преобладаніе равнинъ, до болѣе высокой ступени развитія, и превращаютъ ее въ богатую источниками и перегноемъ (humus) почву, удобную для полей, луговъ, а далѣе и для лѣсовъ. Въ слѣдствіе того пограничная Европа должна была сдѣлаться хлѣбородною землею, странюю народныхъ колонизаций, ослѣдлыхъ жилищъ, развитія городовъ и деревень, постоянныхъ границъ, чѣмъ она и была даже во времена Геродота, когда въ ней обитали земледѣльческіе Скины. Напротивъ же, прилежащія азіатскіе степи, были всегда театромъ бѣльшихъ или меньшихъ народныхъ переселеній и до сихъ поръ остались необходимо пребываніемъ чуждой Европѣ кочевой жизни, исключая нѣсколькихъ спорадически разбросанныхъ мѣстъ, на которыхъ удобство отдѣльныхъ мѣстныхъ отношеній дозволило нѣкоторыя исключенія, такъ что здѣсь азіатская, а въ новѣйшее время европейская цивилизація могли получить перевѣсъ.

Отчасти уже сдѣланныя русскими наблюдателями, отчасти ожидаемыя отъ нихъ (*) изслѣдованія отношеній уровней этихъ замѣчательныхъ углубленій и поднятій, которыя были въ первый разъ соединены въ большой очеркъ пластики цѣлой части свѣта пытливымъ гевіемъ Ал. Гумбольдта (40), могутъ доставить положительныя данныя для теорій, отъ которыхъ уже можно будетъ перейти къ опредѣленію истинныхъ естественныхъ границъ между обѣими частями свѣта, какъ индивидуальными развитіями большихъ планетныхъ пространствъ, которыхъ особенныя формы и взаимныя сообщенія и сопряженія находятся въ связи съ особенностью ихъ климатическихъ сферъ, флоръ, фаунъ, населеній и хода человѣческой исторіи со всѣми ихъ перецѣпляющимися отношеніями.

Линія уровня океана, въ которой расположены Оренбургъ (= 0 ф. надъ ур. ок.) и Саратовъ на Волгѣ (= 0 ф.) (**) (41), или черта въ которой поднятіе переходитъ въ углубленіе, служитъ намъ потому самому, вмѣстѣ съ Ю.-В. склономъ сосѣдняго Общаго Сырта, границею нашихъ общихъ соображеній, также какъ далѣе къ С. раздѣлительный валъ обѣихъ частей свѣта — Уральскій хребетъ, котораго точнѣйшее опредѣленіе мы оставляемъ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь припомнимъ только предварительно что этотъ длинный горный хребетъ, который, со времени одного столѣтія, европейская цивилизація овладѣла еще съ быстрѣйшимъ успѣхомъ чѣмъ цивилизація Соединенныхъ Штатовъ центральнымъ сѣверо-американскимъ, паралельнымъ съ Ураломъ, меридіаннымъ хребтомъ, не принадлежитъ по своей природѣ по преимуществу ни къ той, ни

(*) См. доволненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

(40) Discours d' A. Humb. p. 42. въ Seance extraord. de l'Acad. Imp. des Scienc. à St. Petersb. 16. Nov. 1829. 4.

(**) Обѣ приведенныя высоты невѣрны и опровергнуты послѣдующими наблюденіями. Саратовъ лежитъ еще на 240 ф. выше ур. ок., а линія уровня пересѣкаетъ Волгу ниже Камышина. См. Прим. къ § 3. — *Пр. Пер.*

(41) Пансверъ, по Иноходцеву, въ Journ. d. Freunde Russ. Litterat. Hft. 6. Technolog. Joura. 1814. Th. I. p. 107.

къ другой части свѣта и, служивъ долго препятствіемъ для общеній между ихъ жителями, только въ нынѣшнее время сдѣлался общительнымъ средствомъ; что далѣе наши свѣдѣнія, какъ о немъ, такъ и обо всемъ сибирскомъ сѣверѣ Азіи, принадлежатъ почти исключительно временамъ послѣдовавшимъ открытію Америки, а потому всякое общее вліяніе или отношеніе, исходящее изъ древняго центра восточной цивилизаціи, т. е. внутренности Азіи, на ея восточную, южную и западную стороны, не можетъ быть перенесено на эту часть Азіи, принадлежащую сѣверу земнаго шара, который въ общей связи явленій играетъ свою собственную, особенную роль.

§ 4. *Горизонтальныя протяженія, горизонтальное расчлененіе.*

Если мы захотимъ сдѣлать обзоръ существенныхъ, основныхъ отношеній, характеризующихъ очертаніе каждой части свѣта, и возвышающихъ ее, какъ стройную систему явленій, въ пространственный индивидуумъ (*räumlicher Individuum*) поверхности земнаго шара, для естественныхъ и историческихъ ея отношеній, то, какъ мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ⁽⁴²⁾, (сравни. *Erdkunde* Th. I. p. 62), все это можетъ быть исчерпано въ разсмотрѣніи горизонтальныхъ и вертикальныхъ протяженій.

Африка, замѣтили мы, является туловищемъ безъ расчлененій, Азія расчленена очень сильно съ трехъ сторонъ, съ преобладающею массою туловища, а Европа со всѣхъ сторонъ, съ преобладающею массою расчлененій.

(42) См. *Abhandlung über geogr. Stellung und horizontale Ausbreitung d. Erdhülle* Schrifl. Berl. Ac. (1826) 1828. 103 — 127; *Bemerkungen über Veranschauligungsmittel räumlicher Verhältnisse bei geograph. Darstellungen durch Form und Zahl.* (1828) *Ibid* 1831. Риттеръ въ длинномъ прилѣчаніи, присоединенномъ къ этой выпискѣ, объясняетъ что всѣ эти соображенія составляющія «сравнительную Географію» принадлежатъ ему и если и находятся въ другихъ сочиненіяхъ то перешли изъ его печатныхъ мемуаровъ и изустныхъ лекцій. Мы считаемъ излишнимъ переводить это прилѣчаніе потому что нынѣ никто не сомнѣвается что всѣ излагаемые здѣсь выводы «сравнительной Географіи» принадлежатъ безспорно Риттеру и что онъ есть основатель всей этой новой науки или этого новаго направленія науки. — *Пр. Пер.*

Туловище Азіи, по геометрической фигурѣ своей, составляетъ большую трапецію, которой четыре неравные угла находятся: въ Суецкомъ перешейкѣ, внутри Тункинскаго залива, въ Шелангскомъ мысѣ и на В. отъ Новой Земли, на полуостровѣ при Карскомъ заливѣ, такъ что вся фигура простирается отъ сѣвернаго тропика нѣсколько за сѣверный полярный кругъ. Диагональ этой трапеціи отъ Ю.-З. къ С.-В. имѣетъ 1,200, а отъ Ю.-В. къ С.-З. — 800 г. м. (по измѣренію Бергхауза); сѣверная сторона ея, параллельная съ полярнымъ кругомъ, есть самая кратчайшая — 600 г. м., западная имѣетъ 660 г. м., восточная — 990, южная отъ Суеца до Тункина — 1,070 (*). Исключая этой трапеціи, которая, принимая все пространство Азіи въ 810,000 кв. м. (**), занимаетъ 655,000 кв. м., горизонтальное очертаніе части свѣта характеризуется выступами ея восточнаго, южнаго и западнаго береговъ, въ формахъ далеко выдающихся полуострововъ, носовъ и прибрежій, которые могутъ быть рассматриваемы какъ болѣе или менѣе отдѣльные члены обширнаго и широкаго туловища Азіи. Это именно: Чукотскій полуостровъ (3,000 кв. м.), направляющійся къ Америкѣ, Камчатка (4,000 кв. м.), Корея (7,000 кв. м.), выдающаяся дуга Китайскаго прибрежья, три большіе южные полуострова Дальней Индіи (38,000 кв. м.), Ближняя Индія (50,000 кв. м.) и Аравія (50,000 кв. м.), которые вмѣстѣ почти равняются величиною Европѣ, и наконецъ къ Западу — мостъ цивилизацій ведущій въ Европу — Малая Азія (10,000 кв. м., все въ среднихъ числахъ). Только сѣверный берегъ Азіи расчлененъ гораздо менѣе. Однакоже и онъ изрѣзанъ многими, далеко вдающимися въ него въ южномъ направленіи, морскими бухтами и индивидуализированъ многочисленными, выдающимися косами и мысами, гораздо болѣе чѣмъ африканскій берегъ, гдѣ только примѣчаются округленные

(*) Самое большое протяженіе Азіи отъ З. къ В. 1,300 г. м., а отъ С. къ Ю. въ меридіанѣ мыса Коморина. — *Пр. Пер.*

(**) Кромѣ острововъ, которыхъ пространство (включая и Зондскіе) составляетъ 78,000 кв. м. — *Пр. Пер.*

выемки и малочисленные заливы (совсѣмъ нѣтъ никакихъ фьордовъ, ни Inlets Британцевъ, ни даже русскихъ лимановъ). Однакоже, во внутренности Азии, остается еще очень длинное и широкое пространство, до котораго не касаются врѣзывающіяся моря и на которое должно смотрѣть какъ на туловище Азии, еще преобладающее надъ своими расчлененіями, въ противоположность съ Африкою, представляющею туловище безъ всякихъ расчлененій. Очевидно какое необыкновенное вліяніе должно было приобрести такое развитое береговое очертаніе на разнообразіе природныхъ и народныхъ отношеній; и дѣйствительно цѣлая периферія Азии является, во всѣхъ ея расчлененіяхъ и обусловленныхъ ими отношеніяхъ, вездѣ и во всѣхъ частяхъ своихъ, болѣе индивидуализированною чѣмъ Африка и только уступаетъ въ этомъ отношеніи Европѣ.

Меньшая изъ трехъ частей стараго свѣта, прислоненная очень выгодно съ западной стороны къ сосѣдней съ нею, при поверхностномъ взглядѣ на глобусъ, представляется въ видѣ небольшого сѣверо-западнаго развѣтвленія Азии, но даже и въ такомъ случаѣ является благороднѣйшимъ прививкомъ на этомъ дикомъ плодоносящемъ деревѣ. Въ горизонтальномъ протяженіи, она есть самая разнообразно-устроенная и потому труднѣ всего заключающаяся въ математическія рамки, на которыя однако же необходимо обратить вниманіе вездѣ гдѣ нужно схватить и выразить общія пространственныя отношенія. Форму туловища Европы можно нагляднѣе всего представить себѣ въ видѣ треугольника, граничащаго своею восточною стороною съ Азією, имѣющаго вершины угловъ при Карскомъ заливѣ, при устьѣ Волги или по другимъ возрѣніямъ при Азовскомъ морѣ, и при самомъ внутреннемъ углѣ Байонскаго залива въ Бискайскомъ морѣ. Три стороны треугольника: континентальная, раздѣляющая азіатскій континентъ отъ европейскаго (360 г. м. длинны), южная средиземная (425 г. м.), и сѣверо-западная океаническая (600 г. м.), простирающаяся отъ Бискайскаго до противулежащаго Новой Землѣ побережья Полярнаго моря,

замыкають европейскій континентальный треугольникъ, содержащій въ себѣ около $\frac{2}{3}$ цѣлой Европы. Въ этого континентального европейскаго треугольника, съуживающагося отъ В. къ З. въ болѣе и болѣе узкое пространство, расположены еще относительно многочисленныя расчлененія части свѣта, обращенныя на югъ, западъ и сѣверъ: удобство недостающее азиатскому континенту, который потому и остался замкнутымъ и менѣе доступнымъ съ сѣвера. Если мы представимъ себѣ, подобныя европейскимъ, Балтійскому и Нѣмецкому, средиземныя моря, далеко вторгающіяся съ С. изъ полярнаго Ледовитаго Океана въ Сибирь, къ озерамъ Байкальскому и Аральскому, какъ это могло быть прежде, то можетъ быть и тамъ разнообразно развилась бы сибирско-скандинавскія побережья (подобныя европейскимъ), съ особенными, но различными между собою природами, населеніями, культурами: отношеніе которое дано было въ удѣлѣ очертанію сѣверной Европы и еще физически можетъ быть предназначенной для того сѣверной Америкѣ, даже еще въ болѣе высокихъ широтахъ чѣмъ въ старомъ свѣтѣ.

Исключенныя изъ континентальной трапеціи Азіи расчлененія составляютъ 155,000 кв. м. или $\frac{1}{3}$ цѣлой части свѣта или болѣе. Въ Азіи туловище слѣдовательно преобладаетъ еще значительно надъ расчлененіями и потому высоко развитая культура послѣднихъ осталась большею частию исключенною изъ общей континентальной ихъ средины; въ Европѣ же напротивъ расчлененія начали уже, по пространству своему, брать перевѣсъ надъ туловищемъ и потому ихъ ранѣе развившаяся культура, какъ напр. въ Греціи и Италіи, должна была сообщиться ранѣе срединѣ части свѣта и выровнять гармонически цѣлое также ранѣе чѣмъ въ Азіи. Здѣсь, гдѣ самая разнообразно и индивидуально устроенныя расчлененія, какъ континентальныя, такъ и естественно-соотвѣтствующія имъ морскія, разумѣется въ болѣе удобныхъ широтахъ, снабженныя богатѣйшими дарами природы, могли рано развиться, каждая въ своемъ родѣ, въ особенныя міры, какъ напр. Китайскій, Малайскій, Индостан-

скій, Аравійскій, Мало-Азіатскій, обогатившіе всю часть свѣта разнообразѣйшими явленіями, здѣсь однакоже землерадѣтельные моря не проникли такъ далеко какъ въ Европѣ; обстоятельство въ этой послѣдней во всѣхъ отношеніяхъ способствовавшее индивидуальному развитію до самой середины замкнутого туповища. Такъ какъ широкая, болѣе развитая средина Азіи, въ своемъ огромномъ, почти недоступномъ протяженіи, осталась вообще преобладающею, то сами по себѣ значительныя расчлененія отстали въ сравненіи съ этою массою; и ихъ вліяніе должно было необходимо быть удерживаемо ею цѣлыя тысячелѣтія долѣе чѣмъ въ Европѣ. И такъ одни горизонтальныя отношенія должны были уже препятствовать раннему уравненію явленій въ цѣлой азіатской части свѣта, для того чтобы прежде приобретенный типъ цивилизаціи менѣе обширной по пространству и исторически болѣе юной, западной части (Европы), организовалъ бы въ послѣдствіи какъ восточныя, такъ и другія народныя колонизаціи нашей планеты.

Африка, которой при отсутствіи заливовъ и средиземныхъ морей, не доставало расчлененій, не могла принять участія въ развитіи этого плодороднаго дерева, пустившаго свои корни глубоко въ Азію и распространившаго свои, богатыя цвѣтами и плодами, вѣтви черезъ южную и западную Азію, а вершину черезъ Европу; и только расположенная тамъ гдѣ Африка помогаетъ къ образованію азіатскихъ и европейскихъ морей, счастливо граничащая съ обоими морями и имѣющая собственную, удобно устроенную рѣчную систему, страна — Египетъ — съ древнѣйшихъ временъ повинѣ принимала нѣкоторое участіе въ явленіи гуманнаго, человѣческаго развитія находясь внутри большаго континентальнаго полушарія⁽⁴³⁾, между тѣмъ какъ большая часть остальной Африки обращена къ внѣшнему водному полушарію земли (*). Культуры распространившіяся по другимъ африкан-

(43) См. Abhandl. über geogr. Stellung. I, с.

(*) О водномъ (пелагическомъ) и континентальномъ (теллурическомъ) полушаріяхъ, см. выше. — *Пр. Пер.*

скимъ побережьямъ съ противулежащихъ (европейскихъ) береговъ, остались тамъ, подобно перенесеннымъ изъ плодородныхъ мѣстъ на скалы сѣменамъ, прозябающими только кратковременно, потому что оны нашли въ этой почвѣ очень мало матеріаловъ къ самостоятельному питанію и зародышъ ихъ, безъ повтореннаго обновленія долженъ былъ вымереть или остаться незначительнымъ.

Необходимое слѣдствіе расчлененія есть большое *береговое развитіе* (Küstenentwicklung) расчлененной части свѣта. Если Азія въ 5 разъ и Африка въ 3 раза болѣе Европы, то эти отношенія площадей нисколько не соотвѣтствуютъ береговымъ периферіямъ; Азія имѣетъ правда 7,700 г. м. периферіи, но Европа еще 4,300, Африка только 3,500; береговое развитіе въ Европѣ слѣдовательно въ 4 раза болѣе чѣмъ въ Африкѣ, потому что 1 миля берега приходится на каждыя 37 кв. м. континента въ Европѣ и на 150 въ Африкѣ. Азія же занимаетъ средину между обѣими, хотя имѣетъ, по своей колоссальной величинѣ, разумѣется самую большую абсолютно береговую периферію (*), но одна миля берега въ ней приходится на 105 кв. м. континента, между тѣмъ какъ Европѣ, при наименьшемъ протяженіи, остается самое большое относительно береговое развитіе. Она, слѣдовательно, болѣе всѣхъ другихъ находится въ соприкосновеніи съ морями, открыта съ океанической стороны, сдѣлалась отсюда наиболѣе доступною, и береговая периферія ея, хотя расположенная посрединѣ континентальнаго полушарія нашей планеты, равняется однакоже, будучи растянута въ одну линію, почти длинѣ экватора. Береговая периферія Азіи представляетъ абсолютно такое длинное побережье, что еслибы оно находилось въ соприкосновеніи съ моремъ, растянутое въ видѣ кольца, то окружило бы весь шаръ земной. Вліяніе этого отношенія на всю природу частей свѣта, на ихъ орошеніе, климаты,

(*) Изъ 7,700 г. м. береговой ея периферіи, на Сѣверный океанъ приходится 1,620 г. м., Восточный — 2,100; Индійскій — 3,400 и Средиземное море — 880. —

скаты, теченія рѣкъ, сообщенія и средства къ умноженію ихъ соприкосновеній и движеній, ясно само собою. Мы припоминаемъ здѣсь только, очень замѣчательное и почти вездѣ связанное съ глубокимъ вторженіемъ морскихъ расчлененій въ песчаныя континентальныя, явленіе, терпящее только рѣдкія исключенія (напр. въ Австралійскомъ континентѣ), именно то, что вторженіе заливовъ притянуло почти вездѣ изъ внутренности континентовъ большія рѣки, соединяющія свои богатыя прѣсныя воды съ солеными Океаны, чѣмъ и обусловлено образованіе богатыхъ долинъ, служащихъ коммуникаціонными линіями земнаго шара, изнутри кнаружи. Это отношеніе, соответствующее расчлененію суши, выражается очень поучительно и въ Азій и показываетъ какъ глубокіе заливы принесли континентамъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ убыли отнятіемъ у нихъ части ихъ. Если въ Европѣ всему континенту сообщаются этими вдающимися трещинами рѣчныхъ долинъ всѣ удобства прибрежныхъ странъ, то довольно значительная часть азіатскаго континента, и даже не состоявшей въ соприкосновеніи съ моремъ ея средины, также наслаждается этими удобствами, но все же еще остается въ ней обширное, широкое континентальное пространство, въ которомъ преобладаютъ болѣе твердыя, неподвижныя формы; и оно то носило бы еще болѣе характеръ африканской природы—высшаго развитія неподвижныхъ, тропическихъ явленій—еслибъ не было такъ удобно прервано большими континентальными бассейнами Аральскаго и Каспійскаго морей, недостающими Центральной Африкѣ, и болѣе разнообразною формою его горныхъ рельефовъ.

Еще одно отношеніе горизонтальныхъ протяженій частей свѣта, очень важное для ихъ характеристики, есть образованіе острововъ или совершенно отдѣльныхъ отъ континента расчлененій; разумѣется не такихъ, которыя находясь въ необозримой дали отъ него, могутъ быть только причислены къ свободному, широкому, открытому океану, но такихъ, которыя лежатъ въ виду его и которыя мы можемъ назвать, въ противоположность

съ океаническими, прибрежными островами, расположены ли они уединенно, или двойными, или болѣе многочисленными группами и цѣпами. Они могутъ быть сгруппированы разнообразно и различно и составляютъ для различныхъ частей свѣта особенно выгодный даръ природы; потому что они, какъ спутники (трабанты) прибрежныхъ странъ, не только необыкновенно распространяютъ владычество континентовъ черезъ морскія пространства, но и обогащаютъ ихъ замѣчательнымъ и различнымъ образомъ. Ихъ группировка, положеніе и относительная величина, въ сравненіи съ континентомъ, также какъ и аналогія ихъ устройства съ строеніемъ противоположащихъ прибрежій, обуславливаетъ каждый разъ особенное индивидуальное значеніе функций ихъ вліаній на цѣлое; при оцѣнкѣ его въ особенности нужно беречься отъ поверхностнаго разсмотрѣнія однихъ мертвыхъ ландшафтовъ. Уже Страбонъ напр. называлъ очень вѣрно Сицилію удобнымъ придаткомъ (*προσθήκη*) (44) Италіи и тоже самое выраженіе превосходно обозначаетъ положеніе Цейлона относительно Индіи. Дѣйствительно, при внимательномъ разсмотрѣніи, Европа простираетъ свои расчлененія, какъ многочисленные руки, къ болѣе части своихъ сосѣднихъ острововъ, которые уже по тому самому должны были принимать важное участіе въ исторіи ея развитія. Стоитъ себѣ напр. только представить что Сицилія отнята у Италіи, древній Критъ и Архипелагъ у Греціи и британскіе острова у сѣверо-западной Европы, то тотчасъ является такое же обѣдненіе какъ въ Африкѣ, которой совершенно не достаетъ никакого инсularнаго приращенія. И дѣйствительно, единственный большой, сосѣдній съ этою частью свѣта островъ, Мадагаскаръ, по причинѣ своихъ крутыхъ формъ и трудно доступной отдѣльности, можетъ быть разсматриваемъ какъ удаленный, почти океаническій, оставшійся безъ вліанія на развитіе Африки, островъ (*); между

(44) Strabo VI. c. 4. § 1. ed. Tzsch. T. II p. 308.

(*) Справедливость этого замѣчанія Риттера очень убѣдительно доказывается тѣмъ, что Мадагаскаръ населенъ малайскими, т. е. океаническими, а не африканскими (не рскими) племенами. — *Пр. Пер.*

тѣмъ какъ Огненная земля, на южной оконечности Америки, своимъ инсулярнымъ продолженіемъ въ бурныя и опасныя антарктическія полярныя широты, сдѣлался скорѣе невыгоднымъ для развитія своей части свѣта — препятствіемъ а не помощью; такихъ отношеній мы не находимъ въ Азіи. Тѣмъ въ выгоднѣйшемъ положеніи находится въ этомъ отношеніи, вмѣстѣ съ Европою, и Азія, которой юговосточная сторона богаче всего надѣлена островами, окружающими ее вообще съ В. какъ бы особенною атмосферою, которая по своему протяженію составляетъ $\frac{1}{16}$ часть цѣлаго континента (50,000 кв. м.) (*) и распределена на три раза болѣе обширномъ треугольномъ пространствѣ, отъ Зондской цѣпи къ Новой Гвинее и черезъ рядъ Молуккскихъ и Филиппинскихъ острововъ къ Формозѣ и до Японіи, пространство которое почти равно величиною европейскому континенту. Здѣсь являются острова въ такой величинѣ и въ такомъ сгущенномъ количествѣ, съ такимъ богатствомъ особенныхъ явленій, что они почти не нуждаются въ континентѣ, находятся съ нимъ въ малой связи и содержатъ особенное человеческое племя — Малайское, въ слѣдствіе чего они не безъ основанія получили названіе отдѣльной, инсулярной части свѣта. Но если можно, въ этомъ отношеніи, разсматривать ихъ въ географическихъ сочиненіяхъ за самостоятельную группу, то не должно забывать взаимнаго вліянія континента и его спутниковъ, обуславливаемаго и обогатившаго ходъ исторіи природы и человечества въ этой части земной поверхности, гдѣ природа роскошно произвела такое множество острововъ и превратила ихъ въ замѣчательный соединительный мостъ между двумя частями свѣта, въ инсулярный перешеекъ отъ юго-восточной части Азіи къ сѣверо-западной Австраліи. Черезъ это возникъ здѣсь мінімумъ препятствій (для морскихъ сообщеній), въ сравненіи съ другими большими перешейками Панамскимъ и Суецкимъ, которые точно также служатъ соединеніями между сѣ-

(*) Причитая же японскіе и другіе азіатскіе острова, получимъ 75,000 кв. м.—

Пр. Пер.

верными и южными континентами, но въ возрастающей прогрессіи характеризуются какъ максимумъ препятствій для сообщеній отъ В. къ З.; въ слѣдствіе чего возникло постоянное стремленіе народовъ къ прорванію ихъ.

Восточная и юго-восточная стороны Азіи получили слѣдовательно, между всѣми частями свѣта, самое большое океаническое расширеніе посредствомъ прилежащихъ острововъ, съ наименьшими препятствіями для сообщеній между различными океанами, между тѣмъ какъ западная и сѣверо-западная стороны Азіи обогатились континентальнымъ расчлененіемъ, досрощимъ до значенія цѣлой части свѣта: мы говоримъ о Европѣ. Послѣдствія такихъ горизонтальныхъ протяженій очевидны. Мы заключаемъ нашъ общій обзоръ замѣчаніемъ, что именно въ Полинезіи находимъ мы примѣръ самаго большаго расщепленія и разорванія земной тверди; высшую степень обостровленія (*Insulirung*) твердыхъ массъ, обособленія (*Individualisierung*) земныхъ пространствъ, произведеннаго гдѣ бы то ни было раздѣленіемъ коры земной. Если бы подобное инсулярное расщепленіе, безъ всякой континентальной связи, было бы общимъ принципомъ топическаго устройства земли, какъ мы видимъ его въ высшемъ проявленіи въ лабиринтѣ этихъ тысячъ острововъ, то и исторія человѣчества приняла совершенно другой ходъ и для народовъ обитающихъ землю слѣдствіемъ этого была бы совершенная разъединенность. Если въ Азіи твердь и расщепленіе на острова поставлены другъ подлѣ друга самостоятельно и въ рѣзкомъ контрастѣ, то въ строеніи Европы находимъ мы напротивъ замѣчательную смѣсь и переходъ этихъ формъ одну въ другую, самое совершеннѣйшее уравненіе и удобнѣйшее устройство, какое только можно осуществить при горизонтальномъ распредѣленіи твердыхъ и жидкихъ формъ на нашей планетѣ, безъ неудобствъ совершенно инсулярнаго расщепленія юго-восточной Азіи, которой слишкомъ сильное расчлененіе совершенно контрастируетъ съ отсутствіемъ всякаго расчлененія примѣчаемымъ въ Африкѣ. Оба эти контраста должны

были дѣйствовать неодинаково и даже противоположно на всѣ естественныя отношенія, но въ горизонтальномъ образованіи пространствъ они были одинаково пренятствующими формами для развитія и перваго прогресса ихъ обитателей; одна именно въ слѣдствіе ея обусловленнаго слишкомъ большаго разскіянія и дифференцированія земель, а другая въ слѣдствіе слишкомъ большаго сгущенія одинаковыхъ по природѣ массъ. Въ этой самой индивидуализированной, инсулярной части нашей планеты (въ Полинезій), подѣ соединившимъ вліяніемъ наибольшихъ сырости и тропической теплоты, морскихъ и вулканическихъ дѣйствій, между двумя сосѣдними континентами на Ю. и С., слѣдовательно въ наибольшемъ (шахмат) всѣхъ конфликтовъ возможныхъ на землѣ условій, развилось какъ кажется самое большое разнообразіе (*), самая большая роскошь физической и земной природы, но не человѣческой или гуманной, которая подчинена другимъ началамъ. Еслибы, тамъ гдѣ физическая жизнь на земномъ шарѣ является въ высшемъ своемъ развитіи, могло бы съ нею совпасть и высшее развитіе человѣческой, народной культуры, въ одной и той же мѣстности, то здѣсь было бы для этого самое удобное мѣсто нашей планеты. Этого однакоже не случилось: ходу народовъ былъ предпозначенъ континентъ. Здѣсь то и проявляется большое значеніе континентальной Азіи: ей предпозначено было обусловить съ самаго перваго начала изъ своей среды ходъ народовъ, до самыхъ позднѣйшихъ вѣковъ, выравнить на своихъ Ю.-В. и С.-З. оконечностяхъ, на инсулярныхъ и пеннисулярныхъ продолженіяхъ стараго свѣта, самыя большія противоположности физическихъ и духовныхъ развитій планеты и употребить ихъ многостороннія произведенія для блага цѣлаго на всѣ будущія времена земнаго существованія, сообразно съ первоначальною волею и предопредѣленіемъ Творца міровъ.

(*) Не столько разнообразіе, сколько роскошь, потому что органическая природа острововъ, вообще мѣтѣ разнообразна, флоры и фауны ихъ значительно бѣднѣе чѣмъ на континентахъ. — *Пр. Пер.*

§ 5. *Вертикальныя отношенія, вертикальное расчлененіе.*

При горизонтальномъ расчлененіи, въ означенной береговою линіею расчлененной формѣ странъ, проявляется особенное развѣтіе, успѣхъ, усиленіе отношеній, обособленія (*Individualisierung*) каждой части планеты и извѣстная естественная система въ распредѣленіи земныхъ пространствъ; все это должно было служить теллурическимъ основаніемъ другихъ, необходимо произтекающихъ отсюда отношеній, почему, съ самаго начала существованія устроеннаго подобно воспитательному дому для рода человѣческаго земнаго міра, въ жизни народовъ не могъ играть значительной роли ни случай, ни самопроизволъ. Но полное вліяніе такого устройства земной поверхности, какъ въ частностяхъ такъ и вообще, не можетъ быть объяснено изъ односторонняго только разсмотрѣнія нѣкоторыхъ отношеній. Горизонтальное протяженіе, по широтамъ и долготамъ земли, т. е. *географическое*, составляетъ только одну сторону пространственныхъ отношеній въ которыхъ являются страны. Для полноты обзора ихъ строенія необходимо знать вертикальныя протяженія пространствъ, т. е. *физическія*, столь многократно дополняющія и обуславливающія первыя (т. е. географическія). Только вертикальныя протяженія даютъ понятіе о пластическомъ строеніи и вертикальномъ расчлененіи, черезъ знаніе которыхъ и самый взглядъ на страну или часть свѣта пріобрѣтаетъ жизнь, потому что отъ нихъ зависитъ распредѣленіе климатическихъ зонъ и живыхъ организмовъ. Потому приступаемъ мы къ общему обзору этихъ вертикальныхъ отношеній прежде нежели перейдемъ къ частностямъ. Азія не столь равномерно распредѣлена какъ Африка отъ С. къ Ю. на двѣ части: низменность и нагорье; она однако же также характеризуется естественнымъ типомъ очень высокаго и обширнаго непрерывнаго нагорья, сильнаго надутія земной коры, одной изъ трехъ главныхъ формъ земныхъ пространствъ (низменность, нагорье и террасовидная страна т. е. промежуточная форма между обоими). Форма

эта впрочемъ совсѣмъ не встрѣчается въ Австраліи, а въ Европѣ имѣеть немного, весьма ограниченныхъ по пространству и незначительныхъ по высотѣ своей, представителей. Америка же хотя и имѣеть столь же высокія (*), но очень мало связанныя между собою и, въ сравненіи съ Азіею, очень мало обширныя пространства этого рода, такъ что исполнивскія горныя цѣпи новаго свѣта остаются во всѣхъ протяженіяхъ преобладающими надъ плоскогоріями; между тѣмъ какъ въ Азіи напротивъ массивныя непрерывныя плоскогорія остаются преобладающими и обуславливаютъ характеръ пластики цѣлой части свѣта, несмотря на колоссальность ихъ ограничивающихъ горныхъ цѣпей.

Опредѣленія.

Для избѣжанія прежде очень повсемѣстно распространенныхъ недоразумѣній, мы здѣсь тотчасъ же постараемся опредѣлить въ точности значеніе употребляемыхъ нами словъ. Слово *нагорье* (Hochland) избираемъ мы для выраженія самого общаго понятія. Нагорье является въ видѣ *горной страны* (Gebirgsland) или *плоскогорія* (плоская возвышенность, столовидная поверхность, Tafelland, plateau): оба составляютъ два видовыя понятія родоваго—нагорья, смотря по преобладающей формѣ ихъ устройства. Если мы подъ послѣднимъ изъ этихъ именъ разумѣемъ общее, непрерывное сомкнутое поднятіе земныхъ массъ, то первое—горная страна (альпійская страна) представляетъ съ нимъ совершенно противоположное понятіе, потому что эта форма состоитъ изъ сгруппированныхъ горныхъ хребтовъ и цѣпей, которые хотя и тѣсно граничатъ другъ съ другомъ, но не представляютъ непрерывной поверхности плоскогорія, а напротивъ перерѣзаны во всѣхъ направленіяхъ глубокими долинами и трещинами и отдѣлены ими другъ отъ друга, какъ пред-

(*) Даже гораздо болѣе высокія, только подчиненныя горнымъ цѣпямъ плоскогорія, между тѣмъ какъ въ Азіи на оборотъ, горныя цѣпи, вышиною иногда даже превосходящія американскія, подчинены сосѣднимъ съ ними формамъ плоскогорія. — *Пр. Пер.*

ставляют примѣръ всё альпійскія страны. Подопва ихъ разумѣется можетъ также имѣть значительную высоту, но небольшая относительная вышина этого подножія исчезаетъ совершенно передъ возвышеніемъ горныхъ ихъ вершинъ. Значительное же общее возвышеніе, значительно ли оно абсолютно или только относительно окрестностей, характеризуетъ *плоскогорія* своею непрерывностью; между тѣмъ какъ большое частное возвышеніе отдѣльныхъ вершинъ, или цѣпей, или горныхъ проходовъ, между которыми находятся соответствующія этимъ возвышеніемъ углубленія, характеризуетъ *горныя страны*, большой ли они, средней или малой высоты. Въ нихъ то контрасты возвышеній и низменностей, соединенные на самыхъ малыхъ горизонтальныхъ пространствахъ, обуславливаютъ внутреннюю какъ и внѣшнюю, не только удвоенную, но многократно усиленную полноту природы, во всѣхъ ея проявленіяхъ на земныхъ поверхностяхъ. Этою то полнотою природы именно и не пользуются плоскогорія, которыхъ поверхности уразнообразены не глубокими трещинами долинъ, а развѣ только очень пологими впадинами и представляютъ гораздо болѣе однообразія и тождественности чѣмъ разнообразія. Въ слѣдствіе того они являются гораздо равномернѣе во всемъ, также и въ дѣйствіяхъ своихъ на явленія природы и національнаго развитія, в представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположность съ горными массами. Обширныя нагорья, въ вертикальномъ отношеніи, образуютъ отдѣляющееся отъ низменности вертикальное туловище, столь же непрерывное какъ континентъ въ горизонтальномъ отношеніи; частныя же или отдѣльныя возвышенности образуютъ вертикальныя расчлененія этого туловища, то нагроможденные на немъ (*Plateau-Gebirge, aufgesetzte Gebirge*), то окружающія его скаты (хребты окраины — *Rand-Gebirge*) то простирающіяся самостоятельно, безъ связи съ главнымъ нагорьемъ, поднимаясь прямо съ низменностей земли, подобно тому какъ океаническіе или прибрежныя острова поднимаются со дна морскаго; тогда они составляютъ обостривенныя горныя простран-

ства, которыя или разсѣяны случайно по обширнымъ измѣностямъ и даже морямъ, или стоятъ въ какомъ нибудь определенномъ отношеніи къ главному нагорью, въ видѣ спутниковъ, гласевоу, предгорій, передовыхъ цѣпей или горныхъ странъ и т. д., то есть въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ.

Однакоже всѣ эти формы нигдѣ не напечатлѣны въ дѣйствительности совершенно математически; ихъ можно преслѣдовать только въ болѣе или менѣе преобладающихъ отношеніяхъ, среди самыхъ разнообразныхъ соединеній, переходовъ и группировокъ. Слѣдовательно, и въ отношеніи къ Азій, только изъ сравнительнаго разсмотрѣнія съ другими родами вертикальнаго расчлененія коры нашей планеты, можемъ мы опредѣлить истинный мѣстный характеръ каждаго ея пункта. Но и здѣсь можно сказать съ достовѣрностью напередъ, что соединеніями и группировками этихъ особенныхъ формъ, какъ въ взаимномъ ихъ между собою отношеніи, такъ и въ распредѣленіи по горизонтальному туловищу и горизонтальнымъ расчлененіямъ земныхъ пространствъ, будетъ обусловлена природа сихъ послѣднихъ, вообще и въ частности, т. е. въ цѣлыхъ континентахъ и отдѣльныхъ странахъ, и что въ этихъ отношеніяхъ именно и заключается *физическая характеристика* странъ.

Исходнымъ пунктомъ нашихъ сравненій будетъ служить Америка, потому что ея расчлененія въ физическихъ протяженіяхъ намъ лучше всего извѣстны изъ ученаго изслѣдованія и мастерскаго изложенія Ал. Гумбольдта, которое имѣло организирующее вліяніе на методы разсмогрѣнія стараго свѣта и, до тѣхъ поръ оставшагося неизслѣдованнымъ, хаоса земныхъ рельефовъ, съ ихъ внѣшнимъ и внутреннимъ строеніемъ. Въ Америкѣ, колоссальныя линейныя протяженія въ длину (2,000 г. м. отъ С. къ Ю.), съ относительно очень незначительными ширинами (средняя ширина Южной Америки составляетъ только немного, а Сѣверной — нѣсколько градусовъ долготы), составляютъ преобладающую характеристику исполинскихъ рельефовъ великаго меридіаннаго хребта Андо-Кордильеровъ, которые въ различныхъ

узлахъ развѣтвляются или лучеобразно (Лосъ-Пастось, Анахуакъ), или болѣе параллельно (Верх. Перу, Квито, Каменистыя горы), и потомъ многократно соединяются опять, заключая между собою болѣе или менѣе обширныя, но всегда узкія отъ В. къ З., отдѣльныя массы поднятія, вѣющія форму плоскогорій или возвышенныхъ долинъ (въ Верх. Перу — бассейнъ озера Титикаки; въ Квито — плоскогоріе въ 50 м. отъ С. къ Ю. и менѣе 5 м. отъ В. къ З.; въ Мехикѣ — плоскогоріе, хотя болѣе широкое, но все еще съ преобладающимъ протяженіемъ въ длину). Только далѣе къ С., между параллельными цѣпами Каменистыхъ горъ (Rocky mountains), заключаются нѣкоторыя большія параллельныя плоскогорія ⁽⁴⁵⁾, переходяція также и въ низменности, но болѣе приближающіяся, какъ кажется, къ природѣ азиатскихъ плоскогорій (*). Горныхъ же группъ (**) или совѣтъ вѣтъ, къ связи съ американскими горными цѣпами и ихъ одвообразными развѣтвленіями, или онѣ являються въ совершенно подчашенныхъ къ нимъ отношеніяхъ.

Если, слѣдовательно, американскому континенту принадлежитъ нормальный характеръ самой длинной горной цѣпы земнаго шара, несмотря на то что въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ

(45) A. v. Humb. Voy. aux reg. equinox. Par. 1823. T. X. ed. 4. Esquisse d'un tabl. géogr. etc p. 4 — 222.

(*) Гумбольдтъ, на основаніи очень неполныхъ данныхъ, можно сказать угадалъ этотъ сравненіемъ истинный характеръ обширнаго Ново-Кашеерскаго плоскогорія, извѣстнаго подъ именемъ Great Basin. Это обширное плоскогоріе, вѣющее 8,000 кв. м. пространства и 670 туаз. (около 4,000 ф.) средней высоты, характеромъ своей песчаной солонцеватой степи, съ небольшими рѣками теряющимися въ глубокіхъ стоячихъ водахъ, значительными озерами (Great salt lake) и нагроможденными горными цѣпами (Humboldts Range), представляетъ миниатюру внутренне-азиатскихъ плоскогорій, отъ которыхъ отличается только своимъ относительно меньшимъ протяженіемъ. Гипсометрическія и другія отношенія его оцѣлдлись извѣстными только со времени войны Сѣверо-Американцевъ въ Новой Мехикѣ и Калифорніи, изслѣдованій Уакера и Фримона и поселенія Мормоновъ на оверѣ Юта. См. Fremont Report on the exploring expedition etc. New York. 1847 г. — *Пр. Пер.*

(**) Горная цѣпа есть такой рельефъ въ которомъ продольная ось безъ сравненія преобладаетъ надъ поперечною. Горная группа (или масса) — такой въ которомъ обѣ оси мало различны. — *Пр. Пер.*

пунтахъ исполнены Хималаи и превосходятъ высоту вершины Андояъ Верх. Перу, и потому самому Америка есть страна огромныхъ, преобладающихъ, хотя расположенныхъ только съ одной стороны ея горной оси неизменностей⁽⁴⁶⁾: то аматскій континентъ остается характеризованнымъ самымъ большимъ массивнымъ поднятиемъ земной коры, какъ по горизонтальному его протяженію, такъ и по вертикальной высотѣ (*). Прежняя наша Географія, при недостаткѣ положительныхъ свѣдѣній, погрѣшала однакоже, вдаваясь въ крайность и видя въ новомъ свѣтѣ вездѣ только горныя цѣпи, а въ старомъ — въ массивныхъ его возвышенностяхъ — только исключительно плоскогорія, между тѣмъ какъ, по тщательномъ изслѣдованіи, значительная часть подобныхъ территорій попала въ категорію пониженій, даже относительныхъ неизменностей.

Для того чтобы высказаться, столь ясно сколько позволяетъ нынѣшнее состояніе Географіи, объ этой главной, характеризующей цѣлую часть свѣта формѣ, замѣчаемъ мы вообще предварительно слѣдующіе факты, которыхъ объясненіе окажется ближе изъ позднѣйшихъ частныхъ изысканій. Такъ какъ Америка представляетъ самый большой рельефъ горнаго хребта; состоящаго не изъ одной, но изъ многихъ равнообразно развѣтвленныхъ или параллельныхъ цѣпей, то мы должны приписать новому свѣту *самую большую систему горной цѣпи, съ подчиненными плоскогоріями*, которыя являются въ заключающихся посредствѣ ея, спорадически распределенныхъ, въ сравненіи съ цѣлымъ ея протяженіемъ ограниченныхъ, горизонтальныхъ пространствъ, однакоже притомъ при очень значительныхъ абсолютныхъ высотахъ (Мехико 7,000 Футовъ 8,500', Лосъ-Пасъ

(46) Andreossy Mém. sur les depressions de la Surface du globe. Paris. 1826.

(*) По горизонтальному протяженію и массѣ по не вертикальной высотѣ, гораздо значительнѣе у небольшихъ американскихъ плоскогорій. Во всякомъ случаѣ въ Америкѣ плоскогорія подчинены горнымъ цѣпямъ, между тѣмъ какъ въ Авіи горныя цѣпи, хотя самыя колоссальныя земнаго шара, подчинены плоскогоріямъ. —

Цр. Пор.

гось 10,000', оз. Титикака 11,916'), окружены отчасти совершенно цѣпями и поддержаны на ихъ плечахъ, или представляютъ видъ возвышенныхъ продольныхъ долинъ, съ океаническими рѣчными ложами, какъ напр. продольныя долины р. Магдалены въ Южной и Рио-дель-Норте въ Сѣверной Америкѣ.

Наибольшая система нагорій съ преобладающими формами плоскогорій.

Азія представляетъ также въ своемъ рельефѣ не одну, а нѣсколько разнообразно устроенныхъ и расположенныхъ горныхъ массъ, такъ что ее можно назвать самою большою системою поднятія массъ нашей планеты, гдѣ плоскогорія преобладаютъ по протяженію надъ горными цѣпями и группами, хотя и въ сихъ послѣднихъ здѣсь нѣтъ недостатка и ихъ вершины даже достигаютъ до самой значительной абсолютной высоты. Горныя цѣпи однакоже, разсматриваемыя въ ихъ чисто нормальномъ типѣ въ этой системѣ поднятія массъ стараго свѣта, являются, въ сравненіи съ плоскогоріями, только подчиненными формами. За то хребты окраинъ этихъ преобладающихъ, во всякомъ случаѣ весьма обширныхъ плоскогорій, именно вслѣдствіе значительнаго протяженія и высоты сихъ послѣднихъ, являются въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ, какъ ни въ какой другой части свѣта, также и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, но всегда принадлежатъ плоскогоріямъ какъ его рамки, когда между нимъ и внутренними скатами окраинъ существуетъ непрерывная связь и нѣтъ прерывающей плоскогорія формы глубокихъ долинъ. Этимъ то и отличаются хребты окраинъ отъ свободно стоящихъ горныхъ вѣтвей, двойными скатами спускающихся на обѣ стороны, болѣе или менѣе равномерно или аналогически, въ одинаковыя или сродныя, расположенныя по обѣимъ сторонамъ низменности, какъ напр. Уралъ спускается къ европейскимъ равнинамъ на З. и азіатскимъ на В. Какъ типъ упомянутыхъ хребтовъ окраинъ, мы можемъ напр. представить Хималаю, которая съ южной своей подошвы высоко поднимается (съ

своими предгоріями) съ низменности Бехара и Бенгала, но спускается къ С. гораздо менѣе къ высокому плоскогорію Тибета, также какъ хребетъ горной окраины на С. отъ Пекина къ плоскогорію Гоби. Если эти два упомянутые хребта окраинъ замѣчательны своею высотой, то южные хребты окраины плоскогорій Ирана отличаются своею значительною шириною и необыкновенною длиною, слѣдовательно вообще этотъ родъ хребтовъ можетъ имѣть очень разнообразныя формы, потому-что послѣднія изъ приведенныхъ въ примѣръ совсѣмъ не замѣчательны своею абсолютною высотой. Крутое паденіе съ внутренней и террасовидный скатъ съ вѣшной стороны окраины кажутся однакоже преобладающею ихъ формою. Часто же эти хребты окраинъ, и именно въ Азіи, состоятъ не изъ одной цѣпи, а изъ нѣсколькихъ, даже изъ многихъ, слѣдовательно изъ цѣлой системы цѣпей, которыя, въ своемъ между собою паралелизмѣ, слѣдуютъ нормали окраины (какъ Хималаія, южно-персидская окраина, Тавръ); изъ нихъ самыя внутреннія иногда преобладаютъ надъ вѣшными (напр. Загросъ), а иногда случается и на оборотъ, какъ напр. въ Хималайѣ гдѣ внутреннія Тибетскія цѣпи своею абсолютною высотой уступаютъ вѣшнымъ (горамъ верховьевъ Ганга). Въ такомъ случаѣ хребты окраинъ принимаютъ типъ альпійскихъ системъ (по аналогіи съ европейскими Альпами, съ цѣлою сѣтью переплетающихся продольныхъ и поперечныхъ долинъ) и могутъ быть названы *альпійскими горными странами* (Alpen-Gebirgsländer, какъ напр. Индійская, Китайская, Даурская). Въ первомъ же случаѣ напротивъ образуютъ они какъ въ Африкѣ настоящіе *террасовидные скаты плоскогорій*, какъ напр. сѣверная окраина Персія къ Каспійскому морю и террасовидные скаты Гедрозін, Караманіи и древней Персіды къ Югу. Эти формы хребтовъ окраинъ могутъ быть выражены болѣе или менѣе (болѣе какъ въ уже приведенныхъ примѣрахъ, менѣе какъ напр. сѣверный склонъ Хорасана къ Гихону) и представлять переходы къ другимъ формамъ; однакоже въ сущности своей сохраняютъ онѣ тотъ

же самый главный характер и представляют, вмѣстѣ съ свободно стоящими горными цѣпами, два совершенно различныхъ горныхъ типа, изъ которыхъ первый по своей односторонности уступаетъ второму, съ двухъ сторонъ обогащающему всѣ отношенія природы. Потому напр. форма европейскихъ, почти исключительно свободно стоящихъ горныхъ системъ, имѣла гораздо болѣе выгодное вліяніе на развитіе народовъ чѣмъ азіатскіе хребты окраинъ. Дѣйствительно, европейскіе хребты падаютъ двумя скатами къ двумъ системамъ низменностей, слѣдовательно имѣютъ двѣ системы пониженій и орошеній, направленныхъ къ двумъ различнымъ морямъ, съ удвоенными отношеніями климатовъ и естественныхъ произведеній, потому двойнойъ услаждаютъ всѣ выгодныя вліянія горъ на отношенія народныя. Къ упомянутому же разнообразію рельефа азіатскихъ хребтовъ окраинъ принадлежатъ и то что они могутъ образовывать не только горныя цѣпы, но и горныя группы (съ мало преобладающею продольною осью), и кажется что большая часть китайской восточной окраины, въ особенности на Ю.-В. горныхъ массъ нагорной Азіи, получила въ удѣлъ эту форму, также какъ Западный Иранъ въ странѣ Курдовъ, Азербиджанъ и часть Арменіи.

Совершенно свободно стоящія и уединенныя горы не могутъ разумѣется быть причислены къ формѣ горныхъ странъ, когда онѣ не принадлежатъ совершенно системѣ поднятія нагорій; но часто, безъ точныхъ измѣреній ихъ общихъ основаній, очень трудно причислять ихъ къ такимъ системамъ или отчлѣнять отъ нихъ, если не встрѣтятся другія обстоятельства, могущія оправдать подобное причисленіе въ географическомъ т. е. пространственномъ отношеніи. Если онѣ суть напр. мало-или-мнѣе непрерывныя продолженія нагорій, слѣдовательно очевидно принадлежащія къ общему поднятію, но превратившіяся въ свободно стоящія горныя цѣпы, то онѣ являются въ видѣ отчлѣняющихся, болѣе или менѣе отдѣленныхъ членовъ, рукавовъ и вѣтвей, какъ напр. въ юго-восточной Азіи — Малакская цѣпа Дальне-Индійскаго полуострова, въ сѣверо-восточной Да-

урской альпийской странѣ—Яблоновый хребетъ, а въ Западной Азій, къ Ю.-З. отъ прорыва Евфрата черезъ южную Таврскую цѣпь — Сирійскій береговой хребетъ (Ливанъ). Если же онѣ не принадлежатъ къ такому типу, именно не связаны положительно съ нагоріемъ промежуточными цѣпями, но съ другой стороны не расходятся съ нимъ въ своемъ нормальномъ направленіи, но напротивъ показываютъ въ своемъ положеніи къ нему определенное отношеніе, напр. сопровождаютъ нормальное направленіе нагорія, какъ напр. Кавказъ, простирающійся отъ Ю.-В. къ С.-З., то ихъ все еще должно разсматривать какъ принадлежащими къ системѣ поднятія нагорія, но разумеется какъ болѣе или менѣе отдѣлившимися членами, только не отвѣтвляющимися, отъ него а сопровождающими его или параллельными съ нимъ— два главные класса въ которые мы можемъ соединить ихъ удобно для уразумѣнія. Можно назвать ихъ также отдѣльными спутниками или предгоріями главнаго нагорія, или если онѣ отдѣлены отъ него вездѣ или на значительныхъ протяженіяхъ, значительными углубленіями или, по аналогіи съ искусственными укрѣпленіями, большими гласисами (*) системы, какъ напр. кажется Алтай, который, по изслѣдованію Ал. Гумбольдта, составляетъ не хребетъ окраины, но скорѣе большой гласисъ нагорія внутренней Азій, при чемъ все равно принадлежитъ ли онѣ къ типу цѣпи или группы (47). Возможно что найдутся еще другіе такіе типы на Ю.-В. нагорной Азій. Этимъ однакоже еще не исчерпана форма и положеніе горныхъ типовъ, принадлежащихъ къ нагорію внутренней Азій; остается еще замѣчательная форма—горныхъ цѣпей нагроможденныхъ на поверхности плоскогорій въ тѣсномъ смыслѣ. Но симъ послѣднимъ типомъ оканчиваются въ сущности понятія о горныхъ формахъ, относительно ихъ взаимнаго поло-

(*) Такъ я рѣшился перевести слово Umwallung. Сравненіе съ гласисомъ нѣтъ никакого точнѣе: если плоскогоріе или нагоріе можно сравнить съ цѣлою массою укрѣпленія, то брустверь его соответствуетъ хребту окраины, а находящаяся впереди нея насыпь, называемая гласисомъ, представляетъ то что Риттеръ называетъ Umwallung. — *Пр. Пер.*

(47) A. v. Humboldt, Ueb. Vulcane Inner-Asiens I. c. p. 6.

женія и мы исчерпали главныя отношенія ихъ возможныхъ положеній, достаточно для избѣжанія всякой сбивчивости и недоразумѣнія въ дальнѣйшемъ ходѣ нашихъ изслѣдованій.

Характеристика.

Возвращаясь къ ближайшей характеристикѣ упомянутой большой системы нагорія внутренней Азіи, мы видимъ что она, во всей своей обширной связи, составляетъ менѣе $\frac{1}{2}$, около $\frac{2}{5}$ всей части свѣта (нагорная Африка составляетъ $\frac{3}{5}$ своей части) или площадь по крайней мѣрѣ въ 340,000 кв. м. (*) и простирается по длинѣ на 1,200 г. м. черезъ всю Азію, отъ Корейскаго приморья до Чернаго моря. Самая большая ширина, на ея восточномъ краѣ, отъ С. къ Ю., или точнѣе отъ С.-З. къ Ю.-В., составляетъ отъ 400 до 500 г. м., отъ южнаго склона Юнь-Нава до Тунгузскихъ сѣверо-восточныхъ горъ; на восточномъ же краѣ Ирана, т. е. посрединѣ, эта ширина не превосходитъ 150 г. м., отъ крутаго берега древней Гедрози съ С. до сѣвернаго бактрійскаго ската къ Гихону. Далѣе къ З. это нагоріе, значительно сѣзвившись между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, повторяется еще разъ въ горныхъ массахъ Арменіи, и представляетъ горизонтальное уменьшеніе на самомъ далекомъ Западѣ, на полуостровѣ Малой Азіи, гдѣ ширина плоскогорія составляетъ только $\frac{1}{10}$ его восточной ширины. Это колоссальное нагоріе земнаго шара раздѣляется тотчасъ же на двѣ части, какъ по формѣ своей, такъ и по горизонтальному и вертикальному протяженію, или горизонтальному и вертикальному расчлененію. Оно состоитъ именно изъ двухъ различныхъ, возвышенныхъ площадей, которыя вообще можно разсматривать какъ

(*) Впрочемъ значительно менѣе, потому что многія страны причисляемыя къ азіатскому нагорію, какъ кажется, принадлежатъ низменностямъ. Гувбольдтъ есть первый авторитетъ возставшій противъ преувеличенныхъ понятій о большой высотѣ и непрерывности восточно-азиатскаго плоскогорія. См. дополненіе къ § 3. —

Пр. Пер.

двѣ различныя террасы, нѣтъ коихъ одна выше (*) и обширнѣе, другая ниже и менѣе; онѣ различаются слѣдовательно геометрическою фигурою, величиною и абсолютною высотой.

Это суть:

1) Восточная нагорная Азія, съ системою плоскогорій Тибета и нагорной Монголіи, Шамо и Гоби, имѣющая отъ 8 до 10,000 пар. ф. средней выс. надъ ур. м. (**); во многихъ мѣстахъ поднимается она еще выше, въ другихъ опускается значительно ниже.

2) Западная нагорная Азія, съ системою плоскогорій Ирана, остающаяся на высотѣ 4,000 ф. надъ ур. м., (Испаханъ 4,140 пар. ф. по наблюденію Фразера и вычисленію Кнорра, Техеранъ 3,786, Кашанъ и Кумъ между обоими 2,508, 2,046')⁽⁴⁸⁾, потому высокая площадь ближней Азіи, есть по преимуществу умѣренная, а площадь дальней по преимуществу суровая.

Разграниченіе и соединеніе.

Оба нагорія служатъ другъ другу непрерывнымъ продолженіемъ и составляютъ части одного надутія земной коры, но они суживаются именно при своемъ взаимномъ прикосновеніи и очень характеристически отдѣлены другъ отъ друга этимъ суженіемъ ихъ, высоко поднятыхъ въ мощный горный узелъ, горныхъ массъ. На оконечностяхъ ихъ именно на Ю.-В., С.-В., Ю.-З., С.-З., отдѣляются, какъ мы уже сказали, отъ этой главной массы нагорной Азіи, различныя отдѣльныя горныя вѣтви, болѣе или менѣе принадлежащія къ главному туловищу. Слѣдовательно нагоріе Азіи, представляетъ не однообразно замкнутый но, какъ на поверхности, такъ и на оконечностяхъ своихъ, многообразно развѣтвленный, обширный типъ природы, и потому вся Азія поставлена цѣлою ступенюю теллурическаго развитіи

(*) Обширнѣе, но не выше. См. дополненіе къ § 5. — *Пр. Пер.*

(**) Только 4,000 фут. См. дополненіе къ § 5. — *Пр. Пер.*

(48) J. Ottmanns Grundlagen der Erdbeschr. 1831. 8. I. p. 280.

выше Африки, въ вертикальномъ, точно также какъ и въ горизонтальномъ своемъ расчлененіи. Кромѣ того, нагорная Азія расположена не какъ нагорная Африка на одной околичности, но на самой срединѣ своей части свѣта, растянута черезъ нее отъ В. къ З. и находится въ соприкосновеніи со всѣми ея другими частями, оставляя однакоже еще большія, не наполненные ею пространства, какъ на Ю. и С., такъ и на В. и З. Только на очень небольшихъ, въ сравненіи съ Африкою, пространствахъ спускается азиатское нагоріе, въ неудобной формѣ крутыхъ береговыхъ окраинъ, непосредственно, безъ промежуточныхъ равнинъ, къ морямъ, какъ напр. тунгузскій восточный съездъ на берегу Айносовъ и персидская южная окраина отъ Белуджистана къ Гедросіи и Караманіи, между устьемъ Инда и Ормузскимъ проливомъ, къ Индо-Персидскому морю, а на отдаленномъ З.—Альбурсъ къ Каспійскому морю, Кавказъ и Тавръ къ Понтійскому. Но всѣ эти протяженія очень коротки и незначительны относительно цѣлаго очертанія.

Положеніе.

Потому положеніе этаго нагорія гораздо удобнѣе африканскаго. Оно понижается постепенно не на одинъ Сѣверъ, но спускается въ обширныя равнины, окружающія его со всѣхъ сторонъ, къ различнымъ океанамъ, въ разнообразнѣйшихъ геометрическихъ очертаніяхъ, съ измѣняющимися подъ различными зонами рельефами. Такое положеніе способствовало къ развитію, въ самомъ колоссальномъ масштабѣ, многочисленныхъ, очень длинныхъ и богато развѣтвленныхъ водныхъ системъ, которыхъ уступы со всѣхъ сторонъ образуютъ переходныя формы отъ нагорія къ низменности, потому-что здѣсь они имѣли достаточное пространство для своего развитія, между тѣмъ какъ на океаническихъ сторонахъ африканскаго плоскогорія только узкія побережья, неудобныя для народныхъ населеній и государственныхъ развитій, окружаютъ крутые скаты нагорій. Кому не ясно представляется прорывающееся отсюда безконечно большее бо-

гатство Азии въ естественныхъ формахъ и тинахъ странъ, таини и разнаго рода произведеніяхъ и вліяніе которое пріобрѣлъ черезъ это окрестныя страны на общую средину. Не говоря уже о различныхъ произведеніяхъ природы, изъ этой средины произошли великія событія народной исторіи, мѣстно обусловленныя ея положеніемъ: она именно служила колыбелью роду человѣческому, изъ нея распространились необходимыя потребности осядлой жизни: питательныя растенія и домашнія животныя; изъ нея наконецъ вышло переселеніе народовъ и ихъ первыхъ цивилизацій, вдоль рѣчныхъ долинъ, во всѣхъ направленіяхъ, и за ними послѣдовали преданія, легенды основаній государствъ и релігіозныхъ системъ, также какъ и никогда не прерывающіеся импульсы народовъ, вышедшихъ оттуда и сдѣлавшихся исторически извѣстными въ теченіе тысячелѣтій, отъ временъ Массагетовъ, Скивовъ, европейскаго переселенія и болѣе ранняго распространенія Арамейцевъ до Кавказцевъ, Иранцевъ, Парянъ, Турковъ, Монголовъ, Афганъ, Бухарцевъ, Маньчжуровъ и т. д.

Потому одинъ великій историкъ ⁽⁴⁹⁾ находилъ въ этомъ нагоріи естественную границу между кочевою и осядлою жизнью Азіатовъ (подъ 40° с. ш.), между пастбищами и полями, причемъ онъ однакоже выпустилъ изъ виду среднюю натуру Западной нагорной Азии. Другой талантливый, но менѣе извѣстный историкъ ⁽⁵⁰⁾ полагалъ себя въ правѣ назвать это нагоріе историческимъ поясомъ, потому что отъ него первоначально распространились къ С. и Ю. всѣ потоки народныхъ переселеній и линіи распространенія народныхъ культуръ стараго свѣта, со времени постепеннаго оушенія континента.

Однакоже, такъ какъ это центрально-азиатское нагоріе, въ полномъ своемъ проявленіи, есть предметъ слишкомъ колоссальный, то мы должны раздѣлить и разложить его на отдѣльныя части и, пройдя черезъ точнѣйшее ихъ изслѣдованіе, перейти,

(49) Heeren Ideen, Asia, см. Einleitung.

(50) P. F. Kannegiesser Grundriss der Alterthumswissenschaft. Halle. 1815. 8.

при заключеніи нашего очерка, опять къ вѣрному и правильному обзорѣнію цѣлаго.

Пограничныя столбы.

Кромѣ уже названныхъ крутыхъ морскихъ прибрежій, слѣдующія горныя массы, спускающіяся въ прилежащія низменности, служатъ пограничными столбами азіатскаго нагорія: къ С. и С.-З.—Кавказъ и Тавръ, къ С.—Альбурсъ съ своими продолженіями; далѣе Алтай и къ С.-В.—даурская альпійская страна; на широкой восточной окраинѣ — горы внутренняго Китая, не носящія особенныхъ названій, отъ западной оконечности китайской стѣны къ Югу, до свѣжныхъ горъ (Сюэ-Шань) Гуаньси (Kouangsi) и Юнь-Нана (Yunnan) и до внутренняго угла Тункинскаго залива; къ Ю.—Хималаи съ своими восточными продолженіями и западнымъ Индуку; на южномъ отрогѣ плоскогорія Ирана — высокія предгорія Белуджистана къ Индѣйскому Океану и отътуда крутой персидскій береговой хребетъ, который вездѣ очень опредѣленно ограничиваетъ массивную возвышенность до таврской цѣпи, въ верховьяхъ Тигра и Ефрата, со стороны Персидскаго залива и вавилоно-мессопотамской низменности (*).

Раздѣленіе на восточную и западную части.

Восточная нагорная Азія отдѣлена въ своей естественной формѣ отъ Западной, или Западный Тибетъ отъ Восточнаго Ирана, между меридіанами 88 и 90° в. долг., такъ что все еще между Аттокомъ на Индѣ (34° с. ш.) и Бадамканомъ на Гихонѣ (37° с. ш.) остается на 50 г. м. ширины, разумѣется суженное, но непрерывное соединеніе горнаго рельефа. Очертаніе восточнаго нагорья, на границѣ съ равниною, не имѣетъ треугольной формы Африка, но представляетъ видъ нѣсколько несимметрическаго ромба или неправильной трапеціи; фигура же запад-

(* Гумбольдтъ даетъ этому хребту классическое названіе Загросъ. См. Humboldt Central-Asien übers. v. Mahlman T. I. p. 148. — *Пр. Пер.*

наго имѣть форму протянутого къ С.-З. длиннаго четырехугольника, котораго прямыя углы обращены къ В.: оно занимаетъ только $\frac{1}{3}$ пространства перваго (*), но за то состоитъ большею частию изъ плоскогорій, между тѣмъ какъ въ восточномъ ромбѣ половина всей поверхности занята горными странами. Обѣ ея большія возвышенныя массы сталкиваются не краями своими, но противопоставленными углами; именно юго-западнымъ одной (Западный Тибетъ и нагорная Бухарія) и сѣверо-восточнымъ другой (Восточный Иранъ или Афганистанъ). Соединительная, посредствующая часть, находящаяся въ этомъ замѣчательномъ служеніи главнаго нагорія, извѣстна со временъ похода Александра Македонскаго подъ именемъ Индѣйскаго Кавказа, иначе Инду-ку или Инду-кушъ т. е. индѣйскій горный хребетъ; она составляетъ не одну простую цѣпь, но цѣлую систему горныхъ цѣпей большой высоты, настоящую альпійскую страну, соединяющую оба горные рельефа и представляющую замѣчательную, но мало извѣстную горную средину всей части свѣта, потому что она сохранила до сихъ поръ свою недоступность и первобытную независимость жителей. Еслибы мы вообразили себѣ всѣ низменности Азіи покрытыми водою, то здѣсь образовался бы перешеекъ, подобный панамскому, только болѣе гористый и соединяющій не какъ въ Америкѣ Сѣверъ съ Югомъ, но Западъ съ Востокомъ, потому что въ естественной формѣ Азіи, какъ вообще такъ и въ частности, Востокъ и Западъ сформировались въ два особенные типа. Въ этой физической горной срединѣ части свѣта и лежитъ причина естественнаго ея раздѣленія и контрастъ Востока и Запада, которые не имѣютъ между собою ничего общаго и только соединены, какъ мы это покажемъ, переходными формами.

Паралелизмъ и конвергенція.

Къ этому необыкновенному соприкосновенію двухъ огромныхъ горныхъ рельефовъ присоединяется еще другая особен-

(*) 73,600 кв. м. — *Пр. Пер.*

ность, состоящая въ преобладающемъ направленіи горныхъ ихъ цѣпей отъ В.-Ю.-В. къ Э.-С.-З., почему въ строеніи цѣлой горной системы и примѣчается замѣчательный паралелизмъ, сохраняющій, очевидно при первомъ взглядѣ, свое вліяніе на большую часть хребтовъ окраинъ, нагроможденныхъ (на плоскогоріяхъ) цѣпей и даже на нѣкоторыя изъ сопровождающихъ предгорій.

Паралелизмъ, распространенный на такихъ обширныхъ пространствахъ, заставляетъ насъ заключать о столь же грандіозной общей причинѣ огромнаго явленія; можетъ быть это были ⁽⁵¹⁾ жиловидныя, паралельныя, направленные къ Э.-С.-З. и образовавшіяся изнутри трещины, на которыхъ подняты подземными силами горыя цѣпи. Но такъ какъ это поднятіе не было совершенно ни равномерною распределенною силою, ни вездѣ одновременно, а въ послѣдовавшіе другъ за другомъ періоды, и потому самому могло встрѣтиться разныя препятствія въ отвердѣніи земной коры и въ покровѣ ея поверхности, то произошли болѣе раннія и болѣе позднія, древнѣйшія и новѣйшія поднятія (что и показывается различіемъ геогностическихъ свойствъ горныхъ породъ), которыхъ вуть однакоже былъ приготовленъ первобытными трещинами. Эта величественная 'ипотеза ⁽⁵²⁾ соединяетъ очень различныя и отдаленныя предметы, но систематикѣ ихъ тепическаго устройства, въ генетическіе ряды и въ поучительную каузальную связь явленій, которыхъ внутренній геогностическій характеръ, неизвѣстный еще здѣсь на Востокѣ, можетъ быть 'ипотезированъ по аналогіи съ изслѣдованнымъ на Западѣ, въ новомъ свѣтѣ; но оставаясь 'ипотезою, онъ послужитъ здѣсь только (такъ какъ нельзя объяснить явленія спокойнымъ морскимъ осадкомъ) къ тому, чтобы живѣе предста-

(51) A. v. Humboldt, Ueber Vulcane Inner-Asiens p. 320 l. c.

(52) L. v. Buch, Ueber die geognostischen Systeme von Deutschland nebst Karte. 1824, в El. de Beaumont, Recherches sur quelques unes des révolutions de la surface du globe etc. в Ann. des sciences natur. par Audouin et Brongnart. Par. T. XVIII et XIX. 1830.

вить намъ общія отношенія (до тѣхъ поръ пока они не будутъ объяснены послѣдующими, болѣе глубокими изслѣдованіями) и заставить насъ не придавать небольшимъ различіямъ и уклонамъ большаго вѣса, чѣмъ они заслуживаютъ, на что мы и укажемъ вездѣ специально при мѣстныхъ нашихъ описаніяхъ. Нельзя не замѣтить паралелизма южной окраины, въ ея нормальномъ направленіи, діагональномъ между меридіанами и паралельными кругами, на всемъ ея протяженіи, какъ въ восточной, такъ и въ западной нагорной Азій. Южный склонъ тибетскаго плоскогорія, обозначенный хребтомъ окраины Хималайскимъ (отъ 137° — 90° в. д. отъ Ф., 600 г. м. длины), простирается совершенно параллельно съ южнымъ склономъ Иранскаго плоскогорія, котораго южный пограничный валъ означенъ Таврскою системою *) (отъ 85 до 45° в. д. отъ Ф., 540 г. м.), отъ устья Инда до самаго западнаго мыса мало-азійскаго Тавра въ Ливіи—Cragus mons и Chimaera promontor — противъ ос-ва Родоса. Совершенно параллельно съ этой южной окраиной западнаго плоскогорія, простирается и сѣверная ея окраина, откуда и происходитъ упомянутая фигура протянутого къ С.-З. прямоугольника, съ паралелизмомъ всѣхъ отдѣльныхъ членовъ, но стремленіемъ къ уменьшенію ширины горныхъ массъ и кажущееся конвергенціею обѣихъ краевъ къ западу. Дѣйствительно, отъ Инду-ку идетъ черезъ Хорасанъ та же самая, хотя кое-гдѣ понижающаяся горная линія до высокаго Альбурса и Демавенда на С. отъ Техерана, полагающаго южный предѣлъ Каспійскому морю, в оттуда черезъ Азербайжанъ и Армению, вдоль сѣвернаго склона Малой Азій къ Черному морю, со многими измѣненіями поверхностей до Олимпа близъ Бруссы и Фракійскаго Босфора, и даже до болѣе расчлененной Южной Европы. За Каспійскимъ моремъ, отъ полуострова Абшерона до восточнаго угла Крымскаго полуострова, почти въ одной широтѣ и одномъ направленіи съ Небеснымъ хребтомъ (Тянь-Шаномъ), но нѣ-

*) И системою Загросъ. — *Пр. Пер.*

сколько вдали къ С. отъ западнаго плоскогорія, подобно Алтаю, простирается, какъ замѣчаетъ Ал. Гумбольдтъ, съ тѣмъ же паралелизмомъ — Кавказъ (отъ 67 — 55° в. д. отъ Ф., 150 г. м. длины), съ своими порфирами и трахитами, поднятый вѣроятно на той же самой жилковидной трещинѣ⁽⁵³⁾, на которой далѣе къ В. поднялся Небесный хребетъ. Точно также ясно можно узнать въ упомянутомъ хребтѣ сѣверо-персидской системы Альбурса, которую мы, въ противоположность съ южною, можемъ назвать сѣвальною таврскою системою (отъ 88—45° в. д. отъ Ф., 560 г. м. дл.), дальнѣйшее дѣйствіе трещины Хималайн и Инду-ку (*).

Въ восточной нагорной Азій этотъ паралелизмъ не является въ такой правильности ни въ хребтахъ окраины, ни въ нагроможденныхъ цѣпяхъ (**). Однакоже, въ отдѣльныхъ цѣпяхъ Хималайской системы и другихъ, онъ очень ясенъ и довольно значителенъ; но въ нагроможденныхъ цѣпяхъ Кунь-Лунѣ (въ широтѣ 38° — 30' отъ В. къ З.) и Тянь-Шанѣ (въ широтѣ 42°) хотя еще и проявляется преобладающій паралелизмъ отъ З. къ В. между собою, но въ отношеніи къ нормальному направленію хребта окраины (отъ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З.) въ западномъ направленіи, скорѣе конвергенція къ внутренности большой впадины стараго свѣта, гдѣ поперечный хребетъ — Болоръ или Белуръ-Тагъ (Имаусъ древнихъ) — соединяетъ эти конвергирующія западныя оконечности различныхъ цѣпей на западномъ склонѣ нагорья, называемомъ нами Туркестанскою альпійскою странною, или sich anschaagt, по выраженію германскихъ рукокопцовъ, подъ прямымъ угломъ и даже пересѣкаетъ ихъ⁽⁵⁴⁾. Пото-

(53) Kupffer, Voyage dans les environs du mont Ebroix d. l. Caucase etc. St.-Petersb. 1830. 4. p. 11, 24, 28, 64.

(*) Гумбольдтъ рассматриваетъ эту сѣвальною таврскую систему (Альбурсъ) какъ продолженіе трещины на Хималайн, а Кунь-Луна. См. дополн. къ § 5. — *Пр. Пер.*

(**) Гумбольдтъ, напротивъ, признаетъ этотъ паралелизмъ, разувѣтается только до меридіана Иркутска, откуда горныя цѣпи дивергируютъ, и придаетъ ему особую важность. См. дополненія къ § 5. — *Пр. Пер.*

(54) A. Humboldt l. c. p. 319.

му на В. тѣ же самыя цѣпи или хребты окраины все болѣе и болѣе расходятся (дивергируютъ), что уже съ перваго взгляда видно изъ нормальнаго направленія восточнаго продолженія Хималайской системы на Ю.-В. и Алтайской на С.-В. къ Байкалу и Даурской окраинѣ. Самыя же большія отклоненія являются въ самыхъ отдаленнѣйшихъ восточныхъ горныхъ расчлененіяхъ, отклоняющихся на Ю.-В. къ Малаккѣ и Зондской цѣпи, а на С.-В. къ Охотскому морю и протянутому къ Америкѣ Чукотскому носу. Напротивъ же, упомянутая конвергенція на западѣ, вообще, при постоянномъ паралелизмѣ подчиненныхъ членовъ, остается вездѣ одинаковою въ плоскогоріи Ирана; да-лѣе же — въ Малой Азіи — нагоріе, какъ уже было упомянуто, суживается, выдаваясь однакоже къ С. въ Кавказской цѣпи, и такимъ образомъ слѣдуетъ нѣсколькими, только мгновенно прерванными уступами, оставаясь вѣрно тому же паралелизму, но суживаясь на трещинѣ своего поднятія къ З.-С.-З., черезъ всю Южную Европу, Гемусъ, Альпы и Пиреней, и продолжаясь, въ сродной системѣ своего устройства, въ томъ же направленіи, она достигаетъ дальнѣйшей своей атлантической оконечности въ болѣе и болѣе суживающейся и расчлененной Южной Европѣ на Иберійскомъ полуостровѣ. Къ югу же отъ сего послѣдняго, береговой средиземный хребетъ, простирающійся отъ В. къ З. — Атласъ — какъ параллельный спутникъ испанскаго плоскогорія, поднимается африканскимъ островомъ посреди обширной низменности, подобно какъ Кавказъ и Алтай расположены гласисами передъ сѣверной окраиной нагорной ближней и дальней Азіи, со стороны обширныхъ сѣверныхъ низменностей. Этой конвергенціи и увеличивающемуся суженію нагорія къ западу, ближняя Азія обязана своею обозримостью и болѣею доступностью для всякихъ народныхъ отношеній, а встрѣчающимся при этомъ перерывамъ — началу необыкновенно выгоднаго вертикальнаго расчлененія западной своей оконечности. Сосѣдняя съ нею Европа, во всемъ своемъ западномъ расширеніи, получила вслѣдствіе этого естественное свое раздѣ-

леніе, въ горной діагонали, простирающейся въ нормальномъ направленіи Кавказа, Карпатовъ и Судетовъ, до Тевтобургскаго лѣса за Везеромъ, и прорванной только Днѣстромъ на югъ, Ельбою и Везеромъ на сѣверъ. Къ сѣверо-востоку достались ей въ удѣлъ обширныя ея низменности, къ юго-западу же расширеніе этой горной діагонали раздѣляетъ ее на горныя ея группы, отчего въ этихъ узкихъ, необширныхъ, многообразно прерванныхъ пространствахъ и произошло самое разнообразное развитіе, вертикальное и горизонтальное расчлененіе, съ очень впрочемъ подчиненными формами плоскогорій. Потому Европа имѣетъ почти вездѣ свободно стоящія, слѣдовательно съ двухъ сторонъ обогащенныя горныя системы, которыя, съ вставленными въ нихъ низменностями, равнинами и разнообразно пересекающими ихъ долинами, должны были приготовить и дозволить обитающимъ ихъ племенамъ болѣе индивидуальное развитіе ихъ народныхъ группъ, государствъ и индивидуумовъ, въ совершенно другой прогрессіи чѣмъ во всякой, характеристически различно устроенной, другой части свѣта.

Восточная окраина поднятія нагорной Азіи, характеризуемая именно дивергенціею всѣхъ своихъ расчлененій (что ясно видно изъ дивергенціи рѣчныхъ ея долинъ отъ рѣкъ дальней Индіи, мимо двухъ большихъ китайскихъ рѣкъ, до Амура), получила необходимо въ удѣлъ и дивергирующія природныя и народныя отношенія, именно вездѣ удаленныя, разбросанныя, несвязныя, трудно доступныя массы и формы, которыя даже не могли быть приведены въ гармоническое развитіе политикою очень рано образованнаго, большаго государства — Китайскаго; но для того, можетъ быть, и должно было развиться здѣсь это государство, чтобы выровнять постепенно, политическими учрежденіями, разъединенныя естественныя отношенія, разумѣется только приготовительно къ болѣе высокому назначенію, почему до сихъ поръ могло произойти здѣсь только одно вышнее и поверхностное сліяніе и соединеніе.

Высшей же степени дивергенціи достигаетъ цѣлая система

азиатскаго нагорья на отдаленномъ Востокѣ, между восточнымъ Тибетомъ и Юнь-Наномъ на южной окраинѣ, до даурской альпійской страны на сѣверной окраинѣ, отъ 25 до 55° с. ш.; между самыми вышними южными изгибами Янъ-Цзы-Кяна (Jang-Tse-Kiang), до самыхъ вышнихъ сѣверныхъ изгибовъ Сахалянъ-Ула (или Амура), на протяженіи по крайней мѣрѣ 450 до 500 г. м. отъ Ю.-З. къ С.-В.

Главная ось поднятія.

Ни въ какой другой части свѣта, не исключая даже и южной Африки, земная масса не поднята до такой высоты и такого обширнаго протяженія, какъ во внутренней Азіи. Главная ось поднятія ⁽³⁵⁾ восточнаго, столь внезапно поставляющаго преграду бассейну Великаго Восточнаго Океана, нагорья, которая вѣроятно предшествовала поднятію цѣпей на трещинахъ, простирающихся отъ В. къ З., также направлена отъ Ю.-З. къ С.-В., вдоль линіи, идущей къ С. отъ нагроможденной цѣпи Кунь-Луна и обозначенной А. Гумбольдтомъ слѣдующимъ образомъ: отъ горнаго узла, между Каммиромъ, Бадашканомъ и Цунъ-Линемъ (Tzung-Ling), или отъ Кайлаза и группы священныя озеръ Маназара и Раванъ-Храда въ Тибетѣ, къ снѣговымъ вершинамъ Инъ-Шаня (In-Schan) (къ сѣверу отъ сѣвернаго изгиба верхняго Хуанъ-Хэ, на южной границѣ нагорной Гоби) и Хинъ-Гана (Kingham, на В. отъ Байкала, при слияніи Шилки и Аргуви въ Сахалянъ-ула, или къ С. отъ самаго сѣвернаго изгиба верхняго Амура). Эта главная ось поднятія, большею частію обитаемаго монгольскими племенами нагорья, не совершенно соотвѣтствуетъ паралелизму цѣпей, но пересѣкаетъ болѣе въ діагональномъ направленіи неправильную трапецію восточной нагорной Азіи, отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., по направленію длиннѣйшей ея діагонали, и потому самому сдѣлалась основною причиною поднятія столь разнообразнаго на своей по-

(35) А. v. Humboldt l. c. p. 332.

верхности, главнаго азіатскаго нагорья. Къ С. отъ упомянутой оси поднятiя нагорье спускается разнообразными наклонными плоскостями, уступами, долинами, которыя означены степными рѣками и многочисленными группами озеръ, распространенными къ Чжунгаріи, къ обширной арало-каспійской котловинѣ или самой низменной западной Азіи и къ обширнымъ поверхностямъ зауральскаго, сибиро-бухарскаго сѣвера. Тамъ распространяются, въ сѣверо-западномъ треугольникѣ трапецевидной нагорной Азіи, низкія плоскогорія и скаты, и многочисленныя, подчиненныя горныя цѣпи, большею частію средней и малой высоты, болѣе или менѣе теряющія нормальный характеръ колоссальнаго главнаго нагорья, такъ что сѣверные передовые уступы, представляемые озерами Байкаломъ и Зайсаномъ, лежатъ не выше 1200 пар. ф. надъ ур. моря, между тѣмъ какъ озеро Балхашъ вѣроятно еще несравненно ниже, а Аральское уже 186 ф. ниже уровня морскаго, Каспійское же 300 фут. (*). Какъ далеко эти углубленія, можетъ быть даже провалы⁽⁵⁶⁾, потому что въ сосѣдствѣ ихъ находятся самыя свѣжіе слѣды вулканическихъ дѣйствій, вдаются въ нагорье къ Лобъ-Нору, Кашхару, Яркану и Хотану могутъ намъ только показать точнѣйшія послѣдующія изслѣдованія. Но въ этой главной оси поднятiя, и на югъ отъ нея и высокаго Кунь-Луна, распространена, во всякомъ случаѣ, область совершенно замкнутого, главнаго нагорья Азіи, съ преобладающими высочайшими (***) и обширнѣйшими плоскогоріями земной поверхности, которыя отчасти окружены, отчасти пересѣчены, исполинскими горными цѣпями, и наполняютъ совершенно весь юго-восточный треугольникъ нагорной, восточно-азіатской трапеціи самыми колоссальными пластическими формами земной коры, служащими

(*) Аральское немного выше уровня океана, а Каспійское только 86 фут. ниже. См. дополненіе къ § 3. — *Пр. Пер.*

(56) А. в. Humboldt I. с. р. 332.

(**) Обширнѣйшими, но не высочайшими. — *Пр. Пер.*

отечествомъ тибетскимъ, тангутскимъ, монгольскимъ и другимъ особеннымъ горнымъ племенамъ.

*Продолженіе главной оси къ Ю.-З.; континентальное кольцо
континентальнаго полушарія.*

Если мы продолжимъ нормальное направленіе главной оси поднятія, изъ восточной въ западную нагорную Азію, то и тамъ, въ юго-восточной трапеціи Ирана, найдется значительная масса поднятія земной коры, окруженная, какъ хребтами окраины, цѣпями Инду-ку, Солиманъ и береговыми хребтами Гедрозін и Карамані (*), поднимающаяся во внутренности восточнаго Ирана, въ келатскомъ плоскогоріи, до 8000 пар. фут. высоты, а въ Белуджистанѣ также до значительной вышины, и спускающаяся въ высокую котловину озера Царе и низкую Бухарію. Къ западу же, это нагоріе продолжается черезъ Персію и Мидію, въ болѣе равномѣрной плоскости, имѣющей до 3 — 4000 ф. средней высоты, пока новыя надутія за Каспійскимъ моремъ не поднимаютъ армянскаго плоскогорія до прежнихъ абсолютныхъ высотъ (**), только въ мевьшихъ горизонтальныхъ пространствахъ; между тѣмъ какъ кругомъ являются сосѣднія впадины Каспійскаго, Понтійскаго, Эгейскаго, Киликійскаго и Персидскаго береговыхъ морей и заливовъ, также болѣе разнообразныя хребты окраинъ, расчлененія и особленія разнаго рода, съ многочисленными перерывами и промежутками, которыя могли съ успѣхомъ времени превратиться въ водныя коммуникаціонныя линіи, выгодныя для естественныхъ произведеній и народныхъ отношеній.

Далѣе на западѣ земнаго шара, гдѣ формы плоскогорій являются въ гораздо болѣе подчиненныхъ отношеніяхъ, и гдѣ не надутіе, какъ на Востокѣ, а направленіе трещинъ, какъ на Западѣ, служили причинами поднятія горныхъ системъ, уже нѣтъ

(*) Системою Загросъ. — *Пр. Пер.*

(**) Плоскогоріе Арменія имѣетъ отъ 3 до 6000 ф. абсол. высоты. — *Пр. Пер.*

такихъ главныхъ осей надутія; или ихъ вліяніе, различное отъ горныхъ системъ, пересѣкаемыхъ ими разнообразіе чѣмъ въ Азіи, перестаетъ имѣть значеніе для большихъ земныхъ пространствъ. За то самое образованіе горъ, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, кажется, отчасти предшествовало тамъ болѣе ограниченному образованію плоскогорій: потому что въ новомъ свѣтѣ — Америкѣ — самомъ отдаленномъ западѣ земли, поднялась первоначально, изъ колоссальной трещины отъ Ю. къ С., самая колоссальная меридіанная цѣпь Андо-Кордильеровъ, которой высокій хребетъ и продольныя долины были превращены, уже въ послѣдствіи, частными надутіями въ спорадически распределенныя плоскогорія, съ продольными осями, болѣею частію, хотя не вездѣ (напр. въ поперечной вулканической линіи Мексики), совпадающими съ паралелизмомъ большихъ системъ цѣпей, и въ которыхъ вентили и клапаны, нагроможденныхъ на высокомъ Кордильерскомъ хребтѣ и пробивающихъ ихъ изъ глубины общаго огненного очага, вулканическихъ рядовъ, достаточно извѣстны. Возвращаясь отъ этихъ Кордильеровъ, чрезъ тысячи острововъ обширнаго Южнаго Океана, къ азіатскому нагорью, замѣтимъ мы мимоходомъ, какъ кругъ сферы развитія дополняется образованіемъ плоскогорій, потому что эти тысячи острововъ Тихаго Океана представляютъ только уединенныя небольшие надутія или пункты плоскогорій, образовавшіеся изъ поднятыхъ массъ базальта и трахита, потому что дну этого океаническаго бассейна, отъ котораго континентальныя массы остались на самыхъ большихъ разстояніяхъ, недоставало, съ самаго начала пластическихъ дѣйствій нашей планетной коры, или полноты циклопическихъ силъ, или самыхъ массъ (матеріала) для образованія изъ хаоса еще дикихъ, элементарныхъ силъ, обширныхъ поверхностей (исключая развѣ проблематической, слѣвавшейся континентомъ песчаной банки Австраліи), которыя бы получили болѣе благородную архитектуру для обитанія рода человѣческаго. На западѣ этихъ тысячъ вездѣ одинаковыхъ, базальтическихъ плоскогорій-точекъ, съ весьма рѣдко

или совсѣмъ не встрѣчающимися куполовидными формами ихъ вершинъ, въ которыхъ остроуміе Л. Ф. Буха⁽⁵⁷⁾ нашло, пузыревидно поднятыя центральными вулканами, группы острововъ (подобно 7 большимъ пузырямъ Канарской группы), заключается замѣчательное кольцо австралійскихъ и азіатскихъ рядовыхъ острововъ, съ горными цѣпями и рядовыми вулканами. Это суть уже упомянутыя выше, расходящіяся, вѣшнія расчлененія нагорной восточной Азіи; они какъ бы простираютъ къ ней руки и обличаютъ уже, по одному пространственному положенію атмосферы острововъ, сопровождающей ее въ видѣ морскаго восточнаго вала, ихъ отношеніе къ внутренней связи съ вѣроятію *предшествовавшимъ* образованіемъ поднятой изъ глубины, колоссальной массы, самаго обширнаго изъ континентовъ. Главная ось этого надутія въ восточной, какъ и въ западной нагорной Азіи, пропавела потому, въ упомянутомъ, пересѣкающемъ паралелизмъ горныхъ цѣпей, нормальномъ направленіи, отъ Ю.-З. къ С.-В., широкую связь съ поднятыми массами, которая даетъ право называть описанныя нагорія (восточное и западное азіатскія плоскогорія) *общими поднятіями* (*Gesammterhebungen*) извѣстныхъ пространствъ земной коры. Но подземная причина этихъ поднятій, которой также должно приписать соединеніе въ одной и той же линіи поднятія обѣихъ массъ — восточной и западной — чрезъ посредство высокой альпійской страны индѣйскаго Кавказа, дѣйствовала во многократно повторявшихся пузыревидныхъ поднятіяхъ большихъ пространствъ, аналогически устроенныхъ, ограниченныхъ хребтами окраинъ и покрытыхъ преобладающими поверхностями плоскогорій, къ югу отъ главнаго азіатскаго нагорья, черезъ глубины Индѣйскаго Океана. Такимъ образомъ поднялись, впрочемъ болѣе низкія плоскогорія Деккана въ Индіи и Неджеда въ Аравіи, и далѣе къ Ю.-З. болѣе колоссальное — южной нагорной Африки отъ Хабеша (Абис-

(57) L. v. Buch, *Physikalische Beschreibung der Kanarischen Inseln*. Berl. 1824. 4. p. 323 etc. *Его же Basaltische Inseln* въ *Abhandl. d. königl. Akad. d. Wissenschaften in Berlin* 1818—1819. Berl. 1820. p. 51 etc.

сини) до мыса Доброй Надежды. Замѣчательно, что главные оси надутій этихъ плоскогорій совпадаютъ также съ ихъ большими ширинами, въ Ю.-З. направленіи; ихъ же возвышеннѣйшія части находятся точно также въ крутыхъ, обращенныхъ къ югу, углахъ, образуемыхъ ими треугольникомъ; болѣе же пологіе скаты къ низменностямъ, какъ и въ Чжунгаріи, склоняются къ С.-З. Такимъ образомъ склоняется Декканъ, отъ высокаго плоскогорія Мальвы, въ низкій, песчаный Синдъ, къ нижнему теченію Инда; нагорный Неджедъ центральной Аравіи — въ низкую сирійско-аравійскую степь къ нижнему Ефрату, и наконецъ нагорный Хабешъ — къ низкому Судану озера Чада и Сахаръ. Такія соотвѣтственныя, пластическія отношенія вертикальныхъ развитій нагорій, которыя отчасти должны были быть основными причинами горизонтальныхъ расширеній въ ихъ туловищахъ и расчлененіяхъ, именно во всѣхъ юго-восточныхъ частяхъ стараго свѣта, и которыми Африка и Азія, съ ихъ южными полуостровами, обязана индивидуальностью своихъ пластическихъ формъ и цѣлымъ характеромъ своихъ очертаній, имѣли также въ основаніи, состоящія между собою въ связи или вмѣстѣ дѣйствовавшія изъ общей глубины коры земной, теллурическія причины. Такія только причины могли образовать, въ восточной половинѣ континентальнаго кольца континентальнаго полушарія⁽⁵⁸⁾, вдоль большой, пересѣкающей всѣ меридіаны и паралельные круги, діагонали, отъ экваторіальной Африки до Чукотскаго Носа сѣв.-вост. Азій, самыя большія поднятія массъ земной коры, съ преобладающими системами плоскогорій, въ такомъ соотвѣтствіи, какое не встрѣчается ни въ какой другой части земли. Этимъ надутіямъ, съ которыми, какъ кажется, съ самаго начала состояло въ связи большое развитіе суши на континентальной сторонѣ, т. е. на одномъ изъ полушарій нашей планеты (которое мы назвали сѣверо-восточнымъ земнаго шара), соотвѣтствуетъ другая, противоположная,

(58) См. Ritter, Abhandl. über die geographische Stellung und horizontale Ausbreitung. Acad. d. Wiss. Berl. 1829. p. 106.

пелагическая сторона земли (*). Внешнее кольцо континентальнаго полушарія, окруженное еще большимъ водянымъ кольцомъ, состоитъ въ старомъ свѣтѣ изъ обширнаго массивнаго надутія на главной оси подвѣтїя плоскогорій, а въ новомъ — изъ подвѣтїя, происшедшаго на длинной трещинѣ земной коры, въ формѣ колоссальнѣйшей горной цѣпи — два различные типа или два только наружно различныя проявленія той же самой, подвѣвшей надъ уровнемъ моря все сѣверо-восточное континентальное полушаріе, причины, которая можетъ состоять въ постоянно дѣйствующей силѣ паровъ, газовъ, теплорода, но которая намъ въ точности неизвѣстна. Но что извнутри снаружу дѣйствовали, для односторонняго образованія *континентальнаго* полушарія нашей планеты (противуположнаго съ водянымъ), общія, вообще гармоническія причины, видимъ мы не только изъ пластики этихъ внѣшнихъ, периферическихъ подвѣтыхъ частей континентальнаго полушарія, но и изъ постепенно склоняющихся къ срединѣ его, пологими скатами и широкими уступами, низменностей континента, къ которымъ принадлежать восточная и сѣверная Америка, сѣверная Африка, сѣверная и сѣверо-западная Европа и всѣ арктическія полярныя земли. Эти склоненія обозначены уступами самыхъ колоссальныхъ водяныхъ системъ земнаго шара, которыя всѣ текутъ ко внутренности континентальнаго кольца, на самыхъ обширныхъ земныхъ

(*) Можно раздѣлить шаръ земной большимъ кругомъ, поставленнымъ наклонно на экваторъ, на два полушарія. Въ одномъ изъ нихъ будутъ находиться оба континента стараго и новаго свѣта, другое будетъ занято исключительно Тихимъ Океаномъ и изъ континентовъ попадутъ въ него только антарктическій, австралійскій и юго-западная оконечность южной Америки. Последнее полушаріе можно слѣдовательно съ полнымъ правомъ назвать океаническою, пелагическою стороною земли, а первое континентальною теллурическою. Въ срединѣ континентальнаго полушарія находятся Арктическій и Атлантическій океаны, представляющіе колоссальный средиземный бассейнъ, окруженный континентальнымъ кольцомъ, состоящимъ изъ суши Азіи, Европы, Африки и Америки. Континентальное это кольцо окружено водянымъ кольцомъ пелагическаго полушарія, посреди котораго расположены антарктическій и австралійскій континенты: устройство диаметрально противуположное съ строеніемъ континентальнаго полушарія. — *Пр. Пер.*

поверхностяхъ, и которыхъ промежутки или содержатъ, кромѣ только очень подчиненныхъ трещинъ поднятія, еще узкіе морскіе рукава, или вышолнены горными породами. Только ослабленнымъ внутреннимъ силамъ, изнурившимся на ви́шней сторонѣ континентальнаго кольца въ произведеніи колоссальныхъ формъ, представили эти короткія и узкія трещины земли достаточное пространство для поднятій, явившихся вездѣ, какъ напр. въ Европѣ и сѣверной Америкѣ, въ умѣренныхъ размѣрахъ и формѣ очень прерванныхъ горныхъ группъ и вѣтвей. Такія поднятія не выставляются отдѣльными скалами надъ поверхностью моря, безъ промежуточныхъ континентальныхъ равнинъ, подобно уединеннымъ поднятіямъ Южнаго океана, въ формѣ небольшихъ и округленныхъ острововъ, но разнообразно соединены обитаемыми низменностями, образовавшими удобную для народныхъ сношеній обширную средину континентальнаго полушарія. Напротивъ же, всю ви́шнюю сторону континентальнаго кольца этого полушарія характеризуетъ вездѣ крутое и быстрое паденіе къ окружающему, водяному кольцу пелагического полушарія земли, и передъ этимъ крутымъ скатомъ нѣтъ нигдѣ обширныхъ низменностей (напр. отъ Камчатки кругомъ около восточ. и юж. Азіи, восточ. и юж. Африки), столь распространенныхъ съ внутренней его стороны. Надутія и поднятія сѣв.-вост. континентальнаго полушарія были слѣдовательно причинами истощенія поднимающей силы или пластическаго матеріала для образованія континентовъ на водномъ полушаріи земнаго шара, гдѣ (исключая плоскаго континента Новой Голландіи), или являются только спорадическія группы острововъ, или расширяются на обширнѣйшія пространства, совершенно свободныя отъ острововъ моря, между тремя клиновидными оконечностями континентовъ Австраліи, южной Африки и южной Америки, какъ антарктической океанъ, совершенно контрастирующій съ свободнымъ отъ морей континентомъ арктическихъ зонъ. Ви́шняя, пелагическая сторона континентальнаго полушарія, съ вѣнцомъ рядовыхъ вулкановъ, начинающихся богатою базальтами Новою

Зеландією и вулканомъ Танна, продолжающихся черезъ Молукскіе, Филиппинскіе острова, Алеутскіе и Курильскіе, до Кордильеровъ Мексики и Перу, и оканчивающихся только Хилийскимъ рядомъ въ южной Америкѣ ⁽³⁹⁾, большею частію спускается внезапно до такой глубины, что она почти вездѣ, съ немногими исключеніями, представляетъ, или террасовидные скаты съ очень узкими прибрежьями, или крутые берега безъ береговой низменности, такъ что глубочайшія моря подходят непосредственно къ вулканическимъ прибрежьямъ, до самыхъ большихъ континентальныхъ возвышеній. Это мы видимъ на всѣхъ восточныхъ и южныхъ берегахъ Азіи и Африки и на всѣхъ западныхъ Америки; однимъ словомъ, во всемъ океаническомъ вѣнцѣ прибрежій континентальнаго полушарія. Въ то же время обѣ стороны Атлантическаго Океана, который, какъ ограниченное внутреннее море, въ противоположность съ неограниченнымъ вѣнцемъ (Тихимъ и Южнымъ), въ самомъ дѣлѣ есть только широкій каналъ между старымъ и новымъ свѣтомъ, представляются гостепривно другъ къ другу склоняющимися и потому исторически дружелюбными, противоположащими прибрежьями самаго колоссальнаго изъ средиземныхъ морей — Атлантическаго.

Только изъ этихъ самыхъ общихъ отношеній положеній низменностей и нагорій стараго и новаго свѣта и океановъ къ континентамъ, пристокаетъ истинная натура всѣхъ особенностей трехъ главныхъ формъ (нагоріе, террасовидная страна, низменность) каждой части свѣта, слѣдовательно и характеристика Азіи, и намъ остается, послѣ того что уже было сказано выше, только упомянуть здѣсь, для пополненія нашего обзора, о нѣкоторыхъ отношеніяхъ низменностей, террасовидныхъ странъ и отдѣльныхъ нагорій меньшаго разряда и напомнить о соединеніи трехъ главныхъ формъ въ срединѣ части свѣта, которая,

(39) L. v. Buch, Ueber Reihen-Vulcane p. 333 — 411 въ *Physicalische Beschreibung der Canarischen Inseln*. Berl. 1823. 4.

вѣстѣ съ климатическимъ положеніемъ, обусловила особенный физико-историческій характеръ ея культуры.

§ 6. *Азіатскія низменности.*

Если нагорная Азія, какъ уже было упомянуто, занимаетъ гораздо болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ всей части свѣта (810,000 кв. м.) имен- 340,000 кв. м., а на отдѣльныя отъ нагорья горныя страны и плоскогорія приходится 185,000 кв. м., то остается для формы азіатской низменности все еще 284,000 кв. м., пространство почти вдвое превосходящее величину Европы. Изъ этого пространства большая часть—240,000 кв. м.—приходится на *континентальныя* низменности, т. е. такія, которыя обращены къ внутренности континентальнаго полушарія, именно на Сибирь 186,300 кв. м., бухарскую низменность 53,700 кв. м. и только гораздо меньшее пространство—50,000 кв. м.—принадлежитъ *пелагическимъ* низменностямъ, обращеннымъ къ вѣшной, океанической сторонѣ континентальнаго полушарія, именно на китайскую (около 20,000 кв. м.), индѣйскую на Индѣ и Гангѣ (20,000 кв. м.), мессопотамо-вавилонскую на среднемъ и нижнемъ Ефратѣ и Тигрѣ (14,000 кв. м.) и небольшую сіамскую.

Страны уступовъ и рѣчныя системы.

Въ эти низменности разнообразно вторгаются среднія и нижнія страны уступовъ рѣчныхъ системъ также какъ и прибрежныя образованія. Если Африкѣ досталась въ удѣлъ только одна большая низменность, простирающаяся на сѣверной сторонѣ нагорья, съ однообразнѣйшими и неудобнѣйшими, сыпучими и неорошенными поверхностями Сахары и недоступной раскаленной атмосферой, и получившая только болѣе высокое развитіе для человѣческихъ и національныхъ потребностей въ трехъ значительныхъ странахъ уступовъ съ большими рѣками—Ниломъ, Джолибою и Сенегаломъ, то Азія, въ этомъ отношеніи, была гораздо болѣе покровительствуема Провидѣніемъ, которое предназначило ее колыбелью всего рода человѣческаго и самаго

общаго развитія его культуры, въ возрастѣ его дѣтства и юношества. Эта часть свѣта должна была уже, съ самаго начала, выиграть гораздо болѣе значительное богатство пластическихъ образованій, отъ обширнаго своего внутренняго нагорья, совершенно иначе сформированнаго въ своемъ геометрическомъ очертаніи, полураздѣленнаго перешейкомъ въ своей срединѣ (*), съ нагроможденными цѣпями, хребтами окраины и окружающими альпійскими странами, разнообразно развѣтвленными, какъ въ горизонтальномъ, такъ и въ вертикальномъ отношеніи и отдѣляющимися во всѣ стороны, въ видѣ рукавовъ, вѣтвей и гласисовъ. Центральное положеніе и особенное расширеніе этого главнаго нагорья по поверхности Азіи (описанное уже нами выше), своими значительными, даже въ тропическихъ странахъ поднимающимися до предѣловъ вѣчнаго снѣга, абсолютными высотами, дало свободу текущимъ водамъ ежегодно разливаться изъ переполненныхъ водныхъ запасовъ ихъ богатыхъ источниковъ, оплодотворять равномерно самыя обширныя низменности и такимъ образомъ оживлять всѣ отношенія природы и народовъ. Такъ три сибирскія, почти одинаково длинныя, очень изви- вающіяся сѣверныя рѣки: Обь (460 г. м. дл. со всѣми изгибами), Енисей (410 г. м.) и Лена (440 г. м.), и на С.-В. — Амуръ (430 г. м.), въ своихъ колоссальныхъ развитіяхъ, орошаютъ четыре, обращенныя къ полярной сторонѣ, бассейна, которые вмѣстѣ составляютъ площадь, значительно превосходящую величину Европу, въ 220,000 кв. м. (63,800; 47,000; 36,600; 38,300) (**). Далѣе обѣ китайскія восточныя рѣки: Хуань-Хэ (570 г. м. дл.) и Янь-Цзы-Кянь (650 г. м.), представляютъ колоссальную величину; ихъ рѣчныя области составляютъ вмѣстѣ 67,800 кв. м. (33,600; 34,200 кв. м.). Къ Югу направлены три группы рѣчныхъ системъ: дальне-индѣйская, ближне-индѣйская и ассиро-

(*) Въ текстѣ было прибавлено: «раздѣленнаго на двѣ террасы по высотѣ своей», что мы опускаемъ какъ уже опровергнутое. — *Пр. Пер.*

(**) 57,800; 49,033; 37,150; 36,340 — по Атласу Берггауза. См. Berghaus Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

вавилонская. Въ первой самая колоссальная рѣка есть Иравади (460 г. м. дл., 12,100 кв. м. рѣчной области), по сторонамъ которой находится группа паралельныхъ съ нею, меньшихъ рѣкъ, которыхъ долины чуть-чуть расходятся къ Ю.-В., но ведутъ всё къ Дальне-Индійскому, Малайскому морю, потому что туда направлены главныя линіи отвѣтвляющихся на Ю.-В. расчлененій нагорной Азіи.

Ближне-индійскія рѣки составляютъ двѣ расходящіяся системы, направленные къ Ю.-В. и Ю.-З., паралельно съ обоими хребтами окраинъ противулежащихъ плоскогорій Тибета и Ирана и, что отличаетъ страны уступовъ Инда и Ганга отъ всѣхъ другихъ рѣкъ земнаго шара, близкіе источники и отдаленныя устья, рѣчныя области лежащія на одномъ и томъ же полуостровѣ, но принадлежащія двумъ противулежащимъ заливамъ контрастующихъ Дальней и Ближней Азіи, въ слѣдствіе чего ихъ бассейны сдѣлались соединительными странами для культуръ азіатскаго Востока и Запада. Изъ нихъ Гангъ имѣетъ 290 г. м. дл. и рѣчную область въ 20,400 кв. м. Индъ 340 г. м. дл. и рѣчную область въ 18,900 кв. м. (*). Слѣдовательно оба, при сродныхъ величинахъ, составляютъ рѣчную область въ 40,000 кв. м., которая впрочемъ, по положенію своему, должна имѣть перевѣсъ передъ вдвое и въ нѣсколько разъ большими земными пространствами. Только еще болѣе западная система Ефрата, расположенная въ странѣ древнѣйшей культуры на землѣ, имѣла, несмотря на гораздо меньшее свое пространство и обиліе водъ, такое же значеніе; Ефратъ имѣетъ 300 г. м. и выѣстъ съ двойникомъ своимъ Тигромъ, рѣчную область въ 11,200 кв. м. (**). Къ этимъ большимъ океаническимъ рѣкамъ, кромѣ множества другихъ подчиненныхъ и безчисленныхъ береговыхъ рѣкъ, должно причислить еще двѣ большія, текущія къ

(*) 27,030; 19,500 — по Атласу Берггауза. См. Berghaus. Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

(**) 12,300 — по Атласу Берггауза. См. Berghaus Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

Западу континентальныя рѣки: Гихонъ (Охисъ, 230 г. м. дл.) и Сырь (Iaxartes, 210 г. м. дл.), которыя вмѣстѣ орошаютъ большую азіатскую, центральную рѣчную область (13,000 кв. м.) (*). Онѣ образуютъ въ сущности только одну большую водную систему вмѣстѣ съ озеромъ Аральскомъ, въ которое онѣ впадаютъ и къ которому направляются также паралельныя съ ними рѣки, изъ одинаково высокихъ истоковъ: это и есть замѣчательное явленіе колоссальныхъ двойниковыхъ рѣкъ или водныхъ системъ, текущихъ съ одинаковыхъ высотъ и изъ очень близкихъ областей, и направляющихся сначала, какъ бы убѣгая другъ отъ друга, въ нѣсколько расходившихся долинахъ, потомъ снова внезапно сходящихся, впадая или близко и паралельно (какъ Гихонъ и Сырь), или сходясь (какъ Хуанъ-Хэ и Янъ-Цзы-Кянъ), или совершенно соединяясь (какъ Гангъ и Браманутра, Ефратъ и Тигръ) общими дельтами въ томъ же устьѣ; вотъ характеристическій естественный типъ азіатскихъ странъ, уступовъ и рѣчныхъ системъ, совершенно соответствующій грандіознымъ формамъ Востока и его характеризующій. Онъ проявляется кругомъ всей Азіи въ двойниковыхъ системахъ Хуанъ-Хэ и Янъ-Цзы-Кяна, Ганга и Браманутра, Тигра и Ефрата, Аму и Сыра и повторяется даже, до нѣкоторой степени, на неразвитомъ Сѣверѣ, въ Оби и Иртышѣ, Енисеѣ и Авгарѣ и т. д. Подобныя естественныя формы, которыя могутъ быть сравнены съ азіатскими, встрѣчаются только еще въ колоссальныхъ рѣчныхъ системахъ Сѣверной и Южной Америки; но имъ не достаетъ того вліянія, которое уже имѣли въ теченіи тысячелѣтій эти системы, въ древнѣйшихъ пребываніяхъ культуры стараго свѣта, на цивилизацію рода человѣческаго, на проявленіе котораго нужны столѣтія, даже можетъ быть тысячелѣтія. Еслибъ мы соединили, въ своемъ воображеніи, все то что бассейны Рейна и Эльбы произвели отдѣльно въ теченіе вѣковъ

(*) По Атласу Бергхауза, причитая р. Чуи, притокъ Сырь-Дарьи, теряющійся въ пескахъ и соединенное съ нимъ озеро Иссыкъ-Куль около 27,000 кв. м. См. Bergbau Phys. Atl. 2 Abth. № 7. — *Пр. Пер.*

для полноты природы и явленій исторіи, и представили себѣ что всѣ отношенія народонаселенія, цивилизаціи и культуры подвигались бы развиваясь черезъ верхнія, среднія и нижнія ихъ теченія, до общей ихъ дельты (которой имъ именно и недостаетъ отъ надвинутаго на побережье Нѣмецкаго моря), какъ это было напр. въ долину Нила отъ Мероэ черезъ Фивы, Саисъ и Мемфисъ до Александріи, и на всѣхъ теченіяхъ рѣкъ протекающихъ черезъ постоянно культурныя страны, то такая 'ипотетическая двойниковая система Рейна и Эльбы, далеко еще не представила бы столь грандіознаго, физическаго и историческаго характера, исключительно принадлежащаго упомянутымъ азіатскимъ двойниковымъ системамъ, потому что она соединила бы только въ самомъ узкомъ масштабѣ, и то только въ развитой дельтѣ своей, всѣ различія въ водахъ, наносахъ, растеніяхъ, агрикультурахъ, народныхъ группахъ и государственныхъ цивилизаціяхъ, находящіяся и развившіяся на всемъ пространствѣ отъ судето-бегемскихъ горъ до гелветскихъ, вазгаускихъ (Вогезахъ), арденскихъ и Нѣмецкаго моря. Въ низменности же китайской двойниковой системы стекаются всѣ воды, произведенія и культуры различнѣйшихъ климатовъ, зонъ и населеній къ *одному* общему, древнему центру цивилизаціи (цвѣтку средины, гдѣ расположены и древнія столицы), промежуточной ихъ дельтѣ, изъ рѣчной области (67,800), въ десять разъ превосходящей величиною рѣчныя области взятыхъ вмѣстѣ Рейна (4,030 кв. м.) и Эльбы (2,800 кв. м.). Точно такое же грандіозное отношеніе находимъ мы, уравнивая остальные двойниковыя системы Азіи, которыя, удвоеніемъ всѣхъ естественныхъ формъ ихъ двойниковыхъ рѣкъ, должны были пріобрѣсти не только удвоенное, но увеличенное въ нѣсколько разъ вліяніе на произведенія природы и историческое развитіе народной, государственной и культурной жизни. На Гангъ и Брахмапутръ, на Ефратъ и Тигръ, даже на центральномъ Оксѣ и Яксартѣ, какъ и на китайскихъ двойниковыхъ рѣкахъ, представляющихъ особенные органы земнаго шара для пробужденія жизни народной и торговыхъ сношеній,

развились самыя древнѣйшія государственныя системы, съ ихъ равнею цивилизаціею и между-народными путями сообщенія, которымъ способствовали одинаковыя естественныя условія, какъ напр. въ Вавилоніи, Магадѣ и Согдианѣ.

Исключая этихъ многочисленныхъ террасовидныхъ странъ, съ обширными рѣчными системами, распространяются еще упомянутыя уже азіатскія низменности на сотни тысячъ квадрат. миль, и въ нихъ то разнообразно вторгаются террасы, составляющія переходныя формы между контрастами нагорій и низменностей. Мы уже упомянули о протяженіяхъ этихъ низменностей; положенія же ихъ принадлежатъ къ обзору самыхъ общихъ отношеній Азіи, какъ положенія нагорій — къ характеристикѣ ея, изъ которой и проистекаетъ ея физическая индивидуальность и разлчіе отъ другихъ частей свѣта, также какъ и зависящая отъ того природа ея частей или особенныхъ пространствъ, составляя именно результатъ землеописанія, съ котораго очень часто прямо начинаютъ географіи, терая такимъ образомъ изъ виду самую цѣль науки.

Формы и положенія отдѣльныхъ нагорьевъ Азіи.

Большія низменности Азіи расположены вокругъ ея главнаго нагорья и распространены на ея побережьяхъ только въ небольшихъ, подчиненныхъ пространствахъ, которыя только отчасти непосредственно омываются моремъ, отчасти же граничатъ съ лежащими впереди ихъ, большею частию на полуостровахъ, отдѣльными, обостровленными нагорьями меньшаго и нисшаго разряда — южными спутниками центрально-азіатскаго нагорья. Африка имѣетъ только одно подобное самостоятельное и значительное нагоріе, втораго или нисшаго разряда, лежащее, подобно острову, на С. отъ Сахары и на Ю. отъ Испаніи, между песчанымъ и водянымъ моремъ, именно плоскогоріе Атлаеса, отъ Марокко до древняго Картегена; Азія же надѣлена отъ природы тремя такого рода значительными, и многими подчиненными формами, упрочившими тремъ южнымъ

ея полуостровамъ болѣе высокую степень развитія ихъ поверхностей, и превратившимъ ихъ въ самые удобные для культуры полуострова земнаго шара, что и придадо особенный характеръ сосѣднимъ съ ними низменностямъ.

Мы уже замѣтили въ другомъ мѣстѣ ⁽⁶⁰⁾, что расчлененія континентовъ, подобно расчлененію растеній, изъ вершинъ которыхъ появляются листовыя и цвѣтныя почки, принадлежатъ къ разнообразнымъ формамъ земной коры, потому-что къ неподвижной континентальной природѣ присоединяется форма прибрежья, обогащенная подвижнымъ, его омывающимъ моремъ. Какъ три южныя расчлененія Европы: испанскій, итальянскій, и греческій полуострова, лежащіе въ одинаковыхъ широтахъ, подъ однимъ и тѣмъ же небомъ, сродные въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, развили на своей почвѣ самые ранніе зародыши европейскѣй цивилизаціи и культуры, которыхъ обильная жатва была впослѣдствіи разбросана по средней и сѣверной Европѣ, такъ и естественная форма Азіи получила свои три большіе, омываемые Индѣйскимъ моремъ полуострова: арабскій, индѣйскій и индо-китайскій. Эти обѣ группы полуострововъ Запада и Востока земли необыкновенно обогащаютъ обѣ части свѣта; онѣ составляютъ ихъ богато и разнообразно надѣленные и наиболѣе развитые члены и органы для общеній, распространенные отъ С. къ Ю. отъ 40° до 10° с. ш., а отъ З. къ В. на $\frac{1}{3}$ земли, выдающіеся къ Югу подобно антеннамъ насѣкомыхъ (*). Сюда принадлежатъ, слѣдовательно, шесть различныхъ странъ, изъ которыхъ каждая, съ своими жителями, представляетъ какъ бы отдѣльный міръ, открывшій, съ болшею или меньшею самостоятельностью, уже очень рано свое лоно свѣту высшей культуры и развившійся въ свое время съ особеннымъ блескомъ и пышностью, въ прогрессивномъ ходѣ

(60) См. Landeskunde von Indien, Berliner Kalender 1829.

(*) Антенны — рожки насѣкомыхъ, членистые нитевидные органы, прикрѣпленные къ головѣ ихъ и выставленные ими впередъ, какъ органы осязанія. —

Пр. Пер.

исторіи человечества. Эти замѣчательные полуострова Востока и Запада раздѣляются, слѣдовательно, на двѣ группы, приспособія своими сѣверными оконечностями къ двумъ различнымъ частямъ свѣта — европейской и азіатской, и принадлежащія, по своимъ береговымъ отношеніямъ, двумъ совершенно разнымъ океанамъ: черезъ Индѣйское море — Восточному, а черезъ Средиземное — Атлантическому Западному и относящіяся, слѣдовательно, въ ходѣ всемірной исторіи, къ совершенно различнымъ областямъ и эпохамъ культуры. Обѣ группы раздѣлены между-лежащимъ стуженіемъ Ближней Азіи — Сирійскимъ перешейкомъ, но соединены, очень свободно для сношеній народныхъ, пеннсулярнымъ мостомъ Малой Азіи, простирающимся къ Европѣ какъ самое отдаленное расчлененіе азіатскаго нагорья. Западная группа отодвинута нѣсколько выше въ умѣренную зону, чѣмъ тропическая восточная группа южной Азіи, которая однакоже нигдѣ не достигаетъ до экватора своими южными мысами. Ходъ исторіи обѣихъ группъ соответствуетъ климатическому ихъ положенію, одной на жаркомъ и раскаленномъ Югѣ Индѣйцевъ и Аравитянъ, другой подъ яснымъ и теплымъ небомъ Италіи и Греціи гдѣ загорается огонь воображенія подъ тѣнью лавровъ и померанцевъ, между тѣмъ, какъ въ Азіи, даже въ тѣни кокосовыхъ и пальмовыхъ рошъ перекипаетъ и разрушается всякая интеллектуальная сила. Посреди этой азіатской восточной группы лежитъ Индія — Италія Востока — универсально-историческій центръ всѣхъ радіусообразно дѣйствующихъ и противудѣйствующихъ силъ, поселеній и движеній народныхъ, цѣль завоевателей, сборное мѣсто кругосвѣтныхъ мореплавателей, исходный пунктъ всемірной индустріи, самага обширнаго и богатаго вывоза драгоценныхъ каменьевъ и пряностей, самыхъ разнообразныхъ общеній со всѣми областями земли, во всѣ времена, для всѣхъ народовъ. Эта Индія состоитъ именно изъ двухъ естественныхъ формъ: обостроуленного нагорья — умѣреннаго плоскогорья Декана, составляющаго треугольникъ, съ вершиною въ Цейлонскомъ

прѣливъ и основаніемъ на р. Нербуддѣ; и, простирающейся къ С. отъ него до предгорій хималайской и солиманской цѣпей, богато орошенной низменности Индостана, представляющей также форму треугольника, съ удобнымъ орошеніемъ рѣчными системами на два ската. Также на дальне-индѣйскомъ полуостровѣ и въ южномъ Китаѣ лежатъ такого рода, болѣе или менѣе отдѣленные отъ центрального нагорья, меньшіе нагорья высшаго разряда, которыя можемъ назвать предварительно малайскимъ и южно-китайскимъ, и за которыми также лежатъ болѣе обширныя низменности, впрочемъ еще неизслѣдованныя въ своихъ очертаніяхъ и высотахъ. Но точно также какъ плоскогоріе Деккана поставлено впереди главнаго восточнаго нагорья, совершенно отдѣленную, самостоятельную горною страну, такъ, лежащій въ Ближней Азіи полуостровъ — Аравія — обогащенъ въ вертикальномъ отношеніи нагорьемъ, наполняющимъ бѣольшую часть трапецидаднаго полуострова этого имени и представляющемъ, какъ кажется, въ положеніи, высотѣ и распространеніи своемъ, самое близкое сродство съ плоскогоріемъ Атласа. Сирійско-аравійская низменность, къ Югу отъ Ефрата расположена передъ этимъ нагорьемъ Аравіи (Неждедъ — плоскогоріе Аравитянъ), на С. отъ него, какъ низменность Индостана между Декканомъ и областью Инда и Ганга. Къ Югу отъ этой низкой, такъ называемой сирійско-аравійской пустыни, надѣленной раскаленнымъ климатомъ Сахары и финиковыми рощами, возвышается болѣе прохладное, свободное отъ пальмъ аравійское нагорье, съ хорошо орошенными террасами, до *Agabiae felix*, гдѣ исключительно распространилась культура кофе и гдѣ блуждаютъ кочующіе Вахаби со своими табунами.

Мы видимъ, слѣдовательно, что на окружности южной Азіи небольшія низменности расположены между небольшими нагорьями и центральнымъ общимъ нагорьемъ и отсюда, такъ какъ пространства ихъ обоихъ все еще довольно велики, произошло неописанное богатое и грандіозное *вертикальное расчлененіе* южно-азиатскихъ странъ, удвоившее важность ихъ *горизон-*

тальнаго расчлененія и доставившее, черезъ посредство физическаго развитія естественныхъ отношеній, вездѣ просвѣчивающую канву историческому развитію народовъ. И такъ несомнѣнно что одно *теллурическое* положеніе пространства, безъ всякаго *космическаго* соотношенія, только въ отношеніи къ видивидуумахъ земнаго континента и ихъ собственнымъ расширеніямъ, не могло остаться безъ вліянія на отправленія исполняемыя различными формами земной поверхности. Аравійскій полуостровъ, съ своими нагорьемъ и низменностью и физическимъ характеромъ, болѣе всего удаляющимся отъ азіатскаго типа (напр. пространство въ 50,000 кв. м. безъ рѣчной системы), есть истинный посредствующій членъ между азіатскою и африканскою природою. Трудно оборониться отъ идеи, о прежде существовавшей связи между Аравіею и сосѣдними съ нею на В. и З. странами, преслѣдуя на картѣ трапецидальную форму этаго полуострова, который, съ своими параллельными хребтами, расположенными на краяхъ Персидскаго и Аравійскаго заливовъ, является только обломкомъ общаго континента, отъ котораго онъ могъ отдѣлиться въ то время когда отношеніе уровней, можетъ быть еще плавающихъ на подвижныхъ срединахъ, но уже остывшихъ, высохшихъ и поднятыхъ, поверхностныхъ слоевъ земной коры, не были еще такъ упрочены какъ нынѣ, а потому цѣлыя системы земныхъ поверхностей могли еще расстрескиваться и отдѣляться, такъ что трещины ихъ превращались въ заливы и проливы, наполняясь водами. Также и характерическіе продукты Аравіи—кофейное дерево на нагорьяхъ, финиковая пальма на низменностяхъ, верблюдъ и лошадь—общіе обѣимъ странамъ, а съ туземцами Аравіи—ея аборигенами—самое большое сродство, въ формахъ языка и обычаяхъ, имѣетъ горный Абиссинецъ. Какъ различно отъ ихъ странъ должно показаться отечество Китайца, который, по своимъ естественнымъ отношеніямъ, былъ замкнутъ съ морской стороны набѣгающими волнами морскихъ теченій, а съ континентальной—почти непроходимыми горами и холодными снѣжными вершинами, недо-

стающими Аравитянамъ, и отрѣзанъ отъ всего остальнаго свѣта, о которомъ онъ даже и не смѣлъ заботиться. Какъ различна также страна Аравитянъ отъ отечества Индѣйца, который какъ бы исключительно родился для одного своего индѣйскаго міра и не могъ освоиться ни въ какомъ другомъ, потому что онъ во всемъ былъ ограниченъ этимъ міромъ. Поставленное въ фокусѣ (foyer) всѣхъ даровъ и силъ природы своей части свѣта, это древнѣйшее, наиболѣе развитое племя аборигеновъ азіатской почвы, не покидало никогда естественныхъ границъ своего отечества, между тѣмъ какъ къ нему притекали всѣ народы, въ видѣ завоевателей, колонистовъ, торговцевъ; и, въ естественномъ сознаніи своего богатства, здѣшній туземецъ никогда не отталкивалъ чужестранцевъ. Аравитянинъ же, рожденный на своемъ, также уединенномъ, двуформенномъ полуостровѣ, между двумя частями свѣта — Африкою и Европою, скорѣе нежели всякій другой Азіатецъ сроднился съ обѣими, съ самыхъ древнихъ временъ. Онъ распространялъ свое владычество на обѣ стороны, отъ Атласа на З. до Китайской пограничной стѣны на В.; ни одинъ чужеземецъ не переселялся на его скудно-орошенную почву, между тѣмъ какъ онъ распространилъ несравненно большее число своихъ племенъ внѣ своего первобытнаго отечества, а съ ними и языкъ свой, религію, обычаи, образъ жизни, вмѣстѣ съ неразлучными спутниками своими, лошадью и верблюдомъ, и своею пищею — рисомъ и финиками. Рожденный на самой индифферентной почвѣ, подъ богато-солнечнымъ небомъ, онъ умѣлъ основать свое владычество и колонизацію тамъ гдѣ сродство природы легко удовлетворяло его, потому что онъ искалъ только отношеній своей отчизны, которыя легко могли быть превзойдены и умѣлъ привязать къ себѣ чужеземцевъ, принося имъ въ даръ свое приданое: такимъ образомъ утвердился онъ на Атлантическомъ Атласѣ, Гвадіанѣ, Нигерѣ и Нилѣ, также какъ и на уступахъ Шираса, Самарканда, на Индѣ и Оксѣ, до сродныхъ съ его Неджеломъ, хотя болѣе прохладныхъ и бѣдныхъ плоскогорій Средней Азіи.

Формы и положенія отдѣльныхъ азіатскихъ низменностей.

Если мы еще разъ бросимъ взглядъ на особенное распределеніе и характеристическое положеніе азіатскихъ низменностей, которыя занимаютъ шесть, естественно другъ отъ друга отдѣленныхъ и совершенно различно образованныхъ и поставленныхъ, пространствъ, то видно, съ самаго начала, что онѣ не состоятъ между собою почти ни въ какой связи, и слѣдовательно должны быть очень разнообразно поставлены и группированы между другими формами: такъ разнообразно и особенно, что развитіе большихъ государствъ и владѣній Азіи, которыя вмѣстѣ съ своими столицами получили свою колыбель въ этихъ, распространяющихся по нижнимъ теченіямъ рѣкъ, низменностяхъ, не можетъ остаться безъ вліянія, въ чисто географическомъ и таллурическомъ пространственномъ отношеніи, на этнографію и исторію.

Такъ представляется намъ большая *Китайская* низменность на В., вдоль Восточнаго океана до восточной окраины нагорной Азіи, какъ самая орошенная и населенная житница земнаго шара, съ превосходнѣйшею суховутною и водяною культурою, съ субтропическимъ и умѣреннымъ климатомъ (отъ тропика до 40° с. ш.), отъ Пекина (сѣверн. столицы) далеко за Нанкинъ (южную столицу); *Индокитайская* между Тункинскимъ заливомъ и Сиамомъ принадлежитъ до 10° с. ш. уже совершенно тропической зонѣ, поставлена совершенно независимо, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ земнаго шара, вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ открыта и доступна только малайскому міру предлежащаго Архипелага и, снабженная избыткомъ водъ, превращена въ истинное рисовое поле, со всѣми явленіями неразлучными съ этою водяною культурою. *Индостанская* низменность является, въ своей треугольной формѣ, между двумя морями — Бенгальскимъ и Индо-Персидскимъ заливами, ограниченою и прорѣзанною рѣчными системами Ганга и Инда, окруженною тремя плоскогоріями: тибетскимъ, восточно-иранскимъ и сѣверо-деканскимъ. Она

лежитъ внѣ тропика, но столь близко отъ него что можетъ наслаждаться всѣми выгодами полноты его природы, не страдая отъ его климатическихъ невыгодъ; а потому эта равнина есть самая богатая естественными произведеніями и всѣмъ что должны были представить и произвести: сосѣдство двухъ морей, двѣ рѣчныя системы и три склона террасъ трехъ различныхъ нагорій, относительно орошенія, климата, флоры, фауны, народонаселенія и всѣхъ ихъ физическихъ и историческихъ результатовъ. Кромѣ того эта низменность представляетъ населеніе столь же многочисленное какъ китайское, очень богата памятниками хронологически издавна процвѣтавшихъ племенъ и составляетъ богатѣйшую житницу земнаго шара. Только западная половина ея, со стороны Инда, отчасти покрыта большими массами песку и даже переѣчена сыпучими несчаными пустынями, подобными сахарскимъ, но только въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, между тѣмъ какъ гангетическая сторона вездѣ отличается особеннымъ плодородіемъ. *Сирійско-аравійская* низменность ограничена на Востокъ входящимъ угломъ Персидскаго залива, на Западѣ—Сирійскимъ (ливанскимъ) береговымъ хребтомъ; на Югѣ же возвышается надъ нею Аравійскій Неджедъ, а на Сѣверѣ—южная окраина нагорной Азіи (Загросъ). Въ сѣверной части своего треугольнаго очертанія, орошена она системою Ефрата, въ южной—бѣдна водою, а потому пользуется только отчасти удобствами индѣйской низменности. Китайская и дальне-индѣйская (индо-китайская) низменности, надъ которыми поднимаются сосѣднія съ ними нагорья, по положенію своему на берегахъ широко разстилающагося передъ нимъ открытаго Восточнаго океана, съ его высокими приливами и постоянно насыщенными водяными парами слоями воздуха, могутъ быть названы океаническими, между тѣмъ какъ близне-индѣйская и сирійско-аравійская, примыкающія только къ внутреннимъ морскимъ заливамъ, съ возвышающимися надъ ними съ двухъ сторонъ плоскогоріями, въ противоположность съ первыми—континентальными низменностями. Въ нихъ уже перестаетъ вла-

ствовать сырая морская природа двухъ первыхъ, и этимъ обусловлены всѣ явленія воздушнаго, растительнаго и животнаго міра, также какъ и жизнь народная. Последняя изъ этихъ низменностей представляетъ, въ своей южной половинѣ, даже значительное сходство съ Сахарою, хотя и лежитъ внѣ тропиковъ. Эта страна, столь различная отъ азіатскаго материка и преимущественно сближенная географически съ Африкою, приняла знойный климатъ, недостатокъ водъ и всѣ естественныя произведенія сосѣдней части свѣта, которой она отдала навсегда большую часть своего племени, достигшаго тамъ болѣе высокой степени физическаго и умственнаго человѣческаго развитія, такъ что этнографическая метаморфоза Африки къ Ю.-З. въ Суданѣ, была обусловлена Азіею, такъ какъ метаморфоза отдаленнаго Запада (Америки) къ С.-З. — Европою.

Сѣверная, сибирская низменность есть самая обширная на всемъ земномъ шарѣ и находитъ себѣ равныя только въ колоссальныхъ равнинахъ новаго свѣта — Америки и Австраліи: и въ самомъ дѣлѣ она, по всей длинѣ своей отъ З. къ В., принадлежитъ центральному азіатскому нагорью во всей длинѣ его. Она занимаетъ болѣе $\frac{1}{5}$ пѣлой поверхности Азіи, между главнымъ нагоріемъ и Сѣвернымъ Ледовитымъ Океаномъ, и наполняетъ, съ небольшими исключеніями, всю страну отъ Урала на Западѣ, до Охотскаго моря на Востокѣ, будучи разнообразно пересѣчена бассейнами колоссальныхъ сѣверныхъ рѣкъ. Только южная полоса ея представляетъ гостепріимную, способную для культуры почву, которая сдѣлалась европейскою, новонаселенною колоніею только со времени своего открытія, въ теченіи послѣднихъ столѣтій, а потому исторически новѣе даже новаго свѣта — Америки. Сѣверная же половина сибирской низменности есть отчасти еще необработанная, отчасти неспособная ни для какой культуры, болотистая или каменистая равнина, съ полярнымъ климатомъ; но форма сей низменности можетъ почитаться благодѣтельною для всей Азіи, потому-что поставленное на ея мѣстѣ арктическое нагорье только бы удвоило суро-

вость полярной природы и отягла у Сибири сырую морскую температуру, вездѣ еще умѣряющую сухой холодъ континентальнаго климата. Нѣтъ ни одного пространства Азии, менѣе соответствующаго восточному характеру этого континента, какъ эта сѣверная полоса, которая, по своей колоссальной низменности, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе сродна съ физическимъ строеніемъ Америки, нежели съ устройствомъ всей остальной Азии. А потому она, какъ Америка, при гораздо новѣйшемъ пробужденіи своихъ племенъ, не игравшихъ никакой роли въ исторіи Востока, не имѣя этнографическаго единства и развитія другихъ азіатскихъ странъ, не могла сохранить своей независимости; и, въ противоположность съ твердо-напечатлѣннымъ характеромъ Азии, она довольно рано, подчинившись Россіи, приняла, какъ Америка новаго свѣта, всѣ свойства обширной европейской колоніи. По своему арктическому положенію, эта низменность совершенно выходитъ изъ индивидуальности остальной Азии и принадлежитъ къ большой полярной зонѣ земли, которая уже не представляетъ различія частей свѣта и окружаетъ, какъ стройная единица, своими обширными, разнообразно пересѣченными низменностями весь полярный черепъ наиболее сглаженной стороны нашей планеты, сохраняя это замѣчательное единство даже во всѣхъ физическихъ и органическихъ явленіяхъ. Низменность эта, у которой отнять характеръ Востока, потому самому сдѣлалась первою въ Азии обширною европейскою колоніею, черезъ которую цивилизація Запада пробилась себѣ путь, для того чтобы заплатить щедрою рукою долгъ преданій предковъ ихъ азіатскому потомству.

Только одна низменность — *бухарская*, посреди всѣхъ другихъ остается еще отдѣльною въ своей формѣ прямоугольника, отчасти орошеннаго самыми скудными изъ азіатскихъ рѣкъ — Гыгономъ и Сыромъ, и ограничена на З. и С.-З. Аральскимъ и Каспійскимъ морями, отступающими все въ болѣе и болѣе узкія границы, такъ что пространство этой низменности, расположенной въ большой котловинѣ стараго свѣта, все бо-

лѣе и болѣе увеличивается. Она не примыкаетъ ни къ какому океану и есть самая континентальная изъ всѣхъ азіатскихъ низменностей, понижающаяся до отрицательнаго уровня, между западною и сѣвѣрною окраинами обширныхъ и высокихъ плоскогорій Тибета и Ирана, и простирающаяся, постепенно суживаясь, но не теряя своего тѣла котловины, еще далеко на С.-З. за Волгу, до Дона и плодородной почвы Европы. Это есть фактически переходная форма отъ Азіи къ Европѣ; между южною подошвою Урала и сѣвернымъ склономъ Кавказа она пересѣчена нижнею Волгою и сужена сѣвѣрною оконечностью Каспійскаго моря, представляя въ этомъ мѣстѣ замѣчательное углубленіе, покрытое степною почвою, которое въ историческомъ отношеніи, въ теченіи тысячелѣтій, со временъ повѣстующаго Геродота⁽⁶¹⁾ вытѣсненія Киммерійцевъ, служила большими воротами народныхъ миграцій изъ Азіи въ Европу. Эта бухарская низменность, съ своею степною почвою, которая притянула только мѣстные поселенія на свои спорадически разредѣленные, плодородныя оазисы и могла, при внутренней бѣдности въ дикихъ дѣрахъ природы, доставить естественныя богатства только прилежаію образованныхъ народовъ, а потому служила издавна только полемъ битвъ и временнымъ убѣжищемъ для разныхъ ордъ. Ей недостаетъ разнообразія почвенныхъ отношеній, служащихъ основою всѣмъ другимъ; большая часть ея поверхности состоитъ только изъ гладкихъ скалъ, щебня или измѣчивыхъ песковъ, съ недостаткомъ текущихъ водъ и растительныхъ слоевъ земли; это есть степь, лишенная лѣсовъ и полей; наполненная солончаками, подходящими на высохшіе дна озеръ и удобными только для развитія нѣкоторыхъ злаковъ, колючихъ растений и галофитовъ (солонцоватыхъ растений). Замѣчательное положеніе этой низменности между восточною и западною нагорною Азіею, между древнею враждою Ирана и Турана, между Инду-ку, сѣв.-зап.

(61) Herodot, I, 6. IV, 12.

Ураломъ и западнымъ Кавказомъ, дало ей особенное назначеніе въ развитіи Азии и исторіи ея народовъ. Бѣдность самой низменности, посреди богатства природы и цивилизаціи сосѣднихъ странъ, побудила издавна ея жителей, начиная отъ временъ Геродотовыхъ Массагетовъ и Скивовъ, черезъ множество вѣковъ, до новѣйшихъ Турковъ и Туркменовъ, Узбековъ, Киргизовъ и мн. др. къ безпрестанному *переходу* естественныхъ границъ ихъ, предназначенной, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оазисовъ, для кочевой жизни, степи, изъ которой она толпами стремились во все направленія, съ замѣчательною вегетативною силою, подобно сильно распространяющимся общественнымъ растеніямъ — верескамъ (*Egisa*), между тѣмъ какъ ихъ восточные и южные сосѣди: Монголы, Китайцы, Индѣйцы и Персы укоренялись и развивались въ своемъ отечествѣ болѣе постоянными націями, подобно мѣстнымъ (эндемическимъ) растительнымъ родамъ. Въ этой общей азиатской срединѣ, несмотря на бѣдность ея, должны были встрѣтиться со всехъ сторонъ свѣта, все замыслы всемірныхъ завоевателей, начиная отъ Кира и Александра съ Запада, отъ древнѣйшихъ вторженій Китайцевъ и Монголовъ съ Востока, до Газневида Махмуда, султана Бабура и Надиръ Шаха съ Юга и Петра Великаго съ Сѣвера. Сообразно съ центральнымъ положеніемъ этаго, самаго по себѣ индифферентнаго пространства, вся полоса земли, далеко распространяющаяся отсюда на С.-З. къ Европѣ, слѣдалась театромъ народныхъ миграцій, наводнившихъ Европу, черезъ Урало-Кавказскія ворота. Здѣсь, за Каспійскимъ и Аральскимъ морями, вслѣдствіе той же физической причины т. е. строенія страны, должны были остаться въ конфликтѣ, политики всехъ большихъ азиатскихъ государствъ, какъ нынѣ: Китайской, Русской и Индо-Британской имперіи, и Афганскаго и Персидскаго царства, раздѣленныхъ между собою только равнодушіемъ вѣроломныхъ Бухарцевъ, подобно тому какъ древнія государства были раздѣлены здѣсь дикою силою Массагетовъ и Скивовъ, а въ послѣдствіи Турковъ.

Историческій элементъ въ этнографическомъ, политическомъ и умственномъ развитіи народовъ и государствъ, также какъ и исторія всего человѣческаго рода, вообще не могутъ быть постигнуты безъ вліянія физическаго элемента; и оба они, совпадая въ однихъ пространствахъ, составляютъ географическія отношенія которыя наука должна вездѣ преслѣдовать, находить и схватывать, какъ мы старались сдѣлать это въ самыхъ общихъ чертахъ.

§ 7. *Результатъ.*

Непрерывное вертикальное расчлененіе Азіи, проявляющееся вездѣ въ разнообразныхъ, нигдѣ не повторяющихся формахъ, представляетъ слѣдующія черты: преобладающее туловище съ пространственно подчиненными, но удобно развитыми съ Ю. и З. горизонтальными расчлененіями и съ особеніемъ совершенно отдѣленныхъ, многочисленныхъ архипелаговъ на В. и Ю.-В.; большое общее центральное нагорье, раздѣленное на восточную и западную части, различающіяся своею величиною (*) и представляющія различныя геометрическія очертанія (**); самое большое возвышеніе массъ съ преобладающими, но умѣренными, въ абсолютной высотѣ своей, плоскогоріями, разнообразно устроенными хребтами окраинъ, передовыми альпійскими странами, съ неизсякаемыми водными сокровищами, гласисами всякаго рода и очень расчлененными системами свободныхъ горныхъ цѣпей, разнообразно развѣтвляющимися въ видѣ отдѣльныхъ рукавовъ. Но и кромѣ того горизонтальныя расчлененія, особливо на Ю.-В., Ю. и Ю.-З., вслѣдствіе нагроможденныхъ на нихъ нагорій и плоскогорій меньшаго и нисшаго, болѣе умѣреннаго и болѣе достаточнаго для всѣхъ при-

(*) Въ текстѣ сказано: «раздѣленное на двѣ террасы: одну болѣе суровую, другую болѣе умѣренную», что мы измѣняемъ потому что недавнія наблюденія показали что среднія высоты обеихъ плоскогорій одинаковы. См. прим. къ § 5. —

Пр. Пер.

(**) Въ текстѣ сказано: «различныя абсолютныя высоты». — *Пр. Пер.*

родныхъ и народныхъ отношеній, разряда, превращены въ нѣсколько террасированныхъ, гористыхъ, совершенно индивидуально-образованныхъ, болѣе прохладныхъ, роскошно надѣленныхъ, природою полуострововъ, удваивающихъ богатство южной части Азіи, тѣмъ болѣе что между ними и центральнымъ нагорьемъ разстилаются болшею частію очень удобно устроенныя, обширныя низменности, которыя, будучи расположены за упомянутыми плоскогоріями, подобно лежащей за Апенинами въ Европѣ, со стороны Альповъ, Ломбардіи играютъ роль хлѣбныхъ житницъ, богато орошенныхъ уступами рѣчныхъ системъ. Страны уступовъ распространяются по крайней мѣрѣ въ 12-ти колоссальныхъ формахъ отъ общей средины во всѣ направленія, проводя, развивая и выравнивая цивилизацію своими долинами. Эти коммуникаціонныя линіи, важныя для движеній атмосферы, температуръ, водъ, флоры, фауны и народовъ, пересѣкаютъ, отъ общей средины, въ разныя стороны, до самыхъ дельтъ своихъ, шесть системъ обширныхъ, естественно между собою раздѣленныхъ низменностей. Сія послѣдняя, своими внутренними свойствами почвы, своими сосѣдствами и положеніями, переходятъ постепенною прогрессіею отъ покрытыхъ водою и, со всею своею народною жизнью, преимущественно принадлежащихъ океану пространствъ, до центральныхъ и совершенно континентальныхъ странъ, которыя уже не имѣютъ ничего общаго съ океаномъ и потому самому приобрѣли самое большое вліяніе на народонаселеніе средины сосѣднихъ съ ними частей свѣта. А потому во всей Азіи находимъ мы два преобладающія, центральныя плоскогорія, четыре имъ подчиненныхъ, съ различными горными системами, 12 большихъ переходныхъ формъ (странъ уступовъ) и шесть естественно раздѣленныхъ между собою низменностей, слѣдовательно всего 24 большихъ, характеристически устроенныхъ естественныхъ типовъ, которые распределены по туловищу и горизонтальнымъ расчлененіямъ всей части свѣта и группированы совершенно оригинально, такъ что изъ комбинаціи этихъ существенныхъ формъ и группировокъ можно вы-

вести характеристику всей поверхности Азии, когда природа ее будет вездѣ съ точностію послѣдована. Къ этой системѣ пластическаго образования присоединяется еще и система органической жизни, оживляющей первую, какъ въ своихъ законоположенныхъ отъ того зависящихъ, такъ и въ своихъ свободныхъ отъ того не зависящихъ явленіяхъ.

§ 8. *Максимумъ контрастовъ въ среднѣй Азии и прорывовъ на западъ.*

Прежде нежели перейдемъ къ нашему изложенію въ частности, замѣтимъ мы, что въ обзорѣніи упомянутыхъ формъ, при безконечномъ разнообразіи явленій, является еще нѣсколько свѣтлыхъ пунктовъ, въ которыхъ поучительно сосредоточивается общее дѣйствіе упомянутыхъ группировокъ относительно востока и запада, юга и сѣвера Азии; это есть протекająca отсюда характеристика для Ближней и Дальней Азии, соединившая разсѣянные азіатскіе народы юга и сѣвера съ ея серединою и обусловившая ближайшія причины общихъ миграцій отъ востока къ западу. Если мы будемъ преслѣдовать вышеупомянутыя направленія скатовъ хребтовъ окраинъ восточной и западной нагорной Азии къ общей ихъ срединѣ, по меридіанному хребту, между 88 и 99° с. ш., отъ сѣвера къ югу и по параллельнымъ между собою хребтамъ отъ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З., то кажется что ихъ направленія въ альпійской странѣ Индо-Кавказа и даже сосѣдствѣ ея, если мысленно продолжить ихъ внутрь горной страны, должны произвести тамъ рѣшеткообразное пересѣченіе ⁽⁶²⁾ горныхъ системъ, въ соприкосновеніи ихъ рельефовъ. Нѣкоторыя отношенія какъ здѣсь, такъ и въ другихъ, подобнымъ образомъ устроенныхъ частяхъ Азии, указываетъ на такія же перекрещенія горныхъ системъ, произведенныя повторенными поднятіями ихъ изъ пересѣкающихся между собою трещинъ; здѣсь-то интересно было бы произвести точ-

(62) А. в. Humboldt въ др. и. р. 347.

мыя изслѣдованія о послѣдовательности періодовъ поднятія въ горныхъ породахъ этихъ странъ, также какъ и наблюденія надъ самыми ихъ формами, которыхъ, къ сожалѣнію, мы еще совсѣмъ не имѣемъ. Но внѣшній результатъ такого устройства пластики сдѣлался намъ ясень изъ хода исторіи. Именно оно служило причиною образованія особенныхъ, вѣзанныхъ въ плоскогоріе средней Азіи, прямыхъ угловъ, выполненныхъ низменностями. Такимъ образомъ вдается съ юга къ сѣверу Индѣйская, а съ сѣвера къ югу Бухарская равнины. Обѣ соединены съ нагорьемъ большими переходными формами, по которымъ текутъ: Индъ и Гангъ на Ю. и Ю.-В., Гигонъ и Сыръ на С. и С.-З. А потому мы находимъ, что здѣсь, въ Центральной Азіи, соединены, на сравнительно небольшомъ пространствѣ, самыя разительныя контрасты земныхъ рельефовъ, принадлежащіе къ большимъ достопримѣчательностямъ строенія земной коры, которой богатыя существенныя формы представили здѣсь основу рано развившимся образованнымъ народамъ и земледѣльческимъ странамъ, и обусловили, въ самыя древнія тысячелѣтія, образующее вліяніе этой средины на всѣ ея окрестности. Такое доступное устройство средины Азіи, самаго большаго континента стараго свѣта, составляетъ совершенную противоположность съ центральною и недоступною Африкою, но сходно во многихъ отношеніяхъ съ расчлененною срединою Америки въ приморскомъ, но центральномъ плоскогоріи Мексики. Здѣсь находимъ мы контрасты всѣхъ трехъ главныхъ формъ земной поверхности, столь непосредственно сталкивающихся и проникающихъ другъ въ друга, какъ мы не встрѣчаемъ ни на какомъ другомъ пунктѣ нашей планеты въ такой полнотѣ и въ такомъ колоссальномъ масштабѣ. А потому Азія, въ общей массѣ, характеризуется тѣмъ, что наибольшія контрастовъ находятся въ ея срединѣ, между тѣмъ какъ на оборотъ, еще не тронутая изнутри исторіею и снаружи открытіями, середина Африки представляетъ большое однообразіе или наименьшіе контрасты, Европа же развила свою поверхность частымъ повтореніемъ та-

нихъ контрастовъ, разумѣется, въ болѣе узкихъ размѣрахъ, вдоль длинной линіи, протянутой отъ востока къ западу. Въ Азіи находимъ мы въ упомянутой срединѣ: наивозможно большее взаимное сближеніе обонхъ нагорьевъ къ Ю.-З. и С.-В., между которыми проникають съ Ю. и С., въ видѣ прямыхъ угловъ, обширныя низменности земнаго шара, принимающія слѣдовательно участіе въ явленіяхъ двухъ совершенно различныхъ нагорій, образующихъ гористую вершину ихъ треугольниковъ, а связь между нагорьями и низменностями образуется уступами главныхъ рѣчныхъ системъ Ганга, Инда и Окса, принадлежащихъ къ самымъ замѣчательнымъ воднымъ системамъ земнаго шара. Здѣсь скучены слѣдовательно всѣ главныя формы низменностей и нагорьевъ: плоскогорія, альпійскія и горныя страны, хребты окраинъ, равнины и долины съ водосклонами на всѣ стороны свѣта, съ далеко раскинувшимися передовыми странами, приготовившими, для всего движущагося и одареннаго живнію, пути къ двумъ океанамъ и двумъ частямъ свѣта; такія соединенія представляютъ театръ безконечнаго разнообразія, котораго вліяніе на ходъ развитія исторіи человѣчества превращаетъ этотъ пунктъ въ самый возбужденный импульсомъ природы на всемъ земномъ шарѣ. Завоеваніе этой страны, которой обожаніе, какъ восточнаго рая, посѣщеніе, какъ мѣстопребыванія боговъ, изслѣдованіе, какъ отечества предковъ и аборигеновъ и какъ театра величайшихъ явленій природы, уже въ теченіи тысячелѣтій обращали вниманіе народовъ, съ древнѣйшихъ временъ Бактрійскаго Зендскаго ученія Зороастра и индѣйскихъ эпопей, сколь далеко простираются сказанія хроникъ Кашмира, до временъ завоеваній Александра Македонскаго въ Индѣйскомъ Кавказѣ, Газневидовъ, Тимура, Бабуръ хана, Ламаидовъ Тибета и до открытія истоковъ Ганга и Инда Европейцами.

Изъ борьбы и уравниенія силъ природы, дѣйствовавшихъ въ сихъ многообразныхъ пространственныхъ отношеніяхъ, проистекло богатство и разнообразіе строенія земной поверхности, отразившееся вездѣ въ исторіи Азіи и ея жителей

Однакоже такое богатое пластическое развитіе азіатской середины, доставшееся въ удѣлъ только одному Востоку, не имѣло бы столь обширнаго вліянія на ея развитіе, еслибъ Западъ сей части свѣта или Ближняя Азія не была устроена и ограничена, относительно сосѣднихъ съ нею частей свѣта, какъ вообще такъ и въ частяхъ своихъ, столь же особеннымъ, хотя совершенно различнымъ образомъ, для удобства вѣковаго вліянія разпѣтшей на Востокъ силы человеческого рода. И въ самомъ дѣлѣ, западная оконечность Азіи представляетъ намъ, относительно положенія всего стараго свѣта, еще болѣе величественный феноменъ, который мы должны признать апогеемъ пространственныхъ развитій нашей планеты, къ выгодѣ обитателя ея — человека, потому-что это развитіе дало направленіе и прочную основу ходу всемірной культуры, начиная отъ самыхъ отдаленныхъ временъ древней исторіи. Короче сказать, здѣсь находится наибольшее сближеніе трехъ частей свѣта, при удобствѣ сообщенія посредствомъ прорывовъ, занятыхъ морскими заливами. Въ самомъ дѣлѣ западная Азія расчленяется именно тамъ гдѣ она наиболѣе приближается къ Ю.-В. Европѣ и С.-В. Африкѣ, и представляетъ наибольшее разнообразіе въ горизонтальномъ и вертикальномъ отношеніи: въ кавказскомъ перевейжѣ, нагорной Арменіи и наполненномъ плоскогоріями полуостровѣ малой азіи, въ Сирійскомъ береговомъ хребтѣ и аравійскомъ Неджедѣ; промежутки же между этими расчлененіями, углубленіями и разнообразными трещинами, на границѣ трехъ частей свѣта, заняты пятью морскими заливами, вторгающимися въ общую, потому самому очень развитую средину, съ равныхъ странъ свѣта, какъ это не встрѣчается ни въ какомъ другомъ мѣстѣ земнаго шара; эти заливы служатъ морскими путями для сношеній народныхъ и близость ихъ столкновеній несказанно усиливаетъ культуру сосѣднихъ странъ. Именно Персидскій заливъ проникаетъ здѣсь, со стороны ввдѣйскаго міра, въ вавилоно-ассирійскую этнографическую область, аравійскій, отъ древняго Офира — къ Финикіи, Іудеѣ и Египту; они были двумя знаменитѣйшими путями самой

обширной торговли отдаленной древности. Далѣе находятся: Сирійско-Киликійскій морской уголь и Егейское море, служившіе Малой Азіи для прямыхъ морскихъ сношеній съ отечествами Египтянъ, Карфагенянъ, Иберійцевъ, Итальянцевъ, Грековъ; Путь который, не смотря на непроходимость Кавказа, перенесъ уже очень рано знакомыхъ съ мореплаваніемъ, Кимвровъ и индійскихъ Колхійцевъ къ устьямъ Истера и сдѣлалъ доступнымъ европейскій Востокъ, котораго обратное дѣйствіе (на азиатскій) мы примѣчаемъ во времена Аргонавтовъ, Перикла, Помпея, Адриана и византійскихъ императоровъ. Наконецъ замѣчательнѣйшій прорѣзъ самага большаго озера земнаго шара — Каспійскаго моря, столь значителенъ, по своему физическому вліянію, для центральной и ближней азіи что уничтоженіе его произвело бы совершенное обѣдненіе окружающихъ степей. Впрочемъ если это море, въ продолженіи послѣднихъ столѣтій, уже не является намъ, какъ прежде, физиологически дѣйствующимъ органомъ земли; то это должно приписать не формѣ его, но поблекшей, и только что возродившейся въ послѣднее время, народной жизни его береговъ.

Упомянутый *тахитит* прорывовъ, соприкосновенія и уравненія континентальныхъ и морскихъ явленій или твердой и жидкой формы, совпадающей съ пространственною или культурною серединою всего стараго свѣта, обусловилъ собою классическую для людей и народовъ почву всемірной исторіи, взаимнымъ, наивозможно разнообразнымъ сближеніемъ и расчлененіемъ земныхъ пространствъ, которыя сдѣлались отечествами и странами индивидуальнаго и самостоятельнаго развитія блистательнѣйшихъ образованныхъ народовъ древности: Вавилонянъ, Ассирійцевъ, Мидянъ, Персовъ, Финикіанъ, Египтянъ, центръ которыхъ находился въ Палестинѣ а окружность на С.-З. простиралась, черезъ посредство сухопутныхъ местовъ и водяныхъ сообщеній, до самой Греціи.

Упомянутый *тахитит* контрастовъ пластическаго строенія въ срединѣ Азіи возбудилъ континентальное развитіе Востока, отъ

само́й древности до начала историческихъ временъ; *тажѣитъ же прорывовъ и сближеній на западъ*, не достигнувшій до совершеннаго расщепленія юго-восточной Азіи или Зондской группы, гдѣ огромныя массы совершенно оторваны отъ континента, далъ возможность раннему распространенію, по всему земному шару, уже приобрѣтенной человѣческимъ родомъ культуры. Въ самомъ дѣлѣ она встрѣтила здѣсь наименьшее число препятствій и здѣсь были ей приготовлены пути во всѣхъ направленіяхъ, какъ на континентахъ такъ и на моряхъ. Никакой другой пунктъ нашей планеты не былъ въ такой степени предзназначенъ какъ этотъ для развитія на немъ театра человѣческой исторіи, въ столь короткое время въ какое она развернулась здѣсь для блага народовъ, какъ этой, такъ и всѣхъ другихъ частей свѣта. Представляю себѣ что начало всемірной культуры, возвысившей людей до гуманности, произошло бы на другомъ концѣ Азіи, на китайскомъ востокѣ, на сибирскомъ сѣверѣ и даже на индѣйскомъ и малайскомъ югѣ, то какъ трудно было бы распространить быстро и повсемѣстно благодѣянія традиціонельной образованности, которая могла гармонически возвыситься только взаимными выравниваніями и наконецъ выразиться вездѣ распространенными религіозными системами, которыя, хотя и истекая изъ опредѣленныхъ мѣстныхъ отношеній, должны были соотвѣтствовать нравственному и умственному міру всегда сообразной съ временемъ степени культуры.

Развитіе цивилизацій и культуръ, отъ оконечностей частей свѣта или отъ периферій къ общей срединѣ, при изложенныхъ отношеніяхъ было невозможно; но распространеніе ихъ отъ средины къ окружности континентальнаго кольца, а оттуда уже къ разсѣяннѣмъ группамъ земель морскаго полушарія есть большею частію доказанный фактъ. Въ упомянутой же срединѣ начала образованности земнаго шара средняя и ближняя Азія, также какъ и южная Европа и сѣв.-вост. Африка, принимаютъ важнѣйшее участіе, а потому природа сихъ странъ является основою явленій ихъ исторіи и требуетъ точнѣйшаго научнаго изученія.

Азія, по своему космическому и теллурическому положенію; имѣеть совершенно характеръ востока земли, по строенію своихъ формъ представляетъ самую грандіозную часть свѣта, а по наибольшимъ контрастамъ въ ея срединѣ и прорывовъ на Западѣ приняла, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, для всего пространства стараго свѣта, характеръ высшей культуры; а еще, кромѣ всего этаго, получила свое образующее вліяніе на Западъ и остальную землю, вслѣдствіе особеннаго космическаго распространенія и распредѣленія ея пространствъ, обусловившихъ распространеніе и распредѣленіе ея народовъ и цивилизацій.

§ 9. *Распредѣленіе пространствъ и климатическое единство Азіи.*

Еслибъ Азія, подобно Америкѣ, была распространена по кривизнѣ земнаго шара отъ Сѣвера къ Югу, отъ арктическаго почти до антарктическаго полярнаго круга, черезъ болѣе чѣмъ $\frac{1}{3}$ окружности земли, съ относительно небольшою шириною отъ Запада къ Востоку, то она не была бы призвана къ той роли въ исторіи земнаго шара и рода человѣческаго, которую она играла съ начала тысячелѣтій. Но Азія, съ своимъ естественнымъ сѣверо-западнымъ продолженіемъ (Европою), стоитъ въ этомъ отношеніи въ совершенной противуположности съ Америкою, потому что она, своими западною и восточными оконечностями (почти между 1° и 200° с. ш.), совершенно обнимаетъ цѣлое полушаріе, между тѣмъ какъ протяженіе ея по широтѣ отъ юга къ сѣверу совсѣмъ не столь значительно и составляетъ для Азіи $\frac{1}{4}$ земной окружности, а для Европы $\frac{1}{6}$, между тѣмъ какъ протяженіе стараго свѣта по долготѣ отъ В. къ З. равняется $\frac{1}{2}$ земной окружности. Результаты такого *распредѣленія пространствъ* столь важны что они не могутъ быть приписаны случайности, обусловленной только растрескиваніемъ земныхъ трещинъ и физическимъ напряженіемъ подземныхъ силъ. Изъ такого *распредѣленія пространствъ* слѣдуетъ что Америка простирается черезъ большее количество зонъ нежели Азія; что отдѣльныя ея пространства различаются гораздо болѣшимъ разнообразіемъ кли-

матовъ, величинъ дней и время года нежели Азія. Америка переходитъ черезъ всѣ зоны, что обогащаетъ, или по крайней мѣрѣ разнообразитъ ее въ физическомъ отношеніи, но отсюда не слѣдуетъ чтобы Америка превосходила другія части свѣта въ этнографическомъ отношеніи и была способна для началъ развитія человѣческихъ племенъ, только потому что она переходитъ изъ южнаго холоднаго пояса черезъ южный умѣренный и субтропическій, южный и сѣверный тропическій, въ сѣверный умѣренный и наконецъ въ холодный. Азія же получила только въ удѣлъ половину сихъ климатическихъ перемѣнъ, между экваторомъ и сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, слѣдовательно въ Америкѣ, при увеличеніи разнообразія естественныхъ произведеній вслѣдствіе климатическихъ причинъ, замѣтно гораздо *большее климатическое разъединеніе* ея уже вообще болѣе раздѣльныхъ пространствъ нежели въ Азіи. Азія же напротивъ, при болѣемъ разнообразіи своего пластическаго строенія и очертанія частей своихъ, получила отъ природы болѣшую климатическую связь, совпадающую съ болѣшую ея континентальною связью. Это различіе стараго и новаго свѣта безконечно важно; оно превратилось бы въ самый рѣзкій контрастъ, безъ вліянія другихъ умѣряющихъ и выравнивающихъ обстоятельствъ, какъ напр. морей и т. д. Однакоже различіе осталось еще значительнымъ и не мало способствовало къ энергіи и постоянству, могуществу и завоевательной способности племенъ стараго свѣта, также какъ къ недостатку внутренней связи и равненьу упадку менѣ развитыхъ силъ слабыхъ туземныхъ племенъ новаго свѣта. Вслѣдствіе того въ Америкѣ произошла противоположность между жителями и исторіями Юга и Сѣвера, которые, будучи разъединены своею общею серединою, не могли выравняться иначе какъ черезъ посредство Европейцевъ. Въ старомъ свѣтѣ, напротивъ, не произошло никакого первоначальнаго разъединенія ни между Востокомъ и Западомъ, ни между Сѣверомъ и Югомъ, а Европа даже сдѣлалась только континентальнымъ продолженіемъ Азіи, такъ какъ Америка морскимъ продолженіемъ Евро-

ны, и такъ какъ, вѣроятно, отдаленный Востокъ Азія опять предназначенъ быть морскимъ продолженіемъ Запада Америки. На семъ то пути, гдѣ природа и исторія подаютъ другъ другу руку для осуществленія единства высоко-развитой жизни рода человѣческаго, сначала замкнется кольцо всеобщей культуры, подобно повторяющемуся ежедневно и ежегодно солнечному обороту, а потомъ уже присоединятся къ нему всѣ другіе пункты земли и народныя индивидуальности. Еслибъ, подобно обѣимъ Америкамъ, Азія и Европа были сочленены между собою съ Юга къ Сѣверу, то уму человѣческому очевидно что онѣ не были бы продолженіемъ одна другой и не помогли бы взаимно другъ другу въ индивидуальномъ развитіи ихъ планетарныхъ природъ, такъ что всемірная исторія должна была бы развиться совершенно инымъ образомъ, а можетъ быть даже что безпомощный родъ человѣческій, при такомъ значительномъ конфликтѣ препятствій, погвѣбъ бы совершенно, или остался на очень низкой и медленно прогрессирующей степени развитія. Въ самомъ дѣлѣ климатическое разъединеніе частей Америки естественно раздѣляетъ жителей, также какъ и всѣ произведенія сей части свѣта, потому-что родъ человѣческій, въ своемъ физическомъ строеніи и усовершенствованіи, въ извѣстной степени остается подчиненнымъ климатическимъ вліяніямъ планеты, тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе развилась его культура, такъ что, въ мало развитомъ своемъ состояніи, онъ не можетъ побѣдить искусственными средствами препятствій, которыя природа полагаетъ ему на пути его развитія. Образованные народы, въ нынѣшнемъ состояніи ихъ цивилизаціи, безъ сомнѣнія имѣютъ средства акклиматизироваться вездѣ: подъ тропиками, также какъ и подъ полярнымъ кругомъ; но первобытнымъ поселеніямъ народныхъ племенъ, такія акклиматизированія представляли трудно преодолимыя препятствія. Азіатскіе же народы никогда не были подчинены столь большому климатическому разъединенію и разбѣянію какъ Американскіе, начиная отъ Пешересовъ и Патагонцевъ южной оконечности Америки до Гренландцевъ и Эскимосовъ сѣверной;

но также не встрѣчали еще болѣе, неудобнаго для развитія, разнообразія, какое мы примѣчаемъ въ Африкѣ, едва выходящей изъ жаркаго знойнаго пояса и нигдѣ не простирающейся за субтропическую зону. Большое же разнообразіе, соединенное въ азіатскихъ странахъ съ большимъ климатическимъ единствомъ, обусловило собою и большее внутреннее единство и гармоническое развитіе ихъ народовъ, при безконечномъ разнообразіи ихъ характеровъ и индивидуальностей. Только отсюда то и могло произойти взаимно проникающее, высокое, многостороннее, чело-вѣческое и государственное развитіе, встрѣчаемое на классической почвѣ стараго свѣта отъ Ганга до Тибра, отъ Окса до Нила. Хотя мы и не вездѣ въ состояніи указать пути распространенія азіатскихъ племенъ, понятно что имъ не трудно было перейти изъ климатическаго единства Азіи къ климатическому разнообразію земнаго шара, но не на оборотъ, и такимъ образомъ распредѣлиться въ обладаніи различными странами. Только изъ Азіи могли они проникнуть въ сродныя страны и сродныя отношенія разнаго рода, съ знакомыми уже имъ естественными произведеніями, съ принятымъ уже образомъ жизни и приобретенными искусствами, между тѣмъ какъ обратное движеніе чело-вѣческихъ племенъ не могло совершиться безъ очевидной погибели; то что они приобрѣли въ Азіи было для нихъ вездѣ полезнымъ капиталомъ. Никакая страна, кромѣ Азіи, и притомъ единственно средины ея, не могла быть большою школою дѣтства рода чело-вѣческаго; она снабжала различнѣйшія народныя племена необходимою домашнею утварью и дала имъ первый ихъ капиталъ, состоящій изъ хлѣбныхъ растений, овощей, домашнихъ животныхъ, образа жизни, патріархальныхъ нравовъ, коренныхъ религій, преданій и т. д., и такой капиталъ могъ снова быть насаженъ, пустить корни и успѣшно развиваться только въ сродныхъ странахъ. Такія страны представлялись азіатскимъ племенамъ сначала на Востокъ, а потомъ уже на Западъ, до тѣхъ поръ пока съ успѣхомъ времени и цивилизаціи Сѣверъ и Югъ, а наконецъ и дальнѣйшій за-атлантическій За-

падъ не вошли въ общій рядъ этихъ странъ. Такимъ образомъ старый свѣтъ открылъ обширный театръ для исторіи отъ Востока до Запада, а въ этомъ направленіи, сообразно съ распределеніемъ пространствъ и климатическимъ единствомъ, изъ корня стараго свѣта, въ теченіи историческихъ тысячелѣтій и еще ранѣе, развилась большая система миграцій народовъ и ихъ цивилизацій и культуръ отъ Востока къ Западу. Но такъ какъ всегда, въ началѣ и концѣ существованій, воспоминанія и символы временъ прошедшихъ, также какъ и прежнихъ отечествъ очень живо дѣйствуютъ, то Западу земнаго шара, отъ его юности и дѣтства, осталось воспоминаніе о Востокѣ и стремленіе къ нему и такія то воспоминанія пробуждаютъ въ насъ надежду на будущее, которое вообще можетъ быть только развитіемъ прошедшаго.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ ВВЕДЕНІЮ.

Къ § 3-му. *Положеніе Азіи относительно Европы и границы между
объими частями свѣта.*

Первый вопросъ, поставляемый Риттеромъ въ тѣсную связь съ разграниченіемъ обѣихъ частей свѣта между собою, состоитъ въ томъ, существовали ли, въ прежнія тысячелѣтія, раздѣлительныя моря между Европою и Азіею, или, въ другихъ словахъ, сообщалось ли Каспійское море съ Ледовитымъ океаномъ, морскимъ рукавомъ, простирающимся въ направленіи озеръ Киргизской и Барабинской степей и ложа Тоболя и Оби, во времена существованія человѣческаго рода? Я говорю во времена существованія рода человѣческаго, потому-что геологія научаетъ насъ что границы между твердью и моремъ непостоянны и нѣтъ почти ни одной обширной страны земнаго шара которая не была когда нибудь дномъ морскимъ, слѣдовательно было и время когда нынѣшняя Европа составляла даже одинъ или нѣсколько острововъ. Каспійское же море могло соединиться съ Сѣвернымъ океаномъ, даже въ относительно не очень древнюю геологическую эпоху — эпоху самыхъ новыхъ третичныхъ формаций, что впрочемъ не должно было имѣть никакого вліянія на нынѣшнія отношенія между обѣими частями свѣта, тѣмъ болѣе что и самыя очертанія и пластика Европы были тогда въ-

роятно другія. Важнымъ для возрѣвнїи Риттера остается только вопросъ о томъ: существовало ли подобное соединеніе во времена историческія или по крайней мѣрѣ человѣческія, и Риттеръ, какъ кажется, склоняется къ положительному его рѣшенію.

Къ С. отъ Аральскаго моря, въ направленіи къ истокамъ Тоболя, простирается дѣйствительно углубленная борозда или впадина, шириною въ 5° долготы, оканчивающаяся на З. у подошвы Мугоджара, самаго восточнаго отрога уральскаго хребта. Въ ней расположены, однимъ градусомъ сѣвернѣе оконечности Аральскаго моря, многочисленная группа высыхающихъ озеръ Аксакаль Барби и, еще далѣе на полтора градуса къ С., группа Сары-Купа въ Барабинской степи, и не подлежитъ никакому сомнѣнію что въ прежнія времена Аральское море имѣло несравненно болѣе значительное протяженіе. Справедливо также что вся полоса, простирающаяся отъ Барабинской степи, вдоль теченія Тоболя, Иртыша и Оби до Обской губы, очень мало возвышена, потому-что лежащій посреди ея Тобольскъ, по наблюденіямъ Ад. Эрмана, только 18-ю туазами (108 ф.) выше уров. океана. Несмотря на то, сообщеніе Аральскаго моря съ Сѣвернымъ, столь вѣроятное въ эпоху новѣйшихъ третичныхъ формаций, болѣе чѣмъ сомнительно во времена человѣческія и историческія. Ал. Гумбольдтъ (1) тщательно искалъ, нѣтъ ли у древнихъ какихъ либо данныхъ, могущихъ служить для рѣшенія этого вопроса и пришелъ также къ отрицательному результату. Единственное мѣсто въ сочиненіяхъ древнихъ, въ которомъ мнѣніе о соединеніи обоихъ морей могло бы найти какое нибудь подтвержденіе, принадлежитъ Страбону. Этотъ географъ говоритъ именно: «что Яксартъ (Сырѣ-Дарья) орошаетъ и наводняетъ страну, раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ одинъ впадаетъ въ Гирканскій заливъ, а другіе текутъ въ Сѣверное море». Но это свидѣтельство Страбона теряетъ всю свою важность, если мы вспомнимъ что только три писателя

(1) A. v. Humboldt, *Central-Asien übers v. Mehlmann*. Bd. I. p. 446 etc.

древности имѣли опредѣленное понятіе объ отдѣльности Каспійскаго моря: Геродотъ, Аристотель и Птоломей. Геродотъ именно, еще въ V в. до Р. Х., имѣлъ самыя положительныя свѣдѣнія объ этихъ частяхъ Азіи, доставленныя ему собственными наблюденіями и пребываніемъ въ Ольвіи. Ольвіополитанцамъ, познакомившимся съ Каспійскимъ моремъ съ сѣверной его стороны, между устьями Кумы, Волги и Урала, было чуждо всякое представленіе о соединеніи его съ Ледовитымъ океаномъ. Совершенно въ другомъ положеніи находились писатели Александрійской Школы. Они знакомы были съ Каспійскимъ моремъ изъ похода Александра Македонскаго, весьма мало подвигнувшаго впередъ знаніе этой части Азіи. Когда македонское войско приблизилось къ Каспійскому морю съ ю.-в. стороны его, изъ Гиркании, и увидѣло его поверхность теряющуюся, на сѣверномъ горизонтѣ, то для 'ипотезъ открылось обширное поле и заблужденіе было очень легко. «Притомъ же», говоритъ Гумбольдтъ ⁽²⁾, «Александрійская школа имѣла особенное пристрастіе къ ни на чемъ не основаннымъ 'ипотезамъ о бифуркаціяхъ «рѣкъ, о заливахъ влающихся подобно фіордамъ во внутренность континентовъ, о многочисленныхъ соединеніяхъ между «различными морями. Геологическія 'ипотезы объ измѣненіяхъ «земной поверхности, о слѣдахъ наводненій или высохшихъ «рукавовъ морскихъ, о поднятіи земель со дна морскаго, о разорванныхъ перешейкахъ при Дарданеллахъ, столбахъ Геркулесовыхъ и южной оконечности Аравійскаго залива, привели «въ движеніе поэтическое воображеніе, въ тотъ вѣкъ когда ученость и разнообразіе свѣдѣній силились замѣнить отсутствіе теплоты великихъ идей и творческаго духа. Эта ученая поэзія, «съ своею печатью прежней мифологіи и псевдо-орфейскихъ «преданій, имѣла грустное вліяніе на космографію. Люди приучились принимать все то что было когда то воображаемо о «прежнемъ очертаніи континентовъ и соединеніи Paludis Maeo-

(2) A. v. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 448 — 49.

«tidis съ Каспійскимъ моремъ, также какъ сего послѣдняго съ океаномъ, къ С. и В., даже къ Ю. съ Краснымъ моремъ, за дѣйствительно существующею. Эта смѣсь систематической и эмпирической географіи особенно выразилась въ направленіи которое приняли Аргонавты при своемъ возвращеніи. Фазисъ и Тананисъ сдѣлались рукавами Аракса и, какъ уже давно замѣтилъ «ученый другъ мой Летроннъ, путешествіе Арго имѣло, черезъ «посредство Александрійской школы и ея вѣтвей, въ началѣ «христіанскаго лѣтосчисленія, большое вліяніе на 'ипотезу объ «океаническихъ соединеніяхъ Каспійскаго моря. Походы Ю, «Геркулеса и Аргонавтовъ связали какъ кажется географію съ «мнѣями, которыхъ формы были измѣняемы писателями по «благоусмотрѣнію».

Мы не входимъ въ дальнѣйшій анализъ интересныхъ историческихъ изслѣдованій Гумбольдта ⁽³⁾ о замкнутости Каспійскаго бассейна во времена историческія. Приведеннаго цитата достаточно чтобы объяснить заблужденіе Страбона, а взглядъ на строеніе борозды Тоболя и Оби можетъ окончательно утвердить въ мнѣніи, что сообщенія между Арало-Каспійскимъ бассейномъ и Сѣвернымъ океаномъ могло только существовать во времена до-историческія, относящіяся къ эпохѣ образованія верхнихъ этажей третичной формаціи. Поднятіе раздѣлительнаго между Аральскимъ и Каспійскимъ морями перешейка — Усть-Урта также относится къ эпохамъ геологическимъ.

Замѣчательныя изслѣдованія Эйхвальда ⁽⁴⁾ приводятъ насъ къ аналогическимъ результатамъ, доказывая что Каспійское море также не могло быть въ связи и съ Чернымъ, во времена историческія. Его Fauna Caspio-Caucasica показала какъ различны водные обитатели обонхъ морей. Съ другой стороны Эйхвальдъ не сомнѣвается однако что въ послѣднюю эпоху тре-

(3) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 446 — 512.

(4) См. Erman Archiv für wissensch. Kunde Russlands 1843, Heft. I. S. 4—11.

тичной формации такое соединеніе могло существовать и полагаютъ что, даже въ эпохи историческія, Каспійское море распространялось гораздо далѣе въ Астраханскихъ степяхъ чѣмъ нынѣ, такъ что во времена Страбона Большой и Малый Узень впадали еще непосредственно въ Каспійское море. Такое соединеніе въ до-историческія времена, подтверждаемое и наблюденіями Бэра, могло быть прервано какою нибудь геологическою катастрофою ⁽⁵⁾.

Второй вопросъ, входящій въ разсмотрѣніе отношеній между Европою и Азіею, есть углубленіе Каспійскаго бассейна. Числа, приводимыя Риттеромъ, на основаніи наблюденій Энгельгардта и Шаррота (300 — 350 ниже уровня океана), ошибочны. Большая тригонометрическая операція, произведенная по порученію Императорской Академіи Наукъ Фуссомъ, Саблеромъ и Савичемъ и оконченная въ октябрѣ 1837 года, доказала что уровень Каспійскаго моря, хотя и отрицательный, гораздо выше чѣмъ его предполагали прежде, именно:

По вычисленію Савича — 80,0 анг. ф.

» » Саблера — 82,8 » »

средн. 81,4 анг. ф. или 76,32 пар. ф. = 12,72 туазовъ ⁽⁶⁾.

Интересна исторія этой колоссальной ошибки ⁽⁷⁾. Первый ученый обратившій вниманіе на углубленіе каспійской котловины былъ Шаппъ д'Отрошъ, который, руководствуясь наблюденіями д-ра Лерхе въ Астрахани (1732 — 49 г.), нашелъ для уровня Каспійскаго моря — 51 туазь (306 пар. ф.), результатъ который онъ самъ впрочемъ называетъ нелѣпымъ. Иноходецъ, сравнивая среднія барометрическія высоты Камышина (изъ наблюденій 1770 — 74 г.) и Петербурга, нашелъ что Камышинъ на 28,5 туазовъ (171 ф.) ниже уровня Балтійскаго

(5) См. Bär. Kaspische Studien, въ Bull. de la classe phys. math. de l'Acad. Imp. des Sciences à St. Petersb. T. XXII. №№ 21, 22.

(6) См. Fuss, Sabler u Sawitch, Kaspische Expedition. St. Petersburg. 4. 1849.

(7) См. Humboldt, Central-Asien übers v. Mehlmann. Bd. I. p. 533. etc.

моря ⁽⁸⁾. Онъ же упоминаетъ что Хр. Мейеръ, основываясь на барометрическихъ наблюденіяхъ Лерхе, опредѣлялъ уровень Каспійскаго моря въ 101 ф. (17 туаз.). Вотъ цифра совершенно случайно подходящая къ истинѣ. Палласъ остановился на числѣ, мало удаляющемся отъ цифры Мейера. Онъ нашелъ именно что различіе уровней Волги и Дона, въ мѣстѣ ихъ наибольшаго сближенія, составляетъ 10 туазовъ. Присоединяя 8 туазовъ, различіи уровня Царицына съ уровнемъ Каспійскаго моря (по наблюденіямъ Гебеля), мы получимъ для уровня Каспійскаго моря — 18 туаз. = 108 пар. ф. Замѣтимъ только, что цифра Палласа не подтвердилась, и нивелировка, произведенная русскими офицерами, показала различіе уровней Волги при Царицынѣ и Дона при Кагалинской станицѣ въ 21,2 туаз. По среднимъ барометрическимъ высотамъ, обнародованнымъ въ актахъ нашей Академіи за 1782 г. для Астрахани, Москвы, Иркутска и Петербурга, уровень Каспійскаго моря имѣетъ — 45 туаз. = — 270 пар. ф. Астрономъ Вишневскій, дѣлавшій на Каспійскомъ морѣ наблюденія въ продолженіи трехъ лѣтъ, принималъ высоту его — 42,8 туаз. = — 257 пар. ф. Барометрическая нивелировка станціями, совершенная въ 1811 г. между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, гг. Энгельгардтомъ и Парротомъ дала:

на пути къ Каспійскому морю въ 27 дн. — 54,2 туаз.

» обратномъ » » 30 » — 47,1 »

средн. высот. — 50,6 туаз. = 300 пар. ф.

Послѣ того Монтейтъ опредѣлялъ углубленіе Каспійскаго моря, посредствомъ температуры кипѣнія воды, въ — 61 туаз. = — 366 пар. ф., а Локтевъ барометрически въ — 39 = — 207 пар. ф. Гг. Гофману и Гельмерсену принадлежитъ честь первой безошибочной барометрической нивелировки на Каспійскомъ мо-

(8) Nova Acta Acad. Petrop. T. II. p. 306. По наблюденіямъ Гебеля, Камышинъ имѣетъ + 3,3 туаза выс. См. Geobel Reise in den Steppen Russlands Dorp. 1830. 4. T. II. p. 180.

рѣ, между Оренбургомъ и Гурьевымъ, въ 1825 году. Именно они нашли что Оренбургъ на 52 туаз. выше Каспійскаго моря. Галле, нашедшій, на основаніи барометрическихъ наблюденій Гофмана и Карелина, для высоты Оренбурга 39 туаз. надъ ур. ок., вывелъ отсюда углубленіе Каспійскаго моря въ— 13 туаз.—78 пар. ф., результатъ почти совершенно тождественный съ истинною. Но это было уже позже, а въ свое время прекрасныя наблюденія Гофмана и Гельмерсена остались безъ вниманія, потому-что Оренбургъ считали, какъ и приводитъ Риттеръ, въ самомъ уровнѣ океана.

Первое обстоятельство возбуждавшее сомнѣніе къ цифрѣ Энгельгардта и Паррота было наблюденія Гумбольдта, Густ. Розе, Гофмана и Гельмерсена въ 1829 г. на берегу Каспійскаго моря и сравненіе ихъ съ стояніемъ барометра въ Казани. Также и Парротъ, во время путешествія своего къ Арарату, началъ самъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ наблюденій 1811 г. и въ 1830 г., въ теченіи 12 дней, совершилъ трудную барометрическую нивелировку между Новочеркасскомъ и Астраханью, которой результатъ не показалъ почти никакого различія между обоими уровнями ⁽⁹⁾. Тутъ только открылось въ какой степени самый способъ нивелировки станціями не точенъ. И дѣйствительно, барометрическая нивелировка, произведенная одновременно съ тригонометрическою Фусса, была столь же ошибочна какъ и предъидущія и дала—47 туаз. для уровня Каспійскаго моря. Ленцъ, въ особенной статьѣ ⁽¹⁰⁾, прочтенной имъ въ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ, изложилъ всѣ причины неточности этого способа нивелировки, въ которомъ всѣ ошибки, происходящія отъ вліянія частыхъ перемѣнъ мѣстной температуры, не уничтожаются взаимно, а накапливаются въ значительную сумму, при сравненіи показаній двухъ инструментовъ, изъ которыхъ одинъ постоянно предшествуетъ другому.

(9) Parrot Reise nach dem Ararat. T. II. p. 12—31.

(10) Lenz Bemerk. über das sogenannte Stationsnivellement mittelst des Barometers (geles. 26 Mai 1836.) Bullet. de l'Acad. de St. Petersb. T. I. p. 51, 53.

Гораздо менѣе значительны ошибки въ цифрахъ, выведенныхъ изъ сравненія среднихъ барометрическихъ стояній на берегу обоихъ морей. Савичъ, изъ сравненій наблюдений въ Таганрогѣ и Астрахани, нашелъ высоту Каспійскаго моря = — 22,2 туаз. = — 133 пар. ф., Гебель, въ Астрахани и Симферополѣ = — 15,9 туаз. = — 95 пар. ф., Ленцъ, въ Баку и Таганрогѣ = — 16,8 туаз. = — 102 пар. ф.

Если мы можемъ смотрѣть на цифру, полученную каспійскою экспедицею, какъ на достовѣрную для Каспійскаго моря, то для Аральскаго мы еще не имѣемъ никакой вѣрной цифры. Экспедиція русскихъ офицеровъ (Загоскина, Анжу и Дюгамеля), дѣлавшая въ 1826 году барометрическую нивеллировку на Усть-Уртѣ, нашла Аральское море на 18,3 туаз. выше Каспійскаго, слѣдовательно уровень Аральскаго моря на 5,6 туаз. выше уровня океана; но мы знаемъ уже теперь, какъ мало можно полагаться на барометрическую нивеллировку, и очень склонны къ мнѣнію, что нѣтъ почти никакого различія между уровнями обоихъ морей.

За исключеніемъ даже всего бассейна Аральскаго моря и плоскогорія Усть-Урта, для каспійской котловины (низменности съ отрицательнымъ уровнемъ) остается еще, по вычисленію Гумбольдта, 18,000 кв. морск. миль (10,000 геогр. м.), т. е. площадь, превосходящая величиною Францію.

Приводимыя Риттеромъ числа для высотъ Оренбурга (0 ф. надъ ур. ок.) и Саратова (также 0 ф.) несправедливы. Оренбургъ даже очень значительно возвышенъ (39 туаз. или 207 ф.) надъ ур. ок., а Волга у Саратова имѣетъ + 6 туаз. (36 ф.) абсол. выс. Линія уровня океана, по одну сторону которой простираются отрицательныя, а по другую — положительныя низменности, пересѣкаетъ Уралъ между Уральскомъ и Калмыковскою, а Волгу между Саратовымъ и Царицынымъ, т. е. недалеко отъ Камышина: граница приблизительно совпадающая съ 52° с. ш.

Вотъ числа, дающія понятія о гипсометрическихъ отношеніяхъ сѣверо-западной части каспійской котловины, въ туазахъ ⁽¹¹⁾:

Сарепта.....	— 7,2 туаза.
Оз. Елтовъ.....	— 8 »
Красный Яръ.....	— 9 »
Кягачь, притокъ Ахтубы.....	— 8,4 »
Кочетаевка.....	— 6,9 »
1-й привалъ въ степи по дорогѣ къ Ар- заргару.....	— 5,2 »
2-й »	— 5,5 »
3-й »	— 10,8 »
Соленое озеро при Арзаргарѣ.....	+ 26,6 »
1-й степной привалъ по дорогѣ къ Чапчачи.....	+ 10,3 »
Привалъ въ степи, на пути къ Богдо...	+ 7 »
Озеро Богдо.....	+ 0,5 »
Вершина Богдо.....	+ 9,1 »
Привалъ въ степи между Богдо и Ах- тубою.....	+ 32,6 »
Владиміровка.....	+ 11,9 »
Черный Яръ.....	— 8,2 »
Уралъ при Калмыковкѣ.....	— 5 — 12 туаза,
Озера Камышь-Самарскія.....	— 23 туаза.

т. е. по предположенію Гебеля эти озера лежатъ 10-ю туазами ниже уровня Каспійскаго моря.

Что же касается до мнѣній новѣйшихъ ученыхъ о геологической особенноти феномена каспійской котловины, то они намъ кажутся рѣшительно преувеличенными. Вотъ два цитата изъ Гумбольдта ⁽¹²⁾, относящіяся къ этому предмету: «Точно также должно смотрѣть на большую котловину западной Азии,

(11) См. Goebel Reise in den Steppen des Südlichen Russlands Dorp. 1847. 4. Т. II. p. 180—185.

(12) См. Humboldt, Central-Asien übers. von Mahlkamm. I. p. 55, 56.

«какъ на свидѣтельство о подземной дѣятельности эластическихъ жидкостей, поднимающей континенты, горныя цѣпи и отдѣльныя горы, сдвигающей массы горныхъ породъ съ заключающимися въ нихъ окаменѣlostями, образующей нагорья и низменности» и т. п. Далѣе: «Должно предполагать, что образованіе этого углубленія, этой выемки земной поверхности, стоитъ въ тѣсной связи съ поднятіемъ Кавказа, Инду-ку и персидскаго плоскогорія, ограничивающаго Каспійское море и Маверальнахаръ съ южной стороны, можетъ быть также съ поднятіемъ обширнаго, очень неопредѣленнаго и несправедливо такъ называемаго центрально-азіатскаго плоскогорія. Эта котловина стараго свѣта, съ геологической точки зрѣнія, есть страна-кратеръ, какъ Клавіусъ, Шикаръ, Буссинго и Птоломей на поверхности луны, которые имѣютъ до 43 миль въ діаметръ и скорѣе могутъ быть сравнены съ Богеміей, чѣмъ со скатами и кратерами нашихъ вулкановъ».

Мы не отрицаемъ того что всѣ неровности земной поверхности, начиная отъ дна самыхъ глубокихъ океановъ, до снѣжныхъ вершинъ Хималаи, служатъ свидѣтельствомъ подземной дѣятельности эластическихъ жидкостей или реакціи расплавленнаго ядра нашей планеты на твердую кору его (т. е. вулканизма). Дѣло только въ томъ, имѣетъ ли образованіе каспійской котловины какую нибудь геологическую особенность, могущую оправдать названіе страны кратера, даваемое ей Гумбольдтомъ? Мы полагаемъ себя вправѣ отвѣчать на этотъ вопросъ отрицаніемъ. Каспійская котловина не замкнута даже какъ Богемія со всѣхъ сторонъ горами, а сообщается низменною бороздою съ Сѣвернымъ океаномъ. Самъ Гумбольдтъ приходитъ къ заключенію ⁽¹³⁾, что «до временъ называемыхъ нами историческими, «Аральское море, въ періодъ мало удаленный отъ одного изъ самыхъ послѣднихъ переворотовъ земной поверхности, было совершенно заключено въ бассейнъ Каспійскаго моря, и въ тоже

(13) См. Humboldt, *Central-Asien* übers. von Mehlmann. I. p. 329.

«время большая азиатская впадина (туранская котловина) образовала обширное Средиземное море, состоявшее съ одной стороны въ связи съ Понтомъ Евксинскимъ, а съ другой, черезъ «посредство болѣе или менѣе широкой бороды, съ Ледовитымъ океаномъ и озерами: Телегулемъ, Таласомъ и Балхашемъ».

Съ тѣхъ поръ медленное, секулярное ⁽¹⁴⁾ поднятіе азиатскаго континента прервало это морское соединеніе, поднимая дно соединительнаго пролива выше морскаго уровня и превратило арало-каспійскую котловину въ замкнутый бассейнъ. Секулярное это поднятіе продолжается еще и понынѣ на сѣверныхъ сибирскихъ берегахъ, какъ доказываютъ факты, собранные Врангелемъ и наблюденія Миддендорфа ⁽¹⁵⁾. Въ нынѣшнее время каспійскій бассейнъ имѣетъ только одну особенность, именно то, что воды его стоятъ на 82 фута ниже поверхности океана. Но геологическими ли переворотами произведена эта особенность, реакціе ли внутренности земли на ея поверхность, колоссальнымъ ли проваломъ, случившимся въ относительно не очень древнюю геологическую эпоху? Въ этомъ мы сомнѣваемся. Если Арало-Каспійскій бассейнъ значительно уменьшился въ до и послѣ историческія времена, оставивъ слѣды своего болѣе обширнаго распространенія въ многочисленныхъ группахъ соляныхъ озеръ окрестной степи, если дно этого замкнутаго бассейна обнажилось на значительныхъ пространствахъ, лежащихъ ниже уровня океана, то все это могло быть произведено причинами исключительно атмосферическими. Именно, съ тѣхъ поръ какъ Каспійскій бассейнъ пересталъ быть въ связи съ океаномъ, равновѣсіе между притекающею и убывающею вслѣдствіе испаренія водою должно было нарушиться, потому-что воздухъ въ туранской низменности, притекающей изъ тропической Сахары, отличается необыкновенною сухостью. Сухость эта, также какъ и высыханіе озеръ въ арало-каспійской котло-

(14) *Séculaire*, т. е. совершившееся не мгновенно, а постепенно, въ теченіи вѣковъ.

(15) См. Lyell *Principles of Geology* 7. edit. 8. Lond. 1847. p. 87.

винѣ, не есть 'ипотеза, а фактъ, основанный на наблюденіяхъ многихъ путешественниковъ. Притомъ же и причина ея очень ясна изъ теоріи воздушныхъ движеній. Каспійская котловина находится уже въ зонѣ переменныхъ вѣтровъ, обусловленныхъ борьбою полярнаго теченія съ экваторьальнымъ или нисходящимъ. Одно изъ нихъ, вслѣдствіе вращенія земли, приходитъ съ С.-В., другое съ Ю.-З. ⁽¹⁶⁾. Последнее доставляется слѣдо-

(16) Напоминаемъ читателю теорію воздушныхъ движеній или вѣтровъ. Всѣ они зависятъ отъ неравнаго нагрѣванія земной поверхности. Между тропическая или экваторьальная зона инсолируется (нагрѣвается лучами солнечными) гораздо сильнѣе другихъ. Воздухъ, расширяясь отъ теплоты, поднимается за предѣлы атмосферы, образуя надъ всею зоною кольцевидный наплывъ, который разливается, стекая въ направленіи къ полюсамъ. Это нарушаетъ всеобщее равновѣсіе атмосферы: столбы воздуха, давящіе на каждую площадь земной поверхности, становятся рѣже и легче въ экваторьальныхъ странахъ, гуще и тяжелѣе въ полярныхъ. Сгущенный воздухъ полярныхъ странъ стремится наполнить относительную пустоту, происходящую въ экваторьальныхъ, и внизу, близко поверхности земли, образуется теченіе отъ полюсовъ къ экватору, стремящееся уравновѣсить верхнее, отъ экватора къ полюсамъ. Но это верхнее теченіе, двигаясь отъ обширнаго экваторьальнаго круга къ полюсу, т. е. точкѣ, вступая между каждыми двумя меридіанами въ болѣе и болѣе узкія рамки, потому что пространство между каждыми меридіанами составляетъ треугольникъ, котораго основаніе есть линія, составляющая часть экватора, а вершина—точка самаго полюса; потому все теченіе, сгущаясь и исходя въ своемъ расширеніи вверхъ предѣлъ, полагаемый ему земныхъ протяженіемъ опускается, и уже въ концѣ субтропической зоны достигаетъ до земной поверхности, гдѣ, встрѣчаясь съ полярными теченіями, превращаетъ умѣренные зоны въ область переменныхъ вѣтровъ. Все это происходило бы еслибъ земля была въ покоѣ, но вращеніе ея около оси наизмѣняетъ теченіе слѣдующимъ образомъ. Какъ точки земной поверхности, такъ и частицы воздуха вращающагося съ ними имѣютъ самую большую скорость на экваторѣ, и тѣмъ меньшую, чѣмъ ближе къ полюсу, потому что въ то время (24 часа) какъ точки экватора описываютъ большой земной кругъ, точки въ высокихъ широтахъ описываютъ весьма малый, а полюсъ неподвиженъ. Вслѣдствіе того частицы воздуха, прибывающія изъ полярныхъ странъ къ экваторьальнымъ, имѣя меньшую скорость вращенія, должны оставаться назадъ, т. е. относительно земной поверхности двигаться отъ В. къ З., что превращаетъ сѣверное и южное полярнаго теченія въ сѣв.-вост. и юго-восточ., а ихъ соединеніе въ экваторьальной полосѣ — въ пассаты, постоянно дующій отъ В. къ З. Между тѣмъ въ нисходящемъ экваторьальномъ теченіи частицы воздуха надѣлены большою скоростью вращенія чѣмъ поверхность земли, и слѣдов. должны уходить впередъ, т. е. отъ З. къ В., а потому экваторьальное нисходящее теченіе, въ сѣверномъ полушаріи, превращается въ юго-зап. вѣтеръ, а въ южномъ — въ сѣв.-зап. Оттого-то на всю сѣверо-западную Европу попадаетъ влажный воздухъ Атлантическаго океана, а на каспійско-аральскую низменность и центральную Азію, сухой воздухъ тропической Африки: Нигриціи и Сахары.

вательно массою воздуха, распространеннаго надъ тропическою Африкою, Нигриціею и Сахарою и не содержащею въ себѣ никакой влаги, а первое, пройдя черезъ обширный континентъ и надъ высокою цѣпью Алтая, оставляетъ имъ свою влагу и является также сухимъ. Вслѣдствіе того испареніе замкнутаго Арало-Каспійскаго бассейна такъ сильно, что не можетъ быть вознаграждено небольшою массою выпадающихъ въ него прѣсныхъ водъ, изъ которыхъ многія въ настоящее время теряются въ степи, даже не достигая его и впадая можно сказать непосредственно въ воздушный океанъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что образованіе Арало-Каспійскаго бассейна, въ его прежнемъ видѣ, зависѣло, точно также какъ и образованіе бассейна Средиземнаго, Балтійскаго и другихъ средиземныхъ морей, отъ формы поднятія всего континента и сосѣднихъ горныхъ хребтовъ, но что вынѣшняя его особенность, т. е. обнаженіе части дна его испареніемъ, вѣроятно зависить отъ прерванія океаническихъ сообщеній его секулярнымъ поднятіемъ континента и отъ образованія сѣверо-африканскаго материка, безъ котораго притокъ воздуха съ Ю.-З. не имѣлъ бы сухости, обуславливающей въ настоящее время сильное высыханіе озеръ туранской низменности. Однимъ словомъ каспійская впадина, какъ кажется, представляетъ типъ такихъ, которыя образовались постепеннымъ высыханіемъ морей, а не вулканическимъ проваломъ, какъ Мертвое море ⁽¹⁷⁾.

(17) Каспійская экспедиція Бэра безъ сомнѣнія разрѣшитъ этотъ вопросъ окончательно. Наблюденія этого знаменитаго ученаго до сихъ поръ говорятъ въ пользу быстрого пониженія Каспійскаго моря, какъ бы слышагося черезъ борозду Маныча и Кумы очень быстро въ Черное море. Было ли причиною этого переворота какое нибудь поднятіе восточнаго берега—еще неизвестно. Но это предположеніе не объясняетъ отрицательнаго уровня Каспійскаго моря. Если водоемъ его уменьшился въ какую нибудь эпоху, даже мгновенно, быстрымъ переворотомъ, то особенность его, т. е. отрицательный уровень могъ все же зависѣть только отъ однихъ атмосферическихъ причинъ. Окончательнаго рѣшенія вопроса мы должны ожидать отъ вынѣшней каспійской экспедиціи; до тѣхъ же поръ все что на насъ сказано объ этомъ предметѣ можетъ быть только болѣе или менѣе вѣроятною догадкою. См. Baer *Kaspische Studien* въ Bull. de la Classe phys.-mathém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St-Pétersb. T. XIII. s. 21, 22.

Разсматривая наконецъ арало-каспійскую низменность, въ ея отношеніяхъ съ разграниченіемъ обѣихъ частей свѣта, мы не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ Риттера, что сѣверо-западная часть ея (каспійская котловина) представляетъ, также какъ и восточная, тотъ же степной, средне-азиатскій характеръ, гдѣ форма песчаной степи, съ солонцами и остатками соленыхъ озеръ, есть преобладающая, а плодородные оазисы, способные для культуры, представляютъ исключеніе. И дѣйствительно даже уральскій хребетъ не производитъ такого рѣзкаго измѣненія въ характерѣ растительнаго покрова, почвы и вообще всего впечатлѣнія страны, какъ окраина каспійской низменности. Между тѣмъ какъ путешественникъ, слѣдующій отъ вересковыхъ болотъ Брабанта черезъ сарматскую равнину до зауральскихъ степей Сибири, встрѣчаетъ тотъ же однообразный характеръ страны и даже почти ту же растительность, и только перейдя Енисей замѣчаетъ значительное измѣненіе въ характерѣ растительнаго покрова, стоить только переступить ему черезъ восточный изгибъ Дона и коснуться окраины каспійской низменности, чтобы встрѣтить совершенно другой, чуждый Европѣ характеръ. Въ средней Россіи едва найдется два или три десятка растений не встрѣчающихся въ западной Европѣ; въ прикаспійской же степи; на восточныхъ притокахъ Дона, въ калмыцкомъ кочевьѣ, при верховьяхъ Майыча и Сала, можно уже идти сотни сажень по песчаной равнинѣ, не встрѣчая почти ни одной европейской растительной породы. Само-собою разумѣется, что нельзя опредѣлить въ точности пограничной линіи между обѣими частями свѣта, тамъ гдѣ нѣтъ между ними раздѣлительнаго горнаго гребня, потому-что распространенныя на западной, европейской сторонѣ этой границы, спорадическія песчаныя пространства заимствовали весь свой азиатскій характеръ и всю свою растительность отъ сосѣдней каспійской низменности, между тѣмъ какъ и на азиатской, восточной сторонѣ есть оазисы, носящіе европейскій характеръ. Если справедливо однакоже свидѣтельство многихъ очевидцевъ что отъ полосы наибольшаго сбли-

женія Дона и Волги, въ направленіи къ Ю. и Ю.-З. простираются низкіе, песчаные, параллельные кряжи холмовъ, то въ этихъ кряжахъ должно искать границу между Европою и Азіею, границу, на Ю.-В. отъ которой простираются отрицательныя азіатскія низменности, песчаныя, солонцеватыя, способствующія развитію кочевой жизни, которая до сихъ поръ еще, какъ Помпея подъ слоемъ пепла, сохранилась живою аномаліею посреди песковъ нашей Калмыцкой степи на Манычѣ и въ такъ называемой внутренней ордѣ, между тѣмъ какъ рядомъ съ нею, на европейскихъ положительныхъ низменностяхъ, процвѣтаетъ земледѣліе, культура и цивилизація осѣдлаго племени.

Къ § 4-му. *Горизонтальныя отношенія, горизонтальное расчлененіе.*

Этотъ предметъ такъ хорошо исчерпанъ и изложенъ Риттеромъ, особенно въ его статьѣ, «о пространственномъ устройствѣ поверхности земнаго шара» и т. д. (см. ниже), что не требуетъ никакихъ другихъ дополненій.

Здѣсь я обращаю только особенное вниманіе читателей на замѣчательный законъ, заключающійся въ изложеніи Риттера, именно: *чѣмъ болѣе развито береговое очертаніе части свѣта, чѣмъ болѣе изрѣзано ея побережье, другими словами, чѣмъ болѣе линейныхъ миль берега приходится въ ней на квадратныя мили пространства, тѣмъ удобнѣе она для развитія человѣческой цивилизаціи.* Потому численныя сравненія этихъ отношеній имѣютъ большую важность. Нагель, въ очень любопытной статьѣ ⁽¹⁸⁾, разсматриваетъ эти отношенія съ нѣскольکو особенной точки зрѣнія. Онъ замѣчаетъ предварительно что, между всѣми геометрическими фигурами, кругъ есть такая, которая, при равныхъ площадяхъ, имѣетъ самую наименьшую периферію. Слѣдовательно, самое неблагоприятное очертаніе континента есть то, которое наиболѣе приближается къ кругу. Наоборотъ каждая часть свѣта, тѣмъ выгоднѣе устроена въ горизонтальномъ отношеніи, чѣмъ длиннѣе

(18) Nagel über die Küstengestaltung der Erdtheile, въ Berghaus Annalen der Erdkunde Bd. XII. p. 430—497. Berlin 1835.

ея дѣйствительная береговая линія, въ отношеніи къ наивозможно меньшему береговому очертанію (окружности). Потому, вычисливъ наименьшее возможное береговое очертаніе для пространства каждой части свѣта и сравнивая съ нимъ дѣйствительное, Нагель получаетъ слѣдующую таблицу:

	Наименьш. возможна. берегов. очертаніе.	Насколько дѣйств. бер. лин. болѣе наименьш.	Отношеніе возможна. наименьш. къ дѣйств.
Европа.....	1.417,96 г. м.....	2.882,04.....	1 : 3,032.
Азія.....	3.190,42 » ».....	4.509,58.....	1 : 2,413.
Африка.....	2.590,45 » ».....	909,55.....	1 : 1,351.
Сѣв. Америка..	2.073,09 » ».....	3.926,91.....	1 : 2,894.
Южн. Америка	2.008,43 » ».....	1.391,57.....	1 : 1,692.
Австралія.....	1.316,87 » ».....	583,13.....	1 : 1,442.
Старый свѣтъ..	4.347,39 » ».....	1.152,61.....	1 : 3,565.
Новый свѣтъ..	2.886,43 » ».....	6.513,57.....	1 : 3,256.

Послѣднія числа самыя важныя: они представляютъ *относительное удобство* ⁽¹⁹⁾ частей свѣта для развитія на нихъ человѣческихъ цивилизацій.

Принимая еще поочереды каждую часть свѣта за единицу Нагель получаетъ, для сравненія береговыхъ развитій, слѣдующія числа. Принимая:

<i>Африку за 1-цу:</i>		<i>Азію:</i>	<i>Сѣв. Америку:</i>	<i>Европу:</i>	
Австралія....	1,067	Африка....	0,559	Африка....	0,435
Ю. Америка...	1,252	Австралія...	0,597	Австралія...	0,475
Азія.....	1,786	Ю. Америка..	0,701	Ю. Америка..	0,558
С. Америка....	2,142	С. Америка..	1,199	Азія.....	0,795
Европа.....	2,444	Европа.....	1,256	Европа.....	1,047
		Европа.....	1,047	С. Америка..	0,954

Къ § 5-му. *Вертикальныя отношенія Азіи, вертикальное расчлененіе.*

Новѣйшія изслѣдованія значительно измѣняютъ прежнія понятія о высотѣ и протяженіяхъ центрального азіатскаго нагорья. Изъ двухъ обширныхъ рельефовъ, составляющихъ это нагорье, и соединенныхъ горнымъ перешейкомъ или узломъ Индѣйскаго Кавказа, измѣненія эти касаются только восточнаго, между тѣмъ какъ западному, Персидско-Таврскому

(19) Разумѣется только по вліанію горизонтальнаго устройства пространства при чемъ не должно выпускать изъ виду вліаній вертикальнаго устройства и климата.

нагорью остаются тѣже вертикальныя и горизонтальныя размѣры, которые даетъ ему и Риттеръ.

Гипсометрическія отношенія восточнаго азіатскаго нагорья до 1832 года были только загадками, рѣшенными гипотетически, на основаніи расказовъ Марко-Поло и монаховъ дипломатовъ, проѣхавшихъ въ XIII и XIV вѣкѣ, благодаря тогдашнему единству колоссальной Монгольской имперіи, всю Азію, отъ портовъ Сиріи и Каспійскаго моря, до китайскаго берега Восточнаго океана ⁽²⁰⁾. Единственное положительное наблюденіе, къ которому могли пристроиться эти 'ипотезы, было измѣреніе высотъ горы Пе-ча (Pe-Tcha) и горнаго прохода Яло, іезуитами-миссіонерами Жербильономъ и Фербистомъ въ XVII вѣкѣ. Это измѣреніе, уже само по себѣ преувеличенное, дало для горной вершины 15000 ф., а для горнаго прохода 8000 ф. ⁽²¹⁾. Отсюда, подѣ впечатлѣніемъ наивныхъ расказовъ путешественниковъ XII и XIII в., европейскіе географы въ XVIII в. заключили, что средняя высота всего средне-азіатскаго плоскогорія составляетъ болѣе 8000 футовъ. Гумбольдтъ первый высказалъ свои сомнѣнія въ столь значительной высотѣ пространство между Алтаемъ и Кунь-Лунемъ ⁽²²⁾. Посланная Русскимъ правительствомъ ученая экспедиція Георга Фусса и Бунге, сопровождавшая пекинскую миссію 1832 года, пролила первый свѣтъ на гипсометрическія отношенія восточной нагорной Азіи. Хотя измѣренія были произведены по одной линіи, пересѣкающей все восточно-азіатское плоскогоріе, въ поперечномъ направленіи отъ Кяхты до Пекина, результаты ихъ составляютъ эпоху въ Географіи Азіи. вмѣсто предполагаемыхъ 7500—8000 ф., средняя высота

(20) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mähmann. T. I. p. 29.

(21) Ни одна изъ горъ Калганскаго хребта южной окраины степи Гоби въ Чиндэйской провинціи не покрыта вѣчнымъ снѣгомъ. Въ застѣнной области Чень-де-фу, въ которой должна была быть расположена гора Пе-ча, подробная Государственная Географія не называетъ снѣжныхъ горъ. Даже горы Пе-ча я не могъ отыскать на оригинальныхъ китайскихъ картахъ области Чень-де-фу. Есть гора Ба-цзя, о которой я буду говорить ниже, но она далеко не достигаетъ снѣжной линіи.

(22) Humboldt, Premier mémoire sur les montagnes, de l'Inde Awa. de Chém. et phys. T. III. 816 p. 303. Second. mem. Id. T. XIV. 1820 p. 5—55.

Гоби на всемъ протяженіи не превосходитъ 4000 ф. Между Ерги, Дурмою и Шарабургуна высота эта составляетъ 2400 ф. (400 туаз.), т. е. только на 300 фут. выше Мадрита. Ерги лежитъ приблизительно на половинѣ дороги между Кяхтою и Пекиномъ, подъ $45^{\circ} 31'$ шир. и $109^{\circ} 4'$ в. д. Здѣсь проходитъ слѣдовательно посреди Гоби, вдоль по оси отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., углубленная полоса или борозда, въ 60 морск. миль ширины. Полоса эта обозначена множествомъ небольшихъ соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добываемая соль вывозится въ Китай, тростниками и соляными растеніями (галофитами) тѣхъ же породъ, какія встрѣчаются въ арало-каспійской котловинѣ. Такъ называемое песчаное море Шамо болѣе широкою полосою простирается въ томъ же направленіи, по обѣимъ сторонамъ впадины. По монгольскимъ преданіямъ всё это было дномъ обширнаго внутренняго моря. Монголы увѣрены что когда нибудь океанъ возвратится сюда снова и возстановитъ свое владычество въ степи Гоби. Эти геологическія мечтанія напоминаютъ китайскія преданія о соленомъ озерѣ внутри Сибири. Юго-восточная окраина плоскогорія не можетъ превосходить 9000 ф., потому-что вершины хребта ю.-в. крайны, служащаго продолженіемъ Инъ-Шану, какъ кажется даже нигдѣ не достигаютъ сѣвѣжной линіи.

На южной сторонѣ восточно-азіатскаго плоскогорія положительныя наблюденія опровергли также прежнія преувеличенія. Прославленный съ такимъ энтузіазмомъ г. Вернье кашмирскій бассейнъ, составляющій впрочемъ только первый уступъ или террасу, прислоненную къ рельефу нагорной Азіи, также совсѣмъ не такъ высокъ какъ предполагали прежде⁽²³⁾. Жакмонъ, послѣ точныхъ барометрическихъ наблюденій, нашелъ абсолютную высоту озера Вулуръ, близъ города Сиринахура, въ 836 туаз. (5016 ф.). Менѣе точныя наблюденія, основанныя на опредѣленіи температуры кипѣнія воды, дали барону Карлу Хюгелю 910 туаз., а лейтенанту Кунингему 790 туаз. Площадь Кашмира, ко-

(23) См. Al. Humboldt. Centr.-As. übers. v. Mahlmann. T. I. p. 38.

торой климатическія пріятности уменьшаются четырехмѣсячнымъ снѣгомъ, выпадающимъ зимою въ Сиринахурѣ, лежитъ слѣдовательно не на высокомъ Хималайскомъ хребтѣ, но составляетъ, въ полномъ смыслѣ, котловину на одномъ изъ уступовъ его южнаго ската.

Понятія о Тибетскомъ нагорьѣ (между Хималаею и Кунь-Лунемъ) прояснились также только въ новѣйшее время, между тѣмъ какъ прежде постоянно смѣшивали уровень плоскогорія съ горными вершинами, съ него поднимающимися. Тибетъ занимаетъ промежутокъ между исполинскими цѣпями Хималайи и Кунь-Луна и составляетъ родъ высокой долины между обѣими. Вся страна раздѣляется туземцами и китайскими географами, отъ Вост. къ Зап., на три части или три Тибета, какъ ихъ называютъ въ китайскомъ канцелярскомъ слогѣ ⁽²⁴⁾. Именно верхній Тибетъ, съ столицею Хласса, имѣющій вѣроятно 1,500 т. (9,000 ф.) выс., средній Тибетъ съ городомъ Лехъ или Ладакъ въ 1563 туаз. выс. и Малый Тибетъ или Балтистанъ, Тибетъ абрикосовъ (Сари-Бутанъ), гдѣ находятся города Искардо (985 туаз.), Гилгитъ и измѣренное Уильсономъ плоскогоріе Дэотухъ (1,873 туаз.). Эти три Тибета извѣстны у Китайцевъ подъ названіями Цанъ, Уй, и Каамъ отъ В. къ З. Изъ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ свѣдѣній о Тибетѣ, Гумбольдтъ заключаетъ, что все пространство между Кунь-Лунемъ и Хималаею не составляетъ непрерывной нагорной равнины или собственно плоскогорія, но пересѣчено различными горными группами, принадлежащими вѣроятно къ разнымъ системамъ поднятія ⁽²⁵⁾. Собственно равнинъ здѣсь очень мало. Самыя замѣчательныя находятся между Гертопомъ, Даба, Шанъ-Тунемъ (равнина пастуховъ), отечествомъ шалевыхъ козъ, и Шицке (1,634 туаз.), около Ладака, которая достигаетъ высоты 2,100 туазовъ и не должна быть смѣшиваема съ котловиною въ которой располо-

(24) См. Humboldt, Central-Asien J. I. p. 35, 36.

(25) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mehlmann. T. I. p. 35.

женъ самый городъ; наконецъ—платогоріе священныхъ озеръ Маназа а Равана-Храда (вѣроятно 2,435 туаз.), посвященное уже Патеромъ Антонио д'Андрада еще въ 1825 г. Всѣ другія части совершенно наполнены сгущенными горными массама, громаздящимся, какъ говорятъ одинъ новѣйшій путешественникъ, подобно волнамъ обширнаго океана. Вдоль рѣкъ Инда, Сутледжа и Яру-Цанбо измѣрены пункты, возвышающіеся только на 1050—1400 туаз. надъ поверхностью моря, также какъ и Тибетскія деревни Панги, Кунавуръ и Келу. Изъ всѣхъ измѣреній высотъ Гумбольдтъ заключаетъ, что платогоріе Тибета, между 71° и 85° в. д., еще не имѣетъ 1800 туаз., 10800 ф. средней высоты, что едва превосходитъ вышину плодороднаго платогорія Кахамарки въ Перу ⁽²⁶⁾ т. е. на 200 туазовъ ниже платогорія озера Титикаки и на 337 — мостовой города Потози. Болѣе мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ о гипсометрическихъ отношеніяхъ восточной нагорной Азіи.

Изъ всего изложеннаго ясно слѣдуетъ, въ какой степени были преувеличены повятія о высотѣ восточно-азиатскаго нагорія. Между различными платогоріями земнаго шара, по высотѣ своей, занимаетъ оно довольно скромное мѣсто, какъ видно изъ слѣдующей таблицы ⁽²⁷⁾:

Платогорія:

Оверни.....	1000	фут. (пар.)
Баваріи.....	1550	»
Кастиліи.....	2100	»
Мизора.....	2750	»
Каракаса.....	2900	»
Цейлона.....	3300	»
Ирана.....	3500 — 4000	»
Гоби.....	4000	»
Йемена.....	5000	»

(26) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 32.

(27) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 33.

Попайна.....	5400	фут.
Оз. Цана (Абисс.).....	5700	»
Рѣки Оранжевой.....	6000	»
Кабула.....	6200	»
Аксума (Абисс.).....	6600	»
Мехико.....	7000	»
Келата.....	8000	»
Квито.....	9000	»
Тибета.....	10800	»
Лось-Пастось.....	11600	»
Оз. Титикака.....	12000	»

Но все же восточно-азиатскому нагорью остаются самые колоссальные горизонтальные размѣры. И въ этомъ отношеніи Гумбольдтъ высказалъ многія сомнѣнія, и старался доказать, что и эти размѣры были преувеличены, и что непрерывнаго плоскогорія въ центральной и восточной Азіи не существуетъ⁽²⁸⁾. Онъ признаетъ только существованіе значительно высокаго, но очень неровнаго въ своемъ рельефѣ нагорія, съ незначительными перерывами простирающагося отъ С.-С.-В. къ Ю.-Ю.-З., отъ горнаго узла Кентея, на Югѣ отъ Байкальскаго озера, до восточнаго Тибета, подъ именемъ Гоби, Шамо (песчаной стени), Шахо (песчаной рѣки) и Ханъ-Хая, и полагаетъ это надутіе болѣе древнимъ, чѣмъ пересекающіе его горные хребты. Взятое въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ восточно-азиатское плоскогоріе расположено между 79 и 116° в. д. отъ Пар., а ширина его, между Ладакомъ, Гертопомъ и резиденціею Далай-Ламы — Хлассою, составляетъ 135 г. м.; между Хами, въ Небесномъ хребтѣ (Г'янъ-Шанъ) и большою извиливою Хуанъ-Хэ, при хребтѣ Инъ-Шанъ—90 г. м.; а на сѣверѣ между Ханъ-Хаемъ, гдѣ прежде лежала міровая (монгольская) столица Каракорумъ и меридианнымъ хребтомъ Хинъ-Ганомъ, въ той части Гоби въ которой проходитъ караванный путь изъ Кяхты въ Пекинъ,

(28) См. Humboldt, Central-Asien T. I. p. 29.

142 г. м. Въ такихъ тѣсныхъ рамкахъ восточно-азиатское нагорье еще вмѣстѣ до 62000 кв. мор. миль пространства, т. е. площадь въ 4 раза болѣе Франціи, но немного превосходящую поверхность, занимаемую растянutoю въ видѣ длинной полосы вдоль всего южнаго свѣта массою Анде-Кордильеровъ.

Но мы не раздѣляемъ мнѣнія Гумбольдта относительно такого ограниченія восточно-азиатскаго нагорья. Соглашаясь съ тѣмъ, что оно не представляетъ совершенной непрерывности высокой равнины и во многихъ мѣстахъ пересѣчено нагроможденными цѣпями и принимаетъ часто, преимущественно близъ окраинъ своихъ, типъ альпійской страны, мы не видимъ еще права совершенно исключать изъ него обширныхъ пространствъ, расположенныхъ между Алтаемъ и Тянь-Шаномъ (Тянь-Шанъ-Бей-Лу) и между Тянь-Шаномъ и К'унъ-Лунемъ (Малой Бухаріи), хотя вообще восточно-азиатское нагорье сплошнѣе и массивнѣе къ Ю.-В. отъ указанной Гумбольдтомъ діагональной его оси, чѣмъ къ С.-З. отъ нея.

Относительно перваго изъ этихъ пространствъ всѣ доводы Гумбольдта основаны на томъ, что онъ, при посѣщеніи степей, сошедшихъ съ озеромъ Зайсаномъ на границахъ Кит. Чжунгаріи, нашелъ ихъ высоту не превосходящую 1200 фут. Но хотя бассейнъ Зайсана совершенно принадлежитъ центральной Азійи, онъ постепенно еклоняется къ обширнымъ Киргизскимъ степямъ большой Орды, и не отдѣленъ отъ нихъ никакою исправною или значительною горною цѣпью. Что большая Киргизская степь, бассейнъ озера Балхаша и Семірѣцкая земля принадлежатъ еще къ низменностямъ, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это совершенно подтверждается наблюденіями Кап. Влангали (29). Даже Копальское укрѣпленіе, лежащее въ 120 верст. на В. отъ озера Балхаша, уже на западныхъ предгоріяхъ хребта Алатау, только на 400 ф. выше морскаго уровня, а расположенный къ С. оттуда пикетъ Арасанскій (№ 12) только на

(29) Сд. Влангали Георг. походы въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 1851 годахъ. С. Ш. Б. В. 1853. В часть стр. 126.

385 ф. Не отгороженное отъ этой низменности между широтами Усть-Каменогорска и Чугучака никакимъ меридіаннымъ хребтомъ, восточно-азіатское нагорье должно падать къ ней постепенными скатами или террасовидными уступами. Потому удивительно что одинъ изъ этихъ, постепенно переходящихъ въ низменность уступовъ, въ которомъ врѣзанъ весь бассейнъ Зайсана не превосходитъ 1200 фут. абсол. высоты и можетъ даже быть причисленъ къ низменностямъ ⁽³⁰⁾. Очень вѣроятно что озера Ссазыкъ-Куль, Алакъ-Куль и городъ Чугучакъ находятся въ такихъ же отношеніяхъ и расположены на высотахъ, не очень превосходящихъ высоту Балхаша. Но мы не вправѣ распространять отсюда свои заключенія, ни на бассейны верхняго Или и текушей отъ З. къ В. Бороталы, отгороженные отъ Семирѣцкой (Балхашской) низменности снѣжнымъ гребнемъ Алатау, ни на страны лежащія къ Западу отъ истоковъ Иртыша, расположенныхъ высоко въ горномъ массивѣ Хамура. Между меридіаномъ города Гобдо-Хото, лежащаго на В. отъ этого массива, и развалинами Каракорума остается еще широкое пространство, шириною градусовъ въ 12 долготы, о гипсометрическихъ отношеніяхъ коего мы не имѣемъ ни малѣйшихъ, ни прямыхъ, ни косвенныхъ данныхъ, в которое мы ни въ какомъ случаѣ не вправѣ причислять къ низменностямъ.

Другое дѣло на южномъ склонѣ Т'янь-Шана. Здѣсь Гумбольдтъ могъ сдѣлать, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, хотя косвенныя, однакоже гораздо болѣе вѣроятныя заключенія, по крайней мѣрѣ для окрестностей Хами и Аксу. Именно Марко-Поло повѣствуетъ о культурѣ винограда и хлопчатой бумаги въ этихъ странахъ. Уже въ его время окрестности Хотана, Яркани и Кашгара платили дань хлопчатой бумагою собственнаго произведенія. Въ китайскомъ же сочиненіи: «свидѣнія о вѣночъ подчиненныхъ варварахъ» (Синъ-Кянъ-Вей-Фанъ Ги-Лю) сказано: «страна Аксу, къ Югу отъ Небесныхъ горъ, недалеко отъ

(30) Онъ относится вѣроятно, по высотѣ своей, къ описанному нагорью, какъ болѣе высокой Кашмиръ — къ болѣе высокому нагорью Тибета.

рѣкъ, образующихъ Таримъ-голь, производитъ виноградъ, гранаты и другіе многочисленныя плоды превосходнаго качества, также хлопчатую бумагу (по Гумбольдту *Gossypium religiosum*, не *Gossypium* ли *herbaceum*?), покрывающую поля желтыми облаками. Лѣтомъ жаръ здѣсь необыкновенно великъ, зимою, какъ здѣсь, такъ и въ Турфанѣ, нѣтъ ни значительныхъ холодовъ, ни падающаго снѣга. Извѣстно что въ Хами, въ 50 г. м. къ В. отъ Аксу, растутъ апельсины, виноградъ и гранаты. Гумбольдтъ заключаетъ отсюда о извѣстномъ положеніи этихъ пространствъ (81). Что касается до однолѣтнихъ растений, каковы арбузы, дыни, рисъ и травянистая хлопчатая бумага (*Gossypium herbaceum*), то очень повятно впрочемъ, что они, при лѣтнемъ жарѣ континентальнаго климата, могутъ произрастать даже и на довольно значительной абсолютной высотѣ. Въ Европейской Россіи культура арбузовъ и дынь на бахчахъ доходить до 53° с. ш. Виноградъ есть также еще такое растеніе, которое требуетъ только значительнаго лѣтняго жара, потому-что зимою всѣ его листовныя побѣги погибаютъ. Культура его въ Европейской Россіи доходить до 49°, не смотря на суровость зимъ Астрахани и нижняго Дона. Что же касается до гранатныхъ и апельсиновыхъ деревьевъ, то дѣйствительно культура ихъ доказываетъ, что Хами и Аксу не могутъ имѣть слишкомъ возвышеннаго положенія. Хотя Аксу лежитъ въ широтѣ Неаполя, а Хами только однимъ градусомъ сѣвернѣе, и хотя необыкновенный лѣтній жаръ континентальнаго климата внутренней Азіи, сокращая періодъ растительности, доставляетъ возможность этимъ плодамъ вызрѣвать въ гораздо болѣе короткое время, чѣмъ на берегу Неаполитанскаго залива, трудно было бы согласовать культуру апельсиновыхъ деревьевъ съ суровостью континентальныхъ зимъ, при возвышенномъ положеніи Аксу и Хами. Замѣтимъ однакоже, что оба города расположены въ защищенной высокимъ гребнемъ Т'янь-Шаня отъ всѣхъ холодныхъ воздушныхъ теченій

(31) См. Humboldt, Ansichten der Natur. 3-te Ausg. Stuttgart. 1849. Bd. I. p. 106.

странѣ, открытой съ Юга палящимъ лучамъ южнаго солнца; притомъ же, не имѣя никакихъ ближайшихъ свѣдѣній объ этой культурѣ, мы не можемъ знать какія предосторожности принимаютъ туземцы для защиты своихъ плантацій отъ холодовъ. При подобныхъ условіяхъ культура апельсиновыхъ деревьевъ въ Европѣ, на южномъ склонѣ Альповъ, доходитъ еще до 46° с. ш. (на Боромейскихъ ос-хъ Лаго Маджіоре). Во всякомъ случаѣ однакоже мы готовы согласиться съ заключеніями Циммермана и Гумбольдта, которые выводятъ изъ всѣхъ сихъ данныхъ, что высота Аксу, Хами, Лобъ-Нора и нижняго теченія Таримъ-Голя не превосходитъ 1200 футовъ.

Но отъ Аксу, Хами и полосы Тарима нельзя еще дѣлать заключеній о всемъ широкомъ пространствѣ между Т'янь-Шанемъ и Кунь-Лунемъ. Мы очень склонны къ мнѣнію, что ложе Тарима и вся полоса отъ Аксу, мимо Лобъ-Нора къ Хами, составляетъ углубленную борозду, подобную той, которую измѣренія Фусса показали въ степи Шамо около Ерги. Аксу, Хами и Ерги лежатъ даже почти въ одной и той же прямой линіи. Сосѣдняя равнина Малой Бухаріи можетъ слѣдовательно, какъ и въ Гоби, быть на 1500 — 2000 ф. выше углубленной борозды, т. е. составлять плоскогоріе въ 3000—3500 ф. абсолютной высоты, которое въ такомъ случаѣ уже нельзя причесть къ низменностямъ. Разумѣется всѣ эти отношенія могутъ быть разрѣшены только положительными наблюденіями. Какъ бы то ни было, обширное нагорье, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прерванное, иногда принимающее характеръ альпійской страны, но состоящее большею частію изъ высокихъ равнинъ-плоскогорій, и простирающееся отъ Алтая до Хималаи и отъ Болора до китайской низменности Восточнаго океана, останется характеристическимъ для пластики азіатскаго континента, если даже послѣдующія наблюденія и заключать его въ болѣе тѣсныя рамки.

Относительно направленія горныхъ хребтовъ, характеристическимъ для пластики азіатскаго континента остается паралелизмъ четырехъ главныхъ системъ: Алтая, Т'янь-Шаня, К'унь

Луна и Хималаи, простирающихся отъ В. къ З., т. е. слѣдующихъ паралельнымъ кругамъ, между тѣмъ какъ нѣсколько другихъ хребтовъ: Уралъ, Болоръ и Хинъ-ганъ, имѣютъ меридианное направленіе. Этотъ замѣчательный паралелизмъ Гумбольдтъ считаетъ самою поразительною чертою пластики Азіи (32). Только разные Географы даютъ разныя длины этимъ хребтамъ.

Алтай (Алтай-алинь у Монголовъ, Гинь-шань у Китайцевъ), между 50—52° сѣв. шир., простирается по Гумбольдту отъ меридіана Змѣногорска или впаденія Убы въ Иртышъ, до мерид. Байкала, на 216 геог. м. (288 морс. м.). Онъ состоитъ изъ: 1) собственнаго или *Колыванскаго Алтая*, къ З. отъ меридіанной трещины Телецкаго озера; это есть собственно свободно-стоящая горная группа, составлявшая въ доисторическія (дочеловѣческія) времена восточный берегъ большаго морскаго рукава, черезъ посредство котораго Арало-Каспійскій бассейнъ соединялся съ Сѣвернымъ Океаномъ, въ направленіи озеръ Аксакаль-Барби, Сары-Куна и ложъ Тоболя и Оби. 2) *Саянскаго Алтая*, съ паралельными цѣпами Танъ-ну, Улангомъ и Малака, къ В. отъ меридіаннаго Телецкаго озера. Танъ-ну есть та цѣпь которая въ древнія времена раздѣляла Туркскія племена на Ю. отъ Киргизскихъ (Хакасъ) на С. По измѣренію Бергхауза (33) Алтайская система имѣетъ 800 г. м. длины. Это происходитъ отъ того, что овъ продолжаетъ алтайскую систему далеко за меридіанъ Байкала, т. е. за р. Орхонъ и узелъ Кентея, и причисляетъ сюда: 3) *Даурскую альпійскую страну*, которая простирается до меридіаннаго хребта Хинъ-Гана и 4) *Становой хребетъ* — до Восточнаго Океана. Обѣ эти цѣпи въ своемъ направленіи отклоняются отъ нормали паралельныхъ цѣпей къ В.-С.-В. Саянскій Алтай и Даурскія Альпы (до Хинъ-Гана) могутъ еще почитаться сѣв.-ною окраиною азіатскаго нагорья, Колыванскій Алтай и Станов-

(32) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. T. I. p. 134—153; Ansichten d. Natur 3 Ausg., T. I. p. 109 etc.

(33) См. Berghaus Physikalischer Atlas. Gotha 1850 Abth. III № 1, 2.

вой хребетъ — свободностоящими его членами, изъ которыхъ первый носить характеръ горной группы или массы, а второй — горной цѣпи.

Тянь-Шань (Тенгри-Тагъ Турковъ), цѣпь вулканическая по мнѣнію Гумбольдта, простирается на 366 г. м. (488 морс. м.) между 41° и 43° с. ш. Онъ начинается отъ меридіана Самарканда цѣпью Асфера или Актагъ, на З. отъ пересѣченія своего съ Болоромъ. За Болоромъ слѣдуютъ горные проходы Кандахаръ и Чжепарле, вулканъ Бо-шанъ (Peshan), Богдо-ола, сольфатара Урумци, вулканъ Турфанъ. Въ меридіанѣ Хами хребетъ исчезаетъ въ надутіи Гоби, или оси азіатскаго нагорья, пересѣкающей его здѣсь подъ острымъ угломъ, и появляется $9\frac{1}{2}^{\circ}$ долготы далѣе, въ Инъ-Шанѣ или Гарчжанѣ, оканчивающемся, по Гумбольдту, въ 52 геграф. мил. не доходя до Чжилійскаго Залива. Въ такихъ размѣрахъ Тянь-Шань имѣетъ, по Гумбольдту, 468 г. м. дл. (624 мор. м.). Бергхаузъ даетъ ему 630 г. м. длины, причисляя сюда Чанъ-бо-шанъ (бѣлыя горы) южной Маньчжуріи до самаго Восточнаго океана. Кавказскій хребетъ, по мнѣнію Гумбольдта, также поднятъ на трещинѣ Тянь-Шаня, только отдѣленъ отъ него арало-каспійскою котловиною.

К'унь-Лунь (также Цунъ-Линь) простирается вдоль 36° с. ш., отъ меридіаннаго хребта Болора на В., прерванъ въ меридіанѣ Хлассы горнымъ узломъ знаменитаго звѣзднаго моря (Хинь-Ха-Хай) и альпійскаго озера Хухэнора, и продолжается оттуда въ цѣпяхъ Нань-Шанъ (Nan-schan) и Гилянъ-Шанъ (Kilian-schan), достигающихъ до китайской стѣны при Лянъ-Чжеу (Liang-Tscheou) и оканчивающихся въ провинціи Ху-бей (Hou-pe), 7° не доходя до Нанкина. Но на З. отъ Болора Гумбольдтъ продолжаетъ К'унь-Лунь очень далеко, считая Инду-ку, Альбурсъ и Тавръ за одну съ нимъ систему. Вотъ какъ Гумбольдтъ представляетъ непрерывность этихъ хребтовъ ⁽³⁴⁾. Тавръ начинается въ Ликіи къ С. отъ залива Макри при Тактау-Тагъ, гдѣ дости-

(34) См. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mählmann, T. I. p. 96.

гаеть въ первый разъ до 1,150 туаз. высоты и простирается вдоль берега Карамани, гдѣ высота его доходить до 1,530 туаз. Весь хребетъ сохраняетъ до меридіана Ерегли среднее направленіе между 36° и 37° с. ш. Далѣе къ В. отъ Ерегли и Тарза, за Искендерумскимъ заливомъ, главная его ось поворачиваетъ къ В.-С.-В. и исчезаетъ близъ озера Вана въ большомъ горномъ узлѣ плоскогорій Азербиджана и Курдистана, маскирующихъ соединеніе Тавра съ западною оконечностью Инду-ку — Альбурсомъ. За сими площадями, въ паралели $35^\circ 57'$ сѣв. ш., простирается высокій хребетъ Альбурсъ (съ вулканомъ Демавендъ), котораго направленіе становится нѣсколько неяснымъ къ С. отъ Техерана. Далѣе къ В. отъ Демавенда продолженіе этого хребта составляютъ горы Мешедъ, подъ $36^\circ 15'$ сѣв. ш., Гуръ, между Гератомъ и Де-Сенчжи, подъ $35^\circ 22'$ сѣв. ш. и снѣжныя вершины Инду-ку (Индійскаго Кавказа), между Майкусомъ и Гильгитомъ подъ $35^\circ 3'$ — $35^\circ 22'$ с. ш. Вотъ вообще среднее направленіе цѣпи, отъ вершинъ Тавра въ Ликии до Кафаристана, черезъ 45° долготы, простирающееся, за исключеніемъ небольшихъ перерывовъ въ меридіанахъ озера Вана и города Техерана, въ направленіи почти одного и того же паралельнаго круга, уже извѣстнаго Дицеарху, Эратоссеону и Страбону. Эта паралель, т. е. 36° , пересѣкаетъ горный узелъ Болора и продолжается вдоль горной цѣпи К'унъ-Луна или Кулхуна, ограничивающей съ Юга плоскогоріе китайскаго Туркестана, а съ С. плоскогоріа Ладака и Тибета, и составляющей слѣдоват. истинное продолженіе таврской и альбурской системы. Хималайскій же хребетъ, отъ Гильгита и Кашмира до окрестностей Горки и Катманду, 4 градуса къ В. отъ священныхъ озеръ Маназа и Равана-Храда, направляется съ С.-З. къ Ю.-В. и, достигнувъ $28\frac{1}{2}^\circ$ с. ш., принимаетъ направленіе отъ В. къ З., до того пункта, гдѣ большая тибетская рѣка Яру-Цанбо прорывается черезъ него, поворачивая къ Ю. Въ горномъ узлѣ Инду-ку и Болора, соединяющемъ восточное и западное азіатскія нагорья, образуется слѣдовательно раздвоеніе цѣпей, охватывающихъ съ

двухъ сторонъ тибетское плоскогоріе. «Идея продольнаго поднятія горныхъ хребтовъ, вдоль образовавшихся трещинъ, наводитъ насъ естественно», говоритъ Гумбольдтъ, «на аналогію происхожденія минеральныхъ жилъ». К'унь-Лунь и Хималайскій хребетъ составляютъ какъ бы двѣ вѣтви одной и той же жилы, раздѣляющіяся между собою и приобретающія различныя направленія. При такомъ родѣ геологическихъ соображеній значительность жилы или, лучше сказать, ея масса (а въ семь сравненіи поперечникъ и высота поднятаго хребта) не имѣетъ большой важности; все зависитъ отъ угла, который жила составляетъ съ меридіаномъ мѣста: направленіе же К'унь-Луня совершенно совпадаетъ съ направленіемъ Инду-ку, между тѣмъ какъ направленіе Хималаи есть уже отклоняющееся. Отсюда Гумбольдтъ заключаетъ, что Тавръ, Альбурсъ, вся цѣпь отъ Мазандерана до меридіана Аттока, Инду-ку, К'унь-Лунь и восточныя его продолженія—Нань-Шань и Гилянъ-Шань составляютъ одну цѣпь, длиною въ 830 г. м., до узла Хухэ-Нора (К'унь-Лунь отъ Болора до Хухэ-Нора имѣетъ 962 г. м.), причѣмъ дѣло идетъ не объ одномъ измѣненіи номенклатуры, но о фактѣ существованія трещины, сохраняющей на неизмѣримомъ протяженіи отъ В. къ З. одно направленіе, о непрерывности направленія цѣлой оси поднятія. По исчисленію Бергхауза К'унь-Лунь имѣетъ 460 г. м. Это происходитъ отъ того, что онъ не причисляетъ сюда Тавра, Альбурса и Инду-ку, но съ другой стороны продолжаетъ хребетъ за узелъ Хухэ-Нора до Ялуна, притока Янь-Цзы-Кяна. Причитая слѣдовательно 900 г. м. китайскаго продолженія К'унь-Луня за Хухэ-Норомъ мы получимъ цѣлую длину горной цѣпи въ 1,030 г. м., занимающую первое мѣсто послѣ Андскаго хребта.

Хималайя, по Гумбольдту, имѣетъ 345 г. м. дл. (460 мор. м.). Длина эта раздѣляется на двѣ равныя половины: до и послѣ меридіана истоковъ рѣки Яру-Цянбо. Вторая, возвращаясь къ характеристическому паралелизму главныхъ азіатскихъ цѣпей, тянется вдоль 28° с. ш. Продолженіе ея составляетъ китайская

Нань-Динь, по причисленіи которой Гумбольдтъ получаетъ для полной длины Хималаи 600 г. м. По Бергхаузу длина эта составляетъ 1,200 г. м., потому-что онъ причисляетъ сюда Индуку, Альбуръ и Таврскую цѣпь.

Изъ меридіаннхъ хребтовъ самый длинный есть Уральскій. Онъ простирается, по Бергхаузу, на 250 г. м. Кромѣ Урала, Хинъ-Гана и Болора къ меридіаннмъ цѣпямъ принадлежатъ меньшія: Кузнецкая или Телецкая, Солиманъ, западный Гатесъ и Ливанъ.

Но есть и другія направленія между азіатскими цѣпями, такъ напр. западная окраина аравійскаго плоскогорія, хребетъ Загросъ, Кавказъ и Хималаи до Джавахира параллельны между собою. Алатау, трещина Байкала, Нерчинскія и Даурскія горныя цѣпи перпендикулярны къ нимъ.

Въ заключеніе рассмотрѣнія вертикальныхъ отношеній изложимъ мы новую интересную главу, введенную Ал. Гумбольдтомъ въ эту часть сравнительной географіи, это именно опредѣленіе средней высоты континентовъ или другими словами высоты центра тяжести объема надводныхъ континентальныхъ рельефовъ⁽³⁵⁾. Для этого Гумбольдтъ опредѣляетъ среднюю высоту низменностей, потомъ расчисляетъ дѣйствіе каждаго рельефа на повышеніе центра тяжести, принимая каждое плоскогоріе за широкую стоящую призму, которой основаніе есть площадь его, а высота—средняя высота плоскогорія, каждый хребетъ — за треугольную лежащую призму, которой основаніе есть площадь основанія самаго хребта, а вышина — средняя высота цѣлаго хребта или высота горныхъ проходовъ. На такихъ основаніяхъ онъ производитъ слѣдующее расчисленіе для разныхъ частей свѣта.

Пространство Европы=304,000 кв. мор. м. Пиренеи напр. занимаютъ площадь въ 768 мор. миль. Высота ихъ проходовъ 1,250 туаз., но, принимая въ соображеніе очень глубокія доли-

(35) Humboldt, Central-Asien übers. v. Mahlmann. Bd. I. p. 190.

ны въ нихъ вѣзанныя, эту высоту нужно уменьшить до 800 туаз. Масса Пиренеевъ, распредѣленная на всю Европу, поднимаетъ ея центръ тяжести только на 1 туазъ. Основаніе Альповъ составляетъ 2,700 кв. м., средняя высота, принимая въ соображеніе глубокія продольныя и поперечныя долины, 800 туазовъ, вліяніе $3\frac{1}{2}$ туаза. Пространство занятое иберійскимъ плоскогоріемъ = 13,800 кв. м., средняя высота — 300 туазовъ, вліяніе — 12 туаз. Вліяніе горъ Скандинавскихъ, Сѣверо-Германскихъ, Итальянскихъ и Карпатскихъ = 18 туаз. Принявъ первобытную высоту балтійскихъ и сармато-русскихъ равнинъ (158,000 кв. м.) въ 65 туазовъ получимъ для средней высоты Европы 105 туаз. (205 метр.).

Азія занимаетъ 1.346,000 кв. мор. м., изъ коихъ на сибирскія низменности приходится 400,000 кв. м. На азіатскія низменности должно распредѣлить: 1) нагорье центральной Азіи; 2) хребты Хималайя и Кунь-Луны, съ междулежащими плоскогоріями Ладака и Тибета; 3) Инду-ку, Альбурсъ и Тавръ; 4) Кавказъ; 5) плоскогоріе Ирана; 6) горныя страны Белучжиставъ, Гатесъ, Мизоръ, Нильгери и Китая. Гоби составляетъ призму съ высотой 4,000 ф. и основаніемъ 42,000 кв. м., потому-что Гумбольдтъ принимаетъ для этого плоскогорія самыя тѣсныя размѣры. Вліяніе Гоби составляетъ слѣдовательно только 20 туаз. ⁽³⁶⁾. Нагорье между Хималайею и Кунь-Луномъ, включая сюда и оба эти хребта, по картамъ Гримма занимаетъ пространство въ 41,800 кв. м. между меридіаномъ $92^{\circ} 25'$ или изгибомъ Яру-Цанбо и меридіаномъ $71^{\circ} 40'$, проходящимъ между

(36) Центрально-азиатскому нагорью Гумбольдтъ даетъ слѣдующія границы: на западной сторонѣ: линія пересѣкающая 79° долготы, между Хотаномъ и Керія и продолжающаяся къ В. отъ р. Коссоголь, вдоль праваго берега Тарима на Востокъ отъ провинціи Пиджанъ, оазиса Хами и развалины Каракорума къ Ургѣ и странѣ Халхасовъ, и оканчивающаяся во владѣніяхъ Цеценъ-Хана; на восточной сторонѣ — горы Тангутъ, городъ Ча-Чжеу, страна Ордосовъ и цѣнь Ханъ-Гай. Изъ этого расчета исключены, кромѣ оазиса Хами, вся земледѣльческая страна, растянутая вдоль береговъ Булунгиръ-Голя и заключающая въ себѣ города 'Ань-Си-Чжеу и Су-Чжеу.

Гилгитомъ и Шитралемъ, черезъ горный узелъ, въ которомъ соединяются Хималайя, Кунь-Лунь и Болоръ. Вліяніе этого массива на всю Азію составляетъ 56 туазовъ. Мало-азійскій Тавръ, плоскогоріе Арарата и Инду-ку занимаютъ вмѣстѣ 8,300 кв. мор. м., изъ которыхъ 3,000 приходится на одно плоскогоріе Арарата. Принимая среднюю высоту плоскогорія въ 600 туазовъ, а цѣпи Инду-ку, очень прерывающейся на В. отъ Герата въ 1,000 туаз., получаемъ для вліянія всего только 5 туаз. Пространство, занимаемое кавказскимъ хребтомъ отъ Баку до Анапы, составляетъ по русскимъ картамъ 2,700 кв. мор. м. Высота горнаго прохода Крестовой горы составляетъ 1,242 т., высота, пригороженнаго съ южной стороны хребта, плоскогорія Тифлиса 184 туаза. Принимая въ соображеніе пониженіе хребта около Чернаго моря, Гумбольдтъ опредѣляетъ среднюю высоту его въ 900 туаз. Въ такомъ случаѣ вліяніе Кавказа на всю высоту составитъ только 1 туазъ. Вліяніе Урала и Алтая, вмѣстѣ взятыхъ (3,400 кв. мор. м.) еще менѣе. Плоскогоріе Персіи (27,000 кв. мор. м.), принимая за среднюю высоту его высоты Техерана (627 туаз.), Испахана (688 туаз.) и Шираса (698 туаз.), производитъ на азіатскій континентъ вліяніе въ 12 туазовъ. Китайскія горныя страны занимаютъ 54,400 кв. м. м.; принимая среднюю высоту ихъ въ 800 туаз., вліяніе ихъ составитъ 16 туазовъ. Далѣе, считая на плоскогоріе Аравіи, (Кандахара и Белучжистана, гдѣ плоскогоріе Келата достигаетъ 1,300 туаз. выс.), на цѣпь Гатесъ, плоскогорія Мизора (510 т.) и Нильгери (1,060 т.), и большую Бухарію, орошаемую Оксомъ и Яксартомъ, площадь въ 240,000 кв. м., и полагая среднюю высоту плоскогорія, занимающаго такое пространство, въ 170 т., Гумбольдтъ получаетъ для полнаго вліянія этихъ частей на всю Азію 29 туаз.; принимая еще для средней первобытной высоты азіатскихъ низменностей 40 туаз., средняя высота всего азіатскаго континента составитъ 180 туазовъ.

Южная Америка имѣетъ 571,000 кв. мор. м. пространства. Цѣпь Андо-Кордильеровъ отъ Магелланскаго пролива до Панамъ

скаго перешейка занимает площадь въ 52,000 кв. м. Высота самыхъ низкихъ горныхъ проходовъ ея 1,850 туаз., но, принимая въ соображеніе продольныя долины и другія выемки, Гумбольдтъ принимаетъ высоту горизонтальной призмы ея представляющей въ 1,280 туаз., слѣдовательно вліяніе ея на всю южную Америку составляетъ 64,6 туаз. Вліяніе небольшихъ горныхъ группъ, лежащихъ къ Востоку отъ Андъ, а именно Паримской, Оренокской и Бразильской, занимающихъ площадь въ 92,000 кв. мор. м., Гумбольдтъ оцѣняетъ въ 12 туаз. Первоначальную же высоту всей низменной части южно-американскаго континента Гумбольдтъ полагаетъ въ 100 туаз., слѣдоват. вся средняя высота его составляетъ 177 туаз.

Сѣверная Америка имѣетъ 607,000 кв. м. пространства. Низменности и саванны, лежащія между Алеганскимъ и Скалистымъ хребтами (Rocky mountains), также какъ въ Канадѣ, Валлисъ, Лабрадорѣ и сѣверныхъ земляхъ занимаютъ 328,000 кв. м. Первоначальную высоту этой низменности Гумбольдтъ полагаетъ въ 74 фута. Нагоріе Мексики и Гватималы составляетъ вмѣстѣ 42,000 кв. мор. м., а причисляя къ нему площадь, занимаемую Скалистыми горами — 48,000 кв. м. Расчисляя все это, какъ цѣпь горъ въ 800 туаз. средн. высоты, Гумбольдтъ получаетъ для вліянія цѣлаго — 31 туазъ, но, принимая въ соображеніе значительную ширину плоскогорій, накидываетъ еще $\frac{1}{3}$ и получаетъ 42 туаза. Алеганы, при основаніи въ 2,700 кв. м. и средней высотѣ 400 туазовъ, увеличиваютъ высоту континента не болѣе какъ на 1 туазъ. слѣдовательно средняя высота сѣверо-американскаго континента составляетъ 107 туазовъ.

Въ окончательномъ результатѣ среднія высоты континентовъ или возвышенія центра тяжести фигуры надъ уровнемъ моря представляютъ слѣдующія числа:

Европа.....	при	304.000 кв. мор. м. простр.	105 туаз. =	205 метр. =	630 «
Азія.....	»	1.346.000 » » » »	180 » =	351 » =	1,080 »
С. Америка...	»	607.000 » » » »	117 » =	228 » =	702 »
Ю. Америка...	»	571.000 » » » »	177 » =	343 » =	1,062 »

Это даетъ для средней высоты всѣхъ континентовъ 158 туаз. = 307 метр., что составляетъ только $\frac{1}{3}$ 'ипотетизированной Лапласомъ высоты (1,000 метровъ), слѣдовательно рельефы континентовъ далеко не могутъ сравниться съ углубленіями океановъ.

Къ §§ 7-му, 8-му и 9-му.

4) *Пространственное устройство всей наружной поверхности земнаго шара и вліяніе ея на ходъ развитія исторіи человечества (заимствовано изъ позднѣйшаго сочиненія Риттера) (37).*

Чтобы представить читателю общіе результаты *пространственнаго устройства наружной поверхности земнаго шара и вліянія ихъ на человѣческую исторію*, мы за лучшее считаемъ передать здѣсь цѣлое содержаніе превосходной статьи объ этомъ предметѣ самаго Риттера, читанной имъ въ засѣданіи Берлинской Академіи Наукъ 1 апрѣля 1850 года, и представляющей всѣ самыя общіе результаты его воззрѣній.

Если мы бросимъ изгладь, говоритъ Риттеръ, на земной глобусъ, который, даже при самомъ большемъ масштабѣ, является намъ ничтожнымъ, слѣдовательно въ высшей степени несовершеннымъ представителемъ виѣшняго строенія нашей планеты, однакоже производитъ свою шаровидную формою, соединяющею безконечное разнообразіе въ одну единицу, чувственно-преобладающее впечатлѣніе на воображеніе; то прежде всего бросается намъ въ глаза хаотическая разорванность въ распределеніи ея, вторгающихся одна въ другую, водныхъ и сухихъ поверхностей, въ которыхъ не замѣтно и малѣйшаго слѣда видимаго порядка. Здѣсь нѣтъ ни математическихъ, очерченныхъ прямыми линіями фигуръ или геометрически устроенныхъ пространствъ, ни ряловъ прямыхъ линій, ни точекъ, и только математически начерченная на этой поверхности сѣть, которую

(37) Ritter über räumliche Anordnungen auf der Aussenseite des Erdballs und ihre Functionen im Entwicklungsgange der Geschichte, vortragen am 1. Apr. 1850.

должно было перенести (проектировать) на землю съ видимаго неба, даетъ намъ искусственную, опредѣленную мѣру, для того, что само по себѣ несоизмѣримо, и даже оба полюса земнаго шара суть только математическія точки, выведенныя изъ ея вращения и оставшіяся намъ въ дѣйствительности совершенно неизвѣстными. Здѣсь нѣтъ архитектурической симметріи, къ которой нашъ глазъ такъ привыкъ въ человѣческихъ постройкахъ, даже нѣтъ такой симметріи, какая примѣчается въ организмахъ растительнаго и животнаго царства, въ индивидуальныхъ организаціяхъ, гдѣ она проявляется между низомъ и верхомъ, т. е. корнемъ и стеблемъ въ растеніяхъ, и правою и лѣвою стороною въ животныхъ. И это вполнѣ несимметрическое, какъ бы совершенно неправильное, трудно обнимаемое цѣлое, спутываетъ наши чувства, производитъ непріятное впечатлѣніе, которое мы стараемся удалить наименованіями, не желая отворотить слишкомъ скоро своего взора отъ бѣднаго мыслью, хаотически непріятнаго предмета. Потому всѣ обратились гораздо болѣе къ частностямъ его содержанія, чѣмъ къ разсмотрѣнію всей цѣльной его внѣшности и комедіарная географія получила главныя свои сокровища въ частныхъ описаніяхъ. Потому она элементарно осталась при наименованіи и описаніи частныхъ, и не поднялась до общихъ отношеній и общихъ высшихъ законовъ, чрезъ посредство которыхъ наука можетъ только дойти до единства и цѣлости.

Хотя планета наша, въ своей безмѣрной разсмотримости, совершенно различна отъ того что представляетъ уменьшенный масштабъ ея въ искусственномъ глобусѣ, на которомъ можно изобразить символически, и то только слабыя очерки устройства ея поверхности, мы принуждены были производить терминологию нашу, въ которой дѣло идетъ о земномъ шарѣ, какъ о планетарномъ цѣломъ, отъ его слабаго представителя. Въ самомъ дѣлѣ такимъ образомъ получаемъ мы на искусственномъ глобусѣ большую часть нашихъ терминовъ для пространственныхъ отношеній земли, которые по настоящему должны были

бы простекать изъ природы самаго предмета, а не слабой его копїи. Но такъ какъ на сей послѣдней была дана первая мѣра, нанесенною на нее извнѣ математическою сѣтью, то терминологія сдѣлалась очень одностороннею и несовершенною, и до сихъ поръ еще не можетъ считаться ни въ какомъ отношенїи достаточною и исчерпывающею для научнаго разсмотрѣнїя организма планеты, ни относительно ея горизонтальныхъ протяженїй, ни относительно размѣровъ въ высоту и глубину, ни тѣмъ менѣе относительно ея отправленїя.

Произведенїя природы показываютъ однакоже, въ противоположность съ человѣческимъ искусствомъ, то характеристическое различїе что послѣднїе, хотя бы они даже носили на себѣ печать высшаго совершенства и казались въ высшей степени симметрически красивыми и отдѣланными до самыхъ подробностей, показываютъ, при точнѣйшемъ разсмотрѣнїи, отсутствїе внутренней органической связи, а при микроскопическомъ анализѣ — самую большую грубость въ своемъ составѣ, хотя бы то была самая тонкая ткань, изящные часы, гармоническая картина, гладкая политура мраморной или металлической поверхности. Напротивъ, кажущаяся не симметрия, беспорядокъ, хаотическая виѣшность произведенїй природы разлагаются на все болѣе и болѣе тонкіе элементы и организациї, чѣмъ глубже проникаетъ въ нихъ разсмотрѣнїе, изслѣдованїе и даже микроскопическїй анализъ, хотя бы то были тончайшія нити паутины, или удивительная ткань растительныхъ клѣточекъ и сосудовъ животныхъ организмовъ, или кристаллическія формы неорганическихъ, почти невидныхъ для невооруженнаго глаза кристаллизаций. И такая противоположность проявляется не только въ матерьяльной тонкости, но и въ интеллектуальномъ величїи устройства и отправленїй, какъ мы узнаемъ это изъ фізіологическаго изслѣдованїя, которое вездѣ наводитъ насъ на связь дѣйствїй силъ природы, на системы и законы ея, которыми обязаны своимъ существованїемъ науки: химїя, физика, оптика, механика и т. д.

Можетъ ли же эта противоположность не проявляться и въ самомъ большомъ изъ извѣстныхъ намъ тѣлъ природы, т. е. нашей планетѣ, хотя бы мы и были знакомы только поверхностно съ ея наружностью? И эта послѣдняя, кажушаяся намъ дико разорванною слѣбными силами природы, приняла ли она свою нынѣшнюю, при поверхностномъ взглядѣ спутывающую наши чувства форму, подѣ влияніемъ безсистемной, безцѣльной, хаотически дѣйствующей нептунической и плутонической диктатуры случайно взаимно другъ друга обуславливающихъ силъ? Какъ можно было бы соединить такое предположеніе съ участіемъ ея организмовъ, ея населеній, съ судьбою рода человѣческаго, его исторіи и развитія, особливо если мы остановимся на мысли, что планета наша является для насъ воспитательнымъ домомъ рода человѣческаго, во все время земнаго его существованія.

Каждое растеніе требуетъ для себя приличной почвы, для того чтобы развернуться отъ своего корня до вершины и принести плодъ, каждое существо требуетъ себѣ прирожденнаго элемента, въ которомъ оно живетъ и существуетъ, иначе оно погибаетъ; можетъ ли быть чтобы человѣкъ, при развитіи рода человѣческаго, въ теченіи столькихъ тысячелѣтій, и при столькихъ милліонахъ индивидуумовъ, былъ бы прикованъ къ мѣстообитанію, образованному только вражденными антипатіями силъ природы, все равно зависятъ ли онѣ отъ Нептуна или Вулкана, отъ тепла или холода областей воздушныхъ, къ жилищу, заколдованному только бессмысленнымъ произволомъ? Можемъ ли мы заключить, что онѣ привязанъ къ отечеству, не состоящему въ гармоніи съ потребностями прогрессивнаго развитія его рода, только изъ того, что, при своемъ неисчерпанномъ еще разнообразіи поверхностей, отечество это представляется нашему воображенію округленною массою неустроеннаго, свернувагося въ элементарныхъ частяхъ своихъ, отвердѣваго, такъ называемаго неорганическаго тѣла, которое, будучи выточено въ станкѣ планетъ, пушено въ міръ съ импульсомъ враждебнаго движенія и предоставлено навсегда своей собствен-

ной участи? — Неужели только одинъ человѣкъ лишень творческой силы внутренней организаціи, сдѣлавшейся столь характеристическимъ приданнымъ всѣхъ существъ? Не имѣемъ ли мы достаточно указаній на то, чтобы не искать масштаба для вѣчности въ моментѣ настоящаго, не смѣшивать дѣйствующихъ на наши чувства впечатлѣній съ предметами ихъ производящими, не должны ли мы принимать установленный законъ природы, не за произведеніе нашего остроумія или нашей систематики, но за счастливую находку того, что уже всегда существовало, но было, какъ многое на свѣтѣ, для насъ сокрыто и до насъ не было понято. Исторія развитія (genesis) образующихся нынѣ туманныхъ пятенъ въ міры, вѣтеръ, дующій на насъ съ одной стороны, а приходящій совершенно съ другой ⁽³⁸⁾, вмѣстѣ съ другими безчисленными подобными явленіями, служатъ намъ поучительными примѣрами того, что мы не должны заключать изъ кажущейся спутанности и неправильности о недостаткѣ связи и порядка въ явленіяхъ.

Въ устройствѣ наружной поверхности нашей планеты и во внутренней связи ея какъ бы произвольно разбросанныхъ частей, откроемъ мы, чѣмъ глубже захотимъ проникнуть въ изслѣдованіе ея природы, все болѣе и болѣе высокую симметрію и гармонію, и чѣмъ болѣе возьмемъ въ помощь къ ея уразумѣнію исторію природы и исторію человѣчества, тѣмъ болѣе замѣтимъ мы прогрессивное развитіе ея пространственныхъ отношеній. Какъ много уже сдѣлали въ этомъ отношеніи: астрономическое опредѣленіе мѣстъ, геодезія, гипсометрія, геогнозія, метеорологія, физика, и какую будущность представляетъ изслѣдованіе законовъ пространственно-планетарнаго устройства, когда мы введемъ и ходъ развитія человѣка и исторіи народовъ, также какъ и произведенія царствъ природы, въ вопросы объ отношеніяхъ пространственно-планетарныхъ формъ. Мы не будемъ говорить здѣсь объ устройствѣ трехъ оболочекъ, въ формахъ

(38) По извѣстному закону вращенія вѣтровъ, открытому Дове.

которыхъ является шаръ земной, т. е. воздушной, водяной и твердой, различнымъ образомъ распредѣленныхъ по его поверхности, потому-что онѣ достаточно извѣстны, замѣтимъ только, что ихъ пространственныя и физическія отношенія находятся въ гармоніи, потому-что, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, вода занимаетъ среднее положеніе, какъ по генезису, метаморфозѣ, такъ и по пространственнымъ своимъ отношеніямъ.

Мы не будемъ говорить также объ извѣстномъ отношеніи континентальнаго сгущенія массъ въ сѣверномъ полушаріи, которое, представляя контрастъ съ распространеніемъ морей на южномъ, даетъ перевѣсъ относительно распредѣленія теплоты и человеческого народонаселенія, какъ въ числѣ его и взаимномъ соприкосновеніи, такъ и въ обмѣнѣ продуктовъ, въ знаніяхъ и идеяхъ—сѣверному полушарію, т. е. арктической сторонѣ земли, передъ южнымъ.

Также и отношеніе пирамидально заостренныхъ и клиновидно устроенныхъ южныхъ оконечностей земель антарктическаго полушарія достаточно извѣстны, во вліяніи своемъ на устройство земныхъ пространствъ, потому-что Гумбольдтъ уже указалъ на этотъ предметъ. Напомнимъ здѣсь только, что всѣ южныя оконечности и въ сѣверномъ полушаріи расчлененнѣе, и потому самому доступнѣе для всякаго рода жизненныхъ дѣятельностей.

Менѣе извѣстна въ своемъ спеціальному вліяніи огромная противоположность на земномъ шарѣ, которую мы характеризуемъ названіями *сѣверо-восточнаго сухаго* и *юго-западнаго воднаго полушарія*, другими словами по преимуществу континентальнаго и воднаго міра, теллурической и пелагической стороны земли. Въ послѣдней встрѣчаются только открытыя обширныя океаны, въ которыхъ разбросаны группы острововъ, а континенты вторгаются только своими оконечностями; въ первой преобладаетъ масса неподвижной континентальной формы, заключающая въ себѣ водяныя поверхности только въ видѣ внутреннихъ морей. Въ послѣдней новая Зеландія составляетъ центръ полушарія;

въ первой онъ падаетъ на побережье Нѣмецкаго моря, особливѣе на южную Англiю, представляющую антиподъ новой Зеландiи въ центрѣ континентальнаго полушарiя. Страна эта (Англiя) имѣетъ преимущества инсулярнаго положенiя, посредн всѣхъ морскихъ движенiй и морскихъ побережiй континентальнаго кольца, окружающаго этотъ островъ, поставленный природою въ центрѣ прорѣзаннаго морскими улицами континентальнаго полушарiя и тѣмъ самымъ заранѣе предназначенный къ владычеству надъ морями.

Въ одномъ полушарiи всѣ континентальныя массы соединены между собою, въ другомъ — разсѣяны, въ одномъ преобладаетъ сухой, въ другомъ — влажный элементъ. Въ большомъ поясѣ побережiй, представляющемъ границу между обоими полушарiями, и окружающемъ весь шаръ земной въ видѣ большого круга, въ діагональномъ направленiи между меридiанами и параллельными кругами, съ С.-В. къ Ю.-З., находится узкая, но разнообразно-окаймленная и расчлененная, переходная зона отъ одного полушарiя къ другому, и въ ней уравненiе ихъ контрастовъ выражается, какъ въ ежедневной перемежаемости сухопутныхъ и морскихъ вѣтровъ, такъ и во многихъ взаимныхъ отношенiяхъ.

Къ этому кольцу самаго большого побережiя земнаго шара, пересѣкающему какъ сѣверное, такъ и южное полушарiя, и склоняющемуся къ водной половинѣ земли, принадлежитъ весь восточный берегъ Африки, весь южный и восточный берегъ Ази, весь западный берегъ Америки, дополняющiй это кольцо, которое остается незамкнутымъ, только съ антарктической стороны, потому-что именно этому Югу недостаетъ континентальныхъ образованiй, и слѣдовательно здѣсь не можетъ существовать между земными и водными поверхностями того перехода, которому обязаны своимъ правильнымъ существованiемъ столь многiя взаимныя отношенiя физическихъ явленiй, падающихъ дождей, направленiй вѣтровъ, морскихъ теченiй и приливовъ.

Нельзя не замѣтить, что уже въ этомъ устройствѣ преобладаетъ жизненный законъ земнаго шара, болѣе высокій чѣмъ наружное, наглядное симметрическое устройство, и что слѣдов., поражающая сначала наши чувства своею самопроизвольною разорванностью поверхность земной коры не имѣетъ недостатка въ глубокихъ органическихъ условіяхъ, хотя наши, еще несовершенныя измѣренія глубинъ моря и недостаточныя геогностическія знанія составныхъ частей и устройства континентовъ не позволяютъ намъ составить себѣ опредѣленнаго сужденія о причинахъ столь неравномѣрнаго распредѣленія сухихъ и водныхъ поверхностей по всей наружности земной коры.

Теллурическая и морская по преобладанію стороны земнаго шара, въ своемъ діагональномъ расширеніи, черезъ всѣ зоны широты и долготы, должны были обусловить тѣже противоположности и разнообразія въ атмосферѣ, растительномъ и животномъ мірѣ; даже жизнь и бытъ людей и народовъ должны были явиться здѣсь въ совершенно различныхъ формахъ, во сколько человѣкъ зависитъ отъ природы своего мѣстообитанія. Явленія въ исторіяхъ людей и народовъ должны были быть очень различны въ обихъ полушаріяхъ, а исторіи культуры и цивилизаціи принять даже противоположный ходъ развитія. Континентальный міръ, при скученности народонаселенія, при переплывающихся столкновеніяхъ и обусловленномъ ими обихѣ произведеній и идей, долженъ былъ цивилизоваться ранѣе, океанический же міръ — остаться жилищемъ грубыхъ и необразованныхъ племенъ, покуда не было открыто мореплаваніе и усовершенствована навигація, вслѣдствіе чего и для нихъ насталъ день прогрессивнаго развитія, выводящій ихъ изъ застоя. Племена же, обитавшія вдоль большаго пояса прибрежій, въ пограничной зонѣ двухъ контрастовъ земнаго шара, были наиболѣе споспѣшествуемы, въ своемъ элементарномъ развитіи, разнообразными импульсами природы, какъ напр. еритрейскіе Эіопляне, даже Египтяне, Аравитяне, Индѣйцы, Китайцы и за-

падные Американцы, какъ это замѣтно изъ атекскихъ развалинъ въ Калифорніи, Мехикѣ, Перу.

Говоря о центрахъ, большихъ кругахъ, поясахъ, зонахъ, полушаріяхъ, пирамидальныхъ расчлененіяхъ и т. д., мы должны замѣтить, что, если уже въ физикѣ всѣ эти математическія понятія: половинны, точки, прямыя и параллельныя линіи, рассматриваются только какъ аналогическія, то въ примѣненіи къ пространствамъ земной поверхности, въ которой сюда присоединяются еще и колебанія этихъ отношеній, въ противоположность къ постоянству ихъ въ физикѣ, мы употребляемъ эти выраженія о геометрическихъ фигурахъ, ромбоэдрахъ, треугольникахъ, овалахъ и т. д., въ совершенно-приблизительномъ смыслѣ, о чемъ упоминаемъ здѣсь, въ предупрежденіе всякихъ недоразумѣній.

Кромѣ нештунческаго перевѣса, водное полушаріе имѣетъ еще одну особенность въ устройствѣ своей поверхности, именно перевѣсъ преобладающаго и всегда дѣятельнаго огненнаго круга, т. е. перевѣсъ вулканической дѣятельности, отъ которой другое полушаріе, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ почти свободно, и при мирныхъ и медленныхъ поднятіяхъ, хотя наполнено слѣдами прежнихъ подобныхъ дѣйствій, но представляетъ нынѣ только отдѣльныя, спорадически разбѣяныя ихъ группы, съ періодически прерванною дѣятельностію.

Это огненное кольцо непрерывныхъ вулканическихъ рядовъ, указанное однимъ изъ величайшихъ геогностовъ нашего вѣка⁽³⁹⁾, окружаетъ обширный водоемъ колоссальнаго Восточнаго или Тихаго океана, и большею частию совпадаетъ съ упомянутымъ большимъ прибрежнымъ поясомъ. Оно прикрывается отчасти симъ послѣднимъ, въ западно-американской и сѣверно-азиатской береговыхъ дугахъ, а въ южно-азиатской проходитъ передъ нимъ въ разныхъ паралеляхъ, черезъ ряды прибрежныхъ острововъ, и наконецъ, расходясь съ нимъ совершенно къ Ю.-В., отклоняется къ срединѣ Южнаго океана. Потому вулканической

(39) Л. фонъ Бухомъ.

поясъ составляет не большой, а меньшій кругъ земнаго шара, только отчасти прикрывающійся береговымъ большимъ поясомъ и содержащій по срединѣ своей, въ лонѣ Тихаго океана, тысячи уединенныхъ, поднятыхъ, малыхъ базальтическихъ острововъ и островныхъ группъ, которые возвышаются надъ поверхностью воды, съ однообразными плутоническими горными породами и горными формами, но давно ослаблены въ своей подводной дѣятельности. Самый же постоянно дѣятельный поясъ совпадаетъ, на В. Южнаго океана, съ продольною, имѣющею 1000 миль длины цѣпью Кордильеровъ, на западномъ краѣ американскаго континента, гдѣ А. Гумбольдтъ насчиталъ на самомъ гребнѣ отъ 50 до 60 огнедышащихъ горъ и кратеровъ, въ промежуткахъ коихъ встрѣчается и еще множество другихъ. На западной же сторонѣ великаго Восточнаго океана, падаетъ, въ паралелизмѣ съ береговымъ очертаніемъ австралійскаго и восточно-азиатскаго континента, линія рядовыхъ вулкановъ, указанная Л. Бухомъ, на продольное нормальное направленіе длинныхъ горныхъ острововъ. Они простираются, съ продольными осями, имѣющими одно и тоже сѣверо-восточное направленіе или паралельными между собою, также на 1000 миль длины, отъ двойнаго острова Новой Зеландіи до сѣверной оконечности Филиппинскихъ острововъ, съ отвѣтвленіемъ ихъ направленія къ Молуккамъ и съ 80-ю грозными, постоянно дѣйствующими жерлами. Отсюда весь кругъ закрывается большою выпуклою дугою къ С., черезъ группы Японскую, Курильскую, Камчатскую, Алеутскую и Уналашкинскую, съ полсотнею также еще дѣятельныхъ вулкановъ, или морскихъ, т. е. расположенныхъ на островахъ, какъ въ австралійскомъ рядѣ, или континентальныхъ, какъ въ американскомъ. Это же кольцо примыкаетъ къ сѣверной оконечности Кордильерскаго ряда, вулканомъ Св. Іліи и сосѣднимъ съ нимъ Серго ді Вуен Тьерро, такъ что весь этотъ большой и всегда дѣятельный огненный кругъ вполне оправдываетъ свое названіе.

Только на Югѣ кругъ этотъ остается незамѣтнымъ, хотя на Сѣверѣ, почти исчезающее тамъ раздѣленіе континента, на

старый и новый свѣты, не мѣшаетъ ему переходить, въ своей глубоко пустившей корни связи, съ одного изъ большихъ континентовъ на другой, и соединять подземно то, что раздѣлено океанически. Тамъ разумѣется сходятся и самые континенты сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки, съ нѣскольکو-часовымъ только перерывомъ въ Куково-Беринговомъ проливѣ, и это одно могло бы уже указать на равенство образованія (генезиса) вулканическаго кольца изъ исповиской трещины земной коры съ поднятіемъ и надутіемъ, расположеннаго позади его, болѣе плоскаго континента. Подтверженіе тому представляетъ, какъ кажется, противоположное, отрицательное явленіе, въ большомъ промежуткѣ незамкнутаго кольца, между отстоящими другъ отъ друга на 1000 миль южными оконечностями: Америки—въ мысѣ Горнѣ, и Австраліи—въ Тасманіи, гдѣ, вмѣстѣ съ континентальными образованіями, исчезаетъ совершенно и сопровождающій ихъ вулканическій вѣнецъ и гдѣ, въ противоположность съ богатымъ островами Восточнымъ океаномъ внутри огненнаго кольца, начинается бѣдный, или почти свободный отъ нихъ океанъ, распространяющійся по значительнѣйшей еще земной поверхности. Въ самомъ дѣлѣ, при обзорѣ морской стороны земли внѣ этого кольца, нельзя не удивляться, какъ мало острововъ поднимаются изъ ея лона. Между тѣмъ какъ полоса самой большой экваторьальной зоны острововъ проходитъ въ діагональномъ направленіи эклиптики, отъ Филиппинскихъ острововъ къ Ю.-В. до одинокаго Устричнаго острова, оживляя своими еще несчитанными, плотно сгученными пунктами острововъ синюю поверхность Южнаго океана, почему ее и сравнивали съ богатымъ звѣздами млечнымъ путемъ на небѣ (эта полоса острововъ сопровождается еще второю, хотя слабѣйшею, паралельною съ нею и проходящею гораздо далѣе на С. отъ японской группы, также къ Ю.-В., до колоссальнаго вулкана Сандвичевыхъ острововъ), внѣ огненнаго вѣнца ея наблюдатель находитъ необыкновенную бѣдность въ островахъ. Всѣмъ морякамъ хорошо извѣстна эта бѣдность, въ

противуположность съ богатствомъ внутренняго пространства. Антарктической кругосвѣтный мореплаватель, до новѣйшаго открытія страны Викторіи и ея вулкана Джемсомъ Россомъ, едва могъ найти, къ Югу отъ упомянутаго перерыва вулканическаго кольца, только отдѣльные уединенные скалы и утесы, едва заслуживающіе названіе острововъ, какъ напримѣръ утесы Петра I и Александра I, и, въ обширномъ пространствѣ южнаго Ледовитаго моря, пройденномъ Джемсомъ Уделемъ (Weddel въ 1822 г.), не найдено ни одного острова. Также и въ болѣе сѣверныхъ широтахъ великаго Индѣйскаго океана, между Новой Голландіей и юго-восточною Африкою, океаническія скалы, Кергуелень, Св. Павла и Амстердамъ, едва заслуживаютъ наименованія. Островная пара Бурбона и Мавриція стоитъ уединенно. Въ Атлантическомъ океанѣ, кромѣ антарктическихъ скалъ Сандвичевой земли, до группы Новой Южной Шотландіи, во всей эѳіопійской ширинѣ океана, встрѣчаются только отдаленные одинъ отъ другаго океаническіе пункты — Тринидадъ, Св. Елены и Вознесенія, которые, для того чтобы достигнуть до поверхности моря, должны были подняться съ самой большой изъ когда либо измѣренныхъ глубинъ океана, именно 14550 англ. ф., т. е. равной вышинѣ Монблана, по первому измѣренію Дж. Росса, даже съ 27600 ф., по второму его измѣренію.

Только къ С. отъ экватора, антиподами острововъ Южнаго океана являются опять, болѣе многочисленныя, но все же ограниченныя, центральныя вулканическія группы острововъ надъ поверхностью моря, какъ напр. Канарскія, Асорскія, Ферерскія, до Исландіи, не принадлежащія болѣе къ открытымъ океаническимъ, но къ полярнымъ прибрежнымъ островамъ, гдѣ вблизи обокъ полюсовъ: на Сѣверѣ — на островѣ Джонъ-Майенъ, а на Югѣ — въ горѣ Эребусъ 12000 ф. выс., какъ замѣчаетъ Джемсъ Россъ, открывшій страну Викторію, огненныя образованія, съ обновленною силою и дѣятельностью, опять приобрѣтаютъ себѣ территорію, послѣ столь обширнаго пространственнаго перерыва.

Поднимающая и сдѣлавшаяся видимому огненная сила, которая слѣдуетъ, внѣ большаго вулканическаго кольца, осталась сосредоточенною въ рѣдкихъ пунктахъ изверженія, но образовала тѣмъ большія группы острововъ, должна была иѣкогда распространяться въ безконечно большой дѣятельности черезъ весь бассейнъ Южнаго океана, потому-что изъ него поднялись, исключая видимыхъ острововъ, съ болѣе мелководнаго, въ тоже время поднимавшагося дна морскаго, еще множество оставшихся невидимыми, т. е. отмелей, банкъ, скалъ, столовидныхъ острововъ, почти до морской поверхности; на такихъ поднятіяхъ основались тысячи коралловыхъ рифовъ и коралловыхъ острововъ, до той высоты, до которой достигали волненія приливовъ. Но поднимающая, остающаяся невидимую сила паровъ, распредѣленная на эти тысячи отдѣльныхъ пунктовъ, осталась однакоже какъ бы безсильною для того, чтобы поднять цѣлое дно до формы видимаго континента, котораго подводное распространеніе можетъ быть только изслѣдовано рядомъ лодій.

Такая дѣятельность, распространенная не на отдѣльные пункты, а на большія пространства, проявилась напротивъ вездѣ внѣ вулканическаго кольца, въ поднятіи надъ поверхностью моря континентовъ стараго и новаго свѣтовъ, въ которыхъ непрерывныя и высокія формы плоскогорій явились вездѣ высокими черепами со стороны вулканическаго кольца; съ другой же, противоположной стороны, внутри континентальнаго полушарія, образовались самые большіе склоны, которые вездѣ, какъ въ старомъ, такъ и новомъ свѣтѣ, къ С., С.-З., З., С.-В., перешли въ низменности со стороны сѣвернаго Атлантическаго и полярнаго Арктическаго океана. Безспорно это произошло отъ того, что поднимающая сила въ опредѣленной прогрессіи уменьшилась къ срединѣ главнаго углубленія, но тѣмъ болѣе могла образовать, слѣдуя тому же направленію, въ горизонтальномъ протяженіи черезъ полярную сторону земнаго шара, сухую и плоскую земную поверхность. Тамъ явилось самое большое континентальное образованіе, въ противупо-

ложности съ большимъ островнымъ нашей планеты, черезъ которое ходъ развитія человѣческой исторіи получилъ свое основаніе для прошедшаго и будущаго.

На западной сторонѣ австраійскаго ряда вулкановъ, изъ которыхъ ни одинъ не находится на противулежащей ему на Западѣ и столь близкой къ нему поверхности континента, распространяется равнина цѣлой части свѣта, большая ново-гелландская низменность, для болѣе массивнаго и болѣе высокаго поднятія которой, была уже недостаточна, ослабленная плутоническая сила, столь дѣятельная подъ бассейномъ Южнаго океана. Даже, заключенное между этою низменностью и мимоидущимъ отъ Новой Гвинее рядомъ острововъ, столь мелкое Коралловое море (the great Barrier), или не въ силахъ было превратиться въ континентальное пространство, или снова погрузилось въ волны океана.

Эта большая область австраійскихъ низменностей, составляющая цѣлую часть свѣта, продолжается и далѣе къ С. отъ висулярнаго зѣндскаго перешейка съ его многочисленными перерывами, между Карпентаріею и юго-восточною Малаккою, на азіатской же почвѣ — въ плоскихъ прибрежьяхъ дальней Индіи, Тункина и восточнаго Китая, до тѣхъ поръ пока ему не полагають предѣла высокое надутіе центральнаго плоскогорія Авіи, на своей окраинѣ, въ крутыхъ берегахъ Ляо-Дуни и Кореи, противъ удивенной большой вулканической группы Яюніи.

Аналогически съ этимъ явленіемъ расположены въ южной и сѣверной Америкѣ всѣ большія низменности этой части свѣта, непосредственно внѣ вулканическаго вѣнца континентальнаго Кордильерскаго хребта и поддержанныхъ его плечами, очень высокихъ, но узкихъ и растянутыхъ плоскогорій. Внутри низменностей, на всей обширной поверхности восточной Америки, нѣтъ ни одного вулкана, также какъ и на австраійской низменности, что представляетъ замѣчательную аналогію; и скаты обширныхъ низменностей, какъ то показываютъ ихъ рѣчныя системы, направлены къ внѣшней сторонѣ огненнаго

польца, которое, въ этой части свѣта, совершенно совпадаетъ съ большимъ береговымъ поясомъ, во его внутренняя сторона круто падаетъ въ глубокое море Великаго океана, между тѣмъ какъ внѣшняя сторона континентальныхъ низменностей спускается вездѣ, постепенно террасированными уступами, къ ефіопскому и атлантическому океану, съ кое гдѣ только разбросанными горными группами, нисшаго разряда.

Перейдемъ теперь отъ этой замѣчательной аналогіи положеній низменностей и ихъ скатовъ, относительно описаннаго нами огненного кольца, съ обѣихъ сторонъ новаго свѣта—американской и австралійской, къ общему строенію стараго свѣта.

Здѣсь повторяется тотъ же законъ аналогическаго устройства поднятія низменностей и впадинъ, только съ измѣненіями, произведенными его расчлененною съ южной стороны формою и удаленіемъ его южнаго берега, отъ уклоняющагося къ Ю.-В. въ южное море огненного кольца и инсулярныхъ рядовыхъ вулкановъ; такъ что нормальное направленіе его береговой линіи, по отклоненіи ея отъ огненного кольца, слѣдуетъ направленію великаго береговаго пояса, отъ южнаго Китая, черезъ дальнюю и ближнюю Индію, южную оконечность Аравіи, восточной выступъ Эфіопіи и весь длинный юго-восточный берегъ Африки, до м. Добрай Надежды.

Здѣсь очень поучительно вообще то, что А. Гумбольдтъ доказалъ для центральнаго, ромбоэдрическаго по очертанію плоскогорія восточной Азіи, котораго частное положеніе законоположно для цѣлаго явленія. Именно діагональ, пересекающая это центральное плоскогоріе, отъ Ю.-З къ С.-В., и раздѣляющая его на двѣ трехугольныя половины—сѣверо-западную и юго-восточную (монгольскую и тебетскую), обозначаетъ и ось самаго большаго надутія цѣлаго плоскогорія, къ Ю.-В. отъ которой лежатъ самыя высокія горныя массы, а къ С.-З. начинается низменность. Самое значительное надутіе къ Ю.-В. представляетъ Тибетское нагорье, достигающее высоты 14000 ф., между тѣмъ какъ вершины его въ Хималайской цѣпи доходятъ

до 20 и 25000 ф. абс. высоты; круто падающая въ сосѣднія— южно-китайскую, дальне-индѣйскую и бенгальскую предлежащія низменности, окраина этого массивнаго поднятія кажется поднимается до еще болѣе высокихъ, вѣроятно самыхъ колоссальныхъ нашей планеты. Хотя это еще и не доказано никакими прямыми измѣреніями, но на то, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, указываетъ, возрастающая къ В. высота горныхъ вершинъ, какъ это показало новѣйшее измѣреніе высоты Киншинъ-чжинга въ Сиккимѣ полковникомъ Уогомъ (Waugh) и Хукеромъ,—давшее 26,438 ф. ф. выс., слѣдов. болѣе значительную чѣмъ Явагиръ, Давалагири и Чжамалари въ Ю.-В. крутой стѣнѣ Хималайскаго хребта, тогда какъ къ В. отъ Киншинъ-Чжинга стоятъ еще другія вершины, подобной же, исполинской высоты.

За діагональною осью самаго большаго надутія центральнаго плоскогорія, съ монгольской сѣверной его стороною, начинается къ С.-З., террасообразно, широкими и длинными ступенями, постепенное склоненіе стараго свѣта, до ледовятаго моря сибирскихъ и сѣверно-европейскихъ береговъ.

Это пониженіе отъ южной окраины нагорной Гоби, имѣющей 8000 ф. надъ ур. м., простирается, по нивеллировкѣ русскихъ академиковъ, къ С.-З., черезъ средину Гоби, уступами въ 5000, 4000, 3400, 2400 ф., до высоты уровня Байкала, въ 1200 ф. и еще болѣе низкаго Зайссана, въ верховьяхъ Иртыша 1000 ф. абс. выс. Такое пониженіе, слѣдуя всему протяженію стараго свѣта, переходитъ равномерно къ З. въ значительное и уже извѣстное углубленіе Аральскаго и Каспійскаго моря (—72 пар. ф.); оно достигаетъ около Тобольска только 100 ф. абс. высоты и переходитъ, посредникъ дѣлаго теллурическаго полушарія, въ каспійской и понтійско-балтійской восточной Европѣ, въ самую большую низменность стараго свѣта, и еще далѣе, плоскою поверхностью полярныхъ земель обнимаетъ сѣверный полюсъ, съ равномернымъ строеніемъ и единствомъ во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта (Европѣ, Азіи и Америкѣ).

Тотъ же самый законъ *поднятія* массъ до значительныхъ высотъ, въ Ю.-В. крутыхъ ихъ окраинахъ, къ большому прибрежному поясу, также какъ и ихъ *пониженія*, въ противоположномъ направленіи, къ внутренней теллурической сторонѣ полушарія, повторяются во всѣхъ большихъ и меньшихъ, связанныхъ между собою или отдѣльныхъ плоскогоріяхъ, вдоль большого береговаго пояса, и дозволяетъ, по аналогіи явленій, заключить объ аналогіи смѣлы и дѣйствій при образованіи ихъ. Нормальное направленіе оси поднятыхъ массъ центральной Азіи совпадаетъ съ общимъ поднятіемъ массъ на всемъ земномъ шарѣ, въ томъ же діагональномъ направленіи для цѣлаго континентальнаго кольца большихъ континентовъ; такъ что въ ея частной діагонали выражается законъ поднятія всей земной коры, въ направленіи болѣе общей діагонали поднятія самыхъ колоссальныхъ и высокихъ массъ земнаго шара. Направленіе этого общаго поднятія характеристически различно отъ часто діаметрально противоположнаго направленія частныхъ поднятій горныхъ хребтовъ, обусловленнаго направленіемъ трещинъ, которыя Ели де Бомонъ старался сгруппировать въ систематическомъ и хронологически-геологическомъ порядкѣ.

Въ персидскомъ плоскогоріи, Ю.-В. окраина поднимается въ Белуджистанѣ до значительной высоты Келатскаго плоскогорія, 8000 ф. абс. выс., между тѣмъ какъ С.-З. его пониженіе уже въ Испаханѣ спускается до половины, въ Техеранѣ до 3700 ф., въ Комѣ 2000 ф., а на С. еще быстрѣе въ Бухаріи и къ Аральскому морю, и круто падаетъ на южной оконечности Каспійскаго моря ниже уровня океана. Плоскогоріе Деккана достигаетъ на югѣ, въ Нальгеріи близъ мыса Коморица, до самой значительной своей высоты — 9000 ф. въ плоскогоріи Утакамунда. Оно понижается все болѣе и болѣе въ нагоріи Мизора, Мальвы, Мевара и къ С. отъ цѣпи Виндія, до низменности Сивда, примынающей съ С. къ стѣнѣ Хималайскихъ горъ. Точно также плоскогоріе Аравіи достигаетъ своей значительнѣйшей высоты въ Неджелѣ (что значитъ нагорье), ю.-в. углу

Гадремаута, Омана и Йемена (горы Макалла 6000 ф., Джебел Тайсь 7000 ф. по свидѣт. Ботта); оно спускается на С. къ Санѣ уже на 4000 ф., вблизи Мекки въ Таифѣ на 3000 ф. предѣльной высоты, за Бараннскимъ же берегомъ въ Персидскомъ заливѣ и въ Сирийской и Мессопотамской равнинахъ къ Шатъель-Арабу вся поверхность представляетъ уже только форму обширной низменности. Даже Сивайская группа, хотя расположенная на самомъ концѣ трещины Краснаго моря, и представляющая только частное возвышеніе, съ небольшою, прислоненной къ нему на С. формою плоскогорія, слѣдуетъ тому же общему закону. И оно имѣетъ значительнѣйшее возвышеніе въ крутомъ своемъ скатѣ къ Красному морю, точно также, какъ при гораздо болѣе колоссальныхъ размѣрахъ, вся поднятая масса южной и восточной Африки достигаетъ самой значительной высоты своего нагорья со стороны Индѣйскаго океана (въ сѣвѣжныхъ горахъ 10,000 ф.), въ странѣ истоковъ Оранжевой рѣки 6000 ф., къ югу же отъ экватора, на З. отъ Момбаза, до высоты сѣвѣжныхъ горъ, по новѣйшему открытію Ребмана, на плоскогоріи Шоа около Ангола 9 — 10,000 ф. (по Гаррису) и въ сѣверномъ Габешѣ въ Говдарѣ 7000 ф. по Рюппелю, (въ Шаменѣ 13000 ф.). Великій склонъ Африки спускается, какъ извѣстно, на С. въ низменность обширной Сахары и длинную трещину теченія Нила, слѣдовательно внутрь большаго углубленія всего теллурическаго полушарія (отчасти покрытаго Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ), къ которому также спускается и большое углубленіе плоской восточной Европы, именно Понтійское, также какъ и частная возвышенность средне-европейской горной страны къ Балтійскому и Нѣмецкому морямъ.

Только системы меридіанныхъ хребтовъ пересѣкаютъ эту главную низменность сѣверо-западной стороны земнаго шара, именно: три большіе горныя паралели Урала, Скандинавскихъ альповъ и Аллегановъ, и раздѣляютъ, какъ извѣстно, все это углубленіе на три части, отчасти покрытыя моремъ, отчасти—сушею

и принадлежація къ тремъ сѣвернымъ частямъ свѣта. Самостоятельныя линіи свободно-стоящихъ хребтовъ, направленныхъ отъ В. къ З., какъ: Кавказскаго, Карпатскаго, Альпійскаго, Пиренейскаго, являются болѣе независимыми отъ этого компактнаго рельефа, которому были подчинены хребты окраинъ плоскогорій; онѣ образуютъ, особливо въ сильно расчлененномъ на З. континентѣ стараго свѣта, болѣе самостоятельныя системы, характеризующія европейскую часть свѣта.

Мы указали до сихъ поръ на 5 или 6 самыхъ замѣчательныхъ чертъ пластическаго устройства земнаго шара, какъ на факты въ общихъ явленіяхъ земной коры, не переходя къ ихъ возможнымъ причинамъ или къ проистекающимъ изъ нихъ въ частности въліяніямъ, потому что легко усмотрѣть сіи послѣднія. Послѣдствіемъ великаго закона всеобщаго углубленія средины континентальнаго полушарія было напр. то, что великое семейство народовъ міра древней цивилизаціи, при небольшомъ разсѣяніи его къ внѣшнимъ расчлененіямъ, сошлось въ наибольшемъ (maximum) пространственныхъ сближеніи трехъ частей свѣта, на одномъ большомъ, очень доступномъ и удобномъ для человѣческаго развитія театрѣ ихъ дѣятельностей, который потому самому долженъ былъ сдѣлаться классическою почвою всемірной исторіи, и въ которомъ всѣ пути международныхъ сношеній привели, подобно рѣкамъ, къ одному общему бассейну; потому что большія низменности, въ своихъ замѣчательнѣйшихъ протяженіяхъ черезъ средину стараго свѣта, отъ одной части свѣта къ другой, въ равномѣрныхъ климатическихъ зонахъ отъ В. къ З. (не такъ какъ въ Америкѣ въ различныхъ, отъ С. къ Ю.), сдѣлали возможными всякаго рода международныя сношенія и сообщенія. Между тѣмъ, только на наружной сторонѣ (континентальнаго полушарія), стѣна непробиваемыхъ плоскогорій осталась трудно побѣдимой, препятствующею, раздѣлительною естественною формою, болѣе останавливающею ходъ народнаго развитія, чѣмъ самая крутая рѣшетка поднятыхъ на низменностяхъ горныхъ цѣпей, которая все же представила бы болѣе доступные перерывы.

Намъ нужно было только отыскать въ кажущейся неправильности слѣды высшей симметріи и гармоніи, о которой элементарный и неопытный взглядъ сначала не можетъ имѣть никакого понятія, потому что разнообразіе природы въ этой запутанной сѣти нормалей столь богато частностями и отсюда происходящими особенностями (мѣстными индивидуальностями), что не можетъ быть понято безъ глубокаго изученія.

Если же мы перейдемъ ко второму отдѣлу нашихъ замѣчаній: къ образованіямъ частей свѣта, составляющихъ отдѣльныя индивидуальности земной коры, состоящія подъ общимъ вліяніемъ сихъ нормалей, но изъ коихъ каждая имѣетъ свою отдѣльную характеристику въ своей особенной пластикѣ, то все что мы называемъ гармоніею въ теллурическихъ образованіяхъ, въ отношеніи къ ходу человѣческой исторіи и прогрессу развитія жизни планеты, слѣдуетъ намъ можетъ быть еще яснѣе, чѣмъ изъ предъидущаго.

Что въ группировкѣ массъ земной системы, всегда постоянное, неизмѣняющееся положеніе частей свѣта должно было имѣть вліяніе, гармоническое съ вращеніемъ земли, слѣдуетъ уже изъ исторически образовавшихся противоположностей между Востокомъ и Западомъ, распространяющихся въ своихъ прогрессивныхъ переходахъ, черезъ шѣлый кругъ земной. Этотъ контрастъ уже давно существовалъ въ сознаніи народномъ, какъ на Востокѣ и Западѣ, такъ и на холодномъ Сѣверѣ, (странѣ Гиперберойцевъ) и жаркомъ Югѣ (странѣ Эфіоплянъ), и предшествовалъ раздѣленію на части свѣта. Какъ время отъ утра до вечера, отъ надеждъ до исполненій, протекаетъ черезъ жаркій полдень, до тѣхъ поръ пока всеуспокаивающая ночь, (подобно полярной сторонѣ земли), не явится контрастомъ за предѣломъ этого теченія, такъ расположены въ пространствѣ Востокъ въ Азіи, относительно жаркой Ливіи и Запада въ Европѣ, а точно также опять старый свѣтъ, относительно новаго, поставленъ космическимъ контрастомъ, какъ Востокъ, относительно Запада земли. Глубокая древность и новѣйшія времена, прошедшее, настоящее,

будущее, колыбель племенъ, ихъ исторія и культура на Восто-
кѣ, прогрессъ болѣе развитой жизни народовъ и государствъ и
весь кругъ идей ихъ вліяній на Западѣ—все это, въ своей кау-
зальной связи и законоположенности, является только съ группи-
ровкой космическаго (міроваго) положенія главныхъ массъ, на-
шей планеты; даже народный застой въ свѣтломъ, духовно-
лѣнливомъ, материально переполненномъ населеніемъ Суданѣ,
также какъ и еще не совершившееся пробужденіе народовъ, въ
мало обитаемомъ, темномъ и холодномъ Сѣверѣ, стоятъ въ гар-
моніи съ этимъ положеніемъ, до тѣхъ поръ пока, въ прогрессѣ
рода человѣческаго, не найдены будутъ искусственныя средства
для побѣжденія препятствій и импульсовъ природы, и освобо-
жденія человѣческаго рода отъ естественныхъ оковъ и отече-
ственныхъ границъ; такъ какъ уже наутика побѣдила морскія
пустыни и морскія раздѣленія, сила паровъ совершенно измѣ-
нила пространственныя различія, а колонизація и плантатарство
перенесло дары природы и населенія съ одной стороны земнаго
шара на другую.

Упомянутыя противоположности (между Востокомъ и Запа-
домъ) проявляются уже у Китайцевъ въ ихъ Си-Юй (Западѣ),
а въ санскритскомъ мірѣ—въ ихъ Пара и Апара, т. е. на истин-
номъ Востокѣ стараго свѣта, котораго боги, подобно солнцу,
выходятъ изъ моря на самомъ отдаленномъ Востокѣ, какъ Оан-
несъ Халдѣйцевъ, Брама Индусовъ. Тѣже противоположности
повторяются и далѣе на Западѣ, гдѣ Греки переносятъ свою
Анатолию (*ἀνατολή* sc. *ἡῶρα*) въ Малую Азію, свою 'Есперію въ
Италію, Римляне свой Востокъ—въ Левантъ, свою 'Есперію—
на край стараго свѣта въ Испанію и *Insulae fortunatae*, въ одно
мѣсто съ Западомъ Аравитянь—Ель-Магребъ. Европейцы про-
никаютъ черезъ океанъ въ новый свѣтъ, а съ ними мигрируютъ
и ихъ понятія, воззрѣнія, народныя отношенія, которыхъ про-
странственное значеніе должно разумѣться исчезать все болѣе
и болѣе, съ прогрессомъ историческаго уравненія этихъ проти-
вуположностей; страны опаленныхъ солнцемъ Эѳіоплянь и

Иперборейцевъ Омерическихъ временъ, къ Югу и Сѣверу отъ Греческаго Архипелага, давно исчезли, хотя для Индуса существуетъ еще и понынѣ его иперборейская страна—Уттара Куру, а Эѳіопская Ливія расширилась въ цѣлую часть свѣта.

Эти, сами по себѣ дѣйствительныя противоположности могли сдѣлаться для народовъ только релятивными отношеніями, въ имѣвшемъ на нихъ вліяніе ходѣ исторіи, гдѣ природныя вліянія пространствъ могли быть сверженно измѣнены искусственными, потому отсюда и произошло различіе въ методѣ и изложеніи древней и новой географіи.

Космическая группировка и мировое положеніе частей свѣта сохранять всегда свое вліяніе, хотя его прежняя абсолютная рѣзкость измѣняется прогрессомъ времени, какъ напр. морскими сообщеніями. Классическая, пространственная почва всемирной исторіи, въ наибольшемъ центральномъ приближеніи трехъ частей стараго свѣта, отъ Инда до Тибра, и отъ Нила до Окса и Танаиса, останется классическою и для потомства, относительно всѣхъ главныхъ событій, только что развившагося изъ народной колыбели рода человѣческаго, которой она служила основаніемъ въ прошедшія тысячелѣтія, именно потому что она играла организирующую роль; но цивилизація уже отняла у предпочтенныхъ извѣстными временами пространствъ одной стороны планеты ихъ преобладающее вліяніе и перенесла его на другія пространства.

.Различныя части планеты получили, для различныхъ періодовъ исторіи, различныя надѣленія, воспримчивость, даже особенныя способности къ развитію, которыя могутъ быть приведены въ извѣстность, только ходомъ исторіи; и небольшая только часть ихъ уже проявила свои мировыя отправления; циклъ ихъ развитія открылся только со времени немногихъ тысячелѣтій, и гораздо большая часть еще сокрыта для нашего взора. Величайшія глубины духовной природы человѣка могли открыться намъ гораздо ранѣе, потому что мы стоимъ имъ несравненно ближе; напротивъ же божественныя тайны нашей

планеты остались гораздо болѣе сокрытыми для мимолетнаго гражданина земли.

Если природа и отправление моря сдѣлались извѣстными чрезъ искусство навигаціи, системы вѣтровъ и морскихъ теченій— чрезъ посредство паруснаго корабля, явленія приливовъ и отливовъ — чрезъ изученіе портовыхъ временъ, а многія естественныя произведенія — чрезъ посредство ихъ врачебныхъ свойствъ; то нѣкоторыя избранныя полосы земли повели насъ къ болѣе точному ихъ знанію тѣмъ, что онѣ особенно способствовали развитію цивилизаціи: несравненно же болѣе часть земли лежитъ въ этомъ отношеніи еще въ залежѣ, потому-что не одна наука, но и ходъ исторіи цивилизованнаго міра должны разрѣшать загадку тайнъ природы. Мы занимаемся теперь еще узнаніемъ *элементовъ* развитія наружной поверхности нашей планеты, и только съ недавнихъ поръ появляются намъ изъ глубинъ геогностическія отношенія; какое же вліяніе будутъ имѣть еще неисчерпанныя мѣстонахожденія металловъ и пласты каменнаго угля на столькихъ концахъ земли, также переселенія, колонизаціи и миссіи разнаго рода въ мѣстности, нетронутыя еще исторією или такія, гдѣ сѣмена культуры принесли пока только бѣдные плоды, гдѣ духовная природа не высѣкла изъ почвы живительной искры, какъ то уже произошло на столькихъ пунктахъ классической области всемірной исторіи?

Въ какую новую степень значенія для всей земной поверхности, относительно рода человѣческаго, вошли равнины и низменности, напр. еще недавно, проведеніемъ линій желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, которыя, будучи выполнены въ колоссальномъ масштабѣ, послѣ прорытія Суэцкаго перешейка, приблизили бы индѣйскій міръ къ южно-европейскому, а послѣ прорытія Панамскаго сократили бы на $\frac{1}{4}$ окружность земнаго шара и приблизили китайскій міръ къ западно-европейскому на 1500 м.

Пароходство сдѣлало, какъ сосѣднія съ нами, такъ и отдаленныя колоссальныя рѣчныя системы, отъ Ганга до Миссис-

сипи, удобно проходимыми въ обоихъ направленіяхъ, по теченію и противъ него; на системѣ Миссиссипи кишитъ теперь цѣлый флотъ, состоящій изъ 350 пароходовъ, по богатой водою рѣчной сѣти и обуславливаетъ вездѣ новыя поселенія, а 50 пароходовъ превращаютъ прежде пустынную, большую группу сѣверо-американскихъ озеръ, отъ Верхняго до Эри, въ цивилизованный бассейнъ, подобный цивилизованному европейскому Средиземному морю. Что еще представитъ въ этомъ отношеніи будущее даже нельзя предугадать.

Способность къ усовершенствованію различныхъ естественныхъ формъ земной коры, успѣхъ организаци ея для всего земнаго шара, когда культура умѣетъ стать въ гармонію съ природою, несомнѣнны, и намъ остается еще разсмотрѣть, хотя бѣгло, то, что въ частномъ устройствѣ части свѣта помогаетъ или препятствуетъ упомянутому развитію.

Вспомнимъ здѣсь, что преобладаніе овальной формы въ Африкѣ, ромбоэдрической въ Азіи, треугольной въ Европѣ, обуславляютъ отношенія ихъ трехъ измѣреній, въ коихъ Африка своимъ однообразіемъ (одинаковою длиною и шириною въ направленіяхъ меридіановъ и параллельныхъ круговъ) стоитъ въ противуположности съ Европою, которая, съ длиною отъ В. къ З. почти вдвое превосходящею уступообразно уменьшающуюся ширину, обращена вершиною своего треугольника къ Атлантическому океану, а самую большую ширину имѣетъ на В., въ соприкосновеніи съ Азіею. Африка представляетъ сомкнутое, компактное туловище безъ расчлененій; Азія — также компактное, но менѣе сомкнутое, громадное туловище, съ богатымъ и колоссальнымъ расчлененіемъ на В. и Ю.; Европа — со всѣхъ сторонъ открытое, и не только на Ю. и З., но на С. и въ срединѣ расчлененное туловище, котораго расчлененія имѣютъ одинаковое значеніе съ самымъ туловищемъ для хода развитія ея цивилизаци, и которое, при менѣе колоссальномъ протяженіи и преобладающемъ богатствѣ природы отдѣльныхъ членовъ, имѣетъ одинаковыя удобства съ расчлененіями. Болѣе компактное

туловище Азии, не открытое, такъ какъ въ Европѣ, со всѣхъ сторонъ морю, осталось посреди континента, еще нетронутымъ морскими заливами, которые хотя и глубоко проникли въ него, но не могли произвести такого гармоническаго уравненія между контрастами морей, какъ въ Европѣ. Потому въ центральной Азии осталось еще огромное, длинное и широкое туловище этого индивидуума земной коры (имѣющее сходство съ компактною массою Африки), не получившее благословенія богатаго расчлененія, которое не могло коснуться до этой внутренности Азии и проникнуть ее своими вліяніями. Самое богатое расчлененіе периферической Азии показываетъ южная ея сторона, самое бѣдное — сѣверная. Хотя отдѣльныя изъ расчлененій Азии имѣютъ величину половины Европы, вся сумма ихъ сильно уступаетъ протяженію компактнаго туловища, а потому сему послѣднему остается препятствующій перевѣсъ, относительно менѣе значительной (въ сравненіи съ Европою) цивилизаціи части свѣта, не смотря на периферическія, но оставшіяся между собою раздѣленными высшія народныя развитія ея расчлененій.

Общая компактная средина азіатскаго туловища осталась потому разнообразнымъ отечествомъ кочевой жизни народовъ, между тѣмъ какъ на богато-одаренныхъ природою и разнообразно-устроенныхъ расчлененіяхъ ея выступовъ и полуострововъ, Китая, Дальней Индіи, Ближней Индіи, Аравіи, Малой Азии, вездѣ развились индивидуальности странъ и жителей, неуспѣвшія однакоже проникнуть въ средину туловища.

Цѣлая периферія Африки осталась не расчлененною въ своемъ береговомъ контурѣ, откуда произошло абсолютно кратчайшее развитіе береговой линіи, въ сравненіи съ другими частями свѣта: отношеніе, слѣдствіемъ котораго было меньшее соприкосновеніе континента ея съ моремъ, также какъ и большая неприступность ея средины. Такъ какъ индивидуализація не дана была въ удѣлъ природнымъ и народнымъ отношеніемъ ея нерасчлененнаго туловища, котораго всѣ концы, при равенствѣ измѣреній ея окружности, равно были удалены отъ центра

а сходное астрономическое положеніе съ обѣихъ сторонъ экватора не дозволило ни одной ея части выйти изъ тропическаго и субтропическаго климата, то и всѣ явленія въ этомъ индивидуумѣ земной коры, истинномъ Югѣ земли, въ которомъ тропическій міръ находится въ высшемъ своемъ проявленіи, остались самыми однообразными, равномерными, и хотя совершенно особенными, но лишеными всякихъ контрастовъ. Потому, въ народномъ мірѣ этой части свѣта, патриархальныя, первобытныя состоянія человѣческаго общества остались совершенно внѣ соприкосновеніи съ прогрессомъ времени, и ихъ прибѣжище кажется еще на цѣлыя тысячелѣтія сохранено для хода развитія не раскрытой будущности. Дѣйствительно, какъ въ растеніяхъ и животныхъ, такъ и въ народахъ или отдѣльныхъ людяхъ примѣчаются только общія, а не индивидуальныя развитія на этой почвѣ застоя: пальма, верблюды равномерно распределены на сѣверной, южной, восточной и западной оконечностяхъ Африки, и преобладающая черная раса, почти исключительное туземное населеніе съ негрскимъ характеромъ, распространенное во всѣхъ направленіяхъ компактными массами, оставшееся, какъ и вся часть свѣта, на незначительной, общей степени развитія, безъ выдающихся индивидуальностей культуръ, государствъ, народовъ и индивидуумовъ, характеризуютъ Африку даже и большимъ сходствомъ общаго ей семейства, только діалектически различающихся, негрскихъ языковъ. Только спорадическое береговое развитіе представляетъ небольшія исключенія, на отдѣльныхъ, болѣе одаренныхъ пунктахъ части свѣта, узкими полосами и то только извнѣ прилѣпившихся ея культуръ.

Совсѣмъ другой міръ явленій вызвало богатое, хотя только периферическое береговое развитіе Азии, которое вездѣ является индивидуализированнымъ въ своихъ расчлененіяхъ, потому что каждое изъ нихъ, при своей континентальной отдѣльности и морскихъ сообщеніяхъ, должно было сдѣлаться различною, иначе надѣленной природою атмосферы, горъ и долинъ, теченій, морей, системъ вѣтровъ и естественныхъ произведеній; также и

ся народности и цивилизаціи должны были сдѣлаться различными, и такимъ образомъ сформировались характеристически индивидуальности китайскаго, малайскаго, индѣйскаго, персидскаго, арабійскаго, сирійскаго, малоазійскаго міровъ. Но, въ рѣзкой общей противоположности къ замкнутому туловищу центральной среды, успѣхъ культуры не могъ еще проникнуть въ равномѣрно подвижную, въ теченіи тысячелѣтій, жизнь ея кочующаго населенія, коего предки должны были расширяться по обширнымъ западнымъ пространствамъ, и коего представителей мы называемъ нынѣ Монголами, Туркистанцами, Киргизами, Бухарцами, Калмыками и т. д., а еще менѣе достигнуть Сѣвера той же части свѣта, которой, потому самому, при всемъ блескѣ грандіозныхъ восточныхъ явленій и при всемъ необыкновенномъ расширеніи ихъ, недостаетъ единства общечеловѣческой цивилизаціи. Сюда присовокупились еще и исторически необозримыя, и тѣмъ болѣе трудно побѣдимыя цивилизаціею, колоссальныя восточныя формы природы, также какъ чрезмѣрное богатство даровъ природы, происходящее изъ климатическихъ контрастовъ этой части свѣта. Дѣйствительно, Азія, раскинувшаяся отъ экватора до полярной зоны, произвела самыхъ различныхъ животныхъ и растений, уже не по одному своему значительному протяженію поперегъ паралельныхъ круговъ, но и по большому протяженію своему отъ В. къ З., поперегъ меридіановъ, распадающемуся на не менѣе рѣзко контрастующіе восточныя и западныя міры, въ которыхъ, какъ на представителей характеристической противоположности мы можемъ указать на китайскую и ближне-азіатскую цивилизаціи. Представителями естественныхъ произведеній мы приведемъ только кокосовую и саговую пальму и тигра для В., финиковую пальму и льва для З., а для сѣвернаго и южнаго азіатскаго міра — контрасты растительности мховъ и хвойныхъ лѣсовъ и сѣвернаго оленя на С., съ хлѣбнымъ деревомъ, сахарнымъ тростникомъ, широколиственнымъ пизангомъ, слономъ, носорогомъ, тапиромъ и легионами обезьянъ на Югѣ.

Такому неисчерпаемому богатству природных отношеній въ этой части нашей планеты, послѣдовало и разнообразіе народныхъ отношеній Азіи, которая, несмотря на распространеніе и миграціи цѣлыхъ народовъ, сначала великаго переселенія ихъ въ различныя эпохи къ сосѣднимъ частямъ свѣта, не могла истощиться, и еще понынѣ богата туземными народными индивидуальностями, какъ въ расахъ, физическомъ строеніи, цвѣтѣ, бытѣ, національностяхъ, религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ корпораціяхъ, государственныхъ системахъ, культурахъ, нарѣчіяхъ и народныхъ племенахъ и т. д.; чему мы не находимъ даже никакихъ аналогій въ другихъ частяхъ свѣта, восходя до самаго отдаленнаго начала человѣческой исторіи.

Европа есть широкое продолженіе средней Азіи, которое, въ возрастающей къ Западу прогрессіи, доходитъ до все болѣе и болѣе самостоятельнаго развитія, и превосходитъ свою сосѣднюю восточную часть свѣта относительнымъ богатствомъ своихъ расчлененій, нераздѣленныхъ никакою препятствующею формою. Оттого и сдѣлалось возможно выравнивающее гармоническое развитіе многорасчлененнаго индивидуума земли, обусловившее характеръ его цивилизаціи; оно дало гармоніи формъ преобладаніе надъ могуществомъ матерій, вслѣдствіе чего Европа, самая малая изъ частей свѣта, предназначена была приобрести владычество надъ большими. Какъ Азія, распространенная черезъ три зоны, преобладающая своими массами и естественными произведеніями, была пластически такъ устроена, что она могла, съ самаго начала существованія, засыпать полнотою природы и сокровищами своими сосѣднія части свѣта, сама необдѣляясь: такъ Европа, въ болѣе обозримомъ для ея народонаселенія, ограниченномъ умѣренной зоною, богато расчлененномъ во всѣхъ морскихъ и пластическихъ, другъ на друга дѣйствующихъ формахъ, строеніи, лишенномъ излишней полноты, но болѣе воспріимчивомъ для принятія всего чужаго, и способномъ, по природѣ своей и энергіи своихъ народовъ, для переработыванія туземнаго, возвыситься до общечеловѣческой цивилизаціи, ко-

торая своею внутреннею гармонію призываетъ къ себѣ и всѣ другіе народы цѣлой земли. Извѣстно, что такое превращеніе безконечнаго богатства формъ въ индивидуальныя развитія, и ихъ гармоническое уравненіе въ этой европейской сторонѣ планеты удержались и въ ходѣ всемірной исторіи; но менѣе извѣстно, что это просвѣчиваетъ уже изъ всего планетарнаго устройства съ первыхъ временъ творенія, потому-что въ исторіи мы болѣе охотно приписываемъ первую честь человѣку, и въ этомъ явленіи—европейцу. При большомъ числѣ такихъ свѣтлыхъ точекъ мы обращаемъ только вниманіе на три характеристическія отношенія при устройствѣ Европы, именно: на береговое развитіе, сѣверное расчлененіе ея и острова.

Береговое развитіе Европы, относительно пространства ея, есть абсолютно самое большое; между тѣмъ какъ Азія, въ 8 разъ превосходящая Европу, имѣетъ 7000 миль берега, Африка, хотя еще въ 3 раза ея большая—только 3800; береговая линія Европы въ 5400 миль достаточна для цѣлаго экваторіальнаго круга земли, откуда слѣдуетъ, что Европа, хотя и расположенная внутри континентальнаго полушарія, по причинѣ своего всесторонняго расчлененія, врѣзывающимся въ нее морскими улицами, между всѣми частями свѣта находится въ относительно самомъ богатомъ соприкосновеніи съ воднымъ міромъ. Къ этому отношенію присоединяется еще и удобное морское положеніе, относительно океаническихъ и воздушныхъ движеній, также какъ и богатство бухтами и портами, какъ естественными слѣдствіями ея расчлененія, которыя помогли ей въ развитіи всеокрыляющаго искусства навигаціи и всеобщаго владычества надъ океаномъ; при чемъ первенство принадлежитъ наиболѣе расчлененной островной группѣ Великобританіи и Ирландіи, какъ преждѣ самая богато-расчлененная полуостровная система Греціи, въ свое цвѣтущее время, имѣла морское владычество надъ замкнутымъ бассейномъ Средиземнаго моря. Субполярное расчлененіе Сѣверной Европы внутренними морями Балтійскимъ и Нѣмецкимъ, также какъ и глубоко вдающимся Бѣлымъ, на Скандинавскіе вы

ступы, полуострова и острова, упрочила этой сѣверной сторонѣ части свѣта столь же богатое развитіе, какъ южной сторонѣ, въ трехъ ея прекрасно-устроенныхъ и богато-одаренныхъ полуостровахъ Греціи, Италіи и Испаніи. Сѣверу Европы данъ въ удѣлъ этимъ скандинавскимъ міромъ большой перевѣсъ передъ сосѣднею Азіею, которой плоскій сибирскій сѣверный міръ, совершеннымъ отсутствіемъ подобнаго расчлененія, при невыгодномъ отдѣленіи отъ болѣе развитаго южно-азиатскаго міра и вполнѣ неудобномъ полярномъ положеніи, относительно нагорной, кочевой центральной Азіи, при недостаточныхъ средствахъ и природныхъ импульсахъ туземнаго надѣленія, остался подчиненнымъ прогрессу развитія и цивилизаціи С.-В. Европы.

Наконецъ и образованіе Европейскихъ острововъ даетъ большіе преимущества Европѣ передъ другими частями свѣта, потому что эти прибрежные острова, лежащіе вблизи континентовъ и служащіе имъ океаническими продолженіями, (морскими станціями), необыкновенно обогащаютъ цѣлое, представляя, при своей относительно-значительной величинѣ въ сравненіи съ туловищами и расчлененіями, обширную площадь, съ поверхностями очень удобными для многочисленныхъ народонаселеній и отношеній цивилизаціи, служатъ не только къ пространственному увеличенію, но и къ безконечно усиленному развитію цѣлой части свѣта. Острова эти притомъ же не суть уединенные обрывки или растянутыя цѣпи океаническихъ скалъ, или трудно доступные пустынные конусы: Южная Англія есть естественное, аналогически устроенное продолженіе Франціи, Сицилія—Калабріи, Кандія—Мореи. Короче сказать, если вообразимъ себѣ группу Великобританскихъ острововъ, исчезнушею съ карты С.-З. Европы, то какое обѣдненіе произойдетъ въ исторіи туземнаго и заморскаго развитія этой части свѣта? Безъ Зеландіи и Фіоніи, полуостровъ Ютландіи превращается въ песчаную косу земли; въ древнія же времена исторія Рима и Италіи была бы совершенно другая, безъ

житницы ея — Сициліи, а безъ Крита, Егейскихъ и Ионическихъ острововъ, цивилизація Іоніи и Ближней Азіи не нашла бы себѣ моста въ Грецію и Еперію.

Не время распространяться здѣсь о послѣдствіяхъ полного отсутствія острововъ на Африканскихъ побережьяхъ (которымъ даже не принадлежитъ Мадагаскаръ, слишкомъ отдаленный морскимъ теченіемъ, океанической островъ), также какъ о частностяхъ излишняго избытка острововъ въ Ю.-В. малайскомъ продолженіи Азіи, именно въ дальне-Индійской, Зондско-Австралийской группѣ, которая есть самая богато-одаренная индивидуальностями и абсолютно самая большая нашей планеты, занимающая, въ треугольномъ своемъ расширеніи, пространство равное величиною Европѣ и образующая, длиннымъ рядомъ малыхъ зондскихъ острововъ, родъ прорваннаго перешейка къ Новой Голандіи и Новой Гвинее, который представляетъ нѣкоторую аналогію съ непрерывнымъ Панамскимъ. Замѣтимъ только, что слишкомъ сгущенное и излишнее количество этихъ богатыхъ и колоссальныхъ острововъ превращаетъ ихъ въ самостоятельную и инсулярную часть свѣта, съ туземнымъ малайскимъ населеніемъ, и эта часть свѣта, при ея самостоятельности, уже не можетъ быть разсматриваема какъ оторванное, подчиненное расчлененіе сосѣдняго континента.

Замѣчаніе, которое уже Страбонъ сдѣлалъ относительно Сициліи, именно, что расчлененіе континентовъ и въ особенности острова суть самыя щедро надѣленные части земли, подтверждается въ этой группѣ, отъ Цейлона до Новой Гвинеи, такъ совершенно, что каждому изъ этихъ острововъ да ны индивидуальныя, характеристическія сокровища природы, для великаго хода развитія планетной всемірной торговли: такъ бѣлый слонъ, жемчугъ, коричневые лѣса и рубины — Цейлону, колоссальныя животныя формы носорога, тапира, орангутана и благороднѣйшія красильныя вещества и дерева — Суматрѣ; богатѣйшіе оловянные рудники на землѣ — Банкѣ, множество золота и алмазовъ — Борнео; между тѣмъ какъ Ява уже при

Птоломеѣ бы на ячменномъ островѣ, богатымъ хлѣбомъ, хлѣбнымъ деревомъ, сахарнымъ тростникомъ; а слѣдующіе острова изобилуютъ пряностями, до знаменитыхъ Молукковъ и Новой Гвиней, гдѣ водятся: настоящее канфарное дерево, саговая пальма, капустная пальма, съ своими обильными питательными веществами, райская птица, и гдѣ столько другихъ благороднѣйшихъ произведеній трехъ царствъ природы получили первоначально свое мѣстное, очень ограниченное, не переходящее на континентальную Азію, совершенно индивидуальное отечество.

Еслибъ подобное инсularное расщепленіе, безъ всякой континентальной связи, было бы всеобщимъ началомъ устройства земли, то слѣдствіемъ того была бы совершенная несвязность ея народовъ. Въ устройствѣ же Европы находимы напротивъ самое удобное соприкосновеніе и прониканіе, также какъ и совершеннѣйшее уравненіе контрастовъ жидкой и твердой формы, безъ неудобствъ слишкомъ сильнаго расчлененія и расщепленія Зондскаго міра, представляющаго совершенную противоположность этой Полинезій, съ отсутствіемъ всякаго расчлененія земной коры въ компактномъ скопленіи массъ Африки; обѣ должны были дѣйствовать совершенно различно, даже противоположно на природныя и народныя отношенія, но обѣ — имѣть препятствующее, невыгодное вліяніе на развитіе первобытныхъ туземныхъ ихъ жителей. Тамъ, въ наибольшемъ расщепленіи, являются малайскіе народы Зондской группы, — самая враждебно-разъединенная раса земнаго шара; здѣсь, въ наибольшемъ скученіи массъ, находятся густо населенныя черныя народныя группы, однообразно обстановленныя природою, однообразно и мало развитыя.

Въ обоихъ случаяхъ — относительно неудобнѣйшія для развитія народовъ изъ состоянія невѣжества теллурическаго формы; между обѣими крайностями поставлена Европа, не препятствующею развитію, а развивающею формою, которая, при своемъ меньшемъ, легче обозримо и потому исторически ранѣе подчинимомъ пространствѣ, при своемъ береговомъ разви-

тін, расчлененіи и надѣленіи островами, обладала совершенствомъ пространственныхъ формъ природы, для ранняго осуществленія своего, заранѣе предопредѣленнаго планетарнаго отправления. Отправление это состоитъ въ томъ, что Европа, хотя наружно самая бѣдная изъ частей свѣта поразительными сокровищами природы сдѣлалась перерабатывающею фабрикою всѣхъ даровъ стараго свѣта, также театромъ самой общечеловѣческой и организирующей народной дѣятельности, а во второй половинѣ историческихъ временъ — обширнымъ воспитательнымъ домомъ для стараго и новаго свѣта, какъ по восприимчивости своей, такъ и потому, что народонаселеніе ея научилось двигаться свободно отъ мѣстныхъ силъ и оковъ природы, и могло развиваться наиболѣе гуманнымъ образомъ.

Въ каузальной связи явленій природы и исторіи, при вышешемъ назначеніи планеты, раскрывающемся въ исторической связи явленій, должно заключить о ея высшей, не только физической, но и планетарной организаціи; и эта организація специфически различна отъ организаціи живущихъ и движущихся на ней организмовъ, получившихъ существованіе на короткое время, между тѣмъ какъ она сама продолжаетъ свое существованіе черезъ всѣ времена. Если слѣдовательно, пріобрѣтенный человекомъ изъ другихъ возрѣній міръ понятій, при возрѣніи на кажущуюся несимметрически-хаотическою наружность его земнаго отечества, не находитъ себѣ удовлетворенія, а только спутывается непосредственно, то это происходитъ не отъ отсутствія систематическаго порядка въ пространственныхъ отношеніяхъ земли, которыя могутъ быть изслѣдованы только болѣе глубокимъ наблюденіемъ.

Именно въ неравенствѣ протяженій и формъ, въ кажущейся неопытному глазу запутанности, и лежитъ тайна систематическаго, внутренняго, высшаго планетарнаго устройства, безконечнаго разнообразія силъ и ихъ невидимыхъ, перецѣпляющихся дѣйствій, черезъ посредство которыхъ природа и исторія получаютъ свое организующее вліяніе, въ нѣкоторомъ

отношеніи сходное съ фізіологическою дѣятельностью, съ которою связана жизнь организмовъ въ растеніяхъ и животныхъ.

Именно въ неравномѣрномъ распредѣленіи земныхъ и водныхъ поверхностей, также какъ и въ измѣняющихся, необходимо сопровождающихъ ихъ температурахъ и видимо-неправильныхъ воздушныхъ движеніяхъ лежитъ систематическая причина ихъ всесторонняго, всепроникающаго, взаимнаго вліянія. Въ различіи протяженій частей свѣта лежитъ главная причина могущества ихъ населенія и подчинимости ихъ вліяній; въ наружно случайныхъ распредѣленіяхъ массъ — космическій законъ міроваго положенія, который долженъ былъ обусловить весь ходъ развитія рода человѣческаго; въ наружно только физическомъ отдѣленіи новаго свѣта отъ стараго, и острововъ отъ континентовъ — причина ихъ всесторонней связи; въ неравномъ надѣленіи мѣстностей природою — разнообразный импульсъ для развитія всемірной торговли; въ ограниченности протяженія Европы и гармоніи ея не бросающихся въ глаза формъ — условіе ея властительнаго величія и ея свободы.

Только одни матерьяльныя отношенія будутъ выражены числами, если мы скажемъ: Европа составляетъ $\frac{1}{5}$ Азии, $\frac{1}{3}$ Африки; Америка поставлена по величинѣ своей между обѣими, Австралія нѣсколько ниже Европы и составляетъ $\frac{1}{15}$ всѣхъ континентовъ и $\frac{1}{20}$ всѣхъ странъ, причитая къ континентамъ и острова. Но не эти абсолютныя пространственныя отношенія даютъ перевѣсъ исторіи частей свѣта; сюда принадлежатъ и релятивные устройства, потому что, въ теченіе историческихъ временъ, $\frac{1}{20}$ часть можетъ сдѣлаться величиною, господствующею надъ остальными $\frac{19}{20}$.

Къ различнымъ условіямъ этого явленія присоединяется также и форма, особливо же различный перевѣсъ значенія частей свѣта, по релятивнымъ отношеніямъ ихъ туловища, расчлененій, надѣленій островами, соответствующихъ приблизительно слѣдующимъ числамъ:

	Туловище.	Расчлененіе.	Надѣленіе островами.
Въ Африкѣ какъ	1	0	$\frac{1}{50}^{\circ}$.
— Азіа —	4	1	$\frac{1}{8}^{\circ}$.
— Европѣ —	2	1	$\frac{1}{20}^{\circ}$.

Только это суть формулы, кратчайшія выраженія, могущія обозначить физическія отправления различныхъ пространствъ нашей планеты, по горизонтальному устройству ея поверхности.

Совершенно другія отношенія въ пространственномъ развитіи представляетъ Америка или новый свѣтъ, какъ индивидуумъ земной коры, повторяя противоположности и удвоеніе формъ стараго свѣта, только совершенно въ другомъ нормальномъ направленіи, не съ В. на З., но С. на Ю. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ, о томъ какъ Сѣверн. Америка, своимъ богатымъ полярнымъ и сѣверо-восточнымъ расчлененіемъ, получила большой перевѣсъ надъ сибирскою сѣвornoю Азією, своимъ же внутреннимъ орографическимъ и гидрографическимъ развитіемъ и всестороннею радіаціею своихъ рѣчныхъ системъ изъ обширныхъ областей источниковъ, безъ препятствующихъ развитію формъ плоскогорій, и своими двумя внутренними морями на Югѣ и Сѣверѣ, имѣеть большую аналогію съ устройствомъ Европы; а богатѣйшій прибрежный міръ Америки, обильный гаванями и островами, обращенъ къ атлантической, слѣдоват. цивилизованной сторонѣ стараго свѣта, съ которою его соединяетъ морская, соединительная для народовъ цѣпь — морское теченіе, которое, въ своемъ прямомъ и обратномъ направленіи, приводитъ въ естественную взаимную связь оба сѣверныя атлантическія прибрежья: здѣсь остается намъ еще высказать нѣсколько общихъ результатовъ, въ заключеніе изложеннаго общаго обзора.

Сѣверная Америка, своимъ морскимъ положеніемъ, была необходимо предвѣщена къ многократному открытію мореплавателями Европы (не Азіа), откуда, черезъ близкое сосѣдство полярныхъ странъ, могло перейти въ нее цѣлое народоваселеніе. По удобному своему обилію портами, надѣленію остро-

вами, положенію береговъ относительно сѣверо-восточно-атлантической, западной части Европы, съ аналогическимъ отношеніемъ температуръ, восточное побережье сѣверной Америки было особенно воспріимчиво устроено, для принятія европейской цивилизаціи. Плоская, исполненная въ обновленномъ масштабѣ, пластическая моделировка туловища сѣверо-американскаго континента, аналогическая съ европейскою, съ полого падающими на всѣ стороны изъ общей середины уступами, могла упрочить для этой цивилизаціи со всѣхъ сторонъ безпрепятственный прогрессъ отъ В. къ З.

Отлого склоняющіеся къ Сѣверу уступы судоходныхъ рѣчныхъ системъ, къ полярной сторонѣ и богатымъ группамъ острововъ и расчлененій полярнаго моря, указываютъ что эта сторона планеты была предназначена, еще болѣе чѣмъ Европа, на то, чтобы распространить культуру рода человѣческаго, сколь возможно далеко на сѣверн. земли. Уже и теперь, послѣ небольшого періода времени, цивилизація западн. побережья Гренландіи достигла до 70° с. ш.; тамошнія ледовитыя моря ежегодно кишатъ флотами рыбаковъ и моряковъ, и существующія еще естественныя препятствія, по прошествіи вѣковъ, не остаются неодолимыми для развивающагося искусства.

Такъ, бывшая долго terra incognita, южная оконечность Австраліи, центральное депо портовъ на цѣлой землѣ, группа Тасманіи (Фанъ-Дименова земля), сдѣлалась, вмѣстѣ съ окружающими ее гаванями и бухтами, центромъ, давно предназначеннымъ и организованнымъ для того, чтобы въ короткое теченіе десятилѣтій оживить южное полушаріе, во всей обширности его. Объявленія зависятъ однакоже отъ обратнаго дѣйствія Европы.

Сѣверъ Азіи былъ первоначально поставленъ природою въ зависимость отъ истоковъ его рѣчныхъ системъ, т. е. центральной Азіи, въ началахъ своей цивилизаціи, откуда онъ и получилъ свои населенія, до тѣхъ поръ пока, вслѣдствіе прогресса цивилизаціи, не достался сосѣдней съ нимъ восточной Европѣ,

тъмъ болѣе что уральскій хребетъ не поставилъ этому никакихъ препятствій, напротивъ способствовалъ даже тому своимъ металлическими богатствами. Пространственное отношеніе и мировое положеніе были основаніями, доставшимися въ даръ развитію южной Европы, отъ западной Азіи, черезъ равно омывающее три части свѣта—Средиземное море; но это было только временнымъ отношеніемъ, потому-что въ новѣйшія времена происходитъ уже обратное дѣйствіе для Леванта.

Каждой части свѣта, какъ органу планетарнаго организма, съ самаго начала дано было въ удѣлъ, его устройствомъ и положеніемъ, особенное отправление въ ходѣ всемірнаго развитія.

Азія, на своемъ Югѣ и Востокѣ, гдѣ находятся ея богатѣйшія расчлененія, была предназначена высшему развитію, въ которомъ, въ теченіи тысячелѣтій, Индія была самымъ живымъ притягивающимъ пунктомъ.

Форма богато надѣленной природою расчлененія трехъ полуострововъ южной Азіи, обоихъ индійскихъ и аравійскаго, повторяется, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, на южной сторонѣ Европы, въ трехъ, впрочемъ другимъ образомъ устроенныхъ, но также полуостровныхъ образованіяхъ: Италіи по срединѣ, Греціи и Испаніи съ обѣихъ сторонъ. Только сіи послѣднія не находятся вблизи экватора, а 20 градусами далѣе въ умѣренной зонѣ, почему ихъ отправления должны были быть совершенно другія, для другаго круга странъ, народовъ и идей.

Обѣ группы, болѣе юго-восточная азіатская и болѣе сѣверо-западная европейская, съ индивидуальнымъ и однакоже аналогическимъ надѣленіемъ физическими и духовными силами, принадлежатъ къ самымъ большимъ обогащеніямъ южной стороны земли. Черезъ нихъ получила Азія въ жаркой зонѣ, а Европа въ умѣренной, для начала цивилизацій человѣчества, богатѣйшіи планетарный даръ въ расчлененіи и развитіи, точно также какъ подобный даръ въ полярныхъ: арктической и антарктической зонѣ, на Сѣверѣ Америки, и на Югѣ Фацъ-Дименова острова

или Тасманія, лежитъ въ лоѣ земли еще сокрытымъ, но не погребеннымъ и уже начинаетъ развиваться.

Такимъ образомъ можно и теперь предвидѣть будущей перевѣсъ еще юнаго американскаго двойнаго континента, при его дѣйствительно колоссальномъ меридіанномъ развитіи, особливо же сѣверной Америки, при мировомъ положеніи ея южныхъ расчлененій, надъ полуостровами южной Азіи и южной Европы, что уже и теперь начинаетъ быть замѣтнымъ въ элементарныхъ чертахъ, но что выйдетъ наружу съ еще бѣльшимъ блескомъ, когда южная сосѣдка сѣверной Америки войдетъ, прогрессомъ своей цивилизаціи и культуры, въ равновѣсіе съ сѣверною. Дѣйствительно, между тѣмъ какъ южные полуострова Азіи, по крайней мѣрѣ отчасти вдаются въ лишенный острововъ и населеній Индѣйскій океанъ, южные же полуострова Европы простираются большею частію къ негостепріимнымъ и трудно подчинимымъ — Ливіи, Алжиріи и Мавританіи; южныя расчлененія Америки (Каролина, Георгія, Флорида, Луизиана, Техасъ, Мехика, Калифорнія) простираются къ столь же богато одаренному природою противобрежію, за которымъ лежитъ цѣлая тропическая и субтропическая Америка; какъ въ древнія времена Европа лежала, какъ прогрессирующей Западъ передъ Востокомъ, передъ ранѣе созрѣвшею Азіею, такъ и здѣсь, передъ ушедшимъ впередъ Сѣверомъ Америки лежитъ Югъ ея, полный надежды на блистательный міръ будущности. Между обоими — посредствующая группа Антилскихъ острововъ, съ успѣхомъ времени, будетъ служить болѣе дружескою связью чѣмъ нынѣ.

Если въ прошедшемъ тысячелѣтїи, удобства стараго свѣта, въ ихъ безпрестанно обновляющемся своими формами историческомъ прогрессѣ отъ В. къ З., черезъ аналогическія страны и температуры, также какъ и въ населеніяхъ, отношеніяхъ и культурахъ разнаго рода, были отказаны Америкѣ, вслѣдствіе вышшняго устройства планеты, то эта часть свѣта была вознаграждена возможностью свѣжаго процесса развитія въ противупо-

ложномъ главномъ направленіи земнаго шара, именно отъ Сѣ-
вера къ Югу.

Историческое уравниеніе сихъ противоположностей, черезъ
все обширное, но постепенное измѣненіе климатовъ, отъ одного
полюса до другаго, черезъ всѣ умѣренныя и тропическія зоны,
для развитія рода человѣческаго и полного подчиненія ему зем-
наго его отечества, было дано американцамъ, какъ новая, разу-
мѣется трудная задача для будущихъ тысячелѣтій, для которой
впрочемъ Новый свѣтъ получилъ въ приданое, съ самой колы-
бели его исторіи, созданныя уже въ прошедшія тысячелѣтія въ
Старомъ свѣтѣ, искусственныя средства для побѣды надъ при-
родою.

Богатое надѣленіе столькихъ пунктовъ нашей планеты удоб-
ными отношеніями можетъ въ теченіи времени быть перенесено
на другіе, менѣе одаренные и исторически лежащіе въ залежѣ,
пункты.

Въ какой мѣрѣ это можетъ быть произведено прогрессомъ
планетарнаго развитія, открываемъ мы уже съ одной стороны,
самымъ поразительнымъ и грандіознымъ образомъ, изъ контра-
ста древней и новой исторіи, примѣчая оживленіе и оплодотво-
реніе, перенесенныя искусствомъ всемірнаго мореплаванія на
всю прибрежную сторону континентовъ и всѣ океаническія
группы острововъ воднаго міра, и произведенныя однимъ эле-
ментомъ европейской цивилизаціи.

Съ другой стороны, едва-ли можетъ существовать нынѣ ка-
кое нибудь сомнѣніе въ большой воспріимчивости и соперни-
чающей съ нею способности къ развитію континентальнаго міра,
именно сухой стороны земной коры, и въ возможности равно-
вѣличественныхъ на ней переворотовъ искусственными сред-
ствами, для новыхъ ея отправленій въ ходъ развитія исторіи
человѣчества.

5) Численныя отношенія вертикальныхъ расчлененій Азии и ея рльчныхъ областей.

Мы заимствуемъ эти численныя отношенія изъ одного изъ прекрасныхъ географическихъ сочиненій новѣйшаго времени, именно географіи Роона (*). По ней азіатскія низменности и нагорья занимаютъ слѣдующія пространства:

а) Низменности:

Сибирская	186000	кв. г. м.
Туранская	62000	» » »
Китайская	10000	» » »
Ближне-Индійская (съ уступами Инда и Гавга).....	24000	» » »
Сирійско-Аравійская (съ Мессопотаміею)	13000	» » »
Остальныя низменныя побережья.....	7000	» » »

Всего около..... 310000 кв. г. м.

б) Нагорья:

Дальне-Азіатское нагоріе	286000	кв. г. м.,
а съ расчлененіями его въ Дальней Индіи и Сибири (системами Яблоноваго, Ставоваго, Алданскаго, Вилуйскаго и другихъ хребтовъ).....	359000	кв. г. м.
Ближне-Азіатское.....	72000	» » »
Аравійское (съ Синайскимъ и Ливаномъ)	51500	» » »
Декканъ.....	25500	» » »
Кавказскій хребетъ.....	4000	» » »
Уральскій.....	6000	» » »
Камчатская цѣпь.....	3000	» » »

Всего приблизительно..... 520,000 кв. г. м.

(*) Roon Grundzüge der Erd-, Völker- und Staatenkunde, Berlin 8. 1847. I. p. 147, 181.

Для рѣчныхъ азіатскихъ системъ приводимъ слѣдующія числа:

	Длина сист., т. е. разст. отъ истока до устья	Развитіе системы, т. е. длина ея съ извилинами.	Пространство рѣчныхъ областей.
а) Сѣверныя рѣки:			
Обь.....	270 г. м.	475 г. м.	64000 кв. г. м.
Енисей.....	315 » »	410 » »	47000 » » »
Лена.....	300 » »	440 » »	37000 » » »
б) Восточныя рѣки:			
Амуръ.....	290 » »	430 » »	38000 » » »
Хуанъ-Хэ.....	280 » »	570 » »	34000 » » »
Янъ-Цзы-Кянъ .	390 » »	650 » »	35000 » » »
с) Южныя рѣки:			
Иравади.....	165 » »	270 » »	7400 » » »
Гангъ (съ Брамапутрою).....	200 » »	300 » »	30000 » » »
Индъ.....	250 » »	340 » »	19000 » » »
Ефратъ (съ Тигромъ).....	150 » »	300 » »	11200 » » »
д) Внутреннія (степенныя рѣки):			
Аму (Гихонъ)....	170 » »	930 » »	8000 » » »
Сыръ.....	190 » »	230 » »	6000 » » »
Таримъ.....	180 » »	200 » »	10000 » » »

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ВОСТОЧНАЯ НАГОРНАЯ АЗИЯ

ИЛИ ПЛОСКОГОРІЕ ДАЛЬНОЙ АЗИИ.

ОБЗОРЪ.

§ 10.

Подъ именемъ восточной нагорной Азіи разумѣемъ мы совершенно неизвѣстную древнимъ Грекамъ и Римлянамъ страну, которой юго-западный пограничный горный хребетъ получилъ въ первый разъ названіе *Емодуса* или *Иммауса* ⁽¹⁾, въ сочиненіяхъ Страбона и Эратосѣена, нисколько не подозрѣвавшихъ существованія обширныхъ странъ за его предѣлами. Плиніи, а за нимъ Птоломей ⁽²⁾, первые знакомятъ насъ съ кочующими тамъ Скифами и торговыми Серами, до предѣловъ отдаленной *Sinae*; съ этого времени только начали употреблять, для обозначенія этой полосы земли, встрѣчающееся въ первый разъ у Ptolem. VI. c. 15, и соответствующее характеру страны названіе *Скифій*, или земли *номадовъ за Иммаусомъ т. е. на востокъ отъ не-*

(1) Strabo. G. XV. c. 1. § 11. p. 18. ed. Tzsch. T. VI.

(2) Plin. H. N. VI. c. 24, Claud. Ptolem. VII. c. 3.

ю (Scythia extra Imaum). Страна эта у древних Персовъ была известна подъ именемъ *Турана* (3); у древнихъ Аравитянъ получила она, или часть ея, названіе *Маварь-эль-Нахаръ*, т. е. страны между Оксомъ и Яксартомъ; нынѣшніе же Персіяне называютъ ее *Вересъ-рудъ* или *Вара-рудъ* (4). Съ среднихъ вѣковъ та же самая страна, преимущественно же въ распространеніи своемъ на В., начала чаще всего означаться, у магометанско-азиатскихъ и христіанско-европейскихъ авторовъ, отечъ неопредѣленнымъ именемъ *Cataja*—*Китай* (Китай). Съ названіемъ *Cathea sopheritis* (Strabo XV f. 699 и Q. Curtius IX, 1) въ Индіи, временъ Александра великаго, имѣетъ арабскую толькую звуку, а не въ значеніи (5). Съ большимъ основаніемъ можно произвести это названіе отъ Монголо-Тунгузскаго племени *Кидань* (Khitan) или *Китань* (Khitat во множественномъ числѣ у A. Remusat) (6), утвердившагося еще до времени владычества Монголовъ, съ X столѣтія, въ сѣверномъ Китаѣ и на В. оттуда въ Тангутѣ, и составившаго въ нагорной восточной Азіи могущественное Государство (7), которое западными писателями было постоянно смѣшиваемо и принимаемо за одно съ Китайскимъ Государствомъ, и впоследствии чрезъ Монголовъ дѣйствительно соединилось съ нимъ (8).

Позднѣе, по мѣрѣ того какъ смѣнялись здѣсь народы и владычества, страну эту начали называть, Верхней Монголіею, Чжунгаріею, Кошотіею и т. д., хотя народы и Государства эти были съ каждымъ столѣтіемъ другіе, слѣдовательно такіа этнографі-

(3) Wahl Vorder- und Mittel-Asien. Leipzig. 1795. 8. p. 412, 433.

(4) Steben-Meer b. v. Hartman in Wien Jahrbuch 1826 Th. XXXVI. p. 273.

(5) Andr. Müller, Disquisitiō geogr. et historic. de Chataja. Berl. 4. 1671 p. 79.

(6) Klaproth, sur les différens noms de la Chine въ Мém. rel. à l'Asie. Paris 1828. T. III. p. 259.

(7) Mezbelot. Bibl. Orient. s. v. Khataja, Planс Carpin Voy. art. V. p. 40. Rehriguis Voy. ch. XXVIII. p. 59. ed. P. Bergeron Recueil. Leide. 1729. I. J. Klaproth. Tableaux hist. de l'Asie. Paris 1826. 4. Tabl. 18. Epoques des Khidans ou Liao.

(8) Ab. Remusat Мém. sur l'extension de l'empire chinois du côté de l'occident, въ Мém. rel. à la géogr. de l'Asie centrale. Paris. 1825. 4. p. 76.

ческія названія, по сопряженнымъ съ нимъ ложнымъ и побочнымъ понятіямъ, должны были вводить въ многочисленныя ошибки. Столь же неосновательно и названіе *Китайской Татаріи*, потому-что Татары, какъ это доказано послѣ многолѣтнихъ заблужденій, занимали только небольшую мѣстность въ этой неизмѣримой странѣ (см. ниже). Мы же будемъ употреблять это выраженіе, впрочемъ освященное давностью и потому неизбѣжное, только когда захотимъ говорить вообще о всѣхъ странахъ, подразумеваемыхъ въ прежніе вѣка подѣ этимъ собирательнымъ именемъ, и притомъ въ столь же общемъ и неопредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ употребляются подобныя тому названія Скиѣи и Сарматин.

Мы послѣдуемъ лучшему примѣру новѣйшихъ авторовъ⁽⁹⁾, пустившихъ въ ходъ названія: *средней Азіи* (*Asie moyenne*), *центральной Азіи* (*Asie centrale*), *внутренней Азіи* (*Asie intérieure*). для означенія дѣйствительно континентальныхъ странъ, совершенно отдѣленныхъ отъ береговыхъ, и занимающихъ преимущественно восточную и западную часть нагорной Азіи. Мы различаемъ, вмѣстѣ съ Тимковскимъ и Клапротомъ, прежде всего, въ *восточной нагорной Азіи*, три большія континентальныя массы⁽¹⁰⁾, разграниченныя между собою самою природою, и которымъ сверхъ того три различныя племена народныя придаютъ особый этнографическій характеръ: 1) *Восточную внутреннюю Азію* (*Asie moyenne orientale*), страну Маньчжуровъ, 2) *Сѣверную внутреннюю Азію* или Монголію, 3) *Западную внутреннюю Азію*, лежащую на З. отъ р. Хуанъ-хэ (Hoang-ho), страну восточныхъ Турковъ или Туркистанъ. На Югъ отъ этихъ трехъ сѣверныхъ главныхъ отдѣловъ лежитъ причисляемая нами сюда же: 4) *Южная внутренняя Азія* или Тибетъ въ обширномъ смыслѣ. Точнѣйшія опредѣленія слѣдуютъ ниже; подѣ общимъ же именемъ *Восточной*

(9) Klaproth, A. v. Humboldt; Hugh Murray on the ancient geography of Central or Eastern Asia etc. въ *Transact. of the Roy. Society of Edinburgh*. Vol. VIII. P. I. 1817. p. 171 — 202.

(10) Timkowski Voyage ed. Paris. T. II. p. 220.

Нижняя Азія подразумѣваемъ мы обширное пространство, со всѣми ограничивающими его горными хребтами, скатами и углубленіями, въ которомъ находятся истоки, верхнія, а иногда и среднія части теченія рѣкъ: Инда, Ганга, Иравади, Янъ-Цзы-Кяна, Хуанъ-хэ, Амура, Енисея, Иртыша, Сыра и Гихона. Эти малозвѣстныя страны, въ природѣ составляющія одно цѣлое, вышли въ теченіи послѣднихъ двухъ десятилѣтій, и то только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, изъ совершеннаго мрака неизвѣстности; другія же части и донинѣ еще совершенно неизвѣстны. Всѣ точныя изслѣдованія, ведущія къ истинному познанію Азіи ограничиваются до сихъ поръ только отдѣльными мѣстностями. Въ нижеслѣдующихъ изысканіяхъ постараемся сгруппировать географически, и сколь возможно вѣрно и полно, всѣ свѣдѣнія о тѣхъ частяхъ Азіи, на которыя наблюденія или ученая литература бросили какой нибудь свѣтъ, и изложить важныя истины, не-отъемлемо пріобрѣтенныя наукою, о строеніи этой части свѣта, съ возможно точнымъ указаніемъ самыхъ источниковъ, изъ которыхъ онѣ почерпнуты.

ОТДѢЛЬ I.

ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА НАГОРНОЙ АЗИИ.

ГЛАВА I.

ОТДАЛЕННѢЙШАЯ ВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА.

§ 11.

Изложеніе I. 1) Береговая полоса.

Свѣдѣнія наши о принадлежащихъ сюда побережьяхъ сѣверо-восточнаго океана еще весьма скудны, однако же мы стараемся воспользоваться немногими отрывками, чтобы бросить нѣкоторый свѣтъ на эти страны, пока новыя изслѣдованія не познакомятъ насъ съ ними ближе. Нѣсколько европейскихъ береговыхъ путешествій, небольшое число караванныхъ переѣздовъ и китайскихъ извѣстій о тамошнемъ отечествѣ нынѣ царствующей династіи изъ Тунгузскаго племени Маньчжу, служатъ намъ единственными путеводителями въ этихъ негостепріимныхъ странахъ. Рѣка *Амуръ* къ С.-В., и гораздо меньшая, но не менѣе уважаемая *Ляо-ха*, (Liao), по монгольски *Шара-Мурэнь* (Sira mouren) ⁽¹⁾, впадающая въ Хуань-Хай или Желтое море, протекають эти страны, пробивая себѣ здѣсь путь чрезъ окраину нагорья, котораго восточныя отрасли распространяются до

(1) Amiot. Elog. de Moucden p. 239.

Корейскаго полуострова и до бурнаго Японскаго моря. Разнообразно расщепленныя скалы и высокіе острова этого моря, можно принимать, согласно съ мнѣніемъ Палласа ⁽²⁾, за продолженіе этой восточной окраины по столь богатому островами Восточному океану.

Со стороны моря, крайній уступъ нагорной Азіи, отъ восточнаго Корейскаго мыса до самаго устья р. Амура, представляетъ непрерывный крутой берегъ, который, сколько густые туманы позволили судить о немъ *Лаперузу* (1787) и кап. *Брунтону* (1797) ⁽³⁾; имѣеть совершенно негостепріимный видъ и скудно заселенъ континентальнымъ Курильскимъ племенемъ Айно (Aino) ⁽⁴⁾. По показанію Айносовъ, береговая полоса, даже близъ устья Амура, населена Маньчжурскимъ племенемъ, не ближе какъ на разстояніи 8 дней пути во внутренность страны, и была почти совершенно неизвѣстна этому племени со стороны материка ⁽⁵⁾. Ни одна рѣчная долина не ведетъ изъ внутренности страны къ береговой полосѣ ^(*), отъ которой туземцы отдѣлены скалистыми горами и густыми лѣсами. Совершенно обнаженныя горы кажутся ⁽⁶⁾ со стороны моря неприступными, совершенно необитаемыми, и тянутся отъ 42° с. ш., въ горизонтально-наслоенныхъ мощныхъ пластахъ, на разстояніе 50 часовъ, въ направленіи отъ С. къ Ю., возвышаясь отъ 3600 до 4200 пар. ф. надъ поверхностью моря.

Крайняя восточная цѣпь, посѣщенная съ континентальной стороны Сибирскими разсыльными партіями въ XVII вѣкѣ, при открытіи береговъ Амура (В. Поярковымъ 1743 и И. Хабаро-

(2) S. Pallas Observ. s. la format. des mont. etc. Acta Acad. Petrop. I. 1771.

(3) W. R. Broughton. Voy. de dec. dans la partie sept. de l'Océan pacifique 1795. и 98. trad. Paris. 1807. 8. T. II. ch. 6 etc.

(4) Asia Polyglotta. Klaproth. Paris. 1823. 4. p.300.

(*) Кромѣ Туман-улы или Ми-Кана, на границахъ Кореи съ Маньчжуріею
Пр. Пер.

(5) Gerbillon Observ. hist. sur la Grande Tartarie, Du Halde ed. à la Haye 1736. T. IV. p. 44.

(6) La Peyrouse Voy. autour du monde. Paris. 1797- 4. T. III. p. 8.

вымъ 1658) (7), тянется между 147° и 148° в. долг. отъ Ферро. Она переходитъ чрезъ Амуръ, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ эта рѣка, по нашимъ картамъ, принимаетъ болѣе сѣверо-восточное направленіе (*) и входитъ въ обширную равнину, склоняющуюся отсюда на В. къ Охотскому морю. Горный хребетъ этотъ направленъ отъ Ю. къ С., между устьями притоковъ Амура *Цинкири-ула* (Tschikiri) или *Зей* (Seja), съ лѣвой и *Сунари-ула* (Songari-Ula, у русскихъ плавателей Шингалъ), съ правой; здѣсь Амуръ пробивается дикими ущельями черезъ значительную ширину хребта (**). Казачій Атаманъ Хабаровъ употребилъ два дня и одну ночь на трудное плаваніе между крутыми, скалистыми берегами этой тѣсины средняго теченія Амура, пока достигъ до болѣе ровной, расположенной уступами, нижней долины рѣчки, обитаемой уже отсюда Маньчжурскимъ племенемъ *Дучеры* (8); въ самыхъ же горныхъ тѣснинахъ, по сказанію Хабарова, обитаетъ племя *Гогум* (9) (***). О нынѣшнемъ состояніи этой стра-

(7) Müller Sammlung Russisch. Geschichte. Petersb. 1736, Т. II. p. 297, 307.

(*) Новѣйшія русскія изслѣдованія даютъ самому теченію Амуру другой видъ на картахъ: именно отъ наибольшаго приближенія своего къ океану (30 вер.), при озерѣ Кизи, оно круто поворачиваетъ на Сѣверъ, см. ниже дополненіе къ странѣ уступовъ Амура. *Пр. Пер.*

(**) Хребетъ этотъ называется Доуссэ-Алинь. Новѣйшія дополненія о бассейнѣ Амура, см. ниже въ странѣ уступовъ р. Амура. *Пр. Пер.*

(8) Gerbillon въ Du Halde T. IV. p. 44. cf. Klaproth Mém. relat. à l'Asie. T. I. p. 449.

(9) Müller I с. p. 320. Я не могу согласиться съ неосновательнымъ критическимъ замѣчаніемъ, сдѣланнымъ на 436 стран. I изд. «Erdkunde», Докторомъ Платомъ, въ сочиненіи его *die Völker der Mandschurei*, Götting. 8. 1830. p. 3. not. 2, относительно рѣки Зей, потому что въ болѣе достовѣрномъ разсказѣ Хабарова, которому отдаетъ преимущество и Миллеръ, нижняя часть Цинкири, близъ впаденія ея въ Амуръ, называется постоянно *Зей* (см. I с. у Миллера p. 297, 301, 317, 320, 339, 361, 376, 396). Изъ приведенныхъ цитатовъ послѣдній совершенно убѣдительно потому, что здѣсь опредѣляется положеніе город. Сахалинъ-ула-хотонъ, на разстояніи одного дня пути ниже впаденія Зей въ Амуръ. Конечно рѣка эта, какъ я уже замѣтилъ въ приведенномъ мѣстѣ, называется также *Цял*, именемъ, подъ которымъ она извѣстна у Русскихъ, по свидѣтельству Жербилона, безъ сомнѣнія лучшаго авторитета для Географіи сихъ мѣстъ, по его же свидѣтельству Цинкири есть монгольское названіе рѣки. cf. du Halde. p. 44.

(***) Названіе Дучеры встрѣчается и въ китайскихъ источникахъ, см. Горкаго Начало и перв. дѣла Маньчжур. дома, въ Труд. Пекинской миссіи Ч. I. СПб. 1832.

ны мы не имѣемъ никакихъ новыхъ точныхъ свѣдѣній (****), ибо вся гористая полоса нагорной С.-В. Азии, по обѣимъ сторонамъ р. Амура, извѣстна только по первымъ походамъ Сибирскихъ казачьихъ отрядовъ. Этотъ недостатокъ свѣдѣній зависитъ отъ того, что страна эта, пограничными трактатами 1689 и 1727 годовъ, была уступлена русскими прежнему ея владѣльцу — Китайскому Императору (10), и съ тѣхъ поръ сдѣлалось совершенно неприступною для Европейцевъ, которые, какъ напр. Д-ръ Гессъ въ новѣйшее время не могли приткнуться туда съ русской стороны далѣе Нерчинскаго горнаго округа. Если бы не была произведена Иезуитскими Миссіонерами съемка этихъ мѣстностей, въ царствованіе Императора Канъ-хи (Kanghi, по сѣверн. произношенію Канъ-си), въ первомъ десятилѣтіи XVIII вѣка, то вся эта страна была бы для насъ совершенно terra incognita (11). Болѣе мы не знаемъ ничего опредѣленнаго о природѣ этого вѣшняго С.-В. уступа, а потому переходимъ далѣе на Югъ.

2) *Чанъ-бо-Шань или Шань-янь-Алинь.* (Tchang-pe-Shan, Shan Alin).

На сѣверѣ отъ Корейскаго полуострова, у истоковъ Сунгарии-улы и прибрежныхъ рѣкъ Ялу-кяна (Yalou-kiang) и Тумэни-улы (Tumen-ula), спускается, по направленію къ этому полуострову, крайній юговосточный высокій хребетъ нагорья и образуетъ древніе пограничные уступы Китайскаго Государства, со стороны Кореи. Этотъ водораздѣльный хребетъ горъ есть извѣстный *Шань-янь-Алинь* (Shan-Alin), отъ маньчжурскаго слова Шань-янь-бѣлый, у Маньчжуровъ и *Чанъ-бо-Шань* (Tchan-Pe-Shan) у Китайцевъ, что на обоихъ языкахъ значитъ *большія бѣлыя горы* (*).

ст: 44. Гоголи можетъ быть то самое племя, которое новѣйшія русскія экспедиціи называютъ Гольдами. *Пр. Пер.*

(****) Новѣйшія свѣдѣнія о р. Амурѣ см. виже. *Пр. Пер.*

(10) Klaproth. Archiv. f. Asiat. Litteratur. Petersb. 1810. 4. p. 139. и его же Mém. rel. à l'Asie. Paris. 1826. T. I. p. 1 — 80.

(11) Du Halde IV. p. 1 — 21.

(*) Общее направленіе этого хребта, какъ кажется параллельно съ общимъ направленіемъ Даурскаго массива. *Пр. Пер.*

Горы эти считаются сими народами за высочайшія на земномъ шарѣ ⁽¹²⁾, и почитаются священными: Императоры ѣздятъ къ нимъ на поклоненіе ⁽¹³⁾. Когда Патеръ Фербиетъ прибылъ сюда въ 1682 году съ Императоромъ Канъ-хи, то послѣдній, увидѣвъ горы, сошелъ съ лошади, преклонилъ колѣна и сдѣлалъ три поклона; въ 1699 г., онъ совершалъ сюда путешествіе уже въ третій разъ. На западномъ склонѣ хребта къ р. Ляо лежитъ, въ 50 геогр. миляхъ на С. отъ морскаго берега (подъ $41^{\circ} 50' 30''$ с. ш. и $7^{\circ} 11' 50''$ на В. отъ Пекина), нагорный городъ Мукдэнъ (*), въ странѣ Пинъ (Pin) и Ки (Ki), коренномъ отечествѣ племени Маньчжу и Китайскаго Императорскаго дома. Здѣсь находятся гробницы ихъ предковъ, расположенныя на вершинахъ водо-раздѣльныхъ горъ Ци-юнь-Шанъ (Tsi-yün-Shan), а потому этотъ городъ и страна составляютъ святыню, которой приносятся различныя жертвы, баснословную страну Маньчжу, ихъ райскія горы, которыя были воспѣты ⁽¹⁴⁾ съ истинно-патріотическимъ благочестіемъ Императоромъ Кянъ-Лунемъ (Klian-Loung, по сѣверн. произношенію Цзянь-Лунь), въ знаменитомъ стихотвореніи, на Китайскомъ и Маньчжурскомъ языкахъ ⁽¹⁵⁾. По повелѣнію Императора эта національная пѣснь была напечатана 64 различными шрифтами, изъ которыхъ 32 были заготовлены для Маньчжурскаго и 32 для Китайскаго изданія, съ тою цѣлю, чтобы сочиненіе было начертано китайскими буквами всѣхъ вѣковъ, даже са-

(12) Du Halde descr. de la Chine T. IV. p. 331 и 93; Klaproth Mém. rel. à l'Asie. T. I. p. 441.

(13) P. Verbiest Voy. of the Emperor of China a. 1682, въ Philosophic. Transactions. 1686. p. 39.

(*) На одномъ изъ притоковъ Ляо, который въ атласѣ д'Анвила названъ Ноан-ou-hou, на картѣ Гримма Ноен-ho, Клапрота Tu-Tsu-ho, Бергхауза Manu-ho, отца Лакнеа Хунъ хэ. О Мукдэнѣ и южной Маньчжуріи см. дополненіе къ § 11.

Пр. Пер.

(14) Ab. Remusat nouv. melanges Asiatiq. T. II. p. 39.

(15) Kchien-long, Empereur de la Chine, Eloge de la ville de Moukden p. le P. Amiot publié par Deguignes. Paris. 1770. p. 199.

мыхъ древнѣйшихъ, вслѣдствіе того эти различныя изданія получили дипломатическую важность для изученія Китайской литературы. Они находятся въ парижской библіотекѣ.

Кянъ-Лунъ описываетъ эти пограничныя уступы какъ восхитительную альпійскую страну, полную воспоминаніями прошедшаго, оживленную очаровательными лугами, источниками, ручьями, нѣсколькими святыми горами, прекраснымъ воздухомъ и населенную простодушными, мирными жителями. Здѣсь онъ видитъ классическую землю патриархальной простоты и справедливости, освѣщаемую лучшими звѣздами, покровительствуемую добрыми гениями. Это есть превознесенная страна Ло, отечество Гіоро (Кюго, золотаго), предка Маньчжурскихъ Государей, описываемая въ китайскихъ баснословныхъ преданіяхъ въ высшей степени блеска и славы ⁽¹⁶⁾. Самый городъ Мукдэнъ (Mukden) столь же отличается между другими городами, какъ драконъ и тигръ между всеми животными. Горный зефиръ вьющій здѣсь не только быстро распускаетъ почки въ цвѣты, но и производитъ тѣхъ, которые предназначены быть князьями міра сего.

Въ самомъ дѣлѣ эти высоты служили всегда важнымъ пунктомъ для обезпеченія могущества Пекинскихъ властителей и важнымъ ключемъ Китайской имперіи. Для защиты его сосредоточены здѣсь всегда значительныя силы; провинція эта называется Шянъ-Кинъ (Sching-King), и правитель ея есть одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ имперіи. Маньчжу любятъ ее, какъ отечество свое, изъ котораго они спустились въ равнины. Потому самое пребываніе въ ней считается почетнымъ, и все что приходитъ отсюда пользуется особымъ уваженіемъ.

По всему однакоже можно было бы заключить, что эта крайняя отрасль нагорной Азіи есть дикая и негостепріимная страна ⁽¹⁷⁾. Она составляетъ область звѣроловства, наполненную

(16) Khien-long. p. 17. Not p. 228, 207.

(17) Khien-long, Amiot Notes. p. 112, 83, 320 и въ другихъ мѣстахъ.

хищнымъ звѣрями и всякаго рода дичью. Здѣсь истребленіе животныхъ необходимо для человѣка; а потому по законамъ Маньчжу охота есть не только удовольствіе, но даже обязанность, возлагаемая религіею; кто здѣсь не охотится, тотъ не почитается набожнымъ (*).

Примѣчаніе: Путешествіе Умунэ (Умуна) къ Бѣлой горѣ 1677 года. Исключая картографической съемки, произведенной нѣкоторыми іезуитскими миссіонерами, описаніе этой страны маньчжурскимъ вельможею, посланнымъ императоромъ Канъ-хи въ 1677 г. къ Бѣлой горѣ, для принесенія жертвы горнымъ духамъ, заключаетъ въ себѣ единственныя свѣдѣнія (*), сообщенныя очевидцемъ, объ этомъ замѣчательномъ коренномъ отечествѣ Тунгусской династїи, столь прославившейся своими правительственными дарованіями. Мы обязаны Клапроту⁽¹⁸⁾ переводомъ съ маньчжурскаго языка отчета, который Умунэ представилъ императору о путешествїи своемъ. Никто въ Пекинѣ, говорилъ Канъ-хи, не знаетъ театра славы моихъ предковъ; а потому посылаю вельможу двора моего, Умунэ, туда, для описанія этой страны и принесенія жертвы покровительствующимъ ей богамъ. Въ отчетѣ Умунэ заключается однакоже только описаніе его восхода на хребетъ Чанъ-бо-шань.

Путешественники отправились изъ Пекина, въ іюнѣ, чрезъ Мукдэнъ къ городу Гіринь (Kirin); но ни здѣсь, ни въ цѣлой странѣ Нингута (Nin-gunta, что значитъ 6-ть (*) начальниковъ, первыхъ маньчжурскихъ патріарховъ), на сѣверномъ склонѣ снѣжнаго хребта, отдѣляющаго полуостровъ Корею отъ Маньчжурїи, гдѣ лежитъ самый городъ Нингута, не нашли они проводниковъ къ святымъ горамъ. Наконецъ явился къ нимъ пожилой человѣкъ, родившійся въ землѣ племени Ёхэ-Нэйънь (Ekhe-

(*) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(**) Новѣйшія свѣдѣнія, см. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(18) Mémoires relatifs à l'Asie. T. I. p. 433 — 460, также въ *Asiat. Journ.* Juli 1824. p. 29 — 31.

(***) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано семь. — *Пр. Пер.*

Neuen), который въ юности своей слышалъ отъ своего отца, что недалеко оттуда находятся горы, куда охотники ходятъ на оленей. Тогда Умунэ оставилъ городъ Гиринь, лежащій на рѣкѣ Сунгари, и послѣ труднаго путешествія достигъ до лѣсистой страны Бхэ-Нэйънь, откуда и отправилъ нѣкоторое число людей съ топорами, для просѣченія дороги чрезъ непроходимые лѣса и узнанія разстоянія оттуда до Бѣлой горы. Чрезъ десять дней донесли они, что, проникнувъ въ лѣса на 5 часовъ разстоянія (30 ли, считая по 200 ли на одинъ градусъ), увидѣли великую Бѣлую гору впереди, въ 13 — 14 миляхъ (170 — 180 ли). По полученному вторичному извѣстію оказалось, что гора лежитъ гораздо ближе, и путешественники пустились въ дорогу, направляясь постоянно къ Югу. (Она лежитъ подь 42° с. ш. и 146° в. долг. отъ Ферро по китайскимъ картамъ) ⁽¹⁹⁾. Уже на третій день слышенъ былъ крикъ пролетѣвшихъ журавлей; но туманъ мѣшалъ путешественникамъ видѣть окружающую мѣстность. Направляясь по слѣдамъ оленей, они наконецъ достигли Бѣлой горы. Прекрасный лѣсъ, зеленый скатъ, окаймленный, какъ бы искусственно, насаженными человѣческою рукою деревьями (Sadjoolan), и поросшіи тѣнистыми кустарниками и желтыми цвѣтами, разстилались у подошвы горы; но вершины ея, закрытой туманами и облаками, еще не было видно. Здѣсь весь отрядъ путешественниковъ сошелъ съ лошадей, и Умунэ, слѣдуя приказаніямъ императора, прочелъ молитву добрымъ духамъ. Вскорѣ послѣ того открылась Бѣлая гора, во всей красотѣ своей, съ тропинкою ведущею къ вершинѣ, которую безоблачное и чистое небо позволило видѣть совершенно ясно. Путешественники восходили около 14 часовъ (100 ли), сначала спокойно, потомъ все труднѣе по крутизнѣ, а наконецъ уже по снѣжной и ледяной корѣ, которая, казалось, наслоялась съ каждымъ годомъ, никогда не оттаявая, слѣдовательно находилась за предѣлами

(19) Klaproth, Mém. rel. à l'Asie. T. I. p. 441.

вѣчныхъ снѣговъ⁽²⁰⁾. Наконецъ они достигли до площади, окруженной 5-ю очень высокими пиками, между которыми находилось озеро, въ 3 мили (30 или 40 ли) окружности; здѣсь показался медвѣдь. Четыре изъ высокихъ пиковъ склонялись къ Югу; пятый, расположенный на Югѣ, возвышался круто и отвѣсно, хотя и былъ ниже остальныхъ; его основаніе походило на ворота. Нѣсколько источниковъ, съ шумомъ и пѣною, пробивались съ разныхъ сторонъ горы, и текли отчасти влѣво (т. е. къ Сѣверу), въ Сунгари-ула, по кит. Сунъ-хуа-кианъ (Soung-Hoa-Kiang), отчасти вправо (т. е. къ Югу), въ большой и малой Нэйѣнь (Neuen), которые суть верхніе небольшіе протоки Сунгари, названные у д'Анвила Савнъ и Ёхе Нейѣнь (Sain et Igue-Neuen) (*). Здѣсь были принесены жертвы, и послѣ того путешественники отправились въ обратный путь; въ тоже время пробѣжало мимо нихъ и бросилось со скалы стадо оленей, изъ которыхъ семь остались убитыми на мѣстѣ. Путешественники почли это за доказательство, что молитвы ихъ были приняты милостиво духами-покровителями, которые доставили посланному отъ императора и свитѣ

(20) Упрекъ, сдѣланный мнѣ Д-мъ Платомъ въ «Völker der Mandchurei» I. c. p. Not. 1, относящ. къ 1-му изд. моего «Землеописанія», не опровергаетъ сего, потому что на заключающемся у Du-Halde IV. 17 показаніе о бѣломъ известковомъ туфѣ должно смотрѣть не болѣе какъ на гипотезу, такъ какъ авторъ самъ не восходилъ на гору и пишетъ это собственно съ цѣлю опровергнуть преувеличенныя показанія Китайцевъ. Предположеніе снѣжнаго покрова здѣсь гораздо вѣроподобнѣе, нежели это отдѣльное, неподкрѣпленное другимъ свидѣтельствомъ, показаніе о необыкновенномъ составѣ вершины горы изъ tuf blancheatre. П. Фербастъ; въ описаніи путешествія, совершеннаго имъ въ 1682 г., говорить пояснительно, что гора получила свое названіе отъ снѣга, которымъ всегда покрыта ея вершина. Du-Halde. IV. p. 92.

(*) Въ текстѣ Ризтера сказано: вѣроятно принадлежавшіе къ упомянутымъ береговымъ рѣкамъ, но ошибка эта исправлена при перечисленіи погрѣшностей. Всѣ рѣки, берущія начало на скатахъ Чанъ-бо-шаня, принадлежатъ къ тремъ системамъ: 1) Сунгари на Сѣверѣ (Soungari oula), принадлежащей къ системѣ Амурса; 2) Ялу-кианъ на Югѣ (Yalou-Kiang на картахъ д'Анвила; Клапрота, Андриво-Гужона, Ула у Бергхауза, Ya-Yuan-Kiang у Гримма), впадающаго въ Желтое море и 3) Туманъ-улы (Toumen-Ula у д'Анвила, Гримма, Андриво Гужона и Бергхауза), впадающей въ Восточный океанъ. — *Пр. Пер.*

его недостававшіе имъ съѣстные припасы. У полошвы горы они принесли въ жертву этихъ животныхъ и насытились ими; затѣмъ гора снова покрылась тучами и туманомъ, и исчезла изъ виду. Въ Нингутѣ, древнемъ маньчжурскомъ городѣ, Умуна составилъ отчетъ о своемъ путешествіи. По счастливомъ возвращеніи посольства, императоръ, въ благодарность за благосклонный пріемъ его жертвы, отдалъ повелѣніе наладѣ обрядовъ прибавить духамъ — покровителямъ Бѣлой горы еще новые титулы къ тѣмъ, которые были имъ уже давно даны (въ 1175 г. императоромъ дома Нюй-чжень (Yutehi) или Гиць (Kip), называемымъ Алтунъ-ханомъ) (21).

Нингута, къ С.-З. отъ Бѣлой горы, лежитъ уже въ весьма холодной, горной странѣ, при богатой рыбою рѣкѣ Хулхъ (Hougha) (*), по китайски Ху-эрл-ха-хэ, стремящейся отъ той же сѣвѣжной горы, только восточнѣе р. Сунгари, по направленію съ Юга на Сѣверъ, и орошающей патриархальное отечество нынѣшняго императорскаго дома; отсюда происходитъ и названіе самаго города Нингута, что значитъ 6 (**) патриарховъ-князей (22), какъ уже сказано было выше. Лѣсной округъ этой страны обитаетъ дикимъ маньчжурскимъ племенемъ Юй-п'и-да-цзы (Yu-pi-Ta-se) (***). Самый же городъ значителенъ только какъ рынокъ; нынѣшніе обитатели берега Хулхи (****) занимаются рыболовствомъ и употребляютъ собакъ для ѣзды, какъ и въ ближайшихъ сѣверныхъ странахъ Сибири.

Гиринь-ула, лежащій на С. отъ Бѣлой горы, на р. Сунгари, есть нынѣшній областной городъ, давшій политическое названіе

(21) Visdelou, Hist. d. l. Tartarie p. 124, въ Herbel. Bibl. orient, Suplem. fol. 1780.

(*) Въ текстѣ сказано Усури улъ, въ скобкахъ Хурха, но это смѣшеніе исправлено самимъ Риттеромъ въ погрѣшностяхъ, перечисленныхъ въ слѣдующемъ томѣ. — *Пр. Пер.*

(**) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано: семь. — *Пр. Пер.*

(22) Du Halde, T. IV. p. 7. 12 etc.

(***) Это есть общее китайское названіе тунгузскихъ поколѣвій, обитающихъ отъ Усури на В. — *Юй-п'и да-цзы*, значитъ: «рыбокожіе мнородцы». См. Ст. Опис. Кит. Имп. Т. II. ст. 12. — *Пр. Пер.*

(****) Въ текстѣ ошибочно: Усури. — *Пр. Пер.*

самой области и служить ссылочным мѣстомъ для китайскихъ государственныхъ чиновниковъ (*) и мѣстомъ поселенія для китайцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе далекаго распространенія маньчжурскаго народа, родина его опустѣла. Здѣсь, на с.-в. скло-нѣ сѣвѣжной цѣпи горъ, лежитъ отечество столь знаменитаго въ Китаѣ растенія жень-шень⁽²³⁾ (Ginseng, Orohota у Маньчжуровъ, что значитъ *царица растеній*). Оно имѣетъ, какъ кажется, весьма ограниченную площадь распространенія въ этомъ нагорьѣ, по-тому-что не произрастаетъ на болѣе тепломъ Югѣ, а на Сѣверѣ простирается не далѣе 48° с. ш.⁽²⁴⁾ Жень-шень упо ребляется какъ укрѣпляющее средство, и есть одно изъ самыхъ дѣйстви-тельныхъ лекарствъ; въ Пекинѣ оно продается по унціямъ за вѣсъ серебра, въ 7 разъ превышающій его собственный. Соби-раніе его составляетъ монополію императора, дающую ему зна-чительную часть его доходовъ (**). Жень-шень есть драгоцѣн-нѣйшее изъ произведеній этой нагорной страны и привлекаетъ сюда ежегодно много промышленниковъ. Этому обстоятельству географія обязана точными свѣдѣніями объ этой мѣстности. Императоръ К'анъ-хи (Канъ-си) предоставилъ въ 1709 году, впрочемъ съ большими для себя выгодами, право собиранія этого драгоцѣннаго растенія пограничному маньчжурскому гарнизону въ Ляо-дунъ (Liao-Tong) (***) въ числѣ 10,000 человекъ, кото-рые посему могли проходить съ совершенною безопасностью всю страну, наполненную дикими звѣрями (какъ напр. тиграми), ея горы и густые лѣса. Подъ покровительствомъ сего войска іезу-иты-миссіонеры получили возможность производить астрономи-

(*) Также какъ и Нингуга. — *Пр. Пер.*

(23) *Lettres du Père Jartoux sur le Ginseng, à 1771, въ Lettres édifiantes des missions étrangères Nouv. ed. Paris 1781. Т. XVIII. р. 127—143, съ рисункомъ*

(24) *Du-Halde, IV. 9.*

(**) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(***) Такъ называлась въ древности нынѣшняя пограничная съ Китаемъ область Фынъ-г'анъ-фу, составляющая восточную половину провинціи Шэнь-кинь; *Ляо-дунъ* значитъ *на Вост. отъ р. Ляо*. См. Ст. Опис. Кит. Имп. Т. III стр. 27. —

Пр. Пер.

ческія опредѣленія и съёмки для карты Маньчжуріи и проникнуть отъ Мукдэня, поперегъ Корейскаго полуострова, до устья Тумань-ула, а оттуда обратно къ Нингутѣ. У Китайцевъ существуетъ о жень-шени не менѣе чудесныхъ разсказовъ, какъ у древнихъ о *Silphium*, произраставшемъ въ кипренейскихъ горныхъ пролѣскахъ; у Тибетцевъ о *Piangos*, растущемъ на плоскогоріи Ладака, у Савойцевъ и горцевъ Гельвеціи и Тироля о Тетрастѣ (*Laserpitium*), Генипи (*Achillea*). Небольшая пачка жень-шени была самымъ драгоценнымъ подаркомъ изъ посланныхъ императору Юнъ-Чжинъ (*Yong-Tching*) 1725 г. папѣ Беведикту XIII, вслѣдствіе его посольства ⁽²⁵⁾.

Мукдэнь ⁽²⁶⁾, Шэнь-кинъ у Китайцевъ, нынѣ Фынъ-т'янь-фу (*Fong-Thian-Fu*), сдѣлался только съ 1625 г. резиденціею маньчжурскихъ князей, въ то время когда они начали свои завоеванія и появились грозными соперниками власти дома Минъ (*Ming*), на сѣверной границѣ Китая. Впослѣдствіи городъ пересталъ быть резиденціею, но остался главнымъ городомъ прежней области Ляо-дунъ и вторымъ городомъ во всей восточной китайской Татаріи или Маньчжуріи. Императоры особенно покровительствуютъ этому городу, какъ прежней резиденціи ихъ предковъ; онъ имѣетъ дворцы, высшія присутственныя мѣста, и чиновниковъ, исключительно изъ маньчжурскаго племени. За городскими воротами расположены императорскія гробницы нынѣ царствующаго дома, надъ которыми отправляютъ торжественное служеніе по усопшимъ. Къ обрядамъ поминовенія относится и обычай, что каждый новый государь торжественно опускаетъ въ могилу своего предшественника лѣтопись его царствованія, составленную отъ правительства и запечатанную государственною печатью; эта священная обязанность

(25) Mailla, *Hist. gén. de la Chine*, T. XI. p. 431 not.

(26) Klaproth, *Mém. relat. à l'Asie* T. I. p. 441. Du-Halde, IV. p. 4, 92. *Groster Description générale de la Chine*. Paris 1818. T. I. p. 242.

была исполнена нынѣшнимъ императоромъ (*) уже въ 1824 г., т. е. 4 года послѣ смерти его предшественника (**).

На Ю.-В. отъ Мукдэни и при южной подошвѣ Чанъ-бошани, который составляетъ здѣсь пограничный хребетъ со стороны Кореи, лежитъ, на границѣ этой страны, торговый городъ *Фынъ-Хуанъ* (Fon-Hoan) — единственное мѣсто, назначенное правительствомъ (28) для складки товаровъ и проѣзда путешественниковъ сухимъ путемъ въ Корею; городъ находится у деревяннаго частокола, служащаго слабымъ продолженіемъ Китайской стѣны, и мало способствующаго къ защитѣ этого укрѣпленнаго самую природою нагорья. Черезъ Фынъ-Хуанъ, служащій единственными воротами для входа въ Корею, провозятъ посольства, дань и большое количество тюковъ корейской хлопчатой бумаги и бумаги изъ Дафне, которыя составляютъ главные предметы вывоза изъ Кореи (*). Далѣе, на Ю.-З. отъ Мукдэни, надъ берегомъ Желтаго моря, при крѣпости Шанъ-хай (Shan-Hai, т. е. крѣпость горы и моря, Шанъ-хай-гуанъ) (*), въ томъ мѣстѣ гдѣ Китайская стѣна оканчивается со стороны моря, тянется, по видимому вдоль самаго моря (29), восточная окраина нагорной Азіи, склоняясь непосредственно въ его бездну. — Очевидцевъ этихъ береговъ мы не знаемъ, потому-что даже ни одинъ изъ англійскихъ мореплавателей не смѣлъ здѣсь приблизиться къ китайскому берегу. Единственными о немъ новѣйшими свѣдѣніями обязаны мы посольству лорда Амгерста въ 1817 году. Корабль Альцеста обогнулъ западные берега залива Ляо-дуна невиданные ни однимъ европейцемъ и нашелъ ихъ все болѣе и болѣе гористыми, по направленію къ С. При станціи 14 авгу-

(*) Дао гуанемъ (Tao-Kouang), умершимъ въ 1851 году. Ему наследовалъ старшій 19-лѣтній сынъ его Хянъ-фунь (Hien-Foung). — *Пр. Пер.*

(27) Peking Gazette, 4 Mars. 1824. Transact. of the Roy. Soc. of Great-Britain and Ireland. 1827. Vol. I. p. 387.

(28) Du-Halde, IV. p. 4.

(*) См. дополненіе къ § 11. — *Пр. Пер.*

(**) Въ древности Юй-гуанъ, — *Пр. Пер.*

(29) Verbiest у Du-Halde, IV. 91.

ста, подъ $39^{\circ} 29'$ сѣв. шир. и $120^{\circ} 6'$ вост. долг. отъ Гринвича, показалаcя великая стѣна, на разстояніи 7 морскихъ миль въ направленіи къ С.-В. Она возвышается надъ тремя или четырьмя рядами горъ, расположена на Зап. въ горномъ углу, и исчезаетъ изъ виду только на самыхъ высокихъ вершинахъ. За стѣною выдается въ море мысъ, который можетъ быть сравненъ съ мысомъ Сици (Sicie) къ С. З. отъ Тулона ⁽³⁰⁾. Болѣе мы ничего не знаемъ объ этихъ мѣстностяхъ (*).

Въ какой степени Чанъ-бо-шанъ развѣтвляется на Югъ, по Корейскому полуострову ⁽⁸¹⁾, о томъ не сообщаетъ намъ ничего опредѣленнаго ни одинъ наблюдатель, хотя мы знаемъ, что здѣсь преобладаютъ дикія лѣсистыя горы. — Иезуитскіе миссіонеры проѣзжали въ 1709 году эту горную страну, вдоль сѣверной границы Кореи; ихъ картографическая съемка простирается только до этого пункта; вся же страна, лежащая на Ю. отъ Корейской границы, нанесена съ корейскихъ картъ, но никогда не была обозрѣваема европейцами. *Последній базисъ* для съемки этой страны былъ измѣренъ иезуитами въ равнинѣ, лежащей при впаденіи Тумань-улы въ Восточный океанъ и здѣсь сдѣланы опредѣленія широты. До самой этой береговой рѣки, по Восточному океану, простирается съ Ю. къ С., вдоль берега, по уступамъ горъ, самая тщательная обработка почвы, которую столь прославились Корейцы и сосѣди ихъ Японцы. Только до сихъ поръ простираются пріятныя горныя ландшафты, а къ С. отъ 45° с. ш. восточный склонъ нагорной Азіи начинаетъ принимать негостепримный видъ, какъ сказано выше. Упомянутая крѣпость Шанъ-хай служитъ пограничнымъ сторожевымъ пунктомъ между моремъ и быстро поднимающимся высокимъ сѣвернымъ горнымъ хребтомъ, на плоскихъ вершинахъ котораго уже монгольскіе завоеватели производили свои большія охо-

(30) J. M. Leod. Voyage of the Alcest. Lond. sec. ed. 1818. ch. II. p. 29. Ellis Journ. Lond. 1817. 4. ch. IX. p. 4. 69.

(* См. дополнение къ § 11. — *Пр. Пер.*

(31) Du-Halde, IV. p. 6. 9. 11. 13.

ты ⁽³²⁾. Восточный снать этихъ горъ покрытъ вездѣ вѣковыми дубовыми лѣсами, въ которыхъ еще никогда не звучалъ топоръ. Первый пограничный китайскій городъ, къ Ю.-З. отъ этой естественной пограничной стѣны, между Великою стѣною и морскимъ заливомъ, есть Юнъ-п'ингъ (Yong-Phing), знаменитый въ мань-чжу—китайской военной исторіи (*). Здѣсь оставляемъ мы физическое описаніе древняго отечества племени Мань-чжу, объ историческомъ распространеніи котораго мы будемъ говорить ниже. Нація эта отчасти вправѣ гордиться своею родиною, потому-что изъ нея дѣйствительно вышли въ различныя времена самыя мужественныя племена, игравшія важнѣйшія роли въ исторіи нагорной Азіи, и нѣсколько разъ возникали великіе завоеватели и блистательныя государства, какъ наприм. Мохэ (Мохо), Ши-вэй (Shy-Hoei), Кидань (Khitan), Нюй-чжень (Yu-Tchi, Niu-Tchi) (**) въ прежнія, и Мань-чжу въ послѣднія столѣтія (см. ниже о народахъ нагорной Азіи).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 11.

1) *Отношеніе Маньчжуріи и рѣчной области Амура къ главному азіатскому нагорью.*

Почти меридіанный хребетъ Хингань, направленный съ С.-С.-В. къ Ю.-Ю.-З., отдѣляетъ плоскогоріе Гоби или Монголію отъ Маньчжуріи. Какимъ образомъ относится обширная

(32) Du-Halde, IV- 92, 97, М. Polo и др.

(*) Городъ извѣстенъ подъ этимъ названіемъ со временъ династіи Минъ. Ранѣе, во времена династій Суй и Танъ, онъ назывался П'ингъ-чжеу (P'ing-Tcheou), еще ранѣе Юй-бей-п'ингъ (Yu-Pe-P'ing). См. Ed. Biot, Dict. des Villes Chin. Paris 1842. 8. p. 297.

(**) Объ этихъ народахъ см. ниже дополненіе къ § 17. — *Пр. Пер.*

площадь этой страны, лежащая между Хинганскимъ хребтомъ и Восточнымъ океаномъ, къ главному азиатскому нагорью, составляетъ ли она непосредственное его продолженіе, выполнена ли она плоскогоріями или горными массивами? Вотъ интересные орографическіе вопросы, на которые должно прежде всего отвѣтить, при обзорѣ восточной окраины нагорной Азіи. Риттеръ почиталъ Маньчжурію за сплошное продолженіе азиатскаго нагорья, за нисшую, но нагорную еще его террасу, къ нему прислоненную и круто падающую въ глубины Восточнаго океана. Но въ то время когда писалъ Риттеръ объ этой части Азіи, средняя высота степи Гоби полагалась еще въ 8000 фут., а съ тѣхъ поръ барометрическая нивелировка Фусса и Бунге⁽¹⁾, по кяхтинской дорогѣ, показала, что высота эта не превосходитъ 4000 ф. Последующія наблюденія вообще заставляютъ насъ въ нѣкоторой степени измѣнить мнѣніе объ орографіи этой отдаленной восточной оконечности Азіи. Прежде всего замѣтимъ что уровень Шилки при Нерчинскѣ, еще по измѣреніямъ Гмелина⁽²⁾, не превосходитъ 1730 ф. надъ ур. моря. Послѣ соединенія Шилки и Аргуни, за Усть-стрѣлочнымъ карауломъ, Амуръ пробивается черезъ Хинганскій хребетъ, какъ это слѣдуетъ изъ журналовъ амурской экспедиціи⁽³⁾, и послѣ этого прорыва, течетъ свободно у подошвы хребта Илхури-алинь, а далѣе и въ широкой полосѣ равнины, пробиваясь, послѣ впаденія Цзинкири и Ниомани, черезъ другой хребетъ—Доуссэ-алинь. Слѣдовательно, уже послѣ перваго прорыва, высота уровня Амура вѣроятно не можетъ превосходить 1000 фут., а такъ какъ ложе его не врѣзано глубоко въ массивъ окрестной страны, то и вся окрестная Маньчжурія, не представляя высокой терра-

(1) См. Fuss, Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in 1830 — 32. nach Sibirien und dem Chinesischen Reiche. Mém. de l'Acad. de St-Petersb. VI. ser. T. III. liv. 1. 1835.

(2) Gmelin, Flora sibirica T. I. p. LX.

(3) Журналы эти будутъ напечатаны въ Запискахъ Сибирскаго отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ. См. также мою статью о физико-географическихъ отношеніяхъ рѣчной области Амура, въ VI кн. Геогр. Вѣст. за 1835 г.

сы или плоскогорія, не можетъ быть отнесена непосредственно къ азіатскому нагорью. Страна же, лежащая по Амуру ниже втораго прорыва его черезъ Доусса-алинь (начиная отъ слиянія его съ Сунгаря), составляетъ уже вѣроятно площадь, даже довольно мало возвышенную надъ морскимъ уровнемъ. Однакоже вся южная Маньчжурія, также какъ и часть сѣверной, выполнены значительными горными массивами и представляетъ альпійскую страну средняго разряда, только горы ея относятся къ главному нагорію, какъ вѣтви, гласисы или, говоря языкомъ Риттера, какъ расчлененія къ туловищу (въ вертикальномъ отношеніи).

Вѣтвями главнаго нагорія являются хребты—*Илхури-алинь* и *Чань-бо-шань*. Первый изъ нахъ сопровождаетъ теченіе Амура, на правомъ берегу его, отъ развалинъ Албазина до Сахалянъ-ула-хотоня и далѣе. Направленіе его, какъ кажется, перпендикулярно къ оси даурскаго массива, т. е. направленію Нерчинскаго и Яблоноваго хребта и многочисленныхъ продольныхъ долинъ его, принадлежащихъ къ верховьямъ рѣчныхъ системъ: Амура, Селенги и Лены. Второй, между поворотомъ Шарамурани и истоками Усури и Тумани, представляетъ высокую альпійскую страну, которой ось, какъ кажется, паралельна съ даурскимъ массивомъ. Какъ Становой и Яблоновой хребты является на оконечности алтайско-саянской системы, составляющей сѣверную окраину восточно-азіатскаго нагорья, такъ Чань-бо-шань является на оконечности Инь-Шаня, составляющаго южную окраину Гоби къ китайской низменности.

Гласисомъ главнаго азіатскаго нагорья является паралельный съ хребтомъ его окраины Хинганомъ, береговой хребетъ *Сихэтэ-алинь* (*Sihota-Alin*) (4), котораго крутые береговые скаты съ моря видѣли Броутонъ и Лаперузь, возвышающимися

(4) Sib hih-tih въ Williams the middle Empire. См. Williams Reich der Mitte, übers. v. Collmann. Cassel. 8. 1832. I-te Abth. p. 142.

надъ уровнемъ моря на 3000—4000 ф. ⁽⁵⁾. Въ сѣверной части своей, гдѣ оны принуждаютъ Амуръ къ крутому повороту на С. отъ озера Кизи и гдѣ его видѣла амурская экспедиція, хребетъ этотъ, какъ кажется, также не превосходитъ 5000 ф., потому-что въ юнѣ вершины его, выходящія впрочемъ уже изъ вертикальной зоны хвойныхъ лѣсовъ, не были покрыты снѣгомъ. Тоже направленіе имѣетъ, какъ кажется, и промежуточный между береговымъ и хинганскимъ хребтомъ, *Доуссэ-алинь*, прорываемый Амуромъ. Замѣтимъ, что довольно неопредѣленное названіе Хинганъ переносится на многіе хребты, въ томъ числѣ и на Доуссэ-алинь, но мы, по примѣру Гумбольдта, для предупрежденія всякаго недоразумѣнія, будемъ подъ именемъ Хинганя разумѣть только исключительно хребетъ окраины восточной нагорной Азіи, отдѣляющій Монголію отъ Маньчжуріи и имѣющій сказанное, почти меридіанное направленіе. Тоже нормальное направленіе имѣютъ вѣроятно и менѣе длинныя кражи, расположенныя между Хурхою и Сунгари, Сунгари и Ляо-хэ и въ оси изгиба Ляо-хэ.

Замѣчательно что впереди гласиса берегового и Сихэтэ-алиня тянется самый передовой и параллельный съ этимъ направлениемъ гласисъ — Камчато-курильскаго вулканическаго хребта. Азіатское нагорье спускается слѣдовательно въ неизмѣримыя глубины Тихаго океана, къ водному полушарію земнаго шара, тремя обширными уступами, огражденными, подобно террасамъ домовъ, параллельными между собою каменными оградами. Высшій изъ этихъ уступовъ, принадлежащій еще къ главному азіатскому нагорью, есть плоскогоріе Гоби въ 4000 ф. ср. выс. огороженное Хинганскимъ хребтомъ, который имѣетъ можетъ быть отъ 5000 до 6000 ф. ср. выс. ⁽⁶⁾ Второй есть рѣчная

(5) Хребетъ Сихэтэ-алинь, какъ кажется, нигдѣ не превосходитъ высоты 4500 фут. См. Williams Reich d. Mitte übers. v. Collmann. I-te Abth. p. 143.

(6) Полагая измѣреніе высоты горнаго прохода Яло, давнее Іезуитовъ 7000 фут. очень преувеличеннымъ. Стараюсь схватить общія черты пластики этой части Азіи, но не имѣю прилаганія выносаемыхъ несовершенныхъ истинны. Пусть послѣдующія изслѣдованія опровергнутъ если возможно эти общія замѣ-

область Амура или Маньчжурія, вѣроятно не имѣющая болѣе 1000 — 1500 ф. сред. выс. и огороженная береговымъ хребтомъ Сихэтэ-Алинь, можетъ быть въ 3000 ф. ср. выс. Третій есть дно Охото-Японскаго моря, огороженный Курильскою цѣпью, которой поперечные горные проходы или сѣдла заняты морскими проливами. Со dna этого послѣдняго уступа поднимаются горные массивы, представляющіе острова Таракай и Іезо. Если мы вообразимъ себѣ уровень океана поднявшимся на 1000—1500 ф., то и рѣчная область Амура превратится вѣроятно въ море, подобное охото-японскому, отдѣленное отъ Океана островнымъ рядомъ вершинъ хребта Сихэтэ-Алинь; горные же массивы Маньчжуріи обратятся въ рядъ острововъ, подобный Японскому, въ которомъ роль Таракай приблизительно будетъ играть Доуссэ-алинь, Нипона-Чанъ-бо-шанъ а Кіузіу — Корея. Аналогія эта увеличивается важнымъ фактомъ, замѣченнымъ Амурскою экспедиціею (7), именно существованіемъ хотя потухшихъ вулкановъ въ береговомъ хребтѣ Сихэтэ-Алинь.

Паралелизмъ Хинганя, Доуссэ и Сихэтэ-Алинь и Камчатско-Курильскаго хребтовъ принадлежитъ, какъ кажется, характеристикѣ пластическаго строенія восточной азіатской окраины, но геологическій характеръ хребтовъ этихъ различенъ. Между тѣмъ какъ въ двухъ первыхъ поднятіе произведено вообще болѣе древними плутоическими породами — гранитами и сіенитами, въ двухъ послѣднихъ преобладаютъ вообще болѣе новыя — порфиры и базальтическія лавы. Потому интересно было бы рѣшеніе теоретическаго вопроса: одновременно ли подняты эти четыре хребта, и оправдывается ли здѣсь теорія Ели де-Бомона, о томъ что паралелизмъ горныхъ хребтовъ есть дока-

ченія, основанныя на недостаточныхъ еще фактахъ и замѣнять ихъ другими. Общія же заключенія именно потому и необходимы, на всякой ступени знанія, что они болѣе всего возбуждаютъ споры и контестаціи, болѣе всего заставляютъ приискивать факты для подтвержденія или опроверженія высказанныхъ мнѣній.

(7) См. ниже журналы Пермикина, и Аносова въ дополненіи къ рѣчной области Амура.

зательство одновременности ихъ поднятія. или она терпѣть здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, исключеніе. Присутствіе въ береговомъ хребтѣ мѣлко-зернистаго гранита, найденнаго экспедиціею на Амурѣ, въ скалѣ монгольскихъ памятниковъ, также какъ и распространеніе его въ Камчаткѣ⁽⁸⁾, позволяетъ намъ сдѣлать предположеніе, соединяющее всѣ четыре параллельныхъ хребта въ одну систему поднятія. Очень вѣроятно, что на параллельныхъ трещинахъ Хинганя, Доусса-Алиня, Сихэтэ и Камчато-Курильскаго ряда, поднятіе совершилось въ очень отдаленную геологическую эпоху, вѣроятно непосредственно послѣдовавшую образованію палеозоическихъ формаций, столь распространенныхъ по теченію Амура, одновременно, съ силою уменьшающеюся изнутри континента кнаружи. Поднятія цѣпи должны были слѣдовательно быть одна ниже другой, отъ Хинганьской до Курильской, которая могла даже едва достигать морскаго уровня, но Хингань и Доусса-Алинь, сдѣлавшись континентальными, остались при своемъ первобытномъ поднятіи, а въ Сихэтэскомъ и Курильскомъ хребтахъ, постоянно-происходящее соприкосновеніе просачивающейся океанической воды, съ огненнымъ жаромъ наполняющихъ трещины поднятія расплавленныхъ массъ, развили вулканическія силы и явленія, много разъ обновившія первобытное поднятіе и продолжившія его до историческихъ временъ⁽⁹⁾.

2) *Общій обзоръ южной Маньчжуріи.*

Маньчжурія, въ административномъ отношеніи, раздѣляется на три провинціи или воеводства: 1) *Хэй-лунъ-Кянь* (He-long-

(8) Гранитъ также составляетъ основу поднятія и весь гребень Камчатскаго хребта, какъ это слѣдуетъ изъ новѣйшихъ, еще не напечатанныхъ наблюденій Дитмара и его геогностической карты Камчатки. Вулканическія же явленія, къ изумленію, *несомнѣнно* встрѣчаются и въ Маньчжуріи далеко отъ моря, гдѣ въ 25 верс. къ С. В. отъ города Мергэня, слѣдуетъ вѣроятно въ отрогахъ хребта Илхури-Алинь, въ 1721. происходило сильное изверженіе. о которомъ проф. Васильевъ нашелъ у Китайцевъ два отчета. Объ этомъ интересномъ вулканѣ мы будемъ имѣть случай говорить ниже. См. Васильева о существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи Вѣстн. Имп. Рус. Геогр. Общ. за 1855 г. Кн. V. Слѣсь стр. 31.

Kiang) или Ципикарь на С. З. 2) *Гиринь* (Kirin) на В. и въ среднѣ. 3) *Шанъ-Кинъ* (Ship-King), въ древности Ляо-дунь (Liao-Tong) и Ляо-Си (Liao-Si), иначе Гуань-Дунь (Коан-Tong) на Югѣ.

Вся сѣверная половина Маньчжурія, особливо заамурскія земли, относятся къ странѣ уступовъ (Stufenland) Амура, и будутъ разсмотрѣна нами въ большой подробности при обзорѣ рѣчной области Амура, а сюда мы относимъ только Маньчжурію въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. страну властвующей въ Китаѣ династіи, лежащую на Ю. отъ изгиба Амура и заключающую въ себѣ всю провинцію Шанъ-кинъ и большую часть Гирини.

Орографія этой страны мало извѣстна, о геогностическомъ ея составѣ мы неимѣемъ никакихъ данныхъ. Вся она однакоже представляетъ, какъ кажется, горную страну средняго разряда, съ глубокими рѣчными долинами и прибрежною низменностью низовьевъ рѣки Ляо (Шара-Мурэни), простирающихся отъ холмовъ Мукдэня до берега Ляо-Дуньскаго залива.

Самый высокій горный массивъ ея, представляющій уже высокую альпійскую страну, достигающую какъ кажется до сѣвѣжной линіи, есть Чанъ-бо-шань, уже разсмотрѣнный Риттеромъ, на основаніи имѣвшихся до 1831 года источниковъ; о направленіи его, параллельномъ съ направленіемъ Даурскаго массива, мы говорили выше. На древнемъ китайскомъ языкѣ, по свидѣтельству О. Іакинѣа⁽⁹⁾, назывался онъ Бай-шань, Бу-хянъ-шань, и Т'ай-бо-шань; Шаньянь-Алинь есть его Маньчжурское его названіе. Длина его, между изгибами Шара Мурэни (Ляо-хэ), Тумэни-улы (Ми-кяна) 500 верстъ (1000 ли), хотя Чанъ-бо-шань и составляетъ восточную оконечность Инъ-шаня едва ли онъ соединенъ съ нимъ непрерывнымъ гребнемъ. Перерывъ, или по крайней мѣрѣ пониженіе, вѣроятно существуетъ между рѣками Да-линь-хэ (Talin ho) и Ляо-хэ (Шара-Мурэню) потому-что новѣйшіе миссіонеры⁽¹⁰⁾, ѣхавшіе въ Мукдэнь отъ

(9) О. Іакинѣъ, Стат. Опис. Китайской Имперіи С. П. Б. 8. 1842. Ч. II. ст. 3.

(10) Imbert lettre Ann. de la propag. de la foi T. XI. 1838, p. 357.

Великой стѣны изъ береговой крѣпости Шань-хай-Гуань (Shan-Kouan, Kam-kai), не показываютъ горъ на своемъ пути, а говорятъ только, что равнина становится болѣе разнообразною и нѣсколько повышается къ Мукдэню, выстроенному на холмистой поверхности. Однакоже въ этомъ промежуткѣ существуютъ нѣкоторые отдѣльные горы и кряжи, продолжающіе можетъ быть направленіе Инь-шаня, подобно тому какъ продолжается въ Киргизскихъ степяхъ, отдѣльными небольшими кряжами, западная оконечность Алтая ⁽¹¹⁾. Самая замѣчательная изъ такихъ горъ есть упоминаемая въ Китайской Государственной географіи и включенная еще за 2200 л. до Р. Х. китайскимъ правительствомъ въ число боготворимыхъ горъ—Ивулюй (Iwoo-liu-Shan на картѣ Клапрота). Она расположена недалеко отъ города Гуань-пингъ-хяна (Kouan-ping-hien) и деревенной палисады Шань-кина, имѣетъ 10 ли (5 верстъ) подъема и 240 ли окружности, т. е. представляетъ горный кряжъ.

Два направленія преобладаютъ, какъ кажется, въ меньшихъ кряжахъ южной Маньчжуріи: одно параллельное съ Чань-бошанемъ, другое съ Хинганемъ и Си-хэ-тэ-алинемъ. Второе выражается въ *Нару-Воузи* ⁽¹³⁾, боковомъ отрогѣ бѣлыхъ горъ, направляющемся къ Ю.-Ю. З. между Ялу-кяномъ (зеленою рѣкою) и притокомъ его Дунь-кя-кяномъ—(Tongkiakiam карт. Бергх.). Тоже направленіе (къ Ю.-Ю.-З.) имѣетъ *Фынъ-шуй-лингъ* (Fen-shoui-ling), простирающійся водораздѣломъ между притоками Шара Мурэни и Сунгари, вдоль оси, соединяющей города Фынъ-хуанъ и Гиринь-ула. Къ этому хребту принадлежитъ вѣроятно, упоминаемая Государственною Географіею ⁽¹⁴⁾ и лежащая въ 9 ли (3½ вер.) на Ю.-З. отъ Гириня, Вань-цзи-Бо-шань—жертвенная гора, на которой, съ 1733, выстроенъ храмъ для принесенія жертвъ Духу большихъ бѣлыхъ

(11) Humboldt, Asie Centrale 1843. 8. Т. II. р. 121.

(12) О. Іакинча, Ст. Опис. Кит. Имп. С. II. Б. 1842. 8. II. ст. 3.

(13) О. Іакинча, Стат. Опис. Кит. Имп. С. II. Б. 1842. 8. Ч. II. ст. 2.

(14) О. Іакинча, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 3, 4.

горь. Вѣроятно водораздѣлъ между Хурхою и притоками Сунгари имѣеть тоже направленіе. Во всякомъ случаѣ по дорогѣ между Нингутою и Гириною путешественники переходять черезъ значительный горный массивъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ новѣйшіе миссіонеры ⁽¹⁵⁾ и китайскія реляціи (см. ниже). Къ этому массиву относятся двѣ значительныя горы, упоминаемая китайскою Географіею: 1) *Де-минь-ши* (т. е. камень Делинь), въ 90 ли къ З. отъ Нингуты, гора поросшая ильмами и березами и содержащая въ себѣ множество большихъ и малыхъ сталактитовыхъ (?) пещеръ, характеризуемыхъ отсутствіемъ комаровъ и прохладою, привлекающими сюда цѣлыя стада оленей; 2) *Шы-теу-длинъ-цзы*, (т. е. каменное болото), получивше свое названіе отъ того что въ ней находится подземное озеро, (можетъ быть подобное Циркницкому). Изъ трещинъ камней, облегающихъ озеро, повѣтствуетъ Китайская Географія ⁽¹⁶⁾, выскакиваетъ рыба, а проходящіе по нимъ слышать какъ бы гулъ подземной пустоты. Объ этой то горѣ конечно упоминаетъ китаецъ У-ченъ (см. ниже), переходившій черезъ нее на пути изъ Нингуты въ Гиринь.

Первое направленіе, т. е. параллельное съ Чанъ-бо-шанемъ, проявляется напр. въ крутомъ прибрежьи на В.-С.-В. отъ устья рѣки Тумэни. Также направленіе имѣеть можетъ быть и Кентей-Алинь, значительный горный массивъ, простирающійся между Усури и Хурхою и принуждающій путешественниковъ, по свидѣлству Де-ла Брюньера ⁽¹⁷⁾, къ значительнымъ обходамъ. О подобномъ же направленіи и другихъ горныхъ краяхъ далѣ къ С. можно судить по направленію долинъ нижней Сунгари Хунь-тунъ-кяна) и самаго Амура, начиная отъ соединенія его съ Сунгари.

Всѣ горы собственной Маньчжуріи покрыты дѣвственными,

(15) Lettre du diacre coréen Kimai-Kim. въ Ann. de la propag. de la foi T. XVIII. 1846. p. 286.

(16) О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 4.

(17) De la Bruinière Ann. de la propag. de la foi T. XX. 1848. p. 208

дремучими, непроходимыми лѣсами, и только побережье Шэнь-Кина представляет обнаженные отъ лѣсной растительности холмы. Въ Маньчжуріи лѣсистыя горныя пространства известны подъ именемъ *Воцзи* ⁽¹⁸⁾. Воцзи эти представляютъ на огромныхъ протяженіяхъ непреодолимую преграду для сообщеній собственной Маньчжуріи, какъ съ побережьемъ японскаго моря, такъ и съ Кореею.

Лѣса Маньчжуріи хвойные и лиственные. Древесная растительность ихъ состоитъ изъ березъ, ильмовъ, вязовъ, сибирскихъ кедровъ, елей, кипарисовъ, изъ робиній, дикихъ абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, въ особенности же разныхъ дубовъ, особенно характеристическихъ для Маньчжуріи, потому что эта древесная порода не встрѣчается ни въ Монголіи, ни въ Сибири до рѣчной области Амура. Лѣса Маньчжуріи наполнены дикими животными: тиграми, ярбизами (*Felis pardus*), корсаками (*Canis corsac*), песцами (*Canis lagopus*), медвѣдями, соболями, куницами, горностаями, огневками (*Canis alpinus*), чернубурыми лисицами (*Canis melanotus*), оленями (*Cervus tarandus*), лосями (*Cervus alces*), сайгами (*Moschus moschiferus*), бѣлками и зайцами ⁽¹⁹⁾. Лѣса принадлежатъ императору и никто, подъ страхомъ смертной казни, не имѣетъ права охотиться въ нихъ. Время императорскихъ охотъ продолжается отъ 2 ноября до 5 декабря. Провинція Шэнь-кинъ доставляетъ императору ежегодно 1200 оленей, а Гиринь—600 ⁽²⁰⁾. Надъ лѣсистыми вершинами въ воздухѣ плаваетъ кондоръ (вѣроятно *Vultur barbatus*) ⁽²¹⁾; по рассказамъ туземцевъ онъ уноситъ телятъ, небольшихъ ословъ, нападаетъ даже и на людей. Въ Маньчжуріи распространены также орлы (*Aquila nobilis*) и фазаны (*Phasianus pictus*) въ несмѣтномъ количествѣ. Нигдѣ можетъ быть рѣчки въ такой сте-

(18) О. Іакшиевъ, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 4.

(19) Verolles lettre Ann. de la propag. de la foi T. XVI. 1844. p. 40; Palmer Mém. p. 80; О. Іакшиевъ, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 10.

(20) Verolles lettre Ann. de la propag. de la foi T. XVI. 1844. p. 140, 141.

(21) Pallas, Zoographia rosso-asiatica Petrop. 1811. 4. T. I. p. 272.

пени необильны рыбою, какъ въ Маньчжуріи; рѣчной жемчугъ⁽²²⁾, высокаго качества, съ древнѣйшихъ временъ былъ однимъ изъ самыхъ характеристическихъ произведеній Маньчжуріи. Ловля его составляетъ одну изъ монополій императора. Знаменитый жень-шэнь (Ginseng) произрастаетъ только исключительно въ дикихъ горахъ Маньчжуріи.

Климатъ въ провинціи Шанъ-кинъ сырой и умѣренный, хотя не довольно теплый относительно ея широты. Миссіонерамъ, прибывшимъ съ Юга, изъ китайской низменности, этотъ климатъ показался даже чрезвычайно суровымъ. Вероль, пребывшій зиму 1842 — 43 года въ Шанъ-кинъ, подлѣ 40° сѣверной широты, слѣдовательно въ паралели Неаполя и Мадрита, говоритъ, что морозы доходили здѣсь до—26° Цельс., а земля промерзала до 3-хъ фут. ⁽²³⁾, между тѣмъ какъ далѣе къ С.-В., въ Гирини, гдѣ Вероль пребылъ зиму 1841 г., она промерзала до 7 ф., а морозы доходили до — 30° Ц. Замѣтимъ впрочемъ, что Гиринь уже находится посреди горной страны. Тотъ же самый миссіонеръ говоритъ, что южная Маньчжурія далеко не представляетъ райской страны, что земля иногда остается здѣсь замерзшею около 8 мѣсяцевъ (?), и что здѣсь нѣтъ ни весны, ни осени: за растополью немедленно слѣдуютъ удушливые жары, а сильные вѣтры, даже бури, дуютъ здѣсь почти постоянно, и неурожай очень часты. Во времена дождей и разливовъ, т. е. отъ Юля до конца Октября, путешествовать здѣсь почти совѣтъ невозможно, всѣ дороги превращаются въ грязныя болота, въ которыхъ лошади совершенно увязаютъ. Эти показанія кажутся нѣсколько преувеличенными и не удивительно, что миссіонерамъ, только что оставившимъ жаркія низменности Китая, климатъ Маньчжуріи показался суровымъ. По всѣмъ даннымъ можно заключить что климатъ этой страны, отрѣзанной отъ умѣряющихъ вліяній Восточнаго океана береговыми хребтами, имѣетъ большое сходство съ континентальнымъ

(22) Вѣроятно произведеніе *Unio margaritana* или другого рѣчнаго моллюска.

(23) Verolles Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 138 — 145.

климатомъ Астрахани. Такое заключеніе подтверждается и внимательнымъ рассмотрѣніемъ направленія мѣсячныхъ изотермовъ, изображенныхъ Проф. Дове⁽²⁴⁾ и показаніями миссіонеромъ о предосторожностяхъ, употребляемыхъ здѣсь для прикрытія отъ стужъ виноградной лозы, достигающей въ южной Маньчжуріи, какъ и въ Астраханской губерніи, своего сѣвернаго предѣла. Въ прибрежной полосѣ Ляо-дуна климатъ сырѣе и умѣреннѣе.

Южная Маньчжурія есть вообще страна плодородная, о чемъ можно уже заключить по роскошной травѣ, покрывающей ея степи и достигающей человѣческаго роста⁽²⁵⁾. Не смотря на то земледѣіе не дошло здѣсь до той степени, на которой оно находится въ собственномъ Китаѣ (срединномъ царствѣ): воздѣлываемой земли, по свидѣтельству Іакинѳа⁽²⁶⁾, было въ началѣ нынѣшняго вѣка около 229,000 цинъ, т. е. 1,150,000 рус. десятинъ, и хотя это количество увеличивается, по мѣрѣ увеличенія колонизаций изъ Китая, оно все еще чрезвычайно незначительно, относительно цѣлаго протяженія Маньчжуріи. Упадокъ земледѣлія произошелъ здѣсь оттого, что, со времени покоренія Китая Маньчжурами, страна ихъ опустѣла, прежде обитаемая земля заросла лѣсами, и на всѣмъ пространствѣ южной Гирини можно встрѣтить только военныя ставціи, т. е. небольшія деревни, заселенныя нѣсколькими Маньчжурскими семействами и разбросанныя на значительныхъ разстояніяхъ. Эти семейства содержатся по счетъ Императора и имъ запрещено обрывать землю; они находятся здѣсь только какъ бы для того чтобы показать, что страна занята, и воспрепятствовать переселенію на Югъ робкимъ племенамъ Сѣвера. За то колонисты изъ разныхъ провинцій Китая, въ особенности изъ *Шань-дуна* (Chan-tong), мало по малу занимаютъ страну, вступая на мѣста,

(24) См. Dove Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. Berl. 4. 1852.

(25) Kimai-kim Lettre, въ Ann. de la propag. de la foi. T. XVIII, 1846. p. 299.

(26) Іакинѳа Ст. оп. Кит. Имп. СПб. 1842. Ч. II, ст. 9.

оставленные племенемъ, уже начинающимъ забывать свой языкъ и терять свою національность⁽²⁷⁾; эти то колонисты, не смотря на запрещеніе правительства, вводятъ въ Маньчжурію Китайское земледѣліе.

Южная Маньчжурія производитъ особенную породу пшеницы (по китайски *май-се-ли*), сухопутный рисъ, т. е. не требующій ирригаціи, императорскій рисъ, просо, овесъ, гречиху, маисъ, овощи, левъ, пеньку, кунжутъ (*Sesamum orientale*), ревенъ, индиго, табакъ, лучший во всемъ Китаѣ, и мѣлокое или индѣйское просо (*Holcus Sorghum*), изъ котораго дѣлають превосходную водку⁽²⁸⁾, которой выдѣлка и употребленіе были извѣстны даже древнимъ Нью-чженьцамъ. Большая часть европейскихъ фруктовыхъ деревьевъ также произрастаетъ здѣсь. Въ южной Маньчжуріи разводится травянистая хлопчатая бумага (*Gossypium herbaceum*) съ большимъ успѣхомъ. Одинъ Му или 15 кв. фут. даютъ до 2000 франц. фунтовъ бумаги⁽²⁹⁾. Сѣмена, послѣ отдѣленія волоконъ бумаги, употребляются на дѣланіе масла, качествомъ сходнаго съ льнянымъ. Виноградная лоза произрастаетъ въ Ляо-дунѣ, даетъ очень крупный, хотя нѣсколько водянистый виноградъ и посредственное вино⁽³⁰⁾. Всѣ эти произведенія впрочемъ общи Маньчжуріи съ Китаемъ, но кромѣ ихъ она имѣетъ три, собственно ей принадлежащія. Китайская посливица говоритъ, что къ востоку отъ деревянной палисады существуютъ три сокровища (по кит. *Сан-пао*), именно жень-шэнь, соболь (по кит. *Тяо-чу*) и трава ула (*ула-пао*). Первые два сокровища цѣнятся чрезвычайно дорого (о жень-шэнь см. ниже), и

(27) Verolles Lettre. Ann. de la propag. de la foi. T. XVI. 1844. p. 144; Huc. et Gabet. Voy. en Tartarie. 1850. T. I. p. 161; Maistre Lettre. Ann. de la prop. de la foi T. XIX. 1847. p. 245.

(28) О произведеніяхъ Маньчжуріи см. De la Brunière Lettre Ann. de la pr. de la foi. T. XVI. p. 358; Huc. et. Gabet Voy. en Tartarie. 1850. Paris. T. I. p. 156; О. Казное Ст. оп. Кат. Имп. Сиб. 1842. Ч. II. ст. 9; Palmer. Memoir New Yorck. 1848. p. 33.

(29) Huc et Gabet. Voy. en Tartarie 1850. Paris. in 8. T. I. p. 156.

(30) De la Brunière Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 357.

доступны только для самых бо атыхъ людей, послѣднее особенно важно и доступно для бѣдныхъ. Подъ именемъ ула разумѣтся родъ обуви, сдѣланной изъ воловьей кожи, въ которую обыкновенно кладутъ нѣкоторое количество травы, растущей только въ Маньчжуріи и извѣстной подъ названіемъ Ула-цао, которая сообщаетъ ногамъ необыкновенно пріятную теплоту, даже въ самые сильные стужи. Эта трава очень обыкновенна въ южной Маньчжуріи и продается очень дешево⁽³¹⁾.

Пчеловодство, съ выпѣшиваго столѣтія, очень распространено на лѣсистыхъ холмахъ южной Маньчжуріи, а шелководство также идетъ успѣшно въ Ляо-дунѣ, гдѣ шелковые черви находятся даже въ дикомъ состояніи. Замѣчательно однакоже что шелковичное дерево не растетъ здѣсь, а шелковые черви живутъ на особой породѣ дуба, и по отдѣленіи шелковыхъ коконовъ употребляются въ пищу⁽³²⁾.

3) *Топографическій обзоръ провинціи Шэнь-кинъ (Ляо-дуна).*

Южная провинція Маньчжуріи — *Шэнь-кинъ*⁽³³⁾ (Chin-yang Chen-yan или Chin-king, что значитъ могущественная столица), въ древности *Ляо-дунъ* (Leao-toung т. е. на В. отъ Ляо) и *Ляо-си* (т. е. на З. отъ Ляо), раздѣляется на 2 области: *Фынъ-т'янь-фу* Fung-teen-fu у англ.) или *Мукдэнъ* и *Кинь-чжеу-фу* (King-tchou-fu у англ.)⁽³⁴⁾.

Западная губернія *Кинь-чжеу-фу*, въ древности *Ляо-си* (Leao-si), промѣ главнаго города того же имени (Цзинь-чжеу по сѣв. пр.)⁽³⁵⁾,

(31) См. Huc et Gabet Voyag. en Tartarie. 1830. T. I. p. 180

(32) Bruguere Lettre. T. XVI. 1844. p. 357. Combelles Lettre Id. T. XXII. 1847. p. 51 — 53.

(33) Изъ трехъ провинцій Маньчжуріи топографическо-статистическій обзоръ двухъ сѣверныхъ т. е. Хэйлунь-Кана и Гириня представлена Риттеромъ при разсмотрѣніи рѣчной области Амура, а о южной не сказано ни слова, почему мы и считаемъ необходимымъ этотъ обзоръ.

(34) Ed. Biot Dict. des villes Chinoises. Paris. 1842. in 8. p. 79.

(35) Ed. Biot Dict. p. 148.

лежащаго въ 490 ли на Ю.-З. отъ Мукдэни, на рѣкѣ Сяо-да-ливъ, въ прибрежной полосѣ, заключаетъ въ себѣ еще слѣдующіе города:

1) *Нинь-юань-чжеу* (Ning-yuan на картахъ Клапрота, Гримма, Бергхауза Ning-youen-tch'ing у Био) ⁽⁴⁶⁾, основанный въ IV вѣкѣ, династ. Минь.

2) *И-чжеу*, основанный Киданьцами въ X вѣкѣ (J на карт. Клапр., Y-tcheou у Био ⁽³⁷⁾ и на картѣ Бергхауза).

3) *Гуань-нинь-хянь* (Kouang-ning у Ед. Био, Kouan-ning на картѣ Клапрота, Quan-ning, у Бергхауза), основанный Китайцами еще какъ кажется до Рожд. Хр. ⁽³⁸⁾.

Восточная губернія *Фынь-т'янь-фу*, заключаетъ въ себѣ 10 городовъ: а) *Мукдэнь* или *Фынь-т'янь-фу*, (Ching-king ou Foung-Thian-fou по Ед. Био) ⁽³⁹⁾, подлѣ 41° 50' 30" с. ш. и 121° 17' 20" в. д. отъ П., столица Маньчжуріи и вторая всей Китайской Имперіи, съ обширными садами, дворцами и трибуналами, выстроенными на манеръ Пекинскихъ, большой и красивый городъ, расположенный на холмѣ, посреди обширной и прекрасной равнины, окруженъ толстыми и высокими стѣнами. Улицы его широки и правильны, менѣе грязны и менѣе шумны, чѣмъ улицы Пекина. Въ Мукдэнь находится цѣлый кварталъ, обитаемый князьями съ желтымъ поясомъ, т. е. принадлежащими къ Императорской фамиліи и состоящими въ вѣдѣніи особаго Мандарина. Мукдэнь содержитъ нѣсколько арсеналовъ, 4000 человекъ гарнизона, и знаменитую ученую академію, основанную въ 1680 г. По рассказамъ китайцевъ Мукдэнь имѣетъ 1000000 жителей, но миссіонеръ Вероль предполагаетъ что это число не превосходить 200000. Разстояніе Мукдэня отъ Пекина 1460 ли (700 верстъ) ⁽⁴⁰⁾.

(36) Ed. Biot Dict. p. 273. О. Іакинѣа Ст. оп. Ч. II. ст. 273.

(37) Ed. Biot Dict. p. 88. О. Іакинѣа Ст. оп. Ч. II. ст. 271.

(38) Ed. Biot Dict. p. 12.

(39) О. Іакинѣа Ст. оп. Кит. Ими. СПб. 1842. Ч. II. ст. 27.

(40) Ed. Biot Dict. des villes chinoises. Paris. 8. 1842. p. 102.

Остальные города области:

b) *Ляо-янь-чжеу* (Liao-yaung-tch'ing у Био и Клапр., Lao-yaung у д'Анв., Loo-yam у Бергх.) ⁽⁴¹⁾, на р. Да-цзя-бира (Tatsa, Taza), притокъ Мануха, на которой построенъ Гиринь, въ томъ же меридианѣ, былъ восточною столицею царствъ Ляо и Гинь въ X, XI, и XII вѣкахъ.

с) *Фу чжеу* (Fou-tcheou-tching у Био, Fong-ning-hien у д'Анв., Foo у Клапр., но у Гримма, Fu-tcheou у Бергх.), близъ восточнаго берега Ляо-Дунскаго залива. Этотъ городъ основанъ киданцами въ началѣ X вѣка, подъ тѣмъ же именемъ, а по уѣзду назывался Юнь-винъ-хянь (такъ онъ назначенъ у д'Анв.), былъ окружнымъ въ царствѣ Гинь и при династии Минь ⁽⁴²⁾.

d) *Хай-ченъ-хянь* (Hai-tcheou у Био, д'Анв., Гримма, Hai-tching у Клапр., не означенъ у Бергх.) ⁽⁴³⁾, на одномъ изъ самыхъ нижнихъ лѣвыхъ притоковъ Ляо, подъ 41° с. ш., основанъ Корейцами послѣ Рожд. Хр., назывался у нихъ Шабаченъ, принадлежалъ владѣнію Во-цзюй, а потомъ былъ Гиньскимъ окружнымъ городомъ подъ именемъ Дянь-чжеу (см. ниже)

e) *Гай-п'инъ-хянь*, у новѣйшихъ миссіонеровъ и въ древности *Гай-чжеу* (Kai-tcheou у Био, д'Анв., Бергх., Гюцл., Sai-phing у Клапр.), прекрасный портъ на восточномъ берегу Ляо-Дунскаго залива. Городъ основанъ Корейцами послѣ Рожд. Хр., подъ именемъ Гай-мэу-ченъ, и былъ окружнымъ въ царствѣ Гинь въ XII вѣкѣ, подъ именемъ Гай-п'инъ-чжу ⁽⁴⁴⁾.

f) *Кай-юанъ-хянь* (Kai-yaun-tching у Био, Sai-yaun-hien у д'Анв., Бергх., Khai-yaun у Клапр.), въ сѣверномъ углу провинціи, близъ палисады и недалеко отъ поворота Шара-мурэни.

(41) Ed. Biot Dict. p. 19; O. Lammée Ст. оп. Спб. 1842. Ч. II. ст. 270.

(42) Ed. Biot Dict. p. 25; O. Lammée Ст. оп. Спб. Ч. II, ст. 269.

(43) Ed. Biot Dict. p. 55; O. Lammée Ст. оп. Спб. Ч. II ст. 260.

(44) O. Mucklani см. Нис voyageur d'un voyage en Tartarie etc. Paris. 2. 1853.

g) *Тя-линг-хянь* (Tie-ling у Бергх.), въ сѣвер. части провинціи, на изгибѣ Ляо-хэ, въ меридіанѣ Мукдэни, полградуса сѣвернѣе⁽⁴⁵⁾.

h) *Нинъ-хай-хянь* (Ning-hai у Бергх. и Клапр., не означенъ у Д'анв.) въ прибрежьи, недалеко отъ южной оконечности Ляо-Дунскаго полуострова. Онъ былъ основанъ Киданьцами въ XI вѣкѣ, подъ названіемъ Сучжеу, а потомъ назывался Хуа-ченъ-ченъ⁽⁴⁶⁾.

i) *Ю-янь-ченъ* (Siao-yuen у д'Анв., Sieu-yuen у Грим., Клапр., Бергх.), къ сѣв. отъ прибрежья Корейскаго залива, въ меридіанѣ Мукдэня.

к) *Фунг-хуанъ-ченъ* (Fong-hoang у д'Анв., Fong-hoan у Грима и Бергх., Fung-hwang у Клапр.), къ сѣв. отъ прибрежья Корейскаго залива, близъ Корейской границы, на одномъ изъ притоковъ Ялу-кяна. Городъ основанъ Гао-ли (Корейцами), послѣ Рожд. Хр., подъ именемъ Цинъ-чжеу. Онъ принадлежалъ потомъ владѣнію Мемо, въ X вѣкѣ разоренъ Киданьцами при покореніи царства Бо-хай, потомъ возобновленъ ими въ 1015 г. Онъ назывался еще Кай-чжеу. По Китайской географіи онъ обнесенъ каменными стѣнами, имѣетъ 20 ли окружности и построены на горѣ, утесистой со всѣхъ сторонъ⁽⁴⁷⁾. Нынѣ онъ извѣстенъ своею торговлею съ Кореєю и былъ посѣщаемъ новѣйшими миссіонерами⁽⁴⁸⁾.

Въ С.-В. углу провинціи Шэнь-кинъ (Ляо-дуна) находится городъ и отдѣльный небольшой округъ Хинъ-кинъ⁽⁴⁹⁾ (Синъ-цинъ по сѣверн. произношенію, Hing-king у Клапр., Hing-tching

Vol. I. p. 55. Palmer Memoir on the present state of Manchuria ch. 1848. p. 59, Maxime lettre ann. de la propag. de la foi. T. XXI. 1849. p. 263. Verones lettre. Id. T. XXII. 1850. p. 52.

(45) Ed. Biot. Dict. p. 60. О. Іакшевс Ст. оп. Ч. II. ст. 271.

(46) О. Іакшевс Ст. оп. Кат. Имп. Ч. II. ст. 270.

(47) О. Іакшевс Ст. оп. Кат. Имп. Ч. II. ст. 271.

(48) См. ниже.

(49) О. Іакшевс пишетъ Синъ-цинъ, по сѣверн. произношенію, обращающему Х въ С и К въ Цз.

у Пальмера, Inden у Д'анв., Гримма, Берхгауза). Городъ этотъ расположенъ въ прекрасной горной долинь, имѣеть большое народонаселеніе и значительный гарнизонъ. Въ 3 миляхъ къ С. отъ него, на сосѣднихъ горахъ, расположены кладбища предковъ царствующей династіи Да-цинъ, которой онъ былъ первою столицею. Урочище Хэту-ала, въ которомъ жили предки Тай-цзу, основателя династіи, находились отъ Хинъ-кина на Югъ, между рѣками Сутохэ и Цзяхэ. Хинъ-кинъ значить столица возстанія. Тай-цзу далъ ему это имя (въ 1603 г.), потому что отсюда онъ началъ свои завоеванія. Къ округу города принадлежатъ городки Одоли, Гу-ченъ и Цзефанъ⁽⁵⁰⁾, замѣчательные первыми историческими воспоминаніями о нынѣшней Маньчжурской династіи.

Провинція Шанъ-кинъ обведена полиссадою, по китайски Бянь-цянъ, которая начинается къ Югу отъ города Фынъ-хуанъ-ченъ (Fon-Hoan), идетъ къ С. и С.-З. до города К'ай-юанъ-хянь (Khai-yuen) и оттуда къ Ю.-З. къ прибрежной крѣпости Шанъ-хай-гуанъ, всего почти на 1000 верстъ (1950 ли). Стѣна состоитъ изъ двойной деревянной (ивовой) палисады, промежутокъ которой наполненъ землею и имѣеть 12 воротъ или выходовъ⁽⁵¹⁾.

Провинція Шанъ-кинъ производитъ дѣятельную торговлю съ Китаемъ и Корею. Съ Корею сухопутная торговля совершается только въ одномъ пунктѣ, черезъ Шанъ-кинскій городъ Фынъ-хуанъ, и Корейскій И-чжеу (J-tcheou на рѣкѣ Ялу-кянъ Yalou-kiang)⁽⁵²⁾, а морская посредствомъ архипелага Потоцкаго. Съ Китаемъ сухопутная торговля производится только по одной дорогѣ—изъ таможи китайской крѣпости Шанъ-хай-гуанъ. Этотъ же торговый путь ведетъ и далѣе, черезъ города Мукдэнъ и К'ай-юанъ въ Маньчжурію, къ важному для торговли Гириню и еще болѣе важной Нингутъ. Разстояніе отъ

(50) См. Іакинва Ст. оп. Кат. Им. Ч. II. стр. 28 и Palmer Mémoir etc. p. 40.

(51) Іакинва Ст. оп. Кат. Им. Ч. II. ст. 28.

(52) О сухопутной торговлѣ Нингуты съ Корею черезъ мѣстечко Хунъ-чунъ на Тумэни (Ми-кянъ), см. ниже.

Шань-хай-гуаня до Мукдэня 395 верстъ, отсюда до К'ай-юаня еще 120 верстъ ⁽⁵³⁾. Морская торговля съ Китаемъ также чрезвычайна дѣятельна. Она совершается всѣми портами Шань-кина, изъ которыхъ самый лучший и безопасный есть Гай-чжеу (Cai-tcheou) или Гай-п'инъ-хань, на восточномъ берегу Ляо-дунскаго залива (см. ниже), а другой замѣчательный — Кинь-чжеу-фу (Kin-tcheou-fu), главный городъ западной области Шань-кина, на западномъ берегу залива ⁽⁵⁴⁾. Торговля эта производится въ особенности съ южными провинціями Китая, черезъ посредство Фу-кянскихъ купцовъ, которые ежегодно употребляютъ на это до 1000 жонокъ. Ежегодный оборотъ этой торговли, по свидѣтельству Гюцлафа, простирается на 700000 талей ⁽⁵⁵⁾.

4) *Городъ Нингута и южная Маньчжурія, по описанію ссыльнаго китайца Учэня, жившаго тамъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка.*

Описаніе это, переведенное съ Китайскаго языка и сообщенное мнѣ въ рукописи профессоромъ В. П. Васильевымъ, составлено въ началѣ XVIII вѣка У-чэнемъ, сыномъ ссыльнаго Китайца, родившимся въ Нингутѣ въ 1664 и жившимъ тамъ въ царствованіе Канъ-хи. Кромѣ большаго географическаго интереса, оно имѣетъ еще живой интересъ частнаго разсказа очевидца.

Нингута, говоритъ У-чэнь, находится на В. отъ высокой Гоби, въ 700 верс. отъ древняго города Хуань-Лунь-фу ⁽⁵⁶⁾ и

(53) Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю. Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ. кн. IV. СПб. 1840. стр. 214.

(54) Gützlaff Journal of three voyages along the shores of China in 1831—33. London. 8. 1831. p. 144 — 148.

(55) Palmer memoir etc. 38.

(56) Городъ Хуань-лунь-фу былъ расположенъ въ южной Маньчжуріи, въ 140 верстахъ къ С. отъ нынѣшняго города К'ай-юаня, находящагося въ сѣверномъ углу провинціи Шань-кинъ. Онъ назывался Фуюй-фу и былъ городомъ царства Бохай. Тай-цзу, основатель династіи Ляо, по покоренія этого царства (1113) видѣлъ надъ городомъ желтаго дракона, имѣвшаго ли въ длину и блескомъ поражавшаго зрѣніе (вѣроятно комету), почему и далъ городу названіе Хуань-лунь-фу (города

смежна съ корейскимъ округомъ Хой-нинъ; это то самое мѣсто гдѣ Агуда, основатель Гиньской династіи (Кип), въ первый разъ собралъ войско. Хотя въ имени этаго города есть *Ta* (что значить Субурга т. е. монументъ), но собственно тутъ нѣтъ никакого монумента. Преданіе говоритъ что въ древности здѣсь жили шесть братьевъ, изъ которыхъ каждый занималъ особенное мѣсто.

По маньчжурски, по замѣчанію Васильева, шесть говорится *Нингу*, а *ta* есть знакъ числительнаго нарѣчія и цѣлое слово Нингута значить *въ шестеромъ*.

Городъ, продолжаетъ У-чэнь, обнесенъ въ два ряда деревянными стѣнами; онъ перенесенъ на это мѣсто при началѣ настоящей династіи и находится въ 60 слишкомъ ли (30 вер.) отъ стараго города. Внутренній городъ (за второю стѣною) имѣеть въ окружности два ли, въ немъ только трое воротъ, восточныя, западныя и южныя; на сѣверѣ нѣтъ воротъ, потому-что тамъ расположено жилище Кянъ-Кюня (Цзянь-цзюня, главнокомандующаго). Во внутреннемъ городѣ позволялось сначала помѣщаться свитѣ Кянъ-кюня и войскамъ, охраняющимъ городскія ворота, всѣ прочіе жили во внѣшнемъ городѣ, имѣвшемъ 8 ли окружности. Всѣ Китайцы жили только за восточными и западными воротами, домъ У-чэня находился за первыми: онъ состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, крытыхъ соломою, сараевъ и обширнаго двора, обнесеннаго деревяннымъ заборомъ. Вокругъ оконъ были посажены цвѣты и деревья, а на всемъ остальномъ пространствѣ сѣяли тыквы и овощи; также было и въ сосѣднихъ домахъ, потому что овощи покупать было негдѣ: всѣ принуждены были сами ихъ сѣять. Въ послѣдствіи, когда, по случаю возмущенія, войска были выведены отсюда и городъ опустѣлъ, велѣно было всѣмъ Китайцамъ переселиться внутрь города и

желтаго дракона). Тай-цзу взялъ этотъ городъ лично, переправившись съ своими войсками въ бродъ, черезъ рѣку Кунь-тунъ-канъ. Объ этомъ городѣ еще упоминается въ 1213 г., когда онъ былъ сдѣланъ областнымъ подъ именемъ Лунь-ань-фу. Нынѣ и развалины его исчезли. См. Іакинев. Истор. Азіат. Народ. Алтун. Указ. ст. 82.

семейство У-чэня переѣхало къ западнымъ воротамъ : внутри города были двѣ главныя улицы, восточная и западная; нѣкоторые открыли тутъ лавки и завели торговлю; отъ того народонаселеніе увеличилось, безпрестанно пріѣзжали кушмы, и само собой разумѣется, что городъ получалъ Китайскій колоритъ.

Далѣе У-чэнь переходитъ къ воспоминаніямъ своего дѣтства. Самое замѣчательное изъ нихъ есть историческое событіе, особенно для насъ интересное. Именно, когда У-чэню было пять лѣтъ (въ 1669 году), то люди изъ царства Ло-чэ или Лао-цзянь, (т. е. русскіе), какъ онъ повѣтствуетъ, взбунтовались и пришли на рѣку У-лунъ-кянь ⁽⁵⁷⁾, въ странѣ Хэй-цзинь отнимали соболя мѣха; оружіе ихъ было весьма страшно. Ихъ царство, говоритъ У-чэнь, простирается на В. до 10000 ли (5000 вер); изъ произведеній его весьма превосходны парча и лаковые приборы (?) Люди всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами; они храбры какъ тигры, искусны въ стрѣланіи изъ ружей; у нихъ были пушки называемыя арбузами (си-гуа-пао), потому что форма ихъ бомбъ похожа на арбузы; бомбы эти пускались соразмѣрно съ разстояніемъ непріятельскаго лагеря, и вѣрно попадали, даже черезъ нѣсколько ли, гдѣ и растрескивались. Маньчжуры вѣ испугались. Кянь-Кюнь донесъ объ этомъ Государю и просилъ его о спасеніи. Всѣ ссыльные, въ томъ числѣ и отецъ У-чэня, должны поступить на службу. Это обстоятельство очень улучило положеніе его семейства, потому что онъ сдѣлался гражданскимъ чиновникомъ.

Въ этихъ интересныхъ строкахъ заключается слѣдовательно китайское повѣтствованіе о нашествіи русской партіи на Маньчжурію. Вѣроятно это была шайка бродягъ поляка Черниговскаго, которая утвердилась въ Албазинѣ, немного лѣтъ послѣ

(57) У-лунъ-кянь У-чэнь называетъ рѣку Хурзу, на которой расположенъ городъ Нингута.

отъѣзда Пашкова (онъ уѣхалъ въ 1662) и получила помилованіе по представленіи дани въ 1672. Собраніе этой дани и было побудительною причиною, описываемаго У-чанемъ несчастія.

Далѣе У-чань сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о Нингутѣ. Въ началѣ, говоритъ онъ, когда мой отецъ только что пріѣхалъ, въ странѣ были жестокіе морозы; съ начала весны до конца 3-й луны ночью дули сильныя вѣтры и какъ будто раздавались удары грома: пыль (?) покрывала небо, такъ что не видно было на вершокъ отъ себя; въ срединѣ 7-й луны (въ августѣ) прилетали бѣлые гуси, которые опустившись уже не могли болѣе подняться; спустя послѣ того немного дней уже начинался клейкій (?) иней. Въ 8-й лунѣ (сентябрѣ) падалъ большой снѣгъ, въ 9-й рѣки (октябрѣ) окончательно замерзали, въ 10-й (Ноябрѣ) земля растрескивалась, снѣгъ едва успѣвалъ падать на землю, какъ превращался въ крѣпкій ледъ и не таялъ въ свѣтлый день отъ солнечныхъ лучей. Пріѣзжему необходимо было надѣвать три мѣховыя платья, но послѣ долговременной жизни достаточно было и двухъ шубъ. Ледъ растаявалъ только въ концѣ 3-й луны (т. е. не позже апрѣля), но трава еще не показывалась и деревья не распускались. Въ послѣднее время какъ стали пріѣзжать китайскіе поселенцы, погода сдѣлалась гораздо теплѣе прежняго. Маньчжуры говорятъ, что это тепло занесено Маньчзами⁽⁵⁸⁾. У чань видятъ въ этомъ особенное небесное милосердіе къ ссыльнымъ, изъ жалости возвратившее имъ умѣренность климата ихъ родины⁽⁵⁹⁾.

Южныя ворота Нингуты прилежатъ къ Улу-кяну (Хурхѣ), который вытекаетъ изъ хребта Чанъ-бо-шань. Почти въ трехъ

(58) Проф. Васильевъ замѣчаетъ, что такъ Маньчжуры и Монголы называютъ Китайцевъ, и уже у Марка Поло встрѣчается это названіе, но собственно слово *Мань* прилагалось самими Китайцами къ народамъ жившимъ на Югѣ отъ нихъ.

(59) О такомъ измѣненіи климата вслѣдствіе колонизаціи свидѣлствуютъ и Китайцы, и Европейцы, какъ напр. Хюкь (см. ниже). Проф. Васильевъ говоритъ также, что напр. въ Же-ха нынѣ разводятся такіе цвѣты и растенія, которые не могли произрастать тамъ прежде.

ли отъ западныхъ находится горный хребетъ, который приближается къ рѣкѣ и тянется на длинѣ 15 ли, имѣя въ высоту нѣсколько тысячъ сажень (разумѣется не вертикальной высоты). Онъ называется Ги-линь (Гиринь) хада (по сѣв. произн. Цзи-линь). На немъ растутъ въ безпорядкѣ застилающіе свѣтъ солнца вѣковые кедры и древнія деревья, между которыми разбросаны бѣлыя груши и абрикосы. Въ извѣстное время года (Дуань-ву), на право и на лѣво отъ горной цѣпи все покрывается пїонами. Съ наступленіемъ осени покрасѣвшіе древесные листья наполняютъ рѣку. Въ ней водится весьма вкусная и жирная рыба. Есть одна порода водящаяся у берега, тамъ гдѣ мелко подъ камнями. Верхняя половина ея тѣла похожа на скорпіона, Длина всего 2 или 3 вершка, она вкусна и называется *хашика* ⁽⁶⁰⁾. Въ настоящее время, при жертвоприношеніяхъ Императора въ храмѣ предковъ, она считается необходимой. Другихъ рыбъ весьма много, какъ то Цинъ-юй (осетръ) Бенъ-юй и Цзи-юй (карпы). Одинъ ссыльный построилъ здѣсь подъ скалой храмъ, и тутъ прогуливаются лѣтомъ и осенью толпы проѣзжихъ и посѣтителей. Зимой, когда рѣка замерзаетъ на 4 или 5 фут. толщины, прорубаютъ во льду прорубь, похожую на колодезь, и когда освѣтять ее ночью огнемъ, рыба собирается сюда, и тогда желѣзнымъ багромъ захватываютъ самую крупную. Императоръ постоянно отправляетъ сюда, преждѣ или послѣ зимняго поворота, людей ловить рыбу, такимъ же способомъ. Нингутская рыба дѣйствительно отличается вкусомъ и жиромъ отъ всѣхъ другихъ.

На верху каменной скалы возвышается замокъ: это Нингутская крѣпость. Въ 100 ли отъ Нингуты, по дорогѣ ведущей въ столицу, на первой станціи, у песчаннаго холма, находилась нагорная столица Гиньской династіи ⁽⁶¹⁾, подлѣ протекаетъ рѣка

(60) Это есть обыкновенный рѣчной ракъ, не встрѣчающійся ни въ Китаѣ, ни въ сѣверной Азіи отъ Урала до Маньчжуріи

(61) Нагорная столица Гиньской династіи, какъ доказалъ Васильевъ, находилась въ верховьяхъ Альчуку; здѣсь же вѣроятно находилась столица царства Бо-

Ма-эрл-хэ (значить по кит. лошадиное ухо). Развалины дворцовых зданій существуют и повивѣ, передъ зданіями находятся большая каменная баня и колодезь о восьми углахъ. Есть памятникъ передъ государственнымъ училищемъ, но на немъ видны только буквы «во время Тянь-Хой»⁽⁶²⁾, все прочее стерлось, такъ что нельзя разобрать. За дворцовой стѣной находится каменная избушка, называемая Нимфейной⁽⁶³⁾; она покачнулася немного въ восточную сторону; на Сѣверъ отъ нея стоитъ каменный кумирь Будды, высотой около двухъ сажень (90 ф.); сверхъ того тутъ же есть еще Нимфейное озеро, длиною въ нѣсколько ли. За восточными воротами, въ трехъ миляхъ, находится деревня Ги-лю (Гіоро, по сѣв. произношенію Цзи-лю). Это счастливое мѣсто въ которомъ, говоритъ У-чэнь, началась наша (Да-цинская или Маньчжурская) династія.

Вокругъ Нингуты, съ восточной, сѣверной и западной стороны, открывается обширная равнина, покрытая безпредѣльными для взора рощами орѣшника и шиповника (мэй-гуй). Въ пятой лунѣ шиповникъ распускается и тогда благовоніе разливается на нѣсколько ли въ окрестности.

Далѣе У-чэнь называетъ нѣсколько растительныхъ произведеній окрестностей Нингуты. Между прочимъ есть груши, небольшія, но прекраснаго вкуса⁽⁶⁴⁾, также какъ и виноградъ. Горные абрикосы здѣсь большіе и красные: изъ нихъ варятъ пастилу. Жень-шэнь (въ то время былъ) весьма дешевъ, какъ въ Китаѣ персики и каштаны; онъ цвѣтетъ въ 6-й или 7-й лунѣ

хай, служившая временной резиденціей Агудъ, основателю Гиньской династіи. См. ниже общее дополненіе къ 1-й главѣ.

(62) Время Тянь-хой — названіе годовъ правленія Гиньскаго императора Ун-мал, 1123 — 1135.

(63) Nymphaea — кушанка, водное растеніе, лотось у Индѣйцевъ, у Китайцевъ лянъ-за.

(64) Изъ Маньчжурія, по замѣчанію Проф. Васильева, нарочно присылаются по двору осенью груши, называемыя сянь-шуй-ли, онѣ дѣйствительно превосходятъ вкусомъ, только недолго держатся.

и имѣеть маленькіе бѣлыя цвѣты. Растеть онъ въ глубинахъ горъ посреди травъ, которыхъ на футъ выше, на рыхлой почвѣ, какъ бы состоящей изъ сгнившихъ древесныхъ листьевъ. Корень бѣлый, послѣ варенія красноватый. Жень-шэнь бѣлаго цвѣта продается подъ именемъ столичнаго или придворнаго (цзинь-шэнь).

Хотя и говорятъ, что эти два рода жень-шэня происходятъ отъ различія почвы, но это, по мнѣнію У-чэня, совершенно несправедливо. Копатели жень-шэня парятъ вечеромъ все что набрали днемъ, а на другой день съ ранняго утра сушатъ на солнцѣ. По высушкѣ получаютъ одни корни бѣлаго, другіе краснаго цвѣта. Туземцы уважаютъ только красный жень-шэнь, а бѣлый ставятъ нивочто. Вода, въ которой варятъ жень-шэнь, переваривается еще съ его листьями и стеблемъ, отчего получается пастила, одного вкуса съ жень-шэнемъ.

Восточная (отъ Нингуты) гора — Шапъ-янь-хада, весьма высокая и обрывистая, выдается въ рѣку каменной стѣной; рѣка здѣсь весьма глубока и тутъ водится много рыбы; эта гора была покрыта весьма глубокими пропастями и прежде тутъ добывали жень-шэнь и соболи, но они совѣмъ исчезли; осталось только невѣроятное множество кедровыхъ деревьевъ, съ которыхъ собирается неистощимый запасъ кедровыхъ орѣховъ.

Далѣе на В. (на С.-С.-В.), въ 300 ли, говоритъ У-чэнь, находится мѣсто называемое *И-лань-жала*, съ земляною крѣпостью и гарнизономъ.

Названіе это, по свидѣтельству проф. Васильева, значитъ «три фамиліи», по китайски Сань-синъ. Городъ Сань-синъ находится на Сунгари, нѣсколько далѣе полу-пути отъ впаденія въ нее Хурхи, до соединенія Сунгари съ Амуромъ, и есть самый сѣверо-восточный китайскій городъ въ Маньчжуріи, важный для собиранія дани, или лучше сказать для насильственной мѣнновой торговли китайскихъ мѣстныхъ властей съ племенами нижняго теченія Амура. Въ новѣйшее время онъ былъ посѣщенъ миссіонерами Дела Брюньеромъ и Вено (см. ниже).

Въ 5 или 600 ли далѣе, продолжаетъ У-чэнь, находится

Ху-р-ха, еще въ 600 ли Хэй-цзинь, еще въ 600 лв. Фэй-я-ха (Фіака); общее имя всѣхъ этихъ народовъ есть У-цзы-да-цзы или Юй-п'и-да-цзы (жители сѣверныхъ странъ одѣвающіеся въ рыбы кожи); они называются такъ, потому-что носятъ платье, выдѣланное изъ рыбьихъ кожъ и питаются рыбою. Этотъ народъ не имѣетъ понятія о лѣтосчисленіи и мѣсяцахъ, не знаетъ времени рожденія; когда кто умираетъ, трупъ обвертывается кускомъ полотна и кладется въ гробъ, поставляемый въ полѣ на деревянныхъ козлахъ и только когда гробъ загниетъ его зарываютъ въ землю. Въ этой странѣ хлѣбъ не родится (не съется), но добываются—рыба, соболи, черныя и желтыя лисицы, тюлени, желтыя и пепельныя бѣлки и выдры; жители береговъ К'унь-т'унь-кяна (нижней Сунгари отъ соединенія съ Хурхою) добываютъ изъ рѣки—*Ши-ну*. Повѣрье говоритъ, что это есть кедровая смола, пролежавшая тысячи лѣтъ и превратившаяся въ камень; она зеленого цвѣта, крѣпче желѣза и на ней есть полосы, какъ на обрубкѣ дерева. Туземцы употребляютъ ее вмѣсто точительнаго камня. Это ши-ну есть тоже, что сухія стрѣлы, нѣкогда приносимыя въ дань Сушэньцами⁽⁶⁵⁾. Въ водѣ находится пятицвѣтный камень, похожій на сердоликъ (*ма-ноу*); онъ весьма удобенъ для добыванія огня.

Каждый годъ, въ пятой лунѣ, народы уомянутыхъ трехъ мѣсть пріѣзжаютъ по рѣкѣ на лодкахъ, для доставки соболей къ пристани, находящейся у Нингуты, за южной заставой. Кянь-кюнь (губернаторъ) дѣлаетъ имъ угощеніе и раздаетъ имъ присылаемые изъ министерства финансовъ подарки: кафтаны, шапки, сапоги, чулки, пояса, платки, вѣера и проч., и въ замѣнъ выбираетъ по одному соболю. Черныхъ лисицъ нельзя получить въ годъ болѣе нѣсколькихъ шкуръ, и ихъ непременно должно представлять императору. Остальныя вещи позволяютъ имъ вымѣнивать у Китайцевъ на всякія мелочи. Эти люди весьма любятъ

(65) Въ китайской исторіи, самое древнее сказаніе о вышѣшней Мавьчжуріи начинается тѣмъ, что Сушэньцы привезли въ дань Вэй-вану каменные стрѣлы.

малиновые кафтаны, вышитые золотомъ драконовыми кругами, также парчи и вышитыя шелками разноцвѣтныя матеріи. Рыбья шкура, которая они носятъ, весьма мягки и принимаютъ краску. Они также любятъ бисеръ пяти цвѣтовъ, мѣдныя деньги и колокольчики, которые нашиваются на платье и бряччатъ когда они ходятъ.

Хэй-цзинь отпускаютъ волосы и связываютъ ихъ въ пучекъ, въ ухахъ у нихъ висятъ большія кольца, по четыре и пяти въ каждомъ; сквозь носъ продѣваютъ серебряное кольцо. Соболи ими добываемые считаются самыми первыми; богатые изъ нихъ покрываютъ свои хижинны орлиными крыльями⁽⁶⁶⁾, а изъ соболей дѣлаютъ палатки и шубы, изъ черныхъ лисицъ—занавѣски, изъ простыхъ — одѣяла и постели. Фэй-я-ха также отпускаютъ волосы; мужчины и женщины не носятъ панталонъ; въ ухахъ имѣютъ большія кольца, а въ носу маленькія. Соболи, у нихъ добываемые, хуже предъидущихъ; они дѣлаютъ лодки изъ бересты, въ которыхъ помѣщается только одинъ человекъ и ими правятъ весломъ о двухъ лопаткахъ; когда нужно выйти въ море для ловли рыбы, то лодки несутся до морскаго берега на плечахъ и тамъ спускаются въ воду, а когда подуетъ вѣтеръ, то рыболовы возвращаются. Ху-р-ха брѣютъ голову и у нихъ мало мужчинъ носящихъ кольца, соболи ихъ уступаютъ предъидущимъ, за то желтыя лисицы, желтыя бѣлки и сушеная рыба превосходны. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ нѣтъ ни чиновниковъ, ни старшинъ, поставленныхъ отъ правительства, потому-что народъ этотъ глупъ и притомъ честенъ. Когда наприм. они берутъ въ долгъ китайскіе товары, то расплачиваются на слѣдующій годъ въ срокъ по образцу; если же имъ нельзя пріѣхать самимъ, то присылаютъ чрезъ другихъ, однимъ словомъ не нарушаютъ обѣщаній, хотя бы жили за 1000 ли и не были старинными знакомыми. Сверхъ того они мужественны и не боятся смерти;

(66) Отсюда слѣдуетъ, что Хэй-цзинь есть вѣроятно тоже племя съ которымъ русская амурская экспедиція познакомилась подъ именемъ Мангунцевъ и которыхъ русскіе козаки называли орликами.

однаго человѣка въ силахъ убить тигра. Императоръ, уважая ихъ мужество, награждалъ ихъ чинами, иногда давалъ имъ ссыльныхъ въ рабы и черезъ нѣсколько лѣтъ переселилъ ихъ въ Нингугу, потомъ въ Фынъ-г'янь (Муклонъ), а черезъ два года и въ Пекинъ, гдѣ ихъ называютъ Ице-маньчжу (Ичэ-маньчжу), т. е. новыми Маньчжурами. Хотя ихъ награждаютъ чинами, они нечувствуютъ своего достоинства. Однажды Гянь-гюнь, желая обучить ихъ правиламъ благопристойности, призвалъ къ себѣ чиновныхъ: одни изъ нихъ явились въ соломенныхъ шляпахъ, другіе съ мѣшкомъ на спинѣ, иные босикомъ и возбуждали всеобщій смѣхъ. Когда Гянь-гюнь приказалъ имъ сѣсть, они положили мѣшки на полъ.

Когда У-чэнь видѣлъ ихъ послѣ того въ Пекинѣ, то нашелъ совершенно другими: въ обращеніи и разговорѣ они уже нисколько не отличались отъ столичныхъ Маньчжуровъ и Китайцевъ.

Сѣверныя горы, продолжаетъ У-чэнь, находится отъ Нингугу въ 10 ли и состоятъ изъ высокихъ кражей, покрытыхъ непроходимыми лѣсами и старыми деревьями. Городскіе жители рубятъ здѣсь себѣ дрова. На С.-З. отъ города въ 10 ли находится мѣсто называемое Э-фу-ли, еще далѣе въ 60 ли развалины стараго города, лежащая у береговъ рѣки; въ ней тутъ множество раковинъ, доставляющихъ большое количество восточнаго жемчуга. Между нимъ попадаются зерна вѣсомъ въ 2 или 3 драхмы, краснаго, желтоватаго и бѣлаго цвѣтовъ. Безъ приказанія императорскаго нельзя добывать жемчугъ, и запрещеніе соблюдается строго. На Западѣ Нингуга опирается на бугры, называемые Мудань-ша-линь: тутъ находится множество деревень. На Югъ отъ Кяна (рѣки) течетъ рѣчка Со-эрл-хэ. Вода въ ней глубока; надъ нею возносится до небесъ высокая скала, заслоняющая свѣтъ солнечный, такъ что даже въ самый полдень здѣсь не бываетъ свѣтло. Для плаванія по рѣкѣ употребляются челноки, выдолбленные изъ одного дерева.

Жители селеній большею частію состоятъ изъ Маньчжу-

ровъ; Китайцевъ мало. Путешественнику не вужно брать съ собой денегъ, онъ останавливается гдѣ хочетъ и вездѣ находитъ гостепрѣимство. Если ѣдутъ нѣсколько, то младшіе всегда при-служиваютъ старшимъ. Когда ссыльный убѣгаетъ, то никто не выдастъ его. Выше всего уважается честность; никто даже не подниметъ потеряннаго на дорогѣ. Туземцы чрезвычайно искусны въ отыскиваніи слѣдовъ животныхъ и слѣдуютъ по нимъ десятки ли по травѣ и землѣ. Здѣсь есть трава *ула*, растущая по близости отъ воды. Она бываетъ тонкая, длинная, мягкая и теплая и употребляется на подкладку въ кожаные сапоги, для защиты отъ холода. Туземная поговорка гласитъ, что въ Нингуть три сокровища—жень-шэнь, соболи и ула. Дыни здѣсь весьма душисты и сладки. Лѣтомъ можно ѣсть досыта что угодно и не чувствовать боли въ желудкѣ. Переселенцы не могутъ жаловаться на климатъ, относительно его вліянія на здоровье. Здѣшняя вода называется въ народѣ жень-шэневой (т. е. цѣлительной, крѣпительной). Земля весьма тучна и здѣсь въ изобиліи водятся всѣ пять сортовъ хлѣба, только недостаетъ рису. Хлѣбъ сѣютъ въ началѣ 4-й луны (въ маѣ) и собираютъ въ 8-й лунѣ (въ сентябрѣ). Въ свободное отъ хлѣбопашества время уѣзжаютъ для рубки дровъ и возвращаются съ ними въ телѣгахъ, запряженныхъ волами: дрова эти запасаютъ на весь годъ. Когда выпадаетъ глубокій снѣгъ и рѣки замерзаютъ, то ѣздить въ саняхъ, не имѣющихъ колесъ. Въ нихъ запрягаютъ быковъ и ѣздить скоро и спокойно. Въ досужное время собираютъ кедровые орѣхи и трутъ. Послѣдній родится на деревьяхъ въ наростахъ, онъ слабо-желтоватаго цвѣта и скоро воспламеняется⁽⁶⁷⁾. Иные занимаются обжиганіемъ древеснаго угля, другіе рубкой большихъ деревьевъ и приготовленіемъ изъ нихъ деревянныхъ сосудовъ и домашней утвари, потому-что у Маньчжуровъ нѣтъ

(68) У-чэнь рассказываетъ объ обыкновенномъ древесномъ трутѣ съ удивленіемъ, потому-что въ Китаѣ, по свидѣтельству Васильева, трутъ готовится изъ сердцевины растенія похожаго на черныбыльникъ.

глиняной посуды ⁽⁶⁸⁾, а блюда, тарелки, локани, корыта и проч. выдѣлываются изъ цѣльнаго дерева. Масло у нихъ добывается изъ кунжута. Есть также конопляное сѣмя, но нѣсколько дороже. Свѣчей нѣтъ, но есть факелы, приготовляемые изъ выжимокъ кунжута и пшенихъ отрубей, высушенныхъ, а потомъ вымазанныхъ коноплянымъ масломъ. Воспитывать пчелъ не умѣютъ ⁽⁶⁹⁾, но дровосѣки и собиратели кедровыхъ орѣховъ находятъ въ дуплахъ большое количество меду. Китайцы научили какъ его вываривать и съ того времени здѣсь есть медъ и воскъ. Китайцы, для своихъ празднествъ, дѣлаютъ и восковыя свѣчи, но въ продажѣ ихъ нѣтъ. Соль получается изъ корейской области Хой-нинъ-фу въ 700 ли отсюда.

Распределеніе границъ (съ Кореею), продолжаетъ У-чэнь, съ древнихъ временъ указано рѣвкой. Со стороны Нивгуты тутъ находятся лѣса, съ деревьями скрывающимися въ облакахъ и подпирающими небо ⁽⁷⁰⁾; со стороны Кореи тянутся, на разстояніи одной ли, бѣлѣющійся песокъ и луга. Безъ всякаго повода запрещено переходить границу, какъ съ той, такъ и съ другой стороны; но каждый годъ на 10-й лунѣ разрѣшено Императоромъ съѣзжаться для покупки соли и промѣна быковъ, лошадей, бумаги, кистей, вѣровъ, желѣза, риса и прочаго. ⁽⁷¹⁾ За одинъ гарнецъ рису въ Нивгутѣ нужно заплатить 2 или 3 чина серебра (40 — 60 коп. сер.), и его подаютъ только при угощеніяхъ. Страна, находящаяся на Ю. З. отъ Нивгуты, называется Хунъ-ци-цзѣ (улица или дорога краснаго знамени). Она находится въ смежности съ Кореею и весьма близка къ морю; нынѣ и здѣсь поставлены чиновники и присутственные мѣста. Добываемыя здѣсь каракатицы (хай-шень, почитаемыя Китайцами лакомымъ блюдомъ) суть самыя первыя.

(68) Въ Китаѣ, глиняная посуда совершенно замѣляетъ деревянную утварь кадки, корыта и т. д.

(69) Въ нынѣшнемъ столѣтіи, пчеловодство распространилось въ Маньчуріи.

(70) Чапъ-бо-шань.

(71) На р. Тумень, (см. ниже).

Дома бывают не одинаковой величины, но дерево наших употребляется весьма толстое; одни состоятъ только из одной комнаты, другіе из трехъ или пяти. Крыши покрываютъ длинной и тонкой травой (камышемъ). Если есть бѣлая глина (гипсъ?), то ею вымазываютъ стѣны, такъ гладко, что въ нихъ можно смотрѣться. Толщина стѣнъ въ нѣсколько футовъ, не смотря на то зимою и сквозь нихъ проникаетъ холодъ и онѣ кажутся покрытыми инеемъ. Въ комнатѣ топятся три к'анъ (печи съ нарами), расположенные одинъ подлѣ другаго, покрытые тростниковой рогожкой, а сверху краснымъ войлокомъ. К'анъ бываетъ шириною въ 6 ф. и ночью все ложатся спать поперегъ его. Суидуки и спальные приборы располагаются въ С. З. углу. Окна продѣлываются съ южной и западной стороны; двери находятся подлѣ южнаго окна. Окна затворяются извнѣ, изъ опасенія чтобы тигры не забрались во внутренность жилища. Восточная сторона его отгорожена отъ главной комнаты досчатой перегородкой, за которой находится внутренняя комната (женская половина), съ к'анами на сѣверную и южную сторону и окномъ на югъ. Кромѣ к'ана нѣтъ ни стульевъ, ни табуретовъ, все садятся на к'анъ поджавши ноги. Гостей сажаютъ на южномъ к'анѣ и по приходѣ ихъ женщины не удаляются. При свиданіи не дѣлаютъ Цзи-хи (китайскихъ поклоновъ), а только берутся за руку, при прощаніи нѣсколько нагибаются. Когда же давно не видались, то обнимаютъ другъ друга, и потомъ, взявшись за руки, навѣдываются о здоровьѣ. Женщины привѣтствуютъ мужчину потирая правой рукой лобъ и кивая головой; если же дѣлаютъ это ставъ на колѣна, то значить оказываютъ высокое почтеніе. Между собою, при встрѣчѣ, женщины подають руки. Въ послѣдній вечеръ стараго года младшіе являются въ дома старшихъ для прощанія съ годомъ и кланяются въ землю старшимъ, на что послѣдніе не отвѣчаютъ поклономъ. Равные кланяются другъ другу одновременно. Въ первый день новаго года ворота уставляются знаменами, значками, луками и стрѣлами, для приданія празднеству

военнаго величія. Въ каждомъ домѣ поздравленія начинаются съ полуночи; промедлить до полудня считается неучтивымъ. Маньчжурскіе плясуны называются Манъ-ши. Мужчина и женщина становятся другъ противъ друга и пляшутъ, стоящіе съ боку хлопаютъ въ ладоши и поютъ пѣсни. Передъ каждымъ жилищемъ ставятъ шеста, который почитаютъ священнымъ. Когда случается въ домѣ радость или болѣзнь, совершается обрядъ съ молитвою. Для этого покупаютъ, не торгуясь, большую свинью, и заколовъ ее кладутъ подъ шестомъ, пригласивъ искуснаго чтеца, называемаго Ча-ма (Шаманъ). Хозяинъ дома, совершивъ колѣнопреклоненіе, вѣшаетъ мѣлкія кишки и куски на верхушку шеста, а остальное въ наивозможнейшей чистотѣ варится въ котлѣ. За тѣмъ приглашаютъ родныхъ и друзей, располагаются на к'ану, покрытомъ при семъ случаѣ только клеенкою и все съѣдаютъ. Если обрядъ совершенъ по случаю болѣзни и она не исцѣлилась, то шеста выбрасываютъ въ поле и впоследствии замѣняетъ другимъ. Шаманскіе обряды отправляютъ зимою и осенью. За полмѣсяца передъ тѣмъ готовятъ хлѣбное вино, весьма сладкое, крахмалъ и печенье на маслѣ, отъ котораго требуется большая чистота, потомъ свиней, барановъ, курицъ и гусей. Хозяйка дома назначается распорядительницей. Сверхъ своего платья, она надѣваетъ еще юбку, вокругъ которой висятъ до ста желѣзныхъ колокольчиковъ; въ руки беретъ она картонный бубень, потрясаетъ имъ, произнося маньчжурскія слова и коверкаясь, отчего и брячатъ колокольчики въ аккомпаниментъ бубну; иногда она еще бьетъ подъ ладвѣ барабанъ, обращаясь лицомъ къ западу, гдѣ расположено на к'анномъ столѣ съѣстное и сверху на веревкѣ висятъ пятицвѣтные шелковые лоскутки, означающіе присутствіе предковъ на верху. На этотъ обрядъ приглашаются всѣ знакомые, не исключая и женщинъ.

Въ Цинь-минъ (значитъ ясный день; это бываетъ около 20 марта ст. ст.), для посѣщенія могилъ предковъ богатые ѣдутъ

туда верхомъ или въ телѣгахъ, а бѣдныя пѣшкомъ, и несутъ на головахъ к'анныя столбики съ жертвенными приборами.

Когда случится больной, то на главныхъ воротахъ привѣшиваютъ пучъ травы; тогда приходящіе для свиданія родственники или знакомые спрашиваютъ только о здоровьи и удаляются. Во время сговора отецъ идетъ съ сыномъ и свахой въ домъ отца невесты; на другой день этотъ послѣдній съ свахой отплачиваетъ визитъ. При обрученіи, на высокихъ столахъ, накрытыхъ красными войлоками, ставятъ чай, плоды, шелковыя матеріи и холсты. Такихъ столовъ бываетъ много. Во время свадьбы приданое: сундуки, комоды, зеркала, одѣяла и т. п. также располагаются на высокихъ столахъ. Невѣсту несутъ на носилкахъ или везутъ въ повозкѣ, завѣшанныхъ красной шелковой матеріей. Въ маньчжурскихъ домахъ во время угощенія являются женщины, для подчиванія виномъ: онѣ наливаютъ полную чашу и подносятъ ее на колѣнахъ, не поднимаясь до тѣхъ поръ пока она выпита. По истеченіи мѣсяца послѣ рожденія ребенка ставятъ люльку, похожую на качели, укрѣпленную на гибкой бамбуковой палкѣ, украшенную картинками и обвѣшанную колокольчиками.

Въ случаѣ смерти, покойника кладутъ въ гробъ; въ этотъ вечеръ собираются всѣ его друзья и родственники и проводятъ ночь безъ сна. Домашніе дѣлаютъ великолѣпное угощеніе, а послѣ ухода гостей трупъ сжигается и пепелъ зарывается. По смерти родителей трауръ продолжается годъ и въ это время не брѣютъ головъ.

Въ зимній поворотъ жгутъ траву на поляхъ и горахъ, отчего она на слѣдующій годъ, по мнѣнію Маньчжуровъ, бываетъ еще обильнѣе. Каждый годъ, послѣ періода Дуань-ву, отправляютъ одного бошко, съ нѣсколькими солдатами, пасти всѣхъ лошадей Нингуты за нѣсколько сотъ ли, на привольныхъ водахъ и травой лугахъ, откуда табуны возвращаются очень откормленными въ концѣ 7-й луны (Августъ).

Охота производится постоянно во всѣ четыре времени го-

да: то выходить по утру и возвращаются вечером, то отправляются на несколько дней и это называется малой облавой. Осенью производится облава на фазановъ. Разъ въ годъ производится большая облава. Она совершается солдатами восьми знаменъ, въ теченіи двадцати дней: на вой добываютъ тигровъ, шакаловъ, кабановъ, медвѣдей, кабаргъ, лисницъ, зайцевъ, фазановъ, орловъ и т. д. Охотничьи собаки очень сильны и некоторые изъ нихъ могутъ схватить барса или шакала, которые ~~всѣ~~ма боятся людей. Только медвѣдь очень свирѣпъ. Здѣшніе фазаны очень жирны и даже лучше Ляо-дунскихъ. Послѣ всякой облавы несметное количество телѣгъ, лошадей и верблюдовъ везутъ добычу. Самые лучшие соколы бьютъ дикихъ гусей и пролѣтаютъ по 2000 ли въ сутки; есть бѣлые и пестрые соколы; всѣ они очень уважаются и представляются ко Двору. Орлы (буркуты) очень велики и ихъ много; перья ихъ крыльевъ употребляютъ для стрѣлъ.

5) *Перепѣздъ У-чэня изъ Нингута черезъ Гиринь и Мукдэнъ до Китайской границы въ Шань-хай-гуань.*

Отецъ У-чэня былъ назначенъ письмоводителемъ Гянь-гюня въ Улѣ (Гирини). Все семейство тронулось въ путь. На другой день, повѣтствуетъ У-чэнь, проѣхали черезъ горный хребетъ, тянущійся непрерывно въ ширину на 30, а въ длину отъ В. на З. на 300 ли. Подъ нимъ находится пустота, отчего, когда проѣзжаютъ лошади и телѣги, раздается глухой гулъ; когда растаиваетъ ледъ, то подъ мостомъ слышно теченіе воды ⁽⁷³⁾. Вторая станція называется Бирхань-бира. На третій день вѣхали въ большой У-цзи (или Во-цзи, издревле такъ называемый черный сосновый боръ). Деревья возвышаются здѣсь къ небу, исковерканныя, дупловатыя: все доказываетъ ихъ тысячелѣтнее существованіе. Лѣсъ тянется во всѣ стороны на тысячи ли и никто не

(73) Это и есть упомянутая нами выше, при обзорѣ Маньчжуріи, гора Шы-т'эу для-цзы, съ подземнымъ озеромъ.

знаетъ его въ подробности. Дорога проходитъ черезъ него посрединѣ и только черезъ 60 ли отъ станціи вступаетъ наконецъ въ У-цзи, какъ бы въ какія ворота. По обѣимъ сторонамъ стоятъ огромныя деревья, въ нѣсколько обхватовъ, и такъ плотно, что не видно солнечнаго свѣта; только осенью и зимою, когда спадаютъ листья, здѣсь становится нѣсколько свѣтлѣе. Всякій кто въѣзжаетъ въ Уцзи снимаетъ съ себя какую нибудь вещь и вѣшаетъ на деревья, въ знакъ подарка духу лѣса.

Въ лѣсу встрѣчалось много хребтовъ и скалъ: дорога по горамъ то поднималась вверхъ, то опускалась внизъ. Непрерывно слышно было чириканье птицъ и пискъ мышей (?), лисицы и бѣлки бѣгали кругомъ, нисколько не пугаясь людей. Когда подымался небольшой вѣтерокъ, то колыхаемая имъ деревья издавали звукъ, подобный шуму волнъ, гонимыхъ страшной бурей. Ночевали у подножія одного хребта, въ палаткахъ около ручейка, вода котораго струилась съ глухимъ шумомъ. Солдаты, сопровождавшіе семейство У-чэня, разстлали по землѣ два или три куска древесной коры, разложили огонь и жарили добытыхъ въ тотъ день кабаргъ и оленей. За полночь раздался изумительный звукъ, какъ будто цѣлая гора обрушилась: то было тысячекратнее сухое дерево, которое внезапно переломилось.

4-я станція называется Амбанъ-дохунъ (переправа), 5-я Лафа. Передъ ней, на пространствѣ 30 ли, путешественники проѣзжали малый Уцзи (Воцзи), который также походилъ по устройству и виду на предъидущій. 6-я станція называется Э-хейму, 7-я Нишиха. Черезъ 10 ли отсюда переправлялись черезъ рѣку Сунъ-хуа-кянъ (Сунгари), которая также беретъ начало въ Чанъ-бо-шанъ и впадаетъ въ Хэй-лунъ-кянъ (Амуръ) Въ Ула (Гирини) находится адмиралтейство, въ которомъ строятся большія суда, поддерживающія сообщенія между всѣми мѣстами. Путешественники прожили здѣсь нѣсколько дней и потомъ опять пустились въ путь.

Первая станція отъ Ула называется Сутунъ, 2-я Ирмынь,

3-я Шуань-янъ-хэ (рѣка двухъ барановъ), 4-я Ибадаль, 5-я Дя-ху-шань (гора большой лисицы), 6-я Хэй-рѣ-су, 7-я Ё-хэй, 8-я Мянъ-хуа-цзѣ (улица хлопчатой бумаги). Черезъ 40 ли достигли до пикета У-юань-п'у иначе Лю-т'яо-юань (далекія ивовыя вѣтви), потому что тутъ, на нѣсколько сотъ ли, тянутся по границѣ ивы и тополи, посаженные при прежнихъ Государяхъ, для разграниченія ихъ земель. И понынѣ тутъ находится Чжангинь (офицеръ), для охраненія этого важнаго прохода. Еще черезъ 15 ли достигли до города К'ай-юань-хянь. Отсюда, пройдя 55 ли, прибыли на Корейскую (?) станцію и далѣе черезъ 15 ли до города Тѣ-линъ-хянь, еще черезъ 60 ли до станціи И-лу, далѣе въ 70 ли находился городъ Фынъ-т'янь-фу (Мукдэнъ).

Первая станція отъ Фынъ-т'янь-фу называется Лао-бянь (старая граница) и отстоитъ отъ него на 60 ли. Черезъ 40 ли отсюда рѣка Цзао-лю (по маньчжурски Чжурхучжу-бира), а далѣе еще 40 ли до станціи Бо-ши-п'у (пикетъ бѣлаго знамени). Въ 70 ли далѣе станція Эр-дао-цзинъ-цзы (колодезь двухъ дорогъ, въ 50 ли еще далѣе Сяо-хэ-шань (малая рѣка и гора) и городъ Гуань-нинъ-хянь. Черезъ 30 ли далѣе станція Люй-янъ, еще черезъ 40 ли станція Ши-шань (Ши-сань-шань, каменная гора); еще черезъ 30 ли рѣка Да-линъ-хэ. Отсюда 40 ли до Кинь-чжеу-фу, далѣе 60 ли до станціи Гао-цзо (высокій мостъ) далѣе 60 до Нинъ-юань-чжеу, далѣе 60 до станціи Дунъ-гуань (восточный проходъ), далѣе 60 ли до станціи Лянъ-шуй-хэ (рѣка съ холодной водой), и еще 80 до Шанъ-хай-гуань, знаменитаго входа въ самый Китай.

Все разстояніе отъ Нингуты до Пекина слишкомъ 4000 ли (2000 верстъ). Зимой снѣгъ и ледъ покрываютъ дороги, глубиной болѣе сажени. Лѣтомъ существуютъ другія трудности отъ трясиныхъ болотъ, которыя на протяженіи нѣсколькихъ сотъ ли, представляютъ бездонныя грязи. Въ иныхъ мѣстахъ нужно перебираться съ трудомъ съ кочки на кочку. Только впослед-

ствѣ по трясинамъ настлали деревьевъ и дороги эти поддержи-
ваютъ, потому съ этого времени по нимъ начали проходить очень
много народа.

6) Путешествія новѣйшихъ миссіонеровъ въ южной Маньчжу-
ріи и Шэнь-кинѣ.

Первый изъ европейскихъ миссіонеровъ, послѣ 1830 года
посѣдившихъ приморье Шэнь-кина, былъ извѣстный протес-
тантскій миссіонеръ Гюцлафъ. Въ Октябрѣ 1831 года ⁽⁷⁴⁾ онъ
прибылъ въ китайск. жонкѣ въ гавань Кинь-чжеу (Kin-Chow у
Гюцл., King-Tcheou на карт. Бергх.). Она находится въ С.-З.
углу Ляо-дунскаго залива, при устьѣ береговой рѣчки Сяо-да-
линъ (Siao-Ta-Lin). Городъ Кинь-чжеу-фу есть главный въ за-
падной губерніи провинціи (Ляо-дуна или Шэнь-кина). Портъ
его мѣлокъ, окруженъ скалами и открытъ южнымъ вѣтрамъ.
Жонки не доходятъ нѣсколько миль до берега и грузъ ихъ пе-
реносится людьми. Страна обилуетъ скотомъ, хорошо обработа-
на и обитаема Маньчжурами. Верблюдовъ здѣсь уже очень мно-
го. Гюцлафъ вышелъ на берегъ въ полночь, и на другой день
былъ окруженъ толпами больныхъ. Женщинъ почти вовсе не
было видно: онѣ удалены были мѣстными властями (на все на-
вигационное время), для уничтоженія разврата между матросами,
посѣщающими портъ въ огромномъ количествѣ. Городъ не осо-
бенно замѣчательнъ и не великъ. Дома построены изъ гранита,
здѣсь очень распространеннаго. На вершинѣ высокой горы,
близъ города, возвышается храмъ, построенный въ китайскомъ
стилѣ; на равнинѣ есть другіе. Гюцлафъ пробылъ здѣсь до 17
Ноября. 9 Ноября погода была теплая и день прекраснѣйшій, но
ночью на 10-е вѣтеръ переиначился и рѣчки и лужи замерзли.
Берегъ Ляо-дуна къ Югу отсюда крутъ и скалистъ. Въ Ляо-
дунскомъ заливѣ, по свидѣтельству Гюцлафа, есть еще два пор-
та. Одинъ изъ нихъ онъ называетъ Нань-кинъ (Nan-Kin) или

(74) Gützlaff. Journal of three voyages along the coast of China in 1831 — 33.
London. 8. 1834. p. 144 — 148.

южный Кинь-чжеу, а другой Гай-чжеу (Kae-Show у Гюцл., Sai-Tcheou на кар. Бергх.). Этотъ послѣдній, въ С.-В. части Ляодунскаго залива, обширенъ, глубокъ и можетъ содержать значительный флотъ.

Во второй разъ Гюцлафъ посѣтилъ берегъ Ляо-дуна, въ Ноябрь 1832 года ⁽⁷⁵⁾, на европейскомъ кораблѣ Сильфъ. Путешественники пристали въ Фынъ-минъ (Fung-Ming). Городъ этотъ, по Гюцлафу, лежитъ на Югъ отъ Гай-чжеу; онъ не означенъ ни на какихъ картахъ и не упоминается въ Государственной Географіи; населеніе его состоитъ большею частію изъ эмигрантовъ изъ провинціи Шань-дуна (Schan-Tong). Отсюда въ нѣсколько часовъ корабль переплылъ въ заливъ Дунъ-цзы-гу (Toung-Tsze-Kew), расположенный подъ 32° 23' с. ш. и 121° 7' в. д. Здѣсь стоялъ въ это время цѣлый флотъ южныхъ жонковъ, нагруженный маньчжурскими произведеніями. Прибрежныя долины состоятъ изъ алювіальной почвы, берегъ прирастаетъ безпрестанно, заливъ мѣлѣетъ, навигація затрудняется. Вдоль всего берега тянутся острова и отмѣли. Корабль направился къ Сѣверу, но, препятствуемый сѣверными вѣтрами, не могъ приблизиться къ Гай-чжеу и потому, обогнувъ сѣверный берегъ, приблизился къ Кинь-чжеу и великой стѣнѣ, но здѣсь сѣлъ на мѣль. Гюцлафъ принужденъ былъ ѣхать въ шлюпкѣ въ Гай-чжеу, просить помощи, при чемъ одинъ изъ его матросовъ замерзъ. Къ счастью переменна вѣтра позволила кораблю сняться съ мѣли. Это было въ послѣднихъ числахъ Ноября. 9 Декабря корабль былъ почти затертъ льдами. Самый городъ Гай-чжеу расположенъ въ 10 англ. м. отъ берега, окруженъ высокою стѣною, содержитъ значительное населеніе, ведетъ обширную торговлю. Это есть слѣдовательно лучшій и значительнѣйшій портъ Ляо-дунскаго залива. Дома его низки и дурно выстроены. Окрестныя фермы превосходно содержаны; китайскіе колонисты чрезвычайно индустріозны.

(75) Gützlaff. Journal of three voy. Lond. 1834. p. 417.

Первые новѣйшіе католическіе миссіонеры, проникшіе въ Маньчжурію (въ выѣшнемъ столѣтіи), были Мобанъ и Шастанъ. Мобанъ ⁽⁷⁶⁾ выѣхалъ въ ноябрѣ 1835 г. изъ монгольской христіанской общины *Си-ванъ* (Si-Wan, Si-Ouan) ⁽⁷⁷⁾, вслѣдъ за миссіонеромъ Брюгьеромъ, назначеннымъ епископомъ вновь образованной корейской миссіи, но скончавшемся на пути своемъ въ монгольской пограничной деревнѣ *Бей-леу* (Pié-Leou). Отдавъ послѣдній долгъ покойному Брюгьеру, Мобанъ направился черезъ Шэнъ-кинъ въ Корею и 12 января прибылъ въ маньчжурскій городъ *Фынъ-бянь-мынь* (Fong-Pien-Men) или *Фынъ-хуанъ*, лежащій недалеко отъ границъ Кореи, на р. Цао, одномъ изъ притоковъ Ялу-кяна. О провинціи Шэнъ-кинъ Мобанъ не сообщаетъ ничего замѣчательнаго, а говоритъ только о пограничной ея полосѣ съ Кореею. Здѣсь разстилаются пустыни и лѣса; сіи послѣдніе, на границѣ Шэнъ-кина съ Кореею, имѣютъ 12 лье (около 50 в.) ширины и 20 длины (около 180 в.); восточная ихъ опушка ограничена тремя вѣтвями знаменитой рѣки Ялу-кяна, изъ которыхъ самая восточная составляетъ границу Китая и Корейскаго царства. Ялу-кянь бываетъ покрытъ льдомъ въ продолженіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году. На лѣвомъ берегу рѣки находится таможня, а за нею уже корейскій городъ *И-чжеу* (I-Tcheou), черезъ который Мобану удалось проникнуть въ столь недоступную до тѣхъ поръ для европейцевъ Корею. Въ тоже почти время, только нѣсколько выше, черезъ Ялу-кянь перешелъ и миссіонеръ Шастанъ, не сообщившій ничего о южной Маньчжуріи.

Вскорѣ послѣ упомянутыхъ миссіонеровъ, именно въ ноябрѣ 1837 года, проникъ въ южную Маньчжурію, назначенный на мѣсто умершаго Брюгьера корейскимъ епископомъ миссіонеръ Имберъ ⁽⁷⁸⁾. Не рѣшась ѣхать изъ Си-ваня подобно двумъ

(76) Maubant Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. 1838. p. 342.

(77) Въ 10 лье къ Сѣв.-Вост. отъ воротъ Великой стѣны *Чжанъ-кя-кэу* (Tchang-Kia-Keou).

(78) Imbert, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI. 1838. p. 336.

предыдущимъ миссіонерамъ, черезъ снѣжное нагорье Монголіи, Имберъ предпочелъ возвратиться въ Китай черезъ ворота *Чжань-ка-кеу*, проѣхалъ въ 10 мѣсяхъ на С. отъ Пекина и прибылъ 25 ноября на границу Шанъ-ища въ крѣпость *Шанъ-хай-гуань* (*Шан-Най-Коцап*, что значить таможня стѣны и моря) гдѣ означается Великая стѣна, спускаясь съ подошвы горъ до самаго Желтаго моря. Здѣсь путешественники встрѣтили нѣкоторые затрудненія. Они боялись быть узанными на таможнѣ, тѣмъ болѣе, что Имберу, какъ христіанскому епископу, не хотѣлось совершить обычнаго колѣнопреклоненія передъ доскою, на которой изображенъ шифръ императора, а потому, пользуясь темнотою ночи и мятелью, миссіонеры, съ помощью контрабандистовъ, пробрались черезъ полуразрушенную стѣну, въ одномъ лѣе отъ таможни, и вступили въ предѣлы провинціи Шанъ-кинъ 27 ноября. Отсюда путешественники, въ продолженіи 5 дней, слѣдовали берегомъ моря, сначала представлявшимъ безплодную ланду, нрѣдка пересѣченную небольшими пригорками; послѣ того они постепенно удалились отъ берега и вступили въ пространную равнину, которая становилась все болѣе и болѣе живописною, въ особенности же въ окрестностяхъ Мукдена. Къ сожалѣнію Имберъ не описываетъ этого знаменитаго города, потому-что не только не рѣшился осмѣтрѣть его, но даже изъ предосторожности не входилъ въ самый городъ, а остановился у одной христіанской татарской фамиліи, въ одномъ изъ отдаленныхъ предмѣстѣевъ. Послѣ того Имберъ направился въ *Фынъ-бянь-мынь* (или *Фынъ-хуань*, *Fong-Pien-Men*, *Fung-Huan* на карт. Клапрота), откуда ему удалось ночью перейти по льду черезъ *Ялу-кянъ* и проникнуть въ Корею по пути *Мобана*, т. е. черезъ *И-чжу* (*I-Tcheou*).

Въ концѣ 1838 года, для распространенія христіанства въ Маньчжуріи, былъ образованъ особенный маньчжурскій викариатъ, котораго викаріемъ назначенъ былъ Вероль. Прежде нежели этотъ миссіонеръ достигъ до Маньчжуріи (въ концѣ 1840 г.), черезъ провинцію Шанъ-кинъ на границу Кореи проѣхалъ

миссіонеръ Ферреоль, которому не удалось повасть на полуостровъ и который возвратился черезъ Муидэнь въ Монголію, не сообщивъ ничего замѣчательнаго о Маньчжуріи ⁽⁷⁹⁾. Вероль же прибылъ въ свой миссіаріатъ въ маѣ 1841 г. ⁽⁸⁰⁾, зиму 1841—42 пробылъ въ Гирини, а зиму 1842 и весну 1843 въ южной части Лао-дуна въ городѣ Гай-чжеу или *Гай-п'инь-хянь*; (Cai-Tcheou на картѣ Бергхауза, Kai-Phing-Hien на кар. Клапрота). Онъ сообщаетъ о южной Маньчжуріи многія интересныя, но только общія замѣчанія, которыми мы уже воспользовались въ общемъ обзорѣ.

Въ концѣ 1842 года въ Шэнъ-кинъ (Ляо-дунъ) прибыли морскимъ путемъ миссіонеры Де-ла-Брюньеръ и Метръ ⁽⁸¹⁾. Они выплыли изъ Шань-хая ⁽⁸²⁾ ночью на 2 октября въ Китайской жонкѣ и 22 октября бросили якорь въ *Да-чжуанъ-гю* (Ta-Tchuan-Ku), небольшой гавани, лежащей близъ города *Гай-чжеу* (Cai-Tcheou), въ Ляо-дунѣ. Берегъ южной Маньчжуріи казался имъ обнаженнымъ и высушеннымъ сѣвернымъ вѣтромъ; нѣсколько горъ или холмовъ возвышались на небольшомъ разстояніи отъ берега, внутри прибрежной полосы, которая впрочемъ вообще казалась довольно плоскою. Вѣтеръ былъ холоденъ, какая-то суровость царствовала, какъ въ атмосферѣ, такъ и въ цѣломъ ландшафтномъ впечатлѣніи страны. Когда путешественники высадились на берегъ, то ихъ тотчасъ схватили и привели къ мандарину, но они были освобождены, по поручительству одного изъ туземцевъ, выдавшего ихъ за переселенцевъ изъ *Кянъ-наня* (Kiang-Nan). Де-ла-Брюньеръ говоритъ, что южная Маньчжурія характеризуется дикостью природы и суровостью климата. Путешественникъ съ перваго взгляда поражается въ прибрежѣ Шэнъ-кина обнаженностью всѣхъ горъ и окружающихъ ихъ

(79) Ferreol, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVI. 1844. p. 166.

(80) Verolles, Lettre Id. T. XVI. 1844. p. 138.

(81) De la Brunière Lettres Id. T. XVI. 1844. p. 126. etc.

(82) Знаменитаго города и порта провинціи Кянъ-су (Kiang-Su), открытаго европейцамъ со времени англо-китайской войны.

равнинѣ, на которыхъ взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, ни даже иногда и травы. На поляхъ вездѣ посѣяны рясъ и просо, и еще растеніе, котораго зерно, по словамъ Де-ла-Брюньера, превосходитъ втрое величину зеренъ проса, а вкусомъ походить на пшеницу. Это растеніе здѣшніе жители называютъ хакъ-баишъ (Нас-Ван). Виноградники также видны вездѣ въ Шэнь-кинѣ, но на зиму виноградныя лозы пригибаются въ нарочно вырытыя для того борозды и засыпаются землею и соломой. Виноградъ здѣшній очень красивъ, но такъ водянистъ, что изъ 100 литровъ сока выходитъ при дистилировкѣ только 40 литровъ посредственнаго вина, очень уступающаго въ качествѣ французскому. Изъ Шэнь-кина Де-ла-Брюньеръ отправился на границу Монголіи и оттуда уже проникъ въ сѣверную Маньчжурію.

Миссіонеръ Ферреоль оставался въ Ляо-дунѣ до конца 1844 года. Въ этомъ году онъ послалъ изъ уѣзда своего (къ Сѣверу отъ Мукдэня на монгольской сторонѣ палисады) корейскаго христіанина Кимай-кима, черезъ всю южную полосу провинціи Гирини на сѣверную границу Кореи.

Путешествіе Кимай-кима есть самое интересное изъ всѣхъ. Оно знакомитъ насъ со всею поперечною линіею отъ границъ Монголіи при палисадѣ Шэнь-кина черезъ Гиринь, оттуда вверхъ по Сунгари до $43\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. и внизъ по Хурхѣ черезъ озеро Биртынъ-омо почти до Нингуты, и наконецъ оттуда черезъ дремучіе лѣса до Хунь-чуня (Houn-Choun), при устьѣ *Миккиа* (Mi-Kiang) или Тумэнь-улы. Отчетъ его былъ сообщенъ въ письмѣ Кимай-кима къ епископу Ферреолу отъ 15 декабря 1844 г., написанномъ на китайскомъ языкѣ и переведенномъ въ журналѣ евангелическихъ миссій за 1846 г. ⁽⁸³⁾

Разставшись съ Ферреолемъ, Кимай-кимъ, съ своимъ спутникомъ, быстро направился по саанной дорогѣ въ *Гуань-ченъ-цзы* (Kouan-Tcheng-Tse, т. е. Гуань-нинъ-хянь), куда и прибылъ на

(83) Kimai-Kim, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. p. 284—293.

ночлегъ черезъ нѣсколько часовъ ѣзды. На другой день путешественники проѣхали деревянную палиссадку и вступили въ провинцію Гиринь. Деревня, занесенная снѣгомъ, однообразныя своею бѣлизною, представляли однакоже пріятное зрѣлище своимъ оживленіемъ, потому-что въ нихъ множество саней, слѣдующихъ отъ одного жилища къ другому, пересѣкали пространство въ разнообразныхъ направленіяхъ и притомъ съ такою скоростью, о которой не имѣютъ понятія въ Китаѣ.

Первый значительный городъ, въ который прибыли путешественники, былъ *Гиринь*, столица провинціи и резиденція Князя-кюня (по сѣв. произн. Цзянь-цзюня, Kiang-Kium) или главнокомандующаго. Онъ расположенъ на восточномъ берегу Сунгари, которой теченіе было въ это время заморожено февральскимъ холодомъ. Простирающаяся отъ З. къ В. цѣпь горъ, которой вершины въ это время исчезали въ легкомъ туманѣ паровъ, защищаетъ Гиринь отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Какъ почти всѣ города Китая, Гиринь не представляетъ ничего замѣчательнаго; онъ состоитъ изъ неправильной кучи кирпичныхъ избъ и землянокъ, въ одинъ этажъ, покрытыхъ соломою. Дымъ, поднимавшійся съ крышъ города, возвышался сначала вертикально, а потомъ разстилался по атмосферѣ на небольшой высотѣ, образуя какъ бы огромный плащъ синеватаго цвѣта, покрывающій весь городъ. Народонаселеніе Гириня состоитъ изъ Маньчжуровъ и Китайцевъ, смѣшанныхъ между собою, но послѣдніе изъ нихъ гораздо многочисленнѣе. Говорятъ что это населеніе простирается до 600000 душъ, но такъ какъ народной переписи въ этой странѣ не существуетъ, то Кимай-кимъ не полагаетъ чтобы населеніе это могло превосходить $\frac{1}{4}$ этой цифры, т. е. 150000 душъ.

Улицы города очень оживлены, торговля его процвѣтаетъ; Гиринь составляетъ складочное мѣсто для торгова мѣхами различныхъ сортовъ, бумажными и шелковыми матеріями и искусственными цвѣтами, которыми женщины всѣхъ классовъ украшаютъ здѣсь свои головы. Наконецъ здѣсь также склады-

вастья и весь строевой лѣсъ, спаливаемый въ императорскихъ лѣсахъ.

Опушка этихъ лѣсовъ находится недалеко отъ Гириня; путешественники видѣли ихъ отсюда на горизонтѣ, гдѣ они поднимали свои обнаженные и черныя головы надъ блестящимъ свѣтлымъ покровомъ. Они раздвигаются широкою преградой между Небесною имперіею и Корею, прерывая сообщеніе между двумя народами и поддерживая между ними то враждебное раздѣленіе, которое существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ Корейцы оттѣснены на свой полуостровъ. Отъ В. къ З. эти лѣса растянуты на 60 лье. Путешественники желали бы направиться черезъ нихъ прямо въ Корею, но такъ какъ въ этомъ направленіи лѣса непроходимы, то они принуждены были пуститься въ далекій обходъ и направиться по зимней дорогѣ въ Нингугу (Nin-Gunta).

Эта дорога была совершенно неизвѣстна Кимай-киму, но къ счастью онъ нашелъ двухъ попутчиковъ, туземныхъ купцовъ, возвращавшихся въ свое отечество — Нингугу. Сначала путешественники слѣдовали по льду вверхъ теченія Сунгари, а потомъ вѣроятно притока ея Лафа. Большія неровности этой части Манчжуріи, пересѣкающія ее горы и недостатокъ торныхъ дорогъ принуждаютъ путешественниковъ слѣдовать вдоль рѣкъ. Съ притока Сунгари путешественники переѣхали черезъ волокъ на рѣку, которую Китайцы (по удостовѣренію Кимай-кима) называютъ *Му-чуань* (Mou-Touan); эта рѣка на европейскихъ картахъ названа *Хурхою* (Hourha, Hur-Dia). Вдоль береговъ ея расположены изрѣдка постоянные дворы. Путешественники подвигались впередъ, то по льду рѣки, то по одному или другому изъ ея береговъ, смотря потому гдѣ дорога представляла менѣе неровностей. На право и на лѣво поднимались высокія горы, увѣчанные гигантскими деревьями и обитаемыя тиграми, ирбизами, медвѣдями, волками и другими хищными животными, которыя соединенными силами ведутъ войну съ проѣзжими. Бѣда тому кто одянь углубится въ эту

страшную пустыню! Путешественникамъ рассказывали, что въ одну зиму около 80 человекъ и болѣе 100 воловъ и лошадей сдѣлались добычею хищныхъ животныхъ, вслѣдствіе чего проѣзжіе не отваживаются ѣхать иначе, какъ большими караванами.

Но если животные нападаютъ на людей, то и люди въ свою очередь не оставляютъ ихъ въ покоѣ. Каждую осень императоръ посылаетъ въ эти лѣса цѣлыя арміи охотниковъ. Въ 1843 году ихъ было послано 5000. Всякій разъ нѣсколько человекъ платятъ жизнь за свою храбрость. Кимай-кимъ встрѣчалъ нѣсколько разъ тѣла такихъ погибшихъ, которыхъ товарищи несли далеко на кладбища ихъ предковъ, иногда за сотни миль, и на ихъ саванахъ были всегда разложены трофеи ихъ побѣды: олени рога или кожи тигровъ.

Слѣдуя по теченію рѣки, путешественники выѣхали на небольшое озеро, имѣющее отъ 7 до 8 лье ширины и покрытое, также какъ и рѣка черезъ него протекающая, твердымъ льдомъ. Оно славится въ окрестной странѣ количествомъ жемчуга, который тамъ ловится для императора. Кимай-кимъ называетъ его *Хэй-ху* (Hei-Hou) или *Чжунь-чжу-мынь* (Hin-Tchou-Men), т. е. черное озеро или ворота драгоценныхъ камней. Безъ сомнѣнія это есть озеро Биртынъ-омо (Pilten, всѣхъ европейскихъ картъ), черезъ которое протекаетъ рѣка Хулха. Такъ какъ время приближалось къ китайскому дню новаго года, то путешественники, слѣдуя принятому обычаю, не могли продолжать пути до конца праздника и остановились на постояломъ дворѣ.

Въ самый день приближенія новаго года, т. е. въ полночь, путешественники, по обычаю народному, были пробуждены одѣтымъ въ самую странную одежду хозяиномъ, который возвѣстилъ имъ приближеніе боговъ. Въ самую полночь всѣ жители хижины или постоялаго двора, не исключая женщинъ и дѣтей, выходятъ на дворъ встрѣчать боговъ, одѣтые въ свои лучшія платья. Отецъ семейства или старшій въ домѣ смотритъ пристально на небо. Онъ одинъ имѣетъ привилегію видѣть боговъ. Наконецъ, по прошествіи нѣкотораго времени, онъ го-

ворить: «вотъ они съ этой стороны», и всё обращаются въ ук-
азанную сторону, даже! поворачиваютъ туда головы домашнихъ
животныхъ и падаютъ ницъ. Послѣ того всё возвращаются
домой и начинается обильное угощеніе.

Путешественники пробыли 8 дней въ Чжунь-чжу-мынѣ. На
4-й день первой луны, оставивъ свои сани, слѣвавшіеся имъ
ненужными, они осѣдлали лошадей, взяли съ собою телѣги, на-
полненныя провіантомъ для нихъ и запасомъ для лошадей, и
двинулись имъ хозяиномъ гостинницы за условленную плату, и
пустились въ путь черезъ лѣса. На дорогѣ путешественники
должны были сами себѣ готовить кушанье. Черезъ нѣсколько
времени они прибыли въ *Ма-дэнь-лэ* (Ma-tien-ho) близъ *Нин-
густы* (Ningoustra), гдѣ начиналась дорога, выходящая къ морю
черезъ 60 лье. Семь или 8 лѣтъ до путешествія Кимай-кима
на этой дорогѣ не было ни одного жилища, ни одной хижины,
которая бы могла служить убѣжищемъ путешественнику. Сіи
последніе собирались въ большіе караваны и располагались на
бивакѣ, тамъ гдѣ ихъ заставляла ночь, окружая себя огнями для
обезпеченія отъ нападеній тигровъ. Въ 1844 году по всей до-
рогѣ уже выстроены были постоянные дворы: впрочемъ эти
дворы ничто иное какъ простыя хижины, сложенныя на манеръ
хижинъ дикарей, изъ сучьевъ, наваленныхъ одни на другіе и
смазанныхъ глиною. Архитекторами и хозяевами этихъ дым-
ныхъ караванъ-сераевъ были нѣсколько Китайцевъ, извѣстныхъ
у туземцевъ подъ названіемъ *Гуань-кунь-цзы* (Gouang-koun-tza),
т. е. бездомныхъ людей, прибывшихъ издалека, и большою
частью бѣжавшихъ изъ родительскаго дома, для того чтобы
жить грабжами. Они находятя здѣсь только зимою, съ по-
явленіемъ весны оставляютъ свои хижины и занимаются за-
прещенною охотою въ лѣсахъ и собираніемъ жень-шэня.

Внутренность этихъ хижинъ еще отвратительнѣе ихъ на-
ружности. Въ среднѣхъ, на нѣсколькихъ камняхъ, утверждены
большой котелъ, единственная посуда этихъ харчевенъ. Огонь
раскладывается около котла, дымъ выходитъ въ какія бы то

ни было ие.ш, всѣ стѣны покрыты ужасной конотью; ружья и охотничьи ножи, законченные какъ и все остальное, висятъ на стѣнахъ, земляной полъ посыпанъ древесной корою, которая замѣняетъ мѣста нуха для усталыхъ членовъ путешественника. Кимай-кимъ долженъ былъ проводить ночи въ этихъ хижинахъ съ своими спутниками, иногда они принуждены были лежать одинъ на другомъ, потому что число ночевавшихъ въ хижанѣ доходило до 100 человекъ. Дымъ задушалъ ихъ, и только отъ времени до времени они выбѣгали изъ хижины, для того чтобы перевести дыханіе на свѣжемъ воздухѣ.

Гуань-гуань-цзы даютъ только кровь и воду своимъ посѣтителямъ, а потому сіи послѣдніе необходимо должны запастись провіантомъ, до входа своего въ страну лѣсовъ. Мѣдная монета совсѣмъ не ходитъ здѣсь, а серебро даже почти неизвѣстно; содержатели постоянныхъ дворовъ за свое гостепримство получаютъ рисъ, просо, небольшие хлѣбы, испеченные подъ пепломъ, мясо, маисовое вино и т. д. Что касается до вьючныхъ животныхъ, то ихъ помѣщаютъ подъ открытымъ небомъ и охраняютъ дѣятельно отъ жадности волковъ и тигровъ, о приближеніи которыхъ легко заключить по ржанію и безпокойству лошадей. При такомъ приближеніи путешественники вооружаются факелами, бьютъ въ танъ-танъ (*tam-tam*, родъ барабана), кричатъ и вообще дѣлаютъ сколь возможно болѣе шума, и только такимъ способомъ обращаютъ въ бѣгство опаснаго непріятеля.

Лѣса этой части Маньчжуріи очень древни; деревья ихъ составляющія — непомѣрной величины и значительной высоты. Топоръ дровосѣковъ рубить ихъ только на опушкѣ, внутри же они падаютъ только отъ ветхости. Стая птицъ живутъ на ихъ вѣтвяхъ; между ними есть такія, которыя уносятъ молодыхъ оленей, только Кимай-кимъ не могъ узнать ихъ имени (вѣроятно *Vultur barbatus*). Въ особенноти же здѣсь такое неслѣтное количество фазановъ (вѣроятно *Phasianus pictus*), что нельзя даже

представить себѣ ихъ многочисленности, не смотря на то, что орлы и коршуны жестоко ихъ истребляютъ.

Въ одномъ днѣ пути не доходя до *Хунь-чуня* (*Houng-Tchoung*), путешественники, оставивъ свои тяжелыя телеги, прибыли наконецъ, послѣ мѣсячнаго странствованія, къ цѣли своего путешествія. *Хунь-чунь* (*Houng-Tchoung*), расположенный близъ восточнаго океана, недалеко отъ устья *Ми-кяна* (*Mi-kiang*), т. е. *Тумэни-улы* (*Tumen*), отдѣляющей Маньчжурію отъ Кореи, есть небольшая деревня, которой народонаселеніе состоитъ изъ сотни татарскихъ семействъ. Кромѣ *Фынъ-хуана* (*Fong-pien-men*), лежащаго на югѣ, это есть единственный пунктъ сообщенія между Китаемъ и Корею. Здѣсь находится мандаринъ 2-го класса изъ Маньчжуровъ, поставленный для полицейскаго надзора; въ его распоряженіи состоитъ команда изъ 2-хъ или 3-хъ сотъ солдатъ. Множество Китайцевъ пріѣзжаютъ сюда для торга. Они доставляютъ Корейцамъ собакъ, кошекъ, курительныя трубки, кожу, оленины рога, мѣдъ, лошадей, муловъ и ословъ, а въ обмѣнъ получаютъ плетенныя корзины, кухонную посуду, рисъ, хлѣбъ, свинину, бумагу, плетенки, воловь, говядину, мѣха и небольшихъ лошадей, очень цѣнимыхъ за ихъ быстроту. Эта торговля для народа бываетъ только разъ въ два года и то въ продолженіи полу-дня; мѣна товаровъ производится въ *К'эу-венъ* (*Kieu-wen*), сосѣднемъ Корейскомъ городѣ, лежащемъ въ 4 мѣ отъ *Хунь-чуня*. Если по наступленіи ночи Китайцы не уходятъ за свои границы, то корейскіе солдаты преслѣдуютъ ихъ съ мечами.

Мандаринамъ *Мукдэня*, *Гириня*, *Нангуты* и *Хунь-чуня*, позволяется торговать ежегодно и имъ дается 5 дней на торговые слѣлки, при чемъ они впрочемъ всегда сопровождаются стражею и не могутъ ночевать на Корейской землѣ. До входа своего въ лѣса они имѣютъ обыкновеніе разбивать палатки на вершинѣ горы и приносить богамъ въ жертву поросать; всѣ должны принимать участіе въ этой жертвѣ.

Между Корейскою и Китайскою манціями существуетъ боль-

шая ненависть, особенно же съ новѣйшаго времени, когда Китайцы вторгнулись на полуостровъ и похитили множество женщинъ и дѣтей у Корейцевъ. Кимай-кимъ видѣлъ на постояломъ дворѣ одного изъ такихъ похищенныхъ Корейцевъ, которому было не много болѣе 20 л. На вопросъ Кимай-кима не желаетъ ли онъ возвратиться въ свое семейство, онъ отвѣчалъ, что онъ не рѣшится на это, потому что его примутъ тамъ за Китайца и срубятъ голову.

Хунь-чунь знаменитъ въ странѣ одною отраслю торговли, распространенной по всей Имперіи: это именно продажа *Хай-цая* (Hai-Tsai, морская трава, водоросль), ловимаго въ Японскомъ морѣ, недалеко отъ берега. Люди его собирающіе удаляются отъ берега въ лодкахъ, и потомъ, опоясавшись мѣшкомъ, погружаются въ воду, наполняютъ мѣшокъ водорослью, возвращаются въ лодку для выгрузки ея, потомъ снова погружаются за травою и продолжаютъ это до тѣхъ поръ пока лодка совсемъ наполнена. Китайцы чрезвычайно любятъ эту зелень въ кушанья и потребляютъ ее въ большомъ количествѣ, а потому путешественники встрѣчали по дорогамъ большіе обозы нагруженныхъ ею телѣгъ.

Изъ Хунь-чуня Кимай-кимъ отправился на время торга въ Корейскій городъ К'эу-венъ (Kiu-wen). Вечеромъ путешественники возвратились обратно ⁽⁸⁴⁾ въ Хунь-чунь. При возвращеніи своемъ въ долину *Ми-кяна* (Mikiang, Тумэнь-ула) они нашли большія перемѣны. Ледъ, по которому они переѣхали, былъ уже взломанъ волнами рѣки. Съ горныхъ вершинъ стремились потоки, увеличивающіе разливъ рѣки и увлекающіе за собою стволы огромныхъ деревьевъ и еще болѣе огромныя льдины. Безпрестанно подѣзжали путешественники съ своими телѣгами и загромоздили весь берегъ рѣки. Ихъ крики, ржанье лошадей, вой хищныхъ животныхъ, смѣшанные съ шумомъ водъ, придавали долину какой то торжественный и страшный видъ.

(84) Kimai-Kim, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. 1846. p. 303.

Кимай-кимъ, отыскавъ бродъ, смѣло перешагнулъ черезъ рѣку, но спутникъ его, взявъ проводника, нустился въ обходъ. Оба впрочемъ благополучно возвратились въ Хунь-чунь, потерявъ одну лошадь. Кимай-кимъ только впоследствии проникъ въ Корею, гдѣ нашелъ мученическую смерть.

Ферреолу въ 1844 г. не удалось проникнуть въ Корею, куда онъ пытался пробраться черезъ Фынъ-хуанъ, и въ началѣ 1845 г. онъ отправился въ обратный путь въ Макао.

1845 годъ представляетъ намъ интересное путешествіе Де-ла Брюньера. Миссіонеръ этотъ выѣхалъ въ половинѣ Іюля изъ монгольской деревни Бай-кя-цзѣ (Pa-Kia-tze)⁽⁸⁵⁾. Деревня эта означена на картѣ Дюфура; она лежитъ къ Ю.-З. отъ маньчжурскаго города Бѣдуэ, приблизительно въ паралели 45° с. ш. и меридианѣ Мукдѣя. Черезъ 7 дней пути, направляясь къ С.-С.-В., онъ прибылъ въ маньчжурскій городъ Аже-хэ (Aje-ho). Аже-хэ есть новый городъ, образованный непрерывными эмиграціями китайцевъ въ Маньчжурію, и подъ этимъ именемъ не находится ни на одной изъ извѣстныхъ мѣ картъ. Относительно его положенія можно легко попасть въ заблужденіе, читая письмо Де-ла-Брюньера. Этотъ миссіонеръ говоритъ именно⁽⁸⁶⁾, что Аже-хэ лежитъ въ 40 лье (160 верстъ) къ Сѣверу отъ Гирина и 25 (100 вер.) къ Западу отъ Сунгари. Эти показанія находятся въ противорѣчій между собою, потому что мѣсто лежащее въ 160 вер. къ С. отъ Гирина не можетъ быть иначе какъ къ В. отъ Сунгари. Слѣдовательно вмѣсто къ З. нужно читать къ В. отъ Сунгари. 7 дней пути отъ Бай-кя-цзѣ къ В.-С.-В. также согласуются съ этою поправкою. Слѣдующее показаніе миссіонера Вено⁽⁸⁷⁾, ѣхавшаго по пути Де-ла-Брюньера, нѣсколько лѣтъ спустя, также подтверждаетъ нашу поправку. Вено говоритъ, что выѣхавъ

(85) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. p. 274—303.

(86) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 195; Nouv. Ann. de Voyages 5-me série T. XVI. 1848. Octob. p. 83.

(87) Venault Excursion dans les parties intérieures de la Mantchourie en 1830. Nouv. Ann. d. Voyag. 1832. Mai, p. 207.

въ Аже-хэ ояъ, въ продолженіи первыхъ трехъ дней пути, встрѣчалъ на дорогѣ постоянные дворы, но по переходѣ Сунъ-хуаканъ (Сунгари), постоянные дворы эти сдѣлались рѣже и путешественники принуждены были просить гостепрѣимства у колонистовъ, разбросанныхъ на западномъ берегу рѣки; слѣдовательно городъ Аже-хэ находится на восточномъ.

По указанной нами поправкѣ, Аже-хэ находится отъ Гирини къ С. въ 160 вер., отъ р. Сунгари къ В. въ 100, отъ Сань-сина, по показанію Вено, въ 200 вер. (50 лье), слѣдоват. на р. Альчуку, и въ такомъ случаѣ можно полагать что этотъ Аже-хэ есть тоже что городъ Альчуку близъ впаденія этой рѣки въ Сунгари. Населеніе этого города уже составляющее, какъ сказывали Де-ла-Брюньеру, 60000 душъ⁽⁸⁸⁾, безпрестанно прибавляется. Городъ управляется мандариномъ 2-го класса, обстоятельство также подтверждающее его тождество съ Альчуку; въ территоріи его находится нѣсколько христіанскихъ фамилій, между которыми впослѣдствіи пребывалъ миссіонеръ Вено.

Изъ Аже-хэ Де-ла-Брюньеръ направился въ Сань-синъ, лежащій на правомъ берегу р. Сунгари, при впаденіи въ нее Хулхи (Хурхи) и въ 320 вер. выше соединенія ея съ Амуромъ. Въ 8 лье (32 вер.) за Аже-хэ страна, до тѣхъ поръ довольно населенная, превращается внезапно въ обширную пустыню. Пустыня эта пересѣчена только дорогою, ведущею въ Сань-синъ, по маньчж. Илань-хала. Лѣса, состоящіе изъ дубовъ, вязовъ и вильмовъ, со всѣхъ сторонъ ограничиваютъ горизонтъ; высокая и густая трава, поднимающаяся иногда выше головъ путешественниковъ, даетъ право заключить о плодородіи этой дѣвственной страны, къ которой рука человѣческая еще не прикасалась. На каждыхъ 40 верстахъ можно встрѣтить одну или двѣ хижины, родъ постоянныхъ дворовъ, устроенныхъ стараніями мандариновъ для курьеровъ правительства, но въ которыхъ могутъ помѣщаться и другіе путешественники. Только на этихъ постоянныхъ дворахъ

(88) De la Brunière, Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 200—203.

нельзя достать ничего, кромѣ развареннаго въ водѣ пшена. Есть еще кушанья изъ дикорастущихъ здѣсь травъ, между которыми, какъ полагаетъ Де-ла-Брюньеръ, была и *Geranium*. Одно изъ любимыхъ кушаньевъ составляютъ здѣсь цвѣты желтыхъ ма-лій, растущихъ по здѣшнимъ горамъ. Тигровъ, которыми пугали путешественниковъ, Де-ла-Брюньеръ не встрѣчалъ. Но зато были здѣсь другія, менѣе опасныя, но не менѣе неприятныя животныя: мошки, комары, осы и овода, отъ которыхъ никакъ не могли избавиться путешественники. Черезъ три дня пути самыя опасныя изъ сихъ животныхъ — осы и овода заставили Де-ла-Брюньера перемѣнить всю систему своего путешествія и превратить ночь въ день, а день въ ночь, вслѣдствіе чего только одни комары остались еще спутниками путешественниковъ. Жители носятъ здѣсь посреди лѣта маски, изъ двойнаго полотна, съ отверстиями только для глазъ. Что же касается до вьючныхъ животныхъ, то пять дневныхъ переходовъ при полуденномъ жарѣ и преимущественно около рѣкъ, гдѣ насѣкомыхъ еще болѣе, подвергаютъ ихъ вѣрной смерти. Только жилища нѣсколько предохранены отъ нападений насѣкомыхъ культурой и навозомъ. За Сань-синомъ комары и осы становятся чудовищными въ своихъ размѣрахъ. Они исчезаютъ только въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Другую неприятность при путешествіи по Маньчжуріи составляютъ обширныя грязныя болота, пересекающія дорогу и принуждающія иногда дѣлать обходы въ 12 и 15 верстъ. Къ счастью Де-ла-Брюньера лѣто было особенно сухо и онъ рѣшился переходить встрѣчающіяся болота въ бродъ. Только разъ онъ едва не утонулъ въ глубокихъ и вязкихъ мхахъ и былъ вырученъ только однимъ жителемъ сосѣдней хижины, указавшимъ ему дорогу.

Черезъ 7 дней пути отъ Ажехэ, Де-ла-Брюньеръ наконецъ увидѣлъ дома Сань-сина и ихъ еловые заборы. Городъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ главной улицы, вымощенной деревянною мостовою. Народонаселеніе города не превосходитъ какъ говорятъ 10,000 душъ. Имъ управляетъ

мандаринъ 2-го класса, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ рѣчная область Усури, также какъ и правый берегъ Амура до самаго моря.

Городъ Сань-синъ есть самый послѣдній мандаринскій постъ къ В, и также крайній предѣлъ, до котораго могутъ достигать китайскіе и маньчжурскіе путешественники; далѣе ѣхать имъ запрещено, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Только десятокъ купцовъ, снабженныхъ императорскими листами, обходящимися каждому до 100 ланъ (200 р. сер.) имѣютъ право спускаться по Сунгарю и входить въ Амуръ, а оттуда и въ Усури, которой мѣса обилуютъ знаменитымъ жень-шенемъ (ginseng). Каждый годъ начальство Сань-сина посылаетъ поочередно три военныхъ судна, которыхъ вооруженіе не состоитъ ни изъ пушекъ, ни изъ ружей, но изъ сабель. Первое изъ судовъ отправляется въ Му-ченъ (Mou-Tchen), на правомъ берегу Хэй-лунъ-кяна (Амура), около $40\frac{1}{4}^{\circ}$ с. ш. Этотъ Му-ченъ или Донъ-донъ (Тондон) есть не городъ и не деревня, а просто балаганъ, служащій временною префектурою для мандариновъ военнаго судна. Они должны собирать здѣсь кожи и мѣха (преимущественно собольи и выдровые), доставляемые племенемъ Чанъ-мао-цзы (Cham-mao-tze, т. е. длинноволосыми инородцами, называемыми такъ, потому-что они не брѣютъ своихъ волосъ), въ обмѣнъ за известное число кусковъ холста. Чанъ-мао-цзы есть кажется то интересное племя, которое русскія экспедиціи называютъ Мангунцами. Другое судно посылается для такого же сбора къ племеню Юй-п'и-да-цзы (Yu-pi-ta-tze или рыбокожихъ Да-цзы, т. е. Татаръ), называемыхъ такъ потому, что они одѣваются въ рыбьи кожи; третье же имѣетъ въ своей юрисдикціи Эр-ло-цзы (Ell-lao-tze) или краснодлинноволосыхъ, ничтожное, почти истребившееся племя, занимающее побережье двухъ или трехъ незначительныхъ притоковъ Усури и живущее въ шалашахъ изъ древесной коры.

Де-ла-Брюньеръ прибылъ въ Сань-синъ именно въ то самое время когда Юй-п'и-да-цзы и Чанъ-мао-цзы прибыли туда для

промѣна добычи своей охоты и рыбной ловли на холстъ, просо и въ особенности водку. Отъ нихъ Де-ла-Брюньеръ узналъ, что въ 160 вер. ниже Сань-сина на Сунгари расположено одно изъ главныхъ мѣстъ ихъ—Су-су (Sou-sou). Желая пробраться туда и не найдя проводниковъ, Де-ла-Брюньеръ, пробывъ нѣсколько дней въ Сань-синѣ, отправился наудачу съ спутниками своими, черезъ горы, лежащія на В. отъ Сань-сина ⁽⁸⁹⁾. Горы эти принадлежатъ, судя по картамъ, къ отраслямъ Кентей-алиня. Путешественники не разъ сбивались съ дороги, но, руководствуясь догадками и распросами, не потеряли своего главнаго направленія. Единственное бывшее съ нимъ приключеніе была встрѣча съ военнымъ мандариномъ, который впрочемъ, принявъ ихъ за агентовъ правительства, обошелся съ ними дружественно и указалъ имъ прямой путь въ Су-су, куда они и прибыли на другой день.

Здѣсь Де-ла-Брюньеръ пробылъ нѣсколько дней между Юй-п'и-да-цзы, которые сначала испугались появленія чужеземцевъ, но потомъ обошлись съ ними привѣтливо. Всѣ они говорятъ по китайски, но не забыли и роднаго языка. Языкъ этотъ, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера, относится къ маньчжурскому, какъ провансальскій — къ французскому. Нѣтъ сомнѣнія слѣдовательно, что Юй-п'и-да-цзы одноплеменны съ коренными Маньчжурами и древними Нюй-чженьцами. Такъ какъ черезъ недѣлю прибылъ въ Су-су военный мандаринъ, Де-ла-Брюньеръ возвратился въ Сань-синъ и остановился здѣсь у одного изъ магометанъ, составляющихъ, по свидѣтельству миссіонера, $\frac{1}{4}$ здѣшняго народонаселенія. У нихъ есть мечеть и школа. Наскучивъ подозрѣніями и распросами мандариновъ, Де-ла-Брюньеръ выѣхалъ изъ Сань-сина и направился на В. Онъ слышалъ отъ Юй-п'и-да-цзы, что здѣсь идетъ тропинка, ведущая къ берегу Усури, гдѣ находятся главныя мѣстообитанія этого племени. Тропинка эта имѣетъ около 500 вер. (120 лье) длины,

(89) Въ пр. е. р. 207.

по-причѣтъ большихъ обходовъ, вынуждаемыхъ встрѣчающимися горами (Кентей-алинь) и рѣками. Купеческіе караваны слѣдуютъ по этой тропинкѣ два раза въ годъ, черезъ совершенную пустыню. Навьючивъ мула необходимыми припасами, миссіонеръ тронулся въ путь, на который употребилъ, при неблагопріятныхъ осевнихъ дождяхъ, 15 дней. Трудности пути были ужасны. Въмѣсто отдыха на привалѣ путешественниковъ ожидала самая утомительная работа. Нужно было рубить и волочить деревья, зажигать ихъ для защиты отъ холода и тигровъ, готовить кушанье на дождѣ и открытомъ воздухѣ, и все это посреди роя комаровъ, осъ и оводовъ, прекращавшихъ свои нападенія только около 10 часовъ вечера. Нѣсколько разъ, не имѣя силы срубить дерева, путешественники зажигали его на корнѣ и спали въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда. Въ лѣсѣ и водѣ небыло недостатка. Только подъ конецъ, по мѣрѣ приближенія къ Усури, источники становятся столь рѣдкими, что путешественники часто принуждены были довольствоваться сухимъ просомъ. Лѣса всей этой гористой пустыни состояли почти исключительно изъ дуба. Наступающіе холода мало по малу лишали ихъ зелени. 15 Сентября вечеромъ показалась наконецъ рѣка Усури⁽⁹⁰⁾.

Де-ла-Брюньеръ вышелъ на Усури 160 вер. (40 лье) ниже озера Хинкая (Hinka) или Даху (Tahou) т. е. вѣроятно нѣсколько сѣвернѣе 46° с. ш. Здѣсь Усури столь же глубока, хотя менѣе широка чѣмъ Сунгари. Первымъ пристанищемъ путешественниковъ была уединенная хижина, выстроенная китайскими купцами и служившая складочнымъ мѣстомъ для собираемаго Жень-шэня. Пробывъ здѣсь два дня Де-ла Брюньеръ, по приглашенію купцовъ, спустился въ ихъ лодкѣ на 80 лье по Усури, до бѣдной хижины, расположенной въ 40 вер. (10 лье) выше устья Усури. Въмѣсто людей миссіонеръ видѣлъ вездѣ только мертвую тишину пустыни.

(90) De la Brunière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 208—222.

Хижина, въ которую прибыли путешественники, принадлежала одному Китайскому переселенцу изъ Шань-дуна, который съ 12-ю работниками, въ теченіи цѣлаго полугода, бродилъ по горамъ, занимаясь собираніемъ знаменитаго корня Пу-ху (жень-шэня). Сначала купцы приняли миссіонера радушно, но когда онъ заговорилъ имъ о евангельскомъ ученіи, они стали показывать ему пренебреженіе, а потомъ и непріязненность. Де-ла Брюньеръ зимовалъ здѣсь. Въ половинѣ Октября деревья были уже обнажены, а поблекшая трава возвѣщала приближеніе холодовъ. Миссіонеру удалось видѣть въ это время явленіе, здѣсь впрочемъ довольно обыкновенное — пожаръ лѣсовъ. На южной сторонѣ горизонта показалось сначала огромное облако дыма, затмившее скоро свѣтъ солнечный. Мгновенно всѣ бросились изъ хижины съ крикомъ «огонь», вооружились топорами и живо уничтожили всю растительность, окружавшую хижину, спалили даже траву, а срубленные деревья бросили въ воду. Только эта предосторожность спасла всѣхъ: облако быстро приближалось, наконецъ заблистало страшное пламя, которое подвигалось столь же быстро, какъ лошадь, скачущая во весь опоръ. Въ атмосферѣ былъ слышенъ какъ-бы шумъ бури. Пламя быстро пробѣжало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ путешественниковъ и стрѣлою углубилось въ лѣса сѣвера. Такіе пожары производятся нерѣдко охотниками, прибывающими съ береговъ Амура и не находящими лучшаго средства выгонять дичь изъ ея убѣжища.

Народонаселеніе береговъ Усури, по мнѣнію Де-ла Брюньера, не превосходитъ 800 душъ. Изъ нихъ собственно Китайцевъ можетъ быть 200 душъ и Юй-п'и-да цзы душъ 500, въ 80 семействахъ. Китайское населеніе, за исключеніемъ купцовъ, состоитъ изъ бездомныхъ бродягъ, нерѣдко разбойниковъ и преступниковъ, исключительно занимающихся собираніемъ Жень-шэня. У нихъ нѣтъ ни религіи, ни нравственности, преступленія между ними дѣло обыкновенное⁽⁹¹⁾. Юй-п'и да-цзы,

(91) De la Bruinière, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XX. p. 209.

прежде многочисленные, все больше и больше истребляются и составляют ныне семействъ 80, разбросанныхъ отъ озера Хивкая до Амура ⁽⁹²⁾. Хивжны ихъ сходны съ хивжными Китайскихъ переселенцевъ. Зимой охота, лѣтомъ рыбная ловля составляютъ весь ихъ соціальный бытъ; религіозныхъ обрядовъ они никакихъ не знаютъ, исключая Цамо—призванія на помощь добраго духа противъ дьявола. Этотъ обрядъ распространенъ и между простолюдинами въ Ляо-дунѣ (Шань-Кинѣ). Наиболѣе уважаемые добрые духи у Юй-п'и-да-цзы суть духъ оленя, духъ лисицы и духъ ласточки. Колдуны ихъ (шаманы) называются Цамо. Цамо призываютъ всегда когда кто нибудь заболѣваетъ. Барабанный бой за 2 версты возвѣщаетъ о его прибытіи, хозяинъ встрѣчаетъ его также барабаннымъ боемъ и угощеніемъ, въ которомъ главную роль играетъ водка. Священная одежда Цамо состоитъ изъ головнаго убора съ висящими бумажными полосами и кусками древесной коры, туники изъ оленьей кожи, испещренной разными красками, и тройнаго пояса, съ тремя рядами прикрѣпленныхъ къ нему желѣзныхъ трубокъ. Съ барабаномъ въ рукѣ и палкою въ другой, Цамо, посреди всеобщей тишины, затягиваетъ молебную пѣснь, которой звуки не лишены пріятности, и аккомпанируетъ себя барабаномъ. Въ концѣ каждаго куплета лице Цамо выражаетъ страхъ, звуки барабана становятся чаще и сильнѣе, присутствующіе подхватываютъ хоромъ, испуская родъ постепенно ослабѣвающаго крика котораго звукъ есть протяжное э. По окончаніи призванья Цамо дѣлаетъ нѣсколько круговъ по комнатѣ, сопровождая ихъ страшными кривляньями и звономъ металлическихъ трубокъ своего пояса. Это значитъ что духъ явился.

Лѣса доставляютъ Юй-п'и-да-цзы обильную пищу. Они богаты въ особенности лосями, оленями, кабанями, медвѣдями, лисицами, соболями, ласточками, а берега рѣки—выдрами. Растительная пища однообразнѣе и состоитъ только изъ пшена.

(92) Idem. p. 218.

Только одни туземцы способны на охоту зимою, въ то время когда снѣгъ покрываетъ равнины и горы отъ 6 до 8 фут. Съ помощью лыжъ, охотникъ догоняетъ на бѣгу оленей и лосей, и пробѣгаетъ въ самые короткіе зимніе дни, по свидѣтельству Де-ла-Брюньера, отъ 80 до 100 верстъ. На горы онъ взбирается очень легко, съ помощью деревянныхъ подошвъ, обитыхъ оленью кожею, съ грубою щетиною, обращенною назадъ и дающею точку опоры на скользкой поверхности. Лѣтомъ Юй-п'и-лацзы отправляются на рыбный промыселъ въ маленькой лодочкѣ изъ древесной коры, съ багромъ или копьемъ въ рукахъ. Нѣсколькими ударами короткимъ весломъ, похожимъ на валекъ, умѣютъ они двигать лодку, быстро даже и противъ теченія. Быстро ударяютъ они багромъ рыбу, не нарушая неподвижности своего тѣла и равновѣсія лодки. Количество рыбы здѣсь несмѣтно. Самою лучшею Де-ла-Брюньеръ считаетъ Илямъ-юй (я полагаю *Acipenser orientalis* или къ нему близкая порода). Де-ла Брюньеръ видѣлъ рыбы этой породы въ 1000 фр. фун., но слышалъ, что вѣсъ ея доходитъ иногда до 1800 и 2000 фун. Вязига составляетъ самую дорогую ея часть и продается въ Сань-синѣ по 3 руб. сер. за фунтъ. Въ концѣ Сентября появляется, съ наступленіемъ холодовъ, другая рыба—Тамара; она какъ говорятъ прибываетъ съ моря, имѣетъ 10—15 фун. вѣса, плаваетъ несмѣтными стаями, и по формѣ и вкусу похожа на семгу. Де-ла Брюньеръ утверждаетъ, что при — 45° цельс. (?), питаясь однимъ пшеномъ и этою сушеною рыбою, онъ страдалъ на Усури отъ холода менѣе, чѣмъ въ Ляо-дунѣ при — 20° и хорошей пищѣ. На Усури ловля тамары соотвѣтствуетъ нашей уборкѣ хлѣба: при недостаткѣ ея голодъ опустошаетъ страну. Весною являются разныя болѣзни, поддерживаемыя исключительно пищи: между ними самая страшная есть оспа. Рыбья кожа оказываетъ, какъ одежда, большія услуги, равно защищая отъ сырости и холода. Кромѣ лѣсныхъ млекопитающихъ и рѣчныхъ рыбъ появляются здѣсь въ Маѣ водныя птицы: лебеди, аисты, гуси, утки, чирки, въ несмѣтныхъ стаяхъ,

привлекаемыхъ обиліемъ рыбы и тѣмъ болѣе смѣлыхъ, что никто не нарушаетъ здѣсь ихъ спокойствія.

Главными коммуникаціонными линіями служатъ здѣсь рѣки, какъ зимою такъ и лѣтомъ. Зимою служатъ здѣсь для переѣздовъ легкія сани на узкихъ полозьяхъ и собаки, замѣняющія оленей. Каждое семейство содержитъ ихъ отъ 15 до 20 и кормитъ ихъ рыбою (тамарою). 8 собакъ могутъ везти человекъ и 5 пудовъ поклажи, со скоростью лучшихъ европейскихъ дилижансовъ. Зимнія путешествія по снѣгу и зимняя охота производятъ на Усури очень часто глазныя болѣзни.

Эти интересныя свѣдѣнія о Маньчжуріи были послѣдними, сообщенными Де-ла-Брюньеромъ, который лѣтомъ слѣдующаго (1846) года былъ убитъ на Амурѣ.

Къ 1846 году относится только одно путешествіе — миссіонера Метра⁽⁹³⁾, который, по слѣдамъ Кимай-кима, въ 17 дней пути, черезъ пустыни южной Маньчжуріи пробрался на границу Кореи на Ми-кянѣ. Ему не удалось однакоже проникнуть на полуостровъ и онъ принужденъ былъ безуспѣшно возвратиться въ Монголію. Метръ не вводитъ въ подробности о своемъ путешествіи, говоритъ только, что пройденная имъ часть Маньчжуріи представляетъ совершенную пустыню, постепенно заселяющуюся китайскими переселенцами, превосходящими уже и теперь по количеству туземное населеніе. На разстояніи 40 вер. попадались миссіонеру хижины, обитаемыя бездомными бродягами, живущими впрочемъ довольно мирно въ этихъ свободныхъ пустыняхъ. Для путешественниковъ они нисколько не страшны: каждый имѣетъ свободное пристанище въ ихъ хижинахъ, оставляя имъ за гостепріимство немного водки и пшена. Вся страна покрыта невысокими, но дикими холмами. Ледъ Микяна (Тумань-ула) служилъ миссіонеру дорогою, въ теченіи нѣсколькихъ дней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка достигаетъ 4 вер. ширины и походитъ на небольшое озеро. На льду построе-

(93) Maistre, Ann. de la prop. de la foi T. XIX. 1847. p. 242—246

ны временные балаганы для многочисленныхъ путешественниковъ, пользующихся удобствомъ зимнихъ сообщеній для своихъ торговыхъ оборотовъ.

Въ концѣ февраля 1843 г. прибылъ снова въ Шанъ-кинъ выкаріи Маньчжуріи Вероль ⁽⁹⁴⁾. Онъ проѣхалъ по слѣдамъ Имбера, черезъ Шанъ-хай-гуань, по большой дорогѣ изъ Пекина въ Мукдэнъ, мимо берега Бо-хая (Желтаго моря). Сѣверная часть его замерзаетъ зимою на нѣсколько миль и Вероль рассказываетъ, что онъ блуждалъ по этимъ ледянымъ пустынямъ, состоящимъ изъ огромныхъ льдинъ, наваленныхъ одна на другую подобно скаламъ, и представляющихъ видъ обширной равнины, покрытой развалинами. Восточное и западное побережья Бо-хая очень населены, на сѣверномъ разстилаются пастбища императорской кавалеріи. Но мандарины разрабатываютъ въ свою пользу лучшія земли, оставляя въ залежь только болота. 4 марта Вероль прибылъ въ деревню Янъ-гуань (Yang-Koan), лежащую верстахъ въ 12 отъ моря, недалеко отъ города Гай-чжеу (Kai-Tcheou). Здѣсь находится небольшая христіанская церковь у подошвы горы, и здѣсь въ отсутствіе Вероля пребывалъ миссіонеръ Бернѣ. Отсюда Вероль ѣздилъ въ Мукдэнъ, гдѣ было тогда до 200 христіанъ. Это было въ то время когда сюда ожидали прибытія портрета императора, присылаемаго въ Мукдэнъ, какъ въ маньчжурскую столицу, разъ въ 10 лѣтъ, между тѣмъ какъ каждый императоръ посѣщаетъ Мукдэнъ хотя разъ въ жизни. На этотъ случай строится отъ самаго Пекина по обыкновенной дорогѣ еще другая — императорская. На этотъ разъ императоръ Дао-гуань (Тао-Kouang) отпустилъ на постройку ея 32000 франк., изъ которыхъ, по свидѣтельству Вероля, даже ничего не дошло до провинціальныхъ мандариновъ: все было раздѣлено между пекивскими. Портретъ Дао-гуаня былъ ввезенъ въ Мукдэнъ на богатой колесницѣ, однимъ изъ князей крови.

(94) Verollea, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XXII. 1850. p. 49.

Въ концѣ 1828 года прибылъ въ Шанъ-кинъ морскимъ путемъ миссіонеръ Комбель (⁹⁵). Онъ выѣхалъ изъ Макао въ началѣ іюля, и въ половинѣ сентября высадился при устьѣ Ча-хэ (Tcha-Ho) или Дай-янъ-хэ (Ta-Yan-Ho, на карт. Клапр. и Бергх.), на восточномъ берегу Шанъ-кина къ Корейскому заливу. Отсюда, пройдя 120 вер., онъ прибылъ въ Гай-чжеу, слѣдуя слѣдовательно сухимъ путемъ поперекъ Ляо-дунскаго полуострова. Онъ замѣчаетъ, что на этомъ разстояніи большая часть поствозгъ состоитъ изъ бобовъ и фасоли, вывозимыхъ отсюда и вымѣниваемыхъ въ Китаѣ на полотна, также изъ гречихи и проса, котораго зерно обращается въ муку, а солома употребляется для топлива.

Въ 1848 же году викарій Вероль, не имѣя никакихъ извѣстій о Де-ла-Брюньерѣ, послалъ двухъ туземцевъ для отысканія его во внутренность Маньчуріи. Пробравшись изъ Гай-чжеу въ Сань-синъ они были остановлены тамъ разлитіемъ рѣкъ, и свѣдавъ о трагической смерти Де-ла-Брюньера на Амурѣ, возвратились съ этимъ извѣстіемъ въ 1849 году къ своему епископу.

Но Веролю все еще не хотѣлось вѣрить этому печальному извѣстію, и онъ рѣшился послать для болѣе обстоятельныхъ розысковъ европейскаго миссіонера. Вено, бывший въ это время въ городѣ Ажэхэ, въ которомъ онъ утвердилъ свое пребываніе, въ началѣ января съ тремя спутниками, по приказанію Вероля, отправился въ путешествіе (⁹⁶) и направился по санной дорогѣ къ Сань-сину. Въ теченіе первыхъ трехъ дней путешественники встрѣчали еще вѣстоимые дворы, но переѣхавъ Сунъ-хуа-кянъ (Сунгаря), принуждены были просить убѣжища у колонистовъ, разсѣянныхъ на западномъ берегу рѣки. На западной сторонѣ Сунгаря устроены многочисленныя военныя посты, на каждомъ есть свой мандаринъ и трибуналъ. Отъ Ажэхэ до Сань-сина ечи-

(95) Combelles, Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XXIII. 1831. p. 81—83.

(96) Venault, Excursion dans les parties intérieures de la Mandchourie en 1850. Nouv. Ann. de Voyages V-me serie 1832. Mai p. 203—225.

тается 200 вер. Сань-синь расположенъ при слияніи Сунгари и Му-чуани (Mou-Tan) т. е. Хулхи, на восточномъ берегу первой, и сѣверномъ — второй. Вено проѣхалъ Сань-синь не останавливаясь и направился къ У-цзы-кяну (Ou-Tse-Kiang) т. е. Усури, именно къ тому пункту, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Имма (Imma). Рѣка эта есть вѣроятно Нимань (Niman) атласа д'Анвиля. Понятно что здѣсь пролегаетъ зимняя дорога къ Усури, потому что тутъ во все время можно слѣдовать вдоль теченія рѣкъ Укэнь-бира (Auker-Pira) и Гелинь (Kelin, по карт. Клапрота), которыя направляются въ этой линіи въ противоположныя стороны: одна — къ Сунгари, а другая — къ Усури.

Проѣхавъ 40 вер. отъ Сань-сина миссіонеръ прибылъ въ Уй-цзы-к'эу (Ouei-Tse-Keou). Это есть группа деревень, которыя на радіусѣ 25 вер. представляютъ нѣкоторую культуру и достаточное народонаселеніе. Далѣе къ С. отъ этого пункта постоянные дворы, нивы и дороги совершенно исчезаютъ, и остается только одна узкая тропинка, пробитая искателями жень-шеня. На разстояніи 400 вер. отъ Уй-цзы-к'эу до Имма-к'эу-цзы (Imma-Keou-Tse), попадаетъ только нѣсколько хижинъ, спрятанныхъ въ горныхъ ущельяхъ. Въ хижинахъ этихъ живутъ старики. Промыселъ ихъ состоитъ въ томъ, что они рубятъ деревья и предоставляютъ ихъ гниенію, вслѣдствіе чего на нихъ вырастаетъ родъ грибовъ, сбываемыхъ за хорошую цѣну въ Сань-синѣ.

За Уй-цзы-к'эу снѣгъ исчезъ, путешественники бросили свои сани, навьючили поклажу на своихъ лошадей и принуждены были идти пѣшкомъ. Такъ странствовали они 12 дней, останавливаясь то въ упомянутыхъ хижинахъ, то подъ открытымъ небомъ. Вечеромъ на привалѣ они рубили себѣ дрова, варили пшено и послѣ ужина засыпали посреди огромнаго костра, защищавшаго ихъ отъ холода и нападенія тигровъ. Тигровъ впрочемъ они не видали, но разбросанныя кости, съ остатками человеческого мяса и кусками недавно разорванной и облитой кровью одежды, обличали нерѣдко сосѣдство этихъ властителей

лей пустынного лѣса. Такъ прибыли путешественники на Усури ⁽⁹⁷⁾.

Има-кэу-цзы есть конечно Nišan-Саян атласа д'Анвиля, подѣ 46° с. ш. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, обитаемыхъ искателями жень-шэня. Искатели эти — бездомные бродяги, живущіе какъ бы семейно, подѣ начальствомъ хозяина хижины. Каждая хижина представляетъ общину, въ которой каждый имѣетъ равныя права гражданства и единственную обязанность — принимать участіе въ общемъ трудѣ. Въ такой то общинѣ Веню прожилъ два мѣсяца, въ ожиданіи весны 1854 г. Послѣ того онъ спустился въ небольшомъ челнокѣ на Амурѣ, гдѣ и узналъ всѣ подробности объ убіеніи Де-ла-Брюньера.

7) *Вулканическая область Уюнь-халдонги въ сѣв.-зап. Маньчжуріи, въ рѣчной области р. Нонь, къ Ю.-З. отъ города Мергэня и изверженія ея въ 1721 году.*

Открытіе В. П. Васильевымъ ⁽⁹⁸⁾ въ китайскихъ рукописяхъ очень обстоятельныхъ свѣдѣній объ изверженіи вулкана Уюнь-Халдонги въ сѣв.-зап. Маньчжуріи, происходившемъ въ 1721 году, есть безспорно самое замѣчательное изъ географическихъ и геологическихъ открытій въ Маньчжуріи, съ китайской ея стороны, въ послѣдней четверти столѣтія.

Свѣдѣнія объ этомъ вулканическомъ явленіи почерпнуты изъ двухъ совершенно различныхъ и взаимно подтверждающихъ другъ друга источниковъ. Первый изъ этихъ источниковъ суть частныя записки Ученя, ссыльнаго китайца, которому мы обязаны самыми интересными свѣдѣніями о Нингутѣ и южной половинѣ Маньчжуріи (см. выше ст. 217). На концѣ ихъ находится слѣдующая приписка: въ 50 ли (25 вер.) отъ города Мергэнь лежитъ озеро, имѣющее въ окружности около 30 ли (15 вер.). Въ 6-й или 7-й лунѣ (концѣ іюля и началѣ августа) 59-го года правленія

(97) Venault, Excursion etc. Nouv. Ann. d. Voyages V-meserie 1852. Mai p. 210—228.

(98) См. Васильева, о существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи. Вѣст. Им. Рус. Геог. Общ. С. П. Б. 1853. Кн. V. Слѣсь. ст. 31.

Канъ-хи (1721 г.) вдругъ поднялись здѣсь къ небесамъ пламя и дымъ и раздались звуки, подобные грому, не прекращавшіеся ни днемъ ни ночью; они слышны были за 50 или 60 ли. Вылетали черные камни и сѣрные породы, наконецъ явилась гора, и такъ продолжается уже цѣлый годъ. Сначала испаренія удущали людей за 30 ли, такъ что можно было смотрѣть туда, только взобравшись на высокія горы; теперь мало по малу испаренія стали уменьшаться. Однако же за нѣсколько ли все еще нельзя приблизиться. Отправленный императоромъ для освидѣтельствованія чиновникъ также долженъ былъ смотрѣть издали. Запахъ отъ испареній сѣрный».

Уже одинъ разсказъ этотъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ здѣсь о настоящемъ вулканическомъ изверженіи, но съ другой стороны ясно, что онъ написанъ не очевидцемъ, а со слуховъ, носившихся тогда во всей окрестной странѣ. Официальное же подтвержденіе и объясненіе обстоятельствъ изверженія В. П. Васильевъ нашелъ въ интересной рукописи, вывезенной имъ изъ Пекина и заключающей въ себѣ копии съ докладовъ, посылаемыхъ императору изъ Сахальянъ-уласкаго (Хэй-лунъ-кянскаго) воеводства Маньчжуріи, между которыми объ изверженіи Уюнь-холдонги нашлось пять донесеній. Они были написаны въ февралѣ, апрѣлѣ, августѣ, октябрѣ 1721 г. и іюлѣ 1722 года.

Въ первомъ изъ этихъ рапортовъ тогдашій правитель Макари доноситъ слѣдующее: «въ прошломъ году Ухери-да Саинчикъ донесъ мнѣ, что въ ноябрѣ 1720 г. было землетрясеніе, а въ январѣ 1721 въ урочищѣ Уюнь-холдонги, находящемся въ 30 ли къ С. отъ деревни Томочинь, лежащей на р. Намерь, изъ земли начали выбрасываться пламя и камни. Посланный для осмотра ротный чжангинъ, донесъ что выбрасываемые вверхъ камни, упавши въ груду образовали гору, подобную малой Холдонги, что сверхъ того огонь распространился кверху и книзу пади, занявъ пространство въ 3 ли (въ $1\frac{1}{2}$ вер.). Въ февралѣ самъ Саинчикъ, прибывъ съ осмотра, донесъ, что кромѣ пламе-

ни, слышны звуки, подобные грому, и вверх выбрасываются камни, из которых большіе величиною съ корову; что одни, выброшенные вверхъ, падаютъ откуда вылетали, другіе падаютъ кругомъ, что они по паденіи какъ бы огненные, а погасши чернѣютъ, и изъ нихъ образовалась гора величиною съ большую Холдонги; что огонь, выходящій въ различныхъ частяхъ пади имѣетъ не одинаковую высоту: въ одномъ мѣстѣ 2, а въ другомъ одну сажень, что пространство откуда выходитъ огонь и куда бросаются камни имѣетъ длины 6 ли (3 вер.), ширины 2 (1 вер.), а окружность въ 18 ли (9 вер.). Выбрасываніе же огня и камней и звуки грома не прекращаются, а все болѣе и болѣе распространяются.

Во второмъ рапортѣ тотъ же Макари доноситъ (въ апрѣлѣ), со словъ другаго посланнаго, что изверженіе огня и камней изъ первоначальнаго мѣста горы продолжается по прежнему, и что гора выше прежняго, но звуки стали слабѣе; что камни (лава), разстилаясь вдоль пади, перешли черезъ рѣку Удалинь и остановившись за ли погасли, отчего растаявшій ледъ опять замерзъ, что на сѣв.-восточ. сторонѣ отъ горы издающей пламя образовались три небольшія скалы, высотой отъ 4 до 6 саж., но что въ нихъ нѣтъ огня, тогда какъ другіе камни мѣстами горячѣе; что все пространство (изверженія) занимаетъ въ длину 15 ли ($7\frac{1}{2}$ вер.), ширину 7 ли ($3\frac{1}{2}$ вер.), а въ окружности 37 ли ($18\frac{1}{2}$ верстѣ).

Въ третьемъ рапортѣ уже доноситъ (въ августѣ) Кянъ-Кюнъ (намѣстникъ) Чэньтай, посылавшій освидѣтельствовать изверженіе, вслѣдствіе императорскаго приказа: посланные (въ іюнѣ) донесли ему, что изверженіе пламени, камней и сильный ревъ изъ главной горы продолжается по прежнему, что гора выросла еще; что распространеніе лавы на С. отъ горы простирается на 7, а на З. на 1 ли и всего кругомъ обнимаетъ пространство на 46 ли (23 верс.), что три прежнія маленькія горки остаются по прежнему. Еще черезъ 15 дней посланные нашли что все еще въ томъ же положеніи и что гора еще увеличи-

лась: сверхъ того, отъ прегражденія лавой рѣки Удэлинь, вода разлилась по восточной сторонѣ и образовала озеро въ окружности на 15 ли, и между тѣмъ лава, подвинувшись съ восточной стороны изъ горы на 4 сличкомъ ли, достигла до этого озера и вошла внутрь его на 1 ли, что пространство занимаемое изверженіемъ простирается уже на 51 ли (25 $\frac{1}{2}$ вер.).

Въ четвертомъ рапортѣ того же Кянъ-кюнъ доноситъ (въ октябрѣ), что изверженіе въ той же силѣ. Лава, войдя въ озеро, прибавилась еще на ли и перешла озеро; на 3. противъ прежняго лава распространилась на 2 ли. Камни мѣстами издають огонь и все пространство ими занимаемое простирается на 55 ли въ окружности, три маленькія скалы существуютъ по прежнему.

Въ послѣднемъ (пятомъ) рапортѣ Кянъ-кюнъ доноситъ (въ юлѣ 1722 г.), что посланный въ маѣ сообщилъ, что въ 6 или 7 ли (3 — 3 $\frac{1}{3}$ вер.) на С.-В. отъ прежняго изверженія между камнями (лавою) появилась новая гора, извергающая камни и издающая звукъ подобно прежней, только слабѣе; высотой она съ домъ, а между камней или лавой бываетъ дымъ. 15 числа посланные для освидѣтельствованія новой горы донесли, что изверженіе ея и громъ непрерывны, только менѣе чѣмъ въ преждѣ извергавшейся горѣ, вокругъ которой теперь выходитъ отчасти дымъ, что разливъ камней (лавы) остановился, но занимаетъ въ окружности 80 ли. Въ юлѣ посланный донесъ, что онъ, войдя на вершину преждѣ извергавшей пламя горы и посмотрѣвъ внизъ (жерла или кратера), не могъ видѣть дна и что оттуда выходитъ чрезвычайно горячій паръ, что вокругъ отверстія (кратера) примѣрно 2 или 3 ли (1 $\frac{1}{2}$ вер.), что гора шѣтетъ сверху около 8 веревокъ (т. е. около 400 фут.), а основаніе въ окружности 7 ли. Новая же гора не велика и шѣтетъ въ высоту не болѣе 2 или 3 веревокъ (100 — 150 фут.); но къ ней нельзя подойти, потому что камни между обѣими горами чрезвычайно горячи, что извнутри горы по прежнему выходитъ дымъ, но нѣтъ блеска огня, разлитіе лавы прекратилось и не слышно болѣе звука.

Изверженіе конечно не возобновлялось. потому что этимъ заключаются официальные донесенія. Разумѣется всякому, кто только имѣлъ случай видѣть вулканическое изверженіе и быть знакомымъ съ его дѣйствіями, эти донесенія покажутся очень вѣрными, безъ-искусственными описаніями этого явленія природы. Конечно отъ людей, не имѣвшихъ никакихъ свѣдѣній о вулканическихъ дѣйствіяхъ, нельзя желать болѣе подробнаго и болѣе яснаго описанія. Огонь (т. е. лава), который распространяется по скату, камни (т. е. уже полузастывшій потокъ лавы), которые подвигались, издавая мѣстами свѣтъ, и потомъ перешли поперегъ рѣки, а за нею остановились и погасли: все это живо списано съ природы. При изверженіи Везувія 1855 года, которое я имѣлъ случай видѣть, потокъ лавы изъ Val di Vetrona направлявшійся къ La Cergola также перешелъ поперегъ лощины, заваливъ ее отчасти, и погасъ, остановясь передъ мѣстечкомъ Cergola. Переходя къ возможнымъ заключеніямъ изъ этихъ донесеній, мы постараемся прежде всего опредѣлить форму и приблизительные размѣры главнаго вулкана. Что касается до формы, то это былъ несомнѣнно обыкновенный конусъ, какъ у Везувія или Монте Нуово близъ Неаполя, съ основаніемъ въ 7 ли окружности, глубокимъ кратеромъ въ 2 или 3 ли окружности и съ Punta, т. е. возвышенною въ одномъ мѣстѣ окраиною, представляющею самый высокій пунктъ горы, какъ у Монте-Нуово. Что же касается до размѣровъ конуса, то мы можемъ также получить о нихъ приблизительное понятіе. Окружность кратера составляетъ 2 или 3 ли, т. е. 3500 — 5250 футовъ; радіусъ его слѣдоват. составляетъ 550 — 750 ф., среднимъ числомъ 650 ф. Окружность основанія горы 7 ли, т. е. 12250 ф. радіусъ его слѣдоват. около 1950 ф.

Вычитая 650 изъ 1950 получимъ 1350 ф. для основанія треугольника, котораго высота есть высота горы. Принимая въ соображеніе что уголъ, составляемый скатами вулканическаго конуса съ горизонтомъ, бываетъ отъ 25° до 35°, мы имѣемъ въ прямоугольномъ треугольникѣ основаніе и одинъ уголъ изъ

вѣстные, и опредѣляя высоту его получимъ 700 до 900 фут. Вамѣтимъ что 900 ф. есть предѣльная величина, потому что скать боковъ вулканическаго конуса Уюнь-холдонги не можетъ быть круче 35° . Везувій имѣетъ скать 33° и, несмотря на вробитую тропинку, представляетъ затрудненіе для восхода. Если же Китайскій чиновникъ могъ обратиться на конусъ, скоро послѣ изверженія, не рассказывая о встрѣченныхъ имъ трудностяхъ, конусъ Уюнь-холдонги долженъ быть плоче конуса Везувія и слѣдователы можемъ считать его менѣе 800 ф. выс. Конусъ въ 800 ф., съ кратеромъ въ 1300 ф. въ діаметрѣ, представляетъ вдвое меньшіе размѣры чѣмъ конусъ Везувія, имѣющій 1600 ф. выс. и кратеръ въ 2100 фут. въ діаметрѣ и поставленный на болѣе плоскомъ и косо срѣзанномъ конусѣ М. Сомма. Что конусъ Уюнь-холдонги также въ свою очередь поставленъ на какомъ нибудь плоско возвышающемся рельефѣ, о томъ свидѣлствуютъ потоки лавы, текшіе въ разныя стороны, и имѣвшія до $3\frac{1}{2}$ верс. длины, такъ какъ они не могли течъ иначе, какъ по скату или наклону. Объ абсолютной высотѣ Уюнь-холдонги надъ ур. мор. мы конечно не можемъ сдѣлать никакихъ заключеній, не зная какъ возвышена очевидно гористая или холмистая страна, посреди которой онъ находится.

Что касается до всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ изверженіе, мы можемъ вывести изъ донесеній слѣдующія заключенія.

Изверженіе въ Уюнь-холдонги было предшествуемо тремя землетрясеніями — въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1720 года.

Изверженій было два: первое въ 1721, другое въ 1722; они вышли черезъ два совершенно различныя кратера, отстоящіе на $3\frac{1}{2}$ вер. разстоянія одинъ отъ другаго.

Первое изверженіе продолжалось отъ 9 до 12 мѣсяцевъ; второе только одинъ мѣсяць.

Оба были изверженія неспокойныя, очень насильственныя, т. е. сопровождаемыя сильнымъ громомъ и несмѣтнымъ количествомъ вулканическихъ бомбъ, и въ этомъ отношеніи разли-

чествовали отъ частыхъ изверженій Везувія, которыя, какъ напр. изверженіе 1855 г., отличаются гораздо бѣльшимъ спокойствіемъ, т. е. рѣдкостью вулканическихъ бомбъ и грома.

Главное изверженіе доставило по крайней мѣрѣ четыре различныхъ потока лавы въ разныя стороны: 1) на сѣверъ на протяженіе по крайней мѣрѣ 7 ли, 2) на западъ на протяженіе 3 ли, 3) на в.;— тотъ которой перешелъ поперегъ рѣки Удалинь, 4) на в. же; тотъ который перешелъ поперегъ озера, образовавшагося запрудою рѣки Удалинь предыдущимъ потокомъ.

Конусъ перваго изверженія не представляетъ большихъ размѣровъ: онъ не превосходитъ 800 фут. и слѣдовательно вдвое менѣе конуса собственно Везувія, а потому приближается своими размѣрами къ Монте Барбаро, Чидіано, Астрони, Сольфатарѣ и Монте нуово, т. е. небольшимъ вулканамъ Флегрейскихъ полей.

Конусъ втораго изверженія несравненно менѣе: онъ имѣетъ только 150 ф. выс. и находитъ себѣ также аналоги въ нѣкоторыхъ небольшихъ кратерахъ Флегрейскихъ полей.

Вообще вулканическая мѣстность Уюнь-холдонги состоитъ, какъ можно заключить изъ всѣхъ донесеній, не изъ одного вулкана, а изъ цѣлой небольшой вулканической области, со многими жерлами и кратерами, подобно Флегрейскимъ полямъ на сѣверной сторонѣ неаполитанскаго залива.

Въ этой замѣчательной аналогіи убѣждаемся мы слѣдующими обстоятельствами: 1) слово Уюнь-холдонги означаетъ девять бугровъ и какъ бы указываетъ на присутствіе нѣсколькихъ вулканическихъ конусовъ; 2) вулканическій конусъ втораго изверженія составляетъ очевидно особенный, а не паразитный конусъ на кратерѣ или скатахъ перваго, потому что радіусъ кратера составляетъ только менѣе 100 сажень, а радіусъ окружности перваго вулкана 280 сажень, между тѣмъ какъ разстояніе между обоимъ вулканическими жерлами $3\frac{1}{2}$ версты; 3) небольшая высота обоихъ конусовъ; 4) большая рѣдкость изверженій, происходящихъ здѣсь столь же рѣдко, какъ и

во Флегрейскихъ поляхъ и на островѣ Исхиѣ, а также не постоянно черезъ одно, а черезъ нѣсколько вулканическихъ жерлъ; дѣйствительно изверженіе Уюнь-холдонги не повторалось съ 1721 года, да и въ то время никакое предъидущее изверженіе не жило въ памяти туземцевъ; иначе Китайскіе чиновники упоминали бы объ этомъ, и имѣли бы какое нибудь предварительное понятіе о феноменѣ.

Что же касается до географическаго положенія вулканическихъ полей Уюнь-холдонги, то его можно опредѣлить въ точности. Урочище это находится въ 30 ли (15 вер.) на с. отъ деревни Томочинь на р. Нэмерѣ, а рѣка Нэмерь есть лѣвый притокъ Нони, вытекающей къ В.-Ю.-В. отъ Маньчжурскаго (Сахалинскаго) города Мергэня на р. Нони и имѣющей 150 в. дл. Она означена на картахъ д'Анвила и Бергхауза. Рѣка Удалинъ, прав. притокъ Нэмери, черезъ который перешелъ потокъ лавы, течетъ съ В. къ З. и соотвѣтствуетъ вѣроятно рѣкѣ Loulaka д'Анвил. карты. Холмистая страна, окружающая Уюнь-холдонги, вѣроятно въ связи съ хребтомъ Илхури алинъ, простирающимся параллельно съ теченіемъ Амура, отъ Албазина къ Хэй-лунъ-кяну. Она означена только въ атласѣ д'Анвила подъ именемъ Oüiun-Holdoni-Alin. Прямое разстояніе вулканической области Уюнь-холдонги отъ Японскаго моря составляетъ — 1000 верстъ, и 1200 отъ озера Байкала. Это есть слѣдовательно несомнѣнная континентальная вулканическая область, которой аналогія съ Флегрейскими полями береговъ Неаполитанскаго залива доказываетъ, что между приморскими и континентальными вулканическими дѣйствіями нѣтъ значительнаго различія.

8) *О жень-шенъ.*

Знаменитое китайское растеніе *жень-шенъ* (Ginseng) принадлежитъ къ роду *Rapax* (семейство *Agaliaceae*), въ которомъ онъ съ близкими видами составляетъ особенную группу (*Aureliana*). Сначала всѣ ботаники смѣшивали это растеніе съ найденнымъ въ первый разъ Лафитомъ въ канадскихъ лѣсахъ *Гарантъ-овекомъ* (*Rapax quinquefolius*), и только Зибольдъ въ новѣйшее вре-

ня обратилъ вниманіе на различіе обомъ видовъ, а Фр. Неесъ Ф. Езенбекъ сдѣлалъ изъ нихъ два вида: американскій *Rapax quinquefolius* и азиатскій *Rapax schinseng* Nees, къ которому онъ присоединилъ Маньчжуро-Корейскій и Японскій жень-шэнь, также какъ и найденный въ Непалѣ Вадлихомъ — *Rapax pseudoginseng*.

К. А. Мейеръ⁽⁹⁹⁾, по тщательномъ сравненіи имѣвшихся у него матерьяловъ, нашелъ что три азиатскія формы жень-шэня Маньчжурская, Японская и Непальская столь же различны между собою, какъ и съ американскимъ гарантъ-огвеномъ, и потому онъ вообще принимаетъ три вида азиатскаго жень-шэня: собственно жень-шэнь, растущій только въ южной Маньчжуріи и Кореѣ — *Rapax ginseng* Mey., Японскій — *R. japonicus* Mey., растущій только на Японскихъ островахъ, и ложный жень-шэнь — *R. pseudoginseng* Wall., растущій въ Непалѣ.

Настоящій или маньчжурскій жень-шэнь отличается отъ трехъ сродныхъ съ нимъ видовъ постояннымъ признакомъ, именно остающейся, а не опадающей при основаніи стебля мясистой чешуйкой. Область распространенія жень-шэня очень ограничена, именно Маньчжурія до 47° с. ш. къ Сѣв. и не далѣе меридіана Мукдэня къ Зап., и полуостровъ Корея, гдѣ впрочемъ онъ разводится большею частію искусственнымъ образомъ. Здѣсь онъ растетъ въ глубокихъ долинахъ всѣхъ горъ южной Маньчжуріи и какъ кажется на песчавой почвѣ. Впрочемъ это растеніе уже столь рѣдко въ Маньчжуріи, что, по свидѣтельству Делла-Брюньера, китайскіе гербористы блуждаютъ иногда отъ 10 до 15 лѣтъ, не находя его. Одинъ корень жень-шэня, толпиною въ палецъ, даетъ гербористу чистаго барыша 1600 до 2000 руб. сер., что для здѣшняго края есть цѣлое состояніе. Искателямъ жень-шэня выдаются особенные билеты въ опредѣленномъ числѣ. Такъ наприм. въ Шэнь-кинѣ положено выдавать 1752, въ

(99) См. Meyer Ueber den Ginschen Bulletin de la classe physico-mathém. de l'Académ. Impér. des Sciences de St. Pétersb. T. I. 1843. № 22. p. 342—342.

Гиринь-улъ 465, въ Иньгутъ 196, въ Бодунъ 32, въ Алчукъ 27, въ Сань-синъ 33. Такимъ образомъ ежегодно рассыпается по горамъ около 9000 человекъ ⁽¹⁰⁰⁾. Де-ла-Брюньеръ описываетъ характеристически этихъ искателей жень-шэня ⁽¹⁰¹⁾: «эти несчастные, говоритъ онъ, не имѣютъ никакихъ средствъ къ поддержанію своего существованія кромѣ исканія жень-шэня. Съ ношею по крайней мѣрѣ въ 80 фр. фун. искатель жень-шэня идетъ на удачу черезъ обширные лѣса, безъ всякой тропинки, то взбирается на горы, то спускается съ нихъ, всегда одинъ съ самимъ собою, одинъ съ болѣзнію, которая можетъ его постигнуть, одинъ противъ хищныхъ животныхъ, обитающихъ вокругъ него, не зная уйдетъ ли онъ завтра отъ ихъ когтей, питаясь пшеномъ, котораго запасъ онъ несетъ съ собою и нѣкоторыми дикими травами, которыми онъ приправляетъ свою скудную пищу, и это въ продолженіи 5-ти мѣсяцовъ т. е. отъ конца апрѣля до конца сентября. Бѣда ему если онъ отъ времени до времени не взберется на вершину какого нибудь высокаго дерева для обозрѣнія страны, и не поставитъ знаки, которые бы могли руководить стопы его: онъ будетъ блуждать не находя дороги и никто уже не услышитъ о немъ болѣе».

Жень-шэнь есть лучшее тоническое средство въ мірѣ. Когда жизненные силы истощены совершенно и больной умираетъ, то, по убѣжденію китайцевъ, стоитъ ему дать нѣсколько грановъ жень-шэня и онъ на нѣсколько времени возвратитъ къ жизни ⁽¹⁰²⁾. Миссіонеръ Хюкъ ⁽¹⁰³⁾ утверждаетъ, что мнѣнія о необыкновенныхъ качествахъ жень-шэня преувеличено, однако же онъ не отвергаетъ, что это растеніе есть превосходное тоническое средство для китайцевъ и восстанавливаетъ силы, ослабленныя лѣтами и болѣзнію. Но на организаціи европейцевъ, по

(100) De la Brunière Lettre. Ann. de la propag. de la foi T. XX. 1848. p. 213.

(101) O. Iakinev Ст. оп. Кит. Имп. 1842. С. П. Б. Ч II. ст. 226.

(102) Verolles Lettre Ann. de la pr. de la foi. T. XVI. 1844. p. 143.

(103) Huc Voyage en Tartarie en 1844 — 46. Paris. 1850. in 8. T. I. p. 187.

миѣнію Хюка, жень-шэнь дѣйствуетъ менѣе успѣшно, потому что онъ слишкомъ горячителевъ.

Употребляется въ лекарство одинъ корень жень-шэня; онъ веретеновиденъ и очень шероховатъ, мясистъ, рѣдко достигаетъ толщины мизинца, а длины имѣеть отъ 2 до 3 дюймовъ. По приготовленіи цвѣтъ его совершенно бѣлый, иногда же слегка желтоватый или красноватый ⁽¹⁰⁴⁾, стебель высотой не превосходить 2 фут., посреди его находится кольцо изъ 4 листьевъ крестообразно симметрически расположенныхъ. Листья сложные, каждый изъ нихъ состоитъ изъ 5 листочковъ, изъ которыхъ средній самой большой ⁽¹⁰⁵⁾.

Цѣна жень-шэня несмѣтна, почти невѣроятна: въ началѣ прошлаго столѣтія во времена іезуита-миссіонера Ярту, жень-шэнь продавался за тройной вѣсъ серебра, по свидѣтельству Кимай-кима ⁽¹⁰⁶⁾ въ настоящее время онъ продается за двойной вѣсъ золота. Вероль говоритъ что 1 фунтъ жень-шэня стоитъ 50000 фр. ⁽¹⁰⁷⁾.

Лучшій жень-шэнь, по миѣнію китайцевъ, есть самый старшій и притомъ дикорастущій, а потому корейскій, разводимый искусственно, считается гораздо ниже качествомъ. На ежегодной Корейской ярмаркѣ онъ продается контрабандою, на что мандарины смотрятъ сквозь пальцы. Цѣна корейскаго жень-шэня (Гао-ли-шэня) хотя все еще значительна, но не безразсудна; она составляетъ 200 фр. за франц. фун.

Жень-шэнь въ самомъ Китаѣ извѣстенъ подъ различными названіями. Самое общепринятое въ самомъ Китаѣ есть *жень-шэнь*, которое европейскіе авторы, сообразно съ мѣстными выговорами и съ собственными языками, пишутъ различно, напр. Gin-Seng, Gen-Seng, Gin-Sen, Gin-Sem, Gin-Zing, Jin-Schen, Jän-Säm, Zin-Gin, Schin-Schen, Schin-Sen, Sin-Som.

(104) Huc et Voy. en Tartarie. T. I. p. 157.

(105) De la Brunière Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XX. p. 213.

(106) Kimaikim Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XVIII. p. 291.

(107) Verolles Lettre Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 142.

Въ Маньчжуріи между искателями жень-шэня существуетъ, по свидѣтельству Де ла Брюньера, еще болѣе употребительное названіе *Бамъ-Цюй* (Pam-Tsuei) ⁽¹⁰⁸⁾, также *Цу-ху*; собственно на маньчжурскомъ языкѣ это растеніе называется *орхота* (ogochota, oghota), на японскомъ *Нинъ-Синъ*, у европейскихъ авторовъ: Nisi, Nis-ji, Nin-zi, Nin-zini, Nin-dsin, Nin-sing, даже Dsin-dson, Sju-sjin ⁽¹⁰⁹⁾.

§ 12.

Изложеніе II. *Склонъ верхней террасы къ Востоку.*

Не природа страны, но ходъ исторіи вынуждаетъ насъ здѣсь, на Китайской почвѣ, къ совершенно топографическому порядку изложенія; потому что для сношеній народныхъ открыты только отдѣльныя мѣстности, извѣстныя ворота и дороги; между тѣмъ какъ всѣ остальные совершенно закрыты въ теченія цѣлыхъ столѣтій. Только знаніе этихъ немногихъ мѣстностей позволяетъ намъ собственно бросить взглядъ во внутренность странъ, и только отъ этихъ пунктовъ можемъ мы перейти къ болѣе общимъ обзорамъ.

О склонѣ нагорной Азіи имѣемъ мы нѣкоторыя точныя свѣдѣнія только изъ ближайшихъ сѣверныхъ окрестностей Пекина, и по сямъ свѣдѣніямъ можемъ дѣлать заключенія о другихъ подобныхъ мѣстностяхъ; но и эти свѣдѣнія состоятъ изъ отрывковъ, отчасти сообщенныхъ Іезуитами, которые поднимались на нагорье съ равнины Китая къ сѣверу, отчасти же русскими караванными путешественниками, которые слѣдуютъ

(108) De la Brunière, Lettre des bords de l'Ousouri Ann. de la prop. de la foi T. XX. 1848. p. 213.

(109) Meyer Ginschen Bull. de la acad. des Sc. cl. Ph. Math. T. I. 1843. № 22. p. 340.

изъ Сибири чрезъ степи нагорной Азии и спускаются оттуда въ земледѣльческую область Китая.

Источники.

А. Свѣдѣнія со стороны Китая.

1) Патера *Фербиста*, Іезуитскаго миссіонера, путешествія въ Восточную Татарію, въ качествѣ астронома и спутника Императора Канъ-хи: 1-е путешествіе, 1682 г. изъ Пекина въ Гиринь-Улу ($43^{\circ} 30'$ с. ш.) при Сунгари Улѣ; 2-е путешествіе, 1683 къ высокой горѣ Печа (Pe-tcha) на С. отъ Пекина; у Du Halde IV p. 88 — 102.

2) Патера *Жербильона*, 8 различныхъ путешествій съ 1688 — 1698 въ нагорной Монголіи по различнымъ политическимъ миссіямъ, у Du Halde IV. p. 88 — 102.

3) *Картографическія съемки* Кит. Имп. и Татаріи, начатыя Отцами: Буве, Регисъ, Жарту и другими членами Іезуитской миссіи, по повелѣнію Императора Канъ-хи въ 1708 — 1715., обработанныя д'Анвилемъ въ *Nouv. Atlas de la Chine, de la Tartarie Chinoise et du Tabet, à la Haye 1737. fol*; а также *Observations (H. Regis) géogr. sur la Tartarie*, у Du Halde. c. IV. p. 1 — 71. Патеръ Жербильонъ отправился въ 1688 г. изъ Пекина 4 іюня на С. къ плоской поверхности нагорія, за великую стѣну, чрезъ вѣшнія или сѣверныя ворота *Чжанъ-кя-к'у* (Tchang-Kia-keou (1) (*к'эу* значитъ ворота), и оттуда проникъ въ первый горный проходъ; на возвратномъ пути, послѣ Сентябрьскихъ бурь и морозовъ на нагорьѣ, онъ спустился по ущельямъ, ведущимъ къ болѣе восточнымъ воротамъ великой стѣны — *Гу-бей-к'эу* (Кире-Кеонъ подъ $134\frac{1}{2}^{\circ}$ В. д. отъ Ф), съ южной окраины верхней террасы въ болѣе низкую равнину провинці Чжи-ли (Petcheli), въ которой, въ дву-дневномъ отсюда разстояніи прямо на Ю., лежитъ Пекинъ. Къ С.-З. въ однодневномъ разстояніи отъ столицы,

(1) Du-Halde, p. 114 — 181.

по дорогѣ къ Чжань—Кя-к'эу, уже встрѣчаются *первыя внутреннія* ворота Великой стѣны, расположенной здѣсь въ нѣсколькихъ линіяхъ. Они носятъ названіе *Нань-к'эу* т. е. южныя ворота, и отъ нихъ начинаются богатые источники, хорошо обработанныя, теплыя, плодородныя, узкія долины, по которымъ должно проходить въ теченіи 5 дней, то спускаясь, то снова поднимаясь по каменистымъ дорогамъ до внѣшнихъ воротъ Чжань-кя-к'эу; къ С. отсюда достигаешь уже до высокаго, богатаго пастбищами нагорія. Упомянутыя внутреннія ворота Нань-к'эу, вмѣстѣ съ цѣлою внутреннею стѣною, построены гораздо позже великой стѣны, (*) именно со времени изгнанія Монгольскихъ Государей изъ Китая, смѣнившимъ ихъ Домомъ Минь, (2) который съ особеннымъ рвеніемъ старался защитить свою столицу Пекинъ и всю эту сѣверную часть Китая отъ вторичнаго вторженія изгнанныхъ Монголовъ. По кратчайшему пути на болѣе восточныя ворота Губей-к'эу (гдѣ съ 1724 г. находилась христіанская церковь и община), Патеръ Жербильонъ перешелъ, по собственному своему выраженію, въ теченіи двухъ дней, изъ страны холодовъ въ страну лѣта, въ умѣренный теплый климатъ; потому-что отсюда подошва нагорія понижается еще по направленію къ Пекину тремя уступами или террасами до низменности, ровной подобно поверхности моря. *Литературный источникъ* Чжань-кя-к'эу и Нань-к'эу на З., и Гу-бей-к'эу на В., оба къ С. отъ Пекина, составляютъ слѣдов. ворота, ведущія изъ равнинъ къ нагорью; на томъ же самомъ паралельномъ кругѣ, около 41° с. ш., лежатъ еще многія ворота того-же рода, расположенныя въ подобныхъ же мѣстностяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ будутъ описаны ниже. Здѣсь мы приведемъ ихъ геогр.

(*) Напротивъ эта внутренняя стѣна существовала гораздо ранѣе, а внѣшняя пристроена впоследствии, по изгнаніи династіи Юань (Монгольской), такъ что области Сюань-хуа въ Чжильской и Дай-гуанъ-фу Шаньсѣйской провинціи не принадлежали прежде къ срединному царству, а относились къ землямъ нагорныхъ варваровъ. — *Пр. Пер.*

(2) Du-Halde, *Descript.* I. p. 48.

положеніе, по порядку отъ 3. къ В., потому что по этимъ выходамъ только можно ориентироваться ⁽³⁾ на нагоріи.

1) Чжанъ-кя-к'эу, 132° В. д. отъ Ферро, 40° 5' с. ш. (см. Тимковскаго).

2) Намъ-к'эу, почти подъ 133° В. д. отъ Фер., въ ближайшемъ разстояніи отъ Пекина, 40° 8' с. ш. (*)

3) Гу-бей-к'эу, в 134° 30' В. д., 40° 43' с. ш.

4) Хи-фонъ-к'эу (Hi-fong-keou) 136° 20' В. д. 40° 25' с. ш. (**)

5) Шанъ-хай-гуанъ 138° в. д. при морѣ, на прибрежной дорогѣ въ Лао-дунъ.

Всѣ они ведутъ радіусообразно къ Пекину. (**)

Плоскотеріе ко внутренности своей поднимается отсюда до значительной высоты. Отъ стѣны ведетъ дорога, на протяженіи 60 геог. миль къ С., по значительному подъему. Съ высокаго передоваго уступа Хара-хотонъ (Khara Khotun) надо еще подниматься 5 или 6 дней, для достиженія вершины горнаго прохода Хамаръ (Хамаръ-дабанъ), подъ 42° 30' с. ш. и 135° В. д. отъ Ферро, при горѣ Печа (Pe-tcha) ⁽⁴⁾, которая принадлежитъ къ первокласснымъ (?) горамъ, хотя съ виду кажется не очень высокою. Съ ея вершины дорога направляется къ С. чрезъ площади, въ которыхъ даже въ іюлѣ и августѣ, на глубинѣ трехъ или четырехъ фут., находятся глыбы и куски льда. Пятръ Жербильтонъ ⁽⁵⁾, нѣсколько разъ проѣзжавшій эти высоты, говоритъ что если поднимать на нихъ съ Сѣв. стороны, то невозможно предполагать, что находишься на высокомъ хребтѣ, и что это становится замѣтнымъ, только по достиженіи южнаго склона. Монголы почитаютъ этотъ хребетъ за одинъ изъ

(3) Du-Halde, Descript. I. p. 43.

(*) Между воротами Чжанъ-кя-к'эу и Гу-бей-к'эу есть еще ворота Ду-ши-к'эу.—
(Tushu-Keou) Пр. Пер.

(**) Здѣсь пропущены между 2) и 3) ворота Ду-ши-к'эу (Tu-Shu-Keou), между 3) и 4) Фонъ-кя-к'эу (Fong-Kia-Keou), между 4) и 5) Ги-линь-к'эу (Ki-Lin-Keou).—
Пр. Пер.

(4) P. Verbiest, в Philoa. Transact. J. 1686. p. 89. и у Du-Halde. IV. p. 101.

(5) Du-Halde, T. IV. p. 179 и 236.

самыхъ высокнхъ на земномъ шарѣ и утверждаютъ, что высота его надъ уровнемъ моря составляетъ 9 ми (10 ми = 1 милѣ) или 12000 ф. Съ этимъ показаніемъ Жербильона, высказаннымъ имъ уже тогда, когда множество путешествій убѣдили его въ необыкновенной высотѣ нагорной Ази въ этихъ странахъ, соглашается и П. Фербисть, измѣрившій по желанію Императора до 100 горныхъ вершинъ, также какъ и высоту горы Печа надъ уровнемъ моря на В. отъ Пекина; онъ нашелъ, что послѣдняя имѣетъ 300 *кометр. шаговъ*, или 15000 ф. абсолютной высоты. (*).

Среднюю высоту здѣшняго нагорія мы можемъ принять съ большею вѣроятностію въ 8000 ф. (**); наибольшей высоты она достигаетъ на С.-В. при Хинганскихъ ⁽⁶⁾ горахъ, которыя составляютъ границу между областями Гиринъ (Girin) и Учжумъ-цынь (Utchu-Mutchin) и, по мнѣнію О. Жербильона, суть значительнѣйшія высоты между Китаемъ и источниками Амура (45° с. ш., 136° В. д. отъ Ферро). Онѣ впрочемъ не стоятъ отдѣльно, но находятся въ связи съ группою Печа, служащею въ свою очередь продолженіемъ снѣговыхъ горъ Шавъ-си, къ С. отъ р. Хуанъ-хэ. Всѣ сіи горы составляютъ одну огромную цѣпь, значительной абсолютной, но часто очень малой относительной высоты, какъ это доказываютъ весьма ясно во многихъ мѣстахъ приведенные очевидцы, слѣдовательно горный массивъ, принимающій форму плоскогорія. Онъ простирается отъ р. Хуанъ-хэ къ С.-В. и С. до верхнихъ частей Амура, извѣстенъ Китайцамъ подъ названіемъ *Хинганъ* (Khin-gan у Клапрота; Hing-an у Аб. Ремюза) (7). Эти Хинган-

(*) Это совершенно несправедливо. О горѣ Печа, см. ниже дополн. къ § 12.—
Пр. Пер.

(**) Только 4000 фут. по измѣреніямъ Фусса и Бунге, см. дополн. къ § 5.—
Пр. Пер.

(6) Du-Halde, IV. p. 494; D'Anville Tartarie Chinoise 1733, и Grosier Atlas de la Chine 1788.

(7) Klapproth, Tableau des plus hautes montagnes de la Chine, Magas. Asiat. Paris. 1826. No III. p. 149; Ab. Remusat la Chine въ Nouv. méi. Asiatiq. Paris. 1829. T. I. p. 9., Alex. v. Humboldt — въ Poggendorf Annalen, 1830 B. 94. p. 6.

скія горы (Jagan у Іезуитовъ, Niokan-aiin на картѣ д'Анвилля) ⁽⁸⁾ пересѣкають нагорье по направленію къ С. (*), отдѣляютъ страну Маньчжу, лежащую на В. отъ нихъ; отъ степи Монголовъ (Шамо) на З. и служатъ водораздѣломъ для рѣкъ, текущихъ на В. къ Сунгари и Нони, а на З. къ Аргуни и степнымъ озерамъ Шамо. Горы эти, вездѣ дикія и холодныя, мѣстами изобилуютъ водою и пастбищами, и кое-гдѣ покрыты кривымъ и полузасохшимъ мѣсомъ, а потому здѣсь есть дичь и кочующіе жители. Сѣверный поворотъ Хинганскаго хребта составляетъ среднюю часть Амура, ниже Нерчинска, описывать изогнутую къ С. дугу (**), до 53° с. ш; по ту сторону рѣки, въ томъ мѣстѣ гдѣ она пробиваетъ горный хребетъ, сей послѣдній направляется по Сѣверной части Маньчжуріи, составляя границу между Китайскими и Русско-Сибирскими владѣніями; принимаетъ китайское названіе Хинг-анъ-тугурикъ и русское Яблоноваго хребта и на С.-В. направляется къ Охотскому морю. Упомянутый Хинганъ есть одинъ изъ самыхъ большихъ хребтовъ окраины и составляетъ между З. и В. какъ для народовъ, такъ и для климатовъ, для растительности и всякаго рода произведеній, замѣчательную природную границу, прорванную поперекъ системою рѣки Амура.

В. Свѣдѣнія со стороны Сибири.

Два караванные путя ведутъ изъ Сибири чрезъ плоскогоріе монгольской степи къ равнинамъ Китая; одинъ въ прямой линіи отъ Кяхты на Югъ къ Пекину, другой большою дугою изъ Нерчинска и Дауріи, черезъ Цурухайтуевскъ, Цицкаръ, Шара Му-

(8) Klaproth, *Mém. relat.* I. p. 8.

(*) Составляютъ восточную окраину главнаго нагорія, см. дополн. къ § 11.—

Пр. Пер.

(**) Хотя почти меридіанный хребетъ Доусса-аливъ и раздѣльный между Сибирью и Маньчжуріею Яблоновъ хребетъ, заставляющіе Амуръ описывать такую значительную дугу и извѣстны подъ названіемъ Хинганъ-Тугурика и малаго Хингана, но для предупрежденія всякой сбивчивости ихъ не должно называть этимъ именемъ, оставая имя Хингана исключительно только одной восточной окраинѣ степи Гоби. — *Пр. Пер.*

рэнъ (т. е. черную рѣку) къ Пекину. Оба проходятъ черезъ узкія горныя ущелья, называемыя Монголами *Калмаоу* ⁽⁹⁾, отъ Халга по монгол.: ущелье) ^(*), съ южной окраины въ равнину Пекина; но Кяхтинскій путь идетъ также черезъ Чжанъ-кя-к'эу (*Tschang-Kia-Keou*). Горный проходъ, черезъ который входитъ въ Китай Цидикарская дорога, извѣстенъ у Китайцевъ подъ названіемъ Хи-фынь-к'эу (*Hi-fong-Keou*), и есть самый восточный изъ извѣстныхъ намъ входовъ въ Китайскую Имперію ^(**).

Вышеупомянутыя трое воротъ китайской стѣны (свѣдѣнія о нихъ у писателей очень спутаны) расположены отъ В. къ З. въ слѣдующемъ порядкѣ: Хи-фынь-к'эу (*Hi-fong-Keou*), Губей-к'эу (*Ku-re-Keou*, наиболѣе извѣстные въ военной исторіи) и Чжанъ-кя-к'эу; всѣ они служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ главными проходами въ нагорную Азію; защищены значительными пограничными караулами ⁽¹⁰⁾ и лежатъ у подошвы южной ея окраины къ Пекину. Отъ нихъ начинается низменность такъ быстро, что въ равнинѣ Пекина синеватыя вершины высокихъ горъ, вдоль которыхъ тянется пограничная стѣна, уже находятся далеко за видимымъ горизонтомъ ^(***).

Кяхтинская дорога, какъ прямая линія, представляетъ собою хорду дуги, образуемой Цурухайтуевскою дорогою около Хингана; первая дорога важна для изученія плоскогорія, а вторая даетъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторыя заключенія о восточномъ склонѣ къ верховьямъ Амура; потому что она огибаетъ дугою всю степную страну, избѣгая ея опасныя и бесплодныя пустыни.

(9) Lange, Tagebuch einer Karavanenreise von Kiachta nach Peking. Pallas N. Nord. Beiträge. II. Th. p. 118, и тамъ же Tagebuch einer Reise von Zuruchaitu durch die Mongolei. II. Th. p. 196. Timkowsky I. p. 281.

(*) Въ подлинникѣ ошибочно: называемыя русскими Калганомъ. — *Пр. Пер.*

(**) Кромѣ прабрежнаго Шанъ-тай-гуана. Впрочемъ между симъ послѣднимъ и Хи-фынь-к'эу означены на картахъ еще Ги-линь-к'эу (*Ki-lin-keou*). — *Пр. Пер.*

(10) Du Halde. Дополненія, V. 23.

(***) Отрасли сѣверныхъ горъ, а тѣмъ болѣе сѣв.-зап. горы превосходно видны изъ Пекина, но свидѣтельству всѣхъ членовъ нашихъ пенкинскихъ миссій. — *Пр. Пер.*

I. *Открытие. В. Полковоъ 1643 г. Ерофей Хабаровъ 1649—52 г.*

Этотъ казацкій атаманъ, предводительствуя сотнею охотниковъ на соболей, проникъ изъ Якутска черезъ Даурскія горы къ Амуру, открылъ и покорилъ страну по верховью этой рѣки, и первый появился съ флотиліею на р. Амурѣ. См. G. Fr. Müller Sammlung Russischer Geschichte. St. Petersburg., b. d. Kais. Acad. der Wissensch. 1736 8. Th. II. p. 293 — 445; сравн. съ соч. того же автора: Nachrichten von dem Amurflusse in Büsching's Magazin f. Hist. und Geogr. Th. II. 1764. p. 482 — 518; v. Berg Geschichte der geogr. Entdeckungen der Russen: Unternehmungen des Bojaren Sohns J. Chabaroff. перев. Ольдекопа въ St. Petersburg. Zeitschrift. IV. B. 1822. p. 241.

II. *Мирный договоръ.*

Договоръ этотъ между Россіею и Китаемъ, заключенный китайскимъ государственнымъ министромъ Зо-санемъ (котораго сопровождалъ Пат. Жербилювъ) и русскимъ уполномоченнымъ гр. Головинымъ, въ Нерчинскѣ (Нипчу у Китайцевъ), въ 1689 г., для опредѣленія границъ между обоими государствами. См. Gerbillon second voy. 1689. у Du Halde. IV. p. 242. etc; Müller Samml. Russ. Gesch. Th. I. 6. p. 495 — 515. Th. II. p. 435 etc; J. Klaproth, въ Archiv f. Asiatische Litteratur. St. Petersburg. 1810. 4. p. 159 — 209; его же De la frontière russe et chinoise, notes recueillies pendant un voyage en Sibérie en 1806, въ Mémoires relatifs à l'Asie. 1726. 8. T. I. p. 1 — 80. Вслѣдствіе этого опредѣленія границъ и повторенной повѣрки ихъ въ 1727 г., Россія отказалась сама отъ обладанія открытыми ею странами. Если бы не было этого договора, то Россія въ настоящее время имѣла бы тамъ житницу, судоходство и торговлю на Амурѣ, и географическія извѣстія объ этихъ странахъ были бы гораздо обильнѣе (*).

(* См. ниже дополненія къ рѣчвой области Амура. — Пр. Пер.

III. Путешествія каравановъ.

По пограничнымъ договорамъ между обѣими Имперіями переходъ границъ, по всей неизмѣримой линіи отъ Байкала до Восточнаго океана, считался государственнымъ преступленіемъ; при сосѣдственныхъ отношеніяхъ такого рода, въ теченіи цѣлаго столѣтія, успѣхи землевѣдѣнія сдѣлались невозможными. Только самыя пункты, при которыхъ поставлены пограничные камни: рѣки, лѣса, горы, скалы и долины извѣстны въ точности и нанесены на наши карты. Свѣдѣнія же о внутренности нагорія остались въ сущности въ томъ же положеніи, какъ нанесли ихъ на карты іезуиты въ китайскомъ атласѣ, который впрочемъ былъ значительно исправленъ Патеромъ Галлерштейномъ въ новомъ, но весьма рѣдкомъ изданіи, вышедшемъ въ царствованіи императора Кянъ-Луна, въ 1760 г. въ 104 лист. См. Klaroth. *Mém. rel.* II. p. 282, и также *Nouvelle Carte de l'Asie*, revue p. J. Klaroth. publ. p. Berthe. Paris. 1829. Съ 1727 года прекращены прежнія свободныя взаимныя сношенія между обонми государствами, и только два пункта назначены складочными мѣстами для торговли, по опредѣленію подозрительнаго китайскаго правительства; эти пункты, охраняемые пограничною стражею и служащіе съ тѣхъ поръ единственными входами въ нагорную Монголію и Китайскую Имперію, суть: Кяхта на Ю. отъ Байкала и Шурухайтуевскъ на Ю. отъ Нерчинска. Съ того времени русскимъ караванамъ позволено только разъ въ три года проникать изъ этихъ рынковъ (*), по вышеупомянутымъ дорогамъ, чрезъ нагорье въ Китай. А потому, въ продолженіи цѣлаго столѣтія, только двѣ дороги были посѣщаемы караванами. Съ 1727 до 1756 г. позволеніемъ этимъ воспользовалось только шесть русскихъ каравановъ. Съ 1762 по 1792 годъ эти караванныя сношенія, совершаемыя на счетъ правительства, были нѣсколько разъ прерываемы, по случаю полити-

*) Нынѣ ежегодно. *Пр. Шер.*

ческихъ споровъ и значительныхъ расходовъ; съ тѣхъ поръ только путешествія послѣднихъ каравановъ сдѣлались важными для географіи именно: Клапрота въ 1806 году, не смотря на его неудачу, потому-что караванъ долженъ былъ возвратиться съ китайской границы; а въ 1820—21 г. Тимковского и отца Іакинѣа; путешествіе же 1830 г. еще неокончено (*). Всѣ повѣщія, пріобрѣтенныя путешествіями географическія свѣдѣнія ограничиваются двумя упомянутыми дорогами, восточною и западною. Свѣдѣнія эти излагаются въ слѣдующихъ главнѣйшихъ сочиненіяхъ, которыя мы приводимъ здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ, для облегченія критическаго обзора источниковъ и упрощенія ссылокъ на нихъ.

1) 1692. Eberhart Isbrand Ides (изъ Глюкштата) dreijährige Reise nach China. Amsterd. 1704. 4. Французскій переводъ: Voyage de Moscou à la Chine въ Recueil de Voyages au Nord. Amst. 8. T. VIII. p. 1 — 217; весьма поучительно.

Relation du voyage de M. Everart Isbrand, envoyé à l'Empereur de la Chine en 1692 — 94. p. le sieur Ad. Brand. Amst. 8. 1699.

Ad. Brand. Beschreibung Chinesisch. Reise Anno 1692, in der Suite des Hrn. Eb. Ides. Frankfurt. 1697. 3-te Ausgabe. Lübeck. 1734. 8; весьма недостаточно и наполнено ошибками противу дневника посланника, Исбранда.

Ад. Брандъ былъ только спутникомъ состоявшимъ въ свѣтъ Исбранда Идесъ, посланнаго въ Пекинъ Петромъ Великимъ, непосредственно послѣ Нерчинскаго пограничнаго трактата, для устраненія разныхъ встрѣтившихся недоразумѣній. Мы здѣсь будемъ слѣдовать преимущественно обстоятельнымъ путевымъ запискамъ послѣдняго. Въ нихъ описана *восточная* дорога чрезъ Байкаль и Нерчинскъ къ Аргуни, Цицикару и Пекину, по которой Идесъ слѣдовалъ какъ туда, такъ и обратно. *Первая карта Сѣверной Азии* бургомистра Витсена, приложенная ко второй части изданнаго имъ въ Амстердамѣ классическаго сочиненія о

(*) См. Дополненія къ § 12. Пр. Пер.

сѣверной и восточной Тартаріи, (въ 1705 г. во II ч.), была направлена Идесомъ. См. Préface I. с. въ Recueil. VIII. f. 5. Chap. X. до XIII. p. 86 — 115; оно содержитъ описаніе Нерчинскаго нагорія до китайской стѣны и *первую карту*, основанную на астрономическихъ наблюденіяхъ широты, которыя производилъ Идесъ повсюду. См. I. с. p. 172.

2) 1715. *Дор. Ланге* (изъ Стокгольма). *Первое путешествіе съ караваномъ въ Китай*. Ланге, поручикъ русской службы, былъ посланъ Петромъ Великимъ для изученія китайской архитектуры, въ то время когда предполагено было выстроить на Финскомъ заливѣ, въ китайскомъ вкусѣ, увеселительный дворецъ Петергофъ, (вмѣстѣ съ англійскимъ хирургомъ Гарвиномъ), въ качествѣ агента къ китайскому двору, для поддержанія дружественныхъ сношеній, и также съ особымъ порученіемъ—собрать точныя свѣдѣнія о китайской торговлѣ и положеніи границъ между обоими государствами (см. Pallas N. N. Beitr. Leipz. 1781. Th. II. p. 83; Klarroth. Mém. rel. I. p. 4). Собранныя свѣдѣнія были важны для направленія торговли; дальнѣйшія изысканія Ланге послужили самыми замѣчательными дополненіями къ географіи и этнографіи нагорья. Ланге былъ впоследствии Иркутскимъ вице-губернаторомъ.

3) 1719. *Дор. Ланге второе путешествіе*. Это и предъидущее путешествіе изданы въ видѣ дневника въ *Jetziger Staat von Russland*. II. Th. S. 21.

G. J. Unverzagt, die Gesandtsch. Jhro Kais. Majestät von Gross-Russland an den Sinesischen Kaiser. 1719. von Petersburg nach Peking. Lübeck. 1725. 8.

John Bell of Antermony. Travels from St. Petersburg in Asia. Glasgow. 1763. 4. II. Vol., въ первой части стр. 151 — 350 и во второй стр. 1 — 125.

Петръ I отправилъ къ императору Канъ-хи своего посланника *Льва Васильевича Измайлова* въ Пекинъ, для продолженія дружескихъ и установленія правильныхъ торговыхъ сношеній, а также для переговоровъ о назначеніи русскаго резидента въ

Пекинѣ. *Л. Ланге* былъ секретаремъ этого посольства, англичанинъ *Дж. Белль* медикомъ, а *Юг. Унферцантъ* состоялъ въ свитѣ; описанія ихъ самыя обстоятельныя. Это путешествіе весьма важно, потому что оно есть *первое* изъ совершенныхъ по западной дорогѣ, ведущей отъ Байкала черезъ Селенгинскъ, рѣки Буро (на которой позже основана Кяхта) и Толу (Tula). Путешествіе это знакомитъ насъ съ кратчайшею, прямою, но до тѣхъ поръ еще не посѣщенною и менѣе удобною дорогою, а вмѣстѣ съ тѣмъ впервые и съ природою нагорной степи Гоби. Дорога эта есть единственная въ настоящее время, которою слѣдуютъ изъ Кяхты. См. Дж. Белля *Map of the Route*. Ланге остался русскимъ торговымъ агентомъ въ Пекинѣ, съ 1721, до 1722 г., когда усилившіяся недоразумѣнія между обоими дворами принудили его къ возвращенію съ послѣднимъ караваномъ въ Селенгинскъ. Разгнѣвавшійся Канъ-хи прекратилъ тогда все торговля сношенія между обоими государствами, и только его смерть (1723) воспрепятствовала открытію войны между Россіею и Китаемъ. Переговоры объ этомъ и возвращеніе Ланге описаны въ *Journal du sieur Lange, contenant ses negociations à la cour de Chine en 1721 et 22, avec des rem.* въ *Recueil de voy. au Nord*. Т. VIII. р. 221 — 371. Дневникъ этотъ переведенъ на англійскій языкъ въ *Bell Travels*. Т. II. р. 171 — 321.

4) *Лор Ланге, третье путешествіе съ караваномъ въ Пекинъ.* — Послѣ невыгоднаго для русскихъ Нерчинскаго трактата, императоръ Канъ-хи привыкъ смотрѣть на русскихъ какъ на подвластныхъ себѣ; вслѣдствіе сего между обѣими державами необходимо долженъ былъ произойти разрывъ; онъ хвалился тѣмъ, что смирилъ русскихъ: преемникъ его Тунъ-Чжень (Toung-Tching) (1723 — 1736) потребовалъ окончательнаго утвержденія границъ, для отвращенія всехъ до тѣхъ поръ производившихъ недоразумѣній. Границы были утверждены въ соотвѣщеніи 10 августа 1727 г., происходившемъ на берегу пограничнаго ручья Боро (или Бура), притока Селенги, на которомъ лежитъ нынѣ Кяхта; вслѣдствіе сего отношенія сосѣдей слѣ-

лались дружественными, хотя едва не были нарушены вновь возникшими спорами о перемональѣ. Трактатъ былъ подписанъ Китайскимъ тайнымъ государственнымъ совѣтникомъ *Га-биша* (называемымъ ошибочно Ли-бу или Ни-бу), также Монгольскимъ княземъ *Церынъ-Ваномъ* и вице-призедентомъ военнаго совѣта *Тулишиномъ*, а съ русской стороны графомъ *Саввою Владиславичемъ*. Прежняя пограничная линія, опредѣленная въ 1689 году, черезъ Амуръ и Аргунь, была принята, но на З. продолжена отъ озера Далая (Далай-норъ) къ Селенгѣ, Бухтармѣ, Зайсану и до Иртыша, и на всемъ протяженіи опредѣлена въ точности, въ томъ видѣ въ какомъ она, и послѣ повѣрки въ 1767 году, при императрицѣ Екатеринѣ II, существуетъ донинѣ. Эта длинная, совершенно *нейтральная* линія, отдѣляющая два обширныя государства стараго свѣта и растянута на 55° долготы съ З. на В. (105 до 160° в. д. отъ Ферро), положила границу дальнѣйшимъ успѣхамъ тамошняго землевѣдѣнія. Со времени ея утвержденія начало процвѣтать основанное на мѣстѣ заключенія трактата, на Югъ отъ ручья Кяхты (отъ котораго получилъ названіе русскій пограничный городъ), китайское поселеніе *Май-маченъ* (т. е. торговое мѣсто), и его караванная дорога получила перевѣсъ надъ оставленною съ тѣхъ поръ восточною Цурухайтаевскою дорогою.

— *Дневникъ*, совершеннаго въ 1727 — 28 изъ Кяхты въ Пекинъ, подъ предводительствомъ агента *Лор. Ланге*, караваннаго путешествія, помѣщенный въ Pallas N. N. Beitr 1781. th. II. p. 83 — 169 и переведенный изъ русской, нигдѣ не напечатанной рукописи, содержитъ въ себѣ описаніе перваго отправленнаго послѣ заключенія пограничнаго трактата чрезъ нагорную степь Гоби торговаго каравана, состоявшаго изъ 250 человекъ.

5) 1736. *Лор. Ланге четвертое путешествіе съ караваномъ въ Пекинъ*. — *Дневникъ* совершеннаго въ 1736 — 1737 году караваннаго путешествія, подъ начальствомъ коллежскаго совѣтника Ланге и комиссара Фирсова, изъ Цурухайтуевска (старого Цурухайтуевска) черезъ Монголію въ Пекинъ, помѣщенъ въ

Pallas. N. N. Beiträge. Theil II. p. 160 — 207. Онъ весьма важенъ, какъ единственное, послѣ отчета Исбранда Идеса, описаніе восточной дороги; ибо въ Китай путешественники слѣдовали этою восточною дорогою, а обратно—прямою Кяхтинскою, проходящею чрезъ нагорную степь Гоби.

6) 1805 — 1806. *Путешествіе Клапрота черезъ Кяхту до Урги.* — Оно сдѣлалось важнымъ для успѣховъ Географіи, а въ особенности для Этнографіи нагорной Азіи, хотя и не непосредственнымъ своимъ результатамъ. Проектъ новаго русскаго посольства, составленный въ царствованіи императора Александра I, дипломатическая часть котораго была поручена Гр. Головкину, а ученая знаменитому Гр. Потоцкому, былъ приведенъ въ исполненіе только въ половицу. Многочисленная миссія, при которой, въ числѣ сопровождавшихъ ея учёныхъ, находился и Клапротъ (изъ Берлина), отправилась чрезъ Иркутскъ въ Кяхту, куда и прибыла 17 октября. Здѣсь она была задержана переговорами въ теченіи трехъ съ половиною мѣсяцевъ. 4-го января 1806 г. перешла она чрезъ Китайскую границу и проникла до Урги, Монгольскаго города, лежащаго въ 40 мил. на Ю. отъ этой границы; но здѣсь споры о китайскомъ церемоніалѣ, на унизительныя формы котораго миссія не рѣшилась согласиться, принудили ее возвратиться, послѣ двухъ-мѣсячнаго пребыванія въ этомъ городѣ. Не смотря на полную дипломатическую неудачу этого посольства, ни одно изъ предшествовавшихъ можетъ быть не принесло болѣе пользы географіи центральной Азіи, потому-что оно обратило въ ея пользу всѣ силы замѣчательнѣйшаго лингвиста по части средне-, восточно- и сѣверно-азиатскихъ нарѣчій, котораго неутомимая дѣятельность дала азиатской этнографіи и географіи чрезвычайно богатую критическую, обновленную историческую форму. См. J. v. Klapproth Bemerkungen über die Chines. Russische Grenze, 1806. Sprache und Schrift der Uiguren. p. 403 — 576 въ его Reise in den Kaukasus 1801 — 1808, Th. II, 1814. 8; его Asiat. Archiv. 4. Petersb. 1810; его Asiatisches Magazin. 8. 2 Th. Weimar. 1802.

его *Mém. rel. à l'Asie* III vol. Paris. 1826 — 28; его *Magasin Asiat.* II Tom. Paris. 1825 — 1826. его *Asia Polyglotta.* Paris. 4. 1823; его *Tableaux historiques de l'Asie, avec Atlas.* Paris. 1826. 4. и весьма много статей въ *Journal Asiat.* и т. д.

7) 1819 — 21. *Тимковская путешествованіе съ миссією въ Пекинъ.*—По трактату 1689 г., границею между обоими государствами была назначена вытекающая изъ Хинганскаго хребта рѣчка Горбица, небольшой притокъ верхняго Амура, первый изъ впадающихъ въ него съ лѣвой стороны, по соединеніи Шилки и Аргуни. Русскіе, для которыхъ заключенный трактатъ былъ невыгоденъ, перешли нѣсколько позднее чрезъ эту рѣчку и основали крѣпость Албазинскъ (по китайски Якса), въ 30 миляхъ далѣе на рѣкѣ Амурѣ, съ цѣлю удержать за собою судоходство по этой рѣкѣ. Китайцы нѣсколько разъ нападали на эту крѣпость и наконецъ разрушили ее въ 1795 году, и отвели находившихся въ ней казаковъ и другихъ русскихъ военноплѣнными въ Пекинъ. Сначала это обстоятельство возбудило много недоразумѣній и споровъ, но послужило поводомъ къ устройству торговыхъ сношеній, и къ основанію въ Пекинѣ русской колоніи и русской церкви со школою. Церковь эта была построена послѣ заключенія трактата 1728 года, снабжена причетомъ изъ духовныхъ лицъ и 4 свѣтскими чинами, получила полную свободу отправленія богослуженія, и съ того времени постоянно поддерживалась русскимъ правительствомъ. Чрезъ каждые 10 лѣтъ опредѣлено было отправлять въ Пекинъ новую миссію, на смѣну прежней; при семъ возвращавшіеся въ Россію духовные смѣнялись, а свѣтскія лица должны были уже знать основательно Китайскій и Маньчжурскій языки. Для такой смѣны отправлена въ 1819 году миссія, подъ начальствомъ коллежскаго ассесора Г. Ф. Тимковскаго, при особомъ содѣйствіи азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, чрезъ Кяхту и Ургу и далѣе по западной дорогѣ, чрезъ нагорную степь Гоби въ Пекинъ. Для возвратнаго пути миссія предпочла бы охотно

восточную дорогу, на Цурухайтуевскъ, еслибъ китайскіе чиновники, по корыстнымъ видамъ, не нашли для себя болѣе выгоднымъ провести ее по той же самой дорогѣ на Ургу. Благоклонный пріемъ этой миссіи въ Пекинѣ доставилъ ей возможность обозрѣть страну гораздо свободнѣе, нежели могли это сдѣлать предшествовавшіе путешественники; въ особенности поучительны путевыя наблюденія на нагорьѣ, хотя въ нихъ нѣтъ ни ученыхъ естественно-историческихъ свѣдѣній, и кромѣ того не достаетъ въ особенности необходимаго, для точнаго знанія этого нагорья, ряда измѣренія высотъ; такихъ измѣреній должны мы ожидать отъ нынѣ (1831 г.) посланной туда миссіи, какъ результата предположенной нивелировки черезъ все плоскогоріе (*). Путешествіе Тимковскаго преимущественно обогащено туземными источниками о нагорной Азіи, почерпнутыми изъ китайской литературы, архимандритомъ отцомъ Іакинѣомъ Бичуринымъ, во время долговременнаго его пребыванія въ Пекинѣ.

Тимковскаго путешествіе, русскій оригиналъ, напечатанный въ С.Пбургѣ въ 1824 году, на счетъ государственнаго казначейства.

G. Timkowski. Reise nach China, durch die Mongolei in den Jahren. 1820 — 21; *Нѣмецкій переводъ* Шмита (3 част. Лейпц. 1825. 8.) къ сожалѣнію совершенно негоденъ для ученаго употребленія, потому-что многочисленныя ошибки подлинника увеличены несмѣтнымъ количествомъ новыхъ и отсутствіемъ здоровой критики. Переводъ этотъ повергаетъ знаніе восточной Азіи въ тотъ хаосъ, въ которомъ оно находилось за сто лѣтъ тому назадъ.

G. Timkowski, voyage à Péking à travers la Mongolie, traduit du russe p. M. M., revu par J. V. Eyriés, publié avec corrections et des notes p. J. Klaproth, avec Atlas, T. I. II. Paris. 1827. 8. есть единственное изданіе, которое можетъ быть употребляемо для ученыхъ цѣлей, и на которое мы будемъ ссылаться въ этомъ сочиненіи.

(*) См. ниже дополненіе къ § 12. — *Пр. Пер.*

IV. *Естествоиспытатели.*

Исключая прежнихъ извѣстныхъ наблюдателей природы, путешествовавшихъ въ этихъ странахъ, какъ: Мессершмита, Гмелина, Палласа, Ренованца, Сиверса и др., которыхъ сочиненія будутъ приведены ниже, при описаніи самыхъ предметовъ ихъ изслѣдованія, можемъ, говоря здѣсь о странахъ къ Югу отъ Байкала, указать только на краткіе отчеты двухъ естествоиспытателей, которые, во время недавнихъ путешествій своихъ, хотя изслѣдовали только сѣверный склонъ плоскогорья и не заходили далѣе окрестностей Кяхты, однакоже принесли много пользы землевѣдѣнію этихъ странъ.

1826 — 1828. *Hess, Aperçu géognostique des contrées au delà du lac Baikal.* p. 11 — 16, въ Séance extraordinaire tenue de l'Académie Impériale des sc. de St. Petersb. ib. 4. 1729.

Его же: *Hess Adjunct der Akademie, Geognost. Beobacht. auf einer Reise von Irkutsk nach Kiachta*, въ Леонгардовой *Zeitsch. für Mineralogie.* 2. B. 1827. p. 321 — 348. 1828 — 1829. *A. Erman. Dr. (изъ Берлина) Sibirische Reise: Excursion von Irkutsk nach Kiachta und Reise über Irkutsk nach Ochozk*, въ Бергхаузovýchъ *Annalen der Erd-, Völker- und Staaten-Kunde, Berlin.* 1829. 1. Th. p. 73 — 97 и 185 — 212; статья эта есть предварительное обозрѣніе весьма любопытнаго большаго сочиненія этого автора о его путешествіи. Скорое изданіе сего сочиненія весьма желательно (*).

V. *Туземные китайскіе и монгольскіе источники.*

Вновь оживленное изученіе восточныхъ языковъ обогатило во многихъ отношеніяхъ Географію восточной и сѣверной Азіи, и мы изложимъ при описаніи каждой мѣстности, съ указаніемъ источниковъ, результаты этихъ усилій, совершенныхъ въ поль-

(*) Три тома сочиненіе Эрмана *Reise um die Erde* изданы въ Берлинѣ въ 1833, 1838 и 1848 годахъ. *Пр. Пер.*

зу науки. Сюда принадлежатъ, сверхъ безчисленныхъ отдѣльныхъ данныхъ, слѣдующіе важнѣйшіе источники, подвинувшіе впередъ знаніе этой части нагорной Азіи.

1) *Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus, Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhäuses, von I. I. Schmidt aus dem Mongol. übersetzt mit Anmerkungen. St. Petersburg. 1829. 4.* Сочиненіе это, важное для сравнительной Географіи и Этнографіи нагорья, есть единственный изъ доселѣ извѣстныхъ монгольскихъ источниковъ для исторіи и географіи этой страны.

2) *Очеркъ географіи и этнографіи Монголіи, переведенный изъ китайской государственной географіи Маньчжу (Thai-zin-y-thung-tchi, Да-цинъ-и-т'увъ-чжы, 2 edit. Peking. 1790), у Timkowsky voy. II. ch. 15. p. 207 — 364.*

3) *Географія страны Оросовъ* (т. е. Русскихъ), изъ той же китайской государственной географіи см. въ Klarroth. *Mém. rel. à l'Asie. T. I. p. 81 — 116.*

4) *Путешествіе китайскаго посланника монгола Тулм-шета* изъ Пекина чрезъ нагорную Гоби къ Селенгѣ и чрезъ Сибирь къ хану торгутскихъ калмыковъ на Волгѣ 1712—1715. Этотъ отчетъ путешествія написанъ самимъ китайскимъ посланникомъ, который, въ 1719 году, въ качествѣ Императорскаго чиновника, сопровождалъ караванъ Лавге до Пекина, и который послѣ, въ 1728 г., въ качествѣ китайскаго уполномоченнаго, подписалъ пограничный трактатъ. Первыя извлеченія изъ этого интереснаго для знанія нагорья путешествія были сообщены Патеромъ Гобилемъ въ *Mém. des Chinois T. II. p. 407 — 418*; Р. Е. Souciet въ *Observations mathém., astronomiques, géogr. etc. Paris. T. I. p. 148 — 165*; и Мюллеромъ въ *Sammlung Russ. Gesch. T. I. p. 327 — 348*, съ примѣчаніями. Но полнымъ переводомъ китайскаго подлинника обяваны мы одному изъ лучшихъ знатоковъ китайской литературы и языка.

Narrative of the Chinese Embassy to the Khan of Tourgouth Tartars in the year 1712 — 15 by the Chinese Ambassador and published by the Emperors authority at Peking. Translated from the

Chinese and accompanied by an appendix by Sir George Thomas Staunton Esq. Lond. 8. 1821. Сравни рецензію въ *Journal des Savans* Mai. 1821. p. 260 etc.

5) *Abel Rémusat Recherches sur la ville de Kara-Korum* (Holin) avec des éclaircissemens sur plusieurs points obscurs de l'histoire et de la géographie de la Tartarie pendant le moyen age. Paris. 4. 1825. Достаточно назвать знаменитого автора, который основалъ научное изученіе китайскаго языка и давно извѣстенъ сюда же относящимися классическими *Recherches sur les langues tartares*. Paris. 1820 и столь богатыми по содержанию своему *Mélanges asiatiques*. Paris. 1825 et 26. II. Vol., также *Nouv. Mél. asiatiq.* Paris. 1828 et 29. II. vol., чтобы вспомнить о многочисленныхъ туземныхъ источникахъ восточно-азиатской литературы, которые, въ слѣдствіе его изысканій и многообразныхъ ученыхъ сообщеній, сдѣлались столь важными и для успѣха географіи восточной нагорной Азіи. Мы должны здѣсь упомянуть съ благодарностію, что личнымъ сообщеніямъ этого автора, также какъ и Клапрота, сочиненіе наше обязано немалымъ числомъ новыхъ свѣдѣній и указаній.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 12.

I. Новѣйшіе источники о восточной и юго-восточной окраинѣ нагорной Азіи.

1) *Плаванія по Амуру.*

Здѣсь мы можемъ назвать журналы: чиновника *Свербѣева*, чиновника Министер. Удѣловъ *Пермикина* и горнаго инженеря *Аносова*, которые будутъ все напечатаны въ *Зап. Сибир. Отдѣла Импер. Русск. Геогр. Общ.*, и *Leopold Schrenk, Lettre* въ *Bullet. physico-matematicque de l'Acad. Impér. des sciences à St.-Petersb.* T. XVI. No 12.

2) Русскія миссіи въ Китаѣ.

Съ 1830 года ихъ было три:

Первая въ 1830 году, возвратившаяся въ 1832, подъ руководствомъ Генеральнаго Штаба полковника Ладыженскаго. При ней были: астрономъ Фуссъ и ботаникъ Бунге, произведшіе нивелировку степи Гоби и астрономическія опредѣленія, также горный инженеръ Кованько.

Труды Фусса и Бунге изложены: въ G. Fuss, geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen abgeleitet aus einer Beobachtung auf einer Reise die in den Jahren 1830 — 32 nach Sibirien und den chinesischen Reiche unternommen wurde, въ Мém. de l'Academie Imper. des sciences à St.-Petersb. VI serie sc. mathem., phys. et natur. T. III. 1-re livr. St.-Petersb. 4. 1835.

Кованько написалъ: геогностическій взглядъ на окрестности Пекина въ Горномъ Журналѣ 1838 г. кн. II. ст. 4.

Вторая миссія въ 1840 г. возвратилась въ 1842 г., подъ руководствомъ Н. И. Любимова (нынѣ директора Азіатскаго департамента). Она была снабжена хорошими инструментами и окопательно устроила магнито-метеорологическую обсерваторію въ Пекинѣ. При ней находился г. *Гошкевичъ*, въ теченіи 10 лѣтъ совершавшій метеорологическія наблюденія въ Пекинѣ, которые обнародованы въ Kupffer Annuaire magnet. et météorolog., и также В. П. Васильевъ, который, послѣ 10-лѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, вывезъ оттуда множество драгоценныхъ книгъ и рукописей историческаго и географическаго содержанія. Нѣкоторыя изъ нихъ уже отчасти имъ уже разработаны во многихъ печатныхъ и рукописныхъ статьяхъ.

Третья — въ 1850 г., возвратилась въ 1852, подъ руководствомъ полковника Ковалевскаго.

Ковалевскій написалъ: Путешествіе въ Китаѣ, С. П. Б. 1853. 8. 2 части.

Труды членовъ Пекинской миссіи, С. П. Б. 8. I-й томъ вышелъ въ 1852, II-й въ 1853.

3) *Туземные, китайскіе и маньчжурскія источники.*

Мы встрѣчаемъ важныя интересныя данныя для гео-и этнографіи этой части нагорной Азіи еще въ слѣдующихъ сочиненіяхъ, основанныхъ на разработкѣ китайскихъ источниковъ.

а) *О. Такинѳа*, Статистическое описаніе Китайской имперіи, С. П. Б. 8. 1842. 2 части.

б) *Его же*, Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ средней Азіи въ древнія времена, С. П. Б. 1851. 8. 3 части.

Множествомъ очень интересныхъ и важныхъ свѣдѣній о сѣверо-восточной окраинѣ нагорной Азіи обязанъ я нашему почтенному синологу В. П. Васильеву, сообщавшему мнѣ всѣ свои рукописные переводы и замѣтки.

4) *Съ южной стороны.*

Католическіе миссіонеры Хюкь и Габе проникали на Монгольское плоскогоріе и совершили отъ С.-В. къ Ю.-З., большою частію по его окраинѣ, свое знаменитое путешествіе, заключающееся въ сочиненіи:

Nous Souvenir d'un Voyage dans la Tartarie, la Thibet et la Chine pendant les années 1844, 45 et 46 Paris. 8. 2-me edit. 1853. 2 volum.

II. Гора Пе-ча къ С.-С.-З. отъ Чэнь-дэфу (Же-хэ).

Вопросъ объ упоминаемой Риттеромъ горѣ Пе-ча (Pe-Tcha) принадлежитъ къ однимъ изъ важнѣйшихъ въ орографіи сѣверо-восточной Азіи. Существуетъ ли на юго-вост. Монгольской окраинѣ гора въ 15000 фут. или нѣтъ?

Гора Пе-ча означена только на картѣ Гримма, между верховьями рѣки Имаду, впадающей въ Луань-хэ и рѣки Ло-ха, впадающей въ Шара-мурэнь. Дѣйствительно направленія рѣкъ показываютъ, что самый высокій горный массивъ юго-вост. угла окраины Монгольскаго нагорья простирается несомнѣнно здѣсь, въ этой части области Чэнь-дэфу, въ которой берутъ начало истоки многихъ рѣкъ, какъ напр. Имаду и Исса изъ системы Луань-хэ,

два истока Лоха, три — Шара-мурэни, нѣсколько притоковъ Шанду-ола, т. е. верхняго Луань-хэ. Только страннымъ мнѣ казалось, что имя горы Пе-ча, которую П. Фербистъ нашелъ въ 15000 фут. высоты, какъ бы утонуло въ морѣ забвенія, потому-что съ тѣхъ поръ никто не упоминаетъ болѣе объ этой замѣчательной горѣ.

Потому я просилъ В. П. Васильева поискать нѣтъ ли чегонибудь о горѣ Пе-Тча въ обширномъ географическомъ сочиненіи «Чэнь-дэфу-чжи», т. е. полномъ описаніи области Чэнь-дэфу, изданномъ въ Пекинѣ въ 1831 году. Результатомъ изысканій, сдѣланныхъ столь обязательно В. П. Васильевымъ, было то, что горы Пе-Тча не оказалось, не смотря на то что китайская географія перечисляетъ или описываетъ болѣе 70 горъ Чэнь-дэфусской области. Единственная Бай-ча (Пе-Тча), упоминаемая китайскою географіею, находится не въ истокахъ Имаду, а не очень далеко къ С.-В. отъ воротъ Хи-фынь-к'эу (Hi-Fong-Keou), слѣдовательно къ Ю.-В. отъ Чэнь-дэфу. Она не можетъ имѣть ни малѣйшей претензіи на исполинскую высоту, потому-что на вершинѣ ея, еще со времени Юаньской династіи, находилась кумирня, и вообще эта гора не привлекаетъ особеннаго вниманія китайской географіи, выражающагося обыкновенно стихами, написанными императорами или другими поэтами къ высокой горѣ и покровительствующимъ ея духамъ. Потому нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта Бай-ча ничего не имѣетъ общаго съ Пе-Тча патеровъ Жербильона и Фербиста и Карла Риттера.

Но дѣйствительно въ верховьяхъ Имаду находится высокая гора, привлекавшая вниманіе императоровъ и поэтовъ и удостоившаяся многихъ стиховъ. Гора эта называется Би-кя (Pi-Kia), по сѣверному произношенію Би-цзя, что конечно и дало поводъ миссіонерамъ исказить имя ея въ Пе-Тча. Подъ словомъ Би-цзя Китайцы разумѣютъ горку, на которую они обыкновенно кладутъ кисти, которыми они пишутъ, и которая для этой цѣли имѣетъ форму тройной или трехъ-вершинной горы.

Точно такую же форму имѣетъ и гора Би-кя Чэнь-дэфусской области.

Вотъ что сказано объ этой горѣ въ китайской географіи: (XVI. 17): «Она находится въ 15 ли на В. отъ деревни Хуанъ-гу-чунь, прямо на В. отъ походнаго дворца въ деревнѣ Борохатунь и состоитъ изъ трехъ пиковъ, изъ которыхъ средній возвышается надъ равными между собою боковыми, такъ что она походитъ на горку для кистей (Би-кя), отъ чего и получила свое названіе». Гора Би-кя своею высотой плѣнила вниманіе многихъ поэтовъ, изъ которыхъ между прочимъ императоръ Кянъ-лунь говоритъ: «три сопки горы Би-кя возвышаются надъ *всеми* горными хребтами, *смыютъ* съ незапамятныхъ временъ! Она такъ высока что трудно разсмотрѣть ея вершину и поэтъ невольно играетъ кистью (т. е. пишетъ стихи) при видѣ ея»

Деревня Хуанъ-гу-чань, по свидѣтельству китайской географіи, лежитъ въ 120 ли (60 вер.) на З. (вѣроятно на З.-С.-З.) отъ уѣднаго города Фынъ-нинъ-хянь. Городъ же этотъ находится на р. Иссу-бира, а деревня Хуанъ-гу-чунь слѣдовательно на р. Имаду-голѣ и вся ориентація приводитъ насъ прямо къ истокамъ Имаду, на мѣсто горы Ре-Тча. Последнее сомнѣніе въ тождествѣ обѣихъ исчезаетъ при выраженіи Кянъ-луня, что «Би-кя возвышается надъ *всеми* горными хребтами», потому-что и Ре-Тча считалась самою высокою изъ всей горной страны.

Замѣтимъ что уже изъ выраженія императора Кянъ-луня слѣдуетъ что Би-кя, хотя *самая высокая въ главномъ массивѣ горной страны, не достигаетъ ельжной линіи*, потому-что иначе верхушка ея *была бы, а не смыла*. Тоже слѣдуетъ и изъ показанія китайской географіи, которая вообще тщательно упоминаетъ о *сильныхъ юрсахъ* (Сюэ-шань), вездѣ гдѣ такіа дѣйствительно существуютъ. Тоже можно заключить и изъ путешествія Хюка и Габе, которые, на пути своемъ съ рѣки Шарамурани (княжества Оиутъ) въ Долонъ-норъ, переходили черезъ одинъ изъ горныхъ проходовъ этого высокаго массива, именно

Санич-ола, лежащий въ самыхъ истокахъ Шара-мурэни. При этомъ Хюкь однакоже не упоминаетъ ни о какихъ *снѣжныхъ* горахъ, которыя онъ непременно долженъ былъ видѣть, еслибъ Би-кя или другая гора этого массива достигала до снѣжной линіи.

Гора Би-кя лежитъ приблизительно подь $42\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш. Вотъ на какой высотѣ снѣжная линія находится въ этой зонѣ на земномъ шарѣ: въ Пиренеяхъ, подь $42\frac{1}{2}^{\circ}$ — 43° с. ш., снѣжная линія находится на высотѣ 8400 ф. (1400 туаз.); въ малой Азій, горѣ Аргеѣ или Анжишъ-тагъ подь $38\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., на высотѣ 10000 ф. (1674 туаз.); на Араратѣ, подь $39\frac{2}{3}^{\circ}$ с. ш., на высотѣ 13000 ф. (2216 туаз.); на кавказскомъ Ельбрусѣ, подь $43\frac{1}{3}^{\circ}$ с. ш., на высотѣ 10400 (1730 туаз.); въ Чжунгаріи на Алатау, подь 40° с. ш., на высотѣ не менѣе 9600 ф. (около 1600 туаз.); наконецъ въ Скалистыхъ горахъ (Rocky mountains) Америки, подь 43° с. ш., на высотѣ 11700 ф. (1950 туаз.) (1). Слѣдовательно, предполагая даже что высота снѣжной линіи на Монгольской окраинѣ должна была бы быть между 11 и 12000 ф., мы не можемъ считать высоту Би-кя болѣе 10000 ф. Слѣдовательно мнимая высота горы Ре-Тча, въ 15000 ф. надъ ур. моря, исчезаетъ, какъ миражъ или призракъ передъ географическимъ изслѣдованіемъ, приводящимъ насъ къ непосредственному заключенію, что во всей этой горной странѣ, *ни вѣчныхъ снѣговъ, ни такой колоссальной горы не существуетъ*, и что измѣренія Фербиста принадлежатъ къ такимъ же преувеличеніямъ, какъ и мнимая высота плоскогорія Гоби, которая изъ 8000 ф., при точныхъ измѣреніяхъ русской экспедиціи (Фусса и Бунге), спустилась до 4000 ф. ср. выс.

(1) О высотѣ снѣжной линіи въ умеренной зонѣ 37 — 43° с. ш. см. Humboldt, Central-Asien übers. v. Mähmann. Th. II. p. 205—207.

§ 13.

Изложение III. *Восточная дорога через Хинганскую горную цепь или Хинь-ань-ола.*

Нерчинскъ (51° 45' с. ш.) и *Пекинъ* (40° с. ш.) суть замѣчательнѣйшіе и важнѣйшіе города, лежащіе почти въ томъ же меридіанѣ (114° 2' В. д. отъ Парижа; В. 134° отъ Ферро) на сѣверной и южной окраинѣ восточно-азиатскаго плоскогорія, которое между этими городами составляетъ высокія и обширныя площади. Средина, составляющая наименѣе гостеприимную часть ихъ, растянута отъ Ю.-З. къ С.-В., и вполне заслуживаетъ Монгольское названіе *Гоби*, т. е. пустыни и Китайское *Шамо* т. е. песчанаго моря (или Хань-кай у Де-гивя) (*). Различіе 12° широты между обоими городами составило бы по прямой линіи разстояніе между ними въ 132 геогр. миль. Въ этомъ направленіи по кратчайшей дорогѣ, почти по меридіанной линіи обонихъ городовъ, все плоскогоріе было пройдено въ 1689 г. Іезуитами Перейра и Жербилюномъ, которые сопровождали Китайское посольство, заключившее мирный договоръ въ Нерчинскѣ. Путь ихъ, на который они употребили 1½ мѣсяца (отъ 13 іюня до 31 іюля), шелъ отъ Пекина чрезъ ворота Великой стѣны Губей-к'эу и оттуда прямо къ С. чрезъ высшую часть Хинганскаго хребта, называемую Печа (Pe-tcha), мимо лежащаго на сѣверной его сторонѣ степнаго озера Даль-норъ (Taal-nor, Норъ значитъ озеро), по срединѣ степи чрезъ рѣку Кэрулэнь (Kegulen) на З. отъ озера Далай, (*) и оттуда же въ прямомъ направленіи къ русско-сибирской крѣпости Нерчинску (по Китайской Нипчу) на Амурѣ (по Маньчжурски Сахалынь (**)).

(*) Описываемая степи называется по китайски *Ша-мо*, что значитъ сѣверная безплодная степь, и *Хань-кай*, что значитъ Сѣверное море. См. Стат. Опис. Кит. Имп. О. Іакинча, Ч. II. стр. 232. — *Пр. Пер.*

(**) Озеро Далай-норъ, называется по монгольски *Хулунь-норъ*, оно образуется водами р. Керулэни. — *Пр. Пер.*

(***) Въ подлинникѣ сказано ошибочно по китайски, китайское названіе есть — *Хэй-лунь-нянь*, что значитъ отъ слова до слова: чернаго дракона рѣка. — *Пр. Пер.*

Они описали подробно эту дорогу и, измеривъ ее во всѣхъ ея извилинахъ отъ воротъ великой стѣны, откуда они начали подниматься на плоскогорье, нашли, что она составляетъ 165 геогр. миль (2391 ли, полагая 10 ли, на льѣ, или на 1° шир. 220 ли). (1)

Линія эта, пересѣкающая намъ нагорную Гоби, въ меридианѣ Нерчинска и Пекина, представляетъ весьма удобное дѣленіе, чтобы ориентироваться въ этихъ столь обширныхъ пространствахъ, лишенныхъ другихъ опорныхъ точекъ. Второй удобный и легко замѣтный меридианъ такого рода лежитъ на цѣлые 10° далѣе къ З., и есть именно меридианъ Кяхты (104° В. д. отъ Пар; 124° отъ Ферро) который, въ продолженіи своемъ на югъ, касается западнаго берега большой *сѣверной дуги* р. *Хуанъ-аэ* и проходитъ чрезъ городъ Нинъ-хя (38¹/₂ с. ш.) Меридианъ сей пересѣкаетъ также Гоби во всю ширину ея; между обоими меридианами лежитъ большой квадратъ плоскогорія, пересѣкаемый діагонально знаменитою и хорошо изслѣдованною кяхтинскою дорогою. Мы называемъ это пространство, сдѣлавшееся болѣе извѣстнымъ, *среднею Гоби*, въ противоположность съ ея *западною* и *восточною*, въ настоящее время еще неизвѣстными частями, изъ которыхъ первая примыкаетъ болѣе къ возвышенностямъ собственно центральной Азіи, а вторая служитъ переходомъ къ рѣчной области Амура въ странѣ Маньчжу. Всѣ эти пространства сдѣлались намъ извѣстными, основываясь на путешествіяхъ отдѣльныхъ каравановъ, только по извѣстнымъ линіямъ; а потому съ этихъ линій должны начинаться наши изысканія, и такимъ только путемъ можемъ мы дойти до нѣкотораго познанія восточной окраины этого великаго естественнаго типа.

Часть нагорья, лежащая на В. отъ Нерчинско-Пекинскаго меридиана, извѣстна намъ только изъ трехъ различныхъ путевыхъ отчетовъ: именно Исбранда Идеса 1692, четвертаго

(1) Müller, S. Russische Gesch. II. 416. Du-Halde IV. p. 196—248.

путешествія Ланге 1736, и осьмага или послѣдняго путешествія О. Жербильона 1698. Два первыя путешествія совпадаютъ на одной и той же дорогѣ на Цурухайтуевскъ и Цицкаръ, и пересѣкаютъ Хинганскій хребетъ при горахъ Яло, обходя его на восточномъ склонѣ; путь же лезуитскаго Патера лежитъ далѣе къ З., пересѣкаетъ Хинганъ при истокахъ р. Шара-мурънь и Тень-бира (Teng-piġa, 116° В. д. отъ пар.) и продолжается по внутреннему западному склону этого хребта до Далай-нора.

Путь каравановъ изъ Нерчинска чрезъ Аргунь, Цурухайту, Цицкаръ (Нонь-хотонь, Naun-kotun) по юго-восточному склону Хингана къ великой стѣнѣ и въ Пекинъ.

Эта болѣе длинная дуга, по свидѣтельству Ланге и замѣренію станцій, произведенному Русскими, простирается на 252 геогр. м. (1768 верстѣ) ⁽²⁾, и слѣдов. на 72 мили длиннѣе вышеупомянутаго прямого пути. Путь сей болѣе удобенъ и былъ прежде болѣе посѣщаемъ, но почти совершенно оставленъ Европейцами и купцами ⁽³⁾, со времени проложенія кратчайшаго, въ слѣдствіе основанія Кяхты. Какъ настоящая цѣль наша есть разсмотрѣніе восточной окраины, то здѣсь выбрасываемъ мы 89 геогр. миль (625 в.) пути отъ Нерчинска чрезъ Аргунь и Цурухайтуевскъ до р. Мергэни (притока Хайлара) и истоковъ Хайлара (притока Аргуна), находящихся подъ 42° с. ш., въ части Хингана, получившей названіе *Яло* (Yalo) ⁽⁴⁾, отъ горнаго ущелья и рѣки того-же имени. Начиная отсюда горная дуга восточной окраины занимаетъ еще остальные 163 мили, протяженіе, которое и надлежитъ здѣсь разсмотрѣть; объ остальномъ же пространствѣ, склоняющемся къ сѣверу, глубоко прорѣзанномъ рѣками и расположенномъ уступами, мы будемъ говорить при разсмотрѣніи системы рѣки Амура (верхнихъ

(2) Pallas, N. N. B. II. 203.

(3) John Bell. Trav. T. I. p. 315,

(4) Ysbrand, p. 82.

ся частей). Отъ Нерчинска дорога идетъ чрезъ Шилку, Аргунь и Хайларъ (Hailar), орошающіе болѣе теплую и углубленную горную часть Дауріи вдоль сѣверной окриины высокой террасы, и только послѣ 14 дневныхъ переходовъ (каждый отъ 60 или 80 ли, т. е. отъ 9 до 12 часовъ) достигаетъ высокаго Хингана, какъ его правильно называетъ уже Ланге. Хребетъ Хинганъ отдѣляетъ безводную степь Гоби на З. и притоки озеръ—*Бойръ* (Buig, Voig, т. е. рѣку Халху), *Далай* (Dalai) и рѣки *Керулэни* (Keruleni), отъ лѣсистаго восточнаго ската, котораго воды—*Торъ-бира* (Toro-Pira) и *Яло-бира* (Yalo-Pira) текутъ къ Ю.-В. въ Нонь-ула (Nonni-Ula) или Нонь-мурэнь, притокъ Сунгари. Хинганъ составляетъ восточную окранны нагорной Азии, многообразно расчлененную и развѣтвленную. Ближайшій къ нему горный хребетъ, служащій ему продолженіемъ къ Ю.-З., составляютъ знаменитыя горы Союрци (Soyelki) ⁽⁵⁾, лежація на старой пограничной линіи между землями подчиненныхъ Китаю Монголовъ и сѣверныхъ Халхасскихъ Монголовъ, получившихъ названіе отъ р. Халха-бира (Kalka-Pira), которой источники лежать въ упомянутыхъ горахъ Союрци ^(*) и о которой мы будемъ говорить ниже.

Группа горъ при горномъ проходѣ *Яло*, названа на д'Анвилевой картѣ Якъ-алинь ^(**); Адольфъ Брандъ называетъ ее горами—Thak ⁽⁶⁾. Еще 14 апрѣля здѣсь вышло на цѣлый аршинъ снѣгу. Къ С.-З. вытекаютъ изъ этой группы ручьи: *Чадунъ* (Tsadun), *Хайларъ* (Hailar), *Мэргэнь* (Mergen); къ Ю.-В. — рѣка *Яль* (Yalo), которой берега, оживленные привѣтливими лугами и лѣсами, показались долго странствовавшему по нагорнымъ степямъ русскому послу Петра Великаго, истинно райскою странюю. Онъ говоритъ: я поднялся на гору съ Сѣв. (т. е. со

(5) Du-Halde, IV. p. 23. Mailla Histoire génér. de la Chine T. IX. p. 147.

(*) Также и у О. Іакноа. — *Пр. Пер.*

(**) Soielki у Риттера, Soiolzi у Малья. — *Пр. Пер.*

(6) Ad. Brand, 3te Ausgabe p. 266. На картѣ Клапрота нѣсколько южнѣе означена гора Минганъ-Ола.

стороны нагорья), а спустился на Ю., на что употребилъ втрое болѣе времени, и, достигнувъ низменности, замѣтилъ большую переѣну въ климатѣ, сравнительно съ нагорною Гоби. Хинганъ образуетъ слѣдовательно раздѣльную линію не только для водъ, но и для климатовъ.

У сѣверо-западной его подошвы, гдѣ кочуютъ Монголы, представляется, по направленію во внутренность нагорья, почти безлѣсная пустыня, и только кое-гдѣ попадаются пихтовыя рощицы. Но при входѣ въ горный хребетъ появляются многочисленныя источники ⁽⁷⁾, кустарники, лиственничныя и дубовыя лѣса, болота, мѣста дикія и необитаемыя, но богатые дичью, лосями, сурками, оленями, кабанамы, медвѣдями съ бѣлыми пятнами, рысями, волками и лисицами. Только Оленья Тунгусы проникаютъ въ эти темныя непроходимыя лѣса, для охоты и звѣриной ловли. Пантеры ^(*) попадаютъ отсюда до Байкала. Этотъ хребетъ горъ составляетъ южную границу ловли пушныхъ звѣрей, въ особенности хорошихъ соболей, свойственныхъ болѣе холодному Сѣверу.

Дорога черезъ горы камениста, лѣса на вершинахъ ихъ очень рѣдки, но ниже, на юго-зап. склонѣ, ближе къ Маньчжуріи, которую Хинганъ отдѣляетъ отъ лежащей къ З. Монголіи, разстилается зеленый растительный покровъ, состоящій изъ альпійскихъ цвѣтовъ ⁽⁸⁾. Отсюда внизъ, на разстояніи 10 дней пути къ Ю.-В., дорога проходитъ черезъ прекрасныя глубокія долины и нѣсколько цѣпей горъ, до тѣхъ поръ пока, по переходѣ симыхъ дикихъ изъ нихъ, не появляется на восточной ихъ сторонѣ рѣка Нонь съ городомъ *Нонь-хотонь* (Naun-Khotun) на ея лѣвомъ и деревню *Цицикаръ* (Tsitsicar) на ея правомъ берегѣ. Горныя ручья падаютъ съ изумительною быстротою съ высотъ. На болѣе покатомъ, восточномъ склонѣ появляются внезапно лѣса орѣшниковъ (богатыхъ плодами въ началѣ сентября по

(7) Lange, IV. p. 169.

(*) *Felis onca*. — *Пр. Нер.*

(8) Ysbrand p. 93, 99.

свидѣтельству Исбранда) и дубовъ ⁽⁹⁾, не встрѣчающихся во всей сѣверной Азій, начиная отъ Урала, по всей Сибири и до сихъ мѣстъ. Здѣсь проходитъ важная линія растительности, на которой показывается также и *липа*. Къ упомянутымъ деревьямъ присоединяется кустарникъ породы *вишни*, показывающійся здѣсь въ первый разъ, и тѣмъ болѣе замѣчательный, что не произрастаетъ ни въ Сибири, ни въ теплой Дауріи ⁽¹⁰⁾. Лѣса дубовые, хотя и другихъ породъ нежели въ Европѣ, характеризуютъ, какъ кажется, весь юго-восточный склонъ нагорной Азій, по свидѣтельству Пат. Фербиста; такъ что сѣверный Китай есть по преимуществу страна дубовъ ⁽¹¹⁾. Вмѣстѣ съ этими листовыми лѣсами появляются стаи птицъ, встрѣаемыя гораздо рѣже на нагорьяхъ.

Вблизи губернскаго города Нонь (Хотонь значить городъ), лѣса снова прекращаются, ложе р. Нони, которая здѣсь вдвое шире чѣмъ Ангара въ Иркутскѣ, лежитъ уже низко на восточной окраинѣ, а потому, направляясь къ Ю.-З., должно снова подниматься довольно высоко. Въ немногихъ дняхъ пути далѣе, на р. Ялѣ разбросаны деревни и жилища Даурцевъ, или *Дахурь*, довольно образованнаго Тунгузскаго племени, которое воздѣлываетъ ячмень, рожь, пшеницу, гречиху и коноплю. Далѣе на Ю. поколѣніе это по видимому никогда не было вытѣсняемо изъ своихъ древнихъ жилищъ верхней долины Амура ⁽¹²⁾; къ Ю. отсюда живутъ Монголы, а къ В. Маньчжу.

Отсюда до входа въ равнину Пекина 30 дней разстоянія (36 до самаго Пекина) ⁽¹³⁾, и на устроенныхъ постоянныхъ станціяхъ содержится по 50 лошадей для посланниковъ; такъ было въ 1760 г., вѣроятно это существуетъ донынѣ.

Отсюда, на разстояніи 18 дней пути до Шара-мурэнь (т. е.

(9) Lange, IV. p. 171. Pallas Not.

(10) Pallas въ пр. с. p. 180; его же Russ. Reise Th. III. p. 225; II. p. 14.

(11) Mém. concernant l'Hist. de Chine T. III. p. 484.

(12) Lange IV. p. 178; Ysbrand p. 95.

(13) Ad. Brand въ пр. с. p. 132.

Желтая рѣка), чрезъ страну называемую Корцинь, идетъ единственная часть караванной дороги, пересекающая восточное продолженіе плоскогорія или весьма узкій рукавъ степи Гоби, и эта часть степи кажется не столь страшною, какъ самая середина ея, въ особенности къ Зап. (14); рѣка Шара-мурэнь одна-коже вся протекаетъ по степному пространству. Степь эта простирается на нѣсколько дней пути далѣе на Ю.-З., до гористаго юго-восточнаго склона высокаго хребта Пе-ча (Pe-Tcha), съ котораго текутъ рѣки: на В. *Сирха* (Sirha) къ рѣкѣ *Лоха* (Loha, Lohan, правому притоку Шара-мурэнь съ С.-З.) и на Ю. *Луань-хэ* (Lan-Ho) къ Желтому морю; только это продолженіе степи лучше заселено и обработано. Степная полоса, служащая продолженіемъ плоскогорія, отличается своею однообразною пустынною, частымъ недостаткомъ воды, солеными лужами и солончаками, рядами песчаныхъ холмовъ, между которыми извиваются трудно проходимыя тропы; кое-гдѣ только попадаются рѣдкія дождевыя озера, немногія деревья, малорослыя ивы, и ильмы. Тамъ гдѣ растутъ лучшія ивы находятся небольшія пристанища Монголовъ съ ихъ стадами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ скалы выходятъ наружу между песчаными холмами. Здѣсь попадаетъ множество степныхъ зайцевъ и дикихъ птицъ изъ рода фазановъ, также дзеровъ (антилопъ или сайгъ) и степныхъ козъ, въ стадахъ отъ 2 до 3 сотъ головъ. Въ нѣкоторыхъ удобныхъ мѣстахъ Монголы сѣютъ просо около своихъ войлочныхъ юртъ.

На Югъ отъ Шара-мурэни, которая далѣе принимаетъ названіе *Ляо-хэ* и составляетъ значительнѣйшій притокъ Желтаго моря, но здѣсь еще медленно струится въ песчаныхъ берегахъ, кое-гдѣ виднѣются кучи мусора, стѣны и гробницы разрушившихся городовъ и жилищъ, что въ особенности можно видѣть на р. *Лоха* (Lohan, Loha, у *Ланге*) при *Дай-минь-ченъ* (Tai-Ming-

(14) Ad. Brand; тамъ же Lange p. 180.

Tschin) (15) (*). Также и на Ю.-З. отсюда Исбрандъ замѣтилъ развалины другаго древняго, называемаго имъ *Бурганъ-хотонъ* (Bergan-Khotun, божій городъ). Онъ обозрѣлъ и тотъ и другой, между тѣмъ какъ Ланге описываетъ ихъ только по рассказамъ. Эти развалины доказываютъ, что тамъ гдѣ теперь находится пустыня существовало нѣкоторое образованіе и царствовала религія Будды (**). Дай-винъ-ченъ былъ окруженъ 4-хъ-угольною земляною стѣною, съ бастіонами и башнями, а теперь представляетъ видъ опустѣлаго города. Наиболѣе въ немъ замѣчательна высокая 8-ми-угольная, каменная башня, съ колоссальными каменными фигурами на цоколяхъ его угловъ; эти фигуры изображаютъ по видимому царей съ коронами на головахъ, сидящихъ съ поджатыми ногами; подлѣ нихъ стоятъ царицы со сложенными руками; всѣ увѣнчаны лучезарнымъ сіяніемъ какъ изображаются у насъ святые, а потому Исбрандъ принялъ эти памятники за христіанскіе; — но окружающія ихъ языческія изображенія, такъ напр. львы и колоссальная фигура *черепахи*, заставляють не сомнѣнно полагать, что всѣ эти памятники принадлежатъ религіи *Фо*. Исбрандъ полагаетъ, что окружность городской стѣны, имѣющей четверо воротъ, составляетъ 1 нѣм. милю; внутренность города была, во время его посѣщенія, еще наполнена стѣнами и зданіями, но улицы поросли травою, были совершенно безлюдны, и только зайцы бѣгали по нимъ во множествѣ. Китайцы выдаютъ этотъ городъ за бывшую резиденцію Угэдэй-хана (Октай-хана, царя монгольскаго). Вблизи города на высотахъ расположены старыя кладбища. Между развалинами втораго города были пагоды и башни, такъ называемые Субарханъ (Subarkan); симъ именемъ означаются и на д'Анвилевой картѣ подобныя мѣста. Городъ сей выстроенъ въ китайскомъ вкусѣ, его идолы часто посѣщались богомольца-

(15) L. Lange IV. p. 191; Ad. Brand p. 133; Ysbrand p. 101, 109.

(*) О городѣ Дай-винъ-ченъ, который ошибочно названъ Дай-винъ-ченъ, см. ниже, дополненіе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(**) См. ниже общее дополненіе къ 1-й главѣ. — *Пр. Пер.*

ми, и вблизи его находилась деревня, населенная ламами, которые получали отъ того пропитаніе. Ни одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ не посѣтилъ своа упомянутыхъ мѣстностей (*). Описанныя развалины безспорно принадлежать, вмѣстѣ со многими другими подобной же архитектуры, встрѣчаемымъ далѣе къ З., около средняго Хуань-хэ, внѣ стѣны, подъ названіемъ *хота*, ко временамъ Монгольской династіи Юань (1280—1349) (**).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 13.

1) *Застѣнная область Чэнь-дэ-фу (Tching-Te-Fou); ея учрежденіе и уѣзды, по китайскимъ Географическимъ источникамъ.*

Съ 1778 года, съ успѣхомъ Китайской колонизаціи, принимающей все болѣе и болѣе обширные размѣры, изъ юго-восточной Монголіи, древняго Ляо-си (Leao-Si), за исключеніемъ узкаго побережья желтаго моря, составляющаго область Кинь-Чжеу (Kin-Scheou) манчжурской провинціи Шэнь-кинъ (Sching-King), сдѣлана застѣнная область Чэнь-дэ-фу, которая, по юрисдикціи своей, отнесена къ Чжилійской провинціи. Бывшія комиссарства, лежавшія за стѣною, переименованы въ уѣзды, а сверхъ того къ области присоединены еще и нѣкоторыя сосѣднія монгольскія княжества (аймаки). Такимъ образомъ установлена область Чэнь-дэ-фу, которая распадается естественно на двѣ половины—восточною и западною. Первая, съ своими уѣздными городами, есть по преимуществу китайская,

(*) См. дополненіе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(**) Развалины эти гораздо древнѣе. Изслѣдованіе о нихъ, см. ниже въ дополненіи къ § 13. — *Пр. Пер.*

составившаяся изъ земель уступленныхъ, уже при началѣ властвованія маньчжурской династїи, Монгольскими князьями императорамъ подъ ихъ загородные дворцы и облавы. Она отдѣлена на 3. отъ земель, принадлежащихъ вѣдомству сторожевой крѣпости Ду-ши-к'эу и города Долонъ-нора, естественною полосой дремучихъ лѣсовъ, мимо опушки которыхъ миссіонеры Хюкь и Габе проходили, на пути своемъ изъ княжества Онють къ Долонъ-нору. Здѣсь, на западной границѣ области, находится также высокій массивъ, къ которому принадлежитъ упомянутая нами гора Би-кя. Восточная половина области Чэнь-дэ-фу состоитъ изъ земель семи монгольскихъ княжествъ: 1) Харчинь (Cartschin) съ двумя знаменами и 5-ю князьями, 2) Онють (Onhiot) или Онгнигутъ съ 2-мя знаменами и 4 князьями, 3) Тумоть (восточный) съ 2-мя знаменами и 2-мя князьями, 4) Аохань (Aochan) съ 1 знаменемъ и 5-ю князьями, 5) Наймань (Naiman) съ 1 знаменемъ и 1 княземъ, 6) Байринь (Paiin) съ 2-мя знаменами и 3-мя князьями и 7) Халха лѣваго крыла (Chaleha) съ 1 знаменемъ и 1 княземъ. Князья эти нисколько не лишились прежнихъ своихъ правъ, общихъ всѣмъ монгольскимъ князьямъ и даже входятъ въ составъ своихъ прежнихъ сеймовъ.

Только наплывъ китайскаго населенія вынудилъ правительство основать въ Чэнь-дэ-фусской области уѣздные города.

Главнымъ городомъ области избранъ Чэнь-дэ-фу, возникшій на мѣстѣ знаменитой лѣтней резиденціи Китайскихъ императоровъ Жэ-хэ (Jehol см. ниже), китайскаго Версаля или Санъ-Суси. Онъ расположенъ къ В.-С.-В. отъ воротъ Гу-бэй-кэу, нѣсколько сѣвернѣе рѣки Луань-хэ которая, въ верхнихъ частяхъ своихъ, называется Шанду-голгъ или Шамъ-бвра.

Другіе уѣздные города области называются (1):

2) *Луань-п'ингъ-хянь* (Luang-Phing-Hien) къ Ю.-З. отъ Чэнь-дэфу на южной сторонѣ р. Луань-хэ.

(1) Города эти перечислены въ Іакимова Стат. Оп. Кат. Им. Ч. II, стр. 93 — 95; остальное заимствовано изъ Чэнь-дэ-фу-чжи.

3) *Фынь-нинъ-хянь* (Fong-Ning-Hien) на С.-С.-З. отъ Чэнь-дэ-фу на р. Иссу-бира системы Луань-хэ

4) *Пинь-цюань-чжеу* (Ping-Tsuan-Tscheou) къ В. отъ Чэнь-дэ-фу, въ верховьяхъ р. Бао-хэ (Pao-he), притока Луань-хэ. Онъ извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ Пагоу (Pakheou-Tien).

5) *Чи-фынь-хянь* (Tchu-Fong-hien) отъ Чэнь-дэ-фу на С.-В. въ верховьяхъ рѣки Ло-ха, притокъ Шара-мурэни,

6) *Кянь-чанъ-хянь* (Цзянь-чанъ-сянь, Kiang-Tchang-hien) на В. отъ Чэнь-дэ-фу въ верхов. Цинь-лунь-хэ притока Луань-хэ,

и 7) *Чао-янъ-хянь* (Tchao-Jang-hien) на Далинь-хэ, близь древнихъ развалинъ Горбань-Собарга-хота.

Въ область Чэнь-дэ-фу черезъ Великую стѣну ведутъ трое воротъ отъ В. къ З. *Хи-фынь-к'эу* (Hi-fong-Keou); *Фынь-кя-к'эу* (Fang-Kia-Keou) и *Губэй-к'эу* (Ku-pe-Keou). Ворота Шань-хай-гуань на В. и Ду-ши-к'эу на З. лежатъ внѣ ея предѣловъ. Жителей въ области считалось въ 1812 г. 560000 душъ, пахатныхъ земель было до 21230 цинь (*) Принимая въ соображеніе сильную эмиграцію изъ срединнаго царства число это могло съ тѣхъ поръ утроиться.

2) *Хэй-шуй* (He-choui) т. е. долина черныхъ водъ, *Бей-лѣ-гоу* (Pie-lie-keou), т. е. смежныя ущелья и аймакъ (княжество) *Оюотъ* по описаніямъ новѣйшихъ миссіонеровъ.

Миссіонеры Хюкъ и Габе, жившіе нѣкоторое время въ Ю.-В. части монгольскаго нагорья описываютъ намъ въ особенности двѣ мѣстности, въ которыхъ имъ удалось пробыть довольно долгое время. Мѣстности эти они называютъ Хэй-шуй т. е. долина черныхъ водъ и Бей-лѣ-гоу т. е. смежныя ущелья. Обѣ онѣ, по свидѣтельству миссіонеровъ (3), зависятъ отъ аймака Оюотъ.

Хэй-шуй, по показанію Хюка, расположена въ 100 лье

(2) *Иаквица Ст. Оп. Кат. Имп. Ч. II. ст. 94.*

(3) *Huc Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine. Paris 8. 2e édit. 1853. T. I. p. 18.*

(400 верс.) къ С.-С.-В. отъ Пекина. Мѣстность эта, по нашему мнѣнію, находится на р. Сусай-п'у картъ д'Анвиля и Бергхауза, лѣвомъ притоку Шара-мурэни, который и на нѣкоторыхъ нынѣшнихъ картахъ напр. у Гримма ⁽⁴⁾ означенъ именемъ Харабира т. е. черной рѣки, и еще въ древности, въ X ст. сколько мнѣ извѣстно, называлась Хэй-шуй.

Долина Хэй-шуй занята и обработана китайскими переселенцами, между которыми миссіонерамъ удалось сдѣлать прозелитовъ. Хюкъ поселился здѣсь въ 1843 году; Объ окрестной странѣ онъ даетъ понятіе, описывая одну изъ поѣздокъ своихъ ⁽⁵⁾, совершенную имъ по христіанскимъ требамъ. Хюкъ говоритъ что трудно представить себѣ путь, по которому онъ слѣдовалъ. Безпрестанно должно было переправляться черезъ глубокіе овраги, взбираться на высокія горы, спускаться съ нихъ и переходить по льду черезъ водныя поверхности (въ концѣ ноября 1843) и лагуны. Для избѣжанія пропастей и неприступныхъ высотъ миссіонеры принуждены были дѣлать большіе обходы. По переходѣ 5 лье (20 вер.) остановились въ деревушкѣ, населенной китайскими земледѣльцами, потому-что впереди ихъ уже разстилалась степь, на которой не было болѣе ни одного жилья. После обѣда они снова пустились въ путь. Взобравшись на довольно крутую гору путешественники очутились на Мань-т'янь-цзы (Man-Thien-Tze), имя подъ которымъ разумѣютъ здѣсь вообще плоскогоріе. Плоскогоріе это имѣло 100 лье (400 вер.) въ окружности; на всемъ его протяженіи не было ни жилья, ни обработаннаго клочка земли, ни деревни, все было занято одною неизмѣримою степью, безпредѣльнымъ моремъ луговъ. На Мань-т'янь-цзы, пересѣченномъ многочисленными тропинками, которыя походятъ одна на другую, очень легко сбиться съ пути. Зимой заблудившагося путешественника ожидаетъ неминуемая

(4) См. Grimm, Atlas von Asien. Berlin 1833. d'Anville Nouvel Atlas de la Chine Haye. 1787. Berghaus Karte v. China und Japan. Potsdam. 1843.

(5) Huc lettre Ann. de la propag. de la foi. T. XVII. p. 369.

погибель. Хюкь, съ своими спутниками также сбился съ дороги и только потю прибыли они на край плоскгорія. Здѣсь они съ трудомъ спустились по чрезвычайно крутому обрыву въ долину, въ которой видны были обработанныя поля, и наконецъ съ удовольствіемъ замѣтили свѣтъ въ пастушеской хижинѣ, расположенной у подошвы горы. Здѣсь Хюкь и остался для изученія монгольскаго языка. Недалеко отсюда, во входящемъ углу, образуемомъ двумя крутыми и скалистыми горными обрывами, торчалъ храмъ, кругомъ него безъ порядка были разбросаны жилища ламъ, между ними росли роскошныя деревья, а съ горы черезъ скалы низвергался шумящій водопадъ. Черезъ нѣсколько недѣль, зимою, Хюкь пустился въ обратный путь. По восхожденіи на высокую гору путешественники опять очутились на Манъ-т'янь-цзы. Вѣтеръ, неощутительный въ долинѣ, былъ здѣсь силенъ и холоденъ. Снѣгъ, выпавшій за нѣсколько дней въ большомъ количествѣ, увеличивалъ стужу. Огромная масса снѣга, разносимая вѣтромъ, лежитъ здѣсь очень долго весною, а во впадинахъ и оврагахъ остается и лѣтомъ. На всемъ плоскогоріи путешественники не встрѣтили ни одного человѣка, только видѣли издали стада желтыхъ овецъ и каменныхъ барановъ (*Aegoceras Argali* Pall., можетъ быть и *Aegoceras Ibeh*), обрашавшихся въ бѣгство при ихъ приближеніи и стаи драхвъ, тяжело летавшихъ въ воздухѣ. Солнце уже закатилось когда путешественники прибыли обратно въ долину Хэй-шуй.

Деревня Бей-лѣ-гоу находится также въ княжествѣ Оиють, южнѣе Хэй-шуй, въ 50 лье отъ города Долонъ-нора. Она нанесена только на картѣ Андриво-Гужона ⁽⁶⁾, изданія 1851 года, и помѣщена имъ на Сирхѣ, лѣвомъ притокѣ Лохи. Въ деревнѣ Бей-лѣ-гоу поселился миссіонеръ Габе въ 1837 г. Объ окрестной странѣ мы получаемъ понятіе изъ письма его ⁽⁷⁾, въ которомъ онъ описываетъ свою поѣздку въ сосѣднюю деревню Гу-лу-т'яо (*Sou-lou-Theo*). Деревня эта находится отъ Бей-

(6) См. Andriveau-Goujon carte de l'Empire Chinois et du Japon. Paris. 1851.

(7) Gabet lettre Ann. de la propag. de la foi. T. XIII. p. 130 — 154.

лѣ-гоу въ 25 лѣ къ В.-С.-В. Она означена на картѣ Андриво-Гужона⁽⁸⁾, въ пространствѣ между Лохою и Шара-мурэню, въ меридианѣ Чжилійскаго города Юнь-п'инь. Такъ какъ это было въ декабрѣ, холодъ былъ ужасенъ; еще въ октябрѣ на этой дорогѣ замерзали люди и лошади. «На вершинѣ горы, на которую мы взобрались съ большимъ трудомъ, говоритъ Габе, ураганъ поднялся съ такою силою, что едва не унеслъ всадниковъ въ бездонныя пропасти, простиравшіяся по сторонамъ дороги. Къ довершенію бѣдствія мы сбились съ пути. Высокая трава, покрывающая эти нагорья, была такъ наклонена, что дорога исчезла, напрасно взоръ ищетъ жилища, въ которомъ можно было бы найти проводника; въ этой страшной степи встрѣчается только нѣсколько сараевъ, разбросанныхъ на разстояніи 4 — 5 лѣ, въ которыхъ погибающіе путники не находятъ себѣ помощи». Послѣ отчаянныхъ поисковъ путешественникамъ однако же удалось найти дорогу. На возвратномъ пути Габе проѣзжалъ здѣсь въ июнѣ, но и тутъ путешествіе его было не безопасно. Маленькій караванъ состоялъ изъ 8 человекъ, но Габе, отдѣлившись отъ него съ однимъ спутникомъ, безъ денегъ и припасовъ, сбился съ пути. Направляясь къ деревнямъ миссіонеръ не рѣшался, боясь быть узаннымъ, углубляться въ пустыни было также опасно. Путешественники смутно помнили что имъ нужно слѣдовать къ Ю.-З. Наконецъ они набрали на деревушку, лежащую на ихъ настоящемъ пути, но здѣсь имъ отказали въ пристанищѣ. Уже смерклося, а до Бей-лѣ-гоу оставалось еще 14 лѣ. Путешественники проходили черезъ страшныя пустыни, гдѣ и туземцы сбиваются днемъ, и гдѣ болѣе тигровъ и волковъ чѣмъ людей. Рѣдко попадали они на торнья тропинки; то приходилось имъ слѣдовать вдоль глубокихъ овраговъ, черезъ которые невозможно было переправиться, то взбираться на крутыя горы, усѣяныя пропастями, или слѣдовать черезъ кустарники, въ которыхъ казалось ни одинъ человекъ не проби-

(8) Andriveau Goujon carte de l'Empire Chinois et Japon, Paris. 1851.

валъ себѣ дороги. Только утромъ Габе успѣлъ добраться до Вей-лѣ-гоу.

Въ Бей-лѣ-гоу миссіонеры Хюкъ и Габе жили также въ 1844 году и готовились къ знаменитому своему путешествію 1844 — 46 года, по Татаріи и Тибету ⁽⁹⁾.

Хюкъ характеризуетъ окружающую страну (Онютъ) слѣдующимъ образомъ ⁽¹⁰⁾: страна эта, говорятъ онъ, перешла черезъ большіе перевороты, туземцы полагаютъ что въ древности она была занята корейскими племенами ⁽¹¹⁾. Они были изгнаны отсюда войнами и принуждены были удалиться на занимаемый ими мысъ полуостровъ. Въ этой части Монголіи встрѣчаются и нынѣ остатки большихъ городовъ, развалины замковъ, подобныхъ средневѣковымъ европейскимъ. Въ этихъ развалинахъ находятъ копья, стрѣлы, остатки земледѣльческихъ инструментовъ и урны наполненныя корейскими ⁽¹²⁾ монетами. Въ концѣ XVII вѣка начали сюда проникать Китайцы. Страна была еще великолѣпна, горы — увѣчаны чуднымъ лѣсомъ, монгольскіе шатры — разбросаны по долинамъ между тучными пастбищами. За очень умѣренную цѣну Китайцы купили себѣ право разрабатывать степи. Мало по малу земледѣліе сдѣлало успѣхи; Татары принуждены были выселяться и угонять свои стада. Съ тѣхъ поръ страна перемѣнила свою фзіономію. Деревья были вырваны, лѣса на вершинахъ горъ исчезли, степи выжжены и новые земледѣльцы успѣли истощить плодородіе этой почвы.

Нынѣ страна почти совершенно заселена Китайцами; ихъ системѣ опустошенія можетъ быть должно приписать неправильность атмосферическихъ дѣйствій. Засухи очень часты особенно съ весны. Въ это время года дуютъ сильныя вѣтры, часто дол-

(9) *Huc souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844 — 46.* Paris. 8. 2-de. ed. 1853. 2 vol.

(10) См. *Huc Souven. d'un voyage en Tartarie etc.* Paris. 1853. Vol. I. p. 18.

(11) Племенами Гаолисской народнои группы отъ I до V ст. см. ниже Дополненія къ I главу.

(12) Вѣроятно также Киданьскими и Нюй-Чжэньскими.

го продолжающіеся и лѣтомъ. Пыль поднимается вихремъ въ воздухъ, атмосфера становится малопрозрачною, и густой, какъ бы осязательный прахъ, дѣлаетъ иногда подемъ страшнѣе ночи. Послѣ сихъ урагановъ дождь не заставляетъ себя долго ждать, но его встрѣчаютъ со страхомъ, потому что онъ падаетъ вдругъ опустошительными потоками. Атмосфера разомъ освобождается отъ всѣхъ паровъ, которыми она насыщена: скоро поля и жатвы исчезаютъ въ волнахъ грязнаго моря, котораго гигантскія теченія слѣдуютъ скату долинъ, увлекая все на пути своемъ. Такія теченія сливаются быстро и нѣсколько часовъ достаточно для освобожденія отъ нихъ почвы. Но не только жатвы, но часто и весь растительный слой земли при этомъ исчезаютъ. Вездѣ остаются только глубокіе овраги, наполненные гравіемъ, въ которыхъ плугъ уже безсиленъ. Градъ часто падаетъ въ этой несчастной странѣ и достигаетъ немовѣрной величины. Миссіонеры видѣли сами градины въ 12 фунт. вѣсомъ: минуты достаточно этому граду для того чтобы истребить цѣлое стадо. Хюкъ рассказываетъ что въ 1843 году, во время града, онъ услышалъ въ воздухѣ какъ бы свистъ сильнаго вѣтра, вслѣдъ за тѣмъ упалъ на поле, недалеко отъ обитаемаго имъ дома, кусокъ льду, превосходящій величиною мѣльничныя жерновы. Его рубили топорами и онъ таялъ три дня, хотя это было во время самыхъ сильныхъ жаровъ.

Засухи и наводненія производятъ часто голода, истребляющіе народонаселеніе. Въ 1832 г., на 12 годъ правленія Дао-Гуанъ (Тао-Кюанг) былъ здѣсь подобный страшный голодъ. Его предшествовало какое то странное народное предчувствіе. Уже зимою 1831 года разнесся слухъ, что въ слѣдующемъ году: «не будетъ ни бѣднаго ни богатаго, кровь обогреть горы, кости наполнять долины». Слова эти были во всѣхъ устахъ, ихъ повторяли маленькія дѣти. Весна и лѣто 1832 года прошли безъ дождя, осенью пришли морозы когда хлѣбъ еще не выколотился, жатвы не было. Дома, поля, животныя — все было вымываемо на хлѣбъ. Люди питались горными травами и ко-

реньями, предсказаніе сбылось. Трупы покрывали дороги, наподняли дома, многія деревни въмерли до послѣдняго жителя.

Вотъ рассказы очевидцевъ о княжествѣ Онють и странѣ верховьевъ рѣкъ Шара-мурэни и притока ея Лѳа. Что корейскія (гаолжескія) племена дѣлали набѣги на эту страну и даже владѣли ею (Сянь-би), о томъ свидѣтельствуютъ и китайскіе дѣтошницы (см. ниже), но страна верховьевъ Лѳа и Шара-мурэни есть кромѣ того коренное отечество Тунгусскаго племени Кидань (Kithan), котораго исторію, въ связи съ описываемыми мѣстностями, мы изложимъ ниже. Киданямъ вѣроятно принадлежали города и замки, отъ которыхъ нынѣ остались въ странѣ только одиѣ развалины.

3) *Перепѣдь Хюка и Габе изъ Вей-лѳ-гоу въ городъ Долонъ-норъ (Tolon-Noor) черезъ княжества Онють, Кэшиктень и страну Чазаровъ* ⁽¹³⁾.

Хюкъ и Габе тронулись въ свое знаменитое путешествіе изъ Вей-лѳ-гоу, осенью 1842 года. До города Долонъ-нора они шли 50 лье (200 в.) пути къ З.-Ю.-З. Проводникомъ ихъ маленькаго каравана, состоящаго изъ трехъ верблюдовъ и одного мула, служилъ Тибетскій христіанинъ Самдачѣмба. Переходъ перваго дня былъ затруднителенъ. Вьюки и сѣдла ихъ, дурно укрѣпленные ими по неопытности, безпрестанно соскакивали. Костюмомъ служила имъ одежда Тибетскихъ ламъ. Черезъ 35 лье (17½ вер.) пути путешественники вышли изъ обработанныхъ полей и вошли въ степь (Цао ди, terre des herbes). Путешествіе сдѣлалось правильнѣе: верблюды почувствовали себя въ своей сферѣ. Караванъ взобрался на высокую гору: верблюды, медленно подымаясь, щипали молодые побѣги бузины и листья шиповника. Испуганныя лисички выскакивали изъ своихъ норъ и быстро убѣгали передъ приближеніемъ каравана. На вершинѣ горы, въ небольшомъ углубленіи, былъ расположенъ хри-

(13) См. Нис Souvenirs d'un voyage en Tartarie etc. 1853. 8. T. I. p. 22 — 27.

стіянскій постоялый дворъ Янъ-ба-эрль (Yan-Pa-eul). Вдоль дороги со скатовъ горы текли свѣжія и прозрачныя воды, которыя соединялись у подошвы ея въ прекрасный ручей, окружающій постоялый дворъ, гдѣ миссіонеры были встрѣчены хозяиномъ. Постоялые дворы въ Монголіи состоятъ изъ огромнаго двора, окруженнаго плетнемъ. Посреди его стоитъ землянка, сажени въ полторы высоты. Внутри ея, кромѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ коморокъ, есть большая комната, служащая кухнею, столовою и спальнею. Эта зала разумѣется грязна, дымна и отличается дурнымъ запахомъ. Огромная печь (по кит. к'анъ) занимаетъ три четверти комнаты, на ней обширная лежанка. Лежанка эта покрыта плетенкою изъ камыша, сверху разостланы еще войлочные или мѣховые ковры. Спереди вмазаны два огромные котла: они служатъ для приготовленія пищи. Всѣ путешественники располагаются на к'анѣ скрестя ноги, только прислуга постоялаго двора остается на полу, занимаясь топленіемъ к'ана, вареніемъ чая или болтаніемъ овсяной и гречишной муки для обѣда путешественниковъ. Эти послѣдніе между тѣмъ ѣдятъ, пьютъ, курятъ, играютъ и бѣседуютъ на к'анѣ. Къ вечеру к'анъ мгновенно превращается въ дортуаръ. Иные путешественники засыпаютъ, иные еще пьютъ чай. Эта фантастическая картина освѣщена блѣднымъ свѣтомъ самой безискусственной лампы.

На другой день рано по утру путешественники оставили Янъ-ба-эрль. Вскорѣ пришлось имъ подниматься на крутую, высокую гору *Саниъ-ола* (добрая гора). Названіе это дано ей вѣроятно съ ироніей, потому-что она извѣстна во всей окрестности несчастіями и трагическими событіями, на ней приключавшимися. Дорога поднимается круто и большею частію завалена обломками скалъ. На половинѣ подъема стоитъ маленькій храмъ, посвященный богинѣ горы — *Саниъ-най* (добрый старухъ). Здѣсь пребываетъ пустынный, который обязанъ поправлять кое-гдѣ дорогу, въ самыхъ непроходимыхъ ея мѣстахъ, размытыхъ водами. Легкая плата, даваемая ему проѣзжими,

достаточна для поддержанія его существованія. Послѣ 3-хъ часовъ подъема, путешественники очутились на обширномъ плоскогоріи, имѣющемъ отъ В. къ З. ширину болѣе для пути, Сѣ С. къ Ю. длина его неизмѣрима, по мнѣнію Хюка. Съ вершины его видны на монгольскихъ равнинахъ татарскіе шатры, расположенные амфитеатромъ по скатамъ холмовъ и похожіе издали на многочисленныя пчелиныя ульи. Нѣсколько рѣкъ берутъ начало на скатахъ этой горы. Болѣе всѣхъ изъ нихъ замѣчательна рѣка Шара-мурэнъ (Ляо-хэ), которой капризные извилины взоръ можетъ преслѣдовать далеко по обширной поверхности княжества Кэшиктени (Geschekten). Саинъ-ола знаменита своими стужами. Рѣдкую зиму здѣсь не замерзаетъ нѣсколько путешественниковъ. Часто цѣлые караваны, не приходящіе въ срокъ, бываютъ отысканы здѣсь, но тогда когда люди и животныя уже погибли отъ холода. Къ этимъ опасностямъ присоединяются еще разбойники и хищныя звѣри. Разбойники имѣютъ здѣсь такъ сказать постоянное пребываніе, подстерегая путешественниковъ ѣдущихъ въ Долонъ-норъ или возвращающихся оттуда. Они не довольствуются похищеніемъ денегъ и животныихъ; обыкновенно даже отнимаютъ и одежду, и оставляютъ проѣзжаго безо всего, на добычу голода и холода.

На закатѣ солнечномъ, такъ какъ плоскогоріе еще не кончилось, путешественники остановились на ночлегъ, избравъ себѣ удобное мѣсто при источникѣ, въ углубленіи, окруженномъ вѣковыми деревьями, гдѣ и расположили свою походящую палатку.

Здѣсь опушка императорскаго лѣса: миссіонеры нашли въ немъ превосходныя плоды гоу-лѣ-эрлѣ (ngao-lu-eul) и шанъ-лихунъ (chan-li-houng). Первый изъ нихъ есть родъ вишни, растущей на короткомъ стеблѣ, дюймовъ 4 — 5 выш. (вѣроятно Solanum близкій къ S. lycopersicum). Второй — родъ небольшого яблока, краснаго цвѣта, кислаго на вкусъ. Изъ него дѣлаютъ очень сочный и вкусный компотъ. Дерево его производящее низкоросло, но вѣтвисто (вѣроятно Mespilus).

Императорскіи лѣсъ растянута на 100 лье (400 вер.) отъ

С. къ Ю. и на 80 отъ В. къ Э. Императоръ К'анъ-хи, во время одной изъ своихъ экспедицій въ Монголію, заповѣдалъ его для своихъ охотъ. Примѣру его слѣдовали и его преемники, включительно до Кя-кина (Kea-King), со смертію котораго (въ 1820 г.) прекратились эти величественныя охоты. Дао-гуанъ (Тао-Кюанг), сынъ и преемникъ Кя-кина, умершій въ 1851 г., ни разу не ступалъ ногою въ Же-хэ—Китайскій Версаль. Но лѣса и животныя только проиграли отъ этого. Императорскій лѣсъ наполненъ браконерами и дровосѣками. Императорскіе пристава существуютъ здѣсь, какъ будто только для того, чтобы пользоваться монополіею продажи дичи и лѣса, которую они охотно раздѣляютъ съ браконерами, оставляя себѣ разумѣется лучшую часть. Браконеры въ особенности обилуютъ здѣсь когда олени сбрасываютъ свои рога. Молодые рога содержатъ въ себѣ сгустившуюся кровь и потому играютъ большую роль въ китайской медицинѣ, подъ именемъ лу-жунъ (lou-joung). Одинъ лу-жунъ продается иногда за 150 унцій серебра. Олени и сайги блуждаютъ по этому несмѣтному парку въ большихъ стадахъ. Тигры, кабаны, медвѣди, пантеры и волки здѣсь не менѣе многочисленны. Оттого дровосѣки находятся въ постоянной опасности и часто пропадаютъ безъ вѣсти.

На другой день, на разсвѣтѣ, путешественники отправились далѣе. Они все еще находились на плоскогоріи доброй горы. Вскорѣ они набрали на огромный обо (памятникъ), у подошвы котораго Монголы поклоняются духу горы ⁽¹⁴⁾. Обо этотъ состоитъ просто изъ груды камней, наваленныхъ безъ порядка. У подошвы его стоитъ большая гранитная урна, въ которой жгутъ ладанъ. Вершина увѣнчана множествомъ сухихъ сучьевъ, вставленныхъ между камнями, безъ всякаго порядка. На этихъ сучьяхъ навѣшаны косточки и бандероли, исписанныя монгольскими и тибетскими надписями. Благочестивые Монголы, проходящіе мимо обо, не довольствуются совершеніемъ земныхъ

(14) Горный кряжъ, на которомъ стоитъ этотъ обо, называется, по свидѣтельству географическаго описанія области Чанъ-тэ-фу, Барунъ-санга-суцзитай.

поклоновъ и куреніемъ ладана: они еще бросаютъ деньги на камни. Китайцы всегда останавливаются передъ обо, но послѣ земныхъ поклоновъ тщательно собираютъ приношенія Монголовъ.

Въ полдень мѣстность начала понижаться и путешественники достигли конца плоскогорія. Они спустились по крутому скату въ глубокую долину, гдѣ набрали на монгольскую станцію. Они предпочли однакоже остановиться въ своей походной палаткѣ, вдали ея, на берегу небольшого пруда. Здѣсь уже они были посреди княжества Кэшиктень (*Geschekten*), страны изрѣзанной холмами и орошенной многочисленными ручьями. Здѣсь повсемѣстно встрѣчаются и пастбища, и дѣсь для топлива. Только разбойники нещадно опустошаютъ эту страну. Съ тѣхъ поръ какъ наводнили ее Китайцы, она сдѣлалась притокомъ всѣхъ мошенниковъ. Житель Кэшиктени нынѣ значить все равно что человекъ безъ вѣры и закона, не задумывающійся ни предъ какимъ преступленіемъ. Природа какъ бы не охотно уступила права свои такому народонаселенію. Вездѣ гдѣ только прошелъ плугъ, страна сдѣлалась грустною, бесплодною и песчаною. Здѣсь съется одинъ овесъ, служащій главною пищею жителей. Во всей странѣ есть только одно торговое мѣсто— *Алтунъ-суме* (*Altoun-Soume*, т. е. золотой храмъ). Первоначально оно было ламайскимъ монастыремъ, содержащимъ въ себѣ до 2000 ламъ, мало по малу Китайцы колонизировались здѣсь для торговли съ монголами. Въ то время когда Хюку удалось посѣтить его (въ 1843 г.) оно приобрѣло уже значеніе города. Изъ Алтунъ-суме идетъ прямая дорога, черезъ страну Халхасовъ, въ Нерчинскъ. Монголы Кэшиктени съ грустью смотрятъ и жалуется на успѣхи культуры и колонизаціи Китайцевъ въ своей родинѣ.

Еще два дня путешественники слѣдовали черезъ княжество Кэшиктень и вездѣ замѣчали нищету и страданія его жителей. Страна однакоже щедро надѣлена природою и богата даже золотыми и серебряными рудниками, служащими часто источникомъ большихъ бѣдствій для жителей. Несмотря на строгое

запрещеніе китайскаго правительства разрабатывать эти рудники, случается перѣдко, что разбойники (изъ китайскихъ переселенцевъ) собираются большими шайками, и съ оружіемъ въ рукахъ отправляются на горный промыселъ. Скоро около нихъ сходятся тысячи бродягъ, и избранная ими мѣстность становится театромъ ужасныхъ преступленій. Въ то время когда одни добываютъ золото, другіе предаются грабежу въ окрестности, не уважая ни собственности ни личности, до тѣхъ поръ пока наконецъ какому нибудь мандарину не удастся возстановить порядка вооруженною рукою.

Подобный случай приводитъ Хюкь въ княжествѣ Онють въ 1841 году. Золотопромышленникъ, Китаецъ родомъ, поселившись на одной изъ горъ княжества, нащелъ здѣсь богатую розсыпь и созвалъ сюда своихъ соотечественниковъ. Толпы бродягъ и разбойниковъ стеклись къ нему со всѣхъ сторонъ и шайка его быстро возрасла до 12000 человекъ. Гора была разрыта, золото упало въ цѣнѣ на нѣкоторое время даже въ Пекинѣ. Напрасно жители жаловались на ужасные разбои, самъ князь Онютовъ не смѣлъ вступать въ борьбу съ страшною шайкою. Наконецъ супруга князя, проѣзжавшая черезъ сосѣднюю долину, была ограблена разбойниками. Тогда только князь взялся за оружіе и созвалъ свои двѣ хоругви. Разбойники сопротивлялись упорно, наконецъ, смятые татарскою кавалеріею, обратились въ бѣгство и искали убѣжища въ рудникахъ и пещерахъ. Монголы не щадили ихъ и произвели страшную рѣзню; входы въ рудники и пещеры были завалены камнями и спасшіеся туда разбойники погибли голодною смертью, плѣнники были ослѣплены по повелѣнію князя. Такъ кончилась эта кровавая драма.

Пройдя княжество Кэшиктень, миссіонеры пришли въ землю Чахаровъ (Tsakhar). Тутъ они встрѣтили первый китайскій военный постъ, поставленный для охраненія общественной безопасности. Этимъ безопасность впрочемъ охранена очень мало, потому-что здѣшніе китайскіе солдаты самыя смѣлые разбойники. Потому миссіонеры выбрали себѣ для привала узкій про-

межутокъ между двумя скалами, въ которомъ едва достало мѣста для разбитія палатки. Окружающая мѣстность гориста. Въ подтвержденіе дурной репутаціи края къ миссіонерамъ польѣзжали татарскіе всадники, просившіе ихъ отгадать кто укралъ у нихъ лошадей.

На другой день, на разсвѣтѣ, миссіонеры опять пустились въ путь. До Доловь-нора (Tolon-Nor) оставалось нѣсколько лье. По дорогѣ безпрестанно попадались путешественники, все обличало близость большого города. Наконецъ на лучахъ солнца засіяли позлащенные крыши двухъ обширныхъ, очень красивыхъ буддистскихъ храмовъ, расположенныхъ къ Сѣверу отъ города. Скоро потянулись по обѣимъ сторонамъ надгробные памятники. Весь городъ окруженъ обломками прошедшихъ поколѣній: горами надгробныхъ камней и костей человѣческихъ. Кое-гдѣ, посреди этого исполинскаго кладбища, разбросаны садики и огороды, въ которыхъ съ трудомъ разводятся кое-какіе овощи: лукъ, чеснокъ, шпинатъ, латукъ и капуста, завезенные нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Россіи и хорошо акклиматизировавшіеся на монгольской окраинѣ. Кромѣ этого окрестности Доловь-нора равно ничего не производятъ. Почва бесплодна и песчана, вода чрезвычайно рѣдка, кое-гдѣ есть скудные источники, всзякающіе въ жаркое время года. Миссіонеры долго бродили по лабиринту грязныхъ, узкихъ и извилистыхъ улицъ города и съ трудомъ нашли себѣ прибѣжища въ скромномъ постояломъ дворѣ.

Путешествіе Хюка отъ Бей-лѣ-гоу до Доловь-нора и рассказы его о долинѣ Хэй-шуй и княжествахъ Оньютъ и Кэшиктень въ высшей степени интересны, потому-что онъ во все время остается здѣсь на Ю.-В. окраинѣ Хинганскаго хребта, переходя безпрестанно отъ типа горной страны къ типу плоскогорія. Только къ сожалѣнію Хюкъ очень скупъ на названія и топографическія подробности. Хэй-шуй какъ мы уже сказали, есть вѣроятно рѣка Хара-бара, одинъ изъ лѣвыхъ (сѣверныхъ) притоковъ Шара-Мурэни. Характеръ окраины плоскогорія

очень хорошо выражается въ разсказѣ Хюка. Бей-лѣ-гоу находится по картѣ Андрие-Гужона на р. Сирхѣ, лѣвомъ притоцѣ Лохи. И здѣсь въ описаніяхъ Хюка отражается тотъ же характеръ окраины. Янъ-ба-эрлѣ расположенъ вѣроятно на ручьѣ, означенномъ на картахъ Клапрота и Бергхауза ⁽¹⁵⁾, подъ именемъ Бай-ча-голь (Baitscha, Paitscha-gol): это есть одинъ изъ истоковъ Шара-мурэни. Положеніе же горы Саинъ-ола опредѣлить не трудно. Она находится въ истокахъ самой Шара-мурэни. Дѣйствительно на большой картѣ Клапрота одинъ изъ этихъ истоковъ названъ Савна (Saina) ⁽¹⁶⁾. Черезъ день пути, поднявшись въ гору, миссіонеры ночевали у опушки императорскаго лѣса. Отсюда на Ю.-В. простарается вѣроятно самый высокій массивъ Хинганскаго хребта. Въ немъ находится уже упомянутая мною гора Би-кя (Pi-Kia) или Би-цзя, которую я считаю за одно и тоже съ Ре-Тча Риттера. Только она не доходить до предѣла вѣчныхъ снѣговъ, иначе китайская географія упомянула бы о томъ, да и вниманіе Хюка, проходившаго не въ очень дальнемъ разстояніи отсюда, обратилось на нее. Слѣдовательно я считаю за доказанное что измѣреніе Фербаста, опредѣлившаго эту гору въ 15000 ф. преувеличено, и что она не превосходить 10000 ф. ⁽¹⁷⁾.

4) *Городъ Долонъ-норъ и тождество его съ Шанду (Ciandu, Xandu), древнюю резиденцію Хубилай-хана.*

Городъ Долонъ-норъ (Tolon-Nor что значитъ семь озеръ), по свидѣтельству Хюка ⁽¹⁸⁾, называется у Китайцевъ Лама-мяо (Lama-Miao) т. е. храмъ или монастырь Ламы. Маньчжуры

(15) См. Klapproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loung par les missionnaires de Peking etc. Paris 1836 и Berghaus Karte von China und Japan den Manen d'Anville's und Klapproth's gewidmet. 1843.

(16) Klapproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loung par les missionnaires de Peking. Paris. 1836.

(17) См. выше дополненіе къ § 12.

(18) Huc Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 53.

называютъ его Надань-омо (Nadan-Omo), а Тибетцы Цо-дунь (Tso-t-dun), что есть на обоихъ языкахъ переводъ слова Долонъ-норъ.

Подъ этимъ именемъ нѣтъ ни одного города ни на одной европейской картѣ, начиная отъ д'Анвиля до Клапрота, Бергхауза и О. Іакинаеа. Вотъ что О. Іакиноэ говоритъ о Долонъ-норѣ⁽¹⁹⁾. Долонъ-норъ по монг. семь озеръ; такъ называется въ Чахарѣ небольшое озеро въ изгибѣ Шанду-гола. Въ окрестностяхъ Долонъ-нора, извѣстныхъ подъ симъ же названіемъ, Ургинскій Кутухта и Тушету-ханъ, пораженные Галданомъ, въ 1691 году, лично были приняты Китайскимъ государемъ въ подданство. На сей случай построенъ на берегу озера великолѣпный храмъ Шань-инь-сы, при которомъ ежегодно зимою бываетъ ярмарка. Въ древности это озеро называлось До-лунъ-бо.

Сколько мнѣ извѣстно только два писателя говорятъ о Долонъ-норѣ, какъ о большомъ, древнемъ торговомъ городѣ: Хюкъ, его посѣтившій, и Іеромонахъ Палладій. Палладій именно говоритъ что Долонъ-норъ принадлежитъ, вмѣстѣ съ Ху-хухотонемъ и Калганомъ, къ самымъ важнымъ торговымъ пунктамъ Монголіи, и что онъ есть лѣтнее мѣстопробываніе одного Кутухты и расположенъ въ 250 верс. отъ Пекина⁽²⁰⁾ на всѣхъ же картахъ, начиная отъ д'Анвиля (на карт: Дюфура, Андривогужона, Бергхауза, Штилера, Киперта и О. Іакинаеа), на изгибѣ Шанду-гола, въ томъ мѣстѣ гдѣ находится озеро Долонъ-норъ, означенъ городъ Чжэо-наймань-сумэ (Tchao-Naiman-Soume, Djo-naiman-soume), что значить, по свидѣт. Хюка⁽²¹⁾, по монгольски сто восемь монастырей (?) Хюкъ говоритъ что тщетно старался узнать почему городъ Долонъ-норъ означенъ на картахъ этимъ именемъ, которымъ его никто не называетъ

(19) О. Іакинаеа Ст. Оп. Кув. Имп. С. П. Б. 1842. Ч. II. ст. 48.

(20) Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю. Запис. Имп. Рус. Геогр. Общ. С. П. Б. кн. IV. 1850. ст. 48.

(21) Huc. *Souv. d'un Voyage en Tartarie*. T. I. p. 83.

въ странѣ. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что Долонъ-норъ и Чжао-найманъ-сумэ есть совершенно одно и то же.

Для объясненія названія Чжао-найманъ-сумэ приведемъ здѣсь цитаты изъ статис. опис. Кит. Имперіи О. Іакинса, заимствованный имъ изъ китайской государственной географіи⁽²²⁾. Кай-п'инъ-фу, иначе Шанду, китайское названіе столицы, основанной Хубилаемъ въ 1260 г., на лѣвомъ берегу Шанду-гола, въ 240 ли отъ Души-к'эу на С.-С.-В. Городъ былъ обнесенъ двойною стѣною, изъ коихъ внѣшняя имѣла около 10 ли въ окружности, на В. и З. по двое, на Ю. и С. по однимъ воротамъ; внутренняя содержала 5 ли окружности и трое воротъ на Ю.-В., и З. Въ С.-В. углу города есть каменный памятникъ съ надписью 1270 года. Развалины городскихъ стѣнъ и нынѣ существуютъ, подъ монгольскимъ названіемъ Чжао-найманъ-сумэ. Что касается до дворцовъ, даже основаніе ихъ изгладилось. Государи дома Юань ежегодно однажды посѣщали сей городъ.

Слѣдовательно нынѣшній городъ *Долонъ-норъ*, (названный на всѣхъ картахъ Чжао-найманъ-сумэ) и *Шанду*, лѣтняя резиденція Хубилая, которую описываетъ М. Поло (см. ниже), есть одно и то же. Риттеръ и Гриммъ полагали положеніе Шанду гораздо далѣе къ Ю.-В. (на 2° южнѣе и на 1½ восточнѣе, см. карту Гримма). Только на большой картѣ Клапрота⁽²³⁾ Чжао-найманъ-сумэ, населенный какъ и на другихъ картахъ на должномъ мѣстѣ, т. е. изгибѣ Шанду-гола, признанъ за древній Шанду (см. карт. Клапрота).

Тѣмъ болѣе любопытны показанія очевидца Хюка о городѣ, котораго положеніе даже было совершенно потеряно для науки, и въ который не попадалъ ни одинъ европейскій путешествен-

(22) См. О. Іакинса, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 299.

(23) Klaproth Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'Empereur Khian-Loung par les missionnaires de Peking etc. Paris 1836.

никъ, со времени М. Поло, т. е. въ теченіи почти шести столѣтій, кромѣ развѣ Жербилюна, не оставившаго о немъ никакихъ описаній.

Возвратимся къ разсказу Хюка ⁽²⁴⁾. Долонъ-норъ не обмесеиъ стѣною, онъ состоитъ просто изъ огромной груды дурно выстроенныхъ и дурно расположенныхъ домовъ. Посреди узкихъ и извилистыхъ улицъ вездѣ видны грязь и лужи. Между тѣмъ какъ пѣшеходы тянутся нитями по узкому и опасному тротуару, вozy и караваны верблюдовъ и лошаковъ тащатся съ трудомъ черезъ глубокую, черную и воиочую грязь. Часто возъ опрокидывается и тогда трудно себѣ представить замѣшательство происходящее на улицѣ. Животные погибаютъ, задыхаясь въ грязи, товары погабаютъ также, или попадають въ руки мошенникамъ, прибѣгающимъ толпою для увеличенія суматохи.

Не смотря на неприятность Долонъ-нора, на бесплодіе его окрестностей, необыкновенную стужу его зимы и удушливаго жара его лѣта, народонаселеніе этаго города всебѣятно и торговля чрезвычайно значительна. Русскіе товары идутъ сюда изъ Кяхты, Татары безпрестанно приводятъ многочисленныя стада быковъ, верблюдовъ и лошадей и въ замѣнъ получаютъ табакъ, холстъ и жирпичный чай. Этотъ безпрестанный приливъ и отливъ чуждаго населенія даетъ Долонъ-нору оживленный видъ. Разнощики бѣгаютъ по улицамъ, предлагая прокожннмъ шблочные предметы своего торга; купцы изъ своихъ лавокъ учтиво приглашаютъ покупателей, ламы въ одеждахъ, ослѣпительныхъ яркостью желтаго и краснаго цвѣта, выказываютъ свою ловкость, заставляя скакать своихъ лошадей въ самыхъ трудныхъ и узкихъ проходахъ.

Купцы изъ провинціи Шэнь-си болѣе всего распространены въ Долонъ-норѣ; только они не остаются здѣсь постоянно, а составивъ въ нѣсколько лѣтъ свое состояніе, возвращаются на

(24) Нас Souvenirs d'un Voyage en Tartarie T. II. p. 53. etc.

родину. Въ этой торговлѣ Китайцы всегда обогащаются, а Татары раззоряются.

Прекрасныя бронзовыя и чугуныя статуи, отливаемые на заводахъ Долонъ-нора, пользуются знаменитостью не только во всей Монголіи но и въ Тибетѣ. Заводы эти снабжаютъ почти всѣ буддійскія земли идолами, колоколами и другими предметами религіи. Маленькія статуи отливаются однимъ кускомъ, большія— частями, и потомъ спаиваются. Во время пребыванія миссіонеровъ въ Долонъ-норѣ, была отправлена отсюда въ Тибетъ, изумительно колоссальная статуя Будды: 84 верблюда были навьючены ея частями. Князь Учжумъ-циня (Utchu-Mutchin), отъѣзжавшій на поклоненіе въ Хлассу, везъ ее въ подарокъ Далай-ламѣ. Миссіонеры заказали на китайскихъ заводахъ распятіе, по прекрасному бронзовому моделю, привезенному изъ Франціи. Заказъ былъ такъ хорошо исполненъ, что невозможно было отличить копію отъ оригинала. Китайскіе работники работаютъ скоро, дешево и очень снисходительны. Миссіонеры пробыли въ Долонъ-норѣ до 1 окт. 1844 года.

5) *Историческое значеніе развалинъ Дай-нинъ-чена, описанныхъ Исбрандомъ подъ именемъ Tai-Ming-Tchen* ⁽²⁵⁾.

Показаніе о развалинахъ Дай-нинъ-чена заимствованныя Риттеромъ изъ путешествія Исбранда, такъ интересны, что является необходимость опредѣлить ихъ историческое значеніе и эпоху къ которой они принадлежатъ.

Развалины эти относятся совсѣмъ не ко временамъ Монгольской династіи, какъ то предполагалъ Риттеръ; но гораздо болѣе древни; Дай-минъ-ченъ же есть описка вмѣсто Дай-нинъ-ченъ.

Дай-нинъ-ченъ есть древній Дай-динъ-фу, средняя столица (Чжунъ-кинъ) Киданьскаго царства или династіи Ляо (властвовавшей отъ 907 до 1025 года). Именно въ половинѣ X вѣка,

(25) См. выше ст. 302.

Шень-цзуну, шестому императору династии Ляо, при проезде его через эту местность, понравилось ее красивое местоположение на берегах Лохи, называвшейся тогда Ту-хэ, и у подошвы горы Ця-цзинь-шань (Хорбоньцзинь) ⁽²⁶⁾, и он построил здесь свою среднюю столицу (Чжунь-кинъ), назвав этот город Да-динь-фу. В 996 году город был обнесен внутренней стеною и населен китайцами, в 1018 году основан и внутренний город под названием Хуань-ченъ, т. е. императорского. В нем был построен дворец, состоящий из пяти тронных залов, храм основателю династии Ляо и храм его предкамъ. Къ послѣднему-то храму принадлежала высокая, осьми-угольная (по свидѣтельству Ченъ-дэ-фу-чжи 13-ти этажная) каменная башня, которую описываетъ Исбрандъ. Время основанія ея есть слѣдовательно 1018 годъ, колоссальныя каменныя статуи царей съ скрещенными руками и коронами, и царицы съ сложеными руками, которыя Исбрандъ принялъ за изображенія христіанскихъ святыхъ, потому-что короны показались ему похожими на сіянія, суть изображенія предковъ Шень-цзуна, т. е. пяти первыхъ императоровъ династии Ляо, между прочимъ великихъ Амбаганя и Тай-цзуна. Скоро послѣ того (въ 1025 г.), пала династія Ляо. Замѣнившая ее Гиньская династія, (т. е. Нюй-чженьская или древне-Маньчжурская, властвовавшая отъ 1025 до 1260 г.) переименовала этотъ городъ въ Дай-нинъ-фу, и изъ средней столицы (Чжунъ-кинъ) въ сѣверную (Бей-кинъ). Въ 1054 г. здѣсь была построена академія наукъ, въ 1060 г. педагогическій институтъ и домъ комитета министровъ ⁽²⁷⁾. По паденіи династии Гинь (случившемся въ 1260 г.), при монгольской династии (Юань), Дай-нинъ-фу игралъ еще роль столицы, что и осталось въ памяти туземцевъ, говорившихъ Исбранду, что будто бы здѣсь была столица Утайхана (Октя). Только по паденіи монгольскаго владычества (1368 г.) при туземной Минь-

(26) См. Ченъ-дэ-фу-чжи, Гл. XXI, стр. 18, по рукописному переводу В. П. Васильева.

(27) См. О. Іакингов, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II, ст. 282 и 283.

ской династии городъ этотъ утратилъ свое значеніе. Онъ уже былъ оставленъ въ 1387 году, и вмѣсто него основанъ нѣсколько далѣ къ Ю.-Ю.-З. новый Дай-нинъ-ченъ, въ которомъ пребывалъ корпусный генералъ. Но и сей послѣдній оставленъ въ 1403 году, и превратился въ развалины.

Старый Дай-нинъ-ченъ, средняя столица Ляосскаго (Киданьскаго) и сѣверная Гиньскаго (Нюй-чженьскаго) царства, процвѣтавшая въ теченіи четырехъ вѣковъ, и есть слѣдовательно развалина описанная Исбрандомъ подъ именемъ Tai-Ming-Tchen. Монголы называютъ ее Чагань-собарга-хота, т. е. городъ съ бѣлымъ собарганомъ, потому-что башня храма предковъ династии Ляо, которую такъ наивно описалъ Исбрандъ, имѣетъ бѣлый цвѣтъ.

Новый Дай-нинъ-ченъ, имѣвшій нѣкоторое значеніе только въ теченіи нѣсколькихъ десятилѣтій при Миньской династии (въ концѣ XVI вѣка), есть лежащая далѣ къ Ю.-Ю.-З. развалина называемая Исбрандомъ — Бурганъ-хота, т. е. городъ идоловъ, носящая, по свидѣтельству этого путешественника, китайскій характеръ. Монголы называютъ ее, по свидѣтельству китайской географіи, Хара-хота, т. е. черный городъ. Разстояніе первой развалины отъ воротъ Хи-фынъ-к'эу, по свидѣтельству той же географіи, составляетъ 560 ли (280 вер.), а второй — 390 ли (195 вер.); слѣдовательно разстоянія между обѣими — 170 ли (85 вер.). На картѣ Гримма Дай-нинъ-ченъ и Хара-хота нанесены довольно вѣрно, только тождественные Хара-хота и Бурганъ-хота ошибочно означены раздѣльно. На картѣ О. Іакинва, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ, Да-динъ т. е. Дай-нинъ-ченъ нанесенъ ошибочно верстѣ 120 къ С.-С.-В. отъ Чагань-собарга-хота, гораздо ниже по теченію Лохи.

§ 14.

Изложение IV. Южная окраина степного плоскогорья от высокаго Пе-ча, при Хуань-хэ, къ воротамъ Хи-фынь-к'эу и къ равнине Пекина.

Только при истокахъ Лоха къ Ю.-З., гдѣ лежитъ городъ (*) Хара-хота (Kara-Khotun), однообразный характеръ плоскогорья замѣняется дикою природою горъ. Слѣдуя вверхъ по степной рѣкѣ Лоха приходишь къ возвышенному горному ущелью, чрезъ которое дорога просѣчена искусственнымъ образомъ въ скалѣ; отсюда, отираваясь на Ю.-З., спускаешься къ Бао-хэ (Pao-ho); притоку Луань-хэ (Lan-ho), ниспадающему, подобно множеству другихъ горныхъ ручьевъ, съ южнаго уступа высокаго Пе-ча въ глубокую долину. Первое поселеніе на Бао-хэ называется Куань-ченъ (Quan-Tching) (1). При семъ городѣ и ущельѣ начинается гористый скатъ нагорья, пересѣкаемый ущельями и узкими долинами, чрезъ которыя караваны обыкновенно проходятъ цѣлую недѣлю. Здѣсь начинается страна лѣсовъ и охоты, и природа дѣлается вполне живописною. Начиная отъ Хара-хота (Kara-Khoto), тигры и леопарды находятъ свое любимое убѣжище въ густотѣ лѣсовъ и глубинѣ горныхъ ущелій, и дѣлаются страшными для путешественниковъ. Императорскія облавы принадлежатъ здѣсь къ необходимѣйшимъ средствамъ обороны противъ нихъ. За горными ущельями прекращается нагорье Харчинь, представляющее еще страну пастбищъ, и показываются обширныя помѣстья вельможъ, жалованныхъ императорами и заселенныя либо китаѣйскими преступниками — какъ ссыльными, либо китаѣйскими невольниками — какъ колонистами. Поселенцы эти кое-гдѣ заѣвываютъ поля и разводятъ сады. Но съ горными долинами и теплыми скатами горъ,

(*) т. е. развалины новаго Дай-нинъ-чэна см. выше ст. 325 — *Пр. Пер.*

(1) Gerbillon u Du Halde IV p. 485. Ysbrand p. 113.

въ ложбину р. Луань-хэ, въ которой лежитъ нѣсколько выше знаменитый императорскій лѣтній замокъ Жо-хэ (Je-Hol), начинаются снова дубовые и липовые лѣса, и показываются также въ роскошномъ развитіи растенія теплѣйшихъ климатовъ, абрикосовыя деревья, грецкіе орѣшники, каштаны и виноградныя лозы. Здѣсь начинаются также обработанныя поля и появляется характеристическая культура уступовъ (Terrassencultur). Изъ Лангова описанія горнаго прохода Хара-хота легко убѣдиться, что за этою естественною границею должны начинаться: другая физическая и этнографическая область и другой бытъ народный, свойственные низменностямъ.

При первомъ узкомъ горномъ ущельѣ ⁽²⁾, сначала трудно проходимомъ, появляются первыя Китайскія чайныя харчевни, а у южной подошвы высшей горной окраины, съ которой спускается крутая, узкая, руками человѣческому пробитая дорога, лежитъ на первомъ уступѣ, въ долинѣ, первый правильно выстроенный Китайскій городокъ Па-гои (Pagol у Ритт., Ра-Кеоу-Ниеп на кар. Бергхауза) съ многочисленными лавками (*). Здѣсь встрѣчаются въ первый разъ жители, говорящіе на Китайскомъ (Никанскомъ) языкѣ, но и Монгольскій языкъ еще распространенъ между ними. Здѣсь только можно было получить (въ 1736) первые предметы роскоши: аракъ, пиво и садовые плоды.

Далѣе, послѣ двудневнаго перехода внизъ, вдоль высокыхъ горныхъ долинъ, появляются поселенія въ болѣе глубокой долинѣ и встрѣчаются первые каменные дома и первая Китайская школа.

Еще далѣе, послѣ двудневнаго перехода, дорога идетъ снова проходомъ, искусственно пробитымъ въ скалахъ, къ городу Куань-ченъ (Quang Tchen). Отсюда надо слѣдовать еще въ продолженіи 2-хъ дней прямо на Ю., проходя два раза по

(2) L. Lange IV. p. 193, 193.

(*) Этотъ городъ называется вышѣ Пинь-цюань-чжеу и есть одинъ изъ уздѣныхъ Чань-дэ-фусской области. См. выше ст. 306. — *Пр. Пер.*

искусственно пробитой между скалами дорогѣ, ущельями и ущельями долинами, гдѣ съ открытыхъ мѣстъ наконецъ виднѣется вдали Китайская стѣна около вѣротъ Хи-фынь-к'эу.

Послѣдніе три дня перехода до Китайской стѣны, говорить Исбрандъ ⁽³⁾, шли мы непрерывно между скалъ, чрезъ которыя, къ удивленію нашему, руками человѣческими была проѣдена дорога. Особенно удивила насъ высокая скала, чрезъ которую была пробита дорога въ 200 локтей длины и 7 ширины ^(*). Эти скалы поросли дубами, липами и орѣшниками; дичь попадаетъ въ изобиліи, Китайскій императоръ охотился здѣсь два раза въ годъ.

Вотъ сущность содержанія необыкновенно замѣчательнаго отчета умнаго и правдиваго наблюдателя Л. Ланге, который нѣсколько разъ путешествовалъ по Сибири въ Пекинъ и котораго показаніе совершенно сходно съ показаніями Исбранда и лезуитовъ.

Отъ подошвы пограничнаго хребта до столицы страна внутри стѣны принимаетъ совершенно другой характеръ; здѣсь скоро появляются рощи, строевой лѣсъ и каменно-угольныя ломки; уже на второй день путешествія къ Ю.-З. прѣ Цзунь-хуа-чжеу (Tsun-Hoa-Tcheou) разстилается теплая равнина, вездѣ покрытая обработанными полями и садами. Близъ Цзунь-хуа разводится лучшій табакъ ⁽⁴⁾; яблоки, груши, каштаны, превосходный виноградъ и лимоны растутъ здѣсь въ большемъ количествѣ. По берегамъ широкаго Луань-хэ, оживленнаго движущимися по немъ плотами, деревни слѣдуютъ за деревнями, скалы увѣнчаны храмами идоловъ и пагодами, городъ появляется за городомъ и всѣ они соединены сѣтью каналовъ, по которымъ идутъ многочисленныя барки, нагруженныя рисомъ. Даже морскіе корабли поднимаются вверхъ по рѣкамъ почти до

(3) Ad. Brand. p. 940; Ysbrand p. 114.

(*) Это ущелье называется китайцами лицевой долиной — Дуань-ну-гу. —
Ир. Пер.

(4) Gerbillon p. 485; Ysbrand p. 121.

подошвы нагорья. Именно въ томъ мѣстѣ гдѣ разительный контрастъ между нагорьемъ и низменностью выражается въ наименьшемъ пространствѣ, и притомъ гораздо рѣзче нежели въ какой либо другой части стараго свѣта, лежитъ столица колоссальнаго государства и резиденція императора — Пекинъ, нынѣ средоточіе всѣхъ силъ Восточной Азіи. Сообщенія происходятъ здѣсь по самымъ покойнымъ дорогамъ, и отъ самой стѣны до столицы, на четверти-часовыхъ разстояніяхъ, расположены, въ видѣ телеграфической линіи, высокія каменные, снабженныя карауломъ башни, на которыхъ развѣваются желтые императорскіе флаги. — Въ случаѣ нечаянныхъ нападений вывѣшиваются фонари и такимъ образомъ извѣстіе о томъ что происходитъ на нагорьѣ доходитъ въ нѣсколько часовъ до столицы.

§ 15.

Изложеніе V. Южная окраина нагорной Гоби отъ Кяхтинской дороги до равнины Пекина къ юрному проходу Чжань-кя-к'эу.

Этимъ болѣе западнымъ горнымъ проходомъ изъ нагорной степи Гоби, о которомъ мы уже издавна имѣемъ точныя свѣдѣнія, вступилъ Л. Ланге въ равнины Китая во 2-мъ и 3-мъ путешествіи своемъ, а въ новѣйшее время и Тимковскій; мы послѣдуемъ сначала древнѣйшимъ извѣстіямъ и дополнимъ ихъ новѣйшими данными.

Караванъ Ланге ⁽¹⁾ почти цѣлые два мѣсяца, въ Ноябрь и Декабрь 1727, проходилъ по страшнымъ пустынямъ, гдѣ съ большимъ трудомъ избѣжалъ погибели отъ зимнихъ стужъ, бурь и недостатка въ подножномъ кормѣ. Ежедневно падало

(1) Lange dritte Karawanenreise II. p. 87.

отъ 10 до 20 и даже до 30 лошадей, вследствие усталости и недостатка корма; наконецъ караванъ, слѣдуя все по ровной, плоской, однообразной нагорной степи, достигъ до станціи Арумъ-шабарта (Arum-Schabarta).

Отсюда наконецъ идетъ крутой горный проходъ черезъ высокія скалистыя горы внизъ къ населенному Китаю ⁽²⁾. Здѣсь начинается Ю.-В. окраина плоскогорія.

Этотъ хребетъ, вдоль горнаго прохода, называется бѣло-вершиннымъ (Чаганъ-толо-гонъ-даба) и состоитъ вдоль и поперекъ изъ высокихъ скалъ и глубокихъ пропастей. Здѣсь появляется вдругъ, говоритъ Унферпагтъ (сопровождавшій Ланге во время втораго его путешествія), горный хребетъ ⁽³⁾, и мы должны были спускаться столь круто, что нельзя было смотрѣть внизъ безъ головокруженія. На старой границѣ владѣній Монгольскихъ и Китайскихъ стоитъ караульный домъ и храмъ, наполненный идолами, похожими на наши изображенія дьявола. Дж. Белль (1719) ⁽⁴⁾, спутникъ Ланге и Унферпагта, выражается слѣдующимъ образомъ: послѣ 40 дневнаго перехода черезъ нагорныя степи, которыя болѣею частію переходили на песчаную мель, и на которыхъ насъ застигла подъ конецъ сильная снѣжная мятель, увидѣвъ мы первыя вершины горъ, направившіяся къ С.-З., и на нихъ линію великой стѣны. Одинъ изъ насъ закричалъ: «земля», какъ бы послѣ долгаго плаванія на морѣ; бѣлая линія стѣны находилась впереди насъ въ разстояніи 16 часовъ. Мы раскинули лагерь еще на высококомъ открытомъ плоскогоріи, въ томъ мѣстѣ гдѣ старыя укрѣпленія (Чаганъ - балгассу) ⁽⁵⁾, преграждаютъ дорогу. День 2 Ноября былъ холодный и снѣжный. На слѣдующій вечеръ оставили мы равнину и вступили въ узкій проходъ, заключенный между двумя горными стѣнами; слѣ-

(2) L. Lange 3-te Reise p. 113.

(3) G. J. Unverzagt p. 34.

(4) J. Bell of Antermony Tran. Glasgow 4 vol. I p. 331.

(5) т. е. бѣлый городъ. — *Пр. Пер.*

ва горы возвышались вертикальною стѣною, справа, т. е. къ З., поверхность ихъ сначала склонялась, потомъ снова возвышалась; слѣдуя по круто-спускающейся скалистой дорогѣ, ширину только въ 8 ф., прибыли мы къ небольшому Китайскому монастырю, уединенному какъ отшельнической скитъ, и доступному только пѣшеходамъ. Здѣсь монахи дружелюбно угостили насъ чаемъ. Предъ большимъ же Китайскимъ строеніемъ, содержащимъ въ себѣ жертвенники и множество идоловъ, положенъ былъ мѣшокъ пшеницы, въ видѣ жертвоприношенія. Все перемѣнило здѣсь свой видъ, новый міръ открылся глазамъ нашимъ; внизу показались скалистые ландшафты, съ разбросанными на нависшихъ скалахъ хижинами, точно такъ какъ изображено это на китайскомъ фарфорѣ. Холодный рѣзкій климатъ высотъ замѣнился теплымъ пріятнымъ воздухомъ; въ чистыхъ избахъ слѣдующихъ деревень Британецъ находилъ съ удовольствіемъ горѣвшій въ каминахъ каменный уголь.

Горный проходъ пробить съ большимъ трудомъ въ видѣ ступеней; даже безъ поклажи спускаешься въ теченіи полу-дня по крутой горной дорогѣ, по сторонамъ которой разбросаны, во всѣхъ углахъ образуемыхъ скалами, хижины и жилища. Караванъ съ фурами употребилъ цѣлый день, для достиженія деревни Толай-сумэ (Toloi Sumai), лежащей въ разстояніи около 1 мили (6 верстъ) отъ Китайской стѣны. Пройдя новыя ворота, Чжанъ-кя-к'эу, достигаешь города тогоже имени, служащаго ключемъ къ Китаю. Здѣсь собирается пошлина, снова показываются прекрасные сады, свѣтлые ручьи, источники и фонтаны, виноградныя лозы, каштаны, дыни, лимоны, помаранцы, персики, миндали, груши и яблоки⁽³⁾. Такъ близко граничатъ здѣсь зима и лѣто; контрастъ этотъ еще поразительнѣе, послѣ нѣскольکو-мѣсячнаго странствованія по холоднымъ степямъ Сѣвера, нежели на Боромейскихъ островахъ,

(3) L. Lange 3-te R. p. 119.

при Аостъ и Айроло, на южномъ скатъ Монте-роза, С. Бернарда и С. Готарда. — Дж. Белль ⁽⁶⁾ говоритъ опредѣлительно, что хотя степь Гоби походитъ на большую непрерывную равнину, однакоже она гораздо выше всѣхъ другихъ равнинъ и мѣстностей Китая; потому что при входѣ на первый горный проходъ, говоритъ онъ, высота, на которую мы поднялись, весьма незначительна въ сравненіи съ высотой, по которой спустились съ южной стороны. Тоже же самое важное замѣчаніе сдѣлалъ этотъ внимательный наблюдатель и на возвратномъ пути, и вывелъ совершенно справедливое заключеніе объ общемъ возвышеніи Гоби, какъ надъ Китаемъ, такъ и надъ Сибирью. Къ тому же заключенію приходитъ Жербильтонъ (1696), въ томъ самомъ мѣстѣ ⁽⁷⁾ гдѣ онъ говоритъ о первомъ плоскогоріи, лежащемъ передъ Хинганъ-дабаханомъ (Khinggan-Tabahan). Отсюда можно попасть въ 7 дней въ Пекинъ, направляясь къ Ю.-В., чрезъ довольно-незначительныя горныя цѣпи.

Описываемый нами скатъ высокаго плоскогорія изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ есть самый крутой и быстрый. Въ равнинѣ у его подошвы происходятъ частыя и правильно возвращающіяся землетрясенія; зобы составляютъ здѣсь эндемическую (мѣстную) болѣзнь ⁽⁸⁾; даже маленькія дѣти изуродованы сильными наростами. Это явленіе замѣчается, при совершенно такихъ же условіяхъ, на южномъ уступѣ Бутана и Непала, на сѣверномъ Габеша и Мандинго, и въ другихъ подобныхъ мѣстностяхъ, характеризуемыхъ крутыми горными скатами, какъ это въ Европѣ достаточно извѣстно въ Валлезѣ и на южномъ склонѣ большаго С. Бернарда.

Первыя свѣдѣнія, дополняющія и исправляющія топографію этаго знаменитѣйшаго изъ всѣхъ входовъ въ Китай со времени прошлаго столѣтія, находимъ мы у *Тилковскаго* (1819 г.); только приложенная къ его сочиненію карта къ сожалѣнію не

(6) J. Bell. p. 334. II. p. 120, 121.

(7) Gerbillon, у Du Halde IV. p. 427.

(8) L. Lange, тамъ же p. 123; Turner Embassy p. 408.

соотвѣтствуетъ исправленному тексту⁽⁹⁾, съ которымъ согласны всѣ вышеприведенныя данныя. 14 Ноября Русская миссія достигла до конца плоскогорія, и, оставивъ въ сторонѣ на З. большую зеркальную поверхность послѣдняго степнаго озера *Ангулинора* (или *Чагань-нора*), покрытую стадами лебедей, увидѣла на югѣ, на свѣтло-синемъ горизонтѣ, вершины южной окраины, называемой *Хингань-Дабаханомъ* (т. е. проходъ въ *Хингань*), на которой ясно видны были башни великой стѣны. Видъ этой границы между Монголою и Китаемъ возбудилъ и на этотъ разъ всеобщую радость⁽¹⁰⁾. Озера плоскогорія уже покрылись льдомъ; множество каравановъ въ 100 до 250 верблюдовъ, нагруженныхъ чайными тюками, направлялись къ Сибири, чрезъ Монгольскую степь: сто лѣтъ спустя послѣ того какъ Ланге учредилъ караванную торговлю съ Китаемъ нельзя было не замѣтить важнаго вліянія этой торговли на историческое развитіе и оживленіе высокой Гоби и ея населенія. Монголы раскинули на этомъ пути свои голубыя палатки и многіе возвращались съ грузомъ товаровъ изъ *Маймачена*. Другіе везли изъ отдаленныхъ хвойныхъ лѣсовъ съ береговъ р. *Толы* еловый лѣсъ и навьюченные на верблюдахъ ящики сушеныхъ грибовъ — предметы, которые продаются дорогою цѣною въ Китай.

Въ $\frac{1}{2}$ часовомъ разстояніи отъ замѣченной уже *Белемъ* низкой, укрѣпленной линіи, которая, по преданію, основана Китайцами для защиты горныхъ проходовъ ведущихъ въ равнину, отъ нападений Монголовъ при *Чингинсханѣ* (что довольно правдоподобно)⁽¹¹⁾, и въблизи которой былъ расположенъ нѣкогда лагерь *Импер. Канъ-хи*, во время похода его противъ *Элютовъ* (1696)⁽¹²⁾, лежитъ 4 угольная небольшая крѣпость *Чагань-балгассу* (т. е. бѣлый городъ). Крѣпость эта незначительна, стѣны

(9) Timkowski, Voyag. ed. Paris 1827. Т. I. p. 280 not., Atlas ed. fr. p. 22.

(10) Timkowski, Voy. I. p. 271, II. p. 378.

(11) Klaproth not. у Timkowski II. p. 222.

(12) Gerbillon, четвертое путешествіе, p. 389 и т. д.

ея имѣютъ только 30 ф. вышины, полуобрушились и представляютъ видъ укрѣпленнаго лагеря; она служитъ только пристанищемъ для путешественниковъ и для изнуренныхъ вьючныхъ животныхъ, которыхъ прѣвжающіе изъ степи оставляютъ здѣсь на высокихъ пастбищахъ, съ тѣмъ чтобы, отдохнувъ и поправясь, они могли служить для перевозки клади на возвратномъ пути. Бури Гоби, съ ея страшными пустынями и снѣжными полянами, остались назади, но сильная мятель принудила караванъ остановиться. При возвращеніи изъ теплой равнины Пекина, гдѣ въ концѣ мая пшеница и хлѣбъ уже находились въ полномъ цвѣтѣ, между тѣмъ какъ на предлежащихъ горныхъ высотахъ едва пробивалась зелень посѣвовъ, привѣтствовали здѣсь Европскихъ путешественниковъ въ первый разъ — свѣжій воздухъ степей и пѣніе отечественныхъ жаворонковъ. Двѣ дороги ведутъ въ настоящее время внизъ къ Калгану (Чжанъ-кя-к'эу): 1) *Восточная*, проходящая чрезъ Шабартай, есть старая дорога, по которой слѣдовалъ и Ланге, по которой и теперь постоянно ѣздить по дѣламъ Монголы одного изъ отдѣловъ (Кубошара) кочующихъ здѣсь пастушескихъ племенъ (извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *Чахаръ*, т. е. пограничный народъ). 2) Западная называется дорогою верблюдовъ или каравановъ; она проходитъ чрезъ гору Сенджи (Sendjit); по ней слѣдуютъ Монголы другаго отдѣла (Гули-шара) Чахаровъ; на оба возложена обязанность пасти въ горахъ императорскія стада. Отъ Чагань-балгассу караванъ долженъ былъ спускаться въ продолженіи двухъ дней, прежде нежели достигъ до воротъ Чжанъ-кя-к'эу. Въ продолженіи перваго дня караванъ шелъ вдоль покрытаго льдомъ ручья *Бургассутай*, чрезъ глубокія пропасти Хингана, мимо двухъ горныхъ замковъ, до обширной равнины, служащей передовою террасою горной окраины. Эта равнина покрыта китайскими домами; у подошвы горы выстроены храмъ Боропечжи (Bogozedje), а противъ него театръ для труппы актеровъ изъ Калгана, которые даютъ здѣсь народныя представленія во время годовыхъ праздниковъ. День былъ холодный, ноябрь-

скій; термометръ Реомюра показывалъ — 17° при восхожденіи солнечномъ; все было покрыто слоемъ льда и снѣга; не смотря на то кипѣла здѣсь жизнь, показывавшая близость торговаго города: въ разныхъ направленіяхъ тянулись караваны, тѣлеги, товары, верховые на верблюдахъ, лошади и стада. Монгольскій постъ изъ нѣсколькихъ юртъ содержалъ карауль, недалеко отъ того мѣста, гдѣ проходитъ пограничная торная цѣпь ⁽¹³⁾, отдѣляющая Монголію отъ Китая. На ея скалистомъ гребнѣ тянется каменная стѣна, служащая пограничнымъ признакомъ сѣвернаго Китая. Кирпичныя, квадратныя башни возвышаются здѣсь на 63 ф. (9 саж.) и имѣютъ до 21 ф. въ квадратѣ. Видъ отсюда внизъ на Китай величественъ; на Ю., В. и З. виднѣются покрытыя снѣгомъ горы (16 Ноября), которыхъ острия, черныя вершины достигаютъ до облаковъ. Слѣдовательно отсюда столь же трудно видѣть болѣе роскошную, низкую, земледѣльческую равнину Китая, какъ трудно было Аннибалу позать своимъ Кароагенянамъ съ Альпійскаго горнаго прохода привлекательную Италію; но невозможно не предчувствовать близости теплой равнины. Первая Китайская деревня, лежащая на этомъ пути, называется Норъ-дянь (Nog-Tian); она лежитъ еще внѣ стѣны, и здѣсь только оканчивается кочевая жизнь, начинающаяся съ береговъ Селенги. Деревня содержитъ въ себѣ только 20 домовъ, но не смотря на то имѣетъ въ высшей степени привлекательный видъ; съ сосѣдними 2-мя деревеньками, начинаются нѣкоторыя хлѣбныя поля, и показывается выстроенная изъ глины и покрытая соломой первая гостинница, гдѣ горѣвшій очагъ оживилъ окостенѣвшихъ путниковъ; а прекрасное сѣно — выючныхъ животныхъ; китайскій биткечи (Фуррьеръ, или чиновникъ сопровождающій караваны) игралъ здѣсь на южной лютиѣ, припѣвая народную пѣсню о Китайской княжнѣ, выданной замужъ за Монгольскаго князя и увезенной въ Гоби. — Все дѣлается здѣсь національнымъ, китайскимъ, такъ

(13) Timkowski, T. I. p. 276.

напр. появляются круглыя китайскія монеты, съ четырехъ угольнымъ отверстіемъ по срединѣ (по китайски *цян*, по монгольски *чохъ*), которыя, будучи нанизаны по сотнямъ на веревочку, составляютъ размѣнную монету. Отъ упомянутой деревни считается около 3 геог. миль до города Калгана. На этомъ пути сначала мѣшали спуску каравана по узкой скалистой дорогѣ непрерывно встрѣчавшіяся двуколесныя, большія китайскія тѣлеги, запряженныя 5 или 6-ю лошадьми; на половинѣ этого разстоянія мѣстность сдѣлалась ровнѣе, хотя была еще сильно наклонена къ стѣнѣ; естественное шоссе между самыми дикими скалами и обрывами сдѣлалось наконецъ столь же удобнымъ какъ Симпловская дорога чрезъ Альпы. Съ обѣихъ сторонъ земледѣльческая обработка уступовъ, вслѣдствіе необыкновеннаго трудолюбія китайцевъ, достигаетъ высшихъ горныхъ вершинъ, на которыхъ еще зеленѣются поля; на нависшихъ скалахъ и на скатахъ расположены храмы, деревни и множество хижинъ, подобно гнѣздамъ ласточекъ. Наконецъ уже только у самой великой стѣны ⁽¹⁴⁾ между двумя крутыми высокими скалами показалась пограничная крѣпость *Каманъ*; къ ней то ведутъ городскія ворота, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ суть ворота самой стѣны (Чжанъ-кя-к'эу). Караульный офицеръ пригласилъ русскую миссію сойти съ лошадей, чтобы войти, въ знакъ почтенія, пѣшкомъ въ великое небесное царство Дациней (т. е. династія Маньчжу).

(14) Timkowski, Voyag. I. p. 280.

ДОПОЛНЕНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 15.

1) *Перепѣдь О. Иакинѳа, отъ Камана до Ангули-нора, при возвращеніи миссіи, въ Іюль 1821 года* (1).

Мы не можемъ не воспользоваться здѣсь дневникомъ О. Іакинѳа, веденнымъ имъ отъ Пекина при возвращеніи въ Россію, потому что онъ содержитъ нѣсколько интересныхъ замѣчаній.

5 Іюня (нов. ст. 1821)) миссія оставила Калганъ. Дорога между горъ по каменистой почвѣ, сначала возвышалась медленно. За селеніемъ Ту-кинъ-цзы (15 вер. отъ Калгана) она начала подниматься круче на хребетъ и скоро назади открылась величественная картина. Всѣ вершины хребта Тай-шань были покрыты снѣгомъ, выпавшимъ наканунѣ, въ то время когда въ равнинѣ шелъ дождь. Черезъ 20 ли пути караванъ расположился на ночлегъ въ селеніи Норъ-дянь (Nog-Tian). Великая стѣна, влѣво отъ дороги, подходитъ здѣсь къ ней на разстояніи 60 сажень. Сосѣднія горы отъ подошвы до вершины были распаханы и засеяны рожью и ячменемъ. Въ это время хлѣбъ только что начиналъ здѣсь всходить, между тѣмъ какъ у Пекина пшеница уже наливалась. На слѣдующій день, за Норъ-дянемъ, миссія поднималась 5 ли, до вершины Калганскаго хребта. Отсюда начинается спускъ въ Монголію. Температура была холодна, лужи подернулись льдомъ, вершины оставшихся назади горъ были покрыты снѣгомъ, который лежалъ и по дорогѣ въ оврагахъ. Мѣстность была все еще гориста. Направо видна была глубокая долина, налѣво на З. снѣжились мрачные утесы дальнихъ хребтовъ, между которыми терялась бѣлая линія великой стѣны. Большая дорога спускалась къ С. Черезъ 5 часовъ пути миссія была уже у подошвы холмовъ, на плоскогоріи. Впереди открылась необозримая степь. Вытекающіе изъ горъ: вправо ручей Шабартай (Chibartai) и влѣво Боручайчъ

(1) О. Іакинѳа, Записки о Монголіи. С. П. Б. 1828. ст. 56 — 63.

(Вого-Tchai-Tcho), слившись здѣсь, составляютъ Наринъ-голь, въ который ниже впадаетъ ручей Бургассутай. Здѣсь было послѣднее китайское поселеніе. За Нариномъ вправо на высотѣ бѣлѣлись большія юрты Чахарскаго желтаго знамени съ каймою. Миссія остановилась на лѣвомъ берегу Нарина, въ урочище Хойхоръ или Чаганъ-балгассу (Tsagan-Balgassu). Наринъ вытекаетъ здѣсь 10—20 ф. шир. и не болѣе 1 ф. глуб. Черезъ 5 ли къ С. В. лежалъ Ихэ-норъ. Наринъ, протекая черезъ это озеро, принимаетъ названіе Хара-уссу, и далѣе на С.-З. впадаетъ въ Ангули-норъ.

На Калганскомъ хребтѣ, по свидѣтельству Іакинѳа, водятся тигры (*Felis Tigris*), леопарды и Китайскія дикія козы (Мейгуй-ли, *Capra Capreolus*). На вершинахъ хребта много полевыхъ жаворонковъ (вѣроятно *Alauda vivalis*), а въ равнинѣ степныхъ (*Alauda mongolica*, по китайски Бай-линь).

По переходѣ 4 ли изъ Хойхора миссія оставила влѣвъ Чаганъ-балгассу-хота (Tsagan-Balgassouin на к. Клаур). Развалина эта состоитъ нынѣ изъ землянаго вала, съ четырьмя воротами. Іакинѳъ говоритъ, что здѣсь былъ городъ, извѣстный въ Китайск. исторіи подъ именемъ *Шаченъ*. Онъ былъ предназначенъ быть столицею династіи Юань (монгольской), въ началѣ XIV в., подъ именемъ Чжунъ-ду (средняя столица), но не былъ достроенъ. Мы же полагаемъ, вмѣстѣ съ Риттеромъ, что здѣсь былъ увеселительный замокъ Хубилая, описываемый Маркомъ Поло, подъ именемъ Чаганъ-норъ (Siang-Nor) (см. ниже).

Въ 10 ли къ Ю.-В. отъ Чаганъ-балгассу, за рѣчкой Хара-уссу, лежитъ Хара-балгассу-хота (Khaga-Khoto на картѣ Клаур.). Это также развалины древняго города, основаннаго еще Китайцами и называвшагося Синъ-хо-ченъ⁽²⁾. При династіи Юань (монгольской) въ 1263 году онъ былъ названъ Луиъ-хинъ и въ немъ выстроенъ дворецъ. Городъ этотъ долго былъ важнымъ военнымъ постомъ, и только оставленъ въ XV вѣкѣ. Раз-

(2) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 300.

валины его въ окружности имѣютъ 6 ли и снабжены 4 воротами.

За Чагань-балгассу миссія спустилась по степи до р. Хара-уссу, текущей здѣсь на З. и имѣетъ ширины 25 ф., а глубины 2. Переправившись черезъ нее въ бродъ, караванъ поднялся на косогоръ и скоро, въ 15 ли передъ нимъ на З., показалась поверхность Ангули-Нора, въ водахъ котораго погасли послѣдніе лучи солнца. Озеро это находится въ 150 ли отъ Калгана ⁽³⁾. Она въ древности называлось Цзи-нинъ-хай-цзы и Юань-янъ-ю. Въ него впадаютъ рѣки Хара-уссу и Ха-лютай-голь. За нимъ начинается уже степь, въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что отсюда до Толы не встрѣчается болѣе ни одной рѣки.

2) *Перепѣздъ Ковалевскаго отъ Гурбунъ-тулги до Камана въ Сентябрѣ 1849 года* ⁽⁴⁾.

Русская миссія 1849 года не проходила мимо Ангули-нора, а слѣдовала нѣсколько восточнѣе мимо поворота Хара-уссу. Вблизи этого поворота (къ С.-В.) находится станція *Гурбунъ-тулга* (Toulga на картѣ Клапр.)

По мѣрѣ приближенія миссія къ Гурбунъ-Тулгѣ (26 сентября нов. ст.) природа становилась живѣе и разнообразнѣе. Появились озера, а около нихъ птицы и дичь. Верстѣ 20 не доходя до Гурбунъ-тулги, проходила дорога, изъ Доловъ-нора въ Хуху-хото (по которой слѣдовалъ Хюкъ). Гурбунъ-тулга значитъ три тагана, потому что здѣсь находится лощина съ тремя скалами, и у каждой колодезь. Въ $\frac{1}{4}$ в. отсюда расположено глубокое озеро съ прекрасной водой. Въ окрестностяхъ Гурбунъ-Тулги племя У-хуань, въ началѣ III вѣка безпокоившее предѣлы Китая, потерпѣло отъ Китайцевъ страшное поражение (въ 206 году) окончившее его политическое существованіе. Ухуаньцы,

(3) См. О. Іакинѳа, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 43.

(4) См. Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. С. П. Б. 8. 1833. Ч. I. ст. 92 и 188.

если верить Китайскимъ историкамъ, потеряли здѣсь 200,000 человекъ.

27 сентября Русская миссія прошла 25 верстъ, отъ Гурбунъ-тулга до Чаганъ-балгассу, къ Ю. Ю. В. Первые 10 верстъ слѣдовали по уваламъ отлогимъ, но подъ конецъ очень каменнатымъ, далѣе по равнинѣ. Грунтъ земли на всемъ протяженіи былъ суглинистый. Станція Чаганъ-балгассу находится въ Ю. В. углу полуразрушенной крѣпости. Около станціи былъ колодезь и озеро. Впереди, въ нѣсколькихъ верстахъ, возвышалась гряда, оканчивающаяся круглымъ огромнымъ холмомъ и теки рѣки Бургассу и Наринъ. Чаганъ-балгассу, по свидѣтельству Ковалевскаго, окруженъ землянымъ валомъ, не болѣе полторы версты въ окружности, и представляетъ какъ бы видъ одного огромнаго зданія, съ принадлежащими къ нему пристройками; на бѣлыхъ мраморныхъ колоннахъ его видны и нынѣ изображенія драконовъ—эмблемы Китайской власти. Нѣтъ сомнѣнія, слѣдовательно, что Чаганъ-балгассу былъ не городъ, а замокъ, однимъ словомъ тотъ самый Siang-Nog увеселительный дворець Хубилая, который описываетъ М. Поло.

Отъ Чаганъ-балгассу до Нордяня миссія слѣдовала 29 сентября, къ Ю.-Ю.-З., 38 верстъ. Равнина продолжается около 20 верстъ, роскошная, привольная, пересѣкаемая извилистою рѣчкою Наринъ. Съ З. эта равнина окаймлена холмистою грядою. На 5-й верстѣ у самой дороги небольшой (искусственный) курганъ. На 7-й — красивый храмъ Урбунтогой. На 15-й — Наринъ своимъ Ю.-З. направлениемъ пересѣкаетъ дорогу. Черезъ три версты, за рѣчкою, дорога проходитъ воротами, между сблизившимися съ З. и В. грядами и вступаетъ въ долину. Долина эта имѣетъ 7 верстъ длины, на половинѣ ея первая китайская деревенька и великолѣпный храмъ Бороцечжи, съ рѣчкою того же имени; за тѣмъ долина поднимается, суживаясь въ ущелье, которое наконецъ замыкается сошедшимся грядами.

(5) См. Ковалевскаго, Путешествіе въ Китай. Ч. I. ст. 94.

Подъемъ ея длиненъ и потому отлогъ, но спускъ крутъ, насытъ оврагами, каменистъ и глубокъ. Потому явилось новое ущелье, подъемъ до Нордяньскихъ высотъ тяжелый, каменистый. Грунтъ суглинистый, вязкость его была увеличена падающимъ дождемъ. На высотѣ дождь замѣнился снѣгомъ и бурей. Не смотря на то явилось вдругъ чудное зрѣлище: подъ ногами груды черныхъ камней; влѣво, между скалистыми гребнями, неожиданно появились озера, вправо—овраги, ущелья, за ними чудные, дикіе, зубчатые гребни и великая стѣна, перегибающаяся по горамъ. Впереди грозные утесы и пики, и также стѣна, смѣло по нимъ перебирающаяся; по крутымъ бокамъ утесовъ были разбросаны желтыя нивы, зеленѣющіяся деревья и скромно прилѣпленные къ обрывамъ домики. Дорога часто проходила вглубь глубокихъ овраговъ и горныхъ разсѣлинъ. Квартира въ Нордянѣ была очень дурна: запахъ кунжутнаго масла и каменнаго угля встрѣтилъ путешественниковъ, вѣтеръ врывается въ бумажныя окна.

Отъ Нордяня до Калгана миссія слѣдовала 30 сентября къ Ю. на 25 верстѣ. Было холодно, озеро за Нордянемъ замерзло. Обогнувъ озеро, дорога нисходитъ по ступенямъ утесовъ. Спускъ мѣстами очень крутъ, часто проходитъ сквозь тѣснины, необыкновенно каменистъ и дѣлаетъ крутые повороты; протяженіе его до дна ущелья 3 версты; на 2-й верстѣ, у подошвы скалы, передъ разсѣлиной, красивый храмъ съ густыми и высокими ивами. Ниже впереди ключъ, который черезъ 5 или 6 верстѣ появляется въ ущельѣ, вѣзъ подъ сыпучей дресвы, сильнымъ ручьемъ, и идетъ вдоль этого ущелья до самаго Калгана, гдѣ соединяется съ большимъ ручьемъ другого ущелья и образуетъ рѣку быструю и шумную. Ландшафты чудные, неизобразимые. Мѣстами, у самыхъ стѣнъ ущелья, торчатъ дома и цѣлыя деревеньки, окруженныя густыми ивами; нивы отлично обработаны. Въ одномъ мѣстѣ скала глядитъ особенно сурово чернымъ отверстіемъ пещеры; Монголы увѣряютъ будто бы Чингисъ-Ханъ прошибъ ее своею стрѣлою. Большая деревня передъ Калганомъ располо-

женная по уступамъ, въ стѣнѣ лѣвой горы, вытянувшейся здѣсь въ огромный альковъ, представляетъ прекрасный и оригинальный видъ. Дома и лавки предмѣстья Калгана поразили путешественниковъ новостью архитектуры и пестротой.

3) *Перепѣдь миссіонера Хюка отъ Долонъ-нора до Кяхтинской долины къ Ю.-В. отъ Ангули-нора, въ Октябрѣ 1844 года* (6).

1-го октября 1847 года миссіонеры Хюкъ и Габе выѣхали изъ города Долонъ-нора (см. вышн.), направляясь къ З.-Ю.-З., по дорогѣ въ городъ Ху-ху-хотонъ (Ху-Ку-Кхота). По выѣздѣ изъ города потянулись нескончаемые холмики изъ сыпучаго песка, въ которыхъ почти совершенно терзалась торная дорога. Жаръ былъ невыносимый, видѣ не было видно ни капли воды. Только къ вечеру почва сдѣлалась болѣе твердою: мало по малу пески исчезли, появились свѣжіе слѣды растительности, наконецъ степь покрылась зеленью. Надѣво показалась долина. Скоро миссіонеры нашли и небольшое озеро, котораго воды были въ половину спрятаны въ густыхъ тростникахъ; на со-сѣднихъ буграхъ росли кустарники. Миссіонеры расположились здѣсь на ночлегъ. Вода была свѣжа, но отдѣлала самый сильный запахъ сѣрнистаго водорода. Хюкъ сравниваетъ ее съ минеральною водою города Аксъ въ Пиренеяхъ.

На другой день въ полдень, миссіонеры, продолжая путь свой, встрѣтили богатый караванъ Халхаской княгини (Мергынь-ванъ), отправлявшейся на богомолье въ знаменитый ламайскій храмъ пяти башенъ (У-г'ай) въ Шань-си. Караванъ этотъ расположился на берегахъ прекраснаго, прозрачнаго ручья протекавшаго между тучными пастбищами. Княгиня вышла изъ своего четырехколеснаго экипажа, она была одѣта въ зеленомъ шелковомъ платьѣ и привѣтливо поклонилась миссіонерамъ. Послѣ короткаго разговора, миссіонеры продолжили путь. Передъ ними разстлалась опять безводная степь. Къ концу дня

(6) См. Huc Bouven. d'un Voyage en Tartarie etc. Paris. 2-^{de} ed. 8. 1833; T. I. p. 87.

пошелъ холодный, проливной дождь; миссіонеры остановились на ночлегъ, посреди открытой и бесплодной степи, и только съ помощью татаръ могли развести огонь. Одинъ изъ Чахаровъ имъ встрѣтившихся рассказалъ Хюку о походѣ своемъ противъ англичанъ, до которыхъ впрочемъ ему не удалось достигнуть, потому-что миръ былъ уже заключенъ, когда Чахарское войско прибыло въ Чжилійское побережье. Чахаръ, что значитъ по монгольски «пограничная земля», граничитъ къ В. съ Кэшиктенью, къ С. съ Сунитомъ, къ З. съ западн. Тумотомъ, къ Ю. съ великою стѣною. Длина ея 150 лье, (болѣе 600 вер.), а ширина 100 лье (болѣе 400 вер.).

На слѣдующій день небо было безоблачно и погода прекрасна. Высокія степныя травы подняли свои головы на лучахъ солнечныхъ, степь была привлекательна, кругомъ разстились прекрасныя пастбища красной хоругви Чахаровъ. Миссіонеры ночевали въ долинѣ, которая казалась довольно населенною и здѣсь отдыхали два дня.

6 октября они пустились далѣе. Погода была хороша, но при сѣверномъ вѣтрѣ сдѣлалось холодно. Къ вечеру пришли къ тремъ озерамъ, гдѣ и ночевали. Самое большое изъ озеръ имѣетъ 4 ли (2 вер.) окружности. Кругомъ его трава дѣлается болѣе рѣдкою и менѣе зеленою. У самыхъ озеръ вся почва была покрыта бѣлымъ налетомъ селитры. Верблюды съ наслажденіемъ пили соленую воду. Вечеромъ разразилась буря и сильный тифонъ. Къ ночи погода опять разгулялась, заблестали звѣзды; вдали, какъ гигантскія тѣни, видны были странныя, неясныя формы горъ. Изъ густыхъ тростниковъ, съ широкихъ листьевъ Нимфей (7), поднимались тысячи голосовъ водяныхъ птицъ и оживляли мертвенность пустыни.

Эти три озера кажутся намъ тѣми, которыя на большой картѣ Клапрота означены именемъ Гунь-норъ (Goun-Nor). Хюкъ замѣчаетъ что мимо озера проходитъ очень торная дорожка. До-

(7) *Nymphaea* — кувшинка, водное растеніе.

рога эта ведетъ вѣроятно къ воротамъ вѣдической стѣны Души к'эу. Разстояніе этой мѣстности отъ Долонь-нора, судя по картѣ Клапрота, составляетъ 85 — 90 верстъ. Миссіонеры употребили на этотъ переходъ четыре дня. Читая внимательно путешествіе Хюка легко убѣдиться, что миссіонеры не могли проходить здѣсь ежедневно много болѣе 20 верстъ, особливо если вспомнимъ что и Ковалевскій въ степи Гоби ежедневно дѣлалъ среднимъ числомъ около 25 верстъ.⁽⁸⁾

На слѣдующій день миссіонеры отправились далѣе. Около полудня они встрѣтили три колодца, но привалъ оказался неудобнымъ, потому что вода была солона и чрезвычайно дурна. Топливо также было дурно. Проѣзжій татарскій всадникъ сказалъ миссіонерамъ, что они находятся очень недалеко отъ торговаго мѣста Шаборты (Shahorté). Хотя этотъ городъ и не лежалъ на ихъ дорогѣ, они рѣшились заѣхать въ него, для того чтобы заpastись провизіею, и скоро туда прибыли, забравъ нѣсколько вѣзвъ отъ пути своего.

Шаборты значить грязное болото (bougbieg). Мѣсто это не должно смѣшиваться съ ручьемъ Шабартаемъ, получившимъ свое названіе вѣроятно по той же этимологіи, но лежащимъ отсюда еще впереди на 3. въ 3 дняхъ пути. Я полагаю что Шаборты, описываемый Хюкомъ, есть ничто иное какъ станція, означенная на картѣ Клапрота къ В. отъ развалинъ Боро-хота (Boro-Khotu у Клапрота, Poro-hoto у д'Анвил.), близъ Шанду-гола. Станція эта дѣйствительно лежитъ, по картѣ Клапрота, верстахъ въ 30 къ Югу отъ трехъ озеръ Гумь-норъ, т. е. въ лѣвую сторону отъ дороги миссіонеровъ, и есть одно изъ ближайшихъ отъ нихъ въ эту сторону, но дорогѣ отъ Долонь-нора къ воротамъ Души к'эу.

Миссіонеры прибыли въ Шаборты въ день праздника луны (Юй-п'инъ), который Китайцы празднуютъ особенно въ воспоминаніе изгнанія Монголовъ изъ Кичал. Путешественники оста-

(8) См. дневникъ Ковалевскаго въ его путешествіи въ Китай. Ч. I. стр. 184—190

новылись вѣтъ города близъ палатокъ Монголовъ: Постижить ихъ они слышали вѣснь монгольскаго барда (Тудкало), въ которой живутъ еще историческія воспоминавія о прежнемъ величїи Монголовъ.

Вотъ переводъ этой пѣсни (9).

«Когда дивный Тимуръ жилъ подѣ нашими шатрами, монгольское племя было страшно и воинственно, его подвиги преклоняли землю, однимъ взоромъ оно устрашало десять тысячъ народовъ, освѣщаемыхъ солнцемъ».

«О дивный Тимуръ, скоро ли возродится твой великій духъ? Сойди, сойди къ намъ скорѣе, мы ждемъ тебя, о Тимуръ!»

«Мы живемъ въ своихъ обширныхъ степяхъ тихи и кротки какъ агницы; но сердце наше кипитъ еще, оно полно огня. Воспоминанія славнаго времени преслѣдуетъ насъ безпрестанно. Гдѣ же вождь, который долженъ стать во главѣ насъ и сдѣлать насъ воинственными?»

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Молодой Монгольъ сильною рукою умѣеть подчинить себѣ дикаго коня; онъ умѣеть открыть на далекой степи слѣды блуждающаго верблюда. . . . Но увы у него нѣтъ силы натянуть лукъ своего предка; глаза его не замѣчаютъ хитростей врага».

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Мы видимъ на святомъ холмѣ развѣвается красный поясъ ламы и надежда зацвѣтаетъ въ нашихъ шатрахъ. . . . Скажи же намъ лама! Когда уста твои произносятъ молитву открываетъ ли тебѣ Хормуста что нибудь изъ будущей жизни?»

«О дивный Тимуръ» и т. д.

«Мы сожигали ладанъ у ногъ дивнаго Тимура; повергая главы свои на землю, мы приносили ему въ жертву чайные листья и молоко нашихъ стадъ. . . . Мы готовы; Монголы вставайте передъ Тимуромъ! . . . А ты Лама благослови наши стрѣлы и копья!»

(9) См. Нис. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. Т. I. p. 104.

«О дивный Тимуръ! Скоро ль возродится твой великій духъ. Сойди, сойди скорѣе! мы ждемъ тебя о Тимуръ!»

Городокъ Шаборты расположенъ на сырой и болотистой почвѣ. Всѣ дома его — землянки, окруженные высокими заборами. Улицы неправильны, извилисты и узки. Видъ городка самый мрачный, здѣшніе китайскіе обыватели имѣютъ видъ мошенниковъ. Здѣсь продается все что составляетъ потребность Монголовъ: овсяная мука, каленое просо, хлопчатобумажныя ткани и кирпичный чай. Монголы привозятъ сюда произведеніе степи т. е. соль, грибы и мѣха. Окрестные Монголы отличаются большою честностью.

Изъ Шаборты миссіонеры продолжали свой путь къ З. Черезъ три дня пути, они встрѣтили въ степи величественную развалину совершенно оставленнаго города. Зубчатая стѣна, башни и четверо воротъ, обращенныя на 4 стороны свѣта, прекрасно сохранились, но все это, на три четверти своей вышины, заросло землею и покрылось густымъ дерномъ. Въ нѣкихъ мѣстахъ почва достигла до начала зубцевъ. Миссіонеры вошли изъ любопытства въ южныя ворота и были поражены страхомъ и грустью. Здѣсь не видно ни обломковъ, ни развалинъ: передъ глазами раскрывается только прекрасный и обширный, мало поврежденный городъ, погребенный до половины въ землѣ и покрытый какъ саваномъ степными травами. Неровности почвы какъ бы обрисовываютъ еще расположеніе улицъ и главныхъ памятниковъ. Молодой монгольскій пастухъ молча курилъ свою трубку, сидя на пригоркѣ, между тѣмъ какъ стадо козъ спокойно щипало траву на валахъ укрѣпленія и въ пустынныхъ улицахъ. Монголъ не могъ дать никакихъ объясненій объ этомъ городѣ, который даже неумѣлъ назвать иначе какъ «древнимъ городомъ».

Я полагаю что этотъ городъ и есть Хара-хота (Жаго-Кхото на картѣ Клапр. или Синь-хо-ченъ), о которомъ Іакиневъ говорить, что онъ находится въ 10 ли (5 вер.) къ Ю.-В. отъ Чагань-балгассу. Разстояніе трехъ дней пути (считая по 25 вер.)

отъ Боро-хота не противорѣчатъ нашему предположенію; что миссіонеры проходили къ Ю. отъ Ангули-нора о томъ свидѣтельствуеть начертаніе самаго Хюка, на приложенной къ его 2-му изданію картѣ. Замѣтимъ только что положеніе Хара-хота на картѣ Клапрота не вѣрно, потому-что здѣсь онъ помѣщенъ верстахъ въ 25 (100 лв) къ Ю.-Ю.-З. отъ Чагань-балгассу при слияніи Бургассутая и Борочайча, гдѣ проходившія русскія миссіи не видали никакихъ развалинъ. Также и все теченіе Харауссу и Нарина до Ангули-нора нанесено невѣрно, потому-что теченіе это вытянуто въ меридіанномъ направленіи съ Ю. къ С., между тѣмъ какъ, по смыслу описаній всѣхъ русскихъ путешественниковъ, Наринъ и Харауссу текутъ отъ Ю.-В. къ С.-З., Этимъ и объясняется почему Хара-хота, расположенный на противоположной (лѣвой) сторонѣ рѣки съ Чагань-балгассуемъ лежитъ отъ него однакоже къ Ю.-З. На картахъ д'Анвила, Бергхауза, Гримма теченіе Харауссу изображено столь же невѣрно, на картѣ Іакинѳа гораздо вѣрнѣе. Если этотъ оставленный городъ есть Хара-хота, то нѣтъ ничего удивительнаго что онъ такъ хорошо сохранился, потому-что онъ былъ оставленъ только въ XV вѣкѣ. Прекрасныя укрѣпленія свидѣтельствуютъ что этотъ городъ былъ важнымъ военнымъ постомъ, чѣмъ и былъ дѣйствительно Хара-хота.

За «древнимъ городомъ» путешественники скоро встрѣтили широкую дорогу, идущую съ Ю. къ С. Они узнали что это путь, изъ Калгана въ Кяхту.

4) *Деревня Сивань (Siwan) къ С.-В. отъ воротъ Чжань-кя-к'эу, ея христіанская миссія и показаніе новѣйшихъ миссіонеровъ объ окрестной Монголіи.*

Си-вань-цзѣ (Si-wan, Si-ouen-tse) есть горное христіанское селеніе, расположенное за великою стѣною въ Монголіи, верстахъ въ 40 (10 лье) къ С.-С.-В. отъ воротъ ея Чжань-кя-к'эу. Деревня прислонена къ крутому скату горы ⁽¹⁰⁾, принад-

(10) Huc Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV. p. 79.

лежащей къ южному склону хребта окраины плоскогорія и лежить въ вершинахъ одного изъ притоковъ р. Янъ-ха, въ одномъ днѣ пути отъ Китайскаго города Сюань-хуа-фу (11).

Деревня эта образовалась поселеніемъ здѣсь китайскихъ христіанъ, покинувшихъ Цейинъ, въ слѣдствіе гоненія, возведеннаго на нихъ императоромъ Дао-гуанемъ и раззоренія цекинской католической миссіи въ 1827 году. Съ тѣхъ поръ здѣсь утвердили свое пребываніе апостолическіе Викаріи Монголіи и Сиванъ. Былъ посѣщенъ множествомъ миссіонеровъ, между которыми мы можемъ назвать Брюгьера, Мули, Шибера, Габе, Вероля, Хюка, Метра и мн. др. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особености же Брюгьеръ (12), сообщаютъ объ окрестной странѣ нѣкоторыя замѣчанія, могущія служить дополненіемъ нашихъ свѣдѣній о природѣ этой части окраины плоскогорія.

Сиванъ исключительно населена христіанами (13), которые съ 1835 г. имѣютъ здѣсь прекрасную каменную церковь. Брюгьеръ называетъ ее чудомъ Монголіи (14). Внутренность ея красива, образа выписаны изъ Европы и вставлены въ вызолоченныя рамы (15).

Окрестная часть Монголіи, по свидѣтельству Брюгьера (16), есть страна холодная и бѣдная. Не смотря на географическое положеніе Сиваня подъ одною широтою съ сѣвренною Италією, климатъ здѣсь кажется столь же холоднымъ какъ и въ сѣвренной Россіи. Утренніе морозы, хотя мало замѣтные по сухости климата, начинаютъ уже въ концѣ августа. Въ 1834 года 8 сентября былъ даже сильный морозъ. Въ домахъ, мало освѣ-

(11) Деревня эта означена на картѣ Андриво Гужова 1831 года совершенно вѣрно, къ С. отъ Чжанъ-ка г'эу, а на небольшой картѣ китайскихъ миссіи, приложенной къ X тому Ann. de la prop. de la foi No 83, совершенно ошибочно къ С. отъ Жа-ха на Имяу притокаъ Луанъ-ха.

(12) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV, p. 329.

(13) Населеніе это, по свидѣтельству Хюка, состоитъ изъ 800 душъ. Huc Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI, p. 79.

(14) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV, p. 329.

(15) Mouly Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XI, p. 43—44.

(16) Bruguière Lettre Ann. de la prop. de la foi T. XV, p. 329.

шенныхъ лучами солнца ледъ остается въ продолженіи пѣлаго года. Самыя высокія горы кажутся возвышенными надъ Сиваномъ не болѣе какъ на 200 — 250 туазовъ. (1200 — 1500 фут). Подъемъ вдоль долины отъ Сюань-хуа-фу до Сиваня показался Брюгьеру очень значительнымъ. Зимой термометръ Реом. опускался до -30° . Во время богослуженія въ часовнѣ, наполненной народомъ, вино приготовленное для Таинства принуждены были опускать въ горячую воду, чтобы предохранить его отъ замерзанія. Впрочемъ атмосфера была постоянно чиста и безоблачна. Вотъ нѣкоторые экстремы температуръ, замѣченные Брюгьеромъ.

8 сентября 1834 г. было.....	— 4° Р.
20 — 26 октяб.	— $9\frac{1}{2}^{\circ}$ Р.
Въ концѣ ноября.....	— $14\frac{1}{2}^{\circ}$ Р.
31 декабря.....	— $23\frac{1}{2}^{\circ}$ Р.
7 января 1835 г.	— 26° Р.
Въ половинѣ февраля.....	— 20° Р.
18 — 20 марта	— 18° Р.
15 апрѣля	— 13° Р.
8 мая еще	— 10° Р.
7 июня еще	— $\frac{3}{4}$ Р.

Весь Июль 1838 г. былъ свѣжъ и дождливъ, въ концѣ августа термометръ опускался до 0° . 25, 26 и 27 Сентября были опять порядочные морозы. Отъ конца лѣта до половины февраля атмосфера была чиста и ясна. Во все время не видно было даже столь обыкновенныхъ въ Европѣ перистыхъ облаковъ (cirrus); пригрѣвъ солнца значителенъ, но воздухъ остается холоднымъ. Такъ при восходѣ солнечномъ термометръ напр. въ одинъ день показывалъ -23° , въ полдень въ тѣни $-11\frac{1}{2}^{\circ}$, на солнцѣ $+27^{\circ}$.

Отъ конца Ноября до начала Апрѣля черезъ рѣчку, протекающую въ Сиванѣ, можно переѣзжать по льду. Земля остается замерзшею до Мая мѣсяца. Снѣгъ падаетъ рѣдко и притомъ въ небольшомъ количествѣ. Весною воздухъ не такъ чистъ какъ

зиною, атмосфера часто подернута легкимъ туманомъ, производящимъ непріятное для глазъ лучепреломленіе. Въ это время часто дуютъ С.-З. вѣтры, поднимающіе густыя облака пыли. Лѣтомъ падаетъ наибольшее количество дождей, температура въ тѣни возвышается иногда до $+ 30^{\circ}$ и 32° Реом. Слѣдоват. различіе между крайностями температуры въ продолженіи года составляетъ 60° Р., т. е. совершенно континентальное.

Горы въ этой части Монголіи имѣютъ грустный видъ. Въ долинахъ, ушеляхъ и лощинахъ растутъ кустарники и даже дикія фруктовыя деревья, которыми впрочемъ здѣшніе жители не умѣютъ пользоваться; вмѣсто топлива употребляютъ здѣсь хворостъ и сѣно. Разработываніе находящихся здѣсь каменноугольныхъ пріисковъ запрещено правительствомъ.

Пахатныя земли производятъ немного пшеницы, овесъ, гречиху, просо и нѣкоторые овощи. Всѣ эти хлѣба впрочемъ очень тощи и часто истребляются морозомъ или засухой. Пенька разводится съ успѣхомъ и достигаетъ 7—8 ф. высоты. За нѣсколько лѣтъ до прибытія Брюггера начали разводить и картофель; онъ произрастаетъ хорошо и даетъ прекрасный урожай, замѣняя хлѣбъ и рожь. Онъ былъ вывезенъ изъ Россіи.

Земледѣліе въ этой части Монголіи существуетъ не болѣе одного вѣка. Туземцы утверждаютъ что съ его успѣхами холода замѣтно уменьшаются, а хлѣба болѣе и болѣе акклиматизируются.

§ 16.

Изложеніе VI. Горная окраина Чжи-ли (*) между крутымъ обрывомъ плоскогорія Гоби и равниною Пекина.

Ошибочно было бы полагать, что къ этому первому крутому скату плоскогорія примыкаетъ непосредственно вся равнина.

(*) Въ царствованіе предпоследней династіи Минъ были въ Китаѣ двѣ столицы *старая*—Вей-кинъ или Пекинъ, и *новая*—Нань-кинъ. Нань губернія, въ кото-

Это противорѣчило бы законамъ естественной пластички земной коры вообще, особливо же азіатскаго материка, любящаго постепенные переходы и тѣмъ самымъ обогащающаго многообразно свои страны и народы на нихъ обитающіе. Такъ и здѣсь распространена переходная полоса между нагорьемъ и равниною. Полосу эту составляетъ горная окраина Чжи-ли. Мы изложимъ подробно монографію этой горной окраины, какъ образца для подобныхъ же отношеній другихъ мѣстностей того же крутаго уступа на В. и З., о которыхъ въ настоящее время еще не имѣемъ столь точныхъ свѣдѣній, какъ объ этой окраинѣ, пересѣкаемой поперегъ главною пекинскою дорогою. Превжніе путешественники обыкновенно такъ радовались, достигнувъ послѣ долгихъ лишеній китайскаго пограничнаго города Калгана, что на дальнѣйшемъ пути къ Пекину совершенно оставляли точныя наблюденія мѣстности, и только Дж. Белль (1719) и Жербильтонъ (1-е путешествіе 1688) составляютъ выгодное исключеніе изъ этого общаго правила. Однакоже мы обязаны только Тимковскому первою вѣрною топографіею этого пространства, на которомъ ожидается вѣроятно будущихъ геогностовъ обширное поле для наблюденія важныхъ фактовъ.

Гор. *Чжанъ-кя-к'эу* ⁽¹⁾, т. е. ворота семейства Чжанъ, получилъ названіе отъ перваго здѣсь поселившагося семейства (мѣсто это называется русскими Калганъ, отъ монгольскаго слова Халга, т. е. застава, ворота), и лежитъ на горномъ ручьѣ Цзинъ-шуй-хэ (*Tsing-Shoui-Ho*), который вытекаетъ за стѣною изъ высокихъ горъ въ направленіи къ Ю. и впадаетъ въ большую, текущую съ З. рѣку Янъ-хэ. Послѣдняя направляется, уже почти судоходною, на Ю.-В. къ Ю. отъ Пекина, въ рав-

ныхъ находившихся столицахъ назывались *Чжи-ли*, что значить: *укрепляющій*. Такииъ образомъ писали *Бэй-чжи-ли* (перековерканное Европейцами въ *Печели*) и *Нань-чжи-ли*, т. е. сѣверная и южная столичная губернія. Съ уничтоженіемъ южной столицы губернія сѣверной столицы называется *чжи-ли*, а слово *Бэй* (сѣверный), какъ излишнее, отброшено. См. Статист. Опис. Китайск. Импер. Ч. I. —

Пр. Пер.

(1) *Yimkowski Y. I. 292. p. 272 not.*

нину. Эта Янь-ха съ шумомъ стремится по глубокой поперечной разсѣлинѣ, которая пересѣкаетъ горную окраину, расширяющую искусственно во многихъ мѣстахъ и обращенную въ большую военную дорогу неимоверными трудами, такъ что Дж. Белль полагалъ (1719), что нѣтъ на свѣтѣ народа, который бы употребилъ столько усилій на сооруженіе своихъ дорогъ, какъ Китайцы. Горная окраина идетъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль отъ З.-Ю.-З. къ В.-С.-В., по направленію Китайской стѣны, которая, слѣдуя всѣмъ извилинамъ окраины, опирается на нее съ вѣшной стороны, запираетъ всѣ ея поперечныя трещины воротами, покрываетъ самыя низкія ея высоты вдоль зубчатыми стѣнами, и тѣмъ самымъ усиливаетъ искусственно крѣпость естественнаго вала, ограждающаго низменность Китая со стороны высокаго плоскогорія, такъ, что немногіе остающіеся открытыми входы могутъ легко быть защищены горстью людей противъ нападенія самыхъ многочисленныхъ войскъ.

Гор. *Калингъ* лежитъ самъ въ линіи вѣшной стѣны подь $48^{\circ} 51' 35''$ с. ш. и почти подь 112° в. д. отъ Пар., т. е. $1^{\circ} 32' 48''$ з. д. отъ Пекинскаго меридіана. Сѣверныя городскія ворота суть ворота самой стѣны. Горный ручей раздѣляетъ весь городъ на *сѣверный* или *верхній*, лежащій со стороны Монголіи, и *южный* или *нижній*, лежащій со стороны Китая и заключающій крѣпость (Фу) съ пограничнымъ гарнизономъ. Здѣсь имѣетъ также пребываніе Гузай-анбанъ, или дивизионный генералъ, начальствующій 8-ю знаменами, или 12000 человекъ пограничныхъ Монголовъ, племени Чахаръ, которые имѣютъ здѣсь свою специальную военную школу. Эта крѣпость основана въ 1429 году. Весь городъ не великъ, но многолюденъ, имѣетъ весьма оживленный видъ и служитъ мѣстопребываніемъ многимъ мандаринамъ, военнымъ и купцамъ. Онъ составляетъ не только важный рынокъ для узкой пограничной полосы, гдѣ ежедневно стекаются различныя новости, привлекающія толпу любопытныхъ, но и главное складочное мѣсто всей пограничной провинціи и ключъ сообщенія Китая съ Монголіей и Си-

бирью. Дешьги и шьсы, употребляемые въ торговлѣ, различаются отъ пекинскихъ, но сходны съ употребляемыми въ гор. Ургѣ на р. Толѣ, составляющемъ центральный пунктъ торговли между Пекиномъ, Калганомъ и Маймаченомъ или Кяхтою, за нагорьемъ, со стороны Сибири. По симъ обстоятельствамъ Калганъ возвысился въ теченіи послѣдняго столѣтія и получилъ настоящее значеніе свое: прежде о немъ упоминали только потому, что онъ находится въ воротахъ Великой стѣны⁽²⁾. Купцы говорятъ здѣсь хорошо по монгольски, чиновники суть Китайцы и Маньчжу. Постоялые дворы, лавки комиссіонеровъ, караваны, перевозка товаровъ, вся промышленность и торговля находятся въ рукахъ переселенцевъ изъ восточнаго Туркестана. Съ ними проникли сюда навязчивость, хитрость, недобѣчивость, лихоимство, жидовское барышничество, обманъ и корыстолюбіе. Русскія миссіи обыкновенно оставляютъ здѣсь свою караванную прислугу, казаковъ, вожатыхъ, а также усталыхъ животныхъ, которыя распредѣляются по окрестнымъ высотамъ, для поправленія своихъ силъ на подножномъ корму, въ зимнее время, до тѣхъ поръ не окончены дѣла въ столицѣ, и не наступаетъ время возвращенія. Здѣсь какъ въ Маймаченѣ пушечные выстрѣлы извѣщаютъ ежедневно въ 6 часовъ утра и въ 9 часовъ вечера объ открытіи и прекращеніи свободнаго выхода и входа. Окрестности города пріятны⁽³⁾ и хорошо обработаны, только сѣрнистые пары, происходяшіе отъ каменнаго угля, который составляетъ здѣсь единственное топливо, весьма непріятны. Въ 1821 году, при возвращеніи миссіи, весна наступила здѣсь необыкновенно рано, подобно какъ въ средней Европѣ; термометръ показывалъ 3-го марта въ тѣни въ полдень $+10^{\circ}$, послѣ полудня $+13^{\circ}$; деревья распустились и многія изъ нихъ были даже въ цвѣту; 4 марта выпалъ первый дождь и была уже гроза; за тѣмъ при охлажденіи температуры начали

(2) Gerbillon, Voyage I. у Du-Halde, IV. p. 114.

(3) Timkowski, Voyage II. p. 80.

перепадать, перемежаясь, дождь и снѣгъ до 17-го марта. Въ 1719 г., въ бытность здѣсь Дж. Белля, 6 ноября, выпало столько снѣгу, что караванъ принужденъ былъ остановиться. Отъ Калгана до Пекина обыкновенно считается 7 дней пути; Жербильтонъ ⁽⁴⁾ полагаетъ это разстояніе въ 33 геогр. мили (445 ли = 445 миль по 20 на 1°). А потому на разстояніе между Калганомъ и находящимся отъ Пекина въ одномъ днѣ пути Нань-к'эу, гдѣ находятся ворота внутренней линіи великой стѣны, можно положить со всѣми извилинами дороги до 30 геогр. миль. Это и составляетъ полную ширину описываемой здѣсь горной окраины, которая вѣроятно суживается къ В., а къ З. расширяется и какъ кажется расчленяется на нѣсколько отдѣльныхъ параллельныхъ цѣпей, изгибающихся сообразно съ окраиною плоскогорія. Хотя пространство между Нань-к'эу и Калганомъ и заключено между двумя стѣнами, Іезуитскій Патеръ ⁽⁵⁾ признаетъ однакоже истинною границу Татаріи вѣшнюю изъ сихъ стѣнъ. Лежащая на Югъ отъ сей стѣны пограничная полоса принадлежитъ вся къ собственному Китаю, именно къ его сѣверной провинціи (Бэй-чжи-ли, Бэй значить сѣверъ.), что ясно доказывается всѣми китайскими древними надписями памятниками, находимыми въ воротахъ стѣны и различныхъ зданіяхъ. Уже въ теченіи цѣлаго столѣтія существуетъ здѣсь, по направленію изъ Монголіи, телеграфическая линія изъ каменныхъ башенъ, на разстояніи каждаго 5 ли, или полчаса, для предупрежденія внезапныхъ нападений, подобно описанной нами выше линіи, расположенной со стороны Маньчжуріи. Эту линію уже видѣлъ Дж. Белль ⁽⁶⁾, а Тимковскій описалъ ее. При спускѣ съ высотъ, по дорогѣ изъ Монголіи, Калганъ кажется расположеннымъ въ долинѣ; только при выходѣ изъ города на Ю. въ первый разъ можно замѣтить, что онъ лежитъ на скатѣ горы, и въ высшей степени живописная горная при-

(4) Gerbillon, Voyage I. p. 103 — 115.

(5) Gerbillon, p. 113.

(6) J. Bell, I. p. 340; Timkowski, p. 295.

рода, принимающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно альпійскій характеръ, продолжается до послѣдняго дня пути къ къ Цекину. Послѣ перваго дня пути, идя хорошо обработанными и заселенными рѣчными долинами, которыхъ сѣуживающіе ихъ скалистые края надо обходить неразъ просѣченными искусственно путями, приходишь къ большому городу перваго разряда—*Сюань-хуа-фу* (Siuan-hoa-fu) ($40^{\circ} 37' 10''$ с. ш); онъ лежитъ въ широкой долинѣ, покрытой рисовыми полями и окруженной горами. Горы эти сѣуживаются, мѣстами принимая видъ отвѣсныхъ каменныхъ стѣнъ, за которыми свободно стоящій гранитный хребетъ поднимаетъ свои острые вершины до облаковъ: и представляетъ здѣсь первый величественный видъ въ этомъ родѣ, послѣ однообразной страны нагорныхъ степей. По пробитой въ скалѣ большой дорогѣ тянутся безпрестанно въ направл. къ Калгану караваны верблюдовъ, навьюченныхъ чаемъ; изъ боковыхъ ущелій появляются ряды ословъ и муловъ, навьюченныхъ каменнымъ углемъ, развозимымъ для всеобщаго употребленія. На берегахъ быстрой Янъ-хэ для этихъ каравановъ пробиты особенныя тропинки, потому что рѣка часто разливается широко, отъ таянія снѣговъ на сосѣднихъ высокихъ снѣжныхъ горахъ. Пройдя ущелья скалъ выходишь на гладкій песчаный берегъ Янъ-хэ и идешь вдоль подошвы отвѣсныхъ горныхъ стѣнъ, содержащихъ слои каменнаго угля, до города Ки-мина (Kiming); напротивъ, его стоитъ высокая горная крѣпость (Вэй) (7), а неподалеку расположенъ, на нависшей скалѣ, монастырь Хошановъ, т. е. Монаховъ религіи Фо. Высоты, совершенно обнаженные, состоятъ изъ голыхъ скалъ, обуреваемыхъ сильными вѣтрами, которые часто низвергають съ высотъ сихъ тяжелые, холодные слои воздуха въ долины. На третьемъ, дневномъ переходѣ отъ узкаго ущелья, образуется въ горной окраинѣ большее расширеніе, которое Жербильтонъ полагаетъ въ $11\frac{1}{4}$ геогр. м. длины (150 ли) и

(7) Timkowski, Voyage I. p. 302.

отъ 1 до 1½ часа ширины и которое можно сравнить съ долиною Тессина за Беллинцоною. Оно окружено съ обѣихъ сторонъ высокими крутыми горами, между прочимъ съ С.-В. снѣжными (?) въ два ряда; поверхность его засыпана кремнистыми валунами; песчаная почва превращена въ превосходныя поля, культура распространена повсемѣстно; вездѣ проведены каналы и выстроены деревни и города, которые славятся выдѣлкою рисовой водки. Вся эта мѣстность въ июнѣ 1719 г. сильно пострадала отъ самыхъ страшныхъ землетрясеній; половина городовъ еще лежала въ развалинахъ, когда Л. Ланге⁽⁸⁾ проѣзжалъ этотъ край; въ ноябрѣ мѣсяцѣ онъ еще самъ ощущалъ уже слабѣйшіе удары землетрясеній, свойственныхъ этой богатой каменнымъ углемъ странѣ. 27 ноября 1819 года въ этой гористой странѣ рѣка Янь-хэ была уже покрыта льдомъ; несмотря на то, по свидѣтельству Жербилона, здѣсь растутъ орѣшники и абрикосовыя деревья. Аллеи ивъ составляютъ характеристическій лиственный лѣсъ по берегамъ рѣкъ. Широкая долина оканчивается на 4-мъ днѣ пути у города Хуай-лай (Huai-Lai)⁽⁹⁾. Здѣсь была отведена миссіи казенная квартира, служащая для принятія императорскихъ чиновниковъ; на дверяхъ ея изображены были драконы — императорскій гербъ. Ни по той, ни по другой сторонѣ вѣтъ дороги черезъ горы, и единственный узкій скалистый южный проходъ загражденъ внутреннею стѣною, которая въ первый разъ показывается на 5-мъ днѣ пути, своею величественною массою, высоко на туманныхъ вершинахъ. Надъ входомъ въ самое узкое мѣсто скалистой долины, которая приводитъ на 6-й день пути къ Нань-к'эу, командуетъ крѣпость Ча-дао (Tcha-Taou). Здѣсь еще разъ возвышается окраина передней горной цѣпи до значительной высоты, чрезъ которую должно пробираться по трудному дикому горному проходу. Гора называется Ба-да-линъ (Pataling, Palin)⁽¹⁰⁾. Проходъ Гуань-гоу

(8) J. Bell Trav. I. p. 347; Lange. 3te R. у Палласа N. N. Beitr. II. p. 121.

(9) Gerbillon, Voyage I. p. 111. Timkovsky. I. 30.

(10) Gerbillon, Voyage I. p. 425; Timkowski, p. 313; J. Bell, I. p. 380.

(Куан-Ки), высѣченный въ скалѣ глубиною на 20 футовъ, неудобенъ для 4-хъ колесныхъ кибитокъ и устроенъ только для 2-хъ колесныхъ. Ландшафты здѣсь имѣютъ странный характеръ; обломки скалъ сброшены кучами въ углубленіяхъ дождевыми потоками, падающими съ вершинъ горъ, многія развалившіяся укрѣпленія увеличиваютъ романтизмъ ландшафта. Кюй-юнъ-гуань (Kiu-Young) есть главное укрѣпленіе этого горнаго прохода, лежащее на вершинѣ горы между обѣими линиями Великой стѣны, которая тѣмъ самымъ утроивается. Здѣсь разсѣяны многія отдѣльные поля между скалъ, дикія горные ручьи стремятся съ шумомъ, а переброшенные чрезъ нихъ гранитные мосты лежатъ въ развалинахъ. Входъ на гору и спускъ весьма затруднительны; но ландшафтъ привлекателенъ и живописенъ: подъ страшными скалами расположены прекрасные садки, наполненные шумящими водопадами, скаты покрыты виноградникомъ до самыхъ вершинъ, внизу растутъ ряды тополей и роскошныя каштановыя деревья, а между ними торчатъ всюду величественныя кипарисы. Скалы состоятъ здѣсь изъ порфира и массъ сѣраго мрамора. Угрюмая цѣпь сѣверныхъ свѣжныхъ горъ здѣсь исчезаетъ, а только вѣтви ея направляются сначала къ В., а потомъ продолжаютъ болѣе широкими массами къ Ю.-З. Съ ними появляются въ болѣе умѣренномъ, тепломъ климатѣ, подобно какъ и въ другихъ мѣстахъ, хищныя животныя: тигры и пантеры, которыхъ нѣтъ на безлѣсныхъ степныхъ возвышенностяхъ; скаты горъ покрыты лѣсами плодовыхъ деревьевъ, у подошвы распространены вездѣ рисовыя поля. За стѣною начинается только отъ Южныхъ воротъ Нань-кѣу собственно равнина Чжи-ли, которая разстилается за Пекинъ до Желтаго моря и южнѣе далеко по берегу океана. Наносная почва, подобная Ломбардской и состоящая изъ глины, песку и хряща, орошена вездѣ большими рѣками и каналами, поросла мѣстами рошми изъ ивъ, тополей, кипарисовъ и высокихъ породъ можжевельника (*Juniperus*), вездѣ обработана, густо наполнена селеніями и городами, скрывающимися среди

группъ деревьевъ и садовъ, и покрыта искусственными дорогами, памятниками и произведеніями искусствъ, обличающими близость столицы обширнѣйшаго государства. Отъ этой равнины, разсмотрѣніе которой совпадаетъ съ изученіемъ береговыхъ странъ и съ изслѣдованіемъ большаго бассейна системы Хуанъ-хэ, возвращаемая мы снова къ разсмотрѣнію природы нагорья.

ДОПОЛНЕНІЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 15.

1) *Перепѣдь О. Іакинѣа отъ Пекина до Калана, въ концѣ мая и въ началѣ іюня 1821 года, при возвращеніи миссіи (1).*

Мы не можемъ не воспользоваться этимъ дневникомъ Отца Іакинѣа, потому-что онъ содержитъ много топографическихъ подробностей и интересныхъ замѣчаній.

Миссія выѣхала изъ Пекина 27 мая нов. ст. Послѣ перваго ночлега въ деревнѣ Цинъ-хэ 28 мая, первый предметъ, представившійся взорамъ путешественниковъ, былъ хребетъ величественныхъ западныхъ горъ (Си-шань), лежащихъ уже верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ Пекина и опоясывающихъ равнину на необозримомъ пространствѣ. Си-шань составляетъ небольшой поперечный отрогъ окраины нагорья, простирающейся отъ извилины Хуанъ-хэ до Желтаго моря. Въ темной дали, на С.-З., видно было лѣсистое ущелье, въ которомъ расположенъ загородный дворецъ Цзинъ-и-юань, близъ великолѣпнаго монастыря Цянь-шань-сы. Дворецъ возвышается изъ густаго лѣса, и окруженъ множествомъ другихъ зданій, расположенныхъ амфитеатрально, посреди самаго привлекательнаго ландшафта. Далѣе, на чистомъ и ровномъ горизонтѣ, уединенно воз-

(1) См. Іакинѣа Записки о Монголіи, С. П. Б. 1828. 8. стр. 1 — 31.

вышается холмъ Юй-цюань-шань, утѣченный бѣло-мраморными триумфальными воротами; принадлежавшими вѣкогда дворцу, выстроенному императоромъ Цзунъ-чженемъ (Ning-Tsoung у Потье) ⁽²⁾ изъ династіи Гинь, въ 1196 году, и теперь уже обратившемся въ развалины. Изъ подошвы холма съ шумомъ бьетъ источникъ Юй-цюань. Нѣсколько южнѣе мелькаетъ золотая вершина горы Вань-шеу-шань (она лежитъ въ 15 вер. къ З. отъ Пекина). На этой вершинѣ возвышаются дворцы итальянской архитектуры, на скатахъ ея разбросанны многочисленныя бѣседки съ разноцвѣтными и позолоченными крышами. На Ю.-З. сторонѣ горы видно озеро К'унъ-минъ-ху, со стороны котораго видъ горы превосходитъ всякое описаніе. Миссія ночевала у воротъ Нань-к'эу.

29 мая путешественники начали подниматься вдоль ущелья Гуань-гоу. По обѣимъ сторонамъ возвышались часто отвѣсные утесы, изъ цѣльныхъ массъ гранита или глинистаго сланца, иногда нависшіе, полуоторванные, готовые какъ кажется обрушиться на путника; утесы эти составляютъ только подножіе высокихъ гранитныхъ и сланцевыхъ горъ. Время покрыло ихъ вершины только слоемъ пыли, по которому стелятся изумрудные мхи. При подошвѣ утесовъ, посреди каменныхъ грудъ, видны мѣстами небольшія пашни, мѣстами сельскіе домики, окруженные орѣшникомъ, каштановыми и абрикосовыми деревьями, обвитые виноградными лозами. Ручьи, прыгающіе по камнямъ, то падаютъ съ гранитныхъ обломковъ каскадами, то скрываются подъ основаніемъ утесовъ. Пройдя Нань-к'эу, миссія слѣдовала верстъ 8 мимо ручья, ущельемъ, до крѣпости Кюй-юнь-гуань (Цзюй-юнь, Kiu-Young), и еще версты 4 до укрѣпленія Шань-гуань (Chan-Kouan), Крѣпость Кюй-юнь верстъ 7 окружности, построенная на самой вершинѣ крутой горы, считается непреодолимою защитою горнаго прохода къ Пекину, только время привело ее отчасти въ развалины. Около 4 вер. за укрѣпленіемъ Шань-гуань встрѣчается ущелье Танъ-цинъ-

(2) Pauthier Chine Descript. historique etc. p. 8. Paris. 1837. p. 347.

хя, около 4 вер., даѣе каменный мостъ, разрушенный горнымъ потокомъ, а за нимъ подъемъ на перешеекъ или гору Ба-да-ливъ (Pa-ta-ling), на вершинѣ которой стоитъ городокъ Ча-дао (Tcha Tao), иначе Бэй-к'эу-ченъ (Pe-kheou-hien — сѣверное устье ущелья). Здѣсь высшая точка гребня, господствующая надъ быстрымъ горнымъ скатомъ къ Ю. и долиною къ С.-З. Отсюда миссія спустилась въ долину, почти непримѣтною отлогостью, прошла еще версть 12 и ночевала въ крѣпости Синь-юй-линь (Sin-yui-lin).

Крѣпость эта, по словамъ Иакинава, расположена въ равнинѣ: здѣсь слѣдовательно простирается первый уступъ плоскогорія. 30 мая путешественники, пройдя версть 8 по тому же уступу, встрѣтили уѣздный городъ Хуай-лай-хянь (Houai-lai-hiang), на картѣ Клапр.) и отсюда уже опять поднимались версть 15 до ночлега въ Ту-му (Tou-Mou). Здѣсь открывается долина, знаменитая сраженіемъ, въ которомъ китайскій императоръ Инъ-Цзунъ (Ing-Tsoung) ⁽³⁾, изъ династіи Минь (Ming), въ 1449 г. претерпѣлъ страшное пораженіе отъ Монголовъ, предводительствуемыхъ Ойратскимъ княземъ Эсэнъ (Ye-Sien).

31 мая миссія перешла черезъ мѣстечки Ша-ченъ (Cha-Tchin 10 вер.), Дунъ-пали (Toung-pali еще 10 вер.) и Хинь-бао-ань (Hing-pao-ngan еще 10 вер.) и ночевала въ Ки-минъ (Ki-ming-ju еще 10 вер.). Къ С.-З. отсюда лежитъ гора Ки-минъ-шань (Цзи-минъ), на которой члены миссіи посѣтили монастырь вѣчной тишины (Юнъ-нинъ-сы), построенный династіею Ляо, вѣроятно въ XI вѣкѣ. Прежде добывалась здѣсь какъ говорятъ золотая руда, а теперь только каменный уголь.

1 июня миссія слѣдовала вверхъ теченія Янъ-хэ (Yang-ho), мимо крѣпости Шанъ-хя-п'у (15 вер.). На право за рѣкою возвышалась гора Хуанъ-янъ-шань, которой вершины, во всю ея длину, на нѣсколько десятковъ верствъ отъ В. къ З., скрывались въ облакахъ. Поля, хорошо орошенные, были покрыты колосив-

(3) Pauthier Chine. Paris. 8. 1837. p. 403.

нимся ячменемъ; черезъ 15 верстѣ отъ крѣпости миссія добра-лась до ночлега въ городѣ Сюань-хуа-фу (Sieuen-hoa-fu). Янь-хэ здѣсь не широка, глубины имѣетъ не болѣе фута и только во время дождей разливается по всей ширинѣ своей долины. По-тому городъ защищенъ отъ воды плотинами съ сѣверной, на-горной стороны.

Отъ Сюань-хуа-фу до Калгана, въ который миссія прибыла 2 июня, дорога довольно ровна и песчана.

2) *Переводъ Ковалевскаго отъ Калана до Пекина, въ октябрѣ*
1849 года (4).

Русская миссія 1849 года прибыла въ Калганъ 30 сентбря. Климатическій переходъ былъ поразителенъ. Въ Нордянѣ рус-скіе оставили снѣгъ и стужу, проникающую до костей, а въ Кал-ганѣ застали прекрасный, теплый, осенній день и увидѣли поля покрыты зеленью. Калганъ показался имъ Капуей. Изобиліе фруктовъ: персиковъ, винограду, яблокъ, грушъ, фигъ, арбу-зовъ, всякой живности, и разнообразіе огородныхъ овощей бы-ло изумительно; хлѣбное вино — необыкновенно дешево.

Въ Калганѣ нынѣ считается 37000 жителей. Здѣсь есть та-можня, для всѣхъ товаровъ отправляемыхъ въ Кяхту и особен-ный обширный дворъ съ лавками, для склада русскихъ товаровъ и чаевъ отправляемыхъ въ Россію. Курсъ серебра не тотъ какъ въ Пекинѣ, а сообразенъ съ существующимъ въ Кяхтѣ и Ургѣ. Купцы здѣсь большею частію Шаньсійцы: многіе говорятъ по Русски, но такъ что ихъ можетъ только понимать долго жившій въ Кяхтѣ.

Миссія выѣхала изъ Калгана 3 октября и слѣдовала 35 вер-къ Ю.-Ю.-В до ночлега въ Сюань-хуа-фу. За Калганомъ тот-часъ тянутся воздѣланныя поля и огромныя полосы луку. До-лина довольно широка, дорога очень песчана и камениста. Для сдерживанія сыпучихъ песковъ вездѣ насажены ряды ивъ. Пос-

(4) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай. С. П. Б. 8. 1853. Ч. I. 109 и 192.

лѣ первыхъ пяти верстѣ — деревушка съ военнымъ карауломъ, далѣ деревеньки часты и поля очень хороши. На половинѣ дороги въ Сюань-хуа-фу — грязная гостиница. Отъ гостиницы на 5 вер. простираются еще обработанныя поля и дорога идетъ какъ бы въ оврагъ. Съ первымъ подъемомъ на возвышеніе начинается голая степь, простирающаеся до Сюань-хуа: грунтъ глинистый, недоступный воздѣлыванію. Поднявшись на гору, дорога идетъ на вершинѣ ущельемъ: оно пробито порокомъ; спускъ въ немъ — мостовая, выложенная огромными каменными глыбами и очень испорченная. Версты за двѣ передъ городомъ опять начинаются поля; далѣ прекрасная ивовая роща и одинъ изъ трехъ ручьевъ, составляющихъ Янь-хэ.

Городъ Сюань-хуа-фу великъ, имѣеть 12 вер. окружности и обнесенъ высокими стѣнами и бойницами ⁽⁵⁾. Но стѣны эти до того занесены песками, особенно съ сѣверной стороны, что черезъ нихъ теперь ходятъ пѣшкомъ. Воротъ семь: они запираются послѣ выстрѣла вѣстовой пушки. По монгольски Сюань-хуа-фу называется Баинь-сумэ (богатые храмы). Между монголами онъ знаменитъ особенно главною отраслю своей промышленности — превосходными войлоками.

4 октября миссія слѣдовала 30 вер. къ В.-Ю.-В. до ночлега въ Ки-минъ. У самыхъ городскихъ воротъ начались уже прекрасныя поля. Впереди на Ю.-В. былъ виденъ зубчатый, высокій хребетъ, на В. отдѣльная гора; дорога идетъ до ней богатыми полями около 10 вер., почва глинистая. Далѣ подъемъ на круглую гору; проходъ на вершинѣ въ ущельѣ кажется искусственно пробитымъ. Еще далѣ узкая кайма мутной рѣки Янь-хэ; подъ ногами скала съ крутыми обрывами, влѣво утесистые края отдѣляемые разсѣлиной, и среди этой дикой природы, на одномъ уступѣ, лѣпится нива. Съ горы спускъ весьма

(5) Городъ Сюань-хуа-фу основанъ въ IX вѣкѣ; во времена династїи Танъ онъ назывался Ву-чжеу (Wou-Tcheou), при династїи Ляо — Гуи-Хуа (Kouei-Hou), а при династїи Гинь (Kin) — Сюань-дэ (Siouen-Te). См. Ed. Biot. Diction. des villes Chinoises. Paris. 8. 1842. p. 183.

крутой въ узкое ущелье: На скатѣ деревенька, служащая перепутьемъ. Площадь, съ нижняго края, омывается быстрой, довольно широкой, но мѣлкой Янъ-хэ, круто поворачивающей въ ущелье. Дорога всходитъ на уступъ восточной скалы; сплошная каменная масса расположена ступенями, скользкими и весьма трудными. Ландшафтъ великолѣпенъ. Ущелье около 10 верстѣ, во второй половинѣ своей онъ раздвигается и переходитъ въ долину, покатую къ Ю. Отсюда до крѣпости Ки-минъ только 4 версты, дорога очень камениста. На всемъ пути миссія встрѣчала безконечныя ряды ословъ, навьюченныхъ каменнымъ углемъ. Отсюда и начинается каменноугольная формація, столь развитая въ окрестностяхъ Пекина.

Крѣпость лежитъ у подошвы горы Ки-минъ-шань, на едва доступныхъ высотахъ которой блеститъ на лучахъ солнечныхъ желтая, черепичная кровля красиваго буддѣйскаго храма.

5 октября миссія слѣдовала прямо на В. 45 вер.; до ночлега въ Хуай-лай, вдоль широкой долины. Южная половина долины глубже, тамъ и течетъ рѣка, обозначенная густою зеленью деревьевъ. Дорога держится сѣверныхъ горъ, очень камениста, мѣстами проходитъ по глинистымъ ущельямъ. На половинѣ дороги чистевскій городъ Ша-ченъ. Поля постепенно возбуждаютъ удивленіе своею воздѣланностью. Деревеньки и дома большею частью очень красивы: всегда расположены они какъ будто въ роствѣ, подъ навѣсомъ густыхъ развѣсистыхъ ветъ. Горы въ отдаленіи чрезвычайно живописны. Впередѣ изъ тучъ выглядывалъ громадный Гуанъ-гоу, пики его прорѣзывались сквозь облака. Сторожевыя сигнальныя башни по всему пути, по замѣчанію Ковалевскаго, очень заброшены.

6 октября миссія слѣдовала къ В.-Ю.-В. 25 вер. до Ча-дао. Въ полуверстѣ отъ Хуай-лая встрѣчается широкая, болотистая рѣка, преобразующаяся въ Янъ-хэ. Мостъ черезъ нее высокъ, сложенъ изъ каменныхъ плитъ на четырехъ аркахъ. Видъ съ моста на городъ, расположенный амфитеатрально по отлогому скату, невыразимо хороше. Вблизи стелется зеленѣющій лугъ,

а за городомъ высокія, грозныя, дымящіяся угреними туманомъ горы, въ два ряда, съ острымъ зубчатымъ гребнемъ, прорѣзывающимися за облака. Дорога ровная, мягкая, вдоль нея тонкою нитью тянется ручеекъ, обсаженный ивами. Поля и долины оживляютъ ландшафтъ. За деревней Юй-линь онъ становится строже. Грозныя, дикія горы приближаются; одинъ изъ передовыхъ холмиковъ увѣнчанъ сторожевой башней. Около Ча-дао дорога уже идетъ въ гору.

7 октября миссія слѣдовала къ Ю.-Ю.-В. 23 версты, до ночлега въ Нань-к'эу. Дорога обходитъ Ча-дао подъ самую его западную стѣною. По сторонамъ и впереди — горы. Отсюда спускъ весьма крутой и извилистый; къ самому дну ущелья онъ обрывается стѣною въ 3 — 4 саж., тутъ въ уступѣ восточной скалы сдѣланъ былъ мостъ, но и тотъ теперь ужасно изрытъ и ухабистъ. Ущелье начинается площадкой, уставленной черными камнями, какъ надъ-могильными памятниками; сквозь камни пробивается ключъ. Отсюда до самага Нань-к'эу, около 20 вер., одно ущелье: сплошная масса малыхъ, большихъ и огромныхъ камней, такъ беспорядочно наваленныхъ другъ на друга, что нужно или перескакивать съ камня на камень, или слѣзать по ступенямъ. Ущелье богато прекрасными ключами; съ 10-й версты въ немъ пробирается уже порядочная рѣчка, въ круто поворачивающей тѣснинѣ она падаетъ небольшимъ водопадомъ. До 15 версты ущелье тѣсно, извилисто, но и тутъ есть деревушка и храмы. Одинъ изъ нихъ высѣченъ въ скалѣ; стѣны его исписаны надписями, между которыми есть и русскія. На послѣднихъ 8 верстахъ ущелье широко и селенія обросшія богатыми садами часты; ландшафты то грозныя, то пріятныя, то величественныя. Нань-к'эу — довольно хорошо сохранившаяся еще крѣпость, замыкаетъ ущелье.

8 октября миссія слѣдовала 35 версты, по направленію къ Ю.-Ю.-В. до ночлега въ Цинь-хэ. Каменистая дорога продолжается отъ Нань-к'эу еще на 3 версты. Западная стѣна ущелья, описавши полукругъ, спускается до группы скалистыхъ хол-

мовъ, изъ за нея вышла новая гряда и потянулась къ Югу. Стѣна круто повернула къ В. и скоро спустилась. Раскрылась плодородная равнина, оживленная селеніями, группами и рядами деревень и прекрасными полями. Почва равнины песчаная, изрѣдка суглинистая.

Отъ Цинь-хэ до Пекина, въ который миссія прибыла 9 октября, еще 10 версть.

3) *Замѣчанія горныхъ инженеровъ Кованько и Ковалевскаго о геогностическомъ строеніи южной окраины и окрестностей Пекина* ⁽⁶⁾.

Нордьянъ составляетъ высшій пунктъ окраины по Кяхтинской дорогѣ, отъ него почва быстро склоняется на протяженіи 250 верствъ къ Пекинской равнинѣ, лежащей на нѣсколько тысячъ футовъ ниже Нордьяна. Вся южная окраина нагорія, съ ея многосленными отрогами, до холмовъ Пекинской равнины, составляетъ богатое вмѣстилище каменнаго угля, продовольствующее жителей столицы и ея окрестностей.

На всемъ, обширномъ протяженіи каменноугольной формациі, основная почва состоитъ изъ известняковъ, которыхъ пласты начинаются отъ Сюань-хуа-фу. Главный и нижній известнякъ, по своему сѣрому цвѣту и мощности пласта, походитъ нѣсколько на русскій горный известнякъ по р. Кальміусу или на Scar limestone англійскихъ геологовъ. Далѣе на югъ нечистые известняки и грубые песчаники, покоящіеся надъ нижнимъ известнякомъ, продолжаютъ почти до самой Пекинской равнины и перемежаются съ желтымъ слюдистымъ песчаникомъ, нерѣдко окрашеннымъ углистымъ веществомъ. На югъ отъ Пекина каменноугольные пласты лежатъ на песчаникахъ и известнякахъ, нерѣдко заключающихъ въ себѣ растенія каменноугольнаго періода; надъ ними же покоится известнякъ, за-

(6) Кованько Геогностическій очеркъ окрестностей Пекина. Горн. Журн. Ч. II. 1838. Кн. 2. ст. 34 — 59; Ковалевскаго путешествіе въ Китай С. П. Б. 1853. Ч. I. ст. 135 — 138.

ключающій въ себѣ характеристическія ископаемыя раковины каменноугольнаго періода, изъ рода *Productus* (7). Пласты скло-няются почти подъ 40° къ Ю.-В.; уголь южныхъ и восточныхъ отроговъ блестящаго вида, но содержитъ много колчедана, по-тому имѣеть дурной запахъ. На В. отъ Пекина, къ горамъ Нью-лань-шань, каменноугольные пласты скрываются подъ красноватыми и бѣлыми песчаниками, иногда имѣющими видъ конгломерата, въ которомъ зерна кварца связаны полевошпа-товой массою; далѣ слѣдуютъ темносѣрыя, сланцеватыя гли-ны, прикрытыя прослойкомъ известняка, въ которомъ попада-ются энкриниты (8); слои отвердѣлой глины сиваго и желтаго цвѣтовъ съ обломками глинистаго желѣзняка нерѣдко прохо-дятъ надъ известнякомъ и смѣняются тонкимъ слоемъ камен-наго угля, который весьма рѣдко разрабатывается, наконецъ надъ прослойками угля и глины лежитъ пластъ известняка, до-вольно значительной толщины, въ которомъ попадаются нѣко-торыя окаменѣлости. На З. отъ Пекина лежатъ невысокія го-ры, состоящія преимущественно изъ песчаника крупно-зерни-стаго, сѣраго и красноватаго; онъ повидимому вздымается изъ подъ каменноугольныхъ пластовъ.

Песчаники, по мѣрѣ приближенія своего къ Пекинской рав-нинѣ, принимаютъ сложене конгломерата; обломки его состоятъ изъ полево-шпатовыхъ и кварцевыхъ валуновъ и иногда изъ порфира; тамъ же гдѣ начинаются обнаженія горъ въ нихъ ви-денъ грубый, сѣраго цвѣта песчаникъ, перемежающійся съ отвердѣлою глиной, а въ ней проходятъ слоями кварцеватые

(7) Родъ *Productus* принадлежитъ къ руконогимъ моллюскамъ (*Brachiopoda*) и въ нынѣшнихъ моряхъ не существуетъ, болѣе всего распространенъ въ камен-ноугольной формаци, но жилъ и въ предыдущемъ періодѣ—Девонской и послѣ-дующемъ—Пермской формаци.

(8) Энкриниты суть окаменѣлые остатки животныхъ, относящихся къ разряду животнорастеній (*Zoophyta*), классу *Echinodermata*, отряду *Crinoidea*. Они бывають прирѣплены къ подводнымъ предметамъ длинными твердыми стеблями, состоя-щими изъ многочисленныхъ членковъ.

песчаники, имѣющіе отчасти галечное сложеніе; надъ всѣми этими породами лежитъ угольный известнякъ.

Горы на сѣверѣ и на западѣ отъ Пекина нѣсколько различны въ своемъ геогностическомъ составѣ ⁽⁹⁾. Между тѣмъ какъ въ западныхъ горахъ изъ плутологическихъ породъ преобладаютъ діориты, а изъ нептуническихъ ⁽¹⁰⁾ — известняки, песчаники и сланцы каменноугольной формации; въ сѣверныхъ плутологическихъ породахъ, гдѣ онѣ показываются, состоятъ изъ гранитовъ и порфировъ, а осадочныя изъ известняковъ, какъ кажется метаморфозированныхъ прикосновеніемъ плутологическихъ ⁽¹¹⁾ и переходящихъ въ доломиты.

Сѣверныя горы лежатъ отъ Пекина въ разстояніи 30—40 верстъ. Промежуточная полоса состоитъ изъ наносной глинистой почвы. Семь верстъ не доходя до сѣверныхъ горъ является первое предгоріе Сяо-танъ-шань (Siao-tien-schan), состоящее изъ плотнаго сѣраго известняка, прорѣзаннаго прожилкомъ кварца. Изъ него, на разстояніи одинъ отъ другаго на нѣсколько сажень, бьютъ два ключа, изъ которыхъ одинъ имѣетъ 40° другой 45° Реом. Вода ихъ проведена въ бассейны; выложенные плотнымъ известнякомъ и ванны, при которыхъ построены императорскіи дворцы. Вода чиста, прозрачна и не содержитъ солей въ растворѣ.

Верстахъ въ полторы отъ Сяо-танъ-шань, на З., возвышается еще одинъ отдѣльный холмъ Да-танъ-шань, высотой превосходящій первый и состоящій изъ такого же плотнаго известняка, съ прослойками кварца. Изъ подножія его также вы-

(9) См. Кованько Геогностич. очеркъ окрестностей Пекина, Горн. Журн. 1838. Ч. II. кн. 2 стр. 33.

(10) *Плутологическія*, т. е. такія которыя образовались охлажденіемъ изъ расплавленной, огнежидкой массы и потому имѣютъ кристаллическое сложеніе. *Нептуническія* или осадочныя, т. е. такія которыя образовались осажденіемъ на днѣ морскомъ порошка, размытаго или раствореннаго морскими волнами.

(11) *Плутологическія*, расплавленные породы, своимъ огненнымъ прикосновеніемъ, вызываютъ состванія съ ними толщи осадочныхъ, прокаливая ихъ, вслѣдствіе чего происходитъ третій классъ горныхъ породъ, имѣющихъ строеніе нептуническихъ, а сложеніе плутологическихъ и называющихся *метаморфическими*.

текаютъ чистые прозрачные источники. Одинъ изъ нихъ имѣть температуру 16° Реом.

Далѣе къ С. простирается самый кракъ сѣверныхъ горъ. Наружный видъ ихъ однообразенъ. Онѣ почти совсѣмъ обнажены и только рѣдко склоны ихъ прикрыты мелкимъ кустарникомъ. Высота ихъ довольно значительна, особенно горы Инъ-шань, расположенной въ 15 вер. на С.-В. отъ храма Лунъ-цюань-си, отстоящаго къ С. отъ Пекина на 20 вер. Гора эта состоитъ изъ гранита, который въ нижнихъ частяхъ своихъ крупно-зернистъ и вывѣтриваясь обсыпается въ дресву, но въ верхнихъ мелко-зернистъ, плотенъ и не представляетъ слѣдовъ разрушенія. Составныя его части: красный полевой шпатъ, свѣтло-сѣрый кварцъ и черная слюда, мѣстами почти исчезающая. Кованько, основываясь на названіи этой горы (Инъ-шань, инъ значить серебряный), полагаетъ что здѣсь добывались серебряныя руды, съ чѣмъ согласно было и показаніе одного стараго китайскаго монаха. Впрочемъ *Инъ*, по замѣчанію Ст. Жюльена, изображается здѣсь другимъ знакомъ и означаетъ не серебряная гора, а гора обращенная къ сѣверу ⁽¹²⁾. Подъемъ на гору необыкновенно крутъ, на вершинѣ ея площадка въ нѣсколько сажень, обнесенная гранитными перилами хорошей отдѣлки; посреди площадки жертвенникъ изъ цѣльнаго гранита, а подлѣ него огромный колоколь.

Преобладающая же порода въ сѣверныхъ горахъ есть *доломитъ* ⁽¹³⁾. Около храма Лунъ-цюань-си онъ очень плотенъ, имѣетъ мелко-зернистое сложеніе и отъ частицъ кварца очень твердъ. Всѣ памятники на кладбищахъ, ворота и ступени въ дворцахъ сдѣланы изъ этого доломита. Плотныя видоизмѣненія этой породы рѣдко имѣютъ бѣлый цвѣтъ, большею же ча-

(12) См. Humboldt Central-Asien übers. v. Mahlmann Berlin. 8. 1844. Bd. II. p. 539.

(13) *Доломитъ* есть горная порода, состоящая изъ углекислой извести и углекислаго горькозема (магнезіа). Она отличается отъ *массенляна*, состоящаго изъ одной углекислой извести тѣмъ, что не шипитъ какъ этотъ послѣдній будучи облитъ кислотою.

стію сѣроваты. Гдѣ въ камнѣ не замѣтно прожилокъ кварца, тамъ онъ сахаровиденъ въ изломѣ и походить на карарскій шраморъ. Окаменѣлостей въ немъ нѣтъ; такой доломитъ удобно растирается въ порошокъ, употребляемый здѣсь для окончательной очистки рису. Явно слоистаго сложенія въ немъ нѣтъ; онъ раздѣленъ множествомъ трещинъ на правильныя массы. Подчиненными пластами входитъ въ него полуразрушенный известнякъ, содержащій въ себѣ много бѣлаго песку. Мѣлко-зернистый, темносѣрый песчаникъ также проходитъ въ пластами въ 1 — 2 арш.

Свойство этаго доломита и отсутствие въ немъ окаменѣлостей можно приписать метаморфическому вліянію *порфира* ⁽¹⁴⁾, поднимающагося въ видѣ сопки, около храма Бао-эрл-сы, въ $\frac{1}{2}$ вер. къ С.-З. отъ храма Лунъ-цюань-сы. Порфиръ этотъ темно-краснаго цвѣта, имѣетъ очень чувствительный запахъ глины, твердость его незначительна, на поверхности онъ весь изсѣченъ трещинами.

Красный, желѣзистый песчаникъ, раздѣленный трещинами на ромбоидальныя части, находится въ тѣсной связи съ доломитомъ. Онъ не образуетъ значительныхъ пластовъ и лежитъ только всегда на отклинахъ плотнаго доломита. Къ С.-З. отъ Кунъ-цюань-сы, на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты, видно небольшое обнаженіе грубословстаго *хлоритоваго сланца* ⁽¹⁵⁾, который, прилегая къ доломиту, почти совершенно скрывается подъ наносомъ глины. Онъ имѣетъ очень крутое паденіе, но слои его идутъ очень неправильно, изгибаясь зигзагомъ. Въ немъ попадаются известковыя зерна.

(14) Обыкновенный *порфиръ* есть плутоническая горная порода, имѣющая однаковыя составныя части съ гранитомъ (полевою шпатъ, кварцъ и слюду), но отличающійся своимъ перекрестнымъ сложеніемъ, т. е. такимъ, въ которомъ существуетъ противоположность между видимо-однообразною основною массою и разсѣянными въ ней кристаллическими зернами.

(15) *Хлоритовый сланецъ* есть тонкослоистая горная порода, состоящая преимущественно изъ зеленоватаго минерала, называемаго хлоритомъ. Она считается метаморфическою.

Въ *западныхъ горахъ* преобладающая плутоическая порода есть *диоритъ* ⁽¹⁶⁾. Онъ показывается у деревни Санъ-изя-лянь и простирается вверхъ рѣки Хунъ-хэ до деревни Ванъ-п'инъ-к'эу, на 15 верстъ. Мелко-зернистый, свѣтло-зеленый диоритъ раздѣленъ трещинами на части, имѣющія видъ слоевъ, съ паденіемъ на В. около 15°. Твердость его значительна только въ нижнихъ частяхъ, сверху онъ дѣлается рыхлѣе, слоеватъ и переходитъ въ отвердѣлую глину ⁽¹⁷⁾. Въ этой глинѣ заключаются зерна кварца и диорита, величиною съ грецкій орѣхъ и болѣе. Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ зерна эти составляютъ только прослойки въ рыхлой диоритовой массѣ, но иногда бываютъ въ такой степени скучены, что образуютъ огромныя толщи сплошнаго конгломерата. Толщина пластовъ конгломерата, имѣющихъ одинаковое съ диоритомъ паденіе, простирается до сажени. Конгломератъ перемежается съ желѣзистою глиной бурокраснаго цвѣта, образующею въ вѣкоторыхъ мѣстахъ значительныя возвышенія. Она также заключаетъ въ себѣ зерна кварца и диорита, которыя, уменьшаясь въ величинѣ, образуютъ потомъ чистый, мелко-зернистый песчаникъ, съ прожилками бѣлаго кварца, пересѣкающими его въ разныхъ направленіяхъ.

Диоритъ, представляющій обнаженіе подошвы горы Лю-хуа-шань, лежащей къ З. отъ Ванъ-п'инъ-к'эу образуетъ почти вертикальныя стѣны, вмѣстѣ съ лежащимъ на немъ конгломератомъ. Изъ подъ него выходятъ незначительныя массы Диоритъ-порфира. ⁽¹⁸⁾

На сѣв. отъ Ванъ-п'инъ-к'эу, въ 7 верстахъ, протекаетъ рѣчка

(16) *Диоритъ* есть кристаллическая (плутоическая) горная порода, состоящая изъ амфибола (роговой обманки) и олигоклаза (родъ полеваго шпата). Его называютъ также часто и грюнштейномъ, но подъ этимъ именемъ разумѣется еще и различный съ нимъ діабазъ.

(17) Извѣстно что диоритъ легко вывѣтривается и распадается на красную желѣзосодержащую глину, довольно сходную съ происходящею изъ разрушенія базальтовъ.

(18) *Диоритъ-порфиръ* есть плутоическая горная порода, состоящая изъ однихъ съ диоритомъ минераловъ, но имѣющая характеристическое порфирное сложеніе (основную массу съ разсыянными въ ней кристаллическими зернами).

Цинь-шуй-хэ, которая, разрывая діоритовую толщу, обнаруживает явственно всѣ видоизмѣненія діорита. Діоритъ гранитовидный, плотный и порфиоровидный смѣняются одинъ другимъ, и всѣ переходятъ въ діоритовый конгломератъ. Какъ онъ, такъ и самый діоритъ, переслаиваются еще съ порфиоровидною желѣзистою глиною, которая переходитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ порфиръ, а этотъ послѣдній, будучи раздробленъ и потомъ цементированъ тою же глиною, образуетъ пудинги, въ которыхъ величина порфировыхъ зеренъ бываетъ отъ вершка до $\frac{1}{4}$ арш. въ діам. Этотъ порфиръ — кирпичнаго цвѣта, съ бѣлыми кристаллами полевого шпата (и есть слѣдов. обыкновенный красный кварцесвободный порфиръ). Твердость его посредственна, онъ образуетъ сплошныя массы неправильнаго вида⁽¹⁹⁾.

Изъ осадочныхъ породъ наиболѣе распространенная въ западныхъ горахъ есть горный известнякъ. Горы изъ него состоящія часто падаютъ отвѣсно, и трудно достульны. На З. отъ Ванъ п'янь-к'эу онъ представляетъ значительныя пласты, съ крутымъ паденіемъ на В.; иногда же эти слои почти горизонтальны. Въ немъ проходятъ часто прослойки известковаго шпата. Разной величины пещеры довольно распространены въ горномъ известнякѣ: въ нѣкоторыхъ находятся сталактиты. Изъ рудныхъ жилъ есть жилы свинцоваго блеска и бураго желѣзняка (въ ущельѣ Янъ-ли-гоу), толщиной въ $\frac{1}{4}$ аршина и болѣе. Мелкозернистый, желтосѣрый песчаникъ представляетъ пласты, подчиненные известняку, но имѣющіе иногда значительную толщину. Верхніе пласты известняка имѣютъ большое сходство съ известнякомъ сѣверныхъ горъ. Известнякъ горы Цзы-т'ай, известной по огромному храму и лежащей близъ деревни Шимынь-инъ, чрезвычайно плотенъ, даетъ вскрыи объ сталь и изобилуетъ пещерами. Между ними Чао-

(19) Изъ описанія Кованько намъ кажется, что толща болѣе древняго діорита просто прорѣзаны адѣсь кое-гдѣ жилами болѣе новаго, обыкновеннаго (краснаго) кварцесвободнаго порфира, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вывѣтрившагося и прератмившагося въ глину.

лянь-дунъ замѣчательна по величинѣ своей. Она расположена на крутомъ обрывѣ, и потому входъ въ нее очень затруднителенъ. Объ этой пещерѣ ходятъ между китайцами разные нелѣпныя басни, между прочимъ что она составляетъ подземный ходъ до самаго Калгана, что въ ней есть ручьи, мосты и т. д. Кованько входилъ въ эту пещеру. Она представляетъ видъ крутой штольни, которая сначала довольно высока, но потомъ становится ниже и ниже, и наконецъ дѣлается такъ низка, что должно идти ползкомъ; потомъ вдругъ прерывается вертикальною шахтою, идущею почти прямо вверхъ. Воздухъ въ ней былъ чрезвычайно сыръ, съ боковъ видны были двѣ штольни, изъ которыхъ одна затоплена водою, а другая идетъ очень круто внизъ; дальнѣйшаго направленія пещеры разсмотрѣть было невозможно. Длину ея можно полагать до 150 сажень. На ея днѣ замѣтны небольшіе сталагмиты.

Изъ другихъ осадочныхъ породъ распространенъ глинистый сланецъ, въ особенности развитый на В. отъ Ванъ-п'янь-к'эу. Онъ такъ сильно проникнутъ камейнымъ углемъ, что мѣстами переходитъ въ горючій сланецъ (*Brandschiefer*). Слои его часто измѣняютъ направленіе и часто падаютъ совершенно вертикально. Причина такихъ неправильностей зависитъ; какъ кажется, отъ поднятія сланца плотнымъ *грюнитейномъ* ⁽²⁰⁾, также здѣсь выходящимъ наружу. Сланецъ перемежается съ пластами мѣлкозернистаго песчаника, прорѣзаннаго прослойками бѣлаго кварца, отъ котораго онъ получаетъ большую твердость. Между сланцемъ и песчаникомъ залегаютъ пласты каменнаго угля. Въ глинистомъ сланцѣ есть также слои каменнаго угля, но онъ качествомъ ниже того который непосредственно лежить подъ песчаникомъ. Въ подчиненныхъ сланцу пластахъ краснаго желѣзистаго песчаника, неимѣющаго значительной

(20) Подъ именемъ *грюнитейна* (зеленаго камня) разумѣются, дѣй не всегда легко различимыя, но различныя между собою плутоическія горныя породы, именно *диоритъ*, состоящій изъ амфибола (роговой обманки) и олигоклаза, и *диабазъ*, состоящій изъ пироксена (аугита) и олигоклаза или лабрадора.

твердости, встрѣчаются иногда также богатые запасы каменного угля.

Главнѣйшая изъ разрабатываемыхъ каменноугольныхъ копей въ западныхъ горахъ, по свидѣтельству Ковалевскаго ⁽²¹⁾, находятся въ ущельѣ Мынь-тоу-гоу, близъ горы Ма-я-шань, въ ущельѣ Вань-п'инь-к'эу, въ ущельѣ Чанъ-юй-к'эу и нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда Фанъ-шань-хянь. Толщина каменноугольного пласта доходить до 3-хъ и болѣе футовъ; всѣ другіе тонкіе его слои, которыхъ до 10 подчинены крупнозернистому песчанику и известняку, изрѣдко сланцамъ, не разрабатываются; въ известнякѣ встрѣчаются окаменѣлости — *Spirifer mosquensis* ⁽²²⁾, изъ чего Ковалевскій заключаетъ что уголь распространенъ здѣсь въ среднемъ ярусѣ известняка и новѣе огромнаго образованія Сюань-хуа-фусскаго известняка. Уголь смолистъ, спекается въ огнѣ и отдѣляетъ много пламени и дыму. Самая большая разработка его производится въ ущельѣ Мынь-тоу-кэу, гдѣ считается четыре большихъ копи.

Работы во всѣхъ копияхъ производятся продольными ортами, которые бываютъ до 2-хъ вер. длины; крѣпи въ ортахъ чрезвычайно рѣдки по дороговизнѣ дѣса, оттого часто цѣлая партія рабочихъ погибаетъ подъ обвалами. Разработка производится большею частію по направленію самаго пласта, и по мѣрѣ выклиниванія ⁽²³⁾ его суживается до того, что едва можно ползти по орту. Никакія, даже самыя простыя механическія усовершенствованія для подъема угля или откачиванія воды неизвѣстны. Нашелся было кто-то изъ китайцевъ, католическій христіанинъ, устроившій на одной изъ копей вѣроть и да-

(21) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай С. П. Б. 1853. Ч. I. стр. 136.

(22) *Spirifer mosquensis* считается характеристическою окаменѣlostью для средняго этажа каменноугольной форманіи и очень распространенъ въ Московской губерніи. Родъ *Spirifer* принадлежитъ къ руконогимъ моллюскамъ (*Brachiopoda*), въ нынѣшнихъ моряхъ не существуетъ, начинался въ самомъ древнѣмъ осадочномъ *Силурійскомъ* періодѣ и оканчивался въ *триасовомъ*.

(23) Пластъ *выклинивается*, то есть слѣдуя между двумя другими пластами оканчивается подобно кливу постепеннымъ суженіемъ.

же порядочный насосъ; но это нововведеніе, которое могло замѣнить руки нѣсколькихъ десятковъ людей, возмутило всѣхъ рабочихъ, немедленно уничтожившихъ и вѣроть и насосъ, и угрожавшихъ самому изобрѣтателю.

Добыча угля въ копяхъ, уже по разработкѣ ихъ, составляетъ самое трудное занятіе въ Китаѣ; работникъ здѣсь можетъ получить до 45 к. сер. въ день, между тѣмъ какъ обыкновенная задѣльная плата не превышаетъ 15 коп. Только работникъ долженъ имѣть свои горные инструменты и масло для освѣщенія работы; масло это обыкновенно горитъ въ закрытомъ ночникѣ, привязанномъ къ его головѣ. Уголь вывозятъ на поверхность по орту въ маленькихъ салазкахъ. Работы производятся только зимою и осенью, потому что лѣтомъ работники занимаются земледѣіемъ, а верблюды, употребляемые для перевоза каменнаго угля, угоняются на откормленіе въ Монголію.

Разработка каменнаго угля производится исключительно частными людьми, иногда на земляхъ принадлежащихъ храмамъ. Въ Пекинѣ каменный уголь продается нерѣдко уже изъ третьихъ рукъ. Владѣтели копей продаютъ его только на мѣстѣ, а особый классъ людей, преимущественно изъ Шаньсійцевъ, перепродаетъ его въ городѣ. Потому цѣнность его въ Пекинѣ значительна. Пудъ хорошаго угля обходится около 17 коп. сер., потому не всѣ жители Пекина въ состояніи употреблять его. Для бѣдныхъ нарочно приготовляются куски изъ мусора, съ примѣсью глины и большой половины золы, остающейся при горѣніи каменнаго угля, которые продаются отъ 7 до 8 коп. сер. за пудъ ⁽²⁴⁾.

(24) См. Ковалевскаго путешествіе въ Китай Ч. I. стр. 137, 138. Замѣчательно что съ 1830 до 1850 г. цѣна на каменный уголь понизилась болѣе чѣмъ вдвое. Въ 1830 году, по показанію Кованьки, она была 43 коп. сер. за пудъ, а мусорный 29 к. сер. Это доказываетъ что каменноугольная промышленность на Пекинской горной окраинѣ, въ теченіи послѣдняго двадцатилѣтія, получила большое развитіе.

§ 17.

Изложение VII. Императорскій лѣтній дворецъ въ Жэ-хэ (Je-ho), со внутренней стороны горной окраины, по описанію Британскаго посольства въ 1793 г. и Маньчжурской Государственной Географіи.

По описанію Британскаго посольства (1793 г.). Не переходя еще отъ сѣверныхъ границъ Чжи-ли далѣе на З. черезъ гравиты Шань-си и Шэнь-си, остановимся еще на небольшемъ пространствѣ къ С.-В. отъ Пекина, которое заслуживаетъ особаго вниманія, потому что оно, въ этомъ направленіи, есть единственное мѣсто, о которомъ мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, именно отъ посѣтившаго его въ Сентябрѣ 1793 г. Британскаго посольства, подъ начальствомъ Л. Макартнея. Мы говоримъ объ упомянутой уже выше мѣстности въ долинѣ Луань-хэ, на южномъ склонѣ высокой Пе-ча, гдѣ находится лѣтній дворецъ императора—Жэ-хэ, посѣщеніе котораго доставило намъ многія интересныя данныя объ этой мѣстности. Дорога сюда изъ Пекина идетъ между двумя описанными нами караванными путями чрезъ ворота великой стѣны на С.-В., извѣстныя подъ названіемъ Гу-бэй-к'эу (Ku-re-Kheou), о положеніи которыхъ мы упоминали выше. Здѣсь не проходитъ никакой торговой дороги; это собственно императорскія ворота стѣны, потому что они ведутъ къ великолѣпной лѣтней резиденціи (*) и въ облавыя мѣста государевой охоты на священную Пе-ча, на которой и въ прежніе времена происходили празднества, по случаю вступленія на престолъ и другихъ торжествъ. Особая императорская дорога, имѣющая 30 геог. миль (418 ли) длины, ведетъ туда изъ Пекина. Эта искусственная дорога въ послѣдніе годы царствованія императора Кянь-Луня передѣлывалась за-

(*) Послѣ смерти импер. Ки-Кингъ (Ки-Кингъ), въ 1820 году, предсѣнники его не ступали ногою въ свой великолѣпный Китайскій Версаль. — *Пр. Пер.*

ново два раза въ годъ, и пыль съ нея сметалась непрерывно; она служила собственно для проѣзда императора взадъ и впередъ, и никто прежде не могъ вступить на нее. Дорога эта укатана и убита какъ токъ на гумнѣ, снабжена на разстоянїи каждаго 200 шаговъ бассейнами воды для поливанія, и охраняется караульными днемъ и ночью, а потому одинъ талантливый нѣмецкїй наблюдатель ⁽¹⁾ сравниваетъ ее, по порядку съ которымъ она содержится и по чистотѣ ея, съ поломъ гостинной, и полагаетъ, что еслибы смертные могли бы дѣйствовать также на воздухъ и лучи солнечные какъ и на землю, то китайцы дали бы своему великому государю исключительное право на самый чистый воздухъ и самые прекрасные лучи солнечные. По сторонамъ сей дороги устроены другія для спутниковъ императора, и на каждаго 3-хъ миляхъ находятся, для прїятія высокоаго путешественника съ его свитою, императорскїе дворцы, съ садами, въ которыхъ также было помѣщено и европейское посольство. Это путешествіе въ лѣтнюю резиденцію называется обыкновенно путешествіемъ въ Татарію, потому что оно идетъ за предѣлы великой стѣны; полный рисунокъ и измѣреніе самой стѣны приложены къ сочиненію Маккартнея. Посольство прибыло къ стѣнѣ изъ Пекина только на четвертый день, дѣлая ежедневно небольшїе перѣзды. Уже на 4-й милѣ пути, по замѣчанію Стаунтона ⁽²⁾, равнина начинаетъ возвышаться; вмѣсто глинистой и черноземной плодородной почвы появляется песчаная. За первую цѣпью холмовъ, въ которой находятся минеральные источники (называемые императорскою купальнею), появились первые слои известняка въ горизонтальныхъ пластахъ; съ узловатыми массами кремня, совершенно подобныя встрѣчаемымъ въ южной Англїи и сѣвер-

(1) J. L. Hüttner Nachricht von der Britt. Gesandtschaftsreise durch China u. s. w. Berlin. 1797. p. 52.

(2) S. George Staunton authentic account of an Embassy, from the King of Gr. Britain to the Emperor of China, from the papers of Macartney etc. Lond. 1797. T. II. p. 174.

ной Франціи. На второй день эти передовые холмы приняли весьма странныя формы. Горы стояли здѣсь нѣредко уединенными, и поднимались съ собственнаго подножія, совершенно отдѣльно другъ отъ друга, безъ всякаго порядка по равнинѣ; онѣ имѣютъ вообще однообразную высоту, но нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствіемъ времени отчасти разрушились, другія же столь хорошо сохранили свою правильную форму, что походятъ на колоссальныя друзы кристалловъ. Низменности между этими горами были покрыты плантаціями табаку, только что убранныхъ. На третій день пути къ великой стѣнѣ населенность страны уменьшилась, скаты горъ, по замѣчанію Д-ра Гилана ⁽³⁾, поднимаются со стороны моря къ Татаріи только весьма постепенно, съ противоположной же стороны спускаются совершенно отвѣсно, въ видѣ голыхъ скалъ, въ глубокія долины, и представляютъ съ той стороны зубчатые, иглообразныя верхушки. Замѣчательное подвигіе слоевъ вторичныхъ породъ къ первозданнымъ, которое въ величественной, классической мѣстности Крамона надъ Allée blanche, къ южному отвѣсному скату цѣля Монблана ⁽⁴⁾, привело величайшихъ испытателей природы, отъ Соссюра до Хаусмана, къ равнымъ важнымъ изображеніямъ и было признано уже первымъ изъ нихъ за общій геогностическій законъ строенія земной коры, повторяется съ тѣми же явленіями и здѣсь на южной окраинѣ самаго большаго волема восточной Азии ⁽⁵⁾, который долженъ былъ имѣть на такіе изгибы слоевъ сильное вліяніе. Нижніе горныя пласты въ долинахъ рѣкъ состоятъ изъ песку и песчаниковъ; надъ ними наслоены зернистый грубый известнякъ, содержащій въ себѣ сѣро-голубыя почки; а надъ этимъ известнякомъ распростра-

(3) Staunton тамъ же p. 174.

(4) H. de Saussure. Voyage dans les Alpes, ed. Neuch. 4. 1786. Т. II. § 919. p. 338. J. F. L. Hausmann Umriss nach der Natur. Göttingen. 1831. § p. 65.

(5) Съ тою разницею что здѣсь подвигіе илутоническими породами не вторичныя (юрская и мѣловая), какъ въ Альпахъ, а болѣе древнія — Палеогеническія, именно принадлежащія къ каменноугольному періоду. См. выше довол. къ § 16. —

ненъ мощный слой самой твердой глины, весьма неправильный, окрашенный часто желѣзомъ въ бурый цвѣтъ, часто содержащій въ себѣ охру и во многихъ мѣстахъ пересѣченный отвѣсными жилами шпата. Только на высочайшихъ вершинахъ горъ, по обѣимъ сторонамъ дороги, можно было видѣть большія гранитныя массы, которыя однако нигдѣ не спускаются до самыхъ долинъ.

Утромъ, на 4-й день, показалась вдали растянутая по хребту татарскихъ горъ свѣтлая веровная линия, довольно сходная съ стѣнообразно-выдающимися кварцовыми жилами гнейсовыхъ горъ въ Шотландіи; это была китайская стѣна. Самый высшій пунктъ, до котораго она достигаетъ, по сдѣланному измѣренію, оказался въ 4903 пар. ф. (5225 англ.) ⁽⁵⁾ высоты. Не только протяженіе стѣны отъ Вост. на Зап., но и ея заоблачная высота возбудили и на этотъ разъ изумленіе. Круто поднимающаяся дорога вела къ южнымъ воротамъ стѣны, между отвѣсными неприступными горными скатами, вдоль которыхъ узкій проходъ, достаточный только для дороги и горнаго потока, приводилъ ко второму укрѣпленному ущелью, служащему военнымъ постомъ, отсюда спускалась крутая дорога по ущелью къ Губей-к'эу, крѣпости при вышнихъ воротахъ стѣны; самая крѣпость примыкала къ стѣнѣ нѣсколькими концентрическими укрѣпленными линіями и заключала въ себѣ тогда до 1200 человекъ гарнизона. Здѣсь удалось капитану Парвишу сдѣлать самыя точныя измѣренія стѣны, которая хотя отчасти и обрушилась, однакоже составляетъ еще крѣпкій постъ, и считается даже оффиціально границею между Татаріею и Китаемъ, хотя она уже не представляетъ болѣе политическаго раздѣленія народовъ и не имѣетъ болѣе военнаго значенія. Нынѣ мѣстечки, лежащія по обѣимъ сторонамъ стѣны, наполнены совершенно смѣшаннымъ народонаселеніемъ изъ обоихъ племенъ, а сѣверъ, противъ котораго была воздвигнута стѣна, сдѣлался, со време-

(5) Staunton. II. p. 178.

ни воцаренія Маньчж. династiи, обладателемъ юга. Не смотря на то стѣна эта будетъ всегда имѣть важность, потому что она, какъ политическая и этнографическая граница, была основана на физическомъ рубежѣ, котораго время измѣнить не можетъ. Британцы замѣтили что на С. отъ стѣны ландшафты и климатъ сдѣлались суровѣе; скоро показались: сѣверный заяцъ съ бѣлою зимнею шерстью и съ особою организаціею конечностей, столь удобною для бѣга по глубокимъ снѣжнымъ равнинамъ, и небольшая татарская собака, вѣрныи спутникъ своего господина, — столь рѣдкая въ Китаѣ. Большая часть деревъ принадлежала къ хвойнымъ породамъ, недостигающимъ здѣсь впрочемъ большой высоты; самые дубы уменьшаются и въ числѣ и ростѣ. Ихъ было замѣчено двѣ породы—англійская (?) и русская (?) (*). Ильмы, осины, греціе и простые орѣшники достигаютъ здѣсь только высоты кустарниковъ и растутъ на южныхъ скатахъ горъ; на татарской сторонѣ, по направленію нагорья, росли только терновники и сухія травы; медвѣди, волки и тигры попадаются еще здѣсь. Деревни, въ самой жалкой противоположности съ великолѣпіемъ императорскихъ дворцовъ, разсѣяны только въ узкихъ долинахъ. По замѣчанію д-ра Гилана (†), шестая часть сельскаго народонаселенія одержима страшною болѣзнію зобовъ и послѣдствіемъ ея — кретинизмомъ. Туземцы живутъ въ смѣшанныхъ бракахъ между Татарами и Китайцами.

На седьмой день путешествія, дорога шла все параллельно между двумя цѣпями горъ (см. карту Стаунтона); вулканическихъ слѣдовъ здѣсь не существуетъ; но горы показываютъ горизонтальныя линіи гранитныхъ пластовъ (**), весьма различной толщины, которыхъ положеніе можно сравнить съ положеніемъ позвонковъ въ скелетѣ животныхъ; гребни этихъ горъ покрыты дерномъ; скаты, изборожденные дождевыми потоками

(*) Дубы, растущіе въ Маньчжурiи и на Монгольской окраинѣ, не принадлежатъ къ европейскимъ породамъ. — *Пр. Пер.*

(†) *Staunton II. p. 202.*

(**) Не гнейсовыхъ ли? *Пр. Пер.*

ми, совершенно обнажены. На половинѣ высоты ската показалась вдругъ колоссальная развалина башни, которая сверху была шире, чѣмъ при основаніи. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что эта башня была ничто иное какъ природная скала изъ отвердѣвшей глины (можетъ быть то была горная порода извѣстная въ Альпахъ подъ именемъ Nagelfluh), заключающая въ себѣ большіе валуны кварца; ее можно дѣйствительно считать развалиною, именно болѣе твердымъ остаткомъ верхняго земнаго покрова, смытаго силою дождевыхъ потоковъ. Такою напывною, наносною почвою покрыта, какъ кажется, подобно Ломбардіи, обширная равнина Чжи-ли; только здѣсь, на высотахъ Жэ-хэ, остаются эти обращенныя пирамиды (7) для потомства памятниками древняго, высшаго слоя земной коры, въ ея уцѣлѣвшей кое-гдѣ отвердѣлости (?). Тяжелѣйшія, грубѣйшія кварцевыя (ерратическія) массы остались въ ближайшихъ рѣквинахъ поверхности Татарія, а мягчайшія, плодородныя частицы земли покрыли иловатымъ покровомъ низменную равнину до самаго моря. Подобныя конусообразныя возвышенности и правильно выдающіяся, уединенныя пирамиды встрѣчаются ближе къ заливу Чжи-ли, гдѣ ихъ называютъ мандаринскими (8) или лѣтними шапками, и обязаны вѣроятно своимъ происхожденіемъ подобнымъ же обстоятельствамъ, какъ и многія образованія сего рода въ горахъ, состоящихъ изъ песчаниковъ и пуддингстоновъ (какъ напр. *Coloppes de fées* въ долинѣ С. Жерве у С.-З. подошвы пѣпи Монблана и т. д.).

Въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ этой мѣстности лежитъ, въ одномъ расширеніи горныхъ ущелій, въ уединеніи и тишинѣ, долина Жэ-хэ, т. е. мѣстопребываніе пріятной прохлады (9),

(7) См. Tab. ad. p. 205. у Стаунтона.

(8) Barrow. Trav. in China. London. 1804. 4. p. 64.

(9) Жэ-хэ, имя, подъ которымъ болѣе извѣстно въ народѣ это мѣсто, значитъ: «горячая рѣчка». Самый дворецъ называется *Бишу-шунань-чжуань*, что значитъ: «горная деревня для удаленія отъ жаровъ», а городъ называется Чэнь-де-су. См. Стат. Опис. Кит. имп. О. Іакима. Ч. II. стр. 94. Пр. Пер.

и въ ней возвышается лѣтній дворецъ (называемый садомъ безчисленныхъ деревьевъ). — любимое пребываніе императора Кванъ-Луна, гдѣ Британское посольство имѣло аудіенціи и пользовалось самымъ благосклоннымъ приемомъ. 83-хъ лѣтняго тогда старца. Дворецъ лежитъ ⁽⁹⁾ подь 41° 58' с. ш., по наблюденію капитана Париса. Этотъ китайскій Санъ-Суи занимаетъ всю плодородную долину, которая окружена со всѣхъ сторонъ волнистыми рядами горъ; ихъ глянвистыя и кремнистыя высоты разорваны водными потоками, но не имѣютъ живописныхъ формъ, и бѣдны растительностью. Составляющіе эту резиденцію замки, увеселительныя зданія, храмы бонзъ и ламъ скрыты въ углубленіяхъ, между обширными искусственными садами. Съ сосѣднихъ высотъ не видно ничего кромѣ другихъ обнаженныхъ высотъ, а въ окрестныхъ долинахъ находятся по видимому, не дворцы вельможъ, а только ламайскіе монастыри, учрежденные нынѣ царствующею Маньчжурскою династіею. Положеніе Жэ-хэ, между холоднымъ нагорьемъ и низменностью, можетъ быть сравнено съ совершенно аналогическимъ положеніемъ бывшей весенней столицы древнихъ Персовъ, времени Кира — Сузы (30° с. ш.); или съ положеніемъ находившагося еще на болѣе значительной высотѣ Шахъ-пура изъ періода Сассанидовъ, или наконецъ города Шираса, времени калифовъ. Въ подобной же мѣстности находилась и лѣтняя резиденція Китайскихъ императоровъ, до Маньчжурской династіи, во времена Монгольскаго владычества (Юань), извѣстная подь именемъ Шан-ду, (Chang-Tu). Она находилась нѣсколько западнѣ Жэ-хэ, прямо на Сѣверъ отъ Пекина за стѣною, на р. Шанду-гола, вытекающей съ сѣверо-западнаго ската высокой Печа, въ томъ мѣстѣ, гдѣ быють горячіе ключи, близъ которыхъ Жербильонъ ⁽¹⁰⁾ нашелъ еще (1691) ея развалины. (*)

(9) Staunton. II. p. 206, 274.

(*) О положеніи Шанду, нынѣшняго Долонъ-нора, см. выше дополненіе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(10) Gerbillon, Voyage III. p. 310.

Впрочемъ здѣсь, подъ 40° с. ш., на 10° сѣвернѣе чѣмъ въ упомянутыхъ пунктахъ Персіи, пріятная осенняя прохлада персидскихъ высотъ замѣняется болѣе рѣзкою температурою при 40° с. ш., а сентябрьскіе вечера и ночи характеризуются Татарскимъ зимнимъ холодомъ. Многіе Британцы, только что совершившіе переходъ чрезъ тропическій поясъ, подверглись опаснымъ простудамъ и нѣкоторые лишились даже жизни (это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ). На церемональныя аудіенціи, пиршества, поздравленія, по случаю юбилея императора, должно было, къ сожалѣнію, употребить много времени, въ особенности при стеченіи столькихъ посольствъ, начиная отъ получерныхъ и полунагихъ Пегуанцовъ въ длинныхъ, вышитыхъ золотомъ, красныхъ бархатныхъ мантияхъ со шлейфами, до Европейскаго посла изъ Англіи, въ его парадномъ экипажѣ, и до говорящихъ на арабскомъ языкѣ магометанъ съ каспійскаго моря; отъ вице-короля провинціи Кантона, до князей самыхъ отдаленныхъ частей Монголіи и Маньчжуріи; такъ что географія страны отъ пребыванія здѣсь Брит. посольства ничего не приобрѣла болѣе, кромѣ этнографическихъ изображеній многихъ представлявшихся здѣсь лицъ, описаній множества всегда сходныхъ между собою Китайскихъ дворцовъ, которые, съ ихъ богатыми, но лишенными всякаго вкуса и идеи художественными коллекціями, были показываемы гостямъ по приказанію императора, и исчисленія богатыхъ ламайскихъ храмовъ, изъ которыхъ наиболѣе чтимый—Буддала (Putala) покрытъ черепицами изъ массивнаго золота, подобно тому какъ украшенъ былъ Крезомъ храмъ Дельфійскаго оракула.

Въ особенности поразило всѣхъ несмѣтное количество драгоценныхъ камней, преимущественно различныхъ породъ агатовъ, какъ рассказываютъ англичане, вѣроятнѣе же породъ Ю т. е. восточной *яшмы* (Jade), нефрита, самаго уважаемаго камня у Китайцевъ. Нѣкоторые куски были необыкновенной величины и на каждомъ изъ императорскихъ креселъ, въ безчисленныхъ комнатахъ дворцевъ, лежалъ скипетръ изъ этого камня, въ

видѣ цвѣтка, символа счастья и благоденствія царствующей династіи. Этотъ камень доставляется изъ дальнихъ странъ только имп. дому, какъ дань подвластныхъ народовъ. Впрочемъ и сосѣдняя нагорная степь Гоби засыпана многочисленными и прекрасными обломками агатовъ. Сады занимали обширныя пространства и состояли изъ прекрасныхъ лѣсовъ весьма высокихъ, искусственно насаженныхъ сѣверныхъ дубовъ и южныхъ лиственныхъ деревьевъ, изъ зеркальныхъ прудовъ, покрытыхъ прекрасными лодками съ флагами и пестрымъ ковромъ Китайскихъ Лотосовъ (Лянь-ва). Звѣринцы, съ многочисленными птицами и млекопитающими, съ рыбами превосходныхъ цвѣтовъ на песчаномъ днѣ свѣтлыхъ водныхъ бассейновъ, усянномъ агатами, яшмою и другими цвѣтными камнями, обращали всеобщее вниманіе. Сколько все поражало сначала своимъ великолѣпіемъ, столько же и утомлялъ скорѣ монотонный характеръ архитектуры поставленныхъ только различнымъ образомъ увеселительныхъ замковъ, расположенія сада, унылаго пѣнія гимновъ, раздающагося въ многочисленныхъ ламайскихъ монастыряхъ въ честь повелителя, китайскихъ фейерверковъ и иллюминацій, фресковъ, изображающихъ побѣды, охоты и придворныя церемоніи государей, и однообразіе даже героическихъ и комическихъ представленій, смѣнявшихся одно другимъ въ теченіи длиннаго ряда дней. Самое оживляющее украшеніе императорскихъ покоевъ составляли привезенные сюда въ большомъ количествѣ европейскіе автоматы и часы съ музыкой—произведенія англійскихъ фабрикъ, нашедшія здѣсь значительный сбытъ. Но лучшимъ, безъ сомнѣнія, украшеніемъ здѣсь были замѣчательныя слова и благосклонность праздновавшаго свой 83-й день рожденія старца — императора, который, будучи сильнѣйшимъ изъ царей земныхъ, понималъ, подобно Соломону, при всемъ своемъ величіи и при всей славѣ своей, тщету окружавшаго его блеска. Кянъ-лунъ, который былъ въ дѣйствительности счастливѣйшимъ изъ Китайскихъ государей (онъ царствовалъ отъ 1735 — 96), отпустилъ на 60-мъ году своего

царствованія Британское посольство съ слѣдующими словами⁽¹¹⁾: «Вы не должны думать, что я трачу свое время въ зрѣвшихъ; императоръ имѣеть много дѣла; но въ праздничные дни, какъ напр. въ день моего рожденія, я дѣлаю исключеніе, по обычаю моихъ предковъ». — Небольшій гербарій⁽¹²⁾, собранный Британцами во время пребыванія ихъ въ Жэ-хэ, показываетъ много сходства между здѣшнюю растительностію и горною флорою Тюрингіи и другихъ гористыхъ частей Сѣверной Германіи. *По китайской государственной географіи дома Маньчжу (Да-цинъ-и-тунъ-чжи (Tai-Thsing-Y-Thoung-Tchy), что значитъ: описаніе монархіи Да-цинъ, 2-е изданіе Пекинъ 1790 года, переводъ Кларота во франц. изд. путешествія Тимковскаго, Т. II. стр. 281 — 284.*

Область Чэнь-дэ-фу, хотя лежитъ къ С.-В. отъ Пекина за Великою стѣною, причисляется однакоже въ настоящее время къ сѣверной провинціи (Бэй-чжи-ли) и есть пятая въ ряду ея областей. Она состоитъ большею частію изъ облавныхъ мѣстъ, назначенныхъ для охоты государей дома Маньчжу, отъ которыхъ съ начала XVIII стол. получила новыя поселенія и новое управление (см. ниже этнографію). Многіе императорскіе дворцы расположены въ ней внѣ стѣны. Изъ нихъ замѣчательнѣйшій есть *Же-хэ* (Je-Ho) или *Же-хэ-эрль* (Je-Ho-Eel), или иначе *Шуби-шань-чжуань* (Shupi-Shan-Tschuang, т. е. мыза для удаленія отъ лѣтнихъ жаровъ). Онъ былъ основанъ, какъ дворецъ для охоты, въ первый разъ императоромъ Канъ-хи въ 1703 г. Пекинскаго дворца. Же-хэ имѣеть въ окружности 2 час. 17 мин. и съ южной стороны трое, а въ остальныхъ по одному воротамъ. Большая плотина, вымощенная 8-ми рядами каменныхъ плитъ, длиною въ 12 ли (болѣе часа) начинается на В. у Львиного рва и огибаеть дворецъ до песчаной, насыпной дороги на

(11) Hüttner Nachricht, p. 87.

(12) Staunton; см. конецъ 4-й главы.

Югъ. Налѣво отъ дворца лежитъ озеро, направо возвышаются горы, направляющіяся отъ С. къ З.; онѣ называются Ли-чу-гу (Li-Tschu-Ku), Сунъ-лингъ-гу (Sung-Ling-Ku), Чень-цзу-гу (Tchin-Tsu-Ku) и Си-гу (Si-Ku) и окружаютъ дворецъ. Воды озера текутъ на Ю. отъ сада Ванъ-ши-юань (Wan-Shy-Yuan), онѣ чѣсты и свѣтлы; песчаное шоссе, проходя чрезъ озеро, образуетъ островъ Юнь-чжеу (Yung-Tcheou). На С. отъ озера, съ горы Си-гу стремится на вершину горы Юнь-цы-юань (Yun-Thsi-Yuan) водопадъ и далѣе образуетъ озеро, которое окружено большими, прекрасными деревьями. Озеро это простирается на С.-В. до шлюза, находящагося при Ю.-В. воротахъ. Дворецъ хорошо устроенъ, все въ немъ просто и примѣнено къ обстоятельствамъ. По словамъ китайскихъ географовъ его невозможно описать вкратцѣ въ государственной географіи. Въ Пекинѣ изданъ живописный атласъ Же-хэ съ 36 видами, гравированными на мѣди и съ объяснительнымъ текстомъ въ стихахъ; это — великолѣпное китайское изданіе. Между многочисленными храмами самый замѣчательный есть Пу-т'о-цзунъ-чэнъ-мяо (Phu-Thu-Tsung-Tching-Miao), лежащій на разстояніи $\frac{1}{2}$ часа къ С.-З. отъ дворца. Императоръ Кянь-лунъ приказалъ выстроить его въ 1770 г., по тому же плану и съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ храмъ Буддала близъ Хлассы въ Тибетѣ, служашій резиденціею Далай-ламѣ. Другой храмъ былъ воздвигнутъ въ 1780 г. на С. отъ дворца, по образцу храма Тешу-лумбо, для помѣщенія посольства, прибывшаго отъ Далай-ламы съ поздравленіемъ, по случаю наступленія 70 дня рожденія императора. На воротахъ и стѣнахъ монастыря видны надписи на 4-хъ различныхъ языкахъ: китайскомъ, маньчжурскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ.

Примѣчаніе. *Лѣтнія резиденціи Чаганъ-норъ и Шанду (Ciandapor и Xandu или Ciandu) Монгольскаго императора Хубилай-Хана, по описанію Марко Поло въ XIII столѣтіи. Вышеописанная лѣтняя резиденція Маньчжурскихъ государей и замѣчаніе государственнаго географа, что такихъ резиденцій нѣсколько, побуждаютъ насъ указать на болѣе древнія резиденціи Монгольскаго періода,*

которыя уже частью не существуют нынѣ въ прежнемъ своемъ блескѣ, но которыхъ положеніе весьма важно для уразумѣнія историковъ, и въ особенности Марко-Поло; такъ какъ этотъ Венеціанскій нобиле, любимецъ Хубилая (Кублай-Хана), открывшій Китай, доводитъ свой путевой отчетъ до этихъ резиденцій, и оттуда уже является въ свитѣ своего новаго повелителя. Что М. Поло началъ свое путешествіе съ Запада чрезъ нагорную Азію и направился въ Китай отъ верхняго Хуанъ-хэ чрезъ Нинъ-хя (Ning-Hia) и вышній Хуху-хотонъ (Kuku-hotu), лежащій внѣ стѣны, а оттуда чрезъ страну Тендухъ, утверждали уже многіе, въ особенности же доказалъ послѣднее Клапротъ⁽¹³⁾, и мы впоследствии встрѣтимъ многія указанія, подтверждающія это (см. ниже Излож. 2. § 19. etc.). Уже Марсенъ сообщилъ поучительныя замѣчанія на главы 54 и 55 сочиненія М. Поло (M. Polo ed. Ramus. II. fol. 16—17). Ниже будетъ изложено, какъ М. Поло, послѣ семи дневныхъ переходовъ на В., достигъ изъ Тендуха до Чаганъ-нора; оттуда прибылъ онъ послѣ 3-дневнаго путешествія далѣе на В. въ Шанду.

Этотъ Sianganor, по собственному изъясненію М. Поло—*Бѣлое озеро* (che vuol dire stagno biancho), есть Чаганъ-норъ⁽¹⁴⁾ и лежитъ внѣ стѣны на Кахтвнскои дорогѣ, на высокомъ плоскогоріи, тамъ гдѣ находится описанный нами выше (изл. 5. § 13) Чаганъ-балгассу, бѣлый городъ, расположенный вблизи старыхъ укрѣпленныхъ линій монгольскаго періода. Здѣсь, говоритъ М. Поло, Хубилай-Ханъ имѣетъ лѣтній дворецъ, гдѣ онъ любитъ проводить лѣто въ охотѣ за фазанами, куропатками, многочисленными журавлями и лебедями, водящимися въ большомъ количествѣ на сосѣднихъ озерахъ⁽¹⁵⁾, употребляя для сей охоты соколовъ и ястребовъ. Извѣстно какимъ страстнымъ удовольствіемъ охота была для Монгольскихъ и Мавъчжурскихъ императоровъ. М. Поло специально описываетъ 5 по-

(13) Journal asiatique. T. IX. p. 229.

(14) Marsden ed. M. Polo. ch. 55. not. 460. p. 249.

(15) См. Mailla Hist. génér. de la Chine. T. IX. p. 412.

родъ журавлей, служившихъ здѣсь, какъ кажется, главнымъ предметомъ охоты, и утверждаетъ что императоръ имѣлъ въ окрестностяхъ множество шалашей для птицъ, и что въ этихъ мѣстахъ не охотился только зимою, по привычѣ жестокихъ морозовъ, но что и тогда приказывалъ присылать всюду вслѣдъ за собою верблюдовъ, навьюченныхъ птицами. Описание охотничьихъ увеселеній Маньчжуровъ на расположенномъ нѣскольکو далѣе къ С. и совершенно подобномъ озерѣ нагорья—*Даль-норъ* (Taal-Nor), составленное (1689) очевидцемъ ихъ Пат. Жербилюномъ⁽¹⁶⁾, дѣлаетъ намъ древнее повѣтствованіе Венеціанца совершенно нагляднымъ. Китайское посольство, отправленное въ 1689 г., для переговоровъ о Нерчинскомъ пограничномъ трактатѣ, на переходѣ изъ Пекина чрезъ нагорье, остановилось лагеремъ у Таганъ-нора, имѣющаго отъ 3 до 4 часовъ окружности и расположеннаго на сѣвер. склонѣ горъ Печа, нѣсколько сѣвернѣе 43° с. ш., и здѣсь предалось, какъ на этомъ озерѣ, такъ и на сосѣднемъ Даль-норѣ, любимому удовольствію номадовъ. На озерѣ Таганъ было множество утокъ и лебедей; складныя лодки, перевезенныя на верблюдахъ, были здѣсь сняты и спущены на озеро для рыбной ловли и охоты за птицами; отсюда путешественники направились далѣе къ ближайшему озеру Даль-нору. Синее небо было чисто и прозрачно (27 іюня 1689 года), однакоже, выкапывая колодезь въ степномъ лагерѣ, нашли въ нарастающей еще совершенно землѣ большіе куски льда. Даль-норъ (*), имѣющій до 10 миль въ окружности, представилъ еще обширнѣйшее поприщѣ для охоты. Это озеро нѣсколько солено, очень мѣлко, окружено песчаною почвою и камышами, отдѣляющими его отъ сосѣднихъ песчавыхъ степей. Необыкновен-

(16) Gerbillon. Voy. II. у Du Halde IV. p. 200.

(*) Даль-норъ расположено въ вышнемъ княжествѣ Кешиктэнъ; оно имѣетъ нѣсколько десятковъ ли окружности. На берегу его, въ бывшемъ городѣ Инчачѣ скончался въ 1369 г. изгнанный изъ Китая Шунъ-ли (Chung-te) послѣдній императоръ династіи Юань (Монгольской). См. Іакивеа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 43. — *Пр. Пер.*

ное обиліе мѣлкой рыбы привлекаетъ къ этому озеру безчисленныя стада водяныхъ птицъ — утокъ, гусей, лебедей и равныхъ другихъ породъ, такъ что рыбная ловля и птичья охота могутъ служить здѣсь богатымъ источникомъ для пропитанія степныхъ жителей. Въ три или четыре раза поймано было сътыю 27 іюня до 300000 рыбъ одной и той же породы — карповъ, въ 1 ф. длиною; количество это было достаточно для насыщенія отъ 6 до 7000 человекъ, составлявшихъ свиту посольства. Вблизи этого озера была показана іезуитскому Патеру, высѣченная въ скалѣ пагода Фо съ идолами, въ которой стояли еще ящики съ монгольскими рукописями; изъ нихъ онъ взялъ нѣсколько томовъ, написанныхъ двумя другими родами ему неизвѣстныхъ писменъ. Кажется это были Ламаискія молитвы, написанныя столбцами на длинныхъ полосахъ бумаги. Передъ пагодою лежалъ большой бѣлый кусокъ мрамора, отъ 10 — 12 ф. вышины и 4 ф. ширины, со скульптурою изображающею драконовою сбоку, и съ весьма четкою китайскою надписью. Изъ разсмотрѣнія сей надписи Жербильтонъ узналъ, что значительный китайскій мандаринъ Хѣ-шы-и (Ню-зсеѣ), въ трибуналѣ Каао, соорудилъ эту пагоду въ честь Фо, когда, во время монгольской династіи Юань, миръ и спокойствіе снова водворилось въ Китаѣ. (Этотъ миръ водворился при Хубилаѣ, послѣ паденія династіи Сунъ (Song) съ 1279 г.)⁽¹⁷⁾. Къ сожалѣнію Жербильтонъ не снялъ копии съ этой надписи, возвращающей насъ, именно здѣсь, на нагорье, ко времени Марко-Поло, когда послѣдній такъ часто проводилъ лѣтніе мѣсяцы съ завоевателемъ Китая при горахъ Печа.

Шанду (главный дворецъ, великій рай, говоря языкомъ древнихъ Персовъ)⁽¹⁸⁾, съ большимъ звѣринцемъ Хубилая, лежалъ на южномъ скатѣ той же самой горы Печа; слѣдовательно не такъ далеко на Сѣверъ, въ холодномъ нагорье, но въ одномъ почти положеніи и въ одной широтѣ съ Жэ-хэ, въ нѣ-

(17) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 400.

(18) Xenophon. Cyrop. I. 3. 14.

сколькихъ дняхъ пути къ С.-З. отъ этой новѣйшей маньчжурской выльы (*). Отъ Чаганъ-нора М.-Поло, направляясь къ С.-В., достигъ Шанду верхомъ по трехдневномъ переходѣ. Это совпадаетъ совершенно, по д'Анвилевой картѣ, съ мѣстностью на Шанду, первой степной рѣкѣ на томъ первомъ уступѣ высокой степи, который ведетъ отъ воротъ Губэй-к'эу прямо на С. къ Даль-нору (**). П. Жербильонъ, который въ 1691 г. посѣтилъ эти мѣста, вмѣстѣ съ императоромъ Канъ-хи, въ жаркое лѣтнее время, подобно тому, какъ за 300 лѣтъ ранѣе М.-Поло сопровождалъ Хубилай-Хана, говоритъ, что здѣсь (почти подь 41° 30' с. ш.) лежатъ еще развалины того самаго древняго города Шанду (Shang-Tu) ⁽¹⁹⁾, который служилъ нѣкогда лѣтнею резиденціею династїи Юань. Вблизи находятся теплые ключи, впрочемъ не столь горячіе, какъ лежащіе къ С.-В. отсюда до подошвы горы Печа. Здѣсь расположились они лагеремъ при Кабайа (Cabaue). Вблизи находится большое облавное мѣсто, а въ нѣсколькихъ дняхъ пути на С., устроенъ былъ лагерь, въ который императоръ Канъ-хи созвалъ собраніе князей Халхасскихъ Монголовъ. Вытѣсненные изъ своего отечества съ С. Гоби къ Ю., Ханомъ Элютовъ Халхасскіе князья поднесли здѣсь императору актъ подданства, и дали присягу на вѣрность китайскому престолу, который съ тѣхъ поръ утвердился прочно на плоскогорїи Гоби и могъ распространить свою власть до истоковъ Кэрулэни, Орхона, Селенги и даже Енисея, и положить тѣмъ самымъ предѣлы Азіатской Россїи. Къ сожалѣнію іезуитскїй Патеръ не входитъ въ болѣе подробное описаніе развалинъ лѣтней резиденціи Шанду, которую онъ однакоже называетъ городомъ—имя (citt), которое даетъ ей и М.-Поло (**). Чтобы получить нѣко-

(*) Шанду есть вышшїй Долонъ-норъ, о положенїи его см. выше Дополненїе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(19) Gerbillon. Voy. III. у. Du Halde IV. p. 310. 314. 316. до 333.

(**) Совпадаетъ съ вышшїимъ Долонъ-норомъ, см. Дополненїе къ § 13. — *Пр. Пер.*

(***) Объ этомъ городѣ, нынѣ Долонъ-норѣ, находимъ мы свѣдѣнїя въ путешествїи Хюка. См. выше Дополненїе къ § 13. — *Пр. Пер.*

торое понятіе о дикомъ, но нелишенномъ величія образѣ жизни въ императорскихъ лѣтнихъ резиденціяхъ влстителя такого полуміроваго государства, какимъ было царство Хубилай-Хана, простиравшееся отъ Багдада на Ефратѣ и Волги до Амура и Корея и на Ю., до Тункина, Тибета и Кашмира, стоитъ только прочесть описаніе происходившихъ здѣсь на нагорьѣ церемоній, паршествъ, аудіенцій, военныхъ смотровъ, скачекъ и охотъ, по случаю принесенія присяги императору К'анъ-хи новыми его халхасскими вассалами. Тогда оживятся въ нашихъ глазахъ эти пустыни и станетъ намъ вполне понятнымъ весь объемъ вліянія, которое онѣ всегда имѣли на жителей и влстителей своихъ, въ чемъ трудно убѣдиться осѣдлому, мирному европейцу. Подобный же образъ жизни существовалъ на этомъ нагорьѣ, какъ слѣдуетъ заключить изъ описанія М.-Поло, и во времена Хубилай-Хана.

Исторія подтверждаетъ намъ, что Монголы, сыны суровой степи, также какъ и Маньчжуры, всегда съ трудомъ переносили удушливый жаръ низменности Китая и часто страдали отъ него. Отсюда произошелъ обычай ихъ влстителей проводить ежегодно жаркіе мѣсяцы на нагорьѣ. Поэтому также они предпочли сѣверную столицу Пекинъ (носившую тогда названіе Юнь-кинъ) южнымъ, и самъ Хубилай-Ханъ, тотчасъ по завоеваніи южнаго Китая (1280 г.), возвратился на Сѣверъ. Главная резиденція носила въ то время названіе Шанду (Shangtu), что означаетъ: первое ⁽²⁰⁾ пребываніе двора, въ томъ почти смыслѣ, какъ слово Высокая Порта. Но какъ этимъ именемъ означались города Пекинъ и К'ай-п'инъ-фу (Khai-Phing-Fu) и также лѣтнія резиденціи, то отсюда произошли многія недоразумѣнія (см. Deguignes). Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ у Малья въ Hist. gén. de la Chine IX p. 412 и 570, слѣдуетъ однакоже несомнѣнно, что здѣсь рѣчь не можетъ идти о большихъ столицахъ низменности, а только о нагорной, прохладной, лѣтней резиденціи ⁽²¹⁾,

(20) Deguignes Gesch. der Hunnen Einl. p. 86. III. p. 139. 243.

(21) Mailla Hist. génér. de la Chine IX. p. 461.

которую описываетъ и М.-Поло, и гдѣ часто пребывали, какъ Хубилай-Ханъ такъ и его преемники. Здѣсь также по смерти Хубилая было созвано собраніе князей Чингисъ-Ханова рода, для избранія новаго императора — Тэмуръ (Чэнъ-цауна).

Мы приводимъ здѣсь описаніе этой резиденціи, сообщаемое М.-Поло ⁽²²⁾ въ XIII стол., въ противоположность съ описаніемъ Жэ-хэ въ XVIII. Шанду былъ основанъ Хубилай-Ханомъ; онъ построилъ въ немъ необыкновенно красивый дворецъ, украшенный мраморомъ и другими камнями, который находился съ одной стороны посреди города и примыкалъ съ другой къ большой окружной стѣнѣ. Стѣна заключала внутри себя площадь въ 16 квадр. миль; выходъ изъ нея находился только во дворецъ и велъ къ очаровательнымъ лугамъ, орошеннымъ источниками и ручьями; здѣсь былъ устроенъ паркъ, наполненный обыкновенными и сѣверными оленями, лосями и разными другими животными, служившими въ пищу ястребамъ и соколамъ Хана, которыхъ онъ содержалъ здѣсь до 200 и самъ осматривалъ каждую недѣлю. Даже леопарды были здѣсь дрессированы для охоты за оленями ⁽²³⁾. Посреди этихъ красивыхъ луговъ находился лѣсъ. Въ немъ былъ устроенъ на прекрасно-вызолоченныхъ и лакированныхъ бамбуковыхъ столбахъ, подвижной, лѣтній домъ, въ видѣ палатки, съ позолоченной крышею, прикрѣпленной 300 шелковыми сурками; въ немъ можно было наслаждаться свѣжимъ воздухомъ въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа. Но на 28 день послѣдняго мѣсяца императоръ удалился отсюда, по совѣту своихъ астрологовъ, для того, чтобы въ другомъ мѣстѣ принести духамъ млечную жертву, для снисканія ихъ благосклонности и покровительства посѣвамъ, стадамъ, мужамъ и женамъ. Жертвою служило молоко, которое доставлялось стадомъ изъ 10000 бѣлоснѣжныхъ кобылицъ и употреблялось въ питье только потомствомъ

(22) M. Polo ed. Ramusio. II. c. 55. fol. 17; *ibid.* ed. Marsden c. 56. p. 250—261.

(23) *Справ. J. Bell. Voyage. Glasgow. 1763. 4. Т. II. p. 75 — 84.*

Чингисъ-Хана и также однимъ сѣвернымъ племенемъ изъ его храбрѣйшихъ сподвижниковъ—Бурятами. Молоко это, какъ приношеніе всѣмъ духамъ и богамъ, было разливаемо самимъ императоромъ на всѣ четыре вѣтра. Въ какой степенѣ велико было въ то время вліяніе астрологовъ и ламайскихъ жрецовъ изъ Тибета и Кашмира на Монгольскихъ Хановъ, видно ясно изъ слѣдующихъ за тѣмъ разказовъ М.-Поло. Эти жрецы сопровождали, какъ теперь такъ и тогда, императоровъ и свиту ихъ всюду на нагорьѣ, и хотя М.-Поло не говоритъ именно въ этой главѣ, что и эта часть нагорной Татаріи наполнена монастырями, храмами, аббатствами (Abbatie), но это слѣдуетъ заключить по множеству находящихся еще нынѣ тамъ развалинъ, изъ коихъ о нѣкоторыхъ мы уже упоминали выше, а о многихъ другихъ будемъ говорить еще ниже.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ 1-й ГЛАВѢ ВООБЩЕ И КЪ § 17.

1) *Историко-этнографическій обзоръ рассмотрѣнныхъ странъ, т. е. южной Маньчжуріи, рѣчной области Ляо-хэ, юго-восточнаго угла и южной окраины Монгольскаго нагорья къ Чжилійской провинціи. Историческая роль этихъ странъ и историческое взаимнодѣйствіе граничащихъ въ упомянутой окраинѣ — холоднаго нагорья и жаркой низменности, въ ходѣ народныхъ развитій.*

Въ горной окраинѣ, простирающейся отъ прибрежной крѣпости Шань-хай-гуаня на желтомъ морѣ, на В., до изгиба Хуанъ-хэ на З. и составляющей сѣверную границу срединнаго царства, т. е. собственно Китая, обозначенную великою стѣною, холодное, суровое нагорье и теплая, роскошная низменность граничатъ въ рѣзкомъ между собою контрастѣ. Граница эта

представляет одинаковую рѣзкость какъ въ физическомъ, такъ и въ историко-этнографическомъ отношеніи. На югъ отъ нея обитали, съ незапамятныхъ временъ, цивилизованные Китайцы, издавна знакомые съ осѣдлостью; земледѣліемъ, гражданственностью и индустріею, чему конечно, уже въ колыбели исторіи, споспѣшествовало самое физическое устройство богатаго, плодороднаго и теплаго срединнаго царства. На сѣверѣ же отъ окраины разстилались обширныя, суровыя нагорья, обитаемыя дикими племенами Корейской, Маньчжурской, Киданьской (Монголо-Маньчжурской), Монгольской, Туркской и Финской народныхъ группъ, которыхъ самое физическое строеніе ихъ страны предназначило, съ колыбели исторіи, къ быту номадовъ или къ еще болѣе дикому состоянію охотниковъ и рыболововъ.

Но именно потому, что въ упомянутой окраинѣ граничали такъ рѣзко между собою: съ одной стороны—холодное, бесплодное нагорье, съ другой — теплая, богатая низменность, съ одной стороны—дикость и варварство, съ другой—культура и цивилизація, окраина эта должна была сдѣлаться важною полосою историческихъ событій, театромъ взаимодействій цивилизованнаго юга и дикаго сѣвера, и въ этомъ отношеніи конечно различныя части этой окраины, при различіи физическаго ихъ устройства, должны были играть неодинаковую роль.

Естественно что теплое, богатое, плодородное срединное царство, на Ю. отъ окраины, должно было привлекать хищническіе взоры дикихъ ордъ восточно-азиатскаго нагорья, мужественныхъ, приученныхъ самою природою ихъ страны къ опасностямъ, охотѣ, грабежамъ и войнамъ. Но для успѣшнаго нападенія на часто слабое по своей администраціи, но все же стройное, цивилизованное срединное царство имъ нужны были два условія: *удобный путь* въ низменности Китая, столь хорошо защищенныя отъ природы естественною оборонительною линіею хребта окраины, пробитаго только немногими горными проходами, и *стратегическая точка опоры* для завоеванія, т. е. страна

болѣе привольная чѣмъ холодныя, безводныя степи Монголіи, страна, въ которой мѣстныя условія позволяли бы имъ развить дикія силы своихъ ордъ, и въ которой они могли бы найти вѣрное прибѣжище въ случаѣ неудачи или отступленія.

Такихъ удобствъ не представляла часть нагорья на С. отъ окраины, между меридіанами городовъ Пекина и Дай-тунъ-фу, разстилающаяся въ неудобной формѣ плоскогорія или высокой ровной степи, безводной, бесплодной, покрытой только солеными озерами и солончакками.

За то внѣ этихъ меридіановъ, на В. и З. отъ нихъ, окраина нагорья принимаетъ совершенно другой видъ. На З. отъ меридіана Дай-тунъ-фу, къ С. отъ знаменитаго изгиба Хуанъ-хэ, простирается уже не плоскогоріе, а *горная страна* Инъ-шаня или Гарчжана, болѣе разнообразная чѣмъ пустыня Гоби, прорѣзанная глубокими долинами, обильная текущими водами, источниками, рѣками и привольными лугами. На В. же отъ меридіана Пекина ю.-в. уголъ монгольскаго нагорья, въ верховьяхъ р. Ляо или Шара-мурэни, принимаетъ еще болѣе разнообразный видъ альпійской страны, богатой рѣками, глубокими, привольными долинами и лѣсами. Эту послѣднюю страну, составляющую ю.-в. уголъ монгольскаго нагорья, означаемъ мы, въ паралель съ с.-в. угломъ его (Даурскою альпійскою странюю), историко-этнографическимъ именемъ *Ляосской альпійской страны*, отъ могущественнаго царства или династіи *Ляо* (Киданей), которому оно служило средоточіемъ.

Инъшаньская и Ляосская альпійскія страны именно и могли служить стратегическими точками опоры для напора варваровъ на Китай; потому то отсюда и происходилъ постоянно этотъ напоръ, изъ Инъ-шаньской страны, — отъ Финскихъ ⁽¹⁾ и Туркскихъ племенъ, изъ Ляосской — отъ Корейскихъ (Гаолискихъ) и Маньчжурскихъ ⁽²⁾, и обѣ эти страны играли слѣдовательно самую

(1) Если считать Хунъ-ну за финское племя.

(2) Эти восточныя племена означаются у китайскихъ летописцевъ собирательнымъ именемъ Дуиъ-ху, т. е. восточныхъ варваровъ.

важную роль въ историческомъ взаимодѣйствіи нагорья и низменности. Соответственно съ этимъ напоромъ и самый центр тяжести Китайскаго государства (срединнаго царства), т. е. столица его, переносилась то на С.-З., противъ Иньшаньской страны (въ Тай-юань въ Шаньси, или знаменитый Чанъ'ань нынѣ Ся'ань-фу въ Шаньси), или на С.-В., противъ Ляосской страны (въ нынѣшній Пекинъ). Когда же грозные варвары овладѣвали сѣвернымъ Китаемъ, то этотъ центр тяжести отступалъ за вторую оборонительную линію, т. е. на южную сторону Хуанъ-хэ (въ нынѣшніе города Хэ-нань-фу или Кай-фынь-фу). Когда же наконецъ варварскіе предводители, цивилизованные долгимъ прикосновеніемъ съ Китаемъ, основывали свои династіи на сѣверномъ китайскомъ престолѣ, все болѣе и болѣе теряя въ этомъ прикосновеніи свою національность, то столица туземной китайской династіи, если этой послѣдней удавалось еще удержать свое владычество въ южныхъ провинціяхъ, удалялась еще далѣе на югъ, за третью оборонительную линію—теченія Янъ-цзы-кяна (въ нынѣшній Нанкинъ, или въ Чень-ду, столицу Сычуани).

Но это только одна сторона историческаго взаимодѣйствія, происходившаго на окраинѣ нагорья, соответствующая морскому приливу. Мы не должны выпустить изъ виду другой, не менѣе важной, соответствующей морскому отливу. Именно въ исторіи сказаннаго взаимодѣйствія наступали иногда времена, въ которыя сѣверные варвары, ослабленные долгимъ владычествомъ въ сѣверномъ Китаѣ или междоусобіями, были безсильны, а какая нибудь свѣжая силами, новая или обновленная туземная Китайская династія хорошею администраціею возстановляла утраченныя силы срединнаго царства: тогда китайская культура и цивилизація стремилась проникнуть за окраину на сѣверъ. Только и это явленіе не могло совершаться равномерно на всей окраинѣ, и ему нужны были благопріятныя условія и удобные пути. Между меридіанами Пекина и Дай-т'унъ-фу, гдѣ степное нагорье граничитъ, въ самомъ рѣзкомъ контрастѣ, съ земле-

дѣльческой неизменностью, такое обратное дѣйствіе было совершенно невозможно. Въ Инь-шаньскую и Ляоскую горныя страны, представляющія нѣсколько болѣе постепенные переходы отъ одного контраста къ другому, хотя и проникали китайскія колонизаціи и китайская цивилизація, но имъ трудно было пустить тамъ прочно свои корни, потому что въ этихъ странахъ именно и находились стратегическіе центры напирających на Китай варварскихъ племенъ. Но зато было два пути, на которыхъ китайская цивилизація и колонизація встрѣчали наименѣе препятствій, потому что вдоль сихъ путей абсолютно или относительно неизменная полоса, вдающаяся въ нагорье, представляла самый постепенный переходъ отъ одной формы къ другой, а также физическія и климатическія условія, удобныя для культуры и колонизаціи, и слѣдовательно хотя отчасти аналогическія съ срединнымъ царствомъ. Такими странами были: на Ю.-В. отъ Ляоской альпійской страны — побережье желтаго моря (Ляо-си) и низовья рѣчной системы Ляо-хэ, т. е. нынѣшняя провинція Шень-кинъ, а на Ю.-З. отъ Инь-шаньской альпійской страны и изгиба Хуанъ-хэ — нынѣшняя провинція Ганьсу, такъ странно вторгающаяся въ центральную Азію. Въ этихъ направленіяхъ срединное царство какъ бы простирало свои руки для обладанія нагорьемъ и для обузданія дикихъ племенъ его. Но руки эти отпадали отъ Китая всякій разъ когда наступалъ *періодъ прилива* усилившихся варваровъ, встрѣчавшихъ однакоже въ этихъ полосахъ самыя большія препятствія и стратегическую основу обороны Китая.

Вотъ общія соображенія, долженствующія служить намъ путеводною нитью въ частномъ изложеніи исторіи взаимодѣйствія нагорья и низменности, и въ болѣе подробномъ изученіи географическихъ отношеній этой исторіи.

Исторія этого взаимодѣйствія съ С.-З. стороны на Инь-шань, на изгибѣ Хуанъ-хэ и въ Ганьсу принадлежитъ къ странамъ, которыхъ описаніе содержится въ нижеслѣдующихъ главахъ творенія Риттера, и достаточно оцѣнена и изложена са-

нимъ Риттеромъ, такъ что намъ останется присовокупить тамъ только немногое; здѣсь же мы займемся историческимъ изложеніемъ взаимодѣйствія, происходившаго на С.-З. Китая — въ Ляосской альпійской странѣ, въ Ляо-си и Ляо-дунѣ, т. е. исторіею всей южной Маньчжуріи и ю.-в. угла Монгольскаго нагорья, въ связи ея съ событіями китайской исторіи. Главными источниками для историческихъ фактовъ будутъ намъ служить китайскія лѣтописи, разработанныя русскими учеными синологами: О. Такиномъ, Горскимъ, Васильевымъ и другими; главною задачею нашею будетъ разъяснить, сколь возможно при нынѣшнемъ состояніи науки, какимъ образомъ въ разсматриваемыхъ нами странахъ возникали могущественныя государства, какъ относились между собою этнографически племена ихъ составлявшія и обитавшія, какое взаимодѣйствіе существовало между ними и цивилизованнымъ китайскимъ міромъ, и какую роль играли во всемъ этомъ различныя географическія мѣстности⁽³⁾.

Сушэнями называютъ древнія китайскія лѣтописи самыхъ древнихъ обладателей Маньчжуріи; что это названіе, вмѣстѣ съ позднѣйшими—*Илзу*, *Уизи*, *Мохаэ*, *Бо-хай* и *Нюй-чженъ* принадлежитъ кореннымъ маньчжурскимъ племенамъ, предкамъ нынѣшнихъ Маньчжуровъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Историческія изслѣдованія достаточно доказали тождество Сушэней, позднѣйшихъ Нюй-чженей и новѣйшихъ Маньчжу. Сушэни были распространены по всей Маньчжуріи. Характеръ этой страны уже достаточно извѣстенъ намъ изъ предъидущихъ описаній. Нагорье имѣетъ здѣсь видъ настоящей альпійской страны, дикой, суровой, прорѣзанной глубокими долинами, орошенной рѣками, обильными рыбою, поросшей дремучими, непроходимыми лѣса-

(3) Такъ какъ все это составляетъ лучшіе результаты изслѣдованія исторіи и древней географіи этой части Азіи, я не имѣю притязанія на безошибочность и неоспоримость своихъ выводовъ. Дѣло мое только сдѣлать то, что для меня возможно, при нынѣшнемъ состояніи науки. Заключенія мои могутъ быть основаны только на извѣстныхъ мнѣ фактахъ; многіе же факты остались мнѣ недоступными по неразработанности китайскихъ источниковъ, другіе могли ускользнуть отъ моего вниманія.

ми, поднимающейся въ южной своей части—въ хребтѣ Чань-бошань, до предѣловъ вѣчнаго снѣга. Такой характеръ страны съ колыбели исторіи долженъ былъ обусловить и быть народный. Культурѣ и цивилизаціи здѣсь было слишкомъ много препятствій, кочевой жизни недоставало безпредѣльной, обнаженной степи. Сушэни должны были слѣдовательно исключительно быть рыболовными и охотническими народами. Стрѣла, окрыленная орлинымъ перомъ (4), съ наконечникомъ изъ острога и твердаго камня, была единственною драгоценностью Сушэнца; ею платилъ онъ дань, когда попадалъ подъ зависимость Китая. Нравы Сушэней и позднѣйшихъ ихъ соплеменниковъ были грубы и дики, какъ окружающая ихъ природа. Зимомъ они жили въ глубокихъ пещерахъ или искусственныхъ ямахъ, въ которыя не проникалъ лучъ солнечный. Весною ставили они шалаши свои на опушкѣ лѣса или берегу рѣки, въ безпрестанной борьбѣ съ дикими животными, доставлявшими имъ пищу — сырое мясо, а одеждою — звѣриныя шкуры и рыбу кожу. Вся жизнь ихъ была непрерывная облава, о семействахъ своихъ они заботились мало, осѣдлой гражданственности у нихъ не могло существовать. Но облава противъ многочисленныхъ и сильныхъ дикихъ звѣрей не могла быть производима иначе какъ совокупными силами, она то должна была соединить Сушэньскихъ дикарей и привести ихъ на первую ступень гражданственности, принявшую форму военной организаціи. Сушэни и Илэу такимъ образомъ составили дружныя и общины; у нихъ явились начальники, атрибуты власти — литавра и знамя, развились обычаи, уставы, организованная власть. Эта организація даетъ имъ мало по малу силы вступить въ враждебныя столкновения съ осѣдлыми племенами, обитавшими на Ю.-З. отъ нихъ, и постепенно вводитъ ихъ въ исторію.

На южномъ склонѣ своемъ къ желтому морю Маньчжурской нагорье теряетъ свою суровость. Горы понижаются, лѣса рѣ-

(4) См. Герскаго, Начало и первая дѣла Маньчжурскаго дома; въ Труд. Пек. мисс. Ч. I, С. П. Б. 1852. стр. 10.

дѣютъ и исчезаютъ, и вся страна превращается наконецъ въ низовьяхъ Ляо-хэ и прибрежьи Ляо-си въ холмистую низменность, открытую умѣряющимъ вліяніемъ моря и юга. Аналогія съ срединнымъ царствомъ становится сильнѣе и сильнѣе: рисъ, виноградъ, хлѣба произрастаютъ здѣсь прекрасно: страна, при небольшомъ даже трудѣ, способна для осѣдлости, культуры и цивилизаціи. Оттого съ незапамятныхъ временъ пробилась сюда китайская цивилизація. Если вѣрить Шу-кину, древнѣйшей китайской лѣтописи, окрестности Мукдэня были границами китайскихъ округовъ Ю-чжеу и Инь-чжеу, во времена еще полунсторического государя Шунъ ⁽⁴⁾. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что династія Цинь, властвовавшая въ Китаѣ отъ 255 до 206 г, владѣла низовьями Ляо-хэ.

Племена варваровъ, съ которыми Китайцы познакомились здѣсь, на С.-В. срединнаго царства, называли они собирательнымъ именемъ Дунъ-ху, т. е. восточныхъ варваровъ, названіе отъ котораго вѣроятнo произошло имя Тунгузовъ. Но подъ именемъ Дунъ-ху китайцы разумѣли не одни уже названные нами племена коренной *маньчжурской* группы: они причисляли сюда еще и народовъ другой, очень различной — *Корейской* (Гаолисской) группы, которые приобрѣли осѣдлость, гражданственность, и составили настоящія *государства* гораздо ранѣе чѣмъ сосѣднія съ ними *маньчжурскіе* дикари.

Такъ уже въ III в. до Р. Х., при династіи Цинь (255 — 306), китайцы, распространившіе свое владычество въ низовьяхъ р. Ляо-хэ, вступаютъ въ столкновение съ благоустроеннымъ уже корейскимъ государствомъ Чао-сянь (Tchao-Sian), ⁽⁵⁾ котораго столица Ванъ-хянь (Wan-hien) или Пинъ-хянь (Phing-hien) находилась на берегу рѣки Да-гунъ-кяна, называвшагося тогда Пэй-шун, на самомъ полуостровѣ Кореи. Въ лѣтописи старшей династіи Хань (властвовавшей отъ 202 до Р. Х. до 266

(3) См. Горскаго, Начало и первыя дѣла Маньчжурскаго дома, въ Труд. Пек. миссіи Ч. I, С. П. Б. 1852, стр. 10.

(6) См. Иакинва, Собр. свѣд. о народ. ср. Азии, Ч. II, стр. 1—15.

нашей эры)⁽⁷⁾ находимъ мы уже подробныя свѣдѣнія о борьбѣ этой династіи съ царствомъ Чао-сянь, которая кончилась разрушеніемъ этого царства въ концѣ II в. до Р. Х.

Первые владѣльцы, которыхъ застаеъ исторія въ ю.-в. углу монгольскаго нагорья, т. е. въ Ляосской альпійской странѣ, было могущественное племя Хунну, то самое которое имѣло свое средоточіе на С.-З, въ Инь-шаньской альпійской странѣ, откуда и производило на срединное царство грозный напоръ, и которое было поводомъ столькихъ споровъ по этнографическимъ своимъ отношеніямъ. Дегинъ, а въ новѣйшее время О. Іакинъ, разработавшій трудолюбиво, но безъ всякой критики, богатыя фактами китайскія лѣтописи⁽⁸⁾, считали его за тождественное съ Гуннами Аттилы *монгольское* племя, а Клапротъ, Аб. Ремюза и Риттеръ за различное отъ Гунновъ Аттилы *Туркское* племя. Мы же принимаемъ, по примѣру С. Мартеня, Неймана⁽⁹⁾ и Вивьенъ де С. Мартеня⁽¹⁰⁾, Хунну за тождественное съ Хуннами, но *Финское племя*, такъ какъ уже Клапротъ съ большимъ вѣроятіемъ доказалъ что Гунны Аттилы (съ Аварами и нынѣшними Мадыарами) принадлежатъ къ финскому племени. Только эти Хунны, какъ намъ кажется, были не аборигенами въ Инь-шаньской альпійской странѣ, а пришельцами изъ Алтая, покорившими ея аборигеновъ, которыхъ значительная часть могла принадлежать къ туркскому племени.

На В. владычество Хунну простиралось во II в. до Р. Х. и до Ляосской альпійской страны. Китайскій лѣтописецъ Сы-ма-пянь (*Sse-ma-tsien*)⁽¹¹⁾, жившій въ концѣ II в. до Р. Х., при

(7) Лѣтописецъ старшей династіи Хань назывался Бань-гу, по прозванію Мынь-глянь. Онъ жилъ уже при младшей династіи Хань и умеръ въ концѣ I в нашей эры. Лѣтопись его называется Цянь-хань-шу. См. Іакинъ, Собр. свѣд. о народахъ ср. Азіи, Ч. I, ст. XV.

(8) Особливо въ своемъ Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи, С. П. Б. 8. 1852, см. Ч. I. стр. 161.

(9) Neumann, Asiatische Studien. Leip. 8. 1837.

(10) См. Vivien de St Martin sur les Huns, и sur les Huns Blancs въ Nouv. Ann. de Voyages V-me ser. 1848. Decemb. 1849. Juill. September.

(11) Автора Шы-цзы (*Sby-They*), т. е. историческихъ записокъ.

дворѣ старшей династіи Хань, называетъ туземныя поколѣнія, занимавшія въ это время Ляосскую альпійскую страну, Шань-Жунами, т. е. горными Жунами. Только зависимость этихъ Шань-жуновъ отъ настоящихъ Жуновъ или Хунну была, какъ намъ кажется, только политическая, а не этнографическая. Лѣтописецъ, въ различіе отъ другихъ, называетъ ихъ Дунь-хусскими Шань-жунами, и мы, по примѣру Клапрота, считаемъ ихъ племенемъ Корейской группы и предками Сяньбійцевъ и Ухуаньцовъ.

Племена Сяньби (Sianpi) и У-хуань (Ou-houang) являются въ исторіи въ первый разъ во II вѣкѣ, въ Ляосской альпійской странѣ, и несомнѣнно принадлежатъ къ Корейской народиой группѣ, потому что они говорили языкомъ, отличнымъ отъ Маньчжурскаго и очень сходнымъ съ Гаолискимъ (Корейскимъ). У-хуаньцы же были соплеменны съ Сяньбійцами, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописцевъ. По свидѣтельству Клапрота ⁽¹¹⁾ раздѣленіе обоихъ племенъ произошло тогда, когда Дунь-хускіе Шань-жуны во II в. до Р. Х., пораженные Хуннскимъ Шаньюемъ (царемъ) Модэ (Methe), раздѣлились на два племени Сяньби и У-хуань. Эти два племени были слѣдовательно самыми передовыми восточными варварами (Дунь-ху).

Сяньбійцы осѣли, какъ повѣствуетъ лѣтописецъ младшей династіи Хань ⁽¹²⁾, въ горахъ, получившихъ названіе Сяньбійскихъ. По новѣйшимъ китайскимъ географамъ ⁽¹³⁾, эти горы называются нынѣ Мункэ-ола и расположены въ 30 ли на З. отъ праваго Харчиньскаго крыла, съ внутренней стороны большаго изгиба р. Ляо-хэ, называвшейся тогда Жао-лэ-шуй. Они заняли слѣдовательно нынѣшнія княжества (аймаки) Лохань, Най-

(11) Klaproth Tableaux Hist. de l'Asie. Tableau ethnographique.

(12) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. обит. въ средн. Азіи. Ч. I. стр. 161. Историкъ младшей династіи Хань назывался Фынъ-хуа, по прозванію Юй-цзунъ, онъ жилъ въ началѣ V вѣка при кратковременной династіи Сунъ (Лю сунъ), властвовавшей въ Китаѣ отъ 420 до 477 года.

(13) См. Іакинѳа Собр. свѣд. о народ. средн. Азіи. Геогр. указ. ст. 65.

мань и Халха, и китайскій лѣтописецъ сообщаетъ о нихъ слѣдующія замѣчанія:

«Языкъ и обычаи Сяньбійцевъ сходны съ Ухуаньскими. Въ послѣднемъ весеннемъ мѣсяцѣ собираются при рѣкѣ Жао-лэ для виршествъ и браковъ. Звѣри и птицы отличны отъ звѣрей и птицъ срединнаго царства (Китая). Водятся тарпаны, дикія лошади, степные бараны, рогатые волю, изъ роговъ которыхъ дѣлаются луки. Еще водятся соболи, обезьяны (14) и хорьки. Мѣха Сяньбійскія въ Китаѣ считаются превосходными.

Сяньби, разумѣется уже съ самаго начала своего поселенія въ Сяньбійскихъ горахъ, находились подъ владычествомъ могущественныхъ Хунну. Но уже съ половины I вѣка нашей эры, они вступаютъ въ сношенія съ Дворомъ династїи Хань, иногда являются его данниками и союзниками противъ Хунну, иногда опустошаютъ сѣверный Китай своими набѣгами. Въ 93 г. нашей эры имъ удается, подъ супрематїею Китая, съ помощью сосѣднихъ и соплеменныхъ У-хуань, нанести полное пораженіе Хуннамъ, которые послѣ того утрачиваютъ окончательно свое могущество. Значительная часть Хунну уклоняется къ С.; а остальные, числомъ до 100000 кибитокъ, по выраженію лѣтописца, «принимаютъ народное названіе Сяньби», т. е. покоряются власти этого племени. Послѣ такого распространенія своего владычества, Сяньбійцы мало по малу отлагаются отъ династїи Хань и вступаютъ въ самый цвѣтушій періодъ свой, продолжавшійся до конца II вѣка. Съ конца I и начала II в. они производятъ безпрестанные набѣги на сосѣднія, богатая низменности Китая. Особенно страдаютъ отъ ихъ набѣговъ пограничныя области Ляо-дунъ и Ляо-си (составляющія нынѣшнюю Шэнъ-кинъ), Юй-бей-п'инъ (Yu-Pe-Phing нынѣ Юнъ-п'инъ въ С.-В. углу провинціи Чжили), Юй-янъ (Yu-Yang, около нынѣшняго Пекина и востокъ Гу-бей-к'эу), Шангу (Shang-gu, около нынѣшнихъ востокъ Души-к'эу) и Дай-гюнь (Ta-Hiun, въ С.-В. уг-

(14) Конечно не обезьяны, а такъ называемыя су, родъ бѣлокъ, отличающійся прозательнымъ взгономъ и очень распространенный въ лѣсахъ Маньчжурїи.

лу нынѣшней Шаньсѣйской провинціи). Они проникали слѣдовательно въ Среднее царство черезъ горные переходы Чжилѣйской окраины, соответствующіе нынѣшнимъ воротамъ отъ Шань-хай-гуань (Юй-гуань) до Чжачянь-кя-к'эу и достигали на югъ, какъ кажется, почти до самаго нынѣшняго Пекина (15). Не менѣе страшны были они своимъ сосѣдямъ Хунну, бывшимъ въ то время уже подчиненными Китаю (династіи Хань). Но апогея своего достигли Сяньби во второй половинѣ II вѣка, когда предводителемъ ихъ явился замѣчательный завоеватель Таньшихай. Въ теченіи 26-лѣтняго своего правленія (152 — 178) онъ раздвинулъ предѣлы своихъ владѣній отъ поворота Ляо-хэ, гдѣ онъ побѣдилъ своихъ восточныхъ сосѣдей Фу-юй (Fu-Yu) до Или, Балхаша и Иссыкъ-кула, гдѣ побѣдилъ индо-германскихъ Усуней (Usiun) (16). У-хуань и Хунну подчинились ему, а вмѣстѣ съ ними все монгольское плоскогоріе, съ его степями и солеными озерами. Въ теченіи 26 лѣтъ Таньшихай опустошалъ все сѣверныя провинціи Китая, приводя въ трепетъ императоровъ младшей династіи Хань, и только смерть его избавила сихъ послѣднихъ отъ безпокойнаго сосѣда. Китайскій лѣтописецъ говоритъ между прочимъ, что Таньшихай построилъ дворецъ у горы Динь-хань, при р. Чжо-чеу, 300 ли (150 в.) отъ Гао-лю къ С. Здѣсь слѣдовательно была постоянная или временная его резиденція, положеніе которой знать было бы очень любопытно. Городъ Гао-лю лежалъ въ округѣ нынѣшняго Дай-гунь-фу (Tai-Thoung-fu), въ провинціи Шаньси (17), слѣдовательно показаніе лѣтописца не можетъ привести насъ ни къ какой другой рѣкѣ монгольскаго нагорья кромѣ притока Янь-хэ,

(15) Они осаждали въ 118 г. крѣпость Кюй-юнь-гуань, которая находилась отъ нынѣшняго Сюань-хуа-фу въ 200 ли къ ЮВ. по большой дорогѣ изъ Калгана въ Пекинъ.

(16) Усуни отгнаны были отъ С.-З. границы средняго царства (собственно Китая) Хуннами собственно еще во II в. до Р. Х. въ нынѣшнюю провинцію Или, слѣдовательно Таньшихай могъ войти съ ними въ столкновение только на З. отъ меридіана Хамы.

(17) О. Іакинна Собр. свѣд. о народ. сред. Азіи. Геогр. указ. ст. 18.

названнаго на картѣ центральной Азіи Клапрота — Djoo-khu (gol). Со смертію Танышхая царство Сяньби приходитъ въ упадокъ и распадается уже при сыновьяхъ его въ началѣ III вѣка.

Сосѣднія и соплеменные съ Сяньбийцами У-хуань, со времени раздѣленія обоихъ племенъ, обитали на Ю.-З. отъ Сяньби, на самой монгольской горной окраинѣ провинціи Чжили, и были слѣдовательно самыми передовыми Дунъ-ху (восточными варварами) на З., въ концѣ прошлой эры подчиненными Хунну. Только съ упадкомъ могущества Хунновъ сдѣлались они подвластными китайской династіи Хань, и только возвратили на время свою независимость въ концѣ I вѣка, когда вмѣстѣ съ Сяньбийцами нанесли рѣшительный ударъ Хуннамъ.

Вотъ что между прочимъ лѣтописецъ младшей династіи Хань сообщаетъ намъ объ Ухуаньцахъ того времени ⁽¹⁸⁾: «они искусны въ конной стрѣльбѣ изъ лука, занимаются ловлею звѣрей и птицъ. Переходятъ съ мѣста на мѣсто, смотря по достатку въ травѣ, постоянного пребыванія не знаютъ; живутъ въ круглыхъ юртахъ, конихъ выходъ обращенъ на В., питаются мясомъ, пьютъ кумысъ, одежду дѣлаютъ изъ разнообразныхъ тканей. Отъ ста до тысячи юртъ составляютъ у нихъ общину. Женщины умѣютъ вышивать шелкомъ по кожѣ, ткать шерстяныя матеріи, мужчины — дѣлать луки со стрѣлами, сѣдла и узды, плавятъ золото и желѣзо для орудія. Почва ихъ хороша для посѣва проса» и т. д. Главная ставка Ухуаньцевъ находилась около нынѣшнихъ развалинъ Хуртувь-балгасу, при С.-З. углу поворота Шанду-года въ 60 вер. къ С.-С.-В. отъ востокъ Души-к'эу.

Впрочемъ У-хуаньцамъ было предназначено играть только второстепенную и зависимую роль въ исторіи. Во II вѣкѣ они, подобно другимъ сосѣднимъ народамъ, подпали подъ власть могущественныхъ Сянь-би. По смерти завоевателя Танышхая У-хуаньцы, въ полудависимости отъ Китая, продолжали еще дѣлать набѣги на его пограничныя области. Но скоро рѣшительный ударъ

(18) О. Іакинва Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи Ч. I. ст. 181.

былъ нанесенъ имъ Китайцами въ 206 г. Они потерпѣли страшное пораженіе близъ поворота Хара-уссу, впадающей въ Ангули-портъ и нынѣшней станціи Гурбунъ-тулга (см. выше). Если вѣрить лѣтописи до. У-хуаньцы потеряли до 200000 человекъ убитыми и плѣнными въ этомъ сраженіи, изъ остальныхъ 10000 семействъ были переселены въ Китай, и съ тѣхъ поръ все племя почти исчезаетъ изъ исторіи.

На В. отъ Сяньбійскихъ владѣній, въ теченіи первыхъ двухъ вѣковъ нашей эры, находилось царство Фу-юй, занимавшее слѣдовательно всю южную Маньчжурію, т. е. нынѣшнюю провинцію Гиринь. Государство Фу-юй также основано Дунъ-хуссами Гаолисской (Корейской) народной группы. Это мы можемъ заключить изъ того, что лѣтописецъ династіи Хань говоритъ положительно⁽¹⁹⁾, что Гао-гюйли (т. е. настоящіе Корейцы) составляютъ отрасль Фу-юй, также какъ и изъ того что Фу-юй въ эти времена (въ началѣ нашей эры) составляли уже организованное государство, между тѣмъ какъ сосѣднія съ нимъ на В. коренныя маньчжурскія племена (И-лау) были еще совершенными дикарями, и говорили, по свидѣтельству того же лѣтописца⁽²⁰⁾, совершеннo другимъ языкомъ. Границею государству Фу-юй на С. служила р. Жо-шуи, вѣроятно нынѣшній Хунтунъ-кянь (т. е. Сунгари по соединеніи ея съ Нонью). Лѣтописецъ династіи Хань сообщаетъ между прочимъ о Фу-юй слѣдующія замѣчанія⁽²¹⁾: «почва ихъ способна къ произрашенію всякаго хлѣба. Страна производитъ красный мраморъ, соболей и крупный жемчугъ. Города обнесены палисадами. Есть зданія, казнохранилища, хлѣбныя магазины, тюрьмы. Жители крѣпки, рослы, храбры и добродушны, не производятъ набѣговъ и грабежей. Оружіе ихъ состоитъ изъ лука со стрѣлами, саблей,

(19) См. Иакинеа Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. II. стр. 20. Кларотъ полагаетъ также что Фу-юй принадлежали къ Гаолисской народной группѣ, см. Klaroth Tableaux histor. de l'Asie. Tabl. Ethnogr.

(20) Иакинеа Собр. свѣд. Ч. II. ст. 19.

(21) Иакинеа Собр. свѣд. Ч. II. ст. 17.

кошій. Наказанія у нихъ очень строги. За покраденное взыскивается въ 12 разъ болѣе, за распутство мужчины и женщины предаются смерти. Ревнивыхъ женъ убиваютъ. По смерти старшаго брата младшій женится на невѣсткѣ» и т. д.

Съ половины I в. нашей эры Фу-юй вступаютъ въ сношенія съ китайскимъ дворомъ (Хань) и дѣлаются то даришками то врагами его. Государство Фу-юй существовало до конца III в., но въ 285 году было разрушено Муюнами (см. ниже). Центромъ его было верхнее теченіе Сунгари (называвшейся тогда Яньсы) около нынѣшней Гирини. Городъ Фу-юй-фу (въ послѣдствіи Хуань-лунь-фу) находился на В. отъ Гирини, въ одной съ нимъ широтѣ, приблизительно подъ 44° с. ш., на р. Итунъ-бира, притокъ Сунгари (21).

На В. отъ Фу-юй, вѣроятно съ береговъ рѣки Хуахи до Восточнаго океана, обитали въ первыя вѣка нашей эры еще совершенно дикія маньчжурскія племена, которыхъ лѣтописецъ младшей династіи Хань называетъ общимъ именемъ *Илау*. Онъ говоритъ что «Илау есть древнее царство Су-шань». Слѣдовательно Сушань и Илау, а въ послѣдствіи Нюй-чжень или Чжурчжень, суть самые коренные Маньчжу и истинные предки нынѣ царствующей маньчжурской династіи Да-цинъ. Вотъ что китайскій лѣтописецъ сообщаетъ объ Илау (22): «Илау лежитъ за 1000 ли (500 верс.) отъ Фу-юй на С.-В. На В. прилежитъ къ великому морю, на Ю. смежно съ Во-цзюй, какъ далеко простирается на С. ненавѣсто; страна очень гориста. Жители походятъ обликомъ на Фу-юй, но говорятъ отличнымъ языкомъ; имѣютъ все пять родовъ хлѣба. Одежаніе пеньковое. Отсюда выходитъ красный мраморъ и хорошіе соболи. Государя не имѣютъ, но каждое селеніе имѣетъ своего владѣтеля. Обитаютъ по горамъ и лѣсамъ. Климатъ очень холоденъ. Обыкновенно живутъ въ ямахъ и чѣмъ глубже тѣмъ лучше. Въ богатыхъ домахъ

(22) О. Іакинча, Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II, стр. 276.

(23) О. Іакинча, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 19.

(24) Id. Ч. II, стр. 20.

дѣлають до 9 ступеней внизъ. Любятъ разводить свиней, питаются ихъ мясомъ, одѣваются въ ихъ кожи. Зимомъ, для защиты отъ холода, намазываются свинымъ жиромъ. Лѣтомъ ходятъ нагѣ, съ передниками. Жители неопрятны. Роды малочисленны, но отличаются храбростью и тѣлесною силою, и искусно стрѣляютъ изъ лука. Умѣютъ плавать на судахъ, склонны къ грабежамъ и разбоямъ, не имѣютъ никакихъ установлений.

Эти показанія доказываютъ что племена маньчжурской народной группы стояли, въ началѣ нашей эры, болѣе чѣмъ ступеню ниже сосѣднихъ съ ними племенъ Гаолисской группы, пользовавшихся уже нѣкоторою степенью цивилизаціи и государственнаго устройства. Они жили отъ Хулхи до восточнаго океана, а слѣдовательно и около нынѣшней Нингуты.

Къ Ю. отъ Фу-юй и И-лэу обитали, въ первыя два столѣтія нашей эры, корейскія племена *Гао-юй-ли* или *Гао-ли*, занимавшія тогда западныя страны Чанъ-бо-шани на С. отъ Ялу-кяна; *Во-цзюй* — восточныя отрасли Чанъ-бо-шани, до Восточнаго океана; а *Вей* и *Хань* (Ма-хань, Чинъ-хань, Бянъ-хань) — самый полуостровъ Кореи. Гаоли ⁽²⁴⁾ вступаютъ во II в. въ первыя сношенія съ Китаемъ, дѣлаются его данниками, а потомъ (во II и III в.) овластоають его пограничныя области (Ляо-дунь). Въ IV в. они были данниками Муюновъ, а въ V Тобасской династіи Юань-Вэй. Столицею Гаоли былъ уже упомянутый городъ Пинъ-хянь или Ванъ-хянь, бывшая столица Чао-сяни, на р. Пэй-шуй. Слѣдоват. Гаолисцы, какъ и другіе народы корейской группы, знакомы были съ осѣдлостью, гражданственностью, и составляли въ это время уже организованное государство.

Мы переходимъ теперь къ исторіи Ляосской альпійской страны, послѣ паденія Сяньбійскаго царства, т. е. въ III вѣкѣ нашей эры. Здѣсь мы должны руководиться лѣтописью Ганьму,

(24) Исторія Гаоли, см. О. Іакипова, Сбор. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 20, 29, 38, 54, 98.

компиляцію историка XII в. ⁽²⁵⁾. Съ половины III в., въ Ляоской альпійской странѣ возвышается Дунь-хусское племя или династія *Муюнъ*, а въ юго-восточ. части Монгольскаго нагорья— *Тоба*. Муюновъ китайскій лѣтописецъ называетъ Сяньбійцами, потому очень вѣроятно что это была только позднѣйшая династія этого Гаолискаго племени, возникшая изъ обломковъ старой. Тоба, по свидѣтельству китайскаго историка, также соплеменны съ Сяньбійцами, только они обитали отъ нихъ первоначально гораздо далѣе на С., въ сѣв. углу Хинганскаго хребта, слѣдовательно были, какъ кажется, племенемъ Гаолискаго группы, далѣе всѣхъ заблудившимся на С.

Имя Муюнъ является въ концѣ III вѣка. Именно китайскій лѣтописецъ говоритъ, что владѣтельный сяньбійскій князь Мохоба, изъ за укрѣпленной линіи (великой стѣны), вступилъ въ область Ляо-си и поселился на сѣверную сторону города Ги-ченъ, давъ своей династіи имя Муюнъ. Этотъ Ги-ченъ лежалъ въ нынѣшней провинціи Шэнъ-кинъ между рѣками Ляо-хэ и Далинь-хэ ⁽²⁶⁾. Здѣсь Муюны быстро усилились и начали безпокоить китайскую пограничную область Ляо-си. Это происходило уже послѣ паденія династіи Хань, мѣсто которой заступила гораздо менѣе сильная династія Цзинь (265—415). Муюны подчинили себѣ другія сяньбійскія поколѣнія и покорили царство Фу-юй, т. е. верхнюю рѣчную область Сунгари. Въ началѣ IV вѣка смутныя обстоятельства Китая, послѣдовавшія паденію династіи Хань, облегчали набѣги варваровъ на среднее царство и весь сѣверный Китай былъ часто наводненъ ими. Князь Муюновъ Хой былъ однимъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ слабой династіи Цзинь. Политика ея состояла только въ томъ чтобы давать князьямъ Муюнъ титулы, или возбуждать имъ враговъ въ тылу ихъ въ Гаолисскихъ племенахъ. Въ 320 году Муюнескому князю удалось пробиться черезъ проходъ Юй-

(25) Иакинае, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. I. стр. 176.

(26) Иакинае, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. III. Геогр. указат. стр. 16.

гуань (нынѣ Шань-хай-гуань) въ срединное царство и захватить с.-в. чжилійскую область П'инь-чжеу (нынѣ Юнь-п'инь). Устрашенный дворъ далъ ему титулъ сѣвернаго полководца, губернатора П'инь-чжеу, князя Ляо-си. Преемникъ его князь Хуань принялъ въ 337 г. титулъ Янъ-ванъ, т. е. царь или великій князь *Янъ* (Яен), и такимъ образомъ основавъ въ самомъ Китаѣ (нынѣшней провинціи Чжи-ли) царство, независимое отъ династіи Цзинь⁽²⁷⁾. Столицею своею онъ избралъ древній городъ Лю-чень, на Дальнѣ-хэ, въ нынѣшнемъ восточномъ Тумотѣ, гдѣ дворецъ его назывался Хо-лань. Развалины этого города существуютъ и нынѣ, подъ именемъ Горбань-собарга-хота (Gurban-Subogkan, на европ. картахъ)⁽²⁸⁾. Муюнскій Ванъ долженъ былъ выдерживать сильныя войны съ сосѣднимъ на Юго-Зап. княжествомъ Чжао, основаннымъ южными Хуану въ провинціи Чжили, и съ сосѣдними на С.-В. Гао-гюй-ли. Послѣднихъ онъ скоро сдѣлалъ своими данниками. Театромъ войны съ первыми были окрестности Ги-чена⁽²⁹⁾, нынѣшняго Пекина, которымъ наконецъ удалось завладѣть Вану. Сюда онъ и перенесъ свою столицу въ 350 г., разрушивъ скорѣе княжество Чжао.

Племя То-ба (Tho-ра) переселилось первоначально (еще во II в. нашей эры) съ С.-В. угла Монгольскаго нагорья—Хинганскаго хребта (нынѣшней Халхасской Монголіи) къ озеру Дальнору, на земли, занимаемыя нынѣ княжествами (аймаками) Абга и Абгаварь, а потомъ (въ половинѣ III в.) на самую южную окраину Монгольскаго нагорья (провинціи Шаньси), между нынѣшнимъ Калганомъ и изгибомъ Хуань-хэ⁽³⁰⁾. Здѣсь оно вету-

(27) Въ это время вдоль сѣверной пограничной полосы Китая находились слѣдующія независимыя царства или княжества: 1) *Янъ* въ нынѣшней сѣв.-вост. Чжили, Чэнь-дэ-фу и Шань-кинъ, 2) *Чжао*, основанное южными Хуану въ южныхъ Чжили и Шаньси, 3) *Вей* основанное племенемъ Тоба въ сѣв.-вост. Чжили и сѣв. Шаньси, 4) *Гь фу-чжи-бянь* въ Шаньси, 5) *Лянъ* въ нынѣшнемъ Ганьсу, 6) *Смлянъ* на З. отъ Ганьсу. См. Gütlaff Geschichte des chinesischen Reiches p. 167.

(28) О. Іакинва, Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи, Геогр. указ. стр. 46.

(29) Не должно смѣшивать этого Гичена съ другимъ, упомянутымъ выше и находившимся въ провинціи Шань-кинъ. См. Собр. свѣд. Геогр. указ. стр. 20.

(30) Іакинва свѣд. о нар. обит. въ Ср. Азіи. Ч. I. ст. 187.

пило въ первыя сношенія съ Китайскомъ дворомъ династіи Цзинь. Въ концѣ III и началѣ IV в. мы видимъ То-ба³ распространенными по всей Монгольской окраинѣ, отъ изгиба Шанду-гола (т. е. на С. отъ нынѣшнихъ воротъ Ду-ши-к'эу) до изгиба Хуань-хэ. Въ самомъ началѣ IV в. То-ба проникли въ въ срединное царство черезъ горные проходы Шаньсѣйской окраины и овладѣли сѣвѣрною частью провинціи Шаньси. Столица Тобасцевъ находилось въ то время въ городѣ Чэнь-ло, недалеко къ В. отъ нынѣшняго Ху-ху-хотоня на берегу Тургань-гола. Другою (южною) столицею они избрали П'инь-чэнь въ провинціи Шаньси, въ 70 вер. къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Дай-г'унь-фу, въ верховьяхъ рѣки Сань-кань-хэ. Тобасскій князь Илу въ 315 г. принялъ титулъ царя Дай. Около половины IV в. Тобассцы распространили владычество свое далеко въ Инь-шань и Монгольскомъ нагорьѣ на С. и С.-З. отъ поворота Шара-мурэни, и съ 340 г. перенесли столицу въ городъ Юнь-Чжунь, находившійся при самомъ поворотѣ Хуань-хэ, близъ нынѣшняго Тохто-хота. Въ концѣ IV вѣка То-ба еще болѣе усилились: ихъ князь Гуй перенесъ опять столицу въ Чэнь-ло и далъ династіи своей названіе *Юань-вэй*. Въ началѣ V вѣка ему удалось разрушить Муюнское царство *Янь*, овладѣть всѣмъ сѣвернымъ Китаемъ (большею частію нынѣшнихъ провинцій Чжили и Шаньси) и распространить владычество свое по значительной части Монголіи. Могушественная династія Юань-вэй властвовала одна въ сѣверномъ Китаѣ и Монголіи до 456 г. Столицею ея былъ уже упомянутый городъ П'инь-чэнь въ верховьяхъ Сань-кань-хэ, въ провинціи Шаньси. Въ послѣднихъ годахъ V вѣка эта династія Юнь-вэй перенесла свою столицу далѣе на Ю. въ Хэ-нань-фу и сдѣлалась совершенно Китайскою. Въ половинѣ VI в. она совершенно прекратилась, передавъ престолъ свой туземной династіи Бей-Чжеу.

Къ этому времени (половинѣ VI вѣка) относится важный переломъ въ исторіи Ляосской страны и всего Сѣверо-Востока нынѣшней Китайской имперіи. Паденіе династіи Юань-вэй,

властвовавшей на сѣверномъ Китайскомъ престолѣ, служить сигналомъ упадка племенъ Корейской народоной группы. Одновременно съ тѣмъ, въ замѣнъ ихъ, организуются, сначала въ воннественные орды, а потомъ въ стройныя государства, племена Манчжурской и сродной съ нею Киданьской народоной группы, Китайскія же туземныя династїи — Суй, а потомъ болѣе прочная и могущественная Тань, пользуясь отливомъ варваровъ и равновѣсіемъ ихъ силъ, такъ сказать междуцарствїемъ на нагорьѣ, простирають руку въ низовья р. Ляо, оттѣсняя приходящія въ упадокъ корейскія племена.

Племена эти въ Ляоской альпійской странѣ утрачиваютъ самостоятельность и даже совершенно исчезаютъ для исторїи, уступая свое мѣсто возрастающему могуществу Киданей и сродныхъ съ ними Хи или Ку-мо-хи. Кидани этнографически совершенно различны отъ корейскихъ Сянби и гораздо болѣе сродны съ Манчжурами. Мы застаемъ Киданей уже въ III вѣкѣ на Ляо-хэ, съ рѣчною областью которой связаны всѣ ихъ преданія. Самое древнее сказаніе о Киданяхъ⁽³¹⁾ повѣствуетъ что въ ихъ странѣ находились двѣ рѣки. Одна изъ нихъ называлась Ди-мѣ-ли-моли или Тао-вэйсы-моли, вытекала изъ горы Ма-юй, находившейся на З. отъ средней столицы, и направлялась къ С.-В.; Китайцы звали ее Ту-хэ. Другая называлась Нео-ло гу-моли (Нюй-гу), вытекала изъ сосноваго бора на Ю.-З. отъ Жао-Чжеу и направлялась прямо на В.; Китайцы называли ее Хуань-хэ. Обѣ рѣки соединялись у горы Му-ѣ.

Въ этихъ двухъ рѣкахъ нельзя не узнать двухъ составныхъ вѣтвей р. Ляо. Первая изъ нихъ Ло-ха дѣйствительно и, по свидѣтельству Китайскихъ географовъ⁽³²⁾, называлась въ древности Ту-хэ; она течетъ къ С.-В. Названіе второй — Хуань-хэ сохранилось и до нынѣ, и Монгольское имя — Шара-мурань есть

(31) Сказаніе это заимствовано изъ Кидань-го чжи, сочиненія составленнаго историкомъ Ё-лунъ-ли жившимъ въ XII в. при Сунской династїи. Я пользовалась извлеченіями, обязательно сообщенными мнѣ въ манускриптѣ В. Н. Васильевымъ.

(32) См. Іакинча собр. свѣд. о нар. ср. Азии геогр. указ. ст. 42.

только переводъ его ; она течетъ прямо на В. Въ словѣ *Моли* можно узнать Китайскую транскрипцію слова *Мурэмь*, употребляемого и нынѣ для означенія рѣки. Слово это вѣроятно и есть коренное Киданское, потому что по Маньчжурски рѣка называется *Ула* и *Бира*, а по Монгольски *Уссу*.

Древняя легенда говорить ⁽³³⁾, что одинъ горный духъ съѣлъ на бѣлаго коня, спустившись внизъ по теченію Т'у-хэ встрѣтился у горы Муъ съ небесною дѣвою, спустившеюся туда внизъ по Хуанъ-хэ, на колесницѣ запряженной пестрымъ воломъ, женился на ней и сдѣлался родоначальникомъ Киданей. Эта легенда о происхожденіи Киданей не ведетъ насъ слѣдовательно никуда болѣе, какъ вглубь Ляосской альпійской страны, въ самыя дикія ея горныя долины, куда можетъ быть они были оттѣснены гораздо ранѣе, за II вѣка до Р. Х. корейскими племенами Сяньби и Ухуань. На горѣ Му-ъ былъ поставленъ Киданями кумиръ предковъ, которому, сообразно съ легендою, они приносили въ жертву бѣлыхъ коней и пестрыхъ воловъ. Впоследствии здѣсь находилась одна изъ четырехъ башенъ царства Ляо.

Изъ всего сказаннаго можно было бы скорѣе заключить что Сяньбийцы были пришельцами въ Ляосскую альпійскую страну, а Кидани ея аборигенами. Только одно обстоятельство можетъ навести насъ на мысль что и Кидани въ самыя отдаленныя времена могли быть также пришельцами въ Ляо. Это именно соплеменность ихъ съ обитавшими на С.-З. отъ нихъ, на среднемъ теченіи Амура — Ши-вэй, Китайскіе лѣтописцы говорятъ положительно, что Ши-вэй были одного племени съ Киданями и что сѣверныя поколѣнія назывались Ши-вэй, а южныя Кидань ⁽³⁴⁾. Потомки этихъ Ши-вэй и Кидань суть несомнѣнно выиѣшніе Дауры и Солоны. Вся Киданская народная группа представляетъ слѣдовательно значительное различіе отъ Маньч-

(33) Эта легенда находится въ Кидань-го-чжи.

(34) Иакнича Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II. ст. 93.

журской, в что то переходное, смѣшанное, между Маньчжурскою и Монгольской.

Съ начала IV вѣка Кидани уже усиливаются, приобрѣтають нѣкоторую военную организацію и стремятся къ предѣламъ срединнаго царства, но не въ силахъ еще одержать верхъ надъ властвующей въ сѣверномъ Китаѣ Тобасскою династією Юань-Вэй Въ V в., приблизившись къ Далинь-хэ и Лючену, они вступаютъ въ болѣе постоянныя сношенія съ срединнымъ царствомъ, являясь то данниками, то врагами династїи Юань-Вэй. Вотъ какъ Китайскій лѣтописецъ характеризуетъ ⁽³⁵⁾ тогдашнихъ Киданей: «имѣютъ склонность къ грабежамъ и набѣгамъ. Кто горько плачетъ по кончивъ родителей почитается слабымъ. Трупы ихъ ставятъ на вершинахъ нагорныхъ деревьевъ; по прошествїи трехъ лѣтъ собирають ихъ кости и предають огню. Въ разговорахъ они неблагопристойнѣе всѣхъ варваровъ.» Отсюда мы видимъ въ какой степени Кидани стояли въ своемъ развитїи ниже уже образованныхъ Корейскихъ племенъ. Только черезъ два вѣка мы видимъ нравы Киданей очень смягченными соприкосновеніемъ съ цивилизованнымъ Китаемъ: они строятъ тогда уже города, занимаются земледѣліемъ и шелководствомъ ⁽³⁶⁾.

Впереди Киданей, къ Ю.-З. отъ нихъ и ближе къ окраинѣ срединнаго царства, между этою окраиною и рѣкою Лоха, жили Хи или Ку-мо-хи, которыхъ Клапротъ несправедливо считалъ за Гаолисское (Корейское) племя ⁽³⁷⁾. Лѣтописецъ сѣверныхъ дворовъ говоритъ положительно что Ши-вэй, Ку-мо-хи и Кидани говорили однимъ языкомъ ⁽³⁸⁾. Только такъ какъ они, какъ самые передовые народы Киданьской группы, вступили ранѣе всѣхъ (съ IV вѣка) въ соприкосновеніе съ Китайскою цивилизаціею, то они ранѣе всѣхъ своихъ соплеменниковъ перешли къ гражданственности и осѣдлости, и уже во II вѣкѣ были дан-

(35) Иакинеа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II ст. 91.

(36) Plath Geschichte des östl. Hoch-Asiens Bd. I p. 87.

(37) Klapproth Tabl. histor. de l'Asie Tabl. ethnogr.

(38) Иакинеа собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. II. ст. 93.

никами династїи Юань-вэй. Вотъ какъ характеризуетъ лѣтописецъ ⁽³⁹⁾ Ку-мо-хи того времени: «Ку-мо-хи перекочевывали съ мѣста на мѣсто, смотря по достатку въ водѣ и травѣ, жили въ войлочныхъ юртахъ. Стойбище владѣтелей было всегда окружено 500 воиновъ. Прочія поколѣнія кочевали по горнымъ долинамъ. Податей они не платили, содержались зѣбриною дολею. Сѣяли просо, хранили его въ ямахъ при подошвѣ горъ. Были охотники до дракъ и сраженій» и т. д.

Далѣе къ В. отъ Ляо и племена коренной маньчжурской группы, въ то время извѣстныя подъ именемъ *Мохэ*, также *Уи* по сѣверн. произнош. *У-цзи* ⁽⁴⁰⁾, переходили въ это время постепенно изъ варварскаго состоянїя къ гражданственности. Въ концѣ V вѣка они вступаютъ уже въ *первыя* сношенїя съ китайскимъ дворомъ (Юань-вэй). Лѣтописецъ сѣверныхъ дворовъ повѣтствуетъ ⁽⁴¹⁾, что посланникъ ихъ шлылъ вверхъ по р. Нань, (т. е. Сунгари и Нони), до соединенїя ея съ рѣкою Далъ (т. е. Торь-уссу), а оттуда сухимъ путемъ, переправившись черезъ рѣку Ляо-хэ и слѣдуя вдоль западной Киданьской границы, прибылъ въ Холунъ. Холунъ находился на р. Да-линь-хэ, въ томъ мѣстѣ гдѣ на новѣйшихъ картахъ означаютъ развалины Соборга-хота. Мохэ сцы — непосредственное продолженіе древнихъ Су-шань и Илау, жили въ коренной Маньчжурїи, начиная отъ Сунгари черезъ Хулаху до Усури.

Мы уже сказали, что въ половинѣ VI вѣка съ паденїемъ Тобасской династїи Юань-вэй, властвовавшей на сѣверномъ китайскомъ престолѣ, совершился замѣчательный переломъ въ исторїи взаимодѣйствїя нагорья и низменности, характеризуемый тѣмъ что Корейскїя племена, ослабленные продолжительнымъ владычествомъ въ сѣверномъ Китаѣ, утрачиваютъ свою силу и значенїе, а мѣсто ихъ мало по малу занимаютъ, развивающїя

(39) Иакимаев собр. свид. о народ. ср. Азіа. Ч. I ст. 470.

(40) См. Иакимаев собр. свид. о народ. ср. Азіа Ч. II. ст. 82.

(41) Авторъ ея есть лѣтописецъ Ли-линь шеу, жившїй въ концѣ VI вѣка. См. О. Иакимаев, Собр. свид. о народ. ср. Азіа, Ч. II. стр. 84.

еще дикія свои силы въ Ляоской и Маньчжурской альпійскихъ странахъ и только что переходящія къ организаціи и гражданственности, Дунъ-хусскія племена киданьской и собственно маньчжурской группы. Но, пользуясь такъ сказатъ междуцарствіемъ на нагорьѣ, безсиліемъ варваровъ, соотвѣтствующимъ морскому отливу, туземныя китайскія династіи *Суй* (581—617) и за нею болѣе прочная и болѣе могущественная *Тань* (618—905) простираютъ руку для обладанія ими, по крайней мѣрѣ для обузданія нагорья, вдоль Ляо-си въ Ляо-дунъ, по полосѣ, которой историко-географическое значеніе мы уже объяснили выше.

Явленіе отлива въ концѣ VI вѣка было такъ полно, что даже Кидани, пораженные въ 560 г. Китайцами при горахъ Циньшань, и потерявшіе, если вѣрить лѣтописцу, плѣнными и убитыми до 100000 человекъ, были отброшены до Шара-мурэни и часть ихъ даже бѣжала въ сѣверную Корею⁽⁴²⁾.

Въ низовьяхъ Ляо-хэ и въ Ляо-дунѣ династія *Суй* встрѣтила *Гао-ли*⁽⁴³⁾, послѣднимъ изъ корейскихъ государствъ не утратившихъ еще свое могущество. Гао-ли владѣли въ это время всею Ляо-дунемъ, гдѣ у нихъ были цвѣтущіе города, какъ напр. нынѣшній Гай-чжеу, тогда Гай-мэу-ченъ, нынѣшній Ляоянъ, тогда Ляо-дунъ-ченъ, бывшій впоследствіи восточною столицею, какъ Киданьскаго, такъ и Нюй-чженскаго царствъ. Одна же изъ гаолисскихъ столицъ — Вань-ду находилась у подошвы отраслей Чанъ-бо-шань, на Ялу-кянъ (зеленой рѣкѣ), 300 верстъ (600 ли) выше ея устья. Между китайскими династіями и Гао-ли скоро зазвучала сильная борьба въ Ляо-дунѣ. При династіи *Суй* Китайцы уже имѣли перевѣсъ, а при *Тань*, въ половинѣ VII вѣка китайскій императоръ нанесъ Гаолисцамъ рѣшительный ударъ, отнятіемъ у нихъ всехъ городовъ Ляодуна, а въ 680 году упорная война кончилась взятіемъ главной Гаолисской столицы, на самомъ полуостровѣ, и истребленіемъ

(42) Исторію ихъ см. О. Лаппе, Собр. св. о вост. ср. Азии, Ч. II, стр. 74, 98, 123.

(43) Plath Geschichte des östlichen Hoch-Asiens Götting. 8. 1830. Bd. I. p. 83.

царствующей династии. Этимъ и окончилось политическое значеніе корейской народиой группы въ разсматриваемыхъ нами странахъ.

Но въ то же время какъ падало окончательно подъ ударами Китайцевъ могущество Корейскихъ племенъ, Маньчжурскія и Киданьскія племена, усиливаясь и приобретаая государственную организацію, готовили срединному царству новый періодъ прилива. Мохэспы и Кидани служили союзниками императорской династии Талъ противъ Гаолиспевъ. Но когда Гаолисское царство было разрушено, а соприкосновеніе съ Китайскою цивилизаціею просвѣтило Киданей и Мохэспевъ, то они быстро перешли къ осѣдлости и гражданственности, и послѣдніе изъ нихъ основали уже въ концѣ VII вѣка могущественное царство *Бо-хай* ⁽⁴⁴⁾, опиравшееся на сѣвѣжный Чанъ-бо-шань. Царство это въ VIII вѣкѣ уже простиралось на 2500 верстъ, народонаселеніе его дошло до мильона семействъ (около 4.000,000 душъ), войска было нѣсколько десятковъ тысячъ. Деревни превратились въ города, явилось 15 провинцій и 5 столицъ ⁽⁴⁵⁾. Средняя изъ нихъ (Чжунъ-Кинъ) была Хурхань-Чжеу, вѣроятно въ самыхъ верховьяхъ Хул-хи. Въ 150 вер. (300 ли) къ С.-В. отъ нея находилась Бо-хай-ванъ-ченъ, верхняя столица, недалеко отъ выѣзшней Нигуты. О ней мы будемъ говорить ниже. Въ Бохайскомъ царствѣ явились палаты, министры, администрація. Китайскія формы гражданственности, китайская цивилизація сдѣлали быстрые успѣхи между восточными варварами. Они какъ бы готовились на своемъ нагорьѣ къ обладанію срединнымъ царствомъ: Только не Бохайцамъ удалось осуществить это обладаніе, потому что уже въ началѣ X вѣка царство ихъ было покорено воинственными Киданями.

Между тѣмъ Кидани уже въ концѣ VI вѣкѣ (при династии Суй) могли возвратиться на свои прежнія земли и начали подъ

(44) См. Іакинча, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи, Ч. II, стр. 178.

(45) См. Горскаго, Начало и перв. дѣла Маньчж. дома въ Труд. Пекин. мисс. Ч. I. 1882. стр. 23.

вассальною зависимою отъ Китая мало по малу организоваться и усиливаться. Они заняли, говорить лѣтописецъ ⁽⁴⁶⁾, мѣста въ 200 ли отъ Ляо-си, прямо на С. по р. Тогэ-чень (т. е. Ляохэ), на 100 ли пространства отъ В. къ З. и раздѣлились на 10 поколѣній: изъ нихъ большія имѣли 3000, а меньшія до 1000 чел. войска. Когда въ 618 г. въ Китаѣ воцарилась прочная династія Танъ, подчинились ей и Киданьскіе предводители, получившіе отъ нее княжескіе титулы. Городъ Лю-чень, на Далинь-хэ, переименованный въ Инь-Чжеу былъ тогда главнымъ правленіемъ подчиненныхъ Китаю Дунъ-ху (восточныхъ варваровъ). Изъ Киданей была образована область Сунмо, раздѣленная на округа: только губернаторами и правителями ихъ были признаны туземные князья, изъ чего слѣдуетъ что зависимость Киданей отъ Китая была только внѣшняя, номинальная.

По паденіи Гоалисского царства отъ конца VII вѣка, въ теченіи VIII и IX в. мы видимъ Киданей уже въ непрерывной борьбѣ съ династією Танъ, то совершенно независимыми, то подчиняющимися своимъ западнымъ сосѣдямъ Ту-кюэсского (Дуцюэсского т. е. Туркского) племени, а съ половины VIII в. Уйгурамъ того же племени, то опять подчиненными Китаю, котораго С.-В. предѣлы безпрестанно подвергались ихъ грознымъ набѣгамъ. Императоры династіи Танъ напрасно старались держать князей ихъ въ своей зависимости, системою браковъ съ принцессами императорскаго дома. Четыре раза удается Киданямъ быть особенно независимыми и грозными для Китая: 1) въ самомъ концѣ VII вѣка, при предводителѣ ихъ Ваньюнѣ, когда онъ взялъ Инь-чжеу (Лю-чень), разбилъ 170 тысячное императорское войско и проникнувъ до границы нынѣшней Чжили, осадилъ П'инъ-чжеу (Юнь-п'инъ), но наконецъ погибъ въ борьбѣ съ Китайцами и союзниками ихъ Ку-мо-хи; 2) въ началѣ VIII вѣка (733 г.), при предводителѣ ихъ Кэтуганѣ, который, слѣлавшись независимымъ отъ Китайцевъ, одержалъ надъ

(46) Іакинговъ, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. II. ст. 92.

ними блистательную побѣду при горахъ Ду-шань, но погибъ въ дальнѣйшей войнѣ въ 734 г.; 3) въ половинѣ VIII в. (751 г.), когда Кидани истребили совершенно на берегахъ Ляо-хэ посланное противъ нихъ шестидесяти-тысячное Китайское войско и 4) въ концѣ IX вѣка, при князѣ ихъ Кинь-да, когда Киданьцы, усилившись и покоривъ сосѣднихъ съ ними и соплеменныхъ Ку-мо-хи и Шивэй, проникли въ Чжиди до р. Луань-хэ (Lan-ho) и выдѣльняго города Юнь-п'ина, гдѣ только хитрость китайскаго полководца, обманомъ захватившаго князя Кинь-да и принудившаго его къ миру, остановила ихъ дальнѣйшіе успѣхи.

Но въ началѣ X вѣка исторія Киданей принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ⁽⁴⁷⁾. Здѣсь уже начинается снова періодъ *прилива* варваровъ на китайской окраинѣ. Переворотъ сей въ Киданьской исторіи происходитъ отъ того, что одинъ изъ киданьскихъ предводителей Амбагянь или А-бао-ки (A-pao-qi европейскихъ авторовъ)⁽⁴⁸⁾ приводитъ ихъ въ недостающее имъ единство и даетъ имъ государственную организацію. До X в. Кидани раздѣлялись на нѣсколько поколѣній (числомъ 8), управляемыхъ старшинами; одинъ изъ нихъ избирался царемъ и передъ нимъ, въ знакъ его власти, ставились литавра и знамя. Только литавра и знамя, по очереди или народной волѣ, переходили отъ одного старшины къ другому. Послѣ долговременнаго соприкосновенія съ Китаемъ, административныя и государственныя формы цивилизованнаго срединнаго царства не могли остаться безъ вліянія на Киданей. Амбагянь, выставивъ литавру и знамя, объявилъ себя безсмѣннымъ. Онъ привлекъ къ себѣ въ службу множество Китайцевъ и произвелъ въ своей націи полнѣйшій переворотъ: далъ ей письменна іероглифическія, переделанныя изъ китайскихъ, выстроилъ города, ввелъ земледѣліе, горное искусство, открылъ рынки, по примѣру китайскихъ пе-

(47) Дальнѣйшая исторія Киданей заимствована изъ рукописныхъ переводовъ оціанальной Китайской исторіи, В. П. Васильева.

(48) Plath Gesch. der östl. Hoch-Asiens, Götting. 1830 Bd. I p. 88. Амбагянь родился въ 872 г.

границных провинцій. Наконецъ, собравъ начальниковъ другихъ племенъ, онъ истребилъ ихъ, и сдѣлался единовластнымъ надъ Киданями. Послѣ того Амбагянъ покорилъ и другія тунгусскія племена, именно Ши-вэй и Ку-мо-хи, и уже въ 905 г. сдѣлалъ въ первый разъ нашествіе на сѣверныя Китайскія провинціи. Въ слѣдующемъ году онъ подчинилъ себѣ Маньчжурское племя Нюй-чжень, а вскорѣ послѣ того въ 916 г. принялъ титулъ императора, сдѣлавшись основателемъ могущественнаго царства или династіи, которое, по имени орошающей Киданьскія земли рѣки, называлъ *Ляо*. Съ тѣхъ поръ онъ часто вторгался въ Китай, въ 917 осаждалъ Ю-чжеу (нынѣшній Пекинъ), но тщетно, въ 922, потерпѣвъ неудачу въ Китаѣ, онъ обратился на В. и покорилъ въ южной Маньчжуріи царство Бо-хай, но въ этомъ походѣ нашелъ смерть свою. Политическія обстоятельства Китая пришли скоро на помощь преемнику Амбагяна, Тай-цзуну (иначе Де-гуанъ 927 — 947). Въ 933 г. Танская династія пришла въ окончательный упадокъ. Одинъ изъ полководцевъ ея (Ши-цзинь-т'анъ) взбунтовался въ провинціи Шаньси и, задумавъ основать новую династію, призвалъ на помощь Киданей. Кидани проникли въ средняное царство чрезъ знаменитый проходъ Я-мынь-гуанъ въ провинціи Шаньси⁽⁴⁹⁾, приблизились къ столицѣ Танской династіи — Тай-юаню (нынѣ главный городъ провинціи Шаньси) и разсѣяли войска ея. Династія Хоу-цзинъ была основана, но императоръ ея, въ вознагражденіе за помощь ему оказанную, уступилъ Киданямъ 16 округовъ Среднянаго царства. Это обстоятельство предало имъ въ руки весь сѣверный Китай. Округи Инь-Чжеу (въ нынѣшней Чень-дэ-фу и Пинь-чжеу (Юнь-Пинъ въ С.-В. Чилии) были уже и прежде въ ихъ рукахъ, округъ Ю-чжеу они обратили въ одну изъ своихъ столицъ (Янь-кинъ, нынѣшній Пекинъ). Весь С.-В. уголь среднянаго царства былъ подчиненъ ими, импера-

(49) Проходъ Я-мынь-гуанъ находится въ южной стѣнѣ провинціи Шаньси, къ С. отъ нынѣшняго города Дай-Чжеу (Тай-Тсѣю).

торъ кратковременной династїи Хоу-цзинь, пребывавшей въ Тай-юань, былъ ихъ данникомъ. Въ 946 году династія эта была свержена Киданями и вся сѣверная половина Шаньсїйской провинціи занята ими.

Здѣсь апогей владычества Ляо въ Китаѣ. Со смерти Тай-цауна, между Киданями возникли нѣкоторыя междоусобія и уже въ 959 г. императору кратковременной династїи Чжеу (пребывавшей въ Ло-янъ, нынѣшнемъ Хэ-нань-фу) удалось оттѣснить Киданей до самаго Пекина и отнять у нихъ нѣсколько захваченныхъ ими округовъ ⁽⁵⁰⁾.

Въ слѣдующемъ году воцарилась надъ Китаемъ прочная династія Сунъ (960 — 1272), и между нею и Киданьскимъ царствомъ Ляо загорѣлась почти на полвѣка непрерывная борьба. Кидани опустошали сѣверныя провинціи Суней, прорывались черезъ Хуанъ-хэ до самой Сунской столицы Хэ-нань-фу, но имъ не удавалось упрочить своего владычества въ занятыхъ областяхъ. Съ другой стороны и Сунѣ не были довольно сильны для того чтобы вытѣснить Киданей изъ сѣвернаго Китая.

Сунскій дворъ, наскучивъ борьбою, въ 1004 г., въ вознагражденіе за округи, отнятыя у Киданей предшествовавшей династіей Чжеу, согласился выдавать имъ ежегодно по 100000 ланъ серебра и 200000 кусковъ матерїи. Миръ возобновился на цѣлое столѣтіе, до самаго паденїя династїи Ляо.

Это обстоятельство положило предѣлъ дальнѣйшему распространенію царства Ляо въ Китаѣ, и позволило его императоромъ обратить вниманіе на сосѣдей своихъ въ монгольскомъ и маньчжурскомъ нагорьѣ.

Въ началѣ XI вѣка царство Ляо не переставало еще расширяться на вост. азіатскомъ нагорьѣ. Въ 1010 г. Кидани напали на Уйгуровъ и взяли Су-чжеу въ нынѣшней провинціи Гань-су.

(50) Въ промежуткѣ между долговременными династіями Танъ (618 — 903) и Сунъ (960 — 1279) властвовали въ Китаѣ слѣдующія эфемерныя династіи: младшая Лянъ (907 — 922), младшая Танъ (923 — 935), Хоу-цзинь (936 — 946), младшая Хань (947 — 950), младшая Чжеу (951 — 959).

Изъ этого слѣдуетъ что они обошли черезъ нагорную степь изъ-за гвбъ Хуанъ-хэ и царство Хя въ Ордосъ. Вскорѣ послѣ того они вели войны въ Корей и переходили черезъ Ялу-кянъ. Въ 1044 они напали на царство Хя съ двухъ сторонъ: спереди черезъ Ордосъ, и состороны, вдоль Хуанъ-хэ, имѣли успѣхъ, но не могли удержаться въ Нинъ-хя.

Въ то время въ царствѣ Ляо было 5 столицъ, 6 провинцій, 156 крѣпостей, 209 уѣздовъ, 5000 поколѣній.

Верхняя столица (Шань-кинъ) царства Ляо называлась *Линь-хуанъ-фу*. Она была основана Амбагянемъ, построившимъ сначала на мѣстѣ ея дворецъ, который въ 918 году былъ обведенъ стѣною и названъ Хуанъ-ду, т. е. императорскою резиденціею, и въ 938 г. переименованъ въ Шань-кинъ, т. е. верхнюю столицу. Впослѣдствіи городъ очень распространился и былъ раздѣленъ на сѣверный и южный: въ первомъ находился дворецъ, какъ и въ Пекинѣ, во второмъ жили торговые Китайцы⁽⁵¹⁾. Городъ Линь-хуанъ-фу, по свидѣтельству исторіи, былъ расположенъ на рѣкѣ Лай-лю, текущей съ С.-З., поворачивающей на В. и потомъ впадающей въ Кюй-кянъ (Цзюй-цзянь)⁽⁵²⁾. Принимая въ соображеніе столь точно описанное направленіе рѣки и китайскіе дорожники (см. ниже), мы можемъ сказать утвердительно, что нагорная столица царства Ляо находилась въ нынѣшнемъ Аймакѣ (княжествѣ) Баринъ, что рѣка Лай-лю есть нынѣшняя Чжоло-бира (Tscholo riga d'Anv., Grimm, Bergh.), иначе Урту-чонарь-голь, имѣющая совершенно описанное направленіе, а Кюй-кянъ съ которою она соединяется есть Хасиръ-уссу (Нашаг Насир d'Anv., Grimm.) Недалеко отъ мѣста, гдѣ находился городъ Линь-хуанъ-фу (т. е. близъ поворота Чжоло-бира), означается на нынѣшнихъ картахъ развалина Боро-хота⁽⁵³⁾.

Средняя столица (Чжунъ-кинъ) царства Ляо называлась *Дай-нинъ-ченъ*. Это есть нынѣшняя развалина Дай-нинъ-ченъ, на рѣкѣ

(51) См. Іакинво Стат. оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 288.

(52) Изъ рукописи В. II. Васильева объ исторіи Киданей.

(53) См. карты д'Анвилля, Гримма, Берггауза и Іакинво.

Доха, мимо которой проѣзжалъ Исбрандъ, и о которой мы уже имѣли случай говорить въ подробности (см. выше ст. 323).

Отъ средней столицы (Да-динъ-фу) къ сѣверою (Линь-хуань-фу) вѣлъ слѣдующій дорожникъ⁽⁵⁴⁾. Отъ Да-динъ-фу до станции Сунъ-шаань-гуань 80 ли (40 в.), до города Сунъ-синь-гуань 70 ли, до города Яо-кя-чжай 50 ли. Отсюда 30 ли до переправы черезъ Шара-мурэнъ по каменному мосту, недалеко откуда лежалъ городъ Жао-чжеу (бывшій Жао-лѣ-фу при династии Танъ). Далѣе до станции Бао-хэ-гуань 50 ли. Здѣсь переправа черезъ Хай-шуй-хэ (т. е. черная рѣка), конечно Сусай-пу д'Анвиллевоу и Гриммовой карты, и донынѣ называющійся по монгольски Хара-бира т. е. черною рѣкою. Далѣе до города Сюань-хуа-гуань 70 ли, до города Ченъ-т'ай-гуань 50 ли, далѣе на З. 20 ли до города Цау-чжеу и наконецъ уже 40 ли отсюда до Линь-хуа-фу.

Восточною столицею (Дунъ-кинъ) царства Ляо былъ нынѣшній городъ Ляо-янъ, тогда Хянъ-п'инъ или *Ляо-дунъ-ченъ*, на р. Да-цзя-бира, на полградуса широты южнѣе Мукдена, въ одномъ съ нимъ меридианѣ, т. е. въ области Фынъ-т'анъ-фу провинціи Шанъ-кинъ.

Южною столицею (Нанъ-кинъ) царства Ляо былъ нынѣшній *Цзинъ*, а западною (Си-кинъ) нынѣшній *Дай-т'унъ-фу* на Шаньсѣйской окраинѣ, бывшій также и западною столицею Гиньскаго царства.

О тогдашнихъ границахъ царства Ляо находимъ мы въ Кидань-гочжи XXII в.⁽⁵⁵⁾ нѣкоторыя интересныя свѣдѣнія. Въ Китаѣ Кидани владѣли всею провинціею Чжили и двумя третями Шаньси, на Ю.-З. владѣнія ихъ простирались до изгиба Хуанъ-хэ, а на З. границы ихъ были очень неопредѣленны. Въ полузависимости отъ нихъ, но въ постоянной съ ними враждѣ находились Ту-нюэскія (Туржскія) племена, также какъ и Тибет-

(54) См. Іакинво Стат. опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 288.

(55) По рукописному черчению В. П. Васильева.

скія Туфани. Уйгурское царство Гао-чанъ (нынѣшній Турфанъ) платило имъ дань. На С.-З. обитали многочисленныя, независимыя орды Да-да (Да-танъ т. е. Татары), всегда враждовавшія противъ Киданей. Сѣверными сосѣдями ихъ были Юй-гюэ (Юй-цюэ, вѣроятно Уй-гуры) и Мэнь-гу-ли или просто Мэнь-гу. Это имя, встрѣчаемое нами въ исторіи, очень замѣчательно, по большому сходству своему съ Монъ-гу, т. е. Монголами, и показываетъ что оно дѣйствительно уже принадлежало одному племени рѣчной области Бай-кала еще за II вѣка до Чингисъ-хана. Къ С.-В. обитало какое то племя Тъ-ли-си-ши-кянь, о которомъ авторъ Кидань-го-чжи говоритъ что языкъ ихъ, одѣянія и жилища имѣютъ отдаленное сходство съ языкомъ, одеждою и жилищами Мохэцевъ. Можетъ быть онъ подъ симъ племенемъ разумѣетъ Шивэйцевъ. На С.-В. обитали независимыя племена Мо-хэ, на В., въ рѣчныхъ же областяхъ Хулхи и Усури—отчасти подвластныя, отчасти независимыя Нюй-чженскія племена. Наконецъ на Ю.-В., на полуостровѣ Кореѣ обитало племя Синъю.

Съ конца XI вѣка Киданьское царство (Ляо) начинаетъ уже слабѣть, а въ первой четверти XII вѣка (около 1125 г.), въ судьбѣ Маньчжуріи, Киданьской альпійской страны и сѣвернаго Китая происходитъ рѣшительный переворотъ, произведенный маньчжурскимъ племенемъ *Нюй-чжень* (Niu Tchi, Yu-Tchi).

Эти Нюй-чжень были несомнѣнно предками нынѣшнихъ Маньчжуровъ (царствующей династіи Да-цинъ), и потомками древнихъ Сушэней, принадлежащими къ нормальной вѣтви маньчжурскаго племени (вмѣстѣ съ Сушэнями, Илэу, Мохэ и Уги, Бохай и т. д.). Коренное ихъ отечество была альпійская страна Чанъ-бо-шэни, ея сѣверные и С.-В. скаты и отроги, рѣчная область Хулхи, верхней Сунгари и паралельныхъ меньшихъ рѣкъ—Лалинь и въ особенности Альчуку (тогда Анчунъ). Проф. Васильевъ доказалъ что имя Нюй-чжень было исковеркано изъ болѣе вѣрнаго Чжурчжень, которое было общимъ названіемъ Маньчжуровъ, сохранившимся у Восточн. писателей и въ монгольской исторіи Цзауанъ-цеена (Чжурчжигъ). Въ Гинь-

чжи⁽⁵⁶⁾ главѣ I сказано что Нюй-Чжень называютъ себя Чжучи-чжень (ли есть китайская транспракція звука *p*, не существующаго въ китайскомъ языкѣ). Имя же Нюй-чжень Китайцы превратили въ Нюй-чжи, потому что, какъ объясняетъ Васильевъ, по китайскому обычаю, буква (іероглифъ) встрѣчающаяся въ имени Императора не можетъ быть употреблена во все время властвованія династіи, а въ династіи Ляо, при которой имя Нюйчженей часто употреблялось въ лѣтописяхъ, былъ Императоръ Цзунъ-чжень, почему историки и принуждены были измѣнить букву *Чжень* въ *Чжи*.

Во времена киданьской династіи Ляо (907—1025) Нюйчженьцы, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ ихъ родовъ, были подвластны Киданямъ. Имя Нюйчжень появляется впрочемъ въ первый разъ въ исторіи уже въ VII вѣкѣ, во времена династіи Танъ, когда Маньчжурское племя Мохэ вступило въ первыя сношенія данничества съ Китаемъ. Китайскій историкъ Юй-вэнь-мао-чжао, составитель интересныхъ записокъ о Нюйчженьцахъ, переведенныхъ В. П. Васильевымъ⁽⁵⁷⁾, говоритъ что въ то время Нюй-чжень жили на В. отъ рѣки Хунь-тунь-кяна (Сунгари), и у подошвы бѣлыхъ горъ (Чанъ-бо-шань), до моря (Восточнаго океана), и граничили на С. съ Ши-вэй, на З. съ Бо-хай, на В. съ Тъ-ли. Страна ихъ та самая, которая называлась (въ I и II вѣкѣ) И-лэу, а потомъ (при династіи Танъ) землею чернорѣчныхъ Мохэ. Одно изъ ихъ шести поколѣній называлось Чжурчжень (Нюй-чжень). Значительная часть Чжурчженей состояла подъ владычествомъ Киданей и только отдаленные роды ихъ ускользнули отъ этой зависимости. Количество независимыхъ семействъ простиралось до 100000 т.: они жили разсѣянно въ горахъ и лѣсахъ, раздѣлялись на трибы въ

(56) Цзинь-чжи, китайское историческое сочиненіе исторіи о Нюй-чженяхъ, или Гиняхъ, разработанная въ манускриптахъ В. П. Васильева.

(57) Переводъ этотъ сообщенъ мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ.

1000 до нѣсколькихъ тысячъ семействъ, управляемые старѣйшинами.

Тотъ же самый историкъ сообщаетъ о Нью-чженяхъ и о странѣ ихъ много любопытныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ мы заимствуемъ нѣкоторыя. Чжурчженская земля весьма обильна горами и лѣсами. Почва земли способна къ воздѣлыванію конопли и посѣву хлѣба; страна производитъ жень-шэнь (Gin-seng), медь, жемчугъ, самородное золото, тонкое полотно (?), кедровые орѣхи. Изъ птицъ водятся соколы, ястребы и кречеты, изъ животныхъ много коровъ, лошадей, кабаргъ, дикихъ собакъ (Canis corsac?), свиней, бѣлокъ и соболей. Обитатели мужественны, но коварны, жадны, мстительны, искусны въ стрѣльбѣ, любятъ рыбную ловлю и охоту, въ которой особенно искусны. Они живутъ большею частію въ горныхъ долинахъ, ограждая входы въ нихъ деревянными заборами. Дома ихъ деревянные и небольшіе, по причинѣ холоднаго климата. Зимой принуждены кутаться въ мѣха; лѣто даже самое жаркое походить на начало зимы въ Китаѣ.

Чжурчжени не боялись трудностей, легко выносили голодъ и холодъ, любили верховую ѣзду, легко поднимались на утесы и быстро спускались съ нихъ, переправлялись черезъ рѣки вплавъ на лошадяхъ, пренебрегая лодками и паромами. Тяжести перевозили на быкахъ и мулахъ. Музыка ихъ состояла изъ барабана и флейты, пѣсни напѣвомъ своимъ уподоблялись звукамъ птицы шу-гу. Не знали медицины, но для больныхъ призывали колдуновъ (шамановъ). Когда умирали родственники, то ихъ зарывали безъ гроба; для знатныхъ сожигали въ жертву живыми ихъ любимыхъ слугъ и служанокъ и осѣдлыхъ лошадей. По дорогамъ у нихъ не было постоянныхъ дворовъ: путешественники останавливались въ домахъ жителей. На рынкахъ не было денегъ, но производилась мѣновая торговля. Въ первое число новаго года поклонялись солнцу. Податей опредѣленныхъ не было, но собирали сколько понадобится. *Языкъ ихъ не сходствовалъ съ Киданьскимъ* Платье любили носить бѣ-

лаго цвѣта. Волосы ихъ спускались на плеча, и въ этомъ они также несходствовали съ Киданями; они перевивали волосы цвѣтной веревочкой, богатые украшали ихъ жемчугомъ и золотомъ; женщины же заплетали въ косы, обвиваемыя кругомъ головы. Зимую одѣвались въ мѣха, лѣтомъ въ полотно, у нихъ выдѣлываемое, потому что шелководства у нихъ не было. Потребленіе хлѣбнаго вина было очень значительно между ними. Буддизмъ былъ распространенъ между Чжурчженями также какъ и Даосизмъ. Уголовные законы были очень строги: жестокая казнь за грабежи и убійства и тѣлесныя наказанія за меньшія преступленія были въ большемъ ходу. Впрочемъ положительныя законы были заимствованы несомнѣнно у Киданей и Китайцевъ.

Эти этнографическія свѣдѣнія особенно интересны потому, что они показываютъ большое сходство въ обычаяхъ и нравахъ Чжурчженей съ Маньчжурами прошлаго столѣтія, а съ другой стороны значительное различіе съ Киданями. Болѣе всего важно показаніе, что Киданскій языкъ не сходствовалъ съ Нюйчженскимъ. За тѣмъ еще замѣчательно, что Кидани брили головы, а Нюйчженцы носили длинныя волосы. И до сихъ поръ Юй-п'я-д'а-цзы береговъ Усури и Хулхи брѣютъ головы, также какъ и Гольды средняго теченія Амура, а племя Мангуицевъ нижняго носятъ длинныя волосы, почему и называются у Китайцевъ Чжапъ-мяо-цзы (длинноволосыми ивородцами). Основательное изслѣдованіе нарѣчій и этнографическихъ отношеній этихъ приамурскихъ племенъ можетъ пролить большой свѣтъ на исторію восточной Азіи. До такого изслѣдованія объ этнографическихъ отношеніяхъ Дунь-Хусскихъ племенъ можно высказывать только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Сколько мнѣ кажется, на нынѣшнихъ Дауровъ, Соломовъ, Мергенцовъ и Гольдовъ можно смотрѣть какъ на представителей той Дунь-Хусской народнои группы, къ которой прежде принадлежали Кидани и Ши-вэй; а на нынѣшнихъ Маньчжуровъ и Юй-п'я-д'а-цзы какъ на представителей другой Дунь-Хусской народнои

группы, къ которой принадлежали въ болѣе отдаленной древности: Сушэни, Илэу, Мохэ, Бохай и Чжурчжени.

Разъединенные Нюй-Чжень соединились въ концѣ XI вѣка, а въ началѣ XII (въ 1113) общимъ ихъ властителемъ является знаменитый завоеватель Агуда. Пользуясь слабостью послѣдняго киданьскаго императора, онъ собралъ войска свои на пограничной съ Киданьскими владѣніями рѣкѣ Лалинь-хэ, овладѣлъ киданьскимъ городомъ Нинъ-кянь-чжеу, лежавшимъ на берегу Сунгари, на С. отъ Гирини и въ 1115 году принялъ титулъ императора, избравъ для своей династїи имя Гинь (Цзинь) т. е. золотой. Вслѣдъ за тѣмъ онъ нанесъ чувствительный ударъ Киданямъ взятіемъ ихъ значительнаго города Хуанъ-лунъ-фу, лежавшаго въ 140 верс. отъ нынѣшняго Кай-юаня, т. е. отъ сѣверной оконечности провинціи Шэнь-кинъ и къ в. отъ Гирини подъ 44° с. ш. на р. И-тунъ-бира (притокъ Сунгари), и рѣшительнымъ пораженіемъ императорскихъ войскъ. Въ 1118 году Агуда уже добрался до рѣчной области Ляо-хэ и, перейдя эту рѣку, поразилъ снова Киданей между нею и рѣкою Далинь-хэ. Утвердившись на Ляо-дунскомъ побережьѣ, онъ вступилъ въ морскія сношенія съ Дворомъ Китайской династїи Сунъ, найдя себѣ союзниковъ въ этомъ естественномъ врагѣ Киданей. Но, прежде чѣмъ Агуда рѣшился нанести окончательный ударъ своимъ еще могущественнымъ врагамъ, онъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, занялся упроченіемъ своей власти въ покоренныхъ земляхъ и приведеніемъ ихъ въ государственное устройство. Между прочимъ онъ далъ Нюй-чженямъ письма. Въ 1120 г. за то уже онъ былъ въ силахъ овладѣть разомъ двумя изъ киданьскихъ столицъ верхнею и среднею ⁽⁵⁸⁾. Въ критическихъ для царства Ляо обстоятельствахъ согласія между Киданями не было: они раздѣлились на двѣ династїи. вспомогательныя войска царства Хя не могли спасти ихъ: Агуда вскорѣ овладѣлъ и западною столицею (на Шавьсїйской окраинѣ, нынѣшній Дай-

(58) Восточная въ Ляо-дунѣ была покорена или ранѣе.

т'унь-фу) и сокрушилъ здѣсь одну изъ династій; потомъ, пройдя черезъ знаменитый проходъ Гюй-юнь-гуань (т. е. нынѣшній востокъ внутренней стѣны Нань-к'эу), обратился противъ другой и скоро овладѣлъ Пекиномъ, такъ что уже въ 1122 всѣ киданскія столицы находились въ его власти.

Въ слѣдующемъ году (1123) Агуда умеръ; Киданскій императоръ, переходя изъ однихъ земель въ другія, продержался еще два года. Съ гибелью его, въ 1125 году, пала династія Ляо, и только часть Киданей успѣла уклониться далеко на З. въ Турвань, гдѣ основала царство Си-Ляо, павшее въ 1201 году подъ ударами Найманскаго Вана. Преемникъ Агуды Укимай (или Тайцзунъ) умѣлъ воспользоваться его побѣдами, вовлеченный въ войну самимъ Сунскимъ Дворомъ. Сунцы заняли южные округа царства Ляо, самъ Агуда уступилъ имъ часть своихъ завоеваній въ Срединномъ Царствѣ и даже самый Пекинъ. Но двуличная политика Сунскаго Двора скоро заставила Укимаю взяться за оружіе. Онъ съ двухъ сторонъ напалъ на Сунское царство и осадилъ двѣ столицы: Пекинъ въ Чжили и Т'ай-юань въ Шаньси. Пекинъ былъ взятъ очень скоро, Сунскія войска разсѣялись, Нюй-Чженьцамъ удалось даже переправиться черезъ Хуанъ-хэ и осадить главную столицу Сунской династіи Бянь (нынѣ Кай-фынь-фу въ Хэнанѣ). Сунскій Дворъ принужденъ былъ согласиться на постыдный миръ, уступить Нюйчженьцамъ весь сѣверный Китай до Хуанъ-хэ и заплатить 5,000,000 ланъ золота и 50,000,000 серебра контрибуціи. Нюйчженьцы удались за Хуанъ-Хэ, но договоръ не былъ исполненъ. Уступленные города сопротивлялись отчаянно. Послѣ долгихъ усилій Нюйчженьцы наконецъ овладѣли силою Т'ай-юанемъ, опять переправились черезъ Хуанъ-хэ и на этотъ разъ ворвались и въ Бянь (К'ай-фынь-фу). Сунскій императоръ былъ сверженъ, преемники его перенесли столицу въ Нанкинъ, на берега Янъ-цзы-кяна, принявъ названіе южной Сунской династіи. Нюйчженьцы встрѣчали однакоже вездѣ мѣстныя сопротивленія въ покоренныхъ земляхъ. Война пылала въ нынѣш-

нихъ провинціяхъ Шэньси, Хэнанъ и Шандунъ. Въ послѣдней сопротивленіе сосредоточилось около Янь-чжеу-фу, гдѣ былъ тогда временно сунскій императоръ. Городъ былъ сожженъ Нюйчженьцами, императоръ удался въ Нанкинъ. Нюйчженьцы наводнили нынѣшнія провинціи Кянъ-су, 'Ань-хой, Хубей, Хунавъ, Кянъ-си и даже Сы-Чуань. Всѣ четыре Сунскія столицы находились въ ихъ рукахъ. Сунскій императоръ перебѣгалъ съ одного мѣста на другое.

Только съ 1130 года Нюй-чженьцы, не имѣвшіе претензій удержать за собою всего Срединнаго царства, начали мало по малу очищать южныя провинціи, тѣмъ болѣе что имъ трудно было держаться за прорванною въ первый разъ нашествіемъ варваровъ оборонительною ливіею широкаго Янь-цзы-кяна (Yang-tse-Kiang), на которомъ Сунскій дворъ имѣлъ свою флотилію. Скоро Укитай и Нюй-чженьцы потерпѣли нѣкоторыя мѣстныя пораженія, только Сунскій дворъ, не будучи въ силахъ удержать за собою нынѣшней провинціи Шэньси, пожертвовалъ ею, сосредоточивъ свои силы для защиты горныхъ проходовъ плодородной и богатой Сычуани, которая была особенно важна какъ житница для Китая.

Наконецъ, послѣ кровопролитной войны, Гиньская (Нюй-чженьская) династія вошла въ свои постоянные предѣлы. Миръ между Гиньскимъ и Сунскимъ дворомъ воспослѣдовалъ въ 1141 году. Границею между имперіями была назначена р. Хуай, нынѣ правый притокъ Хуанъ-хэ (впадавшаго тогда не въ Восточный океанъ, а въ Чжилійскій заливъ), а отъ истоковъ ея, въ нынѣшней провинціи Хэнанъ, мимо Си-анъ-фу къ Хуханорскимъ предѣламъ, такъ что только южные округа нынѣшней Шэньси остались во власти Сунцевъ.

Нюй-чженьцы достигли здѣсь своего апогея и съ тѣхъ поръ не расширяли владѣній своихъ въ Срединномъ царствѣ. Апогей этотъ продолжался менѣе одного вѣка. Междуусобія ослабили династію Гинь, не перестававшую враждовать съ Сунями, и въ

началѣ XIII вѣка она не могла устоять противъ удара могущественнаго Чингисъ-Хана.

Мы переходимъ теперь къ географическимъ отношеніямъ Гиньскаго царства ⁽⁵⁹⁾. Въ цвѣтущее свое время оно содержало около 45 мил. народонаселенія, заключало въ себѣ 5 столицъ и 18 провинцій.

14 изъ этихъ провинцій, съ двумя столицами, находились въ Срединномъ царствѣ. Самая удаленная западная была: 1) Линь-т'ао-лу, въ нынѣшнемъ Ганьсу близъ Хухэпороскихъ предѣловъ. Главный городъ ея находился на мѣстѣ нынѣшняго Ди-дао-чжеу (Ti-Thao-Tcheou) подъ 35° 22' сѣв. шир., въ меридіанѣ г. Лань-чжеу (Lan-Tcheou) на р. Т'ай-хэ, правомъ притока Хуанъ-хэ. Въ нынѣшней провинціи Ганьсу были у Гиней еще двѣ провинціи или дороги: 2) Цинъ-анъ-лу къ З. отъ первой, въ той же широтѣ, по въ меридіанѣ Нинъ-хя. Главный ея городъ лежалъ въ 20 вер. къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Пинъ-ляна (Phing-Liang); 3) Фоу-янъ-лу къ С. оттуда на границахъ царства Хя. Въ нынѣшней провинціи Шаньси лежатъ двѣ дороги или провинціи. 4) Фынъ-хянь-фу и 5) Цзинъ-чжао, послѣдняя около нынѣшняго Си'анъ-фу (Si-ngan-Fu). Эти западныя земли, стѣсненные между Сунскими и Тангутскими владѣніями, были самымъ опаснымъ пунктомъ Гиньскаго царства, и потому здѣсь и было учреждено столько провинцій. Въ нынѣшней провинціи Шаньси были слѣдующія провинціи или дороги. 6) Хэ-дунъ-нанъ-лу, съ главнымъ городомъ Пинъ-яномъ на Фынъ-хэ (лѣвомъ притока Хуанъ-хэ), соотвѣтствовавшая южной половинѣ провинціи Шаньси; 7) Хэ-дунъ-бэй-лу, соотвѣтствующая сѣверной половинѣ Шаньси, съ главнымъ городомъ Т'ай-юань ⁽⁶⁰⁾. Въ нынѣшней провинціи Чжили были четыре дороги или провинціи: 8) Чжунъ-ду-

(59) Всѣ матеріалы для географіи Гиньскаго царства почерпнуты въ рукописяхъ В. П. Васильева, а нѣкоторыя замѣчаны изъ Гинь-чжи и оффиціальной исторіи Гиньской династіи.

(60) Нынѣшній шаньсійскій городъ Дай-тунъ-фу, лежащій на Шаньсійской окраинѣ, находился на вѣ (южной) стѣнѣ и былъ западной Гиньской столицей.

лу съ *средней гиньской столицей*—нынѣшнимъ Пекиномъ; 9) Хо-бэй-су-лу и 10) Хо-бай-дунъ-лу къ В. оттуда и 11) Да-ливъ-фу-лу, занимавшая южную оконечность Чжи-ли и часть нынѣшняго Хэнаня до р. Хуанъ-хэ. За рѣкою Хуанъ-хэ, въ нынѣшнемъ Хэнанѣ и Анъ-хой (Ngan-Hoei) до рѣки Хуай, простиралась: 12) Бянь-фынъ-фу съ южною *Гиньскою столицею* Бянь, нынѣшнимъ Кай-фынъ-фу (Kai-Fung-Fu). Наконецъ въ нынѣшней Шань-дунѣ и части Кянь-су лежали еще двѣ провинціи: 13) Шань-дунъ-су съ главнымъ городомъ И-ду-фу, нынѣшнимъ Цинъ-чжеу (Tsing-Tcheou) и 14) Шань-дунъ-си-ху.

Но гораздо интереснѣе для насъ распространеніе Гиньскаго царства на Монгольскомъ и Маньчжурскомъ нагорьяхъ, гдѣ было у нихъ только четыре дороги или провинціи.

1) Нижняя рѣчная область Ляо-хэ, т. е. нынѣшняя провинція Шанъ-кинцъ⁽⁶¹⁾ (древняя Ляо-дунъ), составляла дорогу или провинцію *восточной столицы*. Самою столицею этою былъ городъ Ляо-янъ (Liao-Yan), въ меридіанѣ Мукдэня, на рѣкѣ Дя-пзя-бира (Taha Bergh, Taza d'Anv.), притокѣ Ма-нуха (Manuha), на которой расположенъ Мукдэнь. Ляо-янъ, уже современъ династїи Хань, пользовался всѣми правами первенства въ Ляо-дунѣ и назывался въ различныя времена Ляо-дунъ-гюнь, Ляо-янъ-го, Анъ-дунъ-ду-ху-фу (при династїи Танъ), Ляо-янъ-фу и т. д. Другіе окружные города провинціи были: *Дэнь-чжеу*, нынѣ Хай-чэнь-хянь (Hai Tchen-Hien), преждѣ Хай-чжеу, на одномъ изъ самыхъ нижнихъ притоковъ Ляо-хэ подъ 41° сѣв. шир.; *Шень-чжеу* нынѣшній Мукдэнь; *Гуй-дэ-чжеу*, не существующій болѣе, но находившійся въ округѣ нынѣшняго Тѣ-ли-хянь (Tie Li-Hien) на изгибѣ Ляо-хэ; *Гай-п'инг-чжеу* нынѣшній Гай-п'инг-хянь (Kai-P'ing-Hien), портъ на берегу залива къ Ю.-З. отъ Ляо-хэ; *Фу-чжеу*, существующій и нынѣ подъ тѣмъ же именемъ на Ляодунскомъ полуостровѣ; *Лай-юань-кюнь*, не существую-

(61) Исключая области Гинь-чжеу, причислявшейся тогда къ провинціи съверной столицы.

шіи болѣе, но лежавшіи къ Ю.-В. отъ Фынъ-Хуана, близъ устья Ялу-кяна и бывшіи центромъ непокорныхъ Нюйчженьцевъ во времена династіи Ляо; *Ба-со-фу* не существующіи нынѣ, но бывшіи близъ Ялу-кяна прямо на В. отъ Фынъ-хуана.

2) Вся южная собственно Маньчжурія т. е. нынѣшнія воеводства Гиринь и Сахалянъ составляли провинцію или дорогу *верхней столицы*. Столица эта, первая Нюй-чженьскаго царства, называлось *Хой-нинъ-фу* и имѣла титулъ *Шанъ-кинъ* (верхней столицы). Положеніе этой верхней столицы опредѣляется обыкновенно китайскими географами не вѣрно. Китайскія и маньчжурскія преданія полагаютъ что она находилась въ 60 ли (30 верс.) къ Ю.-З. отъ Нингуты, на правомъ берегу Хулхи, гдѣ дѣйствительно, по свидѣтельству китайской государственной географіи ⁽⁶²⁾, и нынѣ находится земляной валъ, окруженностью въ 30 ли (15 верстѣ), съ семью воротами, а внутри его развалины города, окруженностью въ пять ли, съ остаткомъ дворцовыхъ зданій. Профессоръ Васильевъ доказалъ однакоже что Гиньская столица не была здѣсь, потому что этому противурѣчатъ и показаніе Гиньской исторіи и дорожки посланниковъ, отправленныхъ къ Гиньскому императору У-кимаю (Тай-цзуну) Сунскимъ дворомъ. Именно въ Гиньской исторіи сказано, что Хой-нинъ-фу лежалъ въ 630 ли (болѣе 300 в.) къ З. отъ Хулхасской дороги, т. е. отъ долины р. Хулхи, между тѣмъ какъ Нингута лежитъ совершенно въ ея центрѣ. Кромѣ того, по свидѣтельству упомянутыхъ посланниковъ, отъ Хой-нинъ-фу до рѣки Лалинь, составлявшей прежнюю границу киданьскихъ и нюйчженьскихъ земель, считается 145 ли (70 верстѣ) или два дня пути. Повидно что Нюйчженьцы учредили свою первую столицу, хотя еще съ внутренней стороны своихъ прежнихъ предѣловъ, но на рубежѣ ихъ, для необходимаго надзора надъ только что покоренными киданьскими землями, точно также какъ позднѣйшіе Маньчжуры (нынѣшняя

(62) Юаньвъ Статист. Описаніе Китайской Имперіи Ч. II, стр. 274.

династія Да-цинъ) въ Хэтугала или Хинь-кинъ (Синь-цзинъ) на рубежѣ китайскаго Ляодуна. Слѣдовательно Гиньская верхняя столица не могла быть на Хулхъ, а такъ какъ она была построена на берегу рѣки, то означенное разстояніе не можетъ привести насъ ни къ какой другой рѣкѣ кромѣ Альчуку, притока Сунгари. Это подтверждается и географическимъ отдѣломъ Гиньской исторіи, въ которомъ, послѣ перечисленія главныхъ зданій города, положительно сказано что они находились на самомъ берегу рѣки Анъ-чунъ т. е. нынѣшней Альчуку. Слѣдовательно Хой-нинъ-фу находился на рѣкѣ Альчуку, вытекающей изъ горы Сунъ-а. Недалеко отъ истоковъ ея въ горныхъ долинахъ вѣроятно была и самая родина семейства Агуды, которому можетъ быть пришло на умъ дать династіи своей названіе золотой (Гинь, Цзинь), потому-что Анъчунъ было тоже слово что нынѣ Ай-жинъ и означало золото. Китайскіе географы же спутали положеніе Хой-нинъ-фу — верхней Гиньской столицы, потому-что на сказанномъ мѣстѣ на р. Хулхъ стояла Бо-хай-шанъ-кинъ т. е. верхняя столица Бохайскаго царства, которая, какъ кажется, служила съ самаго начала временной резиденціею Агудъ, между тѣмъ какъ Хой-нинъ-фу сдѣлался столицею только при Укимаѣ.

Мы можемъ назвать, кромѣ Хой-нинъ-фу и Бо-хай-шанъ-кинъ, еще нѣкоторые другіе Гиньскіе города въ провинціи верхней столицы. Такъ напр. Чжао-чжеу сдѣланъ былъ окружнымъ городомъ изъ мѣстечка Чжу-хэ-дянь въ 1118 году, потому-что здѣсь Агуда въ первый разъ побѣдилъ Киданей и провозгласилъ себя императоромъ. Городъ этотъ находился на Сунгарі, къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Ба-дуна. Далѣе къ Ю.-З. лежалъ округъ Лунь-чжеу, составленный изъ киданьскаго города Хуанъ-лунь-фу, который находился прямо на В. отъ Гирниа на р. И-тунъ-бира, лѣвомъ притокѣ Сунгари. Къ С. отъ Чжао-чжеу т. е. за среднимъ теченіемъ Сунгари къ Амуру, всѣ земли принадлежали къ Гиньскому округу или области Бо-юй. Китайскіе географы видятъ въ этомъ названіи Фу-юй, а В. П. Васильевъ

полагаетъ что названіе Бо-юй и доньинъ удержалось въ имени озера Боирь. Самый же округъ Чжао-чжеу лежалъ на древнихъ Фу-и-йскихъ земляхъ. Область же Бо-юй занимала нынѣшнія земли Цицикарскаго воеводства. Конечно на С.-В. отсюда граница Гиньскаго царства не была опредѣлена въ точности. Исторія говоритъ что она не доходила до моря, а простиралась до земель дикарей Чжираминъ и У-ди. Последнее названіе, по ивѣнію Васильева, сохранилось въ названіи рѣки Уди и Удскаго края. Не удивительно что владычество Гиней распространилось въ эту страну такъ далеко, потому-что за предѣлами областного города оно было только номинально, не будучи поддержано никакими городами или постоянными поселеніями. Городовъ же и поселеній Нюй-чженцы не основывали здѣсь, потому-что или они были безсильны, или не ожидали отсюда никакой опасности. Исторія же (Да-гинь-го-чжи) много разъ упоминаетъ объ обитавшемъ за Амуромъ (за среднимъ его теченіемъ), къ С.-В. отъ Нюй-чженьцевъ, обширномъ, воинственномъ и опасномъ для династїи Гинь племени Мэнъ-гу или Мэнъ-ву. Это воинственное племя, хотя и было подчинено Нюй-чженьцамъ, но во все продолженіе владычества династїи Гинь очень часто бунтовало противъ нея и побѣждало Гиньскія войска. Въ Да-гинь-го-чжи много разъ упоминается о такихъ сраженіяхъ и войнахъ съ Мэнъ-гу (Кн. IX. 20, XI; XII. 1; 2, XVII. 4, XX. 2.). Въ одномъ мѣстѣ (XII. 2.) находится самое замѣчательное показаніе о Мэнъ-гу, именно что послѣ побѣдъ, одержанныхъ ими надъ Нюйчженьцами, императоры Гиньской династїи уступили имъ обширныя земли (27 округовъ) на С. отъ р. Си-пінъ-ха т. е. Корулэни.

Вопросъ объ этихъ Мэнъ-гу есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ въ этнографіи Азии, потому-что одно обстоятельство несомнѣнно, именно что отъ имени Мэнъ-гу (Монъ-гу), происходитъ названіе Монголовъ.

Но остается еще прояснить очень важные вопросы. Были ли Мэнъ-гу мавъчжурскимъ или такъ называемымъ монгольскимъ племенемъ по языку своему, т. е. тождественны ли они съ Мон-

голами Чингисъ-хана или съ Мохэсами восточной Маньчжуріи. В. П. Васильевъ полагаетъ что названіе Монголовъ было прежде мезвѣстество между народомъ Чингисъ-хана, обитавшимъ на Орхонѣ и верхней Селенгѣ и говорившимъ нывѣшнимъ монгольскимъ языкомъ, а что оно есть позднѣйшая выдумка Тэмучина, который, принявъ названіе Чингисъ-хана вздумалъ, по примѣру Киданьской династіи Ляо и Нюй-чженъской Гинь, дать особое названіе своей династіи и своему царству, и какъ врагъ Гиней выбралъ для того имя Мэнь-гу, доселѣ самыхъ мужественныхъ ихъ враговъ.

Это объясненіе очень остроумно, но мнѣ кажется что Мэнь-гу и Монголы Чингисъ-хана есть одно и тоже племя, обитавшее въ XII в. на Амурѣ, какъ въ среднихъ частяхъ его, такъ и въ верховьяхъ составляющихъ его рѣкъ, различное отъ коренныхъ Мо-хэ, и говорившее не маньчжурскимъ, а монгольскимъ языкомъ. На такое мнѣніе наводятъ невольна два обстоятельства: именно еще ранѣе въ Киданьской исторіи между сосѣдями Киданей уже упоминается племя Мэнь-гу-ли или Мэнь-гу прямо на С. отъ Гоби, т. е. въ тѣхъ же странахъ, въ которыхъ позднѣе является Чингисъ-ханъ. Другое обстоятельство есть то, что въ Да-гинь-го-чжи XVII. 2. сказано, что еще при Танской династіи (618—905) было на С.-В. государство Мэнь-гу, но что и на С.-З. было Мэнь-гу, и трудно согласить что и тѣ и другіе имѣютъ одно и тоже имя. Если же вспомнимъ что настоящимъ С.-В. Мэнь-гу императоры династіи Гинь принуждены были уступить земли на С. отъ Кэрүлэна, и что слѣдовательно Мэнь-гу находились не только на С.-В. и С.-З. Гиньскаго царства но и на С. отъ него, тогда очень возможно предположить что Мэнь-гу уже съ XI в. огибали большою дугою съ С. царство Ляо, а потомъ Гинь. Разумѣется все это есть только гипотеза, можетъ быть не болѣе вѣроятная чѣмъ объясненіе Васильева, и нужно ожидать отъ дальнѣйшихъ изысканій окончательнаго рѣшенія разсматриваемаго нами, столь важнаго этнографическаго вопроса. Изысканія эти болѣе чѣмъ возможны, и на нихъ мы обращаемъ особенное вни-

маніе отечественныхъ исследователей. Именно журналы новейшихъ нашихъ экспедицій знакомятъ насъ съ приамурскимъ племенемъ Мангунцевъ: и мѣстообитаніе, и имя ихъ показываютъ что эти Мангунцы суть тоже самое, что древніе Мэнь-гу XII в. Стоитъ только изучить съ нѣкоторою критикою коренной языкъ ихъ, и тогда вопросъ о томъ были ли нынѣшніе Монголы тождественны съ древними Мэнь-гу или только заимствовали отъ нихъ свое имя, прояснится самъ собою, а этнографія Азіи будетъ оказана огромная услуга.

На В. отъ Хулхасской области владычество Гиней простиралось нѣсколько далѣе дѣйствительнаго владычества нынѣшнихъ Маньчжуровъ, хотя и не доходило до океана. Тамъ находилась область Сюэ-п'инъ или Шуй-п'инъ, въ 1100 ли (550 в.) отъ Хулхи, слѣдовательно областной ея городъ былъ расположенъ вѣроятно на берегахъ Усури, гдѣ нынѣшніе Маньчжуры городовъ не имѣютъ. Номинальное владычество Гиней распространялось еще далеко отсюда на С.-В., до самыхъ устьевъ Амура. На Ю.-В. Гиньское царство простиралось до нынѣшней Корейской границы, т. е. устье р. Ми-кяна (Тумыши-улы), которая уже упоминается въ Гиньской исторіи, потому-что Тумышскіе старшины бунтовали противъ Агуды.

3) Провинція или дорога *сѣверной столицы* (Бей-кинъ) занимала Ляоскую альпійскую страну и древній Ляо-си. Сѣверная столица *Дай-нинъ-фу*, бывшая средняя столица (Чжунъ-кинъ) царства Ляо, лежала нѣсколько южнѣе 42° с. ш. на р. Лохъ, гдѣ, какъ мы старались доказать, ее видѣлъ Исбрандъ (см. выш. ст. 302). Провинція сѣверной столицы распространилась на С. до Лунь-паюй, иначе Да-ханъ-бира, рѣки, принимаемой за нынѣшнюю Кэрулэнъ.

4) Провинція или дорога *западной столицы* (Си-кинъ) заключала въ себѣ, кромѣ нынѣшнихъ междустѣнныхъ областей Шаньсійской и Чжилійской провинцій (*Дай-тунъ-фу* и *Сюанъ-хуа-фу*), еще и значительную часть Монголіи. Западная столица была *Дай-тунъ-фу*, бывшая западною же столицею царства Ляо. На горной окраинѣ было у Нюйчженьцевъ много горо-

довъ. Между ними мы можемъ назвать напр. *Хуань-чжэу*, прежній Шангу, котораго развалины на Шанду-голѣ называются нынѣ Хуртувь-балгассу и отстоятъ въ 90 вер. отъ воротъ Ду-ши-к'эу; *Фу-чжэу* котораго развалины, въ 50 вер. къ С. отъ Калгана, называются нынѣ Хара-балгассу. Отъ этихъ городовъ къ С. настоящая Гиньская граница проходила не очень далеко — въ 100 — 150 вер. Конечно это были нормальныя границы, а номинальное владычество распространялось очень далеко черезъ всю степь Гоби, которой племена, какъ напр. сеймъ Кэраитовъ, даже племя самыхъ Чингисъ-хановыхъ Монголовъ, находились въ вассальной зависимости отъ Гиньской династии.

Мы сказали уже что къ началу XIII вѣка Гиньская династія была очень слаба, не смотря на обширное еще распространеніе своего царства. Съ 1206 г. когда Монгольскій Тэмучинъ, по покореніе Кэраитовъ и Найманей, принялъ титулъ Чингисъ-Хана, началъ онъ помышлять о покореніи Гиньскаго (Нюй-Чженьскаго) царства, отъ котораго, вмѣстѣ съ другими племенами Монгольскаго народа, былъ прежде въ вассальной зависимости. Но первыя столкновенія съ Нюй-чженьцами произошли только въ 1210 году. До тѣхъ поръ Чингисъ-Ханъ былъ занятъ приготовленіями и обезпеченіемъ себя на Западъ, гдѣ онъ уже если не покорилъ, то по крайней мѣрѣ ослабилъ царство Хя (Нинъ-хя) на Хуанъ-хэ. Нюй-чженьцы, боясь за свою западную столицу (Дай-т'унъ-фу) начали укрѣплять горныя ущелья, ведущія черезъ горы, по которымъ нынѣ проходитъ вѣшняя линія великой стѣны, тогда не существовавшая. Главная крѣпость ихъ называлась Ву-ша-п'у. Она вѣроятно находилась на мѣстѣ нынѣшнихъ воротъ Те-шинъ-к'эу (Te-Shing-Keou). Въ началѣ 1211 года ⁽³⁶⁾ Чингисъ-Ханъ въ первый разъ явился на окраинѣ Монгольскаго нагорья. Одинъ изъ первыхъ взятыхъ имъ Гиньскихъ городовъ былъ Фынъ-ли, лежавшій вѣроятно на

(33, См. Иакинва истор. первыхъ четырехъ Хановъ дома Чингисовъ С. П. Б. 1829 г. ст. 45 и далѣе.

одномъ изъ притоковъ Чжуха-гола, притока Янъ-хэ, потомъ была взята крѣпость Бу-ша-п'у. Это предало въ руки Чингисъ-Хана западную столицу Дай-т'унъ-фу оставленную гарнизономъ. Отсюда Чингисъ обратился на Калганскую дорогу. Здѣсь онъ овладѣлъ городомъ Фу-Чжеу (см. выше), въ 50 вер. отъ нынѣшняго Калгана, потомъ городомъ Сюань-дэ, т. е. нынѣшнимъ Сюань-хуа-фу. Въ это время отряды его заняли Чжилійскую и Шаньсійскую окраину, начиная отъ Шань-хай-гуаня (тогда Динь-хуань) и Юнь-п'ина (тогда Пинъ-чжеу) на В., до города Дай-чжеу и знаменитаго прохода Яй-мынь-гуаня въ пров. Шаньси на З., и далѣе до изгиба Хуанъ-хэ. На берегахъ Хой-хэ (Косей-хо карт. Клапр.), притока р. Санъ-канъ-хэ (Sang-Kan-Ho), Нюй-Чженъцы были совершенно разбиты, и даже средняя ихъ столица, резиденція императоровъ — Чжунъ-ду-лу (нынѣшній Пекинъ) подверглась осадѣ, но спаслась мужественною обороною. Монголы отступили и Нюй-Чженъцы опять заняли взятые у нихъ и опустошенные города. Въ 1212 г. Чингисъ-Ханъ опять явился на окраинѣ и осаждалъ западную столицу (Дай-т'унъ-фу), но раненый стрѣлою принужденъ былъ отступить. Въ то же время одинъ изъ его генераловъ, проникнувъ въ Ляо-дунъ (нынѣшній Шанъ-кинъ), т. е. въ Маньчжурскія владѣнія Гиней, овладѣлъ ихъ восточною столицею — Ляо-яномъ. Въ 1213 году Чингисъ-Ханъ, слѣдуя по Калганской дорогѣ, вторгнулся опять въ Китай. Городъ Сюань-хуа-фу былъ взятъ; на этотъ разъ пала обойденная Монголами съ южной стороны знаменитая крѣпость Кюй-юнь-гуань (Цзюй-юнь-гуань), близъ воротъ Нань-к'эу. Между Нюй-чженцами не было согласія. Слабый Гиньскій императоръ былъ убитъ однимъ изъ своихъ полководцевъ, и на мѣсто его былъ поставленъ другой. На берегахъ Хой-хэ Монголы опять одержали рѣшительную побѣду: первая оборонительная лиція Китая была окончательно прорвана. Монголы наводнили всю Чжилійскую провинцію и проникли даже въ Шань-дунъ и до Хуанъ-хэ. Сѣверная часть нынѣшней пров. Хэнань была также ими покорена. На Сѣверѣ

отъ Желтой рѣки только средняя столица (Пекинъ) и 9 городовъ еще держались. Потомки династїи Лио (Киданьской) востали на берегахъ Шара-мурэи. Большая часть застѣнныхъ провинцій были потеряны для династїи Гинь.

Но на этотъ разъ Чингисъ-Ханъ даровалъ еще въ 1214 г. миръ Гиньскому императору, который заплатилъ ему родъ дани и выдалъ за него княжну — дочь своего предшественника. Но уstraшенный императоръ перенесъ свою резиденцію въ южную столицу Бянь (Кай-фынь-фу), т. е. за вторую оборонительную линію Хуанъ-хэ. Чингисъ-Ханъ, раздраженный недовѣріемъ, опять началъ войну съ наступленіемъ осени (1214). Двѣ столицы — сѣверная (Дай-нинъ на Лоха) и средняя (Пекинъ) были осаждены разомъ. Весь Ляо-си былъ покоренъ Монголами; Гиньскіе полководцы одинъ за другимъ передавались Чингисъ-Хану; столицы еще держались.

Въ началѣ 1215 г. сѣверная столица была наконецъ взята. У Ба-чжеу (къ Ю. отъ р. Сагъ-канъ-хэ въ меридіанѣ Пекина) Нюй-чженьскіе войска, посланныя на помощь средней столицѣ (Пекину), были разбиты; столица защищалась упорно. Съ наступленіемъ жаровъ Чингисъ-Ханъ принужденъ былъ удалиться на нагорье въ Хуанъ-чжеу. Это мѣсто есть нынѣшная развалина Хуртунъ-балгасу на Шанду-голь, къ С.-З. отъ Долонъ-нора. Въ концѣ лѣта Нюй-чженьскій главнокомандующій, доведенный до крайности долговременною осадой столицы, отравился, и вслѣдъ за тѣмъ Чингисъ-ханъ получилъ извѣстіе о взятїи Пекина. Городъ подвергся страшному опустошенію; пожаръ продолжался цѣлый мѣсяць. Монголы напали на вторую оборонительную линію, т. е. на Желтую рѣку, проникли за нее, дошли до южной столицы (Кай-фынь-фу, тогда Бянь), но тамъ были отражены.

Въ 1216 году В. земли прежняго царства Ляо (рѣчной области Шара-мурэи) покорились Монголамъ. Но въ этомъ году новыя ихъ попытки противъ южной Гиньской столицы еще не удались.

Мухури, лучший из генералов Чингись-Хана, продолжал завоеванія въ срединномъ царствѣ. Самъ же Чингись-Ханъ, не могшій акклиматизироваться въ Катаѣ, пребывалъ на Монгольской окраинѣ. Хотя въ слѣдующіе годы (1217 — 1223) война шла съ успѣхомъ и Монголы покоряли Гиньскія области въ Шаньси и Шэньси одну за другою, на оборонительной линіи Хуань-хэ они встрѣтили упорную защиту и трудно преодолимые препятствія. Чингись-Ханъ очень хорошо зналъ что когда Гиньское царство будетъ покорено и дѣло дойдетъ до лежащаго за нимъ Сунскаго, препятствія еще усилятся, и это вѣроятно побудило его (съ 1219 г.) обратиться на западныя страны, гдѣ онъ искалъ обхода, для того чтобы напасть съ фланга на Гиньское, а потомъ и Сунское царства.

Въ 1222 г. Мухури совершенно окончилъ завоеваніе Гиньскихъ земель на С. отъ Хуань-хэ, въ то время когда Чингись-Ханъ велъ войны на отдаленномъ Западѣ. Смерть Мухури въ 1223 г. остановила на нѣкоторое время дальнѣйшіе успѣхи Монголовъ въ срединномъ царствѣ.

Въ 1227 году Чингись-Ханъ, возвратившійся изъ своихъ дальнихъ походовъ на З., дѣйствительно, по покореніи царства Хя, явился во флангъ срединнаго царства, занявъ горные проходы, ведущіе изъ провинціи Ганьсу въ Шэньси. Хотя смерть постигла его тамъ въ томъ же году, успѣхъ Монголовъ въ срединномъ царствѣ съ этаго времени былъ обезпеченъ. Въ 1234 г. царство Гинь пало подъ ударами Угэдея (Октая), преемника Чингись-Ханова⁽⁶⁴⁾. Въ 1270 пала и династія Сунъ и все срединное царство было покорено Монголами.

Здѣсь начинается значительный перерывъ въ исторіи взаимодѣйствія Вост. Азіатс. нагорья и срединнаго царства. Самобытность Ляосской альпійской страны была совершенно уничтожена смѣшеніемъ слишкомъ разнородныхъ элементовъ, а да-

⁽⁶⁴⁾ См. Іакинва истор. перв. четырехъ Хановъ дома Чингисова С. П. Б. 1829 ст. 230.

лѣ на В. Гунгускія племена, съ паденіемъ Гиньской династіи, пришли въ безспіе; Маньчжурія, перенесшая весь цвѣтъ пріобрѣтенной ею цивилизаціи въ Срединное Царство, на нѣкоторое время одичала. Самымъ центромъ Маньчжуріи (округомъ Цзяньчжеу) управлялъ монгольскій темникъ ⁽⁶⁵⁾, въ нынѣшней Нингутѣ и Одоли были монгольскіе гарнизоны.

Такъ было во все время властвованія въ Китаѣ династіи Юань (Чингисъ-Ханидовъ, 1260 — 1368). Хотя нынѣшніе Маньчжу начинаютъ играть историческую роль, во вліаніи своемъ на срединное царство, только съ началомъ XVII вѣка, возрожденіе племенъ Маньчжуріи уже началось гораздо ранѣе, именнѣе въ концѣ XIII вѣка, въ послѣдніе времена Юань и при началѣ властвованія династіи Минь. Къ этому времени (1368 — 1398) относится существованіе Айжинь-гіоро, перваго историческаго предка Маньчжурской династіи, основательный изслѣдователь происхожденія и первыхъ дѣлъ Маньчжурскаго дома—Горскій ⁽⁶⁶⁾. Горскій доказалъ съ большимъ вѣроятіемъ ⁽⁶⁷⁾, что Айжинь-Гіоро былъ одинъ изъ потомковъ Гиньской династіи и что нынѣшніа Да-цинская или Маньчжурская династіа есть только возрожденіе Гиньской ⁽⁶⁸⁾.

При Миньской династіи собственно Маньчжурія состояла изъ трехъ округовъ ⁽⁶⁹⁾: *Цзянь-чжеу*, *Хай-си-вэй* и *Ъ-жель-вэй*. Маньчжурскія же племена составляли четыре конфедераціи: 1) *Маньчжурскую*, состоявшую изъ аймаковъ Сухсу-ху, Хунь-хэ, Вангянь, Донго и Чжѣчэнь, 2) *Чань-бо-шаньскую*—изъ аймаковъ Нэйънь и Ялу; 3) *Хулуньскую* — изъ аймаковъ Ыхэ, Хада, Хойфа, Ула и 4) *Дунь-хайскую* изъ аймаковъ Воцзи, Варха и Хурха.

(65) См. Горскаго о происхожденіи родоначальника нынѣ царств. дина. Цинь. Въ Труд. чл. Пекин. мисс. Ч. I. 1852. ст. 219.

(66) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. мисс. Ч. стр. 215.

(67) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. мисс. Ч. I. ст. 231.

(68) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Пек. мисс. Ч. I. 232.

(69) См. Горскаго начало и перв. дѣла Маньчж. дома въ Тр. Пек. мисс. Ч. I. ст. 39.

Округъ Цзянь-чжеу занималъ самое сердце коренной Маньчжуріи—верховья Хурхи и Сумгари отъ Нивгуты до Хинг-кинца (Синь-цзиня). Къ нему то и относились Маньчжурскій и Чань-бо-шаньскій сеймы. Округъ Хай-си-вэй распространялся отъ Гирини до изгиба Шара-мурэни и къ нему принадлежалъ Хулуньскій сеймъ, самый могущественный. Округъ Ё-жэнь-вэй распространился за Хурхою черезъ дремучіе лѣса къ Усури и Восточному океану, и къ нему принадлежалъ сеймъ Восточнаго моря—Дунъ-хайскій. Округъ Цзянь-чжеу былъ родовымъ аймакомъ Гиньской династіи, потому то болѣе чѣмъ вѣроятно что его наследственные правители, къ которымъ принадлежалъ и Айжинь-гіоро (родоначальникъ Маньчжурской династіи), были прямыми ея потомками.

Въ маньчжурскомъ словарѣ ⁽⁷⁰⁾, изданномъ въ 1708 г., по повелѣнію императора Канъ-хи, Горскій нашелъ самое безыскусственное сказаніе о происхожденіи маньчжурскаго дома. Тамъ сказано: «Тай-пзу (перв. маньчжурскій завоеватель) происходилъ изъ фамиліи Гіоро, получившей начало свое при горѣ Чань-бо-шань, которая простирается въ вышину на 200, въ окружность на 1000 ли. На вершинѣ ея находится озеро Тамунь, окружн. 80 ли, при подошвѣ ея берутъ начало свое рѣки Ялу, Хунъ-тунь и Айху. Ай-жинь-гіоро, поселился на восточной сторонѣ Чань-бо-шани, въ степи Омохой, городѣ Одоли, усмиривъ мятежи и далъ государству названіе Маньчжу. Впослѣдствіи резиденція была перенесена въ Хэгу-ала, нынѣшній Бндэнь (по кит. Хинг-кинъ, въ сѣв. произн. Синь-цзинъ)». Этотъ простой расказъ былъ уже прикрашенъ вымыслами и превращенъ въ сагу о небесной дѣвѣ, спустившейся на озеро горы Чань-бо-шань и родившей чуднаго младенца Ай-жинь-гіоро, китайскими писателями. Горскій ясно доказываетъ китайское происхожденіе этой саги ⁽⁷¹⁾. Ай-жинь-гіоро во всякомъ

(70) Маньчжу-гизунъ и булэку битхэ, см. Горскаго о происхожд. и т. д. въ Труд. Чл. Пек. мисс. Ч. I, стр. 192.

(71) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Труд. Чл. Пек. мисс. Ч. I, стр. 206, 208 и др.

случаѣ соединилъ подъ своею властью три маньчжурскіе рода въ городѣ Одоли. Одоли находится непосредственно на древнихъ нюйчженскихъ земляхъ въ верховьяхъ Хулки, въ 330 ли (165 верс.) къ Ю.-З. отъ Нингута, и по управленію относится къ Хинь-кинскому (Синь-цзинскому) округу (72).

Имя Гиоро встрѣчается не разъ въ географич. названіяхъ Маньчжуріи. Такъ называется напр. рѣчка, текущая изъ Гириньской области въ Шэнь-кинскую и впадающая въ р. Дай-цинъ; системы Ляо-хэ; такъ называется также небольшое укрѣпленіе въ 4 ли отъ развалинъ Бо-хайской столицы, почитаемой китайскими географами за развалины верхней Нюйчженской столицы (73). Имя Гиоро есть фамильное имя предковъ маньчжурской династіи, Айжинь указываетъ на происхожденіе этой фамиліи отъ династіи Гинь, которое Горскій доказалъ еще другими доводами. Что же касается до имени Маньджу, которое также принадлежало Ай-жинь-гиоро и было имъ сообщено народу его, то оно, по прекрасному, критическому объясненію Горскаго, было не новое, а существовало и прежде у Мохэ и Ши-вэй какъ титулъ, и значило *главный начальникъ*. Въ этомъ смыслѣ противопоставлено оно императоромъ Кянъ-лунемъ слову Чжушень — рабъ (74). Нѣтъ ничего удивительнаго что Айжинь-гиоро, у котораго этотъ титулъ обратился какъ бы въ собственное имя, сообщилъ его основанному государству.

Дѣти и потомки Айжинь-гиоро продолжали быть наследственными Ду-ду или главами сейма наследственного Гиньскаго аймака — Цзянь-чжеу (75), и пребывать въ Одоли, до тѣхъ поръ пока, черезъ нѣсколько поколѣній, въ судьбѣ властительной фамиліи Гиоро не произошло переворота. Какъ они затемъ превратились въ вымыслы китайскихъ пи-

(72) Горскаго о происх. и т. д. въ Тр. Ч. Пек. А. Ч. I, стр. 24.

(73) Id. также стр. 211.

(74) См. Горскаго о происхожденіи и т. д. въ Тр. Ч. Пек. мисс. Ч. I, ст. 242

243.

(75) Горскій доказалъ это изъ словечка показаніи кит. авторомъ, см. Горск. о происх. и т. д. въ Тр. Ч. Пек. мисс. Ч. I, стр. 212.

сателлей, преслѣдованія Горскаго привели его къ заключенію, что все дѣло было въ томъ, что одинъ Ду-ду (правитель) изъ фамиліи Гіоро былъ убитъ; сынъ же его, именовъ Чжао-цзу, спасшійся отъ преслѣдованія своихъ враговъ, вскорѣ возстановилъ властительную фамилію Гіоро, только уже не въ Одоли, а гораздо далѣе къ Ю.-З. оттуда, въ правомъ округѣ Цзянь-чжеу, избравъ своею резиденцію городокъ Хэту-ала, названный потомъ Бидень, по китайски Хинъ-кинъ (по сѣв. произн. Синъ-цинъ), на С.-В. Шэнь-кинской провинціи. Объ этомъ городѣ мы уже имѣли случай говорить выше (см. стр. 215). Начиная отъ этаго времени родоначальники маньчжурскаго дома, изъ которыхъ пятое колѣно составлялъ знаменитый завоеватель Тай-цзу, всѣ уже исторически извѣстны. Сыновья Синъ-цзу, внука Чжао-цзу, построившіе 5 городовъ около Хэту-ала и были тѣми 6-ю патриархами-князьями, о которыхъ упоминаетъ Риттеръ (см. выше стр. 194).

Тайцзу же, сынъ одного изъ этихъ Бэйлэ (князей), былъ настоящимъ основателемъ маньчжурскаго могущества. Онъ рѣшился взяться за оружіе тогда, когда отецъ его былъ убитъ Китайцами. Съ 1583 года началъ онъ ⁽⁷⁶⁾ замѣчательную борьбу съ Китаемъ, въ которой перевѣсъ могли ему доставить только его необыкновенное мужество, твердость воли и замѣчательныя дарованія. Съ первымъ успѣхомъ нашлись и союзники въ сосѣднихъ аймакахъ, и уже къ 1586 году Тай-цзу соединилъ весь Цзянь-чжеу подъ своею властью, а Миньскій дворъ принужденъ былъ выдать ему убійцу отца его и дать пышные титулы. Черезъ нѣсколько лѣтъ Тай-цзу одержалъ уже верхъ въ опасной борьбѣ съ сосѣднимъ и могущественнымъ Хулуньскимъ сеймомъ, и послѣ того явился просвѣтителемъ своего юнаго государства, давъ ему письмена и законы. Въ то же время онъ расширилъ предѣлы своихъ владѣній до Восточнаго океана и,

(76) Горскаго начала и первая дѣла маньчжурскаго дома въ Труд. Пек. мисс. Ч. I, стр. 35.

привлекая къ себѣ подчиняемыя племена области Ъ-жень, подвигалъ центръ тяжести своего государства все ближе и ближе къ предѣламъ Китая.

Въ 1618 году, сокрушивъ уже и подчинивъ окончательно значительную часть Хулуньскаго сейма, исключая аймака Ъхэ, Тай-цзу вступалъ въ рѣшительный походъ противъ Китая, поддерживавшаго враждебный ему аймакъ. Первая побѣда была одержана Тай-цзу на берегахъ р. Хунь-хэ; съ 50000 войска онъ разбилъ по одиначкѣ корпусы въ 5 разъ сильнѣйшаго неприятеля. Въ 1621 году Шэнь-лянь или Мукдэнъ былъ взятъ Маньчжурами, въ слѣдствіе чего земли на В. отъ Ляо были потеряны для Китайцевъ.

Въ концѣ того же года Маньчжуры перешли черезъ р. Ляо; городъ Гуань-нинъ-хянь былъ взятъ, и весь Ляо-си до самаго Шань-хай-гуаня былъ наводненъ ими. Но Маньчжуры, опустошивъ эту провинцію, возвратились за Ляо, и, озабоченные устройствомъ столицы въ Мукдэнѣ, 4 года не предпринимали ничего противъ Китая. Только въ 1626 г. война возобновилась. Во время этого похода маньчжурскаго ханя безуспѣшно осаждалъ городъ Нинъ-юань, гдѣ встрѣтилъ пушки и мужественное сопротивленіе, разбилъ однакоже два китайскіе лагеря и вскорѣ по возвращеніи изъ похода въ Мукдэнъ окончилъ жизнь⁽⁷⁷⁾.

При преемникѣ Тай-цзу, Тай-цзунѣ, Ляосская альпійская страна и Корея прежде всего подчинились Маньчжурамъ: первая добровольно, вторая силою. Въ 1627 г. они перешли Ляо, приблизились къ Далинь-хэ, но встрѣтивъ всю оборону сосредоточенною въ Ляоси, послѣ неудачной осады Нинъ-юаня и Кинь-чжеу (Цзинь-чжеу), принуждены были отступить. Тогда Тай-цзунъ рѣшился (въ 1629 г.) пройти черезъ Ляосскую альпійскую страну и напасть на Китай съ другой стороны. Маньчжурамъ удалось прорваться черезъ Великую стѣну при Хи-финь-

(77) Горскаго нач. и перв. дѣла маньчжурск. дома въ Гр. Чл. Пек. мисс. Ч. I, стр. 93.

н'эу а первый городъ Срединнаго царства или взятый былъ Цзюнь-хуа-фу. Въ 10 верст. отъ Пекина Тай-цзунъ разбилъ всё войска, сосредоточенныя для защиты столицы, но не рѣшился еще на этотъ разъ вступать въ Пекинъ, и возвратился въ Мукданъ, покоривъ еще нѣсколько городовъ на возвратномъ пути, между прочимъ Юнь-п'инъ. Но такъ какъ въ тылу оставшихся въ этихъ городахъ гарнизоновъ находился Шань-хай-гуань и непокоренная часть Ляо-си, то, по отбитіи Тай-цзуна, Китаичамъ не трудно было, напавъ на Маньчжуровъ съ двухъ сторонъ, выгнать ихъ изъ Срединнаго Царства. Война возобновилась только въ 1631 году въ Ляо-си, потому что Тай-цзунъ помялъ, что здѣсь находился ключъ позиціи всей китайской обороны. На этотъ разъ Тай-цзунъ, послѣ блестящей побѣды, овладѣлъ крѣпостью Да-линь-хэ, благодаря зведенымъ имъ въ свои войска пушкамъ. Городъ Кинь-чжу представилъ однакоже хану опять непреодолимое препятствіе. Потому Тай-цзунъ опять направился черезъ Ляосскую страну вдоль окраины нагорья, покорилъ на этотъ разъ Чахаровъ и доходилъ до Ху-ху-хетоня. Между тѣмъ упадокъ Миньской династіи уже выражался въ Срединномъ Царствѣ штежами къ западнымъ и восточнымъ провинціямъ. Въ Маѣ 1636 Тай-цзунъ, окруженный уже толстою вассальныхъ монгольскихъ князей, принялъ императорскій титулъ, давъ династіи своей имя Да-цинъ, а правленію своему Чунь-да⁽⁷⁸⁾. Въ томъ же году новый императоръ предпринялъ походъ противъ непокорной Кореи, окончившійся взятіемъ столицы и совершеннымъ смиреніемъ со всѣхъ сторонъ окружающаго маньчжурскими войсками корейскаго короля. По возвращеніи Тай-цзуна въ Мукданъ Ордось призналъ свою зависимость отъ маньчжурскаго императора. Такимъ образомъ вся окраина нагорья, отъ Желтаго моря до втораго колѣна изгиба Хуань-хэ, была въ рукахъ Маньчжуровъ. Оборонительная линія Срединнаго Царства — Великая стѣна была прорываема вездѣ съ

(78) Горскаго id. въ Тр. Чл. Пек. мисс. Ч. I. стр. 149.

чрезвычайною легкостью, и побѣдоносныя Маньчжуры легко производили свои вторженія въ Чжили, Шеньси и Шаньдунъ, гдѣ они захватили множество городовъ. Но одно обстоятельство препятствовало еще Маньчжурамъ стать твердою ногою въ Китаѣ. Это было то, что въ тылу ихъ находился Шань-хай-гуанъ и крѣпкіе города Ляо-си. Въ этой полосѣ земли слѣдовательно сосредоточивалась вся стратегическая опора Минской династіи. Въ 1641 году Тай-цзунъ наконецъ приступилъ къ рѣшительной осадѣ Кинь-Чжеу. Защита была упорна; многочисленный китайскій корпусъ, присланный на выручку города былъ совершенно разбитъ и Кинь-Чжу послѣ годовой осады наконецъ остался Маньчжурамъ. Послѣ того въ 1642 — 43 году совершилъ Тай-цзунъ свой послѣдній походъ въ Китай, во время котораго, опустошивъ Чжилійскую провинцію, онъ доходилъ до г. Инь-чжеу въ Шаньдунѣ. Династія Минъ была на краю гибели, но Тай-цзунъ умеръ въ 1643 году, не успѣвъ еще взять Пекина.

Черезъ годъ послѣ того побѣдоносный преемникъ его Шунъ-джи уже вступилъ въ Пекинъ и утвердилъ окончательно династію Да-цинъ на престолѣ падшей Минской династіи.

Прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ какъ этотъ послѣдній приливъ сокрушилъ престолъ туземной династіи и распространился до самой отдаленной внутренности Азіи, а теперь отливъ уже въ полной силѣ. Династія Да-цинъ, столь славная дарованіями своихъ первыхъ государей, утратила свою національность и пришла въ совершенное разслабленіе, котораго симптомы ясно выражаются въ возмущеніяхъ, распространившихся повсемѣстно въ Среднемъ Царствѣ. Лѣса Маньчжуріи опустѣли. Маньчжуры, посреди чуждой имъ жизни китайскихъ городовъ, забыли и родину и языкъ свой. Отливъ выразился потокомъ китайскихъ переселенцевъ, обычною дорогою, черезъ Шань-хай-гуанъ и Ляо-дунъ, проникающихъ въ дикіе лѣса Маньчжуріи и безсознательно сидящихся перенести на холодныя нагорья характеристическія атрибуты Средняго Царства—земледѣліе и промышленность.

Если мы захотимъ схватить въ самыхъ общихъ чертахъ историческія отношенія, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ происходившія вдоль окраины, отдѣляющей восточно-азиатское нагорье отъ Срединнаго Царства, отъ Шань-хай-гуаня на Желтомъ морѣ до изгиба Хуанъ-хэ на З., то передъ нами раскроется цѣлый рядъ интересныхъ заключеній.

Окраина восточно-азиатскаго нагорья, обозначенная Великою стѣною, служила всегда важною этнографическою и политическою раздѣльною линіею.

На С. отъ нея распространялась *неосыдая* жизнь: *пастушеская* на степныхъ плоскогоріяхъ, *охотническая*, въ лѣсистыхъ горныхъ странахъ — слѣдовательно *варварское*, *дикое* состояніе *разнообразныхъ* племенъ.

На югѣ распространялась *осыдая* жизнь: *земледѣльческая* и *промышленная*, слѣдовательно *цивилизованное*, *гражданственное* состояніе *одного* народа.

Раздѣленные въ рѣзкомъ своемъ контрастѣ только одною оградою — хребтомъ окраины, эти двѣ различныя народныя массы, два контрастирующіе народныя быта, не могли остаться безъ *взаимодѣйствій* между собою ⁽⁷⁹⁾.

Варвары, привлеченные богатствомъ Срединнаго Царства имѣли постоянное *стремленіе* спуститься съ своей окраины въ его теплыя и цвѣтущія низменности.

Но, остановленное естественною преградою хребта окраины и стройною системою государственной организаціи Китая, явленіе это могло происходить только *периодически*.

Періоды эти можно уподобить періодамъ морскаго *прилива* и *отлива*. Они были обусловлены обезсиленіемъ то одной, то другой стороны.

(79) Это взаимодѣйствіе имѣетъ аналогію съ процессомъ, происходящимъ въ растительномъ царствѣ и извѣстнымъ подъ именемъ энтомоса и экзомоса. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что въ двухъ соедѣнныхъ клеточкахъ растительной ткани, сквозь перегородку ихъ раздѣляющую, происходитъ постоянно обмѣнъ содержащихся въ нихъ соковъ, которому двойная раздѣлительная перегородка не только не полагаетъ препятствій, а способствуетъ.

Во времена, соответствующія приливамъ, варвары *вторгались* въ Средняное царство и даже утверждались въ немъ, во времена же, соответствующія отливамъ они были отброшены, в китайское владычество и цивилизація *распространителся* извѣстными полосами по нагорью.

Какъ физико-географическое строеніе окраины опредѣлило взаимодѣйствія обѣихъ народныхъ массъ, такъ оно опредѣлило и *полосы земли*, вдоль которыхъ должны были происходить ихъ приливы и отливы.

Варвары, которымъ всегда необходимо было, передъ вторженіемъ въ Средняное царство, приобрести стройную организацію, должны были найти себѣ вблизи самой окраины для того удобную страну, какъ *стратегическую точку опоры* ихъ дѣйствій.

Но такъ какъ на С. отъ окраины разстилаются неудобныя для того нагорныя степи, то такими стратегическими точками опоры могли только быть на С.-В. *Ляоская*, а на С.-З. *Иньшаньская* альпійскія страны.

Въ періоды же безсилія и отлива варваровъ китайская цивилизація и владычество выливались на нагорье, какъ бы простирая руки для обузданія его и супрематіи надъ нимъ.

Это движеніе совершалось вдоль такихъ полосъ, гдѣ нагорье и низменность *не рѣзко граничили* между собою, а гдѣ переходъ совершался *постепенно*, представляя хотя слабѣющую аналогію съ физическими отношеніями Среднянаго царства.

Такими полосами были: на Ю.-В. отъ Ляоской альпійской страны—*прибрежья Ляо-си* и *Ляо-дунъ*, на Ю.-З. отъ Иньшаньской — *полоса провинціи Ганьсу*, отдѣляющая нагорную степь Шамо отъ массива высокихъ горъ Хухэнора.

Взаимодѣйствіе на окраинѣ не могло происходить прежде чѣмъ Китай началъ записывать на страницахъ своихъ лѣтописей событія исторіи, потому-что съ этого только времени началась въ немъ *самосознательная жизнь* цивилизованнаго государства.

Весьма вѣроятно что въ то время народныя массы варва-

рогъ были распределены на С. отъ окраины самымъ нормальнымъ образомъ: на В. отъ меридіана Хциганьскаго хребта или мерид. города Юнь-п'ина обитали *маньчжурскія* племена, между меридіанами городовъ Юнь-п'ина и Ху-ху-хотоня—*монгольскія*, на З. отъ меридіана Ху-ху-хотоня — *турскія*.

Но племена эти представляли несвязную еще и инертную массу, а потому въ первое взаимнодѣйствіе съ цивилизованнымъ Китаемъ было суждено придти не имъ, а *пришельцамъ* издалека, пріобрѣтшимъ уже прежде, въ своихъ отечественныхъ странахъ, какую бы то ни было *организацію*, безъ которой нельзя было вступить въ борьбу съ стройною государственною системою Средняго царства.

По изложеннымъ уже нами причинамъ сборными пунктами и странами, въ которыхъ эти пришельцы должны были утвердиться могли быть только *Ляосская* и *Иньшаньская* альпійскія страны.

Въ Ляосской альпійской странѣ на С.-В. пришельцы эти были *корейскія племена*, вышедшія съ корейскаго полуострова, а на С.-З. въ Иньшань-альпійской странѣ—*финскія племена* (Хунну), вышедшія изъ Алтая.

Пришельцы эти вытѣснили разрозненныхъ туземцевъ (*маньчжурскаго племена* въ Ляосѣ, *турскаго*—въ Иньшанѣ) въ глубины горныхъ долинъ, отчасти конечно *смѣшавшись* съ ними и *принявъ отъ нихъ много чуждыхъ имъ элементовъ*, какъ въ обычаяхъ, такъ и въ языкѣ своемъ ⁽⁸⁰⁾.

Съ тѣхъ поръ Ляосская и Иньшаньская альпійскія страны сдѣланными *смѣшанными* въ этнографическомъ отношеніи, потому-что здѣсь въ различные историческіе періоды одни пришельцы замѣнялись другими.

(80) Это обстоятельство объясняетъ почему въкоторыя слова, сохранные китайскою исторіею, по средствамъ своимъ могутъ относиться къ совершенно несроднымъ имъ языкамъ какъ напр. слово Цилянъ. См. ниже.

Первый изъ исторически намъ извѣстныхъ періодовъ прилива варваровъ былъ въ самомъ своемъ апогеѣ за II в. до Р. Х.; онъ происходилъ съ С.-З. изъ Пиншаньской страны отъ Хунну; корейскія же племена, только что прибывшіе въ то время въ Ляосскую страну, не играли еще важной роли.

Первый періодъ отлива уже въ полномъ апогеѣ въ началѣ I вѣка и обусловленъ тѣмъ, что старшая Ханьская династія (она властвовала отъ 202 до Р. Х. до 25 нашей эры), въ полномъ цвѣтѣ и силѣ сокрушила въ 93 году, съ помощью корейскихъ племенъ, могущество Хунну; совершенно въ то же время (апогея династїи Хань) Срединное царство распространило свою цивилизацію вдоль провинціи Ганьсу до Су-чжеу съ одной стороны и нѣсколько ранѣе (такъ какъ на С.-В. прилива варваровъ еще не было)—вдоль Ляо-си до Ляо-дуна до границы нынѣшней Кореи, съ другой.

Второй періодъ прилива былъ въ полномъ апогеѣ въ половинѣ II в. по Р.; Х. онъ происходитъ съ С.-З. изъ Ляосской альпійской страны отъ корейскаго племени Сяньби.

Второй періодъ отлива былъ обусловленъ разстройствомъ Сяньбийскаго царства, и достигъ апогея при замѣненіи слабой династїи младшей Хань (династія эта властвовала отъ 25 до 264 г.) болѣе свѣжею Цзинь (властвовавшая отъ 265 до 419), но отливъ былъ слабъ, какъ потому что династія Цзинь не была особенно могущественною, такъ и еще болѣе потому, что корейскія племена не пришли въ окончательный упадокъ, а напротивъ способны были на возрожденіе.

Третій періодъ прилива обусловленъ возрожденіемъ корейскихъ племенъ (Муюнъ и Тоба), апогея своего достигаетъ онъ въ концѣ IV и началѣ V вѣка, когда Тобасцы основываютъ въ сѣверномъ Китаѣ могущественную династію Юань-вэй (властвовавшую до 556 года).

Третій періодъ отлива въ полномъ апогеѣ своемъ въ началѣ VII вѣка, при воцареніи могущественной династїи Тань. Онъ обусловленъ паденіемъ династїи Юань-вэй и окончательнымъ упад-

*

въ су.

нымъ упав

*

комъ *корейскихъ* племенъ. Съ этой поры выходятъ между нагорными варварами на первый планъ на С.-В. — *маньчжурскія* племена, а на С.-З. — *туркскія*. Династія Танъ, какъ и старшая Хань, простираетъ свое владычество на С.-В. вдоль Ляо-си и Ляодуна до Кореи, гдѣ оно разрушаетъ Гаолиское царство.

Четвертый періодъ прилива начинается при постепенномъ упадкѣ династіи Танъ съ С.-З. отъ *туркскихъ*, съ С.-В. отъ *киданьской* вѣтви тунгузскихъ (*маньчжурскихъ*) племенъ. Апогея своего онъ достигаетъ въ началѣ X в., когда Кидани, захвативъ весь сѣверный Китай, основываютъ царство Ляо.

Вторую волну этого прилива, также съ С.-В., образуетъ *маньчжурское племя Нюй-чжень*; апогея своего достигаетъ онъ въ началѣ XII вѣка, когда Нюй-чжень основываютъ могущественное царство *Гинь* и подчиняютъ себѣ всю сѣверную половину Китая.

Третья волна прилива наконецъ идетъ уже прямо съ С., отъ *монгольскаго* племени, которое организуется послѣ всѣхъ. Но волна эта обычною дорогою варварскихъ приливовъ проникаетъ и съ С.-В. для уничтоженія сѣверно-китайскаго, Гиньскаго царства, и С.-З. (черезъ Иньшань), для уничтоженія южнаго китайскаго Сунскаго царства, почему монгольское племя въ *первый разъ* овладѣваетъ всѣмъ срединнымъ царствомъ. Апогей этого прилива — къ половинѣ XIII вѣка.

Слѣдующій періодъ отлива въ полномъ апогеѣ въ XIV вѣкѣ, когда туземная династія *Минь* изгоняетъ Монголовъ. Династія эта также простираетъ послѣдующія отливамъ колонизаціи и владычества свои на С.-В. въ Ляо-дунъ до сердца Маньчжуріи, а на С.-З. черезъ Ганьсу до сердца центральной Азіи.

Послѣдній періодъ прилива, прорывающійся въ Китай той же обычной дорогой, черезъ Ляосскую альпійскую страну, въ полномъ апогеѣ въ началѣ XVII вѣка, когда *Маньчжуры* покоряютъ все Срединное царство и раздвигаютъ свои предѣлы далеко на З.

Послѣдній періодъ отлива начинаетъ ощущаться нынѣ, съ *упадкомъ Маньчжурской династіи*, съ уничтоженіемъ маньчжур-

ской національности и съ тѣмъ необыкновеннымъ движениемъ внутри Китая, которое въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ обращаетъ вниманіе Европы, смотрящей на него какъ на неразгаданную еще загадку.

2) *Реляціи Китайцевъ, путешествовавшихъ въ Киданьскомъ (Ляосскомъ) и Нюй-чженьскомъ (Гиньскомъ) царствахъ въ X и XII вѣкъ.*

Первая изъ этихъ реляцій принадлежитъ Китайцу Ху-цяо, жившему между Киданами 7 лѣтъ и убѣжавшему отъ нихъ, въ 953 году ⁽⁸¹⁾.

Онъ отправился изъ Пекина черезъ проходы Кюй-юй-гуань (Цзюй-юй-гуань близъ нынѣшнихъ воротъ внутренней стѣны Нань-к'эу) въ городъ Ки-минь (по сѣверн. прован. Цзи-минь) и, перейдя черезъ хребетъ Тянь-динь, вступилъ на нагорье, черезъ 3 или 4 дня дошелъ до лѣса горныхъ ивъ (Хэй-юй), а оттуда въ косую долину (ущелье), длиною въ 50 ли; скалы были здѣсь такъ высоки, что не видно было солнца, холодъ былъ нестерпимъ.

Кюй-юй-гуань есть нынѣшнее ущелье Гуань-гоу при воротахъ Нань-к'эу внутренней стѣны, на дорогѣ изъ Пекина къ Калгану. Цзи-минь или Ки-минь есть городъ, существующей и нынѣ подъ этимъ названіемъ, на той же дорогѣ. Хребетъ Тянь-динь есть конечно тотъ самый, по которому нынѣ проходитъ вѣшняя линія Великой стѣны; я полагаю что Ху-цяо прошелъ черезъ него при нынѣшнихъ воротахъ Ду-ши-к'эу. Лѣса, ущелья и высокія, холодныя горы, къ которымъ прибылъ путешественникъ черезъ нѣсколько дней пути, находятся безъ сомнѣнія на С.-В. отъ изгиба Шанду-гола, въ верховьяхъ Шара-мурэна, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ и Хюкъ переходилъ черезъ высокую, холодную гору Сань-ола (см. выше).

Отсюда, повѣтствуетъ Ху-цяо, переправясь черезъ рѣку Хуань прибылъ онъ къ мѣсту Танъ-чжи-динь, отличавшемуся теп-

(81) Она находится въ Кидань-го чжи XXV, переведена и сообщена мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ.

летою, а отсюда через два дня въ И-кунь-чжеу и, переправясь черезъ рѣку Шэ-сянь, черезъ два дня прибылъ къ Красному хребту, отъ котораго оставалось три дня до Шань-кина, т. е. верхней Киданьской столицы, въ которой въ то время производилась уже очень живая мѣшковая торговля и гдѣ было множество китайцевъ чиновниковъ, ученыхъ, бояръ, даосовъ и т. д.

Рѣка Хуань т. е. желтая рѣка есть Шара-мурэнь; теплота мѣста Тань-чжи-динь показываетъ что здѣсь окраина Монгольскаго нагорья падаетъ быстро, превращаясь въ альпійскую страну въ которой рѣчныя долины врѣзаны очень глубоко. Рѣка Шэ-сянь есть безъ измѣненія Сусай-п'у, лѣвый притокъ Шара-мурэня. Красный хребетъ есть вѣроятно одна изъ нормальныхъ цѣпей Хингана къ С. отъ верхняго теченія Сусай-п'у. Положеніе Киданьскаго Шань-кина на р. Чжоло-бира, намъ уже извѣстно (см. выше).

Далѣе Ху-цяо отправился къ В. и странствовалъ до города Фу-чжеу. Фу-чжеу есть можетъ быть прежній городъ Фу-юй, на р. Итуць-бирь, притокъ Сунгари. Самый путь Ху-цяо определить очень трудно. Между прочимъ онъ говоритъ о культурѣ арбузовъ распространенной по этому пути около П'инь-чжеу и заимствованной Киданями отъ Хой-хэ, т. е. Уйгуровъ.

Путешествія Ху-цяо позволили ему собрать нѣсколько непосредственныхъ и распросочныхъ свѣдѣній, объясняющихъ отчасти тогдашнія географическія и этнографическія отношенія Киданьскаго царства.

На В. отъ Киданей, говоритъ онъ, до моря (?) есть Тѣ-дянь. Эти племена живутъ въ кожаныхъ палаткахъ, весьма мужественны, въ ихъ земляхъ мало травы и деревьевъ, вода солоновата какъ кровь, такъ что ее должно процѣживать.

Эта земля, какъ кажется, есть степное, безводное пространство между Шара-мурэню, Торо-бира и Сунгари. Только выраженіе «до моря» не понятно; можетъ быть вмѣсто него должно читать: «до водъ». Тѣ-дянь можетъ быть все равно что Татань (см. ниже).

Далѣ на В.; говорятъ Ху-цзы, находятся Нюй-чжэнь; они искусны въ стрѣльбѣ изъ лука, имѣютъ много коровъ, оленей и дикихъ собакъ, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ и перевозятъ весь багажъ на волахъ. Далѣ къ Ю.-В. Бохай. Далѣ къ Ю.— Хи, съ Киданями нѣсколько сродные, любятъ убійство и грабительство. Далѣ къ Ю. (отъ Хи) проходъ Юй-гуань (т. е. Шанхай-гуань).

Далѣ къ Ю.-З. лежали древнія Китайскія земли, далѣ на З. Ду-кюэ-хой-хэ т. е. Турки-Уйгуры, далѣ на С.-З. Юй-гюэ-люй, (Югэледь? Угэледь или Калмыки). Эти люди большаго роста, съ длинными волосами; въ землѣ ихъ сильный холодъ, въ рѣкахъ ихъ крупная рыба, которую любятъ Кидани, много черныхъ, бѣлыхъ и желтыхъ соболей; народъ весьма храбръ. Далѣ къ З. отъ нихъ Хя-гэ (Хакасы?), далѣ на С. Хэй-чэ-цзы (черно-телѣжные?), искусные въ дѣланіи кибитокъ, почтительны къ родителямъ и правдивы. Земля ихъ бѣдна и ничего не производитъ. Далѣ къ С. Нюй-ти-ду-кюэ (турки съ коровьими копытами). Земля ихъ холодна, рѣка лѣтомъ и осенью замерзаетъ на 2 фута, а зимою ледъ доходитъ до дна и т. д. Къ С.-В. Ва-цзѣ-цзы. Эти люди ѣздятъ безъ сѣделъ, вооружены луками и большими стрѣлами, встрѣтаясь съ другими убиваютъ ихъ и и сѣдаютъ сырое мясо. У этаго народа съ трехъ сторонъ все Ши-вэй. У нихъ много мѣди, желѣза, золота, серебра. Ихъ люди искусны въ выработываніи мѣдныхъ и желѣзныхъ сосудовъ и тканъ шерсти и парчи (?), земля весьма холодная. Далѣ на С. собачье царство (Го-у-го). Очевидно что здѣсь дѣло идетъ о Сѣв.-Вост. Сиб. народахъ, ѣздящихъ на собакахъ.

Вторая изъ реляцій есть дорожникъ Сунскаго посланника Хюй-юань-цзуна, отправленнаго въ 1124 году Сунскимъ дворомъ къ Укимаю въ нагорную столицу Гиньскаго царства Хой-нинъ-фу⁽⁸²⁾.

Отправившись изъ Сунской столицы онъ прибылъ въ

(82) Она находится въ Гинь-го-чжи и переведено В. П. Васильевымъ.

Хюнь-чжеу (Сюнъ-чжеу), тогда послѣдній пограничный городъ въ Сунскихъ владѣнiяхъ, отъ котораго до Гиньской столицы считалось 2750 ли. Хюнь-чжеу (Hüang-Tscheou) находится и нынѣ подъ тѣмъ же именемъ въ Чжилійской провинции, на Ю.-Ю.-в. отъ Пекина въ области Бао-динъ-фу (Pao-Ting-fu).

Отсюда дорога шла на С. до Пекина, потомъ поворачивала на В. до знаменитаго прохода Юй-гуань, нынѣ Шань-хай-гуань, на берегу моря, до котораго путешественники считают 14 дней пути. Оттуда дорога шла черезъ нынѣшній областной городъ (Шань-кинской провинции) Кинь-чжеу (Цзинь-чжеу) на р. Сяо-да-линь, далѣе на Шань-чжеу—нынѣшній Мук-дэнъ, до Инь-чжеу—нынѣшняго Ть-линь-хянь (Tie-ling-kien) на изгибѣ Ляо-хэ.

Отсюда уже гораздо труднѣе слѣдить за дорожникомъ посланника. Въ 40 ли отъ Инь-чжеу лежалъ Хянь-чжеу (Сань-чжеу), откуда начинались границы бывшаго Бо-хайскаго царства. Здѣсь народонаселенiе сдѣлалось оживленнѣе, припасы изобильнѣе и посланнику была приготовлена встрѣча. Древній городъ Хянь-чжеу, основанный Бохайцами, лежалъ слѣдовательно не болѣе какъ въ нѣсколькихъ ли къ югу отъ нынѣшняго уѣзднаго города Шань-кинской провинции К'ай-юань-хянь (Kai-yuen). Отъ Хянь-чжеу 40 ли до Су-чжеу. Дорога шла отъ Хянь-чжеу на С., была ровная, народъ жилъ въ деревняхъ, новый хлѣбъ покрывалъ землю, на В. видѣлись большія горы, называемыя Гиньцами Сивь-хо; онѣ непроходимы и на нихъ родится жень-шэнь. Онѣ обозначаютъ границы Кореи. За Тунь-чжеу слѣдовалъ черезъ 30 ли Сивь-чжа, далѣе черезъ 30 ли деревня Ту-ли-бодунъ и отсюда черезъ 40 ли Хуань-лунь-фу.

Эти показанiя совершенно согласны съ изъясненнымъ нами положенiемъ важнаго въ то время города Хуань-лунь-фу, лежавшаго почти въ одной паралели съ Гиринью, только западнѣе его на $1\frac{1}{3}^{\circ}$ долготы, на р. И-тунь-бира, лѣвомъ притоцкѣ р. Гирини (Сунгари). Разстоянiе до 300 ли (150 верстъ) отъ нынѣш-

ного Т'э-линь-хяня въ Шэнь-кинской провинціи вполнѣ подтверждаетъ, что Хуань-лунь-фу находился на этомъ мѣстѣ.

Отъ Хуань-лунь-фу дорога пошла на В.; въ 60 ли встрѣтилась Тосань-бодунь, отсюда черезъ 90 ли деревня Мамъцили-бодунь⁽⁸³⁾ и оттуда 60 ли до дравней деревни Ушэ на берегу Кунь-т'унь-кяна (т. е. Сунгари). Ширина рѣки была $\frac{1}{2}$ ли, на высокомъ берегу впереди деревни росли ивы.

Слѣдовательно посланникъ переправился черезъ Сунгари въ 100 верс. (210 ли) отъ Хуань-лунь-фу. На этомъ именно разстояніи р. Сунгари дѣйствительно протекаетъ отъ изясненнаго нами положенія Хуань-лунь-фу, начиная отъ Гирини до устья И-т'унь-бири. Въ какомъ именно пунктѣ переправился сунскій посланникъ опредѣлить трудно. Я полагаю что переправа эта совершилась къ С. отъ Гирини и притомъ не слишкомъ далеко, потому что въ дорожникѣ сказано, что отъ Хуань-лунь-фу посланникъ направился къ В. (а не къ С.).

Черезъ 40 ли послѣ переправы черезъ Сунгари посланникъ остановился въ деревнѣ Хо-ли-хянь (Хо-ли-сянь), въ 5 ли далѣе онъ встрѣтилъ канаву, пересекающую путь его и представлявшую прежнюю границу между Киданями и Чжурчженями (Нюй-чженями). Отсюда далѣе, на пространствѣ 80 ли до р. Лай-лю, не было ни одного деревца, ни одного ключа, такъ что здѣсь проходила граница, указанная самою природой.

Черезъ Лай-лю, имѣвшую 300 ф. ширины переправились въ лодкахъ и черезъ 5 ли прибыли въ деревню Кюй-гу (Цзюй-гу). Отсюда къ В. жили Нюй-чженьцы. Отъ Кюй-гу въ 70 ли находилась деревня Да-хэ, за ней въ 40 ли деревня Ту-дэ, и наконецъ черезъ 50 ли далѣе находилось подворье, въ которомъ остановился посланникъ, на самомъ порогѣ столицы, послѣ 39 дней пути отъ Хюнь-чжеу.

Эти интересныя показанія подтверждаютъ вполнѣ мнѣніе

(83) Бодунь вѣроятно значило «мѣстечко». Название это сохранилось въ имени нынѣшняго города Бодунэ на Сунгари.

В. П. Васильева о положеніи верхней Гиньской столицы — Хой-нинъ-фу на р. Альчуку, а не на Хулхъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія что р. Лай-лю есть Лалинь, правый притокъ р. Сунгари. Уже самый степной характеръ, здѣсь проходящей полосы, на которой не было ни одного дерева, доказываетъ намъ ясно, что Лалинь не есть ни Лофа, ни Лефучень-бира — рѣки лежащія на дорогѣ на Нингутъ, по которой путешественникъ встрѣчаетъ только дремучіе лѣса. Разстояніе 60 верстъ отъ переправы черезъ Сунгари до Лай-лю, конечно не можетъ привести насъ къ Лефучень-бирѣ, по дорогѣ къ Бохайской верхней столицѣ, потому-что Лефу-чень находится ровно въ двойномъ разстояніи отъ Сунгари. Послѣ переправы черезъ Лалинь остается еще верстъ 80 (два дни пути) до столицы, которая слѣдовательно должна была лежать на среднемъ теченіи Альчуку, что подтверждается и другими данными. Полное разстояніе Хой-нинъ-фу отъ переправы черезъ Сунгари составляетъ слѣдовательно 140 верстъ (280 ли). Вспомнимъ что въ статистическомъ описаніи Китайской Имперіи Лакинеа упоминается о древнемъ городищѣ (по кит. Гу-чень), лежащемъ въ 170 верс. (340 ли) къ С. отъ Гирани на р. Альчуку и имѣющемъ 20 ли окружности, съ внутреннимъ городомъ въ 4 ли окружности. Въ этомъ городищѣ и должно предполагать развалины Хой-нинъ-фу, верхней столицы Гиньскаго царства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Юго-восточный сланец къ южному Хуань-хэ.

§ 18.

Изложение I. *Продолженіе Китайской граничной горной окранны къ Западу по области Шань-си (Schansi) къ Хуань-хэ и къ Инь-шаню (In-Shan).*

Къ наименѣе извѣстнымъ странамъ принадлежатъ выше-означенная западная граничная полоса сѣвернаго Китая, которая, какъ и предыдущая, занята южными уступами нагорья и пересѣкается малоизвѣстнымъ еще намъ образомъ, или по крайней мѣрѣ омывается сѣвернымъ пологомъ Хуань-хэ. Только до гор. Хуху-хотонъ (Kuku-Hotun), по китайскимъ Гуй-куачень (Kouei-Hoa-Tchin) $40^{\circ} 49' 20''$ сѣв. шир., $4^{\circ} 45' 15''$ вост. долг. отъ Пекина по іезуитамъ, или $40^{\circ} 48'$ по древнѣйшимъ картамъ Монголіи ⁽¹⁾, что почти соответствуетъ меридіану 109° вост. долг. отъ Парижа, имѣемъ нѣкоторыя и то весьма скудныя извѣстія отъ іезуитовъ, которые отсюда хотя и восходили къ Сѣверу на нагорье, и къ Югу бывали до Хуань-хэ и въ области Шань-си, но никогда не проникали далѣе на З. чрезъ нагорье. Посему эта страна есть для насъ почти terra incognita и остается на картахъ въ пробѣлѣ, хотя она чрезвычайно важна въ исторіи китайскихъ среднихъ вѣковъ; ибо отсюда, начиная съ VII столѣтія, Китайская Имперія подвергалась сильнымъ

(1) Ab. Rémusat. Rech. s. la ville de Kara-Korum 4 p. 26.

нападеніямъ отъ Турскихъ и Монгольскихъ народовъ. Не ранѣе какъ 100 лѣтъ тому назадъ народы эти усмирены настоящею маньчжурскою династіею. Задачею нашею поэтому будетъ: изобразить, въ первый разъ по источникамъ, сколько можно вѣрнѣе географически, главнѣйшія черты этого края, въ важнѣйшихъ ихъ общихъ соотношеніяхъ.

Поворотъ Хуанъ-хэ на С., образуетъ здѣсь, въ странѣ Ордошь, въ крайнемъ С.-З. углу Китая, такое характеристическое, двойное колѣно, обращенное къ нагорью, что мы здѣсь именно, въ принятомъ нами порядкѣ разсмотрѣнія физическихъ отношеній восточной окраины нагорной Азии со стороны Китая, можемъ окончить цѣлый отдѣлъ нашихъ изслѣдованій, чтобы отсюда перейти послѣ къ сѣверной окраинѣ. Но какъ всѣ вмѣшавшіяся доселѣ описанія Китая и Татаріи оставляютъ насъ почти въ совершенной неизвѣстности на счетъ этой мѣстности, которая, вѣнъ впадѣловъ областей Шэнь-си и Шань-си и за великою стѣною, ведетъ къ нагорью, то прежде соберемъ тщательно и уложимъ въ источникахъ весьма немногое, представляемое намъ объ этой странѣ исторіею; дополненіемъ къ тому послужитъ налагаемое нами описаніе системы Хуанъ-хэ. Это полезно уже потому, что вѣроятно сюда проникнетъ не скоро наблюдательный Европеецъ (*), какъ бы это ни было желательно. Поэтому точное приведеніе источниковъ, упроститъ намъ впоследствии ссылки на нихъ.

Источники.

1) Маршрутъ I отъ Пи-лу-т'ай (Pi-Lou-Tai) къ Холину (Кара-коруму) изъ исторіи династіи Танъ (Thang) (за 900 лѣтъ по Р. Хр.) или Чанъ-шу (Tchang-Shu) lib. XLIII p. 2 p. 7.

(*) Въ новѣйшее время проникли сюда миссіонеры Хюкъ и Габе см. ниже Дополн. къ § 18.

Маршрутъ II того же времени изъ Гань-чжэу (Kan-Tcheou) чрезъ озеро Гюй-янъ (Kiu-Yan) (**) къ Кара-коруму.

Карта монгольской степи изъ исторіи Монголовъ, слѣдовательно до 1400 г., изъ Су-ху-клянь-лу (Sou-Hou-Kian-Lu) Vol. I. Всѣ три помѣщены въ классическомъ разсужденіи Abel Remusat подъ заглавіемъ: *Recherches sur la ville de Kara-Korum avec des éclaircissements etc.* Paris 1825. 4 p. 11 — 15; p. 21 — 22; *Carte du Grand Desert et des pays voisins, tirée du Sou-Hou-Kian-Lou.*

2) Marco Polo Viaggi въ Ramusio Raccolta ed. Giunti, Venetia 1583. Vol. II. lib. I. c. 39,—c. 55. fol. 13—18; сравн. ed. Will. Marsden. *The travels of M. Polo.* London. 1818. 4. Комментарій p. 235—261. Въ особенности для объясненія стр. 51 etc. Klaproth sur le pays de Tenduc въ *Journ. Asiatiq.* Paris, 1826. T. IX. p. 299 — 306.

3) Shah Rokh. *Embassade (1419)*, изъ Герата въ Персію чрезъ нагорье на Хами, Гань-чжеу (Kan-Tcheou) и чрезъ Хуанъ-хэ въ Китай см. въ M. Thevenot. *Relat. de divers voyage curieux.* T. II. 1696. Nouv. ed. Par. IV. fol. 1—12. Переводъ съ Персидскаго.

4) Географія и этнографія Монголіи изъ китайской государственной географіи дома Маньчжу; втор. изд. Пекинъ 1790 г. (Да-цинъ-и-тунъ-чжи (Tai-Tsing-y-Thoung-Tchi) т. е. описаніе монархіи Да-цинъ). Переводъ съ китайскаго на русскій языкъ О. Лакинца, и также переводъ Клапрота со 2-го же изданія китайскаго оригинала въ *Timkowski voyage à Peking* ed. Paris T. II. 1827. p. 265 — 280.

5) P. Jes. Gerbillon *Voy. I (1688)* изъ Пекина въ Ху-ху-хотомъ (Khu-Khu-Hotun) и оттуда на нагорье Гоби. *Du Halde* IV. p. 115 — 127.

Его же *Voy. VI (1696)* изъ Пекина къ Хуанъ-хэ тамъ же

(**) Гюй-янъ-цаэ, или Союзъ-портъ (Sogok-Nor), на С. отъ гор. Су-чжеу (So-Tcheou), за границею пров. Ганьсу. См. Лакинца Собр. свѣд. о народ. и т. д. Ч. III Геогр. указ. стр. 26.

р. 424 — 444. Его же Voy VII (1697) изъ Пекина къ Нинъ-хя (Ning-Hia), тамъ же р. 448 — 480.

6) D'Anville carte générale de la Chine и также Carte gén. de la Tartarie Chinoise въ Nouv. atlas de la Chine, гдѣ находятся и спеціальныя карты Шань-си и Шэнь-си.

Пат. Жербилльонъ есть единственный Европеецъ, который путешествіемъ своимъ нѣсколько знакомитъ насъ съ дорогою изъ Пекина на Западъ, къ сѣверному повороту Хуанъ-хэ, гдѣ дальнѣйшему теченію рѣки, въ семь направленіи, полагаетъ предѣлъ—южная окраина нагорной степи Гоби. Съ нимъ направимся первоначально на З. къ Хуанъ-хэ. Туда ведутъ двѣ дороги: одна за великою стѣною, а другая *внутри* ея; первая идетъ ближе къ нагорью, и большею частію на его плоскихъ предгорьяхъ и уступахъ, а вторая болѣе въ глубинѣ долинъ, между развѣтвляющимися дикими цѣпями горъ.

1) *Дорога внутри стѣны, чрезъ гористую область Шань-си къ Бао-дэ-чжеу (Рао-Те-Тшеоу) (*) на Хуанъ-хэ.*

Дорога внутри стѣны идетъ отъ Пекина къ З.-Ю.-З. чрезъ сѣверную часть области Шань-си, заключенную съ С. и съ Ю. двойною стѣною и орошенную отъ З. къ В. рѣкою *Сань-канъ-хэ* (San-Kan-Ho). Рѣка сія принимаетъ близъ Нанъ-к'эу (Nang-Keou) быструю *Янъ-хэ* (Yang-Ho), текущую съ С. отъ Калгана, и течетъ потомъ къ Ю.-З. отъ Пекина подъ именемъ *Хунъ-хэ* (Hoen-Ho) въ *Бай-хэ* (Paу-Ho) в Желтое море. Долину этой рѣки можно разсматривать какъ долину, сопутствующую южному краю нагорья.

На южномъ берегу этой рѣки поднимаются, къ З. отъ Пекина, на границѣ Чжи-ли и Шань-си, весьма высокія горы, по которымъ проведена южная стѣна, и на которыхъ встрѣчаются

(*) *Бао дэ-чжеу* (Рао-Те-Тшеоу), въ провинціи Шаньси подл. 39° 4' 44" с. ш. и 108° 28' 30" в. долг. отъ Пар., по наблюденію древнихъ миссіонеровъ, составлялъ прежде область *Ланъ-чжеу* при династїи Сунъ (властвовавш. 420—479) получалъ названіе Бао-дэ. См. Ed. Biot Diction. des villes chinoises Paris 8. 1843 p. 153. Пр. Перес.

даже сѣтъ и глеттеры (Ся-као-шань Si-kao-Shan), $40^{\circ} 2'$ с. ш. $130^{\circ} 36'$ в. д. отъ Парижа) ⁽²⁾. Эти, вѣроятно соудетствующія рѣки, гѣши горы, еще неизмѣрены и даже совсѣмъ неслѣдованы. Далѣе къ З. онѣ, какъ кажется, не такъ высоки, но вся сѣверная часть этой области имѣетъ гористое мѣстоположеніе и большую частію по уступамъ горъ воздѣлана. Многія изъ сихъ горъ носятъ характеръ отдѣльныхъ плоскогорій, представляя на вершинахъ своихъ обширныя и прекрасныя площади ^(*). Обиліе желѣзной руды ⁽²⁾, каменно-угольныхъ пластовъ, минеральныхъ и горячихъ ключей отличаетъ эту страну отъ другихъ. Упомянутая рѣка протекаетъ гористую страну не вдалекѣ отъ главнаго города сѣверной части области Дай-тунъ-фу (Tai-Tong-fu) ^(**), близъ котораго въ горахъ находятъ прекрасный порфиръ, яшму, разные роды мрамора и lapis lazuli. Какъ эта долина подвергается, прежде другихъ, вторженіямъ съ Сѣвера, изъ нагорной Азіи, то она защищена двойною стѣною и снабжена укрѣпленіями, въ особенности въ проходахъ на Сѣверъ. Укрѣпленія, расположенныя на Ю. и З., пришли, по видимому, уже болѣе столѣтія тому назадъ, частію въ упадокъ и состояли изъ одиѣхъ земляныхъ насыпей ⁽⁴⁾, которыя едва ли были впоследствии исправляемы. Альпійская долина оканчивается къ З. отъ гор. Со-чжеу (So-Tcheou) ^(***) горнымъ проходомъ Янь-фынь-к'эу

(2) Klaproth. Tableau des plus hautes montagnes de la Chine въ Magas. asiatiq. Г. р. 133.

(*) Этотъ страннѣйшій характеръ горъ, срѣзанныхъ какъ бы по ватерпасу горизонтальными площадями, имѣютъ очень часто горы южной монгольской окраины, какъ мнѣ сказывалъ очевидецъ В. П. Васильевъ. — Пр. Пер.

(3) Du Halde. I. р. 216.

(**) Дай-гунъ-фу (Tai-Tong-fu, Та-Thung-fu, Thai-Thung-fu) въ области Шаньси, по наблюденію древн. миссіон. подл $40^{\circ} 5' 42''$ с. ш. и $113^{\circ} 56' 30''$ в. д. отъ Пар., древній городъ: во времена династіи Цзинь (вл. 263 — 420) назывался Юнь-чжунъ (Yun-Tchoung), Янь-мынь (Yen-Men) и Да-гюнь (Tai-Kiun), при второй дин. Вэй—Хинь-чжеу (Hin-Tcheou) при дин. Танъ (618—907)—Юнь-чжеу (Yun-Tcheou), съ половины X вѣка Да-гунъ (Thai-Thoung). См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises р. 225. — Пр. Пер.

(3) Gerbillon. Du Halde. IV. р. 431.

(***) Су-чжеу (So-Tcheou) въ пров. Шаньси по наблюденію древн. миссіонеровъ подл $39^{\circ} 25' 12''$ с. ш. и $110^{\circ} 7'$ в. д. отъ Пар., древній городъ при дин. Хань (отъ 206

(Yang-fong-Keou), весьма важнымъ трактомъ въ военной исторіи династїи Минь (Ming), потому-что, съ его поворотеиъ, вторгнувшемуся неприятелю открылся свободный путь въ Пекинъ, что и имѣло слѣдствіемъ паденія этого блистательнаго императорскаго дома (1644 г.) ⁽⁵⁾. Съ водораздѣльнаго пункта этого прохода текутъ горныя воды на З. къ Хуанъ-хэ, который, въ разстояніи трехъ дней пути на З. отсюда, протекаетъ къ Югу. Песчанья горы и пласты каменнаго угля здѣсь распространены повсемѣстно; дома въ многочисленныхъ селеніяхъ выведены изъ земли весьма чисто и красиво; многія жилища устроены подъ землею ⁽⁶⁾. Изъ этой горной страны выходимъ въ первый разъ въ долину Желтой рѣки, которая, въ направленіи съ С. на Ю., протекая между двумя крутыми цѣпями горъ, образуетъ границу областей Шань-си и Шэнь-си и омываетъ на восточномъ берегу городъ Бао-дэ-чжеу (Paо-Те-Тшеои подъ 39° 8' с. ш.). Здѣсь находится переправа чрезъ рѣку въ Ордошь, который представляетъ внутри сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ обширную песчаную степь, съ переходящими съ мѣста на мѣсто (ерратическими) песчаными дюнами.

2) *Дорога за стѣною чрезъ Хулу-хотонь (Khu-Khu-Khotun) къ р. Турьинь (Turguen) и Хуанъ-хэ.*

По свидѣтельству Жербильона, который сопровождалъ императора К'анъ-хи два раза по этой дорогѣ, надо, идя отъ Пекина, подняться сначала чрезъ извѣстныя намъ уже ворота у Калгана, на нагорье до Чаганъ-бадгассу (Tsagan-Balgassou), и потомъ, уже на высотахъ Хинганъ-дабадана и Ангули-нора, повернуть па прямую западную дорогу. Она обозначена на картѣ Татарін д'Амвиля станціями; ибо деревень и городовъ здѣсь нѣтъ

до Р. Хр. до 263 нашей эры), назывался Ма-и (Ma-y), при дин. Вей (III и IV в) Синъ-хинъ (Sin-Hing) при дин. Цинь—Синъ-чжень, при дин. Хей-чжеу—Со-чжеу (So-Tcheou). См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises. p. 185. — *Пр. Пер.*

(5) Mailla. Hist. gén. de la Chine. Paris. 4. T. X. p. 485.

(6) Gerb. Тамъ же p. 485.

вовсе. Здѣсь тянутся плоскогорія, часто прерываемыя горами, которыя однакоже уже нигдѣ не образуютъ крутыхъ ложбинъ, и потому не представляютъ такихъ дикихъ живописныхъ и скалистыхъ видовъ какъ въ низменности (7). Подъемы и спуски все еще незначительны на высокихъ и холодныхъ равнинахъ, гдѣ не только въ срединѣ октября уже замерзли все источники и выпалъ снѣгъ (1696 г.), но и въ началѣ июня бывалъ иней по ночамъ, хотя страна и не достигаетъ 42° с. ш. Для произрастанія деревь мѣстность слишкомъ высока, сурова и холодна, и только по рѣдкому исключенію попадаетъ на этихъ высотахъ кое-гдѣ, какъ напр. на высокомъ Це-ча (Pe-Tsa), хвойный лѣсъ (8). Лиственный желѣсъ остается на болѣе низкихъ южныхъ склонахъ. Тѣмъ не менѣ эти нагорныя равнины покрыты превосходною травою и здѣсь разстилаются лучшія альпійскія пастбища; это по преимуществу страна скотоводства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гдѣ ссыльные Китайцы поселены особыми колоніями или живутъ какъ невольники монгольскихъ и маньчжурскихъ владѣльцевъ, (что сдѣлалось весьма обыкновеннымъ здѣсь, какъ и къ Востоку отъ Пекина), воздѣлывается, несмотря на весьма ощутительный холодъ, нѣсколько хлѣба и овощей. Однако же большая часть этого необозримаго и суроваго нагорья состоитъ изъ пастбищъ, принадлежащихъ императору и охраняемыхъ пастушескими Монгольскими племенами. Жербильтонъ проѣзжалъ нѣсколько разъ эту страну, сопровождая императора Канъ-хи; онъ упоминаетъ о многочисленныхъ ковскихъ заводахъ (которыхъ насчиталъ до 230, каждый въ 300 матокъ), о сотняхъ тысячъ овецъ и рогатаго скота, которые были осматриваемы на пути (9). Пастухи и даже жены ихъ собирались здѣсь на встрѣчу императора, котораго сопровождали войско и дворъ, и, ставъ въ длинныя ряды, подносили молочныя произведенія своего хозяйства въ даръ своему земному владыкѣ. Около половины пути

(7) Gerb. p. 113, 427.

(8) Gerb. Voy. II. p. 198.

(9) Gerbillon p. 428, 479, 482.

къ Западу, на равнинѣ Налинь-к'эу (Nalin-Keou) близъ небольшого степнаго озера Хуай-поръ (Hoai-por), Императоръ повелѣлъ воздвигнуть пагоду ⁽¹⁰⁾, для удобнаго приюта Ламамъ, которые часто проѣзжаютъ этимъ путемъ въ столицу, и которыхъ вѣру исповѣдуетъ и этотъ пастушескій народъ. Здѣсь были только-что поставлены Монгольскія юрты и начаты при нихъ поствы проса. Для воздѣлыванія другаго хлѣба было слишкомъ холодно. Съ поствомъ проса явилось множество воробьевъ, которые не встрѣчаются обыкновенно въ нагорьяхъ. Юрты эти сдѣлались вѣроятно въ теченіи ста лѣтъ болѣе значительными поселеніями (*). Посредствомъ упомянутой системы ссылки, которая здѣсь, какъ и одновременно въ Сибири и новомъ южномъ Валдесѣ, создала новое населеніе, страна эта сдѣлалась повидимому съ того времени довольно многолюдною колонією. Въ то время положеніе осужденныхъ, какъ осмысленныхъ такъ и невольниковъ, было здѣсь, за стѣною, по мнѣнію Жербилона ⁽¹¹⁾, гораздо лучше, нежели внутри стѣны, въ собственномъ Китаѣ. Уже тогда заселились по этому здѣсь цѣлыя области. Поселенны служили пастухами и земледѣльцами мадаринамъ и государственнымъ сановникамъ, членамъ императорскаго дома и князьямъ (Ванъ, Бэйла и т. д.) разныхъ племенъ, которымъ императоры Маньчжурской династіи жаловали земли и имѣнія на этой южной и богатой vastбищами окраинѣ нагорной степи Гоби, отъ Хуанъ-хэ до Амура. Трудолюбіемъ поселенцевъ возникли здѣсь, возлѣ монгольскихъ юртъ, повсюду деревянныя домики, небольшіе сады и въ небольшомъ количествѣ пашни. Поселенны умѣли извлекать изъ почвы все что можетъ доставлять земля, которая, при ясномъ небѣ, остается замерзшею отъ 8-ми до 9-ти мѣсяцевъ въ году (?). При ежегодномъ прибытіи своихъ владѣльцевъ въ охотничьемъ или воинскомъ кондоѣ императоровъ, они должны были доставлять въ станъ плоды тру-

(10) Gerbillon p. 118.

(*) См. ниже Дополненіе къ § 20. *Пр. Пер.*

(11) Gerbillon p. 120, 176 etc.

доль своихъ отъ предоставленныхъ имъ участковъ земли или стада, и такимъ образомъ поддерживать въ самыхъ негостеприимныхъ нагорныхъ степяхъ эти императорскіе походы, которые, за всѣмъ тѣмъ, предпринимались въ сопровожденіи огромныхъ транспортовъ провіанта. Даже среди самаго лѣта, когда жара дѣлается въ Пекинѣ невыносимымъ и вреднымъ здоровьему, на этихъ высотахъ вѣетъ постоянно такой свѣжій вѣтеръ, что шубы, въ особенности въ холодныя ночи, необходимы. Этимъ лѣтнимъ пребываніемъ императорскаго двора въ нагорья и соединеннымъ съ нимъ охотамъ, географія обязана свѣдѣніями объ этой странѣ. Патеръ Фербисть⁽¹²⁾, который въ 1683 году сопровождалъ такимъ же образомъ императора Канъ-хи въ Западную Татарію, куда слѣдовали съ императоромъ 60,000 человѣкъ войска и 100,000 лошадей, замѣрилъ впервые по этому пути высоты значительнѣйшихъ плоскостей. Вслѣдъ за тѣмъ начались, подъ покровительствомъ императора, изучавшаго у П. Жербильона⁽¹³⁾, во время такихъ лѣтнихъ путешествій, Эклидову геометрію, астрономическія опредѣленія широтъ и долготъ, по которымъ составлены до настоящаго времени наши ландкарты объ этихъ странахъ. Охота производилась на этихъ походахъ особыми облавами на большихъ хищныхъ звѣрей и постоянно на мѣлкихъ звѣрей и дичь, которыми изобилуетъ всюду степь, какъ-то: на зайцевъ, оленей, газелей, желтыхъ степныхъ козъ, встрѣчаемыхъ стадами въ нѣсколько тысячъ головъ, на кабановъ (въ болотистыхъ мѣстахъ), волковъ, рысей, нурпатовъ, фазановъ; а близъ озеръ: на лебедей, журавлей, дикихъ гусей и водяныхъ птицъ всякаго рода. Для ловли рыбы, которую изобилуютъ озера, были привозимы на верблюдахъ сѣти⁽¹⁴⁾ в складныя лодки (*plicatiles* у Плинія), такъ что нигдѣ не было недостатка въ занятіи. Ежегодные походы

(12) Verbiest Voy. II у Du-Halde IV p. 97—102.

(13) Gerbillon Voy. III у Du-Halde IV. p. 302.

(14) Gerbillon. Voy. II. p. 200.

такого рода были предпринимаемы при мужественныхъ правителяхъ Маньчжурской династїи перваго столѣтія (ихъ владычества) ⁽¹⁵⁾, чтобы занять войско охотою на дикихъ звѣрей, когда не было войны, чтобы отучить вельможъ отъ роскоша двора, а войско отъ удобствъ гарнизоннаго положенія, чтобы осмотрѣть на нагорьѣ стада, которыя составляли источникъ богатства императора и силу его конницы, и чтобы содержать въ повиновеніи здѣшнія Монгольскія орды, составлявшія пограничныя поселенія и стражу (Vorgark) государства. Кому извѣстны изъ исторїи Европы, какъ важны были для Германской имперїи, со временъ Каролинговъ и Оттоновъ, рядъ поселеній на Востокѣ противъ Славянскихъ земель (Ostmarken), а Русскому государству — поселенія казаковъ, начиная отъ Днѣпра чрезъ Довъ и до Волги, со стороны Чернаго моря и Кавказа, со временъ войны съ Татарами, Турками и Персіянами, тому станетъ понятнымъ какъ и для Китайской имперїи, которая подвергалась нападеньямъ всегда съ Сѣвера, важно было обезопасить себя отъ Монгольскихъ ордъ, для которыхъ великая стѣна была уже только мертвымъ символомъ. Понятно также правило, которому слѣдовалъ императоръ К'анъ-хи, не только какъ современникъ, но и какъ великій соперникъ Петра Великаго, предпринимая подобныя походы въ нагорную Азію, съ тою цѣлю, чтобы распространить и поддержать блескъ и величіе императорской власти среди менѣе обузданныхъ ордъ. Его ставки были временными столицами, его палатки и станціи, въ которыхъ пощивались многія тысячи спутниковъ, оглашались празднествами и шумною музыкою и привлекали номадовъ; но не пропускалось также ни одного случая, чтобы въ каждой долинѣ, нѣсколькими выстрѣлами изъ императорскихъ драконовъ (всѣ китайскія пушки имѣютъ эту форму Китайскаго герба), не вселить въ номадахъ уваженія и страха къ Китайской власти.

Лучшія степныя дороги, пролегая на однообразныхъ высо-

(15) Verbiest. въ пр. с.

тахъ, среди луговъ и альпійскихъ пастбищъ или болѣе скудныхъ окрестностей, вѣдутъ на Западъ до рѣчки Имаду (Imatu), которая течетъ отъ С.-В. къ Ю.-З., на Ху-ху-хотонь въ рѣчку Тургань. Последняя, извираясь по скалистымъ долинамъ, вытекаетъ на равнину. По берегамъ ея встрѣчается только кустарникъ, а не деревья, а потому они принадлежать вѣроятно еще къ нагорной степной почвѣ.

Городъ Ху-ху-хотонь, первый въ этой странѣ, лежитъ въ обширной равнинѣ. До сего мѣста, говоритъ Жербильонъ, простирается съ В. и съ С.-В. бесплодная степь. Городъ находится почти въ 12-ти географическихъ миляхъ къ С.-З. отъ воротъ великой стѣны, называемыхъ Ша-ху-к'эу (Sha-hu-Kheou), на границѣ Шань-си; почти въ такомъ же разстоянн къ Ю.-З. отъ него рѣчка Тургань, текущая за стѣною, по необозримой равнинѣ, изливается у сел. Тохто (Toto) въ Хуанъ-хэ. Къ С.-З. отъ города поднимаются круто и внезапно высокія горы, покрытыя лѣсомъ. Это есть начало хребта Инъ-шань (In-shan), называемаго Монголами *Онгинь-ола* ⁽¹⁶⁾ (Onghin-Ula).

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 18.

1.) *Переходъ миссіонеровъ Хюка и Габе, отъ пересѣченія ихъ пути Кяхтинскою дорогою, до города Ху-ху-хотонь (Khu-Khu-Khota), Города Ху-ху-хотонь, на притокъ Тургань-гола и Чагань-курень на Хуанъ-хэ.*

Около половины Октября миссіонеры, покинувъ свой ночлегъ близъ Кяхтинской дороги недалеко отъ Хара-хота ⁽¹⁾, направились, параллельно съ окраиною нагорья, далѣе на Западъ:

(16) Маньчжурская госуд. географія у Timkovski p. 267.

(1) См. Нис. Souvenir d'un voyage en Tartarie etc. Т. I. p. 107 — 124 и вышн. дополненіе къ § 15.

Через два дня пути они вступили въ княжество Ефэ (Efe), часть территоріи осьми хоругвей (Чахаръ), отдѣленную импер. Князь-лунемъ въ пользу одного Халхасскаго князя, его зятя. Удѣлъ этотъ, по словамъ Хюжа, былъ образованъ потому что князь былъ не въ силахъ вынести городской жизни при Пекинскомъ дворѣ, а дочь императора, за него выданная—свыкнуться съ кочевою жизнью Халхассовъ. Потому Князь-лунь вѣлѣлъ выстроить здѣсь на монгольской окраинѣ, для дочери своей, небольшой, но прекрасный дворецъ и городокъ, и такъ возникло княжество Ефэ. Потомки Халхассовъ сохранили свой народный отбѣнокъ посреди Чахаровъ, и, какъ переселенцы суроваго сѣвера, отличаются своею силою и искусствомъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ. Въ особенности борьба есть одно изъ самыхъ любимыхъ ихъ удовольствій и миссіонеры, на каждомъ шагу своемъ въ Ефэ, встрѣчали группы борцевъ, въ особенности между дѣтми.

По выходѣ изъ княжества Ефэ миссіонеры поднялись на гору, у подошвы которой росли еловыя и березовыя рощицы. Взоръ ихъ невольно отдохнулъ на зелени деревьевъ, послѣ унылаго однообразія обнаженныхъ монгольскихъ степей. Здѣсь путешественники встрѣтили трехъ огромныхъ волковъ, которые впрочемъ скоро обратились въ бѣгство, испуганные криками верблюдовъ. Подобныя встрѣчи здѣсь впрочемъ рѣдки, потому что монголы ведутъ нещадную войну хищнымъ животнымъ. Далѣе путешественники слѣдовали вдоль русла долины и поднялись на невысокую гору, встрѣчая длинные ряды каравановъ. Эта болѣе разнообразная мѣстность соотвѣтствуетъ вѣроятно ручью Цицирь-хана (Tsitsir-Khana), притоку Чжухугола (Djookha-Gol), системы рѣки Янгъ-хэ. Послѣ дневнаго перехода къ вечеру миссіонеры разбили свою палатку на ручьѣ, въ виду знаменитаго ламайскаго монастыря Чорджи (Tchortchi)⁽²⁾.

(2) Чорджи означенъ только на одной Европейской картѣ Андриво Гужона изд. 1831 г., но сколько намъ кажется неинного болѣе къ западу чѣмъ слѣдовало бы въ меридіанѣ городъ Дай-г'унъ-ту. Чоржи есть титулъ главнаго ламы.

Ручей протекающий близъ Чорчки есть вѣроятно самый Чжу-ху-голь.

Монастырь этотъ содержитъ до 2000 ламъ в очень любимыхъ императорами, отъ которыхъ пользуется привилегіями, владами и пенсіями должностнымъ лицамъ. Храмы каменные, красиво и прочно выстроены, хотя имѣютъ общій ламайскимъ храмамъ архитектурическій недостатокъ, т. е. слишкомъ низки относительно своей величины. Вездѣ поднимаются портики съ высокими колоннами, безчисленныя ступени, странные балдахины, тонкія башни и пирамиды. Жилища ламъ—опрятныя, тщательно выбѣленные мазанки. Внутри храмовъ, противъ главныхъ входовъ, на каменныхъ пьедесталахъ, имѣющихъ видъ обращенныхъ конусовъ, помѣщаются колоссальныя статуи, болышого частью сидящихъ идоловъ. Лица ихъ правильныя, красивыя, кромѣ несообразной длины ушей, и принадлежатъ къ кавказскому типу, не имѣя ничего общаго съ чудовищными лицами китайскихъ идоловъ.

Впереди большаго идола, и наравнѣ съ престоломъ имъ занимаемымъ, помѣщено выточенное кресло, на которомъ обыкновенно возсѣдаетъ живой Будда или Фо т. е. великій лама монастыря. Вся остальная, передняя часть храма, занята длинными и чрезвычайно низкими столами, или лучше сказать диванами, прикрытыми коврами. На нихъ помѣщаются ламы. Внутренность храмовъ наполнена украшениями, статуями и картинами, изображающими различные эпизоды жизни Будды и трансмиграціи ламъ. Передъ идолами расположены амфитеатрально мѣдные сосуды, блестящіе какъ золото и имѣющіе величину и форму чайныхъ чашекъ. Въ нихъ заключаются безпрестанныя привошенія, состоящія изъ молока, масла, хлѣбнаго вина и пшена. На краяхъ каждой ступени стоятъ курильницы, въ которыхъ горятъ безпрестанно ароматическія растенія, собираемые на священныя горахъ Тибета. Богатыя шелковыя матеріи, обшитыя галунами, образуютъ на головахъ идоловъ какъ бы большіе флаги, съ которыхъ висятъ бандероли и фонари изъ

цѣтной бумаги. Живопись распространена повсюду, но она не соответствует ни европейскимъ правиламъ, ни европейскому вкусу. Странное и чудовищное преобладаетъ въ ней, и только ландшафты выполнены лучше чѣмъ драматическіе сюжеты, хотя имъ и не достаетъ перспективы; отдѣльные предметы написаны съ большою вѣрностію и пріятностію. За то каменная и деревянная скульптура стоитъ въ ламайскихъ монастыряхъ гораздо выше живописи. Не смотря на частое отсутствіе вкуса, статуи выполнены правильно и смѣло.

По выходѣ изъ Чорчжи путешественники вступили въ землю красной Чахарской хоругви. Около полудня они встрѣтили очень красивую мѣстность. Пройдя черезъ узкое отверстие, прорѣченное между двумя горами, вершины которыхъ терялись въ облакахъ, они вступили въ обширную котловину, со всѣхъ сторонъ окруженную горами, поросшими елями. Обильный источникъ давалъ начало прекрасному ручью, окаймленному дягилемъ (ангеликой) и дикою мятой. Этотъ ручей, пробираясь между высокими травами, окружаетъ всю котловину и наконецъ прорывается изъ нея сквозь отверстие, подобное тому черезъ которое прошли миссіонеры. Мѣстность была такъ привлекательна, что они расположились здѣсь на роздыхъ и ночлегъ. Огромный орелъ похитилъ у нихъ часть приготовляемаго ими на кушанье дикаго козленка. Хюкъ говоритъ что орлы здѣсь чрезвычайно распространены (3). Мѣстность эта и описываемыя ворота, по моему мнѣнію, соответствуютъ проходу Чжуху-дабанъ (Djookhu-Dabahn), означенному на большой картѣ Клапрота.

Черезъ нѣсколько дней пути, миссіонеры изъ страны Чахаровъ вступили въ западный Тумоть (4). Передъ ними опять разстилалась обширная степь; только здѣшніе Монголы не ве-

(3) См. Huc. Souvenir d'un voyage en Tartarie etc. F. I. p. 158.

(4) Западный есть древній или коренной Тумоть, восточный же, лежащій на С. отъ Цеквиа и на В. отъ Чахаръ, состоитъ изъ земель отданныхъ Тумотскому князю первымъ государемъ Маньчжурской династіи, которому этотъ князь оказалъ большія услуги при завоеваніи Китая.

дуть уже кочевой жизни, а занимаются земледѣліемъ. Они до такой степени сдѣлались Китайцами, что большая часть изъ нихъ забыла родной языкъ и потеряла всю оригинальность монгольскаго характера, и даже выказываетъ нѣкотораго рода презрѣніе къ своимъ степнымъ братьямъ, оставшимся номадами. Равнины Тумота дѣйствительно превосходны, хорошо орошены и представляютъ вполнѣ земледѣльческую страну. Когда миссіонеры проходили здѣсь хлѣбъ былъ давно уже убранъ, но, судя по количеству его на гумнахъ, жатва была обильна. Вездѣ было замѣтно довольство и изобиліе, на дорогѣ не встрѣчалась ни развалившихся жилищъ, ни нищихъ, истомленныхъ голодомъ, и прикрытыхъ рубищемъ, какъ въ Китаѣ; напротивъ земледѣльцы были чисто и хорошо одѣты. Благополучіе ихъ выражается даже въ превосходныхъ деревьяхъ, окружающихъ ихъ селенія и окаймляющихъ ихъ дороги, между тѣмъ какъ въ другихъ монгольскихъ округахъ, занятыхъ китайскими колонистами, деревья даже съ всѣмъ не сажаются, потому что они рискуютъ быть на другой же день вырванными нищими, нуждающимися въ топливѣ. Изъ этой характеристики западнаго Тумота, представляющаго характеръ не плоскогорія, а холмистой страны, уразнообразенной долинами, богатой и плодородной, понятна почему она играла важную историческую роль со времени древнихъ Хунну, которые здѣсь могли развить свои силы и найти точку опоры для дѣйствій своихъ на еще болѣе теплое и богатое дарами природы Средняе царство.

Послѣ трехъ дней пути черезъ земледѣльческій Тумотъ, миссіонеры прибыли въ Ху-ху-хотонь.

Ху-ху-хотонь (или Ху-ху-хота), т. е. синій городъ, по кит. *Гуй-хуа-чэнъ* (Kouï-Noa-Tchen), состоитъ собственно изъ двухъ городовъ, расположенныхъ въ 5 ли ($2\frac{1}{2}$ вер.) разстоянія одинъ отъ другаго. Они различаются между собою названіями стараго новаго городовъ или торговаго и военнаго. Сначала миссіонеры вошли въ сей послѣдній, построенный императоромъ Кауцъ-хи

для защиты имперіи противъ сѣверныхъ враговъ ⁽⁵⁾. Городъ этотъ имѣетъ такой красивый и величественный видъ, что на него смотрѣли бы даже съ удовольствіемъ и въ Европѣ. Впрочемъ главную красоту его составляетъ красивая и зубчатая каменная стѣна его окружающая; внутренность же, состоящая изъ низкихъ домовъ китайской архитектуры, не соотвѣтствуетъ величественной внѣшности и не представляетъ ничего замѣчательнаго, кромѣ правильности расположенія и большой, прекрасной улицы, пересѣкающей городъ отъ В. къ З. Здѣсь пребываетъ Кянъ-кюнь (Kiang-Kiun) или начальникъ военной дивизіи, состоящей изъ 10000 человекъ и потому весь городъ представляетъ только обширную казарму. Маньчжуры, составляющіе здѣшній гарнизонъ, уже всё забыли родной языкъ свой.

На другой день послѣ прибытія въ Ху-ху-хотонь путешественники отправились въ торговый или старый городъ. На получасѣ пути, между обоими городами, тянутся непрерывные огороды. Исключая ламайскихъ монастырей, возвышающихся надъ другими зданіями, городъ состоитъ изъ огромной кучи домовъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка. Стѣны старого города уцѣлѣли, но приращеніе народонаселенія заставило его переступить далеко за эти первобытные предѣлы. Внѣ стѣнъ постепенно образовались обширные кварталы (какъ въ Вѣнѣ), и этотъ застѣнный городъ приобрѣлъ себѣ большую важность чѣмъ самый внутренний городъ.

Миссіонеры вошли въ Ху-ху-хотонь сначала по довольно широкой улицѣ, не представлявшей ничего замѣчательнаго, кромѣ большаго Ламайскаго монастыря, называемаго монастыремъ Пяти Башенъ ⁽⁶⁾. Имя свое получилъ онъ отъ прекрасной квадратной башни, возвышающейся надъ сѣвѣрною частью зданія и служащей основаніемъ пяти другимъ башенкамъ, оканчи-

(5) См. Нус *Souvenirs d'un Voyage en Tartarie* T. I. p. 161.

(6) Этотъ монастырь Пяти Башенъ не должно смѣшивать съ другимъ болѣе знаменитымъ, того же имени, расположеннымъ въ провинціи Шаньси. См. Нус *Souv. d'un Voyag. en Tartarie*. T. I. p. 169.

яющихся шпицами. Средняя чрезвычайно высока и теряется такъ сказать въ воздухъ, четыре остальные значительно ниже.

За Ламийскимъ монастыремъ широкая улица оканчивается вдругъ, и на обѣ стороны идутъ только грязные переулки, превращающіеся накомѣтъ въ совершенное болото, съ подводными ямами и подводными камнями. Въ улицѣ живутъ большею частью одни кожевники. Далѣе показалась другая улица, довольно широкая и органиченная съ обѣихъ сторонъ рядами красивыхъ лавокъ. Здѣсь находилась и гостинница «Трехъ Совершенствъ», въ которой остановились миссіонеры.

Ху-ху-хотонь есть одинъ изъ трехъ главныхъ торговыхъ пунктовъ южной монгольской окраины (7). Онъ отстоитъ въ 580 вер. отъ Пекина, въ 150 отъ великой стѣны и 460 отъ Шаньсійскаго города Дай-т'унъ-фу. Отсюда расходятся по Монголіи, кромѣ главнаго предмета вывоза изъ Китая — кирпичнаго чая, просо, листовый и нюхательный табакъ, тисневый холстъ, употребляемый на занавѣсы въ юртахъ, овсяная мука, сѣдла, курительныя палочки, сожигаемыя Буддистами передъ идолами, кухонная посуда и т. д. Въ замѣнъ Монголы пригоняютъ сюда многочисленныя стада быковъ, лошадей, овецъ и верблюдовъ, а также привозятъ мѣха, грибы и соль. Въ особенности же важна здѣсь торговля верблюдами. Для нея устроена обширная площадь, къ которой сходятся главнѣйшія улицы города. Поперекъ этой площади сдѣланы продолговатыя бугры, придающіе ей видъ огорода, изборозженнаго исполинскими бороздами и грядами. Верблюды становятся въ одной линіи и притомъ такъ, что ихъ переднія ноги опираются на гребень этихъ возвышенныхъ валовъ. Такое положеніе увеличиваетъ еще болѣе и безъ того уже огромный ростъ верблюдовъ. Столпленіе и шумъ на этой площади необыкновенны. Силу верблюда измѣряютъ вѣсомъ тяжестей постепенно нагружаемыхъ на спину (8).

(7) См. Палладія Кафарова о торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ, въ Зап. Имп. Русс. Геогр. Общ. Ч. IV. С. II. Б. 1830. стр. 248.

(8) См. Нус Souvenirs d'un voyage en Tartarie etc. Т. I. р. 168.

Ху-ху-хотонъ получилъ свое названіе отъ близлежащаго древняго нурвана, известнаго подъ именемъ «Зеленой Могилы»⁽⁹⁾: Въ городѣ существуетъ пять большихъ ламайскихъ монастырей, въ которыхъ находится по 2000 ламъ и 15 меньшихъ; такъ что число однихъ ламъ въ Ху-ху-хотонѣ безъ преувеличенія составляетъ до 20000 человекъ.

Въ концѣ октября миссіонеры оставили Ху-ху-хотонъ. Только черезъ нѣсколько часовъ достигли они, слѣдуя по лабиринту загроможденныхъ улицъ, до городскихъ (западныхъ) воротъ. Тутъ началась широкая и гладкая дорога. На правой сторонѣ возвышались цѣпь крутыхъ утесовъ, защищавшая путешественниковъ такъ хорошо отъ сѣверныхъ вѣтровъ, что они нечувствовали особеннаго холода. Страна, по которой они слѣдовали, принадлежала еще къ западному Тумуту. Вездѣ видны были тѣже слѣды зажиточности и довольства; безпрестанно встрѣчались деревни, полныя земледѣльческой и торговой жизни. Здѣсь, по свидѣтельству О. Палладія Кафарова⁽¹⁰⁾, обитаетъ особое племя называемое *Хабсури* и происшедшее отъ смѣшанныхъ браковъ Китайцевъ и Монголокъ. Миссіонеры (Хюкъ и Габе) не разбивали здѣсь болѣе шатровъ своихъ, а ночевали въ гостинницахъ.

На второй день пути они начали приближаться къ Чагань-курэнь (значить бѣлая ограда). Не слишкомъ далеко отъ него они встрѣтили огромный караванъ бухарскихъ купцовъ, растянутый на 15 ли (около 7½ верстъ) и слѣдовавшій въ Пекинъ. Въ глухую ночь путешественники добрались до безмолвныхъ улицъ города.

Чагань-курэнь (Tsagan-Kougen) есть прекрасный и обширный городъ, образовавшійся недавно на берегу Желтой рѣки (Хуань-хэ). Онъ замѣчателенъ чистотою и шириною своихъ улицъ,

(9) См. Палладія о торговыхъ путяхъ по Китаю, въ Зап. Инп. Русск. Геогр. Общ. Ч. II. стр. 248.

(10) См. Палладія Кафарова о торговыхъ путяхъ по Китаю, въ Зап. Инп. Русск. Геогр. Общ. Кн. IV. С. II. Б. 1850. стр. 248.

правильностью и опрятностью домовъ. Площади города обширны и украшены прекрасными деревьями — особенность не встречающаяся ни въ какомъ другомъ китайскомъ городѣ. Городскія лавки красивы и чисты, и снабжены не только китайскими, но и европейскими товарами, привозимыми сюда изъ Россіи. Торговля однакоже не можетъ быть очень значительна, потому что ей должно вредить соседство Ху-ху-хотоя. Городъ Чагань-курэнь не означенъ ни на одной европейской картѣ кромѣ Андриво-Гужона изданія 1851 г. ⁽¹²⁾, потому что онъ не существовалъ еще во времена съездовъ миссіонеровъ. Онъ безъ сомнѣнія находится значительно выше города Тохто и впаденія Тургынь-гола въ Хуанъ-хэ, какъ мнѣ кажется между устьями означенныхъ на картѣ Клапрота небольшихъ рѣчекъ Чагассутая (Dgessoutai) и Майдари-гола (Maitauri-gol).

§ 19.

Изложеніе II. Южная окраина Инъ-шаня до сѣвернаго изгиба Хуанъ-хэ въ Ордосѣ. Нинъ-хя (Ning-hia).

1) *Ордосѣ, называвшійся некогда Хэ-панъ (Ho-pan) (т. е. земля къ Ю. отъ Хуанъ-хэ ⁽¹⁾, а въ древнѣйшее время Хэ-дао (He-Taou). Къ самымъ необыкновеннымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ на Ю.-В. окраинѣ нагорной Азіи, должно причислить наибольшее приближеніе глубокой долины Хуанъ-хэ къ плоскогорью въ Ордосѣ, гдѣ величественная рѣка проникаетъ, какъ ни одна изъ другихъ азіатскихъ рѣкъ, на цѣлый градусъ широ-*

(12) Andriveau Goujon carte de l'Empire Chinois et du Japon, Paris. 1851; подъ именемъ Namar-Tshagan-Kouren.

(1) Deguignes Allgem. Gesch. der Hunnen u. Türken, der Mongols u. s. w. Deutsche Uebersetz. von J. C. Dähnert Greifswald. 1768. Th. I. p. 130.

(2) Klaproth. Tableaux historiques de l'Asie. Paris. 1826. 4. p. 112.

ты къ С. отъ параллели Пекина, въ самый внутренній уголъ великаго центрального нагорья, но, не видя возможности прорвать его сплошной массы, отбрасывается отсюда къ Ю. Мировое подоженіе этой страны, физическое состояніе которой еще никакъ неизслѣдовано (*), должно было имѣть особое вліяніе на историческія судьбы народовъ, какъ можно заключать по крайней мѣрѣ изъ слѣдующихъ указаній. Хуанъ-хэ, т. е. Желтая рѣка (Шара-мурэнь у Монголовъ) вытекаетъ изъ гористой страны Хухэ-нора (т. е. голубаго озера) и, пройдя разными извилинами полныхъ 200 географ. миль (2700 ли), входитъ подъ 36° с. ш. между дикими цѣпями горъ, въ собственный Китай, въ область Гань-су (Kan-Su, нѣкогда Шэнь-си) близъ г. Хэ-чжеу (Ho-Tcheou). Отсюда она продолжаетъ свое теченіе на 5 град. широты (до 41° с. ш.), діагонально къ С.-В., мимо находящагося на лѣвомъ берегу, города Нинъ-хя (38° 32' с. ш.), на протяженіи 80 геогр. миль, до южной окраины нагорной степи Гоби, гдѣ горы Инь-шань останавливаютъ ее въ дальнѣйшемъ направленіи къ С. Отсюда рѣка поворачиваетъ круто подъ прямымъ угломъ къ В. и къ Ю.-В., и, извиваясь многократно, сохраняетъ это направленіе на 50 геогр. миль (на 4 слишкомъ град. долготы), до впаденія сѣвернаго ея притока Тургэня, текущаго отъ Ху-ху-хотоня и до устья параллельной съ нимъ, текущей болѣе къ Ю. и меньшей рѣки Уланъ-мурэни (Ulan-Muren), которая, идя отъ воротъ Ша-ху-к'эу (Sha-hu-Keou) къ З., изливается во второе колѣно Хуанъ-хэ. Здѣсь Хуанъ-хэ опять быстро поворачиваетъ къ Ю., мимо города Бао-дэ-чжеу (Paо-Tcheou). Внутренняя часть страны, омываемой большимъ изгибомъ Хуанъ-хэ, называется Ордосъ, по монгольскому племени Чахаръ, поселившемуся здѣсь уже долгое время спустя послѣ паденія Чингисханидовъ и признавшему, подъ именемъ *Ордосъ*, надъ собою власть тогда только что возвышавшихся со славою маньчжур-

(*) См. Дополненіе къ § 19. — *Пр. Пер.*

(3) Китайская Государственная Географія династіи Маньчжу у Timkowskii, p. 276.

скихъ побѣдителей Китая (1635). Имя это новое, и собственно земля Ордошь здѣсь никогда не было (4); но уже прежде она сдѣлалась, подъ именемъ Хэ-нань (Ho-nan), т. е. страны лежащей къ Ю. отъ Хэ, или великой рѣки, извѣстною въ исторіи Хунну (Hiong-nu), когда эти опаснѣйшіе сосѣди Китайцевъ постоянно имъ угрожали своими нападеніями, въ первыя столѣтія нашей эры. Въ то время эти Хунну утвердились именно потому въ степи, внутри изгиба Хуанъ-хэ, что отсюда была имъ легко доступна плодородная область Шэнь-си; отсюда находилась также не далѣе какъ на разстояніи 50 геогр. миль (700 ли) (5) древняя столица императоровъ династіи Цзинь (Tsin), мѣстопребываніе Ши-хуана (Shy-Hoang) (*) — Хянь-янъ (Hiang-Yang), нынѣ Си-ань-фу (Sin-Ngan-fu), на рѣкѣ Вей-хэ (Hoei-ho) (**), лѣвомъ притока Хуанъ-хэ; почему летучимъ коннымъ толпамъ было всегда легко нападать изъ сихъ степей на самый центръ государства.

Страна эта сдѣлалась тогда театромъ многихъ битвъ, а чрезъ послѣднія завоеванія Чингисъ-Хана и по внезапной его смерти близъ рѣки Хуанъ-хэ, опять классическою землею для блистательнаго владычества Монголовъ. Іезуитъ Жербильтонъ (6), который объѣздилъ почти всю обтекаемую рѣкою Хуанъ-хэ страну, говоритъ что она холмиста, покрыта большею частію подвижными дюнами летучаго песка, на неровной своей поверхности во все не имѣетъ деревъ, и только въ немногихъ мѣстахъ удобна къ воздѣлыванію, но въ орошенныхъ водою впадинахъ изобилуетъ прекрасными лугами, покрытыми сочною травою и хорошимъ кустарникомъ. Страна эта потому богата дичью и наполнена стадами зайцевъ, фазановъ и куропатокъ. Неутомимый Канъ-хи, которому, какъ Великому Государю, надлежало быть

(4) Jsanang, Jsetsep. p. 184, not p. 407.

(*) Имя основателя династіи Цзинь. — *Пр. Пер.*

(**) Рѣку эту от. Іакинѣвъ насываеетъ Вей-шуй. (См. Стат. опис. Кит. Имп. Ч. I. стр. 130). — *Пр. Пер.*

(5) Gerbillon. Voy. VI. p. 436. Voy. VII. p. 463.

(6) Deguignes Geschichte des Hunnen b. Dähnerl. Th. I. p. 142, Китайск. Госуд. Геогр. у Timkowski. II. p. 268.

и первымъ охотникомъ, проходилъ эту область, отъ одного конца до другаго, съ лукомъ въ рукѣ, и огромное количество дичи было убиваемо имъ, самымъ лучшимъ стрѣльцомъ своего государства. По условіямъ мѣстности страна эта осталась обиталищемъ однихъ кочующихъ народовъ. Только при династїи Минь, съ середины XIV вѣка, введено здѣсь земледѣліе, но съ 1460 года область населена опять Номадами, именно Монголами, которые со стадами своими, кочуютъ здѣсь донынѣ, раздѣлены на 7 знаменъ и платятъ дань Китаю, чрезъ ближайшія ворота великой вы: Шаху-к'эу. Для содержанія ихъ въ повиновеніи китайскіе императоры посѣщали эту страну отъ времени до времени, и еще въ древнѣйшія времена Китайской исторіи эта дикая область была отдѣлена къ Ю. отъ болѣе гостепріимнаго и плодороднаго Китая великою стѣною, идущею полукругомъ отъ одного берега Хуанъ-хэ до другаго, отъ Бао-дэ-тжеу (Рао-Тшеон) до Нинъ-хя. Къ Ю. отъ стѣны находятся хлѣбородныя области Шэнь-си и Гафъ-су, съ многочисленными ихъ деревнями, весьма древними поселеніями и воздѣланными землями; къ С. же отъ нея обтекаемое рѣкою пространство причисляется къ землѣ варваровъ и къ степной почвѣ. Подобно какъ на З. и на В. водвигнута здѣсь стѣна въ самыя раннія историческія времена, съ царствованія Ши-Хуана (со II стол. до Р. Хр.) для защиты отъ нашествій Хунну. Исторія этого времени сохранила намъ тотъ фактъ ⁽⁷⁾, что императоры старались устроить внутри стѣны въ области Шэнь-си, укрѣпленія, города, деревни, водворять постоянное населеніе въ край, подобно какъ современно имъ Римляне колонизировали заключенный между Дунаемъ и Рейномъ уголъ *Аггеллани* (Agri, Decumates). По первымъ дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ поселено здѣсь, еще во II вѣкѣ до Р. Хр., Китайскихъ колонистовъ съ ихъ семействами, круглымъ числомъ до милліона людей. Это была не единственная политическая мѣра, къ которой должно было прибѣгнуть для удаленія вѣковыхъ вра-

(7) Deguignes Gesch. der Hunnen b. Dähnert. Th. I. p. 142.

говъ отъ прекрасной земли, которую они считали уже не разъ своею добычею.

Объясненіе этихъ событій можемъ безъ сомнѣнія искать въ физическомъ устройствѣ края. Здѣсь прежде всего заслуживаетъ вниманія, то, что изъ южной, окруженной стѣною, полосы края, песчаная внутренность котораго лишена текучей воды, изливаются за стѣну во всѣ стороны, въ особенности къ Ю.-В. и къ Ю. съ отвѣсныхъ горъ, рѣки, которыя впадаютъ въ Хуанъ-хэ, въ среднія части его теченія въ Ю.-В. направленіи, тамъ гдѣ онъ образуетъ границу между Шаньси и Шэньси. Горы спускаются въ глубокія долины уже за стѣною (въ Китаѣ), и, послѣ поднятія на нихъ затруднительными дорогами, совсѣмъ не упоминается о склонахъ ихъ на внутренней ея сторонѣ. По этому самому стѣна проведена на высотахъ гориной цѣпи отъ Баодэ-чжеу на Ю.-З. до востокъ 'Ань-бянь-п'у (Ngan-pien-pou) (*). Окруженный рѣкою и стѣною Ордосъ должно посему считать, на всемъ его протяженіи, весьма высокою песчаную степью, которая только къ Ю.-З., между 'Ань-бянь п'у и Нинъ-хя на Хуанъ-хэ, въ болѣе открытой и нѣсколько плодородной мѣстности, изобилующей самородною и ключевою солью, соединяется съ высокою и расположенною уступами странною верховья Хуанъ-хэ. Степь эта склоняется весьма постепенно къ С.-В., ибо сѣверный и южный берега Хуанъ-хэ, близъ впаденія Турганя, находятся среди необозримыхъ равнинъ, между тѣмъ какъ рѣка въ обратномъ направленіи своемъ на Ю. мимо Баодэ-чжеу течетъ между крутыми и высокими горами.

На такой отвѣсной стѣнѣ горъ лежатъ уже первый городъ Фу-гу-хянь (Fu-ko-hien) на западномъ берегу Луанъ-хэ (**), и

(*) Вѣроятно Ngan-Ting-pou большой карты Клапрота. Самые крайнія восточныя стѣны къ правому берегу Хуанъ-хэ названы на той же картѣ Хуанъ-чжень-п'у (Hoang Tching Phu). — *Пр. Пер.*

(**) Протина Бао де чжеу въ провинціи Шэньси. Городъ этотъ существуетъ со времени династіи Танъ властвовалъ отъ 618 до 907 г. См. Ed. Biot. Dict. des villes chinoises p. 20. — *Пр. Пер.*

только затруднительными дорогами можно отсюда достигнуть лежащих близ стѣны, по ту сторону ея, въ гористой странѣ городовъ Чжень-кянъ-фу (Tschin-Kiang-fu), Шэнь-му-хянь (Schin-mu-hien), Бей-линь-п'у (Pien-ling-phu у Рит., Pe-ling-phu на кар. Клапр.) и Юй-линь-вэй (Ju-lin-wei) ($38^{\circ} 36'$ с. ш.) ⁽⁸⁾. Это суть частію крѣпости и значительные пограничные города (*) которые у воротъ великой стѣны служатъ жителямъ Ордоса рынками, гдѣ они вымѣниваютъ произведенія своихъ стадъ, въ особенности лошадей, рогатый скотъ, овецъ и шкуры, на фабричныя и другія произведенія Китая, именно: на табакъ, чай, шелковыя издѣлія, ленъ и т. д. Чтобы миновать эту гористую и утесистую часть Китая, прилегающую къ стѣнѣ со внутренней ея стороны, и имѣющую весьма затруднительныя дороги, императоръ предпочелъ слѣдовать отъ горы Юй-линь-вэй (Yu-lin-wei), по кратчайшему діагональному пути (**), чрезъ песчаную область Ордосъ до 'Ань-бянь-п'у и такимъ образомъ обойти вѣтъ Китая всѣ 13 крѣпостей, которыя устроены тамъ между обоими помянутыми городами на разстояніи трехъ миль (40 ли) одна отъ другой, у самой великой стѣны, обратившейся здѣсь уже съ давняго времени въ ничтожный валъ, менѣе чѣмъ въ 44 футовъ высоты. Отъ 'Ань-бянь-п'у далѣе къ западу до Хуанъ-хэ, горныя цѣпи отступаютъ; здѣсь разстилается, какъ уже сказано, къ западу до Хуанъ-хэ, большая открытая мѣст-

(*) Первый изъ нихъ не находится въ словарѣ Біо, но означенъ на кар. Клапрота. Шэнь-му по наблюд. древн. миссіон. находится подъ $38^{\circ} 25' 20''$ с. ш. и $107^{\circ} 46'$ в. д. отъ Пар. При династіи Т'анъ онъ назывался Сивъ-цзинъ, со времени династіи Сунъ (въ концѣ X в.) получилъ нынѣшнее названіе. Третій городъ не находится въ словарѣ Біо, но означенъ на картѣ Клапрота. Юй-линь, по набл. древн. миссіон. расположенъ подъ $30^{\circ} 18' 8''$ с. ш. $107^{\circ} 2' 30''$ в. д. отъ Пар. При династіи Суй и Т'анъ онъ назывался Шэнь-чжеу (Ching-Tcheou), а нынѣшнее названіе получилъ со временемъ династіи Минъ. См. Ed. Biot. Dict. des villes chinoises. p. 11 и 301. — *Пр. Пер.*

(8) Gerbillon у du Halde IV p. 453.

(**) Подобный же діагональный путь черезъ неочаяный Ордосъ набрали миссіонеры Хюгъ и Габе отъ Чагаанъ-курена до Ниль-ха. См. дополненіе къ § 19. —

Пр. Пер.

ность до Нинъ-хя, съ менѣе песчаною и болѣе плодородною почвою, и только къ З. отъ рѣки и упомянутого города подымается другая, весьма высокая цѣпь горъ, которая ведетъ обратно на нагорье. Если присоединить къ этимъ скуднымъ показаніямъ еще имѣющіеся немногія данныя о климатѣ, именно, что близъ Нинъ-хя въ половинѣ Апрѣля (13 Апрѣля 1697 г.) выпалъ снѣгъ⁹⁾, что въ концѣ Ноября (29 ч. 1795 г.) Хуанъ-хэ, близъ устья Турганя, при ширинѣ въ 820 пар. футовъ, почти въ параллели Пекина, покрылась толстымъ льдомъ, по которому переправлялся большой караванъ, что во всемъ Ордосѣ не растеть лѣсу, — то нельзя не признать этотъ песчаный, образуемый рѣкою полуостровъ, находящійся такъ далеко въ континентальной Азіи, за обширную долину, которая, будучи окружена со всѣхъ сторонъ высокими горами, служитъ ступенью высокаго плоскогорія, обращеннаго къ С.-З. гористому углу Китая. Воздухъ, который въ низменныхъ частяхъ Китая имѣетъ частію вредное вліяніе на человѣка, здѣсь, по средней части теченія Хуанъ-хэ, весьма здоровъ. Императоръ Каанъ-хи пишетъ съ восхищеніемъ объ этомъ путешествіи къ наслѣднику своему въ Пекинъ, въ письмѣ, которое сохранилъ намъ Малья: «какъ скоро переѣдешь Хуанъ-хэ, горы, рѣки и вся мѣстность принимаютъ самый пріятный видъ, и я не умѣю сравнить ихъ ни съ чѣмъ. Селенія состоятъ изъ укрѣпленій на вершинахъ горъ, долины становятся рѣдки и необширны. Горы эти плодородны, хорошо воздѣланы, жители трудолюбивы, войны крѣпкаго сложенія и воздухъ превосходенъ; болѣзни здѣсь мало извѣстны». При совершенномъ недостаткѣ въ болѣе точныхъ извѣстіяхъ, конечно нельзя доказать несомнѣннымъ образомъ, однакоже весьма вѣроятно, что это единственное значительное расширеніе южной горной окраины нагорной степи Гоби есть огромный провалъ земли, или, по крайней мѣрѣ, большая высохшая котловина озера, которое могло находиться съ южной стороны

9) Gerbillon p. 464, 433.

главнаго подъема материка, подобно тому какъ съ сѣверной стороны находится въ томъ же направленіи Байкальское озеро. Хуанъ-хэ могъ прорвать окаймлявшія озеро цѣпи песчаника и открыть себѣ свободный путь въ низменную часть Китая, а бывшія песчанья мели въ озерѣ — обратиться въ волны летучаго песку; такимъ образомъ озеро сдѣлалось настоящимъ песчанымъ моремъ съ осадками соли. Изъ такой мѣстности кочующія въ степи орды могли нападать на лежащія къ Ю. отсюда плодородныя и воздѣланныя области Шанъ-си и Шэнь-си, подобно тому какъ Мавританскіе народы — на плодородную долину Сенегала (близъ *Escale du desert*), и тѣмъ удобнѣе, что здѣсь, какъ и тамъ, песчаная степь доходитъ вплоть до главной рѣки и частію переходитъ ее.

Примѣчаніе. *Китайскія наводненія:* 1) *во времена Кунъ Куна.* 2) *Во времена Яо (Уао).* Преданіе о Китайскомъ потопѣ ⁽¹⁰⁾ и еще древнѣйшая баснословная исторія указываетъ на подобныя явленія и въ этой же мѣстности. Первый мифъ приведемъ мы здѣсь словами Клапрота. По лѣтосчисленію Китайцевъ великій потопъ ихъ совпадаетъ по времени съ бывшимъ въ ближней Азій (Vorder-Asien), хотя въ ихъ историческихъ извѣстіяхъ и не упоминается опредѣлительно о всемірномъ потопѣ. Въ нихъ говорится, что во времена Фу-си (Fu-si, 3100 лѣтъ до Р. Хр.) бунтовщикъ, по имени К'унъ-к'унъ ⁽¹¹⁾, произвелъ большое наводненіе. Лице это принимается за аллегорію злаго начала въ слѣдующемъ сказаніи: «К'унъ-к'унъ находился въ борьбѣ съ Чуанъ-хэ (Tschuang-chio) за владычество міромъ; въ гнѣвѣ онъ ударилъ такъ сильно рогомъ въ гору Пу-чжеу (Pu-Dscheu), что столбы, поддерживавшіе небо, сломались и связи земли разорвались. Небо упало къ С.-З., и земля раскололась по направленію къ Ю.-В., отъ этого произошло наводненіе.» Клапротъ полагаетъ что здѣсь есть намекъ на причину разрушенія средней Азій къ С.-З. отъ Китая, обратившую эту страну въ каменную пустыню и уничтожившую къ

(10) *Asia Polyglotta.* Paris 1832 4 p. 28.

(11) *Срав. Kurz. Mém. sur le Chouking* въ *Nouv. Journ. asiat.* T. VI 1830 p. 440.

Ю.-В. континентъ, остатками котораго могутъ быть острова Австраліи.

Если ограничимъ Китайское сказаніе о великомъ потоцѣ, какъ это сдѣлалъ уже Дегинь ⁽¹²⁾, меньшимъ пространствомъ и примѣнимъ оное, согласно преданіямъ Китайской лѣтописи Конфуція въ Шу-кинѣ (Schu-King), къ историческому времени и къ опредѣленной мѣстности, то расказъ сей, относящійся къ патриархальнымъ временамъ Яо, жившаго за 2300 лѣтъ до Р. Хр. въ древнѣйшей воздѣланной части Китая въ Шань-си (тогда Ли-чжеу), указываетъ также на среднюю часть теченія Хуанъ-хэ къ С.-З. отъ Китая. Здѣсь было древнѣйшее мѣстопребываніе тѣхъ дикихъ еще народовъ, которые поселились сначала ⁽¹³⁾ въ Шань-си и оттуда уже, подъ предводительствомъ Фу-си, двинулись къ В. и открыли остальную часть Китая до моря. Лѣтописи ⁽¹⁴⁾ разсказываютъ что на 61 году царствованія великаго Яо (за 2297 л. до Р. Хр.), современника Авраама, произошло такое великое наводненіе во всѣмъ государствѣ, что воды Хуанъ-хэ слились съ водами Янъ-цзы-кяна (т. е. синей рѣки) и всѣхъ рѣкъ, находящихся между ними двумя главными рѣками: отчего образовалось обширное море прѣсной воды, которое угрожало покрыть горы. Наводненіе казалось безграничнымъ, опустошеніе государства было ужасное, холмы уже покрылись водою, пашни были уничтожены, бѣдствіе произвело общее отчаяніе; мудрый Яо, держалъ совѣты и князь Бэй-гунь (Pe-Koen), вскуснѣйшій изъ строителей, трудился 9 лѣтъ надъ спускомъ воды открытіемъ ей новыхъ истоковъ. Но только десять лѣтъ послѣ него удалось Юй (Y-i), посредствомъ мудрой системы осушенія, избавить государство отъ общей гибели, къ которой оно приближалось постепенно. Онъ началъ съ осушенія области Шаньси, гдѣ воды до того возвысились, что Фынъ-шуй (Fen-choui) тогда Фынъ-хэ (Fen-ho), главный притокъ Хуанъ-

(12) Deguignes Gesch. der. Mongolen Th. Einleitung. p. 4.

(13) Mailla Hist. gén. de la Chine. Paris 1777 T. I p. 1.

(14) Mailla p. 54.

хэ къ В. изъ области Шэнь-си, не имѣлъ болѣе стока, такъ что вся внутренняя равнина области обратилась въ озеро. Онъ приступилъ первоначально къ расширенію каменнаго ложа Хуанъ-хэ, въ направленіи его къ Ю. при выходѣ изъ Ордоса (о которомъ однакоже тогда вовсе неупоминается); такимъ образомъ масса воды текла отъ С.-З. Юй⁽¹⁵⁾, какъ гласитъ лѣтопись, взорвалъ часть горы Лунъ-мынь (Long-men) у Хуанъ-хэ (35⁰ 40' с. ш.), расширилъ узкое русло рѣки у Пу-чжеу (Нои-Кеоу у Ритт.) и удержалъ ее чрезъ то въ берегахъ; такимъ образомъ онъ доставилъ стокъ притокамъ рѣки и осушилъ Шэнь-си. Пат. Малья, посѣтившій эту мѣстность при съемкѣ Китайской имперіи⁽¹⁶⁾, упоминаетъ еще о весьма высокой горѣ Санъ-мынь (San-men), которая также была разрѣзана, и вмѣстѣ съ упомянутою горою представляетъ еще нынѣ громадную работу отдаленной древности для спуска водъ Хуанъ-хэ, приведшую его въ удивленіе. Откуда шло наводненіе, почему оно было причинено непобѣжденнымъ еще и неразвившимся Хуанъ-хэ, — объ этомъ, какъ само собою разумѣется, умалчиваетъ исторія. Никто не зналъ и не посѣщалъ этихъ дикихъ странъ, изъ которыхъ, по преданію, съ С.-З. стороны Хуанъ-хэ вышли первые обитатели Китая, отъ нихъ могъ произойти приведенный мифъ, какъ объясняющій причину ихъ переселенія, и перейти въ этой замѣчательной формѣ еще въ древнѣйшія времена въ мифологическую исторію Конфуція. — Прорывъ и изліяніе большаго озера въ Ордосѣ могли бы легко объяснить такія показанія. Если въ позднѣйшее время говорится часто о большихъ наводненіяхъ, которыя причинялъ Хуанъ-хэ, въ нижней части своего теченія⁽¹⁷⁾, въ гористой страны, то они различны отъ упомянутыхъ, которыя должны были выходить именно съ уступовъ средняго теченія рѣки. Если принять еще въ соображеніе, ужасныя землетрясенія, которымъ подвергался сѣверный Ки-

(15) Mailla p. 60.

(16) Mailla. Lettre I p. CX.

(17) Mailla T. VIII p. 244 etc.

тай съ древнѣйшихъ временъ (такъ въ 1037 году до Р. Хр. погибло въ Шань-си болѣе 20,000 человекъ отъ землетрясенія, простиравшагося отъ Западной стороны Хуанъ-хэ еще на 150 ли (12 географ. миль) по его восточному берегу) ⁽¹⁸⁾, то вышеизъясненное предположеніе сдѣлается еще болѣе вѣроятнымъ. Научное подтвержденіе его геогностическими фактами должно быть предоставлено будущности.

3) *Нинъ-хя* (столица Хя), *Хингъ-чжеу* (Hing-Tcheou). *Ермизія*. Если возвратимся на лѣвый берегъ Хуанъ-хэ къ гористому нагорью, то и здѣсь можемъ привести только нѣкоторыя частныя данныя и почти одни названія, изъ скудныхъ источниковъ, вовсе неповѣренныхъ наблюденіями ученыхъ путешественниковъ. Мы начнемъ съ положенія Нинъ-хя, чтобы возвратиться отсюда большою дугою въ Ху-ху-хотонь. *Нинъ-хя* ⁽¹⁹⁾ лежитъ подлѣ $38^{\circ} 32' 40''$ с. ш., $10^{\circ} 21'$ зап. долг. отъ Пекина, по наблюденію высоты солнца, сдѣланному самимъ императоромъ К'анъ-хи ⁽²⁰⁾ и по наблюденію солнечнаго затмѣнія въ 1797 году. По исчисленію К'анъ-хи и его астрономовъ городъ находится въ 161 геогр. миль (2150 ли) къ З. отъ Пекина. Онъ расположенъ на западномъ берегу Хуанъ-хэ, который здѣсь весьма широкъ, глубокъ, столь же мутенъ какъ ниже, и по которому ходятъ большія барки. Хуанъ-хэ течетъ по обширной равнинѣ, которая трудолюбивымъ жителей хорошо воздѣлана, обсажена многими деревьями, и будучи орошена каналами, проведенными изъ рѣки, обращена въ многочисленныя рисовыя поля. Каналы эти были уже устраиваемы вѣроятно въ XII столѣтіи; ибо они безъ сомнѣнія побудили Чингисъ-хана, при первой осадѣ этого города (въ 1209 г.), къ неудавшейся попыткѣ ⁽²¹⁾—потопить городъ отводомъ Хуанъ-хэ, что сдѣлалось однакоже пагубнымъ собственному его лагерю: рѣка

(18) Тамъ же р. 210 etc.

(19) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XX p. 272 not.

(20) Gerbillon Voy. VII y Du Halde IV p. 464.

(21) Mailla Hist. gén. de la Chine T. IX p. 43.

прорвала плотины и принудила его къ отступленію. Только на разстояніи одного дня пути къ З. отъ города равнина ограничивается высокою цѣпью горъ, которая поднимается круто, подобно стѣнѣ и, защищая отъ нападений извнѣ, закрываетъ высокую стѣну на вѣкоторомъ протяженіи. Нинъ-хя принадлежитъ къ значительнѣйшимъ и красивѣйшимъ (*) между западными городами, прилегающими къ стѣнѣ и имѣеть около полутора часовъ (15 ли) въ окружности. Дома въ немъ деревянные, такъ какъ находящіяся вблизи горы покрыты лѣсомъ и доставляютъ дешевый строевой матеріалъ. Окрестности на большое разстояніе снабжаются отсюда этимъ столь рѣдкимъ въ нагорьѣ матеріаломъ. Въ городѣ существуютъ хорошія ковровыя и писчей бумаги фабрики; въ окрестностяхъ превосходное коневодство и разводятся лучшіе во всемъ Китаѣ лошаки. Ближайшія озера и воды весьма обильны рыбою. Земледѣліе вокругъ Нинъ-хя отличаетъ эту мѣстность весьма выгодно отъ окружающей ее страны; чрезвычайное плодородіе происходитъ отъ значительнаго развѣтвленія каналовъ. По увѣренію жителей требуется ежегодно для поправки многочисленныхъ шлюзовъ, послѣ орошенія полей, до 2000 работниковъ. Пашня не требуетъ обработки плугомъ, почва богата селитрою; вся окрестность заселена подобно большой деревнѣ и представляетъ путешественнику, послѣ пустынь, которыя онъ такъ долго проходилъ, видъ прекраснѣйшей земледѣльческой страны. Нинъ Нинъ-хя есть главный городъ особаго округа; въ прежнее же время онъ былъ на короткое время съ 420 года по Р. Хр. столицею (22) владѣтелей, изъ племени Хунъ-ну, которые переселились сюда, изъ песчаной страны, внутрь изгиба Хуанъ-хэ. Пребываніе ихъ здѣсь было непродолжительно, но въ то время городъ получалъ свой титулъ Хя (23). Находясь къ В. отъ Тангута, городъ этотъ

(*) См. дополненіе къ § 19. *Пр. Пер.*

(22) Mailla Hist. gén. V p. 2. IX p. 84, 183, 127; Deguignes Gesch. der Hunnen übers. von Dähner Einl. p. 208.

(23) Klaproth Tabl. Hist. de l'Asie p. 112.

впоследствии сдѣлался, подъ именемъ Хинъ-чжеу (Hing-Tcheou), довольно извѣстнымъ въ исторіи восточной Азіи, какъ средоточіе независимаго государства по р. Хуанъ-хэ⁽²⁴⁾. То было Тюркское государство Данъ-хянь (Thang-Hiang), принявшее титулъ Хя (по сѣв. произн. Ся) и сначала, хотя зависѣвшее отъ династїи Танъ (которая царствовала съ 618 — 907 г.), но впоследствии сдѣлалось независимымъ и довольно сильнымъ. Благодаря своему защищенному самою природою положенію и политикѣ, которой держались его владѣтели, между сѣвернымъ и южнымъ Китаемъ (между династіями Сунъ (Song), Ляо (Leao) и Гинь (Kin), и между Монгольскими, Тюркскими и Тибетскими племенами на С., В. и Ю., государство сохранило свою независимость до Чингисъ-хана, неодолимоу могуществу котораго покорились всѣ государства, и должно было наконецъ уступить и это, послѣ четырехъ-кратнаго нападенія⁽²⁵⁾. Городъ былъ въ первый разъ сожженъ и разграбленъ Чингисъ-ханомъ въ 1205 году, когда онъ шелъ съ нагорья. Не ранѣе 1227 окончено полное покореніе государства, послѣ завоеванія 40 другихъ государствъ и побѣды надъ двѣнадцатью великими государями земли, какъ выражается монгольскій лѣтописецъ, и эта была послѣдняя блистательная побѣда великаго завоевателя. Съ того времени Нинъ-хя, съ округомъ своимъ, сдѣлался зависимою областью. Въ этомъ согласуются и китайскіе и монгольскіе историческіе источники, но только различествуютъ въ самомъ названіи города. Монгольская исторія⁽²⁶⁾ называетъ покоренный городъ Турмегей (Turmegei), а побѣжденные въ Тангутѣ народы—Мивакъ (Minnak), имена, которыя не встрѣчаются въ другихъ источникахъ (*). Турмегей есть именно этотъ Нинъ покоренныхъ Хя (также Арбака у Лакроа въ его Hist de Geng-

(24) P. Gaubil Hist. des Tang. въ Mém. conc. l. Chinois T. XVI p. 367.

(25) Description d. Tibet p. Hyacinthe; Klaproth въ N. Joura. Asiat. T. IV. p. 116.

(26) Senang-secten Gesch. d. Ost-Mongol. v. Schmidt. St.-Peterab. 1820. 4 p. 97 not. p. 387.

(*) По свидѣтельству В. П. Васильева Мивакъ есть тибетское и донынѣ употребительное названіе для означенія Нинъ-хя и царства Хя. *Ур. Пер.*

hischan, и Egrigaia у Марко Поло), со стѣнъ котораго старая волшебница ниспослала на осадное войско Монголовъ проклятія, заклинанія и страшную моровую язву, погубившую множество людей и лошадей. Послѣ восталъ еще самъ царь (Шидургу-каханъ), который былъ свѣдушъ въ волшебствахъ и превращеніяхъ (какъ Хубильганъ), противъ разорителя государствъ и могъ быть убитымъ только магнитнымъ кинжаломъ. Вообще Нинъ-хя былъ издревле мѣстомъ разныхъ волшебствъ. Красавица жена Кахана, которую взялъ Чингисъ-ханъ себѣ въ жены, нанесла ему на брачномъ ложѣ вредъ, отъ котораго онъ занемогъ, разслабъ и остался немощнымъ. Она утопилась, какъ говоритъ преданіе, въ Хуанъ-хэ (Шара-мурѣнь у Монголовъ), который потому въ верхнемъ своемъ теченіи еще до нынѣ называется у Монголовъ *Хатунь-мурѣнь* или *Хатунь-ахэ* (Katum-еке), т. е. царячиною или женскою рѣкою. Для избѣжанія лѣтнихъ жаровъ 66 лѣтній герой рѣшилъ перенести лагерь на солнечную сторону Алтанъ-шана, на восточномъ берегу Хуанъ-хэ. Въ китайской исторіи гора эта именуется *Лю-п'ань-шань* (Leou-P'an) ⁽²⁷⁾, и мѣсто ея указывается въ 20 ли къ З. отъ Гу-юанъ-чжеу (Kou-Youen-Tcheou), нынѣ К'ай-юань (Kau-Yuen, подъ 36° с. ш. и 10° зап. долг. отъ Пекина) слѣдовательно въ области Гань-су. На положеніе ея было мало обращено вниманіе и самое названіе мало извѣстно (*). Но указываемая мѣстность совпадаетъ съ цѣпью снѣговыхъ горъ которыя приводятся въ государственной географіи подъ именемъ Сюэ-шань (Sue-Shan) въ 9 миляхъ (120 ли) къ С.-З. отъ форта Си-ань-фу (Si-Ngan-Fu) (36° 47' с. ш. 102 в. долг. отъ Парижа) ⁽²⁸⁾, и именно на С.-В. берегу Хуанъ-хэ, прямо на Ю. отъ Нинъ-хя. Это поло-

(27) Mailla Hist. génér. IX p. 127. См. Carte de la Tartarie chinoise dressée d'après les observ. du P. Mailla par Brion de la Tour. 1779.

(28) Klaproth magas. Asiat. p. 145.

(*) Положеніе ея объяснено картою центральной Азии Кларота. Она помѣщена на этой картѣ въ верховьяхъ Вей-хэ, близъ города Гунъ-чжанъ-фу (Kung-Tchang-Fu) провинціи Ганьсу, слѣдовательно тремя съ половиною градусами южнѣ Нинъ-хя. *Пр. Пер.*

женіе подтверждается и въ *Tarikh Djichan kusebai* ⁽²⁹⁾, въ которомъ присовокупляется, что гора Лю-п'ань находилась на тогдашней границѣ трехъ государствъ, именно Гинь, или сѣвернаго Китая, на С.; Сунь или южнаго Китая на Ю. и Хя на З.; слѣдовательно въ весьма важномъ мѣстѣ для дальнѣйшихъ успѣховъ завоевателя, который скончался здѣсь, на границѣ этихъ трехъ государствъ, подпавшихъ впоследствии подъ власть его наследниковъ. Здѣсь еще застало его посольство императора династіи Гинь, поднесшее ему богатую дань драгоценнымъ (маньчжурскимъ) жемчугомъ, которой онъ частію раздѣлялъ между своими полководцами, а частію отдалъ своимъ воинамъ на расхватъ. Упомянутая цѣпь горъ повелѣваетъ надъ входомъ изъ Шэнь-си въ низменный южный Китай. Отсюда, будучи увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія, онъ рассчитывалъ проникнуть побѣдителемъ вдоль р. Вей-хэ (Ноей-Но), въ столицу Си-ань-фу (Si-Ngan-Fu) и къ нижнему Хуанъ-хэ, въ самое сердце Китая, подобно тому какъ некогда Ганнибалъ, перейдя Альпы, проникъ по р. По въ Италію. Этимъ объясняется совершенно послѣднее стратегическое распоряженіе, завѣщанное Чингисъ-ханомъ своимъ полководцамъ ⁽³⁰⁾ — потребовать отъ династіи Сунъ (Song) свободного прохода чрезъ знаменитое ущелье *Тунъ Гуанъ* (Thung-Kouan) ⁽³¹⁾, которое лежитъ подъ 34° 39' с. шир. и 107° 45' в. долг. отъ Парижа. Какъ Китай былъ тогда раздѣленъ на два особые владѣнія, и сѣверное было такъ сильно укрѣплено и такъ упорно защищалось, что Чингисъ-ханъ долженъ былъ оттуда неоднократно отступать, то это и привело его къ намѣренію — начать покореніе богатой страны съ южной стороны; для сего именно ущелье Тунъ-гуанъ открывало прежде всего свободный путь въ землю династіи Сунъ. Уже прежде

(29) *Histoire des Mongols* p. d'Ohsson T. I p. 284.

(30) Mailla *Hist. gén.* IX t. c.; ср. Timkowski *Voy.* II p. 222, not; *Tabl. hist. de l'éhsie* p. 216, 224 и др.

(31) P. Gaubil *Hist. de Gentschiscan etc.* Paris 1739, 4 p. 29; Mailla *Hist. génér.* T. IX p. 74, 76, 138, 142; Deguignes *Gesch. der Hunnen.* T. III p. 77.

(въ 1215) Чингисъ-ханъ пытался, но безуспѣшно, взять приступомъ это ущелье.

При упомянутой горѣ Лю-п'ань, въ сосѣдствѣ Нинъ-ха, скончался, вскорѣ послѣ покоренія царства Хя, грозный Чингисъ-ханъ; тѣло его было перевезено съ погребальными волами въ отечество на Сѣверъ, и всѣ попадавшіеся на пути были убиваемы какъ посмертныя жертвы покойнаго.

Уже Клапротъ доказалъ, что городъ Нинъ-ха, въ концѣ XIII столѣтія, былъ описанъ Маркомъ Поло подъ именемъ *Ershai* ⁽³²⁾; въ немъ тогда уже были фабрики для выдѣлки ковровъ (*Zambelotti di peli di camelli*) (*) и онъ сдѣлался важнымъ рынкомъ для Китая съ того времени, какъ эта область была присоединена къ Китаю Монгольскими владѣтелями его. Съ упадкомъ Монгольской власти страна эта была временно занимаема разными ордами, но возвращалась всегда опять Китаю. Она была преимущественно опорой Маньчжурскихъ императоровъ, которымъ рано подчинились сосѣднія орды Ордосовъ. Подъ защитою сихъ императоровъ городъ Нинъ-ха, распространился, пришелъ въ цвѣтущее состояніе и сдѣлался важнымъ гарнизоннымъ пунктомъ для китайскихъ западныхъ армій. Для обезпеченія западныхъ своихъ границъ отъ враждебныхъ сосѣдей съ С. и Ю. — Элютовъ, Турковъ и Тибетцовъ императоръ К'анъ-хи, утвердивъ Маньчжурскую власть на В., принималъ упомянутое путешествіе къ Нинъ-ха. Путешествіе это, которымъ К'анъ-хи хвалился, какъ первымъ изъ совершенныхъ Китайскими императорами по Хуанъ-хэ ⁽³³⁾, есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, которому мы обязаны наличными свѣдѣніями о природѣ этого края.

(32) M. Polo у Рамузиа с. 81. fol. 16 ed. Marsden p. 235.

(33) Mém. conc. l'hist. des Chinois. T. IV. p. 478.

(*) И нынѣ Нинъ-ха и горы Ала-шань, по свѣдѣтельству В. П. Васильева, снабжаютъ прекрасными надѣлами изъ козьей шерсти не только Цекимъ и Тибетъ, но даже сѣверную Индію. — *Пр. Пер.*

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 19.

Перелѣтъ миссіонеровъ Хюка и Габе черезъ Ордосъ изъ Чагань-курень въ Нинъ-хя осенью 1844 года (1).

Миссіонеры Хюкъ и Габе, въ концѣ ноября 1844 года, изъ Чагань-курень (2) рѣшились направиться въ Нинъ-хя (Ning-kia), черезъ Ордосъ. Уже восемь дней Хуанъ-хэ былъ въ одномъ изъ своихъ сильнѣйшихъ разливовъ и сдѣлался подобнымъ безпредѣльному морю. Кое-гдѣ только мелькали на горизонтѣ небольшіе острова зелени, дома и деревеньки, какъ бы плавающіе посреди воды. Миссіонеры рѣшились однакоже переправиться черезъ рѣку. Сначала они были принуждены ѣхать въ бродъ по обширному разливу и искать убѣжища въ прибрежномъ мяо (храмѣ), выстроенномъ изъ гранита и посвященномъ духу рѣки. Только на другой день началась переправа черезъ самую рѣку. Маленькій караванъ съ большимъ трудомъ переѣхалъ на небольшой баркѣ черезъ Хуанъ-хэ.

Около полудня миссіонеры, съ своими верблюдами, были уже на правомъ берегу рѣки. Впереди разстилались необозримыя грязи и болота. Рѣка однакоже начала входить въ берега свои. Дороги не было и слѣда; путешественники должны были руководиться въ своемъ направленіи путемъ солнечнымъ. Часто, при видѣ зеленѣющихъ поверхностей, они дѣлали обходы, въ надеждѣ напасть на сухія мѣста, но нападали только на стоячія воды, поросшія густыми водяными травами. Верблюды безпрестанно остаивались, путаясь въ тинѣ или увязая въ грязи. На всемъ пути миссіонерамъ встрѣтилось только трое пѣше-

(1) См. Нис. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. I. p. 226.

(2) Чагань-курень не находится ни на одной европейской картѣ, кромѣ Андриво Гужона изд. 1851. Онъ расположенъ на Хуанъ-хэ, вѣроятно между устьями рѣкъ Чжегесутая и Майдари-гола. См. Klaproth Carte de l'Asie Centrale.

ходовъ, которые, снявъ обувь, съ помощію длинныхъ палокъ, съ трудомъ пробирались черезъ болота. День склонялся уже къ вечеру, когда путешественники встрѣтили монгольскую хижину. Монголы приняли ихъ радушно, угостили чаемъ и показали дорогу къ рѣкѣ Бага-голю (Paga-gol), за которой разливы и болота прекращались.

Черезъ полчаса пути дѣйствительно показалась обширная водная поверхность, по которой скользили безпрестанно рыбацкія лодки и которая гораздо болѣе была похожа на озеро, чѣмъ на рѣку. Берегъ рѣки, довольно возвышенный, былъ совершенно сухъ, такъ что миссіонеры удобно могли здѣсь разбить свою палатку. Кругомъ разстилалось превосходное пастбище и путешественники рѣшились отдохнуть здѣсь нѣсколько дней отъ трудной переправы. Бивакъ этотъ показался имъ восхитительнымъ. Время было прекрасно: днемъ—умѣренная и пріятная теплота, ночью—безоблачное, звѣздное небо (въ Ноябрь); топливо было обильно, пастбища—богаты и здоровы; верблюды наслаждались налетомъ селитры на почвѣ и солонцеватою водою. Днемъ пустыня была безмолвна; но ночью она оживлялась тысячами голосовъ водныхъ птицъ, густо населяющихъ весь Ордоъ и перелетающихъ по воздуху несмѣтными стаями. Птицы эти принадлежатъ большею частію къ разнымъ породамъ гусей, утокъ, чирковъ, аистовъ, драхвъ и разныхъ голенастыхъ (*Grallatores*). Всего болѣе обратила на себя вниманіе миссіонеровъ Юань-янъ (*Yuen-Yang*)⁽³⁾—родъ утки съ круглымъ клювомъ и чудными пурпуровыми перьями.

Обширная водная поверхность, около которой миссіонеры разбили свою палатку, состояла изъ двухъ рѣчекъ, текущихъ въ разные стороны: одна изъ нихъ впадаетъ прямо въ Хуанъ-хэ и

(3) По свидѣтельству Палласа *Anas gutila* по китайски называется Юань-юй. Впрочемъ описываемая Хюкомъ птица не принадлежитъ какъ кажется ни къ одной изъ породъ *Anas* Палласовой Зоографіи. См. Pallas Zoographia rosso-asiatica. Петrop. 4. 1811. Т. II. p. 242. Эта порода утки по необыкновенной красотѣ своей разводится въ Китаѣ.

течетъ къ Сѣверу, другая—въ одинъ изъ его притоковъ. Во время большихъ наводненій обѣ системы соединяются, и раздѣляющій ихъ песчаный холмъ исчезаетъ подъ водою. Разлитіе Желтой рѣки приносить въ Бага-голь множество крупной, превосходной рыбы. Вода остается здѣсь до зимы, Бага-голь замерзаетъ въ декабрѣ. Въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ туземцы занимаются здѣсь рыбною ловлею и нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, на берегу Бага-голя, служатъ имъ убѣжищемъ на это время. Бага-голь есть можетъ быть рѣка, означенная на картѣ Клапрота именемъ Чжегессутай (Djehhessoutai). Близъ нея течетъ другая, означенная именемъ Хуссутай (Khoussoutai). На картѣ Клапрота онѣ текутъ параллельно между собою, на картѣ д'Авивля соединяются ⁽³⁾.

Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха на Бага-голь, миссіонеры тронулись въ дальнѣйшій путь ⁽⁴⁾. Имъ предстояла трудная переправа черезъ водный бассейнъ, при которой верблюды шли въ бродъ, а миссіонеры ѣхали въ лодкѣ. Подъ конецъ они встрѣтили перваго министра князя Ордосовъ, отправлявшагося въ Чаганъ-курэнь. Длинная переправа заняла почти цѣлый день; поздно ночью, оставивъ за собою всѣ грязи и болота, путешественники добрались до своего ночлега въ 5 верст. отъ разлива.

Когда на другой день миссіонеры проснулись, солнце было уже высоко, впереди разстилалась песчаная и бесплодная степь Ордоса, позади оставались грязи и болота Бага-голя и разливы Хуанъ-хэ. Миссіонеры тронулись въ путь: впечатлѣніе, произведенное на нихъ страною, было грустно. Кое-гдѣ встрѣчались обработанныя земли, но земледѣліе здѣсь самое жалкое, а населеніе еще несчастнѣе. Оно представляетъ смѣсь китайскаго элемента съ татарскимъ, но ему не достаетъ ни трудолюбія и индустріи Китайцевъ, ни простоты и прямоты Монголовъ.

(3) См. Klapproth, Carte de l'Asie Centrale dressée d'après les cartes levées par ordre de l'Empereur Khien-Loung etc. Paris. 1836. и d'Anville Nouvel Atlas de la Chine Haye. 1737.

(4) См. Huc Souv. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 262.

Живетъ оно въ грязныхъ хижинахъ, кое-какъ состроенныхъ изъ сплетенныхъ сучьевъ, смазанныхъ глиною. Внутренность этихъ хижинъ также отвратительна какъ и наружность: люди и домашнія животныя живутъ вмѣстѣ и далеко не пользуются даже комфортомъ монгольскихъ шатровъ.

Песчаная почва, обрабатываемая этимъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ, производитъ, исключая небольшого количества гречихи и проса, только пеньку, которая впрочемъ растетъ хорошо и достигаетъ большихъ размѣровъ. Во время проѣзда миссіонеровъ жатва была давно уже снята, но можно было судить о качествѣ пеньки по оставшимся стеблямъ, потому-что жители Ордоса не дергаютъ пеньку, а косятъ ее. За пеньковыми полями, по которымъ верблюды проходили съ затрудненіемъ, потянулась степь, чрезвычайно сухая и безплодная. Со всѣхъ сторонъ поверхность была лишена зелени и совершенно обнажена, кругомъ простирались скалистые овраги, мергелевые холмы и равнина, засыпанная мелкимъ сыпучимъ пескомъ, развѣваемымъ вѣтромъ во всѣ стороны. Вмѣсто луговыхъ травъ здѣсь растутъ только колючіе кустарники и породы мелкихъ пыльных папоротниковъ, издающихъ непріятный запахъ. Кое-гдѣ попадаетъ скудная и хрупкая трава, до такой степени прилипшая къ почвѣ, что животныя принуждены бороздить песокъ, чтобы шипать ее. Вода чрезвычайно рѣдка, сухость почвы необыкновенна. На обширныхъ протяженіяхъ миссіонеры не встрѣчали ни ручья, ни источника, только изрѣдка попадаютъ лагуны и цистерны, наполненные испорченною и грязною водою. Деревянные ведра, которыми миссіонеры запаслись въ Ху-хухотонѣ, оказывали имъ большія услуги для запасенія водою; не смотря на то, разъ пришлось имъ пробыть два дня безъ глотка воды, а животныя страдали еще болѣе, потому-что долгое время оставались безъ подножнаго корма. Не смотря на отсутствіе водъ и пастбищъ, степи Ордоса наполнены дикими животными. Чаще всего попадаютъ сѣрые кролики, желтыя козы и красивые фазаны (*Phasianus pictus*, также *Ph. Argus*). Зайцы

также многочисленны и такъ мало пугливы, что при видѣ путешественниковъ останавливаются на заднихъ лапкахъ, какъ бы съ любопытствомъ.

Стада, питающія Монголовъ Ордоса, немногочисленны и очень уступаютъ стадамъ привольныхъ пастбищъ Кэшиктени и Чахара. Рогатый скотъ и лошади, любящія свѣжія пастбища и чистую обильную воду, особенно плохи; за то козы, овцы и верблюды, которые охотно ѣдятъ траву, напитанную селитрою, довольно посредственны. Монголы Ордоса очень бѣдны: они живутъ въ шатрахъ, спитыхъ изъ нѣсколькихъ доскутовъ войлока или козьихъ шкуръ и укрѣпленныхъ на дурныхъ жердяхъ; все это такъ ветхо и грязно, такъ разрушено временемъ и непогодами, что трудно представить себѣ какъ могутъ помѣщаться здѣсь люди. Вездѣ, гдѣ только было населеніе, миссіонеры были окружены толпами нищихъ. Чѣмъ болѣе путешественники углублялись въ страну, тѣмъ болѣе она принимала дикій и грустный видъ. Черезъ нѣсколько дней пути черезъ песчаную пустыню путешественники прошли мимо небольшого, но богато выстроеннаго Ламайскаго храма, расположеннаго среди дикаго, но живописнаго ландшафта. По разсказамъ встрѣтившихся Монголовъ, храмъ этотъ построенъ за два года, на мѣстѣ другаго, разрушеннаго во времена нашествія Чингисъ-хана. За долиною, въ которой находился храмъ, страна сдѣлалась опять пустынною и безплодною. Къ довершенію неприятнаго ея впечатлѣнія, страшная гроза, окончившая осеннее время года, привела за собою и зимнія стужи ⁽⁶⁾.

Гроза была предшествуема удушливимъ жаромъ, потомъ темныя тучи собрались на горизонтѣ. Лисицы убѣгали въ свои норы, стада козъ стремились къ ущельямъ. Потомъ поднялся порывистый вѣтеръ и гроза разразилась надъ путешественниками, не успѣвшими достигнуть до ближайшаго ущелья. Наконецъ, пробираясь съ трудомъ черезъ наводненныя пески, они увидѣли въ горномъ скатѣ отверстіе пещеры.

(6) См. *Huc Souv. d'un Voyage en Tartarie etc.* T. I. p. 300.

Пещеры эти были обширны, превращены искусственно въ нѣсколько просторныхъ комнатъ и сохранились въ большой цѣлости. На стѣнахъ ихъ были видны китайскія надписи, на полу обломки фарфоровыхъ сосудовъ. Въ пещерахъ нашлось топливо, просяная и овсяная солома и стойла для животныхъ. Одинъ Монголъ разсказалъ миссіонерамъ, что здѣсь когда-то жили Китайцы, захватившіе себѣ много окрестныхъ земель и занимавшіеся также грабежемъ, но что они были изгнаны отсюда по повелѣнію ордосскаго князя. Теперь единственными жителями этихъ пещеръ остались цѣлыя стаи воробьевъ.

На другой день, около полудня, миссіонеры тронулись въ путь. По указанію встрѣтившагося Монгола невдалекѣ находилась небольшая долина — одну изъ лучшихъ пастбищъ цѣлаго Ордоса. Небо было ясно, блистало солнце, но послѣ грозы температура вдругъ сдѣлалась холодною. Послѣ двухъ-часоваго пути по песчанной почвѣ, изборозженной дождевыми потоками, миссіонеры очутились въ долину, которой цвѣтушій и плодородный видъ представлялъ рѣзкую противоположность со всѣмъ, что они видѣли до тѣхъ поръ въ Ордосѣ. Посреди долины протекалъ прекрасный ручей, котораго источники терялись въ пескахъ, а съ обѣихъ сторонъ холмы, возвышавшіеся въ видѣ амфитеатра, были покрыты пастбищами и букетами кустарниковъ. Здѣсь путешественники остановились на два дня, боясь пуститься далѣе, потому-что дулъ сильный сѣверный вѣтеръ и сдѣлалось чрезвычайно холодно, такъ что даже ручей замерзъ. Черезъ два дня вѣтеръ утихъ и погода опять сдѣлалась довольно теплою.

Тогда миссіонеры тронулись въ путь и скоро пристали къ каравану, отправлявшемуся въ сосѣдній ламайскій монастырь — Джашин-чай-липъ на религіозную церемонію. Только Габе отправился въ близлежащій китайскій постъ для закупокъ. Постъ этотъ находился на равнинѣ, покрытой вересками. Отсюда Габе, черезъ пересѣченную мѣстность, наполненную оврагами и крутыми холмами, направился къ условленному мѣсту соединенія

съ своими спутниками, но не нашелъ ихъ тамъ, потому-что Хюкъ, отставъ отъ каравана, сбился съ дороги въ холмахъ сыпучаго песку, развѣваемаго вѣтромъ и лишеннаго всякой растительности. Маленькій караванъ весь разбрелся, потому-что верблюды Хюка, оборвавъ свои привязи, ушли въ степь, и только на другой день къ вечеру все соединились.

На слѣдующій день утромъ миссіонеры увидѣли на желтомъ фонѣ песчаной горы нѣсколько большихъ красивыхъ зданій, окруженныхъ многочисленными бѣлыми домиками (7). Это было ламайскій монастырь Джаши-чай-линъ (Rache-Tchugin). Три буддйскіе храма, возвышающіеся посрединѣ его, отличаются величественною и прекрасною постройкою. На аллеѣ, ведущей къ главному храму, возвышается четырех-угольная башня, колоссальныхъ размѣровъ, съ четырьмя чудовищными драконами на четырехъ углахъ ея, высѣченными изъ гранита. Джаши-чай-линъ изъ европейскихъ картъ нанесенъ только на картѣ Андриво Гужона 1851 года (подъ именемъ Rache-Kiugin). Я полагаю что означенный на большой картѣ центральной Азіи Клапрота (8) храмъ Гунъ-ерги (Goun-Erghi) и Джаши-чай-линъ одно и тоже, потому-что еслибы существовалъ другой буддйскій храмъ, въ такой близости отъ пути миссіонеровъ, они бы слышали и упоминали о немъ. Если предположеніе вѣрно, то Джаши-чай-линъ отнесенъ на картѣ Андриво Гужона почти на $\frac{1}{2}^{\circ}$ слишкомъ далеко къ З. Холмистая и пересѣченная мѣстность близъ Джаши-чай-лина относится къ краю или системѣ, названной на картѣ Клапрота горами Чаганъ-толохай (Tchagan-Tolochai), только горы эти не болѣе какъ низкіе холмы, составляющіе водораздѣлъ притоковъ Хуанъ-хэ на Сѣверѣ и Уланъ-мурэни на Югѣ; онѣ означены слишкомъ рѣзкимъ хребтомъ на картѣ Клапрота, а съ нея и на картѣ Бергхауза (9).

(7) См. Huc *Souv. d'un Voyage en Tartarie etc.* T. I. p. 337.

(8) См. Andriveau *Goujon Carte de l'Empire Chinois et du Japon.* Paris. 1851. и *Klaproth Carte de l'Asie Centrale etc.* Paris. 1836.

(9) См. Berghaus *Karte von China und Japan den Manen d'Anvilles und Klaproths gewidmet.* 1843.

Миссіонеры не останавливались въ Джаши-чай-линѣ, а направились отсюда далѣе, къ Дабсунъ-нору, къ которому ведетъ отсюда прекрасная и очень посѣщаемая дорога. Дабсунъ-норъ (Dabsoun-nor) есть знаменитое мѣстонахожденіе соли, снабжающее этимъ предметомъ не только весь Ордошь, но и сосѣднія провинціи Китая, и есть географическое открытіе Хюка, потому что онъ не былъ означенъ ни на одной европейской картѣ и только нанесенъ у Андриво-Гужона, изд. 1851 г., съ показаній Хюка ⁽¹⁰⁾.

Въ одномъ днѣ пути не доходя до Дабсунъ-нора почва постепенно измѣняется ⁽¹¹⁾: она теряетъ желтоватый цвѣтъ и становится бѣлою, какъ бы покрытою тонкимъ слоемъ снѣга. вмѣстѣ съ тѣмъ вся поверхность надувается въ видѣ безчисленныхъ маленькихъ бугровъ, представляющихъ столь совершенную коническую форму, какъ будто они насыпаны рукою человѣческой. Они группируются иногда этажами одинъ на другомъ, надобно тому какъ насыпаютъ плоды на блюдо и очень различны въ своихъ размѣрахъ: нѣкоторые кажутся какъ бы начинающимися только образоваться, другіе—устарѣлыми и приходящими въ разрушеніе. Такіе бугорки образуются, какъ кажется, какимъ то растеніемъ, выходящимъ вездѣ гдѣ только поверхность надувается подобнымъ образомъ, въ видѣ колючихъ и покрытыхъ длинными иглами стелящихся стеблей, на которыхъ Хюкъ не видѣлъ ни цвѣтовъ, ни плодовъ. Растенія эти смѣшиваются и перепутываются, прикрывая упомянутые бугры какъ бы вазаною шапкою, и не встрѣчаются болѣе нигдѣ какъ на подобныхъ буграхъ, но на старѣйшихъ изъ нихъ высушены, покрыты налетомъ соли и такъ хрупки что распадаются на части.

Водяные источники, вообще столь рѣдкіе въ Ордошь, становятся здѣсь чрезвычайно многочисленными, но они очень соле-

(10) Озеро это не должно смѣшивать съ другимъ озеромъ того же имени Дабсунъ-норъ, также богатымъ солью и лежащимъ въ Тангутѣ къ Ю.З. отъ озера Ху-хв-нора.

(11) См. Нис. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 343.

ны; иногда однакоже подлѣ соляныхъ лагунъ попадаются превосходные и свѣжіе ключи; путешественники легко могутъ узнать ихъ по поставленнымъ подлѣ нихъ длиннымъ вѣхамъ, на которыхъ развѣваются небольшіе флаги. То что называется Дабсунъ-норъ не есть собственно озеро, а обширный резервуаръ соли, смѣшанной съ селитреннымъ налетомъ. Дабсунъ-норъ имѣетъ около 20 ли (10 в.) окружности; въ окрестностяхъ его кое-гдѣ возвышаются юрты Монголовъ, разрабатывающихъ его соляныя копи, между этими монголами есть также и китайскіе переселенцы. Добываніе соли очень легко. Ее складываютъ, какъ попало, въ большіе резервуары и прикрываютъ легкими слоями глины, за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго очищенія, развозятъ по сосѣднимъ китайскимъ рынкамъ, вымѣнивая на чай, табакъ, водку и т. д. На мѣстѣ эта соль ничего не стоитъ.

Миссіонеры перебравшись черезъ всю ширину Дабсунъ-нора, отъ В. къ З., слѣдуя осторожно по торнымъ тропинкамъ, потому-что, по свидѣтельству монголовъ, на этой сырой почвѣ часто встрѣчаются бездонныя водяныя ямы. Вотъ почему Дабсунъ есть дѣйствительно норъ или озеро, только отчасти высохшее, отчасти прикрытое корою соляныхъ или селитряныхъ инкрустаций. Окрестности Дабсунъ-нора обилуютъ стадами козъ и овецъ. Эти животныя охотно питаются вересками, колючими кустарниками и соляными растеніями (галофитами), составляющими единственную растительность сихъ бесплодныхъ степей, а въ особенности любятъ селитряные налеты.

Черезъ два дня пути отъ Дабсунъ-нора, миссіонеры вступили въ длинную, узкую долину, въ которой поселено нѣсколько монгольскихъ семействъ. Почва покрыта здѣсь густою ароматическою травою, похожею на чаберъ, которую выюнныя животныя щипали очень охотно. Здѣсь путешественники дневали. Черезъ день пути далѣе они ночевали въ виду большой горы у глубокаго колодца.

На слѣдующій день, пустились въ путь ранѣе зари, потому-что отъ ихъ привала, на разстояніи 150 ли (75 вер.), не было

воды до самыхъ ста колодцевъ, Страна, по которой проходили въ этотъ день миссіонеры, была по обыкновенію песчана, безплодна и уныла. Солнце давно закатилось, когда путешественники достигли до своего ночлега. Мѣсто гдѣ они разбили свою палатку было дѣйствительно окружено безчисленнымъ множествомъ колодцевъ или просто глубокихъ ямъ, наполненныхъ водою.

На слѣдующій день около полудня путешественники явились къ узкому ущелью, образованному двумя крутыми горами ⁽¹²⁾. Здѣсь они встрѣтили большой караванъ, впереди котораго ѣхали четыре монгольскихъ мандарина съ синими шариками на шапкахъ. Это былъ поѣздъ князя Ала-шань (Aleschan), отправлявшагося въ Пекинъ къ новому году, на поклоненіе императору. За авангардомъ слѣдовалъ раззолоченный паланкинъ; крыша его была украшена шелковою бахрамою, съ боковъ были изображенія драконовъ, птицъ и цвѣтовъ. Паланкинъ несли два красивые мула; князь сидѣлъ на полу его скрестивши ноги. На лицо ему было лѣтъ пятьдесятъ; онъ отличался выраженіемъ доброты и нѣкоторою полнотою. Старый лама, съ длинною сѣдою бородою, на прекрасномъ конѣ, ѣхалъ впереди и велъ за поводъ передняго мула княжескаго паланкина. Кругомъ было множество всадниковъ; сзади вели прекраснаго, совершенно бѣлаго верблюда, необыкновенной величины. Надъ горбомъ и ушами его развѣвались куски желтой шелковой матеріи, потому-что этотъ верблюдъ былъ назначенъ въ дань императору. Скоро послѣ этой встрѣчи миссіонеры расположились на привалѣ у колодца и ночевали здѣсь съ тремя Тайцзіями ⁽¹³⁾, отставшими отъ каравана, изъ нихъ одинъ былъ первымъ министромъ князя. Вслѣдствіе бесѣды съ ними, Хюкъ измѣнилъ нѣсколько планъ своего путешествія. Вмѣсто того чтобы перейти Хуанъ-хэ въ княжествѣ Ала-шань, къ С. отъ великой стѣны

(12) См. Нис. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. Т. I, p. 371.

(13) Монгольскими дворянами.

онъ рѣшился вступить черезъ великую стѣну въ провинцію Гань-су (Kan-su), перейти тамъ Хуанъ-хэ, а оттуда направиться къ Ху-хэ-нору (Khu-Khu-Nor).

На слѣдующій день путешественники направлялись къ Ю.-З. Вечеромъ прибыли къ цитернѣ, наполненной дурною, вонючею водою, въ которой плавали маслянистыя частички и которую едва можно было очистить кое-какъ углемъ. Еще черезъ два дня миссіонеры прибыли къ подошвѣ горной цѣпи, которой вершины терялись въ облакахъ. Переходъ былъ труденъ, въ особенности для верблюдовъ, которые непрерывно должны были идти по твердымъ и острымъ камнямъ. Въ ущельяхъ и оврагахъ горъ видны были вездѣ груды обломковъ глинистаго и слюдянаго сланца. Горы принимали все болѣе и болѣе странныя и смѣлыя формы. Хотя Хюкъ и принялъ составляющую ихъ породу за гранитъ, но изъ его словъ прямо слѣдуетъ что это былъ темный, кавернозный и вывѣтрившійся известнякъ, потому-что онъ былъ наполненъ окаменѣлыми раковинами и отпечатками растеній.

Около полудня миссіонеры взобрались на самый горный гребень и увидѣли у ногъ своихъ Хуанъ-хэ, величественно катившій свои волны отъ Ю. къ С. На другой сторонѣ былъ видѣнъ небольшой Китайскій городокъ Чэ-цуй-цзы (Che-Tsui-Dze), принадлежащій къ провинціи Гань-су и расположенный на скатѣ холма на лѣвомъ берегу рѣки. Весь вечеръ былъ употребленъ путешественниками на очень затруднительный спускъ съ горы. Они добрались однакоже ранѣе ночи до Хуанъ-хэ и успѣли еще въ тотъ же день переправиться черезъ рѣку и вступить въ предѣлы Китая⁽¹⁴⁾.

Городокъ Чэ-цуй-цзы расположенъ въ углу, образуемомъ съ одной стороны горами Ала-шань, а съ другой Желтою рѣкою, отъ которой онъ только отдѣленъ песчанымъ прибрежьемъ⁽¹⁵⁾.

(14) См. Нис. Souven. d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 395.

(15) См. Нис. Souver. d'un Voyage en Tartarie etc. T. II. p. 2.

На восточной сторонѣ города Хуанъ-хэ окаймленъ черноватыми холмами, въ которыхъ находятся богатые каменноугольными копи; туземцы разрабатываютъ ихъ очень дѣятельно и находятъ въ нихъ главный источникъ своего богатства. Предмѣстья города состоятъ изъ обширныхъ фабрикъ глиняной посуды. Между прочимъ здѣсь выдѣлываютъ колоссальныя урны, служащія цѣлымъ семействамъ для храненія необходимаго въ хозяйствѣ запаса воды, также огромныя печи превосходной работы и много вазъ, разныхъ величинъ и формъ. Большое количество этой посуды находятъ сбытъ въ провинціи Гань-су. Съѣстные припасы въ Чэ-цуй-цзы необыкновенно обильны, разнообразны и дешевы; нигдѣ матерьяльная жизнь не можетъ быть дешевле. Во всякій часъ дня и ночи разношники носятъ по домамъ самыя разнообразныя кушанья. У нихъ находятся обѣды для всѣхъ состояній. Разношники эти мусульмане (Хой-хой) и отличаются отъ Китайцевъ только синею фескою, которую носятъ на головѣ.

Чэ-цуй-цзы не находился на европейскихъ картахъ до изданія путешествія Хюка. На картѣ Дюфура, приложенной къ сочиненію Хюка, городокъ этотъ нанесенъ совершенно ошибочно на правую сторону Хуанъ-хэ, въ значительномъ отъ него разстояніи въ Ордоѣ. За то на картѣ Андриво-Гужона изд. 1851 г. онъ нанесенъ совершенно правильно на лѣвомъ берегу Хуанъ-хэ, но названъ ошибочно Чэ-цзинь-цзѣ (Che-Tsin-Dze) ⁽¹⁶⁾.

Пробывъ два дня въ Чэ-цуй-цзы, миссіонеры продолжали путь свой. Окрестности города не обработаны, вездѣ видны пески и гравій, нанесенные широкими разливами Хуанъ-хэ. Далѣе почва улучшается. Черезъ день пути отъ города путешественники перешли черезъ великую стѣну, или лучше сказать черезъ жалкія развалины, обозначающія ея прежнее положеніе. За стѣною почва и страна дѣлаются превосходными и здѣсь выражается вполнѣ земледѣльческій геній Китайцевъ. Въ особенности эта часть провинціи Ганьсу замѣчательна грандіозными и

(16) См. Andriveau-Goujon Carte de l'Empire Chinois et de Japon. Paris. 1851.

хорошо придуманными постройками, для искусственного орошения (иригаціи) полей. Вездѣ видны каналы, снабженные шлюзами, проведенные изъ Хуанъ-хэ и поднимающіе воду на различныя высоты въ каналы, окружающія поля. Каждый владѣлецъ имѣеть свою очередь и порядокъ, при этомъ сохраняемый съ удивительною вѣрностью.

Деревень здѣсь мало: за то вездѣ видны фермы, болѣе или менѣе обширныя и отдѣленныя одна отъ другой полями. Садовъ и рощицъ совсѣмъ не замѣтно, и только нѣсколько деревьевъ окружають жилища, за тѣмъ вся земля посвящена хлѣбопашеству, такъ что даже и для гуменъ не оставлено ни одного участка, а весь хлѣбъ складывается на плоскихъ кровляхъ домовъ. Во время иригаціи земледѣльцы развѣзжаютъ по своимъ полямъ на лодочкахъ или на легкихъ и чрезвычайно высокыхъ четырехъ-колесныхъ телѣжкахъ, запряженныхъ волами. Сколько иригаціи полезны для земледѣлія, столько онѣ непріятны для путешественниковъ: дороги становятся въ это время непроходимыми отъ грязи.

Къ вечеру перваго дня пути отъ города, миссіонеры прибыли въ деревню Ванъ-ху-п'у (Wan-ho-pu), гдѣ далеко не нашли той же дешевизны какъ въ Чэ-пуй-цзы. Здѣсь они пристали къ большому каравану, отправлявшемуся по самой короткой проселочной дорогѣ въ Нинъ-хя. Утромъ они прибыли въ городъ П'инъ-ло-хянь (Ping-lo-hien) ⁽¹⁷⁾. Отъ П'инъ-ло-хяня до Нинъ-хя оставалось 50 ли (25 вер.), поэтому миссіонеры продолжали путь свой неостанавливаясь вдоль прекраснаго иригаціоннаго канала.

Слѣдую далѣе они увидѣли наконецъ высокія стѣны Нинъ-хя (Ning-Hia) ⁽¹⁸⁾ и многочисленныя кіоски пагодъ, издали по-

(17) Ping-lo См. Dict. des villes chinoises. Paris. 8. 1842.

(18) Ning-hia-fou (по орфографіи О. Іаклева и съвѣра, произношеніи Нинъ-Са-фу) въ царствов. династіи Хань до нашей эры и въ началѣ ея назывался *Со-фангъ* (So-fang) при Цзинь (въ III и IV вѣкѣ) получилъ названіе *Хя*, при 2-й династіи Вей и династ. Т'анъ (VII, VIII и IX в.) *Хя-чэсэу*, при дин. Сунъ (VI, XII и XIII в.)

ходящіе на кедры. Кирпичныя стѣны Нинъ-хя стары, но очень хорошо сохранились. Самая древность ихъ, вслѣдствіе которой они заросли мхами и ягелями, придаетъ имъ грандіозный видъ. Городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ болотами, въ которыхъ растутъ въ большемъ количествѣ тростники, камыши и нимфеи (Nymphaea-кувипинка). Внутренность его бѣдна, улицы грязны, узки и извилисты, дома закоптились и разсѣлись, вездѣ замѣтна большая древность города. Хотя Нинъ-хя находится на границѣ Монголіи торговля его ничтожна. Нѣкоторые кварталы почти совершенно превратились въ развалины, по которымъ бродятъ только стада свиней. Жители города кажутся погруженными въ страшную нищету, одѣты въ грязное и оборванное рубище, блѣдныя и изступленные ихъ лица доказываютъ что они нуждаются въ необходимомъ. Южная часть города нѣсколько лучше сѣверной.

§ 20.

Изложеніе 3. *Положеніе Нинъ-хя между Сѣверными и Южными входами Хэ-ланъ-шань (Holang-shan) или Ала-шань (Ala-shan) и Сюе-шань (Sue-Shan) — снѣговыхъ горъ. Высокія горы у Хухэ-нора. Си-нинъ-фу (Sining-Tcheou, Sinin-fu) — торговое мѣсто Тангута.*

Положеніе Нинъ-хя и историческое значеніе, которое получили здѣсь на южной окраинѣ плоскогорія, въ отношеніи къ судьбамъ Китая, въ теченіи столѣтій, Ордось, древнее государство Хя и нынѣшній округъ Нинъ-хя-фу, обуславливаются пластическимъ образованіемъ края и особымъ міровымъ положеніемъ этой мѣстности, въ отношеніи къ Монгольскому нагорью.

Хинъ-чэву, при дин. Минь (XV и XVI в.) Нинъ-хя-вэй, при Маньчжурской Нинъ хя. См. Ed. Biot. Diction. des villes chinoises p. 143

Нинь-хя есть то главное мѣсто, которое на Западномъ берегу верховья Хуань-хэ, составляетъ единственное удобное сообщеніе между *Западными* входами (изъ Туркестана) и *Сѣверными* (изъ Монголіи), между нагорною и низменною Азією, именно чрезъ три большія области Сѣвернаго Китая—Шань-си, Шэнь-си и Гань-су, въ которыхъ прежде другихъ водворились гражданственность и образованіе, по которымъ также, во всѣ времена, были пограничными сторожевыми поселеніями (Vorposten) съ С.-З. для остальнаго Китая, противъ вторженій непріятели. Первоначально они были сами, по обѣимъ берегамъ Хуань-хэ, древнѣйшимъ мѣстомъ поселенія Китайцевъ, до дальнѣйшаго распространенія ихъ власти къ Ю.-В. Страна къ З. отъ Хуань-хэ именуется обыкновенно въ древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописяхъ Хэ-си (Ho-Si) (отъ слова Си, т. е. къ З. отъ Хэ или великой рѣки), подобно тому какъ упомянутая нами Хэ-нань (Ho-nan) означаетъ страну къ Ю. отъ этой рѣки. Эта *Хэ-си*, изъ части которой образовалось государство Хя (ибо оно простиралось до Хами, или Хомула ⁽¹⁾ и даже по ту сторону Турфани, столь далеко сколько шли владѣнія Тангута), монгольскіе завоеватели стали называть съ усиленіемъ гортаннаго звука именемъ *Коши* и также *Каши* ⁽²⁾. Сѣверными входами шли издавна Сѣверные народы съ береговъ Керулэна, Толы и Орхона, гдѣ была столица Монголовъ Кара-корумъ (Кага-Когум), прямо на Ю., ближайшимъ путемъ въ Ху-хэ-хотонь; а Западными входами какъ изъ Тибета на Ху-хэ-норъ и Си-нинъ, такъ изъ Туркестана на Лобъ-Норъ (Лор-ног), шли западные народы, первоначально къ В., на Хами (Хомулъ), Су-чжеу (Su-Tscheou), Гань-чжеу (Кап-Тscheou), Лянъ-чжеу (Лан-Тscheou), слѣдовательно вдоль линіи Западнаго крыла Китайской стѣны къ верхнему Хуань-хэ.

(1) Hist. des Mongols (p. D'Ohsson) Paris 1824. 8. T. I. p. 67.

(2) Descript. du Tibet trad. d. P. Hyacinthe etc. Klaproth. N. Journal asiat. T. IV. p. 116.

(3) P. Lacroix histoire du Grand Ghenghiscan. Paris. 1710 8. p. 376.

И только этимъ путемъ могли они проникать, потому-что только въ этихъ направлєніяхъ караванныя дороги пролегаютъ по болѣе плодороднымъ частямъ пустынной Гоби, которая именно между обоими входами вдвигается къ Ю.-В. самую дикою пустынею Элютовъ Чаросскихъ, и цѣпью горъ близъ Нинъ-хя, ниспадающая почти отвѣсно подобно стѣнѣ къ З. берегу Хуанъ-хэ, указываетъ сему послѣднему теченію вдоль ея отъ 36° до 41° с. ш. На проходѣ по этому узкому западному берегу рѣки лежитъ Нинъ-хя; на восточномъ берегу находятся высокія снѣговыя (?) горы, а сѣвернѣе песчаныя степи Ордоса, одинаково затрудняющія всякій переходъ. Нинъ-хя же, находясь въ срединѣ и на одинакомъ разстояніи отъ упомянутыхъ сѣверныхъ и западныхъ входовъ, составляетъ естественный ключъ къ тѣмъ и другимъ. Потому-то именно великая стѣна, переходя рѣку, получила здѣсь, по Китайской фортификаціонной теоріи, свою форму изломанной линіи; ибо теорію эту вездѣ, въ большихъ искусственныхъ постройкахъ, китайцы основывали на естественныхъ обстоятельствахъ мѣстности.

Изложенное замѣчаніе о значеніи города Нинъ-хя, которое можно вывести и кажется съ достовѣрностію, какъ наиболѣе общій и довольно важный результатъ большаго числа естественныхъ и историческихъ фактовъ, внесетъ вѣроятно нѣкоторый свѣтъ въ хаотическій лабиринтъ историческихъ извѣстій объ этомъ краѣ, и дастъ возможность объяснить многія событія, которыя донинѣ не обращали на себя вниманія. Такъ становится яснымъ почему именно эта мѣстность постоянно играла такую важную роль; почему политика государства Хя⁽⁴⁾, при всей независимости ея, была непостоянна, и всегда, какъ и укоряли ее китайцы, присоединялась, по внушеніямъ своекорыстія, къ политикѣ сѣверныхъ или южныхъ сосѣдей; почему Чингисъ-Ханъ, оставшись побѣдителемъ, какъ на Ю. въ Тангутъ и Тибетъ, такъ и на С., уже послѣ того обратилъ значительныя си-

(4) Mailla Hist. gén. T. IX p. 127.

лы на покореніе этого государства, которое служило посредствующимъ звеномъ между завоеванными областями на С. и Ю. По той же причинѣ, послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая, отдѣльные предводители Монгольскихъ ордъ могли здѣсь держаться еще противъ династїи Минь, и на томъ же основанїи императоры Маньчжурской династїи считали особенно важнымъ укрѣпить и обезопасить эту станцію, и тѣмъ стать твердою ногою на Западѣ. Сюда явились, во время пребыванїя здѣсь Жердильона ⁽⁵⁾ съ императоромъ К'анъ-хи, послы великаго ламы изъ Тибета и отсюда было послано войско на Сѣверъ для истребленїя послѣдняго Кахана (Khagan) Элютовъ. Подобныя событія происходили здѣсь издревле по характеру самой мѣстности и условливались ею. Слѣдующіе факты объясняютъ еще ближе эти отношенїя къ общему подъему нагорья. Обратимся сначала къ Ю. и послѣ возвратимся къ С.

Къ З. отъ Нинъ-хя, на разстоянїи одного дня пути, поднимается большая цѣпь горъ ⁽⁶⁾, которая тянется параллельно съ Хуанъ-хэ къ С.-С.-В., на протяженїи, по показанїю Жердильона, отъ 25 до 30 миль: она была ему извѣстна подъ именемъ *Хэ-ланъ-шань* (Holang-shan) т. е. горъ *Хэлань*, а у Маньчжуровъ *Алакшань-алинь*, (Alajan-Alin) или Ала-шань (Ala-shan). До этихъ горъ простирались владѣнїя Тибетцевъ (или Тангутовъ) въ цвѣтущее ихъ время въ VIII и IX вѣкахъ. Въ 781 году они требовали у китайцевъ, чтобы эта цѣпь была пограничною чертою ⁽⁷⁾. Эта цѣпь, на восточномъ склонѣ своемъ, отличается мѣснымъ богатствомъ. Жердильону рассказывали что она имѣетъ здѣсь 350 проходовъ, которые всѣ заперты стѣнами, за исключенїемъ нѣкоторыхъ и то охраняемыхъ гарнизономъ Нинъ-хя. Великая стѣна прекращается съ одной стороны горной цѣпи къ В. и начинается вновь съ другаго конца ея, на З.,

(5) Gerbillon Voy. VII p. 466, 469.

(6) Gerbillon ibid. p. 464, 470.

(7) Descript. du Tibet trad. de P. Hyacinthe ed. Klaproth. Nouv. Journ. asiat. 1829 T. IV p. 110.

будучи излишнею на протяженіи горъ. Эти горы имѣютъ во многихъ мѣстахъ не болѣе одного часа (9—10 ли) въ ширину, и не посредственно за ними кочуютъ со стадами своими Элюты-чаросы (Oeloth-Tschagos) на землѣ бывшей прежде во владѣніи монголовъ Халхаскихъ, которые однакоже должны были ее оставить, будучи вытѣснены Элютами; вслѣдъ за чѣмъ и заняли страну Чаросы. — Последніе признали надъ собою власть Китайскаго императора (въ 1690 году) и князь ихъ былъ возведенъ въ званіе Бэйла (Peulé т. е. князя 3 степени). Эта степь принадлежитъ къ бесплоднѣйшимъ песчанымъ частямъ нагорной степи Гоби на Ю. Уже на разстояніи 6 часовъ къ С. отъ Нинъ-хя совершенно прекращаются каналы для орошенія рисовыхъ полей; плодородіе уменьшается, поселенія встрѣчаются гораздо рѣже; послѣ 16 часовъ встрѣчаются остатки поперечной стѣны, которая шла отъ Хуанъ-хэ къ горамъ и нѣкогда запырала узкое побережье рѣки, какъ проходъ, но теперь уже находилась въ совершенномъ упадкѣ (1697 г.) (*). Отсюда къ С. прекращается воздѣлываніе земли: такимъ образомъ начинается и здѣсь кочевая жизнь на Сѣверѣ отъ стѣны, какъ и на З. отъ нея. На горахъ, которыя здѣсь еще весьма круты, нѣтъ вовсе лѣсу, но по Хуанъ-хэ и его рукавамъ росли ветлы и кустарникъ; здѣсь начиналась песчаная почва. Цѣпь горъ на З. казалась стала отступать; а нѣкоторыя горы, которыя показались на восточномъ берегу Хуанъ-хэ, стали опять понижаться. Подъ 40° с. шир. путешественники не видали болѣе западной цѣпи, безъ сомнѣнія потому, что она, какъ узнаемъ изъ китайской государственной географіи, проходитъ здѣсь въ сторонѣ незначительными возвышеніями, подъ именемъ Кебанъ-ола (Kertel-Ula) и Халчжанъ-бургутъ⁽⁸⁾ (Kaldjan-Burgutu), прямо на С. въ песчаную степь, между тѣмъ какъ здѣсь именно (подъ 40° с. ш.) Хуанъ-хэ, по которому слѣдовали первоначально путешественники, начинаетъ сворачивать къ В. Здѣсь же сыпучіе пески

(*) Ср. показаніе Хюна въ дополненіи къ § 19.

(8) Magasin asiat. III p. 149.

Ордоса переходили и на западный берегь Хуань-хэ и смѣнялись болѣе твердыми пространствами—лугами, холмами и болотистымъ кустарникомъ, съ которыми появилось такое же обиліе дичи, какъ и по той сторонѣ. Съ лѣсистыми островами, образуемыми многочисленными рукавами Хуань-хэ, появилось также множество кабановъ и большихъ оленей, которые были преслѣдуемы императорскими охотниками и спасались вплавь чрезъ Желтую рѣку. Патеръ Мартини ⁽⁹⁾ говоритъ, что въ этой лѣистой странѣ водится много дикихъ лошадей. Барки изъ Нинъ-хя, нагруженные рисомъ, пришли сюда для снабженія провіантомъ китайскаго войска, которое должно было тогда отъ изгиба Хуань-хэ преслѣдовать, по кратчайшему пути, чрезъ верхнюю степь Гоби къ Алтаю, Хана Элютовъ. Отсюда провіантъ долженъ былъ идти на верблюдахъ къ С. по безводной и лишенной пастбищъ пустынѣ. Путешественникамъ говорили что первая станція отъ Хуань-хэ находится въ пустынѣ, по направленію къ Лянь-ланъ-шаню (Leang-Lan-Shan) въ разстояніи 12 миль. Станцію эту надлежало достигнуть въ одинъ переходъ, ибо до нея нѣтъ ни кормовъ ни воды. Хуань-хэ омываетъ здѣсь такимъ образомъ непосредственно южную границу верхней Гоби; нѣтъ сомнѣнія, что значительная высота, съ которой онъ слѣдовательно отсюда низвергается въ низменность Китая, есть одна изъ причинъ производимыхъ имъ тамъ постоянно большихъ опустошеній. Въ этой странѣ означается на картахъ, по западному берегу великой рѣки къ С. отъ 40° с. ш. у лагернаго мѣста Бей-та (Peta) ⁽¹⁰⁾, урочище, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ шаговъ отъ берега, гдѣ воздвигнута кирпичная пирамида, выбѣленная гипсомъ и окруженная развалинами древнихъ пагодъ. О строителяхъ ея ничего неизвѣстно, но вѣроятно она принадлежитъ къ временамъ монгольскаго владычества, какъ и подобныя развалины близъ Ху-ху-хотоня. Къ сожалѣнію

(9) Martin Martini Novus Atlas Sincensis ed. I. Blaeu. Amst. 1655 fol. 52.

(10) Gerbillou p. 473.

точнѣйшія свѣдѣнія о западномъ берегу Хуанъ-хэ прекращаются съ $40^{\circ} 22'$ с. ш., ибо императору К'анъ-хи, который до того былъ постоянно занятъ охотою и воинскими распоряженіями, угодно было здѣсь сѣсть со свитою своею на барки, сопровождавшія его рѣкою и плыть внизъ по ней. Конница, съ вычнымъ скотомъ, и всѣ тяжести были переправлены на восточный берегъ Хуанъ-хэ и направлены обратно кратчайшимъ и удобнѣйшимъ путемъ чрезъ Ордосъ южнымъ берегомъ рѣки къ устью Тургэни ниже Ху-ху-хотоня. Съ послѣднимъ отрядомъ отправились и отцы іезуиты; отъ нихъ не получаемъ по сему никакого свѣдѣнія о путешествіи императора по Хуанъ-хэ о странномъ развѣтвленіи рѣки, которое означается на всѣхъ картахъ въ самомъ внутреннемъ углу южной окраины нагорья, а также о высокомъ Инъ-шанѣ, который долженъ здѣсь проходить, какъ неподлежитъ сомнѣнію по другимъ извѣстіямъ. Путь Жербильона лежалъ на В., вдоль одного изъ южныхъ, весьма мѣлкихъ и вѣроятно древнѣйшихъ рукавовъ рѣки, Чигей-мурэнъ (Tchigue-Muren), а оттуда по степнымъ пастбищамъ, либо пескамъ, въ описанной уже выше болѣе южной части Ордоса, все къ В., гдѣ постепенно стали встрѣчаться болота, монгольскія становища и съ ними нѣкоторыя воздѣланныя земли. Единственное данное о пластическомъ строеніи лѣваго берега Хуанъ-хэ заключается въ показаніи, что противъ пункта соединенія упомянутаго рукава съ главнымъ русломъ, на сѣверномъ берегу послѣдняго, возвышается гора, именуемая *Мона* (Mona) и что это мѣсто, гдѣ рѣка образуетъ родъ угла, обращаясь къ В., называется по этому Мона-хаша (Mona-Nojo) ⁽¹¹⁾; слѣдовательно характеристическая черта этого перваго колѣна рѣки не ускользнула отъ вниманія мѣстныхъ жителей. Не есть ли эта гора Мона первый мысъ цѣпи Инъ-шаньской, которая отъ направленія своего къ С. уклоняется здѣсь къ В. и направляетъ и самую рѣку изъ продольной долины, по которой она текла, въ ко-

(11) Gerbillon p. 473.

ротку, поперечную? Между высотами группы Инь-шаня, прорывается действительно каменная гора *Мунь* (*Moupin*), как наиболее западный пункт ⁽¹²⁾. Возвратимся къ западной цѣпи, сопровождающей рѣку, къ южному, склону горы Хэлань-шань или также Ала-шань (*Alan-Shan* у Дегиня 10569).

Китайская государственная географія ⁽¹³⁾ говоритъ, что Хэлань-шань, на границѣ области Нинь-хя-фу, простирается къ Ю.-В. до Желтой рѣки; цѣпь сихъ горъ, расположена полукругомъ, имѣетъ въ длину отъ С. къ Ю. 45 географ. миль (500 ли) и защищаетъ сосѣдніе города отъ вѣтровъ Гоби; принадлежатъ ли отдѣльныя горы, которыя поименовываются государственною географіею къ этой цѣпи горъ, — нельзя заключить съ достовѣрностію. Она не ограничивается слѣдовательно тѣмъ короткимъ протяженіемъ, на которомъ ее видѣли собственными глазами наши путешественники, а тянется въ томъ же направленіи еще далеко на Ю., сопровождая съ западной, или лѣвой стороны рѣку Хуань-хэ и соединяя очевидно съверный Инь-шань съ южными снѣговыми горами, идущими по границѣ между Китаемъ и Тангутомъ отъ С.-З. къ Ю.-В. Наиболее высокія цѣпи горъ, къ которымъ принадлежатъ и снѣговыя горы — мѣсто кончины Чингисъ-хана, переходятъ также на восточный или правый берегъ Хуань-хэ и идутъ отъ города Лаш-чяеу, находящагося на правомъ берегу подъ 36° с. ш., непрерывно къ Ю. къ дикой альпійской странѣ Сифана (*Sifan*) и Сы-чуани (*Szu-Tchuan*). При входѣ своемъ изъ высокой гористой страны Хухэ-нора (голубаго озера) въ Китай, въ область Гань-су, знаменитая и великая Желтая рѣка прорываетъ высокой снѣговой хребетъ горъ, называемый Сюэ-Шань (*Sue-Shan*), направляющійся отъ Ю.-В. къ С.-З. своими исполинскими вершинами далеко въ нагорную Азію. Патеръ Мартини ⁽¹⁴⁾,

(12) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 97.

(13) Timkowski Voy. II p. 280.

(14) Martin Martini N. Atlas sinensis, fol. 32.

рассказывающій объ этихъ странахъ какъ очевидецъ, говоритъ, что въ началѣ прорыва, у Хо-чжеу (Ho-Tcheou), возвышаются по обѣимъ сторонамъ двѣ весьма высокія вершины горъ, между которыми, какъ чрезъ ворота, стремится Хуанъ-хэ. Болѣе живописную и плодородную часть долины рѣки, близъ города Лань-чжеу, патеръ сравниваетъ съ долиною рѣки Еча, на родинѣ своей—въ Тиролѣ. Въ южныхъ частяхъ областей Шэнь-си и Гань-су, въ смежности съ Сы-чуанью, эта цѣпь становится водораздѣломъ между среднимъ Янъ-цзы-кяномъ и Хуанъ-хэ, на границѣ Гань-су, Сы-чуани и Тибета. Къ З. отъ китайскаго города Цзѣ-чжеу (Kjai-Tcheu) въ Ганьсу (подъ 33° 32' с. ш. и 102° 42' вост. долг. отъ Парижа) цѣпь возвышается въ первый разъ до исполинскихъ размѣровъ вѣчно-снѣговыхъ горъ. Такая снѣговая гора называется *Тянь-мынь-шань* (Thian-Men-Shan) и лежитъ къ С. отъ города Си-хэ-ченъ (Si-Ku-Tching) ⁽¹⁵⁾. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ ея къ З. находится исполинская группа снѣговыхъ горъ въ восточномъ Тибетѣ (Рачико (*) на Данвилевой картѣ Китая), наполняющая собою область Сифанъ между 33° до 34° с. ш. и направляющая верхній Хуанъ-хэ круто къ З. къ Хухэ-нору. Какъ она не имѣетъ общаго имени, то мы будемъ называть ее *Большою снѣговою Сифаньскою цѣпью* (**). Отъ Тянь-мынь-шаня (Thian-Men-Shan) вышеупомянутая Сѣв.-Зап. снѣговая цѣпь, прорываемая рѣкою Хуанъ-хэ, идетъ по западной границѣ Гань-су подъ разными мѣстными наименованіями, о которыхъ здѣсь не будемъ упоминать. Замѣтимъ только то мѣсто, гдѣ прорываетъ ее Хуанъ-хэ

(15) Klaproth Tableau des plus hautes montagnes de la Chine. См. Magasin asiat. Paris 1826. Т. III. р. 143. 143.

(*) Названіе это мы встрѣчаемъ въ новѣйшее время и у Хюка, потому что второй проводникъ миссіонеровъ на пути отъ китайской границы до Хлассы былъ уроженецъ горъ Рашико (Ratchiko). См. Nue Souven. d'un voyage en Tartarie etc. Т. II. р. 206. *Пр. Пер.*

(**) Горы въ 130 вер. къ З. отъ Лань-чжеу на Хуанъ-хэ при границахъ Хухэ-нора, называются Цзи-ши-шанъ или Сю-цзи-ши (малыя Цзи-ши), въ отличіе отъ Хухэворскихъ горъ, называемыхъ Да-цзи-ши (большія Цзи-ши). Цзи-ши значитъ каменные громады». См. Іакинѳа Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. I. стр. 30. *Пр. Пер.*

отъ Ю.-З. къ С.-В., въ области Гань-су, въ 12 географическихъ миляхъ (150 ли) къ Ю.-З. отъ города Хо-чжеу, находящагося на правомъ его берегу (**). Здѣсь высочайшая изъ сихъ снѣговыхъ горъ, именуемая Лу-гу-шань (Lu-Ku-Shan) ($35^{\circ} 25'$ с. ш. $100^{\circ} 11'$ вост. долг. отъ Парижа), но болѣе употребительно еще названіе Сюэ-шань (Sue-Shan) т. е. снѣговая гора. Это общее нарицательное имя сдѣлалось собственнымъ для цѣпи въ этой мѣстности, вѣроятно по значительной массѣ снѣговъ и чрезвычайной высотѣ горъ. Тѣмъ замѣчательнѣе должна быть длина прорыва Хуанъ-хэ, чрезъ которую переходитъ цѣпь, но которая къ сожалѣнію остается намъ неизвѣстною, хотя она безъ сомнѣнія представить не менѣе занимательныя явленія для естественнаго испытателя, какъ и подобныя прорывы Инда и Сетледжа въ Хималайской цѣпи. Надъ этимъ прорывомъ Хуанъ-хэ командуетъ пограничная крѣпость Цзи-ши-гуань (Tsy-Shy-Kouan), и отъ нея вѣроятно получила имя свое ближайшая группа горъ на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ.

Къ С. отъ Хуанъ-хэ, въ недалекомъ отъ него разстояніи, въ крайнемъ западномъ округѣ провинціи Гань-су лежитъ городъ Си-пинь (Si-ping) или Сипинь-чжеу, по произведенномъ тамъ наблюдении ⁽¹⁶⁾ подлѣ $36^{\circ} 39'$ с. ш. $14^{\circ} 46'$ зап. дол. отъ Пекина, а по картѣ Іезуитовъ у Дюгальда подлѣ $36^{\circ} 39' 20''$ с. ш. $14^{\circ} 40' 30''$ зап. дол. отъ Пекина ⁽¹⁷⁾. Между этимъ городомъ и сѣвернымъ берегомъ Хуанъ-хэ продолженіе прорваннаго Сюэ-шаня достигаетъ къ Ю. отъ Хухэ-нора до чрезвычайной, громадной высоты. Эта масса горъ идетъ, по свидѣтельству китайской государственной географіи ⁽¹⁸⁾, съ Ю.-З. отъ истоковъ Хуанъ-хэ отъ горъ Башъ-хара-ола (Bajan-Khara) за 42 геогр. миль (550

(**) Хо-чжеу находится не на Хуанъ-хэ, а въ 25 верст. южнѣе его, надъ однимъ изъ его притоковъ. См. Klaproth Carte de l'Asie Centr. 1836 и Berghaus Karte von China. Пр. Пер.

(16) P. Souciet Observations mathématiques astron., géogr. etc. à la Chine. Paris 1729. p. 142.

(17) Du-Halde, I. p. 48.

(18) Timkowski, II. p. 274.

ль); на Востокъ къ Си-панъ и на срединѣ этого протяженія омывается съ Ю. верхнимъ Хуанъ-хэ. Горы эти считаются высочайшими изъ окружающихъ Хухэ-норь, и семь изъ ихъ вершинъ теряются, какъ рассказываютъ, въ облакахъ. Одна изъ нихъ видна уже на разстояніи 100 ли (7½ геогр. миль) и покрыта вѣчными льдомъ и снѣгомъ, какъ и соседнія съ нею горы; всѣ окружены ужасными пропастями, облечены, если вѣрять рассказамъ, зловонными туманами, дѣлающими пребываніе здѣсь вреднымъ здоровью, почему и посѣщаются мало. Этой группѣ горъ, которую Монголы именуютъ *Аме-малзинъ-мусунъ-ола* (*Ame-Maldzin-Mousoun*) (*), мѣстные жители приносятъ въ началѣ cadaго времени года жертвы; Аме есть Тибетское слово и значить *природитель*. Страна вокругъ Ху-хэ-нора, представляющая огромнѣйшій горный узелъ (19), заключаетъ въ себѣ 13 такихъ Аме; это есть *горная страна 13-ти патриарховъ*, изъ которыхъ каждому приносятся жертвы, но упомянутая здѣсь группа выше прочихъ.

Исполинскій поясъ горъ вокругъ Хухэ-нора на границахъ Си-фапа, Тайгута, Тибета и Китая представляется, въ очертаніи юго-восточной окраины нагорья, естественнымъ предѣломъ; за который въ настоящее время изслѣдованіе наше не должно простирается далѣе къ Ю.; систему развѣтвленія горъ къ Ю. и къ Ю.-В. будемъ разсматривать ниже. Мы слѣдуемъ указаніямъ представляемымъ намъ главнѣйшими чертами физическаго строенія земли, чтобы изобразить каждую мѣстность, по надлежащей группировкѣ, въ настоящей связи и по характеристическимъ чертамъ; при семъ мы должны съ одной стороны избѣгнуть

(*) По китайски горы эти называютъ: Да цзи-ши-шань, т. е. большія каменные горы, также Да-сюэ-шань, т. е. большія снѣжныя горы. Они имѣютъ 300 ли (130 вер.) протяженія и служатъ продолженіемъ горъ Куркунъ-ола. Деять высочайшихъ ихъ остроконечныхъ вершинъ уходятъ за облака, но средняя изъ нихъ всѣхъ выше и покрыта вѣчными снѣгами, см. Іаквица Стат. Оп. Кит. Имп. Ч. II. ст. 43.—

Пр. Пер.

(19) Alex. v. Humboldt, über Bergketten und Vulkane v. Inner-Asien Poggend. Journ. B. 94 p. 322.

издавна принятых, протазонных, раздробленій, болышихъ формъ природы, на мелкія отдѣльныя части, а съ другой стороны не упустать изъ виду тѣхъ пунктовъ, на которыхъ необходимо остановиться, чтобы возвратиться къ общему обозрѣнію подчиненныхъ частей и массы; обозрѣть за одинъ разъ цѣлое съ надлежащею основательностію, было бы выше нашихъ силъ, а только постепенно можемъ мы овладѣть всѣмъ разнообразіемъ явленій.

Весьма важное и замѣчательное положеніе имѣетъ пограничный горный Си-нинъ, въ области Гань-су, въ отношеніи къ Хуха-нору у сѣверной подошвы здѣшнихъ высокихъ горъ. Рѣка Си-нинъ, выходя изъ Хуха-нора (*), протекаетъ мимо города (**), и впадаетъ съ лѣвой стороны въ Хуанъ-хэ (***). Уже въ XIII в. IX столѣтіяхъ, во время войнъ между Тангутами и Китайцами, но еще болѣе съ 1661 г., городъ этотъ дѣлается намъ известнымъ, какъ главнѣйшее складочное мѣсто на границѣ Китая и Тибета. Въ приведенномъ году іезуиты-отцы (21) Алб. Дорваль и Іоп. Груберъ, отправясь изъ Си-анъ-фу (Si-ngan-fu) въ Шэньси, достигли, послѣ 30-ти дневнаго путешествія и переправы чрезъ Хуанъ-хэ, благополучно до Си-нина въ сѣздствѣ Китайской стѣны. Показываемая ими здѣсь высота полюса 36° 20' с. ш. не совсѣмъ точна; городъ лежитъ нѣсколько сѣвернѣе, по исправленному опредѣленію, сообщаемому Сусіе (Suscie), который показываетъ также и *путевое* разстояніе отъ Си-нина до Хлассы въ 279 геогр. миль (3600 лн), Упомянутые путешественники называютъ Си-нинъ великимъ городомъ и сборнымъ мѣстомъ каравановъ и торговцевъ между Индією, Тибетомъ и Китаемъ. Всѣ путешественники, пріѣзжавшіе тогда изъ Индіи въ Китай (Cataja), должны были оставаться здѣсь до тѣхъ поръ, пока не получали дозволенія отъ китайскаго правительства на

(*) Т. е. изъ страны, а не изъ озера. — *Пр. Пер.*

(20) Tsjukowski, II, p. 274.

(**) Черезъ посредство рѣки Хуанъ-шуй или Да-гуанъ-хэ (Ta-Toung-Ho). —

Пр. Пер.

въездъ въ собственно Китай. На этотъ же городъ лежалъ путь отцамъ иезуитамъ, потому что они хотѣли возвратиться чрезъ Тибетъ на Хлассу и Непаль въ Агру на Гангъ. Дѣйствительно это необыкновенное предпріятіе и удалось имъ и они рассказываютъ намъ сами ⁽²²⁾, но къ сожалѣнію весьма кратко, какъ они проходили суровую пустыню Калмыцкой Татаріи мимо Великаго озера до государственной границы Хлассы; пустыня была здѣсь гориста, частію покрыта пескомъ и совершенно неплодородна.

Еще въ концѣ XIII вѣка Марко Поло ⁽²³⁾ называетъ городъ Singai (или Singni) въ области того же имени, но не описываетъ его какъ торговое мѣсто, какимъ онъ не могъ быть, потому что долженъ былъ служить важнымъ пунктомъ для защиты границы ⁽²⁴⁾ у западнаго входа въ государство еще гораздо раньше, именно съ VIII вѣка, когда Тибетскіе народы (называемые Туфань), такъ сильно устремились съ Ю.-З. на Китай (*). Въ то время упоминается о городѣ *Шы-п'у-чюнъ* (She-Pu-Tsing) ⁽²⁵⁾, который на дорогѣ въ область Хухэ-нора находился въ разстояніи только 20 часовъ къ Ю.-З. отъ нынѣшняго Си-нинъ-фу и считался неприступною крѣпостію со стороны Китая, противъ упомянутаго горнаго входа, откуда Тибетцы дѣлали обыкновенно нападенія. Городъ былъ взятъ приступомъ въ 730 году; положеніе его почти неизвѣстно. Для обузданія Тибетцовъ китайское правительство, хотя и содержало постоянно, еще при династіи Танъ, сильныя тарнизоны въ пограничныхъ городахъ, какъ напр. въ Нинъ-хя, но вызвало еще съ Сѣвера, изъ Ордоса и съ Инъ-шаня орды Хой-ху (Ноеі-Не, Туркъ-уйгуровъ), чтобы ослабить одного полудикаго и безомойнаго сосѣда другимъ. Та-

(21) Athanas Kircher e Soc. Iesu China monum. illustr. Amstadae. 1687. fol. p. 63.

(22) Melchis. Thevenot Relat. de divers Voyag. curieux. Paris. 1696. T. II. fol. 1.

(*) Singui Марко-Поло потому самому не можетъ быть тоже самое что Сининъ.

Пр. Пер.

(23) M. Polo y Ramusio II. fol. 15. b. ed. Marsden p. 178, 224. not. 433.

(24) Klapproth, Tabl. Hist. p. 218.

(25) Gaubil Hist. des Thang въ Mém. conc. I. Chin. T. XVI. p. 23, 29.

кимъ образомъ возникли и происходили въ теченіи вѣковъ въ этой гористой странѣ, вдоль верховьевъ Хуанъ-хэ, до входа Тибетской дороги у Хухэ-нора въ западную полосу Китая, обращенную къ нагорной Гоби, кровавыя битвы, которыхъ свидѣтелями были, какъ выражается даже сухой китайскій государственный географъ ⁽²⁶⁾, вершины столькихъ высокихъ горъ. Такъ на пунктѣ сообщенія между С. и Ю., близъ западной границы Китая въ области Нинъ-хя, Хой-ху одержали въ 792 году первую побѣду ⁽²⁷⁾ подъ Тибетцами, которая открыла имъ путь до Си-нина, гдѣ они водворились для обузданія Тибетцовъ. Въ это время упоминается о Си-нинѣ, какъ объ ихъ крѣпости, которою они могли владѣть, доколѣ Тибетцы (тогда государство Тангутъ) не были еще ослаблены войнами съ южнымъ Китаемъ (Юнь-нанью). Усилившееся въ IX вѣкѣ могущество Тибетцовъ доставило имъ вскорѣ и обладаніе весьма значительнымъ городомъ Си-ниномъ и его областію, и чрезъ то обладаніе входами въ Китай, который они держали въ страхѣ непрерывными своими нападеньями. До 844 года, говоритъ исторія династіи Танъ ⁽²⁸⁾, владѣли они Си-ниномъ и важною его областію, хотя еще въ 821 году ⁽²⁹⁾ былъ заключенъ съ ними миръ, котораго условія, высѣченныя на камнѣ, видны еще доселѣ въ главномъ храмѣ, въ Хлассѣ. Въ половинѣ IX вѣка императоры употребили всѣ усилія, чтобы исторгнуть у нихъ завоеванія ихъ въ области Шэнь-си. Въ 866 году Тибетцы были оттѣснены и владычество ихъ въ Шэнь-си и Си-нинѣ совершенно уничтожено; но въ замѣнъ того много незначительныхъ предводителей восточныхъ Турковъ (Хой-ху) сдѣлались независимыми владѣльцами здѣсь, у входовъ въ Тибетъ и Туркистанъ, въ городахъ отъ

(26) Timkowski, II. p. 276.

(27) P. Gaubil, Hist. Chinoise des Tang въ Мém. concern. l'Hist. Chin. Paris. 1814. Т. XVI. p. 137.

(28) P. Gaubil, въ Мém. conc. Т. XVI. p. 223, 253.

(29) Descript du Tibet. trad. p. P. Hyacinthe ed. Klaproth Nouv. Journ. Asiat. Т. IV. p. 117.

Си-нинь до Хами (по направлению Великой стѣны въ восточной оконечности Шень-си); платя дань Китаю когда хотѣли, и не заботиваясь впрочемъ соседствомъ великой державы. Эти малыя владѣнія слились въ государство Хиу, которое составляло восточную часть Тангута⁽³⁰⁾; когда въ 1227 г. Мингивъ-хань уничтожилъ его покореніемъ. Ниль-ляшъ страна эта; приведена была въ прочную связь съ Китаемъ. Монголы, по изгнаніи ихъ изъ Китая, овладѣли въ 1509 году опять этою страной; но первые элютскіе ханы, здѣсь господствовавшіе, признали надъ собою власть Китая и были утверждаемы въ званіи Тайцзиевъ (князей) изъ Пекина (1697)⁽³¹⁾. Си-нинъ остался при Маньчжурской династіи передовымъ постомъ противъ Тибета, хотя Далай-лама уже подчинился китайскому владычеству. При съемкѣ Китайской имперіи іезуитами географическаго положенія Си-нина опредѣлено Патеромъ Регисомъ⁽³²⁾ такъ, какъ оно и нынѣ означается на нашихъ картахъ. Этому очевидно обязаны мы многими точными свѣдѣніями, которые имѣемъ о Си-нинѣ.

Чжуанъ-лань (Tchouang-Lan, т. е. распутие) именуется, близъ здѣшней стѣны, по пути изъ Нинъ-хя, небольшой городъ и укрѣпленіе; у котораго дорога, выходя изъ одной долины, раздвоится вмѣстѣ съ нею. Первая дорога идетъ Хухэ-норскими горами прямо на Западъ въ Тибетъ и южную Азію, а другая къ С.-В. чрезъ Тангутъ и Туркистанъ въ западную Азію. Сѣверная долина ведетъ, на протяженіе болѣе 80 геогр. миль, вдоль стѣны, на три значительные города Лянъ-чжеу-фу (Liang-Tcheou), Гань-чжеу (Kan-Tcheou) и Су-чжеу (Su-Tcheou), также зависящія отъ нихъ крѣпости, до отдаленнѣйшихъ на Западъ воротъ Китая — Кя-юй-гуань (Kia-Yu-Kuan) на дорогу въ Хами чрезъ область⁽³³⁾ Тангута въ собственномъ смы-

(30) Timkowski, II, p. 222. not., Du-Halde Descr. I. des peuples Sifan ou Thufan p. 49 — 63.

(31) Кит. Государст. Географія: Timkowski, II, p. 270. А. В. Дидрихъ (32)

(32) Du-Halde, Descr. I. p. 48. Contributions of a French Jesuit to the Geography (33)

(33) Klaproth, Mém. relat. à l'Asie T. II. p. 366 а также Carte de l'Asie-Centrale.

ель; Западная же, идя на протяжении 45 геогр. миль мимо нѣсколькихъ китайскихъ постовъ повелѣвающихъ ею, ведетъ къ Сининъ-фу, въ самую средину высокой гористой части Тибета, которая населена двумя разноплеменными и совершенно отличными отъ Китайцевъ народами: именно съ С. пришельцами, принадлежащими къ Монгольскому племени, а съ Ю. коренными туземцами Тибетскаго племени. Последнихъ называютъ здѣсь Китайцы *Ту-фань* (Tu-Fan) или *Си-фань* (Si-Fan) — западные иноземцы (отъ слова *Си* — Западъ и *Фань* — иноземецъ). Ихъ раздѣляютъ еще, по двумъ ламайскимъ сектамъ, которыхъ бовзы носятъ черную и желтую одежды, на *Хэй-си-фань*, черныхъ си-фановъ и *Хуанъ-си-фань*, желтыхъ си-фановъ. Здѣсь начинается такимъ образомъ, съ Тибетскою альпійскою страной высокихъ горъ Аме или 13 патриарховъ, *раздѣльная черта племенъ Китайскаго, Монгольскаго, Туркскаго и Тибетскаго.* Начиная отсюда последнее занимаетъ дикую гористую страну къ Ю. и высокое плоскогоріе къ Ю.-З., между тѣмъ какъ, начиная отсюда же, остальные племена распространены къ В., С. и З. Тибетцы принадлежатъ здѣсь, на границѣ прежней области Тангута и Тибета, къ *туземцамъ*, а Монголы къ С. отъ Сининъ-фу поселены уже во время Чингисъ-ханидовъ съ цѣлю господствованія надъ входами Тибета. Въ 1725 г. (34) они раздѣлены китайскимъ правительствомъ на 29 знаменъ, изъ которыхъ большая часть состояла изъ Эяутовъ; сверхъ того гарнизонъ края составляли 4 монгольскихъ полка. Переселенные Монголы кочуютъ, имѣютъ войлочные юрты, сѣютъ немного хлѣба, живутъ произведеніями своихъ стадъ, храбры, неустрашимы, привычны къ суровому климату и исповѣдуютъ Ламайскую вѣру. Подать, собираемая съ этой страны, идетъ чрезъ Сининъ-фу, въ Китай; тамъ слѣдовательно находится управленіе. Въ началѣ XVIII столѣтія П. Регисъ нашелъ этотъ городъ менѣе обширнымъ, чѣмъ Нинъ-хя, но торговлю его болѣе зна-

(34) Кит. Государст. Географіи. Timkowski, Voy. II. p. 272.

чительною; она производилась жителями однакоже внѣ города на разстояніи четырехъ часовъ въ торговомъ селеніи *Тоба* (Тора) (*), и была поручена покровительству знатнѣйшаго ламайскаго рода страны, чтобы болѣе обезпечить мирныя сношенія на границахъ столькихъ различныхъ народовъ и интересовъ. Обладаніе симъ узкимъ входомъ, съ сѣверной стороны Тибета по *кратчайшей дорогѣ въ Хласу*, чрезвычайно важно для сохраненія господства надъ этимъ азіатскимъ церковнымъ государствомъ. П. Регисъ нашелъ торговое мѣсто Тоба (Тора), обильно снабженнымъ всѣми китайскими и заграничными товарами; здѣсь продавались даже кофе и финики. Между торговцами нашель онъ здѣсь армянъ-католиковъ, которые держали лавку съ богатыми мѣховыми товарами. Когда Марко Поло въ XIII столѣтіи посѣтилъ Си-нинъ-фу, большая часть жителей были идолопоклонниками; но, по увѣренію его, уже въ то время были между ними магометане и нѣсколько *христіанъ* ⁽³⁵⁾. Это подтверждаетъ неизмѣняющуюся важность этого рынка, который должно признать ключемъ *Шэнь-си* (или по нынѣшнему раздѣленію провинцій — *Гань-су*) изъ западной оконечности Китая въ Тибетъ. По этой же причинѣ укоренилось здѣсь и Ламайское вѣроисповѣданіе. Въ Си-нинъ-фу Марко Поло увидѣлъ, какъ кажется, первыхъ Китайцевъ и первые экземпляры китайскаго фазана, которыхъ онъ здѣсь именно описываетъ въ первый разъ. Въ Су-чжеу (So-Tcheou, Succuig), говоритъ онъ, туземцы смуглы; въ Си-нинъ-фу и его области, простирающейся на 25 дней пути, жители очень склонны къ тучности, имѣютъ малые носы, черные волосы и весьма рѣдкую бороду, изъ нѣсколькихъ только волосъ. Женщины высшихъ сословій носятъ также мало волосъ на головѣ, имѣютъ прекрасный, свѣтлый цвѣтъ кожи, стройны, но распутны, а мужчины, преданные женскому полу, живутъ въ

(*) Нынѣ возникъ здѣсь цвѣтущій и населенный городъ Гань-к'эу-эр-ля, см. ниже дополненіе къ § 20. — *Пр. Пер.*

(35) Marco Polo, ed. Ramusio II. fol. 15 b. fol. 16, a; ed. W. Marsden об. 51. p. и п. 442 p.

многоженствѣ. Фазаны здѣсь вдвое болѣе итальянскихъ, но нѣсколько менѣе павлиновъ (равоні); хвостъ у нихъ длиною отъ 8 до 10 пальмъ (Марсденъ полагаетъ что эта птица есть *Phasianus argus*), котораго онъ, будучи губернаторомъ въ Суматрѣ, имѣлъ случаи часто видѣть на этомъ островѣ). Въ Си-нинъ-фу встрѣчаются и фазаны величиною съ европейскихъ, и многіе другіе роды птицъ.

Высокія горы къ З. отъ Си-нина дѣлаютъ излишнимъ продолженіе высокой китайской стѣны противъ Тибета. Въмѣсто стѣны удовольствовались проведеніемъ нѣсколькихъ рововъ, и къ З. отъ Синина только два или три горныхъ ущелья заперты стѣнами; высокія горныя цѣпи ограждаютъ и безъ того страну по этому направленію.

Мы не можемъ оставить Си-нина, не замѣтивъ еще, что онъ есть важнѣйшій рынокъ для лучшаго ревеннаго корня, который идетъ отсюда во всѣ части свѣта, и что только до этого мѣста по Тибетскому нагорію распространенъ *Тангутскій буйволъ*, или *Якъ* (*), съ длинною и шелковистою шерстью. Оба эти произведенія составляютъ характеристическую и исключительную принадлежность высшей южной окраины нагорной Азіи; какъ-то, такъ и другое описывается венеціанскимъ путешественникомъ впервые какъ очевидцемъ, и описанія его, какъ они ни казались тогда баснословными, подтвердились вполне.

Въ высокихъ горахъ вокругъ Си-нина, говоритъ онъ⁽²⁶⁾, водится весьма много дикихъ быковъ, величиною съ слона, прекраснаго чернаго и бѣлаго цвѣта и съ самою мягкою, весьма длинною и шелковистою шерстью. Образцы этой шерсти, привезенные Маркомъ Поло соотечественникамъ его, составляли ихъ удивленіе. Этыхъ дикихъ быковъ ловятъ часто и дѣлаютъ ручными; съ ними случаютъ простыхъ быковъ, которые даютъ пре-

(*) *Bos gruniens.* — *Пр. Пер.* (31) M. Polo. ed. Ramusio. II. fol. 16. c. 50.

восходную породу, способную для земледельческих работ, по-
еушущую и двойная тяжесть (*). (См.: распространение Фауны).
Примечание: Ревень (*Rhiza*), отечество его, торгова, об-
дотъ, распространил въ северной Азии. Дикая альпійская страна
вокругъ Синена и Хухэ-нора съ снѣговыми горами ея, есть на-
стоящее отечество ревеня, котораго корень собирается горца-
ми ⁽³⁷⁾ — Сифанцами въ самыхъ дикихъ мѣстахъ и продается Ки-
тайцамъ. Растеніе это встрѣчается также въ Сычуани и въ
Шэньси, но всегда на склонахъ Сюэ-шаня или снѣговыхъ горъ,
которыя тянутся къ З. до Лянъ-чжеу и Су-чжеу, такъ далеко
какъ идетъ стѣна. Произрастаніе ревеня, какъ казалось доны-
нѣ, ограничивается только этою мѣстностію, въ которой онъ
встрѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ въ чрезвычайномъ обилии и отлич-
ной доброты. Миссіонеры-іезуиты, при съемочныхъ работахъ
своихъ въ этой мѣстности въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцахъ, бы-
ли нерѣдко приводимы въ удивленіе многочисленностію попа-
давшихся имъ на встрѣчу и спускавшихся съ горъ каравановъ,
которые везли этотъ корень въ большихъ веровочныхъ сѣтяхъ.
Уже Марко Поло ⁽³⁸⁾ встрѣтилъ тоже явленіе и полагалъ, что
здѣсь только растетъ лучший ремень (*Reubarbaro perfectissimo*), ко-
торый отправляется отсюда торговцами въ цѣлый свѣтъ. И съ
какого времени производится отсюда отправка одного изъ по-
лезнѣйшихъ лекарственныхъ растений? можетъ быть съ тѣхъ
поръ какъ Серы стали высылать шелкъ на З., и когда Сань-Мяо
(*San-Miao*) ^(*) были еще коренными обитателями этой гористой
страны. Нѣтъ сомнѣнія, что Аммианъ, упоминая при описаніи

(37) Du Halde. Т. I. p. 50, p. 130.

(*) См. ниже Дополненіе къ § 20, гдѣ показаніа Хюка о помѣси породъ проти-
ворѣчатъ М. Поло. — *Пр. Пер.*

(38) M. Polo ed. Ramusio. IX. fol. 13. c. 30. ch. Dichiarazione fol. 13, гдѣ прило-
жено первое изображеніе растенія.

(*) По показанію о. Іакинае коренное отечество народа Мяо есть провинція Ху-
вань. Въ гористую страну къ Хухэ нору часть народа Мяо выведена еще за 2282
года до Р. Хр. и потомки ихъ известны здѣсь подъ названіемъ Тангутовъ. Въ Ху-
вани Мяо раздѣляются на красныхъ — Хуиъ-мяо и черныхъ — Сань-мяо. *Пр. Пер.*

Рѣка Ра (Волга) в растущем на берегахъ ея цѣлительномъ корнѣ, разумѣть ревеньный корень. (Ammian Marcell. XXII. c. 81 § 26. *Tanai Rha vicinus est amnis in cujus superciliis quaedam vegetabilis ejusdem nominis gignitur radix, proficiens ad usus multiplices medelatum.*) Уже Манвертъ замѣтилъ, что ревень здѣсь не растетъ вовсе, но вѣроятно отъ рѣки, по которой доставлялся Аорсами (Хуннами)? Римлянамъ⁽³⁹⁾, получивъ названіе *Rha barbarum*. Полагать должно, что растение это доставлялось западнымъ народамъ уже гораздо ранѣе, и есть описываемый еще Плиніемъ, впрочемъ довольно неясно, корень *Rhacomā* (*Rhacomā affertur ex his, quae supra Pontum sunt regionibus, Plin. Hist. Nat. XXII. cap. 105. c. not. Hard.*), который назывался также *Rha Ponticum*. Салмазіи⁽⁴⁰⁾ полагаетъ, что это два различныя растенія и что ревень не былъ извѣстенъ древнимъ, но Винцентъ⁽⁴¹⁾ указываетъ на вѣроятность, что то и другое было одно растеніе, получившее только два различныя мѣстныхъ названія, по двумъ разнымъ торговымъ путямъ, которыми оно доходило до западныхъ народовъ; что и могло дать поводъ къ недоразумѣнію. Одинъ путь шелъ изъ внутренней Азіи чрезъ Каспійское море и по материкъ отъ Танаиса до Понта, другой, южный, морской, чрезъ Индію и Красное море, откуда Аравійскіе купцы доставляли товаръ въ Александрію и передавали торговль Средиземнаго моря. Здѣсь то именно ревень могъ получить названіе *Rha barbaricum* или отъ главнаго складочнаго мѣста Берберовъ въ дельтѣ р. Инда, близъ Пталы (поль 113° 15' долг. и 22° 30' с. ш.), которую еще Птоломей⁽⁴²⁾ называетъ *Verbera*⁽⁴³⁾, безъ сомнѣнія по имени народа: или отъ *Barbarica* при входѣ изъ Индѣйскаго въ Красное море. (См. Rivt. Ege-kunden 2-te Ausg. Th. I. Afrika. Erl. 2, p. 556). Что этотъ ле-

(39) Mannert Geogr. der Griechen und Römer Th. IV. 1795. der Norden p. 348, 361.

(40) Salmasius. Exercitat. ad Solin. Fol. T. I. fol. 360.

(41) Vincent Periplus of the Erythraean Sea. edit. 1807. vol. II. p. 388.

(42) Ptolom. Geogr. VII. ed. Bert. fol. 203. p. 172; Cf. Tab. Asiae. X. p. 380.

(43) Въ Radja Taringini ed. Wilson въ Asiat. Researches Calcutta. T. XV. p. 47.

картвенный корень идетъ черезъ Аравійскій заливъ и черезъ *Barbaria* въ *Æthiopia*, т. е. изъ земли Берберовъ, о томъ говоритъ впервые Исидоръ, и *Glossar graeco-arabicum* у Салмазія (fol 562) подтверждаетъ это въ словахъ: *Ραβάντι τζίνη, τὸ ρεόν*, и тамъ же *ζαραβάντι τζίνη τὸ ρεόν Βάρβαρον*, т. е. *Roviand sini*—*Rheon sinense* или *Ravend Chini*, какъ бывший въ Венеціи Персидскій торговецъ ⁽⁴⁴⁾ самъ называлъ свой товаръ. Это и есть тотъ *Reubarbaro* (какъ называетъ его еще Марко Поло), который отправлялся Китайцами на З. черезъ Персію или Индію (откуда и названіе *ρεόν Ινδικόν* у Мирепса и др.). Въ числѣ товаровъ, идущихъ по западной китайской дорогѣ чрезъ среднюю Азію до Багдада и Ефрата, упоминаетъ о ревенѣ впервые Флорентинецъ Балдучи Пеголетти (въ 1335 г.) ⁽⁴⁵⁾ въ маршрутѣ, который онъ сообщилъ какъ купецъ и въ подлинности котораго возникли какъ кажется сомнѣнія. Эта сухопутная дорога, чрезъ средину Азіи, есть второй путь въ области Окса и чрезъ Каспійское море, которымъ долженъ былъ достигать ревенъ также Европы со временъ Амiana Марцелина, прежде открытія сухопутной торговли въ Кяхтѣ. Этимъ путемъ привезъ его въ Константинополь персидскій купецъ, котораго спрашивалъ Рамузіо. Н. Витсенъ ⁽⁴⁶⁾ говоритъ, что Калмыцкій посланникъ *Аюки-хана* Мангышлякскихъ Торгоговъ на Восточномъ берегу Каспійскаго моря, бывший въ Китаѣ, торговалъ преимущественно ревенемъ, и что корень сей, который онъ называлъ по Китайски *Дай-хуань* (*Ta-Huang, Tai-chuan, Tai-chong*), по свидѣтельству его, собирается въ наибольшемъ количествѣ близъ Гань-Чжеу. Пат. Мартинъ Мартини, который въ срединѣ XVII столѣтія описываетъ эту страну какъ очевидецъ ⁽⁴⁷⁾,

(44) См. Ramusio *Dichiarazione* fol. 16 у M. Polo l. c.

(45) *Divisamenti di Paesi etc.* въ Pagnini Della Decima e della altre Gravezze. Lisboa e Luoa. 1766. 4. Т. III. p. 377, и Sprengel G. *Geschichte der Entdeckungen* 2 Aufl. p. 298. v. Strandtmann: *Untersuchungen etc.* 1829.

(46) Nicol. Witsen *Noorden Oost Tartarye*. Amst. 1703. Т. I p. 167, p. 80, 218, 226, 283, 336, 344, etc.

(47) Mart. Martini *Nov. Atl. Simensis*. 1655. fol. 46.

говорить что Турки и Самаркандцы, под покровительствомъ посольствъ и подъ видомъ приношенія дани, отправляются ежегодно въ эту часть Западнаго Китая, но остаются за стѣною, потому что только ихъ посланникъ получаетъ дозволеніе прибыть ко двору въ Пекинъ. Они производятъ тогда только закупку ревеня, потому что вывозъ его составляетъ монополію немногихъ привилегированныхъ лицъ. Этимъ путемъ лекарство это поступаетъ въ торговлю на Западъ. Извѣстія всѣхъ временъ приводятъ такимъ образомъ самыми различными торговыми путями къ этимъ высокимъ горамъ Хухэ-нора, какъ къ отечеству сего важнаго лекарственнаго растенія, ибо и прежде оно привозимо было къ берегамъ Чернаго моря караванами Кашгарскими и Кабульскими ⁽⁴⁸⁾ изъ Ярканя (Jar-Chaun), слѣдовательно съ нагорья. Со времени установленія мѣноваго торгова въ Кяхтѣ торговля Китайскихъ народовъ, встрѣчавшая и безъ того большія затрудненія на Западѣ, отклонена большею частию къ Сибири и такимъ образомъ Кяхта слѣдалась главнымъ рынкомъ, откуда Европа снабжается настоящимъ ревенемъ. Отсюда распространились ближайшія извѣстія объ этомъ характеристическомъ растеніи Тангутской, снѣговой альпійской страны, но сначала господствовало объ немъ много ложныхъ понятій и только въ половинѣ XVIII вѣка установилась торговля симъ продуктомъ, самое растеніе оставалось неизвѣстнымъ потому, что въ торговлю поступалъ одинъ его корень. Упомянутое выше первое изображеніе растенія у Рамузія, хотя и снятое съ туземнаго рисунка, было весьма не удовлетворительно. Какъ настоящій ревеній корень принадлежитъ къ такому роду растеній, (Rheum), который содержитъ много видовъ, принадлежащихъ безъ исключенія къ горной флорѣ и имѣющихъ болѣе или менѣе похожія формы и по видимому также лекарственныя качества (преимущественно Rh. leucorrhizon), то сначала смѣшеніе не настоящихъ видовъ съ единственнымъ настоящимъ происхо-

(48) Purchas pilgrims II p. 434.

диогне редко, тѣмъ болѣе это въ каждой приближительно по-
вала такими ошибками. ПЕРВОЕ ПОПЫТКА ПОСЛАТЬ
торговлю въ два дня въ своемъ, который онъ велъ во время
устройства торговли Россіи съ Китаемъ, послѣ втораго своего
путешествія (1719), заключивъ: описку товаровъ, сужавшихъ
предметомъ шины, замѣчаніемъ ⁽⁴⁹⁾ что: ремень растеть въ нео-
блѣннѣе Монгольскихъ земляхъ, вкругъ Боловниана пи до
прежде того лудъ его продавался въ Китаѣ по 4 и 5 ланъ, или
рублей серебряныхъ (ii); но что въ это время торговля эта уже не
приводилась. Слутникъ его Английскій врачъ Д. Белль, бывъ
въ томъ же заблужденіи и полагалъ, что нашолъ въ Бичидахъ
путь къ Ю. З. отъ Селевьевскихъ въ Байкальскихъ горахъ, дур-
шее ревешное растеніе ⁽⁵⁰⁾. По показанію Белля, тѣмъ шро-
рокахъ листьевъ растенія находится повсюду норы Байкальска-
го сурка, который питается имъ по видимому; самую величину
растенія Белль приписываетъ розрыхленію почвы этими нора-
ми. Сими звѣркамъ, говоритъ онъ, должно приписать далекое
распространеніе этого полезнаго растенія, ибо Монголы не за-
нимаются его разведеніемъ, и сѣмяна его не могли бы взойти
среди сысокой травы, покрывающей тамъ почву, еслибы сурки
не очищали землю, вырывая норы, и не разрывали ее. Монго-
лы, рассказываетъ онъ далѣе, вырываютъ этотъ корень, разрѣ-
зываютъ на длинныя куски для просушки, просверливаютъ, на-
низываютъ ихъ на сурки, и развѣшиваютъ кругомъ своихъ па-
латокъ, на бараньихъ рогахъ. Но это дурный способъ, ибо мно-
гое сгниваетъ при просверливаніи; тѣмъ не менѣе торговля
этимъ корнемъ приноситъ большіе барыши. Легко можно бы-
ло бы, какъ полагаетъ Белль, разводить ремень въ этомъ сухомъ
климатѣ; но къ С. и къ Ю. отъ рѣки Толы онъ не могъ найти
болѣе ни одного экземпляра сего растенія. Въ Ургѣ, мѣсть пре-

(49) L. Lange Journal 1721. — 22 p. 370 Or. Rec. de voy. au Nord. T. VIII. —
(*) Ланъ серебра — 2 1/4 р. См. Стат. Опис. Кит. Имперіи Ч. I. стр. 131. —
Пр. Пер.

(50) J. Bell Tran. I. p. 281, 313, 314, 317.

быванія Кутухты, происходила въ его время главная торговля симъ корнемъ. Ежегодный оборотъ сей торговли, которая, по показанію издателя Абульгази ⁽⁵¹⁾, составляетъ монополію Сибирскаго правительства, простирается въ его время (1752) до 25,000 фунтовъ.

Такое смѣшеніе съ Сибирскимъ ревенемъ (у Линнея *Rheum rhabarbarum*, или *undulatum*, впоследствии *Rheum palmatum*) было исправлено, во время пребыванія Палласа въ Кяхтѣ ⁽⁵²⁾ въ 1770 г., полученными извѣстіями объ отечествѣ настоящаго ревеннаго корня. Бухарскіе купцы изъ Синина (*Se-lin* у Палласа по Монгольскому произношенію) привезли тогда это лекарственное растеніе изъ Хухэ-нара въ Кяхту. Рѣку у Синина называли они Селинь-голь и притокомъ Хатунь-гола, Куань-го (*Khoan-go*) или Хонго, — названія Желтой рѣки (Хуань-хэ), которыхъ различія происходятъ отъ болѣе жесткаго гортаннаго произношенія Монгольскаго сравнительно съ Китайскимъ, и которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ точности сего показанія. Страна, въ которой растетъ ремень, состоитъ, какъ разсказывали Палласу, изъ высокихъ, болѣею частию безлѣсныхъ горъ, съ длинными скалистыми пропастями, и простирается отъ Синина до большаго Синяго озера. Корень сего растенія, которое назвалъ Палласъ *Rheum undulatum* и сораспавая, вырывается въ Апрѣль и до Мая, просушивается на деревьяхъ на открытомъ воздухѣ и снимается съ нихъ. Тангутами не прежде какъ для укладки. Лучшій корень, какъ говорили естественныиспытателю, запрещено вывозить изъ Китая и вывозъ его есть контрабанда. Со времени пересмотра мирнаго договора (въ 1767) при Императрицѣ Екатеринѣ II начинается значительный привозъ настоящаго ревеннаго корня въ Сибирь. Съ 1772 г. приходилъ въ Кяхту ежегодно ⁽⁵⁴⁾ караванъ изъ 30 до 40

(31) Abulghasi Hist. génér. des Tartares. Leyde 1726. 8 p. 185.

(32) Pallas Russische Reise. 4. Th. III p. 156.

(33) Marsden. Marco Polo Trav. p. 180 n. 347.

(34) J. Rehman sur le sol natal et le comerce de la Rhubarbe p. 128. въ Мém. de la soc. Imp. de Moscou.

верблюдовъ съ этимъ корнемъ, подъ управленіемъ Бухарскаго семейства *Абраимъ*, которому предоставлена была монополія вывоза сего товара. По показанію сихъ торговцевъ товаръ ихъ растетъ въ Тангутскихъ горахъ, и нѣтъ существеннаго различія между Русскимъ и Китайскимъ ревенемъ. Тотъ ремень, который сбывается Китайцами Англичанамъ въ Кантонѣ, низкаго качества, потому что Китайцы менѣе тщательно сортируютъ хорошей и дурной товаръ, что даетъ именно преимущество Русскому ревеню, т. е. сортированному Русскими купцами.

Желаніе и надежда найти столь драгоценное произведеніе въ Русскихъ предѣлахъ или акклиматировать его побудили Русское правительство производить, въ теченіи семи лѣтъ, чрезъ *Сиверса*, изслѣдованія этой части Азіатскаго нагорья, въ пограничныхъ Русскихъ владѣніяхъ, но безуспѣшно; узнали только положительно, что съ растеніемъ настоящаго ревеня ботаники еще не знакомы. Въ 1791 году *Сиверсъ* посѣтилъ горы отъ Кяхты до Яблоноваго хребта ⁽⁵⁵⁾ къ С.-В. отъ Байкала, чтобы собрать по рѣкѣ Чикокану Сибирское ревенное растеніе (*Rheum Sibiricum*), которое растетъ тамъ во множествѣ по берегамъ рѣкъ на славцевыхъ валунахъ и песчавомъ грунтѣ, в развѣстѣ оное близъ Кяхты. Въ 1792, *Сиверсъ* ⁽⁵⁶⁾ направился къ З. отъ Байкала, для изслѣдованія Колыванскаго округа Алтайскихъ горъ и шая вверхъ по Иртышу и Бухтармѣ, достигъ Китайской границы, но вмѣсто настоящаго ревеня находилъ только *Rheum Sibiricum*. Русскіе дезертѣры увѣряли что настоящий *коммичный* ремень встрѣчается на Монголо-Китайской границѣ, близъ деревни Сагистанъ по верховью Нарыма (болѣе южнаго праваго притока Иртыша), гдѣ климатъ болѣе теплый; но отличные ботаники, изслѣдовавшіе въ 1826 году Алтайскую флору, какъ кажется не нашли его тамъ; даже на высотахъ, находящихся на разстояніи только нѣсколькихъ миль отъ Зѣбиной

(55) *Sievers*. въ *Pallas Neue Nordische Beiträge* Th. III p. 203.

(56) Тамъ же Th. VI. p. 254.

горы и известіяхъ подъ именемъ *Ревелыхъ-Сопокъ* ⁽⁵⁷⁾ не найдено никакихъ слѣдовъ этого растенія. Въ 1794 г. оказалось результатомъ, какъ многотрудныхъ изслѣдованій Сиверса въ этихъ отдаленныхъ горныхъ странахъ, на сколько Китайская политика дозволяла ему переходить государственную границу, такъ и распросовъ его у Бухарскихъ купцовъ, что до того времени былъ только извѣстенъ одинъ корень этого драгоценнаго и общеупотребительнаго лекарственнаго растенія ⁽⁵⁸⁾. Всѣ увѣренія въ умѣнн разводить ремень и попытки къ разведенію его посредствомъ сѣмянъ, которыя выдавались за настоящія, были заблужденіемъ. Подтвердилось только вышеприведенное показаніе Іезуитовъ и естествоиспытателя Палласа *объ ограниченной области распространенія и отечества* ревеня въ альпійской странѣ, орошаемой верховьями Желтой рѣки предъ входомъ ея въ Китай, около Си-нина а Ху-хэ-нора.

Тоже подтверждаютъ и новѣйшія извѣстія, полученныя отъ большаго числа Бухарцевъ въ Маймаченѣ, которые поселились тамъ для ревенной торговли, составляющей ихъ монополію ⁽⁵⁹⁾. Хотя Бухарцы сіи собственно жители Хами, Кашгара, Турфана и Хотана, но за полученіемъ свѣжаго корня они ѣздятъ въ Сининъ для сбыта его въ Кяхту, гдѣ принимаетъ товаръ аптекаръ, отдѣленный томъ Русскамъ правительствомъ въ качествѣ присяжнаго покупателя. У Китайцевъ товаръ сей называется *Д'ай-хуанъ* (Tai chong у Сиверса), у Тибетцевъ *Джумица* (Dschumsa у Сиверса), у Монголовъ *Гесегуна-жинъ-ундусунъ*, (Geseguna jin undosoun), но обыкновенно *Шара-модонъ* (Schara modon) т. е. желтое дерево. Іезуитъ П. Паренинь ⁽⁶⁰⁾, основываясь на туземномъ способѣ разведенія ревеня, утверждалъ, что оно не можетъ производиться сѣменами, а только отдѣленіемъ корней, и

(57) L. Fr. v. Ledebour Reise durch das Altai-Gebirge. Berl. Th. I. p. 59.

(58) Sievers въ Pallas N. Nord. Beitr. Th. VII. p. 369.

(59) Klapproth Mém. relatifs á l'Asie T. I. 1826. p. 72.

(60) См. Parenin lettre Peking 40 J. 1737 l. e. p. 73.

что въ этомъ именно заключается причина безуспѣшности произведенныхъ неоднократно опытовъ посѣва ревеня.

По послѣднимъ открытіямъ настоящій ревень повидимому встрѣчается въ альпійскихъ странахъ не только сѣвернаго, но и южнаго Тибета и на Хималайскомъ хребтѣ. Уже докторъ Саундерсонъ открылъ ревень (*Rheum undulatum*) при посѣщеніи Тешу-лумбо (*Teschu-lumbo*) въ Верхнемъ Тибетѣ, у верховья Цанбу (*Tsanpu*) или Брамапутры ($29^{\circ} 5'$ с. ш.) ⁽⁶¹⁾. Неутомимый *Муркрофтъ*, при восхожденіи своемъ на Хималайскій хребетъ, на проходѣ называемомъ *Нитигатъ* (*Nitigat*), на высотѣ 16,895 ф. надъ поверхностію моря, видѣлъ въ первый разъ 9 Іюня 1812 года ревенное растеніе ⁽⁶²⁾, котораго листья только что начинали распускаться; и далѣе на пути къ Тибету, 25 ч. того же мѣсяца, онъ нашелъ его, вмѣстѣ съ другимъ видомъ, совершенно соответствующимъ обыкновенному находящемуся въ торговлѣ растенію, въ такомъ изобиліи, что это открытіе казалось ему довольно важнымъ. Также Фразеръ нашелъ, по крайней мѣрѣ виды ⁽⁶³⁾ *Rheum* при истокахъ Джумны ($30^{\circ} 50'$ с. ш., $78^{\circ} 26'$ в. долг. отъ Гр.). Ройль нашелъ ревень, принимаемый имъ за настоящій, еще далѣе къ Западу, на высококомъ пикѣ Хуръ (*Chur*) $30^{\circ} 50'$ с. ш.; $77^{\circ} 28'$ в. долг. отъ Гр.); онъ пересадилъ его въ Сехеранпуръ (*Seheranpur*), и послалъ образецъ сего растенія (въ Маѣ 1826 г.) въ Калькутское Медицинское Общество (*Medical society*). Также въ Непальскихъ горахъ Госаянгстанъ (*Gosaiingsthan*) найденъ и описанъ ревенный корень (*Rheum australe* у д-ра Дона ⁽⁶⁴⁾). Въ Калькутскомъ ботаническомъ саду, подъ управленіемъ д-ра Валлиха, получены первыя сѣмена *настоящаго ревеннаго растенія* изъ Хималайскихъ горъ, которому, въ отличіе

(61) Turners Embassy to the Court of Teshou-Lama in Tibet. Lond. 1804. 4. p. 394.

(62) Moorcroft Journey to Lake Manasarovara etc. въ *Asiat. Researches*. Calcutta 4. 1816. Т. XII, p. 401, 408.

(63) J. B. Fraser Journal of a Tour in Himalaya. Lond. 1820. 4. p. 423.

(64) *Asiat. Journal*. 1826. Vol. XXII. p. 573.

(65) Dav. Don. *Prodromus Florae Nepalens.* p. 73.

отъ сѣвернаго, хухэ-норскаго, дали названіе *Rheum australe*. Стѣмена, посланныя къ Колебруку (Colebrook), Президенту Азіатскаго Общества, были посѣяны и въ Европѣ, принялись и дали уже въ первую осень листья въ 15 дюймовъ длины и одинъ футъ ширины, и стебель толщиною въ $\frac{1}{2}$ дюйма. Растеніе соотвѣтствовало описанію Тангутскаго ревеня, сдѣланному Сиверсомъ и было тождественно съ Непальскимъ. Знаменитый ботаникъ д-ръ Валлихъ назвалъ его *Rheum Emodi*, и по справедливости, потому что подъ названіемъ *Emodus* Птоломей разумѣлъ крайнюю горную цѣпь къ С.-В. отъ истоковъ Инда и Ганга къ Огорокара и до страны Серовъ (Китайцевъ). Корень сего растенія идетъ въ аптеки. Ежегодно собираютъ между высокими Хималайскими горными цѣпами значительныя количества этого товара и отсылаютъ въ Китайскія провинціи для дальнѣйшаго вывоза⁽⁶⁶⁾. Тщательная сортировка русскаго ревеня есть, по удостовѣреніямъ многихъ, единственная причина превосходства того сорта, который идетъ въ Европу чрезъ Сибирь; по этой же причинѣ не могутъ сравниться съ симъ ревенемъ Левантскіе или неправильно называемые турецкіе сорта, которые идутъ изъ Азіи по южнымъ дорогамъ. Также изъ области Кумаонъ (Кемаон)⁽⁶⁷⁾ поступаетъ тотъ же хорошій и настоящій ревенный корень, подъ именемъ Арха (Archa), въ торговлю на равнины Индустана по наблюденіямъ сдѣланнымъ тамъ Трелемъ (Traill). Относительно способа собиранія, приготовленія и разведенія остается еще много темнаго и къ сожалѣнію необъясненнаго съ преждевременною кончиною Муркрофта. Собираніе ревеннаго корня, говоритъ Лакруа⁽⁶⁸⁾, основывался на восточныхъ писателяхъ, должно производиться только зимою, потому что корень лѣтомъ ноздревать, губчатообразенъ и негоденъ. П. Мартини говоритъ, что ремень долженъ быть просушиваемъ не на

(66) Dav. Don Rhubarb of comerce въ Jameson Edinb. Nem. Philos. Journ 1827. p. 304.

(67) Traill въ Asiatic Researches. Calc. T. XVI p. 226.

(68) P. d. La Croix Histoire du Grand Genghizcan. Paris. 1710. 8 p. 472.

солнце, а въ тѣни и не слишкомъ быстро и т. п. Въ настоящее время можно уже считать несомнѣннымъ, что истинное отечество этого замѣчательнаго растенія, которое въ торговлѣ внутренней Азійи занимаетъ столь же важное мѣсто, сколько велико и вліяніе его на состояніе здоровья рода человѣческаго вообще, должно быть отыскиваемо на *сѣверной и южной склонахъ южной Тибетской юго-восточной Азійи*, и что хотя сфера растительности его ограничена *алпійскими, вѣчно снѣжными горами*, на высотѣ надъ уровнемъ моря не менѣе Монблана (отъ 12,000 до 14,000 ф.), но въ дѣйствительности она между 31° и 40° с. ш., занимаетъ болѣе обширную горизонтальную площадь чѣмъ предполагали прежде. Всѣ народы уже съ древнихъ временъ признавали цѣнность этого растенія. Драгоцѣннѣйшею добычею сдѣланною Чингисъ-Ханомъ при покореніи въ 1227 г. гор. Линь-Чжеу (Ling-Tcheou) было нѣсколько выюковъ ревеннаго корня⁽⁶⁹⁾, который прекратилъ губительныя дѣйствія заразы, начивавшей распространяться въ Монгольскомъ войскѣ.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 20.

1) *Перезѣдъ миссіонера Хюка изъ Нингъ-хя въ Си-тинъ и къ Хужэ-нору въ концѣ 1844 года. Окрестности Си-Нина и страна Амдо.*

По выходѣ изъ Нингъ-хя миссіонеры вступили (1) на большую дорогу, вездѣ окаймленную явами и Жужубами (Zizurhus). Отъ времени до времени попадались имъ небольшія харчевни, въ которыхъ можно найти чай, печеныя яйца, бобы въ маслѣ,

(69) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 121.

(1) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 15.

фруктовые консервы и пирожки. Ночевали послѣ пріятнаго дневнаго перехода въ Хя-хэ-п'у (Ніа-Но-ро), большой деревнѣ, на обнесенной стѣнами.

Черезъ два дня пути отсюда миссіонеры прибыли въ Чжунъ-вей (Тсhoung-wei), расположенный на берегу Хуанъ-хэ. Городъ этотъ средней величины и обнесенъ стѣнами; чистота его, опрятность и зажиточность жителей представляетъ діаметральную противоположность съ нищетою и грязнымъ видомъ Нинъ-хя. Судя по количеству безчисленныхъ лавокъ Чжунъ-вей, содержащихъ хорошіе товары и по многочисленному народонаселенію, наполняющему его улицы, городъ этотъ ведетъ обширную торговлю, но поразительно что здѣшніе жители совсѣмъ не плователи, и на Хуанъ-хэ не видно здѣсь ни одной лодки. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія, что въ другихъ мѣстахъ Китайцы такъ любятъ рѣчное плаваніе.

На картѣ Китайской Татаріи Д'Анвила этотъ городъ означенъ подъ именемъ Tshong-ouei, на картѣ Шэньси его же, ошибкою, Thoung-ouei, на картѣ центр. Азіи Клапрота—Tshoung-wei-hian, на картѣ Бергхауза—Tchang-wei, Андриво Гужона—Tschongoei. По опредѣленію древнихъ миссіонеровъ онъ расположенъ подъ $37^{\circ} 39' 38''$ Сѣв. шир. и $102^{\circ} 50' 30''$ В. д. отъ Парижа. Городъ этотъ древній. Уже въ времена династіи Танъ (властвовав. отъ 618 до 907) онъ существовалъ подъ именемъ Линъ-чжеу (Ling-Tcheou), по изысканіямъ Ед. Біо⁽²⁾, послѣ взятія Монголами въ концѣ XIII в. названъ Инъ-ли-чжеу (Ing-li-Tcheou), а со времени династіи Минъ (воцар. въ 1368 г.) получилъ названіе Нинъ-хя-чжунъ-вей (Ning-hia-Tshoung-wei).

По выходѣ изъ Чжунъ-вей миссіонеры прошли черезъ великую стѣну, представлявшую здѣсь не болѣе какъ груды наваленныхъ камней и вступили на нѣсколько дней опять въ Монголію, въ княжество Ала-шанъ (Alechan). Страна эта еще пу-

(2) См. Ed. Biot. Dictionn. des villes chinoises p. 143, D'Anville Nouv. Atlas de la Chine 1737, Kliproth Carte (posthume) de la Chine 1842, Berghaus Karte v. China und Japan 1843. Andrivau Goujon Carte de l'Empire Chinois 1831.

стѣннѣе и бесплоднѣе Ордоса ; она вся состоитъ изъ пѣпей высокихъ горъ, паралельныхъ съ теченіемъ Хуанъ-хэ. Предгорія ихъ представляютъ холмы сыпучаго песку. Растительности вообще нѣтъ здѣсь и слѣда, только узкія поперечныя долины представляютъ для стадъ небольшое количество сухихъ и колючихъ растеній. Страна очень мало населена, въ 1844 году засуха сдѣлала ее совершенно неудобною для обитанія. Половина стадъ погибла отъ голода и всѣ эти обстоятельства произвели такую нищету въ Ала-шанѣ что онъ наполнился грабителями. Эти свѣдѣнія какъ кажется были сообщены Хюку Монгольскими тайцзіями, сопровождавшими князя Ала-шаня въ Пекинъ ⁽³⁾.

Путешественники слѣдовали ⁽⁴⁾ черезъ песчаныя поверхности, которыхъ однообразный видъ прерывался только слѣдами какихъ то наѣзкомыхъ, оставившихъ на сыпучемъ пескѣ самыя тонкія тропинки, представляющія странную сѣть арабесковъ. Подъемъ въ горы былъ особенно затруднителенъ: верблюды всею дливою ногъ увязали въ пескѣ, а лошади не находили опоры въ сыпучей почвѣ. Вдали былъ видѣнъ Хуанъ-хэ, вплоть до котораго распространилась песчаная поверхность. Къ счастью атмосфера была тиха, иначе путешественники рисковали быть погребенными подъ песчаными наносами. Наконецъ они перебрались черезъ отрогъ Ала-шаня ; за высокими песчаными горами послѣдовали холмы, почва сдѣлалась твердая и къ концу дня миссіонеры прибыли въ деревню Чанъ-ляо-шуй (Tchang-Lieou-Chouy, что значитъ вѣчно текушія воды). Здѣсь, посреди песчаныхъ холмовъ, находится настоящій оазисъ очаровательной красоты. По улицамъ деревни течетъ множество небольшихъ ручьевъ, они оѣннены многочисленными деревьями, красивые домики выстроены изъ дикаго камня и выкрашены бѣлою и красною красками. Все здѣсь соотвѣтствуетъ поэтиче-

(3) См. Нув. Souv. d'un voy. en Tartarie T. II. p. 368.

(4) См. Нув. Souv. d'un voy. en Tartarie T. II. p. 21.

скому названію «вѣчно текущихъ водъ.» Только провіантъ и фуражъ непомярно дороги.

За Чанъ-лао-шуй миссіонеры направились по дорогѣ, по которой слѣдуютъ китайскіе ссыльные, отправляемые въ Или. Окрестность грустна и уныла, хотя не такъ ужасна какъ въ первый день пути изъ Нинъ-хя. Гравій замѣняетъ здѣсь песокъ и, исключая букетовъ твердой и колючей травы, почва суха и бесплодна. Ночевали въ этотъ день въ Гао-ганъ-цзы (Kao-tan-dze), отвратительной деревушкѣ въ полномъ смыслѣ этого слова. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ грудъ землянокъ; всѣ онѣ населены ссыльными и служатъ постоянными дворами. Окрестная страна ровно ничего не производитъ, все привозится изъ Чжунъ-вель. Воды также нѣтъ: напрасно рыли здѣсь глубокіе колодцы, вездѣ встрѣчали только сухую и каменистую почву и воду привозятъ и нынѣ за 60 ли (30 верстъ). Къ довершенію окрестная страна постоянно опустошается разбойниками, а потому большая часть жилищъ носятъ слѣды пожара и опустошенія. Въ Гао-ганъ-цзы есть два рода постоянныхъ дворовъ: съ защитою отъ разбойниковъ и безъ защиты. Въ первыхъ защищаютъ отъ разбойниковъ вооруженною рукою, но берутъ платъ въ четверо. Такія гостиницы совершенно на военномъ положеніи: вездѣ навалены копья, стрѣлы, луки и ружья съ фитилями.

На слѣдующій день миссіонеры ⁽⁵⁾ опять слѣдовали по Илгиской дорогѣ и вскорѣ снова перешли черезъ развалины великой стѣны. Въ нѣсколькихъ шагахъ за стѣною находится застава Санъ-янъ-цинъ (San-yeu-Tsing), замѣчательная по строгости съ которою здѣсь пропускаютъ Татаръ и осматриваютъ ихъ, паспорты. Застава эта означена на картахъ Клапрота и Берхгауза. Она находится почти (не много восточнѣе) вѣ меридіанѣ города Ланъ-чжеу (Lan-Tcheou) ⁽⁶⁾. Отсюда миссіонеры направились

(5) См. Нус. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II. p. 27.

(6) См. Klapproth Carte de l'Asie Centrale etc. 1836 u. Berghaus Carte v. China und Japan etc. 1843.

къ Ю.-З. черезъ Ганьсу. Страна прекрасна, богата, перестъчена холмами и ручьями. Необыкновенное разнообразіе астръчаемыхъ здѣсь произведеній зависитъ не только отъ умѣреннаго климата и почвы, но и отъ дѣятельности и опытности земледѣльцевъ. Главное произведеніе страны—пшеница, изъ которой дѣлаютъ вкусныя хлѣбы, подобныя Европейскимъ. Рисъ почти не сѣется и употребляемый здѣсь вывозится изъ сосѣднихъ провинцій. Козы и овцы превосходной породы, и вмѣстѣ съ хлѣбомъ доставляютъ главный родъ пищи. Копи каменнаго угля представляютъ неистощимый запасъ топлива, доступный для всѣхъ сословій. Жизнь здѣсь очень дешева.

Въ двухъ дняхъ пути отъ заставы миссіонеры были застигнуты страшнымъ ураганомъ (?). Это было въ равнинѣ въ 10 час. утра. Сначала въ атмосферѣ внезапно сдѣлалась необыкновенная тишь. неподвижный воздухъ былъ чрезвычайно холоденъ. Вдругъ поднялся Западный вѣтеръ и скоро началъ дуть съ такою силою, что животныя не могли болѣе двигаться. Безоблачное небо приняло какой-то рыжеватый цвѣтъ. Потомъ усилившійся вѣтеръ образовалъ вихри, поднимавшіе въ воздухѣ большіе столбы пыли, пещку и остатковъ растеній. Атмосфера пришла въ такое состояніе, что путешественники не могли болѣе видѣть животныхъ на которыхъ сидѣли. Наконецъ они рѣшились сойти съ нихъ и, завязавъ головы платками, лечь на землю. Все это продолжалось нѣсколько болѣе часа. Наконецъ вѣтеръ утихъ и путешественники отглянувшись увидѣли съ изумленіемъ что они совершенно разсѣялись и находились въ значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ.

Жители этой части Ганьсу оказались Хюку не чисто Китайскаго происхожденія въ нихъ скорѣе преобладаетъ татаро-тибетскій элементъ, выражающійся не только въ характерѣ и обычаяхъ, но даже и языкѣ. Они откровенны, гостеприимны, но не имѣютъ утрированной учтивости Китайцевъ. Въ ихъ нарѣчій,

(7) См. Huc. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. T. II p. 32.

кромѣ многочисленныхъ татарскихъ и тибетскихъ выраженій, самое строеніе фразы не китайское, а монгольское. Относительно пищи они, въ противоположность съ Китайцами, большіе охотники до молока, масла, творогу и т. д.

Впрочемъ жители Ганьсу принадлежать какъ бы къ тремъ различнымъ типамъ. Самый выдающійся составляютъ Чжаохоры (Dchiahours) занимающіе страну Сань-Чуань (San-Tchouan т. е. три долины). Они говорятъ смѣсью трехъ языковъ: Китайскаго, Монгольскаго и западнаго Тибетскаго, и рѣзко отличаются нравами отъ Китайцевъ, хотя они столь же хитры и плутоваты какъ Китайцы, но менѣе учтивы. Убійство между ними дѣло обыкновенное, даже находятся у нихъ въ нѣкоторомъ уваженіи. Управляются они довольно независимо наследственными владѣльцами, имѣющими титулъ Ту-ссы (Tou-sse), На границахъ Сычуани есть нѣсколько такихъ племенъ, подчиненныхъ особымъ мѣстнымъ законамъ. Самое сильное между ними Янь-ту-ссы (Yang-Tou-sse), которое даже имѣло большое вліяніе въ Хлассѣ до 1845 года.

На слѣдующій день миссіонеры встрѣчали безпрестанно на пути своемъ ⁽⁸⁾ слѣды предшествовавшаго урагана: сломанныя и вырванныя съ корнями деревья, дома безъ крышъ и опустошенныя поля. Къ вечеру прибыли въ Чжуанъ-лань (Tchoung-Long), иначе *Пинг-фунгъ* (P'ing-Fung). Городъ этотъ, подъ первымъ именемъ, находится на картахъ Клапрота и Берхгауза. Онъ расположенъ на небольшомъ притоцѣ Хуанъ-хэ. Это та самая застава Чжуанъ-лань, о которой говоритъ Риттеръ. Подъ именемъ P'hing-Fan на картѣ Клапрота означенъ совершенно другой городъ, гораздо далѣе къ С.-З. Къ нему относится и указаніе словаря Біо ⁽⁹⁾. Хюкъ проѣхалъ не черезъ второй, а черезъ первый изъ этихъ городовъ.

(8) См. Нис. *Souv. d'un voyage en Tartarie etc.* Т. II р. 36.

(9) См. Ed. Biot. *Dictlon. des villes chinoises* р. 161. Klaproth *Carte de l'Asie centrale etc.* 1836; Berghaus *Karte von China und Japan.* 1843.

Отсюда миссіонеры отправились въ городъ Хэ-кяо-и (Ho-Kiao-Y), на европейскихъ картахъ означенный подъ именемъ Да-т'унъ (Ta-Thoung) и встрѣчали непрерывно на дорогѣ длинныя караваны воловъ, ословъ и телѣгъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. Въ городѣ Да-т'унъ миссіонеры пробыли нѣсколько дней. Положеніе этого города подъ вторымъ именемъ означено на картахъ Клапрота и Бергхауза ⁽¹⁰⁾.

Черезъ день по выходѣ изъ этого города миссіонеры начали подыматься на высокую гору ⁽¹¹⁾ П'инъ-кэу (P'ing-Keou), по тропинкамъ, мимо страшныхъ пропастей. Здѣсь слѣдовательно путешественники переходили высокій горный проходъ въ снѣжномъ хребтѣ. Подъемъ въ гору начался до разсвѣта, на вершину взобрался въ полдень. Здѣсь находилась небольшая гостиница, гдѣ вмѣсто чая продается отваръ бобовъ. Холодъ былъ не силенъ, однакоже шелъ снѣгъ (въ Генварѣ). Спускъ былъ труденъ и скользокъ. Ночевали въ деревнѣ Лао-я-п'у (Lao-Ya-Pu), (деревня старой утки). Мужчины занимаются здѣсь всѣ грубою пряжею и ваютъ чулки и рукавицы бамбуковыми спицами. Топливо состоитъ изъ кирпичиковъ, сдѣланныхъ изъ угольнаго порошка. Деревня эта означена на картѣ Клапрота. Отсюда до Си-нинъ-фу (Si-ning-Fou) 5 дней пути. На второй день миссіонеры прошли черезъ городъ Нянъ-би-хянь (Ning-reu-Nien). Онъ означенъ на картѣ Китая Клапрота, но только ближе къ Синину чѣмъ къ Да-т'уну ⁽¹²⁾. Дорога въ Сининъ хороша и хорошо содержана; она извивается по плодородной и прекрасно обработанной странѣ, живописно прерванной рощами, холмами и многочисленными ручьями. Табакъ составляетъ главное произведеніе страны. Миссіонеры замѣтили здѣсь много

(10) Городъ этотъ не должно смѣшивать съ городомъ Да-т'унъ-фу провинціи Шаньси. Положеніе его означено на картѣ Клапрота и въ словарь Бю почти въ меридианѣ Лянъ-чжеу-фу (Liang-Tcheou-fu). См. Ed. Biot. Diction. des villes chinoises. p. 194; Klapproth Carte de la China 1842.

(11) См. Нус. Souven. d'un voyage en Tartarie etc. Т. p. 36.

(12) См. Ed. Biot. Dict. des villes Chinoises p. 144 подъ именемъ Nien pei. Klapproth carte de la Chine. 1843.

мѣльницъ, поразившихъ ихъ простотою устройства. Судя по ихъ описанію эти мѣльницы, состоящія главнымъ образомъ изъ нашивнаго колеса, подобны встрѣчающимся часто въ Швейцарскихъ альпахъ. Отъ горнаго прохода Пинъ-кэу начинается какъ кажется альпійская страна Синина и Хухэнора.

За день пути до Сининъ-фу дорога становится трудною и опасною. Она идетъ черезъ страшныя скалы, вдоль глубокаго горнаго потока, котораго шумныя волны прыгаютъ по камнямъ. Со стороны вездѣ простирается глубокая пропасть. Сининъ-фу ⁽¹³⁾ есть огромный, необъятный городъ, но онъ относительно мало населенъ и во многихъ мѣстахъ превратился въ развалины. Торговля его отчасти перешла въ Донкоръ (Tang-Keou-eul), небольшой городъ, расположенный на рѣкѣ Кэу-хэ (Keou-ho), на границахъ Ганьсу и Ху-хэ-нора ⁽¹⁴⁾. Замѣчательно что Татары и Тибетцы помѣщаются здѣсь въ особыхъ гостинницахъ бесплатно, потому что хозяева гостинницъ получаютъ съ ихъ коммерческихъ оборотовъ нѣкоторый процентъ. Си-нинъ, по свидѣтельству Ед. Біо, при династіи Хань (206 до Р. X. по 263 нашей эры) назывался П'у-кянъ (P'o-Khiang), при восточныхъ Хань—Си-п'инъ (Si-p'ing), при династіи Суй (588 — 618) — Ченъ-Чжеу (Chen-Tcheou), при династіи Сунъ (967—1278) — Хуанъ-Чжеу (Hoang-Tcheou) и наконецъ Си-нинъ. Въ глубокой древности окрестная страна называлась Си-кянъ (Si-Khiang).

Изъ Си-нинъ-фу миссіонеры ⁽¹⁵⁾ переправились чрезъ нѣсколько ручьевъ, перейдя чрезъ множество скалистыхъ холмовъ и два раза чрезъ великую стѣну, прибыли въ Донкоръ (Tang-Keou-Eul), въ Январѣ мѣсяцѣ 1845 года. Здѣсь они рѣшились остаться на долго въ ожиданіи Тибетскаго посольства

(13) См. Ed. Biot. Dict. de villes chinoises. p. 172.

(14) Вѣроятно Борочо карты Клапрота, одинъ изъ истоковъ р. Си-нинъ-хэ, впадающей въ Хуанъ-шуй лѣвый притокъ Хуанъ-хэ. См. Klapproth Carte de l'Asie centrale etc. 1836.

(15) См. Нис. Voyag. d'un voyage en Tartarie T. II p. 34.

изъ Пекина, съ которыми они безопасно могли продолжать путь до Хлассы. Городъ не великъ, но очень населенъ и ведетъ большую торговлю. Здѣсь встрѣчается очень много разныхъ національностей: восточные Тибетцы называемыя Чанъ-мя-эрль (Toung-Mao-erl, или длинноволосыми), Елюты, Голоки, Китайцы, Хуханорскіе Монголы и Мусульмане (Хой-хой). Всѣ ходятъ по улицѣ вооруженные огромными саблями, съ видомъ звѣрской независимости. Пролетаріатъ, нищенство и болѣзни сопутствуютъ густотѣ населенія въ этомъ городѣ. Самую характеристическую часть народонаселенія составляютъ Чанъ-мя-эрль, т. е. длинноволосые Тибетцы. Они не брѣютъ головъ, длинные, черные ихъ волосы падаютъ на плеча; носятъ они длинные овчинные тулупы, подобранные воясомъ, короткіе кожаные сапоги; одна изъ рукъ совершенно обнажена, соответствующій ей рукавъ откинутъ назадъ, въ воясъ продѣта длинная сабля. Они отличаются отрывистымъ, энергическимъ голосомъ и быстрыми движеніями. Многие изъ нихъ богаты, но вся роскошь ихъ состоитъ въ богатой отделкѣ дорогими камнями сабельныхъ ноженъ, и тигровой каймѣ одежды.

Городъ Донкоръ вѣроятно существуетъ еще недавно и возрастаетъ съ упадкомъ Си-нина. Его нѣтъ ни въ словарѣ Ед. Біо, ни на европейскихъ картахъ; только на картѣ Андриво Гужона 1851 года онъ нанесенъ подъ именемъ Tong-Koung ⁽¹⁶⁾. Въ окрестностяхъ города живутъ кочующіе Си-фани и осѣдлые Китайцы. Къ Ю.-В. отъ него и къ Ю. отъ Си-нина находится знаменитый ламайскій монастырь Гумбумъ (Koup-Boum), означенный и на картѣ Клапрота ⁽¹⁷⁾ верстахъ въ 25—30 отъ Синина. Миссіонеры прожили тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Дорога туда не представила имъ ничего замѣчательнаго, кромѣ за-

(17) См. Andriev Goujon Carte de l'Empire Chinois. Paris. 1850.

(18) Klaproth Carte de l'Asie Centrale etc. Paris 1836 и Berghaus Karte von China und Japan. 1843.

жершаго ручья ⁽¹⁸⁾. Окрестная страна называется Амдо (Amdo). Въ монастырѣ обитаетъ до 4000 ламъ. Положеніе его чрезвычайно живописно. Онъ подымается амфитеатрально на крутую гору, прорѣзанную глубокимъ оврагомъ, поросшимъ высокими деревьями, состоитъ изъ буддійскихъ храмовъ необыкновенной архитектуры, съ позлащенными крышами, блистающими разными цвѣтами и бѣлыхъ домиковъ, увѣчаныхъ бельведерами. Все это обнесено оградой; перистилии храмовъ очень красивы, надъ домами начальниковъ взвѣшаются шестиугольныя башни и развѣваются флаги. Вездѣ написаны мистическія изрѣченія на тибетскомъ языкѣ красными или черными буквами. Ламы ходятъ по улицамъ въ красныхъ мантияхъ и желтыхъ митрахъ. Страна Амдо состоитъ большею частию изъ обнаженныхъ горъ, окрашенныхъ охрою въ желтый цвѣтъ и перерѣзанныхъ глубокими оврагами. Кое-гдѣ встрѣчаются въ долинахъ хорошія пастбища.

Монастырь Гунъ-бумъ основанъ въ XV вѣкѣ въ воспоминаніе Цзонкава (Tsong-Kawa), замѣчательнаго реформатора буддійской религіи, жившаго въ концѣ XIV вѣка и родившагося здѣсь, въ странѣ Амдо. Описаніе пребыванія миссіонеровъ въ Гунъ-бумѣ принадлежитъ къ самымъ интереснымъ страницамъ путешествія Хюка. Религіозный «праздникъ цвѣтовъ», легенда о Цзонкава, странное дерево «десяти тысячъ буквъ», растущее у подошвы горы особенно замѣчательны ⁽¹⁹⁾.

Въ «праздникъ цвѣтовъ» поразительно то, что всѣ барельефы, декорации и статуи, изображающіе разные эпизоды изъ жизни Будды, дѣлаются на одну ночь праздника монастырскими артистами, изъ масла, которое при холодной зимней температурѣ очень удобно для скульптуры. Замѣчательно что лицо Будды, какъ его изображаютъ въ сихъ скульптурахъ, принадлежитъ къ прекрасному типу кавказской расы, и что вообще

(18) См. Нус Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. I. p. 84.

(19) См. Нус Souvenirs d'un Voyage en Tartarie etc. T. II. p. 93—115.

скульптура эта отличается необыкновенною правильностью, вѣрностью и изяществомъ. Еще замѣчательно что во вѣдѣнныхъ религиозныхъ обрядахъ здѣшняго и тибетскаго буддизма есть много аналогій съ католическими обрядами, какъ напр. въ одеждѣ великихъ ламъ: жезлъ (crosse), митра, далматикъ и т. д.; служеніе съ двумя хорами, псалмодія, экзорцизмы, панникадилы на пяти цѣпяхъ, благословеніе ламъ осѣняющихъ правую рукою головы благословляемыхъ, четки, безбрачіе всѣхъ духовныхъ, монастыри, почитаніе святыхъ, посты, процессіи, литаніи, освященная вода и т. д. Все это приводитъ насъ непосредственно къ легендѣ о Цзонкава. Этотъ уроженецъ Амдо, жившій въ XIV в., по сохранившимся преданіямъ, былъ ученикомъ какого-то пришельца съ Запада, котораго черты, по тѣмъ же преданіямъ, носили характеръ кавказскаго типа (выдающійся носъ). По смерти своего учителя Цзонкава переселился въ Хлассу и, составивъ себѣ могущественную партію въ центрѣ буддизма, произвелъ въ немъ большую реформу, одержавъ верхъ надъ приверженцами стараго порядка. Воспоминаніе о Цзонкава придало важность монастырю Гумбуму.

Что же касается до видѣннаго Хюкомъ и Габе въ Гумбумѣ необыкновеннаго дерева, листья котораго испещрены тибетскими письменами, то мы не можемъ подозревать ни какой умышленной нечестности въ наивномъ разсказѣ миссіонеровъ. Только объясненіе факта, столь поразившаго миссіонеровъ и показавшагося имъ столь чудеснымъ найдено В. П. Васильевымъ. Именно одинъ Кутухту въ Пекинѣ, который самъ былъ начальникомъ монастыря и амдосскимъ уроженцемъ, сообщилъ Васильеву составленную имъ интересную рукопись о тибетскихъ монастыряхъ, въ которой между прочимъ сказано: «здѣсь на мѣстѣ рожденія Цзонкава стоитъ великій монастырь Гумбумъ, въ которомъ есть дерево блага сандала, о которомъ говорятъ что оно выросло, изъ крови, текшей при рожденіи Цзонкава, и такъ на листьяхъ его явились сами собою 10000 знаковъ (изображеній), то монастырь и называется Гумбумъ.

И понинѣ на листьяхъ сандалнаго дерева и на корѣ его существуетъ множество изображеній, фигуръ и буквъ. Нѣкоторые наши Амдосцы, незнающіе никакой критики, говорятъ что это начертано иголкой на деревѣ. Но это съ пам'вреніемъ распустили неблагоговѣющіе и невѣрующіе, незнающіе что великій Цзонкава есть основатель Дгелугбійскаго ученія».

Конечно тибетскій Кутухта, живой Будда, кардиналъ буддѣйской іерархіи не могъ яснѣе объяснить способъ, употребленный ламами Гумбума для произведенія чуда, такъ озадачившаго католическихъ миссіонеровъ, что они едва вѣрили глазамъ своимъ.

Гумбумъ въ гористой странѣ уже несомнѣнно расположенъ на значительной абсолютной высотѣ. Когда миссіонеры въ апрѣлѣ переселились въ долину Чогортанъ (подъ 36° сѣв. шир.)⁽²⁰⁾, въ полчаса пути отъ Гумбума, то края ручья, текущаго у подошвы высокой скалистой горы, были еще покрыты льдомъ и природа пробуждалась лѣнливо. Въ долинѣ и на сосѣднихъ скатахъ были разбросаны черныя шатры кочующихъ Сифаней (восточныхъ Тибетцевъ), кругомъ паслись стада ихъ козъ и длинношерстныхъ быковъ или яковъ (*Bos grunniens*). Кельи пустынниковъ были расположены на уступахъ или почти неприступныхъ обрывахъ горы, подобно гнѣздамъ ласточекъ. Это были или просто пещеры, высѣченныя въ скалѣ, или деревянные домики, лѣпившіеся на утесахъ. Черныя шатры Сифаней гораздо просторнѣе монгольскихъ юртъ. Они поддерживаются длинными веревками, прикрѣпленными къ жердямъ, находящимся внѣ палатки и издали походять на исполинскихъ пауковъ. Впрочемъ такія палатки дурно защищаютъ отъ холода и худо противустоятъ вѣтру. Печи въ нихъ хорошо и крѣпко сложены. Стада Сифаней состоятъ изъ овецъ, козъ и длинношерстныхъ быковъ. Длинношерстый быкъ, по тибетски *Якъ*, по китайски *Чанъ-мао-ню*, по монгольски *Сарлыгъ*, у натура-

(20) См. Нус *Souvenirs d'un Voyage en Tartarie et c.* Т. I. p. 142.

листовъ *Bos grunniens*, составляетъ главное богатство этихъ горцевъ. Мясо его, молоко и масло коровъ необыкновенно вкусны, по свидѣтельству Хюка. У Сифаней есть и быки обыкновенной, домашней породы, но они слабы и нехороши. Помѣсь обѣихъ породъ обыкновенно умираетъ скоро послѣ рожденія и не даетъ хорошей породы, въ противность мнѣнiя или показанiя Марко Поло. Лица Сифаней гораздо выразительнѣе и менѣе плоски чѣмъ лица Монголовъ, въ движенiяхъ ихъ замѣтна большая живость и энергiя, вся индустрiя ихъ ограничивается приготовленiемъ тканей для одеждъ и шатровъ.

Климатъ страны Амдо совершенно горный и суровый. Въ июнѣ еще падаетъ снѣгъ, и вѣтры бываютъ такъ холодны, что нельзя еще снять съ себя тулупа. Въ июлѣ жаръ становится ощутительнымъ и начинаютъ падать проливные дожди. Потомъ небо проясняется и тогда съ поверхности земли подымается сильный паръ. Скоро онъ становится столь густымъ, что уменьшаетъ дневной свѣтъ. Потомъ падаютъ опять дожди и все это продолжается дней 15-ть. Въ это время животныя почти не двигаются, а людьми овладѣваетъ самое неприятное ощущенiе (*malaise*). Сифани называютъ это время года сезономъ паровъ земли. Послѣ этого переходнаго времени растительность дѣлаетъ быстрые успѣхи, и горы и холмы покрываются вдругъ цвѣтами и зеленью. Верблюды линяютъ въ тоже время.

Долина Чогортанъ страдаетъ нерѣдко отъ набѣговъ разбойниковъ. Особенно она пострадала въ 1842 году, когда разбойники сожгли шатры Сифаней, жилища ламъ, буддiйскiй храмъ съ его идолами, и угнали всѣ стада, пощадивъ только жилища пустынниковъ. Слухъ о нашествiи разбойниковъ распространился и во время пребыванiя тамъ Хюка въ 1845 и Сифани, снявъ свои шатры, въ страхѣ удалились въ горы.

Въ Сентябрѣ 1845 года миссiонеры, узнавъ наконецъ о прибытiи въ Донгкорь Тибетскаго посольства, возвращавшагося изъ Пекина въ Хлассу, тронулись въ путь изъ долины Чо-

гортаиъ (27). До Хухэ-норя они шли четыре дня пути. Первое что они встрѣтили было небольшой ламайскій монастырь Тансонъ (Tanson), содержащій не болѣе 200 ламъ, но окруженный удивительно живописнымъ ландшафтомъ. Онъ расположенъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими, скалистыми горами, увѣнчанными кустарникомъ и соснами. Около монастыря течетъ ручей, окаймленный ивами и высокими стеблями ангелики и съ шумомъ пробивающій себѣ путь между скаль. Монастырь богатъ вкладами монгольскихъ князей Хухэ-норя, За монастыремъ разстилалось плоскогоріе, въ которомъ монгольскіе шатры и стада были живописно разбросаны посреди зелени пастбищъ. Далѣе страна становится все болѣе и болѣе плодородною, болѣе и болѣе гористою. Наконецъ показались обширныя и чудесныя пастбища Хухэ-норя. Растительность здѣсь до такой степени роскошна, что травы подходятъ подъ самое туловище верблюдовъ. Наконецъ появляясь на горизонтѣ серебристая линия и путешественники съ радостью услышали что это было синее озеро (Хухэ-норъ). Солище еще не закатилось, когда они разбили палатку свою въ сотнѣ шаговъ отъ его берега. Это озеро и есть озеро Синее (Хухэ-норъ). Соленое озеро Хухэ-норъ (Koukou-Nor), у Тибетцевъ Цонъ-юнь-бо (Tsot-Nyon-Po), у Китайцевъ въ древности Си-хай, также Вэй-хай (Pi-Hai), нынѣ Цинъ-хай (Tsing-Hai) имѣетъ (100 миль (около 400 вер.) въ окружности. Въ западной части его находится скалистый островъ и на немъ ламайскій монастырь (28). Ни одно изъ прибрежныхъ племенъ не занимается плаваніемъ по озеру. Сообщеніи съ монастырями и жителями двухъ острововъ возможно только зимою, когда озеро покрывается льдомъ (29).

(27). См. Нис Souvenirs d'un Voyage dans la Tartarie. Т. II. p. 183.

(28) Островъ этотъ на картахъ Клапрота и Бергхауза названъ Чаганъ-хада (Tchagan-Nada). Въ восточной части озера на тѣхъ же картахъ означенъ и другой — Хойсу-цзю (Kouisoun-Tsiloo). См. Klapproth carte de l'Asie centr. etc. 1836 и Berg-haus Carte von China und Japan 1843.

(29) См. Иакинаев Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II. ст. 47.

Сколько намъ кажется положеніе его означено не совсѣмъ вѣрно на европейскихъ картахъ. Южный его берегъ въ Ю.-З. углу скорѣе можетъ быть направленъ съ В.-З.-В. къ З.-Ю.-З. чѣмъ съ В.-Ю.-В. къ З.-С.-З. Самый значительный притокъ его долженъ впадать не въ западный, а въ юго-западный его уголъ и течь не съ З., а съ Ю.-З., по крайней мѣрѣ въ нижней своей части, потому-что истоки его находятся дѣйствительно на С.-З. въ горахъ Нань-шань. Эти заключенія основываемъ мы на томъ что миссіонеры ⁽²⁴⁾ отъ берега Хухэнора, который они увидѣли въ первый разъ въ Ю.-В. углу озера, слѣдовали къ З., склоняясь нѣсколько къ Ю., а послѣ 5 дней пути прибыли къ значительному притоку Хухэнора, который Хюкъ называетъ Бухайнъ-голь (Pohain-Gol). Что эта рѣка значительна о томъ свидѣлствуетъ трудность переправы огромнаго каравана тибетскаго посольства, при которомъ слѣдовали и миссіонеры, по льду черезъ двѣнадцать его рукавовъ. Пять дней пути дѣйствительно не могутъ привести ни къ какому другому притоку Хухэнора какъ къ единственному значительному, который на картѣ Клапрота течетъ съ З.-С.-З. Но для того чтобы этотъ притокъ могъ пересѣкать дорогу тибетскаго посольства онъ долженъ течь съ Ю.-З. Дѣленіе его на двѣнадцать рукавовъ показываетъ что здѣсь уже началась его дельта и доказываетъ близость Ю.-З. угла озера. Самыя исполинскія снѣжныя вершины хухэнорскихъ альповъ лежатъ на границахъ Тангута съ Тибетомъ къ Ю.-З. отъ озера.

(24) См. Нво Souven. d'un voyage en Tartarie etc. Т. II. p. 199.

§ 21.

Изложение IV. Западные входы большой впадины через Ганьсу из Шэнь-си къ Хами. Мировое положеніе, историческая характеристика.

Если отъ воротъ Чжуанъ-лань, откуда, какъ сказано выше, раздвояющаяся долина ведетъ въ Тибетъ и Туркистанъ, слѣдовать по с.-з. дорогѣ, то сія послѣдняя поведетъ паралельно съ великою стѣною на 80 г. м., черезъ города *Лянъ-чжеу-фу* (Liang), *Г.нь-чжеу-фу* (Kan) и *Су-чжеу* (Su), до самыхъ западныхъ воротъ стѣны *Кя-юй-к'эу* (Kia-Yü-Keou, Цзя-юй по сѣв. произн.), которая обозначала вмѣстѣ съ тѣмъ *западную оконечность* провинціи *Шэнь-си* (нынѣ *Гань-су*) и всегда считалась крайнимъ западнымъ пограничнымъ пунктомъ Китая (1), только въ отношеніи государственнаго управленія граница перенесена въ послѣднее столѣтіе еще далѣе къ С.-З. на *Ша-чжеу* (Sha-Tcheou), *Хами* и *Урумци*. Стѣна проведена по сѣверной окраинѣ этого удобнаго къ проходу углубленія здѣшняго нагорія, отъ З. къ Ю.-В., именно для того чтобы съ самыхъ древнѣйшихъ временъ противопоставить вторженіямъ номадовъ съ С. гарнизоны здѣшнихъ скалистыхъ проходовъ (которые вѣроятно походятъ на подобныя же проходы *Хэ-лань-шаня*, лежащаго къ З. отъ *Нинъ-хя* и никакъ недостигающаго снѣговой линіи). Съ южной стороны углубленія въ этомъ не предстояло надобности, потому-что здѣсь, близъ истоковъ степныхъ рѣкъ *Булаширь* (Boulounghir, Polonkir у д'Анв.) и *Таолай-хэ* (Thu-lai-ho, Тоо-лаі у д'Анв.), изъ которыхъ первая течетъ на С.-З. къ *Гуа-чжеу*, а вторая прямо къ С. мимо *Су-чжеу*, и впадаетъ съ лѣвой стороны въ степную же рѣку *Эцина-голь* (Etzina-pira), возвышаются трудно проходимыя и громадныя снѣговыя горы (*Сюэ-шань*),

(1) Ab. Remusat nouv. mel. T. I. La Chine p. 5. Berthe nouv. carte de l'Asie. Paris 1829.

которыя принимаютъ здѣсь названіе *Нань-шань* ⁽²⁾ (отъ слова Нань — Югъ). Сія послѣдняя не расположена здѣсь отдѣльною группою, но тянется къ С. отъ Хухэ-нора непрерывно, какъ вышеупомянутый, такъ называемый снѣговой хребетъ (*Сюэ-шань*) къ Ю.-В. до прорыва Хуанъ-хэ, у пограничной крѣпости Цзв-ши-гуань (*Tsy-Shy-Kouan*). Дорога отъ Чжуанъ-лань на Сининъ, по западной вѣтви раздвояющейся долины, есть единственный извѣстный намъ проходъ чрезъ эту цѣпь горъ. По южному склону ея и параллельно съ нею обозначается на картахъ рѣка *Улань-мурэнь* (*Ulan-Mougen*) или *Дай-т'унь-хэ* (*Tai-Thoung-Ho*), въ древнѣйшія времена также *Хуанъ-чуань* ⁽³⁾, текущая за стѣною, по направленію къ Ю.-В. въ Хуанъ-хэ, но о пей мы не могли нигдѣ найти положительныхъ извѣстій (*).

Цѣпь горъ, извѣстная здѣсь подъ особымъ названіемъ *Киллян-шань* (по сѣв. произн. Цилянъ, *Kilian-Schan*) (**) и *Да-сюэ-шань* (*Ta-Sue-Schan*) — *великихъ снѣговыхъ горъ*, достигаетъ значительной высоты, имѣетъ на вершинахъ своихъ не только снѣжные поля, но между ними глетчеры, и на сѣверномъ склонѣ

(2) Klaproth *Magasin asiatique*. III, p. 146.

(3) *Tabl. Hist. de l'Asie* Tabl. 9.

(*) *Улань-мурэнь* называется и нынѣ Хуанъ-шуй, также *Да-чжунъ-хэ* (*Tai-Thoung-Ho* на картѣ Клапр.); она составляетъ первый значительный лѣвый притокъ Хуанъ-хэ, сопровождающій южный скатъ Нань-шаня, а сама принимаетъ рѣку Си ванъ-хэ иначе *Дай-т'унъ-хэ*; слѣдоват. у Риттера снѣшавы двѣ различныя рѣки. См. Klaproth *carte de l'Asie centr. etc.* Paris. 1836, и Иакинва Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. I. ст. 31. — *Пр. Пер.*

(**) Слово Киллянъ, по сѣвер. произн. Цилянъ, переводится китайскими географами — небо, и почитается ими Хуннусскимъ. Сходство его съ сродными по значенію въ индо-европейскихъ языкахъ — греческимъ *κόσμος* и латинскимъ *caelum* поразительно. Также еще въ одномъ индо-европейскомъ языкѣ — латышскомъ есть слово сродное — *Zeltes*, что значитъ поднимать. Такое фамильное сходство очень замѣчательнаго слова было бы поразительно для языка хуннаго племени, котораго всѣ сродства примыкаютъ къ алтайскимъ (финско-татарскимъ) языкамъ, а не индо-европейскимъ. Потому я полагаю что это слово, если оно существовало у Хунну, было ими заимствовано у индо-европейскихъ Усуней (*Usina*), и это предположеніе приобряетъ тѣмъ болѣе вѣроятія, что Усуней мы застаемъ въ Килляншань, въ верховьяхъ Эцианъ Гола уже за III и II в. до Р. Хр., и они какъ кажутся аборигенами въ этой странѣ, между тѣмъ какъ о Хунну преданіе повѣствуетъ, какъ о пришельцахъ изъ отдаленныхъ долей Алтая. — *Пр. Пер.*

своемъ даетъ начало нѣсколькимъ степнымъ рѣкамъ, которыя, направляясь въ пустыню Чоросовъ-Элютовъ, теряются въ пескахъ въ видѣ озеръ. На одной изъ такихъ болѣе восточныхъ рѣкъ, лежитъ *Лянъ-чжеу* (Liang-Tcheou; Leang, Lan у Дюгальда) (*), а на самой западной и значительнѣйшей, на *Эзинъ-голь* лежитъ *Гань-чжеу*. Последняя течетъ далеко на С. и теряется, по д'Анвиллю, только подъ 42° с. ш. въ пескахъ Гоби (**). Со стороны источниковъ этихъ степныхъ рѣкъ прекращается на С. разорванный и дикій видъ снѣговыхъ горъ и простирается къ З. *высокій общій подъемъ* великой Гоби, въ которой извѣстны не долины и углубленія, а только *нагорныя плоскости*. Глубокія долины, расположенныя только къ Ю. отъ этого подъема и состоящія здѣсь собственно изъ скалистыхъ ущелій, суть принадлежность разорванныхъ высокихъ горныхъ цѣпей, между которыми наиболѣе центральной и сѣверною группою представляется обильный снѣгомъ *Нань-шань* (43), подъ 39° с. ш., къ Ю.-З. отъ Су-чжеу. Эту группу должно считать за обширное снѣговое *предгорье* сѣвернаго вала альпійской страны Тибета. Горы тибетскія примыкаютъ сѣверными и восточными отраслями къ величайшему, наиболѣе обильному горному узлу Кунь-луньской системы; къ Ю. и Ю.-З. отъ Хухэ-нора даютъ начало великому *Янь-цзы-кяну* (голубой рѣкѣ), направляющемуся къ В.; а изъ болѣе С.-В. отраслей своихъ: *Куркунь* (Kul-kun) (***) и *Баянь-хара* (Wajan-Kharo) спускаютъ къ С.-В.—*Хуанъ-хэ* (желтую рѣку). Мы должны обратить вниманіе на совершенно дикую природу этой восточно-тибетской и тангутской, вполне колоссальной альпійской горной страны еще въ томъ отно-

(*) Рѣка эта на картѣ Клапр. означена именемъ Да-хэ (То-хо), только г. Лянъ-чжеу лежитъ отъ нея на нѣкоторое разстояніе. — *Пр. Пер.*

(**) Между 49° и 43° с. ш. падаетъ въ степное озеро Согокъ-норъ. См. Klaproth Carte de l'Asie Centr. etc. 1836. — *Пр. Пер.*

(4) Klaproth Magas. Asiat. III p. 135.

(***) *Куркунь* есть общее названіе трехъ горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ выходятъ источники желтой рѣки, именно *Актацарь-ола*, *Барбожа-ола* и *Баянь-хора-ола*. См. Стат. Опис. Кит. Имп. Ч. II, стр. 42, 43. *Пр. Перев.*

шеніи, что она была *величайшею преградою* къ сношеніямъ народовъ западнаго Китая, южныхъ частей Индостана и тибетскаго нагорья, и потому именно содѣлала съ древнѣйшихъ временъ упомянутое углубленіе, прилегающее къ сѣверному склону Сюэ-шаня (Цзянь-шаня), съ тремя городами Шэнь-си и стѣною къ С.-З., *единственною центральною страпою для прохода народовъ и завоевателей* отъ В. къ З. и обратно. Самое это углубленіе, которое простирается въ длину отъ Ю.-З. къ С.-В. (отъ 36° до 43° с. шир.) отъ Лань-чжеу (Lan-Tcheou) почти до Хами, не есть весьма удобная дорога, будучи на всемъ протяженіи близко сопровождаема съ С. ужаснѣйшими засухами и высокими холодными нагорными степями Гоби, а съ Ю.—снѣговыми горами Нань-шаня до такихъ же горъ у Синина, но оно весьма важно, какъ единственный путь между сими двумя страшнѣйшими и губительнѣйшими для человѣка типами природы. Потому самому углубленіе сіе обуславливало событіе исторіи средней Азіи. Оно составляетъ единственный входъ въ нагорную Азію и было сохраняемо въ ненарушимомъ почти владѣніи династіи болѣе образованнаго внутренняго Китая, со временъ Шы-хуана (Chu-Hoang), и даже съ мнеческихъ временъ *Лао-цзы* (Lao-Tseu), когда Юнь-хи⁽⁴⁶⁾ (Jun-Hi) является хранителемъ и стражемъ этого прохода, который возвращался постоянно, послѣ временной потери его Китаичами, подъ власть ихъ. Оно и не могло быть иначе, ибо углубленіе это составляетъ *единственную*, защищенную съ обѣихъ сторонъ самыми дикими формами природы, великую *стратегическую* линію, по которой Китай всегда съ увѣренностію могъ простирать руку къ владычеству надъ внутреннею нагорною Азіею. Проведеніе каменной стѣны было только послѣдствіемъ предварительнаго укрѣпленія этой линіи противу непредвидѣнныхъ нападений съ С. изъ степей, которыя были прежде гораздо болѣе населены. За этуо

(46) Ab-Remusat Mém. sur la vie-et les opinions de Lao-Tseu philosophe chinois Paris 1823. 4. p. 7, 9, 12 etc.

сверхтою искусственною стѣною, которая замѣчательна своею древностію, а нисколько не грандіозностію, и въ семъ послѣднемъ отношеніи совсѣмъ не заслуживаетъ столь частаго удивленія писателей, была почти вовсе упускаема изъ виду другая составная часть этой стратегической линіи, именно южная, которая возвыгнута самою природою въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что рука человѣка не могла къ ней ничего прибавить. Мы уже замѣтили выше какъ устроенъ природою единственный, извѣстный проходъ по раздвояющейся долинѣ отъ Сиинна къ З., но онъ ведетъ еще только къ пропиленнымъ той природою твердыни, которая заслуживаетъ такое вниманіе въ исторіи азиатскихъ народовъ. Мы перейдемъ ниже къ болѣе подробному ея описанію, но должны упомянуть здѣсь о вліяніи ея на С., поясняящемъ ея міровое положеніе. Относительно значенія этого гигантскаго природнаго укрѣпленія, мы приведемъ теперь только мимоходомъ справедливое замѣчаніе великаго знатока здѣшней мѣстной исторіи, Абель-Ремюза, который, по поводу государственной китайской исторіи III вѣка по Р. Хр., говорить ⁽²⁴⁵⁾ что изъ Китая чрезъ тибетскія горы никогда немогли установиться правильныя сообщенія, ни въ видѣ военныхъ нашествій, ни въ видѣ мирныхъ торговыхъ сношеній. Отправляясь изъ Китая въ Персію надлежало всегда *обходить* эти громадныя горы, либо по дорогѣ на Ю. въ Индію, либо по дорогѣ къ С. чрезъ степи Татаріи. Горы Тибета, почти вездѣ недоступныя, еще болѣе группируются и возвышаются на обоихъ концахъ этой страны, какъ къ З., къ Кабулу такъ и къ В. къ Китаю, гдѣ онѣ представляютъ столь узкіе и затруднительные проходы, что дѣлается часто необходимымъ употребленіе подставныхъ лѣстницъ (*) и всякихъ мостовъ. Затрудненія всякаго рода, которыя должны быть преодолены, чтобы до-

(245) Ab Remusat Remarques sur l'extension de l'Emp. chinois du côté de l'occident в Мém. Paris 1825. 4. p. 112.

(*) Какъ знаменитый Pas de l'Echelle въ швейцарскомъ кантонѣ Валлеъ.

Пр. Цер.

стигають высокихъ внутреннихъ долинъ этой страны, описываются точно такимъ же образомъ Китайцами, какъ и немногими сюда проникнувшими европейскими путешественниками, какъ напр. Гёецомъ, Андрадою, Турнеромъ и другими. Къ С. и къ Ю. отъ упомянутого любопытнаго и удобнаго для прохода углубленія нагорной Азии, имѣющаго весьма значительное протяженіе въ длину, а въ ширину только нѣсколько миль, не только возвышались по обѣимъ сторонамъ, равно дикія и трудно доступныя, а по физическому свойству своему совершенно различныя формы природы, но и обитали совершенно различныя по свойствамъ своимъ и образу жизни племена народныя. Къ С. отъ этой проходной страны находились съ древнѣйшихъ временъ, всегда столь же легко подвижныя какъ и летучій песокъ ихъ высокихъ холодныхъ степей, Хунъ-ну (Hieng-nu), принимаемые ошибочно, согласно гипотезъ Дегиля, за Гунновъ (*) времени переселенія народовъ (?), съ первыхъ вѣговъ до и послѣ Р. Хр. до *Монголовъ* среднихъ вѣковъ и до *Элотовъ* новѣйшихъ временъ. Бесплодіе песчаной и кремнистой степной почвы принуждало ихъ къ непрерывному кочеванью, такъ какъ внутри степи скудно разбросанныя ключи и пастбища допускали кое-гдѣ только временныя стоянки. При постоянной ихъ готовности перейти за предѣлы своихъ кочевій долженъ былъ привлекать ихъ особенно болѣе теплый, плодородный и орошенный Ю., въ Китай, подобно тому какъ онъ манилъ нѣкогда Кельтовъ, Готовъ и Лонгобардовъ въ Италію. Подвигаясь

(*) Что въ Гунны Атталы, въ Хунну китайскихъ лѣтописцевъ не были Монголами, это намъ кажется достаточно доказаннымъ всеми новѣйшими западными учеными, но хотя Клапротъ и Риттеръ принимали Гунновъ и Хунну за совершенно различныя племена — Гунновъ за финское, а Хунну за туркское, мы, по примѣру нѣкоторыхъ новѣйшихъ ученыхъ, именно С. Мартена, Неймана и Вильсена де С. Мартена, принимаемъ Гунновъ и Хунну рѣшительно за одно и тоже, и именно за финское, алтайское племя: см. ниже Дополненіе къ § 23. — *Ир. Пер.*

(7) Ab. Remusat. Rech. s. les langues tartares en Mém. sur différents points de la grammaire etc. Paris. 4. 1820. II. p. XLVI. p. 41. Клапротъ Мém. sur l'origine des Huns въ Мém. relat. à l'Asie. 1826. T. II. p. 372. и Tabl. hist. de l'Asie. p. 121. etc.

постоянно къ Китаю, или лучше сказать всегда готовый внезапно низвергнуться на него, подобно хищной птицѣ, съ распростертыми крыльями, народъ этотъ (Хунну) развилъ во всемъ, сообразно съ этимъ влеченіемъ, многосложное устройство кочеваго воинскаго быта своего. Необозримо-далекая и широкая, обитаемая ими степь служила для него, въ самое цвѣтущее время его могущества болѣе огромнымъ лагеремъ, чѣмъ государствомъ; онъ было раздѣлено на орды и знамена, готовые всегда сняться и двинутся на Ю. Отсюда и произошло раздѣленіе всѣхъ сихъ народовъ и областей ихъ отъ Хунгана и Амура на В. до Кунь-луня и Иртыша на З. не на провинціи и племена, а на знамена и орды, либо *лѣваго*, либо *праваго крыла* ⁽⁸⁾ ихъ походнаго царства.

Обращая постоянной свой хищническій взоръ на Ю. они называютъ *лѣвою* стороною востокъ, а *правою* — западъ, и это раздѣленіе повторяется у всѣхъ, такъ называемыхъ татарскихъ народовъ, вдоль окраины нагорья, различно съ южными азіатцами, которые, обращая взоръ на восходъ солнца, именуютъ *лѣвою стороною* земли — *Сѣверъ*, *переднюю* — Востокъ, и *правою* — Югъ. Такъ было съ древнѣйшихъ временъ, и этотъ взглядъ оставилъ донынѣ у многихъ народовъ замѣтные слѣды. Чжунгары получили отъ того даже свое названіе (*Чжунъ* лѣвый, *гаръ* рука) ⁽⁹⁾, потому что жили по лѣвой рукѣ. Это то правое и лѣвое крыло народа Хунъ-ну устремлялись по разсматриваемой проходной странѣ съ С., и для защиты отъ его воздвигнута уже въ концѣ III в. до Р. Хр. китайскими государями великая стѣна. Къ Ю. же отсюда, въ дикой и снѣжной альпійской странѣ, жили, съ самаго начала историческихъ временъ, совершенно другіе народы, не восточно-туркского происхожденія какъ упомянутые Хунъ-ну, а Тибетскаго племени, которое принадлежитъ къ Ю.-В. нагорной Азіи. Это суть уже упоминаемые

(8) Ab. Remusat. Rem. s. l'exterie. de l'Emp. Chia. p. 117.

(9) Asia Polyglotta. p. 272.

въ древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописяхъ *Мло* (Сань-мло, три Мло), которые населяли западныя горы Китая и Тангута, по показанію Мадуань-линя (Ma-Touan-Lin) до поворота Хуань-хэ у Инь-шаня, какъ туземцы ⁽¹⁰⁾, еще до прибытія сюда Китайцевъ, в которыхъ несчастные потомки, большею частію истребленные или обращенные въ неволю, еще разсѣяны однакоже спорадически по всей юго-западной альпійской части Китая и извѣстны подъ именемъ *Мло-цзы* (Miao-Tseu). Они были вытѣснены изъ средней азіатской горной страны *Куи-луия* (*Райская* страна, или Маха-меру, божьи горы у Китайцевъ) ⁽¹¹⁾ на В. къ среднему Хуань-хэ въ Шань-си и Шавь-си, весьма вѣроятно по направленію этаго длиннаго углубленія. Изъ тамошнихъ, болѣе удобныхъ и привольныхъ мѣстъ вытѣснили ихъ только что прибывшіе туда Китайцы, и именно въ высокую и дикую альпійскую страну снѣговыхъ горъ Сычуани, Шань-си и Хухэ-нора, къ Ю. отъ *Нань-шаня* и Сюэ-шаня. Здѣсь, въ альпійской странѣ, орошаемой изгибами Хуань-хэ, обозначается ихъ мѣстопробываніе, по замѣчательной древней Китайско-Японской картѣ ⁽¹²⁾ Средней Азии, въ которой собраны показанія буддійскихъ миссіонеровъ съ VII по XV столѣтіе, и которая пояснена Клапротомъ очень поучительно, съ такою же ученостію какъ и удачею. Сдѣлавшись съ самаго начала естественными врагами властолюбивыхъ Китайскихъ вришельцевъ они получили отъ послѣднихъ въ восточномъ Тибетѣ названіе Кянъ (Kiang) ⁽¹³⁾; страна же ихъ назвалась *Си-жуи* (Si-Jong), что значитъ владѣніе западныхъ варваровъ, или *Гуй-фанъ* (Koueï-Fan) — страна демоновъ ⁽¹⁴⁾. По крайней мѣрѣ весьма вѣроятно, что народъ, называемый Тибетцами *Кянъ* (Kiang) одноплемененъ симъ Мло. Они посто-

(10) Klapproth Observ. critiques въ Mem. relat. à l'Asie T. II. p. 366, 414.

(11) Gaubil. Chouking Disc. prelimin. Ab. Remusat Mem. sur le vie de Lao-Tseu Paris. 1823. 4. p. 10. Kurz Mem. sur le Chouking въ Journ. Asiatiq. Vol. VI. 1830 p. 431.

(12) Klapproth Eclaircissements etc. въ Mem. relat. à l'Asie T. II. p. 411, 413.

(13) Ab. Remusat. Rem. s. l'extension p. 109, 111, 125.

(14) Klapproth Tabl. histor. de l'Asie p. 131, 29.

явно гордились съ древнѣйшихъ временъ донынѣ тѣмъ, что, по догматамъ *Будистовъ*, происходятъ отъ рода обезьянъ, древнѣйшаго на землѣ (отъ Ханумана — обезьяны-божества, князя снѣговыхъ горъ, который съ народами своими помогъ Рамѣ, завоевать о-въ Цейлонъ), почему именовали свою срединную гористую страну землею обезьянъ. Этотъ народъ, котораго роды получили здѣсь въ послѣдствіи осѣдлость и извѣстность подъ названіями *Туфанъ* (съ VII столѣтія), *Тибетцовъ* и *Тангутовъ* (еще съ начала X вѣка) ⁽¹⁵⁾ появляется еще въ тѣ отдаленнѣйшія времена съ III вѣка до Р. Хр., одновременно съ Хунъ-ну, своими сѣверными, враждебными сосѣдями, именно въ гористой странѣ къ Ю. отъ углубленія, отъ Нань-шаня до верховья Хуанъ-хэ, подъ именемъ *Юэ-чжи* (Yuetschi и Youei-chi у Ремюза). Съ этимъ Тибетскимъ племенемъ, которое питалось произведеніями своихъ стадъ, но кое-гдѣ занималось хлѣбопашествомъ, жилъ смѣшанно другой народъ, совершенно различный отъ всѣхъ прочихъ, *Усунь* ⁽¹⁶⁾ (Ousiun у А. Ремюза), бѣлокурый, съ голубыми глазами и рыжею бородою, о которомъ древніе Китайскіе лѣтописцы (династіи Хань, около Р. Хр.) замѣчаютъ, что онъ походить чрезвычайно на тотъ родъ большихъ обезьянъ, отъ котораго онъ происходитъ. Страна ихъ находилась по верховью р. Эцинэ, около нынѣшняго Гань-чжеу, на сѣверномъ склонѣ снѣговаго хребта Нань-шань и на берегахъ *Булангира*. Здѣсь слѣдовательно, вблизи мѣста великаго восточнаго потопа, гдѣ слѣдовательно находились въ то время еще одно возлѣ другаго три совершенно различныя народныя племени, пока послѣдующія столкновенія не разбросали ихъ въ самыя отдаленныя страны. Упомянутые Тибетскіе *Юэ-чжи* и бѣлокурые *Усунь* (Индо-германскаго племени) были въ то время здѣсь, по этой пограничной для народовъ и природы полосѣ, могущественнѣйшими противниками *Хунъ-ну*, восточно-Туркского племени.

(15) Ab. Remusat Rem. s. l'extens. p. 76.

(16) Klaproth Tabl. hist. p. 163; Ab. Remusat Remarq. sur l'extens. p. 96.

Здѣсь зажглась, уже за 150 лѣтъ до Р. Хр.: борьба между этими обѣими воинственными народами, которая дала поведѣть къ посредничеству Китайскихъ императоровъ дома Хань и къ рас-просрѣженію ихъ владычества и проведенію стѣны далеко въ нагорье, на З., по направленію къ Хами; отчего *единственно* сдѣ-лалась намъ извѣстною эта *проходная страна* съ такихъ рав-ныхъ временъ. Какъ Юлій Кесарь, вызванный за Альпы рас-прями Галловъ и Германцевъ, утвердилъ Римское владычество на Сѣверѣ и держалъ страны по ту сторону Альповъ въ пови-новеніи, посредствомъ Римскихъ укрѣпленій (castra), легионовъ и законодательства, такъ утвердили и свое владычество на За-падѣ Средней нагорной Азии могущественныя династїи Хань (съ 168 до Р. Хр. до 221 п. Р. Хр.), Тань (съ 618 — 907), Минь (1341 — 1628) и преимущественно Да-цинь — Маньч-журская новѣйшихъ временъ (съ 1644).

Китайскія лѣтописи⁽¹⁷⁾ рассказываютъ что императору Хло-су-ди (Hia-wu-ti царств. съ 142 — 87 до Р. Хр.) нѣкоторые изъ подчиненныхъ ему Хунъ-ну донесли о томъ, что ихъ Шань-юй (Tschenyu т. е. Ханъ) Мо-дэ (Me-the), опасаясь возрастающа-го могущества Юэ-чжи, пошелъ на нихъ войною, разбилъ ихъ, обезглавилъ ихъ Царя и изъ черепа его сдѣлалъ себѣ чашу. Разгнѣванные Юэ-чжи бѣжали и за ними послѣдовали Усунь. Часть побѣжденныхъ бѣжала къ Югу, но большинство къ С.-З. на берега Или и озера Балхаша, и здѣсь столкнувшись съ ними ушедшіе отъ Хунъ-ну⁽¹⁸⁾ Усунь, которыхъ мы ниже опять най-демъ въ ихъ новомъ отечествѣ у Небесныхъ горъ (Тянь-шань), вмѣстѣ съ другими соплеменниками ихъ, какъ напр. Кут'е (Kou-the при Цунъ-линь) можетъ быть Готского поволовнїа. Хунну-скій Хань не подозрѣвалъ какія послѣдствїа должно было имѣть это событіе на исторїю Запада, успѣхи образованїа Китая, на-горной Азии и на усмиренїе его собственнымъ ордѣмъ.

(17) Ab. Remusat Rem. s. l'extens. etc. p. 114; cf. Klaproth Tabl. histor. 103, 132 ср. Deguignes Hist. des Huns T. I. p. 160.

(18) Ab. Remusat. Rem. s. l'extens. etc. p. 96; Klaproth Tabl. hist. 123, 127.

Это былъ именно рѣшительный моментъ, когда угрожающее могущество страшныхъ Хунъ-ну, у Западнаго входа въ Китай, не могло не обратитъ на себя вниманія Китайскихъ императоровъ; ибо Хуннамъ оставался еще только одинъ шагъ до плодороднаго Шэнь-си и до р. Хуанъ-хэ. Еще прежде, въ древнѣйшіе времена, Шы-хуанъ, основатель и самый великій изъ монарховъ династии Цинь (царствовавшій съ 237 по 177 до Р. Хр.), старался отбѣснить этихъ опаснѣйшихъ изъ Сѣверныхъ варваровъ, и въ огражденіе отъ нихъ положилъ въ этомъ углубленіи начало и основаніе великой стѣнѣ. Но они возвращались изъ сѣверныхъ степей своихъ въ небольшихъ силахъ. Поэтому Императоръ Ву-ди, изъ дома Хань (царствов. 55 лѣтъ), вводилъ еще за нѣсколько вѣковъ ранѣ Римскихъ Императоровъ: Августа, Траяна, Адрияна, Проба и Юстиніана, подобную вводимой ими систему цивилизаціи пограничнаго края, посредствомъ ряда укрѣпленій, защищавшихъ государственную границу. Съ этимъ вмѣстѣ начинается устройство этаго Нордмарка Китайской имперіи противъ Хунъ-ну, подобно Остмаркамъ Германской Имперіи Карла Великаго и Оттоновъ, противъ Аваровъ и Славянъ; ибо не только были проведены стѣны, какъ уже прежде при Шы-хуанъ, но и устроены вмѣстѣ съ тѣмъ города, расположены въ нихъ сильные гарнизоны, колонизированы поселенцы, и даже опредѣлены торговыя мѣста для поощренія дружественныхъ сношеній народовъ и для ихъ сближенія. Подобныя учрежденія, проистекавшія изъ характера этой мѣстности, въ соединеніи съ постоянною политикою Китайскаго правительства давали ему случай возбуждать естественныхъ враговъ своимъ опаснымъ пограничнымъ сосѣдямъ, посредствомъ склоненія на свою сторону находившихся въ тылу ихъ народовъ и государствъ, у которыхъ такимъ образомъ уже очень рано появились города, земледѣліе и торговля. Ослабляя такимъ образомъ сосѣдей своихъ и пользуясь искусно ихъ внутренними раздорами, подобно Англійской политикѣ въ Деканѣ, Китайцы, частію предложеніемъ разныхъ выгодъ и преимуществъ, частію си-

лою, соединяли соседнія владѣнія въ одно федеративное государство, и раздѣленіемъ его на большіе военные округа управляли имъ и обуздывали его легко изъ Китая. Такими средствами Китайскіе государи, при всѣхъ перемѣнахъ въ династіяхъ и въ могуществѣ имперіи, съ самаго Р. Хр. *владѣли одинаково постоянно этою проходною страню.* Конечно эта страна была часто въ ихъ рукахъ не болѣе какъ *военною* дорогою; но она давала доступъ ихъ владычеству изъ устроенныхъ и образованныхъ областей Шань-си, Шань-си и Гань-су въ обширные *Си-юй* (*Си—Западъ*) ⁽¹⁹⁾, т. е. западныя страны (*). Это было для Китайской имперіи столь же важно, какъ для Римской попытка ея распространиться и утвердиться въ странахъ: Дакковъ, Армянъ, Парянъ, Сиріянъ и Египтянъ.

Конечно такая система вызывала часто жестокую борьбу и была сопряжена съ неоднократными потерями разнаго рода, но Китай умѣлъ сохранить вооруженною рукою этотъ важный путь сообщенія съ Среднею Азіею. На длинномъ протяженіи своемъ отъ Ю.-В. къ С.-З. *онъ составлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ вооруженную линію раздѣла между враждебными Китаю соседями его на С. и Ю., которые при этомъ раздѣленіи могли еще быть побѣждены, между тѣмъ какъ соединившись однажды были бы непобѣдимы.*

Въ этомъ именно заключается разгадка, объясняющая необычайное искривленіе политической границы этаго крайняго внутренняго угла Китая, которое бросается въ глаза уже при разсмотрѣніи иллюминированныхъ обыкновенныхъ картъ Азіи и не произошло отъ произвола и случая, но было основано еще за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ на *необходимости собственной защиты и политической системъ.*

Весьма поучительно слѣдующее показаніе классической го-

(19) Ab. Renu. въ пр. с. р. 113.

(*) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано: «или К'ай-Си-Юй.» К'ай-Си-Юй значитъ: «открыть западныя страны.» *Пр. Пер.*

сударственной исторіи *Мадуань-миня* (*) въ *Вынъ-сянь-ж'уто-к'ао*, книг. 336 листъ 4, отъ начала II столѣтія ⁽²⁰⁾ по Р. Хр. При императорѣ *Ань-ди* (An-ti; Ноти у Малья I ч. 107—125), современникѣ Траяна, могущество Хунъ-ну (подобно какъ и Даковъ) столь усилилось, что Китайскій военный совѣтъ предложилъ императору совѣтъ оставить упомянутую проходную страну, задѣлать стѣнами ворота во входахъ въ Западныя страны и такимъ образомъ совершенно отдѣлить имперію отъ *Си-юй*. Но одинъ изъ полководцевъ возсталъ противъ сего предложенія, возражая, что тогда ничто не удержитъ *Хунъ-ну* отъ соединенія съ Кянами (восточными или пограничными съ Китаемъ Тибетцами); что соединенныхъ ихъ силъ не будутъ въ состояніи отразить западныя области Имперіи, и что находящіяся далѣе за сими варварами, уже дружественныя съ Китаемъ владѣнія, близъ Лобъ-нора, а также Яркянь (*Yer-Kiang*), Хотанъ и Гуйцы (*) (*Бишъ-балыкъ*) ⁽²¹⁾, будучи оставлены Китаемъ, присоединятся къ главнымъ его врагамъ.

Совѣтъ сей былъ принятъ, Китай оставилъ за собою сей ключъ къ нагорной западной Азіи, защищалъ и устраивалъ его въ теченіи тысячелѣтій, и съ послѣдняго столѣтія при маньчжурской династіи распространилъ этимъ путемъ свое *областное устройство* на 3. далѣе чѣмъ когда либо въ прежнее время, чрезъ губерніи Гань-су до областей *'Ань-си* (*Ngan-Si*) (прежде *Ша-чжеу*), *Чжень-си* (*Tshen-Si*) (прежде *Хами* или *Хомуль*) и *Ди-хуа* (*Ti-Ноа* древній *Урумчи* Уйгуровъ) ⁽²²⁾, какъ бы желая подать руку Россіи у малаго Алтая близъ озера Зайсана на Иртышѣ при Бухтарминскѣ.

Разсматриваемая *проходная* страна еще замѣчательна для географическаго познанія средней Азіи тѣмъ, что извѣстнѣйшіе

(*) *Ма-дуань-минь* (*Ma-touan-lin*) — знаменитый Китайскій писатель XIII вѣка.

Пр. Пер.

(20) *Ab. Remusat.* въ пр. с. р. 123.

(*) Древнее Китайское названіе города *Куча*.

(21) *Ab. Remusat.* въ пр. с. р. 84.

(22) *Ab. Remusat. Nouv. Mel. Asiat.* T. I. p. 5; *Berthe carte de l'Asie.*

путешественники, прошедшіе въ Китайъ въ средніе вѣка сухимъ путемъ, какъ то католическіе миссіонеры, Марко Поло, магометавскіе поелы, впоследствии первыя отцы іезуиты, направлялись именно чрезъ *эту страну*. Сверхъ того, со времени вышеуомянутаго устройства ея, при Хяо-ву-ди (за 172 г. до Р. Хр.), стекаются отсюда постоянныя донесенія о западныхъ странахъ отъ расположенныхъ здѣсь пограничныхъ и военныхъ начальствъ. Къ З. отъ Хунъ-ну считалось уже тогда 36 отдѣльныхъ владѣній, къ которымъ вели особыя дороги, назначены были особыя входы, и съ которыми учреждены особыя сношенія посредствомъ посольствъ и другими способами. При болѣе спокойномъ обладаніи сею страной династією Танъ (отъ 618—907), по уничтоженіи могущества Хунъ-ну и Турковъ (Thu-Kiu), по прекращеніи борьбы съ Аравитянами, вторгавшимися сюда съ З. при Калифахъ, и до усиленія еще опаснаго для спокойствія имперіи могущества Тангутовъ на Ю., а въ послѣдствіи Монгодовъ на С., источники для географическаго и этнографическаго познанія сихъ мѣстъ могли быть еще обильнѣе. Отсюда именно были учреждены ⁽²³⁾ до Хотана и Кашгара четыре большія военныя инспекціи (*), которымъ вскоре подчинились одна за другою всѣ обширныя земли средней Азія, до границъ царства Абассидовъ въ Туркоманіи и Персіи. Этого рода *феодалныя* владѣнія состояли верѣдко въ весьма слабой государственной связи, которая выражалась данью и добровольными приношеніями или одними титулами и посольствами въ Китайъ; владѣнія сіи тѣмъ не менѣе означались постоянно ведъ именемъ *Цзи-ми* (**), какъ области подвластныя имперіи въ государственныхъ описяхъ, а описаніе ихъ включалось въ го-

(23) Ab. Remusat sur l'extens. p. 83 etc по Танъ-чжи, т. е. географіи династіи Танъ; Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 207.

(*) Эти четыре инспекціи были учреждены въ Кучѣ, Хотанѣ, Ярканѣ и Кашгарѣ. Въ Кучѣ жилъ главный начальникъ западнаго края. См. Стат. опис. Кит. О. Іекнова Т. I. стр. 315. — *Пр. Пер.*

(**) Въ текстѣ Риттера ошибочно Pa-mi. — *Пр. Пер.*

сударственную географію ⁽²⁴⁾. Въ цѣлѣе время династїи Тань ихъ считалось, кромѣ 16 владѣній перваго разряда, носившихъ титуль *Ду-д'у-фу* (Тоу-Тоу-Фу), т. е. вице королевствъ (Reguli), еще 70 владѣній втораго разряда *Ду-ху* (Ті-Неоу) со 110 городами третьаго разряда — *Хя* (Ня) и 126 военными становищами, занятыми императорскими войсками. Со времени монгольскаго владычества и при настоящей маньчжурской династїи разсматриваемая страна представляетъ еще много другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, которыя заслуживаютъ изученія. Здѣсь, намъ было достаточно указать на природу страны, на характеристическое, историческое ея вліяніе на развитіе обусловленныхъ ею политическихъ отношеній Китая къ средней Азіи. Слѣдующее изложеніе приведетъ насъ къ отдѣльнымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

§ 22.

Изложеніе V. Страна великой стѣны въ Гань-су, проходная страна западныхъ входовъ въ Си-юй или западныя страны. Проходы Юй-мынь (Yu-Men) и Янь-гуань (Yang-Koan); Ша-чжеу; ворота Юй; Су-чжеу; Гань-чжеу; Лян-чжеу; посольская и караванная дорога. Пути Марко-Поло и Бенед. Гоеса въ Шэнь-си.

Изъ изложенной выше характеристики великаго, историческаго явленія понятно желаніе ознакомиться ближе съ упомянутыми мѣстными обстоятельствами; но здѣсь оставляютъ насъ почти совершенно поучительныя наблюденія очевидцевъ близкаго къ намъ или по крайней мѣрѣ новѣйшаго времени. Мы должны довольствоваться отрывочными извѣстіями древнѣйшихъ временъ о строенїи великой стѣны, о прилегающихъ городахъ, о ведущихъ мимо ихъ дорогахъ, нѣкоторыми не совсемъ маловажными замѣчаніями давнихъ путешественниковъ,

(24) См. извлеченіе объ этомъ у Remusat въ пр. с. р. 85—106.

приведеніемъ статистики ⁽¹⁾ провинціи Гань-су, которая до 1829 не была означена ни на одной картѣ Азии (за исключеніемъ Клапротовой и Бертовой). Наибольше поучительными остаются нынѣ описанія Венеціанца Марко-Поло, послѣ котораго ни одинъ наблюдательный Европеецъ не посѣтилъ этихъ странъ съ такою же пользою для науки.

По китайской государственной географіи великая стѣна на З. Китая построена первоначально славнѣйшимъ государемъ династіи *Цинь* (Tsin), императоромъ *Шы-хуанъ-ди* (царств. съ 239 до 177 Р. Хр.), почти одновременно со второю пуническою войною. Китай раздѣлялся въ то время на семь отдѣльныхъ царствъ, изъ которыхъ сильнѣйшимъ было *Цинь*, занимавшее почти одну пятую цѣлаго Китая. Со времени славнаго правленія Шы-хуана все великое китайское государство получило отъ смежныхъ съ нимъ Индѣйцовъ, Персовъ и Арабовъ и даже отъ народовъ отдаленнѣйшаго Запада, *навсегда*, наименованіе *Цинь* (*Sinae*, у Птолемея *Θειναί*) ⁽²⁾. Шы-хуанъ-ди покорилъ и остальные 6 царствъ, раздѣлилъ весь Китай на 36 округовъ и присоединилъ къ нему съ Юга еще четыре завоеванныя области до Тунъ-кина. Но, до покоренія себѣ всѣхъ сихъ странъ, онъ владѣлъ только наследованнымъ отъ отца достояніемъ, сѣверо-западнымъ угломъ Китая, именно провинціею Шэнь-си. Занятый планомъ покоренія остальныхъ 6 царствъ, т. е. остальныхъ частей Китая, онъ долженъ былъ опасаться быть отвлеченнымъ отъ сихъ завоеваній нападеніями Хунъ-ну. Пораженія, претерпѣнныя имъ отъ предшественниковъ его, не представляли ему достаточнаго обезпеченія. Чтобы неимѣть необходимости держать для защиты сѣверной границы войско, которое онъ могъ съ пользою употребить во внутренности Китая, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ отразить всякій набѣгъ, Шы-хуанъ-ди повелѣлъ запереть всѣ входы, которыми можно было бы проник-

(1) Klaproth Statistischer Ueberblick über das Chinesische Reich nach Originaldocumenten gezogen Hertha T. X, 1827. p. 284.

(2) Klaproth sur les noms de la Chine въ Mem. relat. à l'Asie T. III. p. 288.

нута въ Китай съ С. (3), съ нагорья: Примѣру его послѣдовали сосѣдніе съ нимъ владѣтели въ Шань-си (тогда царство Чжао) и въ Чжилі (царство Янь); они построили также пограничныя стѣны, отдѣлявшія ихъ владѣнія отъ сѣверныхъ сосѣдей—Хунь-ну. Такимъ образомъ, разсказываютъ, составилаь Вань-ли-чань-чанъ (Wan-Li-Schan-Tsching), т. е. великая стѣна въ 10000 ли), которая была еще дополнена Шы-хуаномъ, когда онъ подчинилъ весь Китай своей власти. Она представляетъ собою важную окраину нагорья, на огромномъ протяженіи отъ З. къ В., по крайней мѣрѣ операціонную линію, которую составляетъ эта окраина въ военно-стратегическомъ отношеніи. По другому расказу (4) были учреждены такія укрѣпленія еще до Шы-хуанъ-ди, въ трехъ сѣверныхъ царствахъ Китая Янь, Чжао и Цинь, но онъ соединилъ ихъ въ одну неразрывную линію (5) отъ залива Ляо-дуна на желтомъ морѣ, до зап. границы государства у Желтой рѣки (Хуанъ-хэ), и назначилъ военные отряды для наблюденія за работами въ 214 году до Р. Хр., приведенными чрезъ 10 лѣтъ къ окончанію (29). Дегинъ упоминаетъ еще въ своей исторіи Хунъ-ну, что Шы-хуанъ-ди (6), сдѣлавшись единовластнымъ въ Китаѣ, собралъ войско въ 30000 (по другимъ въ 100,000 чел.) и отгѣснилъ чрезъ страну Ханань (нынѣ Ордосъ) вторгнувшихся въ его государство Хунъ-ну. Для предупрежденія на будущее время ихъ вторженій онъ построилъ по берегу Хуанъ-хэ (очевидно по лѣвому, западному, обращенному къ странѣ нынѣшнихъ Элютовъ-Чоросовъ) (**) 44 хорошо укрѣп-

(3) Mailla Hist. gén. de la Chine T. II. p. 373.

(4) Deguignes Gesch. d. Hunnen v. Dähnert T. I. p. 129.

(5) Klapproth Tabl. hist. p. 35.

(6) Въ пр. с. p. 130.

(*) Это показаніе находимъ мы въ Шы-цзы—историческихъ запискахъ, составленныхъ историкомъ Сы-ма-цянномъ въ I в. до Р. Х. Князь удѣла Чжао началъ строить Великую стѣну еще въ концѣ IV в. до Р. Х., на Шаньсійской окраинѣ, составлявшей тогда сѣверную границу княжества Чжао, а князь удѣла Янь—на Чжилійской окраинѣ, составлявшей тогда сѣверную границу княжества Янь. См. Іакинѣва Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи Ч. I. стр. 9. — Пр. Пер.

(**) Что многіе изъ этихъ городовъ лежали на сѣверномъ берегу Хуанъ-хэ, о томъ свидѣтельствуетъ показаніе историческихъ записокъ, въ которыхъ сказано

ленныхъ города, снабдилъ ихъ сильными гарнизонами и велѣлъ тщательно оберегать узкіе входы и проходы (вѣроятно у Хэ-лань-шаня (*) и до Су-чжеу), за тѣмъ онъ провелъ большую стѣну, которая начиналась у Минь-чжеу (Min-Tcheou) въ области Линь-т'ао-фу на Хуанъ-хэ, гдѣ впослѣдствіи возникъ гор. Нинъ-ха. Это вѣроятно та стѣна, которая нынѣ ограничиваетъ Ордосъ съ Юга; ибо она, какъ повѣствуется, защитила всю область и соединила въ одну обѣ стѣны, проведенныя уже владѣтелями Лян и Чжао на Западъ до Инь-шаня. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначено мѣстопробываніе китайскому полководцу въ Хамъ (нынѣ Янь-ань-фу (Yan-Ngan-Fu, къ Ю. отъ Ордоса, въ провинціи Шэнь-си) на сѣверныхъ предѣлахъ Китая, чтобы отсюда немедленно отразить всякое вторженіе Хунъ-ну. Легко понять, что при перемѣнахъ въ правленіи и частыхъ внутреннихъ раздорахъ въ китайскихъ династіяхъ, подобныя временныя вторженія должны были повторяться и чрезъ великую стѣну, какъ привели мы уже тому примѣры изъ II и V вѣк. по Р. Хр. Тѣмъ не менѣе должна была такимъ образомъ возникнуть сначала здѣсь, по верхнему теченію Хуанъ-хэ и въ Шэнь-си, въ тѣ времена, наиболѣе настоятельная надобность *въ военномъ устройствѣ сѣверной военной границы государства*. Это устройство, будучи вскорѣ продолжено на Э. и на В., сдѣлалось *изъ временной надобности постояннымъ пограничнымъ управленіемъ* до новѣйшихъ временъ. Великая стѣна осталась частію такимъ учрежденіемъ и послѣ того какъ сѣверныя номады, противъ которыхъ она была первоначально воздвигнута, неоднократно прорывали

что Шы-хуанъ-ди провелъ дорогу отъ Гюй-ань до Юнь-лянь. Гюй-ань лежалъ въ сѣверо-западномъ углу нагиба Хуанъ-хэ (на лѣвомъ берегу), а Юнь-лянь въ сѣверо-восточномъ, близъ нынѣшняго Тохто. См. Іакиневъ, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. I. стр. 10. — *Пр. Пер.*

(*) Въ историческихъ запискахъ (Шы-цзи) сказано: исправилъ въ пограничныхъ горахъ устье отъ Линь-т'ао до Ляо-дунъ почти на 10000 ли (3000 верс.). Городъ Линь-т'ао находится въ провинціи Ганьсу прямо на Ю. отъ Лань-чжеу, Ляо-дунъ на берегахъ Желтаго моря. См. Іакиневъ, Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи Ч. I. стр. 10. — *Пр. Пер.*

ее, и даже овладѣвали самымъ китайскимъ престоломъ, какъ Монголы и Маньчжуры. Конечно стѣна потеряла отъ того свое значеніе, пережила такъ сказать сама себя, осталась только во многихъ мѣстахъ, по громадности своихъ массъ, бесполезною диквиною старины, и, находясь уже давно внутри государства, не могла служить военнымъ укрѣпленіемъ, а только сдѣлалась полезною для полицейскихъ цѣлей внутренняго управленія, имѣющихъ предметомъ устройство торговыхъ сношеній съ номадами и обузданіе ихъ. Западная вѣтвь Великой стѣны, простирающаяся у верховья Хуанъ-хэ, черезъ Ордосъ, по южной границѣ степи Элютовъ-Чоросовъ до западныхъ воротъ къ Хами, сохранила однакоже наиболѣе свое прежнее назначеніе—преграждать *входъ* въ Китай сѣвернымъ номадамъ, ибо здѣсь за стѣною, по крайней мѣрѣ къ Сѣверу, нѣтъ еще постоянныхъ поселеній и не заведено земледѣліе, какъ за восточною вѣтвью стѣны, къ Сѣверу отъ Шань-си и Чжили. Здѣсь будемъ говорить только о западной вѣтви.

Уже за 100 лѣтъ до Р. Х., немедленно послѣ упомянутаго выше изгнанія Юэчжей и Усунь, когда императоръ Хлю-ву-ди начерталъ планъ устройства границы и разслалъ эмиссаровъ для собранія свѣдѣній о западныхъ странахъ (7) (Чжанъ-клянъ (Tschang-Kian) открылъ въ то время изъ Китая Согдіану и Каспійское море), были отбиты съ урономъ къ Сѣверу Хунъ-ну, и китайская граница расширена въ *первый разъ* къ Западу отъ Шань-си до нынѣшняго города Су-чжеу (8). Здѣшняя страна вскорѣ населена китайскими семействами и раздѣлена на четыре округа, которые получили наименованіе: У-вэй (*) (Wou-Wei), Чжанъ-ь (**) (Tchang-Ye), Дунъ-хуанъ (Thun-Hoang, нынѣ Ша-чжеу) и Цю-цюанъ (Tsieou-Tseouan, нынѣ Су-чжеу). Это есть

(7) См. Pian-i-Tian d. въ Geschichte d. Nachbarländer v. China Buch 43, 2.

(8) Ab. Remusat Rem. sur l'extens. p. 117.

(*) Нынѣ область Лянь-чжеу-фу. См. Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркистана, О. Іакинча Ч. I. стр. 21. — Пр. Пер.

(**) Нынѣ областной гор. Гань-чжеу-фу. См. тамъ же стр. 42. — Пр. Пер.

слѣдовательно начало заселенія сей страны у входовъ на З. по дорокъ въ Хами; вскорѣ были присоединены къ государству и земли между *Ша-чжеу* (т. е. песчанымъ городомъ) и *Лобъ-норомъ* (соленымъ озеромъ), и построены на недалеиъ другъ отъ друга разстояннн небольшие крѣпости, изъ которыхъ гарнизоны могли подавать взаимно другъ другу помощь. Здѣсь жители уже опять обитали въ городахъ, занимались земледѣлнємъ и совершенно различались отъ своихъ восточныхъ кочующихъ сосѣдей Хунъ-ну. Послѣднимъ они и не повиновались уже такъ какъ прежде, а только при усиленнн ихъ могущества, какъ напр. въ особенности когда здѣсь утвердилось небольшое Хунвское государство, которое, подъ именемъ *Т'у-кюз-хоэнь* (Thou-Choue-Hoen), сохранило свою независимость болѣе двухъ сотъ лѣтъ (отъ 312 — 663) ⁽⁹⁾. Здѣсь слѣдовательно былъ первый плодородный оазисъ, который могъ служить новою точкою опоры китайской политикѣ, для обузданн кочевыхъ ордъ, въ тѣ періоды, когда она обращалась на утверждени здѣсь своего господства. Во времена безсилн Китайцевъ, ихъ собственныя колоннн и построенныя ими города, отпадали отъ имперн, дѣлались, подъ правленнємъ особыхъ князей, нерѣдко независимыми владѣннми, какъ это было напр. съ городами Гань-чжеу и Ша-чжеу при династн Т'анъ, когда Турки Хой-ху съ 872 года ⁽¹⁰⁾ здѣсь быстро усались и распространили свою власть до Хами и далѣе на З. Два пограничныя прохода, на В. отъ Ша-чжеу—*Юй-мынь* (Yu-men) и *Янъ-гуанъ* (Yang-Kouan) ⁽¹¹⁾ были прежде всего снабжены укрѣпленнми. Они служали Китайцамъ исходными пунктами экспедицн въ Западныя страны; къ нимъ были отнесены всѣ изчисленн караванныхъ и военныхъ маршрутовъ. Такъ напр. считали отъ сихъ крѣпостей, черезъ средину всего внутренняго Азятскаго нагорья на З. до Цунъ-линя (до голубыхъ горъ) къ Согдннмъ, 6000 ли (600 мь,

(9) Klaproth Tabl. Hist. p. 97.

(10) Mailla Hist. des Thang въ Mém. conc. T. XVI, p. 257.

(11) Ab. Remusat Rem. sur l'extens p. 113, 117, 120.

450 геогр. миль). Эти двое воротъ, въ особенности съ ведущими чрезъ нихъ дорогами, и были прежде всего *заперты*, какъ мы говорили выше. Сначала были извѣстны только *два* дороги отсюда чрезъ *Си-юй*, т. е. западныя страны; но вскорѣ узнали и *третью*; такъ образовалось отсюда уже около Р. X. (въ царствованіе Ванъ-вана) система *трехъ поперечныхъ* дорогъ отъ В. къ З. чрезъ нагорье, которой обязаны впоследствии всѣмъ географическимъ познаніемъ этой части Средней Азии. Дороги эти суть: *средняя* на *Лобъ-поръ* въ Кашгаръ; *сѣверная* на Бишъ-балыкъ (Урумчи) къ рѣкѣ *Им*, а *Южная* чрезъ страну Но Тибетскихъ народовъ въ *Хинь-ду* (Hin-tou, не Индійская ли колонія). Описанія сихъ дорогъ будутъ изложены ниже. Система ⁽¹²⁾ *главныхъ путей, постройки дорогъ, военныхъ постовъ, размѣщенія гарнизоновъ, учрежденія городовъ, устройства постоянныхъ домовъ, почтовыхъ станцій и правильныхъ торговыхъ сношеній* получили полное свое развитіе только въ XVIII столѣтіи, при Маньчжурской династии, и съ этого періода, когда вмѣстѣ съ тѣмъ произведена съемка государства, основанная на *астрономическихъ* наблюденіяхъ, начинаются наши болѣе положительныя географическія познанія объ этой части Средней Азии, для которыхъ разсматриваемая мѣстность все таки служитъ *первымъ* исходнымъ пунктомъ. Мы присовокупили здѣсь только нѣсколько извѣстій о положеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ упомянутыхъ мѣсть.

1) Ни одинъ очевидецъ не сообщилъ намъ ближайшихъ свѣдѣній о природѣ *обоихъ проходовъ*, и не объяснилъ почему эти мѣстности получили свое важное значеніе. Положеніе *Юймыньскаго* прохода мы хорошо не знаемъ (*). О сосѣднемъ проходѣ *Янъ-гуань* (Yang-Kouan; Yam-Küan у Де-

(12) Ab. Rehnast. въ пр. с. р. 64.

(*) Въ текстѣ Ритт. ошибочно сказано что на этотъ проходъ должно взирать какъ на крайнія ворота (каменная юй) къ Хотану. Ошибка эта исправлена самимъ Ритт. при перечисленіи погрѣшностей. Юй здѣсь изображается другимъ знакомъ нежели въ Кя-юй-гуань. — *Пр. Пер.*

гинья) ⁽³⁷⁾ упоминается, какъ о весьма узкихъ воротахъ, въ соѣдствѣ съ песчаною степью, недалеко на В. отъ города Ша-чжэу, по дорогѣ въ Гуа-чжэу. (Киа-Тсхоу) и близъ рѣки Ду-кянъ (Ту-Нiang). Замѣчательно сообщаемое при семъ извѣстiе, что на разстоянiи нѣсколькихъ часовъ къ Ю.-В. находятся горы Сань-вэй (San-Goei у Дегинья, San-wei у Аб. Ремюза), на которыхъ живетъ одно изъ племенъ древнихъ *Сань-мяо*, того первобытнаго народа, который вытѣсненъ Китайцами при учрежденiи государства, съ южной границы Китая, и который, бѣжавъ оттуда, нашелъ здѣсь пристанище.

Тамъ же должны находиться, какъ изъясняется въ книгѣ Шукинъ (Schu-King), главѣ Юй-кунъ (Ju-Kung), массы летучаго песка и звучащiй песокъ ⁽¹⁴⁾, ибо зимой и лѣтомъ здѣсь слышны какъ-бы удары грома. Неизвѣстно и трудно судить есть ли это явленiе взрывовъ, подобное существующему на островѣ Меледѣ ⁽¹⁵⁾, или звучащая песчаная покатость, подобная описываемой Султаномъ Баберомъ въ Кабулистанѣ ⁽¹⁶⁾, или песчаниковому утесу *Эль-нагусъ* ⁽¹⁷⁾ на Аравiйскомъ полуостровѣ, по наблюденiю Цепеня (Se-tzen) и поясненiю Еренберга. Между Ульбою и Иртышемъ находятся такiя звучащiя горы, которыя предвозвѣщаютъ погоду и называются потому *календарными* (Kalenderberg) ⁽¹⁸⁾. Во всякомъ случаѣ эта мѣстность заслуживаетъ по многимъ уваженiямъ вниманiя будущихъ наблюдателей.

Горы Сань-вэй суть безъ сомнѣнiя ничто иное какъ сѣверный склонъ во внутренность нагорья уже упомянутого выше снѣжнаго Нань-шаня, который здѣсь на З. примыкаетъ къ громадному Кунь-луню. Приведенное показанiе о *Сань-мяо* даетъ поводъ предполагать, что здѣсь былъ *крайний* западный предѣлъ

(13) Deguignes Gesch. d. Hunnen T. I. p. 13.

(14) Ab. Remusat. hist. de la ville de Khotan p. 77.

(15) P. Partsch üb. d. Detonationphänomen auf d. Insel Meleda. Wien 1826. 8.

(16) Sultan Babar Memoirs ed. Erskine Lond. 1826. 4 p. 114.

(17) Seetzen въ v. Zach. Correspond. Th. XXVII p. 396.

(18) Dr. Meyer въ v. Ledebour Altai-reise Th. II. p. 187.

распространенія этого, столь замѣчательнаго во многихъ отношеніяхъ, кореннаго туземнаго народа (см. ниже Мяо-цзы).

О положеніи Юй-мыня государственная географія Маньчжуровъ⁽¹⁹⁾ сообщаетъ, что онъ находится на разстояніи 15 геогр. миль (200 м.) на З. отъ крѣпости Кя-юй-гуань (Кя-юй-Коуан), назначенной окружнымъ городомъ третьяго разряда, подъ именемъ Юй-мынь-хяня (Yu-men-hien). Далѣе еще чрезъ 22½ геогр. мили (300 м.) на З. находится областной городъ Ан-си-фу (Ngan-si-fu) перваго разряда, а чрезъ 45 геогр. миль (600 м.) къ Ю. лежатъ города Ша-чжеу втораго — и Дунь-хуань-хянь (Toung-Houang-hien) — третьяго разряда. Песчаныя степи Кя-юй-гуаньскія, въ С.-З. углу Китая, идутъ доселѣ въ видѣ обширныхъ, безводныхъ, лишенныхъ растительности и необитаемыхъ пространствъ. Императоръ Кянь-лунь, по окончаніи завоеваній своихъ въ Средней Азіи, старался привести эти страны въ сообщеніе съ Китаемъ. Онъ водворилъ по сему на З., въ ближайшихъ отъ старой границы мѣстахъ, поселенцевъ, которые вскорѣ размножились и были подчинены особымъ начальникамъ. По ту сторону Ша-чжеу (на З.) песчаныя степи еще ужаснѣе чѣмъ по направленію къ Китаю: ихъ единственное произведеніе суть полупрозрачныя камни въ родѣ кремней (агаты, халцедоны, ониксы). Въ 67½ геогр. миляхъ (900 м.) на З. отъ Ан-си-фу лежитъ Хами.

2) Ша-чжеу (песчаный городъ), Дунь-хуань (Toung-choung) древнихъ временъ, Sachion у Марко Поло. Уже въ первомъ столѣтіи по Р. Хр. сей городъ, согласно съ вышеупомянутымъ совѣтомъ⁽²⁰⁾, сильно укрѣпленъ и снабженъ многочисленнымъ гарнизономъ, для отраженія нападений Хунь-ну. Трудность защиты этого, столь выдавагося на З., Китайскаго передоваго поста возбудила въ эти смутныя времена, чрезъ 100 лѣтъ⁽²¹⁾ новыя пренія; но и на этотъ разъ прежнія си-

(19) Timkowsky Voy. I. p. 384.

(20) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens. p. 125.

(21) Ibid. p. 108.

стема одержала верхъ, и городъ былъ удержанъ Китаю династію *Вэй* (Wei). Это постоянство политики вознаградилось въ блистательное время династіи *Танъ* (618 — 907), при которой Китай сталъ здѣсь твердою ногою, и отсюда удесят�рилъ скорость своихъ успѣховъ на Западѣ. Конечно этимъ самымъ были указаны заранѣе Монгольскимъ повелителямъ и ихъ войскамъ входы въ Китай съ Запада: *Чингисъ-ханъ* шелъ этою дорогою до границы Китая, который былъ раздѣленъ въ то время на Сѣверное и Южное царства (династій *Гинь* и *Сунь*). Это была единственная дорога, которою можно было проникнуть съ З. Царство *Хя*, которое онъ долженъ былъ здѣсь покорить прежде всего, было только временно отторгнутою частію великаго Китайскаго Государства, которое, будучи лишенное подпоры изъ *Тангута*, должно было пасть съ покореніемъ *Нинь-хя*.

Вокругъ *Ша-чжеу* (22) въ 1226 г. началъ *Чингисъ-ханъ* страшныя опустошенія свои въ *Тангутѣ*. Взятіе укрѣпленныхъ и лежащихъ далѣе на В. проходовъ при *Эциннѣ* и *Янь-гуанѣ*, обезпечило успѣхи его до самаго *Хухэ-нора*. Направляясь съ С. передовой отрядъ его еще прежде покорилъ гор. *Эцинэ*, лежащій при рѣкѣ того же имени, за стѣною къ С. отъ *Су-чжеу*, также ворота въ большой стѣнѣ — *Кя-юй-гуань*, значительные города *Су-чжеу*, *Гань-чжеу*, *Лянь-чжеу*, всю страну по правому берегу *Хуанъ-хэ* до *Линь-чжеу* (23), и наконецъ столицу царства *Нинь-хя*, вѣскольکو ниже по лѣвому берегу рѣки. Города защищались мужественно, но были всѣ взяты приступомъ, за исключеніемъ *Ша-чжеу*, самаго западнаго; поселяне были истреблены безъ милосердія и даже искавшіе убѣжища въ пещерахъ и горахъ не избѣгали смерти. Жители *Ша-чжеу* избѣгли истребленія какъ кажется хитростію. Еще въ томъ же столѣтіи городъ сей былъ посѣщенъ *Венеціанцомъ* *М. Поло*. Въ сочиненіи

(22) Hist. des Mongols par d'Olsson. II. p. 281; Lacroix hist. de Gengis-Khan p. 467. etc.

(23) Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IV. p. 117.

его городъ называется Sachion, безъ сомнѣнія по ошибкѣ перепищика, какъ замѣтилъ еще В. Марсденъ, ученый комментаторъ М. Поло. Его подробное описаніе города весьма поучительно, какъ единственное того времени; оно заставляетъ предполагать что здѣсь, на нагорьѣ, при выходѣ большой дороги изъ Си-юй, основалось весьма рано, сохранившаяся впоследствии подъ покровительствомъ монголовъ, колонія ламайскихъ духовныхъ лицъ. Въ XIII вѣкѣ ⁽²⁴⁾ она существовала несомнѣнно, какъ можно судить по степени благосостоянія края, обработки его, въ особенности по храмамъ и монастырямъ, которые здѣсь видѣлъ М. Поло. Нельзя сомнѣваться, говорить переводчикъ исторіи Монголовъ, что еще до Чингисъ-хана нѣкоторыя монгольскія поколѣнія, жившія ближе къ Тибету и Тангуту, были всѣ или частію поклонники Будды. Съ тѣмъ большею достоверностію можно заключить тоже о давнишнихъ поселенцахъ края, какъ напр. о жителяхъ Ша-чжеу, которые, по показанію М. Поло, говорили особымъ, слѣд. *различнымъ отъ монгольскаго* языкомъ. Какъ водворился здѣсь Буддаизмъ увидимъ вскорѣ ниже. Венеціанскій путешественникъ повѣствуетъ въ сущности слѣдующее:

Отъ озера *Лобъ* на В. до *Ша-чжеу* 30 дней пути. Дорога идетъ непрерывно *по ровнымъ песчанымъ степямъ или безплоднымъ скаламъ*. Пространство это называется пустынею *Лобъ* ⁽²⁵⁾. Проходя ее караваны должны снабдиться *всѣмъ необходимымъ* въ городѣ *Лобъ*, чтобы не погибнуть дорогою. Первый городъ который встрѣчается за пустынею, т. е. на В. отъ нея, есть *Ша-чжеу* ⁽²⁶⁾. Онъ находится въ области Тангутѣ, которой жители идолопоклонники; тамъ живутъ однакоже и Турки, немногіе Несторіанскіе христіане и даже Сарацины. Идолопоклонники говорятъ особымъ языкомъ: они живутъ не торговлею, но

(24) J. J. Schmidt въ *Seanang Seesten Gesch. d. Mongolen*. Petersb. 1829. 4. not. 43. p. 385.

(25) М. Polo ed Ramusio. II. c. 35. fol. 11. b.

(26) Ibid. c. 36. fol. 12.

сбытомъ плодовъ, воздѣлываемыхъ ими. У нихъ весьма много монастырей и *аббатствъ* (Monasterii et Abbatie), наполненныхъ идолами, которымъ приносятъ со многими обрядами и великимъ благоговѣніемъ жертвы, и которымъ посвящаютъ новорожденныхъ мальчиковъ. Это посвященіе и погребеніе умершихъ производится по указанію астрологовъ, опредѣляющихъ погоду, дни и мѣсяцы по положенію планетъ. Тѣло усопшаго сохраняется, смотря по обстоятельствамъ, или въ гробѣ, красиво выкрашенномъ съ растворомъ пахучаго гумми, канфары и другія спеціи, или въ смолѣ, или извести, или въ шелковыхъ тканяхъ, до часа, назначеннаго для сожженія и погребенія. М. Поло описываетъ подробно обрядъ похоронъ, обиліе поминальныхъ яствъ, сожженіе большаго количества бумаги изъ древесной коры, съ многочисленными изображеніями людей обоого пола, лошадей, верблюдовъ, одежды, денегъ и т. п.; все это со многими другими вещами имѣетъ назначеніемъ служить покойному въ другомъ мірѣ, и совершается при звукахъ шумныхъ инструментовъ ⁽²⁷⁾.

Какъ городъ лежитъ при входѣ въ великую степь Гоби, то понятно почему онъ получилъ у китайцевъ названіе отъ слова *Ша* — песокъ. Самая Гоби называется у нихъ *Шало* — песчанное море. Она подходитъ вплоть до Ша-чжеу, откуда часть, простирающуюся на Ю.-З., М. Поло называетъ пустынею Лобъ. Такимъ образомъ при обзорѣнн впроды *главныхъ массъ земли*, мы преслѣдуемъ здѣсь по справедливости юго-восточную окраину *высокой Гоби*, идущую постоянно въ одинаковомъ направленіи отъ С.-В. къ Ю.-З. Если предполагать, что буддѣйская вѣра проникла сюда послѣ опустошительныхъ Чингисъ-хановыхъ походовъ, то конечно можно было удивляться, что во времена М. Поло уже существовала такая многочисленная и устроенная колонія Ламайскаго духовенства. Хитрость, съ которою

(27) Ср. полныя примѣчанія къ сему въ Marsden M. Polo. Voy. p. 266—171.

городъ Ша-чжеу умѣлъ избавиться отъ нападенія завоевателя, заставляеть предполагать давнишнее, укоренившееся вліяніе іерархіи, и хотя мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о времени болѣе раннихъ буддійскихъ поселеній, однакоже нельзя сомнѣваться въ существованіи ихъ съ древнихъ временъ повсюду у западныхъ входовъ въ Китай. На замѣчательной картѣ⁽²⁸⁾, буддійскихъ миссіонеровъ (на которой обозначены по всей внутренней Азіи пути и станціи патріарховъ или основателей буддизма, направлявшихся уже съ древнихъ временъ отъ З. на В. до Китая), показанъ близъ западной границы Китая и Гань-су городъ *Ша-чжеу*, какъ первый для обширнаго *Си-юй* т. е. западныхъ странъ. Изъ поучительныхъ изслѣдованій исторіи Хотана знаемъ мы достовѣрно, что буддійская религія уже въ 400 г. до Р. Хр. изъ этого замѣчательнаго нагорнаго государства (т. е. Хотана), которое съ древнѣйшихъ временъ стояло въ связи съ сѣвернымъ Индостаномъ, черезъ посредство говорившихъ по санскритскихъ духовныхъ и учрежденія храмовъ, была перенесена во внутренность Шэньси на верхній Хуанъ-хэ отдѣльными посольствами⁽²⁹⁾, очень употребительными при династіи Цзинь (Tsin 307 — 509). Буддійская религія сдѣлалась, *этимъ путемъ, древнѣйшимъ мирнымъ звеномъ соединенія Китая съ Хотаномъ и внутреннимъ Индустаномъ*. Изъ хроники Фо видно, что путь Хотанскихъ миссій направлялся къ С. до Турфана и Хами⁽³⁰⁾ постоянно на Лобъ-норъ (чрезъ усилившееся въ то время царство Шань-шань, Shen-Shen), и оттуда чрезъ Ша-чжеу въ Китай. Всѣ восточныя буддійскія колоніи въ первыя столѣтія ихъ существованія получали изъ многочисленныхъ Хотанскихъ монастырей (Кя-лань — Kia-Lan), которыхъ считалось до 100, священныя книги, духовныя наставленія и мускусь, употребляе-

(28) Оригиналъ карты см. Wo-Han-San-Thsai-Thou Hoei, т. е. японская энциклопедія. Lib. XLV. p. 33; у А. Remusat въ Notic. et extr. T. XI. 1827. p. 347. и Klaproth. Mém. relat. á l'Asie. T. II. p. 411.

(29) См. Ab. Remusat Hist. de la ville de Khotan. Paris 1820, 8 p. 41, 36.

(30) Gaubil Hist. des Thang въ Mem. conc. l'hist. de la Chine. T. XVI p. 390.

мый при священнодѣйствіяхъ. Подъ покровительствомъ династїи *Тань* (царств. съ 618 — 907) переселеніе духовныхъ приняло такіе размѣры, что возбудило даже гоненія завистливыхъ мандариновъ и ученыхъ въ Китаѣ, и что въ 710 г. было сдѣлано представленіе императору ⁽³¹⁾ о приостановленіи растраты государственной казны на воздвиженіе безчисленнаго множества идоловъ и храмовъ, и уменьшеніи числа духовныхъ на 12,000. Это мирное время царствованія сильной династїи *Тань*, въ которое торговля и караванныя сношенія съ западными странами получили полное развитіе и прочность ⁽³²⁾, должно было въ особенности содѣйствовать, при вѣротерпимости и стараніи тогдашнихъ государей, къ доставленію свободнаго доступа западнымъ *вѣстникамъ міра*. Императорская столица не была еще тогда ни въ Пекинѣ, ни въ Нанкинѣ, а на С.-З. Имперіи, въ Си-ань-фу (Singan-Fu), тогдашнемъ Чань-ань (Tchan-Ngan, древней резиденціи Шы-хуань-ди), близъ верховьевъ Хуань-хэ, а слѣд. весьма недалеко отъ входа въ западный проходъ. Государя *Таньской* династїи сдѣлались покровителями не только служителей *Фо* (буддистовъ) ⁽³³⁾, но и персидскихъ огнепоклонниковъ, послѣдователей маговъ (*Му-хоабъ* у Китайцевъ, т. е. *Мобеды*) ⁽³⁴⁾, съ того времени какъ послѣдній изъ Сассанидовъ *Газдеирдъ*, изгнанный Арабами, нашелъ себѣ убѣжище въ Западныхъ странахъ Китая. Они не менѣ покровительствовали пропавшимъ сюда одновременно миссіямъ *Несторіанскихъ христіанъ*, а нѣкоторые изъ государей сдѣлались можетъ быть и усердными послѣдователями ихъ ученія. Многіе Китайцы были тогда поклонниками *Фо* и остались ими до позднѣйшихъ временъ. Въ 635 году упоминается о первой миссіи христіанскаго священника Олопена, который, прибывъ изъ государства Великихъ *Цинь* (*Да-цинъ*, т. е. изъ восточной Византійской Имперіи), при-

(31) Gaubil Ibid. Т. XVI. p. 4. cf Klaproth Tab. hist. p. 220.

(32) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 216.

(33) Gaubil въ пр. с. XVI. p. 7, 101, 161.

(34) Gaubil въ пр. с. XVI. p. 238 not. и Klaproth. Tabl. histor. p. 220.

несъ этимъ путемъ христіанское ученіе въ Шэнь-си и, принятый тамъ благосклонно, основалъ въ столицѣ, какъ говорить преданіе, первую ⁽³⁵⁾ христіанскую церковь.

Эти отношенія не только появлялись въ извѣстные моменты, но продолжались и получили многостороннее развитіе въ теченіи трехъ столѣтій, съ VII до начала XV вѣка, подъ покровительствомъ Танской династіи, могущество которой въ послѣднее время конечно приходило постепенно въ упадокъ. Великая *поперечная* дорога чрезъ Азію сдѣлалась такимъ образомъ миссіонерскимъ путемъ для *Буддистовъ, Маговъ и Несторіанцевъ*, (по изгнаніи Монголовъ изъ Китая при династіи Минъ въ XIV столѣтіи, точно такъ и для *Магометанъ*, которые вытѣснили прочихъ) ⁽³⁶⁾. Миссіонеры эти не только пріобрѣтали послѣдователей въ Китаѣ, но и на всемъ пути туда, гдѣ тому благоприятствовали станціи. Такимъ образомъ рассказы Марко-Поло не могутъ болѣе считаться вымысломъ, неимѣющимъ вѣроятія, какъ прежде, ибо *внутренняя* связь этихъ великихъ событій сдѣлалась намъ достовѣрно извѣстною изъ туземныхъ источниковъ. Событія эти должны войти важными звѣнами въ ряды великихъ историческихъ фактовъ, которые съ своей стороны также споспѣшествовали къ поднятію народовъ средней Азіи до настоящей ступени ихъ культуры, и которые не могутъ быть болѣе оставлены безъ вниманія, какъ всемірною исторіею, такъ и этнографіею. Этими событіями была установлена первая духовная связь между *Западомъ* и отдаленнѣйшимъ, донинѣ малоизвѣстнымъ *Востокомъ*, до болѣе благоприятныхъ и можетъ быть не столь отдаленныхъ временъ.

3.) Кя-юй-гуань (Kia-yu-Kouan), Юй-мынь (Yu-Men) древнѣйшихъ временъ: такъ называются крайнія ворота на западномъ концѣ Великой стѣны по дорогѣ въ *Хами*— *ворота Юй*. Камень Юй заступаетъ почти, въ понятіяхъ Китайца, по цѣнно-

(35) Ab. Remusat *Melanges Asiat.* T. I p. 37; Klaproth *Tabl. histor. de l'Asie* p. 217. Not.

(36) Gaubil *Mem. conc. l. c.* p. 320.

сти своей алмазь. Кя-юй-гуань есть первое мѣсто, которымъ съ древнѣйшихъ временъ начиналась провинція Шань-си (нынѣ Ганьсу) или собственно Китай. По опредѣленію Іезуитовъ оно находится подъ $39^{\circ} 48' 20'$ сѣв. шир. и $17^{\circ} 37' 45''$ зап. долг. отъ Пекина, т. е. $96^{\circ} 24' 15''$ вост. долг. отъ Парижа. Въ настоящее время это есть пограничная крѣпость. Она называлась вѣкогда Юй-мынь (Yu-Müen), но ее не надо смѣшивать, какъ замѣчаетъ Дегинь⁽⁸⁷⁾, съ болѣе западнымъ проходомъ того же имени, который лежитъ ближе къ Ша-чжеу, и о которомъ упоминается въ Китайскихъ лѣтописяхъ всегда вмѣстѣ съ проходомъ Янь-гуань. Въ сохранившемся отчетѣ о посольствѣ Шах-Рока (1419) изъ Герата въ Китай Кя-юй-гуань называется карауломъ⁽⁸⁸⁾, или крѣпостью, постановленною въ горахъ, такъ что она двумя воротами внутрь и наружу, совершенно запираетъ проходъ. Эти ворота въ Шань-си именуются *Юй-мынь-хянь* еще на новѣйшей картѣ⁽⁸⁹⁾, которая составлена по распоряженію главноначальствоваваго китайскими войсками противъ мятежниковъ въ Или (1826), для объясненія Пекинскому двору театра войны въ западной Татаріи, и показаны на сей картѣ подъ $17^{\circ} 50'$ зап. долг. отъ Пекина, т. е. $96^{\circ} 12'$ вост. долг. (*) отъ Парижа; эта крѣпость на границѣ государства была въ 1826 г. сборнымъ пунктомъ для великой китайской арміи, назначенной для подавленія послѣдняго мятежа на С.-З. въ Или; точно такимъ же образомъ, въ прошломъ столѣтіи, въ правленіи Кянь-луна (въ 1754 г.), таже крѣпость *Кя-юй-гуань* слѣдалась для всѣхъ его войскъ сборнымъ пунктомъ для покоренія и уничтоженія возмущившихся Чжунгаровъ. Проходъ

(87) Deguignes Gesch. d. Mongolen I. p. 12.

(88) Ambassade de Shah-Rokh, fils de Tamerlan au Khatai въ Thevenot Relations de voy. Paris. 1696. T. II. fol. 3.

(89) Asiatic Journal. Lond. 1826. Vol. XXIV. p. 39.

(*) Крѣпость Кя-юй-гуань (Цзя-юй-гуань) на большой картѣ Кланрота означена въ меридіанѣ $96^{\circ} 12'$ вост. долг. отъ Пар. и въ паралели $39^{\circ} 30'$ верстахъ въ 30 отъ Су-чжеу, г-дѣ Юй-мынь-хянь въ меридіанѣ $95^{\circ} 12'$ подъ 40° с. шир. слѣдовательно у Риттера здѣсь смѣшаны двѣ различныя мѣстности. *Пр. Пер.*

Кя-юй-гуань, проложенный въ *первый* разъ во 2-мъ году по Р. Хр. ⁽⁴⁰⁾, долженъ былъ, по положенію своему на западной оконечности Шань-си (нынѣ внутр. пров. Гань-су), имѣть и съ древнѣйшихъ временъ такое же значеніе, чему содѣйствовало безъ сомнѣнія и близкое сосѣдство расположеннаго за стѣною города Су-чжеу ⁽⁴¹⁾. Изъ того что будетъ сказано ниже сдѣлается весьма вѣроятнымъ, что какъ сіи *внутреннія*, такъ и тѣ *крайнія* западныя ворота (*) получили наименованіе Юй отъ драгоценнѣйшаго у Китайцевъ камня, который могъ быть имъ привозимъ въ видѣ лавы и на продажу только чрезъ эти ворота. Откуда можетъ быть и происходить этотъ эмфатическій титулъ западнаго входа въ имперію.

Мы не имѣемъ никакихъ новѣйшихъ, болѣе точныхъ показаній очевидцевъ о рядѣ слѣдующихъ за тѣмъ и поименованныхъ выше крѣпостей въ великой стѣнѣ Лянъ-чжеу, Гань-чжеу и Су-чжеу, а потому ограничимся приведеніемъ путешествія китайскаго посланника Чжанъ-хуанъ-ль (Tschang-Khuang-Ye) ⁽⁴²⁾, который въ 940 г. отправленъ былъ, въ сопровожденіи 60 Китайцевъ, къ князю Хотанскому, для врученія ему диплома на титулъ Вана (Rex). Сей путешественникъ знакомитъ насъ съ здѣшними обстоятельствами до Чингисъ-ханова всесокрушительнаго нашествія и до прибытія въ эти страны Марко Поло.

Изъ Лянъ-чжеу (къ Ю.-В. отъ Нинъ-хя) посольство направилось чрезъ Хуанъ-хэ, поперегъ выдающагося здѣсь къ Ю. угла хотя уже не столь широкой, но еще весьма негостепріимной песчаной степи, которая далѣе къ З. называлась *черною дороюю*, и, составляя полосу въ 30 геогр. миль ширины (400 лв), служила мѣстомъ кочевья разныхъ ордъ. Это названіе тождественно съ названіемъ *черная жила*, весьма употребительнымъ для

(40) *Magasin Asiatique. Relations des troubles de la Dzonngarie* T. II. p. 191.

(41) *Visdelou Supplem. Bibl. or. fol. 135.*

(42) *Al Remusat, Hist. de la ville de Khotan* Paris 1820. 8. p. 75—79.

(*) Въ имени западныхъ воротъ Юй пишется другимъ знакомъ, и для нихъ эта этимологія несправедлива. *Пр. Пер.*

обозначенія самыхъ бесплодныхъ частей Гоби. Переправясь чрезъ степную рѣку *Бэй-т'инь* (Pe-Thing), текущую къ С. (*), достигли *Лянъ-чжеу*. Отсюда еще 37 геогр. миль (500 ли) разстоянія до Гань-чжеу, гдѣ было тогда становище Туркскихъ ордъ (Хой-ху). Въ горахъ къ Ю. отъ Гань-чжеу, въ разстояніи 14 часовъ (100 ли), былъ, замѣчаетъ китайскій генералъ⁽⁴³⁾, главное пребываніе *Юэ-чжэй*, отброшенныхъ на З., отъ которыхъ, продолжаетъ онъ, совершенно различны по племени — *Ша-то*, настоящіе обитатели, происходящіе изъ лѣсныхъ оленьихъ горъ. Это поколѣніе Турковъ-*Шатосцевъ* переселилось сюда съ З. отъ Лобъ-нора только въ 808 г.⁽⁴⁴⁾ по Р. Хр., и при династіи *Гань* какъ храброе войско размѣщено отсюда внизъ по Хуанъ-хэ до Ху-ху-хотоня, для защиты границы Шэнь-си отъ сѣверныхъ Татарскихъ народовъ. Прибывъ въ Лянъ-чжеу, въ числѣ 10,000 человекъ, они были приняты здѣсь съ почестью и размѣщены отсюда по отведеннымъ имъ стоянкамъ. Весьма важно различіе, дѣлаемое путешественникамъ между *туземными древнѣйшими* Таугутскими обитателями страны и *позднѣйшими* Туркскими *пришельцами*.

Отъ Гань-чжеу, идя далѣе на З., продолжаетъ путешественникъ, вступаешь въ каменную пустыню, гдѣ нѣтъ воды, и куда поэтому необходимо брать съ собою запасъ ея. Дабы лошади не скользили на каменномъ грунтѣ, снабжаютъ ихъ деревянными подковами, которыя укрѣпляются къ копытамъ посредствомъ четырехъ отверстій въ копытѣ; верблюдамъ же обвязываютъ ноги въ бычачьи шкуры. Такимъ образомъ, пройдя 37 г. миль (500 ли), достигаютъ города Су-чжеу, гдѣ находится переправъ ачрезъ золотую рѣку (не Ту-лай-хэ ли?) (**). Пройдя еще

(*) Эта рѣка есть вѣроятно нынѣшняя Да-хэ (Ta-ho), теряющаяся на С. за стѣною въ озерѣ Хара-норъ (Hara-Nor). См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. 1830.

(43) Hist. de Khotan. p. 76.

Пр. Пер.

(44) Gaubil Hist. des Thang XVI. p. 156.

(**) Безъ сомнѣнія Т'у-лай-хэ, одна изъ двухъ составныхъ рѣкъ Джунно-гола, вытекающая изъ сѣвернаго хребта Нань-шаня. См. Klaproth carte de l'Asie centr. etc. 1836. — Пр. Пер.

7¹/₂ геогр. миль (100 ли) вступаютъ въ *Небесныя ворота*, и наконецъ на такомъ же разстояніи къ З. въ проходъ, называемый *яшмовыми воротами* ⁽⁴⁵⁾: *Кя-юй-гуань*, или собственно *ворота Юй*, по драгоценной восточной яшмѣ или нефриту, который, будучи добывается только въ центральной Азіи, могъ быть привозимъ съ З. лишь черезъ эти ворота, въ видѣ дани, или какъ нибудь иначе изъ Хотана.

За тѣмъ путь лежалъ все вдоль границы страны Тибетцовъ, называвшейся тогда царствомъ *Турфань*. Мужчины этого народа носили въ Х вѣкѣ шапки подобно Китайцамъ, а женщины вплетали въ косы жемчугъ, котораго лучшія зерна цѣною равнялись цѣнѣ лошади.

Далѣе на З. слѣдовали: Гуа-чжеу и за нимъ Ша-чжеу, первый нѣсколько къ Ю. отъ втораго; два города, въ которыхъ жило тогда много Китайцевъ, вышедшихъ съ правителемъ своимъ навстрѣчу посольству, чтобы осведомиться о состояніи здоровья китайскаго императора — Сына Неба, *Тянь-цзы* (отсюда *Tian-Sa*, *Tien-Tse*, даже *тайссаи* — титулъ императора у греческихъ писателей) ⁽⁴⁶⁾; за симъ описывается путешествіе еще далѣе на З. по *болѣе южной* и нынѣ менѣе посѣщаемой дорогѣ, чѣмъ та которая идетъ на Хами, Турфань, Аксу, прямо въ Хотанъ и, какъ увидимъ ниже, столь же поучительна относительно тамошнихъ мѣстностей, какъ относительно здѣшнихъ. Мы оставляемъ здѣсь это путешествіе и возвращаемся къ ближайшему разсмотрѣнію мѣстныхъ обстоятельствъ поименованныхъ выше городовъ.

4) *Су-чжеу* (*Succuir* у М. Поло; *Секіу* или *Сокіу* у Шахарока, *So-Cieü* у Бенедиктинца Гоёса) называли въ древнія времена *Цю-цюань* ⁽⁴⁷⁾ (*Tsieuou-Tsioüan*) — *винный источникъ*, имя присвоенное и всей окрестной области отъ источника, или ключа,

● (45) Ab. Remusat Recherches sur la Pierre Ju et sur le Jaspe des Anciens p. 120—239 и Hist. de Khotan. p. 77.

(46) У Theophil Simocatta a. 610. См. Journ. Asiat. T. VIII. 1826. p. 227.

(47) Ab Remusat Rem. sur l'extens. p. 117.

имѣющаго винный вкусъ ⁽⁴⁸⁾ (*). О расширеніи западной границы до сего мѣста за 100 лѣтъ до Р. Хр. была уже рѣчь выше. Весьма вѣроятно, что этотъ, имѣющій винный вкусъ, а потому безъ сомнѣнія превосходный источникъ былъ здѣсь въ проходной странѣ, гдѣ много соленыхъ ключей и гдѣ прѣсная вода такъ драгоцѣнна, немаловажною причиною къ основанію уже въ древнѣйшія времена перваго пограничнаго города; уже въ послѣдствіи городъ получилъ значеніе важнаго складочнаго мѣста и важной станціи для торговыхъ каравановъ и посольствъ, шедшихъ съ З. Какъ сношенія съ болѣе образованными западными Туркскими странами были важнѣе сношеній съ южными Тангуты-тибетскими землями, то и Су-чжеу въ исторіи важнѣе Си-нива, находящагося въ одинаковыхъ обстоятельствахъ относительно входовъ въ имперію.

Мы имѣемъ три разсказа, поучительные и важные для исторіи Су-чжеу и западнаго прохода; именно: *Марко-Поло*, изъ цвѣтущаго времени монгольскаго владычества въ концѣ XIII вѣка; посольства *Шаха-Рока* въ 1419 году, и иезуитскаго патера *Бенедикта Гоеса* въ 1606, уже послѣ изгнанія Монголовъ изъ Китая династіею Минъ. Изъ позднѣйшаго времени Маньчжурскаго владычества, съ половины XVII столѣтія, Іезуиты не сообщали болѣе точныхъ и удовлетворительныхъ свѣдѣній.

М. Поло называетъ Succuig какъ городъ, такъ и область, въ которой находились многіе другіе города и крѣпостцы. Жители были тогда почти всѣ идолопоклонниками, и только нѣкоторые изъ подданныхъ великаго монгольскаго Хана исповѣдывали христіанство. Область принадлежитъ съ нѣкоторыми другими къ *Тангуту*; она весьма гориста, и производитъ ремень. Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, не ве-

(48) Deguignes Gesch d Nippen. T. I. p. II.

(*) По объясненію Отца Іакинва *Цю-цзюань* есть названіе собственно области, открытой въ 121 по Р. Х. и переименованной въ 581 въ округъ *Су чжеу*. Правленіе постоянно находилось въ г. *Су-чжеу*. Свѣд. о нар. обит. въ средней Азіи. Ч. III, геогр. указатель стр. 90. — *Пр. Перев.*

дуть торговли, и имѣютъ, говорить благородный Венеціанецъ, смуглый цвѣтъ.

Какъ изъ этого описанія, такъ и изъ рассказа о китайскомъ посольствѣ въ 940 по Р. Хр. не видно, чтобы это мѣсто имѣло тогда ту важность, какую оно получило впоследствии. При покореніи сей страны Чингисъ-ханомъ упоминается объ этомъ городѣ (Цзю-чжеу)⁽⁴⁹⁾ въ числѣ тѣхъ, которые не оказали особаго сопротивленія; между тѣмъ какъ сосѣдній Гань-чжеу былъ занятъ только послѣ сильнаго приступа. Отсюда и изъ ниже-слѣдующаго ясно, что это мѣсто сдѣлалось значительнымъ уже при династіи Минъ (1341—1628). Въ маршрутѣ Пеголетти (1335 г.) оно вовсе не упоминается, между тѣмъ какъ далѣе приведена ближайшая станція Гань-чжеу (Сатехи у Пегол.)⁽⁵⁰⁾, если не принимать эту Сатехи, по предположенію Форстера, за Хами (Хами-чжеу?)⁽⁵¹⁾. Посольство *Шаха-рока*, сына Тамерлана, изъ Герата, отправясь на *Хами*, достигло также до этого пограничнаго города владѣній Минской династіи, называемаго посольствомъ *Секгю* (Су-чжеу). Въ сіи времена распространенія власти Тимуридовъ, китайскій домъ Минъ потерялъ все свое вліяніе на Западѣ. Сначала онъ владѣлъ еще этимъ западнымъ театромъ войны, какъ видно изъ того, что, при полученіи въ Китаѣ извѣстія о приближеніи Тимура, было дано повелѣніе, привесть въ оборонительное положеніе всѣ проходы, дефилеи и крѣпости отъ Самарканда до Шэнь-си. Послѣ побѣдъ сего завоевателя Китайцы ограничились⁽⁵²⁾ на Э. защитою собственно области Шэнь-си; отсюда уже не были посылаемы гарнизоны въ Хэ-си (т. е. на Э. отъ Хуань-хэ); Ша-чжеу и Хухэ-норъ были совершенно оставлены; только Гань-су была занята; ворота Кя-юй сдѣлались пограничнымъ пунктомъ и стороже-

(49) Mailla Hist. de la Chine T. IX. p. 117.

(50) Fr. Balducci Pegoletti Itin. въ Sprengel Gesch. geogr. Entd. 2 Aufl. p. 239.

(51) J. R. Forster Gesch. d. Entdeckungen im Norden. 8. 1784. p. 189.

(52) Ab. Remusat Remarq. s. l'extens. p. 71.

вые, передовыя войска Китайцевъ не доходили во всякомъ случаѣ далѣе Ша-чжеу, т. е. до границы Гоби.

Такъ было во время прибытія сюда Мухамеданскаго *Шаха-Рокова посольства*, главою котораго былъ *Шади-ходжа*. При посольствѣ находился князь *Улугъ-бей* ⁽⁵³⁾, меценатъ астрономовъ; веденіе точнаго дневника было поручено любознательнымъ Шахомъ живописцу *Ходжа-гайтъ-эддину*. На границѣ Гоби, у города, котораго имя не упоминается (это былъ Ша-чжеу), посольство было привѣтствовано Китайцами, которымъ было поручено приготовить для него палатки, снабдить его птицею, свѣжими овощами и фруктами разнаго рода, подаваемыми на фарфоровой посудѣ, и дать здѣсь, въ песчаной степи, такія пиршества, которыя не уступали бы столичнымъ. Столы, говорить повѣствователь, были здѣсь украшены древесными вѣтвями, и послѣ кушаньевъ подавали крѣпкіе напитки. Тѣмъ не менѣе не была упущена полицейская мѣра точной переписи, по присяжнымъ показаніямъ, свиты каждаго отдѣльнаго посла (ихъ было 5, а спутниковъ ихъ 510). Списокъ надлежало отправить ко двору. За тѣмъ, по повелѣнію императора, иностранные послы были блистательно угощаемы пограничнымъ губернаторомъ, нѣкимъ Данъ-ги, въ лагерь его. Пиршество это, описываемое подробно, замѣчательно по чрезвычайной роскоши, которая была показана здѣсь, на границѣ пустыни. Самое мѣсто пиршества было обставлено шпалеромъ солдатъ въ видѣ квадрата; но средиѣ, но нѣсколько налѣво, подобно сердцу въ тѣлѣ, служашему у Китайцевъ символомъ справедливаго владыки, стояла палатка, въ которой какъ бы присутствовалъ невидимо императоръ; столы были уставлены кушаньями и сладостями; а буфеты — вазами, фарфоромъ, серебряною посудою, украшены цвѣтами, разноцвѣтными бумагами и шелкомъ; кругомъ стояли хоры музыкантовъ. Маски, изображавшія животныхъ, исполняли танцы;

(53) *Embassade du Schah Rokh fils de Tamerlan etc. à l'Emp. des Khatai* въ *Thevenot. Relat. d. div. voy. T. II. Paris. 1636. Nouv. ed. Paris. IV. fol. 2.*

мальчики, красивые какъ день, наливали напитки и обносили корзины съ каштанами, орѣхами, лимонами, съ особымъ образомъ приготовленнымъ лукомъ, дынями, жужубами и другими фруктами. Къ удивленію многочисленнаго собранія въ заключеніе приведенъ въ движеніе огромный механической аистъ съ сидящимъ на немъ ребенкомъ; онъ ходилъ кругомъ подъ тактъ музыки, кивалъ головою и дѣлалъ столько искусственныхъ движеній, что всѣ зрители пришли въ изумленіе. Этимъ была оказана большая вѣжливость Магометанамъ, у которыхъ аистъ считается священной птицею, и вѣжливость безъ сомнѣнія для нихъ неожиданная въ пустынѣ, столь замѣчательной уже тогда по своей цивилизаціи.

Отсюда посольство направилось на ворота и крѣпость *Карауль* (Юй-мынь) къ Секъ-чю (Сокиу, т. е. Су-чжеу), до которой достигло въ 10 дней. Здѣсь оно было помѣщено въ большомъ общественномъ зданіи, подъ городскими воротами; въ каждой отдѣльной квартирѣ уже были приготовлены тюфяки и жизненные припасы. Было дано повелѣніе снабжать даже служителей посольства на каждую ночь тюфяками и шелковыми одѣялами. Охраненіе того же посольства приняли на себя Китайцы, которые сосчитали и записали всѣ вещи. Вотъ описаніе сего *пограничнаго* въ то время города ⁽⁵⁴⁾. Онъ былъ выстроенъ квадратомъ, съ 16 одинаковыми базарами, каждый въ 50 локтей длины и ширины, всѣ они были снабжены обильно водою и выметались чисто. Во всѣхъ домахъ содержались свиньи (какъ извѣстно любимѣйшее домашнее животное Китайцевъ, но поганое для Магометанъ). Въ базарахъ открытыя галереи были заняты лавками, наполненными товарами; входомъ служила хорошо построенная и красиво расписанная зала. Городскія стѣны были фланкированы крытыми башнями, построенными на разстояніи каждая въ 20 шаговъ. Городъ былъ выстроенъ квадратомъ, съ каждой стороны котораго было четверо воротъ;

(54) Thevenot I. c. fol. 3 и 4.

если смотрѣть на нихъ прямо, то они казались весьма близкими одни отъ другихъ, но въ дѣйствительности между ними было значительное разстояніе. Надъ каждымъ воротами былъ павильонъ въ два этажа, съ крышею въ видѣ ослиной спины (слѣдовательно крутою какъ въ готической архитектурѣ, а не плоскою, какія строятся въ Персіи), по обычаю Китайцевъ, говоритъ составитель дневника, подобно крышамъ, встрѣчаемымъ въ Мазандеранѣ, но съ тою разницею, что послѣднія состоятъ изъ безцвѣтныхъ кирпичей, а у Китайцевъ — изъ фарфоровыхъ изразцовъ. Многіе храмы съ идолами занимали значительныя пространства въ городѣ, всѣ они были содержимы въ большой чистотѣ, и вымощены глазированнымъ кирпичемъ, блестящимъ какъ драгоценныя камни. У входа храмовъ встрѣчаютъ иностранцевъ пріятливо красивые мальчики, которые показываютъ достопримѣчательности. Таковъ первый пограничный городъ Китайскаго государства, находящійся въ 99 дняхъ пути отъ столицы (Ханъ-балыкъ, т. е. Пекина). Страна по дорогѣ туда весьма населена; каждый вечеръ останавливаешься въ большомъ городѣ. Въ каждый день пути встрѣчаешь нѣсколько *Каргу* и *Кидифу*, или сторожевыхъ башенъ, служащихъ телеграфическою линіею. На Кидифу, вышиною каждый въ 60 локтей, находятся постоянно караулы, которые видятъ съ одного маяка или Каргу, другой, и при первомъ приближеніи непріятеля зажигаютъ огни, служащіе извѣстіемъ слѣдующему посту. Такимъ образомъ, въ теченіи *одного дня и одной ночи*, вѣсть переходитъ до столицы пространство, составляющее *три мѣсяца* (?) пути; писанная депеша, заключающая въ себѣ подробности вѣсти, передается изъ рукъ въ руки скороходами отъ одного кидифу до другаго, до столицы. Одинъ кидифу отъ другаго находится на разстояніи 10 мерре (которыхъ 16 въ одной парсагѣ); караулы при нихъ поселены постоянно, а при каргу смѣняются каждые 10 дней.

Это замѣчательное извѣстіе показываетъ что здѣсь, со временъ М. Поло, по изгнаніи Монголовъ, произошла большая

перемѣна. Національная Китайская династія *Минь* поощряла въ Су-чжеу эту *китайскую колонизацію*, воздвигла въ обширныхъ размѣрахъ сей пограничный китайскій городъ на защиту имперіи, и предназначала его въ *складочное мѣсто* для торговли съ *западными* странами. Покровительствованные здѣсь прежде послѣдователи ламайскаго ученія, которыхъ М. Поло могъ отнести къ числу идолопоклонниковъ, были вытѣснены китайскими поселенцами, распространившими здѣсь и домашнихъ животныхъ своихъ — свиней, и мелочную торговлю свою. О христіанахъ нѣтъ уже болѣе рѣчи: ибо вскорѣ магометанское торговое сословіе получаетъ здѣсь перевѣсъ, къ чему безъ сомнѣнія способствовало посольство Шаха Рока.

Путешествіе Патера Бенедикта де Гоесъ, совершенное въ 1606 г., почти двѣсти лѣтъ спустя, во время начавшагося упадка Минской династіи, подтверждаетъ это вполнѣ. На этого неустрашимаго члена іезуитской миссіи въ Индустанѣ, прожившаго долгое время при дворѣ Великаго Могола Акбара на р. Гангѣ, и близко знакомаго съ языками и нравами Востока, было, при постоянномъ стремленіи ордена распространить вліяніе свое и на жителей знаменитыхъ странъ *Хины* и *Катаи*, возложено трудное порученіе — открыть и изслѣдовать *въ то время совершенно неизвѣстный путь изъ Индіи на Кабулъ, Кашгаръ, Ярканъ, Аксу, Хамуль въ Китай*. Онъ сдѣлалъ немаловажное для того времени *совершенно новое открытіе*, что страна, извѣстная въ западной Азіи подъ именемъ *Катаи*, тождественна со страной, сдѣлавшеюся тогда только что извѣстною съ восточной, морской стороны подъ именемъ *Хина*, что *Катайцы* и *Хины* одинъ народъ, и что столица ихъ *Камбалу* есть *Пекинъ*, и что онъ, изслѣдовавъ *Катаи*, былъ въ *Хинь*. Ему удалось дѣйствительно проникнуть въ *три года изъ Лагора къ Су-чжеу*, гдѣ его однажды постигла смерть. Веденный имъ подробный дневникъ къ сожалѣнію утратился; но замѣтки спутника его, армянина *Исаака*, были сохранены Пекинскою миссіею, и обнаружены въ

исторіи іезуитской миссії соч. Триго (Trigault). Въ нихъ заключаются слѣдующія свѣдѣнія о Су-чжеу.

П. Б. Гоесъ прибылъ изъ Хамула (т. е. Хами) въ десять дней къ воротамъ *Кя-юй-гуань* (Chiaicuoan у Гоеса) ⁽⁵⁵⁾, гдѣ онъ, со всѣмъ магометанскимъ караваномъ изъ Кашгара, долженъ былъ ожидать въ теченіи 25 дней разрѣшенія пограничнаго губернатора на впускъ чрезъ Великую стѣну въ Китайскую имперію. Чрезъ день пути достигъ онъ до города *Су-чжеу* (Sociéu у Гоеса), гдѣ онъ, изъ непрерывныхъ разговоровъ о Пекинѣ, убѣдился, что здѣсь начало Китая. Въ укрѣпленныхъ пограничныхъ городахъ *Гань-чжеу* (Cансеu въ Scep-Si у Гоеса) и *Су-чжеу* имѣли пребываніе два губернатора или вице-короля, имѣвшіе подъ начальствомъ сильныя, отборныя гарнизоны къ границѣ государства и получавшіе повелѣнія непосредственно отъ императорскаго двора ⁽⁵⁶⁾ въ Пекинѣ. *Су-чжеу* былъ раздѣленъ на двѣ части: на *китайскій* городъ, гдѣ жили только Китайцы (Катайцы, какъ называли ихъ Сарацины) и *сарацинскій* городъ, гдѣ находились и сходились поселенцы изъ Кашгара, купцы и инородцы изъ Си-юй, т. е. западныхъ странъ. Многіе изъ послѣднихъ, неимѣвшіе желанія возвращаться въ свое отечество, поселились здѣсь съ женами и дѣтьми, подобно Португальцамъ въ провинціи Кантонской въ Макао (Амасай); но съ тѣмъ различіемъ что Португальцы сохраняютъ свои законы и своихъ судей; Сарацины же въ Су-чжеу, по замѣчанію Гоеса, управляются Китайцами. На ночь запирали ворота ихъ города, но днемъ ихъ ни чѣмъ не различали отъ Китайцевъ. Кто такимъ образомъ прожилъ дѣто, тотъ, по существующему закону, считается принявшимъ подданство, и не имѣетъ болѣе права оставить страну.

Вся страна между пустынями Хамулской и Турфанской до Китайской границы, и самыя пустыни были тогда подвер-

(55) Nicolaus Trigantius de christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Soc. Iesu ex P. Matth. Riccii et Soc. commentariis libri V. etc 4.; August. Vindelic. 1615. libr. V. c. X. XI et XII. p. 344 — 368.

(56) N. Trigault de chris. Exp. p. 360.

жены нападеніямъ Татарскихъ разбойничныхъ ордъ (безъ сомнѣнія Монгольскихъ), такъ что караваны подвигались впередъ въ величайшемъ страхѣ, днемъ озирали съ горъ окрестности, а ночью подымались въ дальнѣйшій путь, наблюдая тишину, чтобы не быть замѣченными.

Близъ дороги находили вездѣ кости убитыхъ. Тѣмъ не менѣе изъ западныхъ странъ приходитъ значительное число Сарациновъ, по чрезвычайной выгодности торговли. Самъ Гоесъ повстрѣчалъ еще прежде, до прибытія своего въ Турфанъ и въ Хами, сарацинскій караванъ, возвращавшійся изъ Китая, а въ Су-чжеу еще другой, который былъ въ самомъ Пекинѣ, и сообщилъ ему первыя вѣрныя вѣсти о братьяхъ его по ордену, находившихся въ столицѣ, при императорскомъ дворѣ. Путешественники сіи, выдавъ себя за иностранное посольство, были помѣщены въ одномъ императорскомъ дворцѣ съ иезуитами, и пробыли съ ними нѣкоторое время.

Эти караваны, говоритъ *П. Бен. Гоесъ*, приходящіе съ Запада, часто выдумываютъ подобныя посольства, слѣдуя древнему обычаю, со временъ Т'анской династіи, при которой чрезъ каждые 6 лѣтъ являлось къ престолу сына Неба, отъ подвластныхъ Китаю въ западномъ краѣ князей и вассаловъ (титулъ ихъ *Цзи-ми*), до 72 посланниковъ, привозившихъ въ знакъ подчиненности дань, преимущественно изъ *Юй* (яшма или нефритъ), и другихъ драгоценныхъ камней и разныхъ произведеній своей страны; за что они были снабжаемы конвоемъ, и всѣ издержки ихъ путешествія отъ границы до столицы и обратно принимались на счетъ казны. Когда *Минская* династія совершенно утратила вліяніе имперіи на Западъ, вслѣдствіе усилившаго могущества Тимуридовъ, посольства эти сдѣлались фарсомъ. Такъ называемая дань была собственно подаркомъ, льстившимъ тщеславію китайскихъ императоровъ, но стоившимъ имъ весьма дорого, какъ по цѣнѣ обратныхъ подарковъ, такъ и по разнымъ обязательствамъ, которые принимало на себя правительство. Главною приманкою симъ посольствамъ служилъ выгодный

сбыть лучшаго, прозрачнаго, разноцвѣтнаго восточнаго нефрита или камня *юй*, который составлялъ предметъ особой охоты императоровъ, и какъ бы ихъ принадлежность (см. выше Жехэ), и за который платились огромнѣйшія цѣны, а также другія торговыя выгоды, какъ то продажа лошадей, верблюдовъ и т. п. Значительныя суммы, которыя пріобрѣтались при такихъ обстоятельствахъ такъ называемыми посланниками, побуждали многихъ спекуляторовъ въ земляхъ Туркистанскихъ искать предводительства подобными посольствами и караванами; они получали отъ мѣстныхъ своихъ властей, за большую плату, вымышленныя грамоты, которыя они выдавали на китайской границѣ, по старому обычаю, за акты съ изъясненіемъ подчиненности и представленіемъ дани. Сами Китайцы знали объ этомъ обманѣ, но не обваруживали его, потому что онъ льстилъ ихъ тщеславію, и какъ императорскіе обратные подарки въ разныхъ товарахъ покрывали цѣну дани, то такимъ образомъ производилась монополизированная въ пользу немногихъ торговля, которая, полъ маскою прежнихъ болѣе значительныхъ посольствъ, поддерживала даже во времена Минской династіи, утратившей всякое господство на Западѣ, сношеніе народовъ и обмѣнъ ихъ произведеній; что эти сношенія Запада съ Востокомъ доставляли большія выгоды, доказывается приѣздами самаго Патера Гоеса, который отправился въ 1603 году изъ *Лаора*, въ Индостанъ съ небольшою кладью и прислугою, а въ концѣ 1605 года, за всѣми *издержками*, сопряженными съ трехлѣтнимъ странствованіемъ, явился въ Су-чжеу уже знатнымъ путешественникомъ, съ 13-ю вьючными животными, 5-ю служителями, 2-мя невольниками и партіею драгоцѣннѣйшаго нефрита, оцѣненнаго въ 2500 золотыхъ монетъ.

Въ прежніе времена дѣйствительно посольства имѣли преимущественно политическое значеніе, къ нимъ присоединялась постепенно естественнымъ образомъ и торговля, сдѣлавшаяся окончательно главною цѣлію. Съ исхода⁽⁸¹⁾ западные варвары

(81) Ab. Remusat hist. de Khotan. p. 104.

искали охотно китайскія мануфактурныя издѣлія, какъ доказываетъ древнѣйшая торговля съ *Серами*. *Пограничные* Китайскіе рынки наполнялись такимъ образомъ *иностранцами* и какъ Китайская полиція ни старалась отсылать ихъ обратно, но это не всегда удавалось и въ некоторое число ихъ всегда оставалось въ предѣлахъ имперіи. Отсюда происходили нерѣдко разнаго рода жалобы и безпорядки. Въ нарушение законовъ часть иностранцевъ поселялась совсѣмъ въ Китаѣ съ женами и дѣтьми. Отъ времени до времени Правительство употребляло строгость. Уже во времена династіи Танъ, въ 787 году, лѣтописи ⁽⁵⁸⁾ повѣствуютъ о подобномъ случаѣ, когда 4000 человекъ, *оставшихся въ имперіи* иностранцевъ, были внезапно изгнаны или зачислены въ армию. Въ позднѣйшія времена были приняты разныя мѣры къ предупрежденію подобныхъ безпорядковъ, которые по видимому достигли высокой степени; въ то время когда путешествовалъ Бен. Гоесъ посольства были значительно ограничены. Изъясненнымъ путемъ возникло однакоже на многихъ пограничныхъ пунктахъ Китайской имперіи *смѣшанное племя*, котораго происхожденіе едвали можетъ быть вездѣ указано съ такою достовѣрностію какъ здѣсь.

П. Б. Гоесъ не упоминаетъ уже здѣсь ни объ одномъ *христианинѣ*, которыхъ было еще нѣкоторое число при М. Поло. Въ теченіи годоваго здѣсь пребыванія Гоеса отъ вниманія его безъ сомнѣнія не ускользнули бы христіане; *фанатическіе* магометане господствовали совершенно уже въ теченіи двухъ вѣковъ на всемъ пути, которымъ онъ слѣдовалъ. Гоесъ рассказываетъ однакоже о трогательномъ съ нимъ случаѣ по той сторонѣ пустыни (въ Ціалисѣ, нынѣшнемъ Юлусѣ) ⁽⁵⁹⁾. Іезуитскій патеръ принялъ здѣсь участіе въ одномъ диспутѣ между магометанскими богословами; мѣстный князь вспомнилъ при семъ и объявилъ громко, что предки его исповѣдывали нѣ-

(58) Mailla hist. des Thang въ Mem. conc. T. XVI. p. 134.

(59) N.c. Trigantius l. c. p. 537.

когда Христову вѣру, и назвавъ христіанъ послѣдователями истиннаго ученія, взявъ преслѣдуемаго подъ свое покровительство, и оказалъ ему въ столицѣ своей въ теченіи трехъ мѣсяцевъ почетное гостепрѣимство.

Въ Су-чжеу уже идетъ рѣчь у Гоеса только о Китайцахъ и Сарацинахъ, т. е. магометанахъ, отъ которыхъ онъ потерпѣлъ здѣсь болѣе гоневій, чѣмъ на всемъ пути своемъ до сего мѣста. Испытанный путешественникъ не перенесъ притѣсненій всякаго рода и умеръ ⁽⁶⁰⁾ въ Су-чжеу въ Апрѣлѣ 1607 года. Не задолго предъ тѣмъ прибылъ сюда, отъ только что основанной въ Пекинѣ миссіи, вслѣдствіе полученнаго тамъ отъ Гоеса радостнаго извѣстія о достиженіи имъ пограничнаго города имперіи, молодой инокъ Іоанн Ferdinandus, который и напутствовалъ молитвами умирающаго. Патеръ Гоесъ скончался въ радостномъ убѣжденіи, что открылъ страну, въ которой предстояли новыя посѣвы и обильная жатва слова Божіяго. Предполагали, что онъ былъ отравленъ Сарацинами; онъ похороненъ въ Су-чжеу, но деньги и имущество его были расхищены. Подробный дневникъ его былъ также похищенъ Сарацинами, и не могъ быть отысканъ. Спутникъ его, Армянинъ *Исаакъ*, отправился въ Пекинъ, и оттуда чрезъ него пришло въ *Европу* извѣстіе о смѣломъ путешествіи, совершенномъ чрезъ средину Азіи до входа въ страну Западныхъ проходовъ въ *Ганьсу*.

Извѣстія, заключающіяся въ сочиненіяхъ новѣйшихъ Іезуитовъ ⁽⁶¹⁾ и относящіяся къ временамъ Маньчжурской династіи не прибавляютъ ничего новаго къ приведенному нами разсказу изъ первыхъ годовъ XVII столѣтія, и буквальное ихъ сходство заставляетъ предполагать, что Іезуиты, при производствѣ картографической съемки, не произвели здѣсь постороннихъ семудѣлу наблюдений. По показанію ихъ Су-чжеу находится подъ

(84) Nic. Trigantius l. c. p. 564.

(85) Martin Martini Atlas sinensis fol. 46. Du Halde Descr. générale T. IV. p. 47. Grosier Descr. génér. de la Chine. Paris 1818 T. I. p. 164.

39° 45' 40" с. ш. и 17° 21' 30" в. д. отъ Пекина, т. е. 96° 40' 60" в. д. отъ Парижа.

5) *Гань-чжеу-фу* находится подь 39° 0' 40" с. ш. и 15° 32' и 30" в. д. отъ Пек. т. е. 99° 0' в. д. отъ Парижа, въ Гань-су, на С.-З. концѣ Китаѣ (прежнемъ западномъ Шэнь-си), который и называется *Гань-бянь* (Kan-rián) ⁽⁶²⁾, т. е. *Ганьской границею*. Самый городъ назывался прежде ⁽⁶³⁾ *Гань-су-вэй* (Kan-si-ouai), у М. Поло—Camriou, или по правильнѣйшей ореографіи Can-si-ri ⁽⁶⁴⁾, т. е. Гань-чжеу-фу, у Шаха-Рокова посольства—Kamgiou, у Бенед. Гоеса — Canсей. Городъ этотъ былъ еще до возвышенія Су-чжеу значительнѣйшимъ пунктомъ Великой стѣны. При нашествіи Чингисъ-Хана, Гань-чжеу-фу былъ столицею владѣтелей Тангута, имѣлъ сильныя укрѣпленія и могъ быть взятъ только приступомъ ⁽⁶⁵⁾. Марко Поло говоритъ что Кампионъ ⁽⁶⁶⁾ есть главный городъ Тангута, слѣдовательно послѣ покоренія Монголами, которое положило конецъ историческому существованію царства *Тангута* и *Хя*, городъ остался главнымъ мѣстомъ для Тангутскихъ жителей. На разстояніи двѣнадцати дней пути къ Сѣверу лежитъ горъ дѣ *Эцзинэ* (Etzine) у входа въ великую пустыню ⁽⁶⁷⁾, откуда считается еще сорокъ дней пути до *Кара-корума* (Кага-Когум). Оттуда именно пришло Чингисъ-Ханово страшное войско въ 1226 г. на покореніе *Тангута* и *Хя*. Объ этомъ пути будетъ еще рѣчь ниже. *Гань-чжеу-фу* былъ во время Марко Поло значительнымъ и красивымъ городомъ и центромъ управленія всей области. Жители, говоритъ онъ, — идолопоклонники, нѣкоторые — *Магометане*, и *Христиане*, которымъ принадлежатъ здѣсь три весьма кра-

(62) Klaproth Journ. Asiat. T. IX. p. 31.

(63) Mailla hist. gén. de la Chine T. XII. p. 76.

(64) M. Polo voy. ed. Maltebrun. Paris. 1824. 4. p. 72 ch. 72.

(65) Mailla hist. gén. de la Chine T. IX. p. 117. Lacroix hist. du gr. Genghiz khan p. 472.

(66) M. Polo y Ramus. T. II. fol. 13. c. 39. ed. Marsd. Lond. 4 c. 40 p. 181 — 186.

(67) M. Polo ed. Marsden ch. 41. p. 86; Lacroix hist. du gr. Genghizcan p. 471.

сивыя и обширныя церкви. Идолопоклонники живутъ въ своихъ монастыряхъ и аббатствахъ, наполненныхъ деревянными и металлическими, имѣющими вышины до 10 футовъ идолами, которымъ оказываютъ великія почести. Такимъ образомъ и здѣсь жили въ то время совокупно *Буддисты* и *Несторіанцы*. Марко Поло не могъ не имѣть о семъ вѣрныхъ свѣдѣній, ибо обстоятельства, какъ онъ самъ говорятъ, принудили его прожить въ этомъ городѣ съ отцомъ своимъ цѣлый годъ, подобно тому какъ въ послѣдствіи пробылъ въ Су-чжеу П. Бенед. Гоесъ. Этимъ объясняются вѣрныя изображенія у Марко Поло тамошняго образа жизни и ученія Ламайцевъ, которые, подъ покровительствомъ Монгольскихъ императоровъ, утвердились здѣсь, какъ мирные поселенцы, и впослѣдствіи были по возможности отѣснены *Минскою* династією съ истинно *Китайскою* недовѣрчивостію, но при *Маньчжурской* династіи опять сдѣлались господствующею сектою въ этихъ Западныхъ провинціяхъ. Пріемъ, сдѣланный здѣсь посольству Шаха-Рока (въ 1426 г.), подтверждаетъ важность въ то время этаго города. Здѣсь имѣлъ пребываніе главный начальникъ провинціи, которому подчинены были всѣ остальные. Посольство совершило путь отъ *Су-чжеу* до Гань-чжеу въ девять дневныхъ переходовъ ⁽⁶⁸⁾. На каждой станціи были приготовлены помѣщенія; 450 выючныхъ животныхъ и 56 повозокъ были поставлены посланникамъ и свитѣ ихъ, каждую повозку тянуло 12 молодыхъ парней, съ фальшивыми жемчугами въ серьгахъ и съ зачесанными вверхъ волосами. Въ каждомъ городѣ было приготовлено угощеніе, а въ *Гань-чжеу* данъ былъ намѣстникомъ (Дан-ги) большой праздникъ. Въ этомъ городѣ болѣе всего поразило магометанъ большое идолопоклонническое капище, въ 500 локтей въ квадратѣ; посреди его находилось колоссальное въ 50 футовъ длины вызолоченное изображеніе лежащаго идола, котораго одна рука подпирала голову, а другая протянута была вдоль ноги. Идола сего, ко-

(68) Ambassade du Shah Rock etc. у Thevenot l. c. fol. 4.

тому все поклонялись, называли Самонифо (Шакиямуни-фо); это былъ Индѣйскій Будда. Отсюда посольство направилось далѣе къ Хуань-хэ и въ Пекинъ.

Позднѣйшія миссіи іезуитовъ не доставляютъ новыхъ свѣдѣній о Гань-чжеу, и подтверждаютъ, что онъ остался сильною пограничною крѣпостью при входѣ въ Гоби, значительнымъ складочнымъ мѣстомъ въ торговлѣ ⁽⁶⁹⁾ для камня юй, для шедшаго съ Э. бизама, для ревеня съ ближнихъ снѣговыхъ горъ, для кожъ и шкуръ, изъ кочевій сѣверныхъ ордъ, и, подобно Нинъ-хя, фабричнымъ городомъ, гдѣ выдѣлывались теплыя шерстяныя ткани и войлоки, необходимыя въ такой высокой холодной и снѣжной странѣ, даже для самыхъ неизнѣженныхъ наѣздниковъ.

Здѣсь должно еще замѣтить что *Гань-чжеу* при Ганской династіи ⁽⁷⁰⁾ назывался еще *Чжанъ-пъ* (Tscheng-I) и имѣлъ титулъ *Гюнь*, т. е. высокаго города. Горы, лежащія отъ него въ 15 геог. миляхъ (150 ли) къ С.-З., назывались *Ки-лянъ* (Ki-Lian) и *Хо-ли*, а у подошвы лежалъ небольшой городокъ *Шанъ-танъ* (на картѣ д'Анвиля къ С.-В.). Близъ сего мѣста, выходя изъ горнаго ущелья Хо-ли, переправлялись чрезъ степную рѣку Чжанъ-ѣ, которая текла къ С.-В., и *здѣсь начиналась одна изъ дорогъ*, шедшихъ по близлежащей степи Гоби въ Кара-корумъ—Монгольскую столицу. О другихъ входахъ въ пустыню будетъ рѣчь ниже сего.

Лянъ-чжеу, подъ 37° 59' с. ш. 13° 40' 30" з. д. отъ Пекина, т. е. 100° 22' в. д. отъ Парижа, у М. Поло—*Еринуль* ⁽⁷¹⁾, который, согласно съ объясненіемъ Марсдена ⁽⁷²⁾, не можетъ значить тоже что *Хухэ-норъ*. Здѣсь городъ этотъ намъ важенъ только по положенію своему, какъ *третья* значительная крѣпость близъ Великой стѣны; о немъ упоминается съ древнѣйшихъ временъ постоянно, какъ о крѣпости и одномъ изъ проходныхъ пунктовъ въ стѣнѣ,

(69) Martin Martini Atlas Sin. fol 46; Grosier Descr. génér. I. p. 164.

(70) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 21.

(71) Klaproth Journ. Asiat. IX. p. 21.

(72) M. Polo ed. Marsden p. 226. not. 431.

почему и легко его узнать, хотя бы о немъ упоминалось подъ неизвѣстными нынѣ названіями. Такъ уже въ выше приведенномъ путешествіи т'анскаго полководца, въ 940 году, упоминается о немъ (на восточномъ берегу степной рѣки Бэй-т'анъ⁽⁷³⁾, направляющейся къ Сѣверу), подъ тѣмъ же именемъ, которое онъ сохранилъ донынѣ, почти 1000 лѣтъ спустя. По этимъ извѣстіямъ городъ находится въ 45 геогр. миляхъ (500 ли) къ Ю.-В. отъ Гань-чжеу. М. Поло⁽⁷⁴⁾, отправясь изъ Гань-чжеу, шелъ, какъ онъ рассказываетъ, 5 дней, по дорогѣ, по которой ночью путника часто приводятъ въ ужасъ дикіе голоса духовъ, пока не достигъ области *Еринуль*, гдѣ много селеній и крѣпостей, и гдѣ главный городъ называется тѣмъ же именемъ. Область эта считалась также въ *Тангутъ*, и была населена послѣдователями Ламайской вѣры и небольшимъ числомъ Христіанъ и Туркомановъ. Отсюда, говоритъ онъ, шла къ Ю.-В. дорога въ Синивъ (*Sing-Gui*) и въ Китай. Эта есть та именно большая дорога въ Шань-си, на столичный городъ Си'ань-фу, которую Чингисханъ, какъ мы выше упомянули, указалъ не задолго до своей смерти, полководцамъ своимъ, для достиженія великой добычи, ожидавшей ихъ въ Китаѣ.

Благородному венеціанскому путешественнику ставили въ упрекъ, что онъ, въ тѣхъ главахъ своего путешествія, въ которыхъ говоритъ обстоятельно о трехъ упомянутыхъ пограничныхъ городахъ, имъ очевидно посѣщенныхъ, вовсе не упоминаетъ о Великой стѣнѣ; откуда выводили даже подозрѣніе на достовѣрность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, но уже превосходный комментаторъ М. Поло — В. Марсденъ⁽⁷⁵⁾ оградилъ его достаточно отъ этого упрека. Великая стѣна была здѣсь, къ Зап. отъ Хуанъ-хэ, такъ незначительна, по сравненію съ огромными работами, произведенными къ В. отъ этой рѣки для огражденія Шань-си и Чжи-ли, что о ней М. Поло не упоминаетъ въ

(73) Ab. Remusat Hist. de Khotan p. 76.

(74) M. Polo ed. Ramusio T. II. fol 15. c. 50. Ib. ed. Marsden p. 224. ch. 51.

(75) M. Polo ed. Marsden. not 446, p. 230 — 234.

особенности, подобно какъ и посольство Шаха-Рока, и реляція 940 г. Если она впослѣдствіи, при Минской династіи (какъ показываютъ укрѣпленія при Кя-юй-гуань и Су-чжеу) и была усилена, то она здѣсь, тѣмъ не менѣе, даже при Маньчжурской династіи, какъ свидѣтельствуютъ очевидцы іезуиты, незаслуживала большаго вниманія. Мы уже говорили выше о Великой стѣнѣ въ Ордосѣ, гдѣ она тянется круто изломанною линіею, а также объ укрѣпленныхъ проходахъ въ цѣпи Ала-шань. Далѣе ⁽⁷⁶⁾ къ Э. отъ Шэнь-си стѣна вездѣ не болѣе какъ *земляная насыпь*, низкая, узкая, часто занесенная пескомъ, и только укрѣпленная тамъ, гдѣ воздвигнуты города. Удивительно какъ могъ точнѣйшій расказъ Марко Поло, который впервые изслѣдовалъ правильнымъ взглядомъ Азію, и описывая все какъ очевидецъ, говорить именно и объ укрѣпленіяхъ, — подвергнуться сомнѣнію въ Европѣ только потому, что онъ въ немъ не упоминаетъ объ этой земляной насыпи, когда сами ученые европейцы сохраняли глубокое молчаніе о подобной, немаловажной укрѣпленной линіи въ южной Россіи, въ Подоліи при Днѣстрѣ, открытой въ недавнее время *Ф. Дюбуа* ⁽⁷⁷⁾ подъ именемъ Траянова вала въ нѣсколькихъ миляхъ къ В. отъ Каменецъ-Подольска.

Отъ *Еринула* М. Поло направился къ С.-В. и достигъ въ 8 дней до *Ершайи* ⁽⁷⁸⁾, области Тангутскаго царства, которую мы описали выше (стр. 487) подъ именемъ *Нинъ-хя*, и котораго областной городъ онъ называетъ — Калація. Путь къ сему городу описываетъ М. Поло болѣе обстоятельно, но изъ разказа о путешествіи Ганскаго полководца въ 940 г. оказывается, что путь сей (длиною слишкомъ въ 400 ли или болѣе 30 геог. м.) вѣроятно пролегалъ по возможно кратчайшей въ то время діагонали, по самой южной

(76) Du-Halde Descr. gén. T. I. p. 47.

(77) Авторъ поучительнаго сочиненія: Conchillogie fossile du plateau Wolhyni-Podolien Berl. 1831. 4; отъ котораго можно ожидать еще важныхъ сообщеній о его наблюденіяхъ въ восточной Европѣ.

(78) M. Polo ed. Ramusio fol 16. c. 15. ed. Marsden ch. 52. p. 235; Maltebrun франц. p. 74. ch. 3. латинск. p. 356.

оконечности песчаной степи. По видимому эта дорога оставлена постепенно въ теченіи послѣднихъ столѣтій. Изъ слѣдующаго за тѣмъ у М. Поло описанія Тендуха, Клапротъ доказалъ неопровержимымъ образомъ, что Егригая не могла никакъ находиться къ З. отъ степи Гоби. Но употребленныя здѣсь однимъ только Венеціанцемъ названія остаются намъ тѣмъ не менше совершенно загадочными. *Тендухъ* приводитъ насъ теперь, съ окончаніемъ изслѣдованій нашихъ о природѣ страны западныхъ входовъ, обратно отъ Ю. къ С., къ Инь-шаню близъ Ху-хотоля, къ повороту Хуань-хэ—исходному пункту нашему.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 22.

Путешествіе Буддійскихъ миссіонероу Фа-хяня и Хюань-цзана въ концѣ IV и половинѣ VII вѣка, вдоль дороги нынѣшней провинціи Ганьсу, въ Си-юй или Западныхъ землѣ, и опредѣленіе положенія Нй-мынь-гуаня.

Самыя раннія свѣдѣнія, сообщенныя очевидцами о дорогѣ вдоль провинціи Ганьсу въ Си-юй или западныхъ страны принадлежатъ двумъ Буддійскимъ миссіонерамъ Фа-хяню и Хюань-цзаню, которыхъ реляціи были переведены уже послѣ изданія I-го тома Риттеровой Азій Абелемъ Ремюза (1) и Станис. Жюльеномъ (2).

Эти реляціи изъ IV и VII вѣка служатъ интереснымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ о странахъ, о которыхъ мы имѣли въ текстѣ Риттера рѣдкія показанія очевидцевъ изъ X (Китай-

(1) Ab. Remusat Foe-Koue-Ki ou relation des royaumes bouddhiques. Paris. 4. 1836.

(2) Stan. Julien Histoire de la vie de Hiouen Thsang etc. et de ses voyages dans l'Inde. Paris. 8. 1833.

скаго посланника Чжанъ-куанъ-ѣ), XIII (Марко Поло), XV (посольства Шаха Рока) и XVII (Бенед. Гоэса) вѣковъ.

Фа-хянь предпринялъ путешествіе свое въ 309 г., съ цѣлію проникнуть въ Индію, для изученія законовъ и догматовъ Буддійской религіи. Онъ выѣхалъ изъ тогдашней Китайской столицы Чанъ-аня (Tchang-Ngan), нынѣ Си-анъ-фу (Si-ngan-fu) — главн. гор. пров. Шэнь-си. На Китайскомъ престолѣ въ то время едва держалась еще падающая династія Цзинь (Tsin). Имперія находилась въ страшномъ разстройствѣ. Варварскія племена прорывались черезъ окраину нагорья: племя Муюнъ основывало могущественное царство или династію Янь въ Чжилійской провинціи около самаго Пекина, племя Тоба еще болѣе могущественное царство или династію Юань-вэй въ Шаньсійской провинціи; черезъ 6 лѣтъ окончательно пала династія Цзинь и мѣсто ея въ Чанъ-анѣ заступила новая — Сунь (406 — 479).

Фа-хянь, выѣхавъ изъ Чанъ-аня, съ спутниками своими, *перехалъ гору Лунъ (Loung) и прибылъ въ царство Кинъ-гуй (Khin-ан-Коеі)* ⁽³⁾. Гора Лунъ означена на большой картѣ Клапр., она находится на границахъ нынѣшнихъ провинцій Шэньси и Ганьсу, 10° западнѣе Пекина, подъ 35° с. шир. Кинъ-гуй есть имя не владѣнія, а государя Сяньбійскаго племени, которое въ концѣ IV вѣка (388 г.) основало въ западной Шэнь-си небольшое княжество или династію *западныхъ Цзинь (Thsin) или Лунъ-си* (т. е. на З. отъ горы Лунъ). Столицею этаго княжества, по свидѣтельству Клапрота, былъ тогда Кинъ-чэнь, (Kin-Tching) нынѣ *Кинъ-хянь (Kin-hian)*, верстахъ въ 35 къ Ю.-В. отъ Ланъ-чжеу (Lan-Tcheou).

Проживъ здѣсь довольно долго Фа-хянь *прибылъ въ царство Нюй-танъ (Neou-Thau)* ⁽⁵⁾. Нюй-танъ (по Дегиню Юй-танъ) есть также названіе государя Сяньбійскаго племени, ко-

(3) Фое-Кое-Ки р. 1.

(4) Фое-Кое-Ки р. 4.

(5) Фое-Кое-Ки р. 2.

торое основало здѣсь въ Хэ-си (т. е. на С. отъ Хуань-хэ) также въ концѣ IV в. (397 г.) небольшую династію южныхъ *Лянъ* или *Си-п'инъ* отъ имени своей столицы. Си-п'инъ, по свидѣтельству Клапрота и Ед. Біо⁽⁶⁾, находился на мѣстѣ нынѣшняго Си-ниня.

За тѣмъ Фа-хянь, *перейдя черезъ горы Янъ-лэу* (Yang-Leou) *прибыль въ военный караулъ Чжанъ-ь, Tchang-y*⁽⁷⁾. Чжанъ-ь есть нынѣшній Гань-чжеу (Kan-Tcheou). На пути туда изъ Си-нина путешественники конечно должны были переходить черезъ снѣжный хребетъ Ки-лянь-шань, отдѣляющій долину Уланъ-мурэни (Хуань-шуй, Да-т'унъ-хэ), отъ Западной дороги провинціи Ганьсу. По свидѣтельству Клапрота⁽⁸⁾ самый высокій массивъ Ки-лянь-шаня, покрытый колоссальными глетчерами, означаетъ Тибетскимъ именемъ Амъ-гангаръ-ола, что значить снѣжнобѣлая гора.

«Страна Чжанъ-ь была въ то время, какъ повѣствуетъ Фа-хянь, театромъ большихъ смутъ, что очень затрудняло сообщенія. Царь Чжанъ-ь, изъ участія къ путешественникамъ, удержалъ ихъ и облагодѣтельствовалъ. Они сошлись здѣсь съ новыми спутниками и, пробывъ тутъ нѣсколько времени, тронулись опять въ путь и прибыли въ Дунь-хуанъ (Thun-kouang)⁽⁹⁾. Въ Чжанъ-ь, по свидѣтельству Аб. Ремюза⁽¹⁰⁾, царствовала тогда династія *сверныхъ Лянъ*: смуты проистекали изъ войнъ, происходившихъ между этими маленькими государствами и сокрушившихъ ихъ въ послѣдствіи. Нынѣшній Дунь-хуанъ лежитъ верстахъ въ 40 къ С. отъ нынѣшняго Ша-чжеу, древній же Дунь-хуанъ былъ, по свидѣтельству Клапрота⁽¹¹⁾, тоже что древній Ша-чжеу, находившійся верстахъ въ 20 къ З. отъ нынѣшняго. Мѣста Дунь-

(6) Foe-Koue-Ki p. 5. Ed. Biot. Dict. des villes chinoises. Paris. 1842 p. 172 Si-ning.

(7) Foe-Koue-Ki p. 2.

(8) Foe-Koue-Ki p. 5.

(9) Foe-Koue-Ki p. 2.

(10) Foe-Koue-Ki p. 5.

(11) Foe-Koue-Ki p. 6.

хуана и Хуа-чжеу перемѣщались, какъ кажется, нѣсколько разъ на небольшомъ районѣ.

«Здѣсь, повѣствуетъ Фа-хянь⁽¹²⁾, находятся система укрѣпленій, простирающаяся ли на 80 (40 в.) отъ В. къ З., и на 40 (20 в.) отъ С. къ Ю. Путешественники пробыли тутъ съ небольшимъ мѣсяцъ. Правитель Дунь-хуана — Ли-хао (Li-Hao) доставилъ имъ средства перейти черезъ песчаную рѣку Ша-хэ (т. е. Шамо, песчаную степь). Въ степи есть злые геніи и столь знойные вѣтры, что встрѣчающіеся съ ними умираютъ и никто не спасается. Въ степи этой нѣтъ ни птицъ, ни животныхъ и взоръ, нищущій какихъ бы то ни было примѣтъ для узнанія пути, не видитъ ничего кромѣ бѣлѣющихъ костей погибшихъ животныхъ. Послѣ 15-ти дней пути черезъ эту пустыню, пройдя приблизительно 1500 ли, путешественники прибыли въ страну Шань-шань (Shen-shen). Клапротъ замѣчаетъ⁽¹³⁾ что Дунь-хуанъ былъ уже со временъ династіи Хань очень важнымъ военнымъ пунктомъ. Правитель Ли-хао былъ основателемъ независимой династіи, отдѣлившейся отъ сѣверн. Лянъ, подъ именемъ *западнихъ Лянъ* (Си-лянъ). Царство Шань-шань находилось на Лобнорѣ, только Фа-хянь преувеличиваетъ ширину Шахэ или Шамо, которая составляетъ здѣсь не 1500, а 1100 ли (550 вер.). На этомъ основаніи путешественники проходили въ день верстъ 36, что есть довольно нормальная скорость степныхъ переходовъ.

Вотъ слѣдовательно какую картину представляла западная дорога провинціи Ганьсу съ наступленіемъ X вѣка. Владѣнія Цзиньской династіи, властвовавшей тогда въ Чанъ-анѣ (Си-Ань-фу), оканчивались горою Лунъ на границѣ нынѣшней Ганьсу. Въ провинціи же этой существовало тогда четыре независимыхъ княжества или династій: западныхъ Цзинь, южныхъ, сѣверныхъ и западныхъ Лянъ. Первая изъ этихъ династій бы-

(12) Фое-Кoue-Ки р. 2.

(13) Фое-Кoue-ки р. 6.

ля основаны Сяньбійскими, т. е. Корейскими племенами, которыхъ самыми могущественные предводители были въ то время Тоба, основывавшіе могущественную династію Юань-вэй въ Шаньсійской провинціи; послѣднія же были основаны Хуннскими или лучше сказать Туркскими племенами, находившимися еще не задолго передъ тѣмъ подъ владычествомъ Хун-ну.

Столица западныхъ Цзинь находилась въ 30 верс. къ Ю.-В. отъ Лань-чжеу, южныхъ Лянъ — въ нынѣшнемъ Си-пинѣ, сѣверныхъ Лянъ — въ нынѣшнемъ Гань-чжеу, западныхъ Лянъ — въ прежнемъ Ша-чжеу, въ 20 верс. отъ нынѣшняго. Города Су-чжеу не существовало. Ша-чжеу былъ, какъ и нынѣ, крайнимъ предѣломъ населенной полосы, за предѣлами которой разстилались столь же негостепримныя и безлюдныя какъ и нынѣ степи Шамо.

Хюань-цзанъ, второй изъ буддійскихъ миссіонеровъ, оставившихъ намъ реляцію своего путешествія ⁽¹⁴⁾, выѣхалъ изъ Китая въ Си-юй, т. е. западныя земли, въ 629 года. Отдаленною цѣлью Фа-хяня была также Индія, куда онъ ѣхалъ для изученія буддизма. Въ то время на китайскомъ престолѣ уже властвовала блистательная династія Танъ (618 — 907). Исходнымъ пунктомъ Хюань-цзана былъ городъ Лянъ-чжеу (Liang-Tcheou, въ нынѣшней Гань-су), который былъ въ то время важнымъ торговымъ и сборнымъ пунктомъ ⁽¹⁵⁾ для народовъ Хэ-си (на З. отъ Хуанъ-хэ) и для купцовъ изъ пограничнаго Си-фана. Въ Лянъ-чжеу Хюань-цзана ожидали нѣкоторыя препятствія: при новости администраціи династіи Танъ, Китайцамъ запрещено было выѣзжать въ чужіе края. Хюань-цзанъ рѣшилъ оставить городъ тайно и пробрался благополучно въ Гуа-чжеу (Koua-Tcheou) ⁽¹⁶⁾. Въ 50 ли (25 верс.) оттуда протекала рѣка Ху-лу (Hou-Lou), которой нижнее теченіе очень широко,

(14) St. Julien Hist. de la vie de Hiouen Tshang et de ses voyages dans l'Inde depuis 629 jusqu'en 645. Paris 8. 1853.

(15) St. Julien Hist. de la vie de Hiouen Tshang etc. p. 15.

(16) St. Julien Hist. etc. p. 17.

верхнее очень служено (вѣроятно крутыми берегами). Волны ея вращаются постоянно и несутся съ такою силою, что невозможно переѣхать ее въ лодкѣ. При расширеніи рѣки устроена застава Юй-мынь-гуань (Yu-Men-Kouan), которой нельзя миновать и которая служитъ воротами западныхъ границъ. Къ С.-З. отъ этой заставы находятся еще пять сигнальныхъ башенъ, снабженныхъ стражею. Онѣ расположены въ сто ли разстоянія (50 верс.) одна отъ другой. Въ ихъ промежуткахъ нѣтъ ни воды, ни пастбищъ, а за ними простирается пустыня Маха-янъ (Mo-Kia-Yen) и граница царства Игу (Jgou).

Такъ какъ Хюань-цзанъ не вводитъ ни въ какія подробности о пути своемъ отъ Лянъ-чжеу до Гуа-чжеу, то не удивительно, что онъ не упоминаетъ о Гань-чжеу. Рѣка Ху-лу есть Булангиръ-голь, называемый и нынѣ по кит. Су-лай или Холай-хэ. Изъ показаній о ней Хюань-цзана слѣдуетъ, что эта рѣка пробивается дикими ущельями черезъ очень гористую страну и выходитъ на нагорную, ровную степь только значительно западнѣе меридіана Гуа-чжеу. Слѣдов. Булангиръ до этого меридіана есть стремительная горная рѣка, что совсѣмъ нельзя было бы заключать изъ европейскихъ картъ, на которыхъ ей приданъ характеръ степной рѣки. Вотъ важный результатъ для географіи этой части Азіи, а другой еще важнѣйшій есть *положительное доказаніе* о знаменитомъ горн. проходѣ Юй-мынь-гуань, съ помощью котораго предстонтъ возможность опредѣлить его положеніе. Показаніе государственной географіи, по которому Юй-мынь-гуань находится въ 200 ли (100 вер.) къ З. отъ Кяюй-гуаня ⁽¹⁷⁾, не имѣетъ слѣдовательно ни малѣйшаго основанія и совершенно ошибочно. Приводимое же Іакинѣемъ показаніе государственной географіи, на основаніи котораго Іакинѣзъ нанесъ Юй-мынь-гуань на свою карту, также не совсѣмъ правильно. Іакинѣзъ нашелъ именно въ государственной географіи ⁽¹⁸⁾, что Юй-мынь-гуань лежитъ въ 150 ли къ З. отъ Дунь-

(17) См. выше ст.

(18) Іакинѣев Собр. свѣд. о народ. Ср. Азіи Геогр. указ. ст. 110.

хуана. Такъ какъ Хюань-цзанъ говоритъ положительно, что Юй-мынь-гуань расположенъ на р. Булангирѣ, то отъ Дунъ-хуана онъ лежитъ не на З., а на С.-З. Что же касается до привоимаго Іакинѳомъ разстоянія 150 ли, то оно довольно вѣрно, потому-что Хюань-цзанъ прибылъ изъ Гуа-чжеу въ Яй-мынь-гуань на третій день, слѣдовательно разстояніе между обоими пунктами должно составлять около 70 верстѣ. Отсюда мы можемъ заключить что знаменитый *Яй-мынь-гуань находится на р. Булангирѣ, верстѣ 15—20 ниже впаденія въ нее р. Сиргаль-цзина, приблизительно въ меридианѣ 93° в. дол. отъ Пар., верстахъ въ 70 къ С.-З. отъ Гуа-Чжеу. Яй-мынь-гуань есть ущелье или ворота, черезъ которыя пробивается р. Булангирѣ изъ горнаго массива на ровную нагорную степь.*

Возвращаемся къ реляціи Хюань-цзана. Въ Гуа-чжеу онъ встрѣтилъ новыя препятствія для дальнѣйшаго путешествія. По счастью однакоже одинъ молодой варваръ вызвался вывести его за границу. Этотъ варваръ привелъ къ Хюань-цзану старика, хорошо знавшаго всѣ дороги, который сказалъ миссіонеру ⁽¹⁹⁾: «дороги Запада дурны и опасны, путешественники бывають остановлены, то песчаными рѣками (полосами сыпучаго песку), то демонами и знойными вѣтрами. При встрѣчѣ съ ними нѣтъ спасенія. Часто многочисленныя караваны, потерявъ дорогу, погибають». Разсказъ о демонахъ напоминаетъ слова М. Поло, проѣзжавшаго въ той же странѣ 650 лѣтъ спустя ⁽²¹⁾: «если случится, говоритъ Венеціанецъ, одному путнику отдѣлиться отъ своихъ товарищей, то онъ слышитъ кругомъ себя голоса, зовущіе его по имени и приводяшіе туда гдѣ онъ, потерявъ дорогу, находятъ свою смерть. Иногда же духи пустынь представляются слуху, какъ цѣлый легіонъ инструментовъ и барабановъ».

Не смотря на предостереженіе старика Хюань-цзанъ отпра-

(19) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 20.

(20) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. XLI и XLII.

вылся въ путь, въ сопровожденіи молодаго варвара. На *третій* день они прибыли къ рѣкѣ Ху-лу и увидѣли издали заставу Юй-мынь-гуань. Въ 10 ли (5 верс.) отъ (ниже) верхняго теченія, гдѣ возвышалась застава, оба берега рѣки были раздѣлены только разстояніемъ чана (10 фут.). Вблизи находилась роща У-т'унь. Молодой варваръ срубилъ здѣсь деревья и построилъ родъ моста, который покрылъ хворостомъ и пескомъ, такъ что черезъ этотъ мостъ Хюань-цзанъ могъ переѣхать на лошади. Переночевавъ здѣсь Хюань-цзанъ уже отправился на другой день одинъ въ пустыню, потому что молодой спутникъ его не рѣшился за нимъ слѣдовать. Кости лошадей и пометъ, встрѣчаемые имъ на пути, руководили его направленіе. Миражъ представлялъ путешественнику фантастическіе образы. Онъ видѣлъ передъ собою то сотню вооруженныхъ воиновъ, то верблюдовъ и великолѣпно убранныхъ лошадей, то блестящія копья и знамена. Одни фигуры замѣнялись другими, одни сцены превращались въ другія, но все исчезало, по мѣрѣ приближенія. Сначала Хюань-цзанъ принималъ эти призраки за разбойниковъ, но потомъ ободрился, потому что ему казалось что онъ слышитъ въ воздухѣ голосъ: «не бойся ничего». Пройдя 80 ли онъ прибылъ къ первой сигнальной башнѣ; здѣсь онъ сдѣлалъ привалъ, спрятавшись до ночи въ песчаномъ руслѣ высохшей рѣки, и только ночью отправился съ ведромъ за водою. Двѣ стрѣлы просвистали надъ его головою: онъ былъ замѣченъ сторожами башни, которые тотчасъ привели его къ своему начальнику. Офицеръ этотъ, послѣ распросовъ, обошелся съ нимъ хорошо и накормилъ его, на другой день указалъ ему путь У четвертой башни опять стрѣла просвистѣла надъ головою миссіонера. Хюань-цзанъ рекомендовалъ себя здѣсь отъ имени начальника 1-й башни. Офицеръ обошелся съ путешественникомъ благосклонно, и не совѣтуя ему ѣхать мимо 5-й башни, указалъ ему на источникъ дикихъ лошадей Ъ-ма-цюань (Ye-Ma-Thsiouen), находившійся въ 100 ли (50 вер.) отъ 4-й башни, какъ на удобное мѣсто для привала. Недалеко отсюда Хюань-цзанъ вступилъ

въ пустыню Маха-янь-цзы (Mo-Kia-Yen-Tse), имѣющую 80 ли (40 вер.) ширины и называемую древними Ша-хэ или песчанною рѣкою. Здѣсь нѣтъ ни птицъ, ни животныхъ, ни воды, ни пастбищъ. Для того чтобы ориентироваться въ этой пустынѣ путешественникъ долженъ былъ смотрѣть на направленіе своей тѣни. Миражъ опять окружалъ его своими фантастическими видѣніями. Пройдя около 100 ли (50 вер.) Хюань-цзанъ заблудился ⁽²¹⁾ и къ довершенію несчастія пролилъ нечаянно свой запасъ воды, сохраняемый въ мѣхѣ. Онъ рѣшился слѣдовать прямо къ С.-З., но блуждалъ 4 дни и 5 ночей, не встрѣчая ни капли воды. Наконецъ на 5-й день, подкрѣпивъ себя сномъ и молитвою, онъ неожиданно набрелъ на зеленыя пастбища и небольшой прудъ прозрачной и глубокой воды. Здѣсь онъ отдыхалъ цѣлый день, и отсюда черезъ два дня пути вышелъ изъ песчаной степи и прибылъ ⁽²²⁾ въ Игу (Igu), т. е. нынѣшній Хами.

§ 23.

Изложеніе VI. Отношеніе дорогъ: сѣверной, монгольской черезъ Инь-шань, восточной, Маньчжурской черезъ Хинь-гань, и западной, Туркестанской, вдоль Сюэ-шаня. 1) Городъ Ху-ху-хотонь и древнія поселенія. 2) Инь-шань, убыжище Хунь-ну и Хой-ху.

Дорога изъ Пекина, вдоль сѣверной границы, привела насъ уже выше (стр. 469) за ворота великой стѣны Ша-ху-к'эу на 15 геогр. миль къ С.-З. къ гор. Ху-ху-хотонь на рѣку Тургань до Хуань-хэ и до подножія лѣсвстаго Инь-Шань, котораго цѣпь полагаетъ здѣсь предѣлъ съ юга суровой степи Гоби.

(21) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 29.

(22) Stan. Julien Hist. de la vie etc. p. 31.

Мѣстность эта, которой отношенія дѣлаются понятнѣе послѣ разсмотрѣнія съ З. и съ В. сѣверной границы между нагорьемъ и низменностью, имѣеть только по положенію своему болѣе важное значеніе. Потому она заслуживаетъ еще ближайшаго разсмотрѣнія по своимъ отношеніямъ съ исторіею рода человѣческаго, а не по существу ея собственной природы, либо культуры, такъ какъ первая донинѣ еще мало извѣстна, а вторая никогда не имѣла не только благодѣтельнаго характера, но и вообще какого либо богатаго результатами вліянія.

Положеніе ея именно значительно потому, что здѣсь, при крайнемъ, сѣверномъ поворотѣ Хуанъ-хэ, сама природа произвела глубоко вдающійся въ нагорье прорывъ, гдѣ долина, способная къ осѣдлой цивилизаціи, граничитъ съ горнымъ хребтомъ и нагорнымъ песчанымъ моремъ Гоби или Шамо. Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ глубокая долина колоссальной, континентальной рѣки не проникаетъ такъ глубоко въ замкнутый горный массивъ, а потому здѣсь, съ древнѣйшихъ временъ, была пробита ближайшая дорога, поперегъ Гоби, съ сѣверной стороны на южную, хотя въ проложеніи этой дороги не было большой надобности. Это было въ древнѣйшія времена Хунну и повторялось во времена Хя (400 г. нашей эры) и Ту-гю (Дукюэ, Tu-khiu) изъ Холина и во время распространенія Монголовъ изъ Каракорума (1200 г. нашей эры). Но такъ какъ въ слѣдующія столѣтія центры цивилизаціи съ С. З. Китая, изъ провинцій Шаньси и Шэньси, перенесены были на С. В. въ Пекинъ, въ Чжилійской провинціи, то и караванная и военная дорога, уничтожившаяся здѣсь со времени упадка Кара-Корума, должна была перенестись далѣе на В. и разцвѣла въ новѣйшія столѣтія между Кяхтою, Ургою и Пекиномъ. Еслибъ здѣсь, при изгибѣ Хуанъ-хэ, какъ тому уже нѣсколько разъ было положено начало (во время Хунну, Хя, Ванъ-хана и новѣйшихъ Кутухтъ), образовалась столица значительнаго цивилизованнаго государства, то кратчайшая и прямѣйшая изъ всѣхъ поперечныхъ дорогъ, черезъ нагорную Гоби изъ Ху-ху-хотоня въ Ка-

ра-корумъ или черезъ Ургу въ Кяхту, заслуживающая вполне названіе сѣверной приобрѣла бы еще большее міровое, историческое значеніе. Но эта сѣверная дорога черезъ Инь-шань, хотя учрежденная съ древнѣйшихъ временъ, очень отстала въ своемъ развитіи въ сравненіи съ проложенною только со времени Маньчжурскаго владычества восточною въ Китай черезъ Хинь-гань, и съ западною вдоль Сюэ-шаня черезъ Ганьсу. Однакоже эту дорогу, по природѣ ея, должно назвать *большою Монгольской*, между тѣмъ восточная заслуживаетъ названіе *Маньчжурской* а западная — Туркестанской. Все что мы должны сказать объ этой части окраины нагорья ограничивается въ сущности слѣдующимъ:

1. *Городъ Ху-ху-хотонь* (Khu-Khu-Khotun у Клапрота, Kou-Kou-Hotun у Дегиа, Hou-Hou-hotun у Жербилона), по Китайски Гуй-хуа-ченъ лежитъ подъ $40^{\circ} 49' 20''$ С. ш. и $4^{\circ} 45' 15''$ З. д. отъ Пекина. О Жербилонъ (*) который посѣщалъ нѣсколько разъ этотъ городъ, есть единственный (**) очевидецъ, опредѣляющій, намъ его положеніе подъ $40^{\circ} 54'$ С. ш., мы послѣдуемъ прежде всего его показаніямъ. Городъ Ху-ху-хотонь расположенъ въ 15 Г. м. (200 ли) къ С.-З. отъ воротъ Ша-ху-к'эу; на пути отъ В. къ З. достигаешь до него, слѣдуя по равнинѣ, имѣющей отъ 3 до 4 часовъ ширины; къ Ю.-З. и Ю., т. е. къ Хуанъ-хэ, долина эта необозрима; къ Ю.-В., въ направленіи къ стѣнѣ, возвышаются холмы; самая равнина была (въ 1688 г.) во многихъ мѣстахъ обработана, и кое-гдѣ лежали деревеньки, состоящія каждая изъ 7 или 8 землянокъ.

Только въ одной милѣ къ Ю.-В. отъ города находились развалины стараго города изъ временъ Монгольской династіи (**),

(*) См. выше въ дополн. къ § 19 показаніе новѣйшихъ очевидцевъ Хюка и Габе о Ху-ху-хотонѣ. — *Пр. Пер.*

(1) Gerbillon Voy. Y. у Du Halde IV. p. 121, p. 527.

(*) Я полагаю что эта развалина представляетъ остатки древняго города Чень-ло. Городъ этотъ существовалъ съ самаго начала нашей эры, при династіи Хань, и былъ главн. городомъ области Динъ-хянь; въ III вѣкѣ онъ служилъ резиденціею

на одномъ изъ притоковъ Тургэня; стѣны его обрушились, но 8 этажная, 8 угольная башня, (такія пирамидальныя постройки называются Субарханами), въ 100 ф. высоты, построенная хотя грубо, но не безъ граціи, изъ бѣлыхъ кирпичей, со статуями на всѣхъ фасахъ, показывала, что здѣсь было когда-то пребываніе служителей Фо и покровителей ихъ Монгольскихъ властителей. Башня эта принадлежитъ къ *знаменитостямъ* страны и называется Чаганъ-Субарханъ (Tshahan-Subarhan) ⁽²⁾, т. е. бѣлою пирамидою. Здѣсь императоръ Канъ-хи, въ лагерь своемъ, принималъ торжественно вышедшихъ къ нему на встрѣчу съ поклонами ламъ изъ сосѣдняго города.

Ху-ху-хотонъ есть небольшой городъ, который въ прежнія времена властвованія Монгольскихъ государей (дин. Юань) былъ очень посѣщеннымъ и значительнымъ рынкомъ, и уже гораздо ранѣе, въ IX вѣкѣ, при династіи Танъ ⁽³⁾, около 850 года, онъ упоминается подъ Китайскимъ именемъ Гуй-хуа-чена, какъ важный пограничный городъ государства на С., съ пограничною стражею. Кирпичныя стѣны еще цѣлы. Жилищанынѣшняго города простыя землянки, но пагоды ламъ великолѣпныѣ, чѣмъ большая часть видѣнныхъ Жербильономъ въ Китаѣ. Предмѣстья лучше выстроены и очень населены; Монголы и Китайцы смѣшаны здѣсь. Въ то время (въ 1688 г.) была здѣсь резиденція императорскаго правленія ⁽³⁾, потому что владычество Мавъчжуровъ только еще распространялось отъ Китайскихъ стѣнъ, черезъ страны западныхъ, тогда еще независимыхъ Монголовъ или Халхасовъ и Элютовъ, и не достигало черезъ степь Гоби до Селенги и Кяхты. Знаменитый китайскій

Дому Тоба, переименовавшемуся впоследствии въ династію Юань-вой, знаменитую въ Китайской исторіи. На картѣ О. Іакинаа, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ положеніе древняго Чень-ло отнесено, слишкомъ далеко на З. О городѣ Чень-ло см. Геогр. указ. ст. 95 — *Ир. Пер.*

(2) Gerbillon Voy. VI. 1696 p. 430, 343. P. Gaubil Hist. des Tang. въ Mem. XVI. p. 43.

(3) Gerbillon Voy. I. въ пр. с. p. 122.

полководец Фэй-янь-гу или Фэй-янь-гу-бо (Feang-re, Бо т. е. графъ), побѣдитель Элютовъ, во времена императора Канъ-хи, имѣлъ здѣсь пребываніе, какъ пограничный генералъ-губернаторъ (4). Новыхъ очевидцевъ этихъ мѣстностей не было (5). Мѣсто это, какъ пограничное и важное для торговли Шань-си, Шэнь-си, Ганьсу и Гоби, имѣло значеніе, которое съ тѣхъ поръ должно было утратиться, когда все нагорье къ С. и С.-З. подпало подъ Китайское владычество, и возникли прямые сообщенія изъ Пекина съ долиною Чигисъ-Хаиа на Орхонѣ и при Алтаѣ по Кяхтинской дорогѣ (6). Однакоже Ху-ху-хотонь остался еще главнымъ рынкомъ этой степной страны, вмѣстѣ съ городами обработанной, богатой и густо населенной провинціи Шэнь-си. Прямо къ З. отъ Ху-ху-хотоня находится входъ въ великую степь, ведущую на С. прямымъ путемъ къ новѣйшей Кяхтѣ, а на С.-З. — къ древнему Кара-коруму. Къ Ю.-В. только два дня пути (180 ли) до Шаньси, а къ Ю.-З., немного далѣе, въ разстояніи около 15½ г. м. (210 ли) (7), протекаетъ широкой Хуамъ-кэ. Въ эту сторону страна имѣетъ форму незамѣтно понижающейся равнины, по которой рѣка Хуху-хотоня — Турганъ направляется къ Ю.-З., впадая въ Хуанъ-кэ близъ города Тохто (Тото). Равнина обработана и покрыта деревьями; когда Жербильтонъ, 10 лѣтъ спустя послѣ своего перваго посѣщенія, прибылъ сюда, во второй разъ (1696), и вѣскольکو тысячъ Элютовъ съ женами и дѣтьми, вслѣдствіе послѣдней войны противъ сверженнаго Элютскаго Галдана, привезены были сюда какъ плѣнники и невольники, императоръ Канъ-хи выкупилъ ихъ всѣхъ и поселилъ въ окрестностяхъ. Также здѣсь, въ 1691 г., послѣ торжественнаго акта подданства угрожаемыхъ Элютами Халхасскихъ Монголовъ, признав-

(4) Mailla Hist. gén. de la chine T. XI. p. 176 etc.

(5) Хюкъ и Габе посѣтили Ху-хотонь въ новѣйшее время; свидѣнія ими сообщенныя см. въ дополненія къ § 19. — *Пр. Пер.*

(6) Впрочемъ и теперь Ху-ху-хотонь имѣетъ большое торговое значеніе. — *Пр. Пер.*

(7) Gerbillon Voy. VI. у Du-Halde IV. p. 433.

шихъ свою вассальную зависимость отъ императора, Канъ-хи пожаловалъ разнымъ халхасскимъ князьямъ и ханамъ земли ⁽⁶⁾ около Ху-ху-хотояя. Такимъ образомъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, до вышнѣйшихъ Тумотовъ, происходили здѣсь временныя колонизаціи, которыя разцвѣтали и исчезали съ перемѣнами въ судьбахъ сосѣднихъ номадовъ, какъ-то доказываютъ селенія, лежащія и донынѣ въ развалинахъ. Такъ въ 7 г. м. отъ Ху-ху-хотояя, между разбросанными нивами и деревнями, лежатъ остатки другаго древняго монгольскаго города династїи Юань, при которой въ особенности страна эта процвѣтала, о чемъ къ сожалѣнію мы не находимъ ни опредѣленныхъ именъ, ни данныхъ въ монгольской исторїи. Великій Хубилай-ханъ имѣлъ здѣсь вѣроятно часто свое пребываніе, и венеціанецъ М. Поло направился къ резиденціи своего мецената въ Чжили (Pe-Tcheli) черезъ Ницъ-хя и эту страну, которую онъ называетъ Тендухомъ.

Жербиллонъ не сообщаетъ прежняго названія этого разрушеннаго города, но въ прежнія времена на сей плодородной почвѣ стояли многіе города; въ упомянутой же развалинѣ, близъ деревни Дарханъ-хашанъ (Taghan-Sajan) ⁽⁷⁾, стоялъ еще одинъ Субарханъ, т. е. пирамидальная башня пагоды. Окрестная мѣстность совершенно безлѣсна. Сюда вышли чиновники императорскаго трибунала провинціи Шанъ-си, на встрѣчу высокому путешественнику, котораго сопровождало изъ Ху-ху-хотояя собраніе ламъ и большая свита кочующихъ князей Халхассовъ, Монголовъ и Элютовъ. Эта мѣстность ⁽⁸⁾ есть одна изъ самыхъ населенныхъ и обработанныхъ за Великою стѣною, и доставляетъ даже хорошія жатвы рису. Только въ 10 часахъ (70 лн) отъ Хуавъ-хэ при деревнѣ Ли-су опять стояла пагода. Отсюда дорога шла все по ровной и плодородной равнинѣ, въ направле-

(6) Gerbillon Voy. IV. 1631. у Du-Halde IV. p. 314, 333.

(7) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 433, 444.

(8) Mailla Hist. gen. de la Chine T. XI. p. 240.

ніи къ Великой рѣкѣ, къ мѣстечку Ху-т'ань-хоша (Hou-Tan-Hoja), по кит. Тохто-чэнь (Toto-Sching), гдѣ началась неровная, холмистая поверхность, съ песчаною и кремнистою почвою, продолжающуюся отсюда и черезъ весь Ордоосъ; въ этой почвѣ Хуанъ-хэ безспорно прорылъ и промылъ себѣ русло. Только въ одномъ часѣ пути отъ этого мѣста, гдѣ утромъ былъ лагерь, показавшись у Тохто, при впаденіи Тургэня, опять развалины довольно большаго города, котораго земляной валъ еще сохранился, но который имѣлъ очень мало жителей во внутренности своей. Эти развалины Дегиань⁽⁹⁾ принимаетъ за древній, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей построенный въ 413 г. городъ Дунъ-ванъ-чэнь (Toung-Wan-Tching) царства Хя, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Въ то время, въ царствованіе Канъ-хи, устроенъ былъ здѣсь большой рисовый складъ, для снабженія провіантомъ войскъ, которыя, въ это безпокойное военное время, когда на С. и С.-З. должно было разрушить власть халхасскихъ и элютскихъ хановъ, часто проходили взадъ и впередъ по этой странѣ. Низкіе песчаные холмы огибаютъ здѣсь полулуніемъ берегъ Хуанъ-хэ; вдоль его, съ шириною получаса пути, простирается до большаго изгиба Желтой рѣки, которая здѣсь стремительно течетъ къ Ю., плодородная, покрытая нивами равнина, по которой императоръ, какъ первый стрѣлокъ изъ лука въ своемъ государствѣ, дошелъ до ложа рѣки, потому что онъ хотѣлъ измѣрить ширину ея полетомъ своихъ превосходныхъ стрѣлъ. Онъ перелетѣлъ почти всѣ, къ радости его, на противуположній берегъ, удаленный слѣдовательно на разстояніе полета стрѣлы, и когда императоръ, прилежный ученикъ отцовъ-иезуитовъ въ евклидовой геометріи, которую онъ заставлялъ преподавать себѣ во время путешествія, на другой день измѣрялъ своимъ секстаномъ ширину рѣки въ самомъ узкомъ ея мѣстѣ,

(9) Deguignes Gesch. d. Hunnen T. III. p. 238.

то онъ нашелъ ее въ 108 (*) кит. шаговъ ⁽¹⁰⁾. Отцы-иезуиты въ болѣе широкихъ мѣстахъ, соотвѣтствовавшихъ полудунному ряду холмовъ, нашли ширину рѣки въ 120 туаз. (720 ф.). Около 20 барокъ стояли здѣсь въ готовности для переѣзда императора; но вся многочисленная свита съ багажемъ переправилась близъ Тохто черезъ Тургань, уже покрытую льдомъ, и слѣдовала нѣсколько вверхъ по Хуанъ-хэ, до урочища, гдѣ на лугахъ, наполненныхъ перепелами, фазанами, зайцами, и мелкою дичью постоянно производилась охота въ травѣ человѣческаго роста, между тѣмъ какъ ледъ на великой рѣкѣ былъ уже такъ крѣпокъ (30 ноября 1696), что онъ служилъ мостомъ для перехода на южный, правый берегъ рѣки въ Ордошь.

Здѣсь пробылъ императоръ, занимаясь охотою, нѣсколько недѣль, за тѣмъ возвратился черезъ рѣку въ лагерь свой при Тохто (26 дек.), и оттуда кратчайшимъ путемъ къ воротамъ Великой стѣны—Ша-ху-кэу. Такъ какъ путь этотъ между Турганью и ю.-в.-паралельнымъ съ нею притокомъ Хуанъ-Хэ—Уламъ-мурэнемъ (гдѣ по свид. Кит. Гос. Геогр. находятся развалины города Хутанъ-хоша, которыхъ впрочемъ Жербилюонъ какъ кажется не видѣлъ), приводитъ назадъ на В. въ Шаньси путешественника по той же равнинѣ, то мы знакомимся, при этомъ быстромъ переходѣ, съ природою страны, подобною той, какую встрѣчаемъ на сѣверномъ пути въ Ху-ху-хотонь. Однакоже здѣсь поднимается уже большое число возвышеній, безъ камней, скалъ и лѣсовъ; съ луговыми скатами, которыя обилуютъ птицами и газелями (желтыми козами). Дорога слѣдовала черезъ долину, простирающуюся между этими горами отъ З. къ В., и проходила, на краткомъ дневномъ переходѣ въ 6 миль (80 ли), мимо

(10) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 480.

(*) Въ 360 ф. стрѣла, пущенная императоромъ, упала еще за 50 шаговъ за берегомъ. Урочище, гдѣ это происходило, въ 10 ли отъ Тохто, называется Ху-г'ань, шэ-хэ, а переправа Цзюнь-цзы-гинь. На ней въ V в. существовалъ мостъ, и она находилась, по свидѣтельству государства. географовъ, между двумя развалинами двухъ древнихъ городовъ Чжень-лу-чэнь и Туанъ-ю-чэнь. См. Иакинва, Стат. Опис. Кит. Имп. II стр. 308 и 309. — *Пр. Пер.*

развалины двухъ или трехъ городов⁽¹¹⁾, отъ которыхъ уцѣлѣли еще земляныя валы. На В. отъ нихъ былъ сдѣланъ привалъ, при урочищѣ Халюссутай, на стоячей водѣ, покрытой льдомъ. На слѣдующій день, перейдя только черезъ одну высоту, достигли долины, имѣвшей полчаса ширины и простирающейся, какъ и предъидущая, отъ В. къ З.; на восточномъ концѣ ея Уланъ-мурэнь направляется къ З. и впадаетъ, какъ уже мы сказали выше, также въ Хуанъ-хэ.

И въ этой очень плодородной и удобной для земледѣлія долинѣ Жербильонъ видѣлъ развалины города, который былъ нѣкогда значительнымъ, во время монгольской династіи, но теперь представляеть только остатки землянаго вала. Онъ назывался Уланъ-балгассунъ (Ulan-palasson), у Китайцевъ Хунъ-чэнь (Hung-Tching) (*). Отсюда на В. остается еще 8 геог. м. (105 ли) до воротъ стѣны Ша-ху-к'эу. Изъ того слѣдуетъ что этотъ монгольскій городъ, подобно многимъ другимъ на З. отъ Хуанъ-хэ, былъ выстроенъ для ламъ, съ монастырями и пагодами или съ лѣтними и охотничьими дворцами, за стѣною, на прохладной южной окраинѣ нагорья, какъ о томъ во многихъ мѣстахъ упоминаеть М. Поло. Всѣ эти города были разрушены во время войнъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ паденіе династіи Юань и изгнаніе ея изъ Китая династією Минъ; и отъ пагодъ остались также только развалины, потому что приверженцы китайскихъ боговъ старались вытѣснить, вмѣстѣ съ буддизмомъ, чуждое имъ сословіе столь возвышенныхъ и размноженныхъ Монголами ламъ. М. Поло говоритъ, что во многихъ изъ буддѣйскихъ монастырей и ламаиствъ было до 2000 ламъ, которые сами по себѣ составляли уже слѣдовательно небольшіе города⁽¹²⁾. Поддержанная Манчжурами, свергнувшими династію Минъ, ла-

(11) Gerbillon Voy. VI. Ibid. p. 441 и т. д.

(*) Хунъ-чэнь или Уланъ-балгассунъ на картѣ Клапрота (вѣроятно ошибочно) нанесенъ на Хуанъ-хэ, при впадѣніи въ него Уланъ-Мурэня, въ разстояніи отъ Шаху-к'эу равномъ разстоянію Ху-ху-хотона отъ тѣхъ же воротъ. *Пр. Пер.*

(12) M. Polo y Ramusio. T. II. fol. 18 и 19.

майская религія поднялась снова и сдѣлалась и въ этой странѣ, какъ мы узнаемъ изъ повѣствованій всѣхъ іезуитскихъ миссіонеровъ начала XVIII вѣка, преобладающею между номадами. На эту мѣстность, наполненную развалинами городовъ, падаетъ путь М. Поло, описываемый имъ отъ страны Тендухъ на В. къ Чагань-нору и Шанду, императорскому охотничьему замку того времени. Онъ ѣхалъ верхомъ 7 дней ⁽¹³⁾ черезъ эту страну все на В., къ Китаю (Cataja), и встрѣчалъ здѣсь много городовъ и замковъ, и въ нихъ много идолопоклонниковъ, но также и нѣкоторыхъ магометанъ и несторіанскихъ христіанъ. Сія послѣдніе жили торговлею и промышленностью. Здѣсь ткали прекрасныя золотыя парчи, украшенныя перламутромъ и различныя разноцвѣтныя шелковыя ткани. Всѣ здѣсь были подданными великаго хана. Одинъ изъ городовъ — Синдичень (Sindichin, Sindicin, Sindacui) былъ знаменитъ своими фабриками оружія, и изготовленіемъ всѣхъ предметовъ для потребностей арміи; въ гористой части страны лежало мѣсто Идифа (Idifa), съ богатымъ серебрянымъ рудникомъ, въ которомъ добывалось большое количество этого металла. Черезъ три дня пути на В. отъ сей провинціи или города (Тендуха? или Синъ-ди-ченъ?), до котораго какъ кажется простирался Тендухъ на В., достигъ онъ до охотничьяго замка и города при Чагань-норѣ или бѣломъ озерѣ.

Еще неудалось ⁽¹⁴⁾ опредѣлить въ точности положенія и настоящаго имени упомянутаго города, котораго названіе вѣроятно искажено переписчикомъ (Синдичень можетъ быть вмѣсто Хунъ-чэнь); столь же мало имѣемъ мы послѣдующихъ свѣдѣній о какомъ бы то ни было серебряномъ рудникѣ, однакоже этотъ рассказъ М. Поло не оставляетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія, а изъ послѣдующаго, по изысканіямъ Клапрота, оказывается опредѣлительно, что Тендухъ не можетъ быть ничто

(*) И теперь въ городѣ Ху ху-хотонь, по свидѣн. повѣйшаго миссіонера Хюка, считается до 20,000 ламъ. См. выше. *Пр. Пер.*

(13) М. Polo с. 53. fol. 16 у Ramusio; *Ibid.* ed. Marsden ch. 54. p. 242.

(14) W. Marsden ed. M. Polo not. 439. pag. 247.

другое, какъ уже описанный изгибъ Хуанъ-хэ, съ Турганемъ и окрестностями Ху-ху-хотоня.

Какъ Ху-ху-хотонь, во времена императора Канъ-хи, сдѣлался снова главнымъ мѣстопробываніемъ ламъ, а впослѣдствіи и боготворимаго Кутухты, такъ, гораздо ранѣе, во времена М. Поло, онъ былъ резиденціею тогда такъ называемаго Пресвитера Іоанна, и самъ Клапротъ призналъ опять описываемую страну бывшимъ пребываніемъ этого, такъ называемаго христіанскаго царя, затемненнаго столькими баснями ⁽¹⁵⁾.

2. *Инь-шань*. Мы говорили до сихъ поръ только о части этой страны до сего города и рѣки Турганя, потому что только до сихъ простираются описанія европейскіхъ очевидцевъ, а также и болѣе точныя начертанія картъ; все что лежитъ на С. З. отъ этого притока Хуанъ-хэ, не издавна было конечно ни однимъ европейцемъ, и слѣдовательно въ дальнѣйшемъ описаніи этой страны Тендухъ, оставленной въ пробѣлѣ и на картахъ, мы можемъ только руководствоваться неопредѣленными описаніями туземныхъ авторовъ и лѣтописей.

О. Жербильонъ говоритъ еще, какъ мы упоминали выше, какъ очевидецъ ⁽¹⁶⁾, что къ С. и С.-З. отъ Хуху-хотоня поднимаются высокія горы, поросшія лѣсомъ. Это есть высокій Инь-шань, о которомъ уже было упомянуто выше, тотъ самый на который А. Гумбольдтъ смотритъ какъ на восточное продолженіе второй (отъ С.) параллельной великой системы центральной Азіи — Тянь-шаня или Небесныхъ горъ, потому-что онъ, подобно сему послѣднему, продолжается между 41° и 42° с. ш., въ томъ же направленіи простиранія (*Streichungslinie*) отъ З. къ В., и въ такомъ случаѣ дѣйствительно служитъ соединительнымъ звѣномъ Тянь-шаня съ рассмотрѣнною нами южною окраиною нагорной Гоби и отдаленнымъ восточнымъ Чапъ-бошанемъ, на сѣверной границѣ Кореи. Однакоже самъ Гум-

(15) Klapproth sur le pays de Tenduc въ Journ. Asiat. IX. Paris 1826. p. 299—306.

(16) Gerbillon Voy. I. у Du Halde IV. p. 12.

больдтъ замѣчаетъ ⁽¹⁷⁾, что тамъ гдѣ нагорная степь Гоби, къ С.-З. отъ изгиба Хуань-хэ, достигаетъ можетъ быть самой большой высоты своего надутія, исполинскій горный хребетъ, приходящій съ З. (т. е. Тянь-шань), начинается снова на В., при сѣверномъ изгибѣ Желтой рѣки, только послѣ перерыва по крайней мѣрѣ въ 10° долготы (здѣсь болѣе 100 геогр. м.), и притомъ нѣсколько южиѣ, достигая впрочемъ снова до предѣловъ вѣчнаго снѣга. Здѣсь будетъ рѣчь объ этомъ хребтѣ, только начиная отъ сей метаморфозы, слѣдов. объ Инь-шанѣ въ тѣсномъ смыслѣ, о хребтѣ, который полагаетъ здѣсь границу Гоби съ сѣверной и сѣв.-западной своей стороны, а Великой рѣкѣ съ южной и юго-западной, и на южномъ и юго-восточномъ склонѣ котораго лежитъ страна Теидухъ, а на сѣверномъ и сѣверо-западномъ разстиается самая дикая часть Гоби.

Этотъ *Инь-шань* ⁽¹⁸⁾ поднимается быстро и круто, только въ 3 мил. (33 ли) къ С.-З. отъ многоупоминаемаго города (Ху-ху-хотоня), къ С. отъ Ордоса и З. отъ Ойрата, и продолжается на 37 г. м. (500 ли) на С. отъ Ху-ху-хотоня. Онъ имѣетъ различныя, очень высокія вершины, имѣющія различныя наименованія. У Монголовъ называется онъ *Ончинъ-ола* (Onghin-Oola, Ongon-Alin ⁽¹⁹⁾ по маньчж. у Д'анвиля; Ong-Ku). Названіе Инь-шань есть древнее китайское, впрочемъ онъ называется здѣсь еще *большимъ синимъ горнымъ хребтомъ* (*) ⁽²⁰⁾ и достигаетъ предѣловъ вѣчнаго снѣга. Онъ простирается отъ 104° до 110° в. долг. отъ Пар. или отъ восточной границы Чароса и западной границы страны монгольскихъ ордъ Ойратовъ, здѣсь

(17) A. Humboldt üb. Bergkett. und Vulcan. v. Inner Asien въ пр. с. р. 15; Klaproth Asia polyglotta p. 203, Ergo же Tabl. histor. de l'Asie p. 97.

(18) Thai-Tsing-y-Thoung-Tschu т. е. государственная географія Маньчжу въ Timkowsky Voy. II. p. 167.

(19) Deguignes Gesch. d. Mongolen bei Dähnert T. I p. 39.

(*) Да-цинъ-шань. — *Пр. Пер.*

(20) Klaproth Tabl. hist. de la l'Asie p. 97 и Asia polygl. I. с. Мém. relatifs à l'Asie I. p. 468.

встрѣчающихся до р. Турганя, къ С. отъ Ху-ху-хотоя. Цѣпи его острыхъ и крутыхъ скалъ имѣютъ у сосѣднихъ Монголовъ различныя названія. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ отъ З. къ В. суть: во первыхъ Мона (Моппа, Мупа), о которой мы уже говорили выше, какъ о мысѣ Мона-хоша (Мона-Ноѵо), при поворотѣ Хуанъ-хэ (*). Монгольская исторія, называющая эту гору, даетъ намъ очень интересное свѣдѣніе о подавшей поводъ къ столь многимъ спорамъ кончинѣ Чингисъ-хана и перенесеніи его тѣла къ сомнительному мѣсту погребенія, которому почти всѣ авторы даютъ свои собственныя названія, совпадающія при точнѣйшемъ изысканіи, всѣ въ истокахъ Толы и Кэрулэна, что также вполне подтверждается слѣдующими сказаніями Цанана, непоясненными ихъ комментаторомъ. Мы уже познакомились выше съ Нинъ-хя на Хуанъ-хэ, какъ съ мѣстностью въ которой Чингисъ-ханъ, вскорѣ послѣ покоренія этаго города, нашелъ смерть свою (**), и откуда трупъ его, съ надгробнымъ воплемъ, долженъ былъ быть перенесенъ въ его родину, которая находилась, какъ извѣстно, на упомянутыхъ рѣкахъ, и которую монгольскій историкъ означаетъ точиѣе на тѣнистой сторонѣ Алтай-хана и солнечной сторонѣ Кентей-хана, что мы объяснимъ ниже. Туда направилась скрипучая, двуколесная ⁽²¹⁾, печальная колесница, слѣдов. экипажъ очень употребительный во всей нагорной Монголіи *амаѵа* въ Herod. IV. 69) и прибыла, сопровождаемая воплемъ и печальными пѣснями, къ урочищу Мона. «Какъ соколъ взлетѣлъ ты туда, а теперь долженъ воз-

(*) Мона-хоша означена на картѣ О. Іакинва, приложенной къ его исторіи азійск. нар., на сѣв. сторонѣ Хуанъ-хэ, противъ соединенія его съ южною вѣтвью (Панъ-хэ), въ меридіанѣ Шаньсѣйскаго города Си-анъ-фу (Sigan-Fu), древней китайской столицы т. е. 71½° къ З. отъ Пек. Если это значеніе справедливо, то должно полагать что печальная колесница Чингисъ-хана, слѣдовала черезъ Орду и переправлялась черезъ Хуанъ-хэ. — *Пр. Шер.*

(**) Чингисъ-ханъ скончался не въ Нинъ-хя, а при горѣ Лю-п'анъ въ провинціи Ганьсу, въ верховьяхъ Вэй-хэ, близъ города Гуагъ-чжанъ-фу, т. е. 3-мя градусами южнѣе Нинъ-хя, о чемъ мы уже упоминали выше. — *Пр. Норес.*

(21) Ssanang-Saetben Mongol. Gesch. p. 107, 103, 99.

вращаться назадъ въ скрипучей телѣгѣ, о мой повелитель! такъ пѣлъ Килюкенъ Багидуръ изъ Ссунидовъ, громко возвышая свой голосъ; «ты оставилъ свою жену и дѣтей, повелитель! ты оставилъ свои народы властитель мой! Подобно тому какъ орелъ взвивается радостно, такъ отправился и ты сюда, и ниспалъ какъ неопытный жеребенокъ! Послѣ 66 лѣтъ своей жизни хотѣлъ ты дать всему своему народу радость и спокойствіе, но вдругъ унесся отъ насъ властитель!» При звукахъ подобныхъ пѣсней прибыла печальная процессія въ упомянутое урочище Мона, но здѣсь колеса колесницы увязли въ синей глинистой почвѣ, такъ что колесница остановилась. Всѣ усилія подвинуть ее впередъ были тщетны; самыя сильныя лошади были впрягаемы, но это не помогало, и народъ уже приходилъ въ уныніе. Тогда пѣвецъ Килюкенъ Багадуръ возвысилъ снова свой голосъ и запѣлъ: «отъ синяго, вѣчнаго Тегри чудесно происшедшій левъ человѣческаго рода, ты! сынъ Тегри, мой Богдо-повелитель! Развѣ ты хочешь покинуть весь свой народъ и остаться здѣсь навсегда? Все, все ждетъ тебя тамъ: жена твоя, твоя родина, народъ твой, золотыя палаты и т. д.» Пѣснь оканчивалась упрекомъ: «неужели потому-что страна Харгунъ-хана (хребетъ Гарчжанъ) тепла, потому-что въ ней много покоренныхъ Тангутовъ, потому-что Кюрбельякинъ-хатунъ прекрасна, хочешь ты въ самомъ дѣлѣ оставить свой старый монгольскій народъ. Если мы не могли служить щитомъ твоей благородной жизни, то по крайней мѣрѣ мы хотимъ привезти на родину твое тѣло, подобное хазу — драгоценному камню, показать его женѣ твоей и исполнить желанія твоего великаго народа». Тогда, говорить историкъ, властитель какъ бы принялъ милостиво всеобщую мольбу, колесница заскрипѣла и снова пришла въ движеніе. Радостно последовалъ народъ далѣе до родины, гдѣ все семейство властителя встрѣтило ее въ траурѣ, со слезами и воплемъ. Вотъ что повѣствуетъ историкъ. Дорога понятна; она шла изъ Нинъ-хя, по лѣвому берегу Хуанъ-хэ, внизъ его теченія до Инъ-шань, гдѣ, при подошвѣ горы Мона

и поворотъ р. Хуанъ-хэ на В., находилась болотистая низменность, съ почвою синей глины, въ которой увязла колесница, а отсюда въ ближайшемъ направленіи къ Кара-коруму. Дѣйствительно здѣсь начинается подъемъ на нагорную Гоби. Но уже изъ предъидущаго мѣста Монгольской исторіи (р. 99) слѣдуетъ, что Чингисъ-Ханъ, еще на пути своемъ въ Тангутъ, до завоеванія этой страны, проходилъ мимо этой горы Мона-шань (Мопай-Шань), и что онъ хотѣлъ сдѣлать здѣсь столицу царства, такъ какъ уже въ прежнія времена эта мѣстность была пребываніемъ древнихъ Хувинскихъ императоровъ (Шаньюевъ), какъ мы видѣли выше. Историкъ говоритъ: При походѣ властитель увидѣлъ Мона-шань и сказалъ: «для разстроеннаго народа здѣсь хорошее сборное мѣсто, для спокойной единодушной націи — прекрасная ставка, для оленей и лосей — превосходное пастбище, а для стараго человѣка — желанное мѣсто успокоенія». Бóльшей похвалы мѣстности, освященной уже древнимъ мѣстопребываніемъ могущественныхъ патриархальныхъ властителей, не могъ сдѣлать Монгольскій завоеватель, и опасеніе Монгольской свиты, сопровождавшей группу его, было простиительно, потому что она боялась основанія новой столицы имперіи здѣсь, на прекрасной теплой горной подошвѣ, въ сосѣдствѣ вышеозначенной рѣки и богатаго Тангута, вблизи и самаго Китая, опасеніе, которое впоследствии и осуществилось, только для лежащаго далѣе на В. Пекина.

Отъ горы Мона къ В. находится гора Кундулэнь (Kundulen Ritt., Kuen-Tu-lun St.-Jul.), потомъ Барха (Barta), Чжара (Djarga Ritt., Tchara St.-Jul.) и Чагань-обо (Tschakhan-obo Ritt., Tschakhan-obo St.-Jul.) на вост. границѣ Ойратовъ. Далѣе Чагань-хада (Tschakhan-Khado), Лиссуръ-чжелеху-чжугу (Lissur-Djeleku-Djugu). Къ С. отъ города Ху-ху-хотоня лежитъ гора Онгинь (Ougoung-Ola Ritt., Ong-Kong-Shan St.-Jul.), а восточная часть хребта называется Имаду (Imatu); отъ нея вѣроятно получилъ названіе правый притокъ рѣки Тургэня, того же имени (*). Меж-

(* По свидѣт. Ст. Жюльена имена Онгинь-шань и Имаду-шань употребля-

ду этимъ истокомъ Имаду и другой рѣки Чжуха (Djouha) которой теченіе намъ неизвѣстно, поднимается горная масса еще до очень высокаго глетчера, на ней находящагося. Цѣлая же горная цѣпь называется Инь-шань, у Монголовъ, Гарчжань⁽²²⁾, также Гачжарь (Gardjan; Gadjar-Oola или Khadjar, Charguna Khan у Цецена), а у Китайцевъ Да-цзинь-шань (Ta-Tsing-Shan), т. е. большія зеленыя горы, вѣроятно отъ ея лѣсовъ, которые принадлежатъ въ этомъ нагорьѣ къ большимъ рѣдкостямъ.

Объ высочайшія, покрытыя снѣгомъ вершины этой цѣпи лежатъ на Э. отъ истоковъ рѣки Хара-голъ, Хара-мурэнь у Д'Анвиля, (Khara-gol, Khara-mougen) текущей на Ю. въ Хуань-хэ; онѣ называются Сюэ-шань или Часты-ола (Tschasti-Oola у Монголовъ); упомянутый источникъ, лежитъ, вмѣстѣ съ снѣжными горами, подъ 41° 51' и 107° 17' В. д. отъ Пар. Въ другомъ мѣстѣ Китайской госуд. географіи⁽²²⁾ та же самая горная цѣпь, проходящая все вдоль лѣваго берега Хуань-хэ, отъ Ху-ху-Хотоня къ С.-З. до Ойратской ставки, названа также Хачжарь-хоша (Khadjar-Khocho), а текущая въ Хуань-хэ рѣки—Бургассутай (Burgatu) Халютай (Khaliotu) и Шара (Schara).

Начиная отъ снѣжныхъ горъ эта значительная высота уменьшается, по крайней мѣрѣ на югъ къ Хуань-хэ, и поднимается снова, какъ мы уже сказали, въ Алашанѣ, лѣсистомъ горномъ хребтѣ къ С.-З. отъ Нинь-хя, на который въ новѣйшее время перенесли названіе Инь-шаня, прежде ему никогда не принадлежавшее.

лись въ древности для означенія Инь-шаня см. Humboldt Centr. As. übers. v. Muhlmann T. I. p. 361 — *Пр. Пер.*

(22) *Tableau des plus hautes montagnes de la Chine* въ Klaproth *Magas. Asiat.* T. II Paris 1826 p. 150.

(*) Есть еще общія названія употребляемыя въ Кит. географіяхъ для означенія Инь-шаня, или по крайней мѣрѣ въ некоторой части ея на С. отъ Хуань хэ, это Китайское Янъ-шань (Yang-Shan), и Монгольское Ховиноръ. См. Humboldt Centr. Asien übers. v. Muhlmann. T. I. p. 363.

(23) Timkowsky T. II p. 264.

Въ древнѣйшей исторіи Инь-шань упоминается потому что въ немъ имѣли большую ставку Шаньюн (Schen-yu) или древніе цари столь могущественныхъ Хунну, уже за тысячелѣтіе до Монгольскаго владычества, какъ властители нагорной Гоби. Въ лѣсистыхъ горахъ содержали они фабрикантовъ оружія ⁽²⁴⁾, приготовлявшихъ имъ луки и стрѣлы. Горы содержатъ много желѣза ⁽²⁵⁾, которое вообще очень скудно распредѣлено по нагорью. Слѣдовательно страна эта удовлетворяла первымъ потребностямъ вооруженія сего воинственнаго, такъ долго внушавшаго страхъ и угрожавшаго Китаю, многочисленнаго народа, который, въ превосходныхъ альпійскихъ пастбищахъ этой страны, могъ обогатиться многочисленными стадами, владѣть богатыми облавами и пользоваться симъ вообще трудно доступнымъ горнымъ хребтомъ, защищеннымъ великою рѣкою съ Ю., а нагорными степями съ С., какъ убѣжимъ въ случаѣ неудачъ и отступленій. Точно такое значеніе имѣлъ этотъ удивительный горный островъ и для другихъ, такъ называемыхъ Татарскихъ народовъ, наслѣдовавшихъ Хуннскому владычеству, какъ напр. восточныхъ Турковъ (Ту-гю) и Монголовъ.

Хунъ-ну, въ древнѣйшія времена Хюнъ-Юй, принадлежали къ родамъ многочисленнаго Туркскаго племени (*), которое, изъ всѣхъ аборигеновъ внутренней Азіи, распространено, далѣе всѣхъ другихъ, послѣ индо-германскаго племени, въ этой части свѣта, и коего предки, на что указываютъ первыя китайскія лѣтописи I-го тысячелѣтія до Р. Х., послѣ послѣдняго великаго потопа, спустились съ высокихъ горъ великой Алтайской системы къ Ю.-В. и Ю.-З. Кочуя постоянно они однакоже избрали южную окраину нагорья со стороны Шаньси и Шэньси ⁽²⁶⁾, и въ

(24) Deguides *Gesch. d. Mongol Th.* p. 80; Klaproth *Tabl. hist. de l'Asie* p. 97.

(25) Gaubil *Hist. d. l. Dyn. des Tang* въ *Mém. con. les chinois T. XVI.* p. 275.

(*) По вышесказанному нами извѣстію Фискаго. См. дополненіе къ § 22. —
Пр. Пер.

(26) Klaproth *Tabl. hist. de l'Asie* p. 101.

особенности окрестности описаннаго Инь-шаня, постоянными станціями своей кочевой жизни. Нѣкоторыя изъ ихъ требовъ уже съ давнихъ временъ обрабатывали поля, большая часть были однакоже пастушескими народами, а все — страшными воинами. Взятые ими плѣнники, какъ Римляне у Германцевъ, должны были пасти ихъ стада: овецъ, рогатаго скота, ословъ, лошадей и верблюдовъ; послѣдніе съ древнѣйшихъ временъ находились здѣсь и въ дикомъ состояніи слѣдовательно имѣли здѣсь коренное свое отечество, въ которомъ вѣроятно и были слѣланы ручными этимъ народомъ, котораго богатство они составляли. Вся ихъ жизнь, отъ самаго ранняго дѣтства, была направлена на охоту и войну. Большими конными толпами, подобно Бедуинамъ и Мараттамъ, блуждали они во все стороны, черезъ степи, вдоль теченій рѣкъ, отыскивая добычу, окруженные облаками пыли, и, будучи преслѣдуемы сильными врагами, разбѣгались столь же быстро по степи на все стороны, недостижимо для врага, который именно въ заманчивости преслѣдованія находилъ свою гибель. Воинъ, выносившій изъ битвы трупъ своего падшаго товарища, дѣлался его наслѣдникомъ. Подобно тому какъ Кельты, а впоследствии Германцы и Готфы, угрожали, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, Италіи съ С., черезъ извѣстные горные проходы, такъ и Хунну непрерывно угрожали Китаю изъ Инь-шаня. Пока Хунну дѣйствовали еще несвязанными между собою ордами, подъ отдѣльными предводителями, они могли заслуживать, отъ своихъ южныхъ, цивилизованныхъ сосѣдей — Китайцевъ, ругательное имя — «презрѣнныхъ рабовъ», что есть китайское значеніе словъ Хунъ-ну (конечно обращеніе въ дурной смыслъ неимѣвшаго такого смысла созвучнаго туземнаго имени) ⁽²⁷⁾; но со II в. до Р. Х., съ тѣхъ поръ какъ ихъ Шаньюи или верховные цари, своею властью надъ отдѣльными предводителями ордъ, приобрѣли самое грозное положеніе для Китая,

(27) Klaproth Tabl. hist. de l'Asie p. 103.

(особливо при Шаньюѣ Модэ), и привозили добычу за добычею изъ Шаньси, Шаньси и Хэнана въ свое убѣжище въ Инь-Шангъ, могли они быть только усмирены браками съ дочерьми китайскихъ императоровъ или полупринцессами. Но и эта китайская политика, силившаяся цивилизовать предводителей варваровъ, жертвуя имъ несчастныхъ инфантивъ, которыхъ жалобныя пѣсни изъ этихъ степей и тогдашнихъ временъ долетѣли до насъ унылыми звуками въ оригинальныхъ сочиненіяхъ ⁽²⁸⁾ (напр. 108 г. до Р. Х.), также какъ и пограничныя стѣны Шы-хуанъ-ди и другихъ китайскихъ властителей, не могли оградить Китая отъ подобныхъ нападеніямъ саранчи набѣговъ ихъ ордъ. Мы уже видѣли выше, что, начиная только съ I-го вѣка до Р. Х. (при импер. Хяо-ву-ди въ 141 г. до Р. Х.), правильная система цивилизаціи упомянутыхъ китайскихъ Нормарковъ, населеніями и постройкою городовъ, противопоставляла набѣгамъ номадовъ болѣе твердую плотину, которая разумѣется еще въ продолженіи столѣтій была часто прорываема, напиравшими на нее народными наводненіями; но все же, при китайскомъ прилежаніи и постоянствѣ политики въ Шаньси и Шаньси, послѣ трудныхъ опытовъ многихъ столѣтій, была окончательно превращена въ цивилизованную страну и отнята у набѣговъ варварскихъ народовъ, которыхъ дикій инстинктъ, при всякомъ успѣшномъ нападеніи, снова превращалъ ее въ пустыню, подобно тому какъ Голландія, неутомимымъ прилежаніемъ ея жителей, была отнята у набѣгающаго моря. Описаніе отдѣльныхъ событій этихъ временъ принадлежатъ исторіи, пространственныя же (географическія) отношенія ихъ — ходу нашихъ изслѣдованій.

Какъ борьба дельты Нила, Ломбардскихъ равнинъ и Голландіи, противъ набѣгающихъ на нихъ волнъ, обусловила высокое развитіе цивилизаціи этихъ странъ, такъ и упомянутая борьба, противъ столь же необузданныхъ силъ народныхъ, бы-

(28) Deguignes Gesch. d. Hunnen. Th. I p. 179.

ла причиною ранней цивилизаціи сѣверныхъ провинцій Китая. Страна эта, въ древнѣйшія времена, была счастливѣе противъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей-варваровъ, нежели Италия: она отгѣснила ихъ прорывающіяся народныя волны назадъ, отвлекала ихъ возбужденіемъ безпокойствъ на З., наконецъ возбуждала противъ нихъ враговъ въ тылу и народныя лиги со сторонъ (отъ 100 г. до Р. Х. до 100 г. нашей эры) ⁽²⁹⁾. Внутреннее враждебное распаденіе на южное Хуннусское царство, оставшееся на Хуанъ-хэ, но признавшее, при своемъ ослабленіи, вассальную зависимость отъ Китая, и наконецъ совершенно сокрушившееся, и сѣверное (*), очень много способствовало къ усмирению этихъ варваровъ. Усилившіеся Китайцы, съ помощью вассаловъ своихъ, отгѣснили Шаньюевъ сѣверныхъ Хунну, какъ гордыхъ узурпаторовъ этого титула (въ 90 г. по Р. Х.), далеко къ С. и С.-З.; и даже оттуда они принуждены были китайскими союзниками въ Ся-юй или западныхъ странахъ мигрировать еще далѣе къ озеру Балхашу и Согдіанѣ. Тамъ найдемъ мы ихъ въ послѣдствіи, разумѣется только въ слабыхъ остаткахъ; потому что большая часть ихъ разсѣялась и растерялась во всей средней Азии, ослабѣвъ въ разныхъ отношеніяхъ и смѣшавшись съ народами другаго происхожденія. Ипотеза Дегиня ⁽³⁰⁾, которой онъ вѣрилъ въ такой степени, что даже не старался подтвердить ее положительными доказательствами, что эти Хунну были предками Гунновъ Амміана, и которая долго блистала во всеобщихъ исторіяхъ, уже достаточно опровергнута (**). Такъ исчезаетъ великое царство Хунну изъ исторіи Востока. Уничтоженію его способствовали разныя явленія природы: голодъ, чума, большіе холода и снѣга, встребительные рои насѣкомыхъ

(29) *Tabl. hist. de l'Asie* p. 106—114.

(*) Раздѣленіе это произошло въ 25 г. до Р. Х. *Пр. Пер.*

(30) *Ab. Remusat. Recherches sur les langues Tartares. Paris. 1820. 4. p. XLVI. p. 11.*

(**) Я уже упоминалъ выше что по примѣру С. Мартена, Неймана и Вильевъ С. Мартена считаю Хунну и Гунновъ Амміана за одно и тоже. См. Дополненіе къ §23.

(вѣроятно саранча). Отдѣльные орды Хунну конечно остались и въ Инь-шанѣ, но они должны были подчиниться чуждымъ повелителямъ. Начальники ихъ, сдѣлавшіеся вассалами Китайцевъ, съ титуломъ шаньюевъ, были ими поставлены въ Инь-шанѣ, какъ маркграфы, во главѣ пограничныхъ китайскихъ гарнизоновъ, противъ набѣговъ сѣверныхъ Хунну и Сяньби (Siapri), корейской особенной расы, проникшей изъ рѣчной области Амурса, которая въ апогеѣ своей силы въ 216 году впрочемъ истребила послѣдніе остатки власти этихъ Шаньюевъ. (*).

И эти Сяньби ⁽³¹⁾ были въ тѣхъ же мѣстностяхъ Тендуха и Инь-шаня только мимопроходящимъ, хотя страшнымъ метеоромъ, который уже утихаетъ послѣ двухъ-вѣновыхъ грозъ (съ 400 г.) и въ срединѣ V в. утопаетъ въ морѣ забвенія, откуда мы его и не вызываемъ здѣсь.

Но и послѣ того существуютъ еще нѣкоторые разсѣянные, древніе, туземные Туркскіе роды Хуннускихъ орды; они почти всѣ подчиняются разнымъ китайскимъ династіямъ, даже поселяются внутри Великой стѣны, или служатъ воинами въ китайскихъ войскахъ, и принимаютъ болѣе или менѣе участія въ выгодахъ, представляемыхъ перемѣною династій въ Китайскомъ государствѣ. Такъ однажды упоминается ⁽³²⁾ о 20,000 ихъ семействъ, которыя, оставаясь въ своемъ отечествѣ, подчиняются Китаю. Это оставшееся въ своемъ отечествѣ поколѣніе, уже послѣ изгнанія знаменитыхъ древнихъ Хунну, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ виѣшнихъ обстоятельствахъ, способствуютъ къ тому, что нѣсколько столѣтій спустя послѣ того какъ исчезло древнее царство Шаньюевъ изъ нагорной восточной Азіи, развились на той же почвѣ болѣе юныя государства восточныхъ Туркскихъ народовъ (съ V в.). Только здѣсь не образовалось какъ прежде столь колоссальное нагорное царство, какъ Хуннусское, которому не могли еще поставить границъ необра-

(*) О Сяньби см. выше общ. дополн. къ главѣ I. *Пр. Пер.*

(31) *Tableaux histor. de l'Asie. Race Siapri. p. 23—60.*

(32) *Tabl. hist. de l'Asie p. 112.*

завовавшіяся сосѣднія царства, а произошли государства въ горадо болѣе узкихъ размѣрахъ. Это новое могущество Турковъ въ восточной Азій, раздѣленныхъ на племена и государства, являлось преобладающимъ въ Восточной Азій, только въ мѣстно и временно ограниченныхъ періодахъ, между паденіемъ Хунну и блистательнымъ періодомъ завоеваній Чингисъ-Ханидовъ. Они перемѣняли свои названія и мѣстопребыванія, и мы приведемъ здѣсь только главныя изъ ихъ династій и народностей, имѣвшія особенное вліяніе на рассматриваемую нами здѣсь часть нагорья, т. е. Инь-шань: династій первыхъ Хя (по сѣв. пр. Ся, Нія) и сѣверныхъ Лянъ (Liang), кратковременныя туркскія государства въ V в. на Хуанъ-хэ, Ту-кюэ (Tu-Khiu) въ VI и VII в. на Алтаѣ и отъ истоковъ Орхона до Инь-шаня, Вэй (Goei), Уйгуры Хой-хэ и Хой-ху (Hoesi-He, Noi-Hu) далѣе къ С.-З. около Хамула (Хами) и на С. около Алтая, на мѣстѣ прежнихъ Ту-кюэ, гдѣ они властвовали въ Холинѣ, или Каракорумѣ отъ VIII и X в., одновременно съ Хя, властвовавшими въ Нинъ-хя на Хуанъ-хэ, до завоеванія ихъ земель Чингисъ-ханомъ.

И Каханы этихъ, властвовавшихъ на С. Гоби Туркскихъ царствъ, распространили съ древнѣйшихъ временъ, по извѣстнымъ дорогамъ, свое владычество къ Ю. до Хуанъ-хэ, Инь-Шаня и Китая, и вступили черезъ это не только въ равнообразныя торговыя сношенія съ этою странюю. но и въ постоянное соприкосновеніе съ родственнымъ (по происхожденію) царствомъ Хя, вслѣдствіе чего описываемая страна при подошвѣ Инь-шаня была, въ теченіи болѣе полутысячелѣтія, театромъ борьбы народовъ, ихъ полемъ битвы, странюю крѣпостей, пограничныхъ карауловъ и колонизацій, которыя, будучи подвержены безпрестанно новымъ перемѣнамъ, могли только разцвѣсть минутно, но всегда принуждены была погружаться опять въ развалины и пустыни.

Основатель перваго царства Хя — Хэ-лянъ-бо-бо (He-lin-gan-piu-piu) изъ племени Хунну (въ 407 г.) построилъ нѣсколько городовъ на сѣв. изгибѣ Хуанъ-хэ; резиденція же его,

какъ мы говорили выше, была въ Нинъ-хя⁽³³⁾. Самый значительный изъ городовъ, основанный имъ въ апогеѣ его власти, построенъ изъ кирпичей и названъ имъ Дунъ-ванъ-ченъ (Tunvan-Tsching, Toponang у Малья)⁽³⁴⁾, т. е. владычица 10000. Постройка этого города была совершена съ такою же тираническою суровостью, какъ постройки израильскія въ Египтѣ; городъ находился на самомъ Хуанъ-хэ, черезъ который перешли по льду въ 426 г. враждебные Вэй, сожгли городъ съ его дворцами и свергли всю династію. Этотъ Дунъ-Ванъ-Ченъ, по свидѣтельству Дегиня, находился тамъ, гдѣ мы уже упомянули о развалинахъ, близъ Тохто, при впаденіи Тургэня въ Хуанъ хэ. Гдѣ же въ это время лежали два другіе упоминаемые главные города царства: Чанъ-'анъ (Tschang-ngan) и Чанъ-к'эу (Tschang-kow), намъ неизвѣстно.

Въ VIII в. Государство Тибетскихъ Туфановъ, о которыхъ мы говорили уже выше, при изслѣдованіяхъ Ф Сининъ, начало дѣлаться грознымъ для династіи Т'анъ, на западной ея границѣ; набѣги его на верхнемъ Хуанъ-хэ простирались далеко на С. и вызывали тогда уже очень ослабѣвшихъ на С. Гоби Турковъ къ соединенному нападенію на Китай. Но сія послѣдніе (съ 639 г.) остались вѣрными вассалами династіи Т'анъ, которая умѣла привязать ихъ къ себѣ своею политикою. Въ награду, говоритъ исторія династіи Т'анъ⁽³⁵⁾, назначилъ Китайскій Императоръ Кахану Турковъ или восточныхъ Ту-кюэ, имѣвшему резиденцію свою въ Холинъ (монгольскомъ Каракорумѣ) въ 727 г. городъ Чжеу-хянь-ченъ (Tcheou-Hiang-Tching) на Хуанъ-хэ, при подошвѣ Инъ-шавя въ Ордосѣ, для учрежденія тамъ лошадиного рынка, который Турки безпрепятственно снабжали съ своихъ заводовъ, что было для нихъ источникомъ значительной торговли и обо-

(33) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XII. p. 76; Deguignes Einl. p. 208, 272.

(34) Deguignes Gesch. der Hunnen v. Dähnert Th. I. p. 375; Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IV. p. 545. T. V. p. 21.

(35) Gaubil Hist. des Tang въ Мém. conc. I. Chine T. XVI. p. 20; Deguignes I. p. 582.

гашенія, потому что китайская конница ⁽³⁶⁾, по увѣренію министра, не могла состоять безъ закупа лошадей. Прежде существовавшая лошадиная торговля съ Тангутами ⁽³⁷⁾ была отнята у нихъ, какъ у государственныхъ враговъ. Но когда, вскорѣ послѣ того (въ 744 г.), династія обезсилѣвшихъ Тукюэскихъ Кахановъ была низвергнута разцвѣтающею властію Хой-хэ или Турковъ-Уйгуровъ, то эта монополія продолжалась, хотя сіи послѣдніе не были такими покорными вассалами какъ первые. Для того чтобы избѣгнуть ихъ набѣговъ и грабежей Императоры династіи Танъ должны были признать этихъ новыхъ узуртаторовъ Каханскаго трона (съ 765) въ Холинѣ, присылать имъ Инфантинъ, принимать ихъ посольства и дать имъ тѣже преимущества, какъ и побѣжденнымъ ими. Какъ важны они были можно заключить изъ отдѣльныхъ показаній лѣтописей ⁽³⁸⁾, Танской династіи. Въ 781 г. Китай купилъ у нихъ 180000 головъ лошадей за шелковыя матеріи; въ началѣ IX вѣка, когда ихъ завоеванія все болѣе и болѣе распространялись до Камгара ⁽³⁹⁾ на Э., Тангута на Ю. и далеко на С., ихъ требованія дѣлались все значительнѣе; они были чрезвычайно обогащены этою торговлею, также какъ и различными грабежами. Ханы ихъ оставили прежнюю простоту, окружили себя блескомъ и роскошью, строили дворцы, одѣвались въ драгоцѣнныя ткани.

Незадолго до замѣчательнаго періода торговыхъ сношеній на сѣв. изгибѣ Хуанъ-хэ, еще въ 707 г. Китайцы, для обезпеченія себя отъ вторженій съ С., привели въ оборонительное состояніе три крѣпости, которыя они впоследствии назначили для упомянутой торговли и, по свидѣт. Дегиня ⁽⁴⁰⁾, назвали Чжеухянь-ченомъ (Scheu-Kiang-Tching). Одна лежала на В., другая посрединѣ, близъ города Бильджу хай-хотонь (Pil-jotai-

(36) Tabl. Hist. de l'Asie p. 119, 127.

(37) Gaubil Hist. de Tang въ пр. с. p. 24.

(38) Gaubil въ пр. с. XIV. p. 106, 121, 183.

(39) Visdelou supplement, p. 69.

(40) Deguignes Gesch. d. Hunnen. b. Dähnert Th. I. p. 376.

hotun; Pildjoo-Khai по Клапр.), а третья на 3. Онѣ защищали страну, впоследствии названную Ордосомъ, содержали сильные гарнизоны и могли сообщаться между собою условленными знаками. Ни одинъ наблюдатель не рѣшилъ еще остались ли понынѣ слѣды всего этого. Но еще упоминается здѣсь одинъ городъ, имя котораго значительно помогло для объясненія до тѣхъ поръ невѣстнаго названія страны Тендухъ.

ДОПОЛНЕНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 23.

О происхожденіи и этнографическихъ отношеніяхъ Хунну (Hiongnu).

Интересное племя Хунну, Hiongnu европейскихъ правописаній, играющее столь важную роль въ исторіи Китая и внутренней Азіи въ два послѣдніе вѣка до Р. Х., подало поводъ къ значительному разногласію между учеными о происхожденіи его.

Первый историкъ, обратившій вниманіе на это племя, былъ Дегивъ ⁽¹⁾, не сомнѣвавшійся въ тождествѣ Хунну китайскихъ лѣтописцевъ съ Гуннами Аттилы и народнаго переселенія, и старавшійся раскрыть причины и начала народныхъ миграцій изъ фактовъ, сообщаемыхъ китайскими лѣтописями. Палласъ, Бергманъ ⁽²⁾ и Шмидтъ ⁽³⁾ признала Гунновъ, тождественно съ Хунну, за *монгольское* племя, а въ новѣйшее время тому же мнѣнію послѣдовалъ и О. Іакинфъ ⁽⁴⁾.

Клапротъ въ 1826 году ⁽⁵⁾ былъ первый историкъ, возстав-

(1) Deguignes Histoire des Huns. 4. Paris. 1756.

(2) Bergmann Nomadische Streifereien unter den Kalmücken Riga. 1804. 8. В. I. p. 129.

(3) I. I. Schmidt Forschungen im Gebiete der älteren religiösen, politischen und literarischen Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens etc. St. Petersburg. 1824. 8.

(4) О. Іакинфа Собр. свѣд. о народ. обит. въ ср. Азіи С. П. Б. 1851. Ч. I. ст. 1 и 10.

(5) Klaproth Tableaux Histor. de l'Asie. Paris. 1826. 8. T. II. p 372 — 378.

шій не только противъ предполагаемой соплеменности Гунновъ съ Монголами, но даже и противъ тождества Гунновъ и Хунну, на которое конечно Дегинъ не привелъ никакихъ доказательствъ, почитая его несомнѣнною аксіомою. Клапротъ пришелъ къ мнѣнію, что Гунны Аттилы и Авары соплеменны съ Мадьярами и относятся къ *финскому* племени, между тѣмъ какъ Хунну китайскихъ лѣтописей суть родоначальники *туркскихъ* племенъ. Мнѣніе это произвело переворотъ въ наукѣ и было раздѣлено лучшими историками того времени, между прочимъ Аб. Ремюза и Риттеромъ и донинѣ повторяется въ большей части сочиненій.

Однако же новѣйшіе авторы, между которыми мы можемъ назвать между прочимъ Неймана ⁽⁶⁾, С. Мартена ⁽⁷⁾ и Вивьенъ де С. Мартеня ⁽⁸⁾, возвращаются мало по малу къ прежнему мнѣнію о тождествѣ Гунновъ и Хунну, не возобновляя конечно уже оставленной гипотезы о соплеменности Хунновъ съ Монголами.

Для того чтобы разобрать критически какое изъ всѣхъ этихъ мнѣній должно быть принято за достовѣрнѣйшее, мы замѣтимъ что вся теорія Клапрота распадается на слѣдующія части: 1) доказательства соплеменности Гунновъ Аттилы съ Мадьярами и Аварами, слѣдов. съ финскими племенами, 2) доказательства тождества Ту-кюэсовъ съ Турками, 3) доказательства соплеменности Хунну китайскихъ лѣтописей съ Ту-кюэсами и различія ихъ отъ Гунновъ.

1) Доказательствомъ соплеменности Гунновъ Аттилы съ Мадьярами и Аварами т. е. Финскимъ племенемъ, основано у Клапрота на сравненіи сохраненныхъ византійскими историками гунскихъ именъ съ мадьярскими словами. Такъ имя *Αττίλας* или *Этцель* представляетъ аналогію съ венгерскимъ *Atzel* — сталь; *Ηρωαχ* съ *Hir-nagy* — великая слава; *Σανδάλ* съ *Sandal* — кривой

(6) C. T. Neumann Asiatische Studien Leips. 8. 1837. p. 132.

(7) St. Martin Histoire du Bas Empire. Par. 1824. T. IV. p. 284.

(8) Vivien de St. Martin sur les Huns Ouraliens въ Nouv. Ann. de voyages V-me serie 4-me année 1848 Decembre и sur les Huns blancs. Nouv. Ann. de voy. V-me serie. 5-me Année. 1849. Juillet et Août. p. 69, 70.

Μουτζαχ съ *Mentség* — покровительство; Χινιαλος съ *Kinálás* — предложенье; Σινιων съ *Szini* — цвѣтной; Δεγγιζιχ съ *Tenyésses* — плодородіе; Κουρλαχος съ *Körül-lágy* — снисходительный къ окружающимъ; Βαλαχ съ *Balog* — лѣвый и пр. (9). Совершенно тождественныя имена съ Гуннскими нашель Клапротъ у одного лезгинскаго племени и нынѣ называемаго у нихъ Аваръ, какъ напр. Ади.ла (Аттила), Ульдикъ, Елакъ, Баламиръ, Армусъ (Альмусъ), Леель, Гайсса (Гейза), Царольда и т. п. Всѣ эти имена, по свидѣтельству Клапрота, не представляютъ ни малѣйшей аналогіи ни съ турецкими, ни съ монгольскими. Сверхъ того въ лезги-аварскомъ языкѣ рѣка называется *оръ*, *хоръ* (*hog*), *уоръ*, а Гунны, по свидѣтельству Иорнанда, называли Дунай на своемъ языкѣ *Варъ* или *Уаръ* (10). Изъ всего этого Клапротъ заключаетъ, сколько намъ кажется, съ большимъ вѣроятіемъ что Гунны Аттилы, вмѣстѣ съ Аvaraми принадлежали, какъ и нынѣшніе Мадыяры, къ Финскому племени (11). Замѣтимъ только, что хотя Гунны Аттилы вышли изъ Урала, но столь же коренымъ ихъ отечествомъ, съ которымъ уральскіе Гунны поддерживали связь, былъ и Алтай. Это обстоятельство и объясняетъ съ перваго взгляда противорѣчащій мнѣнію Клапрота несомнѣнно азіатскій типъ Гунновъ, столь поразившій Византіецевъ и выраженный Иорнандомъ при описаніи Аттилы (12). И нынѣ нѣкоторыя восточныя финскія племена сохранили этотъ характеристическій типъ, *какъ напр. Вогулы и Ногаи. Если же за-

(9) Klaproth Memoires relatifs à l'Asie. T. II. p. 376.

(10) Мнѣ кажется что съ этимъ словомъ оръ и горъ имѣетъ аналогію турецкое и монгольское голъ, что значить также вода, рѣка.

(11) Я бы могъ указать на множество авторитетовъ, раздѣляющихъ это мнѣніе. Очень важнымъ мнѣ кажется авторитетъ лучшаго знатока этнографіи финскихъ племенъ Карстрена. См. Carstren Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—49. Aug. A. Schiefner St. Petersburg. 8. p. 9. 1836.

(12) См. Jornandes De rebus Geticis. cap. XXXV p. 101. edit. 1618: Онъ характеризуетъ этотъ типъ слѣдующими словами: forma brevis, lato pectore, capite grandiori, minutis oculis, rarius barba, canis aspersus, simo naso, teter colore, originis suae signa restituens.

падные Финны и Мадьяры не соответствуют такому типу, то это потому что финскія племена или потеряли его въ соприкосновеніи съ европейскими, или они совсѣмъ не имѣли его первоначально, а приобрѣли на отдаленномъ Востокѣ, въ прикосновеніи съ монгольскими племенами, въ то время когда они еще жили на Алтаѣ ⁽¹³⁾.

2) Доказательства тождества Тукюэссцевъ (Ту-кюэ, Ту-гю, Ду-цюэ, Дулга) съ вост. Турками основано, кромѣ самыхъ именъ ихъ, на тождествѣ или аналогіи почти всѣхъ Ту-кюэссскихъ словъ, сохраненныхъ китайскими лѣтописями, съ восточными туркскими, и кажутся намъ вполне убѣдительными. Мы назовемъ въ примѣръ ⁽¹⁴⁾ слова: *бури* — волкъ, на восточ. туркск. также *бури*, на монгольскомъ *чино*; *уй* — домъ на вост. туркск. также *уй*, на монгольск. *геръ*; *холокъ* — лошадь, на туркск. *куланъ*, на монгольск. *морж*; *сочо* — волосы, на туркск. *сачъ*, на монгольск. *уссу*; *тере*—судья, на туркск. *тере*, на монгольск. *сиунъ*. Тождество Ту-кюэ съ Турками есть слѣдовательно самая несомнѣнная часть цѣлой теоріи Клапрота.

3. Остается самая слабая, по нашему мнѣнію, часть теоріи — именно тождество Ту-кюэсцевъ съ древними Хунну китайскихъ лѣтописцевъ, и различіе сихъ послѣднихъ отъ Гунновъ. На тождество Ту-кюэсцевъ съ древними Хунну Клапротъ не приводитъ никакихъ доказательствъ, кромѣ полного замѣненія Хунну Тукюэсцами или туркскими племенами на С.-З. предѣлахъ Китая (въ Иньшаньской альпійской странѣ), и показанія китайскихъ лѣтописей о томъ что Ту-кюэ произошли отъ Хунну. Именно исторія говоритъ, что когда послѣднее изъ Хуннскихъ царствъ Бэй-лянъ, было разрушено во второй половинѣ V вѣка, остатки Хуннскихъ орды уклонились на З. и поселились сначала на Си-хаѣ (Балхашѣ), а потомъ въ долинахъ Гинь-

(13) И нынѣ финскія племена, какъ показалъ Кастрень, распространены и въ Алтаѣ. См. Castren Reise p. 31.

(14) См. Klaproth Memoires relatifs á l'Asie. T. II p. 384—386.

шана (т. е. Алтай). Предводитель ихъ Ассена расположилъ свой лагерь у подошвы холма, имѣющаго форму шлема: такъ какъ на языкѣ ихъ племъ назывался *Ту-кюэ* (Дулга), то и все племя приняло это названіе, подъ которымъ и сдѣлалось извѣстнымъ въ исторіи.

Это показаніе китайской исторіи кажется очень недостаточнымъ для того чтобы опровергнуть тождество Хунну китайскихъ лѣтописцевъ съ Гуннами Аттилы. Замѣтимъ прежде всего, что слово Хунну, слегка искаженное въ европейскихъ транскрипціяхъ, въ русской транскрипціи, всегда болѣе вѣрной для китайскихъ звуковъ, даже ничѣмъ не различается отъ сдѣлавшагося извѣстнымъ черезъ византійскихъ историковъ имени Гунновъ (по произношенію Хунновъ). Замѣтимъ еще, что хотя Хунну являются очень рано въ китайской исторіи, они были не аборигенами, а *пришельцами* въ Иньшанѣ, но что настоящее ихъ отечество былъ Алтай. Это доказывается прямыми преданіями о происхожденіи ихъ изъ Алтая, сохранившимися въ китайскихъ лѣтописяхъ (см. выше ст. 622), также многими другими обстоятельствами какъ напр. уклоненіями ихъ всегда когда они претерпѣвали неудачи на С.-З. къ Саянскимъ горамъ, гдѣ они конечно сохранили связи съ своими алтайскими современниками и куда даже распространялось ихъ владычество. Эта связь, какъ Хунну такъ и Гунновъ съ Алтаемъ, даже выражается и на историческихъ картахъ Клапрота ⁽¹⁵⁾, гдѣ Алтай составляетъ границу между Гуннскими (по его мнѣнію Финскими) и Хуннскими (по его мнѣнію Туркскими) племенами. Слѣдовательно какъ Хунну, съ которыми исторія въ первый разъ познакомилась на границахъ Китая въ Иньшаньской альпійской странѣ, такъ и Гунны, съ которыми исторія познакомилась на границахъ Европы въ Уралѣ обладали Алтаемъ, и даже вышли изъ него: можно ли предположить чтобы народы *обитавшіе въ одной и той же странѣ и носящіе одно и то же имя*, въ эпохи малоотдаленныя

(15) Klaproth Tableaux historique de l'Asie carte 8.

одна отъ другой, принадлежали бы къ различнымъ племенамъ? И такое предположеніе основано все только на томъ что Клапротъ, на основаніи нѣкоторыхъ филологическихъ аналогій, объявилъ Гунновъ Финнами, а Хунну китайская исторія признаетъ за предковъ Ту-кюэсовъ т. е. несомнѣнныхъ Турковъ. Замѣтимъ однакоже что если доказательства Клапрота о соплеменности Гунновъ съ Финскими племенами кажется намъ основательными и правдоподобными, они все еще недостаточны для опроверженія тождества двухъ народовъ, носившихъ одно и тоже имя и обитавшихъ въ одной и той же странѣ, тѣмъ болѣе что оба положенія т. е. соплеменность Гунновъ съ Финнами и тождество Гунновъ съ Хунну могутъ быть соглашены между собою. Именно показанія китайской исторіи о томъ, что восточныя Турки (Ту-кюэ) произошли отъ Хунну, по вашему мнѣнію, ровно ничего не доказываетъ. Вспомнимъ что Хунну были только пришельцами, завоевателями на С.-З. предѣлахъ Китая, а не аборигенами. Аборигенами или по крайней мѣрѣ болѣе ранними пришельцами тамъ были: въ Инь-шанѣ Туркскія племена, въ Киянь-шанѣ — индогерманскіе Усуни и тибетскіе Юе-чжы. Всѣ они были покорены Хунну и приняли ихъ народное названіе. Такіе примѣры въ исторіи восточной Азіи нерѣдки. Такъ тѣже Хунну, впоследствии побѣжденные и подчиненные Корейскимъ племенемъ Сяньби, по свидѣтельству китайскаго историка династіи Хань, принимаютъ народное названіе Сяньбийцевъ ⁽¹⁶⁾. Такъ называемые же бѣлые Хунны, Есталиты византійскихъ историковъ, по прекраснымъ изслѣдованіямъ Вивьенъ де С. Мартеня ⁽¹⁷⁾, оказались совсѣмъ не Хуннами, а упомянутыми Юе-чжы, народомъ тибетскаго племени, котораго многочисленныя остатки и донынѣ составляютъ значительную часть населенія Пенджаба и извѣстны подъ именемъ *Джатъ*. Такъ китайскія лѣтописи сохранили слово Ки-

(16) См. Иаквеев Собр. свѣд. о народ. ср. Азіи. Ч. I, стр. 163.

(17) Vivien de St. Martin sur les Huns blancs ou Ephthalites. V-me Serie. 1849. Juillet et Août p. 1—79, Septembre p. 241—285.

лянь (Цзянь) — Небо, какъ Хуннское. Аналогіи же этого слова какъ напр. греческое *κελευ* верхъ, латинское *coelum*, французс. и итальянское *ciel* и *cielo*, латышское *zeltaes* (поднимать) приводятъ насъ къ индо-европейскимъ языкамъ и объясняются, какъ мнѣ кажется, только тѣмъ, что сообщившіе Китаичамъ это слово Хунны были коренные аборигены Киянь-шаня, т. е. индо-европейскіе, голубоокіе Усуни. Послѣ всего этого удивительно ли, что Турки Инь-шаня остались для китайскихъ лѣтописцевъ Хуннами даже и послѣ того какъ толпа Хуннскихъ завоевателей, которыхъ войска въ массѣ своей могли даже состоять изъ побѣжденныхъ при алтайскихъ Турковъ давно исчезла въ чуждой ей народности, особенно послѣ раздѣленія Хуннскаго царства на сѣверное и южное, т. е. послѣ того какъ немногочисленная масса Хуннскихъ завоевателей, послѣ потери связи съ своими сѣверными соплеменниками, должна была окончательно потеряться въ туркскомъ элементѣ. Уклонившіяся же въ V вѣкѣ къ С. орды, отъ которыхъ китайскія лѣтописи производятъ Ту-кюэсцевъ были настоящія туркскія племена. Притомъ же во времена Клапрота между финскими и туркскими племенами полагалась еще рѣзкая противоположность, между тѣмъ какъ нынѣ основательныя изслѣдованія датскаго филолога Раска и нашего Кастрена ⁽¹⁸⁾ доказываютъ значительное сходство финскихъ и туркскихъ племенъ, сожительствовавшихъ въ Алтаѣ, гдѣ и нынѣ иногда трудно сказать о нѣкоторыхъ родахъ принадлежатъ ли они къ финскому или туркскому племени. Что же касается до хуннскихъ словъ, сохраненныхъ намъ китайскими лѣтописями, то число ихъ весьма ограничено. Кромѣ Цзянь—небо, сообщеннаго намъ Васильевымъ и вѣроятнѣе принадлежавшаго Усунямъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчается еще нѣсколько ⁽¹⁹⁾. Шань-юй, иначе Тань-ли-куту, что значило сынъ неба, былъ титулъ хуннскихъ царей. Такъ какъ

(18) *Castren Reise nach den Norden*. St. Petersburg. 1856. 8. p. 10, 76.

(19) См. Schott Ueber das Altaische od. Finnisch-Tatarische Sprachen geschlecht geles. in der Acad. de Wissensch. in 1847. Act. Acad. Berolinens. 1849. Berl. p. 290.

трудно предположить чтобы слова сынъ и небо имѣли бы два названія на одномъ и томъ же языкѣ, то намъ кажется что Шаньюй значило на настоящемъ хуннскомъ языкѣ—сынъ неба, а Тань-ли-куту былъ переводъ этого слова на языкѣ подвластныхъ имъ народовъ. И дѣйствительно Таньли есть только китайская транскрипція вмѣсто Танри, а Тэнгри, Тэнри на турецкомъ языкѣ означаетъ *Небо*. Слово же Куту, по свидѣтельству Шотта ⁽²⁰⁾, не встрѣчается ни въ турецкомъ, ни въ монгольскомъ; за то по маньчжурски *Гуто* значитъ сынъ. *Лу-ли* былъ у Хунну также княжескій титулъ; *Туки* значило мудрый, *Тей-ло* (Теу-lö) — курганъ. Этимъ словамъ Шоттъ не могъ найти аналоговъ въ турецкихъ языкахъ. Съ послѣднимъ, по его замѣчанію, болѣе всего сходно тибетское *дурь* (dur), означающее надгробный памятникъ.

Достаточно если мы заключимъ изъ всего изложеннаго, что даже въ немногихъ сохранныхъ китайскими историками Хуннскихъ словахъ, нѣтъ рѣшительной аналогіи съ турецкими, и что показаніе китайской исторіи о происхожденіи Ту-кюэ отъ Хунну, по изложеннымъ причинамъ, не имѣетъ оообенной важности. Слѣдовательно самымъ вѣроятнымъ для насъ мнѣніемъ остается то что *Хунну китайскихъ летописцевъ были тождественны съ Гуннами Аттилы, и какъ тѣ, такъ и другія принадлежали къ финскому племени, въ древнѣйшія времена обитавшему въ Алтаѣ.*

§ 24.

Изложеніе VII. *Т'янь-дэ, Тендучъ, страна Кэраитовъ и пресвитера Юанна по свидѣтельству М. Поло. Убѣжище Ша-то и Та-тань. Новѣйшее мѣстопребываніе Кутухты и Иерархіи; значеніе сей послѣдней въ началъ XVIII вѣка.*

Императоръ династіи Т'ань, Хяо-цзунъ (Hiou-Tsoung), около

(20) См. Id. ibid.

750 г. нашей эры, выстроилъ городъ Т'янь-дэ (Tian-Te) (1) на Хуань-хэ, и 8 лѣтъ спустя слѣлалъ его Гюнемъ (Kiun), т. е. пребываніемъ военного правленія, распространявшагося по всей сѣверной части нынѣшней провинціи Ордосъ, также и по полосѣ, лежащей къ С. отсюда между Хуань-хэ и Инь-шанемъ (2). Эта военная провинція, отъ имени своего главнаго города, была названа Т'янь-дэ-гюнь и существовала и при послѣдующихъ династіяхъ до монгольскаго владычества. Этотъ Т'янь-дэ-гюнь, въ обыкновенномъ произношеніи Тенъ-декъ, существуетъ еще и нынѣ въ развалинахъ, расположенныхъ въ 15 г. м. (200 лн) къ С.-З. отъ Бильжухая (Pildjookhai Klarg., Pilou Tai (3); Piljotae у д'Анв. и Дюгальда). Сіе послѣднее мѣсто есть древній Чжунъ-шеу-ченъ (Tschung-Sheu-Tsching у Китайцевъ (4), т. е. сторожевой городъ границъ Срединнаго царства). Онъ лежитъ подъ 40° 38' с. ш. и 7° з. д. отъ Пекина, въ небольшомъ разстояніи отъ берега Хуань-хэ. Здѣсь были еще два сторожевыхъ города: одинъ на В., другой на З. Очень можетъ быть что эти послѣдніе были тождественны съ выше нѣсколько иначе названными по Де-гиною. Для дальнѣйшаго опредѣленія Клапротъ присовокупляетъ еще слѣдующее поучительное давнее: «одинъ китайскій авторъ, времянъ монгольскаго владычества въ Китаѣ, именемъ Чу-цзы-пенъ (Tchu-Tzu-Pen) (4), составившій описаніе Хуань-хэ, отъ востока до устья, говоритъ что эта рѣка, по принятіи большаго Тао-хэ (Дай-т'унъ-хэ или Уланъ-мурэнъ въ лѣвой стороны?) въ Гань-су, оставляетъ Китай и проходитъ черезъ

(1) Klapproth sur le pays de Tenduc ou Tenduch de M. Polo въ Journ. Asiat. Par. 1826. 8. Т. IX. p. 305.

(2) Cf. Visdelou Supplement à la bibliothèque orientale p. Herbelot et 1780 fol 67 — 67.

(3) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 11

(4) Чжунъ-шеу-хянь чэнь на картѣ О. Іакинеа, приложенной къ его исторіи азіатскихъ народовъ. Т'янь-де дѣйствительно означенъ на этой картѣ въ 100 вер. къ С. З. отъ этого города, но потому самому верстахъ въ 60 къ С. отъ р. Хуань-хэ. — *Пр. Пер.*

(4) Въ пр. с. Journ. As. IX. p. 304.

страны Татаровъ, черезъ территоріи древнихъ китайскихъ городовъ Т'янь-да, именно Чжунъ-шеу-ченъ и Дунъ-шеу-ченъ (Tung-Scheu-Tsing). Потомъ рѣка эта поворачиваетъ къ Ю. и вступаетъ опять черезъ область Дай-г'унъ-фу въ Китай». Вотъ что говоритъ туземный авторъ, доказывающій, какъ замѣчаетъ Клапротъ, очень ясно, что въ его время Татары обитали въ Ордоѣ и горной странѣ Инъ-шаня къ С. отдѣленной отъ Ордо-са рѣкою. Вульгарное произношеніе этого Т'янь-дэ — Тендекъ, тождественно съ столь спорнымъ Тендекомъ или Тендухомъ М. Поло. (Этотъ Т'янь-дэ былъ называемъ также Китаичами Гуй-гюнь (Kouei-Kium т. е. гарнизонъ справедливости)⁽⁵⁾. Тендухъ расположенъ въ странѣ Татаровъ и благородный Венеціанецъ говоритъ положительно, что Хуанъ-хэ (котораго истоковъ онъ не зналъ потому-что не былъ въ Хухэ-норѣ), течетъ изъ страны пресвитера Іоанна и отсюда вступаетъ въ Китай, протекаетъ мимо Coiganzu (т. е. Хой-'анъ-фу) и впадаетъ въ море.

Уже это одно примѣчаніе достаточно показываетъ, что всѣ попытки объяснить иначе страну Тендухъ несправедливы. Всѣ же другія данныя, сообщаемыя М. Поло, подтверждаютъ еще болѣе, что именно здѣсь лежалъ знаменитый Тендухъ, о которомъ въ прежнія времена столь много упоминали и спорили, а въ новѣйшія совершенно забыли. М. Поло, описываетъ его въ то время, какъ онъ, на пути своемъ, какъ сказано было выше, посѣтилъ три пограничные города отъ Су-чжеу до Нинъ-хя, и послѣдовалъ, изъ страны Тендухъ, какъ мы уже видѣли выше, далѣе на В. въ Шанду, лѣтнюю резиденцію Хубилая. Нельзя слѣдовательно согласиться съ мнѣніемъ Марседена⁽⁶⁾, который предполагаетъ что Марко Поло направился на Сининъ и черезъ Срединное царство прямо на В. въ Пекинъ, чѣмъ онъ и старается объяснить, почему М. Поло умолчалъ о Великой стѣнѣ, паралельно которой онъ слѣдовалъ съ южной стороны, не ка-

(5) Visdelou Supplem. à la biblioth. or. p. 69.

(6) W. Marsden voy. of M. Polo p. 187. not. 339 и p. 230. not. 446.

саясь и не пересѣкая ее. Эта 'ипотеза ученаго комевтатора впрочемъ не только уже сама по себѣ очень невѣроятна, но и совершенно неосновательна, потому что М. Поло, какъ было изложено выше, описываетъ какъ очевидецъ императорскій охотничій замокъ Шанду очень подробно, въ главѣ 55 и 56. Уже оттуда къ Пекину долженъ онъ былъ перейти черезъ Великую стѣну, и безспорно видѣлъ ее во многихъ мѣстахъ. Но во времена Монголовъ, которые вездѣ прорвали эту стѣну, она не заслуживала вовсе такого вниманія, какое впоследствии обратили на нее іезуиты, съ тѣхъ поръ какъ династія Минъ вездѣ укрѣпила, удвоила и поправила ее, и ея адмираторы прославили ее какъ неприступный валъ, который впрочемъ при Маньчжурской династіи сдѣлался опять совершенно излишнимъ (*). Только одни европейцы причислили эту стѣну къ семи чудесамъ свѣта и сдѣлали изъ нея самую характеристическую примѣту цѣлаго Китая.

Страна Тендухъ была расположена также совершенно внѣ стѣны, и потому именно, подобно тому какъ прежде Инь-Шань служилъ убѣжищемъ Хунну, могла и она сдѣлаться убѣжищемъ другимъ племенамъ, между которыми замѣчательнѣйшими въ исторіи были Шато и Татары, до тѣхъ поръ пока послѣдніе не должны были подчиниться владѣтельному Монгольскому дому; первые пришли съ З., вторые съ В. въ эту страну, въ которой они впрочемъ, по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій, окончили свое политическое состояніе. Ихъ участіе въ метаморфозѣ этнографіи и политической исторіи Азіи было однакоже совсѣмъ немаловажно.

Шатосцы жили въ среднѣй I вѣка по Р. Хр., подобно другимъ соплеменнымъ имъ Туркамъ центральной Азіи, подъ именемъ Чу-юй (Tschu-Yue), на Лобъ-норѣ (7), и получили отъ тамошнихъ

(*) О томъ въ какомъ разрушеніи она уже находится нынѣ, свидѣлствуютъ видѣвшіе ее въ 18 различныхъ мѣстахъ въ самое новѣйшее время миссіонеры Хюкъ и Габе. — *Пр. Пер.*

(7) Deguignes *Gesch. d. Hunnen*. Т. II. p. 43; P. Gaubil. *Hist. des Tang* въ *Mém.* Т. XVI p. 186.

обширныхъ степей, называемыхъ Турками Шато, тоже названіе и для своей орды (Багаргаръ у Аравитянъ) ⁽⁸⁾. Ихъ столица называлась Тантабео (Tantabeo?); они боготворили огонь; до нихъ, какъ и до многихъ другихъ народовъ нагорья, начиная отъ Кашгара, проникло можетъ быть ученіе Зороастра, Му-ху-фу Китайцевъ ⁽⁹⁾, т. е. ученіе Маговъ или Моговадь (Мобель) Магометанъ, и такимъ образомъ могло найтись на семъ нагорья и Персепольское клиновидное письмо, для отысканія котораго намъ злополучный путешественникъ и другъ Шульцъ (Профессоръ въ Гиссенѣ) предпринялъ свое мученическое путешествіе. Различныя войны отгнѣсвали ихъ все далѣе и далѣе къ В., и такимъ образомъ проникли они, черезъ Бэй-г'инь (Pething, Бишбалыкъ), во времена апогея Тибетскихъ влaстителей — Туфань, въ Тангутъ, до Великой стѣны на верхнемъ Хуанъ-хэ. Наскучивъ зависимою отъ сихъ послѣднихъ хотѣли они отдаться подъ покровительство Китая, но преслѣдовавшія ихъ Тибетскія войска Туфаней, настигли ихъ на пути къ В. въ 808 г. и истребили ²/₃ всего ихъ количества. Только 10,000 изъ нихъ достигли до Хуанъ-хэ, въ нынѣшнемъ Ордосѣ, у Нинъ-хя, и были приняты съ честью Китайцами династїи Танъ, потому что сіи послѣдніе уже знали ихъ, при всѣхъ нападеніяхъ Тибетцевъ, за самыя храбрыя передовыя войска того времени. Съ 830 г. предводителя ихъ, на С. отъ Шэньси и Шаньси, были произведены въ почетное званіе *стражей государства* противъ сѣверныхъ варваровъ (Турковъ, именно Хой-ху, и Татаней), потому что они, по своей храбрости, были въ почетѣ и у сихъ послѣднихъ, также и въ дружбѣ по сходству своихъ обычаевъ, такъ что черезъ это сѣверные варвары не только были обузданы, но и вовлечены въ торговыя сношенія съ пограничными крѣпостями, къ выгодѣ ⁽¹⁰⁾ Китая. Къ концу ослабѣвшей династїи Танъ предохранили еще

(8) Renaudot Anciennes relations p. 47, 52 и Klaproth Tabl. hist. p. 226 etc Taghazgaz есть искаженное названіе.

(9) P. Gaubil Hist. des Thang въ Mém. XVI. p. 225 etc.

(10) Gaubil въ np. с. p. 199.

они ее своею вѣрностью и храбростью на вѣкоторое время отъ окончательнаго паденія (907 г. по Р. Х.). Одинъ, впавшій въ немилость при Китайскомъ дворѣ, храбрый Шатосскій князь, именемъ Ли-хъ-юнь (Li-Khe-Young), въ 880 г. нашелъ свое спасеніе въ Инь-шанѣ, гдѣ его гостепріимно приняли кочевавшія тамъ орды Татаней (самого древняго изъ извѣстныхъ Татарскихъ родовъ), которыхъ ни какіе подкупы Китайцевъ не могли подвинуть къ его выдачѣ ⁽¹¹⁾. Когда, вѣсколько времени спустя послѣ того, загорѣлось въ Китаѣ большое возмущеніе противъ династіи Танъ, тотъ же самый бѣглець поддержалъ тронъ Китайскаго императора. Окруженный вѣрными толпами этихъ Татанскихъ ордъ и во главѣ своихъ собственныхъ Шатосцевъ съ 50.000 войскомъ, поразилъ онъ въ 833 г. мятежниковъ; слава его какъ полководца усилилась и вся провинція Шаньси покорилась ему. Всѣ собрались подъ его знаменами, и онъ былъ возведенъ въ достоинство имперскаго князя втораго класса; наконецъ, будучи послѣднею поддержкою слабой династіи Танъ, которая давно уже слѣлалась игрушкою своихъ собственныхъ евнуховъ и губернаторовъ, возвышается онъ еще въ достоинство царя Цзинь (895) въ Шаньси, но умираетъ въ 908 году. Эта боковая династія храбрыхъ Туркскихъ полководцевъ, которая развѣтвилась на 3. до Нинъ-хя, какъ царство Хя, властвовала только короткое время. Она должна была, подобно кратковременному царству узурпаторовъ, овладѣвшихъ Китайскимъ престоломъ сверженныхъ Танъ (съ 907 г.), за провинціи которыхъ оставшіеся въ живыхъ полководцы спорили ⁽¹²⁾ подобно полководцамъ Александра Македонскаго, уступить права свои возрастающему владычеству восточныхъ Киданей Тунгузскаго племени. Эти Кидани покорили себѣ весь сѣверный Китай, и нагорье Гоби, отъ Китайскаго моря и Амура до Алтая и Хуанъ-хэ, подъ именемъ династіи Ляо (907—1125), а западная вѣтвь Хя должна была покориться, только нѣ-

(11) Gaubil hist. въ пр. с. р. 278, 288.

(12) Gaubil hist. des Thang T. XVI. p. 367; Klaproth Tabl. hist. p. 232.

сколько поздне, Монголамъ Чивгисъ-Хана (въ 1226, см. выше). Что упомянутые Кидани подчинили себѣ упомянутыхъ Татарей (Да-цзы у Гобила), о томъ положительно свидѣтельствуеъ Китайская исторія (13).

Та-тань, кочевавшіе тогда въ Инь-шанѣ, есть тотъ, самъ по себѣ безславный народъ, котораго имя, по случаю сродненія его участи съ участію позднѣйшихъ Монголовъ, выросло въ огромное историко-этнографическое привидѣніе, приводившее въ теченіи столѣтій въ страхъ и трепетъ всю Азію и Европу, и донинѣ еще сохранившее права свои, вопреки справедливости и истинѣ (въ выраженіяхъ татары, татарская раса, татарскій языкъ, обычаи и т. д.).

Въ существованіи этихъ Да-да, Та-тань (14) поздне Та-та-эрль, также Да-цзы, вполнѣдствіи названныхъ Татарами, въ Инь-шанѣ въ IX в. нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, какъ то доказываютъ лѣтописи (15) династіи Танъ; но свѣдѣнія о томъ какъ они туда попали, и какъ оттуда *распространились* дальше, по свидѣтельству разныхъ націй, были, вслѣдствіе ложнаго изложенія и недостатка критики, очень спутаны. Вотъ результатъ всего этого.

Эти Татань (16) были однимъ изъ трибовъ 7 отдѣловъ древнихъ Мохэ (Мо-хо, Мо-kho), которые въ V в. по Р. Хр. по разсказу Китайскихъ лѣтописей, Монгольскимъ сказаніямъ, и свидѣтельству великаго визиря Рашиль-Эддина (1308 г.) (17), вмѣстѣ съ Тунгузскими народами обитали въ странѣ къ С. отъ Кореи, въ которой растеть Жень-шэнь и на окраинѣ Гоби около Боврь-нора (48° С. ш.; 115° В. д. отъ Пар.), между рѣками: Сунгари-ула, Халха и Керулэнъ. Но въ 824 г. по Р. Х., послѣ кровавой битвы, были они покорены и разсѣяны по нагорью

(13) Gaubil hist. des Thang Ibid. p. 363.

(14) Ab. Remusat. Rech. s. les langues Tartares Paris 1820 4. p. 4. 420.

(15) P. Gaubil hist. des Thang въ Mem. T. XVI. p. 275. и not.

(16) Klapproth. Tabl. histor. de l'Asie p. 85, 153, 155, 156; cf. его же Mem. relat. à l'Asie T. I p. 464; Asia polyglotta p. 204, 266.

(17) M. D'Ohsson Histoire des Mongols T. I. p. XXVIII.

могущественнымъ Тунгузскимъ племенемъ Киданей, которые впоследствии (907 — 1115), подъ именемъ династїи Ляо, сдѣлались властителями Сѣв. Китая, и потому были часто смѣшиваемы съ Татань, какъ бы они составляли одинъ съ ними народъ. На Китайскихъ картахъ Маньчжурія названа Та-та-ло⁽¹⁸⁾, т. е. провинція водяныхъ татаръ, чѣмъ и объясняется древнее мѣстопробываніе этого народа тамъ, гдѣ еще и нынѣ обитаютъ Юй-п'и-да-цзы, племя, называемое слѣдовательно рыбокожими татарами.

Въ то время существовала еще безславная и малозвѣстная вѣтвь этихъ Мохэ, которая уже съ VII в. называется Китайцами именемъ позднѣйшихъ Монголовъ (Mungku или Mungus)⁽¹⁹⁾, въ сродствѣ и сосѣдствѣ съ этими Татань, къ Ю.-В. отъ Байкала, между рѣками впадающими въ верхній Амуръ слѣдоват: до Бойръ-нора, именно тамъ гдѣ 500 л. спустя родился Чингисъ-Ханъ. Въ то же время произошло конечно первое раздѣленіе обѣихъ народностей, потому что большая часть этихъ Татань⁽²⁰⁾ перешла на Ю.-З., въ западную страну Хуанъ-хэ (т. е. Хэ-си, въ Тендухъ и часть Тангута), въ Инъ-шань, гдѣ она впоследствии сдѣлалась извѣстною Китайцамъ. Другія же части остались однакоже въ старомъ отечествѣ своемъ на Бойръ-норѣ и верхнихъ притокахъ Амуре, въ зависимости отъ Киданей⁽²¹⁾ до 1115 г., а по изгнаніи ихъ подъ власть Нюй-чжень (Yu-Tschì т. е. династїи Гинь 1115 — 1234), до тѣхъ поръ пока тамъ же, на Далай-норѣ, къ Ю.-В. отъ Байкала, не развилась власть Монголовъ въ правленіе Чингисъ-Хана. Еще другія возвратились назадъ, туда гдѣ тотъ же Чингисъ-Хана, происходившій изъ ихъ племени, послѣ борьбы съ ихъ размножившимися ордями, до тѣхъ поръ пока онъ въ 1202 не подчинилъ ихъ, въ числѣ 70,000⁽²²⁾,

(18) См. Sou-Houng-Kian-Lou T. I. въ Ab. Remusat. Rech. sur les langues Tartares p. 238, 242.

(19) P. Mailla Hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 2 not.

(20) Klaproth Journ. Asiat. Paris. 1828. T. IX. p. 303.

(21) P. Mailla Hist. gen. l. c. p. 9.

(22) По Абульгази въ d'Ohsson Hist. Mong. I p. 47, 68.

всѣхъ своей власти. Ихъ С.-З. же вѣтви были въ то время данниками ⁽²³⁾ властвовавшего еще тогда на Толѣ и Орхонѣ Туркского царства Уйгуровъ (по Кит. Хой-ху), котораго Каханы пребывали въ Хоринѣ (по Кит. Холинъ, впоследствии Хара-хоринъ, Кара-корумъ), но уже такъ обезсильли, что новымъ пришельцамъ удалось скоро, подняться на развалинахъ ихъ владычества на С. (на З. остались они значительнѣе), и даже обратить ихъ столицу въ свою собственную. Это удалось именно очень усилившимися не задолго до Чингисъ-Хана Кэраитамъ, которые, въ свой блестящій періодъ, сдѣлали столицу Холинъ своею собственною во время Кэраитскаго Ту-ли-ванъ-хана; почему впоследствии, по паденіи его и Чингисъ-Ханъ былъ побужденъ къ перенесенію своей резиденціи въ эту столицу Татаней ⁽²⁴⁾.

Отъ предводителей этихъ номадовъ, къ которымъ государственная географія династіи Минъ въ XI в. причисляетъ четыреглавныя орды ⁽²⁵⁾ Монъ-гу, Тай-чудь, (Тайчжудъ у Цананъ-Цецена), Татанъ и Кэраитъ, произошло властительное семейство Чингисъ-хана, который самъ себя называлъ Татанъ, но впоследствии сдѣлался вѣстнымъ всему міру подъ болѣе распространеннымъ и болѣе почетнымъ именемъ Монголь. Мать Чингисъ-Хана была похищенная у Татаней княжна ⁽²⁶⁾ Угелень-хатунъ. Ихъ дальнѣйшія орды проникли на С.-З. до верхняго Енисея (у Китайцевъ Кемъ ⁽²⁷⁾, у Монголовъ Уйгуръ-мурэнь ошибочно Алк'ара-мурэнь у Абульгази). Эти Татанъ, отъ которыхъ происходилъ Чингисъ-Ханъ, называются авторами черными Татанъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ современникъ Чингисъ-Хана Мэнъ-хунъ, служившій въ Монгольскомъ войскѣ; именно въ противоположность съ бѣлыми татарами (Унгуть у Абульгази), принад-

(23) Pat. Gaubil hist. de Thang въ Mem. T. XVI. p. 273.

(24) Ab. Remusat. Mem. sur la ville de Karakorum p. 7 и 29.

(25) Asia polyglotta p. 203. 207.

(26) Ssanang-Ssetsen p. 62, 83 etc.

(27) Ab. Remusat Karakorum p. 19, 30.

лежащими однакоже къ совершенно другому, Туржскому племени ⁽²⁸⁾.

Кочующія въ Инь-шанѣ Татанскіе орды, уже 60 лѣтъ спустя послѣ упомянутого, гибельнаго для нихъ сраженія, какъ вѣрныя вспомогательныя войска полководца Ли-хѣ-юна, (въ 880 г.), сдѣлались довольно могущественны, для того чтобы быть послѣднею опорой все болѣе и болѣе ниспадающей съ высоты своего величія династіи Тань (*). Въ этомъ то году имя Татаней въ первый разъ упоминается въ Китайской исторіи, потому наши свѣдѣнія о нихъ выходятъ изъ страны Тендуха, въ которой они также, какъ и внутри стѣны, укрѣпились, подъ знаменами побѣдоноснаго Ли-хѣ-юна. Они пошли по слѣдамъ ихъ тамошнихъ предшественниковъ, Турковъ, Хой-ха, (впослѣдствіи Хой-ху), были пограничными стражами, вспомогательными войсками, жили вырубкою съ своихъ табуновъ, и стояли, часто въ данничествѣ, часто производя небольшіе набѣги, но вообще въ согласіи съ своими южными сосѣдями. Этими сосѣдями были въ сіи времена смуть и перемѣнъ въ династіяхъ на В.: Кидани (династ. Ляо до 1115), свергнутые Нюй-чженями (династ. Гвнь 1115.— 1234), оставшимися подъ именемъ Алтунъ-хановъ (т. е. золотыхъ) до прибытія Монголовъ властителями Чжилійской и Шансійской провинцій. На З., въ Шаньси и южномъ Китаѣ, была съ ними въ сосѣдствѣ династія Сунъ (960 — 1280) и Хя (въ Нинъ-ха въ Таугутъ 900 — 1227) на верхнемъ Хуанъ-ха, до тѣхъ поръ пока изъ среды этихъ самыхъ Татанскихъ ордъ не возникло побѣдоносно завоевательное царство Монголовъ.

Властителямъ Та-таней въ Инь-шанѣ и Тендухѣ повражались еще и доннынѣ ⁽²⁹⁾ существующій между монгольскими князья-

(28) Ab. Remusat Rech. s. l. langues Tartares p. 238; Klaproth Asia polyglotta p. 206.

(*) Въ текстѣ Риттера ошибочно Сунъ — *Цр. Пер.*

(29) Timkowsky. Voy. T. I. p. 92.

ми титулъ Ванъ, т. е. царь или великій князь, *regulo* ⁽³⁰⁾, потому они и были означаемы съ монгольскимъ прибавленіемъ Ханъ (т. е. Царь), даже у Монголовъ высокимъ титуломъ Ванъ-ханъ ⁽³¹⁾ (*Ong-Chaghan* у Цананъ-цецена; *Oang-Chan* у Рубруквиса, *Ungchan* у М. Поло), съ которымъ у многихъ европейцевъ того времени была связана басня о пресвитерѣ Іоаннѣ. М. Поло удерживаетъ это названіе, хотя онъ присовокупляетъ что это есть мѣніе нѣкоторыхъ (*some intesi*), что этотъ Ум-сан все равно что пресвитеръ Іоаннъ, но что онъ совершенно другаго мѣнія ⁽³²⁾.

Въ монгольской исторіи, переведенной по повелѣнію отца императора К'анъ-хи, на маньчжурской языкъ, изъ архивовъ монгольской династіи ⁽³³⁾, Татарская орда, въ которой династія Гивь, подъ условіемъ платежа дани, поставила Ванъ-хана, названа Кэраитъ (*Kerit, Carit* у запад. автор.). Ванъ-ханъ этотъ назывался Толи (или Тогруль; *Taugell* у Абульгази) и жилъ въ то время, когда, при отцѣ Чингисъ-хановомъ Ёсукѣй (*Pisusa* у Аравитанъ), могущество Монголовъ начинало дѣлаться грознымъ, съ сими послѣдними въ большомъ согласіи. Дѣлъ его назывался Мергусъ ⁽³⁴⁾ (не Маргоръ какъ у Тимковскаго или Маркусъ евангельское имя какъ у д'Осона) ⁽³⁵⁾; отецъ его — Куджа-бойрукъ, дядя — Кюръ (или Куръ, Куръ-ханъ, Гурканъ арабс. писат.). Этотъ Ванъ-ханъ Тогруль (Аювакъ-ханъ у Абульгази) ⁽³⁶⁾ преслѣдовалъ жестоко своихъ братьевъ и родственниковъ и истребилъ многихъ изъ нихъ; потому дядя его Кюръ согвалъ его съ престола, по Ёсукѣй, по просьбѣ Тогрула, выступилъ противъ мятежника, который убѣждалъ въ Хя и ввелъ Ванъ-хана опять въ законное обладаніе его царствомъ.

(30) *Journ. Asiatiq.* T. IX. p. 304; *Visdelou Supp. biblioth. orient.* p. 2.

(31) *Visdelou* въ *Herbelot. Bibl. orient. Supp.* fol. 141.

(32) М. Поло ed. *Ramusio.* T. II. c. 42. fol. 136. cp. *Marsden ed.* fol. 191. Not. 365.

(33) P. Mailla въ *Hist. gén. de la Chine* T. IX. 4. p. 1.

(34) P. Mailla l. c. p. 9, 30.

(35) D'Ohsson *Hist. des Mongols.* T. I. p. 39.

(36) *Abulgasi Hist. gén. des Tartares.* 8. *Leyde.* 1726. p. 117.

Отсюда и произошла тѣсная дружба обонхъ, которую и сынъ Ёсукея, юный Чингисъ-ханъ, изъ сыновней любви, соблюдалъ очень строго, давъ множество прекрасныхъ примѣровъ своего великодушiя ⁽⁸⁷⁾, несмотря на недовѣрчивость и вѣроломство, показанныя Ванъ-ханомъ, посѣдѣвшимъ уже тогда старцемъ. Конецъ предательству и раздору между обоими положила кровавая битва 1203 г., между истоками Толы и Кэрулэва, на границѣ владѣній обонхъ государей, или на истокѣ Онона при Кулунь-боирѣ (т. е. Боиръ-норѣ), по Цананъ-цепену ⁽⁸⁸⁾, или еще вѣроятнѣе на Харакчинъ-шату, т. е. на черной лѣстницѣ, по свидѣт. О. Іакивеа, въ которой Чингисъ-ханъ своею храбростью побѣдилъ втрое сильнѣйшаго врага и подчинилъ своей власти Кэраитъ, также какъ страну Тендухъ. Самъ Ванъ-ханъ вскорѣ послѣ того погибъ во второмъ сраженiи, а сынъ его былъ преслѣдуемъ черезъ Хя на З., гдѣ онъ нашелъ смерть свою въ хищническомъ походѣ. Такъ исчезло царство Кэраитовъ и внушавшаго до тѣхъ поръ большой страхъ Ванъ-хана; этою и другими побѣдами доставилъ себѣ Чингисъ-ханъ (до тѣхъ поръ называемый Темучиномъ) скоро владычество, какъ Каханъ, т. е. царь-царей (съ 1206), надъ всѣми Татанскими племенами, соединившимися въ одно Монгольское, сокрушившееся впоследствии подъ этимъ общимъ именемъ.

Остатки Кэраитовъ перешли въ монгольскiя войска и отступили на второй планъ, какъ и всѣ побѣжденные. Но ихъ исторiя и языкъ доказываютъ, по свидѣтельству хроникъ Елютовъ, что отдѣльные ихъ роды, подъ именемъ Торготовъ ⁽⁸⁹⁾, разсѣяны не только въ Гань-чжеу, но и между нынѣшними Калмыцкими ордами на Волгѣ. Однакоже достоинство, хотя уже не могущество Ванъ-хана, удержалось въ странѣ Тендухъ, и очевидно въ той же низверженной фамилиі, которая только

(87) P. Mailla l. c. 18, 20, 27, 30, 33. D'Ohsson l. c. p. 42 etc.

(88) Ssanang Saetsen Mong. Gesch. p. 87. Not. 42. p. 383; D'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 58.

(89) Pallas Samml. T. I. p. 56; Ab. Remusat. Rech. s. l. langues Tartares p. 208.

по простому недоразумѣнію попала въ духовныя почести. Это подтверждается повѣствованіемъ очевидца — М. Поло (около 1300 г.), хотя глава его сочиненія de regionibus orientalibus очень обрѣзана. Онъ говоритъ ⁽⁴⁰⁾: «въ Тендухъ, странѣ пресвитера Іоанна (Prete Gianni), много мѣстъ и замковъ, подвластныхъ великому Хану (тогда Хубилаю), потому-что всѣ пресвитеры Іоанны, тамъ властвующие, подчинены великому Хану, съ тѣхъ поръ какъ Чингисъ-ханъ покорилъ *перваго изъ нихъ* — Ванъ-хана». Изъ сего показанія выходитъ ясно всеобщее тогда смѣшеніе Вановъ, т. е. царей, съ Жоан, Joannes, Preste-Joan, потому-что басня о царѣ-пресвитерѣ, выдуманная во время Крестовыхъ походовъ, бросалась всѣмъ въ голову и была особенно покровительствуема несторианскими христіанами, которыхъ М. Поло нашелъ еще вездѣ на Хуанъ-хэ. Потому-то она укоренилась особенно здѣсь, въ странѣ Тендухъ, на нѣкоторое время, потому-что въ здѣшнія постоянныя обиталища проложили себѣ путь одновременно и буддійская религія и несторианскія церемоніи, которыя во внѣшнихъ своихъ формахъ представляли столь поразительное сходство (*), и потому были смѣшиваемы китайскими и другими восточными писателями. Но и для Европейцевъ мечта эта о пресвитерѣ Іоаннѣ установилась здѣсь, потому-что дѣйствительно, во времена М. Поло, удалось здѣсь Миноритскому патеру Іоанну де Монтекорвино ⁽⁴¹⁾ обратить въ католическую вѣру одного здѣшняго князя, потомка Ванъ-хана, названнаго имъ Георгіемъ, со многими лицами его свиты, изъ несторианскихъ Христіанъ. Но надежда на дальнѣйшее распространеніе церкви исчезла со смертію этого Георгія (Georgius de Secta Nestorianorum christianorum, qui erat de genere illustri

(40) М. Polo у Ramusio. Т. II. с. 51. fol. 16; ed. Andr. Müllerih, Greiffen. Colou. Brandenb. 1671. 4. cap. 64. p. 53.

(*) Это поразительное сходство бросилось въ глаза и новѣйшимъ католическимъ миссіонерамъ Хюку и Гобе. См. выше. — *Пр. Пер.*

(41) L. Wadding Ann. Minor. Т. VI. p. 69; ad. ann. 1305. Epistolae Cataja; и Jos. Sim. Assemanus Syrus Maronita Bibl. orient. Clementina-Vaticana in Mscr. Romae. 1728. Т. III. p. II. de Syris Nestorianis cap. V. et. IV. fol. CXXX.

magni Regis, qui dictus fuit Presvyter Joannes de India) въ 1299 г.: потому-что сынъ его Іоаннъ, малолѣтній ребенокъ, хотя и подавалъ надежду быть христіаниномъ, подобно отцу своему, но братья его, говоритъ Патеръ, косиѣли въ несторіанскихъ заблужденіяхъ, и всѣ имъ обращенныя лица по смерти Ванъ-хана снова обратились въ еретичество. Іоаннъ де Монтекорвино, стоявшій въ милости у Хубилай-хана, и построившій въ то время въ Пекинѣ (Ханбалыкѣ) первую христіанскую церковь съ колокольнею, и окрестившій 6000 челоуѣкъ, былъ, въ вознагражденіи за то, пожалованъ въ 1307 г. Папою Клементомъ V въ достоинство перваго Archiepiscopus Cambalensis ⁽⁴²⁾. Онъ былъ посланъ прежде, какъ миссіонеръ Ѳомасскихъ христіанъ, Папою Николаемъ IV, въ 1288 г., черезъ Персію и Индію, и этимъ путемъ открылъ въ первый разъ миссію въ Китай. М. Поло ⁽⁴³⁾ называетъ того же Тендухскаго царя Георгіемъ и подтверждаетъ это сказаніе патера; говоря что Георгій принадлежитъ къ роду пресвитера Іоанна, самъ пресвитеръ и христіанинъ, четвертый преемникъ перваго и что большая часть жителей также Христіане, но что онъ владѣетъ только частью земель прежняго Ванъ-хана (или пресвитера Іоанна), и что великій Ханъ—Хубилай, т. е. китайскій императоръ, даетъ ему въ бракъ княжентъ изъ царскаго рода. Въ этой провинціи находятъся камни, изъ которыхъ получается лучшая лазурь (азурго); жители ткуть прекрасныя ковры изъ верблюжьяго волоса, живутъ земледѣліемъ, торговлею и промышленностью. Власть находится въ рукахъ христіанскаго царя, стоящаго подъ великимъ Ханомъ, однакоже здѣсь живетъ множество идолопоклонниковъ и мухамеданъ и еще одинъ классъ жителей, называемый Аргоны (?), потому-что они суть смѣшанные потомки идолопоклонниковъ Тендуха и приверженцевъ Корана. Объ этихъ Аргонахъ мы ничего сказать не умѣемъ.

(42) См. Jbid. и Joan. de Monte-Corvino, Biogr. въ Ab. Remusat Nous Mel. Asiat. 1829. Т. II. р. 193—198.

(43) М. Polo I. с. 82. fol. 16. и с. 83. Jb.

Этими свѣдѣніями оканчивается все наше знаніе этого со-
кровеннаго угла нашей планеты, и большой пробѣлъ начинает-
ся отсюда до временъ маньчжурской династїи, при которой,
какъ мы уже сказали, іезуитъ Жербильонъ есть между европей-
цами первый очевидецъ, проникшій въ древнюю страну Тен-
духъ, славную преданіемъ о пресвит. Іоаниѣ, о которомъ Жер-
бильонъ и не помышлялъ. И кого же онъ находитъ тамъ: бо-
готворимаго странною намѣстника вѣчно живущаго безсмерт-
наго божества нагорныхъ азіатовъ, котораго конечно предраз-
судокъ того времени еще и нынѣ почелъ бы за самаго пресви-
тера Іоанна.

Это былъ Кутухту, великій лама Монголовъ, который имѣлъ
тогда въ 1688 г. резиденцію въ Ху-ху-хотонѣ. Его аудіенція
высшимъ мандаринамъ китайскаго посольства, при которой Жер-
бильонъ присутствовалъ какъ очевидецъ, даетъ намъ живѣй-
шее понятіе о вліяніи и духовной власти, которыя подобная осо-
ба въ состояніи имѣть на необразованныя нація и цѣлыя пле-
мена, когда ее поддерживаетъ такая Іерархія, какъ ламайская,
отъ коей, въ тѣ времена, по существу своему, т. е. по церемо-
ніаламъ, несторьянская не очень удалялась, потому-что она сли-
лась съ нею въ такой степени, что ее не осталось слѣда, а це-
ремоньалы несторьянскихъ патріарховъ или каюоликосовъ, какъ
бы срослись съ церемоньалами Кутухтъ. Какъ только посоль-
ство императ. Канъ-хи ⁽⁴⁴⁾ достигло до города, оно направи-
лось прямо въ главную пагоду, гдѣ его встрѣтили многіе ламы,
проводившіе его черезъ большой четырехугольный дворъ Хо-фо
(по кит. живой будда), къ ихъ духовному начальнику, который
никогда не умираетъ и боготворяется Монголами и Маньчжу-
рами какъ божество на землѣ. Однакоже онъ есть не болѣе
какъ одинъ изъ десяти кутухтъ, т. е. Викаріевъ ⁽⁴⁵⁾ Тибетскаго
Далай-ламы, который, какъ Pontifex maximus, признается и ки-

(44) Gerbillon Voy. I. у Du Halde. T. IV. p. 123.

(45) Ab. Remusat. Rech. s. l. langues Tartares. p. 228.

тайскимъ государствомъ за воплощеніе Будды, бога на землѣ и свѣтскаго царя. Кутухту же есть собственно воплощеніе прежде жившаго святаго или угодника ⁽⁴⁶⁾, Бурхана. Но поклоненіе и власть переносятся отъ этого видимаго воплощенія божества или Будды на различныхъ представителей его, святыхъ или Бурхановъ, имѣющихъ пребываніе между различными народами въ различныхъ пунктахъ земли; три изъ нихъ пребываютъ въ самомъ Пекинѣ ⁽⁴⁵⁾. Одинъ изъ значительнѣйшихъ изъ нихъ еще въ началѣ XVIII в. распространилъ здѣсь свою неограниченную власть надъ большимъ племенемъ Халхасскихъ Монголовъ, хотя онъ и не сдѣлался самымъ извѣстнымъ въ чужихъ странахъ. Знаменитѣйшимъ же изъ всѣхъ Кутухтъ сдѣлался Гегенкутухту (Gehen-Kutuchtu, Guison-Damba) на Селенгѣ въ Ургѣ, который раздѣлилъ участь съ изгнанною монгольской династіею и началъ властвовать за Шамо на С. Ху-ху-хотоньскій же остался на Ю. Духовная власть его, какъ и у прочихъ, получила начало въ XIII в., съ того времени какъ Хубилай-ханъ далъ супрематію надъ всѣми ламами Паг-ба (Phagh-ba т. е. первому, главѣ, отъ санскр. Bâck-Pha; P'agsra-Lama ⁽⁴⁵⁾) у Шмидта, Phaspa или Paspa у Аб. Ремюза), какъ Богдо-ламѣ въ своей имперіи, утвердилъ его мѣстопребываніе въ Тибетѣ, и такимъ образомъ положилъ основаніе образованію политико-религіозной іерархіи Викаріями его во всей китайской имперіи, что и было впоследствии продолжено Маньчжурами.

Положительно, что въ концѣ царствованія Хубилая (1260—1296), какъ мы узнаемъ изъ рассказовъ М. Поло и I. де Монтекорвино, въ странѣ Тендухъ находилось 4-е поколѣніе пресв. Іоанна, и этотъ государь именуется еще у христіанъ царемъ

(46) Klaproth. Mém. relat. à l'Asie. T. II. p. 92.

(47) Timkowsky. Voy. II. 47.

(48) Ssanang Ssetsen Gesch. d. Mongolen. p. 115; not 15. p. 395; Pat. Georgi Alphabetum Tibetanum Romae 1762. 4. въ Canon regum et supremorum Lhamarum T. I. p. 316. ad. ann. 1232. Klaproth. Not. въ Descript. de Tibet. въ Nouv. Journ. asiat. IV. p. 117.

Вань-ханомъ, пастыремъ и христіаниномъ, но христіанство, по свидѣтельству Монте-Корвино, опять вымерло съ Георгіемъ, и фамилія его, со всѣми своими приверженцами возвратилась къ прежнему еретичеству, отъ котораго нынѣ здѣсь не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ, между тѣмъ какъ Ламанзмъ явился наоборотъ преобладающимъ. Потому отсюда можно было бы придти къ 'ипотезѣ, что въ томъ же самомъ кочевомъ племени это предполагаемое духовное званіе, сопряженное съ званіемъ Вань-хана, по паденіи ихъ свергнутого монгольской династією Дома, уже при Минской династіи, вытѣсненной изъ своей имперіи всякое свѣтское вліяніе Ламъ, перешло на другое, аналогическое великое духовное лице — буддійское. Но на это нѣтъ доказательствъ въ монгольской исторіи, а тибетская даже противурѣчитъ этому. Между тѣмъ какъ свѣтскій титулъ Вана, по присоединеніи Тендуха къ Китаю, остался въ спискахъ китайскихъ чиновъ, и, отдѣльно отъ пресвитерскаго званія, существовавшего только въ воображеніи Несторьянцевъ, былъ раздаваемъ Минскими и Маньчжурскими императорами монгольскимъ князьямъ, предполагаемое духовное званіе раздавалось Далай-Ламою избраннымъ имъ въ викаріи Кутухтамъ. Такъ досталось оно и этому Кутухтѣ въ странѣ, оставшейся и послѣ изгнанія династіи Юань подъ верховнымъ владычествомъ Китая, зависимою отъ Тибета, между тѣмъ какъ тотъ Кутухта, который раздѣлилъ участь своего монгольскаго царственнаго Дома, т. е. изгнанной изъ Китая на Сѣверъ Гоби династіи сѣверныхъ Юань, т. е. сѣверо-монгольскихъ хановъ на Селенгѣ, умѣлъ сдѣлаться въ резиденціи ихъ гораздо болѣе независимымъ отъ Тибета и Далай-Ламы. Объ этомъ, такъ называемомъ Гегенъ Кутухту (Gheghen т. е. святой), котораго вліяніе на большую часть кочующихъ на сибирской сторонѣ Монголовъ сдѣлалась еще гораздо значительнѣе, потому что онъ принадлежитъ къ тремъ главнымъ духовнымъ званіямъ, которыя восхваляются даже и въ монгольскихъ пѣсняхъ какъ три Бога (*tres augusti*)⁽⁴⁹⁾,

(49) Timkowsky Voy. II. 302.

мы будемъ говорить ниже, при разсмотрѣніи Кяхтинской дороги при Ургѣ, въ которой онъ учредилъ свое мѣстопробываніе. Здѣсь, въ странѣ Тендухъ, лежавшей вѣкогда также на большой торговой дорогѣ, но оставшейся въ сторонѣ отъ нея, вслѣдствіе политической перемѣны въ Сѣверѣ и Западѣ Китая, и удержавшей свое значеніе только для внутреннихъ сношеній, переходимъ мы къ аудіенціи въ нагодѣ Кутухты въ Хуху-хотовѣ въ началѣ XVIII вѣка, не находя ни малѣйшаго слѣда тому, какимъ образомъ упомянутая духовная супрематія могла образоваться въ этомъ углу земли или уничтожиться своею внутреннею пустотою.

Посольство ⁽⁵⁰⁾ нашло въ Кутухтѣ 25-лѣтняго молодого человека, съ очень длиннымъ плоскимъ лицомъ, свѣдшаго на двухъ подушкахъ изъ золотой парчи и желтаго атласа; великолѣпнѣйшая желтая мантия изъ китайскаго штофа покрывала его съ ногъ до головы; бордюръ ея былъ вышитъ цвѣтнымъ шелкомъ, какъ мантия католическихъ регентовъ хора. Изъ подъ мантии видна была только непокрытая голова съ кудрявыми волосами; онъ былъ неподвиженъ, и спокойно смотрѣлъ какъ на него молились проходящіе. Пять или шесть шаговъ не доходя до него преклонили колѣна мандарины и ихъ свита: каждый сдѣлалъ три земныхъ поклона, потомъ снова преклонилъ колѣна непосредственно передъ нимъ, для того чтобы получить его рукоположеніе и удостоиться коснуться его челою. Потомъ они совершили во второй разъ земные поклоны и удалились на эстрады пріемной залы, для того чтобы дать мѣсто своей многочисленной свитѣ. Потомъ все собраніе было угощаемо чаемъ, вареньемъ, рисомъ, мясомъ и другими яствами; но живой кумиръ имѣлъ предъ всѣми преимущество. Ламы принесли ему яства на серебряныхъ блюдахъ и въ фарфоровыхъ сосудахъ; когда распахнулась его мантия видны были его голыя руки и тѣло его, драпированное священными шарфами.

(50) Gerbillon Voy. I y Du Halde IV. p. 123.

ми желтаго и краснаго цвѣтовъ. Верховный лама вездѣ говорилъ за Кутухту, который только иногда озирался съ улыбкою и, во время всей аудіенціи, сказалъ только очень тихо своимъ приближеннымъ пять или шесть словъ. За тѣмъ всѣ отправились осматривать пагоду, построенную довольно грубо и безъ архитектурнаго достоинства въ китайскомъ вкусѣ, и имѣющую 40 ф. въ квадратѣ. Квадратная же ея середина была поддѣлана 5-ю рядами колоннъ. Здѣсь живой кумиръ сидитъ обыкновенно на алтарѣ, имѣющемъ видъ трона, подъ желтымъ шелковымъ балдахномъ, и передъ нимъ, также какъ и передъ изображеніемъ другихъ идоловъ, возжигаются душистыя свѣчи и совершаются религіозныя церемоніи. Здѣсь молятся толпы народа. Галлерей вели на верхъ съ внѣшней стороны пагоды къ покоемъ, въ которыхъ Ламы жили, какъ въ монастырѣ. Въ одномъ изъ нихъ видѣлъ Жерильонъ несчастнаго 7 или 8 лѣтняго ребенка, одѣтаго и сидящаго подобно живому кумиру; передъ нимъ горѣла лампа. Безъ сомнѣнія онъ былъ предназначенъ для того чтобы въ случаѣ смерти Кутухты быть въ готовности при манифестаціи возрожденія, потому что здѣшнее іерархическое начало состоятъ не въ томъ, чтобы назначать въ конклавѣ кардиналовъ викарія самой высшей духовной власти на землѣ старца, но напротивъ послушнаго ребенка изъ мнимыхъ хубильгановъ или возрожденныхъ. Потому то этого ребенка, который не произнесъ ни одного слова, окружаютъ боготвореніемъ толпы; и когда онъ всходитъ на тронъ свой, то не только все повинуется ему, но и приносятъ въ жертву все лучшее, отчего и выгода обмана дѣлается все большею, и самый обманъ укореняется сильнѣе. Толпы пилигримовъ собирались здѣсь изъ отдаленнѣйшихъ странъ; пять вѣдоставскихъ нищенствующихъ монаховъ, въ капуцинахъ и желтыхъ мантияхъ, забрели не только сюда, но даже и на С. Гоби на Селенгу въ резиденцію Гегенъ Кутухты, гдѣ (въ 1720) Дж. Белль⁽⁵¹⁾ нашелъ такихъ индѣйскихъ

(49) J. Bell. Travels. I. p. 285.

факировъ, покланяющихся Хо-фо. Онъ видѣлъ какъ они покупали изъ благочестія у рыбаковъ рыбу, для того чтобы бросить ее назадъ въ воду, потому что, согласно съ ученіемъ переселенія душъ, они воображали, что въ эти рыбы перешли души какихъ либо изъ ихъ предковъ или друзей; заблужденіе, которое и Тимковскій ⁽⁵²⁾ нашелъ проникнувшимъ столь же далеко. Такъ объясняется какимъ образомъ подобные предрасудки пробиваются легко себѣ путь въ отдаленнѣйшія страны. Послѣ осмотра пагоды посольство вошло въ залу безсмертнаго, т. е. жилище Кутухты, гдѣ тронъ и мебель его были выложены перламутромъ, между тѣмъ какъ въ сосѣднихъ грязныхъ кельяхъ ламы пѣли свои молитвы; здѣсь посольство простилось съ живымъ Буддою (Хо-фо), не сдѣлавшимъ ему впрочемъ ни малѣйшаго привѣта.

Набожные Буддисты посольства поспѣшили еще оттуда во вторую пагоду, для поклоненія второму Кутухтѣ потому что здѣсь существуетъ одновременно три пагоды и три Ха-фо или Кутухты ⁽⁵³⁾, которые, какъ выражается Жербилюпъ, подобно католическимъ каноникамъ, живутъ особенно, владѣютъ раздѣльно своими имуществами, и только сходятся на общую молитву въ пагодахъ. По догматикѣ буддистовъ одна и таже хубильганская душа можетъ имѣть три земныя манифестаціи—личную, доктринальную и духовную ⁽⁵⁴⁾. и такъ существуютъ здѣсь ихъ представители въ разныхъ пагодахъ, окруженные многочисленными толпами ламъ или жрецовъ. Второй Кутухта былъ доступенъ: онъ вышелъ самъ на встрѣчу посольству и сознался мандарину, который только на императорской службѣ исповѣдовалъ государственную религію, а въ душѣ своей былъ приверженецъ Конфуція и презиралъ религію Фо, что онъ самъ не понимаетъ какъ онъ могъ жить когда-то въ другомъ тѣлѣ. На это онъ ни имѣлъ никакихъ другихъ доказательствъ кромѣ увѣренія ламъ; самъ же

(52) Timkowsky Voy. I. p. 32, 51.

(53) Gerbillon Voy. VI. Ib. p. 431.

(54) Vie de Bouddha d'après les livres Mongols въ Klaproth. Mém. relat. II. p. 93.

онъ ничего не помнилъ изъ того, что случилось съ нимъ въ прошлой жизни. Ламы же слышали это отъ далай-ламы, ребенка, возродившагося въ Шэнь-си.

Въ высшемъ же блескѣ явился тронъ здѣшняго кутухты, когда самъ императоръ Канъ-хи, въ 1696 г., пришелъ на поклоненіе ему, какъ вѣкогда германскіе императоры приходили къ римскимъ патріархамъ. Черезъ это мы узнаемъ духовную связь сихъ странъ, обитаемыхъ столь различными народами. Императоръ Канъ-хи, со всѣми своими атрибутами, сопровождаемый блистательнымъ конвоемъ многочисленныхъ войскъ, вступилъ въ Хуху-хотонь ⁽⁵³⁾ въ 1696 году. Чиновники тамошнихъ императорскихъ трибуналовъ приняли его съ оглушительною музыкою, состоящею изъ трубъ, барабановъ и флейтъ; уже въ двухъ часахъ пути отъ города начиналась шпалера монгольскихъ солдатъ, ожидавшихъ на колѣнахъ императора, который прошелъ между ихъ рядами въ городъ, гдѣ его ожидалъ народъ также на колѣнахъ въ безмолвномъ почтеніи; женщины стояли отдѣльно. Онъ, какъ сынъ Неба, помѣстился въ большой пагодѣ, при входѣ въ которую его встрѣтило 200 ламъ съ распущенными знаменами и оглушительною музыкою, всѣ въ праздничныхъ священническихъ платьяхъ, одѣтые въ красные и желтые кафтаны, ниспадающіе отъ шеи до ногъ, съ желтыми суконными полумитрами на головахъ. Въ пагодѣ кутухту принялъ императора, который послѣ церемоніала провелъ первый день въ разныхъ пагодахъ, а на второй уже выѣхалъ въ свой лагерь, осматривалъ какъ воинъ укрѣпленія и давалъ аудіенціи и пиршества. На сихъ послѣднихъ верховные ламы занимали почетныя мѣста, подлѣ монгольскихъ князей крови, вановъ (regulos); посланники же ихъ подлѣ великихъ мандариновъ имперіи. Послѣ недѣльнаго пребыванія удалился императоръ съ такою же пышностью опять къ Хуанъ-хэ, гдѣ мы уже за нимъ слѣдовали выше. Вотъ въ какомъ положеніи находится нынѣ страна Тендухъ.

(53) Gerbillon voy. VI. у Du-Halde IV. p. 431.

Китайскія лѣтописи объясняютъ намъ отчасти внутреннюю дипломатію этихъ вѣшнихъ обрядовъ, показывая, какъ подъ прикрытіемъ іерархіи, дѣйствуетъ политика.

Такъ блистательно подняли вновь кутухтъ Хуху-хотоня маньчжурскіе императоры, слѣдуя политикѣ Хубилай-хана, который съ 1253 г. ⁽⁵⁶⁾ основалъ свое владычество въ Тибетѣ установленіемъ Пагба-ламы (Pagspa; Passara у Аб. Рем.). Это произошло оттого, что Маньчжурамъ, еще въ началѣ ихъ владычества (при ихъ Тай-цзунъ Вынь-хуанъ-ди, т. е. Fundator magnus Imperator Augustus 1627—1644) ⁽⁵⁷⁾, подчинились южно-монгольскія племена на сѣверныхъ границахъ Китая, еще прежде покоренія Срединнаго царства и паденія династіи Минъ. Монголы эти были буддисты и подчиненіе ихъ было произведено прежнею покорностью Маньчжуровъ Далай-ламѣ. Потому они ⁽⁵⁸⁾ уже издавна почитали буддійское духовенство въ странѣ Тендухъ, такъ какъ этому духовенству издавна были преданы сосѣднія съ Китаемъ монгольскія племена, и голландскій посланникъ Нейхофъ ⁽⁵⁹⁾ нашелъ въ 1652 г. ламайское посольство при дворѣ перваго маньчжурскаго императора Шунъ-чжи (Tsching-Tschü 1644—1651), хлопотавшее о возвращеніи потерянныхъ ими при династіи Минъ въ Китаѣ правъ и о покровительствѣ императора. Большое число монгольскихъ князей или хановъ служили китайскимъ императорамъ династіи Минъ съ середины XVI вѣка, вассалами ⁽⁶⁰⁾ подъ именемъ Чахаръ (т. е. пограничныхъ войскъ), и эти князья числомъ 24, были признаны Ванами, отъ Маньчжурскихъ императоровъ; каждый съ 3—4000 подданными изъ своего племени, съ нѣсколькими стами или тысячею всадниками, которымъ, какъ пограничной стражѣ, было выда-

(56) Ab. Remusat Rech. s. les lang. Tartares p. 346.

(57) Not. sur l'origine de la nation des Mandchoux въ Мém. relat. á l'Asie T. I. p. 450.

(58) Gerbillon voy. I. у Du-Halde IV. p. 127.

(59) Ioann. Neuhov Legatio Batavia ad magnum Tartariae chanum Sungteium. Amstel. 1668. fol. p. 155.

(60) По Tai-Thsing-Y-Thoung-Tchy въ Timkowsky Voy. II. p. 207 — 259.

ваемо жалованье (5000 лань) ⁽⁶¹⁾, для содержанія ихъ въ повиновеніи отъ Ляо-дунъ да Шэньси.

Въ то время Халхасскіе Монголы, съ ихъ Каханами изъ дома Чингисъ-хана, были еще независимы на С. Гоби, отъ Кэрулэна до Орхона и Селенги, хотя и состояли въ войнахъ съ Китаемъ, но ихъ прежнее величіе и могущество очень уменьшилось, не смотря на то что они могли еще собрать значительныя толпы всадниковъ. Внутреннія междоусобія ихъ ордъ и войны съ сродными племенами Елютовъ, изъ рода Кэрайтъ, сдѣлавшимися могущественными подъ управленіемъ собственнаго Галдана, и взаимная вражда, грозившая имъ совершенною гибелью, привели къ окончанію уже начавшееся ихъ подчиненіе ⁽⁶²⁾ Китаю. Императоръ К'анъ-хи велъ съ большою мудростью эти дѣла, и привелъ ихъ къ желанному концу своею неутомимою воинскою дѣятельностью и побѣдами. Страна Тендухъ служила центромъ его дѣятельности, изъ котораго онъ умѣлъ руководить своими войсками какъ полководецъ, преданными ему ламами какъ дипломатъ, такъ хорошо для исполненія своихъ предпріятій, что онъ одержалъ одновременно три политическія побѣды: *подчиненіе Халхасскихъ Монголовъ, уничтоженіе власти и царства Галдана и усмирненіе Тибета*, который хотѣлъ было уклониться отъ западной власти сына неба (Т'янь-цзы) и сдѣлаться самостоятельнымъ государствомъ.

Халхасскіе Монголы, раздѣленные на 7 княжествъ, и управляемые тремя ханами ⁽⁶³⁾, старались войти въ дружественныя сношенія съ новою Маньчжурскою династіею подарками, браками съ императорскими инфантинами и посольствами когда ихъ западные роды съ 1677 г. были запутаны своимъ ближайшимъ сосѣдомъ Елютскимъ Галданомъ въ опустошительную войну. Внутреннія междоусобія между восточными и западными Хал-

(61) Gerbillon Voy. I въ Du Halde IV. p. 129 и 158.

(62) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 121.

(63) По Thai-Thsing-Y-Thoung-Tchy въ Timkowski II. p. 218.

хассами дѣлали ихъ безсильными противъ все болѣе подвигающагося отъ З. къ В. жестокаго врага Элютовъ, и въ головѣ великаго Китайскаго государя К'анъ-хи, современника (1662 — 1775) и азиатскаго соперника Петра Великаго, созрѣла мысль подчинить своему скипетру всѣ эти орды. Для того чтобы окончить внутреннія междоусобія Халхасскихъ князей, которые старались упрочить свои титулы, утвержденные великимъ ламою, просилъ императоръ Далай-ламу прислать въ Ху-ху-хотонь Кутухту, посредникомъ этихъ споровъ, что и было исполнено въ 1683; только Кутухту ⁽⁶⁴⁾ этотъ умеръ вскорѣ въ 1685 году. Императоръ К'анъ-хи выпросилъ ему преемника, которой и прибылъ съ титуломъ Чжассакту-ламы (Tschassac-tu); соединенными усиліями императора и Далай-ламы миръ между Халхасскими князьями въ 1686 г. на первый случай, по крайней мѣрѣ наружно, былъ восстановленъ; условія его были приняты клятвенно передъ изображеніемъ Будды или Фо. Когда на второй годъ послѣ того Китайское посольство сдѣлало свою первую неудачную поѣздку (въ 1688 г.) для заключенія Нерчинскаго договора съ Россіею, избрало оно себѣ путь черезъ Ху-ху-хотонь. о которомъ мы уже сообщили показаніе Жербильона. Это посольство было рекомендовано императоромъ Кутухтѣ, для того чтобы онъ выхлопоталъ для него у Халхасскихъ племенъ Гоби вѣрныхъ проводниковъ, и 400 Халхасскихъ всадниковъ должны были служить ему конвоемъ до Нерчинска. Посольство изъ Ху-ху-хотоня двинулось къ С. черезъ степь Гоби, пройдя отъ 18 іюня до 23 іюля 83 г. м., до станціи Наратъ (46° 14' с. ш.) ⁽⁶⁵⁾, Тутъ встрѣтились ему бѣглецы Халхасскіе князья, отъ которыхъ онъ узналъ что Галданъ Елютовъ снова напалъ съ значительными силами на Халхассовъ и принудилъ ихъ къ бѣгству на Югъ. Посольство слѣдовательно не могло на этотъ

(64) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 107, 108.

(65) Gerbillon Voy. I. у Du Halde IV. p. 127 — 143, 147.

разъ проникнуть къ Онону и Карулэну въ Нерчинскъ, и принуждено было возвратиться обратно въ Пекинъ.

Ху-ху-хотонскій Кутухту сообщилъ въ Пекинъ первыя свѣдѣнія о новомъ началѣ войны. Посольство въ слѣдующемъ 1689 году ⁽⁶⁶⁾ должно было направиться по болѣе восточной дорогѣ, черезъ средину Гоби (см. ст. 113), для заключенія Нерчинскаго пограничнаго договора. Халхассы были все болѣе и болѣе вытѣсняемы изъ ихъ сѣверныхъ кочевевъ и принуждены искать убѣжища къ Югу отъ Каруна (Kacong у Малья, Сагон у Жербил. и д'Анв.), т. е. почитавшейся до тѣхъ поръ нейтральною пограничною полосой, которая простирается черезъ каменистую степь отъ Ю.-З. къ С.-В. ⁽⁶⁷⁾, слѣдовательно на самой Китайской территоріи. Здѣсь императоръ Канъ-хи принялъ ихъ гостепріимно, обѣщалъ имъ помощь, и нужда заставила этихъ гордыхъ князей, прежде столь могущественнаго Чингисъ-ханова и Хубилаева рода, признать себя вассалами Китайскаго императора. Данью каждому изъ трехъ верховныхъ Хановъ было назначено Иссунъ-чаганъ т. е. девятерная бѣлая дань, состоявшая ежегодно изъ 8 бѣлыхъ лошадей и одного бѣлаго верблюда. Для принятія торжественнаго акта подданства Чингисъ-ханидовъ выѣхалъ самъ императоръ Канъ-хи имъ на встрѣчу въ 1691 г., гдѣ и принятіе присяги происходило на Долонъ-норъ (Dolon-Nor т. е. семи озеръ, То-ю-ног у Жерб.) ⁽⁶⁸⁾ очень блистательно въ императорскомъ лагерѣ и отпраздновано церемоніями, аудіенціями, пиршествами, скачками, эмотрами войскъ и большими охотами. Одному изъ трехъ Халхасскихъ главъ — Чжассакту-хану, который былъ тогда еще ребенкомъ, императоръ далъ въ удѣлъ земли около Хуху-хотоня, гдѣ также были расположены квартиры Китайской обсервационной арміи про-

(66) Gerbillon Voy. II. p. 206.

(67) Gerbillon Ib. p. 206.

(68) Thai-Thsing etc. I. c. II. p. 217; Gerbillon. Voy. III. у Du Halde IV. p. 314 — 333.

тивъ угрожающихъ Елютовъ. Только (1731 г.) Ургинскій ханъ на С. Гоби былъ особенно возвышенъ.

Послѣ этаго вассальнаго подчиненія Халхасскихъ Монголовъ, которыхъ примѣру послѣдовали и другіе Монгольскіе княжескіе дома, императоръ Канъ-хи началъ войну противъ Елютовъ на С.-З. Ихъ должно было преждѣ всего вытѣснить изъ прежнихъ Халхасскихъ земель на Каруланъ, Толъ и Орхонъ. Галданъ или царь Елютовъ основывалъ всю претензію свою на супрематію надъ Халхасскими землями, также какъ законность своихъ дѣйствій, на повелѣніяхъ Тибетскаго Далай-ламы и его Кутухтъ (Викаріевъ), посылаемыхъ отъ времени до времени въ его резиденцію. Наконецъ удалось Китайскому императору, съ помощью восточной его арміи ⁽⁶⁹⁾, которую онъ самъ провелъ черезъ каменную степь Гоби до истоковъ Карулана и Толы, очистить эту страну отъ Елютовъ, а съ помощью западной арміи проникшей въ то же самое время въ Ху-ху-хотоня, подъ начальствомъ Китайскаго главнокомандующаго Фэй-янь-губо (Fo-an-gu-re) черезъ самую дикую часть Гоби на С., уничтожить страшное могущество Елютовъ генеральнымъ сраженіемъ на Толѣ (при Терельги въ іюнѣ 1696 г.), за что тотчасъ принесена была благодарственная жертва Тяню (небу).

Слѣдующія путешествія императора въ Ху-ху-хотонь и на Хуанъ-хэ имѣли политическою цѣлью обнаружить сѣть обмана тайныхъ интригъ Кутухтъ и великихъ ламъ, стоявшихъ въ услугахъ у Елютовъ и привести въ дѣйствіе всѣ силы для совершеннаго разрушенія остатковъ могущества сихъ послѣднихъ. Здѣсь приведена была въ извѣстность постоянная корреспонденція между Елютскимъ Галданомъ, отброшеннымъ въ его степь на З., съ лицеѣрнымъ дворомъ Далай-ламы ⁽⁶⁸⁾; императоръ Канъ-хи на обратномъ пути своемъ изъ Ордоса принялъ еще при Тохто на Хуанъ-хэ послѣдняго посла всегда вѣроломнаго Галдана,

(69) Gerbillon Voy. V. p. 386 — 418; cf. ed. Voy. VIII. p. 516 — 518. Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 191 216.

70) Gerbillon. Voy. VI. p. 439.

притворившагося покоряющимся, и далъ ему послѣдній 48 днев-
ный срокъ (въ декабрѣ 1656). Сокрушенное могущество Гал-
дана, которому не помогло ни подстреканіе имъ Оросовъ⁽⁷¹⁾, ни
вступленіе въ родственныя связи съ главными князьями Цинъ-
хая (Хухэ-нора), было безвозвратно. Окруженный со всѣхъ
сторонъ Китайскими отрядами онъ не могъ даже убѣжать въ
Алтай. Дикая камешная степь къ С.-З. отъ Ху-ху-хотоня за
пустынями Булангира, была его послѣднимъ убѣжищемъ. Здѣсь
еще разъ Китайскій посланникъ пріѣзжалъ къ низвергнуто-
му великому хану, предлагая ему еще императорскую милость, въ
случаѣ если онъ покорится. Посланникъ ждалъ цѣлый день въ
каменной степи отвѣта гордаго противника. Наконецъ вечеромъ
показался Галданъ на голой степи, и сѣвъ на груди камней далъ
аудиенцію⁽⁷²⁾ посланнику, который рѣшился передать ему пору-
ченіе свое только издали. Въ короткомъ отвѣтѣ ханъ сказалъ
что посольство императора ему очень лестно и что онъ пошлетъ
съ гонцемъ истинное убѣжденіе своего сердца. Затѣмъ вско-
чилъ онъ на лошадь и ускакалъ. Весною 1697 г. возвратился
императоръ К'анъ-хи, послѣ кратковременнаго зимняго пребы-
ванія въ Пекинѣ, въ страну Тендухъ; на сѣверный изгибъ Ху-
анъ-хэ и пробрался до Нинъ-хя⁽⁷³⁾. Уже на пути туда въ Ор-
досѣ доставили ему князя Хами захваченнаго въ плѣнъ 14 лѣт-
няго князя, старшаго сына Галданова; онъ былъ переданъ въ
Пекинѣ наследнику престола на храненіе⁽⁷⁴⁾. Съ Хуанъ-хэ
былъ посланъ въ степь послѣдній кавалерійскій корпусъ для
поймки Галдана, но уже въ маѣ Галданъ отравился, а осталь-
ное его семейство подчинилось Китайскому скипетру⁽⁷⁵⁾, чѣмъ
и окончена была, къ великой радости всей имперіи, долготѣ-
ная опасная война и водворенъ миръ на Сѣверѣ Китая на цѣлое
столѣтіе.

(71) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 217.

(72) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 266.

(73) Gerbillon Voy. VIII. у Du Halde IV. p. 448 — 478.

(74) въ пр. с. p. 457, 468.

(75) Mailla Hist. gén. l. c. p. 279, 299, Gerbillon l. c. p. 476.

Интриги ламайской іерархіи не были однакоже побѣждены совершенно, но въ Ху-ху-хотонѣ и Нинъ-хя была наконецъ совершенно открыта вся сѣть лжи, производившая въ теченіи цѣлаго десятилѣтіе всѣ эти ужасныя смуты. Далай-лама, какъ живой Будда или Фо ⁽⁷⁶⁾, не имѣлъ ничего общаго съ свѣтскими или политическими событіями. Когда Тибетъ въ 1642 г. изъявилъ своимъ посольствомъ, прибывшимъ въ Мукдэнъ, свою покорность восходящему солнцу Маньчжурской династіи, и съ тѣхъ поръ сдѣлался вассаломъ сына неба въ Пекинѣ, о чемъ свидѣтельствуется надпись на камнѣ императора К'анъ-хи въ главномъ храмѣ въ Хлассѣ ⁽⁷⁷⁾, придавъ былъ отъ Китая Далай-ламѣ *правитель мирскими дѣлами*, Деба (Dheba, Tira), т. е. царь. Но этому, поставленному императоромъ К'анъ-хи, Тибетскому царю понравилась власть; въ согласіи съ верховными ламами онъ скрывалъ смерть Далай-ламы въ теченіи 16 лѣтъ и поддерживалъ сторону Галдана Елютовъ, до тѣхъ поръ пока весь обманъ не обнаружился въ странѣ Тендухъ. Уже при первомъ пребываніи императора въ Ху-ху-хотонѣ (1696) ⁽⁷⁸⁾ посланникъ Далай-ламы, имѣвшій съ своими ламами аудіенцію у императора долженъ былъ слышать отъ него жесткіе упреки за непокорность Тибета; скрытіе смерти Далай-ламы было уже извѣстно императору, что ясно слѣдуетъ изъ письма его къ Дебѣ. Сей послѣдній имѣлъ однакоже еще дерзость послать одного изъ Кутухтъ самой Хлассы, именемъ Ни-ма-г'ана, для своего оправданія. Императоръ привялъ его съ большою почестью, вышелъ къ нему даже на встрѣчу къ воротамъ втораго двора, взялъ его подарки, и всѣмъ этимъ преклонилъ его на свою сторону и привелъ къ сознанію, что почитаемый въ живыхъ Далай-лама умеръ уже 16 лѣтъ тому назадъ ⁽⁷⁹⁾. Кутухту при-

(76) Deguignes Gesch. d. H. Th. I. p. 352.

(77) Descr. de Tubet trad. partiellement de chinois en russe par le père Hyacinthe du russe en franc. p. M. ed. p. Klaproth Paris 1831. 8. p. 19; cf. Timkowski Voy. T. I. p. 474. и Nouv. Journ. Asiat. IV. p. 98.

(78) Gerbillon Voy. VI. у Du Halde IV. p. 432.

(79) Gerbillon Voy. VII. p. 466—468; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 263.

красилъ однакоже этотъ подлогъ хитрою рѣчью, говоря что Далай-лама передъ смертию своею предсказалъ своимъ верховнымъ ламамъ возрожденіе свое въ определенномъ мѣстѣ и въ определеннаго Хубильгана, на слѣдующій годъ; и приказалъ имъ воспитывать возрожденнаго, скрывая смерть его, и отвѣчать вопрошающимъ о немъ что онъ соблюдаетъ Чойхенъ (религіозное созерцаніе). Передъ смертию своею передалъ онъ имъ также небольшой свертокъ, съ письмомъ императору своимъ изображеніемъ какъ Будды и съ повелѣніемъ отослать его императору на 10-й мѣсяцъ 16-го года по его смерти, а до тѣхъ поръ содержать все въ тайнѣ. Благочестіе императора было такъ велико, что онъ обѣщалъ Кутухтѣ хранить тайну, требовалъ только покорности всѣмъ своимъ предписаніямъ. Хитрый посолъ, достигшій своей цѣли, былъ уже на возвратномъ пути къ своему государю, какъ вдругъ въ императорскій лагерь пришло извѣстіе, что при дворѣ одного изъ Елютскихъ князей смерть стараго Далай-ламы уже огласилась и возрожденный появился. Гонецъ былъ посланъ за Кутухтой; императоръ не считалъ себя болѣе обязаннымъ хранить тайну и въ присутствіи двора своего развернулъ свертокъ, изъ котораго голова Фо упала на землю. Кутухту пришелъ въ большой страхъ, мандарины и противная ламамъ партія торжествовали. Деба былъ сверженъ и съ ними вся предательская толпа его ламъ.

Императоръ началъ смотрѣть съ презрѣніемъ на все ихъ словіе; черезъ это поднялись христіане и туземная, китайская религія. Можетъ быть этимъ и начался упадокъ Кутухтѣ Хуху-хотоня, о которыхъ мы со времени одного столѣтія перестали что либо слышать, потому что всѣхъ сообщниковъ постыдной измѣны постигло строгое наказаніе. Въ сохранившемся письмѣ къ новому, молодому Далай-ламѣ ⁽⁸⁰⁾ императоръ говоритъ о томъ до какой степени испорченъ весь конклавъ верховныхъ ламъ. Онъ повелѣваетъ заключить всѣхъ ихъ въ око-

80) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 271.

вы и выдать трибуналу иностранныхъ дѣлъ; также выдать и Деба. «Они всѣ, говорилъ императоръ, клялись ложно что старшій Далай-лама еще живъ. Даже собаки лакутъ только на чужихъ, а не на своего господина; ламы же возмутились противъ меня—своего государя и благодѣтеля. Въмѣсто этихъ неблагодарныхъ и вѣроломныхъ,» заключаетъ императоръ, «выбери себѣ въ совѣтники и министры преимущественно Манчжуровъ».

Преемникъ К'анъ-хи, императоръ Юнь-чженъ, изгналъ въ 1724 г., императорскимъ едиктомъ ⁽⁸¹⁾ христіанскую религію изъ Китая: іерархія ламъ съ ихъ кутухтами и Хэ-Шанами, (Hochang, китайское названіе ламъ), какъ ядра выросла снова. Вотъ къ какимъ обстоятельствамъ приводитъ насъ страна Тендухъ, которой положеніе было забыто до новаго открытія ея Клапротомъ, и которой вліяніе на ходъ всемірной исторіи осталось совершенно незамѣченнымъ. Здѣсь еще остается намъ только рассмотреть два темные предмета: во первыхъ *распространеніе мѣнки Татаръ* и во вторыхъ *происхожденіе баски о пресвитеръ Іоаннъ*, которая конечно не принадлежитъ къ исторіи и этнографіи Азии; мы присовокупляемъ ихъ въ видѣ особыхъ примѣчаній.

Примѣчаніе I. *Та-тань, Татары*—названіе племени; *Та-цзюе (Бэй-ди)* восточное коллективное названіе у Китайцевъ. *Тартары*— коллективное названіе у Восточныхъ. *Двойное смѣшиваніе Турковъ съ Монголами у Восточныхъ и Татаровъ съ Турками у западныхъ авторовъ. Турко-татарскія нарѣчія.*

Мы изучили выше древнія мѣстопробыванія Та-тань на В. отъ Гоби, на верхнемъ Амурѣ и отгѣсненіе ихъ на З. къ Инъшаню, также упомянули что ихъ современники и сосѣди свидѣтельствуютъ о распространеніи ихъ племенъ до верхняго Енисея (Кемъ), но что они, со времени происхожденія Темучина съ материнской стороны отъ одного изъ ихъ родовъ (обѣ жены его были также Татарки) ⁽⁸²⁾, также какъ послѣ покоренія Кэран-

(81) Mailla въ пр. с. 395.

(82) Ssanang Seetsen въ Schmidt p. 62, 83.

тогъ и Ванъ-Хана и воспослѣдовавшаго владычества Чингисъ-Хана надъ остальными трибами, такъ смѣшались съ монгольскимъ племенемъ (Mung-ko, Mongus), что имена ихъ сдѣлались тождественны съ сими послѣдними, такъ что они безразлично являются подъ тѣмъ или другимъ именемъ въ восточныхъ и западныхъ исторіяхъ. Но далеко за границы древняго отечества и принадлежащаго ему первобытнаго племени Монголовъ (Монъ-Гу, Mongku) распространяется очень часто ложно употребляемое и искаженное слово Тартары, названіе этого отдѣльнаго народнаго племени, которымъ начали означать уже не одинъ народный трибъ Та-танъ или соплеменныхъ имъ Монголовъ, но и множество милліоновъ покоренныхъ ими совершенно другихъ народовъ различныхъ нарѣчій, происхожденій и расъ. Съ влѣвающимъ значеніемъ (Tartarus) всеобщаго врага цѣлаго христіанства, которое это имя пріобрѣтаетъ при Дворѣ Лудовика Святаго во Франціи и у христіанъ на Востокѣ, сдѣлалось оно у историковъ средн. вѣковъ историческою печатью варварскихъ народныхъ массъ, у новѣйшихъ—коллективнымъ названіемъ, подобно имени Скифовъ у Грековъ и Римлянъ, Кафровъ у Магометанъ и т. д. А потому, не смотря на злоупотребленіе его въ Этнографіи и Географіи, гдѣ оно очень ошибочно перенесено какъ на западныхъ Туркскихъ, такъ и на восточныхъ Маңчжурскихъ сосѣдей Монгольскаго племени, это названіе, какъ обновленное понятіе, означающее большую хаотическую массу народовъ и странъ центральной Азіи, очень трудно изгнать изъ историческихъ и географическихъ описаній сей части свѣта. Поэтому намъ необходимо прослѣдить за развитіемъ этого имени и понятія, для того чтобы употреблять его только тамъ, гдѣ оно цѣлесообразно, болѣе осторожно чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ въ исторіяхъ и географіяхъ, и совершенно исключить его вездѣ, гдѣ оно можетъ только привести смѣшеніе временъ и понятій.

Та-танъ (или Да-да) ⁽⁸³⁾, есть только спеціальное названіе

(83) Klaproth Asia polyglott. 4. p. 202; Mem. relatifs à l'Asie T. I. p. 461—476.

одного племени на Инь-шанѣ, встрѣчаемое въ IX в. въ Китайскихъ лѣтописяхъ; оно впослѣдствіи писалось Т'а-г'а-эрлѣ (или Да-да-эрлѣ), откуда у Азіатскихъ Магометанъ, Персовъ и Арабовъ, произошло правописаніе Татаръ⁽⁸⁴⁾ (употребленное сначала у Персидскихъ авторовъ въ Мочжемель-Алтерварикѣ въ 1126 г.)⁽⁸⁵⁾, потому что въ китайскомъ Мандаринскомъ языкѣ звукъ *p* не существуетъ. Однакоже Аб. Ремюза доказалъ⁽⁸⁶⁾, что въкоторыя провинціальныя китайскія нарѣчія имѣютъ это производное *p* и пишутъ *Tar* вмѣсто *Ta* (также какъ напр. вмѣсто мандаринскаго *Сы* (*Sse*)— шелкъ, *серъ*; откуда произошло и греческое σῆρ); отсюда напр. китаяское произношеніе этого слова въ прибрежной провинціи Фукианъ было бы Тартаръ, не смотря на то, что оно иначе пишется въ Китайскихъ лѣтописяхъ.

Въ Монгольской исторіи слово Татаръ встрѣчается въ самый первый разъ⁽⁸⁷⁾ при описаніи похищенія женщины Угеленъ-ѣхѣ (*Oegelen-Eke*), которую отецъ Чингисъ-Хана увезъ себѣ въ супруги у Татаръ (въ 1161 г.), и это названіе почти однозначуше съ именемъ Тайчжидъ (*Taidschigod*), которое однакоже, со временемъ владычества Чингисъ-Хана совершенно исчезаетъ, между тѣмъ какъ названіе Татаръ еще существуетъ въ Монгольскихъ лѣтописяхъ Западн. Азіи. Это названіе Та-танъ или Татаръ, вошло въ употребленіе со времямъ Чингисъ-Хана, какъ однозначушее съ народнымъ названіемъ Монголовъ (*Монъгу* или *Mongus*), потому что оба названія принадлежали одному главному племени и въ послѣдствіи слились въ одно, какъ этнографически, такъ и исторически. Но побѣдитель остальныхъ ордъ хотѣлъ оказать особое уваженіе своей собственной, а потому далъ какъ себѣ, такъ и своему племени и войску, котораго главные военачальники были избраны изъ преданныхъ ему

(84) См. Raschideddin въ d'Ohsson Hist. des Mong. T. I. not. V. p. 681.

(85) J. St. Martin Mem. sur l'Armenie. T. II. p. 263.

(86) Ab. Remusat въ Journ. Asiat. T. II. p. 246.

(87) Ssanang Saetsen uebers. v. Schmidt p. 62, 63 not. 14. p. 377; p. 81. not. 33. p. 382.

Та-тань (напр. изъ Керайтовъ и подданныхъ Ванъ-Хана), почетный титулъ Монголовъ (собственно Хухэ-Монголь, т. е. синіе Монголы, Кѣкѣ Mongol; Yeка-Moal у миссіонеровъ и др.)⁽⁸⁶⁾, потому что синій цвѣтъ есть священный цвѣтъ неба. «Я хочу, говорилъ онъ, «чтобы сей, подобный кристаллу, народъ (Бѣдэ)⁽⁸⁷⁾, который остался мнѣ вѣрнымъ во всѣхъ опасностяхъ, назывался Ху-хэ-Монголь, и былъ самымъ великимъ изъ всего что движется на землѣ⁽⁸⁸⁾». Это имя должно было также означать ихъ храбрость, неустранимость. Съ тѣхъ поръ, хотя это названіе существовало и прежде, вошло оно въ употребленіе исторически и дипломатически, потому что Чингисъ-Ханъ и его преемники называли себя Каханами Монголовъ въ своихъ приказахъ, письмахъ и т. д.⁽⁸⁹⁾. По свидѣтельству Рашидъ-аддина съ этихъ поръ всякій гордился симъ почетнымъ, еще недавно презрѣннымъ именемъ, столь прославленнымъ всемірнымъ завоевателемъ и юные войны различнѣйшихъ націй этого этнографически смѣшаннаго царства вскорѣ начали думать что ихъ предки издавна носили это названіе. Миссіонера Рубруквиса (1254) предупреждали чтобы онъ называлъ здѣшнихъ князей не Татарскими ханами, какъ они были дѣйствительно, но Могуль-ханами (Моаль⁽⁹⁰⁾ у Плана Карпина и Рубриквиса), потому что это послѣднее имя считалось высокимъ, между тѣмъ какъ названіе Татаръ было совершенно нелюбимо, потому что оно принадлежало многимъ племенамъ. Не смотря на то имя Татаръ удержалось со славою, хотя въ чужихъ краяхъ, рядомъ съ болѣе

(86) Petit de la Croix. Hist. de Genghiscan, p. 52.

(87) I. I. Schmidt. Einwürfе über Klaproth Sprache und Schrift der Uiguren in Fundgruben des Orients VI B. H. а. p. 328; его же Forschungen im Gebiete der Mongolen und Tübeter. Petersb. 1824. p. 53.

(88) Ssannг Ssetsen Mongol. Gesch. p. 71. not. 22. p. 379.

(89) Lettre de Mangoukhan au roi de France p. 166. N. V въ Ab. Remusat Mem. sur les relations politiques des princes Crehtiens avec les Emper. Mongols. Paris 1827. 4.

(90) Rubruquis Voy. en Tartarie въ Bergeron Recuil. Leide 1729. 4. T. I. ch. 18. p. 35. sp. p. 119, 129 etc.

юнымъ своимъ соперникомъ. Тотъ же самый Рубруквисъ, имѣвшій случай узнать въ Кара-корумѣ истинное отношеніе обѣихъ народныхъ именъ, различаетъ ихъ въ самомъ ихъ корнѣ, но не несмотря на то онъ содѣйствовалъ, какъ всѣ миссіонеры его времени, къ перенесенію названія Татаръ въ Европу, въ обширнѣйшемъ коллективномъ смыслѣ. Воинская ихъ слава подняла ихъ имя, еще ранѣе чѣмъ имя Монголовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ распространило и сіе послѣднее. Чингисъ-Ханъ посылалъ во всѣ стороны татарскія войска ⁽⁹¹⁾, которыя были многочисленнѣйшими и храбрѣйшими изъ его войскъ, какъ авангарды своихъ Монголовъ; но эти передовыя войска уже вскорѣ начали составляться изъ различнѣйшихъ народовъ; татарскія орды сдѣлались слѣдовательно первыми завоевателями и имя ихъ стало страшнѣйшимъ изъ всѣхъ именъ. Большая часть этихъ Татаръ погибла во время войнъ и завоеваній, совершенныхъ въ Азіи, но слава ихъ храбрости, или лучше сказать, страхъ ими распространенный остались, и ихъ имя было перенесено у всѣхъ побѣжденныхъ народовъ на Монголовъ и присоединившихся впоследствии къ войскамъ ихъ народовъ самыхъ различныхъ племенъ. Такъ перенеслись названія нѣкоторыхъ народныхъ вѣтвей на цѣлое племя, а отъ него на различные воинственные народы всемірной имперіи. Такимъ образомъ *спеціальное этнографическое* названіе превращается во всемірное, *коллективное историческое*.

Замѣчательно, говоритъ Аб. Ремюза ⁽⁹²⁾, что Китайцы, знавшіе Татаръ гораздо лучше чѣмъ Европейцы и находившіеся съ ними въ сношеніяхъ, составили себѣ, подобно западнымъ, такое же коллективное названіе для своихъ сѣверныхъ сосѣдей вообще. Они означали упомянутое отдѣльное племя, словомъ Татань, состоявшимъ изъ двухъ различныхъ знаковъ ⁽⁹³⁾, изъ которыхъ второй могъ быть произнесенъ *Тамъ* или *Та, Да*, но

(91) Rubruquis въ др. м. р. 37.

(92) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares, p. 4.

(93) Klaproth Tabl. histor. de l'Asie p. 155; Ibid. Asia Polyglotta p. 260.

также и *Цзы* или *Че* (Tzeu или Tsché), откуда вмѣсто Та-тапъ (Tha-ta) или Татаръ произошло названіе *Та-цзы* (Ta-tsbe или Taidsi у Іезуитовъ). Исключая значенія отдѣльнаго племени, это названіе Та-цзы, имѣетъ еще значеніе подобное названію Скифовъ у древнихъ, Татаръ у новѣйшихъ. Это Та-цзы, однозначущее съ китайскимъ *Бэй-ди* (Péi) т. е. варваръ, (отъ *Бэй* сѣверъ, *ди* собака или варваръ).

Здѣсь мы можемъ кстати изложить заимствованную у ученѣйшаго китайскаго историка Ма-дуанъ-линя, (онъ жилъ отъ 1246 до 1325 г.)⁽⁹⁴⁾, первую характеристику этихъ Та-цзы, для сравненія показаній восточныхъ народовъ съ извѣстными показаніями западныхъ. Эти Та-цзы или сѣверные Да, говоритъ китайскій историкъ⁽⁹⁵⁾, исключительно занимаются своими стадами, они переходятъ теперь съ пастбища на пастбище, съ рѣки на рѣку, слѣдоват. кочуютъ и не имѣютъ ни городовъ, ни стѣнъ. Когда же нѣкоторые изъ нихъ дѣлаются осѣдлыми на короткое время, то устриваютъ себѣ землянки, и каждый имѣетъ свое поле. Они не имѣютъ ни письменъ, ни книгъ и заключаютъ всѣ договоры изустно. Съ дѣтства упражняются въ верховой ѣздѣ и стрѣляннн изъ лука въ птицъ и крысъ. Взрослые отправляются на охоту за другими звѣрями, какъ напр. лисицами и зайцами, которыхъ употребляютъ въ пищу. При своей пастушеской жизни проводятъ много времени въ охотѣ за птицами и дикими звѣрями и приобрѣтаютъ такимъ образомъ мужество, необходимое для грабежей и войнъ. Къ симъ послѣднимъ принуждены они небомъ подъ которымъ живутъ. Ихъ оружіе, поражающее издали, есть лукъ и стрѣлы, а вблизи—мечъ и сабля. До тѣхъ поръ пока они ожидаютъ выгодъ отъ нападенія двигаются они назадъ и впередъ, когда же удачи ожидать нельзя, тогда выгодное бѣгство не почитается у нихъ предосудительнымъ. Обрядовъ религіи и судебныхъ учрежденій не имѣютъ.

(94) Nouv. melanges Asiatiq. T. II. p. 166—173.

(95) Wen hi an thoung khao-kiouan CCCXL. p. 1. въ Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares p. 5.

Начиная отъ князя до послѣдняго простолюдина всѣ питаются мясомъ убитыхъ животныхъ, которыхъ обдираютъ и одѣваютъ въ ихъ шкуры и мѣха. Сильнѣйшіе изъ нихъ хватаютъ во время обѣда самыя большіе и жирныя куски, старики же ѣдятъ и пьютъ что имъ остается. Уваженіе и почести отдаются у нихъ только храбрѣйшимъ; старость и слабость находятся въ презрѣніи. Когда отецъ умираетъ, сынъ женится на его вторыхъ женахъ; при смерти одного изъ братьевъ жены его выходятъ за другихъ. Они не имѣютъ ни фамильныхъ именъ, ни почетныхъ титуловъ. Ихъ многочисленныя стада состоятъ изъ лошадей, рогатаго скота и овецъ, рѣже изъ верблюдовъ и муловъ. Къ сей характеристикѣ авторъ Гуань-юй-ки (Kouan-Yu-Ki) ⁽⁹⁶⁾ съ истинно китайской точки зрѣнія присовокупляетъ слѣдующее: ихъ палатки дѣлаются изъ грубой шерстяной матеріи; они всегда гнѣвны и способны убить даже своихъ отцовъ или старшихъ братьевъ. Имѣютъ сношенія съ своими женами до брака. Когда заболѣваютъ, то разогрѣваютъ камень и прижигаютъ себѣ больное мѣсто. Трупы умершихъ сопровождаютъ съ пѣснями и плясками, а нѣкоторые кладутъ трупы на деревья; по прошествіи же трехъ лѣтъ собираютъ кости и сжигаютъ ихъ. Это суть коренныя обычаи Та-танъ, въ томъ видѣ въ какомъ они сдѣлались извѣстными и на Западѣ, отдѣльныя же черты могли быть заимствованы и у другихъ народовъ, потому что слова Та-пзы (или Бэйди) объемлетъ собою, какъ въ лѣтописяхъ Минъ ⁽⁹⁷⁾, не только всѣ монгольскіе, но и туркскіе народы, почему напр. въ этомъ обширномъ смыслѣ и Алтайскіе Турки ⁽⁹⁸⁾ въ послѣдствіи Онъ-нюдъ также называются бѣлыми Татарами, дѣлающими себѣ ножемъ вырѣзы на щекахъ. Но и Тунгузскія племена, которыя въ средніе вѣка называются у авторовъ Су-мон-

(96) Ibid. p. 7. въ Khouan XXIV. p. 14.

(97) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartares p. 238.

(98) Abulgasi Hist. généalogique des Tartar. etc. Leyd. 1726. p. 196; cf. Ab. Remusat Rech. sur les langues Tartar. p. 238; Asia polygl. p. 206; Mém. relat. à l'Asie I. p. 470.

голь (Su-Moal, т. е. водяные Монголы, Мугаль ⁽⁹⁹⁾ пишется у Армянъ, вмѣсто Могуль Персовъ) и суть предки Маньчжуровъ, у Китайскихъ авторовъ извѣстны подъ именемъ Шуй-да-пзы (Szu-Ta-Tse у иезуитовъ), т. е. водяныхъ Татаръ, несмотря на то что они не принадлежатъ ни къ какому Татарскому племени, и въ своемъ языкѣ столь же отъ нихъ различны какъ и Турки отъ Та-тань.

Если уже самые китайскіе писатели дѣйствовали такимъ образомъ, хотя они и никогда ⁽¹⁰⁰⁾, съ своею обычною точностью, не называли специальнымъ именемъ Та-тань ни Маньчжуровъ, ни ближайшихъ ихъ предковъ, то понятно, хотя несправедливо, что иезуитскіе миссіонеры въ XVII и XVIII вѣкѣ въ своихъ сочиненіяхъ приняли выраженіе Tartares Mandchoux, что точно также неосновательно, какъ то, что они причитали Тибетцевъ къ Татарамъ и ввели тѣмъ самымъ въ заблужденіе всѣхъ послѣдующихъ ⁽¹⁰¹⁾ за ними европейскихъ писателей ⁽¹⁰²⁾, до самыхъ новѣйшихъ временъ пока наконецъ замѣчательныя филологическія изслѣдованія Клапрота и Аб. Ремюза не открыли и не исправили какъ эти, такъ и другія безчисленныя заблужденія азіатской этнографіи.

Въ настоящее время ⁽¹⁰³⁾ уже не существуетъ болѣе ни одного значительнаго триба Та-таней въ нагорной Азій, а также и вѣтъ ни одной орды, которая бы называлась Монголь, именно потому-что Та-тань и Монголы распространились повсюду. Да-

(99) J. Saint Martin Mém. а. l'Armenie T. III, p. 263.

(100) Klapproth Asie Polygl. p. 209.

(101) Ph. Joh. v. Strahlenberg Nord- und östliche Europa und Asia. Stockholm. 4. 1730. Einl. p. 5. § XXXI в слѣд., гдѣ относительно этого примѣчается самое большое замѣчательство.

(102) Напр. въ Will. Erskine Memoir of Sultan Baber Emperor of Hindostan translated by John. Leyden. Lond. 1826. 4. Introduction p. XXII. Примѣчаніе о Татарахъ начинается напримѣръ совершенно ошибочнымъ смѣшеніемъ такого рода: именно Су-Монголы (Тунгузы) принимаются за 2-ю главную вѣть Вѣтв-Монголовъ, т. е. Хухэ-Монголовъ и т. д.

(103) Rech. а. l. langues Tartares p. 239.

же самые значительные изъ сихъ привилегированныхъ возвышеніемъ Чингисъ-хана родовъ его триба сдѣлались властителями и государями остальныхъ племенъ, такъ что имя, которое они прославили, распространилось на всѣ отрасли ихъ рода, даже на такія, которыя совсѣмъ оюда не принадлежали.

Для распутанія всего этого этнографическаго хаоса слѣдуемъ мы предложенію Аб. Ремюза и опытнаго С. де-Саси⁽¹⁰⁴⁾, и вмѣстѣ съ ними удерживаемъ названіе Та-танъ и Татаръ для отдѣльнаго туземнаго племени, тождественно или по крайней мѣрѣ параллельно съ именемъ Монголовъ, какъ до, такъ во время и послѣ ихъ самостоятельнаго владычества, потому-что въ китайской энциклопедіи⁽¹⁰⁵⁾ ясно сказано: Та-танъ (Татары) обитаютъ въ степи Шамо и они суть потомки Юань, т. е. изгнанной изъ Китая династіи Чингисъ-ханидовъ. Напротивъ китайское выраженіе Да-цзы выбираемъ мы для означенія смѣси народовъ на Вост., а слово Тартары, по искаженному выраженію среднихъ вѣковъ, удерживаемъ для означенія народной смѣси, въ смыслѣ, принимаемомъ на Западѣ, причемъ можно замѣтить еще слѣдующее. Подъ собирательнымъ именемъ Тартаръ разумѣютъ въ среднихъ вѣкахъ съ XIII столѣтія почти всѣ народы, распространившіеся отъ Волги и Урала до Китая и Японіи на Ю. отъ Тибета, черезъ всю нагорную Азію до Ледовитаго океана. Это обширное пространство земли называютъ Татарією, Татарскимъ нагорьемъ и т. д. и причисляли очень ошибочно различныя его нарѣчія къ одной татарской системѣ языковъ, гдѣ слѣдовательно соединено по крайней мѣрѣ четыре совершенно самостоятельныя языка (тунгузскій, монгольскій, туркскій, тибетскій), которыхъ различіе Аб. Ремюза разобралъ въ своемъ классическомъ сочиненіи⁽¹⁰⁶⁾ о татарскихъ нарѣчіяхъ, и объяснилъ ихъ филологически и исторически. Употребленіе упо-

(104) Sylv. de Sacy въ Journ. des Savans 1820. p. 353.

(105) См. Wangki Encyclop. XIII. p. 19; въ Klaproth Asia polyglotta p. 203 и Mem. rel. à l'Asie. T. I. p. 462.

(106) Ab. Remusat Rech. sur les langues Tart. Paris 1820. 4.

мянутаго слова сдѣлалось всеобщимъ у христіанскихъ народовъ Запада, съ того времени какъ внутренне-азиатскія варварскія войска, предводимыя упомянутыми Та-тань-монгольскими князьями вторгнулись въ Европу и подъ начальствомъ Бату-хана (Батыя въ 240 г.), взяли приступомъ Кіевъ на Днѣпрѣ и Каменецъ на Днѣстрѣ, и проникли даже за Одеръ въ Силезію, до мѣста сраженія при Лигницѣ (9 апр. 1241 г.)⁽¹⁰⁷⁾. Король богемскій и Пфальцграфъ саксонскій просили о помощи и защитѣ; страхъ распространился до Брабанта, котораго герцогъ прислалъ просьбу о защитѣ къ архіепископу парижскому. Королева-мать Бланка не могла скрыть своего страха отъ сына своего Людовика IX; въ отвѣтъ на это, исполненный скорби и надежды на Бога король произнесъ слѣдующія слова, которыя повторили за нимъ всѣ его современники: *Erigat nos, Mater, coeleste solatium, quia, si perveniant ipsi, vel nos ipsos quos vocamus Tartaros, ad suas tartareas sedes unda exeriant retrudemus vel ipsi nos omnes ad coelum subvehent. Math. Paris Londini. 1571, p. 747.* Эта игра словъ⁽¹⁰⁸⁾, соотвѣтствуя духу времени, была вездѣ повторяема, и почитается причиною измѣненія правописанія этого слова, потому что въ русскихъ лѣтописяхъ удержано названіе *Татары*, между тѣмъ какъ во всеобщее употребленіе вошло, пушечное въ ходъ Императ. Фридрихомъ II, выраженіе *Тартары*, *Тартарія*, съ которымъ была связана басня, что эти Тартары, въ соединеніи съ демонами Тартара, сдѣлались бичемъ народовъ, употребляя въ битвахъ колдовство огнемъ и вихрями (они имѣли огнестрѣльное оружіе), которое можно было разрушить только всеобщимъ постомъ, молитвами и путешествіями ко Святымъ мѣстамъ. Однакоже Гамакеръ⁽¹⁰⁹⁾ уже показалъ что эта словъ игра не могла быть един-

(107) Fr. v. Raumer *Geschich. der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Bd. IV. 1824. p. 80; d'Ohsson Hist. des Mongols T. I. p. 392. Fr. Chr. Schlosser Weltgeschichte in zusammenhänder Erzählung III. B. 2. T. I. Abth. Francf. a M. 1824. p. 307.*

(108) Ab. Remusat. *Memoires s. les relations politiques des princes chretiens etc. avec les Empereurs Mongols Paris 1827. p. 14, 158.*

(109) H. A. Hamacher *Censurae in bibliotheca critica nova ed. Bsk. etc. Lugdun. batavor. 1825. Vol. I p. 184.*

ственной причиною измѣненія правописанія, которое встрѣчается въ такомъ видѣ уже ранѣе, и даже было объясняемо этимологически въ *Guilielm de Nangis Ludovici S. Annalibus* p. m. 203, гдѣ онъ говоритъ: *illos Tartarinos vocari a regionem Tarta ubi sedes habuerint*. Однакоже эта этимологія также неосновательна какъ производство отъ рѣки Та-та, о которой упоминають Ларуа ⁽¹¹⁰⁾ и многіе другіе ⁽¹¹¹⁾.

Это собирательное названіе Тартаръ съ среднихъ вѣковъ ввело снова въ заблужденіе историковъ и филологовъ двухъ послѣднихъ столѣтій, почитавшихъ его за историко-этнографическое, давъ имъ поводъ указывать на опредѣленныя народныя племена и основывать на этомъ свои гипотезы о генеалогіяхъ племъ и миграціяхъ народныхъ. Цѣлыя историческія сочиненія ⁽¹¹²⁾ и величайшіе историки ⁽¹¹³⁾, при недостаткѣ до тѣхъ поръ еще мало развившейся филологіи, должны были впасть въ величайшія ошибки. Арабскіе и Персидскіе писатели впадаютъ въ общую ошибку, означая Монгольскіе, также какъ и Туркскіе народы безразлично общимъ именемъ Турковъ и Татаръ ⁽¹¹⁴⁾ Такъ в. п. Рашидъ-Эддивъ (около 304 г.) ⁽¹¹⁵⁾ причисляетъ Тартаръ-Кэрантовъ къ Тунгузскимъ Киданямъ, а обомъ вмѣстѣ называетъ опять Турками, что мы узнаемъ изъ извлеченія Катрмера; только Ибнъ-Багута, какъ свидущій очевидецъ (1330), дѣлаетъ счастливое исключеніе: потому что онъ въ точности

(110) *Petit de la Croix. Histoire du grand Genghizcan. Paris 1700. 8. p. 79.*

(111) *Ab. Remusat. Rech. s. les langues Tart. Paris. p. 8.*

(112) *Histoire généalogique des Tatares. trad. du Msc. Tartare d'Abulghasi Bayadar Chan et enrichie des remarques authentiques et curieuses (p. Bentinck) etc. par. D. Leyde. 1726. 8.*

(113) *A. L. Schlötzer Nordische Gesch. Th. XIII. Der allgem. Welthist. 4. 171. p. 398; ergo же Kritisch-historische Nebenstunden. Götting. 1797. 8. p. 103. ergo же Probe Russischer Annalen. 1768. p. 113.*

(114) *Anciennes relations des Indes et de la Chine p. Renaudot. Paris 1718. 8. p. 317 etc.; Sultan Baber Mem. въ Erskine XXIII.*

(115) *M. J. St. Martin Memoires historiques et géographiques sur l'Armenie Paris. 1819. T. II. p. 114 not. 2. p. 262; Schlosser. Weltgesch. III. ed. 2. Ab. ab. 1824 p. 268.*

различаетъ родъ Чингисъ-Хана и Монголовъ, которыхъ онъ называетъ Татарами ⁽¹¹⁶⁾, отъ Туркскихъ народовъ, надъ которыми они властвовали, Абульгази же, который самъ былъ потомокъ Чингисъ-ханидовъ, начинаетъ съ ложной 'ипотезы объ одноплеменности Монголовъ и Турковъ, и при всей заслугѣ представляемыхъ имъ положительныхъ данныхъ, высказываетъ столько же заблуждений ⁽¹¹⁷⁾ въ своихъ этнографическихъ сближеніяхъ, а его издатели впадаютъ въ ту же ошибку, называя языкъ переведеннаго имъ оригинала Татарскимъ, и въ этомъ ошибочномъ смыслѣ дѣлаютъ свои хотя поучительныя примѣчанія.

Но еще бѣлая запутанность произошла отъ того, что всѣ европейскіе авторы назвали Тартарами и Туркскіе народы, которые дѣйствительно въ продолженіи нѣкотораго времени были подданными Монгольской имперіи, также какъ и различныя отъ нихъ отдѣлившіяся въ Западной Азіи династіи, и присоединяли Туркское нарѣчіе къ Татарскому языку, который ни кому не извѣстенъ, но который не могъ быть различенъ отъ Монгольскаго, потому что Та-та и Монголы принадлежали къ одному племени. Причину этаго, еще продолжающагося заблужденія, открылъ преимущественно Клапротъ ⁽¹¹⁸⁾. Онъ говоритъ что когда Туши-Ханъ, сынъ Чингисъ-Хана, былъ посланъ самъ послѣднимъ для завоеванія С.-З. Азіи и В. Европы, то тамъ обитали до Сѣв. половины Каспійскаго моря, до Чернаго моря и Днѣпра, народы Туркскаго происхожденія до Комановъ, Печенѣговъ и части подданныхъ Булгарскихъ царей на Волгѣ и т. д. Всѣ они сдѣлались подданными Татарскихъ завоевателей, основывавшихъ Кипчакское царство, простиравшееся отъ Днѣстра до Эмбы, и оканчивавшееся на В. оттуда Киргизскою степью.

(116) Ebn-Batuta Travels trans. from the Arabic Msc. etc. Lee Lond. 1829. p. 87, 90, 91, 208 etc.

(117) Ab. Remusat Rech. sur l. lang. Tart. etc. Pref. Abulgasi His. gen. Tat. Pref.

(118) Asia polyglotta p. 208; Mem. relat. à l'Asie. T. I. p. 474. Comte J. Potocki. Voyage dans les steps d'Astrakhan etc. ed. p. Klaproth Paris. 1829. Vol. I. p. 24 not. Tabl. hist. de'Asiep. 154. Not.

Князья этого царства были Татары, но большая часть ихъ подданныхъ — Турки ⁽¹¹⁹⁾. Къ концу XV вѣка царство это раздѣлилось на нѣсколько Ханствъ, изъ которыхъ значительнѣйшими были Казанское, Астраханское и Крымское. Ханы надъ ними властвовавшіе происходили отъ Чингисъ-Хана и были слѣдовательно Татары или Монголы; но ихъ Татарскія войска, прибывшія изъ Внутренней Азіи, уже не существовали, и все войско ихъ состояло изъ туземцевъ, коренныхъ Турковъ, такъ что даже употребленіе древняго Монгольскаго (или Татарскаго) языка у нихъ совершенно истребилось. Однакоже ханства эти продолжали называться Татарскими Ханствами или царствами, потому что государи ихъ были Чингисъ-Ханиды, какъ н. п. Тимуръ, Абульгази, Султанъ Баберъ и т. д. Всѣ говорили: царство Астраханскихъ, Казанскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ Татаръ и т. д. Даже послѣ подчиненія сихъ странъ Русскимъ Царямъ было оставлено ихъ жителямъ ложно-данное имъ названіе Тартаръ, не смотря на то что они были Турки, и языкъ ихъ сталъ называться не Туркскимъ, а Татарскимъ.

Но если спросить у такъ называемаго Казанскаго или Астраханскаго татарина, татаринъ ли онъ, то онъ отвѣтитъ отрицательно, потому что онъ самъ называетъ свое нарѣчіе *Турки* или *Турукъ*, а не *Татаръ*. Помня что предки его были нѣкогда покорены Татарами и Монголами, считаетъ онъ слово Тартаръ за ругательное, однозначущее съ словомъ разбойникъ. То же самое смѣшеніе распространилось и на всѣ, такъ называемыя Татарскія націи за Тобольскомъ, Томскомъ и Енисейскомъ. Всѣ тамошніе Татары суть настоящіе Турки, говорящіе не Монгольскимъ, а Туркскимъ языкомъ. Но такъ какъ эти Туркскія нарѣчія очень различны отъ нарѣчій Азіатской и Европейской Турціи, то самъ Клапротъ былъ вынужденъ удерживать для нихъ названіе Турко-Татарскихъ языковъ и Хама-

(119) Ebn. Batuta ed. S. Lee. p. 91.

керъ ⁽¹²⁰⁾ согласуется съ нимъ въ этомъ. Слѣдуя примѣру лингвистовъ и мы, для этнографическихъ цѣлей, удерживаемъ названіе Турко-Татарскихъ народовъ и нарѣчій, для отличія ихъ отъ Европейскихъ Турковъ и отъ древнихъ Туркскихъ племенъ нагорной Восточ. Азии, къ которымъ н. п. до владычества Татаръ и Монголовъ принадлежали Хунъ-ну и Хой-ху, отъ древнихъ нарѣчій, отъ которыхъ языкъ Турко-Чжагатайскій ⁽¹²¹⁾ записокъ Султана Бабура, по замѣчанію Ерскина, столь же различенъ, какъ ихъ обычаи и степень развитія отъ обычаевъ и развитія упомянутыхъ ихъ предковъ. Всего сказаннаго достаточно для того чтобы распутать понятія для нашихъ этнографическихъ потребностей и установить эти понятія на будущее время.

Примѣчаніе 2. *Сказаніе о пресвитерѣ Іоаннѣ, Rex Asiaticus, XI — XV в. Joannes Rex Indorum Sacerdos; Preste Giani; Malek Julana; распространеніе Несторіанцевъ въ Восточной Азии.*

Странное сказаніе о христіанскомъ царѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ, возродившееся съ XI в. въ Азии, и исчезнувшее оттуда какъ призракъ, но пустившее новые корни въ Африкѣ и осуществившееся послѣ долгаго времени въ Христіанскомъ императорѣ Габеша (Erdkunde Th. I 2 Aufl. S. 225, 411, 512), имѣетъ столь большое вліяніе на успѣхъ географическаго и этнографическаго знанія обѣихъ частей свѣта, что оно, не смотря на свою темноту и запутанность, заслуживаетъ нѣкоторыхъ разъясненій относительно своего происхожденія и связи съ внутреннею, историческою жизнью Азіатскихъ народовъ. Мы уже упомянули о томъ, что Христіанство и Буддизмъ, въ своихъ внѣшнихъ обрядахъ и представителяхъ, встрѣтились географически въ странѣ Тендухъ, одновременно съ возникшимъ тамъ покровительствомъ обѣихъ религій только что возвысившеюся Монгольской династіею. Такъ какъ самые ихъ властители, не имѣя собственной религіи, желали принять одну во всемъ государствѣ, и сначала ко-

(120) Hamacker Biblioth. critica I. c. p. 197.

(121) Erskine въ Sultan Baber Mem. Préf. p. V.

лебались, показывая равную терпимость всѣмъ сектамъ, то встрѣчались тамъ часто другъ съ другомъ миссіонеры Католицизма, Корана и Будды, входили въ большія заблужденія и надежды, считая всѣхъ своими прозелитами; особливо же у западныхъ миссіонеровъ, при ихъ рвеніи, собственное заблужденіе обращалось нарочно и намѣренно въ мнимую истину. Къ этому повсемѣстно поддерживаемому заблужденію времени присоединилась еще особенная химера о перенесеніи и преемничествѣ пресвитерскаго достоинства со временъ апостоловъ на послѣдующія языческія миссіи, проникшія очень рано до Индіи ⁽¹²²⁾ и Центральной Азіи Ибровъ, Паряянтъ, Самаркановъ и т. д. (Erdkunde Th. II. 1818. S. 330). Ученіе церкви (430 г.) въ числѣ этихъ миссіонеровъ поставляетъ Матея, Варфоломея, Оому ⁽¹²³⁾, но не Іоанна. Не смотря на то, является на *отдаленномъ Востоку* сказаніе о такомъ Іоаннѣ, въ которомъ не объяснено преемникъ ли онъ апостола (Ев. Іоанна 21, 23) или Іоанна Крестителя, или какого нибудь другаго святаго этого имени, какъ у Якобитовъ или христіанъ Св. Оомы, въ Индіи, и самая неопредѣленность этого сказанія способствовала его поддержанію, съ помощью поверхностной этимологіи одного Уанъ-Хана (Ванъ-Хана), который былъ одновременно царемъ и священникомъ.

Эта басня о христіанскомъ царѣ-пресвитерѣ, вездѣ связанно съ распространеніемъ Сирійско-Несторіанской церкви черезъ отдаленныя страны нагорной Вост. Азіи, укоренилась очень рано на Западѣ, вѣроятно вслѣдствіе ихъ собственныхъ сказаній и ошибочныхъ истолкованій; и почиталась и поддерживалась въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ XII до начала XVI, новыми сюда присовокупившимися обстоятельствами на В. Она даже, вслѣдствіе рассказовъ миссіонеровъ, установилась въ странѣ Тевдухъ, до временъ сомнительныхъ показаній Марко

(122) A. Neander Allgemeine Geschichte der Christlichen Religion und Kirche Th. I. 2. Abth. p. 114. Th. II. 1. Abth. p. 248.

(123) Socrates Historia Ecclesiastica l. c. XV.

Поло и открытія христіанскаго царя въ Габешѣ, давшихъ ей совершенно другое направленіе.

Несторіанскіе христіане ⁽¹²⁴⁾, со времени осужденія Ересіарха Несторія (на Ефесскомъ соборѣ 431 г.) и непрерывныхъ преслѣдованій распространителей его лжеученія въ Византійской Имперіи, Сиріи и на Евфратѣ, гдѣ Едесса—древняя школа Персовъ, обращавшихся въ христіанство, сдѣлалась ихъ центромъ, искали и нашли покровительство у закоренѣлыхъ враговъ христіанскихъ Императоровъ—Персидскихъ Царей, изъ которыхъ особливо Фирузъ (Pherozes 461—488), страшный преслѣдователь католическихъ христіанъ, принялъ ихъ очень радушно и тѣмъ самымъ положилъ важное основаніе распространенію ихъ Епископовъ на отдаленномъ Востокѣ земнаго шара. Дѣйствительно за этими первыми несторіанскими колоніями изъ Сиріи, Месопотаміи и Халдеи, въ концѣ V в. нашедшими убѣжище въ Персіи у Саманидскихъ царей, бывшихъ тогда поклонниками огня по ученію Зороастра, ихъ Епископы проникли вскорѣ въ Мидію ⁽¹²⁵⁾, Бактрію, Гирканию и Индію. Когда же, послѣ паденія династіи Саманидовъ (въ правленіе Іездегирда въ 638 г.) и Гевбровъ, вмѣстѣ съ ними, въ началѣ VII вѣка, ученіе Корана съ силою проникло съ Запада въ нагорную Азію, то Магометанскіе Князья, какъ видно изъ ихъ исторіи, приняли вездѣ Несторіанцовъ въ свою службу, въ качествѣ scribae, mercatores и medici. Сирійская церковь, подъ именемъ Несторіанской, съ сочиненіями Несторія, переведенными письменно на Сирійскій языкъ, подъ супрематією Несторіанскаго Патріарха, который, какъ Архіепископъ, принялъ сначала въ Селевкіи титулъ Примаса и Каеоликоса, и даже подъ правленіемъ Багдадскихъ Калифовъ до перваго гоненія, воздвигнутаго Мотавакелемъ ⁽¹²⁶⁾, пользовался большимъ уваженіемъ на Востокѣ, проникла еще за Ка-

(124) Ios. Sim. Assemanus *Syrus Maronita Bibliotheca orientalis Clementino Vaticana in qua Mscr. etc. rec. Romae 1728. fol. T. III. p. II. fol. LXV.*

(125) *Assemani Bibl. orient. ib. Nestorianismi origines in oriente. fol. LXXXI.*

(126) *Assemani. l. c. f. CI.*

лифать, черезъ Иммауэ и распространилась по странамъ Туркскихъ и Татарскихъ племень. Главный путь несторіанско-христіанскихъ миссій того времени идетъ черезъ Мервъ, (Меру, Марва въ Хорасанѣ), гдѣ уже упоминаются Епископы въ V в., и черезъ Бактрію (Балкъ въ Хорасанѣ), Самаркандъ, (Самарканъ), и Кашгаръ, (Каскаръ). Именно здѣсь находится также входъ на большую торговую дорогу въ Китай къ верхнему Хуанъ-хэ; это есть древній путь Серовъ, описываемый уже Птоломеемъ. Объ усилѣхъ церкви имѣемъ мы только отрывочныя свѣдѣнія.

Тамъ одинъ несторіанскій патріархъ *Jesu-jabus-Gadalensis* послалъ около 636 г. епископовъ и пресвитеровъ въ Индію и Сину (Китай), а *Jesu-jabus Adjabenus* (650—660 г.) упрекаетъ въ письмѣ своемъ Симеона митрополита въ Персіи, что по его винѣ у Индѣйцевъ нѣтъ Епископовъ, также какъ и у Мервъ (Мавританцевъ) ⁽¹²⁷⁾. Индѣйскіе и бактрійскіе христіане стояли уже очень рано между собою въ связи, черезъ посредство своихъ персидскихъ митрополитовъ, назначавшихъ и посвящавшихъ ихъ епископовъ, и позднѣйшія смѣшенія невѣжественныхъ западныхъ писателей касательно одного пресвитера *in partibus infidelium* Индѣйцевъ (*Presbyter Johannes Asiaticus vel Indicus* говоритъ Хорнѣусъ въ *Introd. ad. Geogr. antiq.*), простирающіеся на неопредѣленную даль отъ Тартаріи черезъ Индію до Ефіопіи ⁽¹²⁸⁾ неудивительно. Упомянутое далекое распространеніе Несторіанцевъ до Китая подтверждается замѣчательною христіанскою надписью *Estrangelo* или сирійскими письменами ⁽¹²⁹⁾ 781 года, въ столпѣ династіи Т'анъ, найденною въ 1625 г. въ городѣ Си'анъ-фу въ Шэньси, и сохранившеюся до сихъ поръ на мраморной доскѣ, на которой она вырѣзана. Лѣтописи династіи Т'анъ 635 г. упоминають о несторіанскомъ священникѣ Оло-

(127) *Assemani Bibl. or. l. c. fol. LXXXI.*

(128) *Job Ludolfi Hist. Aethiopica Francof. 1684. Lib. II. c. L et comment.*

(129) *Cl. Visdelou Monument de la religion chretienne trouvé au Chensi en Chine въ Bibl. orient. Supplement. Leyde 1730. Dissert. fol. 165—190; Klaproth Tabl. Hist. de l'Asie p. 208.*

генѣ изъ царства Да-Цинъ (т. е. Великаго Цинъ или Римскаго), который привезъ первое свѣдѣніе о христіанствѣ, и въ Шаньси, подъ покровительствомъ тогдашняго императора, не только выстроилъ церковь, къ которой для богослуженія былъ причисленъ 21 священникъ, но и тѣмъ самымъ сдѣлался основателемъ первой и немалочисленной христіанской общины въ странѣ верхняго Хуанъ-хэ. Столица тогдашняго императора Венъ-Вуди (Wen-Wu-di) называлась Чанъ-'ань (Tchang-ngan, нынѣ Сиань-фу); онъ велѣлъ перевести привезенныя 'Олопеномъ книги, убѣдился въ истинѣ новаго ученія, не сдѣлавшись однакоже христіаниномъ, но какъ философъ ученія Конфуція, съ которымъ Евангелія не показалось ему въ противорѣчіи. Подлинность ⁽¹³⁰⁾ этого monumentum Sinicum Syro-chaldaicum, какъ его называетъ Пат. Кирхеръ ⁽¹³¹⁾, старался защитить Аб. Ремюза противъ внѣшнихъ нападокъ ⁽¹³²⁾, основываясь на внутреннихъ причинахъ, во сколько онѣ выходятъ изъ сирійскихъ письменъ и языка, также какъ и собственныхъ именъ, и вліяніе этой первой миссіи Олопена, коего христіанское имя неизвѣстно (Св. Оома есть только предположеніе Іезуита Тригациа), можно сказать *несомнѣнно*, потому что всѣ послѣдующія показанія лѣтописцевъ, путешественниковъ и миссіонеровъ, хотя незнакомыхъ съ этимъ столь много освѣриваемымъ фактомъ, находятъ тамъ слѣдъ такого событія, въ обширномъ распространеніи Несторіанцевъ, что вполне подтверждаетъ даже и М. Поло. Имена Сирійскихъ Епископовъ, которыхъ подписи находятся на монументѣ, разумѣется найдены и подтверждены въ сирійскихъ манускриптахъ Ватикана только позднѣе; объ основателѣ церкви въ Си-'ань-фу на мраморной доскѣ сказано: ex Balach urbe Churistanae (т. е. Тахурѣстанъ или Хорестанъ нынѣ Хорасанъ), что какъ кажется подтверждаютъ бактрійскія миссіи. Если бы даже и оправдались возбуж-

(130) Renaudot. Anc. rel. d. Indes etc. p. 230, 236, 260; Ab. Remas. Rech. s. les lang. tart. ch. II. l'alph. syro-tartare p. 29—61; ero же Mel. as. T. I. p. 33—38; ero же Olopen predic. du christ. á la Chine въ Nouv. mel. 1829. T. II. p. 189—192.

(131) Ath. Kircher China monumentis illustrata Amstelod. 1667. fol. cap. I.

(132) Hamp. Schmidt въ Seunang Ssetson not. 42. p. 383. etc.

денныя вновь Нейманомъ возраженія противъ подлинности древности надписи, которую онъ почитаетъ за новѣйшій подлогъ, съ большою правдоподобностью объясняемый имъ соединеніемъ съ сирійско-индѣйскою церковью ⁽¹³³⁾, то все же послѣдовавшій нѣсколько позднѣе фактъ обращенія Кэрантовъ неоспоримъ, и этого совершенно достаточно для нашего дальнѣйшаго объясненія исторіи сказанія о пресвитерѣ Іоаннѣ.

Сирійскія лѣтописи ⁽¹³⁴⁾, находящіяся въ манускриптахъ Ватикана, перечисляютъ въ странѣ Турковъ, черезъ которую Несторіанцы могли провѣнуть до Татаръ и Китайцевъ, въ Хорасанѣ, епископовъ съ 430 до 1136 г.; въ Мервѣ съ 420 до 1001 г., въ Гератѣ (Heria) съ 503 до 1000 г.; Abulfaradj въ Chron. Syriae ad. Ann. 1046 у Ассемана ⁽¹³⁵⁾, рассказываетъ что отъ несторіанскаго митрополита въ Самаркандѣ пришло письмо къ Каеоликосу Ассиріи, въ которомъ онъ сообщаетъ что безчисленные народы перешли горы Тибета и Хотана и проникли до Хасгара (Кашгара); они имѣли 7 царей, съ каждымъ изъ которыхъ было по 70000 всадниковъ, а ихъ императоръ назывался Назаратомъ (Назаретъ христіанское имя у Магометанъ для Христіанъ). Это извѣстіе было прочтено при дворѣ Багдатскаго калифа, котораго владѣнія на В. были столь же угрожаемы и преведены въ страхъ, какъ немного лѣтъ спустя вся Восточная Европа. Это могли быть только Туркскіе, владычествовавшіе уже до Монголовъ Каханы Хой-ху или Уйгуровъ ⁽¹³⁶⁾, которыхъ владычество именно въ то время начинало распространяться отъ Тендуха и Каракорума къ Западу. Они были въ то время на В. властителями странъ въ которыхъ жили Несторіанцы, а можетъ то были даже Кэранты, которые съ своими 7 триба-

(133) C. Fr. Neumann Rec. v. Schmid. Gesch. der Mongolen in Jahrb. f. Wissenschaft Critik. 1829. p. 592.

(134) Asemani l. c. § VI. Christiani in Cataje et Sina fol. DVI — LLII.

(135) Asemani l. c. fol. CCCLXXXVIII.

(136) Klaproth Diss. s. l. Ouigours. Paris. 1820. fol.; Tabl. histor. de l'Asie p. 121; ero же observ. critiques sur les Rech. etc. въ Мém. rel. à l'Asie, T. II, p. 348.

ми ⁽¹³⁷⁾ въ то время начали сильныя завоеванія на Западѣ. Съ тѣхъ поръ являются частыя слѣды распространенія восторьянскаго ученія между различными Туркскими племенами (Turci orientales, Tartari, Jgugitae, Cheritae etc.), также становится употребительнымъ уномянутае названіе Игурита или Егурита для означенія Уйгуровъ. Уже полвѣка ранѣе, по свидѣтельству Альбуфарджа, патріархъ Іоаннъ (Іосифъ у Mages Aut. Syg.) Несторіанецъ (1001 — 1012 въ Багдадѣ) ⁽¹³⁸⁾ получилъ отъ митрополита города Мервъ, Ёбедъ-Йешу, изъ Хорасана письмо, съ извѣстіемъ, что царь народа Херитовъ (т. е. Кэрантовъ), обитающій внутри страны Турковъ на С.-З., такъ заблудился на охотѣ въ дикомъ свѣжномъ хребтѣ, что только одинъ святой могъ навести его на путь и спасти его. Этотъ святой явился передъ нимъ съ словами: «если ты хочешь увѣровать во Іисуса Христа, то я спасу тебя отъ опасности». Царь обѣщалъ сдѣлаться овцою Христова стада и такимъ образомъ былъ счастливо приведенъ въ свою резиденцію. Здѣсь распросилъ онъ пребывавшихъ христіанскихъ купцовъ объ ученіи ихъ религій и узналъ, что для того чтобъ сдѣлаться христіаниномъ, должно принять св. крещеніе. Онъ приноситъ ежедневно, говоритъ упомянутое письмо, присягу полученному отъ нихъ Евангелію и требуетъ отъ митрополита Ёбелъ-Йешу прислать ему священника для крещенія. Онъ спрашиваетъ также какимъ образомъ учредить посты, такъ какъ они не имѣютъ другой пищи кромѣ мяса и молока. Уже 200000 его подданныхъ готовы послѣдовать его примѣру; патріархъ Іоаннъ вслѣдствіе того приказалъ (въ 1007 году) чтобы сему королю были присланы священники и діаконы, для крещенія и наставленія, и сообщено что молоко, при воздержаніи отъ мяса, можетъ служить постною пи-

(137) *Petite La Croix Hist. de Ghéngizcan. Ch. 2. p. 26.*

(138) *Assemani Bibl. orient. T. III. p. II. fol. CCCCLXXXIV et CCCCLXXXIV; Renaudot anciennes relations des Indes et de la Chine. Paris. 1718. 8. p. 319; D'Ohsson Hist. des Ming. T. I. p. 37. not. 2. etc.*

щено, но что хлѣбъ и вино необходимы для причастія. Этотъ первобытный разсказъ встрѣчается въ одинаковомъ видѣ у Сирійскихъ и Арабскихъ авторовъ и не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно подлинности факта. И дѣйствительно о такомъ въ самомъ дѣлѣ возвратившимся изъ Китая незадолго передъ этимъ въ 987 г. священникъ, монахъ Нагеранъ (?) находить Голіуеъ столь же достовѣрное извѣстіе у Альфарагана ⁽¹³⁹⁾, а магометанинъ великій визирь Рашидэддинъ въ своей исторіи называетъ Карайтовъ уже поклонниками Іисуса ⁽¹⁴⁰⁾. Также и то какъ должно понимать такое обращеніе ко Христу является здѣсь въ должномъ свѣтѣ. Карайты, народъ дѣлающійся болѣе знаменитымъ впослѣдствіи, изъ исторіи Чингисъ-хана, упоминаются въ первый разъ въ этомъ сказаніи, а мѣсто чуда переносится въ свѣжнѣйшій хребетъ Инъ-шаня, въ страну Тендухъ.

Это обстоятельство легко могло быть первымъ смутнымъ источникомъ вскорѣ столь увеличившагося и повсюду распространившагося сказанія о христіанскомъ царѣ, появившемся въ сихъ языческихъ странахъ. Какъ новая басня оно было безпрестанно измѣняемо въ спутанныхъ разсказахъ современныхъ крестоносцовъ, которые вошли вскорѣ въ безпрестанныя столкновенія съ сирійскими христіанами, и въ искаженномъ видѣ, съ случайными или умысленными прибавленіями, распространилась по всей Европѣ, и была передана потомству, то однимъ, то другимъ образомъ, лѣтописцами, которые въ то время, будучи заключены въ своихъ монастыряхъ и монастырскихъ школахъ, были всегда готовы жадно принимать всякія *mirabilia mundi* съ слѣпою вѣрою. Очень понятно что несторіанская церковь старалась необыкновенно поднять такими разсказами своихъ, почитаемыхъ на З. еретиками Каеоликосовъ — патриарховъ, (потому-что они только одни ⁽¹⁴¹⁾ носили этотъ высокій титулъ), и доказать важность своей общины на В. между Тур-

(139) Renaudot. Ancien. relat. p. 269.

(140) St. Martin. Mém. sur l'Arménie. T. II. p. 280. по персидскому оригиналу.

(141) Renaudot. Ancien. relat. p. 269.

ками и ихъ могущественными князьями, въ то время когда уваженіе къ Папѣ и Римскому патріарху въ Іерусалимѣ грозило бросить тѣнь на этотъ еретическій каѳоликать. Изъ такого соперничества обоихъ духовенствъ легко могли произойти сначала многія преувеличенія истинныхъ фактовъ; когда же католическіе миссіонеры, при побѣдоносныхъ успѣхахъ Монголовъ, лично проникли въ страны несторіанскихъ христіанъ и къ такъ называемымъ христіанскимъ царямъ, то ихъ ожиданія нисколько не подтвердились, и они нашли только несторіанцевъ, на которыхъ сами смотрѣли какъ на раскольниковъ и монгольскихъ и татарскихъ князей, которые по высшей мѣрѣ были знакомы только съ крестнымъ знаменіемъ и терпѣли всѣ возможныя релігіозныя секты, въ томъ числѣ и христіанскія.

Источникъ сказанія о первомъ христіанскомъ царѣ у Каравтовъ, (котораго Ассеманъ и Мосгеймъ потому называли первымъ изъ Унъ-хановъ, и которыхъ они насчитываютъ до 4-хъ), потому кажется довольно яснымъ; но приданный ему титулъ пресвитера Іоанна остается все еще загадочнымъ; трудно однакоже разобрать совершенно эту, какъ называетъ ее Шмидтъ (¹⁴²), чудовищную басню. Можетъ быть это имя произошло отъ того, что несторіанскій патріархъ назывался Іоанномъ, отчего и высокій его крестникъ, которому онъ приказалъ послать купель, получилъ тоже имя Іоанна? что принимаетъ Мосгеймъ (¹⁴³); или онъ названъ такъ въ честь Св. Іоанна Крестителя, который имѣлъ своихъ поклонниковъ въ средней Азіи, въ сектѣ Сабейцевъ, которые соединились съ Несторіанцами, и полагали что духъ его обитаетъ между ними, изъясненіе которое старались пустить въ ходъ въ новѣйшее время (¹⁴⁴). Но только проповѣдника не существовало въ тамошней степи, хотя, какъ

(142) Ssanang ssetsen Mongol. Gesch. Not. 42. p. 383.

(143) J. L. Mosheim Historia Tartarorum Ecclesiastica Helmstadt. 1741. 4. § VII. p. 23.

(144) J. J. Schmidt Forschungen im Gebiete der älteren Bildungsgeschichte der Mongolen und Tübeter St. Ptsb. 1824. 8. p. 162.

сообщаетъ намъ Марко Поло, во времена Чингисъ-хана, къ Иоанну Крестителю пытали тамъ большое уваженіе. М. Поло рассказываетъ намъ именно объ одной церкви, которую христіане выстроили въ Самаркандѣ⁽¹⁴⁶⁾ при Чжагатай-ханѣ, который самъ какъ кажется сдѣлался христіаниномъ, въ честь Иоанну Крестителю (St. Gioan Batista), и о чудѣ, совершившемся въ ея каменныхъ сводахъ, когда магометане хотѣли испортить ихъ. Наверное сей святой, подъ именемъ Іоанна Батиста (Prete Gioani или Joan), былъ патрономъ многихъ церквей въ нагорной Азій, въ подчиненныхъ упомянутому властителю Турокъ странахъ, въ которыхъ лѣтописи называютъ восторіанскихъ митрополитовъ⁽¹⁴⁶⁾ въ Кашгарѣ, Нукатѣ (?), Туркестанѣ и Тендатѣ (Тендухъ?). О такихъ дѣйствительно существовавшихъ церквахъ восторіанцевъ въ Самаркандѣ упоминаетъ Марко Поло какъ очевидецъ⁽¹⁴⁷⁾: въ Cashgar (Кашгарѣ), Carchan (Ирканѣ), Sachion (Ша-чжеу), Chinchitalas (Лобъ, ed. Marsden ch. 38 p. 175), Succuir (Су-чжеу), Sampion (Гань-чжеу), Erginul (Лянь-чжеу), Singui (Ся-ниѣ), Egrigaia и Calasia (Нинь-хя), до тѣхъ поръ пока онъ не прибываетъ въ Тендухъ, резиденцію своего Prete Gianі. По приведенному выше описанію сухопутнаго путешествія Пат. Бенед. Гоеса (въ 1606 г.) находимъ мы 500 лѣтъ спустя, у одного князя на Лобъ-норѣ въ Ціалисѣ⁽¹⁴⁸⁾, гдѣ ученіе Магомета уже со времени нѣсколькихъ вѣковъ вытѣснило восторіанскую церковь, еще остатокъ замѣчательнаго воспоминанія о семъ вѣрованіи его предковъ—трогательное свидѣтельство упомянутаго, хотя и искаженнаго восторіанцами евангельскаго ученія, которое оказало еще свою пользу сему геройскому миссіонеру, спасло ему жизнь и привело его къ осуществленію его пѣли.

Какъ легко могъ китайскій титулъ, даваемый тамошнимъ

(145) Marco Polo у Ramusio T. II. c. 30. fol. 11; ed. Marsden c. 30. p. 147; ed. Paris 1824. c. 82. p. 49. cf. Marsden not. 303. p. 149.

(146) Renaudot Anc. Relat. p. 320.

(147) М. Polo у Ramusio II. c. 29, 31, 36, 38, 39, 50, 51.

(148) Nicol. Trigantius de Christiana Exped. apud Sinas. 1618. 4. p. 837.

владельцамъ — Ванъ (т. е. Rex) или Ванъ-ханъ т. е. Великій Ханъ или Um-Can, Ung-Khan, Oan-Chan, переходя изъ усть въ уста, измѣниться въ Rex Ioan, и такимъ образомъ послужить основаніемъ упомянутого имени, тѣмъ болѣе что такія перерожденія въ христіанскія имена не представляли ничего необыкновеннаго въ сіи легковѣрныя времена. Дѣйствительно дѣдъ этого Унъ-Хана, носившій коренное монгольское имя Мергусъ или Мергусъ-ханъ ⁽¹⁴⁹⁾, точно также у авторовъ былъ легко переименованъ въ христіанское имя Марка (Marcus), и жестокой и злой дядя Ванъ-хана Тогрула, свергнувшій съ престола своего племянника, сего предполагаемаго царя пресвитера Іоанна, былъ по тому самому заклеимень у восточныхъ авторовъ титуломъ Гуръ-хана (или Куръ-хана у магомеганъ; Кюръ у Китайцевъ) ⁽¹⁵⁰⁾, такъ какъ его собственное имя совсѣмъ не означено; а сей титулъ, какъ уже замѣтилъ Шлецеръ, у арабскихъ и персидскихъ авторовъ означаетъ невѣрнаго князя (Гяуръ, Гуръ). Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько. Другіе давали еще болѣе ученныя, хотя не менѣ невѣроятныя истолкованія этого названія, въ которыхъ всегда камнемъ преткновенія служить слово пресвитеръ или preste. Такъ н. п. Скалигеръ de Emendat. tempor. lib. VII. искалъ объясненія въ персидскомъ словѣ Prestejani, однозначущаго съ Apostolicus или Padi-Schach Prestejani т. е. Rex apostolicus или Annunciator universalis, чѣмъ безъ сомнѣнія объясняется Итальянс. Preste Giani Марко Поло, но нисколько не древнѣйшее Presbyter Johannes или Sacerdos. Людольфъ въ Hist. Aethiop. lib. II с. 1 и Commentar. fol. 216 — 222 ищетъ объясненія въ Prester Chan seu princeps adoratorum; Теод. Хиде и Голіусъ принимали Іоанъ за ханъ и пресвитеръ за ложнопонятое слово Pristoa, обыкновенный по ихъ мнѣнію титулъ татарскихъ князей и т. д.

(149) Petis de la Croix Hist. de Genghizcan p. 29; D'Ohsson Hist. des Mong. p. 39; исправлено Шиндтомъ въ Ssanang Ssetsen въ др. н.

(150) P. La Croix въ пр. с.; Mailla Hist. gén. d. l. Chine T. IX. p. 9, 77, Schlözer Nordische Gesch. 4. S. 396 not. 15.

Но прежде нежели перейдемъ къ новымъ опытамъ изъясненій, изложимъ мы ходъ исторіи тѣхъ временъ и первыя сказанія очевидцевъ въ Татаріи и Монголіи. Еще прежде появленія самихъ этихъ очевидцевъ въ Монголіи рассказы объ этомъ пресвитерѣ Іоаннѣ были передаваемы приходящими изъ внутренней Азіи Несторіанцами и другими западнымъ Франкамъ въ Сиріи и Палестинѣ. По изслѣдованіямъ Іова Лудольфа⁽¹⁵¹⁾ самыя первыя свѣдѣнія объ этомъ пресвитерѣ Іоаннѣ были перенесены въ Европу двумя армянскими легатами, прибывшими въ Римъ къ Папѣ Евгенію III въ 1145 г.

Ассеманъ и Мосгеймъ, для различія сего лица отъ перваго обращеннаго царя Кэрантовъ, назвали его вторымъ пресвитеромъ Іоанномъ. Но мы не узнали отъ нихъ ничего болѣе точнаго, кромѣ того что лѣтописцы сего времени упоминають о семъ, до тѣхъ поръ специально неизвѣстномъ на Западѣ лицѣ, по различнѣйшимъ рассказамъ. Guillelm. Tripolitanus ap. G. Mercator a. 1098. во время взятія Антиохіи крестоносцами говоритъ: Coiren Chamum fuisse dominum aut Regem regionum orientalium Asiae, eoque demortuo quemdam Presbyterum Nestorianum regnum illud invasisse et Presbyterum Iohannem adpellatum esse. Otto Frising (умершій въ 1158 г.) lib. VII. c. 33. Narrabat Gabulensis Episc quod ante non multos annos Iohannes quidam (qui ultra Persidem et Armeniam in extremo Oriente habitans, Rex Sacerdos cum gente sua Christianus est, sed Nestorianus) Persarum et Medorum fratres Samiarden dictis bello petierit.

О третьемъ⁽¹⁵²⁾ такъ называемомъ пресвитерѣ Іоаннѣ позднѣйшаго времени, хотя о порядкѣ ихъ преемничества рѣчи быть не можетъ, упоминаетъ: Alberic въ Chronico ad. an. 1165 et 1170 называя его Indorum Rex, и говоритъ о письмахъ одного пресвитера Іоанна, присланныхъ имъ императору Еммануэлю Комнеу и императору Фридриху I. Но сія Epistolae и

(151) Job Ludolfi Hist. Aethiop. comment. Lib. Nr. II. p. 218.

(152) Mosheim Hist. Tartaror. Ecclesiastica § 9. p. 23.

нѣкоторыя другія, по свидѣтельству *Matth. Paris Hist. maj.* (онъ умеръ 1259), написанныя къ Папѣ Александру III (1161 — 1181), Византійскому императору, Лудовику VII королю Французскому и даже королю португальскому, и бывшія въ ходу у лѣтописцевъ конца XII вѣка, суть апокрифическія ⁽¹⁵³⁾, и даже неизвѣстно получили ли ихъ сіи государи дѣйствительно. Точно также сомнительно кто былъ ихъ составителемъ, хотя оны были написаны отъ имени *Presbyter Johannes Asiaticus Rex*, котораго владычество распространилось черезъ Индію и на всѣхъ народовъ Гогъ и Магогъ до Вавилона, черезъ 70 царствъ, и который называетъ себя покровителемъ Христіанъ, пресвитеромъ св. рукоположенія и царемъ справедливости, послѣдователемъ Св. Фомы, Индійскаго апостола, просящимъ отъ Франкскаго короля храбрыхъ рыцарей. Все содержаніе этаго письма показываетъ очень ясно, что оно было дѣломъ Несторіанцевъ, которые хотѣли высоко поднять покровителя своей церкви въ глазахъ крестоносцевъ и Западной церкви; однакоже вѣроятно оно было составлено въ упомянутомъ центральномъ Азіатскомъ царствѣ, въ палаткахъ самаго царя Кѣрантовъ, его Несторіанскими писцами, которые хотѣли ему польстить пышнымъ, несправедливо присвоеннымъ слогомъ, совершенно соответствующимъ дипломатіи позднѣйшихъ сношеній Монголовъ. И дѣйствительно эти многообразныя представленія достигли своей цѣли: потому что по всей Европѣ распространилась идея, что дѣйствительно существуетъ такой могущественный царь-священникъ, котораго Несторіанская церковь обратила въ Христіанство, и очевиднымъ доказательствомъ дѣйствительности этаго заблужденія служитъ письмо столь часто утраченного Папы Александра III изъ Венеціи въ 1177 г. ⁽¹⁵¹⁾ съ

(153) *Petis de la Croix Hist. de Genghizcan* p. 31. *Asemani* fol. CCCCLXXXVIII u *Mosheim* l. c. *append. Nr. IV.*

(154) *Caes. Baron. Annal. Eccl. T. XII. A. 1177* p. 684; *Alberic. in Chron. ad. ann. 1170. p. 353.* въ *Leibn. Acc. Hist. T. II. Matth. Paris.*

надписью «ad Ioannem Regem Indorum», въ которомъ онъ называетъ его *Sacerdos sanctissimus* и говоритъ что усердіе его ему извѣстно отъ Филиппа, его медика. Этотъ Филиппъ привезъ ему свѣдѣнія въ его государства, о томъ что онъ Христіанинъ, желающій соединиться съ Римскою церковью. А потому онъ наставилъ сего Филиппа въ Католической вѣрѣ, сдѣлалъ его Епископомъ и посылаетъ его къ царю легатомъ. Однакоже объ этой миссіи Филиппа болѣе ничего не извѣстно и Кардин. Цурла ⁽¹⁵⁵⁾, при всей достовѣрности этаго факта, очень старался доказать что этотъ *Ioannes Rex Indorum Sacerdos* не есть Азіатскій пресвитеръ Іоаннъ Несторіанцевъ, хотя ни одинъ лѣтописецъ этаго времени не вводитъ его въ соотношеніе ни съ какимъ другимъ, кромѣ Средне-Азіатскаго. Можетъ быть такая грубая ошибка показалась кардиналу слишкомъ значительною для Римскаго престола. Онъ старается объяснить выраженіе *Ioannes Rex Indorum Sacerdos*, какъ древній титулъ Христіанскихъ королей Эфіопіи, о которыхъ впрочемъ въ тѣ времена никто не могъ думать, потому что христіанская Эфіопія была тогда еще совершенно неизвѣстна, будучи открыта только въ началѣ XIV вѣка; съ тѣхъ поръ она сдѣлалась извѣстною христіанству, послѣ чего *Ioannes Rex Presbyter*, изчезнувшій изъ Азіи, является въ полномъ блескѣ въ Эфіопіи ⁽¹⁵⁶⁾, подъ именемъ *Presbyter Ioannes Africanus*.

Въ Африкѣ этотъ *Ioannes presbyter*, который титуловался такъ самъ черезъ своихъ посланниковъ при христіанскихъ дворахъ (напр. при воцѣствованіи Іоанна Галеаццо на герцогскій миланскій престолъ въ 1395 г.), имѣетъ болѣе права на это названіе, потому-что онъ дѣйствительно былъ *Sacerdos Pontifex maximus* своей *Ecclesiae*; въ Азіи же изчезаетъ скоро воздуш-

(155) Plac. Zurlo di Marco Polo e degli altri Viaggiatori Veneziani Dissertazioni. Venezia 1818 fol. Vol. cap. VIII. Relig. fol. not. 277 — 287.

(156) Historia general de Ethiopia a alta ou Preste Ioam etc. p. Balthasar Tellez. Coimbra 1660. 4.

ный его образъ съ появленіемъ Монголовъ, которыми разрушено не мало важное впрочемъ могущество Ванъ-хана Кэрантовъ. Этому могуществу придавала однакоже іерархія несторіанцевъ немалое значеніе и возлагало на него свои надежды для составленія на В. равновѣсія католической церкви, Папѣ и Западному императору, въ то самое время когда крестовые походы начинали уже наступать твердою ногою на Азію. Этимъ то, какъ намъ кажется, можетъ разрѣшиться загадка сказанія о *Preste Gianni* въ Тендухѣ.

Абульфарджъ, который самъ былъ Якобитскій христіанинъ изъ Капподокіи, и писалъ въ концѣ XIII вѣка, называетъ опредѣлительно на Халдейскомъ языкѣ, въ своей *Historia Dynastarum* p. 280, Тогрулемъ послѣдняго Ванъ-хана, который по послѣдовательности, принимаемой Ассеманомъ и Могеимомъ, былъ четвертымъ, Малекъ Іуанна ⁽¹⁵⁷⁾, и говоритъ: *Eodem tempore (circa 1202) Turcarum orientalium tribus imperavit Ung Khan, qui Rex Johannes appellatus est, e tribu quae Kerrit vocatur, erantque populus, qui religionem christianam profitebatur.*

Въ исторіи этого государя, какъ ее передаютъ монгольскіе и китайскіе авторы ⁽¹⁵⁸⁾, которые разумѣется только описываютъ его войны съ Темучиномъ или Чингисъ-ханомъ, правда нельзя найти никакого основанія принимать его преимущественно передъ его сосѣдямъ за христіанскаго короля, а еще менѣе за священника; по достоинству своему Ванъ-ханъ былъ не болѣе какъ пограничный губернаторъ военныхъ силъ Китая; притомъ онъ является постоянно воиномъ и даже убійцею своихъ двоюродныхъ и родныхъ братьевъ и неблагодарнымъ клятвопреступникомъ противъ сына своего благодѣтеля — юнаго Чингисъ-хана. По

(157) *Herbelot Bibl. orient. s. v. Kerit. fol. 473; M. Polo ed. Marsden. fol. 192. № 365.*

(158) *Ssanang Saetsen Schmidt p. 87; Mailla hist. gén. de la Chine. T. IX. p. 9 — 34; D'Ohsson Hist. des Mongols extr. въ P. Souciot observat. mathem., astron. geogr. etc. Paris. 4. 1729. p. 187.*

также извѣстно что онъ терпѣлъ христіанъ, позволяя имъ имѣть епископовъ и даже владычествовалъ надъ многими христіанскими народами ⁽¹⁵⁹⁾; однакоже вскорѣ послѣ того, по свидѣтельству Мате. Париса, Рубруквисъ откровенно замѣчаетъ: *et vocabant eum Nestoriani Regem Johannem et plus dicebant de ipso in decuplo quam veritas esset. Sic ergo exivit magna fama de illo Rege Johanne et quando ego transivi per pascua ejus, nullus aliquid sciebat de eo nisi Nestoriani pauci*».

Побѣда Чингисъ-хана надъ симъ Ванъ-ханомъ Тогрулемъ Карантовъ (1202 или 1203 г.), котораго онъ былъ затемъ, столь извѣстна изъ соотвѣтственныхъ показаній всѣхъ исторій, какъ мы уже упомянули выше, причемъ престарѣлый Ванъ-ханъ былъ убитъ, а сынъ его изгнанъ изъ своего отечества въ Хя (Ниа), и нашелъ свою смерть разбойникомъ на З. у Турковъ, между тѣмъ какъ его жены были отведены въ плѣнъ ко двору побѣдителя. Этотъ сынъ у разныхъ авторовъ получилъ различныя названія: Ха-хэ въ *Gaubil Mongol. Hist.*; Иль-хэ въ *Mailla Chines Hist.*; Ира-га у Висделу, Санкунъ у Пти-де-ла-круа, Сингунъ у д'Оссона; между тѣмъ какъ у *Vincenz Bellocas.* (ум. въ 1264 г.), въ его *Specil. histor. IV. L. 29. C. 69.*, и у *Marin Sauto Secretor. fidel. Crucis lib. III. p. XIII. c. IV. fol. 234.* приписывается сему сыну пресвитера Іоанна, который здѣсь названъ *Jndiae Imperator*, все то что исторія говоритъ о его отцѣ (у Рубруквиса же брату отца) ⁽¹⁶⁰⁾. Этотъ сынъ названъ христіанскимъ именемъ *David Rex*, и сказано, что онъ былъ умерщвленъ со всѣмъ своимъ семействомъ, исключая единственной его дочери, которая была отведена Чингисъ-ханомъ въ его гаремъ. Не смотря на это истребленіе родъ Ванъ-хана в христіанство Карантовъ и ихъ послѣдователей жили еще, какъ мы видѣли выше, упоминаемая о Тендухѣ, въ преданіи, въ продолженіи всего XIII вѣка, до Марко Поло и Іоанна де Монтекорвино, изъ которыхъ послѣд-

(159) *Petis la croix Hist. de Genghiscan. p. 33.*

(160) *Rubruquis Voy. en. Tartarie ch. 19. въ Bergeron Rec. fol. 86.*

нему наконецъ удается обратитъ Несторіанскаго Rex Georgius de genere illustri Magni Regis, qui dictus fuit presbyter Johannes de India въ католическую вѣру. Но хотя это была послѣдняя слабая отрасль баснословнаго рода, угасшаго въ 1299 г., до тѣхъ поръ все еще показываются нѣкоторые темные слѣды дѣйствія такого мнимаго пресвитерскаго достоинства падшаго царскаго дома, который погибъ не безъ какого то духовнаго нимба. Эти слѣды проявляются въ извѣстной, хотя только совершенно внѣшней и обманчивой наклонности родственнаго имъ по браку Чингисъ-ханова императорскаго дома великихъ хановъ Монгольскихъ къ христіанству, въ то время когда Монголы были еще врагами Магометанъ и ихъ властитель еще не провозгласилъ рѣшительно ламаизма государственною религіею, что случилось только при Хубилай-ханѣ въ 1259 году ⁽¹⁶¹⁾. Дѣйствительно Чингисъ-ханъ былъ исключительно занятъ покореніемъ и усмиреніемъ народовъ; его требованіе къ подчиненнымъ царямъ заключалось въ словахъ «плати дань и подчиняйся», о религіозныхъ же учрежденіяхъ онъ почти и не думалъ, и единственные слѣды ихъ приводитъ лѣтописецъ въ очень характеристическомъ письмѣ тогдашняго тибетскаго ламы, который прислалъ ему 300 челоуѣкъ съ верблюдами въ видѣ дани и своего посла въ знакъ подданства, на что онъ будто бы отвѣтилъ ⁽¹⁶²⁾: «мнѣ очень хотѣлось призвать тебя, но такъ какъ ходъ моихъ дѣяній на Западѣ еще не оконченъ, то я тебя не призвалъ. Отсюда я вѣрю тебѣ, оттуда будь моимъ покровителемъ». Сыновья его и наследники Чжагатай и Октай-ханы (Угедэй-ханъ у Цананъ-пецена 1228 — 1241), во времена царствованій которыхъ страшное владычество Монголовъ подъ знаменами Бату-хана проникло до середины Европы, казались болѣе благосклонными если не къ христіанству, то по крайней мѣрѣ къ христіанскимъ народамъ, чѣмъ то можно было ожи-

(161) Abel Remusat Rech. s. les Lang. Tartar. p. 346, 386.

(162) Ssanang Seetsee Gesch der Mongolen p. 89.

дать отъ варварства ихъ рода. Это обстоятельство однакоже должно какъ кажется приписать несторіанскимъ христіанамъ, которые, вмѣсто свергнутаго Ванъ-хана, должны были найти почетное убѣжище въ домѣ Чингисъ-хана, если справедливо то что сообщаетъ намъ Vincent Bellov *спес. Hist.* 1. XXIX. с. 70 и другіе ⁽¹⁶³⁾. Послѣ побѣды надъ Ванъ-ханомъ, Чингисъ-ханъ вступилъ въ бракосочетаніе съ его дочерью Ясунь-соень-беги (Ой-сунь-гинь), по обычаю тамошнихъ ордынскихъ князей. Она сама была, какъ говорятъ, подобно своимъ предкамъ, несторіанка и очень большое значеніе у нея имѣлъ «*Rabbanta Monachus*», ея крестный отецъ, замѣчательный по своему уму и хитрости, и притомъ же прорицатель, почитаемый Татарами за святаго; по смерти своей государыни онъ обиталъ въ Таврисѣ, занимаясь торговлею, и тамъ то его нашли папскіе легаты.

О Чингисъ-хановомъ старшемъ сынѣ Чагатай-ханѣ Марко Поло ⁽¹⁶⁴⁾ рассказываетъ, что онъ въ своемъ западномъ царствѣ — Самаркандѣ, обратился въ христіанство, къ большой радости тамошнихъ христіанъ, которые, подъ его покровительствомъ, выстроили тамошнюю церковь Св. Іоанна Крестителя, о которой было упомянуто выше и въ которой впоследствии совершилось уже упомянутое чудо. Однакоже мы не имѣемъ никакого другаго подтвержденія справедливости этого показанія, исключая развѣ только благосклоннаго къ христіанству расположенія брата его: потому-что Октай-ханъ былъ также благосклоненъ къ христіанамъ, хотя, какъ уже замѣчаетъ Шлоссеръ ⁽¹⁶⁵⁾, изъ этого отнюдь не должно заключать чтобы онъ велъ христіанскую жизнь. Однакоже должно почитать исторически доказаннымъ фактомъ то, что онъ былъ первымъ покровителемъ армянскихъ христіанъ, въ то время когда монгольскіе генералы страшно опустошали страну на Кавказѣ и въ Грузіи. Когда въ

(163) *Assemani Bibl. orient.* T. III. p. II. fol. VI.

(164) *Marco Polo ed. Ramusio* T. II. с. 30. fol. II. ed. *Marsden* с. 30. p. 147.

(165) *Schlosser Welt-gesch.* III. T. II. Abth. 1. p. 313. not.

1240 г. ⁽¹⁶⁶⁾ прибылъ къ его двору христіанско-армянскій горскій князь Авагъ съ своею сестрою Танитою, то онъ принялъ ихъ милостиво и возвратилъ имъ ихъ владѣнія; это было началомъ смягченія участи христіанъ на Западѣ Каспійскаго моря. При дворѣ его жилъ сирійскій д-ръ Симеонъ, чрезвычайно умный, и проповѣдывалъ евангеліе на Востокѣ Азии; заслуги его дали ему такой доступъ къ Кахану, что Октай называлъ его Ата (т. е. по турецки — патеръ). Другіе называли его Раббанъ (по сирійски — учитель). Онъ просилъ за угнетенныхъ христіанъ въ Грузіи, былъ выслушанъ милостиво, и въ 1241 г. ⁽¹⁶⁷⁾ лично посланъ монгольскимъ императоромъ по сему порученію къ генераламъ его на Западѣ. Съ тѣхъ поръ прекратились угнетеніе христіанъ въ кавказскихъ странахъ. Христіанамъ дозволено было свободное богослуженіе, и многіе Монголы обратились и приняли крещеніе. А потому на Западѣ и въ Левантѣ, гдѣ Монголы непосредственно явились врагами Сарациновъ, а слѣдовательно политическими друзьями христіанскихъ королей, распространилось снова общее, совершенно неосновательное мнѣніе, начавшееся уже давно преданіемъ о пресвитерѣ Іоаннѣ, что Татары и князья ихъ на отдаленномъ Западѣ суть крещенные и христіане, не смотря на то, что при ближайшемъ столкновеніи ихъ вездѣ принимали за изчадіе Тартара. Не смотря на то ихъ завоеванія, еслибъ они остались исключительно на азіатской почвѣ, принесли бы христіанамъ пользу; потому-что Франки и Монголы были тогда естественными союзниками противъ общихъ враговъ—Сарацинъ и Мусульманъ. И такимъ то образомъ даже сами папы, императоры и короли Европы охотно заблуждались и вступали съ ними въ политическія связи, которыя, какъ они предполагали, основывались въ религіозныхъ отношеніяхъ.

(166) Ab. Remusat Mem. sur les relat. polit. des princes chretiens etc. av. les Mongoles Paris 1822. 4. p. 13.

(167) Ibid. p. 21.

Октай Ханъ скончался, и ему наследовалъ сынъ его Гаюкъ-Каханъ (Гуйукъ у Цнанана, Суупе у Миссионеръ, Гогханъ у Арабовъ), подъ трехлѣтнимъ регентствомъ своей матери, вдовы Октая, именемъ Туракейна Хатунъ (1241—43 г.) ⁽¹⁶⁸⁾. Она была рождена между Кэраитами, даже была дочерью ⁽¹⁶⁹⁾ пресвитера Юанна (по свидѣт. Рашидедина имя ее Сюрку-Китай-Бики и она приходилась племянница Царю Кэраитовъ) ⁽¹⁷⁰⁾ и Христіанкою, по единогласному свидѣтельству всѣхъ авторовъ, слѣдовательно это было все еще продолженіе вліянія рода пресвитера Юанна въ Тендухъ, который до самыхъ временъ Марко-Поло оставался въ кровномъ родствѣ съ императорскимъ домомъ. Она имѣла при себѣ христіанскаго епископа Малассія, покровительствовала еще христіанскому министру своего супруга Кудакъ (Кадакъ у Рашидедина), а сынъ ея Гаюкъ дѣйствительно имѣлъ передъ своею палаткой молельню, въ которой и отцы папскіе миссіонеры пѣли свою *ave Regina coelorum*, хотя всѣ эти обряды не совсѣмъ были по нимъ ⁽¹⁷¹⁾, и все христіанство этихъ людей казалось довольно страннымъ. Въ резиденцію то Гаюка (Сира орду, желѣзныя палатки) прибылъ Францисканецъ Плато Карпини въ Курултай его восшествія на престолъ (1246 г.).

Этою то миссіею былъ очень ясно открытъ обманъ рассказовъ Несторіанцевъ о мнимомъ христіанствѣ Монголовъ и ихъ князей, и всѣ послѣдующія сношенія доказали достаточно заблужденіе западнаго христіанства, полагавшаго найти въ нихъ единовѣрцевъ. Когда Пат. Аспелингъ объявилъ себя Бату-Хану посланникомъ Папы Иннокентія IV, имѣющаго самую высокую должность на землѣ, то у него съ гнѣвомъ спросили, развѣ онъ

(168) Ab. Remusat въ пр. с. p. 36; Schlosser weltgeschichte. въ пр. и. p. 323.

(169) Rubruquis voy. p. Bergeron, addit de Vinc. de Beau et de Guill. de Nangis. chap. LV p. 157.

(170) St. Martin Mem. а. Armenie III p. 280.

(171) Plauo Carpini Voy. въ Bergeron ch. XI p. 18; Rubruquis Voy. ib. ch. XXXII, p. 67. °

не знаетъ что Баханъ самъ есть сынъ неба — Тегри, и на вопросъ Пат. Карпина отъ имени Папы Гаюкѣ-Хану христіанинъ ли онъ? получено было въ отвѣтъ: «что это знаетъ Богъ, а что если Папа желаетъ знать это, то можетъ самъ явиться къ хану». вмѣстѣ того чтобы найти въ немъ друга христіанства, миссіонеры скоро убѣдились что нашли въ немъ величайшаго врага. Такимъ образомъ исчезаетъ всякій слѣдъ ошибочной идеи о пресвитерѣ Іоаннѣ, которую такъ долго обманывали себя христіане. Последній же лучъ надежды исчезъ во время миссіи Рубруквиса (1253 года) ⁽¹⁷²⁾, который, лично проѣхавъ страну пресвитера, удостовѣряетъ что не нашелъ тамъ никого, ктобы зналъ о немъ чтонибудь, исключая нѣсколькихъ Несторіанцевъ; у нихъ же, говорить онъ, въ обычаѣ дѣлать много шума изъ бездѣлицы. Наконецъ М. Поло, какъ мы уже видѣли выше, говоритъ только о странѣ Тендухъ Ванъ-Хана, котораго родъ существовалъ еще до его времени, и о которомъ онъ говоритъ впрочемъ, судя *по рассказамъ и мнѣніямъ другихъ*, что это слово означаетъ пресвитера Іоанна, о чемъ онъ не присовокупляетъ даже собственнаго мнѣнія ⁽¹⁷³⁾.

Такимъ образомъ съ паденіемъ рода Кэраитъ исчезаетъ и эта басня; вліяніе же Несторіанцевъ все болѣе и болѣе уменьшается, и наконецъ они какъ христіане совершенно исчезаютъ, когда Римская церковь находитъ туда первый доступъ, черезъ своихъ дѣятельныхъ миссіонеровъ, такъ какъ Ламайство, черезъ признаніе Тибетскаго Далай-ламы главою іерархіи, было сдѣлано государственною религіею династіи Юань. Но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, какъ нѣкоторые думаютъ, что тамъ совсѣмъ не было Несторіанцевъ, и что всѣ ихъ рассказы суть только ложь и хвастовство; скорѣе же можно сказать, что ихъ Несторіанское христіанство было недалеко, если его такъ легко могли промѣнять на Буддизмъ. Достоинство пресвитера Іоан-

(172) Rubruquis Voy. ib. ch. XIX, p. 36.

(173) Marco Polo ed. Ramusio T. II c. 42 fol. 13. 6.

на ⁽¹⁷⁴⁾ перешло столь же мало на особу Далай-ламы, какъ достоинство Несторіанскаго каеодикоса, потому что на это не существуетъ никакого достовѣрнаго свидѣтельства, хотя одна или другая изъ сихъ гипотезъ и даже обѣ вмѣстѣ ⁽¹⁷⁵⁾ были изложены нами въ подробности; однако-же почти совершенно достовѣрно, что обряды Ламайскаго язычества упрочили себя столь многими формами Несторіанскаго христіанства, и притомъ такимъ поразительнымъ образомъ, что всѣ первые ихъ наблюдатели были такъ изумлены этимъ, что находили въ нихъ подражаніе обрядамъ Римской Церкви самимъ дьяволомъ. О распространеніи Христіанскаго ученія Римскими миссіями и буддійскихъ ученіяхъ ламами мы будемъ говорить ниже.

ДОПОЛНЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ § 24.

О происхожденіи Монголовъ и Татарей.

Имя Монголовъ — *Монъ-гу* дѣлается вполне исторически извѣстнымъ только со временъ Тэмучина, и именно съ того времени какъ онъ, покоривъ земли Кэравтскаго Вана, сдѣлался уже грознымъ соперникомъ властвовавшей въ сѣверномъ Китаѣ Гиньской династїи и принялъ титулъ Чингисъ-Хана. Народъ же, говорящій нынѣ такъ называемымъ Монгольскимъ языкомъ и игравшій такую первостепенную роль во всемирной исторїи съ XIII вѣка, обиталъ первоначально на сѣверной (сибирской) окраинѣ восточно-азиатскаго нагорья, въ горной странѣ истоковъ системъ Селенги и Амура; и отсюда распространялся бо-

(174) Pater Georgi Alphahet. Tibetan. p. 690.

(175) J. C. Fischer sibirische Geschichte. St. Petersburg. 1768. Einal. Th. I. p. 73—82.

лѣе и или менѣе и по степи Гоби, между меридіанами китайскихъ городовъ Да-Гунъ-фу и Юнъ-Пина. Только на степномъ, безводномъ плоскогоріи подвижныя разноплеменные народныя массы могли легко смѣняться однѣ другими въ ходѣ различныхъ историческихъ событій, а коренною, опорною странною Монгольскаго народа была горная страна Кентея и Нерчинской Дауріи, т. е. верховья рѣчныхъ системъ Селенги и Амура. Монгольскія племена представляли здѣсь народную группу, совершенно различную по языку своему отъ трехъ другихъ народныхъ группъ восточной нагорной Азіи — Маньчжурской, Корейской и Туркской, съ которыми языкъ ея имѣетъ конечно нѣкоторыя общія слова, вѣроятно только доставленные ему частыми общеніями, происходившими между этими народами.

Прежде всего въ исторіи происхожденія Монголовъ представляется важный вопросъ: существовало ли имя Монъ-гу до временъ Чингисъ-Хана или нѣтъ. Монгольскій князь Цананъ-Цеценъ (1) сохранившій намъ исторію Монголовъ, не зналъ ничего о существованіи имени Монъ-гу до Чингисъ-Хана и полагалъ что имя небесныхъ Монъ-гу было дано самимъ Чингисъ-Ханомъ своему народу. Намъ же извѣстны однакоже историческое свидѣтельство о томъ, что имя Монъ-гу существовало и до временъ Чингисъ-Хана. Именно какъ исторія Киданей (Ляосской династіи), такъ и исторія Нюй-чженей (Гиньской династіи) упоминаетъ о народѣ Мэнъ-гу или Мэнъ-гу-ли или Монъ-гу въ рѣчной области Амура. Первая изъ этихъ исторій составлена Китаецамъ Ъ-лунъ-ли изъ провинціи Че-кяна, при Сунской династіи въ 1130 году, слѣдов. когда Чингисъ-Хану было

(1) Исторія Цананъ Цецена была, какъ извѣстно, переведена нашимъ академикомъ Шмидтомъ на нѣмецкій языкъ. См. Schmidt Geschichte der Ost Mongolen und ihre Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen, Chuntaidachi der Ordus Petersb. und Leips. 1829.

еще только 18 лѣтъ; вторая, уже послѣ паденія Гиньской династіи также при дворѣ династіи Сунъ ⁽³⁾.

Въ Кидань-го-чжи, т. е. первой изъ этихъ исторій, находимъ мы краткія описанія сѣверныхъ сосѣдей Киданьскаго царства, которое, какъ мы уже упоминали, простиралось отъ береговъ Хуахи въ Маньчжуріи до меридіана изгиба Хуанъ-хэ въ Монголіи. Кидань-го-чжи называетъ слѣдующихъ сосѣдей Киданьскаго царства, отъ В. черезъ С. къ З.: Нюй-чжень, Мохэ, Тѣ-ли-си-ши-клянъ, Мәнъ-гу, Юй-гюэ и Дада (Та-та). Независимые Нюй-чжень, т. е. коренные Маньчжуры, сокрушившіе впослѣдствіи царство Киданей и основавшіе блистательную династію Гинь, обитали на В. отъ Киданей, т. е. на р.р. Хуахъ и Усури. Мохэ, также коренной маньчжурскій народъ, о которомъ мы уже имѣли случай говорить выше (см. ст. 397, 414, 416), обитали къ С.-В. отъ Киданьскаго царства, т. е. на Амурѣ, вѣроятно около впаденія въ него р. Сунгаря т. е. соединенія сѣверной и южной вѣтвей всей системы. Тѣ-ли-си-ши-клянъ обитали къ С.-С.-В. отъ Киданьскаго царства, т. е. вѣроятно на Амурѣ отъ Албазина до Хэй-лунъ-кяна. Имя это не встрѣчается болѣе нигдѣ въ исторіи. Однакоже два обстоятельства могутъ помочь намъ въ объясненіи какого племени были эти Тѣ-ли-си-ши-клянъ: 1) показаніе Кидань-го-чжи, что языкъ ихъ, одежда и обычаи, по переводу Васильева ⁽³⁾ имѣли только отдаленное сходство, а по переводу Шотта ⁽⁴⁾ почти никакого сходства съ Мохэскими, и 2) мѣстообитаніе его. По мѣстообитанію своему Тѣ-ли-си-ши-клянъ занимали совершенно мѣсто прежнихъ коренныхъ Ши-вэй, которыхъ имя уже въ это время начинаетъ исчезать изъ исторіи; если вспомнимъ что Ши-вэй была соплеменная съ Ки-

(2) Извлеченіе изъ этихъ исторій см. въ рукописяхъ Васильева, также выше стр. 418 — 437 в Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren в Abhandl. der Königl. Acad. d. Wissensch. in Berlin für 1845. p. 415 — 473.

(3) См. выше ст. 427.

(4) Schott Aelteste Nachrichten über d. Mongolen und Tataren в пр. п. р. 459.

данными, также какъ съ нынѣшними Соловами и Даурами, и говорили слѣдовательно смѣсю монгольскаго и маньчжурскаго языковъ, т. е. языкомъ, имѣющимъ *отдаленное сходство* съ Мохэскимъ (чище Маньчжурскимъ), то можемъ заключить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ что Тѣли-си-ши-кянь были какое-нибудь Ши-вэйское племя, т. е. принадлежащее къ народной смѣси, въ которой былъ уже и *Монольскій элементъ*, что во всякомъ случаѣ обличаетъ близость и сосѣдство коренныхъ Монголовъ. Что у Тѣ-ли-си-ши-кянь уже преобладалъ монгольскій элементъ, можемъ мы заключить изъ того, что языкъ ихъ не сходствовалъ съ Мохэскимъ (т. е. кореннымъ Тунгузскимъ), между тѣмъ какъ южные Ши-вэй, по свидѣтельству Ма-дуанъ-линя, говорили языкомъ, сходнымъ съ Мохэскимъ, а сѣверные—совершенно непонятнымъ. Вторая половина названія упомянутаго племени Си-ши-кянь, по южному произношенію Хи-ши-кянь (Hi-Schi-Kian), по мнѣнію Шотта ⁽⁵⁾, сохранилась въ названіи нынѣшняго монгольскаго княжества Кэшиктени. За тѣмъ Кидань-го-чжи показываетъ, что прямо на С. отъ Киданьскаго царства, стало быть на З. отъ Тѣли-хи-ши-кянь, слѣдовательно на Аргуни и Кэрулэнѣ обитали Мэнь-гу или Мэнь-гу-ли. Монгольскій элементъ не могъ сообщаться Ши-вэйскимъ племенамъ ни откуда болѣе, какъ отъ непосредственныхъ западныхъ сосѣдей; этими сосѣдями были Мэнь-гу; не имѣемъ ли мы права заключить что эти Мэнь-гу были еще болѣе Монголами чѣмъ Тѣли-си-ши-кянь, т. е. истинными Монголами, и что монгольскій народъ уже до Чингисъ-хана носилъ названіе Мэнь-гу или Монъ-гу, тѣмъ болѣе что коренная родина самого Чингисъ-хана находилась не слишкомъ далеко отъ коренныхъ мѣстообиталищъ упомянутыхъ Монъ-гу. Далѣе къ З., т. е. къ С.-З. отъ Киданьскаго царства, обитали Юй-гюэ, т. е. вѣроятно Уйгуры, народы туркскаго племени. Еще далѣе т. е. на З. сосѣдями Киданьскаго царства были *Да-да*, вѣроятно въ Инъ-шанѣ: это бы-

(5) Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren вь пр. в р. 458.

ли слѣдовательно Та-та или Та-тани, соплеменники и сродники Чингисъ-хановыхъ Монголовъ, о переселеніи которыхъ съ береговъ Амура существуютъ положительныя историческія свѣдѣтельства (см. ниже). За тѣмъ еще Кидань-го-чжи упоминаетъ о Тукюэ, народахъ кореннаго туркскаго племени и царствѣ ихъ Гао-чань, также о Тангутахъ. Изъ показаній Кидань-го-чжи несомнѣнно слѣдуетъ, что названіе Монголовъ уже существовало до Чингисъ-хана и принадлежало хотя *одному* Монгольскому племени, обитавшему въ С.-В. Монголіи; можно заключить также что имя Мэнъ-гу или Мэнъ-гули (Монголы) не происходило отъ имени маньчжурскихъ Мо-хэ, какъ потому что, по замѣчанію Шотта ⁽⁶⁾, звукъ *нг* никогда не теряется въ китайскихъ транскрипціяхъ, такъ и потому что Мэнъ-гу были отдѣлены отъ Мо-хэ довольно различнымъ съ ними, независимымъ племенемъ Тѣ-ли-ши-си-кянъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о Мэнъ-гу находимъ мы въ Да-гинь-го-чжи, т. е. исторіи Гиней. Только уже здѣсь Мэнъ-гу изъ народа, мирно торговавшего мѣхами съ Кидавями, дѣлается воинственнымъ, опаснымъ врагомъ Нюй-чженей. Да-гинь-го-чжи нѣсколько разъ упоминаетъ о сраженіяхъ и войнахъ Мэнъ-гу съ Нюй-чженями напр. въ кн. IX. 2, XI, XII. 1, 2, XVII. 4, XX. 2. Въ книгѣ XII. 2 сказано, что послѣ побѣды, одержанной Мэнъ-гу надъ Гивьскими войсками, имъ уступлены земли (именно 27 округовъ) къ С. отъ Си-п'инъ-хэ т. е. Кэрулэни. Вотъ показаніе, приводящее насъ опять въ ту же С.-В. Монголію, которую и прежде, при Киданяхъ, занимали Мэнъ-гу. Только Мэнъ-гу распространялись какъ кажется и гораздо далѣе на В., именно въ Да-гинь-го-чжи сказано, что Мэнъ-гу обитали и на С.-В. отъ Нюй-чженей. Шоттъ полагаетъ ⁽⁷⁾ что здѣсь описка и что вмѣсто С.-З. должно читать С.-В.; но мы не можемъ согласить-

(6) Schott älteste Nachrichten v. Mongolen und Tataren въ пр. н. р. 451.

(7) Schott älteste Nachrichten über Mongolen und Tataren въ пр. н. р. 461.

ся съ этимъ мнѣніемъ и полагаемъ, что и на среднемъ теченіи Амура обитали Мэнь-гу, о чемъ свидѣтельствуемъ сохранившееся и донныя названіе Мэнь-гу въ имени Мангунцевъ, племени, пайденнаго на среднемъ теченіи Амура нашими новѣйшими экспедиціями.

Въ Да-гинь-го-чжи есть еще другое, весьма интересное показаніе. Именно здѣсь сказано, что еще и во время Танской династїи (властвовавшей отъ 618 до 905 года) существовали Мэнь-гу и что имя ихъ писалось Мэнь-гу. Далѣе историкъ говорить, что Мэнь-гу взбунтовались въ первый разъ (противъ Гиней) около 1140 года, что съ этаго времени они за выкупъ похищеннаго ими имущества получали киданьскихъ и китайскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и что вслѣдствіе такого смѣшенія у нихъ родились дѣти, совершенно непохожія на Мэнь-гу. Мало по малу народъ пріучился къ вареной пицѣ (прежде они питались сырымъ мясомъ) и образовалъ обширное царство, называвшееся Да-мэнь-гу-го, т. е. великимъ Монгусскимъ царствомъ. Еще историкъ замѣчаетъ что первоначально должны были быть два монгусскія царства, отстоящія другъ отъ друга на нѣсколько тысячъ ли: одно на С.-В., другое на С.-З., потому что въ цвѣтущее время династїи Гинь содержались на С.-В. границахъ гарнизоны противъ Корейцевъ и Мэнь-гу, а на С.-З.-ныхъ противъ Тангутовъ и также противъ Мэнь-гу.

Шоттъ, руководствуясь указаніемъ Да-гинь-го-чжи о существованіи Мэнь-гу еще при Танской династїи, старался найти нѣтъ ли какогонибудь показанія объ этомъ народѣ въ ея лѣтописяхъ, и дѣйствительно нашелъ ихъ въ слѣдующемъ пассажѣ ⁽⁸⁾ о Шивейцахъ:

«Народъ этотъ состоялъ изъ многихъ племенъ, которыхъ начальники носили титулъ Му-хэ-чу (Mu-hu-tchu) ⁽⁹⁾ и зависѣ-

(8) См. Schott *Ältere Nachrichten üb. Mongolen und Tataren* въ пр. и. р. 462.

(9) Такъ назывались только начальники сѣвер. Ши вэй, у остальныхъ же, по свидѣтельству Ма-дуань-линя (ин. 347 л. 1, 2), титулъ былъ Мань-чу. Отъ этого слова произошло вѣроятно имя выѣвшихъ Мань-чу, какъ то предполагаютъ

ли отъ сосѣднихъ на З. Ту-кюэ. Они занимались преимущественно скотоводствомъ и охотою. Отправляясь на охоту они приглашали другъ друга свистками на сборное мѣсто. Не знали никакой субординаціи, а потому хотя народъ и былъ мужественъ и воинственъ, онъ не могъ сдѣлаться сильнымъ и могущественнымъ. Они также занимались земледѣліемъ: плуги ихъ были деревянные и запрягались людьми; только жатва, по причинѣ суроваго климата и дурной почвы, была очень скудная. Кибитки, запряженные волами, служили имъ жилищемъ. Страна была бѣдна металлами: желѣзо получали они отъ Корейцевъ. Званіе предводителя ихъ было наследственно; если вымирало царственное семейство они избирали мудрѣйшаго и храбрѣйшаго. Домашними животными служили имъ преимущественно рогатый скотъ; лошадей у нихъ было мало, овецъ вовсе не было, только была крупная порода свиней, которыхъ мясомъ они питались. Дубленая свиная кожа служила имъ одеждою. Ближайшія племена этого народа жили въ 3000, а отдаленнѣйшія въ 6000 лв къ С.-В. отъ Лючена ⁽¹⁰⁾. Самое западное изъ нихъ У-су-гу (U-su-ku) обитало къ Ю.-З. отъ озера Кулуна (Kiülün) ⁽¹¹⁾. Оно граничило съ землями Хой-ху (Туркскимъ племенемъ). На В. отъ упомянутаго озера жили И-сай-му (Ji-Sai-mu), а далѣе на В., на сѣверномъ берегу рѣки Чуо (Tschuo) или Янь-чжи (Jen-Tschu), могущественное племя Сай-ху-чжи (Sai-hu-tschü). Еще далѣе на В. обитали племена Хо-кяй (Ho-kiaï), У-ло-ху (U-lo-hu) и Ноли (Noli). Прямо же къ С. отъ племени Линь-си (Ling-si) обитало племя На-бэй-чжи, а еще къ С. отъ этого племени за большими горами были Да (т. е. большіе) — Ши-вэй на берегахъ рѣки Ши-кяна. Рѣка эта вытекаетъ изъ озера Ку-лунъ и потомъ поворачиваетъ къ В. На Ю. же отъ упомянутой рѣки

независимо другъ отъ друга Горскій и Шоттъ. См. выше ст. 413 и Schott älteste Nachrichten üb. Mongolen u. Tartaren. въ пр. н. р, 462.

(10) О положеніи Лю-чена на р. Долинъ-хэ въ области Чэнь-де фу. См. выше ст. 402.

(11) Озеро Кулунъ и нынѣ сохранило это названіе, но также называется и Далай-норъ. Въ него впадаетъ р. Керуленъ и вытекаетъ подъ именемъ Аргуни.

обитало племя *Мэну*, а на С. Лотань. Рѣка же, въ дальнѣйшемъ теченіи своемъ, соединяется съ рѣками *Но* и *Ху-хань* (Hu-han), далѣе къ В. протекаетъ она черезъ земли Хэй-шуй-мо-хэ, которыхъ раздѣляетъ на сѣверныхъ и южныхъ, и наконецъ впадаетъ въ море.

Замѣтимъ что исторія старшей династіи Т'ань (Т'ань-шу) составлена была уже въ началѣ X в., т. е. за три вѣка до Чингисъ-хана. Хотя Мадуань-линь, историкъ конца XIII в., разработавшій многія предъидущія историческія сочиненія, даже до насъ недошедшія, не говоритъ ни слова о Мэнъ-гу, народъ этотъ упоминается еще въ одномъ историческомъ сочиненіи, именно Гуань-юй-ки (Kouang-yu-ki), составленномъ нѣсколько позднѣе Т'ань-шу, именно въ 976 — 984 годахъ. Вотъ что нашелъ Шоттъ ⁽¹²⁾ о нихъ въ этомъ сочиненіи (кн. 199 л. 5):

Къ Ю. отъ р. Чуо (Tschuo) обитало племя Сай-ху-чжи (Sai-hu-tschi); оно было многочисленно и имѣло превосходныхъ лошадей. На В. Хо-кэй (Ho-kiai) было племя У-ло-ху (U-lo-hu); оно жило на С. отъ горы Мо-к'ай-ту (Mo-kai-tu), на берегахъ рѣки Чуо. Это племя присылало нѣкоторое время дань китайскому двору, именно отъ временъ династіи Юань-вэй (443 г.) до 750 г., при династіи Т'ань. 200 ли на С.-В. отъ У-ло жили на р. Но остатки древнихъ У-хуань ⁽¹³⁾. Они присылали дань при двухъ первыхъ императорахъ динстіи Т'ань. Къ С. отъ нихъ на сѣверной сторонѣ большой горы, жило племя Да-ше (чернотелѣжныхъ) Ши-вэй, на берегахъ рѣки, вытекающей изъ озера Ку-луиъ на С.-В. страны Ту-кюэ. Рѣка эта, въ теченіи своемъ на В., орошала страны западныхъ и большихъ Ши-вэй и отдѣляла обитавшихъ Ю. отъ нея *Мэну-ши-вэй* отъ обитавшихъ на С. отъ нея Лотань-ши-вэй. Далѣе къ В. принимала она рѣки Но и Ху-хань, составляя границу между сѣверными и южными Хэй-шуй и наконецъ впадала въ море.

(12) Schott älteste Nachrichten v. Mongolen u Tartaren въ пр. и р. 464.

(13) Объ У-хуань см. выше ст. 404.

Географическій элементъ этихъ древнейшихъ показаній о Мэнь-гу можно опредѣлить несомнѣнно. Озеро Кулунъ есть нынѣшній Кулунъ-норъ, иначе Далай-норъ, въ странѣ Халхасовъ. Въ него впадаетъ Кэрулэнъ, изъ нея течетъ Аргумъ, которой названіе не приведено въ Гуань-юй-ки; въ Танъ-шу она названа Ши-кянъ. Рѣка Но есть Нонь, дѣйствительно впадающая въ Амуръ, только черезъ посредство Кунъ-тунъ-кяна, состоящаго изъ сліянія Сунгарш съ Новью; р. Ху-ханъ есть вѣроятно Хулха, также впадающая въ Амуръ черезъ посредство того же Кунъ-тунъ Кяна. Далѣе Амуръ впадаетъ въ восточный океанъ. Стало быть племя Мэнь-гу, причисляемое древними китайскими историками къ Ши-вэй, уже съ VII или VIII в. обитало на Аргунѣ, т. е. въ нынѣшней хотя С.-В. Монголіи. Замѣтимъ что подъ Ши-вэйцами китайскіе историки разумѣли и тунгузскія, и монгольскія племена, отчасти смѣшавшіяся на своихъ границахъ, что доказывается тѣмъ что вѣроятные потомки ихъ—Дауры и Солоны, говорятъ смѣсю монгольскаго и маньчжурскаго языковъ. При этой смѣси тунгузскаго и монгольскаго элемента между такъ называемыми Ши-вэй были и совершенно монгольскія племена. Это доказывается показаніемъ исторіи сѣверныхъ дворовъ, въ которой сказано (14), что сѣверные Ши-вэй говорятъ языкомъ непонятнымъ, совершенно отличнымъ отъ языка южныхъ Ши-вэй. Такъ какъ южные Ши-вэй имѣли языкъ сродный съ Мохэскимъ, т. е. съ настоящимъ тунгузскимъ, и такъ какъ съ другой стороны китайцы были знакомы и съ туркскими и съ гаолискими языками, то совершенно непонятнымъ для нихъ въ то время могли быть только одни монгольскія нарѣчія. Стало быть эти сѣверные, или лучше сказать сѣверо-западные Ши-вэй были коренные Монголы, и вѣнigemъ ли мы нѣкотораго основанія полагать что племя *Мэнь-гу*, обязавшее издавна на р. Аргуни, т. е. принадлежащее къ самымъ западнымъ Шивэйскимъ племенамъ, было коренное монголь-

(14) О. Іакинва Собр. свѣд. о нар. ср. Азіи. Ч. II. ст. 36.

ское, также говорившее монгольскимъ нарѣчіемъ. Такъ какъ съ VII в. до временъ Гиньской династіи исторія упоминаетъ о немъ постоянно, и такъ какъ оно усиливается и дѣлается опаснымъ врагомъ Гиньской династіи, при которой, еще гораздо ранѣе Чингисъ-хана, мы встрѣчаемъ имя Мэнь-гу и на С.-В и на С.-З. Гиньскаго царства, то не имѣемъ ли основанія заключить, что изъ первобытнаго своего центра оно распространилось и на В. внизъ по Амуру до средняго его теченія, гдѣ его остатки, можетъ быть даже утратившіе свой родной языкъ въ долговременномъ общеніи съ тунгузскими племенами и донынѣ сохранили имя Мангунцевъ, и на З. къ верховьямъ Селенги, гдѣ Гиньская династія должна была содержать противъ него охранительныя гарнизоны. Очень можетъ быть что распространявшееся такимъ образомъ племя Мэнь-гу не составляло одного царства и что западные Мэнь-гу были независимы отъ восточныхъ, которые, какъ кажется, пріобрѣли ранѣе нѣкоторую гражданственность и составили организованное государство, опасное для Гиньской династіи.

Тэмучинъ же, коренной монголь, могъ происходить отъ тѣхъ же, по западныхъ Мэнь-гу (хотя вѣроятно не имѣлъ ничего общаго съ родомъ императоровъ восточныхъ Мэнь-гу), или по крайней мѣрѣ отъ племени съ ними очень сроднаго, и въ такомъ случаѣ избралъ для своей династіи имя Мэнгу или Монгуль, какъ имя сроднаго ему племени, наиболѣе прославившагося въ борьбѣ противъ враждебной и ненавистной ему Гиньской династіи⁽¹⁵⁾, что кажется намъ естественнымъ только въ такомъ случаѣ если Мэнь-гу были соплеменныя или сродныя съ его племенемъ. Однимъ словомъ, между племенами своего монгольскаго народа, Чингисъ-ханъ естественно выбралъ названіе самаго прославившагося, самаго страшнаго для своихъ враговъ и существовавшаго подъ этимъ именемъ съ VII вѣка.

(15) Ипотеаа о томъ что Тэмучинъ далъ своей династіи или царству имя прославившихся въ борьбѣ съ Гинями Мэнь-гу по ненависти къ Гиньской династіи принадлежитъ В. П. Васильеву. См. выше ст. 483.

За тѣмъ перейдемъ къ другому элементу монгольской націи — къ Тата, (иначе Татаръ, Татань, Да-да), и постараемся опредѣлить, сколь позволяетъ состояніе нашихъ свѣдѣній, отношеніе этихъ Тата къ монгольской и тунгузской народностямъ.

Исторія застаётъ уже въ X в. Та-та или Та-таней въ Инь-шанѣ, и Кидань-го-чжи упоминаетъ о нихъ при перечисленіи сосѣдей Киданьскаго царства на С.-З. Но какъ эти Та-та очутились въ Инь-шанѣ, на мѣсто древнихъ Хунну и туркскихъ племенъ? въ какое время произошло это замѣненіе? и кто были Та-та, вотъ вопросы еще очень затруднительные. Китайскіе историки согласны только въ томъ что Та-та были однимъ изъ трибовъ Мо-хэ, т. е. несомнѣнныхъ Миньчжуровъ, и что они проникли въ Инь-Шань изъ рѣчной области Амура. Шоттъ нашель⁽¹⁶⁾ объ этомъ переселеніи очень опредѣленный пассажъ въ Да-гинь-го-чжи, именно тамъ сказано: «предки ихъ (Та-таней) были одного происхожденія съ Нюй-чженями, потому что и тѣ и другіе происходили отъ Мо-хэ называвшихся также У-ги. Страны Мо-хэ начинались въ 6000 ли въ Чань-аня (Си-ань-фу) и продолжались на В. до моря. Они составляли 10 трибовъ: Хэй-шуй, Бо-шань и т. д. Бо-шань зависѣли прежде отъ Корейцевъ, остальные Бо-шань удалились въ Бо-хай. Только Хэй-шуй остались сильными и независимыми. Когда же государство Бо-хай сдѣлалось могущественнымъ *всѣ* Мо-хэ подчинились ему». Далѣе сказано: «Наконецъ Кидани разрушили царство Бо-хай и всѣ племена его разсѣялись. Тѣ которые осѣли на р. Кунъ-тунѣ (Сунгари) съ тѣхъ поръ приняли названіе Нюй-чженей, они были остатки Хэй-шуй Мо-хэ. Тѣ же, которыя осѣли въ Инь-шанѣ, назвали себя Та-та.»

Разрушеніе Бо-хайскаго царства произошло около 925 г., и этимъ опредѣляется эпоха миграціи Та-таней въ Инь-шань. На предъидущихъ страницахъ мы находимъ противурѣчіе этому въ

(16) Schott älteste Nachrichten üb. Mongolen u. Tartaren. въ пр. и р. 489.

приводимомъ Риттеромъ (см. выше стр. 612) показанія исторіи династіи Т'анъ, по которому уже въ 380 году Шатосскій (т. е. Туркскій) князь, бѣжавшій отъ двора Т'анскихъ императоровъ, въ Инь-шаня, нашелъ себѣ убѣжище у кочевавшихъ тамъ татарскихъ ордъ, но это противорѣчіе можетъ быть можно объяснить тѣмъ, что лѣтописецъ, писавшій исторію младшей династіи Т'анъ уже въ XI вѣкѣ, назвалъ здѣсь раг anticipation тогдашнихъ Шатосцевъ Туркского племени Татарами; какъ бы въ подтвержденіе тому далѣе въ той же исторіи сказано что этотъ Шатосскій князь напалъ на Китайскихъ мятежниковъ въ головѣ *вѣрныхъ Та-та* (см. выше стр. 642). Можетъ быть однакоже что передовыя Татанскія орды заняли Инь-шань уже и ранѣе IX в.

Но здѣсь мы приходимъ къ Гордіеву узлу исторіи происхожденія Монгольскихъ племенъ. Татани — трибы Мохэцевъ были слѣдовательно Маньчжуры: они пришли въ страну, въ которой властвовало когда-то финское племя (Хунну), а обитали Туркскія племена (Ту-кюэ, Ша-то); какимъ же образомъ позднѣйшіе трибы Та-та слѣдвались одноплеменны или сродны съ Чингисъ-Ханомъ и несомнѣнными Монголами, и даже остатки ихъ оказались Монголами, говорящими на Монгольскомъ языкѣ. Не имѣя притязанія распутать окончательно этотъ Гордіевъ узелъ, мы рѣшаемся только высказать наши догадки объ этомъ предметѣ. Въ запискахъ Мэнъ-хуна, Китайца жившаго при династіи Сунъ, во времена Чингисъ-Хана, т. е. въ началѣ XIII вѣка, переведенныхъ и сообщенныхъ мнѣ обязательно въ рукописи В. П. Васильевымъ, находятся слѣдующія свѣдѣнія о тогдашнихъ Та-та:

« Земля въ которой въ первый разъ являются Татары лежитъ на С.-З. отъ Кидашей, ихъ поколѣнія происходятъ отъ Шатосцевъ, и составляло особенный родъ, потому то и не было извѣстно при прежнихъ династіяхъ. Они раздѣляются на три вида: *черныхъ, бѣлыхъ и непокорныхъ*. Бѣлые татары болѣе красивой наружности, почтительны и вѣжливы, уважаютъ родителей, когда случится смерть отца или матери изрѣзываютъ

себѣ лицо и плачутъ. Я (Мэнь-хунъ), находясь между ними, и встрѣчая челоѣка недурной наружности, всегда получалъ на вопросъ: не бѣлый ли это татаринъ, утвердительный отвѣтъ. Они получили образование отъ захваченныхъ ими въ плѣнъ Китайскихъ мужчинъ и женщинъ, съ которыми вступали въ браки, и оттого въ обращеніи съ другими выказываютъ гуманность. Ихъ провинція управляется (нынѣ) Би-пси, дочерью Чингисъ-Хана — Татарскаго повелителя. Въ послѣднее время, при заключеніи трактата съ нашей Сунской династіей, вторымъ посланникомъ былъ Су-бу-ханъ, изъ бѣлыхъ Татаръ. Во время переговоровъ онъ никогда не обращался съ грубыми словами, былъ внимателенъ, вѣжливъ, благодаренъ за услуги и щедръ. *Непокорные* Татары весьма бѣдны, грубы и неспособны, только и умѣютъ что ѣздить на лошади въ свитѣ другихъ. Нынѣшній императоръ Чингисъ, его полководцы, министры и главнѣйшіе чиновники всѣ принадлежатъ къ *чернымъ Татарамъ*. Эти татары по большей части не великорослы; самый высокій челоѣкъ не выше 5 фут. и 2 или 3 дюйм., также нѣтъ между ними толстыхъ и жирныхъ; лице у нихъ широкое, плоское и четверугольное, съ выдавшимися скулами, глаза безъ верхнихъ рѣсницъ, волосъ на бородѣ и усахъ бываетъ весьма мало—ихъ наружность весьма отвратительна. Только нынѣшній Татарскій властитель Тэмучинъ огромнаго роста, съ широкимъ лбомъ и длинной бородой; онъ отличается мужествомъ.» (17).

Изъ этаго цитата, какъ кажется, съ достовѣрностью можно заключить, что подъ именемъ Татаръ или Та-та разумнѣе народы различныхъ и легко отличимыхъ между собою типовъ. Мы полагаемъ что подъ *непокорными* Татарами должно разумѣть тѣхъ Маньчжурскихъ пришельцевъ изъ рѣчной области Амура, о

(17) Далѣе мы встрѣчаемъ въ этихъ запискахъ очень интересное показаніе о Чингисъ-Ханѣ, что онъ будто бы въ малолѣтствѣ попалъ въ плѣнъ къ Гиньцамъ и девять лѣтъ провелъ въ неволѣ, а потомъ убѣжалъ, и что черезъ это онъ узналъ внутреннее состояніе Гиньскаго царства. «Это, говоритъ Мэнь-хунъ, челоѣкъ мужественный смѣлый, сообразительный онъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ, чтить небо и землю и весьма уважаетъ справедливость.»

которыхъ упоминаетъ Китайскія лѣтописи, подѣ черными, къ которымъ принадлежалъ и Чингисъ-Ханъ, коренныхъ Монголовъ, подѣ белыми — Туркскихъ аборигеновъ Инь-шаня. При этомъ предположеніи вся аномалія показаній одноплеменности Та-та съ одной стороны съ Маньчжурскими Мохэссцами, съ другой стороны — съ народами Монгольскаго племени и нарѣчія, исчезаетъ. Принесъ ли съ собою Мохэсскій трибъ., переселившійся въ XV вѣкѣ въ Инь-шань названіе Та-та уже прежде ему принадлежавшее, или заимствовалъ ли онъ его отъ какого нибудь Туркскаго или Монгольскаго триба прежде него обитавшаго въ Инь-шанѣ, мы не умѣемъ сказать утвердительно. Но что Та-та, заслонившіе собою отъ Китайцевъ другія племена, сообщили этимъ племенамъ, совершенно отъ нихъ различнымъ (какъ напр. Кэ-рэ или Кэрантамъ, Тайчжудъ и т. д., вѣроятно принадлежавшимъ къ Монгольской народной группѣ) свое имя не можетъ казаться намъ удивительнымъ. Но умѣемъ ли мы точно такого же примѣра въ такъ называемыхъ сѣверныхъ Ши-вэй, которые, будучи заслонены настоящими Тунгузскими Ши-вэй отъ Китайцевъ, были также называемы въ ихъ лѣтописяхъ Ши-вэйцами, не смотря на то что говорили совершенно различнымъ, непонятнымъ языкомъ, и слѣдовательно относились, по всему вѣроятію, какъ мы уже старались доказать выше, къ Монгольской народной группѣ. Дальнѣйшія изысканія объ этомъ столь важномъ для этнографіи Азіи вопросѣ предоставляемъ послѣдующимъ изслѣдователямъ, упоминаетъ здѣсь только мимоходомъ что корень слова Та-та, по свидѣтельству Шотта, встрѣчается и въ Монгольскомъ и въ Маньчжурскомъ, и въ Туркскомъ, даже въ Японскомъ языкахъ; только въ Маньчжурскомъ оно имѣетъ болѣе значеній и производныхъ словъ. Слово *Tatan* на этомъ послѣднемъ языкѣ означало прежде палатка⁽¹⁸⁾, но нынѣ не встрѣчается въ употребленіи.

(18) См. Schott Aelteste Nachrichten von Mongolen und Tataren въ up. и p. 472.

§ 25.

Изложеніе VIII. *Сѣверная дорога Монголовъ изъ страны Тен-дугъ или Эцинэ къ Кэрулэну, Толъ и въ Кара-корумъ.*

Такъ какъ мы уже достаточно изложили отношеніе восточной дороги черезъ нагорную Гоби изъ Нерчинска и на югъ отъ Хингана къ Пекину (см. выше ст. 296), также какъ и западной въ Туркестанъ, вдоль Сюэ-Шаня, черезъ яшмовыя ворота и Шачжеу—песчавый городъ, къ Лобъ-Нору, также какъ и въ Хами (см. ст. 549 и 569), то намъ остается здѣсь, на южной окраинѣ, сдѣлать только указаніе на *сѣверную дорогу* въ Монголію, именно отъ Ху-ху-хотоня въ Кара-корумъ или къ Толѣ и Селенгѣ. Дѣйствительно діагональная дорога черезъ эту самую нагорную Гоби изъ Пекина въ Кяхту, направленіе которой мы въ общихъ чертахъ уже означили выше, и о которой мы только и имѣемъ болѣе опредѣленные наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ, приведетъ насъ въ послѣдствіи вѣрнѣе отъ Алтая и русской Селенги въ средину каменистой степи, и познакомитъ съ природою и топографіею внутренности ея чѣмъ всѣ другія. Эта сѣверная дорога имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ, въ томъ отношеніи, что она представляла въ древнѣйшія эпохи еще важнѣйшій путь сообщенія для народовъ, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ степи на Сѣверѣ и Югѣ ея, потому что такъ какъ она служила прямѣйшимъ путемъ ордамъ въ сѣверн. столицу Чингисъ-Хана—Кара-корумъ, то изученіе ея Абелемъ Ремюза послужило въ новѣйшее время къ открытію положенія этой знаменитой столицы, которая была совершенно ошибочно означаема на всѣхъ картахъ и въ учебникахъ, и это открытіе значительно исправило картографію нагорья.

Изъ послѣднихъ вѣковъ имѣемъ мы объ этой сѣверной дорогѣ только описанія Іезуита Жербилона, который проѣхалъ отчасти по ней, съ первымъ неудачнымъ посольствомъ въ Нерчинскъ (1688 отъ 18 Іюня до 21 Іюля), именно до станціи На-

ратъ, а въ 1698 г. возвращался по ней съ другимъ императорскимъ посольствомъ съ верхней Толы и Карулэна. Если мы сначала послѣдуемъ за этимъ путешественникомъ, то уже послѣ того намъ легче будетъ ориентироваться на древнѣйшихъ путяхъ въ Холинъ или Кара-корумъ.

1) *Маршрутъ отъ Ху-ху-хотоня до станціи Наратъ* 45° 48' с. ш.) 83 геог. м. разстоянія (110 лье), по кратчайшему пути. Это разстояніе пат. Жербильонъ проѣхалъ въ 1688 г. отъ 18 Іюня до 21 Іюля, съ посольствомъ, въ сопровожденіи 400 всадниковъ; сущность его описанія состоитъ въ слѣдующемъ ⁽¹⁾.

Отъ города Ху-ху-хотоня дорога направляется къ С.-З по равнинѣ Кундулэнъ (тамъ есть также горы называемыя Кундулэнъ, но онѣ лежатъ гораздо далѣе къ Зап.), вдоль рѣчки, по уваламъ, и сухой почвѣ, на которой путешественники должны были раздѣлиться на три отряда, для того чтобы имѣть достаточно воды. Необозримыя равнины, черезъ которыя они проходили цѣлый мѣсяць, были очень пустынные, всегда сухи, кое гдѣ имѣли степную солонцоватую почву, и въ такомъ случаѣ превосходныя пастбища для выючныхъ животныхъ; онѣ были наполнены зайцами, тетеревами, фазанами, а гдѣ попадались небольшія озера — утками, гусями и т. д. Только раза два встрѣтились имъ монгольскія орды. На одномъ степномъ ручьѣ встрѣтили они множество газелей (желтыхъ козъ), также оленей и небольшой дичи, привлекающихъ въ сіи пустыни волковъ. Солончаки и пески перемежались съ каменистою почвою, кремнистыми и каменистыми степями. Въ послѣдній день Іюня вступили они въ равнины, въ которыхъ возвышалось множество тальковыхъ холмовъ, а между ними попадались холмы сыпучаго песку, на которыхъ нерѣдко расположены были палатки Халхасскихъ орды. Каждый день путешественники проходили отъ 60 до 80 лв (3 — 4 геогр. м.). Рѣдко попадалось вода; для водопоя выючныхъ животныхъ приходилось почти каждый ве-

(1) Gerbillon Voy. I. 1688. у Duhalde IV. p. 127—164.

черъ рыть колодезь. Съ 1-го Юля путешественники начали вступать ⁽²⁾ въ болѣе и болѣе бесплодную страну, почти повсемѣстно состоящую изъ спекшагося въ плотную, иногда же сыпучую, массу песку, на которой не произрастало ни одно дерево: кое-гдѣ попадались золотоцвѣтные блестяки или листочки слюды или талька, покрывавшіе почву на большихъ разстояніяхъ; тамъ гдѣ равнины были холмисты видно было множество мѣлкой дичи, въ многочисленныхъ стадахъ. Тамъ гдѣ разстилались песчаная равнины жаръ былъ нестерпимъ. Во впадинахъ холмистыхъ поверхностей появлялся кое-гдѣ кустарникъ, подобный лѣтнему кипарису (Belvedère), но съ гораздо твердѣйшими иглами; всѣ холмы были совершенно обнажены. На такихъ мѣстахъ поднимались столь многочисленныя стаи тетеревей, что Пат. Жербилюонъ сравниваетъ ихъ съ роями скворцевъ. Почва становилась все суше и должно было вырывать ямы отъ 3 до 4 ф., для того чтобы найти нѣкоторую сырость. Кормъ для скота былъ чрезвычайно скуденъ, но не смотря на то здѣсь кочевали еще халхасскія орды, съ своими лошадьми, коровами, овцами и верблюдами, разумѣется въ самомъ скудномъ и грустномъ состояніи, какое только можно себя вообразить: при большомъ дневномъ жарѣ вечеромъ случались иногда грозы, а при облачномъ небѣ утра иногда были холодны. Въ эти пустыни удалялись испуганныя халхасскія орды, съ своими князьями и ламами, потому что въ то время Галданъ Элютовъ угрожалъ имъ своимъ нападеніемъ. При всей грязи и при всемъ униженіи во время этого постыднаго отступленія братъ халхасскаго кахана сохранилъ однакоже столько гордости, что онъ велѣлъ сказать кятайскимъ посланникамъ ⁽³⁾, что какъ братъ кахана онъ не унизитъ себя приходомъ къ нимъ, но приглашаетъ ихъ въ свою войлочную юрту; которая впрочемъ была столь же грязна, какъ и юрта послѣдняго изъ его подданныхъ, и отлича-

(2) Ibid. p. 163.

(3) Ibid. p. 139.

лась только своею величиною. Кобылье, овечье, верблюжье, коровье молоко и чай съ полуподжареннымъ и высушеннымъ мясомъ были его кушаньями. 15 Юля дорога, которая до сихъ поръ шла нѣсколько восточнѣе, опять направилась къ С. С. З. по такой же почвѣ; по обѣимъ сторонамъ ея была навалены кости мертвыхъ животныхъ, очевидно павшихъ отъ жажды. 18 Юля въ первый разъ вся равнина показалась покрытою раскаленнымъ пескомъ, отъ котораго жаръ сдѣлался почти невыносимымъ, не смотря на то что вѣтеръ дулъ цѣлый день, перемѣняя направленіе съ суточнымъ движеніемъ солнца. На другой день 20 Юля путешественники какъ кажется перешли самую дурную часть Гоби: потому что достигли станціи Нарать, которая уже представляетъ снова пастбище и воду и образуетъ входъ въ долину Кэрулэна, Здѣсь застали посольство предписанія Императора изъ Пекина, пзвѣстившія ихъ объ открытіи войны элютовъ съ Халхассами, что и принудило посольство къ возвращенію. Отсюда ⁽⁴⁾ были посланы курьеры и депеши къ Московитамъ въ Нерчинскъ, о томъ что съѣздъ для заключенія пограничнаго трактата можетъ имѣть мѣсто только въ слѣдующемъ году.

Возвратный путь былъ совершенъ по болѣе краткой линіи въ 83 геогр. м. ⁽⁵⁾, и по нѣсколько болѣе проходимой почвѣ. На первый же день путешественники встрѣтили прекрасныя массы скалъ изъ сланца и бѣлаго мрамора, впоследствии же имъ встрѣчалось болѣе холмовъ сыпучаго песку чѣмъ на первоначальномъ пути; во всемъ же остальномъ они не встрѣтили никакого различія съ совершеннымъ уже путемъ, до тѣхъ поръ пока снова не достигли до Ху-ху-хотоня.

2) *Тотъ же самый путь отъ Кэрулэна къ Югу до Ху-ху-хотоня, съ опредѣленіями широты Пат. Жербылюномъ (1698; 10 ли ⁽⁶⁾) = 1 лье; 20 лье = 15 г. м. = 200 ли).*

(4) Ibid. p. 144.

(5) Ibid. p. 147.

(6) Gebillon Voy. VIII. (1698) у Du-Halde IV. p. 525—528.

Осьмое путешествіе Пат. Жербилона, 1698 г., совершенное имъ 10 лѣтъ спустя, по тому же пути, съ китайскимъ посольствомъ, по сдѣланнымъ имъ въ это время опредѣленіямъ широтъ, служить важнымъ и даже единственнымъ полезнымъ въ этомъ родѣ дополненіемъ для ориентаціи на этомъ плоскогоріи дополняющимъ и подкрѣпляющимъ все предъидущее. Вотъ его результаты.

Этотъ переходъ нагорной Гоби отъ р. Кэрулана, почти въ меридіанѣ Хуху-хотоня, до сего города, былъ совершенъ въ 25 дней пути, изъ коихъ только одинъ былъ днемъ роздыха, отъ 9 сентября до 2 октября 1698 г. Посольство 14 дней пребывало на верхнемъ Кэруланѣ, при Уланъ-ерги (Oulan-Ergui на д'Анвилевоу картѣ) и за тѣмъ пустилось въ путь 8 сентября. Первый дневной переходъ былъ въ 50 ли ($8\frac{3}{4}$ часовъ прямо къ Ю.); лагерь былъ разбитъ вечеромъ на плоскогоріи подъ $47^{\circ} 5'$ с. ш.

9 сентября 2-й переходъ, 68 ли (11 часовъ), по гладкой равнинѣ; лагерь $46^{\circ} 48'$ с. ш.

10 сентября 80 ли (12 ч.) $\frac{1}{4}$ Ю.-В., по ровной, каменной поверхности. Лагерь $46^{\circ} 29'$ с. ш.

11 сентября 53 ли ($8\frac{3}{4}$ ч.) западнѣе, по неровной степной скалистой поверхности, дурная вода; вечеромъ лагерь $46^{\circ} 14'$ с. ш.

12 сентября 80 ли (12 ч.), по неровной песчаной поверхности, много кустарниковъ, до станціи Наратъ $45^{\circ} 48'$ с. ш.; до сихъ поръ проникали путешественники во время 1-й поѣздки 9 іюля 1688 г.

13 сентября 60 ли (9 ч.), черезъ скалистыя и каменныя пространства и равнины до $45^{\circ} 34'$ с. ш.

14 сентября къ Ю.-В., дурная вода; лагерь при $45^{\circ} 11'$ с. ш.

15 сентября 58 ли ($9\frac{1}{4}$ ч.), гдѣ встрѣтился прекрасный бѣлый мраморъ и сланецъ до $44^{\circ} 58'$ с. ш.

16 сентября 54 ли ($8\frac{1}{2}$ ч.) къ Ю.-В. до $44^{\circ} 48'$ с. ш.

17 сентября 42 ли ($6\frac{1}{2}$ ч.), по ровной, твердой, каменной поверхности съ дурною водою.

18 сентября 57 ли (9 ч.), по совершенно ровной поверхности до $44^{\circ} 24'$ с. ш.

19 сентября 56 ли (9 ч.), через сыпучіе пески до $44^{\circ} 11'$ сѣв. шир.

20 сентября роздыхъ.

21 сентября 35 ли ($5\frac{1}{4}$ ч.), къ Ю.-В. по твердой почвѣ до $44^{\circ} 8'$ с. ш.

22 сентября 49 ли ($7\frac{1}{2}$ ч.), къ Ю.-В., до стойбища богатаго монгольскаго князя (Regulo), имѣвшаго 10000 лошадей.

23 сентября 44 ли ($6\frac{1}{4}$ ч.) черезъ пески.

24 сентября 88 ли ($12\frac{3}{4}$ ч.) къ Ю.-В., черезъ сыпучіе пески, вода дурная.

25 сентября 63 ли ($9\frac{1}{4}$ ч.) черезъ сыпучіе пески и каменные утесы, гдѣ попадалась хорошая вода; привалъ подь 43° с. ш.; здѣсь проходила старая граница Монголовъ, раздѣлявшая ихъ какъ китайскихъ подданныхъ, отъ сѣверныхъ ихъ сосѣдей, независимыхъ Халхасовъ.

26 сентября 70 ли ($10\frac{1}{2}$ ч.), по хорошей дорогѣ, черезъ холмы изъ твердаго песчанника къ Ю.-В.

27 сентября 98 ли ($14\frac{3}{4}$ ч.) по сухой почвѣ, мимо монгольскихъ палатокъ до $42^{\circ} 22'$ с. ш.

28 сентября 58 ли ($9\frac{1}{4}$ ч.) къ З., по твердой почвѣ, мимо монгольскихъ палатокъ; хорошая вода подь 42° с. ш.

29 сентября 71 ли ($10\frac{1}{2}$ ч.), черезъ твердый песчанникъ и дернъ къ Ю.-В.; подь $41^{\circ} 42'$ с. ш. остатокъ древнихъ развалинъ города.

30 сентября 65 ли ($9\frac{3}{4}$ ч.), по хорошей дорогѣ и песчаной почвѣ; лагерь на прѣсноводномъ ручьѣ $41^{\circ} 26'$ с. ш.

1 октября 67 ли (10 ч.), по твердой, ровной поверхности, подь конецъ по горнымъ долинамъ и черезъ высоты, поросшія кустарниками и малорослыми деревьями, гдѣ были расположены многія монгольскія кочевья, $41^{\circ} 7'$ с. ш.

2 октября 40 ли (6 ч.), между очень высокими горами къ Ю.-Ю.-В., очень крутыми и наполненными скалами, 25 ли ($2\frac{1}{4}$,

часа). Жербильтонъ говорить что они, вступивъ въ узкое ущелье, имѣли привалъ на вытекающемъ изъ него ручей, черезъ который они переходили взадъ и впередъ по крайней мѣрѣ 20 разъ. Оставивъ ущелье вышли они на ровную дорогу, ведущую черезъ равнину, въ которой расположенъ Хуху-хотонъ. Они нашли здѣсь множество фазановъ; вытекающій ручей направляется къ Ю.-З. Городъ въ который они вступили ночью, лежитъ подъ $40^{\circ} 49'$ с. ш.

3) *Западный путь западной китайской арміи, 1696 г., подъ главнымъ начальствомъ Фэй-янь-гу-бо противъ Галдана Элютовъ.* Въ это время какъ въ 1696 г. императоръ Канъ-хи велъ лично свою армію по болѣе восточной дорогѣ отъ Пекина по діагонали черезъ нагорную Гоби къ Кэрулэну, западная его армія, подъ начальствомъ китайскаго генерала Фэй-янь-гу была отряжена черезъ Хуху-хотонъ, по болѣе западной дорогѣ (7), черезъ степь къ р. Толѣ, для того чтобы зайти въ тылъ Галдану Элютовъ. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ объ этой дорогѣ никакихъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, кромѣ краткаго донесенія самаго генерала императору, который спрашивалъ генерала, какую лучше дорогу избрать для арміи, Побѣдоносный въ послѣдствіи главнокомандующій отвѣчалъ: отъ Хуху-хотоня существуютъ двѣ легчайшія дороги до страны Карунъ, т. е. къ срединѣ Гоби и верховьямъ Кэрулэна и Толы, до которыхъ простиралась въ то время китайская граница. За этою границею (Кару у Жербильтона, Карунъ у Майлла) начиналась страна сѣверныхъ независимыхъ Монголовъ Халхасовъ, которые прежде состояли подъ властію своихъ собственныхъ государей—кахановъ. Эта граница означена на д'Анвилевыхъ картахъ пунктированной линіею, проведенною черезъ средину Гоби къ С.-В. Въ китайскихъ лѣтописяхъ эта пограничная линія на пути императора Канъ-хи въ точности означена при привалѣ Судету (8), гдѣ

(7) Gerbillon Voy. V. 1696 у Du-Halde IV. p. 422; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 180—182.

(8) Mailla въ ир. с. p. 195, 196.

находятся каменъ съ надписью старой границы имперіи. Императоръ лично наблюдалъ здѣсь высоту полюса на пограничной линіи, посредствомъ хорошаго инструмента, и нацѣль ее на 5 полныхъ градусовъ сѣвернѣ Пекина, слѣдовательно нѣсколько за 45° с. ш., потому что уже въ предъидущій день пути въ Кодо (Kodo) отцы-иезуиты наблюдали высоту полюса въ 45° и нѣсколько шннуть. Этотъ пунктъ отстоитъ отъ воротъ Великой стѣны Ду-ши-к'эу (къ С.-З. отъ Гу-бэй-к'эу) на 60 г. м. (800ли), а отъ Пекина, лежащаго въ 32 г. м. далѣе, на 92 г. м. По измѣренію расстояние найдено въ 1250 ли, т. е. менѣе 93 г. м. Далѣе къ З. не было опредѣленій, а потому самому и на нашихъ картахъ не означена съ болѣею точностью граница, которую генераль Фей-янъ-гу называетъ пограничною странюю Карунъ. Одна дорога туда, по его донесенію, идетъ черезъ Мунай (Moupai, въ-роятно на З. отъ Инъ-шаня — Мона вблизи извилины Хуанъ-хэ, Мона-Хоша, см. выше стр. 520 и 618); на прохожденіе ея должно употребить 20 дней. Другая идетъ черезъ Кундулэнь (см. выше стр. 620) и однимъ днемъ пути короче предъидущей; это безспорно должна быть дорога, ведущая черезъ горный проходъ того же имени въ Инъ-шанѣ, лежащій далѣе на З. отъ Хуху-хотоня, и посылающій рѣку того же имени на Ю. къ Хуанъ-хэ, но совсѣмъ нетотъ пунктъ, который Жербилювъ въ нѣсколькихъ часахъ пути къ С. отъ этого города, называетъ именемъ равнины Кундулэна. На обѣихъ, говоритъ Фей-янъ-гу, находятся небольшіе ручьи, обильные водою, такъ что нѣтъ нужды выкапывать въ нихъ колодезь. Еще существуютъ двѣ дороги: одна черезъ мѣстечко Бургусунъ (Purhusun) или Хотонъ бургусунъ (Koton Purhusun); можетъ быть тоже что Бургассутай Кямунъ (Purhasutai Kiamen на д'Анв. картѣ?), длиною въ 13 дней пути, она имѣетъ 10—12 колодезь; другая черезъ Карпай-Шаханъ-Кутемъ (Karpai Shahan Kouteng), со столыними же колодцами, нѣсколько длиннѣе и заключаетъ въ себѣ 17 дней пути. На всѣхъ другихъ путяхъ нѣтъ воды, и колодцы, которые должно рыть на глубинѣ 26 ф., даютъ всегда дурную воду, напоенную пескомъ и иломъ. По

сему донесенію, которое разумѣется оставляетъ еще многое во мракѣ, но однакоже показываетъ что изъ страны Тендухъ существуетъ нѣсколько, хотя затруднительныхъ входовъ, ведущихъ черезъ Гоби за тогдашнюю пограничную полосу на С. въ Карунъ, императоръ отдалъ приказъ вырыть колодцы вездѣ, гдѣ ихъ не было, и потомъ уже привести армию въ движеніе. Это и было сдѣлаво, и какъ кажется одно отдѣленіе западной арміи, подъ начальствомъ Генерала Фэй-янь-гу пошло по одному изъ западныхъ путей, а по соседней съ нимъ дорогѣ, проходящей только въ 10 дней пути далѣе, направился командующій II-мъ, 10 тысячнымъ корпусомъ Генералъ Сунъ-пзы-К'э (Sunsse-khe) ⁽⁹⁾. Изъ этой западной арміи прибыло 6 Іюня въ Императорскій лагерь, на діагональномъ пути, извѣстіе, что она прибыла на В. отъ Хунъ-хина (Hon-hin) къ Сира-Халяссутаю (Sira-houlasoutai?) и приближалась къ р. Толъ, для преслѣдованія Галдана Элютовъ, надѣясь къ 3 іюлю прибыть въ странѣ Керэ-хосу (Kere-Hosu) на З. отъ горы Олакъ (Olak). Этотъ расчетъ оправдался; въ это время вся ширина нагорной Гоби, отъ Хуапъ-хэ до верхней Толы, по самой затруднительной и малоизвѣстной части ея распространенія, вѣроятно приблизительно въ меридіанѣ Нинъ-хя, была пройдена одновременно обоими западными корпусами арміи, между тѣмъ какъ самъ императоръ велъ восточную армию по діагональному пути изъ Пекина къ Карулэну. О семъ послѣднемъ переходѣ, участвовавшій въ немъ Пат. Жербильонъ оставилъ намъ поучительныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію западную армию не сопровождалъ ни одинъ Европеецъ, который бы могъ сообщить ея открытія. Жербильонъ ⁽¹⁰⁾, въ точности справлявшійся объ упомянутомъ маршѣ, узналъ только вообще, что путь, пройденный западною арміею, считался до сихъ поръ непроходимымъ для большихъ отрядовъ войскъ, потому-что на немъ нельзя было найти ни воды, ни

(9) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI p. 200, 202.

(10) Gerbillon Voy. V 1696. у Duhalde IV. p. 416, 422; Ibid. voy. VIII 1698. p. 316; Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI. p. 209.

корма, ни жителей. Должно было сдѣлать очень большіе обходы на З., армія оставила почти все свои багажи и понесла значительныя потери. Три мѣсяца шла она безъ настоящаго дыхания; вся кавалерія была сѣшена; сами офицеры должны были вести своихъ лошадей въ поводу. Наконецъ корпусъ арміи былъ 11 дней безъ риса и хлѣба, и только какимъ то чудомъ спаслось почти погибшее съ голода войско и все еще одержало славную побѣду надъ Элютскомъ Галданомъ на равнинахъ Таральги на р. Толѣ, вскорѣ по прибытіи его туда. Китайскій генералъ самъ сознавался, что счастье его состояло въ томъ, что Галданъ Элютовъ, отпуганный императорскимъ войскомъ съ Керулана, въ недоумѣніи отступилъ къ р. Толѣ и наткнулся съ слабымъ остаткомъ своихъ силъ, именно въ 8000 человекъ на западную армію, сокративъ ей такимъ образомъ путь. Нагнать же врага утомленные войска были бы совершенно не въ силахъ. Но при численномъ превосходствѣ своемъ они одержали совершенную побѣду надъ Элютами: 2000 враговъ остались на полѣ битвы и самъ Галданъ едва спасся бѣгствомъ въ степь съ 50 всадниками; лагерь его, стада, все имущество и семейство были добычею китайцевъ, и столь долго грозное царство Элютовъ исчезло изъ исторіи нагорной Азіи.

4) *Маршруты Чингисъ-Хана и М. Поло изъ Эцизиэ въ Каракорумъ въ 40 дней пути черезъ Гоби.*

Изъ исторіи войнъ Чингисъ-Хана узнаемъ мы поперечную дорогу черезъ самую дикую и пустынную часть нагорной Гоби, еще болѣе западную чѣмъ предъидущая, именно ту, которая въ меридіанѣ Каракорума (47° 32' с. ш.; 13° 21' в. д. отъ Пекина или 100° 47' в. д. отъ Пар.) ведетъ на Ю. Ю. З. къ Эцизиэ и западной оконечности Великой стѣны.

Зимой 1224 (11) завоеватель направилъ первый авангардъ своей арміи на Тангутъ, для завоеванія Нянъ-ха; страшная стужа не могла остановить его войскъ; онъ роздалъ своимъ воинамъ

(11) Petis de la Croix. Hist. de Genghizcan. p. 468.

въ походъ двойные овчинные тулумы и приказалъ накрывать лошадей войлоками. Царь Хя (Ниа) былъ такъ изумленъ этимъ появленіемъ войскъ, что Монголы уже до весны стали твердою ногою въ Эцзиэ (Azime), пограничномъ городѣ, который отстоялъ только на 12 большихъ дней пути отъ Гань-чжеу (Самрюю) — тогдашняго пребыванія его двора; Монгольская исторія повѣствуетъ ⁽¹²⁾, что тангутскій царь имѣлъ бурю собаку съ черной мордой, которая разными знаками предсказывала будущее; именно когда должна была открыться война она выла, въ мирное же время она лаяла, но такъ какъ Чингисъ-ханъ уже три года стремился къ войнѣ, то она выла въ теченіи трехъ лѣтъ и тогда, повѣствуетъ Цананъ, тангутскій царь подумалъ что его собака состарѣвшись потеряла даръ предвозвѣщенія, и предался, ко вреду своему, самой большой безпечности. Въ июнѣ 1225 г., потому что ранѣе тамъ не начинается хорошее время года, двинулся по той же дорогѣ въ Тангутъ самъ Чингисъ-ханъ съ 10 отдѣленіями своей 350000-ной арміи, и съ нею предпринялъ разрушенія царства Хя. Онъ двинулся изъ Монлистана (Кара-Корума), какъ Цананъ говоритъ опредѣлительно, черезъ хребетъ Хангай, гдѣ онъ еще забавлялся большою охотою и мимо горы Мона (см. стр. 512), слѣдовательно на Западъ мимо Нивъ-шаня. Черезъ нѣсколько недѣль войско пришло къ степи, черезъ которую ей предстояли 40 дней пути, потому что вѣроятно здѣсь не было ни одной проходимой дороги, которая бы вела прямо черезъ степь, и по совершеніи сего пути, достигло границы Тангута, гдѣ и обложило городъ Эцзиэ ⁽¹³⁾, немогшій представить никакого сопротивленія. Это мѣсто избралъ Каханъ въ теченіи сей войны своимъ мѣстопребываніемъ, и оттуда рассылалъ своихъ шпионовъ, до тѣхъ поръ пока ему самому не удалось проникнуть противъ врага къ Хуанъ-хэ разбить его войско, взять приступомъ Нивъ-яя, и положить конецъ царству Хя (Ниа, см. стр. 489). Кремъ сказанія Цанана ни китайскія,

(12) Seanang Seetzen Mongol. Gesch. p. 37.

(13) Croix въ пр. с. p. 477.

на монгольскія лѣтописи ⁽¹⁴⁾ не даютъ намъ точныхъ свѣдѣній о семъ пути. Пат. Гобиль называетъ сей городъ въ хронологіи династии Юань — Estiva ⁽¹⁵⁾ а Дегинь — Akashin ⁽¹⁶⁾, одна же составленная во времена владычества Монголовъ въ Китаѣ карта — Э-пина. М. Поло хвалитъ стада этого города, особенно же его верблюдовъ и также его правосланныхъ соколовъ. Жители — идиолокочиники, не занимаются торговлею, но городъ, принадлежащій Тувгуту, лежитъ на краю степи и путешественники бывають принуждены запастись здѣсь припасами на 40 дней. Дѣйствительно къ С. оттуда, на 40 дней пути, разстилается степь, въ которой нѣтъ ни одного жилища, и только лѣтомъ можно встрѣтить людей въ горахъ и долинахъ. Одна-коже въ этихъ пустыняхъ можно найти воду, хвойный лѣсъ (boschi di pini), дикихъ ословъ и множество дичи. Совершивъ 40 дней пути на конѣ, что объясняется необходимостью восточнаго обхода для большой арміи ⁽¹⁶⁾, путешествующій къ Сѣверу, прибываетъ въ городъ Кара-корумъ (Cagachogan). Этотъ городъ Эциниэ (Yetsine) лежитъ, какъ мы знаемъ изъ Кит. Государ. Геогр. ⁽¹⁷⁾, внѣ Великой стѣны на рѣкѣ того же имени (Эциниэ-бира, или также Кундулэнь у д'Анв.), которая на С. къ Гоби имѣетъ очень малое паденіе и теряется въ степномъ озерѣ. Въ настоящее время сдѣлались тамъ конечно туземными орды номадовъ со времени разрушенія царства Элютовъ. Элюты-Чоросы отдѣлившаяся отъ него вѣтвь, подъ начальствомъ своего князя Батуру-Черось ^(*), поссорившагося съ Галданомъ, бѣжала тогда ⁽²⁰⁾ на китайскую границу и впростили себѣ мѣсто для во-

(14) Mailla Hist. gén. de la Chine T. IX. p. 116; Ssanang Ssetsen p. 97.

(15) Gaubil Abregé chronol. въ Souciet. Observat. mathematiques etc. 4. Paris 1729. p. 191.

(16) Deguignes Gesch. der Hunnen T. III. p. 73.

(17) Marco Polo y Ramusio H. c. 40. fol. 13; ed. Marsden ch. 41. p. 186; ed. Müller c. 50. p. 43.

(18) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Kara-Korum p. 57.

(19) Tai-Thsing-Y-Thoung-Tschy въ Timkowsky Voyages II. p. 279, 222.

(*) У Риттера ошибочно Paturu-Thorum. — Пр. Пер.

(20) Gerbillon Voy. VIII. 1697 y Du Halde IV. p. 470.

селения у императора Кань-хи. Это мѣсто было имъ указано за предѣлами Нинь-хя и Гань-чжеу въ странахъ Халчжань-бургутъ (Kaldjan-Bourgout), Хонгорь-олень (Khongor-Olon), Баянь-нуру (Bayan-Nuru) и въ песчаной степи, называемой Албай-галбай-гоби (Albai-Galbai-Gobi), распространяющейся отъ лѣсистога хребта Ала-шаня къ З. до р. Эцзинэ. Эта страна принадлежала Халхассамъ, но была ими оставлена въ то время когда они были угрожаемы нападеніями Элютовъ. Колонизація была позволена Чоросамъ, подъ условіемъ чтобы они не приближались къ китайской границѣ болѣе чѣмъ на 60 ли (9 часовъ). Въ 1697 году испросили они себѣ у китайскаго императора, чтобы, по примѣру другихъ 49 монгольскихъ племенъ, у нихъ также были поставлены начальники, съ наслѣдственными достоинствами (Бейлэ, т. е. Regulo) и чтобы они были раздѣлены на хоругви. Эта просьба ихъ была выполнена; въ продолженіи послѣдующей истребительной войны съ Элютами 1757 число ихъ значительно уменьшилось⁽²¹⁾, однакоже, по показанію Китайск. Госуд. Геогр., они составляютъ еще 3 хоругви и ночуютъ къ З. отъ 360 упомянутыхъ проходовъ въ стѣнѣ, на обширной степной поверхности Гоби, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ степь эта осталась чрезвычайно дивною и пустынною и наименѣе извѣстною.

5) *Древнѣйшіе маршруты времени династій Тань отъ Пи-лутая (Piloutai) на Хуань-Хэ до Кара-корума.*

Это суть тѣ самые маршруты, относящіеся къ древнѣйшимъ временамъ династій Тань (618—968), которые Аб. Ремюза въ своемъ необыкновенно поучительномъ сочиненіи⁽²²⁾, критически разсмотрѣлъ въ оригиналахъ, и воспользовался ими для исправленія прежняго мнѣнія относительно положенія Каракорума, который былъ нанесенъ ошибочно на всѣ карты, и внесенъ въ исторію нагорной Азіи, по ложному истолкованію тѣхъ же

(21) Mailla Hist. gén. de la Chine T. XI, p. 51.

(22) Ab. Remusat Recherches sur la ville de Karokorum avec éclaircissements etc. Paris 1825. въ Мém. sur plus questions relatives à la géographie de l'Asie Centrale p. 1 — 58, съ Carte du grand Désert et des pays voisins tirée du Souhou khian-lou.

самыхъ путешествій, Деганемъ ⁽²³⁾ и Д'Анвилемъ. Мы приводимъ здѣсь только факты путешествій, потому что результаты ихъ относительно положенія Каракорума, могутъ найти мѣсто только далѣе при изложеніи географіи рѣчныхъ областей верхней Толы и Орхона. Здѣсь упомянемъ только, что Д'Анвиль на своихъ картахъ означаетъ гипотетически положеніе Кара-корума подѣ 44° с. ш., 104 в. д. отъ Пар. (124° в. д. отъ Ферро), близъ степнаго озера Кураганъ-уланъ-нора (Khurogan-ulan-nor; Courghanu D'an v.), въ которое впадаетъ степной ручей Онгинъ (Ongin Riga D'am.), послѣ 50 Г. м. теченія, но которое, по свидѣтельству Кит. Гос. географіи ⁽²⁴⁾, лежитъ только въ 60 геогр. м. (800 м.) разстоянія отъ страны Ордосъ. Оба дорожника, сообщаемые исторіею династіи Танъ (Than-Shu lib. XLIII part. 2, p. 17), идутъ съ Ю.; одинъ отъ пограничной крѣпости Пилутай (Pildjouthai по Клапроту) на Хуанъ-хэ, древняго сторожеваго города, о которомъ мы говорили выше. Другой (Than-Shu lib. XL p. 7) отъ города Ганъ-чжеу, съ положеніе котораго на западной оконечности Великой стѣны мы уже ознакомились. Первый соответствуетъ слѣдовательно, по положеніи, пути, принятому китайскимъ генераломъ Фэй-ян-гу противъ Гаддана Елютовъ, второй вѣроятно очень мало уклоняется отъ Чингисъ-Ханова маршрута.

а) *Дорожникъ отъ Пи-лу-т'ая къ Каракоруму* ⁽²⁵⁾.

Путь, ведущій отъ города Пи-лу-Тая (или Шеу-Кянъ-чэнъ) въ странѣ Хой-ху (т. е. Турковъ, тогдашнихъ владетелей Каракорума), представляетъ слѣдующее: 1) отъ Пи-лу-тая должно идти къ С.-С.-В. и С.-В. 80 ли (6 г. м.). 2) За тѣмъ придешь къ долинѣ Ту-янь (Thu-yan), при южномъ входѣ въ которую расположена деревянная палисада того же имени; при сѣв. же выходѣ изъ нея находится другая — Гуй-т'анъ (т. е. подчиненная имперіи). Эта

(23) 584, Dequignes Geschichte der Hunnen Th. I. p. 61 etc.

(24) Timkowsky Voy II, p. 238.

(25) Ab. Remusat Rech. sur la ville de Karakorum p. 11

дорога проходит для экипажей. 3) За тѣмъ вступаешь въ территорию пограничнаго коменданта, которому поручены дѣла Хой-ху. Пройдя 500 ли (27—28 Г. м.) достигаешь восточника Биде (Pi-té) и 10 ли (милю) дальѣ вступаешь въ степь. 4) За тѣмъ должно перейти черезъ горы Кя-лу (Kia-loc, т. е. Олень, и Лань-эрль (Lan eul, т. е. оленье ухо) и черезъ гору Цзунка (Tstukia), и достигнешь, по переходѣ 800 ли (60 г. м.), колодезя Шань-янь-цзы (т. е. горной ласточки). За тѣмъ должно слѣдовать къ С.-В. черезъ гору Мису (Misu), мимо лагуны Та-тань и Ё-на (Ye-na, т. е. дикая лошадь), при источникѣ К'у-хань (Kuo-han) черезъ вѣкъ Хунь (Houng), и наконецъ, по переходѣ 700 ли (52½ г. м.), достигнешь столицы Хой-ху—Холниа (Киракоруна). Пи-лу-тай лежитъ подь 40° 37' 12" с. ш. и 7° з. д. отъ Пек. (200 кит. ли = 1° экватора; или 15 г. м. = 20 лье, 10 ли = 1 морс. м. т. е. ¾ г. м. или 1½ часамъ). Отъ Пи-лутая слѣдовательно Каракорумъ, посему пути, отстоитъ на 2090 ли (204½ лье) или 153½ Г. м.

Но тотъ же самый путь, который до источника Биди составляетъ 580 ли, можетъ быть нѣсколько сокращенъ, именно прямо къ С., мимо города Гунь-чжу (Koung Tchi, т. е. городъ нягичи), черезъ городъ Мэй-Кянь (Mei-Kjan, т. е. красный соленый языкъ) черезъ р. Хуань-и (Hoen y), черезъ гору Лумынь (Lu-shen, т. е. заслонка у печи) и вѣкъ Му-чжу (Mu-Tchi, т. е. деревянный свѣчникъ), такъ что по переходѣ 1500 м. также можно достигнуть до столицы. На этомъ пути нѣкое разстоянiе составляетъ 2080 ли или всего только однимъ добрымъ часомъ меньше вышеупомянутаго. Оба идутъ слѣдовательно до источника Биди (Биди-цзюань у Дегиня, Pi-ti-tseun у Висделу)⁽²⁶⁾, лежащаго при входѣ въ каменистую степь по одной дорогѣ но за нимъ уже болѣе чѣмъ на двойное разстоянiе къ С.

Еще другой дорожникъ⁽²⁷⁾, составленный при отправленiи Киргизскихъ посольствъ въ 755 г. въ Тянь-дэ, под-

(26) Videlou. Supplément p. 79.

(27) Ab. Remusat Rech. s. la ville de Karakorum p. 32.

тверждаетъ упомянутыя свидѣнія въ ихъ сущности. Поездъ, сказано такъ, употребилъ 40 дней пути: на верблюдахъ. Отъ Тянь-де слѣдовало оно 200 ли (15 г. м.) вправо, за тѣмъ къ С. запад. шеу-кава 300 ли 22½ г. м.) къ источнику Би-ди. Оттуда до столицы Хой-ху считается 1500 ли (113 г. м.) и эта дорога проходима для экипажей. Источникомъ сей былъ въ упомянутое время свѣтонецъ, какъ сборное мѣсто Китайскихъ и Татарскихъ войскъ, при входѣ въ степь. Китайскій импер. Тай-паунъ, для поддержанія дружественныхъ сношеній съ Хой-ху, какъ гласитъ исторія, учредилъ къ С. отъ сего источника Би-ди 63 станціи для эстафеты. Китайскія станціи обыкновенно накладываются на разстояніи 40 ли, рѣдко болѣе 70 (36½ г. м.). Эти станціи безспорно простарались отъ границъ Китайской имперіи до лагеря орды Хана Хой-ху. Если каждая простиралась даже на 3 г. м., то разстояніе должно бы быть въ 204 г. м. (2720 ли); по крайней мѣрѣ ширина степи за которою расположена степица Холннъ (Каракорумъ), составляетъ начиная отъ Китайской стѣны, 8. градусовъ ширины (105 г. м.), не считая всѣхъ извилинъ пути, что необходимо требуетъ еще болѣе Сѣвернаго положенія. Мѣстность около источника Би-ди была сдѣлана складочнымъ мѣстомъ и главною ставцею, гдѣ путешественники во всякомъ случаѣ могли останавливаться на нѣкоторое время до прохожденія степи.

б) *Дорожники отъ Гань-чжеу съ Каракорума* ⁽²⁸⁾.

О пути отъ Китайской стѣны до Гань-чжеу (39° с. ш.; 15° 32½ Э. д. отъ Пекина) и тамошняго входа при Шань-танъ (Shan-tan), на степной рѣкѣ Чанъ-ги (Tchang-ki), въ степь Гоби къ С. было уже говорено выше (см. стр. 593). А потому здѣсь излагаемъ мы только продолженіе этаго пути. Последняя степная рѣка, сказано въ дорожникѣ, течетъ къ В. и дѣлаетъ большую извилину. Оттуда 1000 ли (100 ли) или 75 г. м. къ С.-В. находится лагерь Нинъ-в'эу, котораго комендантъ, бывшій на-

(28) Ab. Remusat. Rech. s. l. v. de Karakorum p. 21.

чальникъ города Шань-тана, поставленъ туда только съ 743 г. по Р. Хр.; къ С.-В. отсюда лежитъ Кюй-янь (Kin-Yan). Къ С. отъ этого степнаго озера Кюй-янь въ 300 ли или 22—23 г. м. идетъ укрѣпленный горный проходъ. черезъ горы онъ называется Хуа-мынь (Hua-shen), а 1000 ли (100 лье) или 75 г. м. отсюда къ С.-В. лежитъ Каракорумъ, столица Хой-ху. Циркуль, какъ замѣчаютъ очень справедливо Аб. Ремюза, показываетъ соотвѣтственность этого втораго дорожника, ведущаго отъ верховьевъ Эцзинъ-бира черезъ степь Гоби Блютъ-Чоросовъ, съ первымъ. Но такъ какъ эта мѣстность осталась неносѣщенною Іезуитскими миссіонерами, то очень трудно опредѣлить мѣста, находящіяся между этимъ начальнымъ и конечнымъ пунктомъ. Но озеро Кюй-юань падаетъ, по даннымъ разстояніямъ, почти туда, гдѣ д'Анвилъ (на Кураханъ-уланъ-норѣ) ставитъ свой Каракорумъ, между тѣмъ какъ отсюда должно еще пройти 1300 ли (130 лье) или 97½ г. м., для того чтобы достигнуть дѣйствительно до древней столицы Монголовъ—Кара-корумъ. Прежнее опредѣленіе ея положенія у д'Анв. подъ 44° с. ш., следовательно очевидно ошибочно, и разстояніе естественно вдвое болѣе до р. Орхона, гдѣ мы должны искать его, вмѣстѣ съ Аб. Ремюза, какъ то ясно будетъ изъ послѣдующихъ розысканій, къ которымъ мы перейдемъ, также какъ и къ сѣверной крайней нагорной Азии, исчерпавъ здѣсь, во сколько простирались наши свѣдѣнія, вполне какъ намъ кажется для нынѣшняго состоянія науки, и достаточно для настоящей ея потребности, всѣ доступные намъ источники.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ.

СОЧИНЕНІЙ И СТАТЕЙ, СЛУЖИВШИХЪ МАТЕРЬЯЛАМИ ДЛЯ ДОПОЛНЕНІЙ
ПЕРЕВОДЧИКА КЪ I-МУ ТОМУ ПЕРЕВОДА РИТТЕРОВОЙ АЗИИ.

1811.

- 1) *Pallas Zoographia rosso-asiatica*. Petrop. 1811. 4. 3 vol.

1828.

- 2) *Лакинѳа Записки о Монголіи*. С. П. Б. 8. 1828. 2 части.

1829.

- 3) *Лакинѳа Исторія первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисова*. С. П. Б. 1829. 8. 1 часть.

1834.

- 4) *Gützlaff Journal of three voyages along the coast of China in 1831—33*. Lond. 8. 1834. 1 vol.

1835.

- 5) *Nagel Ueber die Küstengestaltung der Erdtheile въ Berghaus Annalen der Erdkunde*. Bd. II. p. 430—497.

- 6) *Fuss Geographische, magnetische und hypsometrische Bestimmungen abgeleitet aus Beobachtungen auf einer Reise in 1830—32 nach Sibirien und dem chinesischen Reiche въ Mém. de l'Acad. de St. Pétersb. VI. Ser. T. III. lib. 1.*

1836.

- 7) *Lenz Bemerkungen über das sogenannte Stationsnivellement mittelst des Barometers*. Bullet. de l'Acad. Impér. de St. Pétersb. T. I. p. 51—53.

- 8) *Ab. Remusat Foo-Koue-Ki ou relation des royaumes Bondchirques*. Paris. 4. 1836. 1 vol.

1837.

9) *Neuman* Asiatische Studien. Leips. 1837. 8. 1 Bd.

1838.

10) *Göbel* Reise in den Steppen des südlichen Russlands. Dorpat. 1838. 4. 2 vol.

11) *Imbert* Lettre въ Annales de la propagat. de la foi T. XI. p. 356 etc.

12) *Maubant* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XI. p. 342 etc.

13) *Huc* Lettre въ Ann. d. les prop. de la foi. T. XI. p. 790 etc.

14) *Mouly* Lettre въ Ann. d. la prop. de la foi. T. XI. p. 42 etc.

15) *Кованько* Географическій очеркъ окрестностей Пекина. Горный журналъ за 1838 г. кн. 2.

1839.

16) *Pauthier* Chine, ou description historique, géographique et littéraire etc. Paris, 1839. 8. 1 vol.

17) *Prichard* on the ethnography of High Asia въ Journal of the Royal Geogr. Soc. in London. Vol. IX. p. 192 — 211.

1840.

18) *Gabet* Let. въ Ann. de la prop. d. l. foi T. XIII. p. 50 etc.

1842.

19) *Biot Ed.* Dictionnaire des noms anciens et modernes des villes et arrondissements de l'Empire Chinois. Paris. 8. 1842. 1 vol.

20) *Иакинѳа* Статистическое описаніе Китайской Имперіи. С. П. Б. 8. 1842. 2 части.

1843.

21) *Brugnière* Lettre въ Ann. d. l. prop d. l. foi. T. XV. p. 329 etc.

22) *Meyer* Ueber den Ginschen въ Bullet de la class. phys. math. de l'Ac. Imp. des scienc. à St. Petersb. T. I. 1843. № 22.

1844.

23) *A. v. Humboldt* Central-Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie übers. nebst Zusätze v. Mahlmann. Berlin. 1844. 8. 2 Bde. (ор. опр. въ 1843 г.).

24) *Verolles* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 138 etc.

25) *Bruguère* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XVI. p. 357. etc.

26) *Ferrol* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi T. XVI. p. 166.

27) *De la Brunière* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVI. p. 126. etc.

1845.

28) *Huc* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVII p. 369.

1846.

29) *Kimai-kim* diaere coreen. Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XVIII. p. 286 etc.

1847.

30) *Lyell* Priinciples of geology, or modern changes of the earth and its inhabitants 7th edition. Lond. 1847. 8. 1 vol.

31) *Roon* Gründzüge der Erd-, Völker und Staatenkunde Berl. 8. 1847.

32) *Gützlaff* Geschichte des chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking. Stuttg. und Tübing. 1848. 8. 1 Band.

32) *Schott* älteste Nachrichten über Mongolen und Tataren въ Abhandl. der Königl. Acad. Wissenschaft in Berlin für 1845. p. 415 — 473.

34) *Maistre* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XIX. p. 245 etc.

1848.

35) *De la Brunière* Lettre des bords de l'Ousouri въ Ann. de la prop. de la foi. T. XX. p. 208 etc.

36) *Vivien de St. Martin* sur les Huns въ Nouvelles Annales de voyages. Vme serie. 4me année. Paris. Decembre.

37) *Palmer* Memoir on the present state of Mantschuria New. Yorck. 8. 1848.

1849.

38) *A. v. Humboldt* Ansichten der 3te Natur. Ausg. Stuttg. klein 8. 1849. 2 Bänd.

39) *Maxime* Lettre въ Ann. de la foi. T. XXI. p. 263.

40) *Vivien de St. Martin* Sur les Huns blancs ou Epthalites въ Nouv. Ann. de Voyages Vme serie 5me année. Juillet, Août, Septembre.

41) *Schott* über das altaische oder finnisch-tatarische Sprachengeschlecht въ Abhandl. der Königl. Acad. d. Wissensch. in Berlin für 1847. p. 281 — 427. 4.

1850.

42) *Berghaus* Physikalischer Atlas. folio. Gotha.

43) *Huc* Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine en 1844—46. Paris 8. 1850. 2 vol. 2de edit. 1850.

44) *Verolles* Lettre въ Ann. de la prop. de la foi. T. XXII. p. 52 etc.

45) *Палладія Каэарова* о торговыхъ путяхъ по Китаю и подвластнымъ ему владѣніямъ въ Запискахъ Импер. Русскаго Географическаго Общества. Кн. IV. стр. 229—260.

1851.

46) *Combelles* Let. въ Ann. d. l. prop. d. l. foi. T. XXIII. p. 51 etc.

47) *Іакинѳа* Собраніе свѣдѣній о народахъ обитавшихъ въ Средней Азій въ древнія времена. С. П. Б. 1851. 8. 2 части.

48) *Ritter* Ueber räumliche Anordnungen auf der Aussenseite des Erdballs und ihre Functionen im Entwicklungsgange der Geschichten, vorgetrag. am 1 Apr. 1851. въ Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie. Berlin 8. broch. 1852.

1852.

49) *Williams* Das Reich d. Mitte übers. v. Collman. Cassel 8. 1852. 2 Bde.

50) *Dove* Die Verbreitung der Wärme auf der Oberfläche der Erde. Berl. 4. 1852. 1 Bd.

51) *Venault* Excursions dans les parties intérieures de la Mandchourie en 1850 въ Нов. Ann. de Voyages pour 1852. Mai.

1853.

52) *Горскаго* Начало и первая дѣла Маньчжурскаго дома въ Трудахъ членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ. Т. I. С. П. Б: стр. 1—189.

53) *Горскаго* О происхожденіи родоначальника нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи Да-цинъ и имени народа Маньчжу въ Тр. чл. рус. м. въ Пек. Т. I. стр. 190—247.

54) *Влангали* Геогностическая поѣздка въ восточную часть Киргизской степи въ 1849 и 51 годахъ. С. П. Б. 8. 1853. 2 час.

55) *Stan. Julien* Histoire de la vie de Hiouen-Tsang et de ses voyages dans l'Inde etc. Paris. 8. 1853.

1855.

56) *Васильева* О существованіи огнедышащей горы въ Маньчжуріи. Вѣстникъ Имп. Русс. Геог. Общ. за 1855 г. Кн. V.

57) *Семенова* о физико-географическихъ отношеніяхъ рѣчной области Амура. Вѣстн. Имп. Русс. Геог. Общ. за 1855 г. Кн. VI.

58) *Baer* Kaspische Studien Bullet. de la classe physic. mathém. de l'Acad. Imp. des scienc. de St. Pétersb. Т. XIII № 13, 14, 20, 21 и Т. XIV. р. 1, 2, 3.

59) *Castren* Reiseberichte aus den Jahren 1845 — 49. Herausgeg. v. Ant. Schiefner. St. Petersb. 1856. 8. 1 Bd.

60) *Васильева* В. П. рукописныя статьи: 1) объ исторіи Ляоской и Гиньской династіи, 2) о Нингутѣ, 3) о Татарахъ и Монголахъ, 4) о Тибетѣ, 5) извлеченіе изъ географіи обл. Чанъ-дэфу.

Карты:

1) *D'Anville* Nouvel Atlas de la Chine, de la Tartarie et du Thibet etc. La Haye. fol. 1737.

2) *Klaproth* Carte de l'Asie Centrale dressée d'apres les cartes levées par ordre de l'Emper. Khian-Loung par les Mission. de Peking. Paris. 1836.

3) *Grimm* Atlas von Asien zu K. Ritters allgemeinen Erdkunde. Berlin. 1-ste Liefer. 1833. 2-te, 1840.

- 4) *Dufour* Carte de la Chine et des états tributaires. Paris 1840.
- 5) *Klaproth* Carte de la Chine dressée d'après les matériaux chinois les plus authentiques. Pecht. Paris 1842.
- 6) *Лакинча* пяти листовая карта къ статистическому описанию Китайской Имперіи. 1842.
- 8) *Лакинча* Карта къ исторіи народовъ обитающихъ въ Средней Азии въ древнѣйшія времена. 1851.
- 7) *Berghaus* Karte v. China und Japan den Manen d'Anvilles und Klaproths gewidmet 1843.
- 9) *Andrieux Goujon* Carte de l'Empire Chinois et de Japon. Paris 1851.
- 10) *Kiepert* Karte v. Asien. Verlag des geographischen Instituts. 1854. etc. etc.